Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

1.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

Указатель историческихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ 1894 года не-историческихъ.

Аскоченскій И. Разсказы изъ исторіи духовнаго просвѣщенія Руси. „Воронежскія Еп. Вѣд," №№ 20, 22.

Викулъ П. Кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій (1620 — 1631). „Подольскія Еп. Вѣд." №№ 24—28.

Гедевскій А. Іерархическое положеніе владыкъ Новгородскихъ: отличія, въ различное время предоставленныя имъ. „Новгородскія Еп. Вѣд." № 19.

Гедиминъ В. Наше отечество 700 лѣтъ тому назадъ. „Псковскія Еп. Вѣд." № 7.

Е. Н. О Соловецкихъ библіотекахъ, какъ источникахъ для исторіи Архангельской епархіи. „Архангельскія Еп. Вѣд." № 21.

Жудро Ѳ. Предложенія преосвященнаго Георгія Конисскаго Могилевской Дух. Консисторіи, въ 1773 и 1774 гг. „Могилевскія Еп. Вѣд." №№ 31—33.

Лебедевъ Е. Учрежденіе Псковской епархіи. „Псковскія Еп. Вѣд." № 11.

Масловскій В. Мѣры къ исправленію народной вѣры и нравственности при Петрѣ Великомъ. „Пензенскія Еп. Вѣд." № 19.

Н. Я. О митрополитѣ Литовскомъ Іосифѣ Сѣмашко и возсоединеніи уніатовъ въ 1839 году. „Подольскія Еп. Вѣд." № 21.

Орловскій П. Исключеніе изъ титула митрополитовъ Кіевскихъ словъ „митрополитъ всея Малыя Россіи". „Кіевскія Еп. Вѣд." № 18.

Поповъ А. Леонтіевская церковь въ г. Устюгѣ. „Вологодскія Еп. Вѣд." № 21.

Рункевичъ С. Г. Епархіальное управленіе православными монастырями и церквами нынѣшней Литовской епархіи до учрежденія православной Литовской каѳедры. „Литовскія Еп. В." № 42.

Рункевичъ С. Г. Матеріалы для исторіи Минской епархіи. „Минскія Еп. Вѣд." № 21.

С—цкій І. І. Краткая историческая замѣтка о селѣ Зиновинцахъ, Литинскаго уѣзда, Подольской губ. „Волынскія Еп. Вѣд." № 30.

Соколовъ Н. Историко-статистическое описаніе Краснослободскаго Троицкаго собора (1627 — 1894 гг.). „Пензенскія Еп. Вѣд." №№ 17—19.

Стадницкій А. Архимандритъ Андроникъ, игуменъ Ново-Нямецкаго Св.-Вознесенскаго монастыря въ Бессарабіи. „Кишиневскія Еп. Вѣд." №№ 17—20.

Стеллецій Н. Странствующій Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. „Кіевскія Еп. Вѣд." № 20.

Сулинъ И. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. „Донскія Еп. Вѣд." №№ 18—20.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1895.

I.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книгѣ — общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

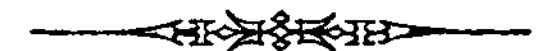
Петромъ Бартеневымъ.

Только кòренью основанію крѣпко, то и древо неподвижно. Только кòренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окружная грамота Москвы въ 1612 году.

1895.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

ДЬЯКЪ ѲЕДОРЪ КУРИЦЫНЪ.

Государствованіе Ивана III составило эпоху въ исторіи Русскаго народа. Правленіе его было временемъ объединенія и независимости Русской державы, и дало ей возможность обратиться къ своему внутреннему самоусовершенствованію; Иванъ Васильевичъ рѣшилъ разорвать оковы вѣковыхъ Московскихъ преданій, выбраться на новую дорогу и вывести на нее Русскій народъ. Это сознаніе недостаточности прежнихъ жизненныхъ основъ, слѣдствіе могучаго ума Московскаго государя, уяснилось особенно со времени вступленія его въ бракъ съ Софьей Ѳоминичной, которая первая открыла глаза своему супругу на Западъ и побудила его войти въ болѣе или менѣе близкія сношенія съ Европейскими государствами и завести, по мѣрѣ возможности, и у себя то, чтò онъ узналъ у нихъ хорошаго: лучшее войско, искусства разнаго рода, и проч.; или, говоря, словами историка Россіи за это время, «издыхающая Греція отказываетъ остатки своего древняго величія, Италія даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ, Москва украшается великолѣпными зданіями, земля открываетъ свои нѣдра» и предлагаетъ «извлекать изъ оныхъ металлы драгоцѣнные»[1]). Новая жизнь требовала и новой дѣятельности, для которой въ большинствѣ своемъ боярское сословіе уже оказывалось недостаточнымъ; теперь требовались люди не одной только высокой породы, а люди труда, ума, дарованій. Иванъ Васильевичъ умѣлъ находить нужныхъ для себя людей, вѣрныхъ слугъ и талантливыхъ исполнителей своей воли. Великокняжескій столъ, кромѣ родовитаго боярства, окруженъ при немъ рядомъ лицъ, которыя выдвинулись впередъ, благодаря личнымъ своимъ достоинствамъ.

До того времени для посольскихъ цѣлей употреблялись иностранцы: знаніе «Нѣмецкаго» языка, нравовъ и обычаевъ народа, къ которому они посылались, давало имъ возможность успѣшнѣе Русскихъ выпол-

---

[1]) Исторія Госуд. Рос., Карамзина, VI, стр. 5—6.

нять свое дѣло. Мы видимъ Венеціанца Ивана Фрязина, его брата и племянника Карла и Антона, Грека Юрія Трахоніотова, Грека Димитрія Ралле, Палеолога и др. Но въ скоромъ времени, подъ руководствомъ самого великаго князя, выработывается школа Русскихъ дипломатовъ въ средѣ Московскихъ бояръ и дьяковъ. Чаще другихъ посылались заграницу: дьякъ Семенъ Толбузинъ, первый посолъ изъ Русскихъ, отправленный въ Венецію въ 1473 г., Василій Кулешинъ, Третьякъ Василій Далматовъ, Иванъ Ощеринъ, Лобанъ Заболоцкій, Алексѣй Голохвастовъ, братья Андрей и Петръ Плещеевы.

Въ этомъ ряду дипломатовъ Ивана Васильевича первое мѣсто должно быть отведено дьяку Ѳедору Курицыну. Въ современныхъ памятникахъ имя его встрѣчается довольно часто, особенно когда рѣчь идетъ объ иностранныхъ посольствахъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, былъ необходимымъ лицомъ, такъ какъ въ переговорахъ, ведшихся отъ имени иностранныхъ правительствъ съ правительствомъ Московскимъ, онъ принималъ почти всегда участіе. Зависѣло это отчасти отъ того, что онъ зналъ иностранные языки, а главнымъ образомъ отъ значенія, какимъ онъ несомнѣнно пользовался у великаго князя. Иногда мы видимъ его въ качествѣ посла къ тому или другому иностранному государю, и посылается онъ въ этомъ случаѣ какъ человѣкъ, отъ котораго требуются особенная ловкость и умѣлость (напримѣръ, при переговорахъ о замужествѣ Елены Ивановны, дочери князя, за Литовскаго князя Александра); обычные же его мѣста «верхъ государевъ» — дворецъ, посольская изба. Судя по дошедшимъ современнымъ свидѣтельствамъ, Курицынъ былъ тѣмъ дьякомъ, который въ послѣдствіи, со времени учрежденія Посольскаго Приказа, обыкновенно назывался *посольскимъ*, *думнымъ*, т. е. начальникомъ этого учрежденія, былъ своего рода министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ѳедоръ Курицымъ является самымъ довѣреннымъ лицомъ великаго князя и именно въ дѣлахъ дипломатическихъ [1]), лицомъ, которое знало весь ихъ ходъ; а если такъ, то, слѣдовательно онъ былъ болѣе, чѣмъ служилый дьякъ, не простой чиновникъ, а завѣдывавшій канцеляріей Боярской Думы, изъ которой въ XVI в. образовался Посольскій Приказъ [2]). На торжественныхъ пріемахъ, которые давались великимъ княземъ иностраннымъ посламъ, говорить имъ привѣтственныя рѣчи, вести съ ними переговоры, государь обычно приказывалъ Ѳедору Курицыну, а это, по заведенному порядку, поручалось только посольскому дьяку [3]).

---

[1]) П. Собр. Р. Лѣтоп., VIII, 228. Памятн. Диплом. Снош. др. Рос., I, 10.
[2]) Исторія Россіи, Иловайскаго, III, 444.
[3]) Памятн., I, предислов. стр., XX, 8—14, 56, 80 и др.

Такое положеніе Өедора Курицына давало ему возможность оказывать большое вліяніе на Московскую политику того времени. Такъ мы видимъ, что при его непосредственномъ участіи ведутся переговоры и заключается дружественный союзъ между Иваномъ Васильевичемъ и Венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ; благодаря ему завязываются впервыя дружественныя сношенія съ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ II; при его посредствѣ устроивается бракъ Елены Ивановны съ Литовскимъ великимъ княземъ Александромъ; наконецъ, онъ старается о заключеніи родственнаго и дружественнаго союза съ Германскимъ императоромъ Максимиліаномъ. Не будетъ съ нашей стороны логическимъ скачкомъ допустить вліяніе его и на политику, исполненную высокой мудрости, какую велъ Иванъ Васильевичъ по отношенію къ Крыму и Казани, къ Литвѣ и Польшѣ, Молдавіи и другимъ державамъ.

Такое же, если не большее, значеніе Курицынъ имѣлъ и во внутренней государственной жизни. Правда, современники объ этомъ говорятъ глухо, и прямыхъ свидѣтельствъ объ этой общественной сторонѣ его дѣятельности кромѣ указаній на его покровительство «Жидовствующимъ», мы не имѣемъ; но значеніемъ онъ несомнѣнно пользовался. Вліятельнымъ человѣкомъ Курицына дѣлало прежде всего то, что онъ руководилъ учрежденіемъ, непосредственнымъ начальникомъ котораго былъ самъ Государь и которое поэтому самому стояло выше другихъ; а впослѣдствіи Посольскому приказу были даже подчинены нѣкоторые изъ другихъ приказовъ [1]). Главный же источникъ могущества Курицына заключался въ его отношеніяхъ къ великому князю. Пр. Іосифъ Волоцкій говоритъ, что онъ имѣлъ такое «дерзновеніе къ державному, яко никтоже инъ» [2]). Дѣйствительно, онъ занималъ мѣсто при особѣ великаго князя на ряду съ первѣйшими вельможами государства и государевыми родственниками, князьями Патрикѣевыми и зятемъ послѣднихъ, княземъ Семеномъ Ряполовскимъ [3]). Изъ приведеннаго свидѣтельства слѣдуетъ, что онъ былъ не только приближенный, но даже самый близкій человѣкъ къ Ивану Васильевичу, его первый совѣтникъ, безъ котораго онъ не предпринималъ ничего важнаго. Не безъ него состоялось поставленіе въ митрополиты Зосимы, и вообще оказывалось покровительство еретикамъ.

Какъ любимецъ Ивана Васильевича, Курицынъ былъ persona grata и при дворѣ молодаго великаго князя Ивана Ивановича. Кромѣ того, онъ и самъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы пріобрѣ-

[1]) Памятн., I, предислов., стр VI.
[2]) „Просвѣтитель“, стр. 52.
[3]) П. С. Р. Л., VIII, подъ 1494 годомъ.

сти милость молодаго князя, какъ будущаго Московскаго государя. Такимъ образомъ отношенія его къ новому двору должны были установиться дружественныя. Особенно близкими они становятся съ того времени, какъ Елена Стефановна, супруга молодаго князя, примкнула къ кружку еретиковъ. Теперь Курицына привязываетъ къ молодой великокняжеской четѣ двойной разсчетъ: желаніе быть поближе къ наслѣднику Ивана Васильевича и сочувствіе новшествамъ. Эта связь продолжаетъ существовать и по смерти Ивана Ивановича, при чемъ виды его переносятся на Дмитрія сына умершаго князя. Благодаря ему, можетъ быть скорѣе чѣмъ всѣхъ другихъ сторонниковъ Елены и Димитрія, сей послѣдній былъ вѣнчанъ, какъ наслѣдникъ Московскаго престола, въ 1498 году. Въ своемъ предположеніи мы пойдемъ даже далѣе: можетъ быть, крушеніе этого грандіознаго зданія, построеннаго съ помощью придворныхъ каверзъ, было слѣдствіемъ того, что при старомъ великомъ князѣ уже не находилось лица, которое такъ было «дерзновенно» къ нему. Нѣкоторые изслѣдователи [1]) полагаютъ совершенно невозможнымъ считать Ѳедора Курицына въ числѣ сторонниковъ Елены на томъ основаніи, что она въ своихъ домогательствахъ опиралась на старо-боярскую партію, среди которой дьяку и великокняжескому любимцу будто бы не было мѣста. Они считаютъ его примкнувшимъ къ новому движенію исключительно изъ-за государственныхъ соображеній въ борьбѣ великокняжеской власти съ церковною, какъ приверженца этой послѣдней [2]). А Елена Стефановна обратилась въ «жидовство» по политическимъ разсчетамъ [3]), желая при помощи противниковъ Софьи Ѳоминичны, бояръ, предоставить своему сыну великокняжескій престолъ, и обратилась только по смерти своего супруга (послѣ 1490 года). Но такое представленіе дѣла не вѣрно. Ѳедоръ Курицынъ сталъ приверженцемъ новаго ученія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, изъ-за самаго ученія, изъ-за тѣхъ началъ, которыя оно заявляло прежде всего въ области вѣры и нравственности. Равнымъ образомъ, и Елена стала «еретичкой» не послѣ 1490 года, слѣдовательно, не изъ-за разсчетовъ самолюбія, а гораздо раньше; такъ какъ совратитель ея Иванъ Максимовъ, зять протопопа Алексѣя, жилъ и дѣйствовалъ въ Москвѣ, конечно, до смерти этого послѣдняго (а онъ умеръ до собора 1490 г.). Какъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей еретиковъ и по своему общественному положенію, и по своимъ познаніямъ

---

[1]) Покойный проф. Никитскій въ своемъ очеркѣ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ. Ж. М. Н. Пр., 1879 г., іюль, стр. 58, примѣч., I.

[2]) Тамъ же, стр. 58.

[3]) Тамъ же, стр. 56.

Ѳедоръ Курицынъ долженъ былъ быть несомнѣнно приближеннымъ и ко двору Елены. Приближенность эта на первыхъ порахъ основывалась на выгодахъ связывавшихъ его и Елену, какъ членовъ одного общества, одного направленія; но потомъ, когда Иванъ Ивановичъ умеръ, когда царская власть должна была перейти къ сыну Софьи, Василію, когда, слѣдовательно, ученію Жидовствующихъ грозила опасность отъ будущаго государя, тогда чувство самосохраненія и прежнія сочувствія заставили Курицына, какъ и всѣхъ вообще еретиковъ, стараться избѣжать этой опасности, стараться, чтобы престолъ перешелъ къ Димитрію, и они сошлись вокругъ него и его матери. Такимъ образомъ, Курицынъ по ходу дѣлъ непремѣнно долженъ былъ стать на сторону Елены, и представлять это иначе было бы неестественно.

Ѳедоръ Васильевичъ Курицынъ [1]) выступаетъ, по современнымъ свидѣтельствамъ, на поприще общественной дѣятельности лишь во вторую половину правленія Ивана Васильевича, когда Московское государство стало входить въ дѣятельныя посольскія сношенія съ иностранными державами. Ни откуда не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ знатному боярскому роду; напротивъ, судя по тому, что сословіе дьяковъ составилось изъ невольныхъ слугъ, «людей купленныхъ» [2]), онъ происходилъ изъ холопскаго званія. Вѣроятно отецъ его принадлежалъ къ многочисленному ряду дворцовыхъ служителей, который состоялъ при Московскомъ государѣ. Такимъ образомъ, онъ очевидно былъ homo novus въ ряду той рядовой аристократіи, которая окружала особу государя и прежде, чѣмъ стать въ ряду ея, прежде чѣмъ занять то высокое положеніе, въ какомъ мы его видимъ впослѣдствіи, прошелъ, несомнѣнно, тяжкую школу труда. Онъ постепенно подвигался впередъ по длинной чиновнической лѣстницѣ и сталъ вверху ея, опередивъ своихъ сослуживцевъ, только благодаря своимъ дарованіямъ. Иванъ III, какъ впослѣдствіи и Петръ I, не стѣснялся въ выборѣ дѣловитыхъ людей ихъ происхожденіемъ и не справлялся, кто были ихъ предки. Обращая вниманіе на личныя качества, великій князь окружилъ себя такими людьми, которые и способствовали ему направить Московское государство на путь успѣха и могущества. Равнымъ образомъ мы не встрѣчаемъ и впослѣдствіи лицъ съ этимъ именемъ въ числѣ приближенныхъ Московскаго государя. Правда, въ княженіе Василія III Ивановича упоминается дьякъ Аѳанасій Курицынъ [3]); но какое онъ имѣлъ

---

[1]) Такъ называетъ его Татищевъ (Исторія Рос., ч. IV, подъ 1482 г.); въ другихъ же лѣтописяхъ и памятникахъ онъ называется просто дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ.

[2]) Исторія Россіи Соловьева, книга I, изд. Т-ва Общ. Польза, стр. 1182, примѣч. 6.

[3]) Акты Историч., I, стр. 198; Акты Арх. Экспед., I стр. 40, 53, 84 и др.

отношеніе къ Ѳедору Курицыну сказать нельзя; званіе его было незначительно, и нельзя видѣть въ немъ слѣдствіе его происхожденія *).

Впервыя съ Ѳедоромъ Курицынымъ мы встрѣчаемся въ 1482 г., когда Венгерскій король Матвѣй Корвинъ присылалъ въ Москву своего посла съ цѣлью заключить дружественный союзъ съ Иваномъ Васильевичемъ. Оба государства, Венгрію и Россію, связывали общія выгоды именно: общій ихъ врагъ Польскій король Казиміръ.

Россія была возстановлена противъ него тѣмъ, что онъ поддерживалъ въ Новгородцахъ мятежническій духъ въ отношеніи къ Москвѣ; Матвѣй же Корвинъ велъ борьбу съ Казиміромъ за Чешскій престолъ, на который хотя и былъ выбранъ Владиславъ, сынъ Казиміра, но такъ какъ была партія, желавшая имѣть своимъ королемъ Матвѣя, то послѣдній не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній. Кромѣ того, Казиміръ помогалъ войскомъ возставшимъ противъ своего короля Венграмъ. Въ силу этого Матвѣй Корвинъ сдѣлался заклятымъ врагомъ Польскаго короля и старался вредить ему всѣми средствами: возбуждалъ противъ него самихъ Поляковъ, заключалъ наступательные союзы

*) У Ѳедора Курицына былъ братъ, также дьякъ, по прозванію Волкъ (Просвѣтит. 571), который также былъ приверженъ къ Жидовствующимъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи установилось мнѣніе, что этотъ братъ былъ именно тотъ Иванъ Волкъ Курицынъ, который однажды въ 1492 году сопровождалъ великокняжескихъ пословъ Грека Юрія Траханіотова и Михаила Кляпика Еропкина къ Римскому королю Максиміліану. (Памят. I, 87, П. С. Р. Л; VIII, подъ 1492 и 1493 гг.). Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что такое мнѣніе совершенно неосновательно. Въ современныхъ памятникахъ братъ Ѳедора называется просто Волкомъ (Просвѣт. 571, 575), или *дьякомъ* Волкомъ Курицынымъ (П. С. Р. Л. VI, 49; VIII, 244), но нигдѣ не называется по имени; имя же Иванъ приписывается ему многими изслѣдователями произвольно. Отождествлять брата Ѳедора съ упомянутымъ Иваномъ Волкомъ нельзя, во первыхъ потому, что первый носилъ званіе дьяка (П. С. Р. Л., VI, 49; VIII, 244), а послѣдній этого званія не имѣлъ: онъ вездѣ называется только Иваномъ Волкомъ Курицынымъ (П. С. Р. Л. VI, подъ 1493 г., VIII подъ 1492, 1493 гг. Татищевъ, подъ 1492 г. 1493 г.), или просто Иваномъ Волкомъ (Памятн., I, 87—88), но нигдѣ дьякомъ. Во вторыхъ, роль брата Ѳедора, какъ лица приближеннаго къ великокняжескому двору, должна была быть болѣе или менѣе значительной, а между тѣмъ роль Ивана Волка ничтожна. Въ упомянутомъ посольствѣ онъ былъ лицомъ второстепеннымъ. Онъ собственно *сопровождалъ* указанныхъ пословъ великаго князя вмѣстѣ съ какимъ-то Дмитріемъ, такъ что оба они въ княжескомъ наказѣ называются просто „людьми“ („…„и мы нынѣ послали къ королю Максиміану *пословъ* своихъ Юрія Траханіотова да Михаила, да съ ними своихъ *людей*, Ивана Волка да Дмитрія“… Памят., I, 87). Въ третьихъ, было еще одно лицо, которое прозывалось Волкомъ Курицынымъ, называлось по имени Василіемъ и занимало должность дьяка (Татищевъ, подъ 1497 г.). Этотъ-то *дьякъ Василій* Волкъ Курицынъ (а не Иванъ) ѣздилъ въ 1497 году посломъ вмѣстѣ съ Лобаномъ Заболоцкимъ къ Литовскому князю Александру отговаривать его не ходить ратью на великокняжескаго свата, Волошскаго воеводу Стефана (Тамъ же; П. С. Р. Л. VI, 42; VIII, 233). Этотъ же *дьякъ Волкъ Курицинъ* несомнѣнно и былъ сожженъ въ Москвѣ по соборному опредѣленію въ 1504 году, и слѣдовательно онъ и былъ братъ Ѳедора, а не Иванъ, какъ полагаютъ наши изслѣдователи.

съ его сосѣдями—Пруссіей, Молдавскимъ воеводой Стефаномъ, Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ [1]). Съ подобной же цѣлью прибыло и упомянутое посольство. Послѣ переговоровъ, которые, вѣроятно, были ведены Ѳедоромъ Курицынымъ, посолъ короля Матвѣя былъ отпущенъ въ Венгрію и вмѣстѣ съ нимъ отправился и этотъ дьякъ въ качествѣ посла для того, чтобы утвердить заключенный въ Москвѣ договоръ и размѣняться грамотами. Курицынъ вполнѣ удовлетворительно закончилъ переговоры [2]). Когда Курицынъ возвращался изъ Венгріи, великій князь старался обезпечить ему свободный путь слѣдованія чрезъ владѣнія Крымскаго хана Менгли-Гирея, для чего посылалъ особаго гонца Константина Севрюка къ бывшему въ то время посломъ въ Крыму князю Василію Ноздреватому сдѣлать хану представленія въ этомъ именно смыслѣ. Курицынъ былъ уже въ Валахіи у воеводы Стефана [3]), какъ въ Бѣлгородѣ онъ былъ задержанъ Турками. Этотъ городъ (нынѣшній Аккерманъ), въ 1483 году отнятый у Стефана Волошскаго султаномъ Баязетомъ II, сдѣлался мѣстомъ плѣна для Московскаго посла.

Король Матвѣй Корвинъ, какъ только узналъ о задержаніи Ѳедора Курицына, немедленно послалъ требованіе Баязету отпустить его. Требованіе это было поддержано и Менгли-Гиреемъ, постояннымъ доброжелателемъ Ивана Васильевича. Въ то время какъ король и ханъ старались объ освобожденіи Курицына, Турецкое правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы завязать дружественныя сношенія съ Москвой. Чрезъ задержаннаго посла султанъ предлагалъ великому князю дружбу и любовь, и впослѣдствіи дружественный союзъ дѣйствительно былъ заключенъ.

Ходатайства короля и Менгли-Гирея были уважены султаномъ, при чемъ имъ имѣлись въ виду, конечно, и предполагавшіяся въ будущемъ мирныя отношенія съ Москвой, о которыхъ долженъ былъ сообщить Курицынъ, и онъ былъ переданъ въ руки Крымскаго хана вмѣстѣ съ двумя сопровождавшими его иноземцами, а ханъ препроводилъ всѣхъ ихъ въ Москву. Возвращеніе Ѳедора Курицына домой послѣдовало не раньше конца 1485 года и начала 1486-го, потому

---

[1]) Соловьевъ, стр. 442—443.

[2]) П. С. Р. Л., VI. 35; VIII, 214.

[3]) Это пребываніе у Стефана, вѣроятно, дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что Курицынъ ѣздилъ посломъ въ Валахію сватать за сына великаго князя. Ивана Ивановича, дочь господаря Елену и привезъ ее оттуда въ Москву въ 1482 году. (Ересь жидовствующихъ, Панова, Ж. М. Н. Пр., 1877 г., Январь, стр. 26). На самомъ же дѣлѣ сватали Елену и привезли ее въ Москву въ 1483 году Андрей Михайловъ Плещеевъ съ братомъ своимъ Петромъ, и Иванъ Зиновьевичъ (П. С. Р. Л., VI, подъ 1482 и 1483 гг.).

что посолъ великаго князя Семенъ Борисовичъ, отправленный въ Крымъ въ Мартѣ 1486 года, долженъ былъ между прочимъ выразить Менгли-Гирею удовольствіе великаго князя за содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія его посла изъ Турецкаго плѣна и вручить хану золото, которое онъ издержалъ по этому случаю въ подарокъ Турецкимъ пашамъ [1]).

Трехлѣтнее отсутствіе Ѳедора Курицына сильно безпокоило Ивана Васильевича. Не имѣя о немъ извѣстій, онъ послалъ гонцомъ въ Венгрію нѣкоего Ѳедца Кузлинскаго развѣдать, что̀ сталось съ его посломъ. Ѳедецъ Кузлинскій возвратился въ Москву вмѣстѣ съ посланнымъ отъ Венгерскаго короля дьякомъ Иваномъ только въ Сентябрѣ 1488 года, въ то время, слѣдовательно, когда Ѳедоръ Курицынъ былъ уже до̀ма [2]). Объясняя все происшедшее съ Курицынымъ, Иванъ дьякъ спрашивалъ, главнымъ образомъ, о судьбѣ заключеннаго союза между Россіей и Венгріей. Конечно, веденіе переговоровъ было предоставлено Ѳедору Курицыну, который наиболѣе освѣдомленъ былъ въ этомъ дѣлѣ [3]). Увѣривъ посла въ искренности великаго князя относительно союза его государя, Ѳедоръ Курицынъ излагалъ просьбу Ивана Васильевича къ Матвѣю Корвину о присылкѣ въ Москву военныхъ и горныхъ инженеровъ, литейныхъ дѣлъ мастеровъ, чѣмъ король докажетъ къ нему свою дружбу [4]).

Въ томъ же самомъ 1482 году Курицыну пришлось вести переговоры съ другимъ посломъ, присланнымъ Римскимъ императоромъ Фридрихомъ III, Николаемъ Попелемъ. Сношенія между имперіей и Россіей открылись случайно. Николай Попель былъ простой путешественникъ; онъ изъ любознательности посѣтилъ «всѣ христіанскія земли и видѣлъ всѣхъ королей»; онъ желалъ также узнать и Россію и великаго князя, о которомъ молва достигла и Германіи. Съ этой цѣлью, заручившись письмомъ отъ императора, онъ побывалъ въ Москвѣ еще въ 1486 году. Тогда однакоже здѣсь ему не повѣрили: на императорское письмо бояре посмотрѣли какъ на подложное, написанное имъ самимъ, и приняли его за шпіона Литовскаго князя Казимира. Встрѣченный нелюбезно въ Москвѣ, Попель все же рѣшилъ втянуть въ сношенія съ имперіей Московскаго государя, котораго до того времени въ Германіи считали вассаломъ Польскаго короля. Могущество Москвы могло быть полезнымъ для имперіи, и потому, желая

---

[1]) Записки Одес. Общ. Исторіи и Древн., V, 195—197.

[2]) Сервицкій поэтому неправильно полагаетъ („Правосл. Обозр.“, 1862 г. Іюнь, стр. 197—198), что Курицына, когда происходилъ соборъ въ Февралѣ 1488 г. на еретиковъ и когда они были осуждены, не было въ Москвѣ.

[3]) Памятн., I, 159—168.

[4]) Тамъ же.

войти съ ней въ дружественныя и даже родственныя связи, Фридрихъ III чрезъ два года отправляетъ того же Николая Попеля въ Россію уже въ качествѣ уполномоченнаго посла. На торжественномъ пріемѣ посолъ говорилъ привѣтственную рѣчь великому князю, на которую отвѣчалъ Өедоръ Курицынъ. Чрезъ нѣсколько времени великій князь принималъ посла частнымъ образомъ, такъ какъ Попель требовалъ поговорить съ Иваномъ Васильевичемъ наединѣ. Тайное это дѣло состояло въ предложеніи императоромъ великому князю королевскаго титула. Въ этихъ переговорахъ третьимъ лицомъ былъ Өедоръ Курицынъ, который записывалъ рѣчи посла и котораго въ этомъ случаѣ великій князь посвятилъ въ тайну, какъ свое особенно довѣренное лицо, не желая имѣть обыкновеннаго переводчика. На это предложеніе, равно какъ на предложеніе выдать одну изъ дочерей великаго князя замужъ за Баденскаго маркграфа Альбрехта и другія, Попелю отвѣчалъ также Курицынъ *). Предложенія были приняты. Иванъ Васильевичъ желалъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ имперіей и особенно ему хотѣлось породниться съ императорскимъ домомъ; поэтому между обоими государствами началась оживленная пересылка посольствами. Въ слѣдующемъ же 1489 году Иванъ Васильевичъ отправилъ своихъ пословъ: Грека Юрія Траханіотова, Ивана Халяпу и Костю Оксентьева объявить Фридриху и сыну его Максимиліану о своей готовности вступить съ ними въ дружбу и особенно переговорить о замужествѣ своей дочери. На это посольство отвѣтомъ послужило новое посольство отъ Максимиліана съ Юріемъ Деляторомъ во главѣ. Судя по тому, что Өедоръ Курицынъ былъ единственнымъ лицомъ, чрезъ которое велись рѣчи съ Николаемъ Попелемъ о сватовствѣ, а также, что дипломатическіе переговоры вообще вѣдалъ онъ, нужно было ожидать, что и въ послѣднемъ случаѣ Курицыну будетъ предоставлена главная роль. Но на дѣлѣ было другое. Когда Юрій Деляторъ по своемъ прибытіи въ Москву ѣхалъ во дворецъ великаго князя на пріемъ, то ему была устроена торжественная встрѣча; на дворѣ, въ концѣ каменной лѣстницы, въ это время стояли въ ожиданіи его окольничій Иванъ Чеботъ и Өедоръ Курицынъ. Хотя Иванъ Васильевичъ, желая отплатить такой же любезностью Максимиліану, какую этотъ оказалъ его послу Юрію Траханіотову, встрѣчалъ Делятора особенно торжественно и потому могъ привлечь для этого важнѣйшихъ своихъ придворныхъ, тѣмъ не менѣе мѣсто, отведенное Курицыну, было не изъ почетныхъ. Ему, своего рода министру иностранныхъ дѣлъ, приходилось стоять на дворѣ съ какимъ-то совер-

*) Тамъ же, 8—12.

шенно неизвѣстнымъ окольничьимъ Иваномъ Чеботомъ. Повидимому, эта, далеко не первостепенная, роль выпала Курицыну не случайно; кажется, онъ уже въ данное время не пользовался такимъ довѣріемъ и милостью великаго князя, какъ прежде.

Эта мысль находитъ подтвержденіе себѣ какъ будто въ слѣдующемъ. Отвѣтныя рѣчи держатъ, и главное, о сватовствѣ переговариваются съ посломъ уже новые довѣренные великаго князя: Андрей Ѳедоровичъ и Борисъ Кутузовъ. И такъ было во все время пребыванія Юрія Делятора въ Москвѣ [1]). Едва ли мы ошибемся, если допустимъ, что великій князь какъ будто охладѣлъ, или вѣрнѣе, долженъ былъ охладѣть къ своему любимцу. И это было очень возможно. Какъ извѣстно, къ девяностымъ годамъ XV в. въ Новгородѣ и Москвѣ сильно успѣло распространиться новое направленіе, извѣстное подъ именемъ «ереси Жидовствующихъ». Однимъ изъ главныхъ приверженцевъ ея, какъ увидимъ впослѣдствіи, былъ и Ѳедоръ Курицынъ. Противъ еретиковъ сильно тогда ратовалъ архіепископъ Новгородскій Геннадій. Жестоко имъ преслѣдуемые въ Новгородѣ «Жидовствующіе» бѣжали въ Москву и нашли здѣсь покровительство себѣ въ лицѣ Ѳедора Курицына и другихъ. Геннадій, узнавши объ этомъ, написалъ митрополиту Зосимѣ посланіе, въ которомъ онъ жалуется на развитіе ереси вслѣдствіе покровительства придворныхъ великаго князя и главнымъ образомъ Ѳедора Курицына [2]). Не довольствуясь посланіемъ къ Зосимѣ, Геннадій шлетъ еще грамоты къ епископамъ, пребывавшимъ въ Москвѣ со времени поставленія митрополита, въ которыхъ указываетъ опять на Курицына какъ на начальника еретиковъ, достойнаго проклятія [3]). Эти посланія вызвали на Жидовствующихъ соборъ въ 1490 году и сильно возбудили епископовъ противъ Курицына. Въ виду негодованія церковной власти великій князь долженъ былъ принять къ свѣдѣнію свои отношенія къ нему. Близость еретика-дьяка могла подать поводъ подозрительно смотрѣть на Православіе его самого, чего великому князю нужно было избѣгать. И вотъ онъ въ виду этого и могъ на время отдалить отъ себя своего любимца. Конечно, великій князь не думалъ совершенно разставаться съ Курицынымъ и продолжалъ давать ему исправлять пока мелкія порученія, которыя не заставляли бы говорить о немъ, какъ о любимцѣ. Дѣйствительно, когда въ 1490 году на Москву пригналъ гонецъ Иванъ отъ извѣстнаго уже Николая Попеля, который просилъ Ивана Васильевича прислать Фридриху III трехъ или

---

[1]) Тамъ же, стр. 26, 28—33.
[2]) А. А. Э., I, стр. 480—481.
[3]) „Изслѣдов. о сочин. І. Санина, препод. игумена Волоцкаго", Хрущова, стр. 115 –121.

четырехъ живыхъ лосей да «гулятина» (кречета), то сносился съ гонцомъ Өедоръ Курицынъ [1]).

Съ теченіемъ времени положеніе его все болѣе и болѣе упрочивается при дворѣ; съ каждымъ годомъ онъ входитъ все въ бо́льшую силу у великаго князя. Въ 1492 году опять въ Москву прибылъ тотъ же Юрій Деляторъ продолжать переговоры о союзѣ дружественномъ и родственномъ, и для веденія ихъ уполномочивается Өедоръ Курицынъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Владимировичемъ [2]); а въ 1494 году онъ, въ сотовариществѣ князей Василія Ивановича Косого (Патрикѣева) и Семена Ивановича Ряполовскаго, въ качествѣ большаго посла, ѣздилъ въ Литву къ великому князю Александру переговорить о бракѣ его съ Еленой Ивановной. Посольство, душой котораго былъ Курицынъ, исполнило свою миссію блистательно: брачный договоръ былъ заключенъ вполнѣ по желанію Ивана Васильевича, и послы его возвратились въ Москву «съ великою честью» [3]). Въ послѣдній разъ Өедора Курицына мы встрѣчаемъ въ 1497 году. Въ этомъ году племянники великаго князя, дѣти князя Бориса Воложскаго, Өедоръ и Иванъ, чрезъ митрополита Симона били челомъ ему о промѣнѣ ихъ селъ и деревень, разсѣянныхъ въ великокняжескихъ областяхъ и доставшихся ихъ отцу отъ прабабушки Маріи Голтяевой, на Тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу, именно города Бую и Колпь. Эту мѣновую грамоту составлялъ и писалъ Курицынъ [4]). Такъ какъ современныя свидѣтельства болѣе не говорятъ о немъ, то остается предположить: либо онъ въ это время перестал̣ъ играть важную роль при дворѣ, такъ что современники не считаютъ нужнымъ упоминать о немъ, или же онъ умираетъ въ скоромъ времени послѣ 1497 года. Первое допустить невозможно, такъ какъ мы имѣемъ данныя, которыя говорятъ, что около 1497 года вліяніе Курицына на великаго князя было весьма сильное, больше чѣмъ когда либо прежде [5]); что же касается втораго предположенія, то оно очень вѣроятно и даже достовѣрно. Незадолго до собора 1504 года, окончательно осудившаго еретиковъ, пр. Іосифъ Волоцкій бесѣдовалъ наединѣ съ великимъ княземъ «о церковныхъ дѣлѣхъ». Во время этой бесѣды рѣчь шла, главнымъ образомъ, о еретикахъ, и тогда же Іосифъ узналъ отъ Ивана Васильевича о ереси, «которую держалъ Алексѣй

[1]) Памятн., стр. 52—56.
[2]) Тамъ же, стр. 80.
[3]) П. С. Р. Л., VIII, стр. 228.
[4]) Др. Рос. Вивл., II, стр. 294.
[5]) Просвѣтит., стр. 571.

протопопъ, и которую держалъ Ѳеодоръ Курицынъ» [1]). Судя по образу выраженія, необходимо предполагать, что обоихъ еретиковъ въ то время уже не было въ живыхъ (протопопъ Алексѣй, дѣйствительно, умеръ еще до собора 1490 года). А такъ какъ посланіе свое Іосифъ писалъ до собора 1504 г., то, слѣдовательно Ѳедоръ Курицынъ умеръ тоже до этого собора. Что онъ не дожилъ до него, видно также изъ того, что его не судили вмѣстѣ съ братомъ дьякомъ Волкомъ. Но можно съ большей или меньшей достовѣрностью утверждать, что онъ умеръ гораздо раньше 1504 года. Какъ мы знаемъ, въ самомъ концѣ XV в. при дворѣ великаго князя шла ожесточенная борьба сторонниковъ великой княгини Софьи и приверженцевъ Елены, вдовы Ивана Ивановича. Ѳедоръ Курицынъ примкнулъ къ партіи Елены, и потому, когда эта партія во главѣ съ князьями Патрикѣевыми и Ряполовскими, послѣ кратковременнаго торжества, въ 1499 году, подверглась гнѣву великаго князя, то несомнѣнно и онъ, какъ одинъ изъ ея вожаковъ (таковымъ онъ несомнѣнно долженъ былъ быть), также подвергся великокняжеской опалѣ; но современные памятники объ этомъ ничего не говорятъ. Мы въ правѣ предположить, что онъ не дожилъ до Февральскихъ событій 1499 года, когда князю Ряполовскому «голову ссѣкоша на Москвѣ рѣцѣ пониже мосту», а князей Патрикѣевыхъ постригли въ монахи и посадили подъ стражу [2]); слѣдовательно, онъ умеръ въ 1498—1499 году [3]).

Кременецъ.

Ѳ. Ильинскій.

---

[1]) Посланіе пр. Іосифа Волоцкаго къ Митрофану, архим. Андроникова монастыря. Чт. Общ. Исторіи и Древн., 1847 г. № 1.

[2]) П. С. Р. Л., VI, стр. 243; VIII, 236.

[3]) Сообразно съ этимъ можно опредѣлить приблизительно и время его рожденія. Считая возрастъ человѣка 65—70 лѣтъ, годы его рожденія будутъ 1425—1430.

СТРѢЛЕЦКАЯ СЛУЖБА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Писцовый наказъ

7185 (1677) года.

Лѣта 7185-го Апрѣля въ 8-й день, по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу, память Макарію Иванову сыну Балавенскому. Быти ему на его великаго государя службѣ во Псковскомъ уѣздѣ, во Гдовѣ, у стрѣльцовъ головою, на Алексѣево мѣсто Деревкина.

И Макарію Балавенскому, пріѣхавъ во Псковъ, подать великаго государя грамота стольнику и воеводѣ Петру Шереметеву, да дьяку Григорью Богданову, и по той великаго государя грамотѣ взяти у нихъ Гдовскимъ сотникомъ и стрѣльцомъ имяны списки. А взявъ списки, собрать и ружье у нихъ пересмотрѣть на лицо. И будетъ стрѣльцовъ приказъ не сполна, и ему Макарью на мертвыхъ и на выбылыхъ мѣсто вновь стрѣльцовъ прибирать по приказу стольника и воеводы Петра Шереметева, взять противъ прежняго стрѣльцовъ двухъ человѣкъ *). А прибирать ему въ стрѣльцы стрѣлецкихъ дѣтей и братью и племянниковъ и подсосѣдковъ и захребетниковъ, которые бъ собою были добры и молоды. А боярскихъ и кабальныхъ и всякихъ крѣпостныхъ ничьихъ людей и посадскихъ тяглыхъ и изъ деревень бѣглыхъ крестьянъ и изъ ямскихъ слободъ крестьянскихъ дѣтей и братью и племянниковъ и захребетниковъ и никакихъ крѣпостныхъ людей въ стрѣльцы не имать.

А по новоприборныхъ стрѣльцахъ въ государевѣ службѣ и въ жалованьи и чтобъ имъ за всякимъ воровствомъ не ходить, имать ему Макарью крѣпкія поруки съ записьми. И будучи ему Макарью у стрѣльцовъ, сотникомъ и пятидесятникамъ и десятникамъ приказывать на-крѣпко, чтобъ они сами никакого воровства не чинили и надъ рядовыми стрѣльцы берегли и отъ воровства ихъ унимали. А смотрѣти

*) Т. е. вдвое.

ему Макарью пятидесятниковъ и десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ по часту, чтобы стрѣльцы никуды собою не впускались и не воровали ничѣмъ, ни которыми дѣлы. А у смотру пятидесятникомъ и рядовымъ стрѣльцомъ говорити и приказывать на-крѣпко, чтобъ они безъ его отпуску никуды не сходили. А будетъ стрѣлецъ пойдетъ безъ отпуску, сотнику и пятидесятнику и десятнику не сказався, и котораго стрѣльца у смотру не будетъ, а пятидесятникъ или десятникъ, у кого тотъ стрѣлецъ въ десяткѣ будетъ, про то ему не скажетъ или у смотру утаятъ, а выищется про то мимо ихъ: и тѣмъ пятидесятникомъ и десятникомъ чинить за то наказаніе, а стрѣльцовъ велѣть бить батоги, смотря по винѣ. А будетъ котораго стрѣльца въ которой день у смотру не будетъ, и ему Макарью велѣти того стрѣльца поставить передъ собою десятнику. А будетъ его десятникъ того дни не поставитъ, и ему того десятника вкинуть въ тюрьму на день за то, что онъ про рядовыхъ стрѣльцовъ не вѣдаетъ; да какъ тотъ стрѣлецъ послѣ смотру объявится, и головѣ его разспросить имянно: гдѣ онъ былъ и у кого имянемъ и для чего безъ отпуску ходилъ? А у кого скажетъ былъ, и тѣхъ окольныхъ людей допросить подлинно и сыскать на-крѣпко, чтобъ у стрѣльцовъ никакого воровства не было; и велѣти того стрѣльца въ слободѣ бить батоги передъ собою и при пятидесятникахъ и при рядовыхъ стрѣльцахъ, смотря по винѣ, и метать въ тюрьму дни на два и на три, чтобъ на то смотря впредъ инымъ не повадно было самовольствомъ и не спросясь у головы и у сотниковъ и не явясь и не сказався пятидесятнику и десятнику изъ слободы ходить и за слободой ночевать. А будетъ на того стрѣльца того дни, котораго онъ у смотру не будетъ, въ какомъ дѣлѣ будутъ челобитчики, и головѣ Макарью тѣмъ людемъ на стрѣльцовъ въ ихъ искѣхъ давать судъ и сыскивати всякими сыски на-крѣпко, а по суду и по сыску указъ имъ чинить вправду, смотря по дѣлу, а въ большихъ дѣлахъ докладывать стольника и воеводы Петра Шереметева и дьяка Григорья Богданова.

А кому лучится прихожимъ и пріѣзжимъ людемъ стати на время у стрѣльцовъ на дворѣхъ, и стрѣльцомъ тѣхъ пріѣзжихъ и прихожихъ людей къ себѣ безъявочно жить и ночевать пускать не велѣть; а велѣть про тѣхъ людей, кто пріѣдетъ ночью, сказывать ему Макарью или сотнику тотчасъ; а будетъ вскорѣ сказать не лучится, и про нихъ сказывать пятидесятнику; а безъявочно прихожихъ людей одноличио не пріимать, чтобъ всякіе люди были вѣдомы.

А стрѣльцовъ изо Гдова по городамъ и по селамъ никуды не отпущати, а жилибъ срѣльцы всегда безъ съѣзду во Гдовѣ, а торговали и промышляли живучи своимъ рукодѣльемъ и покупали на вскупъ что носящее не отъ велика, отъ полтины и отъ рубля безпошлинно. А

которые стрѣльцы учнутъ торговать больше рубля или учнуть въ лавкахъ сидѣть, и тѣмъ стрѣльцамъ торгу и полавочныя пошлины всякія давать въ государеву казну, какъ и торговые люди. А того беречь накрѣпко, чтобъ стрѣльцы корчемнаго питья и блядни у себя не держали и зернью не играли, и татемъ и разбойникомъ и боярскимъ бѣглымъ людемъ приходу и пріѣзду не было; а сами бъ стрѣльцы на кабакахъ и на корчмахъ не пили и зернью не играли и людей не били и не грабили и никакого воровства не чинили и во Гдовѣ на караулахъ и на сторожахъ были и стерегли; устороживо сторожи бъ безъ вѣсти и безъ обмѣны не сходили.

А гдѣ великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ укажетъ ему Макарью быть на своей государевѣ службѣ съ приказомъ на городѣ или гдѣ индѣ, и ему Макарью, идучи на государеву службу ото Гдова, надъ стрѣльцами смотрѣть и беречь того на-крѣпко, чтобъ они шли дорогою смирно, людей не били и не грабили и кормовъ своихъ и подводъ сильно ни у кого не имали, и на кабакахъ не пропивали и на станѣхъ стояли смирно и ни въ чемъ бы обидъ и насильствъ никому не чинили; а одноличо бъ отъ стрѣльцовъ воровства нигдѣ ни корорыми дѣлы не было. И велѣть старымъ стрѣльцамъ новоприбылыхъ стрѣльцовъ учить передъ собою стрѣлять изъ мушкетовъ почасту, чтобъ стрѣлять были горазды; и научить стрѣльцы стрѣляти зѣльемъ и свинцомъ своимъ, а не казеннымъ, потому что имъ даютъ государево денежное и хлѣбное жалованье еже лѣтъ. А которые стрѣлецкіе дѣти и братья или племянники и подсосѣдники, молодые и непрожиточные и въ службу не поспѣли, и тѣхъ въ стрѣльцы не писать, до тѣхъ мѣстъ, какъ они подростутъ; а жить имъ велѣть въ стрѣлецкой слободѣ съ порукою, а изъ стрѣлецкой слободы ихъ никуда не распускать. А кому будетъ до стрѣльцовъ какое дѣло стороннимъ людемъ въ бою или въ грабежу, и ему Макарью тѣхъ людей своего приказу стрѣльцы судъ дать, управа межъ ими чинить въ правду, до чего доведется, опричь татьбы и разбою. И ему Макарью того беречь на крѣпко, чтобъ стрѣльцомъ отъ приставовъ или отъ кого пропажъ напрасныхъ не было. А будетъ въ которыхъ дѣлѣхъ расправы учинить нельзя, и ему Макарью докладывать стольника и воеводы Петра Шереметева и дьяка Григорья Богданова, и они о томъ указъ учинятъ по государеву указу и по соборному уложенью.

А будетъ учнетъ искать стрѣлецъ на стороннемъ человѣкѣ, и въ тѣхъ дѣлахъ и съ сторонними людьми судятъ ихъ стольникъ и воевода и дьякъ.

А того ему Макарью смотрѣть и беречь на-крѣпко жъ, чтобъ отъ стрѣльцовъ пропажъ напрасныхъ никому ни въ чемъ одноличио не было, и къ посадскимъ бы и ко всякимъ людемъ стрѣльцы напрасно для своей корысти не приставливали. А будетъ стрѣлецъ приставитъ къ кому рублевъ въ пяти и во шти и въ десяти и въ больши, и не ходя на судъ или послѣ суда съ кѣмъ помирятся не на великое, и ему Макарью про то сыскивати: не напрасно ль тотъ стрѣлецъ приставилъ и искалъ? Да буде сыщется до-пряма, что стрѣлецъ приставилъ или искалъ, поклепалъ напрасно, и тому стрѣльцу учинить наказанье, велѣть бити батоги нещадно, смотря по винѣ, чтобы на то смотря инымъ стрѣльцомъ неповадно было такъ воровать, для своей корысти напрасно приставливать. И заказать о томъ стрѣльцамъ на-крѣпко, чтобъ они ни къ кому ни въ чемъ для своей корысти не приставливали.

А кто будетъ стрѣльца изобидитъ, и они бъ били челомъ великому государю и на тѣхъ людѣхъ, до кого дѣло, искали въ правду съ его Макарьева вѣдома. А пошлинъ стрѣлецкихъ, исковъ съ рубля и съ дву и съ трехъ и съ пяти и съ десяти и съ двунадцати рублевъ не имати. А которые стрѣльцы учнутъ промежъ себя тягатися, или учнетъ искать стрѣлецъ на комъ и на стороннемъ человѣкѣ больше двунадцати рублевъ, и съ того достолнаго иску имать пошлины по государеву указу съ рубля по гривнѣ, да пересуду и праваго десятка по двѣ гривны. А который сторонній человѣкъ ищетъ на стрѣльцѣ и по суду будетъ виноватъ или у вѣры доведется взять пошлины на тѣхъ стороннихъ людѣхъ, на истцахъ; а стрѣлецъ съ тѣмъ стороннимъ человѣкомъ помирится и пошлины и пересудъ и правой десятокъ сыметъ на себя: и тѣ пошлины взять по указу сполна на томъ стрѣльцѣ, кто на себя сыметъ, потому что онъ тѣ пошлины сторонняго человѣка съ своего истца сыметъ на себя воровствомъ. И тѣ пошлины, чтó съ кого возьметъ, ему Макарью писать у себя въ книги подлинно, да тѣ пошлинныя деньги и книги за своею рукою отдавать во Псковѣ въ Приказную избу стольнику и воеводѣ Петру Шереметеву и дьяку Григорью Богданову.

А приставу у стрѣльцовъ велѣть быть въ приказѣ одному человѣку и перемѣняти по годомъ, и давать приставство за явственныя выслуги стрѣльцомъ добрымъ, которые бъ были не воры и не бражники, и имать по нихъ крѣпкія поруки съ записьми. А имати приставу у стрѣльца хоженаго по четыре деньги, по желѣзнаго на сутки по три деньги. А съ стороннихъ людей приставу хоженаго по государеву указу имать по десяти денегъ.

А которые стрѣльцы, взявъ государево жалованье, сбѣгутъ, и тѣхъ велѣть сыскивать порутчикомъ ихъ неоплошно; а которыхъ сыщутъ, и имъ чинить наказанье бить батоги нещадно и сажать на время въ тюрьму и велѣти имъ быть въ стрѣльцахъ по прежнему за крѣпкими новыми поруками, а только по осмь лѣтъ поруки худыя. И которые стрѣльцы, взявъ государево жалованье, сбѣжатъ или ружье изстрѣляютъ, а на порутчикахъ жалованья и самопаловъ взять будетъ не на комъ, и за тѣхъ бѣглыхъ стрѣльцовъ государево жалованье и за мушкеты и за свинецъ укажетъ великій государь взять на немъ Макарьѣ.

А посуловъ ему Макарью и поминковъ у стрѣльцовъ ни отъ какихъ дѣлъ не имать ни у кого ничего, ни которыми дѣлы, и насильства не чинить; и того беречь, чтобъ никто стрѣльцомъ насильства и пропажъ ни въ чемъ не чинилъ.

А куды доведется послать стрѣльцовъ для государевыхъ дѣлъ, и ему Макарью посылать, считая ихъ по очередямъ, и записывать то велѣть у себя имянно въ книги впредъ межъ стрѣльцы для счету.

А будетъ стрѣльцы учнутъ у себя корчмы и блядни или жонокъ вѣдуней или боярскихъ людей держать, или учнутъ у себя въ слободѣ и по дорогамъ людей побивать и грабить и татинымъ и разбойнымъ дѣлами промышлять и на корчмахъ пить и зернью играть или инымъ какимъ воровствомъ воровать, или учнутъ съ товаромъ или гдѣ нибудь безъ его отпуску отъѣзжать или которую обиду или насильство чинить или у котораго стрѣльца вымутъ корчму или въ какомъ воровствѣ кого уличатъ: и ему Макарью, тѣхъ людей имая, велѣть приводить къ себѣ и про то ихъ воровство сыскивать и чинить наказанье, смотря по винѣ, велѣть бить батоги и метать на время въ тюрьму. А неявленно питье и суды винные имать на великаго государя. А тѣхъ людей, по своему сыску вынимая изъ тюрьмы, велѣть давать на крѣпкія поруки съ записьми, чтобъ имъ корчемнаго питья и табаку и жонокъ вѣдуней и приводу къ себѣ татемъ и разбойникомъ и боярскимъ бѣглымъ людямъ не держати и воровства никотораго у себя въ стрѣлецкой слободѣ не чинить и, отъѣзжая по дорогамъ, людей не побивать и не грабить и никакимъ воровствомъ не воровать.

А о денежномъ и о хлѣбномъ жалованьѣ Гдовскимъ стрѣльцамъ государевъ указъ во Псковѣ у стольника и воеводы у Петра Шереметева и у дьяка Григорья Богданова. А какъ Гдовскимъ стрѣльцамъ дадутъ государево жалованье, и то жалованье ему Макарью велѣть писать у себя въ книги порознь по десяткамъ. И посуловъ и поминковъ у стрѣльцовъ отъ государева жалованья и отъ иныхъ ни отъ

какихъ дѣлъ не имать. А питье велѣти стрѣльцамъ держать про себя брагу непьяную да квасъ житной. А которымъ стрѣльцамъ доведется сварить къ Великому дни [1]) и къ инымъ праздникомъ и ко крестинамъ и къ свадьбѣ пива, и они бъ являлись ему Макарью; а велѣти бъ тѣмъ стрѣльцамъ пива варить не по велику, по полуосминѣ, смотря по человѣку. И явочныхъ пошлинъ съ того стрѣльца не имать, а записывати велѣти жъ для того, чтобъ про то было вѣдано. И пить велѣти въ урочные дни. А мастеровымъ людемъ, которые къ стрѣльцамъ, платья и сапоговъ и инаго никакого рукодѣлья дѣлать и плотничать и работнаго дѣла на себя и на сотниковъ и на друзей своихъ безъ могорца [2]), однолично дѣлать не велѣти, и тѣмъ ихъ не изгонять, чтобъ въ томъ стрѣльцамъ налога и пропажъ не было и ничѣмъ государевымъ не корыстоваться, и изъ стрѣльцовъ для своей корысти не выпущати.

А будетъ онъ Макарей стрѣльцовъ отъ воровства унимати не учнетъ или кого онъ изъ стрѣльцовъ безъ государева указу выпуститъ или оставитъ по посуломъ или учнетъ съ службы стрѣльцовъ на торговлю и на добычи гдѣ нибудь отпущать или учнетъ на себя и на сотниковъ заставливать какихъ дѣлъ дѣлать безъ найму или бѣглыхъ стрѣльцовъ поручиковъ въ вычетныхъ деньгахъ учнетъ норовить, а тѣми деньгами корыствоваться самъ или стрѣльцы учнутъ какимъ воровствомъ промышлять его Макарьевымъ небреженіемъ и понаровкою: и за то отъ великаго государя царя и великаго князя Өеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца быти ему Макарью въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ безъ пощады.

У подлиннаго подписано тако: Дьякъ Іаковъ Кириловъ. Справилъ Ивашко Юдинъ.

*

Подлинникъ этого наказа, живо изображающаго древнюю военную службу, сохранился у г-на предсѣдателя Торжковской земской управы Александра Петровича Балавенскаго, который есть прямой потомокъ стрѣлецкаго головы Макарія Балавенскаго. П. Б.

---

[1]) Т.-е. ко дню святой Пасхи. П. Б.

[2]) Магарычъ—угощеніе при сдѣлкахъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА.

1838 годъ *).

Чечерскъ, 16-го Генваря.

15-го полученъ высочайшій приказъ, по коему я уволенъ въ отставку. Извѣстіе сіе, котораго я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, не менѣе того сдѣлало сперва на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Оставить званіе, въ коемъ провелъ всю почти жизнь свою! Но при всемъ томъ, когда подумаешь о неудовольствіяхъ, которыя я переносилъ, о томъ, какъ со мною поступали въ продолженіе столь долгой и дѣятельной службы, какъ обошлись съ подчиненными моими, и чему я подвергался, оставаясь долѣе въ службѣ, нельзя не признать основательности мѣры, мною принятой. Если бы и возстановилось довѣріе ко мнѣ, то память о сдѣланномъ со мною осталась бы всегда тайнымъ укоромъ, коего начало скрывалось бы во мнѣ. А посему я, рано ли, поздно ли, былъ бы отданъ на жертву, хотя и безъ успокоенія сего чувства несправедливой пытки.

Село Осташово, 9-го Февраля.

26-го я выѣхалъ изъ Чечерска со всѣмъ семействомъ и 7-го Февраля пріѣхалъ сюда, гдѣ засталъ батюшку.

Череповецъ, 17-го Августа.

Съ прекращеніемъ политическаго званія моего пресѣклись было и Записки сіи, въ коихъ послѣднее время заключались только однѣ обстоятельства службы и дѣлà, съ нею сопряженныя, во сколько обстоятельства сіи до меня касались. Теперь, когда я перемѣнилъ весь родъ жизни моей, все мое существованіе, занятія, цѣли, съ симъ должны перемѣниться предметы, наполняющіе сіи Записки, которыя я намѣренъ продолжать.

Я не скучаю, занятій имѣю много, люблю семейство свое, тружусь надъ усовершенствованіемъ себя и воспитаніемъ дѣтей. Для содержанія семейства и воспитанія нужны средства; пріобрѣтеніе ихъ

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1894 года.

посредствомъ хозяйственнаго управленія жениной отчины, которой я стараюсь увеличить доходъ, есть занятіе, сопряженное съ удовольствіемъ. Владѣніе сіе должно со временемъ одно служить къ содержанію нашему, нынѣ ограниченному почти однѣми арендами, пріобрѣтенными мною въ теченіе службы. До сихъ поръ аренды сіи и пенсія моя съ небольшою помощью изъ деревни доставляютъ намъ средство содержаться, хотя и съ большою разсчетливостью; но аренды сіи скоро кончатся, и тогда останется намъ для существованія только то, что̀ получаемъ изъ деревни. Какъ ни направить всѣхъ силъ своихъ для улучшенія сего источника, чтобы не остаться въ нуждѣ? Къ счастью, я не имѣю долговъ и всю жизнь свою провелъ безъ нихъ; напротивъ того, служба доставляла мнѣ средства не только къ умѣренной жизни, но даже къ составленію небольшаго капитала, предназначаемаго мною для старшей дочери, когда она войдетъ въ лѣта̀ настоящаго возраста. Капиталъ сей, рощенный еще со времени пребыванія моего въ Грузіи, мнѣ тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ пріобрѣтенъ многими трудами и лишеніями, и цѣль моя при удобномъ случаѣ употребить его на покупку небольшаго имѣнія, которое располагаю ей завѣщать. Обезпеченіе сіе доставляетъ мнѣ спокойствіе на старость, а труды къ улучшенію для прочихъ дѣтей имѣнія матери ихъ составляютъ для меня пріятное занятіе.

Съ симъ занятіемъ представилась мнѣ и новая наука сельскаго хозяйства, для пріобрѣтенія коей прилагаю старанія, наблюденіемъ другихъ хозяйствъ, сравненіемъ и чтеніемъ по сему предмету книгъ. Отъ сего не отстали мои прежнія занятія. Я продолжаю учиться по-еврейски, пересматриваю иногда веденныя мною въ Турецкомъ походѣ записки и имѣю еще въ виду учиться по-латыни.

Часто однако проходятъ дни въ потеряхъ. Я не успѣваю вмѣстить всѣхъ предположенныхъ занятій моихъ, и это болѣе всего происходитъ отъ безпрерывнаго столкновенія, въ коемъ мои обычаи находятся съ обычаями людей, живущихъ со мною подъ однимъ кровомъ... О кабинетѣ здѣсь никто понятія не имѣетъ, и если я стараюсь иногда провести время въ одиночествѣ, то сіе называютъ отчужденіемъ, даже претензіей къ тѣмъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю и, послѣду примѣру ихъ приходятъ сюда безъ надобности, изъ одного любопытства. Вооружиться противъ сего обычая совѣстно, ибо симъ можно оскорбить людей добронамѣренныхъ... Выходитъ, что все лѣто у меня пропало, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю, чтобы домъ брата Александра въ деревнѣ его Ботовѣ послѣ штукатурки высохъ, дабы скорѣе туда перебраться, жить самому спокойно и не быть другимъ въ тягость.

Череповецъ, 19-го Августа.

Вчера пріѣхалъ сюда князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ при объѣздѣ губерніи; онъ остался здѣсь обѣдать и ночевать. Человѣкъ сей добрыхъ свойствъ души, въ обхожденіи простъ... Разговоръ его нельзя назвать очень связнымъ, тѣмъ менѣе поучительнымъ; нельзя назвать его и скучнымъ: онъ много видѣлъ, многихъ знаетъ и охотно сообщаетъ мысли свои.

19-го получилъ я донесеніе отъ своего управляющаго въ деревнѣ, коимъ онъ просится прочь отъ мѣста своего. Хотя извѣстіе сіе порадовало меня, ибо я самъ имѣлъ въ виду смѣнить его; но, опасаясь, чтобъ онъ при семъ случаѣ не причинилъ мнѣ какихъ-либо важныхъ убытковъ, я рѣшился безъ потери времени ѣхать въ Москву и въ деревню, назначивъ въѣздъ свой. Одно обстоятельство меня затрудняетъ въ дѣлѣ, которое я впрочемъ безотлагательно рѣшилъ въ умѣ своемъ: вмѣстѣ съ управленіемъ моимъ участкомъ, ввѣрено ему управленіе участка Муравьевыхъ, у которыхъ я опекуномъ. Назначивъ другаго на его мѣсто, я назначаю другаго и въ управленіе Зарѣчной отчины Муравьевыхъ и, какъ бабка ихъ Екатерина Ѳедоровна сама заочно распоряжается симъ имѣніемъ, то и можетъ легко случиться, что она новымъ будетъ недовольна; ибо, при всей довѣренности, которую она мнѣ оказываетъ, женщина сія старая и находится подъ вліяніемъ другихъ людей, которые могутъ найти пищу свою въ измѣненіи ея расположенія къ роднымъ. Хотя я по званію опекуна надъ малолѣтними и долженъ управлять ихъ долею, но я не считаю возможнымъ требовать сего, чтобъ ея не огорчить; между тѣмъ она хочетъ, чтобы со смѣною моего управляющаго смѣнился и Зарѣчной тѣмъ, котораго я къ себѣ назначу, и все велѣно дѣлать въ подражаніе моихъ распоряженій.

Село Архангельское *), 2-го Сентября.

Третьяго дня пріѣзжалъ чиновникъ лѣснаго департамента, посланный по распоряженію полковника Похвиснева, служащаго по Министерству Государственныхъ Имуществъ, для осмотра границъ одной лѣсной дачи, находящейся въ моемъ владѣніи и будто принадлежащей казнѣ. Я послалъ къ нему, по требованію его, управляющаго своего Гапарина, который по невѣжеству своему не умѣлъ объяснить ему имѣющихся у насъ законныхъ актовъ на владѣніе сею землею и

*) Или Скорняково, Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Н. Н. Муравьевъ въ этомъ имѣніи, носящемъ имя извѣстнаго при Петрѣ Великомъ Скорнякова-Писарева, провелъ многіе годы своей отставки; въ немъ и скончался онъ 23 Октября 1866 года. П. Б.

самаго перваго плана. Такъ какъ управляющій мой отправился въ Воронежъ по дѣламъ моимъ, то я далъ ему планъ сего участка, для удостовѣренія Похвиснева въ несправедливости его требованія, а сегодня рано послалъ къ нему нарочнаго съ копіею указа, коимъ земля сія отдана Чернышевымъ въ замѣнъ взятыхъ у нихъ рыбныхъ ловель въ казну; но мало надѣюсь на дѣятельность его, а всего болѣе на добрую волю. Ежедневно открываю я новые безпорядки въ его управленіи и явныя злоупотребленія. Купленный имъ лѣсъ на новыя строенія за хорошую цѣну оказался кривымъ и гораздо тонѣе объясненнаго съ купцомъ договора. Онъ допускалъ здѣсь кормчество виномъ и бралъ за то съ пріѣзжихъ купцовъ, имѣлъ свое хозяйство, а крестьянъ разорялъ въ конецъ. Ожидаю только возвращенія его, чтобъ смѣнить его землемѣромъ Сялинымъ. Такія начала при вступленіи моемъ въ управленіе крайне прискорбны, но съ терпѣніемъ надѣюсь все преодолѣть

Все сіе время занимался я устройствомъ по хозяйству, и лучшій успѣхъ мой былъ конечно тотъ, что я открылъ множество безпорядковъ. Сдѣлавъ нѣсколько опытовъ молотьбы разными людьми съ однимъ землемѣромъ моимъ Сялинымъ, я открылъ, что опыты, произведенные здѣшними людьми, въ половину меньше того, который произведенъ землемѣромъ Сялинымъ, и узналъ, что молотьба хлѣба, производящаяся здѣсь на основаніи сихъ опытовъ, въ теченіе зимы, снабжаетъ всѣхъ дворовыхъ неисчерпаемыми средствами къ пьянству, меня же лишаетъ половинной части доходовъ.

Посланный мною въ Воронежъ нарочный возвратился съ извѣстіемъ, что начальство казенныхъ имуществъ, убѣдившись въ справедливости своего иска на мои лѣса, отступилось въ своемъ искѣ.

12-го пріѣзжалъ повидаться со мною командиръ 23-й конно-батарейной батареи подполковникъ Вульфертъ, служившій со мною въ Турецкую экспедицію. Онъ женился года два тому, въ окрестностяхъ квартиръ своихъ г. Землянска, на дочери богатаго помѣщика Станкевича. Такъ какъ батарея его выступала въ Воронежъ на маневры, то онъ не могъ долго остаться у меня и въ тотъ же день на ночь выѣхалъ. Посѣщеніе сіе меня много порадовало и тѣмъ болѣе утѣшило, что я имѣлъ новое доказательство преданности ко мнѣ сослуживца, котораго достоинства, какъ офицера, такъ и человѣка, я всегда много цѣнилъ.

18-го пріѣхалъ ко мнѣ съ письмомъ отъ Долгорукаго *) братъ его Алексѣй, который и остался у меня, что меня много развлекаетъ.

*) Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій и Н. Н. Муравьевъ женаты были на родныхъ сестрахъ, графиняхъ Чернышевыхъ. П. Б.

Присылку его считаю я за настоящій знакъ дружбы; ибо нельзя было лучше одолжить меня въ совершенномъ уединеніи, въ коемъ я нахожусь. Алексѣй Долгорукій, молодой человѣкъ, съ добрыми качествами души и любящій заняться; а потому я пріятно провожу съ нимъ время, раздѣляя съ нимъ занятія мои по управленію отчиною.....

3-го ѣздилъ я къ сосѣдкѣ вдовѣ Лубяновской и нашелъ въ ней женщину кроткую, набожную, разсудительную, посвящающую весь свой малый достатокъ на воспитаніе дѣтей; она пользуется всеобщимъ уваженіемъ крестьянъ въ окрестностяхъ. Вчера же при собраніи стариковъ я наказалъ стараго бурмистра и ввелъ въ управленіе вновь назначеннаго.

Елецъ 15-го Октября.

14-го призвалъ къ себѣ Гапарина. Я прочиталъ ему составленную записку о всѣхъ злоупотребленіяхъ и грабительствахъ его. Онъ повинился, притворился слезами и поклонился мнѣ въ ноги. Я не имѣлъ духа толкнуть его ногою, но прогналъ его отъ себя и велѣлъ внести наложенное взысканіе по одной части открытыхъ уже мошенничествъ его, на что онъ и обязался, и какъ онъ сегодня поутру сего еще не сдѣлалъ, то я послалъ вытребовать отъ него деньги и получилъ ихъ.

Разставаясь съ крестьянами, я остался доволенъ усердіемъ ихъ. Во всемъ мною предпринятомъ я успѣлъ. Выѣхалъ я изъ деревни сегодня въ 3 часа пополудни и, отслуживши молебенъ въ церкви, пріѣхалъ сюда ночевать.

Москва 26 Октября.

24-го на разсвѣтѣ я пріѣхалъ въ Москву и, заѣхавъ къ батюшкѣ, въ тотъ же день перешелъ на квартиру къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой *). Она мнѣ оказываетъ много пріязни и довѣренности и вчера передала мнѣ для храненія квитанцію въ полученіи духовнаго ея завѣщанія, отданнаго на сохраненіе въ Опекунскій Совѣтъ. Она объяснила мнѣ притомъ состояніе дѣлъ своихъ. Одно изъ четырехъ имѣній ея заложено, а три совершенно чистыя отъ долга.

Деньги, полученныя ею отъ залога одного изъ сихъ имѣній, положила она въ Опекунскій Совѣтъ и написала въ завѣщаніи своемъ, чтобы изъ той суммы (400.000) 200.000 были выданы внучкѣ ея, родившейся въ Сибири и тамъ находящейся нынѣ при отцѣ, и по 100.000 каждому изъ сыновей ея. Я предостерегъ ее, что такъ какъ сыновья ея лишены всякаго наслѣдства, то не лишили бы ихъ и права пользоваться (слѣдственно и наслѣдниковъ ихъ) сими суммами.

---

*) Е. Ѳ. Муравьева, мать двухъ Декабристовъ. П. Б.

Выѣхавъ 23-го числа въ ночь съ послѣдней станціи не доѣзжая Москвы, я заѣхалъ въ деревню Осоргино, Алексѣя Петровича Ермолова, и у него просидѣлъ до 3-хъ часовъ утра 24-го. Онъ очень обрадовался мнѣ и принималъ душевное участіе во всемъ, до меня касающемся. Я нашелъ у него Петра Николаевича Ермолова, Ховена и Нагибина, сослуживцевъ его Грузинскихъ, среди коихъ онъ сидѣлъ, раскладывая по старой привычкѣ своей карты.

1-го Ноября я перебрался со всѣмъ семействомъ въ Ботово, гдѣ и располагаю провести всю зиму и часть весны наступающаго года.

22-го числа я ѣздилъ къ батюшкѣ по его приглашенію; но я не зналъ причинъ, побудившихъ его къ тому, хотя и догадывался, что онѣ существовать должны. Едва я обнялъ его, какъ онъ повелъ меня въ кабинетъ и разсказалъ о встрѣтившемся съ нимъ случаѣ касательно меня въ Москвѣ, въ послѣдніе дни пребыванія его, когда Государь тамъ находился. Оберъ-полицеймейстеръ Цынскій пріѣхалъ къ батюшкѣ и сказалъ, что такъ какъ отъ него требовали записки о происходящемъ и носящихся молвахъ въ Москвѣ, то онъ считаетъ себя обязаннымъ написать въ сей запискѣ, что̀ онъ слышалъ, а именно, что въ публикѣ говорили, что для командованія арміями въ случаѣ войны признавали способными только князя Горчакова и меня; вообще сожалѣли о томъ, что я удаленъ отъ службы, и пересчитывали подвиги мои въ теченіе службы. Цынскій желалъ только имѣть подробнѣйшее свѣдѣніе о подвигахъ, чтобъ подать записку сію съ полною отчетливостью, и просилъ о сихъ свѣдѣніяхъ батюшку, который ему ихъ и передалъ. Сіе было соображено еще передъ пріѣздомъ Государя, котораго уже ожидали. Записка была подана Бенкендорфу, а имъ Государю. Бенкендорфа она, какъ говорили, очень тронула, а Государь принялъ ее съ удовольствіемъ; но что̀ на нее было сказано—неизвѣстно. Бенкендорфъ посылалъ просить къ себѣ батюшку, надѣлалъ ему множество вѣжливостей, но ни слова не сказалъ обо мнѣ. Батюшка былъ въ собраніи, даже стоялъ подлѣ Государя, который его видѣлъ, но не сказалъ ему ни слова. Что̀ все сіе значило, непонятно. Если оно произошло по приказанію Бенкендорфа, желавшаго околично узнать объ образѣ мыслей моихъ въ случаѣ предложенія мнѣ вступить въ службу, то онъ ничего не узналъ: ибо ни батюшка, ни кто либо въ свѣтѣ не слыхалъ на сей счетъ мнѣнія моего. Они узнали только то, что̀ помѣстилъ Цынскій въ своей запискѣ, присовокупившій къ ней сравненіе, сдѣланное публикою, между моимъ поведеніемъ и поведеніемъ А. П. Ермолова по выходѣ въ отставку. Мнѣ давали преимущество, говоря, что я веду себя скромно и нигдѣ не показываюсь, тогда какъ Алексѣй Петровичъ искалъ участія въ публикѣ своими рѣчами и обхожденіемъ, за что̀, говорили,

онъ и по дѣломъ наказанъ опредѣленіемъ опять въ службу съ лишеніемъ въ пользу его общаго мнѣнія.

Если все сіе не начато по приказанію высшихъ властей, то оно должно быть послѣдствіемъ старанія Кашинцова, чиновника тайной полиціи въ Москвѣ, человѣка весьма хорошей души, который намъ совершенно преданъ, принималъ сердечное участіе въ случившемся со мною и по дружбѣ съ Цынскимъ настроилъ его поступить такимъ образомъ.

Батюшка представлялъ Цынскому, что онъ подвергается большимъ неудовольствіямъ, вступаясь въ дѣло такого рода. «Чтó за дѣло!» сказалъ онъ. «Жалъ видѣть сына вашего въ отставкѣ. Меня спрашиваютъ, такъ я долженъ говорить то, чтó знаю; а впрочемъ мнѣ дѣла нѣтъ: исполняю только свою обязанность».

Если такъ, то поступокъ сей отмѣнно благороденъ. Батюшка въ семъ случаѣ сдѣлалъ то именно, чтò отецъ могъ только сдѣлать. Въ его лѣта и съ его здоровьемъ оставаться въ Москвѣ и выѣзжать въ собраніе, вмѣшаться въ дѣло сіе: такой поступокъ, конечно, свидѣтельствуетъ о весьма тонкихъ чувствахъ любви его ко мнѣ.....

Село Ботово, 19 Декабря.

Дѣло о вступленіи моемъ въ службу не остановилось. Батюшка вскорѣ послѣ посѣщенія моего поѣхалъ въ Москву и заѣхалъ ночевать ко мнѣ. Мы говорили о томъ же предметѣ; но я не сообщилъ ему мыслей своихъ и только выразилъ удовольствіе видѣть себя совершенно въ сторонѣ по этому дѣлу.

5-го числа получилъ я письмо отъ батюшки, въ коемъ онъ изъявлялъ сожалѣніе свое, что не могъ провести вмѣстѣ со мною день имянинъ своихъ, и убѣдительно просилъ меня прибыть въ Москву къ 8 числу, чтобы провести сей день вмѣстѣ. Я былъ на охотѣ, когда письмо это пришло; жена распечатала его и, по возвращеніи моемъ домой, спросила чтó могло бы значить такое приглашеніе. Настоящая причина такого приглашенія не могла укрыться; я объяснилъ женѣ всё предыдущее, но какъ я полагалъ, что такимъ сильнымъ поводомъ для батюшки—звать меня въ Москву—могли только служить новыя старанія полиціи завлечь меня, я отказался отъ этой поѣздки и написалъ ему слѣдующее:

„Любезный батюшка! Письмо ваше отъ 3 числа получено здѣсь вчера поутру, въ то время, какъ я былъ на волчьей охотѣ. Проходивъ все утро по лѣсу, въ холодную и непріятную погоду, я волковъ не видѣлъ, а порядочно простудился. Новый недугъ сей присоединился къ остаткамъ прежняго, еще не совсѣмъ прошедшаго, и я сегодня на имянины свои не совсѣмъ

здоровъ. Примите поздравленіе мое со днемъ Ангела вашего, который я надѣялся провести съ вами въ Осташовѣ или въ Ботовѣ. Не удается мнѣ даже исполнить обоюднаго желанія нашего провести 8 число вмѣстѣ и за то не взыщите на мнѣ, любезный батюшка. Нездоровье мое не послужило бы препятствіемъ поспѣшить на зовъ вашъ; но я не могу теперь въ Москву ѣхать, потому что никто не повѣритъ предлогу, а всякой станетъ заключать, что подъ поѣздкою сею кроются отвлеченныя причины и какіе либо иски. Вы сами, сравнивая мое поведеніе съ поведеніемъ другаго лица, находившагося въ подобныхъ обстоятельствахъ, оправдывали меня; я велъ себя просто, какъ сердце указывало, и теперь долженъ остерегаться, чтобы черезъ отклоненіе отъ того пути не подвергнуться той же участи, какъ то лице, коего примѣръ у насъ передъ глазами. Не сердитесь за то, что я такъ отвѣчаю на ваше нѣжное участіе; повѣрьте, что я умѣю чувствовать расположеніе ваше ко мнѣ; но не страшно ли оступиться въ такихъ скользкихъ обстоятельствахъ? За симъ послѣдовала бы утрата драгоцѣннѣйшаго пріобрѣтенія моего на службѣ—добраго мнѣнія и душевнаго спокойствія...

Я могъ послѣ того надѣяться, что меня оставятъ въ покоѣ, но случилось иначе. 11-го Декабря получилъ я другое письмо отъ батюшки, коимъ онъ убѣдительно просилъ меня пріѣхать, не объясняя однакоже причинъ настоятельности своей. Онъ писалъ, что, надѣясь на пріѣздъ мой по первому письму, онъ многихъ предупредилъ о томъ, а потому появленіе мое не дастъ поводу ни къ какимъ толкамъ; онъ находилъ поѣздку сію необходимою, говорилъ, что все разсудилъ и всячески просилъ меня не отказать ему въ семъ случаѣ и утѣшить его пріѣздомъ.

За день до полученія письма сего, пріѣхала ко мнѣ жена брата Михайла, недавно возвратившаяся изъ Петербурга; она сообщила мнѣ переданное ей тамъ съ довольною подробностію все случившееся въ Москвѣ по случаю представленія Цынскимъ обо мнѣ записки къ Бенкендорфу. Передавъ записку сію Александру Мордвинову, Бенкендорфъ сказалъ, что она была очень пріятна Государю, и что такой отзывъ можетъ быть очень полезенъ для меня.

Я предчуствовалъ, что батюшка былъ завлеченъ словами Кашинцова и Цынскаго, которые, дѣйствуя по приказанію своего начальства, льстили ему, не надѣясь другимъ путемъ выманить меня для узнанія моего образа мыслей. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не могло правительство прямо обратиться ко мнѣ, если оно желало меня снова имѣть на службѣ? И такое изворотливое средство для завлеченія меня на службу не давало ли мнѣ поводъ думать, что подъ симъ скрывалось другое намѣреніе еще болѣе погубить меня, принявъ меня на службу какъ бы по искамъ моимъ и оставивъ меня безъ должности въ

Петербургѣ, чѣмъ бы совершенно раззорили меня, отвлекли отъ семейства и уронили въ общемъ мнѣніи?

Я выѣхалъ отсюда 12 числа и въ тотъ же день къ 7-му часу вечера пріѣхалъ въ Москву. Подъѣзжая къ крыльцу квартиры батюшки, я встрѣтилъ его въ саняхъ собравшагося по городу съ визитами. Я остановилъ его. Первое его слово было пересѣсть къ нему и прямо ѣхать къ Кашинцову. Я тотчасъ увидѣлъ, что не ошибся въ предположеніяхъ своихъ, и отвѣчалъ, что не имѣю никакого дѣла до Кашинцова и пріѣхалъ единственно къ нему по его требованію. «Такъ воротимся», сказалъ батюшка; я за Кашинцовымъ пошлю.—И это ненужно, сказалъ я; Кашинцовъ намъ помѣшаетъ; я для васъ пріѣхалъ, а не для Кашинцова.

Мы вошли въ комнату. Батюшка говорилъ мнѣ, что Бенкендорфъ, по выходѣ отъ Государя, въ бытность его въ Москвѣ, положилъ резолюцію своею рукою на поданной ему запискѣ обо мнѣ, въ которой значилось, что Государь былъ очень доволенъ такимъ отзывомъ обо мнѣ. Резолюцію сію будто самъ Кашинцовъ видѣлъ и замѣтилъ, что далѣе было написано *и приказалъ*, но чтó за симъ слѣдовало не могъ видѣть, потому что записка въ семъ мѣстѣ была накрыта другою бумагою, которую онъ будто не смѣлъ сдвинуть. И вотъ все, за чѣмъ меня звали! Довольно неловко придумали оборотъ сей... Батюшка впрочемъ не сомнѣвался болѣе, что Цынскій и Кашинцовъ дѣйствовали по наущенію правительства. Письмо мое было отдано Кашинцову. Онъ изъявилъ опасенія свои, но говорилъ, что оно имъ очень понравилось, до чего мнѣ впрочемъ никакого дѣла не было. Тогда я просилъ батюшку выслушать меня и объяснилъ ему мой образъ мыслей.

Въ дѣйствіи правительства могло быть два умысла: или оно желало имѣть меня на службѣ по надобностямъ мнѣ неизвѣстнымъ, или оно желало оправдаться въ общемъ мнѣніи, пожертвовавъ мною и выставить мое малодушіе. Въ первомъ случаѣ, пути были просты, воля Государя все могла рѣшить, и посредниковъ не было нужно; во второмъ мнѣ надобно было быть крайне осторожнымъ. Я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ искать службы и всего менѣе быть зависимымъ отъ ходатайства постороннихъ и сожалѣлъ о людяхъ приближенныхъ къ Государю, которые могли столько ошибаться во мнѣ, и постоянное уваженіе, которое я оказывалъ къ старшимъ, смѣшалось съ уничиженіемъ. Они думали, что я обрадуюсь ихъ посредничеству и буду искать въ нихъ; но они не знали гордости моей и не предчувствовали, что, если я для нихъ былъ тягостенъ во время службы моей, то нынѣ буду еще тягостнѣе, если попаду опять въ службу. Я никому изъ нихъ не вѣрилъ, не вѣрю, и наружное увѣреніе, которое я имъ показывалъ, ни

сколько не значило, чтобы за нимъ слѣдовало и душевное мое уваженіе, котораго они не заслуживали. Къ чему мнѣ было искать въ нихъ, когда мнѣ предоставленъ былъ кратчайшій путь подать прошеніе на Высочайшее имя? Если Государю угодно имѣть меня на службѣ, то отъ него зависитъ отдать приказъ о зачисленіи меня вновь, и я буду служить безъ всякихъ условій. «Условія какія ты захочешь», сказалъ мнѣ батюшка, и хотѣлъ продолжать; но я прервалъ его и объявилъ, что считалъ условія неприличными между Государемъ и подданнымъ, и не хотѣлъ ни о какихъ знать, но что меня нынѣ озабочивала другая мысль: если умыслы ихъ нечисты, то они распустятъ слухи, что я былъ вызванъ въ Москву для приглашенія меня вступить въ службу, но что я показалъ много спѣси и отказался, чѣмъ выставятъ меня неправымъ въ общемъ мнѣніи.

Выслушавъ все сіе, батюшка вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей и отозвался съ восхищеніемъ о моихъ сужденіяхъ и поступкахъ. Онъ извинялся, что по напрасну вызвалъ меня, не зная, какъ я дѣло сіе принималъ, нашелъ все сказанное мною справедливымъ, а для оправданія моей поѣздки совѣтовалъ изложить все сказанное мною въ письмѣ къ нему, которое и просилъ меня тотчасъ же написать. Я разсудилъ что въ самомъ дѣлѣ средство сіе было лучшее, чтобы довести до свѣдѣнія правительства мой образъ мыслей, который меня заставляли обнаружить, а съ другой стороны также лучшее средство оправдаться въ общемъ мнѣніи, если бы захотѣли иначе перетолковать пріѣздъ мой въ Москву: ибо тогда я могъ дать гласность письму сему, а потому я написалъ слѣдующее.

Любезный батюшка!

Вы настоятельно требуете, чтобы я къ вамъ пріѣхалъ. Исполню желаніе ваше и прибуду въ Москву; но съ тѣмъ, чтобы подтвердить вамъ изустно мой образъ мыслей на счетъ вступленія въ службу, въ которой вы хотите меня снова видѣть.

Я съ прискорбіемъ вышелъ въ отставку, потому что не могъ перенести мысли о потерѣ довѣренности Государя, безъ которой служба содѣлывалась мнѣ постылою. Ударъ былъ жестокій, и я не чувствую еще въ себѣ духа воспользоваться прямымъ средствомъ предоставленымъ мнѣ для вступленія въ службу подать на Высочайшее имя прошеніе: единый путь, который я когда либо избралъ бы.

Если бы Государю угодно было имѣть меня въ службѣ, то это зависѣло бы совершенно отъ воли его; ибо, оставивъ военное поприще, я остался вѣрноподданнымъ его. Прикажетъ Государь зачислить меня Высочайшимъ приказомъ на службу, и я буду служить ему по силамъ, съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ прежде служилъ.

Такой образъ мыслей положилъ я себѣ на умъ, съ того дня какъ рѣшился подписать прошеніе свое въ отставку, и всегда останусь при немъ, по убѣжденію въ справедливости этого мнѣнія. Не посѣтуйте, любезный батюшка, за такой отзывъ на участіе принимаемое вами во мнѣ. Сожалѣю, что не сообщилъ вамъ мыслей своихъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ. Ничего искать не буду, а волю царскую исполню съ совѣстливостью. Что̀ Богъ велитъ, тому и быть! Обнимаю васъ и остаюсь съ душевнымъ почтеніемъ покорнымъ сыномъ вашимъ.

Село Ботово, 11-го Декабря.

Я переѣхалъ къ Е. О. Муравьевой, чтобы избѣжать налётовъ людей, искавшихъ меня по сему дѣлу; но я отъ того не избавился.

На другой день ввечеру явился ко мнѣ Кашинцовъ съ бумагою, которую онъ самъ просилъ выслушать. «Это, говорилъ онъ, записка, которая была подана Цынскимъ Бенкендорфу и представлена Государю». Я всячески отговаривался, отзываясь, что мнѣ до нея дѣла нѣтъ, что я не любопытствую входить въ чужія дѣла; но онъ настоятельно требовалъ, чтобъ я выслушалъ ее. Объясните мнѣ цѣль, сказалъ я.—«Это для того», отвѣчалъ Кашинцовъ, «чтобы вы провѣрили, вѣрно ли написаны походы ваши и подвиги».—На это есть формуляръ мой, сказалъ я.—«Но мы его не имѣемъ». Кашинцовъ такъ присталъ ко мнѣ, наконецъ, чтобъ я выслушалъ его записку, что я не могъ отказать ему.

Она содержала сперва мнѣнія публики Московской, что только меня и князя Горчакова считали способными для командованія арміями, въ случаѣ войны; потомъ слѣдовали сужденія публики, на коихъ такое мнѣніе было основано. Затѣмъ еще другія причины, по которымъ обращалось на меня всеобщее вниманіе: отецъ мой, извѣстный трудолюбіемъ своимъ, умомъ, познаніями, устройствомъ Общества Сельскаго Хозяйства въ Москвѣ, Хутора и Училища и пр...

Кашинцовъ продолжалъ чтеніе свое, коимъ онъ надѣялся восхитить меня. Тутъ сказано было, что я мало жилъ въ Москвѣ, велъ уединенную жизнь въ деревнѣ и на всѣ дѣлаемые мнѣ спросы о случившемся на смотру въ Севастополѣ отвѣчалъ, что я не судья Государю, что̀ и справедливо. Къ тому же прибавили, что я не произносилъ имени Государя иначе какъ съ восторгомъ; словомъ, что я напоминаю поведеніемъ и обхожденіемъ своимъ стариннаго Русскаго боярина, сильно чувствующаго опалу царскую, но съ терпѣніемъ переносящаго ее. Кашинцовъ кончилъ и спросилъ, какъ я находилъ записку эту. Выраженія ея превыспренни, отвѣчалъ я. «Это уже намъ остается, это наше дѣло». — Конечно не мое, и я прошу васъ опять нигдѣ къ этому дѣлу не мѣшать моего имени.—«Да вы позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, письма ваши къ батюшкѣ вашему отдать Александру Мордвинову, котораго я скоро увижу: дня черезъ четыре я въ Петер-

бургъ ѣду».—Не я вамъ письма сіи отдалъ, сказалъ я; ничего я не прошу, а меня вынудили объясниться. Не могу руководить вашими дѣйствіями въ дѣлѣ собственно до васъ, а нисколько до меня не касающемся.

И симъ кончилось тягостное для меня засѣданіе. Кашинцовъ— добрѣйшій человѣкъ; онъ дѣйствуетъ и по приказанію правительства, и по собственному участію во мнѣ, полагая, что я несчастливъ быть въ отставкѣ, и еслибъ имя батюшки въ семъ случаѣ не было замѣшано, то я бы давно прекратилъ иски ихъ и домогательства, которыя считаю совсѣмъ неприличными.

За симъ слѣдовало новое. Кашинцовъ, увѣряя меня въ преданности Цынскаго, котораго я не зналъ, изъявилъ желаніе его со мною познакомиться. Я отвѣчалъ, что готовъ принять его на другой день поутру. Потомъ сталъ онъ просить меня къ себѣ на другой день ввечеру, говоря, что я тамъ и Цынскаго найду, причемъ онъ довольно показалъ ограниченность свою, прося меня пріѣхать въ звѣздахъ для того, чтобы Цынскій видѣлъ и могъ бы сказать, какъ я дорожу знаками отличія. Всякаго другаго я бы отдѣлалъ за такое предложеніе; но на Кашинцова нельзя было сердиться, потому что это происходило отъ простодушія его, и мысль сія пришла къ нему на умъ потому, что иногда я надѣвалъ фракъ со звѣздами, чтобы выѣхать со двора. Я отвѣчалъ ему, что не имѣлъ ни привычки, ни надобности казаться инымъ, что̀ былъ, пріѣду какъ мнѣ будетъ пріятно, и что я всего болѣе любилъ носить сюртукъ, а тамъ что́ подумаетъ Цынскій или что́ напишетъ, мнѣ дѣла нѣтъ. Впередъ же сдѣлалъ я съ нимъ уговоръ, чтобъ о заведенномъ имъ дѣлѣ не было ни слова говорено у него: ибо я могъ согласиться слышать его сужденія какъ человѣка мнѣ давно знакомаго, но Цынскому, котораго я совсѣмъ не зналъ, было бы неприлично говорить о томъ.

Ввечеру я былъ у Кашинцова. Тамъ были батюшка и Цынскій, который пріѣзжалъ ко мнѣ поутру, но не засталъ меня дома. Цынскій человѣкъ безъ большаго образованія, но умный, хитрый, ловкій и дѣятельный. Онъ особенно покровительствуемъ графомъ Орловымъ, у котораго былъ квартирмистромъ въ полку, когда онъ командовалъ Конною Гвардіею, правилъ всѣми его дѣлами и полкомъ, который онъ за него и сдалъ. Орловъ поэтому доставилъ ему и званіе флигель-адъютанта, и мѣсто оберъ-полицеймейстера въ Москвѣ, и многія значительныя денежныя награжденія отъ Государя и, наконецъ, въ теперешній пріѣздъ Государя, онъ назначенъ въ свиту Государя.

Близкія сношенія между Цынскимъ и Кашинцовымъ довольно странны: люди совершенно разныхъ свойствъ. Но причиною тому сход-

ствіе обязанностей ихъ. Бенкендорфъ, въ бытность свою въ Москвѣ, приказывалъ Кашинцову, въ присутствіи Цынскаго, быть съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ, первому по тайной, другому по гражданской полиціи. Цынскій до того еще сблизился съ Кашинцовымъ, потому что желалъ имѣть руку въ дѣйствіяхъ тайной полиціи и употребить ее въ свою пользу, какъ и дѣлаютъ многіе.

Цынскій Одесскій помѣщикъ и открытый врагъ графу Воронцову, который дѣлалъ ему всякія незаконныя прижимки, и отъ того онъ не щадитъ его. Хотѣли меня заманить въ разговоръ и начали съ разсказовъ о поступкахъ графа Воронцова; я также передалъ ихъ нѣсколько. Потомъ коснулись смотра. Я отвелъ рѣчь и слегка только пересказалъ имъ обстоятельства смотра послѣдняго батальона, работавшаго на Южномъ берегу Крыма, послѣ чего я былъ отрѣшенъ отъ командованія. Впрочемъ разговоръ, какъ я того требовалъ, ни словомъ не коснулся причины пріѣзда моего въ Москву, и въ 11-ть часовъ вечера я уѣхалъ, оставя батюшку, который еще долго просидѣлъ съ ними.

15-го поутру я выѣхалъ изъ Москвы и возвратился сюда. По пути зашелъ я къ батюшкѣ, чтобы съ нимъ еще разъ проститься, потому что мало съ нимъ видѣлся наединѣ. Онъ очень сожалѣлъ, что потревожилъ меня понапрасну, но я просилъ не заботиться о томъ и успокоилъ его.

Село Ботово, 9-го Февраля.

7-го Февраля, въ 10 часовъ ввечеру, скончался сынъ мой Никита. Онъ былъ очень отъ рожденія слабъ и никогда не подавалъ настоящей надежды къ жизни. Какъ бы то ни было, потеря его много огорчила меня. Изъ четырехъ сыновей моихъ одного я никогда не видалъ. Одинъ родился, когда я былъ въ походѣ, прожилъ десять дней и похороненъ въ Тифлисѣ безъ меня; другой не доношенъ и зарытъ въ Могилевѣ; третій родился также мертвымъ въ Яропольцѣ и четвертый близнецъ, котораго я нынѣ лишился. 11-го схоронили мы ребенка въ Яропольцѣ.

Вчера, 12-го, выѣхалъ отсюда Брянчаниновъ, который заѣзжалъ ко мнѣ по пути своему въ отпускъ въ Петербургъ и провелъ у меня 18 дней.

13-го пріѣхала къ намъ Вѣра Григорьевна *) со всѣмъ своимъ семействомъ. Вчера она выѣхала въ Москву. Я отпустилъ съ нею жену и послалъ Наташу, чтобы показать ее гимнастическому учителю. Ей нужны упражненія сіи при нынѣшнемъ быстромъ ростѣ ея; черезъ недѣлю должна она воротиться съ женою. Не менѣе того поѣздка эта безпокоитъ меня. Онѣ всѣ остановятся въ домѣ Кругликова. Я опасаюсь самой дороги, въ теперешнее время: вчера была

*) Супруга графа Ѳедора Петровича Палена, своячeница Н. Н. Муравьева. П. Б.

мятель. Учитель у Вѣры Пруссакъ, не знающій ни слова по-русски, отъ природы молчаливый, и не умѣетъ себѣ даже трубки набить. Слуга ея также иностранецъ, старикъ и неспособный ни къ какой службѣ, такъ что его даже не брали въ Ботово: онъ самъ требуетъ прислуги. Служанки нѣтъ.

3-го Мая я выѣхалъ со всѣмъ семействомъ изъ Ботова и 4-го прибылъ въ Москву.

Архангельское, 31-го Мая.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ меня одолѣвали старанія Кашинцова и Цынскаго для завлеченія меня въ службу. Я имъ постоянно отвѣчалъ тѣми же словами, какъ и прежде. Они уговаривали меня на готовящіеся въ Бородинѣ маневры; но я не могу сдѣлать сего, не подвергнувшись тѣмъ же опасеніямъ быть дурно приняту, а потому и не располагаю впередъ ѣхать безъ зова. Впрочемъ, судя по настоятельности, съ коею приглашали меня (отъ чьего имени, не знаю), можно предполагать, что меня потребуютъ къ Бородинскому смотру, и тогда мнѣ снова надобно будетъ переламывать привычки взятыя мною въ теченіе полутора года, проведеннаго въ отставкѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1839 года переѣхалъ я изъ Москвы съ семействомъ сюда заняться хозяйствомъ и до сихъ поръ борюсь съ бѣдствіями, поражающими въ теченіе двухъ годовъ несчастныхъ поселянъ. Два неурожая, пожары, скотскій падежъ на лошадей и рогатый скотъ, наконецъ смертность въ народѣ, отъ коей погибло много людей прошедшею весною, всѣ эти обстоятельства соединились какъ бы для того, чтобы лишить меня всякой охоты къ занятіямъ новаго рода, за которыя я принялся со времени отставки; но я вооружаюсь терпѣньемъ и стараюсь устоять противъ этихъ бѣдствій въ надеждѣ на лучшее въ будущемъ.

ОБЪ АРХИВАХЪ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Изученіе мѣстной исторіи различныхъ частей Кавказа, конечно, есть необходимое условіе для возможности появленія въ будущемъ общей исторіи края. Изученіе же это тѣсно связано съ разработкою мѣстныхъ архивовъ. Великолѣпное изданіе Кавказской Археографической Коммиссіи заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, великое число документовъ, относящихся къ исторіи Кавказа; но въ него вошли преимущественно акты, имѣющіе болѣе общій интересъ. Обнародованіе и изученіе документовъ имѣющихъ мѣстное значеніе есть дѣло будущаго, да и свѣдѣнія о Кавказскихъ архивахъ крайне скудны въ нашей исторической литературѣ.

Профессоръ университета Св. Владимира В. С. Иконниковъ въ своемъ капитальнымъ трудѣ „Опытъ Русской исторіографіи“ (Кіевъ. 1891. т. I. книги 1—2. на стр. 511—513 и 556—559) собралъ литературныя указанія о Кавказскихъ архивахъ, но объ архивахъ Дагестанской области онъ не имѣлъ данныхъ и потому умалчиваетъ о нихъ. Между тѣмъ эти послѣдніе представляютъ значительный интересъ. Не говорю объ архивахъ мѣстныхъ управленій Дагестанской области, относящихся къ недавнему времени; въ гг. Шурѣ и Дербентѣ имѣются архивы, заключающіе документы и дѣла довольно старые. Въ Дербентѣ при городской полиціи находится архивъ, ведущій свое начало со времени присоединенія Дербента въ 1806 г. и заключающій въ себѣ много бумагъ времени Ермолова и т. д. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, при канцеляріи военнаго губернатора, состоятъ два архива: собственно гражданской канцеляріи и бывшаго штаба командовавшаго войсками въ Дагестанской области. Первый изъ нихъ начинается съ 40-хъ годовъ, во второмъ же хранятся дѣла начала 30-хъ. Въ архивъ бывшаго штаба вошли также дѣла управленія командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, управленія Южнаго Дагестана (частью), а также первой бригады 19 пѣхотной дивизіи. Изъ дѣлъ двадцатыхъ годовъ сохранилось только одно (1826 г. „о войнѣ съ Персіею подъ начальствомъ Гуссейнъ-Кули-хана“), за 1833 г.—2 дѣла, 1834 г.—3, 1835 г.—1; съ 1836 г. число дѣлъ все увеличивается. Хотя архивъ лишился многихъ дѣлъ, отобранныхъ въ архивъ Тифлисскаго окружнаго штаба, но и оставшееся даетъ много матеріала для исторіи Дагестана, особенно за послѣднія 60 лѣтъ. Насколько намъ извѣстно, въ исторической литературѣ не встрѣчается извѣстій о Дагестанскихъ архивахъ; единственная ссылка на одинъ изъ нихъ встрѣчена

нами въ сообщеніи г. Біахарова: „Приказъ маіора Мызникова“ въ „Русской Старинѣ“ 1886, № 5, 381—382; вѣроятно, и рапортъ лѣкаря Харкевича, напечатанный въ томъ же журналѣ (1876, № 7, 725—726, „Медицина въ Дербентѣ въ 1842 г.“), почерпнутъ изъ какого либо Дагестанскаго архива. Въ виду такого отсутствія свѣдѣній объ архивахъ Дагестанской области, кажется, не безъинтересно, въ видѣ образца того, что можно ожидать встрѣтить въ нихъ, представить изложеніе одного дѣла, представляющаго нѣкоторый интересъ для исторіи Кавказской войны вообще, какъ матеріалъ для характеристики отношеній столь извѣстныхъ Кавказскихъ военачальниковъ, каковы были генералы Клюки-фонъ-Клугенау и Фезе. Кромѣ того, это дѣло даетъ нѣкоторый матеріалъ для біографіи бывшаго впослѣдствіи попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, генерала Антоновича.

Предварительно замѣтимъ, что Гржеготжевскій въ своей біографіи генерала Клюки (Русская Старина 1876, № 3, 646) замѣчаетъ: „съ назначеніемъ Фезе начальникомъ 19-й дивизіи начинаются непріятности для Клугенау“ и далѣе нѣсколько разъ касается натянутыхъ отношеній между генералами [1]). Вотъ эти-то отношенія и характеризуетъ дѣло № 16 штаба 1 бригады 19 пѣхотной дивизіи 1837 г. „о распространеніи будто бы въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ неблагомыслящихъ слуховъ на счетъ дѣйствій Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ г.-маіора Фезе“, хранящееся въ архивѣ бывшаго штаба командовавшаго войсками въ Дагестанской области [2]).

4 Августа 1837 г. генералъ Фезе писалъ изъ лагеря въ ущельи Бурундукъ-Кале генералу Клюки, остававшемуся въ Шурѣ: „Дошло до свѣдѣнія моего, что адъютантъ ввѣренной вашему превосходительству бригады, штабсъ-капитанъ Евдокимовъ (будущій графъ) занимается распространеніемъ невыгодныхъ и неблагомыслящихъ слуховъ о дѣйствіяхъ командуемаго мною отряда, которые онъ выдаетъ за полученныя, неизвѣстно кѣмъ и отъ кого, самовѣрнѣйшія извѣстія. Въ слѣдствіе сего прошу ваше превосходительство строжайше запретить своему адъютанту впредь позволять себѣ подобные предосудительные и неприличные Русскому офицеру поступки; а какъ штабсъ-капитанъ Евдокимовъ, по случаю болѣзни вашей, находится въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ безъ всякаго занятія, между тѣмъ какъ онъ при отрядѣ можетъ быть полезнымъ для службы Его Императорскаго Величества, то не угодно ли будетъ вашему превосходительству отправить его въ отрядъ на службу, и о послѣдующемъ прошу меня увѣдомить“.

Затронутый въ лицѣ своего адъютанта, Клюки 8 Августа отвѣчалъ Фезе, что онъ потребовалъ отъ Евдокимова объясненія, которое и препро-

---

[1]) Г. Юзовъ („Три года на Кавказѣ 1837—1839 г. Кавк. сборникъ, VIII, 43) объ отношеніяхъ Клюки и Фезе замѣчаетъ, что, вслѣдствіе весьма обострившихся отношеній между этими генералами, Клюки, подъ предлогомъ болѣзни, уклонился отъ участія въ экспедиціи.

[2]) Любопытно узнать, какъ солдаты наши называли про себя этихъ генераловъ чужаго имени. Извѣстно, что у нихъ были Быстровы (Бистромъ), Дылда въ шубѣ (Гильденштубе), Бревно изъ гвардіи (Бреверпъ-де-ла-Гарди) и пр. П. Б.

водитъ къ Фезе по полученіи, а между тѣмъ „почтеннѣйше присовокупляетъ, что штабсъ-капитанъ Евдокимовъ, исправляя должность по званію адъютанта 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, не находится безъ всякаго занятія, ибо теченіе дѣлъ по ввѣренной мнѣ бригады не останавливалось и продолжается на прежнемъ основаніи“. Клюки былъ, очевидно, правъ; ибо болѣзнь его не могла, конечно, остановить производства обыкновенныхъ дѣлъ по бригадѣ, бывшее на обязанности адъютанта.

8-же числа Евдокимовъ подалъ Клюки объясненіе, въ которомъ энергически опровергаетъ взводимое на него обвиненіе и которое Клюки 9 числа препроводилъ къ генералу Фезе, прибавивъ, „что штабсъ-капитана Евдокимова около 6 лѣтъ я знаю какъ офицера отличнаго своимъ поведеніемъ и нравственностью, а потому полагаю, что донесеніе о томъ вашему превосходительству сдѣлано несправедливо. Для изслѣдованія же точнѣйшей истины, не благоугодно ли будетъ приказать сдѣлать законное обслѣдованіе“.

Но Фезе еще 4 Августа писалъ воинскому начальнику укрѣпленія Т.-Х.-Шуры подполковнику Лихареву: „Дошло до свѣдѣнія моего, что Апшеронскаго пѣхотнаго полка рядовой Антоновичъ, изъ разжалованныхъ, проживая праздно въ укрѣпленіи Т.-Х.-Шуры, занимается распространеніемъ неблагомыслящихъ слуховъ о состояніи командуемаго мною отряда и осмѣливается даже дѣлать дерзкія сужденія относительно дѣйствія онаго“, почему я предписалъ арестовать его и отправить въ отрядъ, также какъ и рядовыхъ изъ дворянъ того же полка Виноградскихъ, занимающихся также распространеніемъ „неблагомыслящихъ“ слуховъ. Предписаніе свое Лихареву Фезе оканчиваетъ: „Точное исполненіе всего вышепрописаннаго останется на строгой отвѣтственности вашего высокоблагородія и, въ случаѣ упущенія вами по сему предмету, вынужденнымъ буду взыскать съ васъ за ослушаніе“. Недовольствуясь этою угрозою, Фезе наблюденіе за исполненіемъ своего распоряженія возложилъ на командовавшаго Апшеронскимъ полкомъ подполковника Попова, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ отправить въ отрядъ всѣхъ разжалованныхъ и дворянъ-рядовыхъ полка, находившихся въ Шурѣ. Такимъ образомъ Фезе придавалъ дошедшимъ до него слухамъ о толкахъ въ Шурѣ важное значеніе и приписывалъ происхожденіе ихъ едва ли не самому Клюки, ибо нарушалъ даже служебный порядокъ: миновавъ Клюки, старшаго начальника въ Шурѣ, относился прямо къ подчиненнымъ ему лицамъ. Того же 4 Августа онъ, сверхъ всего вышеизложеннаго, писалъ подполковнику Лихареву: „Освѣдомившись, что въ Т. Х. Шурѣ находится сборище офицеровъ, дворянъ и разжалованныхъ, которые во все продолженіе настоящей экспедиціи позволяютъ себѣ распространеніе неблагомыслящихъ и неприличныхъ Русскимъ воинамъ слуховъ о состояніи командуемаго мною отряда и даже разныя сужденія и толки относительно оныхъ и поставляя вашему высокоблагородію на видъ, что вы въ должности воинскаго начальника допускали по сіе время подобные предосудительные поступки, предлагаю вамъ взять строгія мѣры къ искорененію оныхъ и впредь властью вашею всячески препятствовать разнесенію въ Т. Х. Шурѣ неблагопріятныхъ о дѣйствіяхъ отряда слуховъ или

извѣстій, полученныхъ неизвѣстно кѣмъ и отъ кого, тѣмъ паче, что достовѣрными свѣдѣніями, доставлявшимися мною къ вамъ регулярно изъ отряда, таковые слухи и будто самовѣрнѣйшія извѣстія по сіе время всегда были опровергаемы".

Обиженный подобнымъ обходомъ его, какъ старшаго въ укрѣпленіи, генералъ Клюки, потребовавъ отъ Лихарева и Попова копіи съ предписаній Фезе и съ отвѣтовъ ихъ и писалъ 9 Августа генералу Фезе:

„Усмотрѣвъ изъ содержанія тѣхъ предписаній, что до свѣдѣнія вашего превосходительства доведено о существованіи въ укр. Т.-Х.-Шурѣ сборища офицеровъ, дворянъ и разжалованныхъ, занимающихся распространеніемъ неблагонамѣренныхъ слуховъ, я долгомъ считаю донести вашему превосходительству, что по званію бригаднаго командира и старшаго воинскаго здѣсь начальства, я соблюдалъ и соблюдаю за тѣмъ строжайшимъ образомъ, и, конечно, не допустилъ бы существованія ничего подобнаго. Кромѣ того, командующій Апшеронскимъ полкомъ подполковникъ Поповъ и назначеннный вами въ укрѣпленіи Т.-Х.-Шурѣ воинскимъ начальникомъ подполковникъ Лихаревъ, обязанные наблюдать за тѣмъ, равнымъ образомъ, вѣроятно, довели бы до свѣдѣнія начальства, и къ искорененію того приняты бы были строжайшія мѣры. Но до сего времени сборища офицеровъ, дворянъ и разжалованныхъ, занимающихся распространеніемъ неблагонамѣренныхъ слуховъ, въ укр. Т.-Х.-Шурѣ не существовало; а потому и слѣдуетъ предположить, что донесеніе о томъ вашему превосходительству основано на видахъ личности или неблагонамѣренности. Для изслѣдованія же точнѣйшей истины неблагоугодно ли будетъ вашему превосходительству предписать произвести законное слѣдствіе?"

Далѣе Клюки проситъ разрѣшенія дѣйствительно больныхъ изъ числа лицъ, которыхъ Фезе предписалъ выслать въ строй, оставить въ полковомъ лазаретѣ, а Виноградскихъ, по слабости здоровья, оставить въ Шурѣ.

„Что же касается до рядоваго Антоновича, находящагося для письменныхъ занятій при штабѣ ввѣренной мнѣ бригады, извѣстнаго мнѣ своею нравственностью и поведеніемъ, то смѣю ручаться вашему превосходительству, что онъ не занимался распространеніемъ какихъ-либо неблагонамѣренныхъ слуховъ. Но за всѣмъ тѣмъ, въ угодность вашему превосходительству, я приказалъ его арестовать съ посаженіемъ на гауптвахту, и какъ онъ, по слабости своего здоровья, не можетъ переносить трудностей горной экспедиціи, то приказалъ оставить его при исполненіи имъ настоящей службы. Дѣлая донесеніе мое о томъ вашему превосходительству, честь имѣю присовокупить, что копія съ копій предписаній вашего превосходительства, равно и о распоряженіи моемъ по онымъ, представлена мною по командѣ".

На запросъ генерала Клюки, подполковникъ Лихаревъ 15 Августа отвѣчалъ, что о „распространеніи по ложнымъ свѣдѣніямъ о дѣйствіяхъ отряда неблагомыслящихъ сужденій дворянами Виноградскими и рядовымъ Антоновичемъ свѣдѣнія до меня не доходило, какъ равно и о сборищѣ господъ офицеровъ, коихъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, здѣсь такъ мало, что постоянно, можно сказать, находясь на службѣ, не могли собираться". Въ такомъ же смыслѣ Лихаревъ доносилъ 10 числа генералу Фезе.

23 Августа Клюки препроводилъ начальнику 19 дивизіи генералъ-лейтенанту Фролову *) всю переписку съ генераломъ Фезе и донесъ, что по

*) Фезе командовалъ тогда 20 пѣхотною дивизіею и былъ назначенъ въ 1837 году.

его рапорту и по рапорту Евдокимова „его превосходительство не удостоилъ сдѣлать никакого распоряженія и до сего времени".

22 Августа Фезе послалъ генералу Клюки предписаніе за № 1171, котораго въ дѣлѣ не оказалось и съ содержаніемъ котораго знакомимся изъ отвѣта генерала Клюки отъ 31 числа, за № 1137.

„На 4-й же пунктъ того же предписанія вашего пр—ва необходимымъ считаю изъяснить, что въ рапортѣ моемъ за № 1020 вовсе не сказано о нахожденіи рядоваго Антоновича при особѣ моей, какъ вы изволили выразиться, но упоминается только о прикомандированіи его къ штабу ввѣренной мнѣ бригады для письменныхъ занятій; да и это обстоятельство выставлено не какъ причина неотправленія его къ дѣйствующему отряду, а какъ доказательство, что рядовой Антоновичъ, имѣя постоянность занятія, находясь всегда у меня на виду, не занимается распространеніемъ неблагонамѣренныхъ слуховъ и дерзкихъ сужденій о дѣйствіяхъ командуемаго вами отряда. Къ этому честь имѣю присовокупить, во 1-хъ, что рота, въ коей числится Антоновичъ, не находится въ составѣ дѣйствующаго Дагестанскаго отряда, а во вторыхъ; еслибы мы не находились тамъ, то какъ бы ни были далеки отношенія мои къ вашему превосходительству, о которыхъ вы мнѣ въ предписаніи своемъ напоминаете, мнѣ кажется, что я, какъ бригадный командиръ, во всякомъ случаѣ имѣю полное право взять одного рядоваго изъ подвѣдомственныхъ мнѣ полковъ для нахожденія при бригадномъ штабѣ, имѣя на то свои причины. Въ заключеніе не могу не изъявить живѣйшаго моего сожалѣнія въ томъ, что ваше пр., извѣщая меня въ предписаніи своемъ объ увольненіи вами рядоваго Антоновича отъ присылки въ дѣйствующій отрядъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поясняете, что дѣлаете это по всеобщему засвидѣтельствованію его слабаго здоровья; между тѣмъ, какъ я рапортомъ за № 1020 удостовѣрялъ васъ въ этомъ, конечно, гораздо прежде другихъ, не полагая, чтобы ваше пр. сочли нужнымъ повѣрять мое засвидѣтельствованіе какими-либо посторонними подтвержденіями; ибо вы, конечно, согласитесь, что званіе, котораго я милостью Государя Императора удостоенъ, даетъ мнѣ полное право на совершенное ко мнѣ довѣріе, въ которомъ ваше пр-во одни изволите отказывать мнѣ".

Дѣло этимъ оканчивается. Вѣроятно, раздутое Фезе, съ очевидною цѣлью сдѣлать непріятность Клюки, дѣло о толкахъ въ укрѣпленіи Шурѣ не имѣло никакихъ послѣдствій. Мало ли что могли толковать и судачить; едва ли командовавшему отрядомъ слѣдовало поднимать изъ-за этого исторію, которая какъ видно изъ отвѣтовъ генерала Клюки, едва ли не доставила перевѣсъ послѣднему. Во всякомъ случаѣ вся эта переписка, характеризуетъ какъ личности обоихъ храбрыхъ Кавказскихъ генераловъ, такъ и жизнь въ укрѣпленіяхъ Кавказа 30-хъ годовъ.

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
26 Сентября 1894 г.

начальникомъ отряда, который дѣйствовалъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ и съ которымъ онъ совершилъ извѣстную Аварскую экспедицію.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

IV *).

Пріемъ дѣлъ Ефремовскаго уѣзднаго предводителя дворянства не обошелся безъ курьеза. Въ опекѣ оказалось, что одно имѣніе, малолѣтнихъ Горяиновыхъ, было продано съ публичныхъ торговъ въ промежутокъ времени между уходомъ со службы стараго предводителя дворянства Бахтеярова и моимъ прибытіемъ въ Ефремовъ. И это за долгъ блаженной памяти Опекунскому Совѣту въ двѣсти тридцать восемь рублей! Малолѣтніе остались безъ всякихъ средствъ. Между тѣмъ имѣніе было въ четыреста десятинъ чернозема, да еще крестьяне были не на выкупѣ, такъ что выкупъ свободно покрылъ бы долгъ Опекунскому Совѣту, и получился бы крупный остатокъ кромѣ четырехъ сотъ десятинъ, свободныхъ уже отъ всякаго залога. Бездѣйствіе опекуновъ было очевидно, и я даже пригрозилъ имъ судомъ, въ случаѣ если не удастся вернуть имѣніе малолѣтнимъ, а самъ поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ. Имѣніе было куплено старикомъ академикомъ Чебышовымъ, котораго я отыскалъ и которому поставилъ на видъ положеніе малолѣтнихъ и грозящую опекунамъ непріятность. Пафнутій Львовичъ Чебышовъ, узнавъ въ чемъ дѣло, не задумался возвратить имѣніе малолѣтнимъ Горяиновымъ. Но еще курьезнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что Чебышовъ, хотя и не вступался во владѣніе имѣніемъ, но по закону долгое время не могъ возвратить его: на немъ оказалось старое запрещеніе, которое нельзя было снять въ теченіи трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ купчую невозможно было совершить, а между тѣмъ опека управляла имѣніемъ, какъ въ дѣйствительности принадлежащимъ Горяиновымъ. Какъ бы съ такимъ дѣломъ справились формалисты?... На дѣлѣ *такъ*, а на бумагѣ *иначе*.

Въ канцеляріи нашелъ я около 118 рублей денегъ, собранныхъ крестьянами въ пользу О. И. Комисарова-Костромскаго, который спасъ жизнь Государю Александру II-му, на покупку ему имѣнія. Такъ какъ комитетъ, который долженъ былъ ему купить имѣніе, былъ закрытъ, то я написалъ самому Комисарову, который былъ юнкеромъ въ какомъ-то полку. Въ юнкера онъ попалъ по ошибкѣ; онъ хотѣлъ про-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1894 года.

ситься въ камеръ-юнкеры, а сказалъ Государю: «прошу меня пожаловать юнкеромъ». Его и зачислили юнкеромъ въ полкъ, чему онъ вовсе не былъ радъ. Я въ письмѣ своемъ указалъ Комисарову, что тѣ же крестьяне по случаю голода крайне нуждаются, и потому не оставитъ ли онъ эти 118 рублей въ пользу голодающихъ? Прошло нѣсколько времени, я и забылъ про Комисарова, какъ получаю съ почты письмо, напоминающее своей наружностью тѣ, какія полуграмотные пишутъ крестьяне или лавочники: криво-косо, съ трудомъ прилѣпляя разнохарактерныя буквы одну къ другой. Это письмо писалъ мнѣ юнкеръ О. И. Комисаровъ - Костромской, прося поскорѣе выслать ему собранныя деньги въ Спасскую-Полѣсть, мѣстопребываніе его полка. Я велѣлъ секретарю отослать ему эти плакучіе 118 рублей, а самое письмо Комисарова препроводилъ къ графу А. С. Уварову, прося принять оное въ его коллекцію рукописей, какъ автографъ лица, долженствующаго со временемъ играть отчасти роль Ивана Сусанина въ Русской Исторіи. При этомъ я написалъ графу Уварову, при какихъ условіяхъ я получилъ письмо Комисарова. Но послѣдствія не оправдали моихъ предположеній. Иванъ Сусанинъ дѣйствительно спасъ отъ Поляковъ Михаила Θеодоровича Романова; относительно же Комисарова весьма сомнительно, онъ ли спасъ дѣйствительно жизнь Государя. Бывшій вблизи во время катастрофы Э. И. Тотлебенъ выставилъ Комисарова таковымъ, т. е. спасителемъ Государя; но самъ Комисаровъ, при бывшей суматохѣ, въ которой было трудно разобраться, себя не выставлялъ имъ, а первый сказалъ ему это Тотлебенъ, и тогда не было причинъ Комисарову отказываться отъ счастья. Тотлебенъ же выставлялъ это такъ красиво: «вотъ крестьянинъ, спасъ Царя; само Провидѣніе дало возможность отблагодарить крестьянину за освобожденіе всего крестьянства отъ крѣпостной зависимости». Тогда же нѣкоторыми было заявлено сомнѣніе, которое такъ и потонуло въ бурномъ потокѣ всеобщаго неописуемаго энтузіазма. Въ числѣ сомнѣвающихся между прочими былъ и Сергѣй Александровичъ Соболевскій, съ которымъ я лично объ этомъ говорилъ и который былъ противъ чрезмѣрныхъ овацій Комисарову. «Если онъ это и сдѣлалъ», говорилъ Соболевскій, «то самъ опасности не подвергался, а, толкнувъ руку убійцы неловко, могъ еще болѣе бѣды надѣлать»...

Первый же годъ моей службы оказался нелегкимъ. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ былъ въ 1868 г. *голодъ*, послѣ неурожая 1867 г. Въ нашъ уѣздъ присланъ былъ для оказанія немедленной помощи отъ Государыни Маріи Александровны генералъ Синельниковъ (бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири). Совмѣстно съ городскимъ обществомъ мы устроили на присланныя деньги въ гор. Ефремовѣ столо-

вую, откуда ближайшія къ городу деревни могли получать горячую пищу. Въ 1868 году средства крестьянъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, такъ что и малая помощь была болѣе дѣйствительна теперешней большой въ 1890—91 гг. Устроенная нами столовая просуществовала много лѣтъ и послужила образцомъ подобныхъ же, когда нужда сдѣлалась уже не мѣстною: въ нее отсылались всѣ нищіе города. Тогда не было общаго голода, такъ что въ Ефремовѣ нищіе на улицѣ не приставали: ихъ прямо отсылали въ столовую, гдѣ ежедневно готовилась пища на нѣсколько десятковъ человѣкъ, а глядя по надобности и на сотни.

Засталъ я въ Ефремовскомъ уѣздѣ двѣ партіи. Одну, во главѣ которой стоялъ прежній предводитель Бахтеяровъ, и другую, собственно говоря, не имѣвшую представителя. Состояла она изъ нѣсколькихъ лицъ оппозиціи бывшему предводителю; она-то меня и избрала. Преинтересны были первыя земскія собранія; при началѣ своего существованія, они обнимали, въ самомъ дѣлѣ, весьма широко земскія дѣла. Вездѣ почти земства, понимая необходимость улучшенія своихъ путей сообщенія, ходатайствовали о проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Такъ и Ефремовское земство черезъ Бахтеярова, до меня еще, хлопотало о томъ, чтобы Грязе-Орловская желѣзная дорога захватила если не самый городъ Ефремовъ, то хотя бы часть уѣзда. Но въ то время нашли болѣе удобнымъ вести дорогу прямо съ Ельца на Орелъ, вслѣдствіе чего Ефремовъ остался далеко въ сторонѣ, и желѣзная дорога захватила лишь небольшую часть уѣзда близъ станціи Разсошное и Залегощъ. Хлопоты Бахтеярова о концессіи на ту дорогу не были уважены; а строителю, тогда всесильному С. С. Полякову, было предложено уплатить Ефремовскому земству за изысканія, планы, чертежи и проч. сумму, въ размѣрѣ 135 тысячъ рублей. Такъ какъ Бахтеяровъ несъ, собственно говоря, всѣ эти убытки, то деньги слѣдовали ему. Но оппозиція, выставивъ предлогомъ, что земство Ефремовское, принявъ деньги 135 тысячъ для передачи Бахтеярову, можетъ быть введено въ убытки, такъ какъ не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Бахтеяровъ къ разнымъ инженерамъ, подрядчикамъ и проч., производившимъ изысканія, сказала, что не земству входить въ подобные разсчеты. Однимъ словомъ, выходило: «какъ хочешь, такъ и получай, а наше дѣло сторона»; отвѣтили уклончиво и отклонили полученіе 135 тысячъ. Всѣ мои усилія примирить партію Бахтеярова съ оппозиціей не привели ни къ чему. Споры были такъ шумны и велись такъ горячо, что я вынужденъ былъ пригласить стенографа записывать рѣчи (секретарь собранія не успѣвалъ). Не смотря на отказъ Ефремовскаго земскаго собранія Бахтеярову въ деньгахъ, назначенныхъ ему Министерствомъ

Путей Сообщенія, земская управа за обѣщанныя Бахтеяровымъ на прогимназію 15 тысячъ рублей выдала ему бумагу, по которой онъ могъ получить тѣ 135 тысячъ рублей; но немедленно было потребовано экстренное земское собраніе, и вновь выражено желаніе не получать этихъ 135.000 рублей. Много было хлопотъ бѣдному Я. П. Бахтеярову уже судомъ получить свои деньги. И все это были вопросы личные, кои въ провинціи такъ въ ходу!

Городу Ефремову грозила прямо гибель. Вся мучная торговля, вся даровая сила воды, коей двигались мельницы и масса крупчатокъ, все это пропадало, еслибъ у насъ не возникъ новый проектъ соединенія Воронежа съ Тулою черезъ Задонскъ, Елецъ, Ефремовъ, т. е. возстановленіе стараго Кавказскаго тракта. Отъ четырехъ земствъ были поданы прошенія, и я былъ избранъ депутатомъ для ходатайства объ этой дорогѣ. Это было время самой сильной желѣзнодорожной горячки. Съ депутатами мы отправились въ 1869 году въ Петербургъ хлопотать о проведеніи Воронежской дороги и цѣлую зиму хлопотали о внесеніи нашего проекта въ число линій, подлежащихъ постройкѣ въ ближайшемъ будущемъ, т. е. чтобы дорога попала въ первую очередь.

Но въ Петербургѣ передѣлали нашъ проектъ. Вмѣсто линіи Воронежъ-Тула, которая должна быть признана выгодной, намъ предложили черезъ три года Ряжско-Вяземскую дорогу съ вѣтвью на городъ Елецъ черезъ Ефремовъ. При этомъ забыли самое главное т. е. довести ее до Воронежа. Кратчайшій путь изъ Москвы на Кавказъ — черезъ Елецъ на Задонскъ, эту вторую Россійскую лавру послѣ Троице-Сергіевской.

Курьезное время было тогда въ Петербургѣ по съѣзду всякихъ желѣзно-дорожныхъ предпринимателей. Но нельзя не сказать: не будь этой горячки, приманки денегъ, большихъ барышей, Россія не покрылась бы такъ скоро сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Великій двигатель деньги, и какъ ни безумна казалась тогда эта горячка, безъ нея тоже было бы плохо: не досчитались бы многихъ дорогъ.

Конечно передъ всѣми предпринимателями Евреи имѣли преимущество и, какъ Русскіе ни хлопотали, всѣ главныя линіи остались въ рукахъ у Евреевъ. Они первые положили начало реализаціи желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій за границей и въ Россіи, за сравнительно-дорогую цѣну. Въ то время, надо вспомнить, концессія на линію Москва, Курскъ, Ѳеодосія, какъ она была проектирована сперва, была дана нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ по 100 тысячъ рублей металлическихъ за версту съ 5%-й гарантіей правительства, и то лица эти не могли реализировать капитала

при такихъ крайне-выгодныхъ условіяхъ; дорога осталась непостроенною и уже впослѣдствіи построилась участками, концессіоннымъ способомъ, отчасти же казною (Москва-Курскъ). Понятно, что послѣ этого первыя дороги, какъ Рязань, Козловъ и Козловъ-Воронежъ, Воронежъ-Ростовъ, акціи и облигаціи коихъ были реализированы за границей, считались успѣхомъ, хотя стоили отъ 75—80 тысячъ верста. Остальныя желѣзныя дороги уже строились по 50.000 р. съ версты. Концессіонеры строили быстро, тогда какъ казна мѣшкотно; поэтому предпочитали частную предпріимчивость, которой дана была широкая дѣятельность, да она и на дѣлѣ оправдалась: ибо частныя постройки всетаки обходились дешевлѣ и возводились главнымъ образомъ быстрѣе казенныхъ.

Хлопоты мои по проведенію желѣзной дороги Тула - Воронежъ, оказавшейся, какъ я выше сказалъ, впослѣдствіи Ряжско-Вяземской желѣзной дорогою, ввели меня скоро въ кругъ дѣятелей желѣзнодорожныхъ и финансовыхъ въ Петербургѣ. Познакомился я также съ высшими административными сферами. Первый, къ кому пришлось мнѣ обратиться, былъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, предсѣдатель желѣзнодорожнаго комитета, который рѣшалъ надобность или ненадобность той или другой дороги. На обязанности комитета было, признавъ пользу дороги, указать очередь, въ какую она должна была попасть въ проектируемую желѣзнодорожную сѣть. Принятый графомъ Строгановымъ, я увидалъ передъ собою еще бодраго старца, когда-то знаменитаго попечителя Московскаго Университета, слывшаго за либерала въ тотъ жестокій, но въ тоже время чудный періодъ сороковыхъ годовъ, выдвинувшій Грановскаго, Кудрявцева и tutti quanti способныхъ профессоровъ, которыми мы до сихъ поръ гордимся. Графъ принялъ меня весьма любезно, какъ предводителя и бывшаго студента Московскаго Университета, хотя не безъ нѣкотораго ехидства спросилъ: «лежатъ ли мои имѣнія на проектированномъ пути?» На это я очень откровенно отвѣчалъ, что конечно лежатъ, и потому я вопросъ этотъ весьма близко знаю, а главное ожидаю значительныхъ выгодъ отъ разработки каменнаго угля, который имѣется въ нашихъ земляхъ и который вслѣдствіе близости къ Москвѣ найдетъ себѣ дешевый и огромный сбытъ. Въ каменноугольномъ дѣлѣ мой личный интересъ отходитъ на задній планъ, а выступаетъ общественный — дешеваго топлива и сбереженія лѣсовъ, уже довольно тощихъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Средней Россіи и т. д... Графъ слушалъ меня внимательно, и я имѣлъ возможность близко разсмотрѣть его строгое и стройное лицо. Онъ очень лестно для меня отозвался о проектѣ, прибавивъ шутя: «Да вы изъ молодыхъ, а ранній! Дороги своей желѣзной вы добье-

тесь, но все-таки ранѣе пяти лѣтъ мы вамъ ее строить не дадимъ». Эти пять лѣтъ для меня, воображавшаго добиться ее въ нѣсколько мѣсяцевъ, показались вѣчностью. Но графъ Строгановъ былъ опытный государственный дѣятель, и слова его оправдались на дѣлѣ: линія наша была внесена въ сѣть тогда же, но постройка началась (благодаря войнѣ 1870 года) въ 1872 году и окончилась въ 1874 г., т. е. ровно черезъ пять лѣтъ.

Другой вліятельный членъ комиссіи, бывшій министръ путей сообщенія, К. В. Чевкинъ принялъ меня иначе. Маленькій, уродливаго сложенія, онъ стоя прислонился къ столу и, закрывъ рукою часть лица и глаза, проговорилъ довольно пискливо: «говорите» и молча выслушалъ мой довольно длинный-таки докладъ о пользѣ нашей дороги. Когда я кончилъ, Чевкинъ ex abrupto спросилъ: «Почему вы съ вопросомъ этой желѣзной дороги не обратитесь къ теперешнему товарищу министра графу В. А. Бобринскому? Онъ долженъ хорошо знать условія этой дороги. Это сахарная желѣзная дорога». Такъ называлъ нашу дорогу Чевкинъ, явно намекая на сахарные заводы графовъ Бобринскихъ, которые неминуемо очутились бы близъ проэктированнаго пути. Вся наша бѣда была именно въ томъ, что дорога проэктирована была близъ имѣнія графа Владимира Алексѣевича Бобринскаго, ожидавшаго со дня на день министерскаго портфеля, а потому не хотѣвшаго пальцемъ пошевельнуть въ пользу ея. Когда же графъ былъ уже министромъ путей сообщенія, и я съ депутатами четырехъ уѣздовъ пріѣхалъ ходатайствовать о дорогѣ, онъ положительно просилъ меня не говорить ему о ней до того времени, пока она дѣйствительно не попадетъ въ очередь, указанную комитетомъ. «Я слишкомъ заинтересованъ вашимъ проэктомъ», говаривалъ не разъ мнѣ графъ, «и поэтому прошу васъ ко мнѣ не обращаться по этому дѣлу, пока я во главѣ министерства». Когда онъ по болѣзни вышелъ, его замѣнилъ двоюродный братъ его графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, который, хотя и не помогалъ намъ въ нашихъ усиленныхъ хлопотахъ по проведеніи пути, но и не тормозилъ дѣла, такъ какъ уже наступалъ срокъ, указанный желѣзно-дорожнымъ комитетомъ.

Два года усиленныхъ хлопотъ въ Петербургѣ познакомили меня со всѣмъ кругомъ тогдашнихъ дѣльцовъ, а также и государственныхъ людей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ остановиться. Между ними были умы недюженные. Но въ эти же два года, какъ молодъ я ни былъ, могъ я убѣдиться, и не одинъ разъ, что въ дѣлахъ общественныхъ личное *я* имѣетъ по большей части гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ выгоды общественныя и государственныя. Въ томъ же Ефремовѣ свѣжа на памяти у всѣхъ была личность С. С. Полякова,

строившаго не особенно давно шоссе отъ Воронежа къ Ефремову. Незначительный подрядчикъ, познакомился онъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ Толстымъ, тогда еще не графомъ, арендовалъ у него винокуренный заводъ, втерся къ нему въ довѣріе и черезъ его посредство впослѣдствіи получилъ концессію на постройку желѣзной дороги отъ Козлова на Воронежъ и далѣе. Никому другому, какъ И. М. Толстому, Поляковъ былъ обязанъ своей изумительной карьерой; но говорятъ, что послѣ этого случая Государемъ запрещено было высокопоставленнымъ лицамъ брать концессіи тому или другому лицу. Выгоды были слишкомъ велики, чтобы ими не соблазниться. Какъ въ былые годы откупщики лопатами гребли деньги, такъ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ концессіонеры загребали барыши милліонами. Желѣзнодорожная горячка охватила не только дѣльцовъ и людей, близко стоящихъ къ источнику всѣхъ благъ—Петербургу; она коснулась и земства, и земскихъ людей, которые являлись на перерывъ со всевозможными проэктами. Земствамъ уже скучно было заниматься починкою мостовъ и рубкою Екатерининскихъ аллей вдоль большихъ дорогъ: ихъ манило болѣе широкое поприще. Особенную дѣятельность проявила въ концѣ 60 годовъ наша сосѣдняя Орловская губернія, Елецкій и Ливенскій уѣзды которой граничатъ съ Ефремовскимъ уѣздомъ, а потому мнѣ была близко извѣстна дѣятельность сосѣдки.

Во главѣ не только дворянства, но именно Орловскаго земства стоялъ человѣкъ ума обширнаго, рѣдкой энергіи предпріимчивый Орловскій губернскій предводитель дворянства Александръ Васильевичъ Шереметевъ (сынъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ). Замѣчательный предсѣдатель губернскаго земскаго собранія, имѣвшій въ немъ большое вліяніе, А. В. Шереметевъ первый выступилъ съ желѣзно-дорожнымъ проэктомъ *земской* Орловско-Витебской желѣзной дороги, который онъ провелъ блестяще въ Петербургѣ и самый проектъ исполнилъ по тому времени чрезвычайно быстро, въ $2\frac{1}{2}$ года, въ чемъ всѣ, даже правительственныя сферы, отдали ему полную справедливость. При правительственной 5% гарантіи, на акціи и облигаціи земство ничѣмъ не рисковало: каждый уѣздъ Орловской губерніи участвовалъ въ барышахъ отъ постройки и получилъ по 100 тысячъ рублей на уѣздъ, тогда какъ другія земства, принявъ гарантію части доходности акцій на себя, впослѣдствіи несли страшные убытки, какъ напр. Тамбовское, Козловское и др., жестоко поплатившіяся за своихъ представителей.

Я былъ на открытіи Орловско-Витебской желѣзной дороги. Въ то время это дѣлалось съ большою помпою. Приглашенныхъ везли въ особыхъ поѣздахъ въ Орелъ, какъ въ начальный пунктъ новооткрывающагося

пути. Въ Орлѣ на вокзалѣ Московс.-Курской дороги прибывшихъ гостей ожидали экипажи; каждому приготовленъ былъ номеръ въ гостиницѣ, гдѣ можно было спрашивать, что́ угодно даромъ; затѣмъ выдавали билетъ въ дворянское собраніе на торжественный обѣдъ; вечеромъ даровой спектакль въ театрѣ, а ночью на экстренномъ поѣздѣ обратно. Какъ предводитель сосѣдняго уѣзда и какъ лицо имѣвшее дѣло со строителями Губонинымъ и генераломъ Казаковымъ, я также былъ въ числѣ приглашенныхъ. Мы днемъ осмотрѣли искуственныя сооруженія на Окѣ и близъ Орла, а затѣмъ поѣхали обѣдать въ собраніе. Принимали всѣхъ А. В. Шереметевъ и супруга его Софья Григорьевна (рожденная Петрово-Соловая). На шеѣ у нея между другими драгоцѣнностями блисталъ осыпанный бриллiантами почетный жетонъ Орловско-Витебской желѣзной дороги (право дароваго проѣзда). За раскошнымъ обѣдомъ со всевозможными винами было сказано много рѣчей, произнесено много тостовъ. Тогдашній товарищъ министра путей сообщенія баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой, охарактеризовавъ дѣятельность Орловскаго земства, отдалъ ему́ честь и славу за то, что оно впервыя выступило на путь новой дѣятельности и прогресса и оправдало возложенныя на него надежды, не смотря на значительныя препятствія, построивъ первую земскую въ Россіи желѣзную дорогу въ короткій срокъ двухъ съ половиною лѣтъ. Это было въ самомъ дѣлѣ страшно быстро въ сравненіи съ казенными постройками.

Пиръ, подобный тому, на какомъ я участвовалъ въ Орлѣ, стоившій добраго десятка тысячъ рублей, повторился и въ Смоленскѣ, и въ Витебскѣ, и на другихъ пунктахъ дороги. Но въ Смоленскѣ не обошлось безъ приключенія. Между представителями печати былъ и знаменитый редакторъ «Вѣсти», Скарятинъ, направленіе котораго далеко не всѣмъ нравилось. За обѣдомъ въ Смоленскѣ, когда онъ заговорилъ, одинъ мой однофамилецъ, ярый Славянофилъ, случайно сидѣвшій противъ Скарятина, сказалъ довольно громко, перерывая его рѣчь: «довольно, молчите!». Слова эти были подхвачены другими, и дѣло кончилось крупнымъ для Скарятина скандаломъ.

Я выше сказалъ, что А. В. Шереметевъ, которому главнѣйше были обязаны успѣхомъ новой дороги, выговорилъ для 12 уѣздовъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей при реализаціи строительнаго капитала. Реализаторомъ былъ баронъ Френкель. Шереметевъ самъ принялъ участіе въ постройкѣ дороги, давшей и ему лично значительный барышъ. Послѣднее обстоятельство было причиной того, что на Шереметева посыпались нареканія, такъ какъ находили, что онъ не имѣлъ права на личное участіе въ этомъ дѣлѣ, имъ же созданномъ. Но я думаю, что

зависть къ его успѣху несомнѣнно играла большую роль въ тѣхъ нареканіяхъ, благодаря которымъ его оклеветали и при Дворѣ, такъ что одно время онъ Высочайшею властью былъ замѣненъ, какъ предсѣдатель земскаго собранія, другимъ лицомъ, а именно В. В. Апраксинымъ. Дворянство же воздавало ему должное и не сомнѣвалось въ его честности. Оно доказало Шереметеву вскорѣ послѣ постройки Орловско-Витебской ж. дороги свое довѣріе, избравъ его блистательно вновь своимъ губернскимъ предводителемъ. Но въ Петербургѣ имъ были недовольны: не нравились его рѣзкія, умныя рѣчи и то вліяніе, которымъ онъ пользовался въ губерніи. Неуспѣхъ земскихъ собраній подъ предсѣдательствомъ В. В. Апраксина приписывали ему. Тогдашній министръ Внутр. Дѣлъ, Тимашевъ, придрался къ тому, что одинъ изъ дворянъ N. на бывшемъ собраніи участвовалъ, какъ кандидатъ правъ Московскаго университета, но не былъ утвержденъ въ чинѣ, и въ силу этого, какъ поводъ къ кассаціи, предложилъ не утверждать Шереметева губернскимъ предводителемъ. Выборы дѣйствительно были касированы, но при вновь состоявшихся Шереметевъ не только былъ избранъ, но дворянство на рукахъ вынесло его изъ залы собранія: тріумфъ полный.

Оригинальна была встрѣча Шереметева съ министромъ Тимашевымъ. Шереметевъ поѣхалъ къ министру и въ общей пріемной, гдѣ много было посѣтителей, велѣлъ курьеру о себѣ доложить. Обыкновенно предводителей дворянства министры принимали отдѣльно у себя въ кабинетѣ. На этотъ разъ, вѣроятно, чтобы выказать свое неудовольствіе новому выбору, Тимашевъ черезъ курьера выслалъ сказать, что проситъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь въ общую пріемную, вышелъ самъ министръ прямо къ Шереметеву и спросилъ холодно: «чтó вамъ угодно?» Шереметевъ, имѣвшій очень твердый и сильный голосъ, пофранцузски сказалъ: «прошу васъ, генералъ, когда вы кончите пріемъ всѣхъ просителей, дайте мнѣ аудіенцію на пять минутъ наединѣ (entre quatre murs)». Тимашевъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «Вы знаете, пять минутъ одному, пять минутъ другому составятъ часы, а у меня нѣтъ свободныхъ.» — «Это такъ вѣрно, генералъ», громко возразилъ Шереметевъ, «что я удаляюсь» и круто повернулся къ нему спиной. — «Да вы хотѣли мнѣ что-то сказать», торопливо сказалъ министръ. «J'avais, je n'ai plus», уже на ходу бросилъ ему Шереметевъ, оставя сконфуженнаго министра среди его просителей, и болѣе никогда къ нему во все время службы не возвращался, а лишь встрѣчался вѣжливо въ свѣтѣ и въ яхтъ-клубѣ.

Когда Шереметевъ вышелъ въ отставку, онъ исключительно занялся своими частными дѣлами, и весьма крупными, но къ сожалѣнію несчастливо, и въ 1879 году потерялъ свое состояніе при крушеніи

одного банка и при неудачной операціи поставки сухарей на армію вслѣдствіе несвоевременной уплаты казною денегъ ему, какъ и многимъ другимъ. Крайне жаль его было. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не желая въ ней жить иначе, какъ жилъ доселѣ, т. е. широко, не отказывая себѣ въ томъ комфортѣ, къ коему привыкъ, будучи человѣкомъ крайне независимымъ и гордымъ въ смыслѣ свободы, какъ онъ ее понималъ. Удивительно, что никто не съумѣлъ или скорѣе не захотѣлъ воспользоваться услугами такого умнаго человѣка, какъ Шереметевъ? Ни правительство, ни частныя компаніи, ни учрежденія не пригласили его на службу, и кончилъ онъ свою жизнь въ бѣдности, въ Парижѣ, проработавъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ разныхъ журналахъ, добывая личнымъ трудомъ пропитаніе. Невольно обидно за него, за непризнанныя за нимъ въ Россіи способности, тогда какъ во Франціи и скромная дѣятельность его нашла себѣ примѣненіе. Sic transit...

Я послѣдній разъ встрѣтился съ Шереметевымъ въ Парижѣ, гдѣ хотя ему и плохо жилось, за то свободно дышалось. Ему несомнѣнно тяжко было на сердцѣ, потому что даже родная семья, для которой онъ работалъ и жилъ, можно сказать, забыла его или не хотѣла знать въ несчастіи. Тѣмъ не менѣе юморъ и остроуміе его были неизсякаемы, и бодрый духъ, который онъ въ себѣ поддерживалъ, не выдавалъ наружу его тяжелаго душевнаго настроенія. Мнѣ часто приходилось съ нимъ встрѣчаться, я относился съ сочувствіемъ къ этой сильной Русской натурѣ, и мнѣ невольно, глядя на него, припоминалась другая, но блестящая обстановка, тотъ же Шереметевъ въ Орловскомъ собраніи рядомъ съ красавицей-женой за роскошнымъ обѣдомъ, держащій рѣчь нѣсколькимъ сотнямъ людей, которые жадно ловили каждое его слово, чтобы затѣмъ покрыть его громомъ рукоплесканій... А тутъ бѣдная обстановка, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, вдали отъ любимой семьи, и жизнь личнымъ тяжелымъ трудомъ, лишь изрѣдка небольшая поддержка отъ немногихъ оставшихся друзей, присылавшихъ пособія въ анонимныхъ конвертахъ..... Да, многіе Русскіе дѣятели кончаютъ на чужой сторонѣ жизнь, не находя дѣятельности дóма и предпочитая чужестранное, хотя и скудное, гостепріимство Русскому, иногда черезъ-чуръ широкому, а иногда наоборотъ голодному въ отношеніи къ тому, кого судьба или обстоятельства свели съ пьедестала, на который таже толпа поставила въ минуты увлеченія успѣхомъ своего идола. Люди изъ вѣка въ вѣкъ все тѣже. Кто не помнитъ историческихъ словъ Кромвеля? Когда онъ въѣзжалъ въ Лондонъ, и на крышахъ не было даже мѣста несмѣтной толпѣ его привѣтствовать, возлѣ него сидѣвшій обратилъ его вниманіе на небывалый энтузіазмъ толпы. «Еслибъ меня везли на эшафотъ, было бы еще больше», отвѣчалъ хо-

лодно Кромвель. Умеръ А. В. Шереметевъ въ Парижѣ въ большой бѣдности, отъ разрыва сердца.

Постройка Орловско-Витебской дороги вывела на свѣтъ и другихъ замѣчательныхъ людей. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ стоитъ вышедшій изъ крѣпостныхъ людей моего дяди, Д. Г. Бибикова, недавно умершій въ чинѣ тайнаго совѣтника Петръ Іоновичъ Губонинъ, дѣятельность котораго идетъ какъ бы параллельно съ упомянутымъ уже мною тоже тайнымъ совѣтникомъ, Поляковымъ. Ихъ обоихъ несомнѣнно выдвинулъ впередъ случай, при крупныхъ природныхъ способностяхъ ихъ; ибо, не попади они на людей вліятельныхъ, свѣтъ вѣроятно не узналъ бы о нихъ. До постройки Орловско-Витебской дороги Губонинъ былъ мелкій подрядчикъ; а тутъ, благодаря сперва инженеру Садовскому, а затѣмъ и Шереметеву, на голову Губонина свалилось болѣе четырехъ милліоновъ рублей изъ барышей отъ постройки Орловско-Витебской дороги на его пай. Условія концессій того времени были таковы, что только бы получить концессію, а милліоны будутъ. Такъ говаривали и откупщики, бывало: лишь бы взять на откупъ такой-то край, а барыши будутъ. Нельзя не приписать и слѣпому счастію успѣхъ людей, какъ Поляковъ, Губонинъ и др. Когда кончилась желѣзнодорожная манія, когда строительныя цѣны были сбиты до невозможности, что́ собственно изобразили эти люди? Поляковъ думалъ увѣковѣчить себя заказомъ своего бюста въ многочисленныхъ экземплярахъ знаменитому скульптору Антокольскому и свелъ свою желѣзнодорожную дѣятельность, кажется, на банковую, болѣе прибыльную. Губонинъ строилъ, обогащалъ храмы и разбросалъ свои труды во всѣ концы Россіи. Не было дѣла, за которое бы онъ не брался: и добыча каменнаго угля и нефти, и желѣзодѣлательные заводы, и лѣса, и камень, мраморъ, жернова, все онъ разрабатывалъ; но уже того успѣха не было: бѣшеныя деньги не валились ему, и послѣдніе годы своей жизни тайный совѣтникъ Губонинъ, съ виду обставленный почетомъ и роскошью, былъ мученикомъ своей дѣятельности. Я близко зналъ его, хотя рѣдко навѣщалъ; но, вслѣдствіе того, что когда-то имѣлъ я съ нимъ дѣла во время работъ на Орловско-Витебской дорогѣ (доброе время, когда я еще могъ давать ему залоги!), Губонинъ со мной былъ откровененъ и жаловался на невыносимость положенія. Душою онъ былъ человѣкъ предобрый, помнилъ добро и особенно сохранилъ хорошее отношеніе къ людямъ, которые или служили когда-нибудь у него, или помогали ему. Такъ одного приказчика, растратившаго чуть ли не десять тысячъ его денегъ, онъ велѣлъ оставить безъ преслѣдованія, говоря: «Богъ съ нимъ, я ему обязанъ; когда я женился, онъ мнѣ жилетку взаймы далъ; нечего было надѣть къ свадьбѣ».

Кромѣ Садовскаго, умершаго до окончанія Орловско-Витебской дороги, у Губонина по постройкѣ оной былъ еще серьезный компаньонъ, когда-то весьма извѣстный Москвѣ богачъ генералъ Александръ Борисовичъ Казаковъ. Онъ оказалъ большую помощь по постройкѣ Орлов. Витеб. ж. д. своими капиталами, особенно, когда она уже началась и когда иностранная компанія вдругъ замялась при реализаціи капитала, такъ что дѣло чуть не остановилось совсѣмъ: до того мало было тогда довѣрія иностранцевъ къ Русскому дѣлу, не смотря на правительственную гарантію и явные, крупные барыши. Владѣлецъ громадныхъ имѣній, домовъ и капиталовъ, А. Б. Казаковъ получилъ все это также *случаемъ* отъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, дочери Чесменскаго героя и создателя Орловскаго рысака, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. И это состояніе, ему доставшееся, онъ зѣло пріумножалъ. Невольно является вопросъ, какъ и за что отдала графиня А. А. Орлова значительную часть своего громаднаго состоянія человѣку чужому и неродовитому? Про этотъ случай я много слышалъ разсказовъ, такъ какъ онъ въ свое время надѣлалъ много шума и коментировался на всѣ лады; но я нечаянно слышалъ версію, которую считаю самою вѣрною. Ко мнѣ, въ семидесятыхъ годахъ, какъ къ Ефремовскому предводителю, въ мое село Шаховское, изъ Тулы, проѣздомъ въ Богородицкъ, заѣхалъ однажды объѣзжая Тульскую епархію, преосвященный Никандръ, епископъ Тульскій и Бѣлевскій. Осмотрѣвъ церковь, владыко зашелъ ко мнѣ отобѣдать, и послѣ обѣда я собрался его проводить до Богородицка, куда мнѣ тоже было нужно. Мы вмѣстѣ поѣхали въ дормезѣ преосвященнаго Никандра и всю дорогу вели оживленную бесѣду. Оказалось, что преосв. Никандръ, во времена знаменитаго Фотія (духовнаго отца гр. Орловой), былъ монахомъ въ одномъ Новгородскомъ монастырѣ и хорошо зналъ какъ Фотія, такъ и духовную дщерь его. Все, что̀ онъ про нихъ разсказывалъ, было крайне интересно и устраняло многіе слухи и разсказы, бросавшіе тѣнь на графиню А. А. Орлову. Все, что̀ Никандръ говорилъ про Фотія, болѣе или менѣе извѣстно въ печати. Въ отношеніи къ графини Орловой вліяніе Фотія было изумительно, и всѣ его велѣнія она исполняла безпрекословно. А. Б. Казаковъ, въ то время молодымъ офицеромъ, квартировалъ съ своимъ полкомъ въ Новгородѣ. Какъ человѣкъ крайне набожный, онъ постоянно являлся на молитву въ церковь, гдѣ служилъ Фотій и былъ имъ замѣченъ. Фотій полюбилъ его и, приблизивъ къ себѣ, познакомилъ съ графиней Орловой, которой въ одно прекрасное утро сказалъ: «се братъ тебѣ духовный, дщерь моя;» и этого было достаточно, чтобы графиня Анна Алексѣевна отвалила Казакову двадцать тысячъ десятинъ чернозему изъ своей знаменитой графской степи въ

Воронежской губерніи, много драгоцѣнностей и денегъ и лучшихъ лошадей своего Хрѣновскаго завода. Доселѣ еще во всякомъ хорошемъ атестатѣ рысистой лошади Орловской породы въ Россіи, если только она высокихъ кровей, непремѣнно значится, что прапрпрадѣдъ или прабабка отъ знаменитой такой-то лошади А. Б. Казакова.

Но не всегда благодѣянія, расточаемыя въ Новгородѣ графиней Орловой по совѣту Фотія, попадали на благодарную почву. Такъ однажды къ графинѣ явилась съ виду бѣдная старушка съ дочерью и, упавъ къ ногамъ ея, со слезами молила помочь ей несчастной въ бѣдѣ, такъ какъ обременена она большою семьею. Она просила на приданое дочери, которую безъ этого никто не бралъ замужъ. Графиня сжалилась и подарила чуть ли не пять тысячъ ассигнаціями старухѣ на приданое дочери. Но вотъ вскорѣ въ одномъ изъ вертеповъ Новгорода пошло необыкновенное пьянство и безобразіе, обратившія на себя вниманіе полиціи, которая пошла на розыски. На дознаніи оказалось, что пьянство и дебошъ идутъ на деньги графини Орловой! Полиція не повѣрила, а графиню спросить боялась и уже черезъ Фотія, знавшаго о пятитысячномъ дарѣ, узнала, какъ деньги туда попали. Старуха оказалась содержательницей этого вертепа; никакой дочери у ней не было, а взяла она какую-то подставную дѣвчонку и всю исторію эту выдумала, чтобы выманить деньги у графини. И много подобныхъ случаевъ бывало у графини Орловой.

Время моей поѣздки съ Никандромъ прошло въ оживленномъ разговорѣ, такъ что я не замѣтилъ, какъ промелькнули тридцать верстъ до Богородицка, гдѣ мы разстались съ преосвященнымъ, который остался ночевать въ городѣ, а я поѣхалъ въ усадьбу къ графу А. П. Бобринскому, лежащую въ верстѣ отъ города. Это было время, когда графъ А. П. Бобринскій болѣе всего увлекался ученіемъ лорда Редстока, который неоднократно и посѣщалъ графа въ Богородицкѣ. На другой день преосвященный Никандръ посѣтилъ графа А. П. Бобринскаго, котораго во время спора о таинствахъ и другихъ вопросахъ владыка спросилъ: «въ чемъ же ваша новая вѣра?» На это графъ прочелъ ему наизустъ, не пропуская ни единаго слова, нашъ православный символъ вѣры, чтó, конечно, удивило Никандра.

—

Графы Бобринскіе, оба двоюродные брата, будучи министрами, сильно подѣйствовали на пониженіе цѣнъ при постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Они видѣли, какіе огромные барыши наживали концессіонеры и видѣли также, какъ безумно и непроизводительно эти деньги тратились. До нихъ были случаи, что дороги строились на одинъ об-

лигаціонный капиталъ, акціонерный же оставался весь въ барышахъ. Барышъ въ 20—30 тысячъ съ версты былъ не въ диковину. Первый графъ Владимиръ Алексѣевичъ Бобринскій сказалъ свое вѣское veto. У него еще на памяти было, что отцу его, знаменитому Кіевскому сахаровару и экономисту графу Алексѣю Алексѣевичу была поручена постройка первой въ Россіи желѣзной дороги, какъ пробной — Царскосельской, и это доселѣ еще самая дешевая поверстная постройка. При графѣ Владимирѣ Алексѣевичѣ была сдѣлана попытка сдавать постройки желѣзныхъ дорогъ съ торговъ. Первая такимъ способомъ была сдана Кіево-Брестская А. А. Рябинину (бывшему Московскому губернскому предводителю дворянства) при поверстной цѣнѣ ниже сорока тысячъ; эта цѣна казалось неслыханной, такъ какъ обыкновенная была свыше семидесяти тысячъ. Но графъ В. А. Бобринскій не долго пробылъ министромъ: интриги, которыя велись въ высшихъ сферахъ для полученія той или другой концессіи, до того его измучили, до того раздражили его нервы, что онъ занемогъ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Замѣнилъ его двоюродный братъ графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, котораго я зналъ съ дѣтства, какъ мѣстнаго дѣятеля, такъ какъ графъ былъ въ теченіи шести лѣтъ нашимъ предводителемъ дворянства по Богородицкому уѣзду. Я зналъ его близко, потому что во время моего малолѣтства имѣнія мои были въ опекѣ, и графъ, какъ предводитель, вѣдалъ ими и даже дѣлилъ меня съ моей матерью, которой выдѣлялась седьмая часть изъ моего состоянія. Личность графа А. П. была весьма интересна. Сынъ графа Павла Алексѣевича Бобринскаго и графини Юліи Станиславовны, рожденной Бѣлынской, внукъ перваго Бобринскаго, графа Алексѣя Григорьевича, Алексѣй Павловичъ остался малолѣтнимъ послѣ отца. Отданный въ Царскосельскій Лицей четырнадцати лѣтъ (ему скрыли два года), онъ кончилъ очень рано ученье въ Лицеѣ и очутился во главѣ большого, но весьма разстроеннаго состоянія, которое опека передала ему въ очень плачевномъ видѣ. И вотъ молодой человѣкъ, избалованный Петербургскимъ свѣтомъ, но могучаго тѣлосложенія и здоровья, задался мыслью трудомъ и работою поправить свое состояніе и энергично взялся за дѣло. Про него точно было сказано: «in corpore sano mens sana». Весьма начитанный и образованный, графъ Алексѣй Павловичъ быстро пошелъ къ намѣченной цѣли, которой и достигалъ какъ нельзя лучше. Онъ принялся строить въ Богородицкѣ свеклосахарный заводъ, что̀ въ концѣ сороковыхъ годовъ еще было рѣдкостью. Чтобы изучить дѣло, онъ отправился учиться на сахарный заводъ своего дяди Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго, у котораго было нѣсколько заводовъ въ Кіевской губерніи, но одинъ образцовый и первый паровой въ Россіи,

въ селѣ Михайловскомъ, Богородицкаго уѣзда. Тамъ управлялъ знаменитый Ханрисъ, Бельгіецъ, у котораго и учился Алексѣй Павловичъ сахороваренію. Онъ, какъ простой рабочій, стоялъ всѣ смѣны и такимъ образомъ прошелъ лично всѣ стадіи производства и узналъ его не только по теоріи, но и на практикѣ. Жизнь въ деревнѣ и предводительская служба остались не безъ слѣда. Графъ быстро поправилъ дѣла свои, а въ 1853 году, когда началась война, поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи и роту, которою командовалъ, вооружилъ всю Бельгійскими штуцерами. Назначенный флигель-адъютантомъ, онъ послѣ кампаніи остался при Дворѣ.

Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ то время, когда вся Россія только и думала о рѣшеніи крестьянскаго вопроса, объ уничтоженіи крѣпостнаго права, и всѣ мыслящіе люди наперерывъ писали проекты по сему поводу. Одинъ изъ видныхъ проектовъ составленъ былъ графомъ А. П. Бобринскимъ. Онъ проводилъ ту мысль, чтобы правительство изъ земель государственныхъ имуществъ вознаградило помѣщиковъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и за надѣленіе ихъ землею. Для крестьянъ онъ требовалъ свободы безъ прикрѣпленія къ землѣ и безъ крестьянскаго самоуправленія. Но противъ этого проекта сильно возсталъ тогдашній министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, который своими нападками вообще сильно повредилъ графу Бобринскому. Онъ усматривалъ въ этомъ проектѣ лишь одну личную выгоду графа и даже однажды при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: «Бросьте вы эти проекты, а если вамъ самимъ нуженъ милліонъ, мы вамъ дадимъ». Между тѣмъ графъ Бобринскій въ вопросахъ общественныхъ и государственныхъ могъ вполнѣ отрѣшиться отъ своего личнаго я, имѣя въ виду только общую пользу. Онъ и доказалъ это впослѣдствіи, трудясь и работая неустанно, годами, надъ учрежденіемъ перваго поземельнаго банка въ Россіи, тогда какъ лично не нуждался въ кредитѣ. Когда назначены были выборы во всѣхъ губерніяхъ въ депутаты губернскихъ комитетовъ, долженствующихъ выработать положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, графъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Тулу, чтобы быть избраннымъ въ депутаты по Тульской губерніи. Его однако не выбрали, не смотря на его очевидное направленіе къ выгодѣ и пользѣ дворянства. Дворянству уѣзда, которому онъ служилъ предводителемъ и которое его несомнѣнно любило и уважало, вдругъ не понравилось условіе, которое графъ ставилъ при своемъ выборѣ. Такъ какъ выбирались два депутата и кандидатъ къ нимъ, то графъ потребовалъ, чтобы были избраны его единомышленники: этого-то дворяне и не сдѣлали, отчего графъ и отказался отъ балотировки и уѣхалъ

обратно въ Петербургъ, гдѣ уже успѣлъ и Государю сказать, что онъ вернется депутатомъ. Вообще ему не везло въ крестьянскомъ вопросѣ. Государь его назначилъ въ члены Редакціонной Коммиссіи вмѣстѣ съ графомъ А. П. Шуваловымъ и княземъ Паскевичемъ; но предсѣдатель коммиссіи, Я. И. Ростовцовъ воспротивился этому. Кромѣ того, во время подготовительныхъ работъ, у графа Бобринскаго вышло столкновеніе съ Н. А. Милютинымъ и Я. А. Соловьевымъ въ виду ихъ полнѣйшаго разномыслія по рѣшенію крестьянскаго вопроса. Соловьевъ и Милютинъ главнымъ образомъ возстановили Ростовцова противъ графа Алексѣя Павловича. Ростовцовъ тогда былъ всесиленъ: такъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Ираклевичъ Левшинъ за неосторожный разговоръ о Ростовцовѣ поплатился временно карьерой, тогда какъ ждалъ уже министерскаго портфеля.

Говорили, что во время подготовительныхъ работъ у графа Бобринскаго вышелъ очень крупный споръ съ Соловьевымъ, который доказывалъ необходимость *оставить крестьянъ* на барщинѣ. Гр. Бобринскій горячо спорилъ, доказывая необходимость немедленной отмѣны ея. На вопросы графа, зачѣмъ, Соловьевъ сгоряча сказалъ: «да о́ни такъ скверно будутъ работать, что помѣщики сами отъ этой работы откажутся». Бобринскій потребовалъ внесенія этихъ словъ въ протоколъ. Тогда Н. А. Милютинъ, разсердясь, обратился къ Соловьеву: «вѣчно вы все портите своею горячностью». Мнѣ графъ Бобринскій разсказывалъ, что онъ потребовалъ внести и эти слова въ протоколъ.

Послѣ этого, по требованію Ростовцова, графу Бобринскому пришлось удалиться на время въ его чудесное имѣніе Богородицкое, и во вновь отдѣланномъ дворцѣ (временъ Екатерины Великой) онъ зажилъ съ молодою супругою своей, рожденной Писаревой (Александрой Алексѣевной). Дворецъ былъ отдѣланъ на славу; въ большемъ вестибюлѣ вдоль лѣстницы, идущей въ парадныя комнаты, по стѣнамъ изъ чернаго дуба красовались штуцера, какіе пожертвованы имъ когда-то стрѣлкамъ своей роты. Въ прекрасной залѣ происходили засѣданія мироваго съѣзда, котораго графъ, какъ мировой посредникъ перваго призыва, былъ предсѣдательствующимъ. Въ это пребываніе въ деревнѣ графъ особенно занялся устройствомъ своихъ хуторовъ, гдѣ сѣвооборотъ и обработка полей въ самомъ дѣлѣ была образцовые. Проѣзжая по его полямъ, можно было себя вообразить въ Бельгіи или Германіи, но никакъ не въ Россіи и въ странѣ, обрабатываемой сохой. Но дѣятельность мироваго посредника и сельскаго хозяйна не была достаточно обширна для графа. Его тянуло выше. Видя вокругъ себя, въ какомъ несчастномъ положеніи

находятся помѣщики, очутившіеся безъ капитала, лицомъ къ лицу съ вольнымъ трудомъ и безъ кредита, такъ какъ Опекунскій Совѣтъ, блаженной памяти, былъ закрытъ именно тогда, когда сталъ всего нужнѣе, графъ задумалъ устроить поземельный банкъ для всей Россіи. Это была первая попытка, и графъ выступилъ съ проектомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Теперь, послѣ многихъ лѣтъ, его бранятъ и упрекаютъ въ осуществленіи этого проекта, т. е. *Золотаго Банка*; но не надо забывать, что, во время учрежденія его, *золото* въ Россіи стояло немного выше *pari*, т. е. золотой въ пять рублей пятнадцать копѣекъ стоилъ около 5 р. 40 к., такъ что заемщики платили немного болѣе 5% годовыхъ, и никому въ голову не приходило, что наступитъ время, когда за государственный кредитный рубль будутъ давать полтину! Вѣдь были и тогда попытки устройства земельныхъ банковъ съ закладными листами на кредитную валюту; но они не могли осуществиться, хотя тоже люди капитальные стояли во главѣ ихъ (такъ напр. за проектъ Тарасенко-Отрѣшкова былъ князь В. А. Долгорукій), ибо въ Россіи закладнымъ листамъ не вѣрили, а за границей не брали другихъ кромѣ металлическихъ. Вотъ почему графъ Бобринскій и былъ вынужденъ согласиться на выпускъ металлическихъ закладныхъ листовъ; другаго исхода не было. Пока графъ стоялъ во главѣ банка, дѣла шли блестяще; барыши взаимнаго кредита дѣлились между залогодержателями и заемщиками, почему послѣдніе и не платили много болѣе 5% сверхъ погашенія занятаго капитала. Впослѣдствіи положеніе измѣнилось къ худшему: курсъ упалъ, и заемщикамъ грозила большая опасность. Къ тому же и графъ Бобринскій оставилъ банкъ и перенесъ дѣятельность свою въ Министерство Путей Сообщенія. Затѣмъ, впослѣдствіи уже, Юханцовское хищеніе окончательно подорвало дѣла Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Но будь гр. Алексѣй Павловичъ въ банкѣ, никогда ничего подобнаго не случилось бы. Онъ хорошо зналъ людей и самъ былъ отличный бухгалтеръ и образцовый директоръ банка, до педантичности акуратный. Я помню однажды въ Богородицкѣ цѣлую бурю, поднятую имъ по поводу того, что при мѣсячной отчетности въ нѣсколько десятковъ тысячъ р. оказалась разница въ 1 руб. 43 коп., въ отчетѣ управляющаго одного изъ имѣній. У графа была введена двойная бухгалтерія. Три дня бились и, наконецъ, провѣрили всѣ книги. Оказалось, что забылъ управляющій вписать расходъ 1 р. 43 к. почтовыхъ издержекъ по отправкѣ какихъ-то денегъ. Никогда при графѣ не удалось бы Юханцеву его хищеніе; да онъ и боялся слишкомъ графа, чтобы при немъ посмѣть это сдѣлать. Вмѣстѣ съ желѣзною волею графъ унаслѣдовалъ отъ Орловыхъ и страшную вспыльчивость, надѣлавшую ему въ жизни немало бѣдъ. Но послѣд-

ніе годы своей жизни онъ значительно смирилъ себя, особенно когда взялся за чтеніе Евангелія и проповѣди религіозныя. Графъ А. П. привыкъ къ усиленной работѣ дома, разъ уже взявшись за дѣло. Такъ и въ Министерствѣ Путей Сообщеній неустанно работалъ онъ, и можно сказать, что министерство за нимъ не поспѣвало.

Несмотря на его требовательность и строгость, чиновники его любили, ибо никто изъ министровъ не держалъ такъ высоко знамя министерства какъ онъ. Онъ берегъ министерство отъ всякаго посторонняго вліянія и устранялъ всякое вмѣшательство въ дѣла выдачи концессій. Особенно боролся онъ противъ придворнаго вліянія. Узнавъ какъ-то, что въ одной изъ компаній на концессію участвуетъ принцъ Гессенскій, онъ прямо объ этомъ доложилъ Государю Александру II, и компанія была устранена, такъ какъ участіе высокопоставленныхъ лицъ считалось вреднымъ. На искорененіе злоупотребленій было обращено особенное вниманіе. Все это дѣлаетъ честь графу; но чрезъ это же и нажилъ онъ себѣ враговъ, которые и добились его смѣны, въ то время когда онъ менѣе всего это ожидалъ.

Удалившись въ деревню, онъ съ 1875 года исключительно занимался воспитаніемъ дѣтей, и какъ онъ, такъ и Пашковъ, заботились о распространеніи Евангелія въ народѣ. Имъ было запрещено проповѣдывать и читать Евангеліе народу, вслѣдствіе чего Пашковъ совершенно удалился за границу, а графъ тоже много времени въ году проводилъ въ чужихъ краяхъ, лишь изрѣдка посѣщая свое Богородицкое.

Когда Левъ Николаевичъ Толстой писалъ «Анну Каренину», я часто посѣщалъ его, и какъ-то онъ мнѣ высказалъ желаніе увидѣть Редстокиста, который ему необходимъ для его романа. Я уговорилъ графа Бобринскаго, котораго встрѣтилъ въ Тулѣ, поѣхать въ Ясную Поляну къ Толстому. Графъ согласился и, признаюсь, споръ ихъ, длившійся всю ночь, былъ крайне интересенъ, и я жалѣю, что я его тогда не записалъ дословно. Графъ Бобринскій очень краснорѣчиво и убѣжденно разсказалъ, какъ онъ изъ невѣрующаго сдѣлался вѣрующимъ и какъ онъ убѣдился, что вѣра въ то, что Спаситель принялъ на себя грѣхъ человѣчества, спасла его и т. д. Толстой возражалъ, и до утра не изсякала ихъ бесѣда. Но мнѣ думается, что графу Бобринскому не удалось убѣдить графа Толстого; а результатъ былъ тотъ, что въ слѣдующей главѣ «Анны Карениной» появилось нѣсколько словъ о лицѣ, которое, потерявъ мѣсто директора, сдѣлалось Редстокистомъ. Я встрѣтилъ и знакомыя мѣста изъ ихъ спора.

Скончался графъ Алексѣй Павловичъ 8-го Октября 1894 г. въ Каннѣ, на Югѣ Франціи, гдѣ его и похоронили, согласно его желанію.

V.

Во время моего трехлѣтняго служенія по Ефремовскому уѣзду предводителемъ, я проводилъ лѣто въ имѣніяхъ, а зиму въ Москвѣ, откуда постоянно ѣздилъ на съѣзды и на рекрутскій наборъ въ Ефремовъ. Затѣмъ часто приходилось по желѣзнодорожному дѣлу бывать въ Петербургѣ, такъ что масса времени уходила на разъѣзды; особенно трудно было ѣздить зимой въ Ефремовъ, такъ какъ отъ Тулы приходилось ѣхать на лошадяхъ по страшно ухабистой дорогѣ 130 верстъ. Рекрутскій наборъ, особенно тогда, вынуждалъ къ дѣятельности и заботливости; въ то время порядокъ былъ еще очередной, и конскрипція существовала лишь для казенныхъ крестьянъ. Самый наборъ представлялъ изъ себя нѣчто ужасное. Всякій очередной крестьянинъ считалъ себя неправильно поставленнымъ и указывалъ непремѣнно на семью сосѣда съ бо́льшимъ якобы числомъ работниковъ, вслѣдствіе чего пріемъ всякаго рекрута или его подставы сопровождался minimun четырьмя-пятью прошеніями и, чтобы принять триста человѣкъ, надо было при этомъ разобрать болѣе тысячи прошеній, такъ что мировые съѣзды просиживали ночи насквозь. Самый наборъ, въ силу этого столь тягостный для населенія, изъ котораго часто брали 30—35 лѣтнихъ отцовъ семействъ, сопровождался воплями и слезами толпы, окружавшей присутствіе въ теченіе мѣсяца, пока происходилъ наборъ. Пьянство шло въ городѣ необыкновенное. Поэтому я поставилъ задачею рекрутскаго присутствія какъ можно быстрѣе производить наборъ, и это мнѣ удавалось; такъ что, назначивъ впередъ очередь прибытія волостей въ городъ, я рѣдко задерживалъ волость до другого дня. Тогда впрочемъ и права̀ предсѣдателя были огромны, и я ими, признаюсь, пользовался довольно широко. Часто бралъ я на свою отвѣтственность рекрутовъ, которыхъ браковали доктора, и всегда весьма удачно. Теперешніе рекрутскіе наборы не представляютъ собою ничего похожаго на то, что́ было прежде, т. е. я разумѣю даже наборы съ 1861 года и нынѣшніе, по введеніи всесословной воинской повинности. Что же сказать про наборы дореформеннаго времени, когда крестьянина брали на 25 лѣтнюю службу, и когда, провожая отдаваемаго, деревня плакала по немъ, какъ по покойникѣ. Какъ ни плохо жилось крѣпостному у барина, однако 25-лѣтняя солдатская служба съ ея ужасами была еще тяжелѣ. Я еще хорошо помню время крѣпостного права, какъ оберегали людей, назначенныхъ въ рекруты, чтобы они чего-нибудь надъ собой не сдѣлали. Мнѣ живо вспоминаются наборы временъ Крымской кампаніи со всѣмъ ихъ трагизмомъ въ нашихъ деревняхъ..... Я помню одного парня нашей конюшни, обрубившаго себѣ пальцы, чтобы только

не идти на службу. Помѣщики старались сдавать въ рекруты все, что́ только было негоднаго, безнравственнаго, преступнаго; сами крестьяне, гдѣ рекрутская очередь назначалась ими самими, держались того же взгляда и сдавали въ рекруты людей порочныхъ. Мнѣ пришлось при моей двѣнадцатилѣтней предводительской службѣ участвовать въ 14 наборахъ, изъ коихъ пять по старому порядку, и потому могу смѣло сказать, что наравнѣ съ другими великими реформами Александра II-го на видномъ мѣстѣ стоитъ реформа военная. Она была *освобожденіемъ* арміи отъ того отброса и подонковъ людскихъ, которые ей сдавались на службу обществомъ. Живо перемѣнилась картина: около того же рекрутскаго присутствія, гдѣ стояли рыдающія жены и матери, показались веселыя лица, послышалась веселая пѣсня. Вмѣсто тысячъ жалобъ во время набора, подаваемыхъ мнѣ всюду и вездѣ (и черезъ кухню, и конюшню, и на паперти церкви, и на улицѣ, и съ подкупомъ, и безъ подкупа), однимъ словомъ цѣлый рядъ ежедневныхъ безобразій замѣнился строгимъ порядкомъ; лишь изрѣдка появлялось тамъ и сямъ прошеніе о примѣненіи льготы 2-го или 3-го разряда. Если въ Россіи былъ когда-либо министръ народнаго просвѣщенія, то имъ былъ несомнѣнно Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Имъ проведенной реформой былъ данъ небывалый толчокъ народу къ обученію грамотѣ. Возможность служить годомъ меньше подвинула многихъ, чтобы взяться за самое этообученіе. Я съ убѣжденіемъ высказывалъ казавшееся шуткой, что Д. А. Милютинъ дѣйствительно министръ народнаго просвѣщенія, а поставленные *на стражу народнаго образованія* предводители дворянства суть агенты Милютина.

Особенно тяжелы бывали въ старыхъ рекрутскихъ присутствіяхъ безпрестанно разыгрывавшіяся семейныя драмы. Такъ отецъ имѣлъ право назначать, кому изъ сыновей идти, когда ихъ было нѣсколько; или когда приходилось идти брату за брата, происходили сцены раздирающія. Такъ однажды отецъ-крестьянинъ указалъ мнѣ на младшаго сына, желая, чтобы женатый съ дѣтьми остался дома; но послѣдній бросился на колѣни въ присутствіи, умоляя его взять: «лучше каторга, чѣмъ домой; отъ отца и жены нѣтъ мнѣ житья!» Его и приняли. Однажды, только что былъ принятъ казенный крестьянинъ изъ Стрѣльчевязовской волости, какъ вбѣжалъ его 18-лѣтній братъ и просилъ его принять. Я рѣдко видалъ такого красавца; рослый, съ черными кудрями, съ чрезвычайно благородными чертами лица, съ большими, задумчивыми и умными глазами, онъ совсѣмъ не былъ похожъ на крестьянина. Я невольно его спросилъ: «Кто ты?».—«Моя фамилія—Шеинъ, изъ однодворцевъ». Фамилія эта изъ старинныхъ боярскихъ, и вообще Стрѣльчевязовская волость состоитъ изъ однодворцевъ, т. е.

обѣднявшихъ дворянъ, и населеніе ея отличается своей облагороженной наружностью. Принявъ Шеина, я хлопоталъ о зачисленіи его въ гвардію.

При старыхъ порядкахъ была масса ухищреній притворяться больнымъ, чтобы избѣгнуть службы. Прибѣгали также ко всякому способу подкупа. У одного рекрута докторъ никакъ не могъ открыть ротъ, чтобы посмотрѣть зубы, а когда это удалось, то вывалился золотой. «Это что?» спросилъ я—«Да доктору приготовилъ», отвѣчалъ рекрутъ. Много насмотрѣлся я курьезовъ за время старыхъ учрежденій. И только люди, не знавшіе ихъ или намѣренно забывающіе могутъ утверждать, что дореформенное время было золотымъ вѣкомъ Россіи.

*

Я принялъ предложенную мнѣ предводительскую службу, когда только что вышелъ въ отставку добродушный губернаторъ П. М. Дараганъ и былъ замѣненъ энергичнымъ генераломъ Михаиломъ Романовичемъ Шидловскимъ, который желалъ прекратить всякія злоупотребленія, но развелъ страшно бумажное производство и переписку до безконечности.

М. Р. Шидловскій повидимому задался мыслью непремѣнно поднять губернаторскую власть въ губерніи, которая, по его мнѣнію, недостаточно была поддержана бывшимъ губернаторомъ Дараганомъ. Послѣдній былъ уволенъ вслѣдствіе того, что сообщилъ всѣмъ мировымъ съѣздамъ полученную имъ секретную бумагу. Въ ней предлагалось по возможности тормозить выкупныя сдѣлки, дабы не сразу быть вынужденнымъ выпустить слишкомъ большое количество 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ, и безъ того уже обезцѣненныхъ. Министерство, крайне недовольное разоблаченіемъ этой секретной бумаги, выместило свое неудовольствіе на губернаторѣ Дараганѣ. М. Р. Шидловскому всякое проявленіе независимости въ губерніи было невыносимо, а потому мировые посредники болѣе другихъ, какъ пользовавшіеся правами одинаково съ предводителями. Шидловскій при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ, что власть ихъ, не зависящая отъ губернатора, прямо вредна. Я полагаю, Шидловскій, какъ лицо вліятельное въ Петербургѣ, много способствовалъ сперва умаленію ихъ власти, а затѣмъ и уничтоженію самаго института, который былъ замѣненъ въ концѣ концовъ непремѣннымъ членомъ при административномъ мировомъ съѣздѣ, уже лишенномъ всякой власти. Губернаторъ Шидловскій былъ первый, который сталъ принимать жалобы на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ по рѣшенію волостныхъ судовъ, что́ было прямо вопреки положенію 19 Февраля 1861 года, и черезъ это развелъ безконечную волокиту по уѣздамъ. Жалобы переходили изъ уѣзда въ губернскія учрежденія и въ Сенатъ, откуда возвращались черезъ два, иной разъ

три года. Иногда, отмѣненное Сенатомъ, наше рѣшеніе производило въ уѣздѣ цѣлую пертурбацію и являлось неисполнимымъ. Сенатъ находилъ напр., что слѣдовало взять не Ивана, а подставнаго Петра. Приходилось возвращать Ивана, уже три года служившаго, коему эти три года не шли въ зачетъ, а между тѣмъ Петръ въ слѣдующій наборъ тоже уже ушелъ; замѣна становилась фактически невозможною, а въ деревнѣ изъ-за этого неудовольствія, опять жалобы и т. д. Однажды въ Орлѣ тогдашній губернаторъ М. Н. Лонгиновъ, особенно какъ-то заваленный отмѣненными рѣшеніями Сената, на мой вопросъ, какъ идутъ дѣла, шутя отвѣчалъ: «Да кромѣ Сената, вѣдь никто не бунтуетъ», понимая ту путаницу, которая происходитъ въ уѣздахъ вслѣдствіе позднихъ отмѣнъ рѣшеній состоявщихся на съѣздахъ.

Я выше разсказалъ, какихъ трудовъ стоила намъ отмѣна этихъ дѣйствій губернатора. Генер. Шидловскій, какъ служившій только въ военной службѣ, имѣлъ привычку говорить чрезвычайно громко въ простомъ разговорѣ. Когда же онъ говорилъ съ подчиненными, то разговоръ переходилъ въ крикъ, что́ было крайне непріятно слушать. Особенно со старшинами и старостами, кои являлись къ нему во время его ревизіи уѣздовъ, онъ не церемонился, и крикъ его былъ слышенъ издалека, хотя разговоръ происходилъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Однажды, когда Шидловскій ужь черезчуръ расшумѣлся на мировомъ съѣздѣ, одинъ изъ старыхъ мировыхъ посредниковъ, проходя мимо той комнаты, гдѣ кричалъ Шидловскій, нарочно сказалъ громко своему товарищу по службѣ: «а я вѣдь думалъ, что Шидловскій умный человѣкъ; слушая его крикъ, я разубѣдился». Слова эти сказаны были съ цѣлью, конечно, чтобы Шидловскій ихъ слышалъ, и это еще болѣе предубѣдило его противъ мировыхъ посредниковъ. Въ одномъ надо было отдать справедливость М. Р. Шидловскому: онъ былъ человѣкъ безукоризненной честности и безпощадности. Служащіе впрочемъ сохранили о немъ хорошую память; онъ былъ вѣренъ на слово въ томъ отношеніи, что и за всякое словесное распоряженіе, имъ сдѣланное, онъ принималъ отвѣтственность и послѣдствія на себя, не подводя подчиненныхъ, которые это и цѣнили. Особенно преслѣдовалъ онъ пьянство и распоряжался закрытіемъ кабаковъ, если являлась къ тому возможность. И когда, вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, возникали процессы и иски къ полиціи, онъ признавалъ себя въ отвѣтѣ. Но за то при малѣйшемъ упущеніи полиціи онъ являлся грозою для нея. Какъ-то проѣзжая по Дворянской улицѣ въ Тулѣ, ген. Шидловскій замѣтилъ, и не въ первый разъ, что улица противъ дома купца Расторгуева грязна. Онъ тутъ же напустился на пристава. Тотъ возразилъ, что купецъ Расторгуевъ, не смотря на его требованія, оныхъ

не исполняетъ и улицу не чиститъ. Взбѣшенный Шидловскій продолжалъ кричать на пристава и, въ концѣ концовъ, въ потокѣ брани, добавилъ: Забросать ему домъ грязью! Полиція взяла да исполнила буквально эти слова. Собрала грязь и навозъ съ самой улицы и закидала домъ Расторгуева, такъ, что нельзя было разобрать, какой краски домъ: такъ какая-то сдѣлалась навозная куча. Полетѣла жалоба къ министру. Велѣно было смѣнить частнаго пристава, но Шидловскій далъ ему лучшее мѣсто. Служившій тогда въ Тулѣ Салтыковъ (Щедринъ) немало позаимствовалъ въ Тулѣ для своихъ Помпадуровъ, а Шидловскаго онъ просто не переносилъ и, гдѣ только могъ, поднималъ на смѣхъ. «Я все жду, что ихъ превосходительство влетятъ въ алтарь», говорилъ онъ въ соборѣ во время молебна, указывая, какъ губернаторъ и губернскій предводитель шагъ за шагомъ старались выдвинуться передъ прочими мундирами. А между тѣмъ странно было, что тотъ же Салтыковъ, высмѣявшій своихъ Помпадуровъ всячески, самъ не чуждъ былъ оборвать и обругать несчастнаго чиновника за всякое, даже малое, упущеніе. Мнѣ разсказывали, что разъ, пріѣхавъ въ Богородицкъ (Салтыковъ былъ предсѣдателемъ Тульской казенной палаты и замѣнялъ временно губернатора), онъ страшнымъ образомъ обрушился на станціоннаго смотрителя, какъ тотъ смѣлъ явиться не въ мундирѣ. Во время разноса смотрителя къ станціи подошелъ поджидавшій Салтыкова къ себѣ въ усадьбу его товарищъ по Лицею графъ А. П. Бобринскій и, ударивъ по плечу Салтыкова, сказалъ: «молодецъ, Помпадуръ!» чѣмъ, конечно, весьма смутилъ автора Помпадуровъ. Въ Твери, говорятъ, эпизодъ былъ еще хуже: тамъ Салтыковъ, будучи, кажется, вице-губернаторомъ, тоже правилъ должность губернатора, когда къ нему явился совершенно растерянный помѣщикъ жаловаться, что его побили крестьяне. Дѣло было въ самый разгаръ освобожденія, и въ Тверской губерніи помѣщикамъ приходилось плохо отъ крестьянъ. «Кончайте миромъ», сказалъ ему Салтыковъ. На всѣ возраженія помѣщика Салтыковъ твердилъ одно: «помиритесь» и, говорятъ, что взбѣшенный помѣщикъ нанесъ Салтыкову оскорбленіе дѣйствіемъ, сказавъ: «Не угодно ли вамъ теперь кончить со мною миромъ?» Я слышалъ этотъ разсказъ тогда же, но за достовѣрность, конечно, ручаться не могу, хотя прибавляли, что, ради этого эпизода, Салтыковъ не получилъ губернаторскаго мѣста. Шидловскій не боялся пера Щедрина и не скрывалъ своихъ глубоко-консервативныхъ взглядовъ, которые онъ высказалъ между прочимъ на прощальномъ обѣдѣ, ему данномъ въ Тулѣ, при отъѣздѣ въ Петербургъ, когда онъ оставлялъ губернію. Проѣздомъ черезъ Москву М. Р. Шидловскій обѣдалъ у меня случайно со знаменитымъ С. А. Соболевскимъ. Оказалось, что они

давнишніе знакомые, и бесѣда была преинтересная. «А знаете ли», сказалъ мнѣ Соболевскій по отъѣздѣ Шидловскаго: «подъ этой черствою наружностью, я имѣлъ случай убѣдиться, кроется доступное любви сердце, и Шидловскій можетъ быть нѣжнымъ, любящимъ человѣкомъ. Я изъ немногихъ, кто видѣлъ его страстно влюбленнымъ; я видѣлъ его даже плачущимъ». Изъ Тульскихъ губернаторовъ М. Р. Шидловскій былъ поставленъ во главу цензуры, а затѣмъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но, страшно впечатлительный и нервный, онъ недолго проработалъ на новомъ мѣстѣ и заболѣлъ нервною болѣзнью, лѣчить которую поѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ и скончался и похороненъ на кладбищѣ Père-la-Chaise, увеличивъ собою число умершихъ за границей Русскихъ дѣятелей. И умеръ онъ далеко нестарымъ человѣкомъ, немного свыше пятидесяти лѣтъ: тоже особенность Русскихъ людей. Возрастъ, въ которомъ въ Англіи, напр., государственный дѣятель начинаетъ свою плодотворную дѣятельность, у насъ уже считается предѣльнымъ возрастомъ для окончанія служебнаго поприща. Когда за границей государственный дѣятель исключительно занятъ своимъ только дѣломъ, Русскому дѣятелю приходится мѣняться, если можно такъ выразиться, на мелкую монету. Онъ менѣе всего занятъ своимъ дѣломъ. Не говоря уже про формалистику, которая беретъ половину его времени, масса мелкихъ постороннихъ интересовъ и препятствій отвлекаютъ его, почему рѣдко-рѣдко способный и работящій министръ долго можетъ удержаться на своемъ посту. Какъ-то князь Черкаскій въ Варшавѣ проводилъ очень удачно эту параллель между Русскими и Англійскими государственными людьми и приводилъ въ примѣръ себя: сколько лишней работы онъ дѣлаетъ, чтобы достигать результатовъ, которые при другихъ условіяхъ достигались бы гораздо легче. Я самъ видѣлъ многихъ заработавшихся государственныхъ дѣятелей, для которыхъ борьба съ ежедневными противодѣйствіями, затрудненіями и людскою злобою становилась не подъ силу и надламливала ихъ силы, ихъ здоровье въ цвѣтѣ еще лѣтъ и умственнаго развитія. Къ такимъ отношу я Н. А. Милютина, преждевременно кончившаго и поприще, и жизнь. Послѣ горячаго одного спора противъ реакціонной партіи, на него нападавшей, Милютинъ, вернувшись домой, слегъ. Пріѣхавшій къ нему на другой день его навѣстить Императоръ Александръ II спросилъ его съ участіемъ: «Это вчерашнее засѣданіе тебя уходило?» — «Да, Государь, отвѣчалъ Милютинъ, вчерашнее и *многое* другое»...

Не одинъ Н. А. Милютинъ такъ кончилъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Изъ воспоминаній В. А. Роткирха *).

Не знаю, есть ли другая армія на свѣтѣ, офицеры которой держали бы себя такъ враждебно и высокомѣрно въ отношеніи къ другимъ, какъ держатъ себя Прусскіе офицеры. Тамъ *Herr Offizier*—это что-то поважнѣе Испанскаго гранда. Затянутый въ рюмочку, въ обтяжку, напомаженный, надушенный, онъ считаетъ себя существомъ избраннымъ, и потому съ величайшимъ презрѣніемъ относится къ простымъ смертнымъ, не имѣющимъ счастья быть офицерами. На такое враждебное отношеніе Прусскихъ офицеровъ къ жителямъ обращалъ вниманіе покойный императоръ Вильгельмъ и приказомъ по арміи грозилъ преданіемъ заносчиво-дерзкихъ офицеровъ военному суду. Я помню этотъ приказъ: онъ былъ тогда же напечатанъ въ переводѣ и въ Русскихъ газетахъ. Подобнаго офицера я встрѣтилъ въ Кобленцѣ.

За табль-д'отомъ на желѣзно-дорожномъ вокзалѣ сидѣло пассажировъ человѣкъ 25—30. День былъ жаркій. Довольно представительной наружности офицеръ, растегнувшись и развалясь въ креслѣ, корчилъ изъ себя, не то предсѣдателя общества обѣдающихъ, не то хозяина. Довольно, что онъ говорилъ одинъ, громко, заносчиво, авторитетно, не обращаясь ни къ кому особенно, а ко всѣмъ; отдавалъ приказанія прислугѣ, дѣлалъ ей замѣчанія за невнимательность къ кому нибудь изъ пассажировъ и вообще какъ-то покровительственно и обидно относился къ обществу. Пассажиры морщились, но молча переносили эту заносчивость нахала. Въ концѣ обѣда, онъ, потягиваясь, сказалъ:

— Вотъ вы, господа, счастливцы! Послѣ обѣда пойдете отдыхать; а для меня нѣтъ отдыха: я долженъ сейчасъ же ѣхать на ту сторону Рейна въ укрѣпленіе Эренбрейтштейнъ, къ своей ротѣ. Вы, господа, какъ не военные, не понимаете, какъ трудно командовать ротою. Я командую 1-ю ротою, какъ старшій капитанъ. Солдаты просто меня обожаютъ; ну, да и я ихъ люблю! Теперь, при всеобщей воинской по-

*) Покойный Василій Алексѣевичъ Роткирхъ (печатавшій у насъ свои воспоминанія подъ именемъ „Теобальда") служилъ по жандармскому вѣдомству. П. Б.

винности, моя рота искючительно почти состоитъ изъ князей, графовъ, барововъ и фоновъ: всѣ мало-мальски хорошія фамиліи, при вступленіи въ военную службу, непремѣнно просятся въ роту капитана Эбергёрца, вашего покорнѣйшаго слуги. Но, не смотря даже на любовь ко мнѣ нижнихъ чиновъ, командовать ротою все-таки величайшій трудъ, хотя въ тоже время и величайшая честь. Капитанъ пристально взглянулъ на одного изъ ближайшихъ къ нему пассажировъ.

— Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что вы отставной военный.

— Почему же отставной? возразилъ спрошенный. Напротивъ, я и теперь служу и командую частью.

— Но вы въ статскомъ платьѣ. Вѣроятно иностранецъ?

— Вы угадали.

— А какой націи, смѣю спросить?

— Я Русскій.

Капитанъ придвинулся ближе.

— Вѣроятно вы также командуете ротою и потому можете подтвердить, какая это трудная обязанность.

— Я давно уже командовалъ ротою.

— Значитъ, теперь командуете батальономъ?

— И батальономъ давно уже командовалъ.

Капитанъ отодвинулся и принялъ болѣе приличную позу.

— Стало-быть, командуете полкомъ?

— И полкомъ я командовалъ.

Капитанъ началъ застегивать сюртукъ.

— Если не ошибаюсь, вы бригадный командиръ?

— Бригадою я также командовалъ.

Капитанъ всталъ въ почтительную позу.

— Простите, ваше превосходительство, мое неумышленное невѣжество. Я никакъ не ожидалъ, что буду имѣть честь говорить съ начальникомъ дивизіи, въ чемъ вѣроятно я и не ошибаюсь?

— Ошибаетесь: я командовалъ дивизіею, а теперь.....

— А теперь?... спросилъ подобострастно капитанъ.

— Корпусомъ! докончилъ, съ улыбкою, Русскій.

Переконфуженный капитанъ Эбергёрцъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и внезапно вышелъ изъ-за стола. Нѣмцы подняли хохотъ.

— О, думмеръ керль! *) восклицали они вслѣдъ удалявшемуся капитану.

---

*) Дурачина.

Я поспѣшилъ представиться Русскому генералу и назвалъ свою фамилію.

— Я Самсоновъ, командиръ 2-го корпуса, отвѣчалъ любезно генералъ.

Случай съ Прусскимъ капитаномъ засвидѣтельствовалъ однакоже о томъ, до какой степени въ Прусскихъ войскахъ, къ величайшей чести ихъ, доведена военная дисциплина. Какое, казалось бы, дѣло капитану до иностраннаго генерала, не имѣвшаго при томъ на себѣ никакихъ знаковъ своего званія? Наши корнеты и подпоручики не взглянули бы на него даже, между тѣмъ Прусскій офицеръ почтительно отдалъ ему честь.

Много я видѣлъ случаевъ примѣрнаго чинопочитанія въ Нѣмецкихъ войскахъ. Разъ въ Дрезденѣ, на Брюллевской террасѣ, нѣсколько гвардейскихъ гусаръ, почему-то бывшихъ въ полной парадной формѣ, сидѣли у стола за кружками пива. Вдругъ изъ-за угла показался какой-то гарнизонный маіоръ. Всѣ гусары до одного встали, приложили руки къ папахамъ и стояли до тѣхъ поръ, покуда маіоръ не пригласилъ ихъ сѣсть.

Наша молодежь, увы! не поторопится встать даже предъ генераломъ. Въ доказательство привожу весьма недавній примѣръ.

Встрѣтясь съ генераломъ Ѳедоромъ Антоновичемъ Шванебахомъ на Невскомъ, мы условились пойти пообѣдать къ Палкину. Войдя въ боковую комнату, мы нашли тамъ двухъ офицеровъ: одинъ былъ Пруссакъ, а другой Русскій молодой гвардеецъ. Пруссакъ, при видѣ генерала, положилъ ложку и сталъ въ почтительную позу; гвардеецъ не шевельнулся и продолжалъ ѣсть. Шванебахъ попросилъ Прусскаго офицера сѣсть и кушать, а Русскому сдѣлалъ строгое замѣчаніе и посовѣтовалъ поучиться у иностранца военной дисциплинѣ. Гвардеецъ при этомъ приподнялся, но даже не застегнулся и потомъ снова сѣлъ.

—

Чудная, великолѣпная рѣка Рейнъ! Жизнь кипитъ на немъ клокочущимъ ключемъ; желѣзныя дороги вьются по обѣимъ берегамъ его; пароходы безпрестанно снуютъ по зеркалу самихъ водъ, вверхъ и внизъ. Не говорю о живописныхъ берегахъ его, усѣянныхъ древними рыцарскими зáмками съ зубчатыми башнями.

Я ѣхалъ по береговой желѣзной дорогѣ въ Кёльнъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда пробраться, чрезъ Гаммъ и Эмденъ, на островъ Нордерней. Не доѣзжая Бонна, поѣздъ нашъ прямо пошелъ въ воду. Всѣ пассажиры встревожились, бросились къ окнамъ: чтó за чудо? Мы дѣйствительно ѣдемъ по водѣ, брызгами которой орошаются окна; между тѣмъ мы все на одной высотѣ и не погружаемся на дно. Удив-

леніе наше усиливается, такъ какъ мы далеко уже отъѣхали отъ берега и достигаемъ почти середины рѣки. Вдругъ, стопъ! Мы остановились дѣйствительно чуть не на самой серединѣ ея. Тутъ только объяснилось, что мы на паровомъ паромѣ, который обыкновенно поднимаетъ цѣлый поѣздъ и перевозитъ его на другую сторону. Хитро придумано и отлично вышло! Только добраться на паро́мъ съ одного и другаго берега иначе нельзя, какъ по уложеннымъ на береговыхъ причалахъ рельсамъ, которыя Рейнъ, въ высокую воду, заливаетъ чуть не на метръ вышиною.

Изъ Кёльна прибыли мы въ Гаммъ. Не доѣзжая его, одинъ инженеръ, сѣвшій къ намъ въ вагонъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, встревожилъ насъ заявленіемъ, что намъ придется въ Гаммѣ пробыть ровно 24 часа, потому что поѣздъ Гаммско-эмденской дороги уйдетъ за шесть минутъ до прихода Кёльнскаго поѣзда.

— Какъ это можетъ быть? восклицали пассажиры. Отчего же поѣздъ не подождетъ шесть минутъ?

— Та дорога казенная, отвѣчалъ инженеръ и съ нашею въ конвенціи не состоитъ; думая же намъ сдѣлать пакость, она дѣлаетъ ее путешественникамъ, потому что заставляетъ ихъ изъ-за шести минутъ оставаться въ Гаммѣ цѣлые сутки.

— Но вѣдь это величайшая подлость со стороны казенной дороги! кричали озлобленные пассажиры. Почему-же вашъ министръ публичныхъ работъ допускаетъ такое безобразіе? Почему молчатъ газеты?

Вопросы эти остались открытыми.

Какъ только поѣздъ нашъ остановился у Гаммской платформы, начальникъ станціи обязательно предложилъ пассажирамъ, ѣдущимъ въ Лееръ и Эмденъ, поспѣшить занимать мѣста̀ въ казенномъ поѣздѣ, такъ какъ онъ еще не ушелъ, по причинѣ какой-то порчи въ паровозѣ, кажется, потери подшипника. Всѣ мы бросились въ поѣздъ, безъ билетовъ и багажа; ѣхавшіе въ Эмденъ просили начальника станціи прислать багажъ прямо въ Нордерней, что́ намъ и обѣщано. Деньги за билеты тутъ-же были вручены оберъ-кондуктору, и поѣздъ тронулся.

На другой день, въ полдень, съ началомъ прилива (*флютъ*), мы по каналу «Эмсъ», въѣхали въ Нѣмецкое море и направили курсъ къ острову Нордернею. Плаваніе было тихое, безъ качки. Всѣ пассажиры сидѣли на палубѣ, любуясь моремъ.

Но что̀ это такое? Не обманъ ли воображенія? Не морской ли миражъ? Вонъ вдали люди бѣгаютъ по поверхности воды, какъ водяные пауки, не замоча ногъ; лодки при нихъ стоятъ неподвижно, какъ на пескѣ... А тамъ стадо тюленей, также на поверхности воды, лежитъ неподвижно, словно на твердой землѣ.

— Это дурной знакъ! сказалъ намъ шкиперъ парохода, указывая на людей и тюленей. Значитъ, начался отливъ (*эббе*). Одни и другіе находятся на вершинахъ островов, которыя стали уже обнажаться. Дай Богъ намъ добраться въ Нордерней до окончанія его; иначе придется пролежать на боку, пока начнется флютъ. Я очень усилилъ пары.

Часовъ въ 10 вечера мы прибыли къ острову Нордернею; но къ самой пристани уже подойти не могли, за мелководьемъ. Къ намъ подъѣхали съ берега, на саженныхъ въ діаметрѣ колесахъ, громадныя телѣги, въ которыя мы пересѣли; послѣ чего пароходъ, вслѣдствіе наступившаго полнаго отлива, преспокойно легъ на бокъ, отдыхать послѣ трудовъ и въ ожиданіи новаго прилива. Всѣ рыбачьи суда послѣдовали примѣру парохода, и ночь воцарилась надъ островомъ Нордернеемъ.

Чрезъ день былъ намъ доставленъ нашъ багажъ.

Нордерней лежитъ въ группѣ Ганноверскихъ островов. Но чтó онъ такое, островъ, или полуостровъ? Ежедневно онъ бываетъ и тѣмъ, и другимъ. Во время прилива (*флюта*) онъ становится островомъ, а во время отлива (*эббе*) сливается съ твердою землею, на которой лежитъ городъ Норденъ. Между послѣднимъ и Нордернеемъ, во время отлива, возстановляются торговыя сношенія: по дну моря везутъ продукты, гонятъ стада, посылаютъ дилижансы съ почтою и пассажирами и т. п. Всѣ жители имѣютъ печатныя росписанія часовъ флюта и эббе и соображаютъ по нимъ свои экскурсіи. Но минуетъ эббе, и пространство между Нордернеемъ и Норденомъ заливается водою сажень на пять высоты, и на томъ мѣстѣ, гдѣ за часъ предъ тѣмъ звучала труба кондуктора почтовой кареты, развѣваются флаги Бременскихъ купеческихъ кораблей.

Вздумалось какъ-то и мнѣ прокатиться въ почтовой кареткѣ до Нордена. Въ кареткѣ я нашелъ одного Англичанина съ женою. Четверка круглыхъ лошадокъ быстро понесла насъ по дну моря. Вдругъ, на самой серединѣ дороги, ось лопнула, правое заднее колесо покатилось въ сторону, и каретка упала на бокъ. Лошади мгновенно остановились, мы выскочили. Кондукторъ въ отчаяніи заломалъ руки.

— Намъ остается только спасаться! сказалъ онъ. Скоро долженъ наступить флютъ, и мы погибнемъ, если не успѣемъ добраться до Нордена или Нордернея. Послѣдній, кажется, ближе. Садитесь скорѣе на лошадей верхомъ, и маршъ, маршъ назадъ!

Мы послѣдовали совѣту, вскочили на лошадей; кондукторъ также сѣлъ на одну изъ нихъ, захвативъ съ собою сумку съ корреспонденціею, и понеслись назадъ, чтó было духу. Съ ужасомъ видѣли мы, подъ конецъ пути, начинавшійся приливъ; онъ слѣдовалъ за нами каж-

дый разъ ближе и ближе, и когда мы вступили на Нордернейскій берегъ, то вода доходила нашимъ лошадямъ по брюхо.

Сломанную и промоченную насквозь каретку ухитрились потомъ убрать во время отлива.

—

Мы Русскіе, какъ народъ патріархальный и религіозный, придаемъ всякому началу особую важность и безъ молитвы, безъ креста, не начинаемъ никакого дѣла, никакой закладки, никакого открытія. Французы, на оборотъ: они не придаютъ никакого значенія молебнамъ и освященіямъ, никогда не приглашаютъ своего духовенства на торжество закладокъ или открытій какихъ-нибудь общественныхъ учрежденій, но предпочитаютъ имъ банкеты съ порядочною выпивкою.

Такъ было въ концѣ 1859 года, когда Французы-строители С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги праздновали въ Динабургѣ открытіе Псково-Динабургскаго участка.

Въ назначенный день на Динабургскомъ вокзалѣ былъ приготовленъ огромный, человѣкъ на двѣсти, обѣдъ. Динабургскіе начальники участковъ, Русскіе инженеры путей сообщенія, полковникъ Гофмейстеръ и капитанъ Эрбергъ, получили приказаніе пригласить на торжество открытія всѣхъ начальниковъ частей, почетнѣйшихъ лицъ въ городѣ, дамъ и духовенство съ пѣвчими, для совершенія молебна съ водосвятіемъ и для освященія сооруженій.

Торжество открытія было назначено въ 2 часа дня, къ каковому времени долженъ былъ прибыть изъ Петербурга поѣздъ съ приглашенными гостями и всѣми строителями дороги.

Вотъ собрались Динабургскіе жители съ комендантомъ во главѣ. Всѣ генералы и прочіе военные были въ мундирахъ, статскіе во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, дамы въ цвѣтахъ. Пріѣхалъ и настоятель военнаго собора протоіерей Сергій Ляшкевичъ съ діакономъ и пѣвчими. Приготовлена купель для водоосвященія, аналой и святыя иконы. Ждутъ часъ—нѣтъ поѣзда изъ Петербурга; ждутъ другой; всѣ проголодались; а тутъ возбуждаютъ еще больше аппетитъ столы, сгибающіеся подъ бременемъ самыхъ изысканныхъ блюдъ съ цѣлыми батареями бутылокъ.

Наконецъ, въ 4 часа, получена телеграмма, что поѣздъ вышелъ съ послѣдней станціи. Мгновенно зажглись люстры и канделябры; столы освѣтились чрезвычайно ярко. Священникъ и діаконъ облачились въ ризы и зажгли свѣчи предъ иконами и купелью. Вотъ на платформѣ раздались свистки.

Вдругъ двери распахнулись, и въ залу ворвалась толпа Французовъ, человѣкъ въ полтораста, въ шляпахъ, фуражкахъ, шапкахъ, въ

пиджакахъ, венгеркахъ, полушубкахъ, высокихъ сапогахъ. Какъ саранча бросились они на столы и съ шумомъ, крикомъ, хохотомъ начали истреблять всѣ кушанья, и распивать бутылки. Одни сѣли за столы; другіе прямо садились на столы, ставили цѣлыя блюда съ кушаньями себѣ на колѣни и пожирали; а чего не могли съѣсть, заворачивали въ газеты и клали себѣ въ карманы. Вообще, все поведеніе сыновъ образованной націи было возмутительно, гадливо, похоже на нападеніе Татарской орды. Невѣжество, дикость, разнузданность царили въ залѣ. Не хотѣлось вѣрить, чтобы тѣ, которые столько кричатъ о своей цивилизаціи, не имѣли ни малѣйшаго понятія о приличіи и деликатности.

На Динабургскихъ приглашенныхъ гостей никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; даже къ коменданту не подошла ни одна душа изъ желѣзно-дорожниковъ. Никто и не думалъ пригласить гостей къ столу; да для нихъ не было и мѣста.

Гофмейстеръ и Эрдбергъ стояли въ сторонѣ, крѣпко переконфуженные.

Комендантъ, обиженный, первый уѣхалъ. Настоятель собора потушилъ свѣчи, разоблачился, забралъ съ собою иконы и купель и также уѣхалъ; за ними разъѣхались и всѣ гости, голодные, прозябшіе.

За то на вокзалѣ оргія невѣждъ-Французовъ продолжалась до полуночи, когда поѣздъ увезъ всю эту дикую ораву обратно въ Петербургъ.

Долго жителямъ Динабурга было памятно торжество открытія Французами Динабургскаго участка С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги.

—

Не таково было открытіе Смоленско-Рославльскаго участка Орловско-Витебской желѣзной дороги, въ Октябрѣ 1868 года.

Петръ Іоновичъ Губонинъ—тогда еще только кавалеръ св. Станислава 3-й степени — устроилъ торжество это на славу: пригласилъ множество гостей изъ Петербурга и Москвы и выписалъ кавалергардскую музыку. Изъ почетнѣйшихъ гостей были: графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, инженеръ-генералъ баронъ Дельвигъ, нѣкоторые представители печати и др. Рѣчи лились, какъ Шампанское, и Шампанское, какъ рѣчи.

Случился тогда слѣдующій забавный анекдотъ.

Послѣ громкихъ, зычныхъ рѣчей графа Строганова, барона Дельвига и другихъ ораторовъ, вдругъ вынырнула изъ-подъ стола какая-то невзрачная фигурка, встала на стулъ и начала говорить какую-то едва слышную, сбивчивую рѣчь, безпрестанно заглядывая въ какія-то

тетрадки и записки. По временамъ слышны были слова «наши окраины», и больше ничего. Кто такой ораторствовалъ, никто не зналъ. Между тѣмъ рѣчь длилась довольно долго. Слушатели выслушивали ее стоя; за ними стояли оффиціанты съ блюдами, которыя стыли. Нетерпѣніе гостей высказывалось ропотомъ и какимъ-то галдѣньемъ. Ораторъ затихъ на мгновеніе, но потомъ началъ снова:

— Наконецъ, господа, позвольте мнѣ еще объяснить...

— Да не довольно ли? произнесъ кто-то полубасомъ, про себя, но такъ громко, что многіе услышали.

— Довольно! Довольно! подхватили голоса въ разныхъ концахъ залы. Кто-то приказалъ музыкѣ играть тушъ; оффиціанты начали подавать блюда, и сконфуженный ораторъ нырнулъ подъ столъ.

Минуты чрезъ двѣ всѣ узнали, что потерпѣвшій фіаско ораторъ былъ Скарятинъ, редакторъ газеты «Вѣсть». Но какъ только музыка умолкла, Скарятинъ снова вынырнулъ изъ-подъ стола, вскочилъ на стулъ и хотѣлъ продолжать рѣчь. Его встрѣтили однако хохотомъ. Кто-то крикнулъ «долой!», т. е. долой со стула; но другіе подхватили: «Долой Скарятина! Долой «Вѣсть»!

Послѣ такого скандала Скарятинъ соскочилъ со стула и вышелъ изъ залы.

Къ довершенію пораженія, Скарятинъ, въ тотъ же вечеръ, въ потьмахъ, упалъ съ платформы, не огороженной еще барьеромъ, на рельсы и крѣпко расшибся.

—

Возвращаясь къ воинской дисциплинѣ, разскажу здѣсь о случаѣ нарушенія ея, возмутившемъ самого меня вчужѣ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, ѣхалъ я въ Москву по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ. На одной изъ станцій, между Оршею и Смоленскомъ, поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ. Я стоялъ у открытаго окошка вагона и разговаривалъ съ жандармскимъ полковникомъ, начальникомъ полиціи этой дороги. Вдругъ долетѣли до насъ слова, произнесенныя жидовскимъ акцентомъ:

— Васе пгевосходительство, ступайте посмотгите стгѣлку, какъ я вамъ *пгиказывалъ*.

Мы выглянули въ окно: невзрачный, съ жидовскою физіономіею, въ красной шапкѣ, начальникъ станціи, куражась предъ публикою, отдавалъ приказаніе какому-то господину весьма приличной наружности. Послѣдній подошелъ къ начальнику станціи и сказалъ:

— Сколько разъ я просилъ васъ не называть меня при публикѣ превосходительствомъ!

— Не извольте, генегалъ, газсуждать и дѣлайте то, цто я *пшиказываю.*

Полковникъ, какъ бомба, вылетѣлъ на платформу.

— Ваше превосходительство, спросилъ онъ, точно ли вы генералъ, и кто смѣетъ такъ помыкать вами?

— Ахъ, заступитесь хоть вы, полковникъ, отвѣчалъ, чуть не со слезами, спрошенный. Я дѣйствительно отставной генералъ, а помыкаетъ мною вотъ этотъ Жидъ, безсрочно-отпускной барабанщикъ моего же полка. Какими происками добился онъ званія начальника станціи, во время постройки Евреями этой дороги, не знаю; но я, выйдя въ отставку съ небольшою пенсіею, пожелалъ служить на желѣзной дорогѣ и меня, для изученія службы, сдѣлали на первый разъ помощникомъ начальника станціи. Судьбѣ угодно было бросить меня на эту станцію и сдѣлать моего барабанщика моимъ начальникомъ. Никто этого не знаетъ. Разумѣется, меня переведутъ на другую станцію; но пока это наступитъ, барабанщикъ оскорбляетъ меня на каждомъ шагу, даетъ самыя унизительныя порученія и нарочно бравируетъ предъ публикою тѣмъ, что онъ можетъ *приказывать генералу.*

Полковникъ затрясся отъ негодованія.

— Эй, ты, барабанщикъ! Поди сюда! закричалъ онъ начальнику станціи.

Начальникъ станціи гордо взглянулъ на полковника и поворотился въ сторону.

— Жандармъ! Тащи сюда за шиворотъ этого Жида.

Жандармъ схватилъ начальника станціи за рукавъ и подвелъ къ полковнику.

— Гашпадинъ полковникъ... началъ было Жидъ.

— Смирно, скотина! Руку подъ козырекъ, когда я съ тобою говорю! Ты развѣ забылъ, что ты солдатъ? Я для тебя «ваше высокоблагородіе», а не «господинъ полковникъ»... Какъ смѣешь ты, нижній чинъ, оскорблять Русскаго генерала и своего полковаго командира?... Это безпримѣрное нарушеніе воинской дисциплины, и я предамъ тебя военно-уголовному суду, для чего сейчасъ же свезу тебя къ Смоленскому губернскому воинскому начальнику. Эй, жандармы, взять его со мною въ поѣздъ!

Жидъ страшно поблѣднѣлъ, понявъ, что̀ его ожидаетъ по суду, потому бухнулся въ ноги полковнику и генералу и со слезами началъ просить обоихъ о помилованіи, при чемъ клялся, что впредь будетъ уважать его превосходительство.

Генералъ съ своей стороны началъ просить полковника простить на этотъ разъ виновнаго.

— Хорошо! отвѣчалъ полковникъ. Я не предамъ его суду; но, именемъ управляющаго дорогою, отрѣшаю отъ должности начальника станціи, каковую и прошу васъ принять немедленно. Барабанщика же этого я не потерплю на службѣ на желѣзной дорогѣ, и завтра вы получите отъ управляющаго телеграмму объ увольненіи его въ отставку и объ утвержденіи васъ въ должности. Вы, жандармы, наблюдите, чтобъ, послѣ полученія телеграммы, не осталось здѣсь къ вечеру отъ барабанщика и духу.

Прибывъ въ Москву, полковникъ поднялъ въ управленіи дороги цѣлую бурю. Инженеры сами встревожились, узнавъ въ чемъ дѣло, и рады были, что случай этотъ не успѣлъ еще дойти до свѣдѣнія министровъ военнаго и путей сообщенія. Разумѣется, барабанщикъ въ тотъ же день, телеграммою, былъ уволенъ отъ службы, и жандармы исполнили въ точности приказаніе полковника спровадить его со станціи съ первымъ поѣздомъ.

—

Есть ли на свѣтѣ *предопредѣленіе*, *судьба*, *рокъ*, или это только праздныя выраженія? Создала-ли поговорку: «такъ ему на роду написано», народная мудрость, основываясь на какихъ-нибудь прочныхъ данныхъ, или же ее придумало одно суевѣріе? При рѣшеніи вопроса этого, приходится не разъ призадуматься, вспоминая разные случаи, какъ бы удостовѣряющіе, что въ природѣ человѣка дѣйствительно кроется что-то въ родѣ *предопредѣленія* свыше.

Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

На Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, между Вязьмою и Смоленскомъ, есть станція Каменка, лежащая на рѣчкѣ Хмость. Рѣчка сама по себѣ не казиста; на хорошихъ ходуляхъ можно ее и перепрыгнуть; но она змѣится въ глубокой долинѣ, между высокими и крутыми берегами, и потому чрезъ нее переброшенъ высокій и длинный фермениый мостъ. На мосту этомъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, очень часто происходили крушенія товарныхъ поѣздовъ. Въ дурную-ли минуту былъ заложенъ мостъ, погрѣшность ли постройки подъѣздныхъ путей, состоявшая, напримѣръ изъ слишкомъ крутыхъ спусковъ и слишкомъ сильныхъ закругленій, были причиною частаго крушенія поѣздовъ, или же послѣднимъ такъ «было на роду написано»—неизвѣстно; но крушенія повторялись до тѣхъ поръ, покуда участковый инженерный начальникъ и дорожные мастера не были замѣнены другими.

Въ 1874 году, на томъ же мосту, сошелъ съ рельсовъ товарный поѣздъ, при чемъ задніе 10 или 12 вагоновъ, груженныхъ овсомъ, полетѣли съ высокаго моста на берегъ рѣки, разбились въ щепы, разсыпали на далекое пространство овесъ и осколками придавили

оберъ-кондуктора Полянскаго; кромѣ того, еще одинъ вагонъ, съ грузомъ въ 600 пудъ, зацѣпился за ферму моста и повисъ въ воздухѣ, угрожая ежесекунднымъ паденіемъ и издавая зловѣщій трескъ. Полянскій лежалъ подъ самымъ этимъ вагономъ, видѣлъ страшную опасность и потому кричалъ нечеловѣческимъ голосомъ, умоляя о спасеніи. Никто изъ рабочихъ не осмѣливался приблизиться къ нему, и каждый только молился въ душѣ за обреченнаго на смерть.

Вдругъ станціонный жандармъ Дмитрій Григорьевъ, бравый Семеновецъ, быстро снялъ съ себя аммуницію и шинель, перекрестился, бросился къ погибающему, откинулъ прикрывавшій его грузъ и вытащилъ Полянскаго; но въ тотъ же моментъ висѣвшій вагонъ рухнулъ, разсыпался на мѣстѣ, гдѣ лежалъ Полянскій, въ щепы и забросалъ ими Григорьева и Полянскаго, безъ особаго однако вреда для нихъ. Еще одна минута, и было бы двѣ жертвы: съ оберъ-кондукторомъ погибъ бы и жандармъ.

Григорьевъ былъ представленъ къ наградѣ и получилъ серебряную медаль, съ надписью «за спасеніе погибавшихъ».

Прошло полгода. Григорьевъ, по обычаю нашего простонародья, началъ наливать керосинъ въ горящую лампу, не затушивъ ее предварительно, но только вынувъ до половины пылавшую горѣлку. Вдругъ керосинъ вспыхнулъ въ резервуарѣ лампы и въ бутыли, стекла лопнули, и Григорьевъ мгновенно, облитый керосиномъ, запылалъ, какъ свѣточъ Нерона. Покуда сорвали съ него одежду и потушили огонь, Григорьевъ обуглился и на пути въ Смоленскій госпиталь, въ страшныхъ мученіяхъ, умеръ.

Ровно черезъ два дня, Полянскій выѣхалъ съ рабочимъ поѣздомъ въ балластный карьеръ за пескомъ. Уже платформы были нагружены, и надобно было отправлять поѣздъ. Полянскій, стоя на кучѣ песку, далъ машинисту свистокъ, и только что поднялъ ногу, чтобъ вступить на платформу, какъ песокъ подъ нимъ обсунулся, и онъ попалъ подъ самыя колеса двинувшагося поѣзда. Смертъ была мгновенная, потому что несчастнаго Полянскаго буквально разрѣзало пополамъ, по самой поясницѣ.

Такимъ образомъ погибли и спасавшій, и спасенный.

Первый какъ бы былъ наказанъ за то, что вмѣшался въ дѣла Провидѣнія, а второй не избѣжалъ смерти отъ поѣзда, какъ будто ему *предопредѣлено* было погибнуть не иначе, какъ отъ поѣзда.

Но вотъ другой случай.

Въ 1870 году сооруженіе Московско-Смоленской желѣзной дороги приходило къ концу. По линіи двигались рабочіе поѣзда, на которыхъ разъѣзжали строители и рабочіе.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ такой поѣздъ шелъ изъ Можайска въ Гжатскъ. Инженеры и подрядчики размѣстились на всѣхъ рабочихъ платформахъ, на которыхъ для этого были поставлены стулья. Я, съ инженеромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Повалишинымъ, сидѣлъ на самой задней платформѣ, нагруженной пескомъ. Передъ нами шла платформа, груженная рельсами. Я разговаривалъ съ Повалишинымъ, и между нашими стульями разстоянія было менѣе аршина. Вдругъ, между станціями Батюшково и Гжатскъ, съ страшною силою и быстротою молніи, упалъ между нами 12-ти пудовый рельсъ, опрокинулъ насъ, вмѣстѣ съ стульями, въ разныя стороны, разрѣзалъ песокъ и раздробилъ въ щепы, въ мочалу, находившуюся за нами спинку платформы. Еслибы рельсъ упалъ немного правѣе или лѣвѣе, онъ могъ бы одного изъ насъ разрѣзать на двое, какъ ножницами. Мы встали дрожащіе и блѣдные, какъ мертвецы.

До сихъ поръ мы не можемъ себѣ объяснить, что̀ было причиною этого ужаснаго случая? Вѣроятно рельсъ сдвинулся съ платформы, и наша платформа толкнула его въ отвисшій конецъ, отчего рельсъ и опрокинулся назадъ; но откуда онъ пріобрѣлъ такую страшную силу, что даже раздробилъ платформу?

Мы отдохнули немного въ лѣсу, а по прибытіи въ Гжатскъ немедленно отслужили благодарственный молебенъ за спасеніе насъ отъ смерти. Не *суждено* было намъ погибнуть, или это дѣло простой случайности??

Наконецъ, вотъ и третій случай.

Въ 1876 году внезапно настала, скоропостижная если можно такъ выразиться, весна. Сразу пригрѣло солнце, полились сильные тропическіе дожди, растопились глубокіе снѣга и послѣдовало сильнѣйшее наводненіе. Въ Москвѣ Пятницкая часть была высоко залита водою. На Московско-Брестской дорогѣ, между Москвою и Смоленскомъ, разорвало полотно дороги въ 11-ти мѣстахъ, отъ 60 до 125 саженей протяженія, такъ что шпалы съ рельсами висѣли въ воздухѣ, и снесло пять желѣзныхъ ферменныхъ мостовъ, изъ которыхъ построенный чрезъ ручей Колодигу, близъ Смоленска, отысканъ потомъ въ лѣсу за пять верстъ.

По Орловско-Витебской дорогѣ шелъ экстренный поѣздъ съ великими міра сей дороги, именно: членами правленія, ревизоромъ отъ министерства, инспекторомъ, управляющимъ дорогою и всѣми начальниками службъ. Всего было до 30 человѣкъ.

Въ Брянскѣ пассажиры пообѣдали, усѣлись за карточные столы, и поѣздъ тронулся, когда было уже совсѣмъ темно.

Между тѣмъ дорожный мастеръ участка отъ Брянска до р. Болвы, движимый какимъ-то тайнымъ безпокойствомъ, вышелъ съ фонаремъ посмотрѣть, чтó дѣлается съ мостомъ чрезъ Болву, не повредило ли ему половодье? Дойдя до моста, онъ страшно перепугался: желѣзнаго, двадцати-саженной длины, трубчатой системы, моста не было; противуположный береговой каменный устой былъ вырванъ, и лежавшій на немъ конецъ моста упалъ на дно рѣки; съ этого берега торчала входная рама и представляла собою ворота въ бездну, по наклонной плоскости; вода съ обѣихъ сторонъ полотна разлилась на далекое пространство и шла въ уровень съ мостомъ. Катастрофа произошла отъ того, что, вслѣдствіе внезапнаго таянія снѣговъ, Болва разорвала всѣ шлюзы на Мальцовскихъ заводахъ и всею массою хлынула на желѣзную дорогу.

Не успѣлъ мастеръ опомниться, какъ услышалъ шумъ приближавшагося экстреннаго поѣзда. Онъ немедленно выставилъ къ сторонѣ поѣзда фонарь съ краснымъ огнемъ, но вѣтеръ потушилъ огонь. Тогда мастеръ бросился на встрѣчу поѣзду, набралъ въ полу камней, началъ бросать ихъ въ паровозъ и такъ ужасно кричать, что у него кровь хлынула горломъ. Къ счастію, машинистъ услышалъ крикъ, далъ тревожные свистки, и поѣздъ остановился. Когда всѣ выскочили изъ вагоновъ, то нашли дорожнаго мастера лежащимъ на пескѣ и заливавшимся кровью, а поѣздъ стоявшимъ небольше какъ въ 20 саженяхъ отъ страшной бездны. Еслибы не мастеръ, весь поѣздъ влетѣлъ бы, на всѣхъ парахъ, въ трубу моста и, конечно, не спаслась бы ни единая душа...

Бывшій въ поѣздѣ врачъ занялся дорожнымъ мастеромъ; пассажиры набросали ему нѣсколько сотъ рублей, а правленіе дороги назначило ему пожизненную пенсію въ 500 рублей, потому что онъ порвалъ всѣ свои голосовыя связки и на всю жизнь остался безъ голоса.

Всѣ вернулись назадъ въ Брянскъ.

Повторяю: есть ли на свѣтѣ *предопредѣленіе* или нѣтъ?

—

Я чрезвычайно люблю путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ, нерѣдко даже безъ всякой цѣли и надобности, въ родѣ того, какъ инаго рода фланёры шлифуютъ тротуары въ городахъ. Удовольствіе отъ такихъ путешествій получилось бы цѣлесообразное, еслибы не помрачали его желѣзно-дорожныя власти, которыя никакъ не хотятъ освоиться съ мыслью, что *не публика создана для желѣзной дороги*, а совсѣмъ на оборотъ: *дорога для публики*. Власти эти состоятъ изъ желѣзно-дорожной тли, именно оберъ-кондукторовъ, контролеровъ движенія, а нерѣдко и начальниковъ станцій. Это мелкіе деспоты, тираны,

на которыхъ трудно найти управу. Если вы не заплатили оберъ-кондуктору, то не получите мѣста для спокойнаго ночлега. Ежели вамъ, по приказанію какого-нибудь желѣзно-дорожнаго начальника, отведутъ особое купе, то оберъ-кондукторъ, на слѣдующихъ станціяхъ, постарается биткомъ набить ваше купе пассажирами. Но еслибы не случилось этого, то случается еще чаще, что контролёръ или другой служащій, самъ пожелаетъ занять ваше купе и потому приказываетъ оберъ-кондуктору «очистить купе»; а если вы вздумаете сопротивляться, то васъ выведутъ силою. Жалуйтесь потомъ на него: онъ будетъ всегда правъ, скажетъ, что вы занимали «дамское» купе, буйствовали, скандальничали и не хотѣли уступать мѣста дамамъ. Противъ васъ свидѣтелей будетъ много, а за васъ ни одного. Между тѣмъ, въ каждомъ поѣздѣ всегда есть нѣсколько запертыхъ на ключъ, порожнихъ купе, которыми и торгуютъ оберъ-кондукторы.

Самая безобразная изъ всѣхъ дорогъ, не только въ Россіи, но и на цѣломъ свѣтѣ – это Петербурго-Варшавская. Злоупотребленія на ней были вопіющія; вагоны старые, грязные, сальные, и пассажиры—это жертвы желѣзно-дорожной тли.

Къ такой тли, по справедливости, должно отнести и машинистовъ. Они нерѣдко губятъ цѣлые поѣзда, по причинѣ халатнаго отношенія къ дѣлу и невниманія къ предостерегательнымъ сигналамъ.

Помню, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1873 года, на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ, между станціями Хотынецъ и Нарышкино, образовалось нѣсколько громадныхъ снѣжныхъ заносовъ. Для разчистки одного изъ нихъ было прислано человѣкъ 25—30 Карачевскихъ крестьянъ. Дорожный мастеръ, правда, выставилъ зеленый флагъ при входѣ въ выемку, но не указалъ рабочимъ, какъ разчищать путь и какъ заготовить ниши для скрытія самихъ рабочихъ во время прохода поѣзда.

Машинистъ пассажирскаго поѣзда, по обыкновенію всѣхъ машинистовъ, не обратилъ вниманія на зеленый сигналъ и на всѣхъ парахъ влетѣлъ въ выемку. Рабочіе, при видѣ поѣзда, прижались къ стѣнкамъ снѣжнаго тоннеля; но какъ пространство было слишкомъ узко, то вагоны подножками захватили рабочихъ и кинули ихъ подъ колеса. По раздавшемуся крику поѣздъ былъ остановленъ, изъ подъ него вытащено 13 труповъ и человѣкъ 5—6 изувѣченныхъ.

Въ числѣ погибшихъ и пострадавшихъ крестьянъ самому старшему было 26 лѣтъ; остальные—18 и даже 16 лѣтъ.

Спрашивается, за что погибло столько молодыхъ жизней? Отъ халатности желѣзно-дорожныхъ агентовъ и отъ того, что они убѣждены, что публика существуетъ для дороги, а кровь людская—вода!

Дорожные мастера—простые мужики, безъ всякаго образованія и въ рѣдкихъ случаяхъ грамотные. Рабочею практикою на желѣзныхъ дорогахъ, сперва въ званіи ремонтныхъ рабочихъ, а потомъ десятскихъ, они усвоиваютъ себѣ необходимыя познанія по укладкѣ шпалъ и рельсъ и получаютъ въ свое вѣдѣніе участки, по нѣскольку верстъ.

Вотъ моя встрѣча съ однимъ изъ такихъ мастеровъ.

Я ѣхалъ въ Орелъ. Въ вагонѣ 2-го класса было только трое пассажировъ: молодой человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, какъ оказалось впослѣдствіи, судебный слѣдователь; дорожный мастеръ, невзрачный человѣчекъ, и я.

На послѣдней полустанціи предъ Орломъ, Саханской, ввалился въ вагонъ другой дорожный мастеръ, рыжій мужичина, съ женщиною, которую на порогѣ такъ толкнулъ въ шею, что она упала на полъ.

— Садись тамъ, проклятая! рявкнулъ онъ, указавъ ей на порожнее кресло.

Женщина, изнуренная, блѣдная, худая, поднялась и опустилась въ кресло, безъ ропота и слезъ.

Насъ всѣхъ возмутила эта сцена. У каждаго зудѣли руки наказать негодяя.

— Что̀ это, Сила Савичъ? спросилъ дорожный мастеръ. За что̀ такъ супружницу свою обиждать изволишь?

— Мало ей этого! отвѣчалъ рыжій. Вотъ пріѣдемъ въ Орелъ, такъ шкуру съ нея спущу, на смерть запорю! Вишь ты, анаѳемская, жить со мною не хочетъ!... Два дня голодомъ морилъ, три дня, безъ устали почитай,495 дралъ кнутищемъ, по заказу свитымъ; такъ нѣтъ, все таки убѣжала къ матери. Вотъ теперь назадъ везу. Жить не хочетъ! Должна жить! Что мы Жиды, что-ли, аль Нѣмцы? У насъ разводовъ нѣтъ. Что̀ Богъ соединилъ, того человѣкъ не разлучаетъ.

— Вотъ то-то и худо, возразилъ атлетъ-слѣдователь, что для васъ, темнаго народа, варваровъ, дикарей, нѣтъ развода. Еслибы ты зналъ, что тебѣ легко потерять жену, ты былъ бы для нея совсѣмъ другой и не смотрѣлъ бы на нее какъ на вещь, какъ на рабочую скотину, съ которою можешь дѣлать, что̀ хочешь. Не для такихъ скотовъ таинство брака и святость брачныхъ узъ, какъ вы, черный народъ, тираны!

— Да ты, сударь, что̀ тамъ раскудахтался на счетъ развода-то? дерзко спросилъ рыжій.

— Я не кудахтаю, а говорю, отвѣчалъ атлетъ, дрожа отъ гнѣва. Обдумывай свои слова, борода; не то я вобью тебѣ въ глотку твой языкъ.

— Вобьешь?... Ну, это бабка на двое еще сказала: кто кому вобьетъ!

Я вмѣшался въ разговоръ.

— Я передамъ тебя жандармамъ въ Орлѣ, чтобъ составили протоколъ и привлекли къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

— Да вы чтò, баринъ, отвѣчалъ онъ, *тыкаете* мнѣ? Нешто я простой человѣкъ? Я дорожный мастеръ.

— А кто же ты, если не простой мужичина, сиволапъ, хамъ? возразилъ я, взбѣшенный. Чтò, я стану тебя «вашимъ благородьемъ» называть, что-ли?

— Не «благородьемъ», а все таки можно сказать *вы*-съ. Да чѣмъ же я нарушилъ тишину? Что жену побилъ? Но вѣдь не чужую же, а свою. Кто мнѣ запретитъ? Бью, когда захочу; на то она и жена... Боюсь я вашихъ жандармовъ!... Ну-ка, вотъ запретите мнѣ!

Съ этимъ онъ подскочилъ къ женѣ и такъ ударилъ ее по лицу, что у нея изъ носу кровь закапала.

Но въ ту же минуту атлетъ подлетѣлъ къ нему и, съ словами: «я запрещаю», такъ треснулъ его кулачищемъ по физіономіи, что рыжій, какъ снопъ, свалился на полъ и облился кровью.

— Чтò каналья, сладко?

Мужикъ поднялся и бросился на атлета; но тотъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и уставилъ противъ его лба. Рыжій отступилъ, грозя очами.

— Вотъ что я тебѣ скажу, борода! обратился къ нему атлетъ. Я судебный слѣдователь Орловскаго желѣзно-дорожнаго участка; слѣдовательно ты въ моемъ районѣ. Я привлекаю тебя къ уголовному суду за истязаніе жены двухдневнымъ голодомъ и трехдневнымъ сѣченіемъ особо-сдѣланнымъ кнутомъ. Отправлю теперь тебя въ острогъ, а жену отдамъ подъ защиту полиціи, въ отвращеніе дальнѣйшихъ преступленій съ твоей стороны, которыми ты похваляешься. Если я далъ тебѣ затрещину, то этимъ я только оттолкнулъ тебя отъ жены, которую ты началъ истязать публично, до крови. Револьверъ мой также удержалъ тебя отъ этого.

Въ это время поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Судебный слѣдователь позвалъ жандармовъ, велѣлъ арестовать дорожнаго мастера; а насъ, свидѣтелей, пригласилъ въ контору начальника станціи, для снятія нашихъ показаній и подписи протокола.

—

Но все это грустныя сцены. А сколько же встрѣчается на желѣзныхъ дорогахъ и веселыхъ сценъ! Припомню нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ Орлѣ, на станціи, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго разговора.

Какая-то старая княгиня сильно упрашивала начальника станціи, чтобы онъ далъ ей свою «катушку» (дрезину) прокатиться въ имѣніе ея, отстоящее въ 35 верстахъ отъ Орла.

— Помилуйте, ваше сіятельство, возражалъ начальникъ станціи, вѣдь дрезина по обыкновенной землѣ не пойдетъ: она ходитъ только по рельсамъ.

— Да ты только дай, а то пойдетъ; подмажемъ хорошенько, а рабочихъ у меня довольно.

— Поймите же, княгиня, что дрезины не для того здѣсь, чтобъ раздавать ихъ для игрушки постороннимъ людямъ; онѣ каждую минуту нужны инженерамъ и дорожнымъ мастерамъ, чтобъ повѣрять исправность пути.

— Заговаривай зубы! Отъ того дать не хочешь, что человѣкъ ты неуживчивый и не уважаешь старость. Вотъ если бы попросила молодая, такъ вѣрно не отказалъ бы.... Ну, а другую просьбу, также не исполнишь?

— Не могу и не имѣю права измѣнять росписанія поѣздовъ.

— Да ты пойми, что я старуха и не могу встать въ 6 часовъ утра, чтобъ поспѣть на 7-ми часовой поѣздъ въ Москву. Отправь его хоть въ 9 часовъ. Не все-ли тебѣ равно?

— Вы напрасно спорите, ваше сіятельство? Никто не въ состояніи исполнить вашей просьбы, ни даже самъ управляющій дорогою, потому что росписанія поѣздовъ утверждены г. министромъ путей сообщенія.

— Ничему я не вѣрю! Вѣрю только, что ты человѣкъ неуживчивый и никому не хочешь сдѣлать ни малѣйшаго одолженія.

На другой день полоумная княгиня, поддерживаемая старымъ лакеемъ, пріѣхала на вокзалъ къ 7 часамъ утра, разряженная въ атласъ и бархатъ, въ цвѣтахъ, съ множествомъ браслетовъ и колецъ. Очевидно, она въ первый разъ ѣхала по желѣзной дорогѣ. Раздался первый звонокъ. Пассажиры пошли въ вагоны. Старуха-княгиня остановилась на платформѣ предъ дверью своего вагона и боялась въ него войти.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ вагонъ! сказалъ лакей.

— Какъ же я войду? А если вдругъ вагонъ тронется? Я вѣдь упаду.

— Смѣло, ваше сіятельство, шагните! Я придержу вагонъ.

Лакей, скрывая улыбку, схватилъ въ обѣ руки барьеръ тормазной площадки, и глупая старуха вошла въ вагонъ безъ боязни.

Въ вагонѣ было насъ только двое: она и я. Я имѣлъ уже о ней понятіе еще по вчерашней сценѣ и потому не спѣшилъ сводить съ

нею знакомство. Княгиня, не смотря на свою глупость, важная и знатная, разумѣется, также не торопилась сдѣлать первый шагъ къ знакомству. Поэтому, мы всю почти дорогу молчали.

Въ Мценскѣ меня заняла сценка между артелью рабочихъ, ожидавшихъ отправленія въ Орелъ. Одинъ изъ нихъ, на деревяшкѣ, съ костылемъ, немного пьяненькій, служилъ предметомъ насмѣшекъ товарищей.

— Пойдемъ, робя, выпьемъ брандахлыста, покуда поѣздъ! сказалъ одинъ ражій рабочій. Подь и ты, Микита!

— Чаво я пойду? отвѣчалъ хромоногій. Вы будете пить, а я зубами кляскать?... Денегъ нѣту-ти!

— Ну, да ужъ мы тебѣ поднесемъ.

— А я что̀ вамъ поднесу? Опричь кулака ничего нѣтъ. Не пойду—и вся недолга!

— Вишь, Микита, какой амбитный! отозвался другой рабочій. Даромъ и рюмки выпить не хочетъ.

Я крикнулъ изъ окошка вагона:—Эй, ты, колченогій! Поди сюда! Хромой приковылялъ ко мнѣ.

— Ты мало выпилъ, сказалъ я, подавая ему двугривенный. Поди-ка, поправь!

Микита поклонился мнѣ въ поясъ.

— Ай, баринъ! Да ты дока, пра, дока! Выдумалъ же: «мало выпилъ, поди, поправь!»

Съ этимъ онъ отошелъ въ толпу рабочихъ и, показывая имъ двугривенный, говорилъ:

— Дока, какъ есть дока! Ишь что выдумалъ: «ты молъ мало выпилъ; подь-ка поправь!» Дока, пра, дока!

Княгиня сурово смотрѣла на мой поступокъ съ хромоногимъ.

— Вотъ что называется, поощрять пьянство и праздность! произнесла она, будто про себя.

Поѣздъ тронулся. Я легъ на диванѣ. Княгиню это взорвало; она вскочила и прямо обратилась ко мнѣ.

— Послушайте, милостивый государь! Это невѣжество въ высшей степени! Какъ смѣете вы лежать при дамѣ? Я, кажется, не давала вамъ повода оскорблять меня подобнымъ неприличіемъ. Я княгиня! Извольте встать, или я позову кондуктора и прикажу перевести васъ въ другой вагонъ.

Я улыбнулся.

— Я заключаю, княгиня, что вы въ первый разъ въ жизни ѣдете по желѣзной дорогѣ.

— Съ чего это вы, сударь, заключаете? Да и какое вамъ до этого дѣло?

— Съ того, что опытныя путешественницы одѣваются по дорожному; вы же вырядились такъ, какъ наряжаются только къ вѣнцу, да въ могилу. Это во-первыхъ; а во вторыхъ, еслибы вы чаще ѣздили по желѣзнымъ дорогамъ, то удостовѣрились бы сами, что вагонъ не есть великосвѣтская гостиная, а только спальня для каждаго пассажира. Совѣтую и вамъ переодѣться и завалиться также на вашъ диванъ спать.

— Я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ, ни относительно моего туалета, ни относительно моего образа дѣйствій.

— Я и не навязываю вамъ ихъ и высказалъ только для того, чтобъ вы не безпокоили меня въ отношеніи моего образа дѣйствій.

Мы не говорили больше другъ съ другомъ ни слова.

Въ Скуратовѣ сѣла въ нашъ вагонъ еще какая-то дама, и какъ она немедленно расположилась на своемъ диванѣ и легла, то, въ сумеркахъ, и утомленная княгиня послѣдовала ея примѣру, раздѣлась, легла и скоро заснула.

На утро, дама, сѣвшая въ Скуратовѣ, разговорилась со мною. Оказалось, что мы имѣемъ очень много общихъ знакомыхъ. Въ разговоръ вмѣшалась и княгиня, начавъ относиться ко мнѣ очень любезно и даже дружественно.

Разговоръ коснулся разныхъ благотворительныхъ учрежденій и средствъ на содержаніе ихъ.

— Да! произнесла княгиня. Во главѣ всѣхъ благотворительныхъ обществъ должна стоять только женщина. Мужчина никогда не принесетъ той пользы благотворительному обществу, какую приноситъ женщина. Я сама считаюсь предсѣдательницею разныхъ обществъ и комитетовъ, состою попечительницею дѣтскихъ пріютовъ и другихъ учрежденій и собираю ежегодно разными спектаклями, лотереями, концертами большія суммы.

— Вѣроятно,—спросила дама изъ Скуратова вамъ и самимъ дорого стóитъ подобная опека. Нѣсколько тысячъ въ годъ навѣрно вылетитъ изъ кармана?

— Боже сохрани! Я отказалась бы тогда отъ званія попечительницы! За что же я буду платить, когда я сама благотворительница? Мое дѣло собирать деньги съ другихъ, а ужъ никакъ не самой платить. Для меня дѣло благотворенія не стóитъ и мѣднаго гроша. Всѣ издержки на счетъ сборовъ.

— И также ничего не платите за мѣста въ вашихъ концертахъ и спектакляхъ? спросилъ я.

— Разумѣется, нѣтъ! Я устраиваю вечеръ, и я бы платила за входъ! Вотъ еще чего недоставало! Напротивъ: лучшія ложи и кресла я оставляю для себя и моихъ родныхъ.

— Но самое устройство подобныхъ вечеровъ должно утомлять васъ? спросила дама.

— Нисколько. Развѣ мы не имѣемъ кому приказать? Каждая благотворительница имѣетъ множество молодыхъ и особенно старыхъ низкопоклонниковъ, прихлебателей, которыхъ мы называемъ «пиковыми валетами» и которымъ отдаемъ нужныя приказанія. Они все и устраиваютъ...

— Словомъ, перебила княгиню дама, наши благотворительницы тѣже моралисты. Еще въ глубокой древности моралистовъ сравнивали со столбами, которые указываютъ дорогу, а сами по ней не идутъ.

— Но вѣдь благодѣянія, замѣтилъ я, оказываются преимущественно, если не исключительно, бѣднымъ изъ низшаго класса. Слѣдовательно, къ участію въ благихъ цѣляхъ вашихъ вы, конечно, привлекаете всѣ сословія?

— Почему же всѣ? Не стану же я ѣздить къ лабазникамъ, да къ мѣщанамъ съ приглашеніемъ ихъ въ члены общества. Довольно съ нихъ чести, если полиція заставитъ ихъ взять излишніе билеты на концерты и спектакли.

— Напрасно! возразилъ я. Эти лабазники и могли бы обогатить кассу благотворительнаго общества, еслибъ оно сдѣлало имъ честь приглашеніемъ ихъ въ свои члены. Теперь же на комъ вы выѣзжаете? На служащемъ людѣ, на бѣдныхъ чиновникахъ и офицерахъ. Съ бѣдныхъ тянете на бѣдныхъ. Словомъ, стрижете барановъ, а съ себя не даете и клочка шерсти. Ваши, какъ вы называете, «пиковые валеты» также ничего не платятъ, слѣдовательно, все валится на плечи однихъ служащихъ; тѣ же, которые могли бы платить, не даютъ ни гроша, потому только, что не имѣютъ чести принадлежать къ вашему кругу.

— Я сказала вамъ, что полиція привлекаетъ ихъ къ покупкѣ излишнихъ билетовъ на разныя благотворительныя представленія. А какой легкій способъ распространять билеты чрезъ полицію! Стòитъ губернатору только приказать и полиція мигомъ раздастъ сотни билетовъ.

— Плохо понимаю я благотворительность, нуждающуюся въ поддержкѣ со стороны полиціи, отрѣзала Скуратовская дама.

Подсѣли другіе пассажиры, и разговоръ нашъ прекратился.

—

Случилось мнѣ ѣхать изъ Курска въ Орелъ. Я вошелъ въ вагонъ первый. За мною, чрезъ нѣсколько минутъ, впорхнула живая, вертля-

вая, молодая дамочка; и покуда носильщикъ укладывалъ ея багажъ на сѣтку, она натарантила ему съ три короба разнаго вздору; потомъ начала болтать съ разносчикомъ газетъ, далѣе, съ истопникомъ и, наконецъ, съ кондукторомъ.

Я видѣлъ, что это таранта, которая измучитъ меня и не дозволитъ мнѣ даже вздремнуть; а я именно разсчитывалъ хорошенько выспаться до Орла. «Дай, думаю, прикинусь глухимъ! То-то набѣшу болтунью!»

Какъ только поѣздъ тронулся, таранта обратилась ко мнѣ:

— Неужели больше пассажировъ не будетъ и мы только вдвоемъ доѣдемъ до Орла?

— Да! Отъ Сейма до Курска чрезвычайно крутой подъемъ.

Дамочка взглянула на меня вопросительно.

— Я говорю, что въ вагонѣ очень просторно.

— Взрывъ паровоза произошелъ на станціи Становой-Колодезь. Я самъ видѣлъ паровозъ.

— Извините меня, пожалуста; но вы кажется недослышите?

— Да, тамъ зимою бываютъ очень сильные снѣжные заносы.

Болтунья нетерпѣливо завертѣлась на софѣ, потомъ вскочила и подошла ко мнѣ, съ видимымъ намѣреніемъ говорить со мною. Я свернулъ газету въ трубку и приставилъ къ своему уху. Дама закричала въ трубку.

— Далеко ли буфетная станція?

— Въ Орлѣ будемъ въ семь съ половиною часовъ утра.

— Неужели вы не слышите?

Я отнялъ трубку отъ уха и сказалъ съ отчаяніемъ:

— Не трудитесь, сударыня, надрывать себѣ грудь: все равно я ничего не услышу!

Дама отошла съ неудовольствіемъ, сѣла въ свой уголъ и замолчала. Я расположился на ночлегъ.

При каждомъ прохожденіи кондуктора, болтунья обращалась къ нему съ вопросами:

— Неужели до самаго Орла не явится ни одного пассажира? Нужно съ ума сойти съ этою глухою тетерею!

Я отлично проспалъ до Орла, и послѣ мы уже не видались.

—

Покойный Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ построилъ Орловско-Грязенскую желѣзную дорогу съ изумительною роскошью. Станціи прекрасны, отлично меблированы; обѣ стороны дороги, отъ снѣжныхъ заносовъ обсажены живою защитою, которая въ настоящее время разрослась въ густые лѣса. Чрезъ рѣчкуВарголъ, у станціи Казаки,

перекинутъ единственный тогда въ Россіи желѣзный мостъ, высотою въ 22 сажени, на желѣзныхъ быкахъ, имѣющихъ подъ собою каменные быки, по 6-ти саженъ высоты, и слѣдовательно сами достигающіе 16 саженъ. Мостъ этотъ стоилъ Полякову 700 тысячъ рублей и былъ совершенно непроизводительною затратою: можно было чрезъ Варгольскую долину идти съ обѣихъ сторонъ насыпью и чрезъ неказистую рѣченку Варголъ перекинуть обыкновенный ферменный мостъ, а можетъ быть даже и балочный. Оказалось потомъ, что этотъ шикарный мостъ былъ такою-же ненужною роскошью, какъ и тоннели подъ Вильною и Ковною. Правда, что долина глубока; но все таки и въ сравненіе не годится съ Веребьинскою и даже Мстинскою на Николаевской дорогѣ.

Кромѣ того, и вагоны Полякова отличались ненужною роскошью; такъ, напримѣръ, вагоны 1 класса были обиты голубымъ атласомъ, къ величайшему стѣсненію пассажировъ, особенно же свиноватыхъ по самому воспитанію своему. Эти роскошные вагоны, впрочемъ существовали недолго; ихъ истребили сами служащіе на желѣзной дорогѣ, начиная съ телеграфистовъ и прочей тли, которые вваливались въ вагоны, въ дегтярныхъ сапогахъ, нагольныхъ тулупахъ, съ гончими или борзыми, нерѣдко пьяные до безобразія.

Вотъ въ такомъ-то новенькомъ вагонѣ выѣхалъ я изъ Орла въ Грязи, вмѣстѣ съ инженеромъ Марскимъ. Вдругъ, на второй станціи, Золотарево, вошелъ въ тотъ же вагонъ простой мужикъ, въ сермягѣ, смазныхъ сапогахъ и немножко слишкомъ на-веселѣ.

— Ты куда залѣзъ? спросилъ его инженеръ.

— Онъ купилъ себѣ билетъ I-го класса, отвѣчалъ вошедшій одновременно съ мужикомъ оберъ-кондукторъ.

— Да, купилъ! подтвердилъ мужикъ, показывая билетъ. Я въ Ялецъ ѣду. Ѣздятъ же люди въ I-мъ классѣ: дай, думаю, поѣду и я. Вѣдь и моя копѣйка не щербата!

Инженера взорвало такое самодурство.

— Чего же ты, сиволапый, залѣзъ сюда? Туда же, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ! Да ты мнѣ весь вагонъ перепачкаешь дегтемъ и саломъ. Такъ вотъ что я тебѣ скажу, пьяная ты харя: видишь, тутъ повсюду шелкъ? Ежели ты сдѣлаешь хотя бы малѣйшее пятнышко, я отдамъ тебя жандармамъ, и ты заплатишь мнѣ за весь вагонъ тысячу рублей.

Мы легли спать, а мужикъ остался стоять и не рѣшался нигдѣ присѣсть. Инженеръ началъ уже дремать, когда мужикъ робко подошелъ къ нему.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе! Я, вишь ты, разостлалъ

платокъ и сяду такъ бережно, что ни на маковую росинку не запачкаю.

— Ладно! посмотримъ ужо, въ Ельцѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ мужикъ опять сталъ будить инженера.

— Чтó ты меня безпокоишь, сиволдай?

— Я вотъ, ваше благородіе, армякъ-то снялъ, да обвертѣлъ имъ ноги, чтобъ сапогами ничяво не пачкать.

— Убирайся къ чорту!

Въ третій разъ мужикъ разбудилъ инженера.

— Ваше благородіе! Я легъ на полу, а не на канапку и ничего не запачкалъ.

— Отстань отъ меня, или я велю выкинуть тебя вонъ!

Поѣздъ пришелъ въ Верховье, 5-ю станцію отъ Орла. Глядимъ— мужикъ собрался выходить.

— Прощай, ваше благородіе, обратился онъ къ инженеру. Пойду въ 3-й классъ: тамъ слободнѣе и вольготнѣе! Знать правду, говорятъ: залетѣла ворона въ высокіе хоромы! Ни въ жисть больше въ 1-мъ классѣ не поѣду!

Съ этимъ онъ вышелъ.

—

Въ противуположность этому, мнѣ вскорѣ потомъ удалось встрѣтить другаго мужичка, которому даже 3-й классъ показался излишнею роскошью, и онъ ѣхалъ... гдѣ бы вы думали? Подъ вагономъ, на тормазныхъ приводахъ!

Вотъ какъ это было.

Поѣздъ Московско-Брестской желѣзной дороги вышелъ изъ Москвы ночью. По приходѣ въ Кубинку, поѣздъ, по обыкновенію, подвергся ревизіи стукальщика, который ударомъ молота испытываетъ прочность осей и колесъ. Вдругъ, подъ послѣднимъ (хвостовымъ) вагономъ онъ замѣтилъ какую-то темную массу. Посвѣтилъ, видитъ: человѣческая фигура виситъ чуть не на воздухѣ.

— Съ нами крестная сила! Кто тутъ? спросилъ онъ въ испугѣ.

— Чяво тебѣ? ступай, стучи дальше! отвѣчалъ неизвѣстный.

— Кто ты, воръ, что-ли? Подь-ка сюда.

— Воръ? Какой воръ? Нешто не видишь: пассажиръ, въ Смоленскъ ѣду.

— Подъ вагономъ-то?... Эй, жандармъ! Пожалуйте сюда!

— Чяво орешь-то? Жаль мѣста, что-ли? Вѣдь не въ вагонѣ же занимаю безплатное мѣсто.

— Да у тебя двѣ головы, что-ли, неразумный?

— А тебѣ-то что? Это мое дѣло: голова моя, а не твоя.

При помощи жандарма, вытащили раба Божія и представили на

станцію. Въ поѣздѣ былъ тогда самъ начальникъ движенія и съ любопытствомъ приступилъ къ допросу страннаго пассажира.

— Я сѣлъ въ Москвѣ на оси, и такъ хорошо было; а какъ поѣхали, ось стала крутиться подо мною. Нѣтъ, этакъ не ладно! Вотъ я и взялъ рукавицы, да шапку, положилъ ихъ на сфти желѣзныя прутья, и знатно вышло! Чявожъ чортъ принесъ этаго стукалу? Кабы не онъ, я бы и доѣхалъ до Смоленьска.

Это былъ парень лѣтъ 18—20, и въ такомъ положеніи онъ проѣхалъ 60 верстъ!

Начальникъ движенія, по вниманію къ храбрости и самоотверженію парня, приказалъ выдать ему безплатно билетъ 3-го класса до Смоленска.

Съ тѣхъ поръ насмѣшники стали увѣрять, будто на Московско-Брестской дорогѣ, независимо отъ 4 класса, устраиваемаго на лѣтнее время для рабочихъ, существуетъ и 5-й классъ—подъ вагонами.

—

Ѣхалъ я по Орловско-Грязенской дорогѣ. Въ Ельцѣ сѣла въ вагонъ 1-го класса какая-то чрезвычайно древняя старуха, съ фуріознымъ, поморщеннымъ, какъ гармоника, лицемъ.

Кромѣ насъ двоихъ въ вагонѣ никого не было. Я накрылся простынею «Московскихъ Вѣдомостей» и углубился въ чтеніе. Старуха начала вынимать изъ мѣшка разныя книги: Евангеліе, Псалтирь, Апостола, Четьи-Минеи и проч., но повертѣвъ каждую книгу въ рукахъ, бросала ее. Наконецъ, уложивъ опять книги въ мѣшокъ и подперевъ рукою свой подбородокъ, уставила на меня неподвижно стеклянные, вѣдьмовскіе глаза свои.

— Чтожъ вы молчите? спросила она меня отрывисто и коротко.

Я сдѣлалъ видъ, что не слышу вопроса.

— Чтó вы молчите, я васъ спрашиваю! настойчиво произнесла старуха.

— Вы, кажется, ко мнѣ обращаетесь? спросилъ я въ свою очередь съ нескрываемымъ неудовольствіемъ.

— А то къ кому же? Насъ всего двое въ вагонѣ.

— Но я не давалъ вамъ права къ подобной безцеремонности.

— Еслибы я была молода и хороша, вы вѣрно не говорили бы о церемоніяхъ.

— Вы совершенно правы.

— Почему же вы не хотите уважать старости?

— Я уважаю вашу старость и потому не хочу утруждать ее пустыми разговорами.

— Если вы будете въ моихъ лѣтахъ, и васъ также не захотятъ знать, что вы на это скажете?

— Вѣрно навязываться съ моимъ знакомствомъ не стану.

Замолчали.

— Говорите же что нибудь! приставала неотвязная старуха.

— О чемъ же я стану съ вами говорить? Откуда вы ѣдете, я знаю; а куда, это для меня отнюдь не интересно.

— Я ѣду прямо, по направленію моего носа.

Она сидѣла лицемъ къ движенію, а я противъ нея.

— А вы куда ѣдете!

— Я на оборотъ: по направленію моего затылка.

Я вышелъ на тормазную площадку и сидѣлъ на ней до самаго Липецка.

Въ Липецкѣ вошелъ въ вагонъ носильщикъ и забралъ багажъ старухи.

— Къ величайшему моему удовольствію, я остаюсь въ Липецкѣ! сказала она, проходя мимо меня.

— О, ваше удовольствіе отнюдь не сравняется съ моимъ, отвѣчалъ я съ поклономъ.

—

Въ Маѣ 1883 года ѣхалъ изъ Рима въ Москву кардиналъ Ванутелли. По всей дорогѣ, гдѣ имѣется Католическое народонаселеніе, какъ въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, католики встрѣчали его на вокзалахъ, преклоняли колѣна и испрашивали папскаго благословенія.

Рано утромъ поѣздъ пришелъ въ чисто-Русскій городъ Вязьму. Кардиналъ, въ одеждѣ своему званію присвоенной, подошелъ къ окошку, въ надеждѣ видѣть толпы колѣнопреклоненныхъ, но увидѣлъ только двухъ мужичковъ, которые, въ красныхъ рубахахъ на-выпускъ, съ топорами за поясомъ, стояли и смотрѣли, не ломая шапокъ.

— А что, Вирамѣй, спросилъ одинъ изъ нихъ у другаго, кажись *іонъ*?

— Да, кажись, *іонъ*.

Поглядѣли нѣсколько секундъ.

— А ну его къ . . . . нечистому! Пойдемъ!

— Пойдемъ.

И на томъ кончились всѣ оваціи.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА ГЛѢБОВА-СТРѢШНЕВА.

(Род. 21 Февр. 1751 ✝ 4 Дек. 1837).

По воспоминаніямъ внучки ея Натальи Петровны Бреверн[1]).

Отецъ Елисаветы Петровны, Петръ Ивановичъ Стрѣшневъ, бывши ген.-губернаторомъ въ Кіевѣ[2]) рано лишился жены и изъ девяти человѣкъ дѣтей сохранилъ только одну, младшую дочь, которую онъ безгранично любилъ и баловалъ. Всѣ домашніе преклонялись передъ нею, и надо полагать, что самое это чрезмѣрное баловство развило въ ней непреклонную силу воли и деспотизмъ, отличавшіе ее до конца ея жизни.

Слышавъ, что братья и сестры умерли отъ болѣзни, которая начиналась сильной головной болью, Елисавета Петровна съ малолѣтства пользовалась предлогомъ подобной же болѣзни, чтобы заставлять слишкомъ слабаго отца исполнять всѣ ея прихоти. Мать ея скончалась, когда ей было только семь лѣтъ, и съ тѣхъ поръ гувернантки безпрестанно смѣнялись при ней, увольняемыя при первомъ желаніи ребенка. Однажды, во время народнаго праздника на площади передъ домомъ генералъ-губернатора, Елисавета Петровна увидала круглые качели, на которыхъ катался народъ, и вотъ ей непремѣнно захотѣлось испытать это удовольствіе. Напрасно нянюшки, гувернантки, адъютанты отца окружаютъ ее, стараясь объяснить ей, что для нея немыслимо мѣшаться съ этой толпой... Дѣвочка бросается на полъ, царапаетъ себѣ лицо. Прибѣгаетъ отецъ и, весь взволнованный, приказываетъ отнести дочь на площадь. Тѣмъ временемъ однако Елисавета Петровна успѣла придти въ себя и природнымъ чутьемъ поняла, насколько капризъ ея былъ неприличенъ. «Но, сама говорила она впослѣдствіи, я также поняла, что *уроню свое достоинство* (ей тогда было

---

[1]) Переведено для „Русскаго Архива" съ Французской неизданной рукописи. П. Б.

[2]) Генералъ-аншефъ (1711 ✝ 1771), Петръ Ивановичъ Стрѣшневъ, потомокъ брата первой царицы Романовой, Евдокіи Лукьяновны, женатый на Натальѣ Петровнѣ Яковлевой (✝ 1758), отецъ которой Петръ Петровичъ Яковлевъ былъ однимъ изъ любимцевъ Петра Великаго. Сестра Петра Ивановича Стрѣшнева, родная тетка героини настоящаго разсказа гр. Мареа Ивановна (1698 ✝ 1781)—супруга славнаго гр. А. И. Остермана. П. Б.

только 9 лѣтъ), если уступлю окружающимъ». Итакъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты она направилась къ качелямъ, сдѣлала три круга и затѣмъ тотчасъ велѣла отвести себя домой.

Дядюшка ея, князь Щербатовъ, при Елисаветѣ бывшій посланникомъ въ Лондонѣ, прислалъ ей оттуда куклу, которая играла большую роль въ жизни ребенка и, можно даже сказать, всего дома. Куклѣ этой дали имя Катерины Ивановны и приставили къ ней карлицу, которой было поручено ее одѣвать и носить ее изъ комнаты въ комнату. Если въ гостиной случалось кому-нибудь не кланяться Катеринѣ Ивановнѣ, маленькая ея госпожа сердилась не на шутку и, уходя на свою половину, заставляла иногда все общество ждать себя цѣлый часъ къ обѣду, подъ обычнымъ предлогомъ, что «у нея болитъ голова». Она обыкновенно брала куклу съ собой во время прогулки; но когда ей самой не хотѣлось выѣзжать, она подходила къ отцу и говорила ему: «Катерина Ивановна хочетъ кататься».—Хорошо, матушка. Какую заложить карету? Турецкую? [1])—Нѣтъ, парадную.

Эта карета была вся вызолочена и эмалирована, съ золотыми кистями и 8-ью стеклами; четверо гусаръ сопровождали ее верхомъ, съ серебряными бляхами на чепракахъ; сзади ѣхало два гайдука, а спереди бѣжалъ скороходъ, носившій на жезлѣ серебряный гербъ Стрѣшневыхъ. Весь домъ приходилъ въ волненіе: лакеямъ пудрили волосы и заплетали косы. Всѣ суетились, и приготовленія продолжались не менѣе двухъ часовъ. Наконецъ Катерину Ивановну и карлицу сажали въ карету, и народъ, попадавшійся имъ на встрѣчу, кланялся до земли.

Одна изъ ея гувернантокъ имѣла маленькую дочь, неотлучно при ней пребывавшую; но если эта малютка смѣла садиться на такъ-называемое *первое* мѣсто (большія кресла, тоже привезенныя изъ Англіи), старуха-няня Аксинья Ивановна въ бѣшенствѣ бросалась на ребенка. Заводился споръ между гуверанткой и няней, и Елисавета Петровна, въ качествѣ верховнаго судьи, рѣшала въ пользу послѣдней.

Отецъ ея, слѣпо исполнявшій всѣ ея фантазіи, воспротивился ей однако, когда она пожелала выйдти за-мужъ за Ѳедора Ивановича Глѣбова, вдовца, имѣвшаго дочь [2]) отъ первой жены своей, рожденной княжны Дашковой. По прошествіи года по смерти отца своего, Елисавета Петровна вышла за него; но на замѣчаніе пріятельницы своей графини Пушкиной, доказывавшей ей, что, не смотря на всѣ свои увѣренія, и она также умѣетъ любить, Елисавета Петровна отвѣчала ей:

---

[1]) Такъ называли любимую ея карету, en laque Martin, съ Турецкими узорами.

[2]) Эта дочь, Александра Ѳедоровна, вышла замужъ за князя Дм. Мих. Щербатова (сынъ историка); мать памятной Московскому обществу княжны Елисаветы Дмитріевны Щербатовой. Она-же—бабка извѣстнаго П. Я. Чадаева. П. Б.

«Я никогда не была въ него влюблена; но я поняла, что это единственный человѣкъ, надъ которымъ я могу властвовать, вмѣстѣ съ тѣмъ уважая его».

Дѣйствительно, мужъ ея Ѳедоръ Ивановичъ Глѣбовъ [1]), никогда и ни въ чемъ не противорѣчилъ ей, развѣ только въ нѣсколькихъ важныхъ случаяхъ, гдѣ ему казалось, что честь его замѣшана. Такимъ образомъ, вопреки совѣтамъ жены, онъ возсталъ противъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ повелѣній императора Павла и настойчиво просилъ у него увольненія отъ службы. Въ это время и подъ его надзоромъ, былъ выстроенъ настоящій дворецъ въ Тверскомъ имѣніи ихъ, селѣ Знаменскомъ, съ филантропической цѣлью образовать крестьянъ и доказать на что они способны во всѣхъ отрасляхъ искусствъ: выдѣлываніи паркетовъ, мёбели, ковровъ, обработкѣ мрамора и проч. Елисавета Петровна часто дѣлала мужу упреки на этотъ счетъ, говоря, что ему бы слѣдовало обучать ихъ и танцамъ.

Припоминаютъ лишь одинъ случай, когда она признала его превосходство и смирилась передъ нимъ. Ѳ. И. Глѣбовъ состоялъ еще на службѣ и находился при Дворѣ; но каждые 3 года ему давали отпускъ, чтобы ѣхать въ Покровское, наслѣдственное Стрѣшневское имѣніе, которое оба очень любили. Пріѣзжая туда, Елисавета Петровна каждый разъ тотчасъ заказывала себѣ баню въ сосѣднемъ своемъ помѣстьѣ, отстоявшемъ отъ Покровскаго въ $^{3}/_{4}$ верстахъ и отдѣленномъ отъ него однимъ только паркомъ. Господскаго дома тамъ не было, и однажды Елисавета Петровна замѣтила вскользь: «хорошо было бы имѣть здѣсь домъ.» Мужъ на это ничего не отвѣчалъ, и они вскорѣ за тѣмъ уѣхали въ Петербургъ. Когда черезъ три года имъ снова пришлось пріѣхать въ Покровское, Елисавета Петровна по обыкновенію вспомнила про свою баню: Ѳедоръ Ивановичъ, чтобы завтра была баня!—Хорошо, матушка! (Въ сохранившихся отъ него письмахъ, онъ называетъ ее «своей царицей»).

Она надѣваетъ шлафоръ и чепчикъ и, подходя къ окну, видитъ, что мимо дома ѣдетъ множество экипажей.—«Ѳедоръ Ивановичъ, куда всѣ эти кареты ѣдутъ?»—Не знаю, матушка. Можетъ-быть, въ Братцово, къ Строгановымъ.—«Развѣ вы не дали знать знакомымъ, что я пріѣхала»?—Не успѣлъ, матушка: вы знаете, какъ я былъ занятъ!—«Да, конечно: вы съ мужиками своими все занимаетесь. Это извѣстно!»

Она глядитъ при этомъ въ свою зрительную трубку и вдругъ узнаетъ фельдмаршальшу Пушкину (которая была самымъ близкимъ, можетъ-быть, единственнымъ другомъ ея).—«Какъ, фельдмаршальша

---

[1]) Ѳ. И. Глѣбовъ, г.-аншефъ, Александровскій кавалеръ, род. въ 1734, ум. въ 1799 году. П. Б.

ѣдетъ мимо! Вы и ей не могли дать знать? Конечно, вы и танцмейстера не успѣли еще найдти для вашихъ мужиковъ».

Өедоръ Ивановичъ молчалъ. Подали карету, и во все время дороги она продолжала свои колкія замѣчанія. Вдругъ экипажъ останавливается передъ прелестнымъ домомъ. Раздаются звуки оркестра. Вверху террасы, при входѣ, стоитъ фельдмаршальша съ хлѣбомъ и солью, остальное общество съ цвѣтами и конфектами. Елисавета Петровна *прослезилась* и, протянувъ руку мужу, сказала ему: «Я тебя не стóю!»

Гостямъ захотѣлось танцовать. Елисавета Петровна извинялась небрежностью своего туалета. Фельдмаршальша сняла съ нея чепчикъ и, смотря на распустившіеся до земли великолѣпные бѣлокурые ея волосы, сказала ей: «Богъ далъ тебѣ украшеніе драгоцѣннѣе всѣхъ нашихъ.» Начался балъ. Когда стали поговаривать объ отъѣздѣ, Елисавета Петровна замѣтила своему мужу, что желала бы остаться все лѣто въ *Елисаветинѣ*, которое тутъ же получило это имя, пестрыми огнями сверкавшее надъ новымъ домомъ.—«Матушка, ужъ все перевезено: и ваши мопсы (которыхъ у нея было штукъ до двадцати, подъ надзоромъ многочисленныхъ горничныхъ), и ваши дѣвушки, и ваши птички. И постель ваша готова.»

Съ тѣхъ поръ Елисавета Петровна всегда по-очереди проводила одно лѣто въ Елисаветинѣ, а другое въ Покровскомъ.

—

Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ, обрисовывающихъ удивительную силу характера этой женщины, можетъ служить исторія обѣда у графа Остермана, ея двоюроднаго брата, котораго она любила и уважала, хотя и презирала скромное его происхожденіе. Онъ жилъ въ то время въ Москвѣ и давалъ по Четвергамъ обѣды, на которые съѣзжалось самое блестящее Московское общество, такъ же какъ и случайно пріѣзжавшіе знатные иностранцы. Знаменитый митрополитъ Платонъ никогда не пропускалъ этихъ обѣдовъ, которые и Елисавета Петровна такъ любила, что даже, находясь въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, не хотѣла отказаться отъ одного изъ нихъ. Напрасно ее остерегали мужъ и докторъ, предупреждая, чего она могла ожидать съ минуты на минуту. «Воспитанныя родятъ, когда хотятъ, отвѣчала она. Это только бываетъ съ простыми бабами: надо родить, такъ родятъ». Во время обѣда она блѣднѣла. Өедоръ Ивановичъ также мѣнялся въ лицѣ; безпокойство, претерпѣваемое имъ, было неописанное. Она не произносила болѣе ни одного слова и съ трудомъ дождалась конца обѣда. Только что встали изъ-за стола:—«Өедоръ Ивановичъ, карету поскорѣй!» съ трудомъ выговорила она. Дорóгой онъ,

можетъ-быть въ первый разъ, вышелъ изъ терпѣнія въ обращеніи съ нею.—«Вы, матушка, чуть-чуть не родили при митрополитѣ Платонѣ!»

По пріѣздѣ домой, минутъ черезъ 10 благополучно явился на свѣтъ второй сынъ ея, Дмитрій. Впослѣдствіи она говорила мужу: «Я молчала во время дороги, потому что не до тебя было. Знай, что все можно, que tout dépend de soi et de sa propre volonté» [1]).

—

Вотъ еще черты, доказывающія ея самоувѣренность и неустрашимость. Она ѣхала однажды въ монастырь Нила Столбенскаго, который находится на островѣ посреди озера Селигера. Малолѣтній сынъ ея, Петруша, кормилица послѣдняго и горничная сопровождали ее. Подъѣхавъ къ берегу, они увидали паромъ, которымъ должны были править двѣ крестьянки; но такъ какъ начиналась сильная гроза, женщины эти отказали въ своихъ услугахъ и въ отвѣтъ на повелительное понужденіе Елисаветы Петровны даже спросили ее: не съ ума ли она сошла переправляться въ такую погоду? Деньги, предлагаемыя ею, наконецъ прельстили ихъ; но когда онѣ отчалили отъ берега, громъ и молнія ихъ до того испугали, что онѣ въ ужасѣ бросились на колѣни.—«Дуры, чего вы боитесь! воскликнула она. Я съ вами. Вы не погибните!» И точно, онѣ доѣхали до острова, гдѣ настоятель монастыря немало удивился при видѣ неожиданной гостьи въ такую минуту.

Въ другой разъ, Елисавета Петровна съ мужемъ и сыномъ спускались съ горы, подъѣзжая къ Кіеву. Карета ѣхала бокомъ, подъ горой виднѣлся Днѣпръ. Ѳедоръ Ивановичъ боялся особенно за ребенка и умолялъ жену выдти изъ экипажа; но Елисавета Петровна продолжала преспокойно обрѣзывать моченое яблоко и оставалась невозмутимой. Когда они съѣхали съ горы:—«Что же, спросила она, не погибли? *Погибаютъ люди только отъ трусости!*»

—

Изъ четырехъ дѣтей Елисавета Петровна сохранила только двухъ сыновей [2]); (одинъ сынъ и одна дочь умерли въ малолѣтствѣ). Воспріемницей старшаго сына [3]), родившагося, когда они жили еще въ Петербургѣ, была сама Екатерина II. На крестильной подушкѣ его во дворцѣ лежалъ маленькій офицерскій мундиръ. Въ 12 лѣтъ его заставили командовать взводомъ въ присутствіи Императрицы. Онъ былъ очень красивъ, и старшіе солдаты, нѣжно любившіе его, указывали ему чтó дѣлать и въ какую сторону поворачиваться. Впослѣдствіи онъ женил-

---

[1]) Что все зависитъ отъ себя и отъ собственной воли.

[2]) Въ 1803 году, уже по кончинѣ ихъ отца († 1799), Елисавета Петровна выхлопотала имъ фамилію Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ. П. Б.

[3]) Это отецъ Натальи Петровны Бреверна. П. Б.

ся на княжнѣ Друцкой; но мать его всегда считала этотъ бракъ неравнымъ, такъ какъ князья Друцкіе не занимали виднаго мѣста въ свѣтѣ, тѣмъ менѣе въ Петербургскомъ обществѣ, которое Елисавета Петровна, гордясь именемъ и положеніемъ въ немъ Стрѣшневыхъ, привыкла считать выше всего въ мірѣ. Когда, по смерти Петра Ѳедоровича Глѣбова, вдова его вступила во второй бракъ съ г-мъ Лесли, Елисавета Петровна оставила при себѣ внука своего Ѳедора и двухъ внучекъ Наталью и Прасковью.

Воспитаніе, которое получили эти несчастныя дѣти, въ продолженіе долгаго времени занимало всю Москву. Строгость ихъ бабушки была такъ велика, что они при ней едва осмѣливались раскрывать ротъ; исключенія бывали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она находилась въ особенно хорошемъ расположеніи духа, или же когда дѣти, вернувшись откуда-нибудь, были принуждены сообщить ей о томъ, что̀ они видѣли и слышали.

Вечеромъ они даже боялись подходить къ свѣту, и молодыя дѣвушки по нѣскольку часовъ сряду вязали въ темнотѣ и распускали свою работу только для того, чтобы имѣть видъ, какъ будто заняты какимъ-нибудь дѣломъ. Болѣе отдаленные родственники также подвергались подобному же страху. Сохранился напр. анекдотъ о княжнѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой, которая съ свойственной ей, даже въ старости, застѣнчивостью, взошла однажды къ Елисаветѣ Петровнѣ и съ самаго порога начала повторять: Bonjour, ma tante; bonjour, ma tante. Дошедши наконецъ до нея, она поскользнулась и, вмѣсто того чтобы присѣсть, упала между двумя стульями. При выходѣ ея изъ гостиной, тетушка послала ей вслѣдъ довольно внятное восклицаніе: Дура! Молодой Лесли, иногда ночевавшій въ нижнемъ этажѣ ея дома, въ комнатахъ своднаго брата своего Ѳедора Петровича, никогда не могъ спать, потому что чувствовалъ надъ головой своей Елисавету Петровну.

Только вечеромъ дозволялось внучатамъ сидѣть съ нею. Утромъ они съ нею здоровались и затѣмъ должны были стоять около стола, за которымъ она пила кофе, приготовляемое тремя особами. Дядя ихъ Дмитрій *), гувернантка, воспитатель молодаго Ѳедора Петровича, управляющій, главный конторщикъ также присутствовали, стоя, при этомъ завтракѣ. Однажды, когда бабушка, находясь въ духѣ, задержала ихъ долѣе обыкновеннаго разговорами, обращенными ко всему обществу, съ бѣдной Натальей Петровною, которая всегда была слабаго

*) Умершій въ 1838 году холостякомъ. Мать никогда не позволяла ему ни жениться, ни служить (онъ былъ только причисленъ къ какой-то службѣ въ Москвѣ). Онъ жилъ во флигелѣ большаго дома на Никитской и часто отговаривался болѣзнью, чтобы не являться къ матери и не подвергаться такой же дисциплинѣ, какъ его племянникъ и племянницы.

сложенія, отъ продолжительнаго стоянія сдѣлалось дурно: ее увели въ другую комнату. Но лишь только она нѣсколько пришла въ себя, какъ должна была вернуться на прежнее мѣсто, и никому даже не пришло на умъ обратить дальнѣйшее вниманіе на ея нездоровье. Послѣ кофе Елисавета Петровна обыкновенно занималась треніемъ табака и слушала мало интересовавшіе ее доклады управляющихъ. Она читала весьма мало: въ рукахъ у нея видали только романы г-жи Радклифъ; но она говорила съ восторгомъ о Шатобріанѣ и, казалось, хорошо знала его творенія. Послѣдніе годы своей жизни, щадя глаза, она даже совсѣмъ не читала. Въ продолженіи разговора никто не смѣлъ обращаться къ ней съ вопросами; только за обѣдомъ Наталья Петровна должна была при каждомъ блюдѣ спрашивать ее: можетъ-ли она, братъ и сестра взять этого кушанья? Никогда, даже при гостяхъ, не допускалось освобожденія отъ этой церемоніи, которая, въ присутствіи чужихъ, до того стѣсняла Наталью Петровну, что она предпочитала довольствоваться супомъ и пирогомъ, которые позволялось ѣсть безъ особеннаго разрѣшенія. Братъ ея, пользовавшійся хорошимъ аппетитомъ, былъ этимъ очень недоволенъ и въ подобныхъ случаяхъ говаривалъ ей: «Это ты только хочешь прослыть малопищною, и всѣ должны говѣть вмѣстѣ съ тобою».

Не менѣе странными были маленькіе дѣтскіе приборы, которые подавались имъ чуть-ли не до 20 лѣтняго возраста и которые однажды обратили на себя вниманіе почетной гостьи изъ Петербурга, посадившей возлѣ себя старшую внучку хозяйки дома. На вопросъ ея, что̀ это значитъ, «*бабенька*» *) отвѣчала, что это дѣлается по старой привычкѣ. Однако съ тѣхъ поръ не подавали имъ болѣе маленькихъ приборовъ, и также былъ отмѣненъ обычай испрашивать позволенія при каждомъ кушаньѣ. Сколько могла припомнить Наталья Петровна, это случилось во время коронаціи Николая Павловича, когда къ нимъ часто пріѣзжали придворныя особы. Обѣ императрицы оказывали большое уваженіе Елисаветѣ Петровнѣ, особенно Марія Ѳеодоровна, которая обращалась съ нею совершенно по-дружески.

Къ этому же времени вѣроятно относится и пріѣздъ великой княгини Елены Павловны въ Покровское, когда бѣдныя молодыя дѣвушки, по обыкновенію плохо одѣтыя, находились въ саду. Испуганныя за нихъ горничныя побѣжали туда съ болѣе приличными платьями, которыя онѣ спѣшно надѣли сверхъ другихъ, прежде чѣмъ явиться передъ великой княгиней.

По Воскресеньямъ, въ домовой церкви Московскаго дома, на Большой Никитской улицѣ, у Елисаветы Петровны собирался

*) Такъ звали ее внуки до конца своей жизни.

весь Московскій beau-monde, и неизвѣстно по какой причинѣ бабушкѣ угодно было, чтобы внучки ея являлись на глазахъ всѣхъ въ старыхъ поношенныхъ пуховыхъ косынкахъ. Онѣ же сами приходили отъ этого въ отчаяніе и предпочли бы дрожать отъ холода, чѣмъ обращать на себя общее вниманіе. Однажды одна изъ горничныхъ, сочувствуя горю своихъ барышень, вздумала нарядить ихъ въ бабушкины шали; но Елисавета Петровна это тотчасъ замѣтила и недовольнымъ тономъ спросила: что̀ это значитъ? Горничная не стѣсняясь отвѣчала ей, что невозможно долѣе смотрѣть, какъ всѣ смѣются надъ барышниными туалетами. Неизвѣстно, что̀ возразила на это бабенька; но желаемой перемѣны не воспослѣдовало.

—

Она ни за что въ свѣтѣ не хотѣла, чтобы внучки ея выходили за мужъ и если при ней говорили о женитьбѣ, никогда не упускала случая продекламировать извѣстныя строки Фонъ-Визина: «Хочешь Митрофанушка, жениться?—Давно, дядюшка, охота беретъ».

На всѣ предложенія, съ которыми обращались къ ней на счетъ ея внучекъ, она отвѣчала отказомъ или полнымъ невниманіемъ, называя нѣкоторыхъ изъ жениховъ *дураками*, другихъ *мальчишками*, даже приказывая лакеямъ выгонять ихъ. Къ счастію, прислуга ея была великолѣпно дрессирована и отличалась изысканной вѣжливостью. Однажды, когда г. Волковъ, рекомендуя ей молодаго человѣка, который желалъ сватать Наталью Петровну, выставлялъ въ пользу его, что онъ получилъ на войнѣ семь ранъ, она съ обычной своей мѣткостью отвѣчала: C'est à l'Empereur, et pas à moi, à récompenser les invalides [1]).

—

Первый выѣздъ въ свѣтъ Натальи Петровны составляетъ весьма интересный эпизодъ въ ея жизни. Это было по случаю бала у тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владимировича Голицына, въ тотъ самый день, когда, послѣ бала, произошелъ пожаръ въ его домѣ. Во время одѣванія, барышня, привыкшая видѣть себя въ уродливыхъ костюмахъ и слышать какъ она дурна собой, не могла надивиться на самоё себя, въ столь непривычномъ для нея нарядѣ: въ газовомъ платьѣ на бѣломъ атласѣ, съ блондами, на головѣ Noeud d'Apollon [2]) и локоны сзади. Сестра Натальи Петровны сказала ей: «Мнѣ кажется, что ты хороша собой?»—Мнѣ тоже кажется, отвѣчала та; но помнишь, m-elle Chomer [3]) всегда говорила, что люди изъ самолюбія обыкновенно считаютъ себя красивѣе, чѣмъ они есть.

[1]) Государю, а не мнѣ подобаетъ награждать инвалидовъ.

[1]) Модная въ то время прическа, называемая Аполлоновымъ узломъ.

[2]) Бывшая ихъ гувернантка.

По пріѣздѣ на балъ, молодую дѣвушку увела въ другую комнату дочь князя, графиня Протасова. Всѣмъ извѣстна была горестная ея жизнь. Ее осыпали любезностями. Почему, думала про себя Наталья Петровна, говорятъ, что люди злы; напротивъ, какіе они добрые! Все ее интересовало и возбуждало ея любопытство. Знаменитая г-жа Офросимова тотчасъ взяла ее подъ особое свое покровительство. —Елена, позвала она свою дочь [1]), смотри, чтобы Наталья Петровна не оставалась безъ кавалеровъ. Племянники князя С. М. Голицына, Михаилъ и Ѳедоръ, и Толстые Василій и Владиміръ, часто посѣщавшіе домъ Глѣбовыхъ, были почти единственными ихъ знакомыми. Когда мимо Елисаветы Петровны проходилъ кто-нибудь ей неизвѣстный, она спрашивала: Чтó это за птица? Кто его мать? и т. д. Представленія г-жи Офросимовой происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Густымъ голосомъ она окликивала кавалеровъ: «Куда ты бѣжишь? Даму ищешь? Какую тебѣ еще даму? Внучка Елисаветы Петровны Глѣбовой-Стрѣшневой!» Бабушка приказала внучкѣ взять и отложить для нея конфектъ, которыя висѣли надъ буфетомъ, привязанныя разноцвѣтными лентами. Эти конфекты, на которыя только-что явилась мода, были изъ бѣлаго и розоваго леденца и представляли собакъ и людей, совершенно въ родѣ тѣхъ, которыя продаются теперь на сельскихъ ярмаркахъ. Молодая Офросимова подвела Наталью Петровну къ одному изъ этихъ буфетовъ и за тѣмъ оставила ее, такъ что бѣдная молодая дѣвушка очутилась совсѣмъ одна и въ большомъ испугѣ. Подходитъ къ ней генералъ и, принимая ее за дѣвочку, говоритъ ей: Vous avez envie de bonbons, n'est-ce pas?—Oui, monsieur.—De ces chiens?—S'il vous plait! —Vous aimez les chiens: c'est un signe de bon coeur [2]).

Онъ беретъ довольно большое количество конфектъ, завертываетъ ихъ въ бумагу и кладетъ на окно, покрывая ихъ своей шляпой.

— Comment votre grand'-maman vous laisse-t-elle ainsi toute seule dans la salle, si jeune et si inexpérimentée?—Monsieur, j'ai 18 ans! —Vraiment? J'en suis très étonné. Dans quelques années vous prendriez ma surprise pour un compliment [3]).

При концѣ бала Наталья Петровна передала свой пакетъ бабушкѣ, которая осталась очень недовольна его объемомъ. Comment! Tu as pris tout cela?—Un général me l'a donné!—Quel général? [4]).

---

[1]) Умершую въ дѣвицахъ.

[2]) Вамъ хочется конфектъ, не правда-ли?—Да.— Этихъ собакъ?– Пожалуйста!—Вы любите собакъ: это означаетъ доброе сердце.

[3]) Какъ это ваша бабушка оставляетъ васъ одну въ залѣ, такую молоденькую и неопытную?—Мнѣ 18 лѣтъ!—Неужели? Это меня удивляетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ вы бы приняли мое удивленіе за комплиментъ.

[4]) Какъ, ты взяла все это?—Мнѣ это далъ генералъ.—Какой генералъ?

Наталья Петровна, которой имя генерала было тогда неизвѣстно, узнала позднѣе, что этотъ самый генералъ (Сипягинъ) напрасно пытался всѣми силами найти доступъ въ домъ Елисаветы Петровны, желая жениться на ея внучкѣ, простодушіе которой его плѣнило. Онъ довѣрился въ этомъ фельдмаршальшѣ Каменской, прося ее достать ему письменное согласіе Натальи Петровны, чтобы за тѣмъ просить ея руки черезъ Государя, у котораго онъ былъ въ большой милости. Фельдмаршальша за это не взялась, и дѣло тѣмъ и кончилось.

Елисавета Петровна очень рѣдко выѣзжала, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Однако она охотно обѣдала у знакомыхъ и сама давала четыре большихъ обѣда въ годъ для важныхъ лицъ города, какъ митрополитъ и т. п. За-просто у нея часто обѣдало нѣсколько человѣкъ, также собирались гости въ Субботу послѣ всенощной; но въ остальные дни у нея рѣдко бывалъ кто-нибудь вечеромъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ protégés или нѣкоторыхъ изъ монаховъ Симонова монастыря, которые служили въ ея домовой церкви. Она въ это время занималась вязаніемъ снурка, раскладываніемъ пасіанса, или же играла въ тогдашнюю игру baguenaudier *). Можно себѣ представить, что разговоръ былъ не слишкомъ оживленный, такъ какъ всѣ привыкли дрожать передъ нею. Самыя простыя дѣла производились потихоньку, что́ сильно не нравилось Натальѣ Петровнѣ. Однако она сама иногда поддавалась общему примѣру и лѣтомъ въ Елисаветинѣ и Покровскомъ безъ вѣдома «бабиньки» вставала въ 4 часа утра и ходила гулять по лѣсу, унося съ собою сочиненія Ламартина, Псалтирь или трактатъ Циммермана объ «Уединеніи».

—

Домашняя прислуга была очень предана молодымъ господамъ, особенно Натальѣ Петровнѣ, и въ знакъ этой преданности часто приносила имъ подарки въ родѣ саекъ и калачей (конечно опять же потихоньку). Всеобщій страхъ, царившій вокругъ нихъ, былъ причиной и слѣдующей сцены, которую Наталья Петровна, еще въ старости, разсказывала такъ живо и наглядно, что казалось будто видишь все это передъ собой. Одинъ изъ монаховъ, о которыхъ мы говорили выше, отецъ Викторъ, сочинитель прекрасной церковной музыки, которую еще долго послѣ этого пѣли въ Симоновомъ монастырѣ, пришелъ однажды въ нижній этажъ, гдѣ жили внучки Елисаветы Петровны, чтобы слышать игру на фортепіано пріятельницы ихъ г-жи Васильчиковой. Бабушки не было дома. Вдругъ раздается какой-то шумъ, и всѣ воображаютъ, что это Елисавета Петровна возвратилась домой.

*) „Меледу спускать и подымать", какъ объясняла эту игру Наталья Петровна.

Паническій страхъ овладѣваетъ всѣмъ обществомъ; кто бросается въ одну сторону, кто въ другую. Главная забота: куда спрятать несчастнаго Виктора, и его почти вбрасываютъ въ сосѣднюю комнату компаньонки.—Вѣдь это побѣгъ Наполеона, восклицаетъ онъ: второе пришествіе! Но тамъ будетъ милость, а здѣсь ея нѣтъ. Въ концѣ же концовъ то была лишь фальшивая тревога, вызванная тѣмъ, что кто-то вошелъ въ первую комнату.

Главный любимецъ Елисаветы Петровны, существо самое близкое къ ней, былъ Калмыкъ Павловъ, котораго князь Волконскій, генералъ-губернаторъ въ Сибири, прислалъ ей въ подарокъ еще молодымъ и къ которому она привязалась до необыкновенной степени. Когда императрица Марія Ѳедоровна въ послѣдній разъ посѣтила ее и спросила, что̀ можетъ сдѣлать ей въ угоду, она не подумала ни о чемъ другомъ и тотчасъ выпросила для своего Калмыка офицерскій чинъ [1]).

—

Суровый характеръ Елисаветы Петровны замѣтно укротился на склонѣ ея жизни; тѣмъ не менѣе дисциплина и трепетъ, возбуждаемые ею, оставались всегда въ одинаковой силѣ. Быть можетъ, отчасти этому слѣдуетъ приписать примѣрный порядокъ, господствовавшій въ ея домѣ и между ея прислугой. Послѣдняя содержалась прекрасно; но, щедрая съ одной стороны, Елисавета Петровна, будучи плохо знакома съ дѣлами и съ цѣною денегъ, иной разъ казалась скупой и сожалѣла, когда ей приходилось истратить какой-нибудь четвертакъ. Въ домѣ ея проживалъ цѣлый штатъ барскихъ барынь, которыя, наряженныя въ огромные чепцы съ большими бантами, кланялись ей до земли, когда она проходила мимо нихъ, во время шествія своего въ домовую церковь.

— Точно складные ножи! говорилъ внукъ ея Ѳедоръ Петровичъ, котораго преувеличенный аристократизмъ бабушки перебросилъ въ противоположный лагерь демократическихъ понятій. Ему она также ни за что не хотѣла позволить служить, и когда онъ настойчивостью своею достигъ желаемаго позволенія, запретила ему по крайней мѣрѣ требовать себѣ нужныя на то бумаги.—«Вдругъ Стрѣшневъ будетъ искать какихъ-то бумажекъ, чтобы доказать свое дворянство! говорила она. Бумажечки нужны какому-нибудь булочнику [2]); для Стрѣшнева онѣ лишнія». Государь Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, посмѣялся надъ новой выходкой старухи и приказалъ именнымъ повелѣніемъ выдать всѣ бумаги молодому Глѣбову-Стрѣшневу, безо всякаго

---

[1]) Онъ былъ еще живъ въ 1874 году.

[2]) Подъ этимъ именемъ обозначался будущій командиръ ея внука, Зассъ, древнее, хотя и не-Русское, происхожденіе котораго могло бы избавить его отъ подобнаго титула.

съ его стороны прошенія. — Вотъ вамъ доказательство, что́ значитъ conserver sa dignité [1]), сказала Елисавета Петровна тѣмъ, кто прежде совѣтовалъ ей уступить обще-принятому закону. Тоже самое сдѣлала она по поводу своихъ внучекъ, метрическихъ свидѣтельствъ которымъ она ни за что не хотѣла выправлять.

Несмотря на преходящія всякую границу гордость и высокомѣріе ея, Елисавета Петровна проявляла иногда признаки глубокой чувствительности, не могла слышать безъ слезъ о какомъ нибудь трогательномъ случаѣ, была ласкова къ дѣтямъ и къ больнымъ и отличалась вѣрностью въ дружбѣ. Она питала особенную любовь къ двоюродной сестрѣ своей Софьѣ Матюшкиной, вышедшей за графа Віельгорскаго [2]), и любовь свою къ ней перенесла на нѣсколько поколѣній этого семейства, выходившаго изъ ряду всѣхъ своими талантами и самыми рѣдкими качествами ума и сердца. Иногда ей случалось сознаваться въ слишкомъ большой строгости къ своимъ внучкамъ. Старику Обольянинову, упрекавшему ее въ этомъ, она разсказывала про свое дѣтство, про баловство, принесшее ей столько зла, и прибавляла: «Я чувствую, что я извергъ и не желаю, чтобы онѣ были такія же».

На счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ можно даже сказать, что она для своего времени имѣла либеральныя понятія. «Людьми нельзя торговать, говорила она: они для насъ все равно что́ дѣти». Крестьяне платили ей 7 рублей съ души и когда, чтобы помочь въ бѣдѣ графинѣ Пушкиной, она заложила 2000 душъ, и ей совѣтовали набавить оброка, она отвѣчала: никакой тутъ не будетъ справедливости. Говоря о своихъ предкахъ, она прибавляла: «Вотъ настоящее величіе, что ни одинъ предокъ ничѣмъ не замаранъ, никакихъ *бисесовъ* не дѣлалъ».

Въ старинномъ ея домѣ на Никитской находилось, кромѣ бюста, нѣсколько ея портретовъ; но, какъ кажется, не слишкомъ похожихъ. Въ Лидербахѣ [3]) существовала маленькая акварель, изображавшая ее старую и сухую, съ замѣчательно жесткимъ и рѣшительнымъ ртомъ, въ лиловой блузѣ и простомъ чепцѣ, но съ портретомъ какъ статсъ-дама, и орденомъ Св. Екатерины на груди. Она была ростомъ выше средняго и всю жизнь очень худая. Голубые глаза ея были прекрасны, а кожа такъ нѣжна и прозрачна, что сквозь нея виднѣлись всѣ жилы. Окружающіе до того изучили ея физіономію, что когда одна изъ этихъ жилъ, лиловенькая, подъ лѣвымъ глазомъ, начинала вздрагивать, они знали, что это признакъ возрождающагося гнѣва. Взоръ ея, по раз-

---

[1]) Сохранить свое достоинство.—[2]) Это мать извѣстныхъ графовъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей.—[3]) Лидербахъ—помѣстье Бреверновъ, близъ Франкфурта на Майнѣ, гдѣ, въ 1874 г., записывались эти воспоминанія.

сказамъ ихъ, становился въ то время «ошеломляющимъ [1])». Управляющій Николай Ивановичъ называлъ дѣйствіе этого взора «точно полѣномъ по спинѣ». Она говорила самыя безпощадныя вещи, но безъ малѣйшаго возвышенія голоса. «Кричатъ одни только мужики и бабы», говорила она. Въ городѣ она одѣвалась всегда безукоризненно, по послѣдней модѣ; въ деревнѣ-же носила туалеты запоздалые на 50 лѣтъ.

Не менѣе поразительна была противоположность, которою отличались манеры ея: въ обществѣ онѣ были самыя благородныя, такъ что привозили къ ней молодыхъ дѣвушекъ учиться какъ держаться въ свѣтѣ; въ семейномъ же кругу, особенно когда она была не въ духѣ, рѣчь ея пересыпалась вовсе не изысканными выраженіями (какъ-напр., такая-то дура то-то сказала, съ чего она взяла), также пословицами и народными поговорками. Она допускала въ интимный кружокъ свой особъ далеко не утонченнаго тона и давала своимъ горничнымъ прозвища въ родѣ: Дурочка изъ переулочка и т. п. Но когда она принимала въ своей гостиной, это была настоящая «grande dame», въ пріемѣ своемъ одинаково вѣжливая и обходительная со всѣми [2]).

Имя Стрѣшневой она снова приняла и прибавила къ фамиліи мужа уже послѣ смерти послѣдняго, унаслѣдовавъ его отъ двоюроднаго брата, который въ молодости, говорятъ, былъ влюбленъ въ нее, а въ послѣдствіи ее ненавидѣлъ. Состояніе этого двоюроднаго брата также перешло къ ней, между тѣмъ какъ она отказалась съ высокимъ безкорыстіемъ отъ другаго великолѣпнаго наслѣдства: родоваго имѣнія, слѣдовавшаго ей отъ дяди, который по завѣщанію своему, вопреки закону, оставилъ его женѣ своей. Елисавета Петровна даже не подумала отстаивать своихъ правъ, говоря: «Въ Стрѣшневскомъ родѣ процессовъ не дѣлаютъ». Она пожелала только выговорить себѣ вышитое каменьями платье прабабушки своей, царицы Евдокіи Лукьяновны; но тетушка на это отвѣчала: «Сама буду въ немъ въ маскарадъ ѣздить.» Изъ семейныхъ драгоцѣнностей она отдала только крестъ, жалованный Петромъ Великимъ за Азовскій походъ стольнику Ивану Родіоновичу Стрѣшневу, съ подписью о томъ. Впослѣдствіи тетушка эта вышла за молодаго мужа, который ее бросилъ, стала продавать полученныя драгоцѣнности, о чемъ въ семействѣ Стрѣшневыхъ узнали слишкомъ поздно. Въ числѣ вещей, которыми особенно дорожила Елисавета Петровна, находился образъ Тихвинской Божьей Матери, относящійся къ ея рожденію. Кіев-

[1]) „Terrassant“, какъ выражалась Н. Н. Бреверинъ.

[2]) Въ доказательство этого припоминается еще, какъ Елисавета Петровна приняла французскую актрису, имѣвшую къ ней какую-то просьбу, и затѣмъ проводила ее до дверей какъ самую знатную гостью, объяснивъ на чей-то вопросъ объ этомъ, что всѣ переходящіе порогъ ея гостиной на время своего посѣщенія дѣлаются для нея равными.

ская монахиня посовѣтовала ея матери, у которой, какъ мы уже говорили, умирали всѣ дѣти, купить этотъ образъ и благословить имъ новорожденную, обѣщая отъ имени послѣдней, что она никогда съ нимъ не разстанется. Ребенокъ, наша Елисавета Петровна, остался живъ и исполнилъ обѣщаніе матери, никогда не разставаясь съ иконой, которая хранилась завернутая въ парчевое покрывало и находилась близъ нея и во время ея смерти. Случилось однажды, что, путешествуя по Тверской губ., Елисавета Петровна забыла этотъ образъ у Петра Хрисанѳовича Обольянинова и чуть-чуть не утонула, поѣхавъ обратно за нимъ. До самой смерти она, въ день рожденія, всегда надѣвала новое платье, атласное или бархатное, какого нибудь яркаго цвѣта: краснаго, желтаго или голубаго, юбку котораго не кроили, но только загибали, чтобы платье могло потомъ служить для церкви. Елисавета Петровна была суевѣрна и обращала вниманіе на всѣ примѣты. Ей кто-то совѣтовалъ чаще читать Тропарь и Кондакъ Св. Великомученицѣ Варварѣ, какъ помогающіе въ часѣ смертномъ, и по странной случайности она умерла именно въ день этой святой (4-го Декабря). Дворъ былъ въ то время въ Москвѣ, и Императрица навѣстила ее за нѣсколько часовъ, что̀ казалось какъ будто оживило ее.

Большую часть переданныхъ здѣсь разсказовъ она иногда сама любила вспоминать въ тѣсномъ кружкѣ, но только не въ присутствіи своихъ внуковъ. Въ ней угасъ типъ, можетъ-быть еще не совершенно исчезнувшій на Руси, но, съ тѣхъ поръ уже не проявляющійся въ такой силѣ: смѣсь самыхъ противоположныхъ качествъ и недостатковъ, утонченной цивилизаціи и первобытной суровости Европейской grande-dame до-Петровской барыни; одинъ изъ послѣднихъ образцовъ стариннаго *самодурства*, только безъ обыкновенно сопровождающихъ его вспышекъ и взбалмошности; это олицетвореніе какого-то *систематическаго самодурства*. Судя такъ мѣтко о бабушкѣ своей, Наталья Петровна Бреверіъ, прелестнѣйшая старушка, не сохраняла однако никакой горечи отъ тяжелыхъ годовъ своего дѣтства и юности. Она разсказывала о нихъ совершенно безпристрастно, но въ тоже время увлекательно, съ улыбкою на добрыхъ, умныхъ устахъ своихъ.

Москва, 1894 года. **Баронесса В. Лепель.**

P. S. Послѣ ея смерти были найдены безчисленныя драгоцѣнности; однѣхъ табакерокъ оказалось 300, изъ которыхъ 80 золотыхъ. Грановитая Палата желала пріобрѣсти большую часть оставшихся историческихъ памятниковъ. У наслѣдниковъ Елисаветы Петровны до сихъ поръ хранится великолѣпный туалетъ en vermeil, подаренный императрицей Елисаветой Петровной одной изъ Матюшкиныхъ, и много другихъ дорогихъ и интересныхъ предметовъ. Къ сожалѣнію, многія серебряныя вещи, какъ-то декораціи, каретъ и т. п., были расплавлены по приказанію внука Елисаветы Петровны, желавшаго истребить аристократическія преданія Стрѣшневыхъ. „Мнѣ эти Стрѣшневы надоѣли сверхъ головы“ говаривалъ онъ. Многое было роздано, многое продано. Сестра Натальи Петровны Бревернъ, большая богомолка, доставшееся ей отдала монастырямъ и священникамъ и изъ цѣлаго мѣшка жемчуга и дорогихъ каменьевъ заказала митру для архимандрита.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ДИПЛОМАТА.

Посвященіе собственноручно написанное И. В. Кирѣевскимъ на первой страницѣ подареннаго имъ альбома.

„28 Февраля 1827 года.

Вотъ тебѣ новая книга для исповѣди; обнови ее въ первый день твоего новаго года. Пусть на ея бѣлыя страницы лягутъ *прочные слѣды свѣтлыхъ минутъ твоей души. Счастья*—не хочу желать тебѣ: стòитъ-ли призывныхъ моленій то своенравное пристрастіе судьбы, которое называютъ счастьемъ? А *истинное* въ *душѣ*. Пожелавъ тебѣ *свѣтлыхъ минутъ*, я не забылъ его и въ одномъ словѣ высказалъ все, о чемъ сердце молитъ Создателя за друга. *Другъ*! Это святое имя въ первый разъ выливается изъ подъ моего пера; прими его и, такимъ образомъ, сдѣлай и для меня этотъ день *первымъ днемъ новаго года*. Такъ! Подадимъ другъ другу руки на все поприще жизни, и, если Провидѣніе поведетъ насъ различными путями, то намъ свѣтитъ *одна звѣзда* и освѣщаетъ *одну цѣль*. У нея повстрѣчаются наши дорòги, и тогда новое рукожатіе пусть будетъ порукою тому, что мы были вѣрны нашему назначенію. Въ этомъ рукожатіи отзовется теперешнее, съ его надеждами, обѣтами и желаніями, и мы, указывая на желанную цѣль, радостно скажемъ другъ другу: *мы жили не даромъ*!

Если же намъ предназначено не видать цѣли желанной и обнять сырую землю вмѣсто предмета нашихъ стремленій; то, въ послѣдній часъ, дума о другѣ пусть освѣтитъ смерть и, съ мысленнымъ рукожатіемъ оставляющій жизнь скажетъ пережившему: другъ, я былъ вѣренъ *избранному* и до конца не измѣнилъ ему; *я жилъ не даромъ*! Стремись одинъ къ общей мечтѣ, и если достигнешь ея, то *мы жили не даромъ*! Если же и тебя судьба сразитъ на неоконченномъ пути?... О! и тогда *мы жили не даромъ*! Мы шли къ высокому!»

Написано въ Москвѣ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ на 20-й день моего рожденія, въ Москвѣ, меньше двухъ мѣсяцевъ до пе-

реѣзда моего оттуда въ Петербургъ, куда меня отправили къ Дм. Вас. Дашкову для опредѣленія на службу въ Азіатскій Департаментъ. (Позднѣйшая собственноручная замѣтка).

(Въ альбомѣ почти всѣ страницы остались бѣлыми. На 16-й страницѣ находится слѣдующее собственноручное письмо княгини Екатерины Николаевны Мещерской съ позднѣйшими примѣчаніями къ нему рукою того, кому принадлежала записная книжка).

Писано кн. Екат. Ник. Мещерскою, рожд. Карамзиною, за нѣсколько дней до отъѣзда моего въ Царьградъ третьимъ секретаремъ миссіи при Аполинаріи Петровичѣ Бутеневѣ.

«Оставляя на время однообразную Сѣверную отчизну для пышнаго Востока, не измѣните дани отсутствія: *воспоминанію*. На бурныхъ берегахъ Чернаго моря вздохните о живописной Ревельской лужицѣ и симъ вздохомъ удовольствуйте любовь съ ея свѣтлыми локонами [1]), съ ея веселыми голубыми глазами, и скромную дружбу въ образѣ горныхъ жителей Штрикберга [2]). Вотъ взглядъ на прошедшее; а мысли обратятся-ли къ новѣйшимъ предметамъ—то вспомните о чайномъ столикѣ на Моховой [3]), о черноокой красавицѣ [4]), о заманчивой улыбкѣ Польской прелестницы [5]), которая всегда находила въ васъ угрюмаго Ипполита, о нашихъ частыхъ распряхъ и несогласіяхъ, когда рѣчь доходила до Лилипутской Арисіи [6]).

Мысленно взгляните на этотъ вздоръ какъ на минутное развлеченіе ума, но въ сердцѣ вашемъ согрѣйте пріютъ для всѣхъ членовъ семейства, въ кругу котораго вы найдете всегда и искреннюю дружбу, и сердечное участіе въ судьбѣ вашей. Прощайте, уже не Богъ—а Алла съ вами! Е. М.

Петербургъ. 7 Декабря 1830 г.“

---

[1]) Намекъ на дѣвицу Будбергъ, дочь Эстляндскаго губернатора въ 1830 году, вышедшую потомъ за ген. Рокасовскаго; умерла въ молодости.

[2]) Екат. Андр. Карамзина съ семействомъ проводила лѣто 1830 года на дачѣ съ видомъ на море подъ г. Ревелемъ, у самаго парка Катериненталя.

[3]) Зимняя квартира Карамзиныхъ была на Моховой, домъ Межуева.

[4]) Александра Іосиф. Россетти, впослѣдствіи жена Н. М. Смирнова.

[5]) Г-жа Ивановская

[6]) Анна Алексѣевна Оленина, впослѣдствіи Андро, воспѣтая Пушкинымъ въ стихотвореніи: „Городъ пышный, городъ бѣдный“ двумя послѣдними стихами:

„Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.“

(Сестра княгини Мещерской, старшая дочь Карамзина, Софья Николаевна написала слѣдующее на 7-й стр. записной книжки)

„Мы видимъ счастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта.
Есть счастье гдѣ нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета.

Карамзинъ.

Il aimait cette pensée. Il l'a écrite lui-même dans mon album. En la copiant pour vous, je désire qu'elle sourie aussi à votre *bon* coeur, et que dans vos momens de mélancolie vous jetiez toujours un regard assuré vers la belle perspective du *bonheur réel*, tandis que vous vous reposerez quelquefois à *son ombre* dans le pélérinage de la vie, où nous nous rencontrerons encore, je l'espère. Sophie K.

Pétersbourg, 5 décembre 1830» [1]).

1855-й годъ.

1855 г. 4 Іюля. Отъѣздъ изъ Вѣны съ Феликсомъ Фонтономъ.

12 Іюля. Возвращеніе изъ Вѣны въ Стутгартъ.

17 Іюля. Пріѣздъ изъ Стутгарта въ Баденъ.

18 Іюля. Представленіе и передача кредитивной грамоты королю Виртембергскому.

25 Іюля. Около часу пополудни землетрясеніе въ Стутгартѣ, Баденѣ, Интерлакенѣ, Валлисѣ.

21 Августа. Bons mots. Napoléon: toutes les *ska* sont belles, tous les *ski* sont braves. Отвѣтъ Русскаго: *ска-ски*. Вопросъ: какіе supports*) къ графскому гербу Б-ва? Отвѣтъ Меньшикова: два становые.—Villemain въ Парижѣ: Vous dites que vous voyez danser l'avenir; j'aimerais voir sauter le présent.

22 Августа. Le hasard est l'incognito de la Providence.

4 Сентября. Фридрихсгафенъ. Рожденіе королевы. Надежда видѣть здѣсь вдовствующую Императрицу. Письмо изъ Россіи: раскольники и инвентари. Митрополитъ Филаретъ совѣтуетъ ускорить коронацію. Сборы въ Москву, Троицу и въ Польшу.

11 Сентября. Висбаденъ, обѣдня въ Александровъ день въ Рус-

---

[1]) Онъ любилъ эту мысль. Онъ написалъ ее самъ въ моемъ альбомѣ. Списывая ее для васъ, желаю, чтобы и вашему *доброму* сердцу она улыбалась и чтобы, въ минуты вашей задумчивости вы всякій разъ довѣрчиво представляли себѣ возможность *истиннаго счастія*, тогда какъ иной разъ придется вамъ утѣшать себя *тѣнью* его въ странствіяхъ жизни, въ которыхъ, надѣюсь, мы еще встрѣтимся. Софья К.

Петербургъ, 5 Декабря 1830.

*) Подставки для гербоваго щита.

ской церкви. Глинка съ телеграфомъ о взятіи Малахова (Корнилова бастіона) и сдачѣ Южнаго Севастополя *).

1857-й годъ.

1857 г. 1 Января. Обѣдня въ малой дворцовой церкви. Анекдотъ князя Н. В. Долгорукова. При Павлѣ І-мъ духовенство приглашено было на придворный спектакль, и для него отведена была особая ложа въ Гатчинѣ.—Записка Капниста «о крѣпостномъ правѣ и необходимости упраздненія его». Начало сего права авторъ возводитъ къ поголовной переписи, произведенной Татарами въ 1257 году. Ею укрѣплены жители государственныхъ земель. Жители помѣщичьихъ подверглись укрѣпленію лишь 425 лѣтъ спустя, что́ было упрочено постановленіями 1721 года о второй поголовной переписи (1-й ревизіи) и о рекрутской повинности.

2 Января. Обѣдня въ малой дв. церкви. День рожденія Великаго Князя Алексѣя Александровича. Произведенъ въ прапорщики и мичманы. Подходилъ къ рукѣ съ офицерами Московскаго полка старшимъ изъ прапорщиковъ. Разговоръ съ кн. А. С. Меньшиковымъ. Разговоръ съ Я. И. Ростовцовымъ. Осуждаетъ приказъ по стрѣлковымъ батальонамъ, какъ оскорбительный для чести Русскихъ офицеровъ. Жалѣетъ, что опытъ новаго полковаго хозяйства начатъ съ такихъ двухъ полковъ, гдѣ полковые командиры богачи: Измайловскаго графъ Кушелевъ, Конногвардейскаго князь Голицынъ.

20 Января. Слово *міръ*, означающее изстари сельскую Русскую общину, употреблялось въ томъ же смыслѣ и во Франціи. Графъ Блудовъ приводитъ въ примѣръ древніе Французскіе документы, гдѣ говорится: notre *paix* a décidé вмѣсто notre *commune*; la *paix* d'Evreux вмѣсто la commune d'Evreux.-При Екатеринѣ II государственные чины собирались у Красныхъ воротъ въ деревянномъ домѣ, для того построенномъ. Маршаломъ или предсѣдателемъ былъ Бибиковъ. Императрица слушала пренія изъ за ширмъ. Засѣданія были прерваны Турецкою войною; но впослѣдствіи Екатерина почерпнула изъ нихъ многія мысли, примѣненныя въ ея законахъ, напр., въ Учрежденіи о губерніяхъ и Городовомъ Положеніи. Тогдашній графъ Шереметевъ предлагалъ отпустить на волю своихъ крестьянъ, и въ засѣданіяхъ была неоднократно рѣчь о семъ вопросѣ. (Разсказъ графа Блудова).

21 Января. Обѣдъ у Блудовыхъ. Извѣстіе о дракѣ гр. В. Б. съ Шевыревымъ въ Москвѣ изъ за спора у А. Д. Черткова. А. Н. Поповъ

*) Числа мѣсяца по новому стилю.

обѣщаетъ сообщить проектъ юноши Ламанскаго объ изданіи на Русскомъ языкѣ систематическаго собранія статей, передѣлываемыхъ или переводимыхъ изъ современныхъ Западныхъ литературъ, о разныхъ ученыхъ предметахъ или курсахъ, изложенныхъ съ особливою цѣлью распространить общеполезныя практическія свѣдѣнія между свѣтскими людьми, и вообще между читающимъ классомъ всѣхъ сословій. Разговоръ о Московскомъ диспутѣ Чичерина, который, по случаю своей диссертаціи на степень магистра, защищался блистательно противъ возраженій Крылова и Бѣляева, профессора исторіи Русскаго Права. Бѣляевъ заступилъ мѣсто Калачева, занимающагося нынѣ матеріалами о сошномъ письмѣ, старинномъ Русскомъ кадастрѣ.

22 Января. Раговоръ съ m-r Shaw о тяжебномъ дѣлѣ *Рай-Брамина*, имѣющаго претензію на нѣсколько милліоновъ наслѣдства послѣ умершаго въ Астрахани купца, уроженца изъ Англійской Остъ-Индіи. Единственный въ Россіи знатокъ языка Индостана—профессоръ Петровъ въ Москвѣ.—О балладахъ изъ Римской Исторіи, составленныхъ Маколеемъ по руководству догадокъ Нибура, почитавшаго старинныя народныя пѣсни подлиннымъ источникомъ разсказовъ Тита-Ливія. Опыты Маколея о Баконѣ и о Маккіавелли. Мнѣніе недавно возникшее въ Англіи, будто Баконъ былъ настоящій авторъ многихъ Шекспировыхъ драмъ.

28 Января. Эрмитажный музей. Кабинетъ медалей. Древнія г. Стефани, Русскія г. Нумерсъ, восточныя г. Броссѐ. Восточныхъ до 6 т. Въ Академіи Наукъ Азіатскій музей имѣетъ около 10 т. Римскія Asses. Древнѣйшія не далѣе 300 лѣтъ до Р. Х. Nummi familiarum. Ѳракійскія монеты, поддѣланныя въ грубомъ и полугрубомъ видѣ сосѣдними варварскими народами. Луна серпомъ со звѣздою, принятая отъ Византійцевъ Оттоманскими Турками, является уже на монетахъ Митридата Великаго и прежнихъ Понтійскихъ царей его династіи. Совершенствомъ отдѣлки отличаются отдѣлки Воспорскихъ городовъ: Херсона, Ѳеодосіи, Пантикапеи, а также городовъ Южной Италіи и Сициліи: Сибариса, Панорма, Сиракузъ. Изъ Египта нѣтъ монетъ древнѣе Птоломейскихъ; профиль знаменитой Клеопатры вовсе некрасивъ.

29 Января. Вечеръ у князя Григорія Щербатова. Мысли и предположенія о гимназіяхъ (между прочимъ въ Архангельскѣ и Петрозаводскѣ), о частныхъ пансіонахъ, о Еврейскихъ училищахъ и о женскомъ воспитаніи.

1858-й годъ.

1858 г. Февр. 10. Отъ Ѳед. Ант. Бруни разсказъ о повелѣніи, данномъ ему изустно въ 1850 году, разбить мраморную статую Вольтера, произведеніе ваятеля *Houdon* (1782), которая съ его-же портретомъ Даламберта и m-me *Dubarry* (Діаною) составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Эрмитажа. Бруни на другой же день перевезъ Вольтера тайкомъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ онъ и спасался до Апрѣля или Мая 1855, когда у нынѣ царствующаго Государя исходатайствовано безъ малѣйшаго труда разрѣшеніе возвратить статуѣ прежнее мѣсто.

Февраля 11. Кончина княгини Маріи Барятинской, рожд. графини Келлеръ (род. 29 Сент. 1792). Кончина графа Вас. Дмитр. Олсуфьева въ тоже самое утро въ Римѣ.

Февр. 12. Олсуфьевъ оставилъ у Менандра Семеновича Сушинскаго запечатанный пакетъ для врученія, въ случаѣ смерти его заграницею, лично Государю. Сушинскій въ ту ночь видѣлъ себя во снѣ въ церкви съ тѣмъ пакетомъ въ рукахъ, и разсказалъ сонъ свой женѣ поутру, прежде чѣмъ идти къ должности въ Придворную Контору, гдѣ ему сообщили телеграфъ, полученный изъ Рима о скоропостижной кончинѣ Василья Дмитріевича. Печаль императрицы Маріи Александровны. проходившей на панихиду по немъ чрезъ комнаты Великихъ Князей. Разговоръ мой въ ихъ спальнѣ съ Ея Величествомъ.

Февраля 13. Лютеранское отпѣваніе и выносъ тѣла княгини Барятинской. Надгробную рѣчь говорилъ Seeberg, второй пасторъ Аннинской церкви, обрядъ совершалъ Ullmann, президентъ всѣхъ Лютеранскихъ въ Россіи церквей, тотъ самый что̀ при графѣ Уваровѣ, будучи профессоромъ въ Дерптѣ, попалъ въ немилость за подарокъ, поднесенный ему студентами, и жилъ сперва сосланный въ Оренбургѣ, а потомъ отставленный въ Ригѣ.—Собраніе Русскихъ минераловъ для Великаго Князя Алексѣя Александровича отъ кистера Петропавловской церкви Фредемана, за 400 рублей. Русскій мастеръ Митрохинъ, изобрѣтатель способа переносить картины съ доски на холстъ. Разсказъ Тихобразова объ этомъ способѣ. Такъ перенесена находящаяся въ Эрмитажѣ Madonne d'Albe.

Февраля 13. Депутаты изъ Лифляндіи по крестьянскому вопросу: Эттингенъ, Лиліенфельдъ и Штрикъ. Мнѣніе Новоладожскихъ помѣщиковъ Лихонина и Савицкаго объ отмѣнѣ понудительнаго выкупа уса-

дебъ. Въ Петербургскомъ губернскомъ комитетѣ, съ кандидатами, всего 27 человѣкъ. Кіевскій и Черниговскій помѣщикъ Григ. Павл. Галаганъ, назначенный здѣсь въ Комитетъ о размежеваніи Малороссійскихъ губерній.

Февраля 14. У великой княгини Екатерины Михайловны князь Суворовъ смѣшитъ разсказами объ опустошеніяхъ графа Берга во время военнаго командованія въ Ревелѣ, о двухъ артиллерійскихъ паркахъ отнятыхъ имъ у Сиверса, о губернаторѣ Гринвальдѣ, имъ совершенно уничтоженномъ. Графъ Нессельроде замѣчаетъ въ оправданіе Берга: «il faut avoir trop pour avoir assez *).—Мнѣніе графа Блудова, недавно поданное о чинахъ (въ особомъ комитетѣ, гдѣ съ нимъ бар. Корфъ, ген.-адъют. Ростовцовъ и Анненковъ). Графъ Блудовъ одинъ при своемъ мнѣніи, изложенномъ превосходно: не уничтожать ихъ покуда, но крѣпче привязать къ должностямъ. Картины изъ Эрмитажа, въ первый разъ выставленныя у Наслѣдника. Тиціанову Св. Магдалину Бруни цѣнитъ заплоченною 600.000 франковъ: ибо эта сумма дана покойнымъ Государемъ за покупку картинной галлереи Барбариго, гдѣ кромѣ этой Магдалины почти не было ничего хорошаго. Негоціаторомъ покупки былъ въ Венеціи Хвостовъ. Длинныя жалобы Жиля на происки Кёне и извращеніе Всадника въ государственномъ гербѣ. Доводы Жиля, почему Всадника не слѣдовало поворачивать à dextre, а оставить какъ былъ à sinestre. Разорительные поэтому расходы для казны.

Февр. 15. Разсказъ очевидца ген.-ад. Гогеля. Въ 1836 году, на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, когда онъ былъ адъютантомъ при командирѣ гвардіею Бистромѣ, государь Николай Павловичъ въ запальчивости назвалъ при многихъ дуракомъ командира артиллеріи Пенхержевскаго, но замѣтивъ, что Бистромъ въ сердцахъ отъ этого уѣхалъ и сказался больнымъ, раскаялся и на другой день при тѣхъ же лицахъ громко просилъ прощенія у обиженнаго.—Вчера Жиль съ Нумерсомъ приводили въ порядокъ монеты и медальонное собраніе Наслѣдника, гдѣ кромѣ подлинныхъ имѣется полное собраніе бронзовыхъ снимковъ со всѣхъ Русскихъ медалей, выбитое на Монетномъ дворѣ.

Февр. 16. За обѣдомъ у меня: А. И. Кошелевъ, Кирѣевъ конногвардеецъ, Ив. Новиковъ, Д. Д. Дашковъ, В. Кирѣевскій Измайл. полка, Сережа Кирѣевскій, 12 л., готовящійся въ Училище Правовѣдѣнія. Вечеромъ у Авроры Карамзиной чародѣй Французъ Caston. Духъ про-

*) Надо имѣть слишкомъ, чтобъ имѣть довольно.

тиводѣйствія, ожидаемый Кошелевымъ при выборѣ депутатовъ въ Московскій Губернскій Комитетъ. Князь А. С. Меншиковъ — депутатъ Клинскій. Графу С. Г. Строганову предложено быть депутатомъ Серпухова. Губерніи, гдѣ всего болѣе дворянъ мелкопомѣстныхъ: Полтава до 6.000, Черниговъ до 4.000, Рязань до 3.000. Письмо Хомякова къ гр. Блудовой съ подслушаннымъ у крестьянъ изреченіемъ: «Все, батюшка, пойдетъ хорошо; только бы господа не бунтовали». Портреты въ гостиной Блудовыхъ: красавица Шереметева, отравленная оспою изъ табакерки ревнивою соперницею, за помолвку ея съ графомъ Панинымъ; прадѣдъ Щербатовъ, спасенный изъ крѣпости вѣрою въ икону Казанской Богородицы.

Февр. 19. Восшествіе на престолъ. Литургія съ молебномъ въ большой церкви. Императрица съ сыновьями въ образной за алтаремъ. Вечеромъ у меня: Ник. Мих. Благовѣщенскій, Водовозовъ, Гамазовъ. Вчера обѣдъ у Одоевскихъ: Кошелевъ, молодой химикъ Финляндецъ Holscius.—У ст.-секр. Гофмана.—Анекдотъ объ отказѣ Устиновой ѣхать на балъ Закревскихъ, получивъ туда приглашеніе ею же испрошенное ходатайствомъ принца Карла Прусскаго у императрицы Александры Ѳедоровны.—Крестьяне села Дѣднова на Окѣ не хотятъ признавать помѣщика гр. А. Д. Толстаго по спору о завѣщаніи Измайлова.

Февр. 20. Отчеты въ суммахъ Великаго Князя за 1857 представляютъ въ экономіи у Наслѣдника слишкомъ 12.000 р.; у А. А. болѣе 18.000, у В. А. болѣе 22.000, изъ собственной суммы, отпускаемой на каждаго Великаго Князя по 33.000 въ годъ. По совершеннолѣтіи Наслѣдникъ получитъ по 85.000 въ годъ.—Новая готическая зала въ Публичной Библіотекѣ, устроенная барономъ Корфомъ стараніями Минцлова для первопечатныхъ, Incunabula, XV вѣка, стоила не болѣе 3.000 р. —Раутъ у князя Горчакова: разговоры о дополнительномъ циркулярѣ 17 Февраля касательно крестьянскихъ усадебъ, о высочайшемъ предсѣдательствѣ негласнаго комитета съ будущей Субботы, о разрѣшеніи добровольныхъ сдѣлокъ.

Марта 1. Ходячія по гостинымъ эпиграммы и карикатуры: Александръ II передаетъ кнутъ Наполеону III съ надписью: Prenez, m-r mon frère, je n'en ai plus besoin. Alexandre II affranchit les serfs, Napoleon III asservit les francs *). Сани скачутъ къ оврагу съ ухарскимъ кучеромъ, крестьянская изба виситъ на воздухѣ съ надписью «прочная осѣдлость», а баринъ говоритъ ему: потише, не то мнѣ шею сломишь.

*) Возьмите, государь мой братъ: мнѣ этого больше не надо. Александръ II освобождаетъ рабовъ, Наполеонъ III порабощаетъ Франковъ (свободныхъ).

Марта 3-го. Солнечное затмѣніе. Поѣздка съ Великими Князьями на обсерваторію Академіи Наукъ. Савичъ о солнечныхъ пятнахъ, о теоріи свѣта посредствомъ волнообразныхъ сотрясеній эфира, о столѣтнемъ квадрантѣ Брадлея и усовершенствованныхъ съ того времени инструментахъ. Августѣйшая чета поутру за кофе, пріемъ у Ея Величества. Вечеръ у Грима и Смирнова.

Марта 6. Четвергъ 5-й недѣли Велик. Поста. Присутствіе Наслѣдника на математической лекціи Сухонина въ 3-мъ классѣ Пажескаго Корпуса. Директоръ Желтухинъ, инспекторъ Винклеръ. Возлѣ Наслѣдника на скамьѣ пажъ Сельванъ, сынъ генерала, убитаго подъ Силистріей. Къ доскѣ вызывались пажи Паренсовъ и Арсеньевъ. Безпокойное вмѣшательство инспектора.—Вчера вечеромъ у Великихъ Князей, въ присутствіи Ихъ Величествъ, урокъ физіологіи д-ра Lemercier надъ образцами пластической анатоміи du d-r Ausoux. Въ человѣческомъ тѣлѣ слишкомъ 200 костей и слишкомъ 500 мускуловъ.

Марта 13. Четвергъ 6-й недѣли, 2-й урокъ Наслѣдника въ 3-мъ классѣ Пажескаго Корпуса (Алгебра, уравненіе 2-й степ.) Къ доскѣ вызывались пажи: Шауфусъ, Ф. Барановъ 1-й. Потомъ лекція Игнатія Ивановскаго въ 1-мъ камеръ-пажескомъ классѣ: Статистика Россіи, Финансы, Государственныя Имущества, недоходныя и доходныя. Три способа дѣйствій съ сими послѣдними: казенное управленіе, отдача въ аренду, наконецъ эрбъ-пахтъ. Способъ установлять канонъ, принимая въ основу доходъ хлѣбомъ. Регаліи или монополіи. Откупа. Налоги прямые, косвенные. Преподаваніе заказное, но блестящее. Профессоръ преподавалъ 3 часа сряду и вызывается безъ труда прочесть безъ отдыха еще $1^1/_2$ часовую лекцію. Присутствуетъ генералъ Мирковичъ.

Марта 14. Въ Училищѣ Правовѣдѣнія двѣ лекціи Зубова объ уголовномъ правѣ: въ 1-мъ курсѣ практика; доклады Юферова, Адамова, Книрима по сенатскимъ дѣламъ объ убійствѣ барыни, о ложныхъ документахъ и пр.; во 2-мъ курсѣ теорія. Три рода жалобъ со стороны подсудимыхъ на уголовныя палаты: до приговора, по исполненіи приговора, наконецъ Высочайшая власть въ Коммиссіи Прошеній. Недѣли за двѣ въ томъ же училищѣ двѣ лекціи Андреевскаго по Исторіи Русскаго Права. Въ первой Литовскій Статутъ и важность его вліянія на Русское законодательство, именно на Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича. Во второй о пріобрѣтеніи правъ состоянія по браку.

Марта 15. Лазарева Суббота. Годичное посѣщеніе 1-го курса правовѣдовъ въ тюрьмы. Принцъ Ольденбургскій; мрачный его взглядъ на вопросъ о крестьянахъ и о сельскомъ устройствѣ.

Марта 17. Въ Публичной Библіотекѣ Бычковъ показываетъ Русскую рукопись Литовскаго Статута, подаренную изъ Католической Коллегіи митрополитомъ Жилинскимъ. Беркгольцъ объясняетъ каталогъ и расположеніе Русскаго отдѣла. Въ Училищѣ Правовѣдѣнія лекція Калмыкова объ отмѣнѣ уголовныхъ взысканій смертію, прощеніемъ (частныхъ обидъ) и давностью.

Марта 20. Нѣсколько минутъ разговора съ Государемъ по случаю письма Погодина къ Наставнику, напечатаннаго въ «Заграничномъ Русскомъ Сборникѣ». Вечеръ у новаго министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго. Подробности о его назначеніи; ободрительныя слова: «вотъ ваши связи». Ребяческое уныніе Норова о своемъ паденіи. Онъ видитъ въ томъ дѣйствіе личной противъ себя кабалы, соображая погубившій его вопросъ цензурный съ назначеніемъ Ковалевскаго и слухомъ о назначеніи Щербатова въ товарищи.

Марта 21. Отправленіе черезъ Зиновьева оправдательной докладной записки по случаю напечатанія Погодинскаго письма.—Пріѣздъ обратившагося въ Православіе Янинскаго уроженца мусульманина Таксинъ-ефенди, во Св. Крещеніи Николая Константинова: хочетъ опредѣлиться здѣсь въ Духовную Академію.—Бывшій ректоръ Дерптск. университета Гафнеръ ищетъ въ С. П. Б. должности. Интересный съ нимъ вечеръ у меня. Нѣмецкому слову «lernen» онъ предпочитаетъ Русское «учиться»; ибо оно указываетъ на необходимость самому себя учить, безъ чего нельзя сдѣлаться ни образованнымъ, ни знающимъ.— Въ циркѣ Роде на сценѣ объясняетъ исторію коры земнаго шара. Неудачная попытка запретить сіи представленія подъ предлогомъ сомнѣнія: сходны-ли онѣ съ Библіей?

Марта 22. Обѣдня въ церкви министра просвѣщенія. Потомъ бесѣда съ Норовымъ о его паденіи. Онъ ободренъ визитомъ Я. И. Ростовцова съ увѣреніемъ поступить въ Государственный Совѣтъ, оставаясь членомъ комитета учебныхъ заведеній и сохраняя теперешніе 8/т. содержанія. Жалкое положеніе его финансовъ. Послѣдняя милость имъ исходатайствованная на прощаніе: прибавка 800 р. къ 1200 рублевой арендѣ Вяземскаго. Въ тотъ же день свиданіе съ Вяземскимъ. Чтеніе краткой, но весьма дѣльной записки, представленной имъ предъ отставкой о цензурномъ вопросѣ, сгубившемъ различно, но сряду, трехъ министровъ, Уварова, Шихматова и Норова. Суетная надежда выдти изъ затрудненія новымъ цензурнымъ уставомъ.

Марта 23. Благопріятный отвѣтъ чрезъ Зиновьева на оправдательную докладную записку. Два новые министра: Ковалевскій и Кня-

жевичъ. Послѣднему 66 лѣтъ. Слухи о Игнатьевѣ или Ростовцовѣ въ министры внутреннихъ дѣлъ, о Суворовѣ въ Москву, о баронѣ Ливенѣ или Коцебу въ Ригу. Разговѣніе у Наслѣдника съ директорами и фельдфебелями 8-ми столичныхъ военно-учебныхъ заведеній: корпусовъ Пажескаго, Кадетскихъ 1-го и 2-го, подпрапорщиковъ Павловскаго, Константиновскаго, училищъ Инженернаго и Артиллерійскаго. За столомъ Наслѣдника сидѣли директоры, за столомъ Александра Александровича кадеты —Довѣрительная попытка въ пользу гражданскихъ заведеній: Университета, Лицея и Училища Правовѣдѣнія. Вечеромъ письменный на то отзывъ, благопріятный, но сомнительный. За заутреней христосовались, по словамъ Наслѣдника, счетомъ 1060 человѣкъ.

Апрѣля 4. Вечеръ у Головнина. Возраженіе на записку князя Дм. Оболенскаго о Блудовскомъ проектѣ судопроизводства, по заказу сочиненное ст. секрет. Государственнаго Совѣта Заруднымъ.

Апрѣля 5. Обѣдъ у великаго князя Константина Николаевича: графиня Блудова, Мансуровъ. Разговоръ объ Іерусалимской экспедиціи, объ умныхъ письмахъ епископа Кирила. На дняхъ по утру разговоръ съ артельщикомъ барона Штиглица. Устройство артелей; ихъ въ СПБ. всего 28 подъ разными названіями. Артельщиковъ до 500 человѣкъ; ихъ вклады, взаимное ручательство, биржевые доходы, годовой выборъ старостъ, повѣрка отчетности.

Апрѣля 7. Понедѣльникъ. Обѣдъ у Ихъ Величествъ. Наст. Ник. Мальцова, гр. Антон. Блудова, князь Серг. Павл. Голицынъ, гр. А. К. Толстой, Б. П. Мансуровъ. Голицынъ издалъ «Печатную Правду» и «Вертепъ», обѣ книжки для крестьянъ.

Апрѣля 12. Вечеръ у императрицы Александры Ѳеодоровны. Похвала напечатаннымъ въ «Бесѣдѣ» стихамъ графа Толстаго: «Грѣшница». Разговоръ о воспитаніи Наслѣдника, о Бапстѣ и Кавелинѣ.

Апрѣля 13. Визиты кн. Горчакову и И. М. Толстому. Мальцовъ читаетъ стихи на Кокорева и Кошелева. Свадьба дѣвицы Александровой въ присутствіи Государя и вдовствующей Императрицы.

Апрѣля 13. За обѣдомъ у меня инспекторъ классовъ Пажескаго корпуса полк. Винклеръ, m-r Shaw, А. Мухановъ. Разговоръ о Римскихъ катакомбахъ.

Апрѣля 14. Утро въ Корпусѣ Путей Сообщенія. Директоръ Е. П. Сивербрюкъ.

Мая 26—Іюня 6. Бытность въ Москвѣ. Стихи на «Русскую Бесѣду», приписываемые Мальцову съ Соболевскимъ. Старинные куплеты его на Каролину Янишъ-Павлову. Обѣдъ у А. Н. Бахметева съ кн. Серг. Ник. Урусовымъ. Разсказы его о Московскомъ Губернскомъ Комитетѣ. Свѣдѣнія отъ графа Закревскаго про откупы и раскольниковъ. Замѣчено, что въ послѣдніе два года народъ пьетъ больше прежняго. Въ первые три дня минувшей масляницы выпито въ Московскихъ кабакахъ на 286/т. рублей. Шесть раскольничьихъ епархій въ Россіи. Антоній, архіепископъ Владимирскій и всея Россіи, бывшій въ Москвѣ конторщикомъ, скрывается отъ полиціи; захвачены его облаченіе и грамота.

Внушающая уваженіе личность Крынина, перевезеннаго за старовѣрческія дѣла въ Петербургъ и содержащагося въ Невской Лаврѣ. На содержаніе дочери оставилъ онъ 100/т. капитала. Трогательное прощаніе съ матерью и малолѣтней дочерью. (Тѣже свѣдѣнія подтверждены въ Царскомъ Селѣ 9 Іюня при представленіи моемъ Государю Императору). Плачевный взглядъ графа Закревскаго на нравственное состояніе православнаго духовенства въ Россіи. Духъ касты. По свѣдѣніямъ за 1857 годъ прибавилось будто бы раскольниковъ до 800/т. душъ. Всего считаютъ ихъ иные 2, другіе 6, а нѣкоторые до 16/мил. душъ. Основываясь на томъ, что раскольники выгодны для взяточниковъ между свѣтскими и духовными властями, можно полагать весьма преувеличенными оффиціальныя таблицы числа̀ старовѣрцевъ. Духовенство не хочетъ освобожденія крестьянъ, въ томъ будто-бы убѣжденіи, что изъ крестьянъ и самыхъ дворянъ многіе перейдутъ тогда въ открытый расколъ.

Іюня 22. Выѣздъ изъ СПБ. въ Стокгольмъ. Пароходъ «Aura».

Іюня 25. Пріѣздъ въ Стокгольмъ и бытность здѣсь до 6 Іюля.

Декабря 9/21. Вечеромъ чтеніе Записокъ княгини Дашковой, изд. въ Лондонѣ на Англійскомъ языкѣ. По разсказу слышанному Мейендорфомъ отъ его тестя князя М. Д. Горчакова, немилость княгини Дашковой началась изъ за того, что въ день 28 Іюня 1762 мужской мундиръ былъ ей особенно къ лицу, а по воцареніи Императрицы она просила себѣ въ награду полкъ.

Декабря 11/23. Остроты Буткова: De tous les Mouravieff il n'y a de raisonnable que la danseuse de ce nom. - En promettant de l'or, M-ff-Amoursky nous coûtera beaucoup d'argent *).

---

*) Танцовщица Муравьева умнѣе всѣхъ носящихъ это имя. — Обѣщая золото Муравьевъ-Амурскій будетъ намъ стоить много серебра.

Декабря 12/24. Фельдъ-егерь Дрейеръ изъ Петербурга. Письмо Маріи Александровны къ Ольгѣ Николаевнѣ. Разноголосица между министрами. Нападки Игнатьева на Ланскаго и на Петербургск. Городскую Думу. Неудовольствіе Государя. Предубѣжденіе противъ Милютина. Виды на князя Николая Орлова (быть при Наслѣдникѣ). Отецъ желаетъ сыну Новороссійскаго генералъ-губернаторства. Себя представляетъ слишкомъ устарѣлымъ, однако остается и продолжаетъ мѣшать подъ вліяніемъ Буткова. Министръ просвѣщенія Ковалевскій поѣхалъ въ Москву усмирять студентовъ.

Декабря 24—Января 5. Нашъ Сочельникъ. Дѣти послѣ всенощной играютъ съ великой княжной въ secrétaire и кошку-мышку. Разговоръ съ кронъ-принцемъ въ присутствіи А. И. Будберга. Принцъ объясняетъ Австрійскій здѣсь перевѣсъ надъ Прусаками: Прусаки надменны, Австрійскіе офицеры сообщительнѣе. Вѣрное сужденіе о личности Австрійскаго императора. Предпочитаетъ восточный бытъ западной переспѣлой образованности. Находитъ въ здѣшнихъ среднихъ сословіяхъ болѣе развитія и свѣтскости, нежели въ чиновномъ и дворянскомъ. Замѣчанія вообще мѣткія о Россіи въ три разныя эпохи, когда онъ ее видѣлъ: 1849, 1855, 1858. Выраженіе лицъ въ послѣднее путешествіе, до Архангельска и Нижняго Новгорода, весьма нравится ему въ народѣ, но въ служащихъ и чиновникахъ внушаетъ большое недовѣріе. Предвидитъ въ Пруссіи перевѣсъ Англійскаго вліянія, въ замѣнъ бывшаго Русскаго.

Декабря (26 Января 7). У Макса Цепелина было на крестинахъ только шесть воспріемниковъ наличныхъ, ибо выше сего числа начинается платежъ пошлины (Sportel). Также точно платятъ пошлину за дозволеніе брака въ близкомъ родствѣ, за свадьбу въ Адвентъ или Великій Постъ, за сокращеніе брачныхъ оглашеній и пр.

1859-й годъ.

5/17 Января. Сочельникъ. Письмо изъ Петербурга. Похвалы воротившемуся изъ Бухары полковнику Игнатьеву. Мысль о путешествіи императрицы Александры Θеодоровны на лѣто въ Эмсъ. Изъ книжной статистики Клюпфеля за 1856—58 годы: влеченіе Нѣмецкой читающей и учащейся публики къ естественнымъ наукамъ. Разработка Географіи въ этомъ смыслѣ. Врачъ, инженеръ, технологъ охотнѣе покупаютъ учебники и книги по своей части, нежели адвокатъ, судья, чиновникъ, пасторъ по своей. Медицина, вмѣсто изученія болѣзней и лѣкарствъ, усерднѣе знакомится съ жизнью здороваго организма и тѣмъ самымъ дружится съ общимъ естествознаніемъ. Юридическая

часть незначительна, философія въ немилости у публики. До 1846 г. книжная торговля возрастала, съ тѣхъ поръ и наипаче съ 1848 г. уменьшеніе. Теперь какъ будто вновь возникаетъ. Однако среди высшаго общества книги покупаются мало сравнительно съ другими расходами роскоши.

Января 11/23. Архимандритъ Веглерисъ пишетъ изъ СПБ. о двухъ проектахъ по духовной части: 1) основать въ Лугѣ пятую духовную академію предпочтительно для образованія православныхъ миссіонеровъ, 2) отряжать отличныхъ учениковъ, выпускаемыхъ изъ духовн. академій, къ посольскимъ церквамъ въ главныхъ заграничныхъ столицахъ, для окончанія наукъ и приготовленія себя къ занятію священническихъ мѣстъ, наипаче въ чужихъ краяхъ. Перемѣна въ чинѣ поступленія въ Православіе изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Упрощеніе отвѣтовъ принимаемаго лица.

Января 12/24. Изъ СПБ. фельдъегерь. Болѣзнь К. Д. Кавелина. Нападки на Милютина. Разрѣшеніе пустить въ ходъ составленный Великою Княгинею проектъ устройства Карловки съ принадлежащими къ сей вотчинѣ крестьянами.

Января 14/26. Разсказы Пав. Ив. Крузенштерна о Печорѣ и Ледовитомъ морѣ. Содѣйствіе К. Н. и Морск. Мин-ва. Противудѣйствіе Госуд. Имуществъ. Споръ кн. Г-ва съ Ег. Ковал-мъ объ Амурскомъ вопросѣ, въ присутствіи Государя. Болѣзнь К-го. Князь посылаетъ къ нему сына, потомъ лично навѣщаетъ по Высочайшему. Высшій цензурный комитетъ: графъ Александръ Адлербергъ съ Тимашевымъ подъ предсѣдательствомъ Ник. Алексѣев. Муханова. Острое словцо: «lettre de change, lettre de cachet et écuyer-tranchant pour trancher les doutes».

Февраля 9/21. Телеграмма Маріи Александровны изъ СПБ. о безнадежной болѣзни младенца Гриши Строганова въ Римѣ.—Дѣло Волынскаго, письмо Румянцова о кончинѣ царевича Алексѣя.

Марта 22 (Апрѣля 3). Письмо Феликсу изъ СПБ. Насмѣшки Меншикова надъ Apocalypse de S-t Jacques.—Проектъ Ростовцова для выкупа земли отъ помѣщиковъ крестьянамъ. Государствен. бюджетъ съ перевѣсомъ въ первый разъ прихода надъ расходомъ. Въ пользу равновѣсія бюджета сбавлено изъ военной смѣты шесть, изъ морск. два мил.

Апрѣля 22 (Мая 4). Депеша Виртембергск. посланника изъ Минхена съ извѣстіемъ, что старый король Людвигъ видѣлъ черную даму.

Апрѣля 24 до Мая 11. Бытность въ Стуттартѣ артил. ген.-маіора К. И. Константинова. Поѣздка съ нимъ въ Академію Сельск. Хозяйства на Hohenheim. Забавные разсказы о Парижскомъ шарлатанствѣ. Невыгодное мнѣніе о Наполеоновыхъ изобрѣтеніяхъ въ артиллеріи.

Августъ. Первыя три бесѣды барона Корфа съ Наслѣдникомъ были 12, 14 и 18 Августа 1859 г. Изъ X тетрадей барона Корфа, представленныхъ Маріи Александровнѣ при письмѣ 6 Сент. 1859, тетрадь X: учрежденіе Государственнаго Совѣта, предложенное Сперанскимъ, Высочайше утверждено 1 Янв. 1810 г. и въ тотъ же день Александръ I открылъ засѣданіе торжественною рѣчью. Первымъ предсѣдателемъ назначенъ гр. Румянцовъ, государствен. секретарь Сперанскій. Первые члены съ министрами, всего 27, были: кн. Салтыковъ, гр. Ал. Серг. Строгановъ, кн. Александръ Куракинъ, Фонъ-Дезинъ, гр. Завадовскій, гр. Кочубей, кн. Лопухинъ, Мордвиновъ, кн. Алексѣй Куракинъ, Саблуковъ, маркизъ Траверсе, Макаровъ, Гурьевъ, гр. Аракчеевъ, Поповъ, Кошелевъ, Тутолминъ, Алексѣевъ, Козодавлевъ, Балашовъ, Вейдемейеръ, кн. Ал. Голицынъ, Неплюевъ, гр. Ал. Салтыковъ, кн. Ад. Чарторижскій, Карнѣевъ, гр. Север. Потоцкій.

Имп. Николай I, сверхъ достопамятной ночи съ 13 на 14 Декабря 1825, присутствовалъ въ Госуд. Совѣтѣ 5 разъ: 15 Дек. 1825 для возвѣщенія о происшествіяхъ 14 числа, 21 Дек. 1829 по дѣлу о пониженіи процентовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, 26 Апр. 1830 для проекта новаго (не осуществившагося) закона о состояніяхъ, 19 Янв. 1833 при внесеніи Свода Законовъ. Историческое засѣданіе по рѣчи Государя о кодификаціонныхъ работахъ, 30 Марта 1842, гдѣ Е. И. В. въ подробной рѣчи изъяснилъ мысли свои по проекту закона о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами, имѣвшему послѣдствіемъ указъ 7 Апр. 1842 объ обязанныхъ крестьянахъ.

Декабря 9/21. Извѣстіе о демократическомъ собраніи въ Göerppingen. Стремленіе не отдѣляться отъ Австріи и, привлекая ее въ кругъ реформъ, исправить Франкфуртское, движеніе слишкомъ благопріятное для Пруссіи.—Въ сравненіи съ Виртембергскимъ, Баденскій конкордатъ выгоднѣе для папскаго клира, особенно по 3-мъ статьямъ: 1) университету, 2) бракамъ, 3) вліянію на благотворительныя учрежденія.

Декабря 12/24. У великой княгини Ольги Николаевны разсказъ к-ни Вяземской о Варшавскихъ воспоминаніяхъ времени Конст. Павл. Связь его съ Француженкой m-me W., на которой великій князь хотѣлъ жениться даже послѣ высочайшаго согласія на бракъ съ к-ней Ловичъ. Предсмертное свиданіе к-ни В. Θ. съ к-ней Ловичъ въ Царскомъ Селѣ. Отказъ к-ни Заіончекъ принимать m-me W.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ М. Я. ОЛЬШЕВСКАГО.

(„Русская Старина“ Ноябрь 1894).

Генералъ Ольшевскій, въ разное время, печаталъ отрывки своихъ воспоминаній о службѣ на Кавказѣ. Теперь онъ собралъ ихъ во едино и передалъ „Русской Старинѣ“, гдѣ они печатаются уже въ цѣломъ рядѣ книжекъ.

Само собою, читаю я ихъ съ большимъ вниманіемъ, какъ все относящееся до Кавказа, и особенно до самой блестящей эпохи 1840—1860 годовъ. Интересъ представляютъ эти записки конечно, значительный, но только для читателей мало или совсѣмъ незнакомыхъ съ Кавказомъ тѣхъ временъ. Объ этомъ приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что авторъ, касаясь крупныхъ эпизодовъ Кавказской войны, ограничивается такими краткими обрывками, которые едва были-бы достаточны даже для вполнѣ знакомыхъ съ предметомъ разсказа; другимъ-же читателямъ, составляющимъ однако главную массу, подобные разсказы не могутъ дать настоящаго понятія о затронутомъ предметѣ.

Не касаясь предшествовавшихъ главъ, я обращаюсь только къ послѣднимъ двумъ, напечатаннымъ въ Ноябрьской книжкѣ „Старины“,

Гл. XII: „Князь А. И. Барятинскій, Главнокомандующій и Намѣстникъ Кавказа. Гл. XIII: „Покореніе Восточн. Кавказа и плѣненіе Шамиля“. Вѣдь это семилѣтній періодъ командованія Кавказомъ кн. Барятинскаго, въ теченіе котораго совершилось одно изъ важнѣйшихъ историческихъ событій; авторъ же излагаетъ все это на 25 страничкахъ, изъ которыхъ добрая треть посвящена описанію парадовъ, костюмовъ, Военно-грузинской дороги, или характеристикѣ разныхъ лицъ, по своему значенію мало вліявшихъ на ходъ дѣлъ. Никто конечно не можетъ требовать отъ личныхъ воспоминаній подробнаго изложенія историческихъ эпизодовъ и событій, особенно такихъ, въ которыхъ авторъ не принималъ дѣятельнаго участія. Для записокъ, мемуаровъ, дневниковъ нельзя опредѣлить объема, требуемаго отъ историческаго сочиненія; но не слѣдуетъ давать въ нихъ такихъ заглавій, которыя равносильны цѣлой программѣ, вызываютъ въ читателяхъ извѣстныя ожиданія, а

въ концѣ разочарованіе. Впрочемъ, это только къ слову. Я взялся за перо, чтобы указать на нѣкоторыя неточности, происшедшія, вѣроятно, отъ запамятованія высокоуважаемаго автора, главнѣйше же, чтобы разъяснить одно обстоятельство, о которомъ будетъ сказано ниже.

Стр. 222. „Первымъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ баронъ Врангель; заступившій его мѣсто кн. Эристовъ *нынѣ* проживаетъ въ своемъ помѣстьѣ“. Это не точно: первымъ генералъ-губернаторомъ былъ кн. Александръ Ивановичъ Гагаринъ, убитый осенью 1857 г. въ своемъ кабинетѣ владѣтельнымъ княземъ Сванетіи Дадишкеліаномъ; на его мѣсто, въ началѣ 1858 года, прибылъ баронъ Врангель, и уже третьимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ кн. Эристовъ, *нынѣ* умершій.

Стр. 223. „В. А. Лимановскій, *нынѣ* генералъ-лейтенантъ“. Лимановскій давно покойникъ.

Стр. 224. Говоря о начальникахъ инженеровъ на Кавказѣ и ихъ дѣятельности, весьма ограниченной, авторъ добавляетъ: „Даже не брались съ помощью траншейныхъ работъ такіе укрѣпленные аулы, какъ Гергебиль, Чохъ, Салты“. Напротивъ: и траншейныя, и даже минныя работы производились при осадѣ именно этихъ укрѣпленій Шамиля. Въ Салты траншей-маіоромъ былъ Н. И. Евдокимовъ; тамъ велись мины, а горцами контръ-мины; осадными работами распоряжался инженеръ-полковникъ Кесслеръ, при чемъ онъ былъ раненъ и получилъ Георгіевскій крестъ. Въ 1848 г. въ Гергебилѣ велась правильная осада, работы продолжались цѣлый мѣсяцъ, были употреблены даже гальваническія проволоки и разрушенія посредствомъ фугасовъ.

На той же страницѣ, 224, въ примѣчаніи сказано: „Кн. Г. Д. Орбеліани, *въ настоящее время* членъ Государств. Совѣта и живетъ въ Тифлисѣ, а А. Ф. Крузенштернъ, оставившій Кавказъ въ 63 году, *въ настоящее время* живетъ въ Ревелѣ“. Между тѣмъ, въ настоящее время, оба эти лица давно покойники.

Стр. 228. „Н. И. Евдокимовъ, *какъ говорится (?), былъ темнаго происхожденія*; сколько извѣстно, его родитель дослужился до штабъ-офицерскаго чина изъ простаго званія“. Но, позвольте; темно только то, что̀ неясно, и если вы сами говорите, что родитель Евдокимова дослужился до штабъ-офицерскаго чина, слѣдовательно тутъ никакой темноты нѣтъ и совершенно ясно, кто былъ его отецъ. Слово „темнаго происхожденія“ крайне оскорбительно и въ данномъ случаѣ совершенно несправедливо. Отецъ Евдокимова, изъ крестьянъ Рязанской губерніи, поступилъ солдатомъ и очевидно оказался хорошимъ, исправнымъ служакою, потому что, согласно тогдашнему

закону, прослуживъ безпорочно 12 лѣтъ старшимъ фейерверкеромъ въ артиллеріи, былъ произведенъ въ оберъ-офицеры (а не въ штабъ-офицеры). Про дѣтей такого челокѣка можно сказать, что они не аристократическаго происхожденія, не изъ дворянъ, но темнаго тутъ и признаковъ нѣтъ; а въ отношеніи къ Евдокимову, напротивъ, слѣдуетъ сказать къ чести этого солдата изъ крестьянъ, что и самъ онъ, значитъ, служилъ и велъ себя, какъ долгъ повелѣваетъ, и сыновья у него, не касаясь ихъ частныхъ недостатковъ, вовсе не зависившихъ отъ происхожденія, вышли молодцы, какихъ дай Богъ побольше въ Россіи.

Стр. 229. Рана пулею въ лицо была получена Евдокимовымъ въ 1831 году, при освобожденіи крѣпости Бурной отъ осады Кази-Муллою, а въ 1842 г. въ Унцукулѣ кинжаломъ, не въ животъ, а въ лѣвый бокъ около сердца. Начальникомъ праваго фланга Евдокимовъ былъ назначенъ не въ 1854 г., а въ 1850 году, гдѣ оставался не до конца 1856 г., какъ сказано въ Запискахъ М. Я. Ольшевскаго, а до начала этого года, ибо онъ прибылъ въ Грозную и уже открылъ дѣйствія за Аргуномъ въ Февралѣ 1856 года.

Не придаю, само собою, всѣмъ этимъ неточностямъ никакого особаго значенія; но маститый авторъ Записокъ занималъ значительный постъ въ штабѣ Кавк. арміи, былъ у источника всякихъ свѣдѣній, имѣлъ возможность прочитать самыя важнѣйшія, интереснѣйшія бумаги и журналы о военныхъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно отъ него можно-бы ожидать не только точныхъ, но и самыхъ полныхъ разсказовъ о тѣхъ временахъ на Кавказѣ.

Разсказывая о ходѣ войны въ 1859 г. послѣ взятія Веденя, М. Я. Ольшевскій, въ особомъ примѣчаніи къ стр. 235, говоритъ: „Радуюсь, что слѣдующій разсказъ можетъ подтвердить мои слова и убѣдить невѣрующихъ, что покореніе Кавказа совершилось по плану кн. Барятинскаго, заблаговременно имъ составленному и зрѣло обдуманному. Этотъ разсказъ я передаю со словъ бывшаго въ 59 г. старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, Георгія Константиновича Властова. Время, къ которому относится этотъ разсказъ, 8-ое Авг. 59 г., мѣсто дѣйствія аулъ Конхидатль на Андійскомъ Койсу, куда прибылъ Чеченскій отрядъ во главѣ съ кн. Барятинскимъ, съ которымъ совершилъ этотъ походъ и самъ разскащикъ, едва не утонувшій въ Койсу во время переправы черезъ эту быструю рѣку“.

„Вечеромъ 8 Августа, по возвращеніи изъ Корату, князь Александръ Ивановичъ, узнавъ о приключеніи со мною *), началъ Геор. Конст. Влас-

*) Князю Барятинскому вовсе не зачѣмъ было узнавать объ этомъ приключеніи, такъ какъ оно совершилось на его глазахъ, утромъ того же 8 Августа. Господа инже-

товъ, послалъ за мною. Выказавъ мнѣ свою радость по случаю моего спасенія и, по обыкновенію, пошутивъ надъ моимъ умѣньемъ плавать, онъ перешелъ къ совершающимся событіямъ и, вспоминая то время, когда я служилъ подъ его начальствомъ въ Кабардинскомъ полку, сказалъ:

— Могъ-ли тогда кто нибудь изъ насъ думать, что мы достигнемъ такихъ результатовъ? И мы теперь стоимъ на Койсу, Шамиль спасается бѣгствомъ, и мы идемъ по пятамъ его. Но я знаю, что есть люди, которые все что совершается приписываютъ счастью, случаю; я хочу вамъ показать, что это не случай, а планъ, обдуманный во всѣхъ деталяхъ. Передайте мнѣ ту изъ книгъ, гдѣ на обертке 58 годъ, прибавилъ онъ, указывая въ уголъ палатки, въ которомъ лежало 5—6 книгъ въ листъ, переплетен-

---

неры выписали, кажется изъ Лондона, гуттаперчевый паромъ и, протянувъ чрезъ Койсу веревку, собирались переправить на этомъ паромѣ самого главнокомандующаго со всей свитой на правый берегъ рѣки. (Мостъ былъ ниже въ нѣсколькихъ верстахъ). Переправою распоряжался штабсъ-капитанъ Рёрбергъ, нынѣ инженеръ-генералъ, членъ Воен. Совѣта. Къ счастью, первые сѣвшіе на паромъ были не главнокомандующій съ Д. А. Милютинымъ, гр. Евдокимовымъ и другими высшими начальниками, а молодежь: графы Орловы-Давыдовы, Суворовъ и Властовъ. Не успѣлъ саперный солдатъ, державшійся за веревку, оттолкнуть паромъ отъ берега, какъ паромъ перевернулся. Первые трое упали въ воду тутъ же у берега и сейчасъ же вскочили на ноги, а Властова прикрыло паромомъ, и уже на серединѣ рѣки его вынесло быстрымъ теченіемъ и понесло какъ какой нибудь комъ. Всѣ ахнули, князь поблѣднѣлъ, инженеры ощутили безъ сомнѣнія нѣчто въ родѣ озноба.. Въ это мгновеніе, бывшій въ свитѣ молодой Кабардинскій князь Наврузовъ вскочилъ на своего коня, въ два-три прыжка очутился среди бѣшеннаго потока и, схвативъ за воротъ Властова, вынесъ его на правый берегъ, гдѣ стояли двѣ роты, раньше насъ ушедшія туда чрезъ мостъ. Между тѣмъ паромъ освободившись отъ тяжести, принялъ свое естественное положеніе, и саперъ подплылъ на немъ туда же. Инженеръ-генералъ Кесслеръ, оправдываясь, убѣждалъ главнокомандующаго, что причина приключенія заключается въ неправильномъ занятіи мѣстъ, при чемъ Властовъ очутился на краю парома, тогда какъ слѣдуетъ занимать середину. Приказано было вымокшаго до нитки, напуганнаго Властова перевезти назадъ на лѣвый берегъ, чтобы отправить его въ лагерь. И вообразите нашъ ужасъ, не успѣлъ паромъ отчалить, какъ повторилась опять таже исторія: на самой быстринѣ паромъ опрокинулся. Властова понесло еще стремительнѣе чѣмъ въ первый разъ, и тотъ же наѣздникъ тѣмъ же способомъ вытащилъ его на правый же берегъ назадъ!.. Князь Барятинскій, крайне недовольный, приказалъ прекратить неудачныя попытки переправы, двумъ ротамъ, съ бѣднымъ Властовымъ на носилкахъ, возвращаться въ лагерь, а всѣ мы съ княземъ поѣхали дальше чрезъ мостъ въ Карату и тѣмъ же путемъ вечеромъ возвратились въ лагерь, расположенный на высотахъ лѣваго берега Койсу. Къ счастью, двукратная ванна не имѣла дурныхъ послѣдствій для здоровья Властова и только окончательно излѣчила его отъ жажды военныхъ подвиговъ и желанія опять вернуться къ военной службѣ. А. З.

ныхъ въ желтую кожу. Я былъ одинъ у князя и, когда исполнилъ его желаніе, то онъ сказалъ:—„Отъищите мое письмо къ Государю Императору отъ 26 Апрѣля этого года и прочтите его. Это знакъ моего особаго къ вамъ довѣрія".

„И когда я прочелъ это замѣчательное письмо, которое есть важный историческій документъ для оцѣнки князя Барятинскаго, тогда я убѣдился вполнѣ, что кампанія противъ горцевъ была сознаваема княземъ въ мельчайшихъ деталяхъ, прежде чѣмъ началось исполненіе послѣдняго, рѣшительнаго движенія трехъ отрядовъ въ сердце горъ".

„Я свидѣтель, присовокупилъ разскащикъ, и надѣюсь, что важные документы, заключающіеся въ рукописныхъ книгахъ, всегда сопровождавшихъ кн. Барятинскаго, не будутъ потеряны для исторіи" *).

Къ этому М. Я. Ольшевскій добавляетъ: „Чувствительно благодарю Георгія Константиновича за сообщеніе и разрѣшеніе мнѣ сдѣлать извѣстнымъ этотъ его разсказъ".

Очевидно, М. Я. вполнѣ увѣренъ, что *невѣрующіе* обратятся въ увѣровавшихъ, какъ только прочтутъ приведенный разсказъ. Едва ли. Если есть еще живые не вѣрующіе, что покореніемъ Кавказа Россія обязана князю Барятинскому, то словами Г. К. Властова ихъ не убѣдить. Они скажутъ, что въ письмѣ къ Государю князь могъ развивать отмѣнный, подробнѣйшій планъ, составленный однако вовсе не имъ, а его помощникомъ Д. А. Милютинымъ, графомъ Евдокимовымъ, или еще кѣмъ нибудь другимъ; что вѣдь и всегда начальнику приписывается успѣхъ, какъ послѣдствіе разумныхъ предначертаній и отличныхъ плановъ, хотя большею частью эти предначертанія и планы составляются подчиненными.

Для убѣжденія въ томъ, что планы дѣйствій, приведшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1856—59) къ блистательнымъ результатамъ на Восточномъ Кавказѣ, принадлежали единственно кн. Барятинскому, есть достаточно всякаго рода документовъ, приведенныхъ цѣликомъ и въ выдержкахъ въ Біографіи фельдмаршала кн. Барятинскаго, особенно въ II-мъ томѣ, содержащемъ очеркъ событій 1857—59 годовъ. (Должно думать, что высокоуважаемый

*) Книги цѣлы и, раньше или позже, переписка кн. Барятинскаго съ Государемъ Александромъ Николаевичемъ будетъ напечатана. Тамъ будетъ немало интереснаго, особенно взгляды Государя на разные вопросы иностранной политики и мнѣніе о нѣкоторыхъ важныхъ особахъ. Но если мнѣ, девять лѣтъ тому назадъ, разрѣшенія печатать не было дано, то можетъ быть еще чрезъ десять и будетъ дозволено. А. З.

авторъ записокъ, печатаемыхъ въ „Русской Старинѣ", не читалъ этой Біографіи).

Наконецъ, къ крайнему сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ Г. К. Властову или измѣнила память, или онъ что нибудь смѣшалъ. Тѣ четыре, а не пять-шесть, книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, въ томъ числѣ и за 58 годъ, находились въ моемъ распоряженіи лѣтъ шесть; я ихъ не только прочиталъ десятки разъ, но списалъ со всѣхъ писемъ къ Государю копіи и сдѣлалъ имъ переводы на Русскій языкъ. Но никакого письма отъ 26 Апрѣля 58 г. отъ кн. Барятинскаго къ Государю не было, и не только отъ 58, но и отъ 57 и 59 годовъ 26 Апрѣля писемъ нѣтъ. Было письмо отъ 7 Апрѣля 59, посланное съ гр. Ферзеномъ о взятіи Веденя, при чемъ князь добавилъ: „Успѣхъ этотъ особенно славенъ, потому что съ этого дня будетъ считаться покореніе народонаселенія, обитающаго между Каспійскимъ моремъ и Военно-Грузинскою дорогою. *Рѣшаюсь говорить это съ увѣренностью*". А 4 Мая того же 59 года онъ опять писалъ Государю: „*У меня составленъ планъ для будущаго, но я не могу еще рѣшиться изложить его письменно*, потому что исполненіе его зависитъ отъ хода дѣйствій нынѣшняго лѣта. Я ни чѣмъ не могу себя связывать впередъ, но мнѣ бы хотѣлось на словахъ, собственно для свѣдѣнія Вашего Величества, передать эти мои личныя соображенія; тогда, съ картою въ рукахъ, Вы сами обсудите мой проектъ и основанія, на которыхъ я разсчитываю на его осуществленіе. Быть можетъ, настанетъ день, когда Вы будете довольны даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ словесно доложить Вамъ о предметѣ, предоставленномъ моему обсужденію. Поэтому прошу у Васъ разрѣшенія прибыть на нѣсколько дней въ Петербургъ и если Вы будете согласны, то сообщите мнѣ объ этомъ по телеграфу въ Симферополь, а оттуда съ курьеромъ къ Ставрополь".

Прошу обратить вниманіе на это письмо. Не очевидно ли, что еслибы 26 Апрѣля 58 или 59 г. князь Барятинскій развивалъ Государю подробный планъ окончанія войны съ Шамилемъ, то не могъ бы онъ, хотя бы и чрезъ годъ, еще писать, что у него составленъ планъ для будущаго, но онъ не можетъ еще рѣшиться изложить его письменно и связывать себя впередъ.

Повторяю, въ переплетенныхъ книгахъ, въ которыхъ списаны копіи со всѣхъ писемъ отъ князя и къ нему (Французскія В. Н. Всеволожскимъ, Русскія В. А. К. . . . вымъ) ни къ Государю, ни къ военному министру письма́ отъ 26 Апрѣля 58, или 57, или 59 г. не было. Можетъ быть, была еще пятая книга, съ какими нибудь особенно секретными письмами, не попавшая въ архивъ, оставленный фельдмаршаломъ брату своему кн. Виктору Ивановичу, или не переданная мнѣ въ числѣ матеріаловъ для Біографіи; но это сомнительно: ибо въ 4 книгахъ, у меня бывшихъ, есть секретнѣйшія

письма не только для того времени, но и для настоящаго пока. Да если допустить существованіе еще другихъ книгъ, то какъ же объяснить вышеприведенное письмо отъ 4 Мая 59 г.? Не мистификацію же позволилъ себѣ князь съ Императоромъ, къ которому, не взирая на близкія, дружественныя связи, относился письменно самымъ почтительнымъ, вѣрноподданическимъ образомъ?

Нѣтъ, тотъ окончательный планъ, основанный на одновременномъ движеніи трехъ отрядовъ въ долину Андійскаго Койсу, который долженъ былъ завершить покореніе Восточнаго Кавказа, выработывавшійся исподволь, по мѣрѣ успѣховъ на лѣвомъ крылѣ, былъ лишь въ Іюнѣ 59 года лично доложенъ княземъ Барятинскимъ Государю и то съ оговоркою: „если не случится что нибудь особенное непредвидѣнное"; тутъ были испрошены имъ и всѣ крупныя экстраординарныя на эту кампанію суммы, чего письменно едва ли можно было добиться, въ виду противудѣйствія военнаго министра Сухозанета и, дѣйствительно, плачевнаго состоянія тогда государственныхъ финансовъ. При этомъ же личномъ докладѣ, князь, съ цѣлью показать степень своей увѣренности въ осуществленіи его плана, испросилъ разрѣшеніе прислать плѣннаго Шамиля въ Петербургъ съ адъютантомъ своимъ Тромповскимъ, чтобы предоставить ему случай къ производству въ генералъ-маіоры. Государь со смѣхомъ согласился, и не прошло двухъ съ половиною мѣсяцевъ Тромповскій дѣйствительно явился съ Шамилемъ въ Петербургъ...

Г. К. Властова я имѣю удовольствіе знать болѣе сорока лѣтъ. Зналъ его ротнымъ и батальоннымъ командиромъ въ Кабардинскомъ полку, зналъ гражданскимъ чиновникомъ особыхъ порученій; съ ужасомъ и сердечнымъ замираніемъ видѣлъ, какъ онъ 8 Августа 59 года два раза тонулъ въ Андійскомъ Койсу; зналъ его вице-губернаторомъ и губернаторомъ въ Ставрополѣ, знаю какъ ученаго автора серьезной книги „Священная Лѣтопись"; всегда былъ и остаюсь душевно-уважающимъ его человѣкомъ. Усумниться въ правдивости его словъ я не думаю; но въ настоящемъ случаѣ не могу оставлять его разсказа (если онъ вѣрно переданъ М. Я. Ольшевскимъ) безъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ письмо отъ 26 Апрѣля важнымъ историческимъ документомъ. Не вызову ли я этими нѣсколькими строками какое нибудь разъясненіе со стороны Г. К. Властова? Не дастъ ли онъ понятіе о содержаніи этого письма, которому приписываетъ такую важность? Можетъ, нѣсколько словъ его въ „Русск. Старинѣ" или въ „Русск. Архивѣ" послужили бы указаніемъ, ошибаюсь ли я, или имѣется гдѣ нибудь еще книга съ копіями писемъ князя Барятинскаго?

Впрочемъ, долженъ сказать, что для убѣжденія въ томъ, что Кавказъ покоренъ по выработанному кн. Барятинскимъ систематическому плану дѣйствій, вовсе не требуется какого нибудь особаго документа. Такое убѣж-

деніе ясно истекаетъ изъ всей совокупности его писемъ къ Государю, военному министру и другимъ лицамъ; почти въ каждомъ изъ писемъ Государю есть строки, доказывающія это. Мнѣ казалось, что въ Біографіи фельдмаршала я уже исчерпалъ всѣ документы, могущіе имѣть значеніе въ изображеніи его служебной дѣятельности и его заслугъ въ покореніи Кавказа. Только на основаніи этихъ документовъ, не говоря о собственныхъ наблюденіяхъ, я рѣшился заявить въ Біографіи (т. II, стр. 328—329): „Безъ всякаго преувеличенія и пристрастія должно сказать, что всѣми блистательными военными успѣхами на Кавказѣ Россія вполнѣ обязана кн. Барятинскому. Какъ онъ самъ ни уменьшалъ своей заслуги, приписывая успѣхъ и нарѣзному оружію, и искусству и энергіи командовавшихъ генераловъ, особенно гр. Евдокимова, но безъ созданнаго имъ систематическаго плана покоренія Кавказа, безъ введенной имъ безпрерывности дѣйствій, безъ его настойчивости, послѣдовательности, безъ той реформы всего военнаго управленія, которую онъ создалъ и провелъ, безъ его умѣнія во-время вознаграждать и вселять въ подчиненныхъ самыя лучшія надежды, наконецъ, безъ полного довѣрія и расположенія, которыми онъ пользовался у Государя, конечный результатъ не могъ быть достигнутъ и, во всякомъ случаѣ, заставилъ бы ждать себя еще не одинъ десятокъ лѣтъ“.

Подробнѣйшее изученіе архивовъ предшествовавшаго, болѣе полувѣковаго періода войны на Кавказѣ не обнаруживаетъ даже намека на какой-либо планъ полнаго, общаго покоренія горцевъ. Были болѣе или менѣе удачныя предположенія къ частнымъ упроченіямъ нашимъ въ краѣ, или къ обезпеченію отъ вторженія непріятеля. Самая же мысль о *совершенномъ покореніи* какъ бы не входила въ соображеніе, почти исключалась изъ области возможнаго...

Въ 1856 году, съ назначеніемъ кн. Барятинскаго главнокомандующимъ было немало людей, увѣренныхъ, что дѣла пойдутъ лучше, успѣшнѣе; но чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ Шамиль очутился въ плѣну, а горцы были окончательно покорены, и вѣковая война закончена, такихъ людей положительно не было. Нѣкоторые, въ числѣ, быть можетъ, трехъ-четырехъ человѣкъ, допускали такой результатъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; всѣ остальные вообще сомнѣвались въ возможности когда либо полнаго покоренія. Одинъ только князь Барятинскій твердо вѣрилъ въ непогрѣшимость своего систематическаго плана, въ силу безпрерывности наступательныхъ дѣйствій, лишавшихъ горцевъ средствъ существованія, долженствовавшихъ сломить упорство ихъ и одолѣть всѣ препятствія.

Нуженъ былъ особенный талантъ, чтобы уяснить себѣ всѣ мѣстныя условія и сгруппировать ихъ въ своемъ умѣ, чтобы не упускать ихъ изъ вида, постоянно съ ними соображаться; нужна была сильная воля, чрезвычайная энергія, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго колебанія,

слѣдовать выработанной системѣ, не ослабѣвая ни на одинъ часъ въ сознаніи, что это поведетъ къ успѣху. Имѣя дѣло съ противникомъ, сила котораго заключалась не въ арміи, а въ цѣломъ населеніи, воинственномъ, поголовно вооруженномъ, на сторонѣ котораго была сама природа, нужно было заставить его быть безъ отдыха подъ ружьемъ, въ готовности къ бою, слѣдовательно лишеннымъ возможности найти время для хозяйственныхъ работъ, дающихъ средства жить. Такая система составляла исключительную принадлежность князя Барятинскаго.

Не счастливая звѣзда князя Барятинскаго, не слѣпая, благосклонная ему судьба, не одно утомленіе истощеннаго непріятеля, не однѣ лишь большія данныя ему средства, какъ силились утверждать многіе, были причиною успѣха. Нуженъ былъ планъ, плодотворная мысль, можно сказать вдохновеніе, энергія, настойчивость, дѣйствія безъ колебаній, безъ растерянности, и все это было принадлежностью князя, его заслугою.

Не знаю, что же еще болѣе убѣдительное можно сказать для уясненія возбуждающаго сомнѣнія обстоятельства: кто былъ дѣйствительнымъ виновникомъ великаго успѣха на Кавказѣ? Какой еще неизвѣстный документъ можетъ усилить это убѣжденіе, если, прочитавъ Біографію, основанную сплошь на несомнѣнныхъ документахъ, невѣрующіе не захотятъ убѣдиться?

А. Зиссерманъ.

Лутовиново. Ноябрь 1894.

ПОВСТАНЬЕ ВЪ ГРОДНѢ ВЪ 1863—1864 годахъ.

Изъ воспоминаній врача.

9-го Декабря 1862 года состоялся приказъ о назначеніи меня на службу въ Гродненскій военный госпиталь ординаторомъ. Такимъ назначеніемъ, совпадавшимъ съ моими желаніями, я былъ обязанъ распоряженію удалить, по случаю мятежа, изъ Западнаго края Поляковъ, служившихъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, и замѣнить ихъ Русскими. Въ Гродненскомъ госпиталѣ служили младшими ординаторами два Поляка, и на ихъ-то мѣсто былъ назначенъ я съ другимъ, вмѣстѣ со мною окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, врачемъ Казанскимъ.

О томъ, что назначеніемъ на службу въ госпиталь я обязанъ былъ, такъ сказать, политическимъ соображеніямъ, мнѣ стало извѣстно только по пріѣздѣ на мѣсто. Предшественники мои не были скомпрометированы чѣмъ либо въ политическомъ отношеніи. Одинъ изъ нихъ, выслужившій уже пенсію, не захотѣлъ принять новаго мѣста въ Россіи и вышелъ въ отставку, оставшись жить въ Гроднѣ. Другой принялъ мѣсто внутри имперіи. Между тѣмъ всѣ присутственныя мѣста въ городѣ были полны Поляками или ополяченными чиновниками; въ самомъ мѣстномъ войскѣ было немало такихъ же офицеровъ. Трудно понять, чѣмъ опаснѣе ихъ оказались какіе-то младшіе ординаторы. Вѣроятно, имѣлась цѣль очистить административную среду въ краѣ отъ Поляковъ; но на первыхъ порахъ исполнить это оказалось возможнымъ только въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, гдѣ перемѣщеніе врачей съ мѣста на мѣсто производилось также просто, какъ шашекъ по клѣткамъ.

Собираясь въ мятежный край, я не помню, чтобы задавался мыслью о томъ, что̀ меня тамъ ожидаетъ. О какой-либо личной опасности не было и помышленія; точно также я не мечталъ ни о какихъ патріотическихъ подвигахъ. Дѣло въ томъ, что самый мятежъ мнѣ казался выдумкой, чьимъ-то пустымъ страхомъ, просто невозможностію. Правда, я слышалъ, что были зарѣзаны въ Польшѣ врасплохъ Русскіе сол-

даты и офицеры; но я видѣлъ въ этомъ скорѣе оплошность, даже вину, самаго Русскаго войска и администраціи, допустившихъ такое насиліе. Это могло случиться по тѣмъ или другимъ причинамъ, но чтобы и послѣ этого войска не могли справиться съ безоружными, какъ мнѣ думалось, Поляками, — это мнѣ казалось невозможнымъ. Я вѣрилъ еще ранѣе слышаннымъ жалобамъ, будто послѣ тридцатаго года въ цѣлой Польшѣ трудно было отыскать ружье, чтобы застрѣлить волка, и что поэтому звѣри эти будто бы наводнили край. Какой же при такихъ условіяхъ возможенъ серьезный, не нелѣпый мятежъ, который могъ бы держаться многіе мѣсяцы противъ многочисленной арміи? Съ другой стороны казалось, что для бунта не было, кромѣ средствъ, и причины. Освобожденіе крестьянъ уже совершилось; слѣдовательно, между послѣдними враговъ правительства быть не могло, а безъ участія крестьянства какъ могла забунтовать шляхта?

За Динабургомъ, однако, на станціяхъ стали появляться вооруженные солдаты, выстраивавшіеся на платформахъ, для встрѣчи поѣзда: это была охрана отъ бродившихъ уже шаекъ, какъ мнѣ сообщали. Но въ Гроднѣ Русскую, немногочисленную, служебную колонію я нашелъ совершенно равнодушною къ мятежу. «У насъ, молъ, благополучно. Правда, поютъ что-то въ костелахъ; панны и паненки понапялили жалобу (трауръ), ну и пусть ихъ тѣшатся; это до насъ не касается. Въ Варшавѣ есть что-то дѣйствительно похожее на повстанье, но это опять-таки до насъ не касается». Такой взглядъ на дѣло моихъ сослуживцевъ только утвердилъ меня во мнѣніи, что весь этотъ бунтъ просто какое-то недоразумѣніе, какая-то нелѣпая исторія, въ которой ничего ни понять, ни разобрать невозможно. Русскіе въ городѣ нисколько не боялись повстанья, но въ тоже время и не возмущались безчинствами Поляковъ, которыя продѣлывались безнаказанно. Безчинства эти встрѣчались на каждомъ шагу и направлялись противъ Русскихъ.

Любимымъ мѣстомъ прогулокъ для городскаго панства былъ огороженный перилами довольно большой четвероугольникъ на площади противъ фары (главнаго костела), называемый Русскими почему-то телятникомъ. Прежде, какъ говорили, мѣсто это было обсажено великолѣпными пирамидальными тополями; но они, во время губернаторства Шпейера (былъ раньше инспекторомъ студентовъ въ Московскомъ университетѣ), были по его распоряженію срублены изъ-за какихъ-то стратегическихъ или иныхъ соображеній. Съ этого времени огороженное голое мѣсто и получило названіе телятника. Здѣсь-то, въ первые дни пребыванія въ Гроднѣ, мнѣ и пришлось познакомиться съ мальчишескою враждебностью Поляковъ къ Русскимъ, которые телят-

ника избѣгали и не безъ причины. Если на телятникѣ ходилъ одинъ Русскій въ военной формѣ, то Поляки вышучивали и выгоняли его такимъ образомъ. Трое или четверо, взявшись за руки, шли на него прямо, не давая дороги. Русскій, конечно, сторонился; но шутники дѣлали поворотъ къ нему на встрѣчу, такъ что куда бы онъ ни вертѣлся, все встрѣчалъ стѣну изъ дураковъ, пока выругавшись не уходилъ съ телятника, сопровождаемый бранью и смѣхомъ. Тоже вскорѣ случилось и со мною. Трое какихъ-то плюгавенькихъ молодыхъ людей, вѣроятно чиновники, заставили меня свернуть съ дороги. Это ихъ поощрило. Встрѣтившись снова со мною, они начали было продѣлывать описанную штуку. Тогда я уже не посторонился, а перешелъ самъ въ наступленіе, застегнулъ пальто и засучилъ рукава. «Господа, говорю, оставьте вашу глупую продѣлку; не то, хотя васъ и трое, а я одинъ, но, слово гонору, я больно поколочу васъ». Этого было достаточно, чтобы они меня оставили въ покоѣ, и больше ничего подобнаго со мною не случалось ни на телятникѣ, ни на улицахъ. Но быть оплеваннымъ приходилось ежедневно, такъ что я совершенно привыкъ къ такой любезности со стороны Польскихъ барынь. Особенно мнѣ досталось однажды, когда я изъ любопытства зашелъ въ фару, гдѣ *спѣвали*. Встрѣчаясь съ Русскимъ въ военной формѣ, Польки не упускали болѣе или менѣе громко сказать по его адресу: «пся кревь», и плюнуть въ сторону проклятаго Москаля, а если проходили близко, то и на его платье. Это доставляло моему деньщику лишнюю работу—обтирать мокрою тряпкою мой плащъ всякій разъ, когда я возвращался домой. Тоже было и съ другими Русскими, и всѣ несли свое оплеваніе безропотно во славу отечества. Вѣроятно, въ нашемъ смиреніи было сознаніе своей силы, впрочемъ, можетъ быть и вины, но уже никакъ не слабости.

Не меньшимъ ребячествомъ было упорное нежеланіе Поляковъ говорить по-русски съ Русскими, особенно когда на Русскій вопросъ отвѣчалъ «неразумѣмъ» чиновникъ, сидѣвшій за перепискою бумаги на Русскомъ языкѣ. Въ цукерняхъ, напримѣръ, можно было просидѣть цѣлый день и не допроситься по-русски чашки кофе, пока не скажешь: «филижанка кавы прошу, пана», и тогда филижанка являлась немедленно. Это заставило меня научиться нѣсколькимъ необходимымъ Польскимъ фразамъ, но это же помѣшало научиться Польскому языку, что̀ при другихъ условіяхъ я сдѣлалъ бы непремѣнно изъ-за простой любознательности. Но когда люди, гнушаясь моимъ языкомъ, требуютъ, чтобы я говорилъ на ихъ языкѣ, это было уже насиліемъ, противъ котораго нельзя было не реагировать такъ или иначе. Уступка Полякамъ нѣсколькими фразами не казалась мнѣ малодуші-

емъ; напротивъ, ссора изъ-за такихъ пустяковъ, какъ «филижанка кавы», или отказъ себѣ въ чашкѣ кофе изъ-за упрямства произнести два слова по-польски были бы патріотическимъ фанфаронствомъ. Вина за такое положеніе дѣла падала всецѣло на представителей Русской власти въ городѣ, а изъ-за ихъ глупостей или неспособности я не находилъ нужнымъ лишать себя даже чашки кофе. Но когда Поляки имѣли нужду во мнѣ, я имъ спокойно и рѣшительно говорилъ: «прошу объясняться по-русски; по-польски я не понимаю», и собесѣдникъ обыкновенно уступалъ. Нѣкоторые однако пробовали торговаться, допытываясь, дѣйствительно ли я не знаю Польскаго языка и въ концѣ-концовъ заговаривали по-русски. Такимъ образомъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что за Польскій мятежъ несетъ отвѣтственность Русская администрація; онъ казался мнѣ шалостью ребятишекъ у добродушнаго учителя.

Спустя нѣсколько недѣль по пріѣздѣ моемъ въ Гродну, я былъ разбуженъ ночью военною тревогою: деньщикъ сообщилъ мнѣ, что въ городѣ повстанцы, чему я отказался вѣрить. Дѣйствительно, вышла такая глупость. Начальникъ Гродненской желѣзно-дорожной станціи собирался въ эту ночь вывезти изъ Гродны по направленію къ Вильнѣ партію повстанцевъ, навербованныхъ для формировавшейся банды. Поѣздъ былъ составленъ и нагруженъ людьми; начальникъ станціи былъ на тендерѣ съ машинистомъ; поданъ былъ сигналъ, и локомотивъ тронулся. Но въ эту минуту машинистъ соскочилъ съ тендера и скрылся. Начальникъ станціи догадался, что дѣло плохо и прибавилъ ходу. Между тѣмъ вагоны съ повстанцами оказались разобщенными отъ тендера, и тѣ, видя, что локомотивъ ушелъ, а они остаются на мѣстѣ, всполошились, подняли крикъ и стрѣльбу и тѣмъ выдали себя. Ихъ стали ловить, а они разбѣгаться. Ночью произведены были обыски у подозрительныхъ лицъ, при чемъ, по обыкновенію, пришлось поплатиться перепугомъ и тѣмъ, кто не былъ виноватъ ни сномъ, ни духомъ. Локомотивъ найденъ былъ стоящимъ на рельсахъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, а начальникъ станціи, на немъ пріѣхавшій, исчезъ.

Возможность такого случая уже подъ носомъ, такъ сказать, у губернатора (станція находится почти рядомъ съ губернаторскимъ домомъ) говоритъ сама за себя, и неудивительно, что послѣ этого глупыя выходки Поляковъ противъ Русскихъ, въ особенности военныхъ, стали повторяться чаще и назойливѣе. Дошло до того, что въ городѣ, на базарахъ и на улицахъ, стали поколачивать одиночныхъ солдатъ, всячески придираться къ нимъ. Пошли циркулировать по городу самые нелѣпые слухи. Однажды, напримѣръ, я замѣтилъ осо-

бое оживленіе и ликованіе въ городѣ; да и было чему радоваться: оказалось ни много, ни мало, какъ то, что Петербургъ взятъ Французами съ моря. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, стали появляться поправки къ этому извѣстію, что еще не взяли, а скоро возмутъ, и каждый день сообщался точный наступательный маршрутъ Французскаго флота. Все это я узнавалъ отъ своихъ паціентовъ - Поляковъ и Евреевъ, приходившихъ ко мнѣ на квартиру. Новости сообщались мнѣ безъ всякаго повода или вопроса съ моей стороны, а какъ бы изъ признательности ко мнѣ, какъ врачу; слушать ихъ было и смѣшно и больно. Помню, однажды паціентка-Полька, изъ самыхъ заядлыхъ, неизвѣстно почему промѣнявшая своего родича-врача на меня, явилась на пріемъ въ радостномъ настроеніи и торжественно объявила, что скоро, очень скоро здѣсь, т. е. въ Гроднѣ, будетъ Польша, и всѣхъ Москалей перерѣжутъ.—Съ чѣмъ я васъ, сударыня, и поздравляю, отвѣчаю я спокойно.—Но, продолжаетъ она, пусть панъ-докторъ не безпокоится, ему худаго не сдѣлаютъ, за то что онъ пенкный (хорошій). — И за это спасибо. Только мнѣ кажется, что вамъ не стóитъ щадить и меня. Въ вашей Польшѣ я съ вами не останусь.—Зачѣмъ такъ?—А такъ; нечего мнѣ у васъ дѣлать.—Полька обидѣлась.

Такая дѣтская наивность мирила съ Поляками и возбуждала къ нимъ жалость пропорціональную негодованію на Русскую администрацію въ краѣ. Чтобы Польша, не говорю уже о Литвѣ, могла быть отдѣлена отъ Россіи, это казалось также невѣроятно и невозможно, какъ землѣ вертѣться въ противуположномъ направленіи: нельзя остановить ходъ исторіи и сдвинуть его въ другую сторону. Въ то время, о которомъ я пишу, въ модѣ были такъ называемыя *сепаратныя* глупости. Я встрѣчался съ студентами-Малороссами, которые мечтали объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи; студенты-Армяне и вообще Кавказцы мечтали о томъ же для Кавказа, Сибиряки — для Сибири. Когда мнѣ случалось слушать такія мечтанія, я отвѣчалъ на нихъ поговоркою, въ печати неудобною. Съ Поляками - студентами я не сходился въ университетѣ, можетъ быть потому, что они держали себя особнякомъ. Помню, однако, неоднократно повторявшуюся со мною со стороны товарищей-Поляковъ странную манеру—подавать руку. Подавалась не кисть руки въ разогнутомъ положеніи, какъ обыкновенно, а какимъ-то особымъ манеромъ согнутые пальцы. Мнѣ потомъ объясняли, не знаю, справедливо ли, что способъ подаванія руки между Поляками служилъ какимъ-то условнымъ знакомъ. Вспомнилось мнѣ впослѣдствіи и то, не обратившее моего вниманія, обстоятельство, что, толкаясь по Воскресеньямъ у Сухаревки, я встрѣчалъ много товарищей-Поляковъ, покупавшихъ тамъ старое оружіе. У двухъ, жив-

шихъ рядомъ со мною въ одномъ домѣ студентовъ, я случайно чрезъ отворенную дверь видѣлъ цѣлый кулекъ старыхъ пистолетовъ и кинжаловъ. Вѣроятно, Сухаревскіе торговцы бойко торговали въ то время всякимъ военнымъ старьемъ. Эти же два сосѣда-товарищи (не знаю ихъ фамиліи и не помню какого факультета) цѣлые вечера занимались статистикой Западнаго края, что̀ мнѣ хорошо было слышно чрезъ тонкую перегородку, раздѣлявшую наши комнаты. Значитъ, за годъ или болѣе до мятежа шли приготовленія къ нему; но никому, мнѣ по крайней мѣрѣ, не приходило и мысли объ этомъ тѣмъ болѣе, что Польскія сепаратныя мечтанія получили, такъ сказать, права давности, между прочимъ, и на вниманіе къ нимъ правительства.

Между тѣмъ, какъ я увидѣлъ въ Гроднѣ, эти мечтанія начинали, по винѣ нашей, уже прямо вредить и Полякамъ, и Литовцамъ, и потому слѣдовало, какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе, разсѣять эти мечтанія. Всякія энергическія и суровыя мѣры были бы въ сущности благодѣяніемъ для бунтовщиковъ. Все это скорѣе чувствовалось, чѣмъ сознавалось, но чувствовалось также сознательно, какъ то, напримѣръ, что солнце свѣтитъ, и что̀ доказывать или объяснять было бы нелѣпостью. Чувство патріотизма—инстинктивное, можетъ быть, врожденное чувство у человѣка; поэтому-то ему находится мѣсто и у того, кому отечество—суровая мачиха. По этой же причинѣ онъ эгоистиченъ: безъ эгоизма патріотизмъ былъ бы безсмысленнымъ словомъ. Отсюда выводъ тотъ, что если Польша должна входить въ составъ Россіи, то послѣдняя обязана согласовать Польскіе интересы съ своими, т. е. подавить возникшій мятежъ возможно скорѣе. Между тѣмъ все, что̀ дѣлалось на моихъ глазахъ, имѣло видъ, какъ будто Россія, сознающая свою силу, играетъ съ Польскимъ мятежомъ, какъ кошка съ мышью. Съ другой стороны трусость въ какомъ либо видѣ предъ Поляками была бы позоромъ для Русскихъ, которой я не допускалъ. Отсюда понятно возникавшее недоразумѣніе, что̀ все это значитъ?

Отъ одного изъ Московскихъ знакомыхъ у меня было къ его роднымъ въ Гроднѣ письмо, о которомъ за многочисленными хлопотами въ первое время я совсѣмъ было позабылъ. Вспомнивъ объ этомъ письмѣ, я поспѣшилъ лично передать его не безъ интереса поближе познакомиться съ положеніемъ дѣла, потому что семья, которой оно было адресовано, принадлежала къ кореннымъ жителямъ города и при томъ католикамъ. Дотолѣ ни въ одномъ Польскомъ домѣ я не бывалъ, но заведенное при посредствѣ этого письма знакомство продолжаться не могло. Семья была на сторонѣ Поляковъ и держалась ихъ тактики относительно Русскихъ, а тактика эта, какъ извѣстно, крайне фальшива. Ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, Русское правитель-

ство въ присутствіи Русскаго и при этомъ окружать его самого всяческимъ вниманіемъ и любезностями,— это значило, по моимъ понятіямъ, третировать человѣка, какъ идіота, чего я переносить не могъ. Мои доказательства нелѣпости повстанья падали, что́ и понятно, какъ горохъ на стѣну. Извлечь изъ меня какую либо пользу для *Польской справы*, конечно, моимъ новымъ знакомымъ, если бы они и имѣли такое намѣреніе, не удалось бы, и мы скоро разстались, какъ будто и знакомы не были.

Въ это время, т. е. въ первый же мѣсяцъ моей жизни въ Гроднѣ, со мною былъ случай, гдѣ мое пренебреженіе къ повстанью могло привести меня къ большой непріятности, а, можетъ быть, и болѣе чѣмъ къ простой непріятности. Однажды, въ Мартѣ 1863 года, когда я только что возвратился изъ госпиталя, ко мнѣ въ квартиру пришелъ шляхтичъ и, кланяясь въ ноги, умолялъ съѣздить къ нему за городъ, въ мѣстечко, къ его больной женѣ. На мой вопросъ, почему онъ обращается ко мнѣ, Русскому врачу, а не къ своимъ, онъ отвѣчалъ, что изъ врачей-Поляковъ никто не ѣдетъ, такъ какъ на заставѣ Поляковъ не пропускаютъ.—«Но вѣдь васъ же пропустили, спрашиваю я, почему же ихъ не пропустили бы также?» Шляхтичъ не зналъ, почему всѣ врачи, къ которымъ онъ обращался, на отрѣзъ отказались, и продолжалъ такъ усердно просить меня, что я согласился. Вѣря ему на слово, что ѣхать недалеко, и что я успѣю вернуться къ обѣду, я немедленно отправился въ путь. Чрезъ заставу я проѣхалъ безпрепятственно, сказавъ часовому (у заставы дѣйствительно былъ караулъ при офицерѣ), что ѣду къ больному въ такое-то мѣстечко. Въ это время стояли морозы, и голая отъ снѣгу земля на дорогѣ обратилась въ то, что́ называется у насъ *колчижьями*. Безрессорная нетычанка трясла немилосердно, такъ что послѣ первыхъ пяти верстъ изъ меня, кажется, вытрясло всю душу, и я удивляюсь, какъ доѣхалъ живымъ до мѣстечка, до котораго оказалось болѣе двадцати верстъ. Къ тому же, не имѣя во рту ничего съ утра, кромѣ стакана чая, я подъ конецъ проголодался до изнеможенія.

Пробывъ около больной сколько было нужно, я собрался въ обратный путь. Шляхтичъ предложилъ было мнѣ молока, извиняясь, что за болѣзнію хозяйки въ домѣ ничего не готовилось. Но какая же ѣда—молоко и при томъ холодное въ моемъ состояніи, и я отказался; у меня, при томъ, еще ранѣе созрѣлъ планъ на счетъ обѣда. По дорогѣ въ мѣстечко, верстахъ въ пяти отъ него, я проѣзжалъ мимо помѣщичьей усадьбы и спросилъ, чья она, и живетъ ли въ ней хозяинъ? Оказалось, что имѣніе принадлежитъ графу Валицкому, и онъ самъ дома. Графъ въ дѣйствительности не былъ графомъ, а

только величался этимъ титуломъ. Къ этому-то графу я и велѣлъ ямщику свернуть, когда ѣхалъ обратно отъ больной. Отрекомендовавшись хозяину, я обратился къ его гостепріимству и великодушію спасти меня отъ голодной смерти. Хозяинъ только что отобѣдалъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ любезно предложенъ былъ обѣдъ и я съ подкрѣпленными силами и съ благодарностью за гостепріимство, отправился домой. На заставѣ, сверхъ всякаго ожиданія, явились препятствія къ пропуску меня въ городъ. Это меня и взбѣсило, и разсмѣшило. «Что же это такое? обратился я къ офицеру, изъ города выпускаете свободно, а въ городъ—нѣтъ. Положимъ, что я ѣду не изъ банды, но по такому вашему распоряженію выходитъ, что въ банды изъ города утекать можно, но въ городъ и раскаявшемуся мятежнику возвращаться нельзя». Желавшему, вѣроятно, поломаться предо мною, какъ передъ врачемъ, офицеру пришлось уступить мнѣ и извиниться.

Спустя около двухъ недѣль послѣ описаннаго случая, стало извѣстнымъ, что въ Езёрахъ, гдѣ я обѣдалъ, формировалась банда, которая накрыта и разсѣяна, а Валицкій арестованъ. Знавшіе о моей поѣздкѣ туда упрекали меня въ неосторожности, съ какою я поѣхалъ неизвѣстно съ кѣмъ и неизвѣстно куда. По ихъ мнѣнію, я могъ быть захваченъ и удержанъ въ бандѣ въ качествѣ врача. Банда могла быть разбита, а я попасть въ плѣнъ уже къ Русскимъ, а тамъ жди, что́ будетъ. Все это могло случиться, но тогда зачѣмъ же законъ запрягаетъ врача въ человѣколюбіе и запрещаетъ ему различать въ больномъ врага и друга?

Съ паномъ Валицкимъ мнѣ довелось еще разъ встрѣтиться, но при такихъ условіяхъ, что мнѣ уже пришлось разыгрывать по отношенію къ нему роль Амфитріона. Чрезъ нѣсколько времени въ госпитальномъ арестантскомъ отдѣленіи, которымъ я завѣдывалъ, а нашелъ при утренней визитаціи одного, привезеннаго ночью изъ острога больнаго, лицо котораго показалось мнѣ знакомымъ. Человѣкъ этотъ всталъ предо мною, какъ только я къ нему подошелъ. «Лицо ваше мнѣ знакомо, сказалъ я, но не могу припомнить, гдѣ я съ вами встрѣчался?»—Валицкій, я имѣлъ честь принимать васъ у себя въ Езёрахъ, пане полковнику. (Мои капитанскіе погоны давали мнѣ, по кодексу Польской вѣжливости, право на такой титулъ, по правдѣ сказать, нисколько меня не льстившій). — «Вы, графъ Валицкій? удивился я. Вотъ судьба! Очень сожалѣю, графъ, что намъ пришлось встрѣтиться при такихъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, какъ врачъ, я весь къ вашимъ услугамъ».

Послѣ описанной выше ночной тревоги изъ-за повстанцевъ, была еще и другая, денная. Евреи или кто другой принесли извѣстіе,

что на Гродну идетъ банда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Это случилось тогда, когда въ городѣ оставалась рота-другая солдатъ, да двѣ-три пушки, все остальное гонялось по лѣсамъ за повстанцами. Когда я вышелъ на улицу, городъ представился мнѣ въ неописуемой тревогѣ: Евреи суетились, кричали, спѣшили запирать лавченки; Еврейки голосили, скликали и тащили ребятишекъ. По мостовой громыхали пушки, гарнизонные солдаты отбивали ногами тактъ, офицеры пороли горячку. Я отправился вслѣдъ за этою единственною нашею защитою отъ многотысячной банды за заставу, куда ожидался непріятель, и присутствовалъ при постановкѣ орудій на холмѣ, съ котораго невооруженнымъ глазомъ видно было на десять верстъ кругомъ. Было бы и для Поляковъ даже большою глупостію идти на городъ по этой дорогѣ днемъ, хотя бы они и знали о нашемъ скудномъ гарнизонѣ. Съ другой стороны, было бы и съ нашей стороны немалою глупостью, если бы подъ носомъ у множества Русскихъ отрядовъ, безъ отдыха сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ губерніи, образовалась вдругъ, неизвѣстно откуда взявшаяся, многотысячная банда. Вѣроятно, начальникъ выведеннаго для встрѣчи непріятеля войска сообразилъ это, или, можетъ быть, получилъ со стороны успокоительныя извѣстія; только очень скоро гарнизонъ снялся съ своей боевой позиціи, и городъ успокоился. Эта тревога случилась не задолго до назначенія Муравьева генералъ-губернаторомъ и была послѣднею съ военнымъ запахомъ.

При его предшественникѣ Назимовѣ, шайки преслѣдовались весьма усердно, солдаты изнурялись, больныхъ между ними было много, но пользы отъ этого не видѣлось. Задоръ Поляковъ росъ, трофеевъ побѣдъ нашихъ было мало, острогъ въ Гроднѣ былъ просторенъ для повстанцевъ; за то госпиталь былъ переполненъ солдатами, не только больными, но и изнуренными, для которыхъ спеціально открыта была при немъ слабосильная команда человѣкъ на полтораста. Только при Муравьевѣ я имѣлъ случай увидѣть, что за воины эти повстанцы, особенно, такъ называемые, косиньеры съ ихъ вооруженіемъ. Въ плѣнъ стали попадать повстанцы цѣлыми бандами. Надъ ихъ оружіемъ, напоминавшимъ товаръ изъ лавки старьевщика, смѣялись не только офицеры, но и солдаты. Между косиньерами, вербовавшимися изъ крестьянъ, было много почти дѣтей по виду, при томъ изнуренныхъ и перепуганныхъ; у многихъ видны были слезы на глазахъ. Я не знаю, что́ съ ними потомъ было, какую они понесли кару за свое вынужденное для многихъ участіе въ мятежѣ. Мнѣ казалось, что этихъ жалкихъ мятежниковъ по неволѣ или по глупости слѣдовало бы только накормить и затѣмъ отпустить съ миромъ по домамъ.

Съ прибытіемъ Муравьева быстро измѣнилось положеніе мятежническаго барометра въ Гроднѣ. Спѣваніе въ костелахъ прекратилось моментально, разныя эмблемы Польскаго угнетенія въ видѣ брошекъ и булавокъ (сломанный крестъ) и Польскихъ надеждъ въ видѣ запонокъ въ формѣ одноглаваго орла и цвѣточныхъ кокардокъ исчезли. Муравьевъ избавилъ и Полекъ отъ непріятности таскать хвосты траурныхъ платьевъ по Гродненской грязи. Трауръ предоставлялось носить по отчизнѣ, но уплачивая за каждое появленіе въ немъ на улицѣ большой штрафъ, и трауръ былъ снятъ, какъ будто бы истекъ положенный срокъ памяти по Русской глупости. Впрочемъ дамскія упрямство и хитрость еще пробовали бороться съ первымъ умнымъ Русскимъ человѣкомъ, появившемся въ краѣ. Избѣгая тяжелаго штрафа, Польки тѣшили себя тѣмъ, что, выходя на улицу, подвертывали около пояса свои траурныя юбки и являлись въ цвѣтныхъ, а входя въ домъ къ своимъ, распускали черные хвосты. Тоже дѣлали и мои паціентки, приводя себя въ траурный видъ въ передней, что́ очень потѣшало моего деньщика изъ Малороссовъ. Я, конечно, ничѣмъ не нарушалъ и не смущалъ такого выраженія печали предо мною, какъ однимъ изъ виновниковъ ея—Москалемъ. Но, думалось мнѣ, какими мелочами, пустяками и глупостями обставляются у людей серьезныя дѣла! Поляки быстро научились и Русскому языку; прежнее «неразумѣмъ» уже не было слышно въ отвѣтъ на вопросъ, сдѣланный по-русски, хотя еще кое-кто утѣшалъ себя, пробуя коверкать Русскую рѣчь явно съ умысломъ, нарочно.

Но главное и самое важное было въ томъ, что сразу у всѣхъ явилось полное сознаніе невозможности бороться съ волею Муравьева и того, что приказанное имъ не отмѣнится и, во что бы то ни стало, будетъ исполнено. Иллюстраціей къ такому сознанію былъ слѣдующій забавный случай. Кто-то въ шутку или съ какою-либо каверзною цѣлью распустилъ въ Гроднѣ слухъ, что Муравьевъ запретилъ носить женщинамъ кринолины, бывшіе тогда во всеобщемъ употребленіи, и что поэтому у одной Польки въ костелѣ жандармъ будто бы сорвалъ кринолинъ. Нечего и говорить, что все это было выдумкой; но она облетѣла моментально весь городъ и вызвала ревность, достойную лучшаго дѣла, къ исполненію мнимаго приказанія суроваго генералъ-губернатора. По дорогѣ въ госпиталь я былъ свидѣтелемъ, какъ Польки и Еврейки на улицѣ снимали съ себя кринолины. Первыя завязывали ихъ въ платки и прятали подъ верхнимъ платьемъ, а вторыя въ доказательство своего повиновенія вѣшали запрещенную часть своего туалета на двери лавочекъ. Чрезъ нѣсколько часовъ ложная тревога улеглась, и я, возвращаясь изъ госпиталя, видѣлъ уже тѣхъ

же Евреекъ откровенно и торжественно облачавшихся въ свои доспѣхи изъ обручей, на подобіе рыболовныхъ вершей.

За то и проклятія же сыпались на Муравьева. Я не встрѣчалъ и не могу себѣ вообразить людей, не сумасшедшихъ, которые такъ разъярялись бы отъ чего бы то ни было, какъ Польки въ то время при одномъ имени Муравьева. Ругать его и ненавидѣть, конечно, онѣ съ своей точки зрѣнія имѣли право; но и съ нашей, Русской точки зрѣнія онъ не нуждался ни въ защитѣ, ни въ оправданіи, и потому всякій споръ о Муравьевѣ съ Поляками былъ бы нелѣпостію. Съ моей же личной точки зрѣнія онъ заслуживалъ еще при жизни памятника на счетъ самихъ Поляковъ за то добро, которое онъ имъ сдѣлалъ, энергически и быстро прекративши мятежъ. Это я высказывалъ при случаѣ Полякамъ и Полькамъ и, конечно, пока мятежъ еще дышалъ, мои слова встрѣчались съ негодованіемъ; но потомъ, когда наступило мятежное похмѣлье, находились и между Поляками люди, соглашавшіеся со мною.

Но какъ ненависть Поляковъ къ Муравьеву служила только къ чести для Русскихъ, такъ ненависть ихъ же къ Каткову должна быть намъ непріятна, должна была шокировать насъ. Вся заслуга Каткова по Польскому мятежу состояла только въ томъ, что онъ искренно, по чувству Русскаго человѣка, поднесъ уже готовый фитиль къ ждавшему только искры патріотизму милліоновъ людей, историческимъ инстинктомъ опредѣлившихъ свое отношеніе къ Польскому возстанію. Кто бы и какъ бы ни поднесъ такой фитиль, все равно взрывъ долженъ былъ произойти непремѣнно; но въ фитилѣ этомъ нуждался Русскій народъ. Вызванная Катковымъ народная сила уже сама несла его; между тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Катковъ вообразилъ, что онъ самъ несетъ на плечахъ свой Русскій народъ. Поэтому, когда впослѣдствіи, вызванная при случайномъ его содѣйствіи народная сила, сдѣлавши свое дѣло, успокоилась и приняла нормальное движеніе, онъ не понялъ своего значенія и вообразилъ, что сила эта должна направляться по мысли и волѣ человѣка, имѣющаго случайную, какъ редакторъ-издатель газеты, возможность и смѣлость высказывать и проявлять...

Первый случайно попавшій въ мои руки номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» сдѣлалъ то, что я немедленно выписалъ себѣ эту газету, продавши безполезно валявшійся въ чемоданѣ револьверъ. Покупщикомъ его былъ офицеръ изъ Поляковъ, сбѣжавшій потомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ банду. Фамиліи этого офицера не помню. Газета эта была мнѣ необходима, какъ живая связь съ отечествомъ, съ которымъ, хотя находясь и въ его предѣлахъ, я чувствовалъ себя

разобщеннымъ. Однако полученіе «Московскихъ Вѣдомостей» въ Гроднѣ стоило мнѣ немалыхъ хлопотъ. Польскій персоналъ Гродненской почтовой конторы потому ли, что самъ прежде желалъ прочесть газету, по примѣру Гоголевскаго почтмейстера, или хотѣлъ отвадить меня отъ полученія ненавистной ему газеты, только всѣми средствами затруднялъ мнѣ ея полученіе. Посылаемый по два по три раза за нею деньщикъ (контора почему-то не доставляла мнѣ газеты на квартиру), часто возвращался съ пустыми руками и съ отказомъ подъ нелѣпыми или явно ложными предлогами. Такъ, напримѣръ, говорилось деньщику, что Московской почты еще нѣтъ, а между тѣмъ я въ тотъ же день уже получилъ письма изъ Москвы. Такая тактика заставляла меня лично ходить въ почтамтъ за газетой, что́ мнѣ весьма надоѣло, и я вынужденъ былъ почтмейстеру наговорить такихъ вещей, благодаря которымъ газета стала являться ко мнѣ исправно.

Съ прибытіемъ Муравьева Поляки, скоро присмирѣвшіе, стали съ своей стороны получать реваншъ отъ Русскихъ. Реваншъ этотъ, по мнѣнію моему, былъ излишнимъ и во всякомъ случаѣ проявлялся такъ, что не приносилъ намъ чести. Въ это время пришла въ Гродну изъ Россіи часть кавалерійскаго полка и почти одновременно съ нимъ пришелъ также гвардейскій Семеновскій полкъ. Военный элементъ въ городѣ сталъ замѣтнымъ и выдающимся, преобладающимъ. Онъ-то и началъ учить присмирѣвшихъ уже Поляковъ уму-разуму. Отъ гремящихъ офицерскихъ сабель разбѣгались Поляки съ телятника, какъ клопы отъ огня Въ цукерняхъ каждое Польское слово прислуги, уже спѣшившей исполнять требованія Русскихъ, получало то или иное возмездіе, словесное или рукодѣйственное. По этой же причинѣ стало непріятно обѣдать и у пана Безденскаго, державшаго единственный въ городѣ общій столъ, которымъ пользовались всѣ, кто не имѣлъ своего хозяйства, въ томъ числѣ и пріѣзжавшіе въ городъ Польскіе паны. Справедливость однако требуетъ сказать, что такимъ воинственнымъ патріотизмомъ отличались исключительно кавалеристы. Гвардейцевъ я встрѣчалъ въ цукерняхъ и въ кухмистерской рѣдко, и они вели себя, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ Петербуржцамъ. За то гвардейскіе солдаты давали себя знать Евреямъ и мѣщанамъ; рѣдкій день мнѣ не случалось наталкиваться на избіеніе кого либо изъ нихъ солдатомъ. Несомнѣнно, что у солдатъ существовало озлобленіе противъ Поляковъ; оно могло имѣть и свои причины, чтобы проявляться при удобномъ случаѣ, но очевидно не сдерживалось начальствомъ. Патрули конные и пѣшіе, съ прибытія въ край Муравьева заведенные въ городѣ по ночамъ, позволяли себѣ нерѣдко безчинства; такъ, стряпчаго (Русскаго) съ какимъ-то тоже крупнымъ въ городѣ чиномъ,

возвращавшихся вмѣстѣ изъ гостей, казаки побили нагайками и связали. Завезенная и водворившаяся ревность и строгость начала̀ бить черезъ край, не разбирая ни праваго, ни виноватаго.

Со мною лично былъ такой случай. По обыкновенію, какъ-то разъ поздно вечеромъ я пошелъ въ госпиталь доглядѣть одного тяжело больнаго солдата, интересовавшаго меня своею болѣзнію. Проходить въ госпиталь приходилось мимо до́ма, въ которомъ квартировалъ командиръ Семеновскаго полка и у воротъ котораго (наружнаго подъѣзда не было) стоялъ часовой съ ружьемъ. Въ госпиталь я прошелъ мимо часоваго безпрепятственно, но, возвращаясь назадъ, былъ остановленъ окрикомъ: «Стой, кто идетъ?» Я назвалъ себя.—«Что̀ отзывъ?» (Слѣдуетъ сказать, что я находился отъ часоваго саженяхъ въ пяти, идя по срединѣ улицы). Вотъ, думаю, еще дуракъ какой нашелся: идетъ человѣкъ открытою дорогою, а у него спрашиваютъ пропускъ. Не желая болѣе разговаривать съ глупымъ солдатомъ, я пошелъ дальше.

— Стой, кричитъ мнѣ часовой,—стрѣлять буду.

— Фу, думаю я, вотъ оселъ привязался. Однако, подхожу къ нему и при свѣтѣ бывшаго со мною фонаря (его обязаны были имѣть вечеромъ на улицѣ всѣ безъ исключенія, конечно, кромѣ офицеровъ) показываю свою форму.—Видишь теперь, говорю, кто идетъ?

— Что̀ отзывъ? Безъ отзыва нельзя! твердитъ солдатъ.

— Да куда нельзя-то? Глупая ты голова. Ты кого охраняешь?

— Его пр—во командира. (Слѣдуетъ длинный титулъ).

— А я развѣ къ нему иду?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ что же ты меня задерживаешь?

— Не приказано пущать.

— Это по улицѣ-то?

— Точно такъ.

— Но какъ же ты задержалъ бы меня, еслибы я самъ къ тебѣ не подошелъ?

Солдатъ задумался.

— Я стрѣльнулъ бы, придумалъ онъ.

— Ну, а еслибы мимо, а я убѣжалъ? Вѣдь ты (продолжалъ я вразумлять его) съ своего поста уйти не можешь и за мною не побѣжишь?

— Точно такъ.

— Такъ что же тебѣ отъ меня нужно?

— Извольте идти, ваше благородіе.

И конецъ глупой исторіи, которая однако могла стоить мнѣ жизни. Винить солдата, конечно, нельзя; виновато офицерство, которое не умѣло разъяснять солдату важныя въ общественномъ, а не въ одномъ только служебномъ или дисциплинарномъ отношеніи, его обязанности. Отсюда нерѣдко возникаютъ по одному, иногда глупѣйшему, недоразумѣнію случаи, гдѣ приходится тяжко расплачиваться или сверхъ мѣры или даже совсѣмъ невинному. Объ этомъ я кое-что скажу въ свое время. По поводу описаннаго случая я поднялъ исторію, и постъ у воротъ квартиры полковаго командира былъ перенесенъ снаружи во дворъ, вслѣдствіе чего посѣщеніе госпиталя стало безпрепятственнымъ для меня.

Начальство города также почувствовало себя въ силѣ исполнять свои обязанности. Въ 1864 году городъ, можетъ быть, въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ, праздновалъ иллюминаціей царскіе торжественные дни, остававшіеся въ предшествующемъ году ничѣмъ не отмѣченными. Не добровольно, конечно, а по распоряженію полиціи, городъ освѣщался и украшался въ эти дни на славу. Откуда взялись вдругъ транспаранты и вензеля съ иниціалами именъ Государя и Государыни. На улицахъ горѣли плошки, внутри домовъ на окнахъ свѣчи, поперекъ улицъ переброшены ленты и гирлянды изъ зелени. На площади играла военная музыка и сожженъ фейерверкъ, это уже насчетъ войска. Все еврейство было на улицахъ; Поляки, хотя также освѣтившіе свои дома, протестовали противъ Московскаго насилія своимъ отсутствіемъ какъ на улицахъ, такъ и въ освѣщенныхъ комнатахъ, выходящихъ окнами на улицу.

Между тѣмъ и острогъ, назначенный для политическихъ арестантовъ, сталъ заселяться, такъ что потребовался для него особый врачъ, который одновременно завѣдывалъ въ госпиталѣ устроеннымъ арестантскимъ отдѣленіемъ. Эту обязанность несъ первоначально также госпитальный ординаторъ, нѣсколько ранѣе меня назначенный въ госпиталь и старше меня выпускомъ, по фамиліи Подкопаевъ. Но вышли какія-то кляузы или оказались дѣйствительно какія либо злоупотребленія, въ выведеніи чего наружу участвовалъ, какъ мнѣ извѣстно, доносомъ и старшій ординаторъ Петровскій, обижавшійся, что острожная служба поручена не ему. Изъ всей этой исторіи извѣстно мнѣ, будто бы перемѣщеніе арестантовъ изъ острога въ госпиталь покупалось, что̀ имѣло свою вѣроятность. Въ госпиталѣ во всѣхъ отношеніяхъ было лучше, чѣмъ въ острогѣ; кромѣ того легче были и свиданія съ родными. Говорили, что дѣло завязалось изъ-за того, будто бы одинъ арестантъ, внесшій деньги за помѣщеніе въ госпиталь или только обѣщавшій условленную плату, но обманувшій, былъ

выписанъ, на что́ и заявилъ претензію. Какъ бы то ни было, но по распоряженію губернатора Подкопаевъ былъ замѣненъ мною, а не Петровскимъ, домогавшимся острожной службы.

Возможно, впрочемъ, что Подкопаевъ скомпрометировалъ себя тѣмъ, что якшался съ Поляками и бражничалъ съ ними. Однажды, еще будучи острожнымъ врачемъ, онъ пригласилъ меня къ себѣ, какъ больной. Прихожу. «Что̀ съ вами?» —Поляки отравили, говоритъ. Вотъ, думаю, честь какая.—«Какъ же это могло случиться?» Оказывается, что наканунѣ знакомыя Польки давали ему угощеніе, и отъ этого угощенія у моего товарища появилась холерина. Былъ онъ слабаго сложенія и повидимому чахоточный. «Да вы что же пили-то? Вѣроятно все и водку, и вино, и портеръ, и шампанское?»—Да, все это пили.—«Ну, говорю, такой смѣси совершенно достаточно, чтобы отравиться, если она и не-жидовскаго производства». Впрочемъ и меня въ первое время одна, ранѣе лѣчившаяся у меня Еврейка, цѣлую недѣлю преслѣдовала съ красненькою бумажкой, упрашивая перевести изъ острога въ госпиталь какого-то Поляка. Можетъ быть, это былъ и подсылъ, но другихъ попытокъ подкупить меня не было за все время.

Вѣроятно деньги, назначенныя на этотъ предметъ, нашли другіе, готовые ихъ принять, карманы. Дѣло въ томъ, что помѣщенія въ госпиталь добивались многіе изъ здоровыхъ, не-больныхъ, арестантовъ, для чего прибѣгали и къ просьбамъ, и къ притворству. Но, оставаясь справедливымъ и безпристрастнымъ, я сталъ получать изъ острога, помимо своего осмотра и назначенія, совершенно здоровыхъ людей подъ видомъ больныхъ. Таковъ былъ и Валицкій, о которомъ говорено выше. Съ такими гостями я поступалъ откровенно и прямо, спрашивая, сколько они намѣрены пролежать въ госпиталѣ, и если назначаемый ими срокъ былъ подходящій по соображенію съ мѣстами въ отдѣленіи, то мнимо-больной, отлежавъ это время, безъ ропота подчинялся выпискѣ. Если же кто стѣснялъ отдѣленіе, тотъ выписывался и ранѣе, не выражая обиды или неудовольствія на меня. Поднимать исторію изъ-за такой присылки въ госпиталь людей здоровыхъ я не считалъ нужнымъ, потому что не желалъ быть королемъ болѣе, чѣмъ самъ король. Начальство острога, которымъ завѣдывалъ какой-то жандармскій офицеръ, и само по себѣ, и отъ меня знало, какихъ больныхъ оно посылало въ госпиталь для лѣченія. Съ жандармомъ въ то время затѣвать ссору изъ-за пустяковъ было нелѣпостію.

Въ числѣ такихъ, произвольно присылаемыхъ въ госпиталь изъ острога людей, былъ одинъ жандармъ - вѣшатель или кинжальщикъ, памятный мнѣ своею печальною кончиной. Субъектъ этотъ притво-

рился предо мною страдающимъ болью въ ногахъ, будто бы лишающею его возможности ходить, и терпѣливо оставался въ кровати около недѣли. Притворство было несомнѣннымъ для меня, но я выжидалъ случая, чтобы уличить притворщика. Случай этотъ представился. Фельдшеръ поймалъ этого арестанта прохаживавшимся; тогда ему ничего не оставалось, какъ объявить мнѣ о наступившемъ улучшеніи въ болѣзни. Чрезъ нѣсколько дней онъ выпросилъ у меня костыли, чтобы упражняться въ ходьбѣ. Я не отказалъ въ нихъ, расчитывая, что притворщикъ хочетъ постепенно и приличнымъ образомъ выдти изъ своего конфузнаго положенія. Съ этого времени я его видѣлъ уже постоянно на ногахъ, прохаживающимся при помощи костылей, и съ каждымъ днемъ свободнѣе. «Скоро, говорилъ онъ мнѣ, я буду совсѣмъ здоровъ и выйду». Выдти онъ дѣйствительно хотѣлъ, но не въ острогъ, а на свободу.

Однимъ утромъ рано прибѣжали за мной изъ госпиталя и объявили, что этотъ арестантъ найденъ утонувшимъ въ отхожемъ мѣстѣ. Служитель замѣтилъ, что доска съ дырами для сидѣнья оторвана, заглянулъ внизъ и увидѣлъ плавающую фуражку и костыль. Сосчитали больныхъ и не досчитались одного, именно, ходившаго на костыляхъ. Стали щупать баграми, нащупали что-то и вытащили несчастнаго уже окоченѣвшимъ. Задуманный побѣгъ не удался изъ-за пустяка. Отхожее мѣсто было въ связи съ арестантскимъ отдѣленіемъ и узенькими съ рѣшотками окнами смотрѣло на Нѣманъ, на берегу котораго стояло деревянное одноэтажное зданіе лѣтняго госпиталя. Изъ окошекъ видно было, что наружная часть пріемника, находившаяся за стѣною зданія, неплотно прикрыта наложенными досками. Слѣдовательно, пробравшись въ нее изъ внутренней части, легко было выдти наружу, обмыться въ рѣкѣ и—на всѣ четыре стороны! Весь вопросъ былъ въ томъ, какъ глубока яма, и можно ли, стоя на днѣ ея и погрузившись съ головой въ нечистоты, подлѣзть подъ стѣну, раздѣлявшую яму и такимъ образомъ попасть въ наружную часть ея. Для такого промѣра и потребовались костыли. Ими арестантъ, вѣроятно, нащупалъ широкую доску, въ видѣ распорки, вдѣланную внизу, паралельно съ сидѣньемъ, и принялъ ее за дно. Но до дна было еще далеко отъ этой доски; яма была наполнена выше сажени, и сорвавшійся съ этой доски арестантъ задохся. Трупъ его окоченѣлъ въ томъ положеніи, въ которомъ застигла его смерть: подъ лѣвой подмышкой прижатъ узелокъ съ бѣльемъ и халатомъ, а правая рука поднята вертикально. Несчастная, можетъ быть, и достойная убійцы смерть!

Если при Назимовѣ успѣшно гонялись за шайками и разгоняли ихъ (обыкновенно не мѣшая имъ вновь собираться), то при Муравьевѣ

успѣшно стали забирать ихъ въ плѣнъ. Острогъ переполнился; отъ тѣсноты и плохаго содержанія развился между арестантами сыпной тифъ, можетъ быть ими же и занесенный. Въ самое короткое время заболѣло имъ болѣе 60 человѣкъ. Случись такой внезапный взрывъ болѣзни въ настоящее время, прежде всего уцѣпились бы за врача, какъ не досмотрѣлъ, почему не принялъ мѣръ, хотя всѣ эти мѣры и могутъ для него заключаться только въ докладѣ, за который иногда обругаютъ, или въ рапортѣ, за который можетъ достаться и больнѣе. Но въ то время и на солдата, не говоря уже объ арестантѣ, современныя санитарныя щепетильности не распространялись: ѣшь, что̀ дадутъ; живи, какъ укажутъ. Врачу, даже госпитальному, закономъ обязанному пещись о солдатѣ, имъ лечимомъ, и безполезно, и опасно было проявлять какое либо рвеніе въ его пользу на счетъ существовавшихъ порядковъ госпитальнаго хозяйства. Я самъ лично, войною съ главнымъ врачемъ и смотрителемъ изъ-за содержанія больныхъ и ухода за ними, добился только того, что меня желали удалить изъ госпиталя, какъ безпокойнаго, невыносимаго человѣка. Вступать въ подобную войну съ жандармскимъ офицеромъ, завѣдывавшимъ тюрьмою, было и того опаснѣе. Да онъ и не призналъ бы за мною пра̀ва вмѣшиваться въ то, чѣмъ онъ кормитъ, напр., арестантовъ. Съ высоты своей власти и значенія онъ и на меня-то, какъ врача, смотрѣлъ, кажется, немного лучше, чѣмъ на своихъ арестантовъ. По крайней мѣрѣ, со мною былъ случай, о которомъ разсказать здѣсь умѣстно.

Когда я былъ назначенъ врачемъ при острогѣ для политическихъ арестантовъ и въ госпитальномъ отдѣленіи для нихъ, то не зналъ и не предполагалъ, что этимъ лишнимъ и непріятнымъ для меня назначеніемъ я пріобрѣтаю себѣ новаго начальника въ лицѣ жандармскаго капитана. Поэтому я не догадался *представиться* моему новому, побочному, начальству въ парадной формѣ, а заглянулъ въ острогъ запросто, гдѣ и засталъ свое начальство. Капитанъ принялъ меня сухо и на желаніе мое видѣть размѣщеніе и порядокъ жизни и содержанія арестантовъ соблаговолилъ лично указать мнѣ нѣкоторыя помѣщенія и затѣмъ, подъ предлогомъ недосуга, можетъ быть, и дѣйствительнаго, выпроводилъ меня, объявивши, что за мною пришлютъ, когда будетъ нужно. Чрезъ недѣлю за мной прислали. Прихожу. Стоявшій у наружныхъ дверей острога жандармъ-солдатъ меня не пускаетъ. «Позвольте обыскать, ваше благородіе».—Да ты съ ума сошелъ? спрашиваю. «Никакъ нѣтъ. Безъ этого нельзя впустить. Г-ъ капитанъ такъ изволили приказать». Сцена подъ открытомъ небомъ; идетъ дождь. Я поворачиваю домой и ухожу, сказавши жандарму: «Доложи своему начальнику, что я не приду въ острогъ до тѣхъ поръ, пока началь-

никъ твой (его въ это время не было въ острогѣ) не объяснится со мною». Часа чрезъ два является ко мнѣ въ квартиру жандармъ. «Пожалуйте, ваше благородіе, въ острогъ; капитанъ N васъ требуетъ».—Доложи г. N., что если онъ желаетъ меня видѣть, то пожаловалъ бы ко мнѣ. До такого-то времени я буду дома и ждать его.—Капитанъ пожаловалъ. Начавши свысока, онъ долженъ былъ въ нашемъ разговорѣ спуститься до оправданія своего распоряженія относительно обыска меня. «Изволите видѣть: необходимъ строгій надзоръ за арестантами, особенно подслѣдственными, необходимо прекращеніе для послѣднихъ всякаго сношенія съ посторонними».—«За кого же, капитанъ, спрашиваю я, меня-то вы принимаете? Я такой же, какъ и вы, Русскій, такую же, какъ и вы, принималъ присягу; слѣдовательно, исполняя свою службу, имѣю право на такое же довѣріе, какъ и вы. Въ мятежѣ, не знаю, какъ вы, а я не принимаю участія; слѣдовательно, подвергая меня обыску, вы оскорбляете во мнѣ не мундиръ только, какъ у васъ принято говорить, а нѣчто гораздо важнѣе, оскорбляете вѣрноподданническое чувство Русскаго человѣка. Впрочемъ, если вы имѣете какое либо основаніе не довѣрять мнѣ, то требуйте другаго врача; я же при такихъ оскорбительныхъ условіяхъ не могу отправлять своей врачебной службы въ острогѣ». Капитанъ извинился предо мною; но за то съ тѣхъ поръ я ни разу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не былъ въ острогѣ, потому что меня туда *не требовали*, а вмѣсто того присылали оттуда въ госпиталь, кого вздумается. Такъ-то и развился тифъ.

Но за то, какъ только появился онъ, стали лебезить предо мною и безпрекословно исполняли всѣ мои требованія относительно его прекращенія, тѣмъ болѣе, что болѣзнь начала распространяться и на войска. Впрочемъ, люди, принимавшіе участіе въ прекращеніи острожной эпидеміи тифа, не въ убыткѣ остались. Этимъ исключительно и можно объяснить, что болѣзнь была остановлена въ короткій промежутокъ времени. Требованія предъявлялись мною на широкую ногу, такъ что оставалось и на необходимые расходы для дѣла. Не имѣя въ собственномъ распоряженіи ни копѣйки, я дѣлалъ свои экстравагантныя требованія сознательно и съ чистою совѣстію, помня профессора Варвинскаго, говорившаго намъ—студентамъ, въ клиникѣ, что, имѣя дѣло съ служащимъ аптекаремъ, слѣдуетъ, прописывая рецептъ, выставлять дозы цѣнныхъ лекарствъ по меньшей мѣрѣ вдвое противу фармакопеи: только въ такомъ случаѣ можно получить прописанное лекарство въ приблизительно-нужномъ составѣ. Извѣстенъ мнѣ былъ и отказъ Петра Великаго допустить въ Россію Евреевъ: своихъ-де плутовъ у насъ некуда дѣвать. Объ этомъ я совѣтовалъ бы подумать и

современнымъ служащимъ врачамъ, когда имъ приходится принимать экстренныя санитарныя мѣры *).

Завѣдуя одновременно въ госпиталѣ и острымъ (заразнымъ) отдѣленіемъ, я увидѣлъ, что тифъ началъ распространяться и въ войскахъ. Это дало мнѣ средство подкрѣпить свои требованія санитарныхъ мѣръ, не только въ острогѣ, но въ самомъ госпиталѣ и въ Гродненскомъ гарнизонѣ. Такимъ путемъ удалось прекратить эпидемію въ короткое время. Болѣзнь отличалась сильною заразительностью, такъ что въ арестантскомъ отдѣленіи у меня переболѣлъ тифомъ двойной комплектъ фельдшеровъ и прислуги; только одинъ я уцѣлѣлъ, вѣроятно, потому, что перенесъ сыпной тифъ ранѣе, еще въ школѣ. (Это-жъ обстоятельство спасло меня отъ зараженія тифомъ и во время послѣдней Турецкой войны, когда у меня, въ подвижномъ дивизіонномъ лазаретѣ, повально заражались тифомъ и врачи, и фельдшера, и прислуга). Плоды моихъ трудовъ по прекращенію этой болѣзни въ Гроднѣ пожали другіе: главный врачъ получилъ орденъ Св. Владимира, а мнѣ сказали только спасибо, съ сожалѣніемъ о томъ, что непрослужившихъ трехъ лѣтъ нельзя по закону представлять къ наградамъ. Орденъ, слѣдовавшій мнѣ, получилъ Подкопаевъ за то, вѣроятно, что онъ могъ бы заслужить эту награду, еслибы не былъ устраненъ отъ острожной службы.

По поводу тифа я узналъ, что въ повстаньи существовали ожесточенно враждовавшія между собою непримиримыя партіи. Обнаружилось это такимъ образомъ для меня. Болѣзнь оставляла послѣ себя тяжелое изнуреніе силъ и малокровіе, съ которымъ мнѣ нелегко было бороться вслѣдствіе недостатковъ нашей госпитальной кухни и аптеки того времени. Сюда же примѣшивалось и удрученное состояніе духа арестантовъ, ожидавшихъ тяжелой кары. Какъ бы тамъ ни было, но я потерялъ изъ выздоравливающихъ двухъ человѣкъ, умершихъ внезапно уже тогда, когда, казалось, они были внѣ всякой опасности. Первый случай такой смерти относился къ жандарму-вѣшателю, и ближайшей причины его я не узналъ. Другой же произошелъ почти на моихъ глазахъ. Выздоравливающій этотъ былъ изъ числа первыхъ заболѣвшихъ тифомъ: начиналъ уже самъ подниматься съ подушекъ, но ходить ему еще не дозволялось. Во время одной утренней визитаціи я нашелъ его въ удовлетворительномъ состояніи. Пока я осматривалъ

---

*) Я имѣлъ несчастіе служить впослѣдствіи врачемъ въ одномъ благотворительномъ заведеніи, гдѣ и больные, и здоровые мерзли вслѣдствіе совершенной негодности печей, требовавшихъ исправленія на какихъ-нибудь 700—800 р. Но въ такой суммѣ было отказываемо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не нашелся архитекторъ, предложившій перемѣнить систему отопленія въ этомъ заведеніи по смѣтѣ въ 80 тысячъ рублей, и такая сумма отпущена была безпрекословно.

больныхъ въ другихъ комнатахъ, прошло полчаса или болѣе, какъ прибѣжавшій служитель докладываетъ мнѣ, что съ N. дурно: лежитъ безъ дыханія. Прихожу и нахожу его дѣйствительно безъ пульса, лежащимъ на подушкахъ. Всѣ средства оживленія оказались безполезными. Выяснилось, что, по уходѣ моемъ изъ этой комнаты, больной горячо заспорилъ о чемъ-то съ своимъ сосѣдомъ и въ пылу спора быстро вскочилъ, т. е. перешелъ изъ лежачаго положенія въ сидячее, но тотчасъ же опрокинулся на подушки и замолкъ. Служитель, отлучившійся изъ комнаты, когда вернулся, нашелъ больнаго уже мертвымъ. Больные сообщили тогда мнѣ, что между нимъ и сосѣдомъ были постоянные ссоры изъ-за партійной розни, и что между моими паціентами много такихъ же враждующихъ между собою. Это заставило меня тотчасъ же разсортировать ихъ по партіямъ, руководясь желаніемъ самихъ больныхъ лежать рядомъ съ тѣмъ или другимъ больнымъ, въ той или другой палатѣ. Тоже примѣнялось затѣмъ и ко вновь поступающимъ въ госпиталь. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая политика мною изгнана была изъ отдѣленія и запрещена больнымъ подъ угрозою немедленной выписки за политическіе дебаты.

Мнѣ, какъ врачу, пришлось познакомиться съ Польскимъ возстаніемъ и со стороны психологической, въ его результатахъ, конечно. Психическое и физическое напряженіе, вызванное мятежемъ, сопровождавшимся фанатизаціей и еще болѣе терроризаціей Поляковъ, на многихъ изъ нихъ отразилось душевнымъ разстройствомъ. Такихъ несчастныхъ прошло относительно - много чрезъ мое арестантское отдѣленіе. Двое помѣшанныхъ особенно памятны мнѣ: одинъ потому, что самъ былъ врачъ; другой, изъ буйныхъ, тѣмъ, что одному мнѣ подчинялся безпрекословно съ перваго слова. Въ его бреду я былъ чѣмъ-то особеннымъ. Бывало, разбушевавшемуся больному стоило мнѣ погрозить пальцемъ, чтобы больной успокоился. Впослѣдствіи онъ выздоровѣлъ; но не знаю, на радость-ли себѣ. Больнаго товарища по профессіи мнѣ было душевно жаль. Болѣзнь его, начавшаяся тоскою и задумчивостью, развивалась на моихъ глазахъ и требовала удаленія больнаго въ спеціальное заведеніе для такихъ больныхъ. Но сколько я ни хлопоталъ объ этомъ, ничего не вышло: въ то время психіатрическія заведенія, т. е., домà для умалишенныхъ, были на перечетъ по пальцамъ одной руки, да и то съ остаткомъ. Кому и охота была хлопотать о какомъ-то пойманномъ мятежникѣ? Больной врачъ увѣрялъ меня, конечно, безъ всякихъ съ моей стороны разспросовъ, а добровольно, что взятъ былъ въ банду насильно для перевязки въ ней раненыхъ, и взятъ былъ случайно, когда возвращался съ практики. Съ этой бандой вслѣдъ за тѣмъ онъ и попался въ плѣнъ къ на-

шимъ. Все это было возможно, если принять въ разсчетъ то, чѣмъ и меня лично пугали послѣ моей рискованной поѣздки на практику въ деревню, мимо Езёръ, гдѣ формировалась банда. Мучимый тоскою, больной мой просилъ у меня дѣла, хотя бы обязанностей фельдшера, чтобы куда нибудь пристроить не знавшія покоя душевныя силы свои. Я предложилъ ему помогать мнѣ своими врачебными знаніями, выбравъ для леченія любыхъ больныхъ въ отдѣленіи. Но ничего не вышло и изъ этого: психика была уже сильно тронута. Пробовалъ я доставлять ему, по его и родныхъ его желанію, свиданіе съ послѣдними, въ надеждѣ, что они повліяютъ на него успокоительно сообщеніемъ благопріятнаго, сравнительно, направленія его дѣла (Больной страшился почему-то, что его непремѣнно повѣсятъ, между тѣмъ наказаніе ограничилось ссылкою безъ лишенія правъ). Но изъ свиданія съ родными не вышло ничего путнаго. Не смотря на явное, мною засвидѣтельствованное, помѣшательство товарища, его все-таки сослали, но по дорогѣ гдѣ-то оставили въ больницѣ. О дальнѣйшей его судьбѣ мнѣ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно.

Кромѣ него между арестованными было еще нѣсколько врачей. О винѣ ихъ и вообще объ участіи въ мятежѣ я ничего не знаю и не позволялъ себѣ заводить съ ними и рѣчи. Уважая свою профессію, я не могъ не уважать врачей-Поляковъ, этихъ *пановъ-консоряржей*, съумѣвшихъ, какъ мнѣ извѣстно было, занять высокое положеніе въ своемъ Польскомъ обществѣ, особенно въ сравненіи съ тѣмъ *Елико-живота-просященскимъ* Русскимъ врачемъ, котораго я узналъ въ военной формѣ и который потомъ *во всѣхъ нарядахъ* былъ и остается для меня доселѣ антипатичнымъ. Впрочемъ, нужно сказать правду, что деморализующая врачебная Русская среда, особенно служебная, развращала попадавшихъ въ нее врачей-Поляковъ, какъ извѣстно, по своему національному характеру, мало устойчивыхъ въ нравственныхъ принципахъ. Я зналъ между такими врачами-Поляками много ренегатовъ изъ-за выгодъ, много негодяевъ, отъ которыхъ сторонился. Но Богъ съ ними; они, по крайней мѣрѣ, были всегда послѣдовательны, покровительствуя своимъ родичамъ и давя безъ всякаго для себя риска между Русскими врачами, бредущими какъ тараканы врознь, тѣхъ изъ нихъ, которые случайно имѣютъ стойкія въ Русскомъ духѣ убѣжденія, что̀ я испыталъ неоднократно на себѣ. Возвращаясь воспоминаніемъ къ описываемому времени, я надѣюсь, что врачи-Поляки, которые находили пріютъ въ моемъ отдѣленіи, не имѣютъ повода ни въ чемъ пожаловаться на меня, заядлаго Москаля.

Лично я и самъ страдалъ, пожалуй, не менѣе многихъ изъ тѣхъ, для кого не жалѣлъ ни своихъ трудовъ, ни испытываемыхъ непріятно-

стей. Моя служба въ Гроднѣ подвергала мой внутренній мірокъ нелегкому испытанію. Я былъ дома, въ своемъ отечествѣ, но кругомъ себя видѣлъ только чужихъ людей, мало того, людей враждебныхъ мнѣ. Такими я видѣлъ и тѣхъ, которыхъ долженъ былъ считать своими: Русская колонія въ городѣ представляла изъ себя что-то выцвѣтшее и изъѣденное молью, вызывавшее во мнѣ чувство брезгливости при соприкосновеніи съ ней. По этой причинѣ не завязалось у меня знакомства ни съ кѣмъ изъ Русскихъ.

Въ первый мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Гродно мнѣ пришлось испытать весьма горькое чувство. Наступила Пасха. День этотъ своею торжественностію какъ въ обстановкѣ, такъ и въ настроеніи окружающихъ, съ дѣтства производилъ во мнѣ одинаковое, счастливое и радостное настроеніе. Потребность такого настроенія сильна была и тогда; но особая, совсѣмъ не похожая на привычную, обстановка не давала его. Конечно, виноватъ въ этомъ былъ я самъ, потому что только съ внѣшней стороны относился къ великому христіанскому празднику, а не носилъ его значенія въ своей душѣ: тогда внѣшность празднованія не имѣла бы на меня такого большаго вліянія. Но въ то время, первый разъ въ жизни своей, я не имѣлъ свѣтлаго праздника въ году. Когда я вышелъ, по слабому, едва слышному звону, къ утренней церковной службѣ, католическіе костелы какъ бы надменно и презрительно смотрѣли изъ окутавшей ихъ ночной темноты на обще-христіанское торжество. Еврейскій городъ покоился безучастно къ христіанской радости, чтобы съ пробужденіемъ дня начать свою будничную жалкую жизнь. Двѣ мерцавшія плошки указывали входъ въ ограду Православнаго собора, облѣпленную жалкими Еврейскими лавченками. Пустота въ храмѣ, кажется, еще болѣе увеличивалась отъ кучки гарнизонныхъ солдатъ, высланныхъ по наряду. Самое служеніе, хотя совершаемое архіереемъ, шло какъ бы украдкою, конфузно и торопливо, точно боялись, что вотъ-вотъ кто-либо дерзко нарушитъ и оскорбитъ нашъ праздникъ. Въ храмѣ не было ни губернатора, ни представителя военной силы — гарнизоннаго командира: имъ, какъ иновѣрцамъ, здѣсь дѣлать было нечего. Здѣсь не нашелъ я и своихъ православныхъ сослуживцевъ по госпиталю. Итакъ, радостно ожидаемый праздникъ былъ у меня украденъ въ этомъ году.

Никто изъ Русскихъ семейныхъ знакомыхъ, не исключая и госпитальныхъ, не пригласилъ меня разговѣться, и я не ходилъ никуда съ поздравленіемъ: казалось, что некого и поздравлять. Съ 8 часовъ утра началась для меня обычная служба въ госпиталѣ, а когда я вернулся домой и послалъ за обѣдомъ къ пану Безденскому, то оказалось, что праздникъ обратился для меня въ сочельникъ: деньщикъ возвра-

тился съ пустыми судками и объявилъ, что обѣда нѣтъ и не будетъ ни сегодня, ни завтра. «Какъ нѣтъ? Что же я буду ѣсть?»—Коли желаете, подите туда кушать: тамъ дадутъ. Не понимая, что̀ это значитъ, я посылаю вновь деньщика съ требованіемъ обѣда, но обѣда не отпустили. Оказывается, что, по Польскому или Литовскому обычаю, панъ Безденскій, единственный рестораторъ въ городѣ, въ первые дни Пасхи ничего не продаетъ, а угощаетъ даромъ своихъ абонентовъ въ своемъ трактирѣ, на сторону же ничего не отпускаетъ. Приходи и ѣшь!

Мнѣ вспомнилось, какъ мать моя, по старинному обычаю, устраивала въ первый день Пасхи обѣдъ нищимъ, и какъ я, будучи еще ребенкомъ, помогалъ ей прислуживать имъ, разнося чашки съ пищей. Вотъ, подумалось мнѣ, доброе дѣло и вознаграждается: теперь и мнѣ приходится идти въ качествѣ нищаго разговляться къ католику. Меня, между прочимъ, смущало то, что я буду единичнымъ нищимъ у пана Безденскаго; однако я нашелъ у него большую компанію. Были пріѣзжіе Поляки, было много офицеровъ. Хозяинъ суетился, угощая и наливая водку, не выпуская изъ рукъ графина. Такое даровое угощеніе нисколько не стѣсняло гостей; напротивъ, требованія ихъ росли и росли, такъ что хозяинъ сталъ обнаруживать явное смущеніе и затрудненіе. Мнѣ, напротивъ, не шелъ кусокъ въ глотку; съѣвши что-то по просьбѣ хозяина, я настоялъ, чтобы завтра мнѣ непремѣнно отпущенъ былъ обѣдъ за деньги. Такимъ образомъ въ первый день праздника мнѣ пришлось голодать, хотя и добровольно отчасти.

Здѣсь умѣстно вспомнить и о другомъ тяжеломъ впечатлѣніи подобнаго же характера. Бродя какъ-то по берегу Нѣмана, я натолкнулся на каменное зданіе до половины разрушенное, но напоминавшее своими остатками храмъ. Когда я вошелъ въ это зданіе, у меня уже не оставалось никакого сомнѣнія, что это дѣйствительно былъ когда-то храмъ православный, теперь превращенный въ *отхожее* мѣсто. Благоговѣйное отношеніе къ священному зданію, знаменательно называемому Русскимъ народомъ *церковію*, было усвоено мною съ дѣтства и примѣромъ, и воспитаніемъ. Теперь оно было глубоко потрясено такимъ поруганіемъ православной святыни, какое я увидѣлъ. Мнѣ было не до архитектуры расположенія частей храма, не до кувшиновъ въ стѣнахъ, не до фресокъ, вообще не до археологіи, въ которой я не былъ ни знатокомъ, ни любителемъ. Напротивъ, я выскочилъ изъ развалинъ почти съ ужасомъ отъ увидѣнной мерзости запустѣнія на святомъ мѣстѣ, сѣлъ на попавшійся обрубокъ дерева и... не стыжусь этихъ слезъ, заплакалъ. Чувствовалась жгучая обида. Кто же нанесъ ее? Не Поляки и не Евреи: не отъ нихъ требовать уваженія

къ тому, чего мы сами не уважаемъ. Впослѣдствіи вспомнили объ этихъ развалинахъ; но сдѣлали ли что либо для нихъ, узнать мнѣ не удалось.

Между тѣмъ замиреніе края, направленное твердою рукою, скоро завершилось, такъ что въ Гроднѣ не стало замѣтно и слѣдовъ мятежа. Онъ уступилъ свое мѣсто Ѳемидѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы въ самыхъ грозныхъ функціяхъ послѣдней я принялъ участіе. Мнѣ пришлось ex officio присутствовать при смертной казни политическаго преступника. Предстояло разстрѣляніе солдата-Поляка, перебѣжавшаго къ повстанцамъ и взятаго нашими въ плѣнъ. Наканунѣ казни, не получивши наряда присутствовать при этой церемоніи, я легъ спать спокойно, радуясь, что начальство, не забывавшее меня всякими непріятными порученіями, на этотъ разъ смиловалось надо мною. Но я горько ошибся. Часа въ 4 ночи меня разбудилъ деньщикъ. Оказалось, что ко мнѣ пакетъ отъ главнаго врача. Я, конечно, тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло, и выругался, какъ умѣлъ. Дѣло въ томъ, что ранѣе, по поводу назначенія меня на экзекуцію шпицрутенами, я имѣлъ горячее объясненіе съ своимъ начальствомъ и объявилъ, что впредъ не буду исполнять никакихъ подобныхъ обязанностей, ко мнѣ, заваленному дѣломъ, не относящихся. Поэтому и приняты были мѣры, чтобы я не могъ увильнуть отъ порученія, отъ котораго мои товарищи предусмотрительно себя оградили: кто подалъ рапортъ о болѣзни, кто нашелъ заступниковъ и ходатаевъ и т. п. Поэтому-то и разочли припереть меня такъ, чтобы мнѣ не увернуться. До казни оставалось всего часа два. Подача рапорта о болѣзни ни къ чему бы не повела, потому что могло послѣдовать освидѣтельствованіе меня, къ чему, какъ я узналъ потомъ, и приняты были заблаговременно мѣры. Лгать и притворяться къ тому же я не былъ способенъ. Такимъ образомъ мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или исполнить предписаніе, или подвергнуться наказанію по суду. Такъ какъ, по церемоніалу смертной казни, въ немъ обязанъ, неизвѣстно для чего, участвовать врачъ, то моя неявка могла быть причиною многихъ глупыхъ случайностей, за которыя мнѣ же пришлось бы отвѣчать. Дѣлать нечего; видѣлъ, какъ бьютъ шпицрутенами, посмотрю, и какъ убиваютъ. Когда выходилъ изъ комнаты чиновный фельдшеръ, принесшій мнѣ пакетъ, я увидѣлъ въ передней солдата, который его сопровождалъ. У воротъ были еще люди; слѣд., на меня вели что-то въ родѣ облавы: запаслись свидѣтелями.

Когда принесли мнѣ бумагу, начинало уже разсвѣтать; ложиться спать было некогда. Чтобы убить какъ нибудь часа полтора оставшагося времени, я принялся за чай и сталъ философствовать,—занятіе, какъ казалось мнѣ, самое подходящее къ моему положенію. Мнѣ было

досадно, обидно за себя и вообще скверно отъ коробившаго мое нравственное чувство предстоявшаго зрѣлища. Но что же долженъ, думалось мнѣ, чувствовать самъ герой настоящаго дня, тотъ, кѣмъ занятъ въ настоящую минуту весь городъ, изъ - за кого волненіе, суета, военный парадъ, для кого, наконецъ, и я самъ долженъ облечься въ мундиръ? Знать часъ, почти минуту своей смерти, и смерти неотразимой, неизбѣжной, должно быть однимъ изъ самыхъ вредныхъ, непріятныхъ знаній для человѣка, почему у насъ не возникаетъ и желанія имѣть его. Суевѣрные люди часто удерживаются отъ гаданія и отъ обращенія къ разнымъ прозорливцамъ, именно, страхомъ, какъ бы не услышать что либо о своей смерти. Люди считаютъ жестокостію сказать больному прямо, что онъ безнадеженъ, и я зналъ уже по личному опыту, какъ тяжело и врачу произносить свои, къ счастію не всегда исполняющіеся, смертные приговоры. Но несчастный осужденный знаетъ, что каждая уходящая минута въ часу сутокъ уже не повторится для него въ слѣдующіе сутки. Какъ относятся къ нему окружающіе, и какъ онъ самъ смотритъ на нихъ? Несомнѣнно, каждый готовъ на всякую возможную услугу для него. Его покормятъ лучше, чѣмъ кормили ранѣе; не откажутъ даже въ исполненіи нѣкоторой прихоти, если бы она явилась. Но къ чему являться ей, этой прихоти? Зачѣмъ и кормить человѣка, который часа черезъ два перестанетъ существовать? Да и вообще умѣстно ли это вниманіе, услужливость къ человѣку, который сейчасъ насильно перестанетъ быть человѣкомъ? Что́ хотятъ выказать такимъ отношеніемъ къ нему эти люди, и какъ онъ принимаетъ оказываемое ему вниманіе и участіе? Не лучше ли было бы для него въ эту минуту встрѣтить злобу и ненависть, чѣмъ знаки безсильнаго, безплоднаго участія или чего либо въ этомъ родѣ? Не должны ли они отягчать его послѣднія минуты?

Размышленія мои оборвалъ деньщикъ докладомъ, что солдаты уже пришли къ острогу, который былъ видѣнъ изъ воротъ моей квартиры. Площадь, на которую выходилъ острогъ, была полна народомъ. Я видѣлъ хмурыя, злобныя лица Поляковъ, слезы на глазахъ Полекъ; слышалъ слова и возгласы на Польскомъ, непонятномъ для меня, языкѣ, но понятные по своей интонаціи. Все это казалось мнѣ естественною, приличною обстановкою картины. За то мнѣ показалась противною безучастная, глупо-любопытная толпа Евреевъ и Евреекъ, назойливо лѣзшая къ тюремнымъ воротамъ.

Они скоро отворились, и я увидѣлъ осужденнаго. Блѣдный, съ мутными, безжизненными глазами, невзрачный, низенькаго роста, поддерживаемый солдатомъ, онъ, казалось, весь замеръ, не сознавая, что́ съ нимъ происходитъ, и двигался машинально. Раздалась команда;

осужденнаго окружили солдаты; около него появился ксендзъ съ крестомъ и книгою въ рукахъ, и кортежъ двинулся. Пользуясь своимъ положеніемъ участника церемоніи, я помѣстился возможно ближе къ ксендзу, шедшему рука объ руку съ осужденнымъ. Мы шли спорымъ солдатскимъ шагомъ, слѣдовательно довольно скоро; осужденный, повидимому, ничего не видѣвшій предъ собою, часто оступался; оступался и ксендзъ, то читавшій по книгѣ, то обращавшійся со словами къ осужденному. И чтеніе, и слова ксендза были скоры и возбужденны, какъ и ускоренъ его шагъ, очевидно, съ трудомъ поспѣвавшій за солдатскимъ. Но все время довольно длиннаго пути лицо осужденнаго оставалось прикрытымъ, какъ бы маскою тупаго оцѣпенѣнія. Я слышалъ ясно голосъ ксендза, но не понималъ его Польскаго языка, и въ первый разъ пожалѣлъ, что не научился по-польски. Что̀ могъ говорить ксендзъ Поляку, идущему на казнь за Польское дѣло? Въ эту минуту онъ могъ говорить осужденному все, что̀ хотѣлъ: цензуры для него не существовало. Но едва ли могло быть сомнѣніе въ томъ, о чемъ онъ говорилъ. Не о раскаяніи, конечно, не о прощеніи содѣяннаго преступленія здѣсь могла идти рѣчь, а о вѣнцѣ мученическомъ, ореолѣ славы, о молитвахъ и благословеніяхъ отчизны, слѣдовательно, о томъ, что̀ даетъ человѣку силу не только безтрепетно, но и радостно встрѣчать смерть. Какъ только мелькнула во мнѣ эта догадка, я почувствовалъ въ душѣ какой-то неестественный холодъ; такимъ холодомъ охватило меня не то сознаніе, не то ощущеніе какой-то громадной, чудовищной лжи. Я инстинктивно отскочилъ отъ осужденнаго, вышелъ за цѣпь солдатъ и поплелся стороною: мнѣ было стыдно и всѣхъ и за всѣхъ...

Показался столбъ, и предъ нимъ вырытая яма; раздалась команда, взяли на караулъ, прочли приговоръ и приступили къ послѣднему туалету осужденнаго. Я подошелъ въ это время къ командующему церемоніей штабъ-офицеру и спросилъ его, какая здѣсь моя обязанность? «Когда умретъ, посмотрите, живъ ли?» Ужъ по этому отвѣту можно видѣть, хорошо ли чувствовалъ себя офицеръ.

Вотъ осужденному надѣли его саванъ, вотъ ксендзъ еще что-то говоритъ ему, подноситъ къ губамъ его крестъ, лицо несчастнаго остается попрежнему окаменѣлымъ, съ мутными глазами. Мнѣ страстно захотѣлось, чтобы лицо это оживилось какимъ бы то ни было чувствомъ, чтобы человѣкъ этотъ произнесъ какое-либо слово, хотя бы проклятіе намъ; но онъ не раскрылъ рта.

Пока привязывали осужденнаго и завязывали ему глаза, я стоялъ почти рядомъ съ нимъ и не догадался отойти, когда зарокоталъ барабанъ и вышли впередъ двѣнадцать рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ,

такъ что командиръ крикнулъ мнѣ: докторъ, отойдите! Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и взглянулъ на вышедшихъ солдатъ, но на лицахъ ихъ не прочелъ ничего, кромѣ служебнаго старанія, покрытаго суровою строгостью. Поданъ знакъ, грянули, какъ одинъ, двѣнадцать выстрѣловъ, и привязанный къ столбу человѣкъ, дрогнувъ, кажется, каждымъ мускуломъ своего тѣла, склонилъ голову. Я подошелъ къ нему, поднялъ къ верху повязку и взглянулъ на поблѣднѣвшее, съ закрытыми глазами, лице, по которому пробѣгали еще мелкія судороги. И лицо это осталось въ памяти моей до настоящаго времени.

Закрывъ его снова повязкою, я подошелъ къ офицеру медленными шагами, потому что ноги мои плохо меня слушались, приложилъ руку къ козырьку и отрапортовалъ: «мертвъ!» Это ли слово само по себѣ, тонъ ли, которымъ оно было произнесено, а можетъ быть и видъ мой, выражавшій глубокое нравственное потрясеніе, заставили офицера вздрогнуть и отвернуться отъ меня.

Исполнивъ свою обязанность (смысла и надобности которой не понималъ), я поплелся домой, перегоняемый толпами зрителей, спѣшившихъ въ городъ съ окончившагося позорища, и несъ съ собою лице казненнаго. Это лице не покидало меня нѣсколько сутокъ, отняло сонъ и аппетитъ и мучило меня, но не страхомъ или жалостію, а тѣмъ чувствомъ, которое появилось тогда, когда я шелъ съ осужденнымъ на мѣсто казни.

Тяжелая Гродненская роль моя кончилась. Въ скоромъ времени я получилъ переводъ въ Москву, куда и уѣхалъ въ Ноябрѣ 1864 года, унося съ собою неизгладимыя впечатлѣнія.

Ив. Арс. Митропольскій.

17 Октября 1894 года, Москва.

Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложеніе къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Спб. 1894. 8°. VI и 398 стр. съ портретомъ Н. К. Загряжской.

Книгу эту выпустилъ въ свѣтъ бывшій профессоръ Юрьевскаго университета г. Брикнеръ, взявшій на себя, по приглашенію родственниковъ, разработку историческаго матеріала, собраннаго скончавшимся въ 1890 году А. А. Васильчиковымъ, съ цѣлью дополнить имъ біографію князя Андрея Кирилловича Разумовскаго. Извѣстность почтеннаго профессора, равно какъ и добрая память покойнаго автора славнаго сочиненія „Семейство Разумовскихъ“ безъ сомнѣнія обезпечиваютъ успѣхъ книги, которая, можетъ быть, безъ того едва ли обратила бы на себя вниманіе читателей. Содержаніе книги довольно скудно. Оно состоитъ изъ „фрагмента“ (какъ выражается г. Брикнеръ) біографіи Наталіи Кирилловны Загряжской, сестры князя Андрея, и изъ писемъ отъ разныхъ лицъ, въ которыхъ, не смотря на выдающееся общественное и политическое положеніе отправителей, преобладаетъ, съ нѣкоторыми лишь исключеніями, частный характеръ и которыя поэтому, кромѣ писемъ Суворова, Панина, Воронцова, Кочубея, тоже впрочемъ касающихся вопросовъ вполнѣ извѣстныхъ, представляютъ собою мало общаго историческаго значенія. Жизнеописаніе Н. К. Загряжской, къ сожалѣнію всего въ нѣсколько страницъ, не даетъ намъ вѣрнаго понятія объ этой привлекательной и оригинальной личности, біографія которой легко бы заняла цѣлый томъ и могла бы представить благодарную задачу для историка изображеніемъ Петербургскаго общества въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Впрочемъ въ означенномъ „фрагментѣ“ мы встрѣчаемъ случайный и совершенно новый разсказъ о причинѣ опалы при императорѣ Павлѣ графа (послѣ князя) В. П. Кочубея, который именно около этого времени женился на племянницѣ и воспитанницѣ Н. К. Загряжской, Маріи Васильевнѣ Васильчиковой. Вице-канцлеръ графъ Кочубей (разсказываетъ г. Брикнеръ) былъ съ докладомъ у императора Павла. Государь, показывавшій ему до тѣхъ поръ холодность, сталъ вдругъ его ласкать и наконецъ объявилъ, что онъ пріискалъ для него прелестную невѣсту. Кочубей поспѣшилъ заявить, что онъ уже помолвленъ и намѣревался въ этотъ же день испросить разрѣшенія Его Величества на бракъ. Императоръ очень холодно поздравилъ своего

вице-канцлера, а тотъ прямо изъ дворца полетѣлъ къ Натальѣ Кирилловнѣ, разсказалъ о случившемся и просилъ не отказать ему въ рукѣ племянницы. Неудовольствіе Павла проявилось немедля ..

Такъ ли это? Не вкралось ли тутъ недоразумѣніе? По нашимъ свѣдѣніямъ гнѣвъ Государя имѣлъ совсѣмъ иную причину. Это было время переговоровъ съ Турціею о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ. Государь преслѣдовалъ съ большою горячностію эту мысль. Онъ видѣлъ въ ней наилучшій способъ препятствовать успѣхамъ въ Египтѣ ненавистнаго ему тогда генерала Бонапарта. Кочубей же, какъ вице-канцлеръ и сверхъ того, со времени своего посольства, хорошо знавшій Турцію, открыто говорилъ противъ всякаго соглашенія съ нею. Какъ извѣстно, трактатъ былъ подписанъ посланникомъ Тамарою, и нашъ флотъ подъ начальствомъ Ушакова отплылъ въ Архипелагъ, гдѣ соединился съ эскадрою Капуданъ-паши. Радость Павла была безгранична. При этомъ онъ, съ свойственною ему вспыльчивостью, порицалъ недальновидность Кочубея, удаленіе котораго отъ должности вслѣдствіе этого не заставило себя ждать. Бракъ же его состоялся, по нашему мнѣнію, уже послѣ отставки, при чемъ немилость простерлась и на Наталію Кирилловну. Но впрочемъ не надолго...

Письма Натальи Кирилловны къ брату представляютъ въ историческомъ смыслѣ лишь второстепенный интересъ. Но за то вслѣдъ за этимъ помѣщенная переписка князя съ Суворовымъ весьма замѣчательна. Къ сожалѣнію г. Брикнеръ не воспроизводитъ ее въ цѣлости. Такъ какъ большинство писемъ уже напечатано въ предыдущихъ томахъ или въ „Архивѣ Князя Воронцова", то онъ лишь указываетъ на страницы, гдѣ ихъ можно найти. Отъ этого весьма чувствительно теряется наглядность изложенія. Переписка съ Суворовымъ составляетъ наименѣе блестящій эпизодъ въ дипломатической дѣятельности князя Андрея. Тутъ даже съ трудомъ можно узнать славнаго и гордаго представителя великой Россіи, какимъ онъ потомъ является на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ то время, когда Суворовъ совершалъ свой безсмертный походъ въ Италію, князь Андрей Кирилловичъ, какъ Русскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ, находился подъ трудно-объяснимымъ вліяніемъ Австрійскаго министра Тугута, человѣка высокаго ума, проложившаго себѣ путь отъ простаго писца до высшихъ должностей. Это былъ злѣйшій врагъ Россіи и въ тоже время злой геній нашего посла. Не смотря на существовавшій тѣсный союзъ съ Россіею, наши успѣхи въ Италіи ему были ненавистнѣе Французскихъ захватовъ. Онъ всячески старался остановить побѣдоносный полетъ Суворова и въ концѣ концевъ такъ и направилъ его въ гибельный походъ черезъ Альпы. Болѣе всего Тугутъ боялся возстановленія престола короля Сардинскаго, т е достиженія той цѣли, для которой императоръ Павелъ рыцарски началъ войну. Тугуту завоеванія нужны были для самой Австріи. И вотъ, когда Суворовъ послѣ занятія Турина хотѣлъ водворить въ Сардиніи подъ прикрытіемъ Русскихъ штыковъ законнаго короля (точно какъ 13 лѣтъ спустя Веллингтонъ ввелъ въ Парижъ Людовика), Тугутъ, при помощи слѣпо подчинявшагося ему Разумовскаго, помѣшалъ Русскому полководцу исполнить именно то, для чего онъ былъ посланъ.

Вотъ письмо Разумовскаго къ Суворову (стр. 65):

„Вѣна, 22 Іюля (2 Августа) 1799 г.

Передъ симъ уже упоминалъ я, что въ разсужденіи возвращенія короля Сардинскаго въ Піемонтъ здѣсь ожидали изъясненій отъ высочайшаго двора въ надеждѣ, что оное отмѣнено будетъ. Сіе въ самомъ дѣлѣ сбылось: посолъ графъ Кобенцель пишетъ, что въ уваженіе представленій, ему предписанныхъ, Государь Императоръ соизволилъ согласиться, чтобъ король Сардинскій оставался въ Сардиніи, пока Вѣнскій дворъ найдетъ удобнымъ время его возвращенія. Сіе мнѣ объявлено здѣшнимъ министерствомъ, да и дано прочесть депешу Кобенцеля. Въ силу того и пишетъ императоръ Римскій къ вашему сіятельству, дабы предупредить исполненіе вамъ посланныхъ приказаній касательно до короля, а ежели же вы оныя уже исполнили, то чтобы изволили немедленно паки отписать къ его величеству Сардинскому въ томъ смыслѣ, что по согласію обоихъ союзныхъ дворовъ поставлено отмѣнить путешествіе короля, доколь сильными успѣхами ихъ оружія совершенно обезпечено будетъ его въ Италіи пребываніе. Также нужно будетъ о сей перемѣнѣ извѣстить и командующихъ эскадрами. О семъ моемъ сообщеніи вашему сіятельству просило меня здѣшнее министерство. Я уже тогда получилъ отъ васъ копію письма вашего къ королю Сардинскому, но разсудилъ напрасно о семъ имъ говорить. Нынѣ же, исполняя желаніе здѣшняго двора въ дѣлѣ, имъ почитаемомъ важнѣйшимъ, не сомнѣваюсь, что вы соблаговолите удовлетворить требованію императора Римскаго, твердо имъ положенному и нашимъ высочайшимъ дворомъ опробованному. Усерднѣйше и съ радостью приношу поздравленіе со взятіемъ Александріи. Не было и не будетъ во вѣки вѣковъ кампаніи подобной вами предводительствуемой».

Довольно рѣдкій случай, что дипломатъ почерпаетъ свои инструкціи изъ переписки того-же двора, у котораго онъ акредитованъ!

Позднѣе, Суворовъ писалъ Разумовскому про Тугута: «Онъ, выдавя изъ меня сокъ ему нужною Италіею, бросилъ за Альпы сюда, гдѣ мало чтó похитить».

Болѣе отрадное впечатлѣніе производятъ письма графа В. П. Кочубея. Важнѣйшія изъ нихъ относятся къ первымъ годамъ царствованія Александра, когда Викторъ Павловичъ завѣдывалъ дѣлами Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Они преимущественно тѣмъ интересны, что проливаютъ много новаго свѣта на обстоятельства, при которыхъ нашъ дворъ участвовалъ въ дѣлежѣ земель духовныхъ курфирстовъ и рыцарскихъ орденовъ, въ такъ называемыхъ индемнизаціяхъ. Какъ извѣстно, дѣлежъ этотъ состоялся вслѣдствіе Люневильскаго трактата, при чемъ первый консулъ, скоро послѣ подписанія онаго, секретнымъ договоромъ 26 Сентября (8 Окт.) 1801 года обязался не дѣйствовать въ Германіи безъ предварительнаго согласія Россіи. Не смотря на это, весь проектъ дѣлежа былъ выработанъ однимъ Талейраномъ, получившимъ отъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей громадныя деньги въ видѣ коммиссій и наградъ. За симъ готовый проектъ былъ препровожденъ въ

Петербургъ не для утвержденія, какъ слѣдовало ожидать, а лишь съ сухимъ приглашеніемъ присоединиться (s'associer) къ дѣлу объ окончательномъ устройствѣ Германіи. Въ Петербургѣ онъ и былъ подписанъ безъ всякаго возраженія. Чѣмъ объяснить эту печальную уступчивость? Краснорѣчиво убѣждающее письмо Кочубея, написанное вскорѣ послѣ Мемельскаго свиданія (29 Мая 1802 г.), даетъ положительный отвѣтъ: у насъ вполнѣ чувствовали нахальную дерзость Французской безцеремонности; но не воевать же было изъ-за этого? Первый консулъ могъ бы и обойтись безъ нашего согласія. Что мы тогда бы сдѣлали? (Россія со временъ Тешенскаго договора имѣла право вмѣшательства въ Германскія дѣла, отъ котораго въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться). Десять мѣсяцевъ спустя, казнь герцога Энгіенскаго подала возможность отметить за это оскорбленіе наложеніемъ придворнаго траура по казненномъ....

Письма графа С. Р. Воронцова не представляютъ того интереса, который мы привыкли находить во всемъ что писалъ этотъ выдающійся государственный дѣятель. Эти письма носятъ отпечатокъ сдержанности и недовѣрія. Семенъ Романовичъ не одобрялъ дѣйствій Разумовскаго, хотя былъ высокаго мнѣнія объ его способностяхъ. Они обмѣнивались мнѣніемъ по всѣмъ вопросамъ Европейской политики, но ихъ соединяли лишь общая служба Россіи и общая ненависть къ Франціи.

Въ письмахъ графа Н. П. Панина мы находимъ новыя и любопытныя подробности его опалы. Какъ извѣстно, графъ Панинъ, по восшествіи на престолъ Александра I, который его зналъ съ дѣтства, былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ добровольно и вслѣдствіе ничтожнаго на видъ столкновенія съ княземъ А. Б. Куракинымъ покинулъ свою должность и уѣхалъ съ семействомъ за-границу, а при возвращеніи оттуда ему былъ Высочайше запрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Опала продолжалась свыше 30 лѣтъ. Причина этого царскаго гнѣва вѣроятно навсегда останется тайною; всѣ объясненія, какія существуютъ, не выдерживаютъ критики. „Не спрашивайте, любезный другъ", пишетъ Панинъ изъ Отрады, „о причинѣ моего несчастія. Я положительно ничего не знаю, и всѣ мои хлопоты, равно какъ и старанія моихъ друзей, ничего не могли выяснить". Графъ Панинъ поселился въ своемъ богатомъ Смоленскомъ имѣніи Дугинѣ, гдѣ и умеръ въ опалѣ.

Укажемъ еще на письмо Ланжерона изъ подъ Рущука отъ 24 Іюня 1811 года. бойко и остроумно написанное. Оно рисуетъ положеніе нашей Дунайской арміи по смерти Каменскаго и даетъ живую картину общаго настроенія наканунѣ войны съ Наполеономъ. Ланжеронъ весьма невыгодно судитъ о Каменскомъ. Мы позволяемъ себѣ полагать, что онъ въ своихъ отзывахъ не ошибается. Каменскій на Дунаѣ уже не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ себя показывалъ въ Италіи, когда велъ свой Архангелогородскій полкъ черезъ Чертовъ мостъ, или въ Пруссіи въ 1806 и 1807 годахъ, или въ Финляндіи, гдѣ имъ рѣшена участь кампаніи. На Дунаѣ это былъ больной и бѣшеный человѣкъ....

Къ концу еще два слова о самомъ изданіи пятаго тома „Семейства Разумовскихъ“. Оно конечно составляетъ пріятное и въ извѣстномъ смыслѣ даже очень интересное чтеніе, но все-таки должно признаться, что ожиданія наши не оправдались. Насъ въ этомъ отношеніи избаловали и А. А. Васильчиковъ, и самъ г. Брикнеръ. Не можемъ при этомъ не указать еще на одно обстоятельство, насъ просто поразившее: это качественность примѣчаній и справокъ. О значеніи коментаріевъ вообще намъ нечего распространяться. На сколько онѣ портятъ всякое самостоятельное историческое сочиненіе, нарушая въ немъ картинность, настолько полезны при изданіи историческаго или мемуарнаго матеріала: изъ самаго скуднаго матеріала можно при помощи коментаріевъ составить привлекательную и интересную книгу. Но для этого существуетъ одно условіе sine qua non: коментаріи должны давать лишь такія свѣдѣнія, которыя дѣйствительно требуются вслѣдствіе или неясности, или неполности самаго текста. (Въ этомъ отношеніи изданіе сочиненій Державина Я. К. Гротомъ служитъ образцомъ). Во всякомъ случаѣ историческая справка всегда должна имѣть свой raison d'être, а этого нельзя сказать про справки въ изданіи г. Брикнера. Вотъ примѣры: Тамара—справка Русскій дипломатъ. Курьеръ уѣхалъ въ Лондонъ къ графу Семену—справка Воронцовъ. Канова—справка ваятель, Криднеръ—справка дипломатъ. Саламѝ—справка Итальянская колбаса и пр. Скажите пожалуйста, къ чему это? Каково мнѣніе о читателяхъ. А рядомъ имена Comtesse Albani, Weyroter, Withworth, и пр. такъ и вызываются на біографическія справки. О нихъ ни слова.

У. Ш.

*

Во всякомъ случаѣ не можемъ не выразить нашей радости тому, что прекрасный трудъ покойнаго друга нашего Александра Алексѣевича Васильчикова приведенъ къ концу, а равно и надежды на столь же успѣшное окончаніе другихъ подобныхъ трудовъ. Историческіе Воронцовы, Разумовскіе, Шереметевы уже выглянули на свѣтъ Божій изъ глубины забвенія.

Пользуемся случаемъ привести слѣдующія доселѣ неизданныя строки Даліона, писавшаго въ Парижъ изъ Петербурга, 5 (16) Декабря 1747 года. къ тогдашнему Французскому министру иностранныхъ дѣлъ:

„Ce n'est pas à la légère que je vous ai parlé des liens indissolubles qu'on soupçonne l'Impératrice d'avoir pris avec son favori. Cependant, pour vous obéir, j'ai cherché avec la grande discrétion à me procurer sur ce fait de nouvelles notions, et j'ai trouvé qu'il passait pour certain que m-me Schouwaloff, dame de palais, et le comte Lestocq avaient assisté à ce grand et curieux évènement. On prétend qu'il y avait un troisième témoin, mais je ne saurais déterrer qui il est.

Этими строками подтверждается то, что̀ до сихъ поръ было извѣстно только по словесному преданію. П. Б.

ПИСЬМА
В. А. ЖУКОВСКАГО
КЪ
АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

ИЗДАНІЕ
„РУССКАГО АРХИВА“
по подлинникамъ, хранящимся въ
Императорской Публичной Библіотекѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

*

Изъ многолѣтней, обширной переписки В. А. Жуковскаго съ его другомъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ до сихъ поръ издано весьма мало. Писемъ самого поэта къ А. И. Тургеневу извѣстно въ печати лишь четырнадцать. Изъ нихъ бо́льшая часть (13-ть) явилась первоначально въ „Русскомъ Архивѣ“ (1864, 1866 и 1867 г.), откуда перепечатана П. А. Ефремовымъ въ его изданіи „Сочиненій В. А. Жуковскаго“, въ которыхъ г. Ефремовымъ помѣщено еще одно новое письмо. Сверхъ того небольшія выдержки изъ пяти писемъ встрѣчаются въ вышедшихъ въ 1873 году въ Лейпцигѣ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, и изъ этой книги онѣ внесены г. Ефремовымъ въ шестой томъ седьмаго изданія „Сочиненій В. А. Жуковскаго“.

Въ 1884 году сынъ поэта, Павелъ Васильевичъ Жуковскій, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ драгоцѣнное собраніе бумагъ своего отца. Между ними оказалось, между прочимъ, значительное число писемъ и записокъ Василія Андреевича къ А. И. Тургеневу. Письма эти, обнимающія сорокалѣтній періодъ времени (1805—1844), имѣютъ несомнѣнное историко-литературное значеніе и особенно важны для біографіи Жуковскаго. Нынѣ это богатое собраніе писемъ появляется въ свѣтъ, благодаря благосклонному разрѣшенію господина директора Императорской Публичной Библіотеки Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова.

Точныя копіи съ подлинниковъ сняты подъ наблюденіемъ библіотекаря рукописнаго отдѣленія той же Библіотеки И. А. Бычкова, который снабдилъ письма объяснительными примѣчаніями. Примѣчанія же, означенныя буквами П. Б., принадлежатъ одному изъ издателей „Русскаго Архива“.

При печатаніи писемъ мы не сочли нужнымъ соблюдать правописаніе подлинниковъ (напр. слова̀: „счастье,“ „если“ писаны часто такъ: „щастье,“ „естьли,“ и пр.), но окончаніе прилагательныхъ и мѣстоименій на *ой* вездѣ удержано.

Большое число печатаемыхъ писемъ не имѣетъ помѣтъ о времени ихъ написанія, которое въ такихъ случаяхъ приходилось устанавливать изъ самаго содержанія ихъ. Такія хронологическія опредѣленія выставлены въ началѣ писемъ въ круглыхъ скобкахъ. Основанія, по которымъ то или другое письмо отнесено къ извѣстному времени, изложены въ примѣчаніяхъ. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу не нашлись между подлинными письмами поэта къ его другу, принадлежащими Императорской Публичной Библіотекѣ, а между тѣмъ имѣютъ тѣсную связь съ другими, ближайшими къ нимъ по времени, мы сочли необходимымъ перепечатать ихъ въ настоящемъ изданіи, оговоривъ это каждый разъ въ своемъ мѣстѣ.

*

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ *).

I.

(Во второй половинѣ августа 1805).

Здравствуй, братъ и другъ. Отчего не пишешь ко мнѣ [1]) ни строки о возвращеніи вашемъ изъ Липецка, о здоровьи батюшки [2]), о самомъ себѣ и прочее? Стыдно. Я отъ другихъ узнаю, что вы пріѣхали. Что́ ты дѣлаешь, и отчего такая лѣнь? Я не требую большаго письма, а нѣсколькихъ строкъ. Твое письмо изъ Липецка получилъ я очень поздно; не писалъ на него отвѣта для того, что уже не думалъ, чтобы онъ засталъ васъ въ Липецкѣ, и дожидался извѣстія о твоемъ пріѣздѣ въ Москву.

---

*) В. А. Жуковскій (род. 29 Янв. 1783) былъ съ небольшимъ на годъ старше А. И. Тургенева (род 27 Марта 1784). На него и на его младшихъ братьевъ Николая (р. 1789) и Сергѣя (род. 1792) перенесъ онъ дружеское чувство, соединявшее его со старшимъ ихъ братомъ Андрѣемъ Ивановичемъ, чудеснымъ юношей-поэтомъ (род. 1 Окт. 1781), скончавшимся 8 Іюля 1803 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ Коммисіи составленія законовъ у Н. Н. Новосильцова. Въ то время, когда писаны печатаемыя нынѣ письма, Жуковскій жилъ то у матери своей въ Бѣлевѣ, то у бывшаго своего наставника А. А. Прокоповича Антонскаго, въ Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ, въ нынѣшнемъ домѣ Шаблыкина, близъ домовой церкви Университетскаго Благороднаго Пансіона (въ которой нынѣ магазинъ Пирлинга). Тургеневы жили на Маросейкѣ, въ Петроверигскомъ переулкѣ, въ принадлежавшемъ отцу ихъ Ивану Петровичу нынѣшнемъ домѣ П. П. Боткина. П. Б.

[1]) Письмо безъ даты; отнесено ко второй половинѣ августа 1805 года по соображеніямъ, изложеннымъ въ примѣчаніяхъ къ этому письму и принимая во вниманіе содержаніе слѣдующаго письма отъ 31 августа (того же года). Жуковскій находился въ это время въ селѣ Мишенскомъ (имѣніи покойнаго его отца, А. И. Бунина), въ трехъ верстахъ отъ г. Бѣлева, и въ самомъ Бѣлевѣ.

[2]) Отецъ А. И. Тургенева, Иванъ Петровичъ Тургеневъ (извѣстный масонъ, тайный совѣтникъ, съ конца 1797 по конецъ 1803 года директоръ Московскаго Университета), лѣто 1805 года проводилъ на водахъ въ Липецкѣ (см. Записки С. П. Жихарева, въ прилож. къ Русскому Архиву 1890 года, стр. 59) и вернулся въ Москву между 29 іюля и 1 августа (см. Московскія Вѣдомости 1805 года, № 61, отъ 2 августа, „Извѣстіе о пріѣхавшихъ въ столицу и выѣхавшихъ изъ оной первыхъ 5 классовъ особахъ“).

О нашемъ путешествіи вмѣстѣ съ Мерзляковымъ [3]) не говорю ничего: ты обо всемъ узнаешь отъ самого Мерзлякова; но очень радуюсь тому, что вмѣстѣ съ нами посылаютъ Николая [4]). Мой планъ годъ пробыть въ Геттингенѣ, учиться; еще годъ въ Парижѣ, также учиться; потомъ годъ ѣздить по Европѣ; если жъ обстоятельства не позволятъ, то все время посвятить ученію. Путешествіе будетъ для меня важнымъ дѣломъ, особливо если удастся поѣздить вмѣстѣ съ Мерзляковымъ. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературѣ. Надобно сдѣлаться человѣкомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше. Эта мысль меня оживляетъ, братъ! Я нынче гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ пресмыкаться въ этой жизни; что долженъ возвысить, образовать свою душу и сдѣлать все, что̀ могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ, не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захотятъ насъ понять. Но и кто можетъ быть для всѣхъ полезенъ? А для себя будемъ полезны своимъ благородствомъ, образованіемъ души своей. Наше счастье въ насъ самихъ! Ахъ, братъ, не надобно терять другъ друга изъ виду, не надобно оставлять другъ друга! Будемъ взаимно подавать другъ другу помощь! Надобно быть людьми непремѣнно! Я это чувствую! Мы живемъ не для одной этой жизни, я это имѣлъ счастіе нѣсколько разъ чувствовать! Удостоимся этого великаго счастія, которое ожидаетъ насъ въ будущемъ, которому нельзя не быть, потому что оно неразлучно съ бытіемъ Бога!—Adieu! Я радуюсь заранѣ тому, что̀ сдѣлаетъ для меня путешествіе. Всѣ эти животворныя идеи во мнѣ усилятся! Мы будемъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ странствовать, всѣмъ плѣняться и всѣмъ возвышать свою душу. Покажи это письмо ему. Я хотѣлъ писать къ нему, но не стану: онъ долженъ повѣрить, что онъ въ моихъ мысляхъ! Попроси его написать ко мнѣ.

Что же моя трагедія Эдипъ [5])? Если ты о ней не хлопоталъ и не хлопочешь, то, признаюсь, очень худо дѣлаешь. Достань ее ради Бога!

---

[3]) Алексѣемъ Өедоровичемъ (р. 1778 † 1830 г.), извѣстнымъ профессоромъ Московскаго Университета. Въ 1805 году онъ былъ адъюнктомъ. Дружескія письма его къ Жуковскому (начиная съ 1802 года) см. въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, ст. 0133—0157. Отправиться въ путешествіе Жуковскій думалъ въ половинѣ 1806 года и вернуться изъ него въ половинѣ 1809 года (см. выдержку изъ его журнала 1805 года, напеч. мною въ книгѣ „Бумаги В. А. Жуковскаго“, приложеніе къ Отчету Импер. Публичной Библіотеки за 1884 годъ, стр. 6). Предположенія о своемъ путешествіи Жуковскій сообщилъ и И. И. Дмитріеву, отзывъ котораго по этому поводу, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 15 ноября 1805, см. въ Русск. Архивѣ 1871 года, ст. 411. Мечты Жуковскаго о путешествіи не сбылись; какъ извѣстно, въ первый разъ онъ поѣхалъ за границу лишь въ 1820 году.

[4]) Третій изъ сыновей И. П. Тургенева, Николай Ивановичъ (р. 1789 † 1871). Завершать свое образованіе въ Геттингенѣ онъ отправился въ 1807 году (см. Записки Жихарева, стр. 264).

[5]) Рѣчь идетъ о трагедіи В. А. Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“, напечатанной въ Петербургѣ въ 1805 году и экземпляръ которой былъ присланъ авторомъ (служившимъ въ то время въ Петербургѣ) Жуковскому въ Москву (см. въ письмѣ подъ № 11).

Пришли пожалоста мои книги: Histoire de l'Amérique два тома, Mémoires de Lekain, Catalogue de Laharpe, Beispielsammlung.

II.

31 августа (1805).

Bonjour, ami. Хочу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ; сказать тебѣ, что ты очень дурно дѣлаешь, не отвѣчая мнѣ на мои письма; я не знаю, что́ ты, гдѣ ты, какъ все дѣлается вокругъ тебя, то-есть что́ твой батюшка и каковы твои обстоятельства. Сверхъ того очень мнѣ досадно то, что ты не подумаешь исполнить моей просьбы, то есть отыскать на почтѣ трагедію Эдипа, за котораго я думаю, что сочинитель [1]) бранитъ меня, и онъ имѣетъ причину, хотя я невиноватъ ни въ чемъ, а одолженъ одной твоей вѣтренности этою непріятностію. Тебѣ бы надлежало постараться все загладить, но ты объ этомъ не думаешь; не стыдно ли, братъ, не сдѣлать такой бездѣлицы!

Податель этого письма отдастъ тебѣ и урну [2]). Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставить ее на столбъ, которой надобно сдѣлать гранитной, потому что такой крѣпче; при семъ прилагаю и рисунокъ. Сдѣлай, братъ, все по моему плану; тебѣ пре-

---

[1]) В. А. Озеровъ.

[2]) Урна эта предназначалась для надгробнаго памятника старшаго сына И. П. Тургенева, Андрѣя Ивановича (р. 1781 † 8 іюля 1803 г.), который былъ связанъ съ Жуковскимъ узами тѣснѣйшей дружбы. По случаю кончины своего друга, Жуковскій написалъ въ іюлѣ 1803 года слѣдующіе (оставшіеся ненапечатанными) стихи; они сохранились въ его бумагахъ, подаренныхъ Имп. Публ. Библіотекѣ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25, а также Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1887 годъ, стр. 229):

О, другъ мой! Неужель твой гробъ передо мною!
Того ль несчастный я отъ рока ожидалъ!
Забывшись, я тебя безсмертнымъ почиталъ!
Святая благодать Предвѣчнаго съ тобою!
Покойся, милый прахъ! Твой сонъ завиденъ мнѣ!
Въ семъ мірѣ безъ тебя, надеждъ моихъ лишенный,
Я буду странствовать, какъ въ чуждой сторонѣ!
Но долго ль слезы лить на пепелъ твой священный?
Ахъ нѣтъ! Пройдетъ и жизнь, ты будешь *мой* опять!
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!!

Въ бумагахъ Жуковскаго имѣется также любопытное его письмо, по тому же печальному поводу, къ Ивану Петровичу Тургеневу, отъ 11 августа (1803 года). Это письмо, бывшее доселѣ неизданнымъ, мы помѣщаемъ, въ видѣ приложенія, вслѣдъ за настоящимъ письмомъ Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу.

доставляю исполненіе; этого для тебя должно быть довольно. Насъ трое дѣлаетъ этотъ памятникъ. Знаешь кто третій? Простая надпись «Здѣсь лежитъ......умершій на...году своей жизни» будетъ всего лучше. Если тебя это письмо не застанетъ въ Москвѣ, то оно будетъ доставлено Костогоровымъ [3]) вмѣстѣ съ урною. Отвѣчай мнѣ, братъ, пожалоста. Я нынче больше чувствую цѣну твоей и нѣкоторыхъ другихъ людей дружбы. Желалъ бы, чтобы мы съ Андрѣемъ Сергѣевичемъ [4]) были въ тѣснѣйшей связи; онъ долженъ быть хорошій человѣкъ [5]); скажи ему это. Со временемъ все будетъ сдѣлано, и, надѣюсь, все будетъ хорошо сдѣлано.

Я нынче, то-есть въ нынѣшнее лѣто, больше себя чувствовалъ и открылъ въ себѣ больше способности, или не знаю чего, быть человѣкомъ какъ надобно, то-есть быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чтó должно; больше думалъ и чувствовалъ. Но для того, чтобы все это во мнѣ и, прибавлю, во всѣхъ насъ, созрѣло, надобно, чтобы мы были друзьями, чтобы всякой изъ насъ, дѣлая что нибудь на семъ свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *міръ*, то-есть тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякой изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе для чего быть и славнымъ и добродѣтельнымъ!—нѣтъ, это я не такъ сказалъ!—иначе скучно, трудно быть и славнымъ, и добродѣтельнымъ! Какъ можно должно стараться поддерживать въ себѣ энтузіазмъ нашъ, которымъ мы въ старину, въ счастливое время нашего Собранія [6]), были оживлены гораздо болѣе, по крайней мѣрѣ вы прочіе; я, напротивъ, чувствую, что теперь я какъ-то живѣе, больше думаю самъ, больше вижу передъ собою возможности сдѣлать изъ себя что нибудь хорошее. Это меня дѣлаетъ счастливымъ, по крайней мѣрѣ часто счастливымъ; чтожъ если то, чтò думалъ, будетъ сдѣлано! Для этого нужно имѣть въ дружбѣ подпору! Видишь ли, что я умомъ доказываю необходимость для насъ дружбы, и, признаюсь, больше умомъ, нежели чувствомъ. Я сильнѣе это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты самъ признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова,

---

[3]) Михаилъ Дмитріевичъ Костогоровъ, сотоварищъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Московскому Университетскому Благородному Пансіону.

[4]) А. С. Кайсаровъ также воспитывался вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Тургеневыми въ Универс. Благородномъ Пансіонѣ. Проведя, по окончаніи курса, нѣсколько лѣтъ (1796—1799) въ военной службѣ, онъ затѣмъ отправился въ заграничное путешествіе, во время котораго слушалъ лекціи въ Геттингенѣ (вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ) и Эдинбургѣ. Возвратясь въ Россію, онъ сдѣлался въ 1811 г. профессоромъ Русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1812 снова вступилъ въ военную службу; 14 (26) мая 1813 года онъ былъ убитъ подъ Гайнау.

[5]) Между нами не должно быть антипатіи; я нашелъ у себя въ письмахъ письмо его ко мнѣ и Мерзлякову, очень дружное, а съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не ссорились, и не за что. *Примѣчаніе В. А. Жуковскаго.*

[6]) Т. е. Собранія воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое было основано Жуковскимъ и его товарищами

Кайсарова, была основана на воображеніи; можетъ быть вояжъ [7]) больше далъ тебѣ средствъ быть *на опытѣ* другомъ съ А. С. [8]), и ему тоже. Тѣмъ лучше для васъ. Ожидаю того же для себя и надѣюсь. Будемъ друзьями, братцы; мы *сдѣлаемъ* гораздо больше; но будемъ друзьями безъ ребячества, какъ должно. Я въ себѣ чувствую больше силы быть мужемъ, потому что начинаю чаще размышлять. До сихъ поръ я, кажется, томился въ *женственности*, въ бездѣйствіи. И теперь немного дѣятельности, но по крайней мѣрѣ вижу необходимость быть выше, выше; для этого требую помощи отъ друзей моихъ. Братцы, вмѣстѣ, вмѣстѣ пойдемъ ко всему доброму! Это говоритъ вамъ не энтузіазмъ ребяческой и огненной, но холодное размышленіе. Еще, братъ, хочу обратить вниманіе на религію. Она нужнѣе и дѣйствительнѣе простой, умственной философіи; но только хочу; испытаю и увижу. Прости, братъ! Отвѣчай мнѣ, если не хочешь меня чувствительно оскорбить.

Это письмо писано къ тебѣ и къ Мерзлякову, моему *товарищу* (какъ много заключается подъ этимъ словомъ). Я пишу его съ особеннымъ чувствомъ! Онъ мой товарищъ, мы будемъ съ нимъ образоваться вмѣстѣ, всѣмъ вмѣстѣ; лучшее и самое критическое время жизни моей пройдетъ съ нимъ; отдай ему это письмо. Я не пишу къ нему особенно потому, что все равно, къ тебѣ ли, къ нему ли надпись на конвертѣ: содержаніе для васъ обоихъ. Скажи ему еще разъ, что я имѣю право требовать отъ него отвѣта на письмо: я хочу знать, каково его положеніе, каковы его планы, все, все, что̀ принадлежитъ до нашего съ нимъ путешествія. Если бы я былъ взыскателенъ, то бы сказалъ ему и даже тебѣ, что вы меня слишкомъ забыли, имѣя столько важныхъ вещей, объ которыхъ я непремѣнно долженъ знать. Съ моей стороны вы должны ожидать одного описанія моихъ мыслей и чувствъ, слѣдовательно должны знать, что матерія не разнообразна и не изобильная, и даже неинтересная, потому что я рѣшилъ описывать то, что̀ во мнѣ происходитъ, и не всегда расположеніе отвѣчаетъ случаю, то-есть не всегда въ почтовой часъ бываешь веселъ и хорошо расположенъ, чтобы описывать чувства свои и мысли какъ надобно, такъ, какъ бы хотѣлось. Во всемъ, что̀ со мною случается, нѣтъ ничего для васъ интереснаго, потому что всѣ мои отношенія вамъ неизвѣстны. Итакъ, видите ли, что я совершенно правъ. Но вы виноваты: я еще не зналъ по сіе число, что Мерзл(яковъ) магистръ [9]), что ему прибавлено жалованье; о пріѣздѣ твоемъ изъ Липецка [10]) узналъ отъ Сохацкаго [11]); больше ничего не знаю. Исправьтесь, милостивые государи, друзья мои. Ожидаю отъ васъ удовлетворительнаго письма.

---

[7]) Т. е. путешествіе заграницу, совершенное Александромъ Ив. Тургеневымъ вмѣстѣ съ А. С. Кайсаровымъ.

[8]) Т. е. Андрѣемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ.

[9]) Въ магистры Мерзляковъ былъ произведенъ еще 10 февраля 1801 года (см. Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московск. университета, ч. II, М. 1855), стр. 60).

[10]) См. примѣч. 2 къ письму № I.

[11]) Павла Аѳанасьевича Сохацкаго († 1809), профессора эстетики въ Московскомъ

P. S. Между тѣмъ требую непремѣнно, чтобы ты, Александръ, исполнилъ мои коммисіи. Онѣ слѣдующія: прислать всѣ мои книги, которыя у тебя, непремѣнно; я терпѣть не могу разрозниванія въ большихъ увражахъ. У тебя Histoire de l'Amérique 1 и 2 томы, Beispielsammlung 1-й томъ, Catalogue de Laharpe, Mémoires de Lekain. Пришли непремѣнно и какъ можно похлопочи объ этомъ. Если нѣтъ тебя въ Москвѣ, то Мерзляковъ долженъ исполнить всѣ сіи коммисіи. Заставь Николая [1]) съѣздить на почту, самъ съѣзди и пр. и пр. A propos de Nicolas. Я еще не благодарилъ твоего батюшку за его милость (довѣренность съ его стороны почитаю милостію). Скажи, что я буду самымъ вѣрнымъ и вѣрнѣйшимъ товарищемъ Николаю, тѣмъ надежнѣе, что моимъ товарищемъ будетъ Мерзляковъ. Въ самомъ дѣлѣ, это позволеніе ѣхать со мною Николаю и для меня собственно будетъ благодѣтельно; желая *его* пользы, буду себя можетъ быть отъ многаго удерживать и вообще буду осторожнѣе во всемъ. Не правда ли? Но я хотѣлъ написать нѣсколько строкъ, а написалъ нѣсколько страницъ.

Вотъ рисунокъ: столбъ и камень гранитные; желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло свое собственное имя, то-есть имя тѣхъ людей, которые больше были *къ нему* [2]) привязаны. Разумѣется, что первыя два должны быть посвящены батюшкѣ и Ив. В. [3]) Дѣлай какъ хочешь впрочемъ; все это зависитъ отъ одного тебя.

Мерзляковъ! Если Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ, отошли это письмо и урну къ нему съ Костогоровымъ. Будь хотя въ этомъ случаѣ, противъ своего обыкновенія, дѣятельнымъ, то-есть не лѣнивымъ, для Жуковскаго.—Извините, братцы, что въ письмѣ моемъ такой безпорядокъ: я писалъ такъ, какъ говорилъ, а вы знаете, какъ я говорю.

—

Письмо В. А. Жуковскаго къ И. П. Тургеневу.

11 августа (1803).

Милостивый государь Иванъ Петровичъ.

Я имѣлъ счастіе получить ваше драгоцѣнное, утѣшительное и вмѣстѣ горестное письмо; вы можете вообразить себѣ мою благодарность. Мнѣ лестно и усладительно видѣть, что вы раздѣляете со мною чувства души своей и находите въ этомъ нѣкоторую отраду. Чувствую цѣну вашей милости. Осмѣлюсь сказать, что воспоминаніе о незабвенномъ нашемъ А. И. и любовь къ его милому праху должны

Университетѣ. Въ издававшихся Сохацкимъ журналахъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ Жуковскій печаталъ нѣкоторыя свои стихотворенія и переводы.

[12]) Николая Ивановича Тургенева.

[13]) Къ Андрѣю Ивановичу Тургеневу.

[14]) Т. е. Ивану Владимировичу Лопухину (р. 1756 † 1816), извѣстному масону и автору „Записокъ“, пріятелю И. П. Тургенева.

соединить насъ тѣснѣе, не смотря на разстояніе, которое разлучаетъ насъ. Я, любя васъ лично, какъ добродѣтельнаго человѣка, котораго примѣръ почитаю благодѣяніемъ, буду еще больше любить въ васъ отца моего истиннаго друга, которому я не имѣлъ времени и случаю доказать, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ и любезенъ. Вотъ что еще болѣе усиливаетъ мою горесть. Я все думалъ о будущемъ и надѣялся опытовъ. Но какъ обманчива надежда! И со всѣмъ тѣмъ человѣкъ не перестаетъ надѣяться. Какъ я несчастливъ, что не могъ быть при немъ въ минуту смерти. Но онъ умеръ не одинъ, онъ умеръ на рукахъ П. С. [1]), которому завидую отъ всего сердца. По крайней мѣрѣ утѣшаюсь внутреннимъ чувствомъ своимъ, которое говоритъ мнѣ, что я не оставилъ бы его въ эту минуту, не побоялся ужасной прилипчивой болѣзни и пожертвовалъ бы жизнію для послѣдняго долга дружбы, для утѣшенія умирающаго, единственнаго друга своего. Можетъ быть, темное, отдаленное воспоминаніе о тѣхъ, которые оставались плакать по немъ въ этомъ мірѣ, приходило оживлять его въ нѣкоторыя минуты, свободныя отъ физическаго страданія! Можетъ быть онъ желалъ насъ видѣть и воображалъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, потерявъ его! Но кого не утѣшитъ въ самыхъ страданіяхъ видъ И. Вл. [2])! Онъ конечно облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ усладилъ его надеждою на безсмертіе. на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мірѣ! Какъ такія утѣшенія должны быть дѣйствительны при концѣ жизни! Прошу Бога, чтобы не допустилъ мнѣ умереть одному, посреди людей нечувствительныхъ! Смерть сама по себѣ ничего, но обстоятельства смерти могутъ быть ужасны. Ахъ, почтенный человѣкъ, какъ понять, что́ такое смерть? Мертвые не говорятъ; а тѣ, которые оплакиваютъ ихъ, видятъ одинъ только прахъ того, что́ было имъ драгоцѣнно, видятъ однѣ развалины, ничтожество цѣлаго. Вѣрю, что я, то-есть составъ мой, не исчезнетъ. Стихіи раздѣлятся, пріобщатся къ стихіямъ; но гдѣ тотъ образъ, то явленіе, которые происходили отъ союза стихій? Части разрушеннаго инструмента цѣлы; но гдѣ гармонія, гдѣ прелестные звуки, которые восхищали меня? Но въ природѣ нѣтъ ничтожества. Смерть есть измѣненіе. Твореніе умираетъ, перестаетъ дѣйствовать только тогда, когда сила, которая двигала его органами, перестаетъ производять сіе движеніе. Если мы составлены изъ стихій, то почему не назвать души стихіею же, несравненно тонкою, первородною, проистекающею отъ первоначальной стихіи, которая оживляетъ все твореніе, отъ Бога? Грубыя стихіи отдѣлятся, возвратятся къ своимъ источникамъ, душа къ своему источнику. Фенелонъ называетъ Бога étendue sans bornes, dans laquelle toutes les étendues bornées existent et se concentrent [3]). Пространствомъ безконечный [4]). Но если душа, какъ духовный атомъ, отдѣленный отъ души всемірной, объемлющей все своею безпредѣль-

[1]) Паисія Сергѣевича Кайсарова?

[2]) Ивана Владимировича Лопухина.

[3]) Т. е. безграничнымъ пространствомъ, въ которомъ существуютъ и сосредоточиваются всѣ ограниченныя пространства.

[4]) Извѣстный стихъ Державина. П. Б.

ностію, должна къ ней пріобщиться и въ нее *кануть*, какъ въ океанъ капля, то какая утѣшительная мысль о будущемъ свиданіи можетъ оживлять человѣка, разлученнаго смертію съ своими любезными? Мы можемъ желать и надѣяться только такихъ радостей, которыя воображать можемъ; только тотъ образъ, подъ которымъ мы были здѣсь счастливы, можетъ плѣнять насъ въ будущей жизни. Ожидая будущаго свиданія съ друзьями, мы желали бы сохранить тѣ чувства къ нимъ, которыя имѣла душа наша въ сей жизни. Но душа наша, пріобщившись къ началу своему, должна необходимо измѣниться, получить новый образъ чувствъ и мыслей. Гдѣ жъ будутъ сіи наслажденія, которыми были мы счастливы въ сей жизни? Составляя часть необъятнаго цѣлаго, мы будемъ чувствовать и наслаждаться только въ отношеніи къ сему цѣлому, и я понимаю, что это наслажденіе будетъ чище и выше. Но гдѣ жъ будутъ наслажденія частныя, которыя были принадлежностями нашего *особеннаго* бытія, о которыхъ мы здѣсь имѣемъ идею и которыхъ однихъ желать и надѣяться можемъ, потому что уже ихъ испытали? Если душа моя не разрушится съ бреннымъ тѣломъ, то для чего не блаженствовать ей въ кругу отдѣленномъ, не почитать сего верховнаго блаженства своею собственностію, дѣля его съ тѣми, которые были ей здѣсь любезны, съ которыми она соединилась навѣки и никогда не разлучится? Можетъ быть, я самъ себѣ противорѣчу! Если наслажденія будутъ выше и благороднѣе, то должно ли сожалѣть о тѣхъ, которыя имѣли мы въ семъ мірѣ? Но я сказалъ, что объ тѣхъ мы не имѣемъ идеи и, слѣдственно, не можемъ пламенно желать ихъ и ясно надѣяться. Какъ бы то ни было, довѣренность къ Провидѣнію! какъ говоритъ Карамзинъ и какъ долженъ говорить всякой доброй человѣкъ. Если есть Богъ, то есть и душа, вѣчная, безсмертная. А какъ не быть Богу! Мы ограничимъ Его свойства, если скажемъ, что Онъ создалъ насъ для того, чтобы мы обратились въ ничто: мы назовемъ Его тогда только творящимъ и всесильнымъ Существомъ и отнимемъ отъ Него любовь и благость. Онъ тиранъ, если пустилъ насъ въ міръ для страданія или *несовершенныхъ* удовольствій, давши намъ волю и понятія, которыя влекутъ насъ къ *совершенному*, къ высокому и благородному, и отнявъ у насъ безсмертіе, которое одно можетъ удовлетворить нашимъ безпредѣльнымъ желаніямъ и планамъ. Чтó еще больше заставляетъ думать, что души наши будутъ имѣть особенные круги дѣйствія въ томъ мірѣ, есть то, что не всѣ онѣ оставляютъ здѣшній міръ съ одинакимъ совершенствомъ. Души Равальяка и Генриха не могутъ составлять вмѣстѣ одного цѣлаго. Онѣ будутъ въ теченіе всей вѣчности въ одинакомъ разстояніи одна отъ другой, будутъ безпрестанно подходить къ совершенству, но такъ, что духъ Равальяка, очищенный и возвышенный, всегда будетъ столькими жъ степенями ниже Генрихова, сколькими былъ онъ ниже здѣсь, въ этомъ мірѣ. И въ семъ отношеніи можно принять вѣчное наказаніе, впрочемъ не сообразное съ понятіемъ о Творцѣ милосердомъ и всемогущемъ. Такое наказаніе есть въ порядкѣ вещей и должно быть твердѣйшимъ и неизмѣняемымъ закономъ въ въ твореніи. Довольно! Пусть будетъ то, чтò должно быть! Наше дѣло: быть добрыми въ сей жизни. Смерть рѣшитъ всѣ сомнѣнія. Вообразите

же, что для нашего А. И. все рѣшилось! Для чего, скажу я вмѣстѣ съ вами, запрещено мертвымъ сообщаться съ живыми; для чего ихъ могилы закрыты и безмолвны? Ахъ, они видятъ насъ, окружаютъ насъ, трогаются нашимъ несчастіемъ, и эта одна мысль должна бы была удерживать насъ и отвращать отъ зла.... Но человѣкъ есть слабость, страдательное, безсильное твореніе!

Какъ мнѣ пріятно и усладительно говорить и думать съ вами. Перечитываю письмо и нахожу, что оно безпорядочно. Вы меня простите. Я говорилъ, не приготовясь, такъ, какъ лилось изъ души моей, не думая о слогѣ и порядкѣ.

Осмѣливаюсь напомнить вамъ, милостивой государь Иванъ Петровичь, о моей просьбѣ переписать письма и другія интересныя бумаги покойника. Этотъ подарокъ былъ бы для меня самымъ лучшимъ, какого только я желать могу. Позвольте вамъ открыть планъ мой, котораго исполненіе зависитъ отъ воли вашей. Позвольте мнѣ сдѣлать выборъ изъ писемъ А. И., въ которыхъ такъ видна душа его, благородная и необыкновенная, и быть ихъ издателемъ. Это будетъ лучшимъ ему памятникомъ. Письма эти суть все, что̀ намъ осталось отъ человѣка единственнаго, которой могъ бы быть украшеніемъ своего отечества. Напечатавъ ихъ, докажу ему, что память его мнѣ драгоцѣнна [5]). Я пожертвую на это изданіе нѣсколькими деньгами, пріобрѣтенными моими трудами; употреблю все, что̀ могу, чтобы сдѣлать его достойнымъ моего незабвеннаго друга. Ахъ, я не такимъ образомъ надѣялся доказать ему свою дружбу. Что жъ дѣлать! Недавно, перечитывая стихи свои на *Марьину рощу*, которые началъ было я сочинять [6]) въ Свирловѣ [7]), я прочелъ въ нихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣд(ующіе) два стиха:

Что̀ ждетъ меня въ дали на жизненномъ пути?
Что̀ мнѣ назначено таинственной судьбою?

Ахъ, судьба очень скоро отвѣчала мнѣ на этотъ вопросъ! Смѣлые люди почитаютъ отдаленнымъ то, чего не видятъ; но какъ оно

---

[5]) Это намѣреніе Жуковскаго не осуществилось.

[6]) Стихи на Марьину рощу до насъ не дошли ни въ окончательной редакціи, ни въ набросках.

[7]) Въ сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго программѣ задуманнаго имъ журнала (дневника), въ девятомъ отдѣлѣ читаемъ слѣдующее: „Отставка. Вторичный переводъ Гресовой элегіи. Намѣреніе строиться въ Бѣлевѣ. Знакомство съ барономъ (*т. е. Черкасовымъ*). Короткое знакомство съ Карамзинымъ. Жизнь въ Свирловѣ. Смерть Тургенева“ и пр. (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 4—5). Вторичный переводъ Гресовой элегіи „Сельское кладбище“ сдѣланъ въ сентябрѣ 1802 года; Андрѣй Тургеневъ умеръ 8 Іюля 1803 года; слѣд. жизнь Жуковскаго въ Свирловѣ относится къ концу 1802 или первой половинѣ 1803 года. О Свирловѣ упоминается въ одномъ изъ писемъ А. Ѳ. Мерзлякова къ Жуковскому (отъ 22 сентября 1803): „На сихъ дняхъ, совсѣмъ нечаянно обѣдалъ я въ Свирловѣ, говорилъ объ тебѣ съ хозяиномъ и вообще познакомился я съ нимъ очень хорошо“ (Русск. Архивъ, 1871, ст. 0143).

бываетъ отъ нихъ близко! Сія скрытность есть одно изъ первѣйшихъ благодѣяній Провидѣнія: если бъ несчастія приближались видимо, то сколько бы мы страдали, не будучи несчастными!

Я ожидаю и надѣюсь вашего позволенія. Увѣренъ, что вы не станете помогать мнѣ деньгами, нужными для напечатанія. Позвольте, чтобъ этотъ памятникъ былъ точно мой. Мы можемъ поставить другой на милой гробъ его, которой долженъ быть отличенъ отъ другихъ гробовъ. Пускай отецъ и друзья своими руками положатъ камень на могилу своего незабвеннаго. Въ день суда онъ не воспрепятствуетъ возстать ему. Мы можемъ замѣтить день его смерти, посвятить его во все теченіе жизни своей какому нибудь обряду, которой бы напоминалъ намъ любезнѣйшаго человѣка и вмѣстѣ соединялъ насъ всѣхъ чувствами и во время разлуки нашей. 8-е іюля всѣ мы, гдѣ бы мы ни были, будемъ думать объ немъ и дѣлать одно. Это его мысль. Онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ предлагалъ членамъ Собранія [8]) назначить день, которой бы всѣмъ посвящать воспоминанію о Собраніи.

Итакъ вы позволите мнѣ быть издателемъ его писемъ, которыя посвящу вамъ; вы позволите пріобщить мнѣ къ нимъ краткую исторію жизни его: пускай всѣ знаютъ, кто онъ былъ и что́ онъ былъ для тѣхъ, которые были съ нимъ связаны тѣсными узами. Вотъ памятникъ его достойный! А стиховъ моихъ [9]) не должно печатать: я гордъ именемъ его друга, но такими ли стихами я долженъ почтить кончину его? Они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня. Простите, милостивый государь; смѣю надѣяться, что вы скоро исполните мою просьбу и не откажете мнѣ въ своемъ позволеніи. Почтенному Максиму Ивановичу [10]) мое истинное увѣреніе въ вѣчной дружбѣ.

Остаюсь съ сердечною преданностію вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

III.

Сентября 11-е 1805-го. Бѣлевъ.

Благодарю тебя, мой любезный Александръ, за твое письмо. Оно меня тронуло до слезъ; нѣтъ ничего пріятнѣе мысли: есть добрый, прекрасный человѣкъ, для котораго я очень много значу и которой будетъ моимъ помощникомъ во всемъ добромъ, во всемъ прекрасномъ, и которой удержитъ меня, если буду слѣдовать какому нибудь заблужденію, или ободритъ, если что нибудь приведетъ меня въ уныніе. Вотъ вещи, которыя мнѣ всего нужнѣе и которыхъ, по несчастію, не имѣю. Иногда чувствую въ себѣ какую-то необыкновенную живость, которая дѣлаетъ для меня свѣтъ прекраснымъ, и я воображаю въ дали

---

[8]) Т. е. Собранія воспитанниковъ Московск. Университетскаго Благороднаго Пансіона.

[9]) На смерть Андрѣя Ив. Тургенева. См. ихъ въ примѣч. 2-мъ къ письму II-му.

[10]) Невзорову († 1827), литератору, принадлежавшему къ кругу Московскихъ масоновъ.

какую-то счастливую участь, которой ожиданіе волнуетъ мою кровь. Иногда все это исчезаетъ; тѣ же самыя чувства, которыя меня радовали, приводятъ меня въ уныніе, самое тягостное, своею вялостію. Но теперь эти минуты вообще рѣже, гораздо рѣже. Мой умъ получилъ какую-то особенную твердость; по крайней мѣрѣ во многія минуты былъ очень ясенъ и дѣятеленъ. Тѣмъ тяжелѣ минуты бездѣйствія. Хотѣлъ бы все пробыть въ одинаковомъ живомъ положеніи, и огорчаешься вдвое, когда оно прекращается. Вотъ для чего желалъ бы имѣть васъ, братцы, съ собою. Какъ прекрасно быть хорошимъ человѣкомъ въ глазахъ друзей! Это я теперь очень чувствую. Напротивъ, въ глазахъ тѣхъ людей, которые насъ не понимаютъ или имѣютъ совсѣмъ другой образъ чувствъ и мыслей, дѣлаешься мертвымъ, сомнѣваешься въ самомъ себѣ, теряешь свою свободу чувствовать и мыслить, теряешь самое желаніе быть дѣятельнымъ, теряешь надежду, первую, единственную причину всякой дѣятельности. Вотъ для чего восхищаюсь необыкновенно вояжемъ: дѣятельность, свобода, разнообразіе предметовъ, и друзья-свидѣтели моихъ чувствъ и мои наставники, мои помощники. Какая прекрасная перспектива. Я буду очень несчастливъ, если этотъ планъ не исполнится. L'âme est un feu, qui s'éteint, s'il ne s'augmente [1]), сказалъ Вольтеръ. Моя душа не имѣла еще пищи, не пробуждалась, это вѣрно; воспитаніе, или лучше сказать все то, что̀ было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имѣлъ воспитанія), вмѣсто того, чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то-есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ. Однимъ словомъ, прекрасно бы было всѣмъ намъ жить вмѣстѣ—я называю жить, не *дышать*, не *спать* и *ѣсть*, но *дѣйствовать* и наслаждаться своею дѣятельностію; слѣдовательно эта дѣятельность должна вести къ чему нибудь высокому, иначе можно ли будетъ ею наслаждаться? Но я буду отвѣчать на твое письмо; отвѣчая, много скажу о самомъ себѣ, о моей цѣли и о томъ, что̀ мы можемъ и должны сдѣлать другъ для друга.

16 Сентября. Это письмо не было послано на почту: мнѣ помѣшали писать, я долженъ былъ его оставить. Вообрази, какая досада. Иванъ Володимеровичъ [2]) былъ въ Бѣлевѣ, и я его не видалъ; мнѣ даже не сказали, что его ожидали, иначе я бы вѣрно его увидѣлъ. Очень досадно! Скажи, какъ онъ пріѣхалъ и каково батюшкѣ отъ его пріѣзда? Что̀ у васъ дѣлается и прочее, объ этомъ ты совсѣмъ ничего не пишешь и очень дурно дѣлаешь. Буду отвѣчать на твое письмо и поговорю съ тобою посурьезнѣе. Между тѣмъ пожури за меня Мерзлякова; мнѣ кажется, онъ не только что лѣнивъ писать ко мнѣ, но даже, какъ видно, лѣнивъ обо мнѣ и подумать; а я вѣдь долженъ быть его спутникомъ!

Во первыхъ, я не думаю и не думалъ, чтобы мы холодѣли другъ ко другу. Этого нѣтъ; а я сказалъ тебѣ, въ прошедшемъ моемъ пись-

---

[1]) Т. е. душа есть пламя, которое тухнетъ, если оно не усиливается.

[2]) Лопухинъ.

мѣ, что мы вообще не были такъ тѣсно связаны, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Это правда; можетъ быть, этому причиною обстоятельства, которыя насъ такъ надолго разлучили; а разлука, согласишься самъ, не усиливаетъ дружбы, когда она не иное что, какъ простая связь, основанная на привычкѣ быть вмѣстѣ, сдѣланная обстоятельствами, пріятная, но не такая необходимая, безъ которой бы нельзя было обойтись, которая бы составляла важную часть жизни (я разумѣю моральную жизнь)! Такой связи между нами не было, согласишься самъ, даже и теперь нѣтъ, но будетъ, должна быть, въ этомъ я увѣренъ: надобно только увѣриться, что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ тоже вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу, то-есть самое благодѣтельное, святое, оживляющее, ободрительное. Нельзя сказать однимъ словомъ, мнѣ тебѣ, тебѣ мнѣ: я твой другъ; мы должны вмѣстѣ трудиться, дѣйствовать, чтобы послѣ сдѣлаться достойными дружбы и, слѣдовательно, быть друзьями. Дружба есть добродѣтель, есть все, только не въ одномъ человѣкѣ, а въ двухъ (много въ трехъ или четырехъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше). Если скажутъ обо мнѣ: онъ истинной другъ, тогда скажутъ другими словами: онъ добродѣтельной, благородный человѣкъ, оживленный *однимъ* огнемъ вмѣстѣ съ другимъ, которой ему равенъ, которой его поддерживаетъ собою, а самъ поддерживается имъ. Вотъ что значитъ дружба въ моемъ смыслѣ. Я не спрашиваю, друзья ли мы? На этотъ вопросъ ни ты, ни я, ни Мерзляковъ, никто изъ насъ не можетъ отвѣтить *да*! Но какъ прекрасно соединиться для того, чтобы послѣ быть друзьями, дѣйствовать для самихъ себя, потомъ наслаждаться своимъ собственнымъ дѣломъ; жить другъ для друга, говорить себѣ во всякомъ случаѣ: я дѣлаю не для себя одного, есть свидѣтели моихъ дѣлъ, которыхъ не боюсь, но которые составляютъ для меня самое верховное судилище! Видишь ли, что я говорю не такъ, какъ энтузіастъ; что все, мною сказанное, не мечта, но можетъ и должно исполниться, потому что согласно съ цѣлію Провидѣнія, которая всему велитъ совершенствоваться. Только тѣ вещи могутъ не удаваться, которыя зависятъ отъ случая или постороннихъ обстоятельствъ; но все, чтó ни предлагаю, зависитъ отъ насъ самихъ, неразлучно съ нами—какъ этому не исполниться! Я вамъ всѣмъ, тебѣ, Мерзлякову, Блудову [3]), долженъ сказать откровенно, что не былъ никогда привязанъ къ вамъ съ отмѣнною силою, такъ же какъ и вы всѣ ко мнѣ (лучше это видѣть, нежели не видѣть, потому что, увидѣвши, узнаешь причину и поправишь). Мы всѣ сходились вмѣстѣ *случайно*, съ удовольствіемъ; но, я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ чего-то не было такого, чтó всего вѣрнѣе въ дружбѣ—какъ это назвать, не знаю. Никого изъ васъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою *привязанностію*, какъ

---

[3]) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (впослѣдствіи графъ) былъ товарищемъ юности Жуковскаго однимъ изъ близкихъ его друзей.

брата [4]), то-есть, не будучи съ нимъ вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ былъ къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отмѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что́ бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то-есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже *покориться*; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многимъ, очень многимъ, всѣмъ, со временемъ, разумѣется, не вдругъ! Для чего же и жить, какъ не для усовершенствованія своего духа всѣмъ тѣмъ, что́ есть высокаго и великаго? Одному этого сдѣлать почти не можно! Будемъ же друзьями, то-есть вѣрными товарищами на пути къ добру! Дружба есть добродѣтель, еще разъ повторяю. Я забылъ сказать о причинѣ той *малой* привязанности (или справедливѣе *не довольно сильной*, малою ее нельзя назвать, потому что это будетъ неправда), которая была между нами. Я думаю та причина, что вся наша дружба была не иное что, какъ ребячество, какъ простая связь, не на твердомъ основаніи, безъ всякой цѣли, а сдѣланная случаемъ, такъ же, какъ и всѣ свѣтскія дружбы и связи. Положимъ себѣ цѣль (какую знаешь), пойдемъ по ней вмѣстѣ, не поперечa другъ другу, но помогая, но воспламеняя другъ друга при всякомъ случайномъ ослабленіи. Тогда не одна склонность соединитъ насъ, но *благодарносшь*, *почтеніе* взаимное и даже чувство необходимости въ такой связи, которая должна привести насъ навѣрно къ счастію. Все, что́ я къ тебѣ теперь написалъ, все сказано безъ особеннаго натянутаго чувства, а просто, съ нѣкоторымъ твердымъ и очень пріятнымъ увѣреніемъ. Чувства очень мѣняются, потому что все на нихъ имѣетъ вліяніе; я говорю такія чувства, которыя ни на чемъ не основаны, а *вдругъ*, на время, тебя воспламеняютъ; но чувства спокойныя, утвержденныя умомъ, тверды и навсегда остаются, потому что, имѣвши ихъ въ спокойную, *обыкновенную* минуту, всегда можешь возобновить, не выходя изъ своего обыкновеннаго положенія. Это я знаю по частому опыту. Очень нерѣдко бывалъ я въ отчаяніи, не находя въ себѣ того сильнаго чувства, которое въ другое время имѣлъ; это только отъ того, что это сильное чувство, неестественное, или лучше сказать необыкновенное, есть феноменъ, который не всегда возобновлять можешь свободно. Теперь *дурное расположеніе*, которое такъ часто прежде меня мучило, не имѣетъ на меня вліянія, я дерусь съ нимъ умомъ и часто—*vive la raison*! [5])—побѣждаю его.

Но я исписалъ почти четыре страницы, а еще очень мало сказалъ о томъ, что́ думалъ прежде. Я заболтался, но, право, говорилъ

---

[4]) Андрѣя Ивановича Тургенева.

[5]) Т. е. да здравствуетъ разумъ.

то, что̀ ты долженъ принять, и, кажется, все, сказанное мною, навсегда во мнѣ останется, тѣмъ больше, что я все думалъ, все говорилъ безъ моего прежняго энтузіазма, которой такъ вѣтренъ и перемѣнчивъ. Изъ этого однакожъ ты не долженъ заключать, что будто я хочу отказаться совсѣмъ отъ энтузіазма; напротивъ, я хочу его усилить, укоренить, только ошибить ему нѣсколько крылья, сдѣлать его спокойнѣе, постояннѣе: хочу, чтобы онъ меня освѣщалъ, а не ослѣплялъ. И это даже должна сдѣлать дружба: *одинъ* будешь не такъ смѣлъ, а то, что́ воспламенитъ и будетъ воспламенять *многихъ въ одно время*, то покажется не пустою мечтою, а чѣмъ-то разсудительнымъ, основательнымъ. Видишь ли, что я хочу быть энтузіастомъ по разсудку. C'est une rareté [6])!

Оставляю до другой почты то, что̀ я хотѣлъ тебѣ сказать о самомъ себѣ, то-есть о своемъ характерѣ, о моей цѣли въ жизни, вообще о моей *частной* жизни отдѣльно отъ нашей *общей*, которую должна намъ дать дружба. Надобно объ этомъ подумать еще, сверхъ того я что-то усталъ; вѣдь не вдругъ привыкнешь къ продолжительному *размышленію*. Эта наука труднѣе всякой, особливо когда человѣкъ прожилъ 23 года на семъ свѣтѣ, не подозрѣвая, чтобы можно было находить пріятность въ размышленіи. Это отчасти мой жребій, но я знаю этому причину, слѣдовательно, перемѣню это, съ вашею помощію, милостивые государи, друзья мои! Это будетъ отнынѣ моимъ обыкновеннымъ припѣвомъ.

Хотѣлъ еще написать къ тебѣ, но не буду! Некогда, опоздаю.

IV.

Генваря 8-е (1806, Бѣлевъ).

Сейчасъ получилъ твое письмо и сейчасъ на него отвѣчаю. Благодарю тебя, братъ, любезный другъ; ты меня душевно тронулъ; тронулъ тѣмъ, что мнѣ захотѣлъ повѣрить свои чувства: это доказываетъ, что я тебѣ нуженъ и что ты точно хочешь любить меня. Признаюсь, я нѣсколько боялся; думалъ почти, что я не совершенно важный человѣкъ для тебя, что тебѣ можно обойтись безъ меня. Тонъ твоего письма доказываетъ мнѣ противное; онъ трогаетъ меня душевно. Однимъ словомъ, намъ надобно быть друзьями, товарищами въ этой бѣдной жизни, въ которой ничто не радуетъ, по крайней мѣрѣ не радуетъ продолжительно; одна мысль будетъ меня всегда восхищать, мысль о такомъ человѣкѣ, какъ ты, котораго дружба должна быть для меня свѣтильникомъ. Я чувствую, братъ, что я сталъ нѣсколько способнѣе противъ прежняго быть человѣкомъ, то-есть не двуножнымъ животнымъ безъ перьевъ, но человѣкомъ въ твоемъ смыслѣ, нѣсколько способнѣе для дружбы. Но что дѣлать! Здѣсь я одинъ; почти все, что̀ вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ передъ собою брата батюшку—какіе люди! но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже, не-

[6]) Т. е. это рѣдкость.

Танковъ А. Преосвященный епископъ Курскій Иннокентій. „Курскія Еп. Вѣд." № 40.

Танковъ А. Высокопреосвященный архіепископъ Курскій Иліодоръ. „Курскія Еп. Вѣд." № 44.

Титовъ Ѳ. Духовныя школы Курско-Бѣлоградской епархіи. „Курскія Еп. Вѣд." № 45.

Историко-статистическое описаніе Пертоминскаго монастыря. „Архангельскія Еп. Вѣд." № 19.

Матеріалы для исторіи Владимирской епархіи. „Владимирскія Еп. Вѣд." №№ 15, 17, 19, 20, 21, 22.

Св. Благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій. „Владимирскія Еп. Вѣд." №№ 18—21.

Расколоучитель Благовѣщенскаго собора діаконъ Ѳедоръ Ивановъ. „Владимирскія Еп. Вѣд." №№ 15, 16, 17, 19, 20, 22.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд." №№ 29—32.

Содѣйствіе пастырей Русской Церкви утвержденію единодержавія на Руси. „Вятскія Еп. Вѣд." № 21.

Къ исторіи Пугачевскаго бунта. „Екатеринбургскія Еп. Вѣд." №№ 42—46.

Иркутскій архіепископъ Ириней. (1783—1864). „Иркутскія Еп. Вѣд." № 37.

Житіе святителя Германа, втораго архіепископа Казанскаго, всея Россіи чудотворца. „Извѣстія по Казанской епархіи" №№ 16—18.

Матеріалы для историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Калужской епархіи. „Калужскія Еп. Вѣд." № 19.

Матеріалы для исторіи Камчатской епархіи. „Камчатскія Еп. Вѣд." № 16.

Галичская десятина. „Костромскія Еп. Вѣд." № 22.

Высокопреосвященный Ѳеоктистъ, архіеписк. Курскій (1794—1795 гг.). „Курскія Еп. Вѣд." № 38.

Второй періодъ существованія Минской Духовной Семинаріи (1817—1840 гг.). „Минскія Епарх. Вѣд." №№ 14—19.

Іерархи Новгородской епархіи. „Новгородскія Еп. Вѣд." №№ 18, 20.

Исторія Новгородской Духовной Семинаріи. „Новгородскія Еп. Вѣд." №№ 18, 20.

Преосвященный Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, и его время. 1764 — 1768. „Орловскія Еп. Вѣд." № 42.

Преп. Ѳеодосій Печерскій. „Полоцкія Еп. Вѣд." № 19.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. „Рижскія Еп. Вѣд. № 22.

Историческій очеркъ Рязанской Дух. Семинаріи съ преобразованія ея при графѣ Н. А. Протасовѣ до реформы при графѣ Д. А. Толстомъ (1840—1867 г.). „Рязанскія Еп. Вѣд." №№ 21—22.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина, архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго (годъ 1786). „Ярославскія Еп. Вѣд." № 47.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ" въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1895 году съ пересылкой и доставкой— **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный- 30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ подписчики «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.

Годъ тридцать третiй.

РУССКIЙ АРХИВЪ

1895

2.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНIИ:

МОСКВА.

Въ Университетской типографiи,

на Страстномъ бульварѣ.

1895.

Историческія статьи, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ духовнаго вѣдомства за 1894 годъ.

Ѳ. Ж. Могилевская Спасо-Преображенская церковь. „Могилевскія Еп. Вѣд.“ № 35.

Ѳ. Ж. Письма Георгія Конисскаго къ чрезвычайному Русскому послу въ Польшѣ Гроссу и полномочному министру князю Волконскому 1757 г. „Могилевскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Императоръ Всероссійскій Александръ III, какъ преобразователь Прибалтійской окраины. „Рижскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Лузинъ Н. Изъ прошлой жизни города Арзамаса. „Нижегородскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина, архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Годъ 1786. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 48.

Святый благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій (Его неоцѣнимыя заслуги для Русскаго государства и православной церкви). „Владимирскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Бурцевъ М. О древности существованія г. Бѣлева. „Тульскія Еп. Вѣд.“ № 22.

Орловскій П. Письмо Кіевскаго митрополита Рафаила къ Молдавскому митрополиту. „Кіевскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Богдановскій К. Монастыри Минской епархіи (преимущественно Минскіе) съ древнѣйшихъ временъ. „Минскія Еп. Вѣд.“ № 24.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд.“ № 33.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. „Рижскія Еп. Вѣд.“ № 23.

О ВНУТРЕННЕМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ ПРИ ВОЦАРЕНІИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Письмо барона В. И. Штенгеля къ императору Николаю Павловичу.

11 Генваря 1826.

Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, бывшій правитель канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора графа Тормасова (печатавшій нѣкогда статьи свои подъ именемъ *Камнесвятова*), род. въ 1783, ум. въ 1862 году. Онъ принялъ участіе въ дѣлѣ Декабристовъ, будучи отставнымъ подполковникомъ и изъ побужденій честолюбія, какъ потомъ сознавался въ Слѣдственной Коммиссіи. Въ сжатомъ очеркѣ баронъ Штейнгель изобразилъ состояніе Россіи за то время, къ которому относятся еще болѣе нежели къ концу Николаевскаго царствованія стихи И. С. Аксакова: „Клеймо домашняго позора мы носимъ, славные извнѣ". Императоръ Николай Павловичъ внялъ благородному представленію узника, чему доказательствомъ служитъ его правленіе до самаго 1848 года. Нынѣ наступило время для безпристрастной исторіи такъ называемаго „14-го Декабря". Сколько намъ извѣстно, покойный государь Александръ Александровичъ приказалъ распечатать дѣло о Декабристахъ и дозволилъ воспользоваться имъ одному изъ нашихъ историковъ. Печатаемое здѣсь письмо барона Штейнгеля имѣется у насъ въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ сообщенъ въ „Русскій Архивъ" покойнымъ зятемъ писавшаго, Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ, а другой Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцовымъ. П. Б.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Изъ мрачной темницы моей возносясь духомъ любви къ Отечеству, духомъ вѣрноподданническаго къ Вашему Императорскому Величеству усердія, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Умоляю, Ваше Величество, благомъ многихъ милліоновъ людей, коихъ Вы нареклись отцемъ; умоляю собственною Вашею славою и самою безопасностію: удостойте прочесть все нижеслѣдующее до послѣдней строки, прежде нежели произнесете строгій судъ о свойствѣ и самой цѣли настоящаго моего подвига. Дерзаю представить обнаженную истину; она должна быть доступна престолу мудраго Монарха, воспріявшаго бразды правленія съ намѣреніемъ жить для Отечества.

Въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи Вашемъ на престолъ, какъ бы въ утѣшеніе народу, сказано, что Ваше царствованіе будетъ

продолженіемъ предыдущаго. О Государь! Ужели сокрыто отъ Васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ, и что одна токмо увѣренность общая въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей говорила въ пользу Цесаревича?

Истина неподверженная ни малѣйшему возраженію, что въ Бозѣ почивающій Монархъ обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣчаться, и что его поведеніе въ званіи Наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при общемъ бѣдствіи 1812 года; его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы; человѣколюбіе его во время послѣдняго наводненія, равно какъ и многіе другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ явилъ онъ высокія свойства души своей, содѣлали особу его любезною и священною для Россіянъ современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная Исторія, царствованіе его, если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и нижній классы въ недоумѣніе. Государь всюду являлся Ангеломъ и сопровождался радостными восклицаніями, но въ тоже время отъ распоряженій правительства именемъ его разливались повсюду неудовольствіе и ропотъ. Народъ приписывалъ сіе лицамъ: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думалъ: «Министры обманываютъ добраго нашего Государя; гдѣ ему батюшкѣ все знать!» Но тѣ, кои просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе. Результатъ общій: Государь, встрѣченный на престолѣ со всеобщимъ вожделѣніемъ, съ единодушною искреннею, безпримѣрною радостію, сопровожденъ во гробъ едвали не со всеобщимъ равнодушіемъ.

О Государь! Если это съ моей стороны дерзновеніе, то въ совѣсти моей вопіющій гласъ убѣждаетъ меня, что оно въ милліонъ разъ полезнѣе Вашему Величеству, моему всемилостивѣйшему Монарху, нежели та лесть, которою если и возносятъ владыкъ земныхъ до небесъ, то это для того только, чтобъ они не видѣли, что̀ на управляемой ими землѣ дѣлается.

Не смѣю безъ особаго соизволенія изобразить Вашему Величеству въ историческомъ порядкѣ весь ходъ дѣлъ въ послѣднее царствованіе; но цѣль, меня одушевляющая, заставляетъ сказать хотя ту только истину, что правительство отличалось непостоянствомъ, и въ управ-

леніи государственномъ не было никакого положительнаго плана. Сначала былъ періодъ либерализма и филантропіи, потомъ періодъ мистицизма и, наконецъ, противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому. Въ началѣ всему дано новое направленіе учрежденіемъ министерствъ. Министры были въ силѣ и довѣренности. Чрезъ шесть лѣтъ разрядъ министерствъ измѣнился: съ учрежденіемъ Совѣта въ новомъ его образованіи создано Министерство Полиціи. Сила министровъ уступила силѣ государственнаго секретаря. Министерство Коммерціи уничтожено. Отсутствіе Государя дало поводъ къ учрежденію Комитета Господъ Министровъ; а затѣмъ смерть Вязмитинова произвела новую перемѣну въ разрядѣ министровъ: Министерство Полиціи уничтожено, и сдѣлано вновь Министерство Духовныхъ Дѣлъ въ соединеніи съ просвѣщеніемъ; но и то на нѣсколько лѣтъ. При первыхъ министрахъ много предначато полезнаго, по крайней мѣрѣ обнаружено явное намѣреніе готовить государство къ воспріятію конституціонныхъ началъ. Послѣ Тильзитскаго мира, прибытіе Коленкура ко Двору и вышеупомянутая перемѣна въ министерствѣ пресѣкли дѣятельность правительства. Оно до самаго 1812 года, видимо, тяготилось прихотливымъ деспотизмомъ Наполеона. Вліяніе Сперанскаго на дѣла ознаменовалось учрежденіемъ Коммиссіи погашенія долговъ, началомъ изобрѣтенія новыхъ налоговъ, обложеніемъ купцовъ усугубленною податью съ капиталовъ, установленіемъ торговыхъ книгъ, учрежденіемъ о торгующихъ крестьянахъ, которымъ подорванъ кредитъ внутренней торговли, и новымъ образованіемъ Коммиссіи составленія законовъ, которая до сихъ поръ издала гражданское и уголовное положенія, и оба не могли быть приведены въ дѣйствіе. Въ 1810 и 1811 годахъ примѣтно уже было неудовольствіе противъ правительства. Указъ 1809 года о непроизвожденіи въ чины гражданскихъ чиновниковъ 9-го и 6-го классовъ, которымъ многіе заслуженные и опытные люди оскорблены были, много разливалъ сіе неудовольствіе. 1812 годъ соединилъ всѣхъ къ одной цѣли защитѣ—Отечества и Престола.

Насталъ вожделѣнный миръ. Монархъ, отъ всѣхъ благословенный, возвратился къ общей радости. Все, казалось, обѣщало эпоху, отъ которой начнется внутреннее благоустройство. Ожиданіе не сбылось. Роздано нѣсколько милліоновъ Москвѣ, Смоленску и частію нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ сихъ губерній; но симъ пособіемъ воспользовались не столько совершенно разорившіеся, сколько имущіе: ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости. Если Москва отрясла такъ скоро пепелъ съ головы своей и вознеслась въ новомъ велелѣпіи, то не столько помогла тому сія помощь, сколько состояніе внутренней

коммерціи и промышленности, оживотворенныхъ тарифомъ 1810 года, который изданъ былъ при увѣщательномъ манифестѣ, чтобы всѣ обращали капиталы свои не въ пищу чужеземной роскоши, но въ пользу Отечества. Внезапно сей самый тарифъ въ 1816 году измѣненъ въ пользу Австріи, Польши и Пруссіи, изданіемъ новаго тарифа на 12 лѣтъ. Коммерсанты могли по крайней мѣрѣ располагать свои спекуляціи на сіе императорскимъ словомъ опредѣленное время, но и въ этомъ ошиблись: въ 1819 году послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ наводнили Россію. Многіе купцы обанкрутились, фабриканты въ конецъ разорились, а народъ чрезъ то лишился способовъ къ пропитанію и къ оплачиванію податей. Вскорѣ увидѣли ошибку, исправили ее тарифомъ 1823 года; но причиненный вредъ невозвратенъ. Знатныя суммы серебра и золота, вошедшія чрезъ Одесскій портъ, при выгодной хлѣбной торговлѣ 1815—16 и 17-го годовъ, исчезли мгновенно и не возвращались. Наконецъ, послѣдовало новое дополнительное постановленіе о гильдіяхъ; за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить: ибо у бѣдныхъ мѣщанъ и особенно у жителей малыхъ городовъ отнятъ послѣдній способъ къ пропитанію. Такимъ образомъ коммерція наша находится въ паралитическомъ состояніи, тогда какъ у всѣхъ державъ преуспѣваетъ и расцвѣтаетъ, особенно во Франціи, которая въ 1815 году едвали не въ худшемъ состояніи была, нежели Россія.

Къ крайнему изумленію всѣхъ, дѣйствія Министерства Финансовъ, въ послѣднія 10 лѣтъ были, можно сказать, ужасны. Въ 1814 году правительство убѣдило откупщиковъ винныхъ, при главномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля, сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность, и они разорены въ конецъ, особенно Злобинъ, оказавшій многія услуги Отечеству, и Перецъ. Въ преслѣдованіи сихъ откупщиковъ и потомъ поставщиковъ провіантскихъ были случаи, что они представляли къ разсчету свои на казну претензіи; но министръ предписывалъ «съ нихъ взыскивать», а имъ предоставить вѣдаться особо: распоряженіе имѣющее характеръ полнаго насилія и несправедливости. Съ откупщиками многіе разорились. Уничтоживъ откупы, Министерство Финансовъ ввело новый образъ винной продажи — источникъ чрезмѣрно-гибельнаго народнаго разврата и самаго разоренія. Нарушены нѣкоторыя коренныя права; унижено званіе вице-губернаторовъ, дотолѣ весьма почтенное; явленъ примѣръ соблазна для чиновниковъ: ибо способы наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести; и тѣ, кои при началѣ за униженіе считали надзи-

рать за питейными домами, увидя, что на сихъ людей обращается вниманіе министра, и вмѣстѣ съ обогащеніемъ даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки, питейные домы, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ бильярдами, съ музыкою и съ другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цѣна, для виноторговцевъ установлены стѣснительныя и разорительныя для нихъ правила; за то злоупотребленія устранены отъ надзора полиціи. Вице-губернаторамъ даны предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина, подъ опасеніемъ отвѣтственности! И съ такими мѣрами первые годы принесли точно прибыль; но вскорѣ оказалось, что она была временна: ибо въ послѣдніе годы уже не добираются многіе милліоны.

Когда такимъ образомъ съ одной стороны народъ поощряли пропивать потовымъ трудомъ наживаемыя деньги, съ другой умножена подать съ пашпортовъ; возвышена цѣна на первую потребность—на соль, и приняты строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ: предписано за недоимку отдавать помѣщиковъ въ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать хотя бы то было съ пожертвованіемъ послѣдняго имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы; а такъ какъ съ такихъ обобранныхъ взять уже нечего, то поставлено правиломъ, въ отвращеніе недоимокъ, за неимущихъ взыскивать съ обществъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбить, выколотить недоимку сдѣлалось техническимъ словомъ. Между тѣмъ въ однѣхъ губерніяхъ (какъ то въ Бѣлорусскихъ, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской) по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, и помѣщики не получали дохода, кормили крестьянъ; въ другихъ, напротивъ (какъ въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской) хлѣбъ былъ непочемъ отъ неимѣнія сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III-го, когда сборщики податей обирали послѣднее у бѣдныхъ земледѣльцевъ. О Государь! Извольте послать довѣренную особу инкогнито въ видѣ частнаго человѣка, и Вы откроете, можетъ быть, гораздо горестнѣйшее состояніе народа, нежели каковымъ я его представляю. Безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, въ страдную (рабочую) пору, довершили ихъ разореніе; и притомъ, отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и отъ непрочной работы, повинность сія сдѣлалась безконечною, между тѣмъ какъ въ Академическомъ календарѣ, въ хронологическомъ показаніи печатается: отъ изданія манифеста, коимъ народъ навсегда освобождается отъ дѣланія дорогъ, столько-то лѣтъ.

Умножая доходы крайними мѣрами, хотя три года тому назадъ сдѣлано сокращеніе расходовъ по всѣмъ министерствамъ, но сколько еще есть предметовъ, на которые дѣлаются напрасныя издержки! Сколько чиновниковъ, едва имѣющихъ занятіе, получаютъ большіе оклады въ двухъ и трехъ мѣстахъ; сколько также получаютъ пансіоны! По одному Коммиссаріату около трехъ миліоновъ расходится на однѣ цыновки, веревки, и вообще на укопорку и развозку вещей отъ Коммисіи до мѣстопребыванія полковъ, тогда какъ однимъ распоряженіемъ, въ разсужденіи сей доставки, можно бы сей расходъ уничтожить.

По флоту такая же экономія. По адмиралтейскому регламенту Петра Великаго, едва корабль заложится на штапелѣ, должно раздать всѣмъ мастерствамъ пропорціи, дабы ко дню спуска всѣ принадлежности къ вооруженію онаго были въ готовности. Во все министерство маркиза де-Траверсе сего не наблюдалось: корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и не рѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи, и теперь болѣе 4 или 5 кораблей, которыхъ нельзя выслать въ море; ибо мачты для сего переставляютъ съ одного корабля на другой; прочіе, хотя число ихъ немалое, не имѣютъ вооруженія. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ. Но въ царствованіе блаженной памяти родителя вашего, въ 1797 году выходило 27 кораблей, всѣмъ снабженныхъ; а въ 1801 году, готовилось 45 вымпеловъ! Можно сказать, что прекраснѣйшее твореніе Великаго Петра маркизъ де-Траверзе уничтожилъ совершенно. Теперь, на случай войны, некого и не съ чемъ выслать въ море; кромѣ вновь принятаго Синявина и контръ-адмирала Рожнова, ни одного адмирала, нѣсколько капитановъ и весьма немного офицеровъ, изъ тѣхъ кои были въ экспедиціи. Между тѣмъ у сосѣдняго государства сія часть въ совершенной исправности всегда была и теперь существуетъ.

По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлано ничего особеннаго къ улучшенію; едва въ 1822 году дозволено генералъ-губернатору Балашеву производить опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія Сената, опытъ сей обывателями принимается съ негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій; а о пользѣ, какая изъ того произойти можетъ, никто еще не говоритъ. Подобнымъ образомъ жалуются на преобразованіе Сибири, гдѣ въ обширномъ, но весьма мало населенномъ краѣ, въ которомъ приличнѣе было бы сокращать администрацію, прибавлена лишняя губернія, и данъ образъ управленія совѣщательно-аристократическій, несвойственный монархическому.

Къ сему присовокупить должно недостатки въ судопроизводствѣ вообще, безконечное продолженіе тяжебныхъ дѣлъ апелляціями и обращеніемъ паки въ низшія инстанціи, неправосудіе и повсемѣстное злоупотребленіе. Послѣднее было строго преслѣдовано, но отъ полумѣръ осталось неисцѣлимымъ. Посылались сенаторы, производили изслѣдованія, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ; а тѣ принимались за тоже, только смѣлѣе; ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціею. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ!

Въ царствованіе великой бабки вашей, Государь, была по всѣмъ частямъ наблюдаема подготовка людей, столь многополезная; чиновники хотя медленно, но доходили отъ низшихъ степеней до высшей, каждый по своей части; отъ того были опытные дѣльцы. Въ предшедшее вашему царствованіе сего вовсе не наблюдалось: всякій при министрѣ служащій, или нашедшій покровительство, ко всему считался годнымъ; такъ и дѣла шли. Извѣстно, что Великая Екатерина съ полковничьяго чину начинала обращать особенное на людей вниманіе, и тѣ кои не имѣли отличныхъ дарованій и способностей, не шли далѣе бригадировъ въ отставку. Въ послѣднее время всякому продолжающему службу, особенно военную, дорога къ вышнимъ степенямъ сдѣлалась отверстою. Въ одной губерніи былъ губернаторомъ выслужившійся фельдфебель, и въ губерніи поступалъ онъ какъ въ ротѣ. Не могъ онъ конечно быть терпимъ, но жители губерніи не менѣе отъ того терпѣли.

Вообще гражданская часть, сей краеугольный камень въ зданіи государственнаго благоденствія, была въ нѣкоторой какъ бы опалѣ. Государь блаженной памяти изволилъ видѣть зло, но, считая его неисцѣлимымъ, ограничивался тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія. Энгельгардтъ, имѣвшій счастіе часто разговаривать съ Государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды, при случаѣ, когда Его Величество любовался устройствомъ войскъ, онъ осмѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части; но Государь, взявъ его за руку и пожавъ крѣпко, съ слезящимися глазами произнесъ: «Ахъ! Я это очень, очень чувствую; но ты видишь, кѣмъ я возьмусь!» Если это истинно, что за благоустройство въ государствѣ монарху некѣмъ взяться, то посудите, Всемилостивѣйшій Государь; въ какомъ несчастномъ положеніи наше любезнѣйшее Отечество, коего судьба воспріята Вами на рамо свое. Вашему генію предлежитъ, подобно Петру и Екатеринѣ, найтить людей, вложить въ нихъ душу и содѣлать сопричастниками будущей Вашей славы. Да прейдетъ она до позднѣйшаго потомства!

Насильственная система такъ называемаго водворенія поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ, какъ то и Вашему Величеству должно быть весьма извѣстно, и не могло быть иначе. Послѣ тяжкой отечественной войны, въ которой всѣ состоянія учавствуя, оказали равную вѣрность и усердіе Отечеству и Престолу, когда всякій ожидалъ въ мирѣ вожделѣннаго спокойствія, внезапно войтить въ селеніе военною рукою, взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами или и самими нажитое, да и ихъ самихъ въ общій составъ новаго воинства! Едва ли Исторія представляетъ что нибудь тому подобное. Къ сему присовокупите вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій, ибо одна несправедливость естественно раждаетъ другую. Возникли съ одной стороны отчаянное сопротивленіе, особенно на Югѣ, съ другой строгія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Государя толико кроткаго, человѣколюбиваго. Общее недоумѣніе разрѣшалось однимъ лицомъ графа Аракчеева; оно во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ служило экраномъ для особы монарха.

Цѣль поселеній объявлена послѣ освобожденія Россіи отъ тяжкой рекрутской повинности. Осмѣливаюсь, Государь, представить, что уменьшеніе срока службы, по примѣру Пруссіи, до 8 или до 12 лѣтъ, удовлетворило бы сей цѣли справедливѣе, прочнѣе и безопаснѣе; ибо тогда по всей Россіи въ 25 лѣтъ разлился бы духъ военный, и крестьяне столь же бы легко стали разставаться съ дѣтьми какъ дворяне, коихъ прежде также отпускали какъ на смерть, а теперь охотно сами везутъ. Возвратившіеся въ семейство могли бы жениться, заниматься крестьянскимъ бытомъ и, наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ заранѣе быть солдатами, сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселеніи войскъ не новая. Бурхардъ-Минихъ представлялъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о заселеніи границъ Турецкихъ, Польскихъ и Шведскихъ войсками съ тѣмъ, чтобы они пріучались къ тому роду войны, который съ сими непріятелями приличенъ. Поселеніе на границѣ можетъ быть дѣйствительно оплотомъ; но внутри государства другія слѣдствія возможны. При разныхъ мнѣніяхъ о семъ иностранцевъ, извѣстенъ краткій отзывъ Веллингтона (я слышалъ его изъ устъ графа Ростопчина): «Видно, что Русское правительство не боится штыковъ!»

По симъ краткимъ очеркамъ различныхъ дѣйствій правительства, въ отношеніи хозяйственнаго управленія и настоящаго положенія го-

сударства, слѣдующія черты представляются главными въ характеристикѣ правленія. Правительство считало все прежнее худымъ, много начинало вновь, отмѣняло и вообще ничего не докончило. Все разстроивъ, правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя, и особенно народъ, въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче управлять нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію и не входило въ его нужды; повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все разорилось. Въ семъ отношеніи правительство дозволяло даже себѣ спекуляціи: послѣдняя распродажа квитанцій рекрутскихъ разительный тому примѣръ. Должно ли послѣ сего удивляться, что правительство потеряло довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное общее желаніе перемѣны въ порядкѣ вещей?

Всемилостивѣйшій Государь! Раскрывъ предъ взоромъ Вашимъ, по крайнему моему разумѣнію, причины неудовольствія противъ правительства, я осмѣливаюсь приступить къ настоящей моей цѣли: представить истинный источникъ обнаружившагося, при восшествіи вашемъ на престолъ, злоумышленія.

Дѣятельное просвѣщеніе въ Россіи началось при Екатеринѣ Великой. Одинъ частный человѣкъ Новиковъ, съ обществомъ своимъ старавшійся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшій свою типографію, сдѣлалъ едва ли не болѣе нежели всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ сего общества вояжировать, и дѣйствительно многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностію. Открылась революція, масонскія ложи сдѣлались подозрительными, и Новиковъ пострадалъ.

Блаженной памяти августѣйшій родитель вашъ даровалъ ему и сотоварищамъ его свободу. Изъ сего разсадника люди первые явились на сцену, когда при началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго Государя открылось вождѣленное намѣреніе его просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе. По учрежденіи министерствъ взяты быстрыя мѣры къ распространенію образованія: учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназіи, ослаблена цензура предоставленіемъ оной гражданскимъ губернаторамъ и управамъ благочинія въ столицахъ, поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго дозволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны:

конституція Англіи Де-Лольма, творенія Монтескіё, Бентама и другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появились: Пиѳагорово путешествіе, Антенорово путешествіе, Фоблазъ и Кумъ Матвѣй, непосредственно развивающія другія понятія и развращающія нравы.

При такомъ началѣ просвѣщенія, Государь изволилъ прекратить раздачу крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Незабвенный рескриптъ его къ его королевскому высочеству герцогу Виртембергскому, по случаю утвержденія аренды на 50 лѣтъ, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Потомъ открыто новое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Нѣкоторые вельможи отпустили въ оныя цѣлыя селенія. Изданы указы поощрительные къ отыскиванію изъ крѣпостнаго состоянія свободы, нѣсколько разъ послѣ повторенные. Наконецъ, составлены правила для перехода крестьянъ помѣщичьихъ въ свободное состояніе въ Остзейскихъ провинціяхъ, повсюду распубликованныя. Присоединеніе Псковской губерніи къ округу сихъ губерній подало поводъ къ заключенію, что на ней сдѣлается первый опытъ приложенія сихъ правилъ къ Великороссійскимъ губерніямъ.

Во время вліянія на дѣла Сперанскаго, для образованія духовнаго юношества приняты новыя правила, учреждены новыя духовныя Академіи и Комитетъ училищъ. Для преподаванія курса Богословія выписанъ былъ извѣстный профессоръ Феслеръ изъ Германіи, но по протесту, противъ программы его поданному отъ архіепископа Ѳеофилакта, допущенъ до преподаванія не былъ. Тѣмъ не менѣе новообразованное духовенство воспріяло не тотъ уже духъ, который былъ виденъ прежде. Въ послѣдніе годы методу ученія паки перемѣнили на старую. Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умы и сердца къ набожности. Отселѣ начался періодъ мистицизма. Началось изданіе Сіонскаго Вѣстника, удостоенное потомъ высочайшей награды. Явились сочиненія Штиллинга, внушающія мысль о ненадобности духовенства и наружныхъ обрядовъ церкви. Потомъ переводы сочиненій г-жи Гіонъ, Дю-Туа и проч., изъ коихъ многія напечатаны на казенное иждивеніе, и переводчики или издатели удостоены отъ монарха наградами. Открылось Библейское Общество. Магницкій, при открытіи отдѣленія онаго въ Симбирскѣ, сказалъ весьма соблазнительную рѣчь, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листахъ, какъ образцовая, хотя имѣла видъ болѣе тонкой сатиры, нежели набожности истинной. Библейскія засѣданія представили картину истиннаго толеранса. Изданіе Новаго Завѣта, Евангелія, которое въ мнѣніи народа казалось неприкосновеннымъ для мірянъ, сдѣлалось ручною книгою. Переводъ сего завѣта подалъ поводъ къ различнымъ волнующимъ

умы толкамъ, на счетъ несходства. Такъ напр. въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ VII главы въ 21 стихѣ Славянскій текстъ говоритъ: «Рабъ ли призванъ былъ еси, да не печалишися, да не радиши; но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себѣ»; напротивъ Русскій: «Рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся; но ежели можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся». Чѣмъ ближе такой переводъ къ Еврейскому тексту, тѣмъ не менѣе подрываетъ онъ народное довѣріе къ одной изъ священнѣйшихъ книгъ, чтомыхъ въ церкви, довѣріе чрезъ два почти вѣка неприкосновенное. Какой при томъ соблазнъ для раскольниковъ!

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вышнее заведеніе для образованія юношества, Царскосельскій Лицей, далъ нѣсколько выпусковъ. Оказались таланты въ словесности; но свободномысленіе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ тѣмъ, чтó они должны были встрѣтить въ отечествѣ, при вступленіи въ свѣтъ. Тотъ же самый духъ разлитъ на всѣхъ кои образовались въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ, въ училищѣ Іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ. Отличительныя свойства вновь образованныхъ людей съ нѣкоторымъ исключеніемъ суть: непризнаваніе ничего святымъ, нетерпѣніе подчиненности, неуваженіе къ лѣтамъ, желаніе независимости, скорое стремленіе къ наслажденіямъ жизни, скучаніе всѣмъ и безпечность ко всему настоящему. Имъ кажется, что для ума ихъ въ Россіи тѣсно, и нѣтъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности; потому многіе, чтобъ быть чѣмъ нибудь, ищутъ только чтобы считаться при комъ нибудь.

Должно ли послѣ сего удивляться, что предпріимчивость нѣкоторыхъ опытныхъ людей захотѣла воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и обстоятельствъ и основать тайное общество, подобное Прусскимъ и Германскимъ? Существованіе масонскихъ деляженствовало еще болѣе тому способствовать. Правительство не подозрѣвало ихъ. Въ 1816 году 30 Августа въ Москвѣ открыта была ложа съ высочайшаго соизволенія. Государь изволилъ сказать Тормасову: «Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ ничего нѣтъ вреднаго, и потому предоставляю на твою волю».

Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ Государь изволилъ упомянуть, что готовитъ для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапно происшествія въ Испаніи и Піемонтѣ, съ совершеннымъ

возстаніемъ Грековъ, произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи Государя, какъ между тѣмъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи.

Греки оставлены своей судьбѣ. Связь единовѣрства, 8 вѣковъ ненарушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена. Греки, въ Россіи находящіеся и особенно въ Москвѣ, шопотомъ произносили жалобу свою и сообщали знакомымъ о несправедливости поступка съ ними. Отъ того радость ихъ при объявленіи Цесаревича Императоромъ была чрезвычайна. Они отыскали медали, выбитыя на рожденіе Его Высочества, съ изображеніемъ церкви Софіи, видѣли уже себя обладателями Царяграда, и вдругъ восхитительная надежда исчезла, унылость на лицахъ ихъ.

Внезапное уничтоженіе масонскихъ ложъ послужило къ тайному огорченію многихъ. Между тѣмъ по ходу просвѣщенія, хотя цензура дѣлалась постепенно строже, но въ тоже время явился феноменъ небывалой въ Россіи: девятый томъ Исторіи Россійскаго Государства, смѣлыми рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобныхъ мало представляетъ Исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ ничего не значущимъ, какъ то Ангельская красота, рокъ и проч. пропускались статьи подобные Волынскому, Исповѣди Наливайки, Разбойникамъ-братьямъ и проч. Предъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 21 № Сѣвернаго Архива показалась статья о избраніи Годунова на царство; съ 27 Ноября по 14 Декабря въ одномъ магазинѣ выставлялись портреты Ріего и Квироги. Все сіе не есть ли дѣйствіе одного и того же духа?

Происшествіе съ переводомъ пастора Госнера дало поводъ къ немалому волненію умовъ. Удаленіе князя Голицына отъ Министерства Просвѣщенія и уничтоженіе Министерства Духовныхъ дѣлъ сдѣлалось эпохою низложенія мистицизма и библеизма. Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія, представляющаго святаго ревнителя, и въ тоже время обирающаго именитую свою покаянницу. Обнародованъ оскорбительный для князя Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія, по случаю дозволенія печатать книгу Станевича, за пропущеніе коей прежде пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій, между тѣмъ какъ читавшіе въ публикѣ книгу сію увѣряютъ, что она ни той, ни другой чести не заслуживаетъ. Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны

съ высочайшаго дозволенія; пріостановленъ даже Катихизисъ архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего означено было, что онъ Святѣйшимъ Синодомъ разсмотрѣнъ, одобренъ и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Надобно было видѣть дѣйствіе такого запрещенія. Въ два-три дни въ Москвѣ выкуплены всѣ экземпляры за тройную цѣну: съ такою жадностью желали знать, что̀ могъ написать архипастырь, добродѣтельною жизнію славящійся, противное духу христіанской религіи. Въ это же время послѣдовали два указа на счетъ священниковъ и духовенства вообще: первый распубликованный чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, чтобы міряне не поили до пьяна священниковъ; и вторый, данный Святѣйшему Синоду, чтобы отличить женъ и дочерей священно и церковнослужителей особымъ одѣяніемъ. Тотъ и другой оскорбили духовенство и сдѣлали оное предметомъ разныхъ сарказмовъ въ публикѣ. Если все это дѣлалось безъ скрытой пружины, то по крайней мѣрѣ производило одно дѣйствіе: возбудило умы противъ правительства и поощрило къ желанію чего либо лучшаго.

Достопочтенный министръ просвѣщенія между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣреніе правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія: новый поводъ къ неудовольствію свободомыслящихъ. Еще продолжались о семъ различныя мнѣнія публики, какъ вдругъ происшествіе въ Грузинѣ представило глазамъ ея новый катастрофъ, не менѣе всѣхъ поразившій. Броженіе умовъ и ожиданіе предшествовало важнѣйшему событію.

О Государь! Удостойте сообразить все вышеизложенное, и вы изволите увидѣть и убѣдиться, что истинный корень республиканскихъ порывовъ скрывается въ самомъ воспитаніи и образованіи, которое въ теченіе 24 лѣтъ само правительство давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями; между тѣмъ какъ, вступая въ дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе, не толи же будетъ значить, что̀ бить слѣпаго, у котораго трудною операціею сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ, за то что различаетъ предметы?

Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ миньятюрѣ изображеніе Россійскаго юношества, возросшаго въ XIX вѣкѣ: это училище, учрежденное обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ и крестьянскихъ дѣтей. Директоръ сего училища, почтенный профессоръ Павловъ, назидая надъ ихъ воспитаніемъ, обходится съ ними со всею деликатностію, и къ тому же пріучаетъ ихъ во взаим-

номъ обхожденіи; между тѣмъ съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высокія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія—и зачѣмъ все это? Чтобы по окончаніи курса отдать помѣщику, который при первомъ капризѣ сего образованнаго юношу можетъ послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія! Не есть ли это тоже, что̀ точить на себя ножъ ожесточенія?

Всемилостивѣйшій Государь! Сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы по оному преслѣдованію не лишили бы свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣже идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ газеты, а въ газетахъ пишутъ, что̀ говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль: «почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности», родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей нѣсколько образованныхъ не читалъ, не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущаго свободою; кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: «Голова и ноги»? Можетъ быть, и въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать васъ, есть таковые. О Государь! Чтобъ истребить корень свободомысленія, нѣтъ другаго средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то остается одно—препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными, явными пріемами къ будущему благоденствію Россіи.

Въ семъ отношеніи дозвольте обратить высочайшее вниманіе Вашего Величества на два коренные устава Россіи, кои приносятъ непримѣтный, но дѣйствительный вредъ: Табель о рангахъ и Городовое Положеніе. По первой быстро умножается классъ личнаго безпомѣстнаго дворянства, подобно Польской шляхтѣ, которая всякой трудъ и ремесло почитая низкимъ, живетъ различными изворотами, и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что нибудь выиграть, а потерять ничего не можетъ. Недавно одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ во временную тюрьму ко взысканію за повышеніе чина! По Городовому Положенію собственно гражданами

нашихъ городовъ почитаются одни купцы и мѣщане, съ такою при томъ особенностію въ отношеніи къ первымъ, какой едва ли есть что подобное въ другихъ государствахъ, а именно тою, что права, облагораживающія особу гражданина, даны не лицу, а капиталу. Отъ этого происходитъ двоякое слѣдствіе: богатый честный купецъ невинно разорился (потеря богатства есть само по себѣ несчастіе великое); но законъ вмѣсто утѣшенія угнетаетъ его паче отнятіемъ самыхъ правъ, отличавшихъ его отъ низкаго класса. Съ другой стороны, будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ всѣмъ тягостямъ низкаго званія, если не богатъ; будь, напротивъ, заявленъ въ безчестныхъ правилахъ, и объявя капиталъ, онъ получаетъ права, равняющія его дворянину, самымъ пріѣздомъ ко двору. По истинѣ гибельный соблазнъ гражданской добродѣтели, а безъ нея никакое государство не можетъ быть благополучнымъ.

Государь! Вы воспріяли скиптръ Россіи въ самыхъ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ Вамъ предметовъ на пути къ истинной, неувядаемой славѣ, къ немерцающему безсмертію! Воскресите для Россіи въ особѣ своей благодушнаго Генриха IV, котораго желаніе видѣть въ Воскресный день курицу въ супѣ каждаго крестьянина пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго потомства. Великій Генрихъ принялъ Францію въ бѣдственнѣйшемъ положеніи, но, пожелавъ видѣть ее счастливою, избралъ честнаго Сюлли, и въ десять лѣтъ все измѣнило свой видъ. Вамъ подобно предстоитъ: даровавъ духовенству нравственное образованіе, подкрѣпить упавшее и 24 лѣтнимъ займомъ въ конецъ разоренное дворянство, воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ государствамъ, дать другое для всѣхъ состояній, постепенное просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ; уничтожить унизительную для націи продажу людей (о легкомъ къ сему средствѣ я имѣлъ счастіе представлять покойному Государю), воскресить флотъ; поощрить къ мореплаванію частныхъ людей, къ чему призываютъ Гаити и Америка. Но мнѣ ли исчислить всѣ отрасли государственнаго блага, которыя отъ Васъ должны произойти, процвѣсть и дать плодъ?

Августѣйшій Монархъ! Въ послѣднемъ порывѣ любви къ Отечеству, дерзнулъ я, не желая уподобиться Евангельскому рабу, сокрывшему талантъ свой въ землю, представить Вашему Величеству все то, что̀ мнѣ, по бытности моей при дѣлахъ и по обращенію въ среднемъ

состояніи, извѣстно относительно настоящаго положенія Россіи, которую я имѣлъ случаи видѣть отъ Камчатки до Польши, отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколь то растерзанное горестію сердце и необходимость писать прямо на-бѣло мнѣ дозволили. Имѣвъ счастіе прочитать благость во взорахъ Вашихъ, я скорблю объ одномъ, что Вы, Государь, не сердцевидецъ. О если бы Вы изволили видѣть, какими чувствами исполнена душа моя: можетъ быть удостоили бы меня Вашимъ состраданіемъ. Но да совершится воля неисповѣдимаго въ путяхъ Своихъ Провидѣнія!

Съ благоговѣніемъ повергаюсь къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества баронъ Владимиръ Ивановъ сынъ Штейнгель, отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Генваря 11 дня 1826.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

Жизнь въ отставкѣ (1839—1842).

Вотъ въ краткихъ словахъ какъ мы провели здѣсь время до сихъ поръ.

Прибывъ сюда въ Маѣ мѣсяцѣ 1839 года, мы уже застали нужду въ народѣ отъ дурнаго урожая 1838 г.; постоянныя засухи лишали насъ надеждъ на урожай 1839 года, слухи о семъ до насъ доходили еще на пути слѣдованія нашего. Народъ встрѣтилъ насъ на берегу рѣки у моста. Мы вошли прежде въ церковь, гдѣ отслужили молебенъ, и оттуда пошли въ маленькій домикъ нашъ, который я кое-какъ отдѣлалъ къ пріѣзду; ибо до того въ немъ не было средства жить (окна, двери не затворялись, крыша, потолокъ и стѣны протекали отъ дождей, по поламъ нельзя было ходить, мебели не было ни одного стула, ни стола). Домикъ былъ отдѣланъ довольно чисто къ пріѣзду нашему, но тѣснота была чрезвычайная: всего пять маленькихъ комнатъ, въ коихъ мы кое-какъ вмѣстились и перезимовали на 1840-й годъ. Я учредилъ кабинетъ свой во флигелѣ. Въ такомъ видѣ находились и находятся еще теперь, послѣ небольшихъ исправленій, всѣ заведенія хозяйственныя, требующія большихъ поправокъ, и слѣдственно расходовъ, которыхъ я однако не смогу еще положить на нихъ, потому что доходы всѣ обращаются на постройку новаго дома, поглощающаго большія издержки.

Скудная жатва, показавшаяся на поляхъ, страшила уже поселянъ, какъ пожаръ въ селѣ поразилъ всѣхъ ужасомъ. Это случилось ночью въ концѣ Іюля мѣсяца, когда весь народъ былъ въ полѣ. Надобно было выстроится къ осени, переселить нѣсколько дворовъ оскудѣвшихъ еще до того отъ бѣдности и лѣни, а всего болѣе поддержать упадшій духъ въ народѣ. Я купилъ лѣсу, возилъ его въ самую рабочую пору, и удалось мнѣ къ осени выстроить 33 двора, что̀ сопряжено однако

---

*) См. выше, стр. 23.

было съ чувствительнымъ урономъ въ доходахъ моихъ и въ состояніи крестьянъ, пострадавшихъ отъ огня. Я выбралъ нѣсколько семействъ самыхъ малонадежныхъ къ исправленію, перенесъ ихъ ближе къ полямъ и снабдилъ лошадьми и орудіями для работъ. Мѣсто, гдѣ я поселилъ ихъ, представляло большія выгоды въ томъ отношеніи, что имъ не надобно было далеко ѣздить на работу, какъ здѣшнимъ, у коихъ поля въ 8 верстахъ отъ селенія. Но тамъ не было воды. Первыя усилія мои для добыванія оной были тщетны: вода въ колодцахъ не показывалась; но мы, наконецъ, нашли ее. Я еще усилилъ воду построеніемъ плотины, и поселеніе сбылось. Оставалось сдѣлать важнѣйшее— устроить надзоръ: ибо народъ, переселенный въ новую деревню, названную мною Пружинскими Колодцами, былъ преданъ лѣни и предпочиталъ жить подаяніями. Тутъ нужно было настоящее терпѣніе, и подвигъ сей до сихъ поръ стоитъ еще большихъ заботъ, но, кажется, будетъ имѣть успѣхъ.

Едва успѣли нѣсколько укрыть погорѣлыхъ въ новыхъ домахъ, какъ скотскій падежъ истребилъ въ нѣсколько дней почти всѣхъ коровъ въ селѣ. Лѣто было жаркое, все въ поляхъ засохло, и къ тому присоединился смрадъ, распространившійся въ воздухѣ отъ множества падали, которую небрежно зарывали.

Настала зима, зима холодная и безъ снѣга. Мы уже страшились лишиться семянъ, брошенныхъ въ землю осенью, и не имѣли продовольствія на зиму. Народъ голодалъ. Надобно было выдавать хлѣбъ въ пособіе. Толпы крестьянъ наполняли ежедневно контору съ требованіями своими; раздача производилась небольшими долями, чтобы была возможность продовольстовать ихъ до новой жатвы: ибо крестьяне не соображаютъ будущихъ надобностей своихъ съ настоящими средствами.

Жена моя, неопытная въ обхожденіи съ крестьянами и руководимая однимъ влеченіемъ сердца своего, допускала сперва крестьянокъ къ себѣ для выслушанія ихъ жалобъ и сама стала раздавать имъ печеный хлѣбъ ежедневно. Мѣра сія поощрила всѣхъ лѣнивыхъ, такъ что толпа народа не выходила изъ передней, и наконецъ до такой степени дошла наглость ихъ, что они совершенно предупредили входъ въ домъ, собирались иногда до 50-ти человѣкъ, въ числѣ коихъ много было такихъ, коимъ въ тоже время выдавали въ семейства муку изъ конторы. Сходбища сіи продолжались почти цѣлый годъ и прекратились только тогда, когда жена увидѣла, что пособія, даваемыя ею, служили болѣе къ баловству крестьянъ и поощренію лѣнивыхъ, чѣмъ къ ихъ собственной пользѣ.

Въ теченіе сей зимы насъ посѣтило новое бѣдствіе: лошади, главное орудіе крестьянъ, стали дохнуть; падежъ продолжался съ полгода и совершенно лишилъ насъ силъ къ работѣ. Многія семейства обѣдняли до крайности, такъ что они не только не въ состояніи выходить на господскую работу, но не могутъ даже обрабатывать и собственныхъ полей. Съ началомъ весны 1840 года появилась горячка, и послѣ того распространилась цынготная болѣзнь, отъ которой погибло много народа. Трудно было дать людямъ пособіе, по нерадѣнію ихъ даже въ пріемѣ лекарствъ. Я учредилъ два временныхъ лазарета, въ коихъ съ пользою лѣчилъ больныхъ, и поставилъ на ноги людей изнеможенныхъ до крайности болѣзнью. Въ домà же я раздавалъ воду окисленную купоросною кислотою для питья, и средство сіе пособило тѣмъ, которые его употребляли. Съ появленіемъ хорошей погоды болѣзни стали исчезать послѣ большихъ опустошеній, сдѣланныхъ въ отчинѣ. Изнуренные, тощіе люди, на полуживыхъ лошадяхъ выходили въ поле, гдѣ нужно было обращать болѣе вниманія на ихъ собственныя работы, чѣмъ на мои; не менѣе того небольшая часть крестьянскихъ полей осталась незасѣянною. Въ сей годъ яровые хлѣба вышли отличные, но озимые вышли очень дурны. Принимая осторожности, чтобы крестьяне не размотали скуднаго урожая ржи своей, я приказалъ собирать по возможности долги и симъ способомъ обсѣялъ на осень поля тѣхъ, у которыхъ ничего не родилось.

Одно изъ занятій по имѣнію, обратившее въ особенности вниманіе мое, было правильное раздѣленіе полей; ибо они были очень спутаны и даже разрабатывались безъ настоящей извѣстности. Я имѣлъ нѣсколько успѣха въ семъ дѣлѣ, которое однакоже не могъ кончить по случаю размежеванія черезполосностей съ сосѣдями, начавшагося осенью и до сихъ поръ не оконченнаго, какъ по неблагонамѣренности посредника, такъ всего болѣе по безпечности и неисполнительности самихъ сосѣдей.......

21 Августа (1840) батюшка скончался...

3 Апрѣля 1841.

Въ бытность мою въ Москвѣ я увидѣлся послѣ 25 лѣтъ съ Натальею Николаевною, бывшею Мордвиновою, нынѣ за Львовымъ. Казалось, что мужъ ея будто избѣгалъ сначала свиданія со мною. Насъ познакомило желаніе, которое онъ изъявилъ купить Рязанское имѣніе Вѣры Паленъ, которое находится въ моемъ управленіи. Онъ не купилъ его, но былъ у меня, что̀ и меня вызвало къ нему. Въ первый день я не видалъ жены его, которая, какъ онъ говорилъ мнѣ, ушиблась нечаяннымъ паденіямъ объ уголъ камина; но она, какъ послѣ мнѣ сказала, видѣла меня, когда я по лѣстницѣ спускался. Въ другое посѣ-

щеніе мое я съ нею видѣлся. Всѣ пріемы ея, черты лица, все тутъ было и напоминало ее въ образѣ молодыхъ лѣтъ ея. Въ сихъ сотрясеніяхъ повѣряется неизмѣримость и мгновенность времени, таинственность нашихъ душевныхъ влеченій. Я мало имѣлъ случая съ нею говорить, потому что мужъ ея не переставалъ занимать меня разговоромъ... Оба были очень привѣтливы ко мнѣ, а она въ особенности просила меня навѣщать ихъ всегда, когда случай мнѣ на то предстанетъ. Оба они оставили во мнѣ пріятное впечатлѣніе по искренности ихъ обхожденія и по благонамѣренности, составляющей отличительную черту въ поступкахъ и жизни ихъ.

Львовъ мизантропъ, но въ существѣ человѣкъ хорошій. Пріятны для меня были часы проведенные въ обществѣ ихъ; я съ удовольствіемъ слушалъ сужденія ихъ о деревенской жизни и благосостояніи крестьянъ, коимъ они посвятили многіе годы своей жизни. Нелюдимость Львова была, какъ замѣтно, слѣдствіемъ слишкомъ горячаго сердца его, не соотвѣтствовавшаго равнодушію и безпечности людей, съ коими онъ встрѣчался и былъ въ сношеніяхъ. Рѣчи его льются свободно, когда онъ выражаетъ красоты природы, прельщающія его, или когда предметомъ ихъ бываетъ нищета и скудность человѣческаго рода, коему онъ пламенно желаетъ пособить. Оба одушевлены простою и чистою вѣрою и не заблудились въ безполезныхъ мудрованіяхъ. Словомъ, люди хорошіе и заслуживающіе всякаго уваженія и любви.

Въ бытность мою въ Москвѣ, братъ Александръ уговаривалъ меня съѣздить въ Петербургъ подъ предлогомъ свиданья по дѣламъ раздѣла съ братьями, а въ сущности для того, чтобъ показать себя въ столицѣ и испытать расположеніе Государя для вступленія въ службу. Ему ли было мнѣ совѣтовать сіе? Онъ первый одабривалъ намѣреніе мое оставить службу. И на чемъ основалъ онъ предложеніе свое? Прошедшимъ лѣтомъ, когда завязались военныя дѣйствія между Англичанами и Египтянами въ Сиріи, предвидѣлась возможность, что и наши войска пойдутъ въ Турцію. Орловъ однажды въ разговорѣ спросилъ брата Михайлу, вступлю ли я опять въ службу. Михайло отвѣчалъ, что онъ того не зналъ, но слышалъ, что я буду служить, если меня на службу зачислятъ. Михайло пересказалъ это Валентину *), а Валентинъ Александру, когда онъ проводилъ съ нимъ лѣто. Разговоръ сей былъ такъ малозначущъ, или такъ мало на него обратили вниманія, что его довели до меня черезъ 8-мь мѣсяцевъ, и Александръ хотѣлъ, чтобы, основываясь на немъ, я поѣхалъ въ столицу искать службы и тѣмъ подвергнуть себя новымъ посрамленіямъ!..

*) Князю Валентину Михайловичу Шаховскому (на сестрѣ котораго былъ женатъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ). П. Б.

17 Іюля (1841).

Около 20 числа прошедшаго Іюня мѣсяца жена заболѣла и какъ болѣзнь усиливалась, то я послалъ за лекаремъ. Обратился же я по сему случаю къ Тергукасову, года полтора тому купившему помѣстье у Вадковскаго и поселившемуся въ немъ, верстахъ въ 40 отсюда. Этотъ Тергукасовъ сынъ Армянскаго священника въ Тифлисѣ. Въ 1818 году, когда я учился у Шегриманова по-турецки, онъ былъ у него въ ученіи лекарскомъ, какъ онъ теперь говоритъ, и занимался Латинскимъ языкомъ. Я его въ то время зналъ за слугу, онъ одѣвался довольно бѣдно, звали его просто Соломономъ; а должность его, сколько я могъ видѣть, состояла тогда въ набиваніи трубокъ и подаваніи чаю. Впрочемъ онъ, можетъ быть, находился по восточнымъ обычаямъ въ ученіи, какъ у насъ отдаютъ къ хозяевамъ мальчиковъ для обученія мастерству, при чемъ они обыкновенно первые года занимаютъ должность служекъ. Около 1820 года Шегримановъ просилъ у меня рекомендательнаго письма для Соломона въ Москву, куда онъ хотѣлъ ѣхать для слушанія курса медицины въ университетѣ; я ему тогда далъ письмо къ покойному отцу моему и потерялъ его нѣсколько лѣтъ изъ виду. Онъ воротился послѣ того въ Грузію съ званіемъ доктора медицины и опредѣлился уѣзднымъ лекаремъ въ Гори, гдѣ пользовался между жителями хорошимъ именемъ. Въ 1829 году, зимою, когда Лазы обложили Ахалцыхъ, уже намъ принадлежавшій, я былъ посланъ изъ Тифлиса съ войскомъ для освобожденія крѣпости, и какъ я въ Гори сформировалъ тогда подвижной госпиталь и не имѣлъ лекаря къ сему госпиталю, то взялъ Тергукасова въ сію должность. Экспедиція сія скоро кончилась, и Тергукасовъ возвратился въ Гори, не имѣвъ случая оказать какого либо отличія кромѣ своей готовности и усердія.

По заслугамъ ли своимъ или другимъ качествамъ, Тергукасовъ попалъ въ довѣренность къ генералу Панкратьеву, правившему нѣкоторое время дѣлами въ Грузіи послѣ отъѣзда Паскевича, былъ съ нимъ неразлученъ въ поѣздкахъ его и пріѣзжалъ съ Панкратьевымъ въ 1832 году въ Петербургъ, гдѣ я съ нимъ видѣлся. Оттуда онъ ѣздилъ въ Варшаву и, возвратившись въ Грузію, достигъ также довѣренности главно-управляющаго барона Розена, съ коимъ онъ въ Москву пріѣхалъ; женился на Калустовой, родственницѣ богатаго Армянина Лазарева, имѣющей хорошее состояніе.

Тергукасовъ поспѣшилъ по первому приглашенію моему пріѣхать и сталъ пользовать жену. Онъ, казалось, радъ былъ видѣть меня и говорилъ, что давно уже собирался пріѣхать; но за какими-то причинами все откладывалъ поѣздку свою. Можетъ-быть, что, помня прежнія сношенія наши, онъ опасался встрѣтить пріемъ не соотвѣтствен-

ный нынѣшнему состоянію его. Впрочемъ онъ показалъ теперь много усердія и оставилъ даже больнаго ребенка своего. Тергукасовъ на спросъ мой объяснилъ, что нажилъ себѣ еще капиталъ въ Грузіи отъ торговли, коею занимался братъ его, съ которымъ онъ былъ въ долѣ. Онъ принялся лѣчить и какъ послѣ оказалось, съ успѣхомъ, не щадя вниманія своего, не спалъ двѣ или три ночи сряду.

Итакъ лѣто сіе было опять тяжелое для меня, какъ по разстройству въ хозяйствѣ произведенномъ болѣзнью жены, такъ и по болѣзнямъ господствующимъ въ народѣ отъ постоянныхъ жаровъ, которыя можно уподобить только жарамъ въ Персіи. Появились кровавые поносы во множествѣ, желчныя горячки, такъ что недостаетъ до сихъ поръ людей для уборки хлѣбовъ.

Въ началѣ сего мѣсяца пріѣхалъ къ намъ неожиданно Захаръ *), который, будучи въ Орлѣ, узналъ изъ письма моего къ Долгорукову о болѣзни сестры своей. Онъ провелъ у насъ два дня.

Въ ночи съ 15-го на 16-е Іюля, имѣлъ я сонъ, который оставилъ во мнѣ впечатлѣніе, почему и записываю его:

Я былъ въ Порховѣ, куда пріѣхалъ и Наслѣдникъ Престола, сдѣлавшійся Императоромъ по случаю кончины Государя. Онъ принялъ меня очень ласково и привѣтливо, и съ сожалѣніемъ объявилъ мнѣ, что по завѣщанію отца его, долженъ былъ разжаловать меня на 16 лѣтъ въ солдаты, за участіе въ убіеніи въ Порховѣ одного жителя, когда я еще полкомъ командовалъ; совѣтовалъ мнѣ впрочемъ успокоиться, говоря, что онъ изъ 16 лѣтъ сдѣлаетъ 6 лѣтъ, и въ эти 6 лѣтъ зачтетъ прошедшіе уже три года. Я отвѣчалъ, что готовъ служить ему и солдатомъ 16 лѣтъ, если только служба моя можетъ быть для него полезна, но что я не знаю за собою подобной вины, что командовалъ полкомъ въ Грузіи. «У тебя одинъ солдатъ», продолжалъ Наслѣдникъ дружески, «былъ посланъ для покупки устрицъ, поссорился съ продавцемъ, подрался съ нимъ и убилъ его, а ты дѣло это скрылъ, почему покойный Государь и обвиняетъ тебя». Я объяснилъ, что никогда ничего подобнаго не было, и мнѣніе мое, что вѣрно сіе случилось съ кѣмъ-либо другимъ, а на меня взвели сіе дѣло по ошибкѣ въ именахъ.— «Такъ слѣдствіе показало, но если ты имѣешь оправданіе, то подай записку вотъ ему», сказалъ молодой Императоръ, показывая на какого-то генерала съ нимъ пріѣхавшаго. Меня назначили служить въ артиллеріи, бомбардиромъ, и я спросилъ Наслѣдника, куда и когда мнѣ отправиться къ новой должности? Но онъ отвѣчалъ, чтобъ я не тревожился, и что онъ назначитъ мнѣ остаться въ Порховской пожарной командѣ, гдѣ мнѣ будетъ гораздо легче, чѣмъ во фронтѣ служить.

15-го числа я перешелъ въ свой новой кабинетъ; много потѣшило меня новое житье мое, пріобрѣтенное многими трудами и терпѣніемъ, и я до сихъ поръ вполнѣ наслаждаюсь симъ удовольствіемъ.

*) Чернышовъ, бывшій Декабристъ. П. Б.

29 Марта 1842.

Въ Москвѣ носились слухи о намѣреніи Государя назначить меня въ Грузію главнокомандующимъ на мѣсто Головина, у коего дѣла шли дурно и который самъ просилъ увольненія отъ своей должности. Слухи сіи такъ укоренились, что дня черезъ три по пріѣздѣ моемъ явились ко мнѣ Николай и Матвѣй Матвѣевичи Муравьевы, изъ коихъ послѣдній просилъ даже у меня должности въ Грузіи, потому что онъ находился за ранами въ безсрочномъ отпуску и числился на службѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку... Оба они недавно женились, и женились внезапно. Меньшой взялъ за себя Викулину... до свадьбы его Викулинъ умеръ, и завязался между сыновьями его и мачихою ихъ процессъ, что̀ и составляло предметъ разговоровъ всего околодка...

Около половины Генваря мѣсяца я отправился къ брату въ Долголяды. Александръ ожидалъ меня съ дружбою и тщился сколько можно болѣе выразить радость свою всѣми угожденіями, какія онъ въ силахъ былъ оказать; онъ желалъ присоединить къ тому и сколько можно было болѣе блеску: выставилъ пушки свои передъ воротами и открылъ пальбу изъ нихъ, при въѣздѣ моемъ на дворъ. Комнаты были всѣ освѣщены съ роскошью. Многолюдное семейство его, состоящее изъ Шаховскихъ, приняло меня также привѣтливо.

Я занялъ тотъ же кабинетъ въ которомъ останавливался, когда пріѣзжалъ къ покойному отцу. Домъ былъ полонъ народа, обмеблированъ заново и по устройству своему представлялъ возможныя выгоды для жильцовъ, просторъ, теплота, чистота воздуха и проч., и они вполнѣ наслаждались сими удобствами. Но я всегда опасался, чтобы Александръ не завлекся украшеніемъ сего зданія, построеннаго княземъ Урусовымъ, у коего было 4.000 душъ крестьянъ, но несоотвѣтствующаго ограниченнымъ средствамъ, коими располагалъ братъ Александръ.

Жизнь свою проводилъ онъ пріятно среди Шаховскихъ, тщательно угождавшихъ ему; въ домѣ его много дружбы, согласія, и слѣдственно счастія; въ семъ отношеніи онъ надѣленъ лучше многихъ.

Незадолго до пріѣзда моего въ Долголяды Александръ получилъ письмо изъ Петербурга отъ брата Михаила, увѣдомлявшаго его, что дѣло его, по коему онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора въ городѣ Архангельскѣ, принимало хорошій оборотъ, и что онъ могъ надѣяться получить вознагражденіе за претерпѣнное имъ напрасно, почему и совѣтовалъ ему самому пріѣхать въ Петербургъ. Александръ обѣщался ѣхать и, какъ можно было предвидѣть, что графъ Орловъ при свиданіи съ нимъ заговоритъ обо мнѣ, то я поручилъ ему, нигдѣ и никому не упоминая первому обо мнѣ, въ случаѣ какого либо

спроса, отвѣчать, что я считалъ себя въ невозможности вступить въ службу, пока будутъ существовать доходящіе до меня слухи, что я вышелъ въ отставку будто по личному неудовольствію на Государя, что ложность сихъ слуховъ должна быть ощутительна самимъ распускающимъ ихъ: ибо имъ же самимъ извѣстно, что, по удаленіи меня отъ командованія корпусомъ, я три мѣсяца жилъ въ Кіевѣ, занимаясь своею контрольною коммиссіею, коей я былъ главноуправляющимъ въ ожиданіи того, чтó угодно будетъ Государю мнѣ поручить, и что я тогда только оставилъ службу, когда увидѣлъ, что ожиданія тщетны и что приличіе требовало самовольнаго удаленія моего изъ службы до полученія другаго намека. Нынѣ распущенные о семъ обстоятельствѣ ложные слухи ясно доказывали, что враги мои не умолкли и что они въ такомъ видѣ представляютъ Государю о моемъ расположеніи духа, почему я не могу покуситься на такой скользкій шагъ, какъ вступленіе въ службу, безъ удостовѣренія, что появленіе мое не будетъ противно Государю, при чемъ я просилъ брата остеречься, чтобы не обязать меня какою либо неосторожностью въ словахъ къ вступленію въ службу и искательству у людей, съ коими бы не желалъ я имѣть дѣла; ибо мнѣ дома хорошо, я ничего не ищу, и если буду когда либо служить, то одному Государю, а потому и не имѣлъ надобности домогаться чьего либо инаго покровительства.

Пробывши два дня у брата, я возвратился въ Москву, а онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда въ прошедшемъ году я отказался отъ наслѣдства, оставшагося послѣ покойнаго батюшки, братья просили меня принять библіотеку его и инструменты. Я согласился принять ее не прежде какъ тогда, когда раздѣлъ имѣнія между ними совершенно кончится и когда каждый получитъ свою часть, и по полученіи увѣдомленія, что они все дѣло сіе кончили, я благодарилъ ихъ за сдѣланный мнѣ подарокъ. Александръ, въ рукахъ коего сіи вещи находились, велѣлъ уложить ихъ въ ящики и отправилъ въ домъ Екатерины Ѳеодоровны Муравьевой, въ ожиданіи моего о нихъ распоряженія, она же отправила вещи сіи въ Сокольники, въ свой загородный домъ. Ящики были уложены безъ тщанія и частію разбились, такъ что изъ нихъ книги посыпались, и надобно было ихъ снова перекладывать, чтò и было сдѣлано въ домѣ Екатерины Ѳеодоровны.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Москву я послалъ за ящиками; ихъ привезли, но числомъ меньше того, какъ показано было въ накладной, доставленной ко мнѣ Александромъ. Я разложилъ книги, и всего отдѣленія Французскихъ романовъ, которое было довольно полно у покойнаго батюшки, не доставало. Всѣ разысканія и спросы ни къ

чему не повели, и мнѣ удалось только открыть, что дворецкій Екатерины Ѳеодоровны, принимая ящики, далъ росписку въ томъ количествѣ какое мнѣ сдалъ, т. е. двумя ящиками меньше, чѣмъ въ накладной, и росписка сія была оставлена братомъ безъ вниманія, почему я могу заключить, что все отдѣленіе книгъ сихъ, романовъ Французскихъ, было кѣмъ либо отобрано, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ ни одного тома разрозненнаго сочиненія въ собраніи моемъ не находилось, тогда какъ всѣ Русскіе романы были на лицо. Инструменты же скорѣе наброшены, чѣмъ уложены: у физическихъ всѣ стекла побиты, прочіе поломаны; при томъ же самые нужные и лучшіе для съемки плановъ инструменты были подѣлены братьями между собою, что́ они конечно были въ правѣ сдѣлать. . . .

Съ помощью приглашеннаго мною книгопродавца Готье, я составилъ книгамъ каталогъ, пополнилъ покупкою разрозненныя сочиненія и уложилъ все опять въ ящики, что́ мнѣ стоило около 700 рубл., и симъ средствомъ я получилъ богатую библіотеку, состоящую почти изъ 3500 томовъ, для присоединенія оной къ своей прежней библіотекѣ, а около 1500 книгъ старыхъ ни къ чему негодныхъ и разрозненныхъ оставилъ въ Москвѣ для продажи, которая однакоже не удается.

Изъ инструментовъ отобралъ я нѣсколько лучшихъ и отдалъ ихъ въ починку, съ уплатою за нихъ тѣми, которыя мнѣ менѣе были нужны, но до сихъ поръ еще не получилъ ихъ.

Село Архангельское, 2-го Апрѣля (1842).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, я не упустилъ изъ виду навѣстить Алексѣя Петровича Ермолова, два раза я у него былъ и не заставалъ его дома; онъ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ и, просидѣвъ у меня часа два утра, просилъ меня назначить день и мѣсто, гдѣ бы намъ провести вмѣстѣ вечеръ, чтобы потолковать о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Я назначилъ домъ Петра Николаевича Ермолова, гдѣ мы и собрались: Алексѣй Петровичъ, я, Петръ Николаевичъ и Воейковъ. Мы провели вмѣстѣ весь вечеръ и часть ночи и перебрали всѣ предметы, которые насъ могли занимать, въ особенности же говорили о Грузіи и о дурномъ состояніи, въ коемъ нынѣ дѣла находятся. Изъ оборота мыслей Алексѣя Петровича казалось мнѣ, что онъ бы не отказался принять вновь начальство въ томъ краѣ, еслибъ ему оное предложили. Я нашелъ его посвѣжѣвшимъ и душевно и тѣлесно противъ прежняго состоянія его; онъ веселѣе прежняго, и хотя ему случается иногда подшутить надъ какою либо неосновательною мѣрою, предпринятою правительствомъ или, лучше сказать, правитель-

ственными лицами, но въ рѣчахъ его не замѣтно того озлобленія, которое прежде выказывалось

Въ бытность мою въ Москвѣ я навѣстилъ раза четыре Львовыхъ, у коихъ пріятно проводилъ время; былъ также раза два у княгини Мещерской и почти ежедневно у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой. Остальную часть времени проводилъ я въ занятіяхъ по дѣламъ управляемыхъ мною имѣній съ Опекунскимъ Совѣтомъ. . . .

Въ бытность мою въ Пустотинѣ пріѣзжалъ ко мнѣ тамошній сосѣдъ царевичъ Имеретинскій Дадіанъ. Онъ нѣкогда служилъ въ Преображенскомъ полку, и когда въ 1822 году было возмущеніе въ Имеретіи, то онъ, находясь тогда въ отпуску, принялъ участіе въ томъ бунтѣ, былъ взятъ въ плѣнъ, судимъ и переведенъ за наказаніе въ одинъ изъ гарнизонныхъ баталіоновъ Сибирскихъ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, былъ прощенъ и уволенъ въ отставку; по отставкѣ онъ женился на дочери графини Паленъ, вдовы Павла Петровича, и поселился въ Рязанской губерніи: человѣкъ простой и по видимому показался мнѣ хорошимъ. Выѣхавъ изъ Пустотина, я по дорогѣ заѣхалъ къ нему въ село его, Кипчаково, гдѣ и ночевалъ....

Село Архангельское, 5-го Апрѣля.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я получилъ отъ брата Александра изъ Петербурга письмо, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что, при свиданіи его съ графомъ Орловымъ, Орловъ спросилъ его первый обо мнѣ, и когда Александръ сказалъ ему, что я занимаюсь хозяйствомъ, то Орловъ изъявилъ сожалѣніе свое о случившемся, на чтò братъ отвѣчалъ, что меня въ семъ дѣлѣ болѣе всего огорчаетъ распущенный слухъ, что я оставилъ службу будто по личному неудовольствію на Государя, ибо никогда такая мысль мнѣ и въ голову не приходила.

— «Его только что хотѣли назначить военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ», сказалъ Орловъ, «или главноуправляющимъ на Кавказѣ или въ Грузіи (на которое мѣсто изъ двухъ, Александръ не хорошо замѣтилъ): ибо, продолжалъ Орловъ, онъ въ состояніи поправить тамошнія дѣла, о чемъ я тогда еще говорилъ вашему батюшкѣ; прямо же мнѣ о томъ говорить брату вашему не приходилось, чтобы не уронить достоинства самого Государя».

Странныя сужденія! Можно ли уронить достоинство Государя изъявленіемъ желанія его, которое есть приказаніе подданному; и прилично ли Государю сообщаться такимъ образомъ съ подданнымъ?

Александръ отвѣчалъ, что я самъ бы вступилъ въ службу, еслибъ имѣлъ въ виду поручительство въ благорасположеніи ко мнѣ Госу-

— «Знаю, что въ томъ не онъ виновенъ, сказалъ Орловъ, а виноваты Чернышовы: ибо Государь говорилъ о томъ Кругликовой, а она не передала словъ его брату вашему, безъ чего все бы уладилось. Вы знаете, что военный министръ ѣдетъ въ Грузію; скажите брату вашему, чтобы онъ, по знакомству съ министромъ, посѣтилъ его въ проѣздъ его черезъ Москву».

Разговоръ ихъ прекратился въ тотъ день пріѣздомъ къ Орлову нѣкоторыхъ лицъ, при коихъ нельзя было продолжать онаго.

Черезъ нѣсколько дней братъ былъ опять у графа Орлова и сказалъ ему, что онъ получилъ извѣстіе о выѣздѣ моемъ изъ Москвы, и потому невозможно мнѣ было болѣе видѣться съ военнымъ министромъ въ Москвѣ. «Министръ поѣдетъ черезъ Воронежъ», сказалъ Орловъ; «не можетъ ли братъ вашъ къ тому времени съѣздить въ Воронежъ, чтобы тамъ повидаться съ нимъ?» И Орловъ затѣмъ отозвался недосугомъ, почему и разговоръ ихъ опять прекратился.

Тутъ братъ вручилъ ему запечатанное отъ себя письмо (отъ 6 Февраля 1842), въ коемъ онъ объяснялъ положеніе дѣла и образъ мыслей моихъ. Орловъ пробѣжалъ письмо съ поспѣшностью и, положивъ его на столъ, сказалъ, что послѣ прочитаетъ оное.

Село Архангельское, 6 Апрѣля.

Быть у военнаго министра въ проѣздъ его чрезъ Москву, или отыскивать его въ Воронежѣ — предложенія, на которыя я бы могъ согласиться. Письмо, поданное графу Орлову братомъ, служило къ тому, чтобы Орловъ не перетолковалъ иначе объясненія, которое они имѣли на мой счетъ; мѣра эта во всякомъ случаѣ не могла повредить дѣлу. Я нахожу однакоже, что братъ хотя и правильно объяснилъ мой образъ мыслей, но выраженія, употребленныя имъ въ письмѣ семъ, слишкомъ усилены, т-е. слишкомъ много прилагательныхъ, которыя какъ будто свидѣтельствуютъ о нѣкоторой степени искательности съ моей стороны и безъ пользы растягиваютъ самое содержаніе письма̀. Впрочемъ, если Орловъ въ числѣ людей, повредившихъ мнѣ и моихъ гонителей, то онъ можетъ, и не показывая письма Александра Государю, перетолковать по своему весь смыслъ разговора ихъ и представить образъ мыслей моихъ въ томъ видѣ, какъ ему захочется.

Вотъ продолженіе сихъ сношеній, какъ меня о томъ увѣдомилъ Александръ уже по возвращеніи его къ себѣ въ деревню. Онъ былъ передъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга у графа Орлова, и какъ разговоръ ихъ обратился на мой счетъ, то Орловъ сказалъ, что письмо сіе косвенное, а потому и не можетъ онъ пустить оное въ ходъ. При семъ братъ замѣчаетъ, что оно было показано.

Александръ отвѣчалъ, что, я вѣдь и не желалъ ничего, не прошу ничего инаго какъ только того, чтобъ быть оправданнымъ во мнѣніи Государя.

— «И такъ я могу сказать, продолжалъ Орловъ, «что я получилъ косвенныя извѣстія, по коимъ братъ вашъ готовъ служить, коль скоро въ немъ будетъ надобность».—«Совершенно такъ», отвѣчалъ Александръ, «братъ мой всегда готовъ служить отечеству своему и Государю, коль скоро ему о томъ дадутъ знать».

Симъ и кончилось. Казалось бы, что мнѣ послѣ того должно ожидать вызова; но какъ разгадать скрытныя мысли Орлова и кто поручится, что онъ въ тайнѣ не питаетъ на меня неудовольствія за славу, коей онъ черезъ меня лишился въ экспедиціи 1833 года въ Турціи? Ибо ему недостаточно было почестей, коими онъ былъ одаренъ: ему нужна была молва народная и память въ потомствѣ.

И такъ дѣло по прежнему. Я остаюсь мирнымъ жителемъ деревни и пользуюсь благами, дарованными мнѣ Богомъ въ уединеніи, доставшемся на мою долю....

Послѣ отъѣзда гостей, мы принялись за прежній родъ жизни,— занятія по хозяйству, воспитаніе дѣтей и чтеніе. Дѣятельность моя годъ отъ году исчезаетъ; съ прискорбіемъ убѣждаясь въ томъ ежедневно, я сталъ дѣлать надъ собою усилія и замѣчаю въ себѣ успѣхъ: ибо началъ болѣе прежняго заниматься, что̀ имѣетъ прямое дѣйствіе и на мои физическія силы, склоняющіяся (можетъ быть и вѣроятно отъ бездѣйствія) къ упадку.

Меня посѣтили въ прошедшемъ мѣсяцѣ Суботинъ и Тергукасовъ, люди, коихъ знакомство мнѣ пріятно. Люблю прямоту души ихъ, основательность и съ удовольствіемъ вижу дружеское расположеніе ихъ ко мнѣ.

Да поддержутся во мнѣ силы одолѣть губительное бездѣйствіе, поразившее меня въ послѣдніе года, бездѣйствіе, утруждающее благосостояніе мое какъ тѣлесное, такъ и душевное и имѣющее сильное вліяніе на благосостояніе всего моего семейства.

9 Апрѣля, село Архангельское.

Вчера приступилъ я къ составленію новаго каталога своей библіотеки, которая усилится книгами библіотеки покойнаго отца, сюда уже привезенными, но еще не разобранными. Трудъ сей довольно продолжительный, и для того я прежде составилъ проектъ раздѣленія сочиненій на раздѣлы по содержанію ихъ, что̀ довольно мудрено, по смѣси предметовъ, заключающихся въ одномъ сочиненіи и потому что, располагая книги сколько можно приближеннѣе къ порядку содержа-

щихся въ нихъ предметовъ, не надобно упускать изъ виду удобство для отысканія ихъ по названіямъ. Для дѣла сего призвалъ я къ себѣ въ помощь Понсета, подпоручика конно-піонернаго эскадрона, квартирующаго въ селѣ Патріаршемъ, и мы утвердили вчера порядокъ статей, въ коемъ книги должны быть поставлены, повѣривъ напередъ названія книгъ во всѣхъ имѣющихся у меня каталогахъ библіотеки, каждое порознь, противъ сдѣланнаго проекта, измѣняя статьи и переставливая порядокъ ихъ по мѣрѣ встрѣчающейся надобности.

Село Архангельское, 10-го.

Новое бѣдствіе постигло въ нынѣшнемъ году несчастную отчину нашу, коей бѣдные крестьяне изнемогаютъ подъ бременемъ несчастій, удручающихъ ихъ уже три года сряду. Цынготная болѣзнь, посѣтившая насъ весною 1840 года, снова появилась нынѣшнею весною и въ степени еще сильнѣе прошедшей: болѣе 100 человѣкъ ей заражены и смертность усиливается. Въ 1840 году поражала она только старыхъ, малыхъ и слабыхъ, нынѣ гибнутъ отъ нея и молодые люди въ цвѣтѣ лѣтъ. Пособія дѣлаемыя мною больнымъ недостатотчны и не могутъ имѣть настоящаго дѣйствія по безпечности и небрежности самихъ крестьянъ, которые не возмутъ труда продолжать постоянно пріемы лѣкарства, а напротивъ того недовольны, если они не выздоравливаютъ немедленно послѣ перваго пріема, сами же не потрудятся добыть чесноку или хрѣну: средства вѣрныя и предохранительныя, когда ихъ постоянно употребляютъ. Средства сіи раздаются мною самымъ бѣднымъ, какъ равно и настойка березовыхъ листьевъ на винѣ, мазь на березовыхъ листахъ, кислоты; но никогда нельзя поручиться за точное исполненіе предписаннаго больному. Кислыя воды, составляемыя мною на соляной кислотѣ, раздавались по бутылкѣ въ день на каждаго больнаго; средство сіе испытанное мною самимъ изъ лучшихъ, когда его постоянно употребляютъ; но крестьяне, получивши первую бутылку, не приходятъ за другой изъ лѣни или съ намѣреніемъ удержать у себя стекло или сосудъ имъ данный.

Въ 1840 году болѣзнь сія исчезла съ появленіемъ хорошей погоды и зелени на лугахъ и въ лѣсахъ, народъ собиралъ травы и употреблялъ ихъ въ варево. Сего и нынѣ ожидаю; но между тѣмъ погода стоитъ сырая, и больные не выздоравливаютъ.

Болѣзнь сія свирѣпствуетъ не только у насъ, но и во всѣхъ окрестностяхъ, даже въ богатыхъ казенныхъ селеніяхъ, производя въ домахъ страшныя опустошенія. У насъ въ Мартѣ мѣсяцѣ умерло 28 душъ; говорятъ, что въ одномъ изъ окрестныхъ казенныхъ селеній жители 7 домовъ вымерли до послѣдняго.

Главныя причины появленія сей болѣзни, заключаются повидимому въ недостаткѣ овощей, ибо въ прошедшемъ году, отъ постоянно продолжавшейся засухи, всѣ яровые хлѣба и произведенія огородныя совершенно пропали, крестьянинъ же не имѣетъ въ правилахъ добывать себѣ покупкою даже самыхъ необходимыхъ предметовъ жизни, а потому довольствовался всю зиму однимъ хлѣбомъ.

Село Архангельское, 11.

Я обошелъ вчера нѣсколько домовъ, въ коихъ народъ страждетъ цынготною болѣзнею. Разговаривая со взрослыми людьми, я не могъ добиться никакого сужденія или мнѣнія на счетъ причины сей болѣзни. Отвѣты самыхъ разговорчивыхъ изъ нихъ были уклончивы; но я болѣе узналъ отъ 10-лѣтнихъ ребятъ, коихъ въ одномъ домѣ лежало четыре брата больныхъ. Они мнѣ жаловались на то, что во всю зиму не ѣли ничего теплаго, а питались однимъ хлѣбомъ, который имъ уже надоѣлъ. Причина по сему должна заключаться въ недостаткѣ овощей и яровыхъ произведеній и въ безпечности самихъ хозяевъ, не заботящихся о благосостояніи домовъ своихъ; ибо сами больные ребята просили матерей варить имъ хотя тюрю, чтобы имѣть какую либо теплую похлебку.

Село Архангельское, 13.

Вчера роздалъ я купленныхъ лошадей крестьянамъ, и при семъ случаѣ объяснилъ имъ, сколько они должны содѣйствовать трудами своими предпринимаемымъ мною мѣрамъ для улучшенія состоянія ихъ. Хотя они и сильно упали духомъ, но не могу сказать, чтобъ я въ нихъ нашелъ какое либо закоренѣлое упрямство; уныніе велико между ними: смертность въ народѣ не прекращается.

Мая 8-го.

Мнѣ предстояла надобность быть въ Воронежѣ какъ для того, чтобы отдать губернатору Ховену визитъ, который онъ мнѣ сдѣлалъ, такъ и для того, чтобы переговорить съ нимъ о дѣлахъ нашего чрезполоснаго межеванія, по коимъ посредникъ нашъ Бехтѣевъ, вмѣсто того чтобы соглашать, болѣе ссоритъ сосѣдей.

26 числа прошедшаго Апрѣля мѣсяца я выѣхалъ отсюда и ночевалъ въ селеніи Хлѣвномъ, а 27 пріѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ остановился въ заѣзжемъ домѣ Воропаева, близъ монастыря. Часа два послѣ пріѣзда, я поѣхалъ къ Ховену; его не было дома, онъ выѣхалъ въ тотъ вечеръ за городъ и долженъ былъ скоро возвратиться. Я познакомился съ его женою, и едва возвратился домой, какъ Ховенъ пріѣхалъ за мной и просилъ меня убѣдительно переѣхать къ нему на квартиру. Я отправился къ нему и помѣстился у него въ домѣ.

Ховена всего болѣе занимало въ то время дѣло, возродившееся у него съ военными, которые, стоя на квартирахъ по уѣздамъ и городамъ, дѣлали безпорядки и обижали жителей. Такъ какъ Ховенъ человѣкъ прямой души, то онъ прежде старался всячески прекратить ссоры сіи, въ коихъ военные были виновны; наконецъ въ случаяхъ важнѣйшихъ, гдѣ онъ находился уже въ необходимости довести до свѣдѣнія Государя о поступкахъ войскъ, онъ оказалъ снисхожденіе къ начальникамъ войскъ и по просьбамъ ихъ остановилъ донесеніе свое. Но начальникъ драгунской дивизіи генералъ-лейтенантъ Гербель, движимый иными правилами чѣмъ Ховенъ, воспользовался симъ снисхожденіемъ и, въ надеждѣ выиграть время, послалъ отъ себя по командѣ донесеніе о послѣднемъ случившемся происшествіи, въ коемъ драгуны были совершенно виноваты, изобразивъ случай сей какъ бунтъ со стороны жителей Воронежа.

Немедленно послѣдовалъ по волѣ Государя спросъ у Ховена, за чѣмъ онъ утаилъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ. Тогда Ховенъ, вынужденный уже объяснить истину, донесъ своему министру о всѣхъ безпорядкахъ дѣлаемыхъ военными, что̀ и побудило Государя послать генералъ-адъютанта Исленьева для изслѣдованія сего дѣла, по коему военные найдены совершенно виновными. Гербель былъ уже уволенъ въ отпускъ, когда я пріѣхалъ въ Воронежъ, а на мѣсто его назначенъ баронъ Корфъ, который однакоже еще не прибылъ.

Исленьевъ находился на слѣдствіи въ южной части губерніи, когда я былъ въ Воронежѣ. Онъ долженъ былъ возвратиться къ 1 числу Мая мѣсяца и вскорѣ затѣмъ ѣхать обратно въ Петербургъ, почему Ховенъ просилъ меня дождаться его, говоря, что Исленьевъ хотѣлъ заѣхать ко мнѣ въ деревню, потому что имѣлъ до меня дѣло, а именно, хотѣлъ по порученію Государя узнать, расположенъ ли я вступить въ службу, если меня пригласятъ. Поводомъ къ сему служило малонадежное положеніе дѣлъ на Кавказѣ.

Головинъ, главнокомандующій въ семъ краѣ, былъ въ явной ссорѣ съ Граббе, начальникомъ Кавказской линіи. Ссора сія сопровождалась другими несогласіями между начальниками, отъ чего, при значительномъ увеличеніи числа войскъ, дѣла̀ шли дурно, и горцы до такой степени усилились, что они смѣло нападали на наши укрѣпленія, брали ихъ приступомъ, снабдили себя артиллеріею отъ насъ и съ помощью перебѣгающихъ къ нимъ Поляковъ, сформировали у себя до 8000 почти регулярнаго войска, наводящаго страхъ на наши полки, разоряли станицы у насъ на линіи, дѣлали вторженія въ самые города и держали насъ въ совершенной осадѣ.

Такое состоянiе дѣлъ тѣмъ болѣе устрашало правительство наше, что горцы, до сихъ поръ разъединенные мѣстоположенiемъ, различiемъ обычаевъ и языковъ, нынѣ соединились подъ общее правленiе одного изъ своихъ единоземцевъ, т. е. горца Шамиля, человѣка, видно, смѣлаго и умѣющаго владѣть народомъ: ибо онъ взялъ надъ всѣми горцами полную власть и умѣлъ покорить себѣ независимый духъ сихъ людей до такой степени, что онъ собираетъ изъ нихъ войско, налагаетъ взысканiе на виновныхъ или ослушныхъ и имѣетъ казну, составленную изъ собираемыхъ съ горцевъ денежныхъ повинностей, имъ же наложенныхъ.

Первыя неудачи нашихъ войскъ въ томъ краю послѣдовали при экспедицiяхъ, которыя предпринялъ къ нимъ Паскевичъ, по окончанiи Турецкой войны, когда онъ разогналъ всѣхъ людей, посредствомъ коихъ онъ прiобрѣлъ столь блистательные успѣхи въ той войнѣ и, окруживъ себя людьми, себѣ подобными, надѣялся прiобрѣсти себѣ новую славу покоренiемъ горскихъ народовъ. Онъ тогда ошибся въ разсчетахъ своихъ. Одна неудача слѣдовала за другой неудачею, и къ счастью Паскевича, отозвали его вскорѣ послѣ смерти Дибича для командованiя армiею въ Польскую войну. Но начало разстройства въ дѣлахъ нашихъ было уже имъ положено; оно увеличилось еще ошибочными мѣрами, предпринятыми высшимъ правительствомъ нашимъ, личными видами людей, коихъ употребляли въ дѣлахъ Кавказскаго края и, наконецъ, участiемъ, которое было постоянно предоставлено Паскевичу во всѣхъ распоряженiяхъ по тому краю: ибо ему пересылались на мнѣнiя важнѣйшiя донесенiя главноуправляющихъ Грузiи, и онъ поражалъ всѣ дѣйствiя ихъ, коль скоро ему казалось только, что они не согласовались съ его образомъ мыслей, или обнаруживали поступки людей имъ поддерживаемыхъ.

Отъ сихъ причинъ послѣдовало разстройство дѣлъ нашихъ на Кавказѣ до такой степени, что правительство затрудняется уже мѣрами, которыя надобно взять, чтобъ ихъ поправить: ибо всѣ начальники тамъ между собою перессорились, войска, какъ слышно, упали духомъ и не дерутся, а горцы день ото дня усиливаются, такъ что даже опасаются совершеннаго отпаденiя той страны изъ подъ владычества Россiи.

Нынѣшнiй главноуправляющiй въ томъ краѣ генералъ Головинъ, назначенный по избранiю Паскевича, находится въ открытой враждѣ съ Граббе, который командуетъ на Кавказской линiи. Головинъ, говорятъ, человѣкъ слабый, нерѣшительный и неспособный къ сему званiю; но слухи сiи о немъ распущены генераломъ ***, который

недавно былъ въ Петербургѣ и, повидимому, жаловался на своего начальника, на мѣсто коего онъ желаетъ быть возведеннымъ.

По разстройству въ дѣлахъ Кавказа, посланъ туда недавно военный министръ, но для того ли, чтобы за удаленіемъ его лучше изслѣдовать дѣла министерства его, въ коемъ происходятъ большіе безпорядки, или для того, чтобы направить дѣла Кавказа, сіе неизвѣстно. Первое, кажется, вѣроятнѣе; ибо нельзя думать, чтобы Государь полагалъ Чернышова способнымъ что-либо исправить.

Если, какъ вѣроятно, мнѣ предназначается одно изъ сихъ двухъ мѣстъ, Кавказъ или Грузія, то, конечно, нельзя нынѣ принять ни одно изъ нихъ. Мѣсто въ Грузіи даетъ болѣе способовъ дѣйствовать въ томъ краю съ пользою; но въ теперешнее время, когда дѣла доведены до такой крайности, нельзя безъ страха принять на себя такую обязанность, коль скоро въ дѣлахъ Кавказа поперечатъ и распоряженіями изъ Петербурга, и мнѣніями Паскевича, когда вся власть главноуправляющаго поражена кознями и всѣ пружины правленія ослабли. Подавно затруднительно возстановленіе дѣлъ на линіи, которыя находятся подъ гнетомъ двухъ силъ: одной изъ Грузіи, а другой изъ столицы.

Я воспользовался сею поѣздкою въ Воронежъ, чтобы подать Ховену двѣ записки по дѣламъ размежеванія чрезполосностей съ сосѣдями, въ коихъ Бехтѣевъ, посредникъ нашъ, дѣлаетъ только запутанности и вмѣсто того, чтобъ мирить владѣльцевъ, производитъ между ними несогласія черезъ лживыя наущенія. Я подалъ записки сіи въ надеждѣ, что Ховенъ, какъ человѣкъ благонамѣренный и дѣятельный, подвинетъ дѣла сіи и положитъ имъ конецъ. Ховенъ въ самомъ дѣлѣ принялъ записки мои съ истиннымъ желаніемъ услужить мнѣ; но я тотчасъ увидѣлъ, что изъ того ничего не будетъ, ибо онъ самъ не вникаетъ, или не умѣетъ вникнуть, или не можетъ вникнуть въ дѣла, потому что слишкомъ отвлеченъ единою мыслію его занимающею—искорененія злоупотребленій, о коихъ онъ только и говоритъ, всѣхъ подозрѣвая и принимая самыя ошибочныя мѣры для открытія ихъ. И такъ губернаторъ, при всей благонамѣренности своей, не принесетъ той пользы, которую бы можно было отъ него ожидать. И окружающіе его чиновники замѣтили въ немъ слабость сію; они занимаютъ его разговоромъ о взяткахъ, принимаемыхъ чиновниками на слѣдствіяхъ, содержатъ его въ дѣятельной праздности, если такъ можно выразиться, а между тѣмъ дѣла обработываются какъ имъ нужно. Я въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ, чтобы Ховенъ много занимался дѣлами, а видѣлъ его все время въ движеніи, перебѣгающимъ изъ одной комнаты въ другую, бранящимся на всѣхъ пронзительнымъ голо-

сомъ,который раздается попеременно во всехъ концахъ дома, и подписывающимъ въ разное время дня бумаги, которыя къ нему отовсюду приносятъ. При мнѣ секретарь его, въ полной увѣренности, что Ховенъ не вникаетъ въ дѣло, докладывалъ ему по одному изъ моихъ дѣлъ, показывая статью изъ Свода Законовъ, никакъ не подходящую къ дѣлу, тогда какъ онъ зналъ, что Ховенъ желалъ мнѣ сдѣлать пріятное. Нашъ посредникъ Бехтѣевъ человѣкъ вздорливый, но умный и имѣющій связи во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи, слишкомъ увѣренъ въ предпринимаемыхъ имъ дѣлахъ и смѣется надъ безкорыстною добронамѣренностью Ховена, которому никогда не удастся обнаруживать его поступки.

Недавно проѣзжалъ черезъ Задонскъ въ Грузію начальникъ Штаба Кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ Коцебу, который остановился на короткое время въ Задонскѣ у конно-піонернаго полковника Каульбарса, гдѣ онъ засталъ Бехтѣева. Бехтѣевъ, не зная, что Коцебу друженъ съ Ховеномъ, сказалъ ему, что губернаторъ управляемъ двумя чиновниками при немъ находящимися, и какимъ-то лекаремъ, чтó Коцебу и передалъ Ховену. Дня черезъ два явился Бехтѣевъ къ Ховену. «Какъ», сказалъ онъ ему, «вы сказывали Коцебу, что я руководимъ двумя чиновниками и лекаремъ?» Бехтѣевъ сталъ отговариваться. «Да Коцебу не солжетъ», продолжалъ Ховенъ, «и потому увѣренъ я совершенно, что вы это говорили. Хорошо! Вы бы должны, г. Бехтѣевъ, мнѣ о томъ прямо въ глаза сказать, еслибы вы что-либо подобнаго замѣтили, и тогда бы я вамъ за это былъ очень благодаренъ и сталъ бы наблюдать за собою, а за глазами говорить такимъ образомъ не годится».

Многіе изъ тѣхъ, которые видѣли дѣйствія губернатора, не знавши благородныхъ свойствъ души его, могли бы и повѣрить Бехтѣеву, хотя губернаторъ не довѣряетъ ни одному изъ чиновниковъ его окружающихъ. Но Ховенъ такъ скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ, что симъ пользуются многіе, и первый принесшій жалобу, хотя бъ онъ самъ былъ виноватъ, получаетъ немедленно изустное удовлетвореніе, чтó нерѣдко бываетъ сопряжено съ напрасною обидою обвиняемаго, или несправедливымъ оправданіемъ виновнаго.

Я также былъ у преосвященнаго Антонія, коего просилъ о производствѣ дьячка села нашего въ діаконы. Былъ я у него два раза по сему дѣлу, которое онъ обѣщался исполнить по желанію моему. Антоній человѣкъ замѣчательный по своей хитрости. Онъ родомъ Малороссіянинъ, чтó замѣтно изъ выговора его; онъ былъ нѣкогда ректоромъ Кіевской Духовной Академіи и, поступивъ на Воронежское епископство, умѣлъ пріобрѣсть себѣ покровительство Государя, такъ что

когда онъ, года два тому назадъ, просилъ по болѣзни увольненія отъ должности, то Государь прислалъ ему Александровскую ленту съ просьбою остаться на своемъ мѣстѣ.

Антоній просилъ недавно къ себѣ назначенія викарія въ помощники. Ему прислали викаріемъ человѣка весьма порядочнаго; но хитрый старикъ скоро замѣтилъ, что викарій сей слишкомъ усилится, почему и ходатайствовалъ снова о перемѣнѣ сего викарія другимъ, по его назначенію, въ чемъ его также удовлетворили. «Я просилъ», сказалъ онъ мнѣ, «Государя о подкрѣпленіи меня назначеніемъ викарія, потому что чувствовалъ себя уже слишкомъ слабымъ въ здоровьи. Прошеніе мое было доложено Государю графомъ Протасовымъ въ самое то время, какъ Лифляндскій епископъ *) былъ уволенъ отъ должности (это случилось впослѣдствіи безпокойствъ, которыя оказались въ томъ краю, въ коихъ его обвиняютъ). Рижскаго епископа немедленно назначили ко мнѣ въ викаріи, и онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Воронежъ и вступилъ въ должность. Я вскорѣ увидѣлъ отличныя достоинства его и писалъ къ благодѣтелю своему Государю, сколько я признателенъ ему за скорое доставленіе просимаго мною подкрѣпленія; но что епископъ такъ отличенъ по достоинствамъ своимъ, что приличнѣе мнѣ быть у него викаріемъ, чѣмъ ему у меня, и его немедленно назначили епархіальнымъ въ Вологду,а на его мѣсто утвердили представленнаго мною въ викаріи Ельпидифора, бывшаго ректора Воронежской семинаріи». Нельзя не сознаться, что дѣлу сему данъ Антоніемъ весьма искусный оборотъ: онъ предвидѣлъ, что присланный ему въ помощь викарій возметъ слишкомъ много власти въ правленіи, и поспѣшилъ его замѣнить другимъ, въ чемъ онъ и успѣлъ. «Теперь», продолжалъ Антоній,» я спокоенъ: мнѣ нѣтъ надобности ѣздить по епархіи, что̀ я не въ состояніи дѣлать по слабости здоровья моего, и управляю дѣлами, оставаясь дома, что́ нахожу гораздо удобнѣе; ибо въ поѣздкахъ сихъ по епархіи нельзя ничего порядочно самому осмотрѣть въ короткія посѣщенія, на которыя намъ едва достаетъ времени, и время проходитъ болѣе въ церемоніалахъ, встрѣчахъ и пріемахъ, отъ чего дѣла впередъ не подвигаются».

Преосвященнаго Антонія разумѣютъ вездѣ за весьма хорошаго человѣка; надобно полагать, что онъ таковъ и есть. Впрочемъ, въ разговорахъ и сношеніяхъ съ нимъ замѣтна еще только ловкость, или то что́ называется хитростію, свойственною Малороссіянамъ. Онъ со всѣми весьма обходителенъ, принимаетъ и выслушиваетъ людей всякаго званія и состоянія, помогаетъ бѣднымъ, и по наружнымъ дѣйствіямъ его нельзя ни въ чемъ опорочить. Разговаривая со мною, раз-

*) Славный Иринархъ. П. Б.

сказалъ онъ мнѣ объ одномъ случаѣ, выставляемомъ имъ, видно, какъ чудо, произведенное святымъ Митрофаномъ.

«Нѣсколько времени тому назадъ», сказалъ онъ, «одинъ живописецъ видѣлъ во снѣ св. Митрофана и съ позволенія моего написалъ образъ его по вдохновенію. Недавно приходила ко мнѣ одна бѣдная женщина, которая принесла старинный портретъ св. Митрофана, найденный ею, какъ она говорила, въ своей кухнѣ, гдѣ онъ издавна находился. Она предложила мнѣ портретъ сей изъ усердія и хотѣла принять присягу въ справедливости своего показанія. Я уволилъ ее отъ присяги и, сличивъ портретъ сей съ образомъ живописца, нашелъ ихъ между собою совершенно схожими». Съ тѣмъ вмѣстѣ повелъ меня Антоній въ залу, гдѣ у него оба изображенія были поставлены рядомъ; сходство въ самомъ дѣлѣ было разительное.

Хотя меня Ховенъ и просилъ дождаться возвращенія изъ уѣздовъ въ Воронежъ Исленьева для свиданія съ нимъ, но я торопился возвратиться домой, а потому и выѣхалъ 29 числа передъ вечеромъ въ Землянскъ для свиданія съ Вульфертомъ, квартирующимъ тамъ со своею батарей.

Я пріѣхалъ въ Землянскъ въ полночь, остановился на постояломъ дворѣ и на другой день обѣдалъ у Вульферта. Радость его видѣть меня неописуема. Онъ мнѣ преданъ безъ лести. Я нашелъ въ немъ большія перемѣны какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; онъ постарѣлъ, жалуется на болѣзнь, нѣсколько обрюзгъ. Думы же его обременены тревожными мыслями; онъ чѣмъ-то недоволенъ, рѣчи его неспокойны; словомъ, онъ казался мнѣ какъ бы въ ипохондріи. Жаль мнѣ было видѣть моего Вульферта въ такомъ положеніи.

Въ тотъ же день 30 числа пріѣхалъ я къ Николаю Матвѣевичу Муравьеву. Онъ, кажется, разстроенъ въ дѣлахъ своихъ женитьбою. Жена его бѣдна и не имѣетъ ничего привлекательнаго. Надобно думать, что онъ ошибся въ разсчетахъ своихъ, и что онъ полагалъ взять какое либо состояніе, которое однакоже едвали оказалось. При томъ же на попеченіи у него теперь остался братъ его Матвѣй, молодой офицеръ, который также женился въ прошедшемъ году.

Переночевавъ у Муравьева, я отправился съ нимъ на другой день обѣдать къ отставному генералу Лукѣ Алексѣевичу Денисьеву. Уже два раза видѣлся я съ этою особою, пользующеюся хорошимъ именемъ во всемъ околодкѣ. Старикъ сей по видимому былъ нѣкогда пламенный служивый. Онъ уменъ, привѣтливъ и сохранилъ воинскій духъ, свойственный его природнымъ склонностямъ или привычкамъ отъ долговременной службы. Говорятъ, что онъ много и бѣднымъ помо-

галъ. При всѣхъ хорошихъ качествахъ сихъ, замѣтна въ немъ большая доля хитрости, но непредосудительной; ее можно скорѣе назвать большою осторожностью, которая, можетъ быть, сдѣлалась ему свойственною при многоразвитыхъ сношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился съ людьми и начальниками своими въ теченіе долголѣтняго своего поприща. Во всякомъ случаѣ человѣкъ сей занимателенъ и заслуживаетъ уваженія.

Я былъ у Денисьева еще прошедшею осенью. Въ новый годъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома. Съ нимъ пріѣзжалъ тогда Савельевъ, помѣщикъ сосѣдняго Денисьеву села Аксизова. Надобно было и этотъ визитъ отдать. Я заѣхалъ въ Аксизово; ихъ два брата, изъ коихъ одинъ въ то время былъ въ отъѣздѣ въ Москвѣ. Тотъ, котораго я дома засталъ, человѣкъ образованнаго обхожденія, но я не замѣтилъ ничего особеннаго въ разговорѣ его. Посидѣвъ съ часъ, я поѣхалъ въ Задонскъ, куда прибылъ ввечеру и тамъ ночевалъ.

2 числа я съѣздилъ еще къ нашему предводителю дворянства Кожину, который живетъ въ 7 верстахъ отъ города. Богатый человѣкъ... нынѣ занимается отдѣлкою огромнаго дома своего и употребилъ уже 80. т. рублей на внутреннія украшенія и мебели: сумасшедшее дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ не сроденъ по привычкамъ своимъ къ такой пышности. Піонерный полковникъ Каульбарсъ, который втравилъ Кожина въ сіи странныя издержки, смѣется надъ нимъ; а Кожинъ самъ дивится богатому убранству комнатъ, коими онъ никогда не будетъ умѣть пользоваться.

Навѣстивъ въ Задонскѣ еще кое-какихъ знакомыхъ, коимъ я долженъ былъ визиты, я возвратился 2-го Мая домой.

4-го числа, по возвращеніи съ прогулки, нашелъ я у себя на столѣ присланное съ нарочнымъ письмо отъ Ховена, которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что Исленьевъ получилъ эстафету, послѣ чего ему нельзя было ко мнѣ заѣхать, потому что онъ спѣшилъ возвратиться въ Петербургъ; но какъ онъ долженъ былъ 5-го числа проѣзжать черезъ Задонскъ, гдѣ онъ можетъ быть и переночуетъ съ 5-го на 6-е число, то Ховенъ убѣдительно просилъ меня съѣздить въ Задонскъ, дабы переговорить съ Исленьевымъ, который имѣлъ надобность со мною повидаться.

Ясно было видно изъ письма Ховена, что эстафеты никакой не было: ибо, еслибъ Исленьевъ получилъ эстафету для ускоренія его возвращенія, то бы онъ не располагалъ ночевать въ Задонскѣ. Видно было, что онъ имѣлъ какое либо порученіе до меня касающееся и счелъ обязанностію своею ѣхать къ Исленьеву, до коего лично я никакого дѣла не имѣлъ, но къ лицу, имѣющему повидимому порученіе

отъ Государя. Я не хотѣлъ дать кому либо причины, а паче всего самому себѣ повода обвинить себя въ какомъ либо неумѣренномъ поступкѣ, противномъ воли Государя.

5-го числа отправился я въ Задонскъ, куда пріѣхалъ въ два часа пополудни. Исленьева еще не было; я ожидалъ на квартирѣ Иванова, у коего остановился. Прождавъ Исленьева до 11 часовъ вечера, наконецъ я легъ спать, поручивъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ остановиться, чтобъ мнѣ дали знать о его пріѣздѣ.

Исленьевъ пріѣхалъ въ Задонскъ въ два часа утра; въ 4 меня увѣдомили о пріѣздѣ его, и я немедленно къ нему отправился. Когда я жилъ въ Петербургѣ, я всякій день видѣлся съ Исленьевымъ, на разводѣ или во дворцѣ, но едва-ли размѣнялъ съ нимъ нѣсколько словъ, и потому нельзя назвать насъ знакомыми. Онъ командовалъ гвардейскою дивизіею, а теперь уволенъ отъ сей должности и состоитъ только въ званіи генералъ-адъютанта при лицѣ Государя. Ховенъ увѣрялъ меня, что онъ нынѣ въ большой довѣренности у Государя. Исленьевъ принялъ меня съ неловкимъ видомъ стараго знакомаго и лицемѣрнаго участія. Когда мы сѣли, «скажите» началъ онъ, «какъ это все несчастливо случилось!»

— «Правда, что несчастливо», отвѣчалъ я, «но на сіе была воля Божія, и я, покоряясь ей, перемѣнилъ уже прежнія привычки свои, предался другому роду занятій и совершенно обратился къ сельскому хозяйству. Вы желали меня видѣть, какъ мнѣ Ховенъ писалъ, и я пріѣхалъ для того болѣе, что много было сплетенъ на мой счетъ»... «Много сплетень!» прервалъ онъ. «Сплетни эти всему причиною».— «Не о тѣхъ сплетняхъ хочу я говорить», прервалъ я въ свою очередь, по коимъ я долженъ былъ выдти въ отставку: я тѣхъ и знать не хочу, не хочу знать и ябедниковъ. Зачѣмъ я возьму на себя трудъ разыскивать зло, ими же сдѣланное? Они будутъ виновны, а я за ними слѣдить! Нѣтъ, мнѣ до нихъ дѣла никакого нѣтъ; а я говорю о слухахъ, которые были распущены мнѣ во вредъ, будто Государь уже послѣ отставки приглашалъ меня идти опять въ службу, но что я отказалъ ему, что я будто вышелъ въ отставку въ порывѣ неудовольствія на Государя, о чемъ и теперь еще слышу, а потому и полагаю, что враги мои не умолкли и стараются поддержать въ мнѣніи Государя ложное понятіе о моемъ образѣ мыслей».

— «Скажите мнѣ, не имѣете ли чтó передать?»..

— «Ничего, кромѣ того, что я бы весьма счастливъ былъ, еслибъ Государь зналъ настоящій образъ мыслей моихъ. Болѣе сего я ничего не ищу, живу покойно, мнѣ хорошо, и я еще теперь пользуюсь милостями Государя: ибо въ эти несчастные три года живу арендами.

жалованными мнѣ Государемъ, безъ коихъ бы я терпѣлъ недостатокъ. Никогда приглашеній никакихъ я не получалъ отъ Государя на вступленіе въ службу; да и не шло бы Государю приглашать меня: я состою въ его волѣ. Что же касается до подачи мною прошенія въ отставку, то всякій, кто захочетъ только обратить на сіе обстоятельство вниманіе, увидитъ, что сказанное о мнѣ несправедливо. Когда я лишился командованія корпусомъ, я переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ занимался прилежно счетною коммиссіею, мнѣ порученною, какъ всякою обязанностію, и провелъ въ сихъ занятіяхъ три мѣсяца. Когда же я увидѣлъ, что меня ни къ какой другой должности не назначаютъ и что подходило уже время, послѣ котораго не принимаются болѣе прошенія въ отставку, я подалъ свое прошеніе, въ той увѣренности, что мнѣ не надлежало ожидать дальнѣйшаго намека, и потому что самый аксельбантъ, который я носилъ—званіе генералъ-адъютанта, не препятствовалъ званію контролёра, въ которое я былъ облеченъ. Словомъ, служить и даже быть генералъ-адъютантомъ безъ царской довѣренности считалъ я неумѣстнымъ».

— «Да нельзя ли все это какъ нибудь перемѣнить?» спросилъ Исленьевъ. «Ну еслибы вамъ предложили вступить въ службу, согласились-ли бы вы?»

— «Вотъ письмо, отвѣчалъ я, которое я по сему дѣлу писалъ четыре года тому назадъ къ покойному отцу моему, желавшему меня видѣть въ службѣ». Я вынулъ изъ кармана и прочиталъ ему письмо сіе, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: *Ничего искать не буду, а волю царскую исполню съ совѣстливостью; что Богъ велитъ, тому и быть.* Исленьевъ какъ-будто не понялъ письма сего, и я продолжалъ: «Все отъ воли Государя зависитъ; онъ мнѣ былъ и есть судья. Я принялъ гнѣвъ его съ покорностью, удалился изъ службы, но остался вѣрноподданнымъ Его Величества и во всякое время готовъ опять въ службу, если сіе ему угодно. Стоитъ только Государю зачислить меня на службу приказомъ по арміи, и я опять буду служить съ прежнимъ усердіемъ».

Тутъ Исленьевъ обратился вдругъ ко мнѣ съ поспѣшностію: «Какъ, по арміи? Вы желаете поступить на службу съ зачисленіемъ по арміи?»

— «Приказомъ по арміи, или по войскамъ», отвѣчалъ я. «Какъ и какимъ званіемъ мнѣ поступить на службу, зависитъ отъ одного Государя; мнѣ же неумѣстно дѣлать какія либо условія съ Его Величествомъ, когда я вступаю въ службу. Государь меня зачислитъ, какъ и гдѣ ему угодно, хоть батальоннымъ командиромъ. Званіе мое будетъ зависить отъ великодушія Государя, на которое я полагаюсь».

— «Не пріимите за лесть то, что скажу вамъ, Николай Николаевичъ. У насъ большая нужда въ генералахъ теперь. Ваши военныя достоинства извѣстны, дѣла въ Грузіи идутъ дурно; вотъ теперь и военный министръ туда поѣхалъ. Что, еслибъ васъ назначили въ Грузію?» потомъ одумавшись нѣсколько—«на Кавказъ», сказалъ онъ. «Дѣла тамъ дурно идутъ; вы же можете тамъ оказать важныя услуги и Государю, и отечеству».

Колебаніе Исленьева между Грузіею и Кавказомъ дало мнѣ поводъ усумниться. Мнѣ не хотѣлось бы на Кавказѣ быть, чтобы не попасться въ омутъ несогласій и распрей, раздѣляющихъ тамъ начальство на партіи; не хотѣлось поступить на мѣсто, въ которомъ отъ меня бы всего ожидали и гдѣ бы я имѣлъ руки связанными. Но я видѣлъ, что Исленьевъ не тотъ былъ человѣкъ, коему бы все сіе можно было объяснить.

— «Если я буду на службѣ», отвѣчалъ я, «то лично объясню Государю мнѣніе мое на счетъ сношеній, въ коихъ тамъ начальство находится».

— «Баронъ Розенъ тамъ начальствовалъ, сказалъ Исленьевъ, «и дурно кончилъ».—«Баронъ Розенъ», отвѣчалъ я, «былъ почтенный человѣкъ, который зналъ край и хорошо имъ правилъ; дай Богъ всякому другому на его мѣстѣ также управиться».

— «Не правда ли», сказалъ Исленьевъ, «какой былъ почтенный человѣкъ баронъ Розенъ? Я его тридцать лѣтъ какъ знаю; его несчастье, что Государь пріѣхалъ въ Грузію въ его командованіе; случись это въ командованіе Паскевича или Ермолова, тоже самое бъ было. У меня дядя служилъ на линіи при Екатеринѣ; онъ говорилъ, что войска въ томъ краю всегда занимались постройками и работами, отвлекающими ихъ отъ строевой службы, что это неизбѣжно въ томъ краю; а помните манёвры?»

— «Помню».

— «Вѣдь тогда Государь былъ недоволенъ».

— «Не замѣтилъ», отвѣчалъ я; «напротивъ того, Государь былъ очень милостивъ ко мнѣ, при всѣхъ благодарилъ меня».

— «Знаете ли, Николай Николаевичъ, вѣдь васъ полагали принадлежащимъ къ оппозиціи?»

Можно было разсмѣяться при такихъ рѣчахъ. Исленьевъ самъ не зналъ, что это за оппозиція, смѣшивалъ ее вѣрно съ конституціею, вольнодумствомъ, формасонствомъ, и туда же относилъ вѣроятно и манёвры 1835 года, въ коихъ я имѣлъ успѣхъ. Но тутъ надобно было скрыть впечатлѣніе, которое произвелъ на меня такой отзывъ. Не знаю, отъ него-ли онъ произошелъ, или былъ послѣдствіемъ какихъ либо указаній изъ Петербурга.

— «Это мое несчастіе», отвѣчалъ я, «что обо мнѣ существуетъ такое мнѣніе; впрочемъ сказанными вами словами повѣряется слышанное мною уже однажды».

— «Когда, гдѣ?» спросилъ Исленьевъ, «не въ Вознесенскѣ ли?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, «это случай, который мнѣ только извѣстенъ». Я вспомнилъ сказанное мнѣ Государемъ въ Николаевѣ въ кабинетѣ: «Я вамъ покажу, что я вашъ Государь» —рѣчи, о которыхъ мнѣ, можетъ быть, удастся когда либо спросить Государя.

Тутъ поговорилъ онъ нѣсколько о цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ онъ находилъ Воронежскую губернію въ сравненіи съ прочими имъ видѣнными, съ Тульскою въ особенности, и восхищался богатствомъ и благоустройствомъ сельской земледѣльческой промышленности нашей губерніи. Я говорилъ ему, сколько она пострадала отъ трехъ годовъ неурожая; но онъ не находилъ сего, и вѣроятно въ такомъ видѣ передастъ и въ Петербургъ ошибочныя понятія свои. И въ самомъ дѣлѣ, чтó могутъ видѣть и о чемъ могутъ судить темные люди сіи, никогда не выѣзжавшіе изъ столицъ, проскакавшіе по большимъ дорогамъ и проспавшіе большую часть пути, ими сдѣланнаго? Чтó они знаютъ о богатствѣ края, о земледѣліи? А между тѣмъ мнѣнія ихъ будутъ служить руководствомъ правящимъ въ столицѣ властямъ.

Потомъ, помолчавъ нѣсколько, Исленьевъ спросилъ меня, не поѣду ли я въ Петербургъ?

«Нѣтъ», отвѣчалъ я. «Зачѣмъ я поѣду, не знавши, какъ буду принятъ Государемъ? Идетъ-ли мнѣ бросить семейство свое, имѣніе, коимъ занимаюсь и отъ устройства коего зависитъ все будущее благосостояніе семейства моего, лишиться выгодъ, которыхъ ожидаю отъ пожертвованій, мною уже сдѣланныхъ въ семъ имѣніи, для того, чтобы ѣхать на невѣрное и рисковать всего лишиться?»

На это Исленьевъ промолчалъ; и такъ какъ я видѣлъ, что ему болѣе ничего не оставалось говорить мнѣ, то всталъ и простился съ нимъ. Онъ изъявилъ мнѣ надежды и желаніе свое видѣть меня съ нимъ опять на одномъ поприщѣ службы.

Того-же 6 числа возвратился я домой.

Изъ всего разговора сего съ Исленьевымъ можно было заключить, что онъ получилъ какое либо порученіе отъ Государя касательно меня; но прямо ли онъ получилъ оное отъ Государя, или отъ кого либо изъ приближенныхъ, того я не могъ различить настоящимъ образомъ.

Могло случиться, что Исленьевъ и болѣе сказалъ, чѣмъ ему было поручено. Напримѣръ, можно ли полагать, чтобы ему велѣно было

спросить меня, пойду ли я въ службу, если меня пригласятъ? Но если ему сіе именно было приказано, то спросъ сей есть ничто иное какъ самое приглашеніе, и другаго ожидать едва ли можно и должно.

Дальнѣйшихъ объясненій съ Исленьевымъ мнѣ не приличествовало имѣть, и я даже долженъ опасаться, чтобы онъ не пересказалъ иначе и ко вреду моему то, что́ онъ отъ меня слышалъ. Можетъ также быть, что порученіе, ему данное, есть слѣдствіе письма, которое братъ Александръ вручилъ графу Орлову, и едва ли не сказывалъ мнѣ губернаторъ, что Исленьевъ о сихъ дѣлахъ передастъ Орлову. Въ такомъ случаѣ ничего не выйдетъ изъ того добраго.

Такъ какъ губернаторъ хотѣлъ по пути своему въ Петербургъ заѣхать ко мнѣ и просилъ меня еще въ Воронежѣ зазвать къ себѣ на то время Тергукасова, то я посылалъ къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ пріѣхать ко мнѣ. Тергукасовъ пріѣхалъ 9 Мая и пробылъ 10 число въ ожиданіи Ховена. 11-го Ховенъ пріѣхалъ къ обѣду. Я ему разсказалъ весь разговоръ мой съ Исленьевымъ. Онъ увѣрялъ меня, что колебаніе, замѣченное мною въ Исленьевѣ при упоминаніи о Кавказѣ и Грузіи, происходило не отъ чего иначе какъ отъ того, что Исленьевъ не зналъ настоящаго различія между сими управленіями, и что такъ какъ занимающій ту сторону корпусъ войскъ называется Кавказскимъ, то боялся сказать менѣе, упомянувъ о Грузіи. Какъ бы то ни было, я просилъ Ховена за симъ дѣломъ въ Петербургѣ слѣдить и коль скоро бы онъ только замѣтилъ, что меня хотятъ коснуться и назначить на Кавказъ, а не въ Грузію, то бы онъ всѣми путями ему возможными обнаружилъ бы на сей счетъ мой образъ мыслей. Я поручилъ ему свидѣтельствовать мое почтеніе графу Орлову, такъ какъ и Орловъ вспомнилъ обо мнѣ, когда онъ въ прошедшемъ году былъ въ Воронежѣ, и говорилъ-бы съ Орловымъ о моемъ вступленіи въ службу только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ о томъ заговоритъ. Ховенъ располагалъ возвратиться черезъ мѣсяцъ и хотѣлъ на обратномъ пути заѣхать опять ко мнѣ; онъ выѣхалъ отъ меня къ Тергукасову 11 же числа.

И такъ я теперь остаюсь въ ожиданіи того, что́ случится со мною. «Ничего не ищу, но волю Государя исполню съ совѣстливостію». Выраженіе сіе, помѣщенное въ письмѣ моемъ къ покойному отцу, останется неизмѣннымъ. Не буду винить себя, если новыя неудовольствія будутъ сопровождать меня на поприщѣ, на которомъ могу опять очутиться. И если я, покинувъ уединеніе мое, долженъ буду опять пострадать, то приму сіе какъ наказаніе, опредѣленное мнѣ Богомъ.

На дняхъ получилъ я еще два пригласительныхъ въ службу письма: одно отъ Сакена, другое отъ брата Михаила, съ коимъ я уже

близъ 10 лѣтъ не имѣлъ никакой переписки. Странно, что все сіе въ одно время стекается ко мнѣ какъ бы для того, чтобы поколебать меня; но я не чувствую себя даже склоннымъ измѣнить принятымъ мною правиламъ и буду ожидать рѣшенія участи своей, нисколько не двигаясь для достиженія чего либо; вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣню обязанностямъ своимъ въ отношеніи къ Государю и Отечеству, если только меня найдутъ полезнымъ.

Третьяго дня навѣстилъ насъ новый гость, Аксизовской, дальній сосѣдъ Савельевъ, у котораго я на дняхъ былъ...

21-го жена выѣхала съ тремя старшими дочерями въ Тагинъ для свиданія съ братомъ Захаромъ. Я находилъ справедливымъ допустить эту поѣздку для развлеченія ея послѣ трехъ лѣтъ пребыванія безвыѣздно въ деревнѣ.

23-го я также пустился въ путь, чтобы навѣстить нѣкоторыхъ сосѣдей и побывать на Лебедянской конной ярмаркѣ, гдѣ располагалъ купить лошадей, и оставилъ дома одну меньшую дочь свою Сонюшку. Прежде заѣхалъ я къ Суботину, коего не засталъ однакоже дома. Отобѣдавъ тамъ съ племянницею его, я поѣхалъ въ Красную Пальнў, къ Вадковскому. Онъ просваталъ нынѣ дочь свою за флигель-адъютанта полковника К....на... Въ проѣздъ Государя черезъ Грузію, послѣ смотра моего въ 1837 году, К....нъ, пріятель Дадіана, зятя барона Розена, далъ себя дружески принять имъ и сдѣлалъ тѣ донесенія, которыя имѣли послѣдствіемъ несчастіе Дадіана и сверженіе барона Розена. Нынѣ онъ опять поѣхалъ въ Грузію. Вадковскій не объяснилъ мнѣ опредѣлительно, какого рода онъ имѣетъ тамъ порученіе, чего онъ впрочемъ и самъ, можетъ быть, не знаетъ обстоятельно; но онъ сказалъ мнѣ, что К.. .нъ самъ говорилъ ему, что путешествіе военнаго министра въ Грузію есть ни что иное, какъ пышное шествіе похоронъ его, при коемъ онъ К....нъ держалъ одну изъ кистей балдахина. И такъ надобно полагать, что К....нъ и въ семъ случаѣ имѣетъ какое-либо тайное порученіе одного рода съ тѣмъ, которое ему было дано въ 1837 году. Со времени сей помолвки Вадковскій, доселѣ всегда недовольный правительствомъ, перемѣнилъ рѣчи свои: онъ болѣе не жалуется, напротивъ кажется какъ будто готовымъ идти К....ну въ сотрудники.

Вадковскій, по несоразмѣрной съ доходами жизни своей, какъ слышно, въ долгахъ и еще ищетъ занять денегъ, встрѣчая нужду для совершенія съ пышностью свадьбы дочери своей въ наступающемъ Августѣ мѣсяцѣ.

Отъ Вадковскаго поѣхалъ я къ Тергукасову, у коего и остался ночевать. Тутъ въ пріятельской бесѣдѣ отдохнулъ я отъ душевнаго стѣ-

свенія, въ коемъ я провелъ часа три у Вадковскаго. Ховенъ провелъ почти цѣлый день у Тергукасова въ проѣздъ свой въ Петербургъ, и располагалъ, по настоящемъ дознаніи дѣла моего въ столицѣ, предотвратить, черезъ знакомыхъ своихъ, всякій злой умыселъ, который бы могъ замѣтить въ отношеніи меня отъ людей неблагонамѣренныхъ.

24-го выѣхалъ я отъ Тергукасова въ Лебедянь, разстояніе около 50 верстъ. Дорогой заѣхалъ я въ село Красное къ отставному флота лейтенанту Петру Васильевичу Наумову, съ которымъ я познакомился въ прошедшемъ году у Суботина и который съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ у меня былъ: хорошій человѣкъ, но крайне тяжелый, какъ по молчаливости своей, такъ и по привычкѣ засиживается въ гостяхъ, нисколько не щадя времени хозяина. При томъ-же онъ отъ природы сильно заикается, и дабы лучше объясняться, когда послѣ долгаго молчанія начинаетъ говорить, объясняется такъ медленно и съ такимъ трудомъ, что недостаетъ никакого терпѣнія его выслушивать.

Я остановился кормить лошадей въ селѣ Троекуровѣ, что́ въ 10 верстахъ отъ Лебедяни. Въ селѣ семъ живетъ съ давнихъ временъ затворникъ Иларіонъ *), старикъ совершенно предавшійся молитвѣ и пользующійся въ окрестностяхъ особеннымъ уваженіемъ какъ по строгости жизни, коей онъ предался, такъ и по духу пророчества въ немъ признаваемому. Ему построена келья, на дворѣ церковномъ, помѣщикомъ Троекурова Раевскимъ, который содержитъ его и приставилъ къ нему послушника.

Не хотѣлось мнѣ проѣхать черезъ Троекурово, не увидѣвъ затворника, и такъ какъ мнѣ довелось тутъ лошадей кормить, то я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобъ его навѣстить. Послушникъ, въ одеждѣ почти такой же, какъ носятъ обыкновенно люди духовнаго званія, замѣтя, что я иду къ кельѣ, нагналъ меня у дверей въ сѣни и спросилъ что́ мнѣ надобно.—«Видѣть отца Илларіона», отвѣчалъ я. «Какъ о васъ доложить?»—«Помѣщикъ Задонскаго уѣзда Муравьевъ. Приметъ ли меня отецъ Иларіонъ?—«Не знаю, сейчасъ доложу», и такъ какъ двери въ сѣни были заперты изнутри, то онъ перескочилъ черезъ довольно высокую каменную стѣну, которая примыкала къ сѣнямъ съ лѣвой стороны, отворилъ изнутри сѣни, впустилъ на крыльцо, гдѣ я дожидался, и, подошедши къ дверямъ кельи, сталъ призывать отшельника обыкновеннымъ призывомъ, употребляемымъ въ монашествѣ: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ». Онъ скоро возвратился ко мнѣ, прося меня войти.

---

*) Сынъ казеннаго крестьянина Раненбургскаго уѣзда, села Зенкина. (См. въ 1-й книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія" 1895 г. статью о немъ Е. Поселянина). П. Б.

Когда двери въ келью отворились, я увидѣлъ небольшую комнату, чисто убранную; въ правой сторонѣ комнаты была дверь, ведущая вѣроятно въ спальню, а въ лѣвой сторонѣ въ переднемъ углу стояли образа, передъ которыми молился затворникъ съ земными поклонами. Такъ какъ онъ былъ обращенъ ко мнѣ почти спиною, то мнѣ нельзя было видѣть лица. Онъ средняго роста, волоса его сѣдые, распущены по плечамъ, одѣтъ онъ въ бѣломъ чистомъ балахонѣ, безъ всякихъ причудъ, сложенія худаго; движенія его при поклонахъ въ землю гибки, правильны, легки и безъ малѣйшаго шума. Я простоялъ съ полминуты въ дверяхъ, смотря на его моленье. Тишина была мертвая. Такъ какъ естественно имѣть нѣкоторое предубѣжденіе къ состояніямъ и занятіямъ людей, выходящимъ изъ обыкновеннаго круга дѣйствій нашихъ, то мнѣ и пришло на мысль, что послѣдніе поклоны сіи недоконченной молитвы могли быть послѣдствіемъ розмысла—сдѣлать впечатлѣніе на меня при первомъ взглядѣ на него, и тѣмъ болѣе возбудить любопытство мое, что лице его было отъ меня скрыто. Но я охотно сознаюсь, что мысль сія ошибочна; ибо человѣкъ сей въ полномъ смыслѣ слова удалился отъ свѣта и предался повидимому уединенію и молитвѣ вполнѣ; едва ли онъ заботится о томъ, что̀ люди о немъ говорятъ.

Отшельникъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ, что̀ мнѣ угодно. Я отвѣчалъ, что, проѣзжая чрезъ Троекурово въ Лебедянь, зашелъ къ нему единственно для засвидѣтельствованія моего почтенія и испрошенія благословенія его. «Чѣмъ вы торгуете?» спросилъ онъ.—«Ничѣмъ отвѣчалъ я. «Я помѣщикъ Задонскаго уѣзда,» ѣду въ Лебедянь лошадей купить, и до васъ не имѣлъ другаго дѣла какъ сказанное.»—«Ну, благодарю,» отвѣчалъ отшельникъ, «вотъ вамъ просфира за то», и подалъ мнѣ просфиру, у него на столѣ находившуюся. «Знаете вы Александру Николаевну Голдобину?» спросилъ онъ.—«Знаю», сказалъ я, «и всякій разъ, какъ видаюсь съ нею, мы говоримъ о васъ.»

Голдобина-жительница Задонска, дѣвица въ нѣкоторыхъ уже лѣтахъ, со всякими ужимками и претензіями, отъ природы неглупая, но несносная въ обхожденіи: то она величается богатствомъ родителей своихъ и происхожденіемъ, то жалуется на бѣдность, и все это съ такимъ лицемѣріемъ, что на нее смотрѣть противно; говорятъ, что она въ чести у отшельника; не знаю, правда ли это, только она много говоритъ о немъ. «Ну прощайте», сказалъ мнѣ старикъ.—«Благословите,» сказалъ я, показавъ руку. Онъ положилъ мнѣ на руку свою, которую я поцѣловалъ и вышелъ.

Взглядъ его проницателенъ, выраженіе умное; на устахъ же какая-то улыбка и, какъ кажется, непритворная. Улыбка сія не возрождается у него при разговорѣ, но какъ бы сроднилась съ выраженіемъ

лица и остается постоянно на устахъ его, говоритъ ли онъ, или слушаетъ. Наружность его пріятная и вселяетъ уваженіе. Говорятъ, что онъ нѣкогда былъ священникомъ въ какомъ-то приходѣ, разстриженъ или уволенъ изъ духовнаго званія за какой-то проступокъ, что онъ нѣсколько времени жилъ въ лѣсу, гдѣ его отыскивали посредствомъ земской полиціи и нашли въ сообществѣ съ пѣтухомъ и змѣею. Такова о немъ народная молва. Теперь онъ уже болѣе 20 лѣтъ живетъ въ Троекуровѣ и записался мѣщаниномъ въ Лебедянѣ, какъ я послѣ свиданія съ нимъ узналъ. Многіе имѣютъ къ нему вѣру; другіе обращаютъ болѣе вниманіе на незаконность приписываемой ему святости, потому что онъ не принадлежитъ къ духовному званію, полагая святость только въ однихъ монахахъ. Я того же мнѣнія, что человѣкъ сей имѣетъ отъ природы или вдохновенія расположеніе къ уединенію, созерцательности и молитвѣ, что онъ чуждъ свѣтскихъ предразсудковъ; готовъ думать, что онъ не есть поборникъ чиновнаго духовенства. Трудно съ нимъ вступить въ разговоры, потому что онъ убѣгаетъ ихъ, и вѣроятно рѣшился онъ на всегда схоронить въ душѣ своей и скрыть отъ людей настоящій образъ мыслей своихъ на сей счетъ, дабы не возбудить ихъ противъ общественнаго устройства и самому жить въ спокойствіи. Впрочемъ мнѣніе, основанное на такомъ кратковременномъ свиданіи, легко можетъ быть ошибочно. Нельзя не вспомнить при подобныхъ встрѣчахъ дервишей, людей умныхъ, строгой жизни, набожныхъ, но чуждыхъ предразсудкамъ и въ душѣ не терпящихъ угнетающаго сословія.

24-же числа пріѣхалъ я въ Лебедянь и въ тотъ же вечеръ пошелъ смотрѣть на конную лошадей. И на другой день ходилъ я смотрѣть ихъ, былъ и на дворахъ, гдѣ останавливаются конскіе промышленники, но ничего не купилъ, потому что не чувствовалъ себя въ силахъ имѣть дѣло и спорить съ роями искусныхъ барышниковъ, всю жизнь промышляющихъ торгомъ лошадей, имѣя въ виду, всѣ безъ исключенія, пріобрѣсти единственно обманомъ покупщиковъ.

Жаль видѣть красивое животное въ рукахъ этихъ людей, не дающихъ имъ ни на минуту отдыха, чтобы выставить статьи или скрыть пороки. Рѣдко себѣ можно встрѣтить такое собраніе красивыхъ лошадей какъ въ Лебедянѣ, и такое сборище записныхъ и заявленныхъ проворныхъ плутовъ какъ эти барышники, съ коими надобно непремѣнно дѣло имѣть, ибо почти всѣ лошади у нихъ перекуплены и продаются уже изъ другихъ или третьихъ рукъ.

25 возвратился я домой и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ оставленнаго мною ребенка и кабинетъ свой, къ коему привыкъ такъ,

что трудно мнѣ будетъ съ нимъ разставаться, если по какимъ либо обстоятельствамъ придется мнѣ оставить здѣшнее мѣстопребываніе.

Въ Лебедянѣ познакомился я случайно съ однимъ изъ дальнихъ сосѣдей нашихъ Стаховичемъ, который недавно овдовѣлъ. Тергукасовъ былъ друженъ съ этимъ домомъ и хорошо отзывался о немъ. Стаховичъ мнѣ показался точно добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, какъ его въ окрестности разумѣютъ...

4-го Іюня возвратилась изъ Тагина жена съ дѣтьми. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ ко мнѣ Н. П. Воейковъ, съ коимъ я пріятно провелъ три дня; 8-го поутру онъ уѣхалъ.

15-го пріѣхалъ сюда губернаторъ Ховенъ на обратномъ пути своемъ изъ Петербурга въ Воронежъ. Онъ былъ весьма хорошо принятъ Государемъ и получилъ значительныя денежныя награжденія. По дѣлу о вступленіи моемъ въ службу онъ со многими разговаривалъ въ Петербургѣ. Государь довольный тѣмъ, что̀ слышалъ отъ Исленьева о разговорѣ его со мною, хотѣлъ съ Ховеномъ лично переговорить обо мнѣ, однако не сдѣлалъ сего. Между тѣмъ Орловъ нѣсколько разъ заводилъ о семъ предметѣ рѣчь съ Ховеномъ и черезъ него совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ Государю въ собственныя руки, коимъ бы я изъявилъ желаніе поступить снова на службу съ предоставленіемъ участи своей въ полное распоряженіе Его Величества. По словамъ Ховена, многіе желаютъ появленія моего на поприщѣ службы, подавая мнѣ надежды, что я буду принятъ хорошо и получу назначеніе въ Грузію; но между тѣмъ сему благосклонному пріему не имѣется никакого поручительства, ибо Ховенъ ни отъ кого не слышалъ, чтобы вступленіе мое было угодно Государю.

Одинъ только человѣкъ былъ противнаго мнѣнія, именно флигель-адъютантъ полковникъ Ливенъ, который на разводѣ сказалъ Ховену, что коль скоро уже Государю извѣстна моя готовность, то отнюдь не слѣдуетъ мнѣ самому проситься, а ожидать рѣшенія. Голосъ сей былъ благороднаго человѣка.

Ховенъ привезъ мнѣ длинное письмо отъ брата Михайла, который совѣтовалъ мнѣ тоже, что̀ Орловъ и Ховенъ, но положительно не бралъ на себя никакой совѣстливой отвѣтственности за сей совѣтъ; ибо онъ самъ не предвидѣлъ никакого поручительства, чтобы со мною не поступили такъ, какъ опасаюсь, т. е. не оставили бы жить въ Петербургѣ безъ должности. Онъ по вѣроятностямъ излагалъ свой образъ мыслей на счетъ сего дѣла, думая, что худшее, могущее со мною случиться, будетъ то, что, зачисля меня на службу, оставятъ на короткое только время въ столицѣ безъ должности и потомъ назначатъ въ Грузію. Я не удивлялся, что братъ Михаило такъ судилъ о семъ дѣлѣ, ибо онъ

давно уже не видѣлъ меня и не знаетъ моего образа мыслей; но меня удивило то, что онъ въ концѣ письма своего прибавилъ положительный совѣтъ писать къ Государю и положиться на графа Орлова, говоря, что мнѣ должно смириться передъ царемъ: выраженіе странное и приличествующее только мятежному духу; но его во мнѣ никогда не бывало.

Я располагалъ уже ѣхать въ Воронежъ въ Августѣ, когда тамъ будетъ Государь на смотру драгунской дивизіи, гдѣ всего вѣрнѣе будетъ мнѣ объясниться съ Государемъ лично, а не черезъ посредниковъ, послѣ чего мнѣ уже останется самому рѣшить, вступать ли мнѣ въ службу или нѣтъ. Ховенъ передалъ сіе мнѣніе мое и Орлову и братьямъ Михайлѣ и Александру, которые въ это время находились въ Петербургѣ, и хотя они находили сіе средство хорошимъ, но предпочитали первое, т. е. написать письмо въ собственныя руки Государю.

Со слѣдующею почтою получилъ я также письмо отъ брата Александра, возвратившагося уже въ деревню свою подъ Москвою. Онъ тоже убѣждаетъ вступить въ службу и пользоваться настоящимъ случаемъ.

По соображеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ я рѣшился на слѣдующее:

1) Не слѣдовать совѣтамъ другихъ, а собственному своему побужденію, а изъ переписокъ съ братьями прибавлять только къ свѣдѣніямъ уже у меня имѣющимся о состояніи сего дѣла.

2) Самому не торопиться въ дѣйствіяхъ своихъ, а выигрывать время, имѣя постоянно въ виду отзывъ Ливена, выразившійся изъ благороднаго участія ко мнѣ.

3) Дождаться письма Исленьева, который, по словамъ Ховена, располагалъ ко мнѣ писать.

4) Тогда, не взирая на легкомысліе Исленьева, съ нимъ только объясняться по сему дѣлу, такъ какъ онъ положилъ ему начало, а съ другими лицами сноситься лишь въ такомъ случаѣ, еслибъ они сами вступили по сему предмету со мною въ переписку.

5) Брату Михайлѣ, писавшему ко мнѣ подъ вліяніемъ графа Орлова, отвѣчать, если можно будетъ, послѣ письма ожидаемаго мною отъ Исленьева; если же Исленьевъ ко мнѣ не написалъ бы, то ограничиться увѣдомленіемъ о избираемомъ мною пути свидѣться съ Государемъ въ Воронежѣ.

6) Наконецъ, помышлять въ самомъ дѣлѣ о поѣздкѣ къ тому времени въ Воронежъ, еслибы между тѣмъ не встрѣтились какія либо новыя обстоятельства, могущія измѣнить ходъ сего дѣла.

Путь сей мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется вѣрнѣйшимъ, чтобы не

упрекнуть себѣ, еслибы меня заманили въ службу единственно для того, чтобы поступить со мною какъ съ А. П. Ермоловымъ, т. е., чтобы оправдать себя въ общемъ мнѣніи, а на мнѣ выместить то, что я уклонился. Такъ могутъ, по крайней мѣрѣ, поступить царедворцы, коихъ теперешнее равнодушіе ко мнѣ опять обратится въ зависть, коль скоро я буду имѣть успѣхъ въ службѣ и пріобрѣту расположеніе Государя. Сдѣлаю должное, а что̀ за симъ послѣдуетъ, въ томъ виновенъ не буду; и потому искать ничего не расположенъ и не буду.

7-го числа былъ у меня проѣздомъ съ Кавказа въ степную Русь бывшій начальникъ 14-го пѣхотной дивизіи 5-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Ширманъ съ женою своею и адъютантомъ Соболевскимъ. Мнѣ пріятно было видѣть сей знакъ памяти стараго сослуживца моего. Занимательно для меня также было слышать извѣстіе о состояніи дѣлъ на Кавказѣ. Неудачи продолжаются для насъ, и повидимому причиною сему единственно начальники наши.

Такъ какъ я не получилъ письма отъ Исленьева, то на дняхъ писалъ къ брату Михайлѣ. Описывая только семейныя обстоятельства мои, я мимоходомъ упомянулъ о намѣреніи моемъ быть въ Воронежѣ ко времени пріѣзда туда Государя.

18 числа навѣстилъ меня Тергукасовъ со своимъ семействомъ; онъ пробылъ у меня вчерашній день, а сегодня уѣхалъ. Я разсказалъ ему всѣ подробности моего дѣла; онъ находилъ, что вѣжливость требовала, дабы я написалъ письмо къ графу Орлову просто съ выраженіемъ ему благодарности моей за принимаемое имъ участіе во мнѣ; ибо онъ нѣсколько разъ черезъ братьевъ и Ховена изъявлялъ мнѣ оное. Я нашелъ мнѣніе Тергукасова справедливымъ и послалъ ему вчера слѣдующее письмо:

„Милостивый государь графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Братья увѣдомили меня объ участіи, принимаемомъ вашимъ сіятельствомъ во мнѣ. Я не могъ быть равнодушнымъ къ симъ знакамъ доброжелательства вашего, и для меня лестно было видѣть, что вы сохранили ко мнѣ прежнее расположеніе ваше; оно было свѣжо въ мысляхъ моихъ въ теченіе почти совершившихся пяти лѣтъ уединенной жизни моей. Новый родъ занятій, коимъ я предался, украшался воспоминаніями о прошедшей службѣ моей, а продолжавшіяся неудачи по хозяйству покрывались до сихъ поръ милостями, коими Государь меня во время службы одарилъ.

„Нынѣшніе отзывы ваши въ соединеніи съ сохранившимъ въ памяти моей о прошедшемъ требуютъ выраженія признательности моей. Исполняя сей пріятный для меня долгъ, я остаюсь въ надеждѣ, что вы прочтете строки

сіи какъ душевное изліяніе чувствъ человѣка, всегда съ удовольствіемъ обращающагося къ воспоминаніямъ о начальствованіи и вниманіи вашемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

19 Іюля 1842.
С. Скорняково.

Такъ какъ письмо сіе не заключаетъ никакого искательства, то я его отправилъ охотно и безъ всякаго опасенія подвергнуть дѣйствія мои чьимъ либо осужденіямъ, а всего болѣе моимъ собственнымъ.

Вчера же, послѣ отправленія письма сего, я узналъ черезъ Понсета, что драгунскую дивизію велѣно стянуть въ Курскъ, гдѣ Государь будетъ смотрѣть весь корпусъ въ сборѣ. Итакъ, поѣздка моя въ Воронежъ повидимому не состоится; между тѣмъ я приступилъ къ перешивкѣ мундировъ, которые стали очень узки.

На дняхъ былъ у меня Николай Матвѣевичъ Муравьевъ и сказывалъ мнѣ, что при выѣздѣ его изъ Воронежа онъ видѣлся съ губернаторомъ, который, отозвавъ его въ сторону, поручилъ сказать мнѣ, что военный министръ, въ обратный путь свой съ Кавказа черезъ Воронежъ, изъявилъ сожалѣніе свое, что не случилось мнѣ къ тому времени быть въ Воронежѣ, чтобы со мною повидаться.

Сейчасъ получилъ я отъ губернатора письмо, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что Государь измѣнилъ маршрутъ свой, не располагаетъ болѣе быть въ Воронежѣ, а проѣдетъ черезъ Орелъ въ Курскъ, а оттуда въ Варшаву, почему Ховенъ и совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Курскъ, чтобы тамъ представиться Государю; но я, не видя никакого поводу къ сему шагу, не располагаю исполнить совѣта сего. И въ самомъ дѣлѣ, я былъ бы поставленъ въ затрудненіе объяснить причину пріѣзда своего въ Курскъ. Обстоятельства не перемѣнились ни въ чемъ, а потому и мнѣ не для чего перемѣнять своихъ дѣйствій.

26-го я праздновалъ имянины жены, старшей дочери и день свадьбы моей. Роща и садъ были иллюминованы, была и музыка, всѣ повеселились вдоволь. Послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ братъ Андрей. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Михайлы, который увѣдомляетъ меня, что письмо мое графу Орлову было показано Государю. На словахъ же онъ мнѣ передалъ черезъ Андрея, что Государь остался доволенъ симъ письмомъ и сказалъ, что онъ зналъ меня за честнаго и благороднаго человѣка, но полагалъ меня мало свѣдущимъ по фронту.

Третьяго дня былъ у меня губернаторъ Ховенъ, который говорилъ, что слухъ носился, будто Государь совсѣмъ не будетъ на смотру въ Курскѣ, а пошлетъ туда на мѣсто себя Михаила Павловича.

И такъ повидимому дѣло мое о вступленіи въ службу остановилось. Слухи носятся, что дѣла на Кавказѣ въ самомъ дурномъ положеніи. Герштейцвейгъ, которому предлагали мѣсто Граббе, отказался, какъ и многіе другіе отказываются отъ занятія тамъ званія сего, имѣющаго упраздниться, какъ говорятъ, вслѣдствіе собственной просьбы Граббе, который проситъ увольненія отъ своей должности.

Братъ Андрей оставался у меня до 18 Сентября. Пребываніе его было для меня пріятно; я давно не видался съ нимъ и принимаю въ немъ душевное участіе, какъ по безкорыстію, которое онъ показалъ при раздѣлѣ оставшагося послѣ смерти батюшки наслѣдства, такъ и по непріятному положенію, въ которое онъ поставленъ на службѣ; ибо онъ долженъ былъ оставить Сѵнодъ по неудовольствіямъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ. По собственнымъ словамъ Андрея, я могъ заключить, что неудовольствія сіи произошли отъ того, что онъ не несъ прямой службы, къ которой онъ никогда не былъ приготовленъ, а занимался единственно своими сочиненіями и покровительствованіемъ разнымъ духовнымъ особамъ вопреки видовъ свѣтскаго начальства, овладѣвшаго всѣмъ духовнымъ правленіемъ. Сіе неминуемо должно было когда нибудь случиться; ибо праздная по службѣ жизнь Андрея не могла быть терпима, и хотя онъ оправдывается сочиненіями своими, коимъ онъ посвящалъ все свое время, называя сіе полезнымъ и поучительнымъ для соотечественниковъ своихъ вліяніемъ для поддержанія церкви, но сіе не могло быть принято въ уваженіе тамъ, гдѣ требуется простое исполненіе обязанностей отъ подчиненнаго. Онъ долженъ былъ заниматься своимъ дѣломъ въ свободное отъ службы время и не заблуждаться называніемъ службою того что́ ему приносило и денежныя выгоды, и славу между духовенствомъ, коего онъ былъ поборникомъ.

Къ несчастію Андрея, онъ мало терпѣлъ въ жизни, встрѣчалъ всегда и вездѣ до сихъ поръ снисходительность; а потому, доживши до 36-лѣтняго возраста, не умѣетъ принудить себя ни въ чемъ. Въ семъ отношеніи онъ до такой степени избалованъ, что малѣйшее обстоятельство, противудѣйствующее его столичнымъ привычкамъ, выводитъ его изъ терпѣнія, чрезъ что затрудняется и путь въ жизни его на каждомъ шагу. Къ тому еще одинокая жизнь, которую онъ вѣкъ свой проводилъ, дала ему привычки эгоизма: все должно гнуться предъ нимъ и исполнять желанія его вопреки всего и безъ вниманія къ удобству и спокойствію другихъ. Здѣсь мы старались угождать ему и вмѣстѣ часто смѣялись надъ его привычкою; онъ переносилъ шутки, иногда сердился, но постоянно дружеское обхожденіе наше съ нимъ оставило въ немъ пріятное впечатлѣніе.

20-го Сентября былъ я на свадьбѣ дочери Вадковскаго съ К.... . . . .нымъ. Онъ два раза говорилъ мнѣ, что онъ приложитъ все свое стараніе, чтобъ пользоваться добрымъ мнѣніемъ моимъ, какъ бы чувствуя, что скрытое поведеніе его въ отношеніи къ Дадіану извѣстно. Дадіанъ конечно заслужилъ претерпѣнное имъ, но К. . . . нъ былъ скрытымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ и позорилъ стараго сослуживца своего изъ-за угла, а не открыто, какъ бы всякій обязанъ былъ сіе сдѣлать.

На дняхъ былъ у меня К. . . .нъ. Мы долго разговаривали о дѣлахъ Грузіи, и онъ на каждомъ шагу какъ бы желалъ оправдаться по слѣдствіямъ, которыя онъ производилъ въ Грузіи. Никакъ бы не думалъ я обвинять его въ сихъ дѣлахъ, ибо разумѣю, что онъ только исполнялъ возложенную на него обязанность; но когда онъ мнѣ между прочимъ сказалъ, что не можетъ по сей причинѣ искать службы въ Грузіи, гдѣ всѣхъ противъ себя возстановилъ, то я сталъ въ самомъ дѣлѣ думать, что онъ какими либо неумѣстными поступками преступилъ обязанности свои, къ удовлетворенію какихъ либо личностей. Вообще онъ мнѣ не понравился. Онъ долженъ быть отличный служивый; но я бы никакъ не поручился за чистоту его намѣреній и прямое самоотверженіе въ дѣйствіяхъ.

18-го Декабря я проводилъ жену съ тремя старшими дочерьми, отправившуюся въ Москву для свиданія съ сестрою ея Софьею Григорьевною, возвратившеюся изъ чужихъ краевъ въ недавнемъ времени. Жена желала также проѣхать въ Петербургъ; но я всячески отклонялъ ее отъ сей поѣздки.

ИЗЪ ДНЕВНИКА 1812 И 1813 ГОДОВЪ О МОСКОВСКОМЪ РАЗОРЕНІИ [1]).

Ростовъ. Декабря 7. 1812 г. Я пріѣхалъ въ Ярославль 5 числа по утру, нанялъ было на постояломъ дворѣ квартиру; но по усердному приглашенію тамошняго профессора физики, Александра Павловича Воинова» у него рѣшился ночевать. Въ этотъ день обѣдалъ я у другаго профессора Клименки, который и отдалъ мнѣ два письма отъ Ивана Михайловича, Варварскаго протопопа. Они заставили меня не плакать, а рыдать, и послѣ того всякой день льются изъ глазъ моихъ слезы о потерѣ дражайшей маменьки, которая рѣшилась пожертвовать собою для спасенія моего имущества. Въ Москвѣ буду и еще болѣе увѣрюсь въ этой ненаградимой потерѣ; при ней другія потери уже не столько терзаютъ мое сердце. Какія ужасныя испытанія угодно Всевышнему ниспослать на насъ! Покоримся съ благодушіемъ подъ крѣпкую руку Божію, насъ наказующую. Къ какимъ страшнымъ сценамъ долженъ я себя приготовить, приближаясь къ Москвѣ! Прошу Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ терпѣніе.—6 Декабря я былъ у обѣдни въ Спаскомъ монастырѣ и видѣлъ преосвященнаго Антонія, который служилъ литургію въ своей комнатной церкви. Оттуда съѣздилъ я къ имянинннику Николаю Абрамовичу Бартеневу и засталъ его; видѣлъ и Надежду Васильевну. Обѣдалъ я по приглашенію въ Демидовскомъ училищѣ у кассира Дружинина, а чай пилъ ввечеру у профессора Николаева. Всѣ они мнѣ рады. Сегодня поутру пилъ я чай у проф. Ханенко, облагодѣтельствованнаго нашимъ кумомъ Антонскимъ, у котораго онъ воспитывался и созрѣлъ въ наукахъ и которому одолженъ толь выгоднымъ для себя мѣстомъ. Сей Ханенко, по предписанію нашего попечителя [2], который теперь уже въ Москвѣ, ѣздилъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ Москву, осмотрѣть университетъ и представить, въ какомъ состояніи

---

[1]) Дневникъ этотъ писанъ адъюнктомъ Московскаго университета, Петромъ Васильевичемъ Побѣдоносцевымъ, (1771†1843) по возвращеніи его въ Москву изъ села Бѣлькова, Костромской губерніи Солигаличскаго у., гдѣ онъ укрывался съ семействомъ у друга своего Павла Антоновича Шипова (отца извѣстныхъ впослѣдствіи братьевъ Шиповыхъ).

[2]) Павла Ивановича Кутузова. П. Б.

найдетъ тамошнихъ чиновниковъ. По осмотрѣ его оказалось, что библіотека и кабинетъ сдѣлались жертвою пламени; изъ послѣдняго очень немного успѣли вывезти. Какая потеря и чѣмъ вознаградить ее! Оставалось въ университетѣ 5000 рублей мѣдной монеты, и отыскалось только 900 рублей. Винятъ во многомъ Артемьева, нашего полицмейстера, который и при Французахъ жилъ въ Москвѣ и имѣлъ при себѣ 14 человѣкъ: могъ сберечь и ничего не сберегъ. Спаслись отъ пожару больница и каменной домикъ, гдѣ жилъ ректоръ Геймъ, потому что тутъ же жилъ нашъ проф. Стельцеръ, котораго почитаютъ подозрительнымъ. И Сущовъ находится подъ судомъ, потому что и онъ, какъ говорятъ, принималъ участіе въ злодѣйскомъ муниципалитетѣ, или внутреннемъ управленіи Москвою во время нашествія злодѣевъ. Время откроетъ, справедливо-ли это. Елена Мих. Перелогова, сказываютъ, въ Нижнемъ все закупала, ходила на рынокъ, а Тимофей Ивановичъ [1]) тамъ давалъ уроки. Видно, они и съ дѣтьми перебрались туда при казенныхъ ученикахъ и студентахъ, изъ коихъ весьма многіе пошли въ ополченіе. Каченовскій съ женою въ Тамбовѣ, и домъ его уцѣлѣлъ. И Сокольскаго домъ спасенъ. Черепановъ при Институтахъ уѣхалъ въ Казань и тамъ учитъ дѣвицъ. Видно, и его семейство тамъ-же. Вѣроятно, туда же пустился и Цвѣтаевъ. Рейнгардъ съ женою умерли. Страховъ очень боленъ въ Нижнемъ; Мудровъ съ семействомъ тамъже и наживаетъ денежки, отправляя свою практику. Антонской въ дальней своей деревнѣ, и пансіонъ также сгорѣлъ. Снѣгиревъ, послѣ того, какъ злодѣи вышли изъ Москвы, явился туда въ самомъ жалкомъ положеніи: кучеръ его, на дорогѣ его ограбивъ, бѣжалъ; двѣ дѣвки скрылись, домъ сгорѣлъ; зарытое въ саду имѣніе разграблено; 2 сундука большіе съ книгами, отвезенные имъ въ Благородный пансіонъ на сохраненіе, сгорѣли. Для оказанія ему пособія о немъ писано къ министру. Сколько и мы вмѣстѣ съ другими претерпѣли потерь и еще, можетъ быть, претерпимъ! И я съ Божей помощію донесу Павлу Ивановичу о моихъ потеряхъ; можетъ быть, сколько нибудь и помогутъ намъ, если Богъ не совсѣмъ еще на насъ прогнѣвался.—Много и другихъ слышалъ я новостей, но теперь всего не приведу себѣ на память. Говорятъ о дальнѣйшихъ побѣдахъ надъ непріятелемъ и будто злодѣй, видя бѣду неминучу, отравилъ себя ядомъ. О, если бы это было справедливо! О, когда бы Господь совершенно умилосердился надъ нами конечнымъ разрушеніемъ вражеской силы и гибельнымъ паденіемъ Гальского Голіаѳа!

Изъ Ярославля до Москвы нанялъ я двухъ лошадокъ крестьянскихъ съ кибиткою за 27 рублей. Это очень недорого. За то въ

---

[1]) Т. И. Перелоговъ, извѣстный профессоръ математики. П. Б.

нашей повозкѣ должна сидѣть и старуха, жена мужичка, который меня везетъ, а она сойдетъ въ деревнѣ за Переславлемъ. Изъ Ярославля до Ростова доставили меня не-кормя; въ 6 часовъ съ половиной мы проѣхали 55 верстъ. Завтра Воскресенье; приведетъ-ли Богъ быть у ранней обѣдни въ Яковлевскомъ монастырѣ и приложиться къ мощамъ Димитрія Чудотворца? О типографіи сказываютъ, что матеріалы почти всѣ цѣлы, и бумаги сбережено довольно; главной корпусъ только поврежденъ. Теперь начальникомъ типографіи опредѣленъ Петръ Михайл. Дружининъ, директоръ губернской гимназіи. Невзоровъ, прежній начальникъ, отъ Французовъ былъ битъ, его бѣднаго видѣли почти въ одной рубашкѣ и безъ сапоговъ, и даже заставляли работать, а онъ еще такъ толстъ. Бѣдный страдалецъ! Живъ-ли то онъ? Злодѣи! Какъ они терзали беззащитныхъ людей! Но близко мщеніе небесное: скоро, скоро громы грянутъ, и память ихъ погибнетъ съ шумомъ.

8-го Декабря. Сегодня былъ я въ Яковлевскомъ монастырѣ у ранней обѣдни; послѣ прошелъ въ соборную церковь, отпѣлъ молебенъ, приложился къ мощамъ и принялъ благословеніе отъ гробоваго іеромонаха Амфилохія. Видѣлся я и съ Николаемъ Алексѣевичемъ, которой сказывалъ, что у него тысячъ на 50 сгорѣло въ Москвѣ, и между прочимъ расхищено въ его же домѣ сокрытое имѣніе Варвары Евгеньевны Кашкиной, монастырки. Они живутъ въ Ростовѣ, съ 12-го Сентября, и за двѣ комнаты съ прихожею платятъ по 30 руб. на мѣсяцъ.—Въ 9-мъ часу вечера пріѣхали мы въ Переславль и остановились на постояломъ дворѣ; тутъ разговорился я съ пріѣхавшимъ изъ Москвы купцомъ, которой говорилъ, что безъ ужаса нельзя и видѣть тамошнихъ развалинъ и опустошеній. А что-то я буду чувствовать, въѣхавши въ Москву и найду-ли родныхъ? Хотя бы у кого нибудь изъ нихъ уцѣлѣлъ домикъ, и то бы великое благодареніе Богу!

9-го Декабря. На разсвѣтѣ выѣхалъ я изъ Переславля. Остановясь въ полдни кормить лошадей, вошелъ я въ избу и увидѣлъ дѣвицу Познякову, которая училась въ Институтѣ. Съ нею тутъ были, еще двѣ сестры ея и маленькій братъ; и отецъ съ ними, а мать живетъ въ Орлѣ съ сыномъ. Они ѣдутъ въ Москву въ домъ актера Сандунова, гдѣ были бани: это мѣсто все уцѣлѣло. А нашъ Сандуновъ живетъ теперь въ Костромѣ. Его домъ сгорѣлъ до чиста. — На квартиру, гдѣ я остановился, пріѣхалъ ночевать возвращающійся изъ Москвы секретарь Дьячковъ, служившій въ Воспитательномъ Домѣ. Ужасно слушать, что̀ онъ о Москвѣ разсказываетъ. Но буди воля Божія! Да подкрѣпитъ Онъ меня въ горестяхъ, меня ожидающихъ послѣ завтра. Здѣсь разсказываютъ о погребеніи митрополита. Онъ

скончался 11-го Ноября, а погребенъ 16-го въ Субботу. Изъ Виѳаніи несли его священники для отпѣванія въ Лавру, а оттуда опять для погребенія въ Виѳанію монашествующіе подъ балдахиномъ. Въ Лаврѣ проповѣдь говорилъ тамошній ректоръ, и самъ рыдалъ и всѣ рыдали. Послѣ отпѣванія еще говорены были двѣ рѣчи самыя трогательныя двумя учеными монахами. По перенесеніи тѣла его въ Виѳанію двое студентовъ Богословія, Виѳанскихъ Платониковъ, говорили разговоръ въ стихахъ; когда же начали въ Виѳанской церкви опускать тѣло его въ могилу, то тамошній архимандритъ говорилъ еще рѣчь. Вѣроятно, все это будетъ напечатано. Здѣсь носится молва, будто, во время пребыванія злодѣя въ Москвѣ, Государь тайно изволилъ быть у митрополита для совѣтованія съ нимъ. Почтенный старецъ! Въ какое время онъ оставилъ свою паству! Когда Москва по Божію попущенію лишалась славы и красы своей, тогда и пастырь ея сдѣлался безгласенъ, бездыханенъ, неимущъ вида, ниже доброты! Россіянинъ, а болѣе житель разоренной столицы, оплакивая слѣды опустошенія Москвы, прольетъ горчайшія слезы, лишившись Московскаго пастыреначальника, незабвеннаго для христіанъ, пользовавшихся сладостнымъ его ученіемъ, а болѣе для духовенства, поставленнаго имъ на степень приличную священному сану. Вѣчная ему память!—Это пишу я на квартирѣ у Троицы, куда пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера послѣ трудной поѣздки, ибо отъ метели едва извощикъ нашелъ дорогу въ темный вечеръ.

10-го Декабря. Встали до свѣту, и я зашелъ въ Лавру, но не засталъ уже заутрени и только сквозь стеклянную дверь помолился Чудотворцу Сергію, надъ мощами котораго горѣла лампада. Сказывали мнѣ, что вся Сергіевская ризница и сокровища увезены въ Вологду. Доѣхавши до Рахманова, по просьбѣ Ярославскаго профессора Ханенко, заѣхалъ я въ подмосковную деревню г. Антонскаго, и тутъ познакомился съ его племянникомъ Чернявскимъ. Онъ сказывалъ, что у Антонскаго сгорѣла библіотека, и серебро, въ саду зарытое, расхищено. Убытокъ его простирается до 60 тысячъ, если вѣрить племяннику. Въ 6 часу вечера, съ пролитіемъ слезъ, въѣхалъ я въ Москву и остановился на постояломъ дворѣ за заставою, въ бѣдной избенкѣ. Я пишу это, а подлѣ меня мужики ужинаютъ, ребяты визжатъ. Завтра на разсвѣтѣ готовится для меня зрѣлище ужасное, какихъ я не видывалъ. У Андріановскаго протопопа все сгорѣло, сказывалъ мнѣ хозяинъ; а у Филиповскаго и Троицкаго на Капелькахъ домы цѣлы.

Москва, 11-го Декабря. Въ 8 часовъ утра подъѣзжаю я къ дому Агея Алексѣевича Алексѣева и къ удовольствію моему нахожу его цѣлымъ.

Они приняли меня, какъ родные. Другую ночь у нихъ ночую. Отъ нихъ узналъ я, что мои родные въ Богоявленскомъ монастырѣ и что матушка моя жива (У нихъ же, то есть у Агея Алексѣевича, живетъ Климентовскій, что̀ близъ Варварскихъ воротъ, священникъ съ женою). Пріѣзжаю въ Богоявленскій монастырь и обнимаю со слезами сестрицу и дѣтей ея; потомъ приходитъ и Иванъ Михайловичъ съ своего пепелища, гдѣ внизу отстраиваютъ нѣсколько комнатъ. Посылаютъ сказать обо мнѣ и матушкѣ, которая была у Степаниды Степановны, живущей съ Павломъ Дмитричемъ Левашовымъ въ духовной типографіи *). Мы рыдали, увидясь другъ съ другомъ; она такъ исхудала, что почти не узнаешь ее. Во все несчастное время она жила въ Москвѣ, видѣла и терпѣла всѣ ужасы, видѣла, какъ грабили мои шубы и платье, и какъ въ домѣ сгорѣли мои книги—и ничего сберечь не могла! Ѳедора, гнусная наша баба, ея не послушалась и, не смотря на ея просьбы, ушла и безъ жалости ее покинула. Какая злодѣйка! Съ Ив. Михайловичемъ живетъ вмѣстѣ и Илья Мих.; хоть у него домы сгорѣли, но онъ успѣлъ все сберечь; даже продаетъ теперь вино и мадеру, которыя у него уцѣлѣли, и въ своемъ трактирѣ отстраиваетъ нижній этажъ. — Потомъ былъ я въ духовной типографіи у Павла Дмитр. Левашова; онъ занимаетъ хорошія комнаты и, кажется, все у него уцѣлѣло, кромѣ дома. И онъ во время Французовъ жилъ въ типографіи, отпустивъ своихъ въ деревню къ Перехватову, который довольствовалъ ихъ, какъ родныхъ. Пав. Дмитр. также вытерпѣлъ много горя, сберегъ между тѣмъ типографію, буквы, книги и бумагу, и за то награжденъ щедро: получилъ крестикъ, чинъ ассессора и 1.000 рублей.—Отъ него былъ я въ нашей Университетской типографіи; главный корпусъ сгорѣлъ, а рабочіе цѣлы. Тутъ я взялъ шесть нумеровъ вышедшихъ вновь газетъ. Оттуда ѣздилъ я въ Кудрино на свое пепелище; по печи и по колодцу только могъ узнать, гдѣ было наше жилье. Поплакалъ и помолился Богу на паперти. На церкви все желѣзо сворочено и согнуто. Ужасное опустошеніе: видны одни только печи да трубы, и то развалившіяся; индѣ висящее желѣзо, индѣ куча камней, индѣ развалившіяся стѣны. Грибоѣдовой дому и слѣдовъ нѣтъ. Домъ Посниковой, Раевской, сапожника Ильи Михайлыча—все чистое поле; только торчатъ трубы, да кирпичи растрескавшіеся. Ѣхалъ мимо дому Тверитинова; онъ уцѣлѣлъ, и всѣ строенія около пруда. Домъ Дмитрія Ивановича въ Бронной сгорѣлъ до-чиста; жаль, что я не видалъ его: сегодня поутру онъ съ Анною Ивановною отправился къ своему дядѣ въ Кіевъ.

*) Т. е. на Никольской. П. Д. Левашовъ служилъ товарищемъ директора Московской синодальной типографіи. Его донесеніе о ней Св. Синоду отъ 24 Октября 1812 г. напечатано въ книгѣ Н. Дубровина „Отечественная война". Спб. 1882, стр. 279—287. П. Б.

12-го Декабря. Ночевалъ у Агея Алексѣевича. Въ 10 часовъ утра былъ я у попечителя, который почиталъ уже меня въ числѣ пропавшихъ безъ вѣсти, потому что я очень долго не являлся. Просилъ я его, не дастъ ли мнѣ гдѣ-нибудь квартирки. Онъ сказалъ, что надобно дождаться, когда изъ Нижняго пріѣдетъ ректоръ Геймъ и распорядитъ все, что́ можно.—Нынѣ былъ крестной ходъ около Бѣлаго города, и духовенство возвращалось изъ ходу въ Срѣтенской монастырь. Отъ Срѣтенскихъ воротъ до Никольскихъ все цѣло, и Лубянка; а въ городѣ все пылало и разрушалось. Рожественка также цѣла.—По вечеру былъ я на Петровкѣ, въ домѣ Рѣшетникова; тутъ нанимаетъ Глазуновъ съ семействомъ; онъ принялъ меня ласково и угостилъ. Домъ его на Пятницкой сгорѣлъ, и имѣніе, бывшее въ палаткѣ на колокольнѣ, расхищено, часть только осталась. Теперь онъ отдѣлываетъ лавки свои противъ Казанскаго собора; книги всѣ расхищены; осталось только въ Чудовомъ монастырѣ довольно кипъ.

13-го Декабря. Ивану Мих. протопопу даютъ квартиру въ Златоустинскомъ монастырѣ. Отъ архіерея ему дано было 500 р. на раздачу бѣднымъ, и два другіе благочинные, получивъ по стольку, раздавали милостыню. Антонъ Никитичъ, купецъ, торговавшій въ гребенномъ ряду и оставшійся нищимъ съ большимъ семействомъ своимъ, получилъ 15 рублей отъ Ив. Мих.— Обѣдалъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Былъ и у Каченовскаго; его домъ цѣлехонекъ; у него жили во время несчастія и теперь живутъ его тесть и теща съ дѣтьми. Библіотека Каченовскаго вся цѣла. Оттуда былъ я у бывшаго нашего хозяина Якова Дмитріевича; онъ живетъ близъ Рожественскаго монастыря, гдѣ все уцѣлѣло въ домѣ тамошняго священника, ихъ родственника. И отецъ нашей попадьи тутъ-же; онъ всего лишился. А нашъ хозяинъ успѣлъ сберечь почти все: не одну ночь работалъ съ причетниками и зарывалъ въ церкви, и все осталось цѣло. А наше все погибло; матушка, сказываютъ, и своего ничего не сохранила. Слишкомъ жестоко мы наказаны. При воображеніи о малюткахъ сердце мое кровью обливается.

Москва, Декабря 15-го. У обѣдни былъ я въ Срѣтенскомъ монастырѣ; тутъ служилъ Симоновской архимандритъ, и послѣ обѣдни былъ благодарный молебенъ, и по всѣмъ церквамъ цѣлодневной звонъ, по случаю побѣдъ надъ непріятелемъ. Въ этомъ монастырѣ хранится и стоитъ подлѣ царскихъ дверей драгоцѣнный образъ Владимирской Богоматери, бывшій въ Успенскомъ соборѣ. Оттуда зашелъ я въ церковь Козмы и Даміана, гдѣ Иванъ Семеновичъ Похорскій священникомъ. У него теплую церковь сего дня освящали. Приходъ его весь вызженъ, но онъ спасъ церковное и свое. Поѣхалъ я въ Воспитатель-

ный домъ къ тамошнему священнику. И онъ и другой священникъ Воспитательнаго дома едва не лишились мѣстъ своихъ за то, что они безъ позволенія начальства оставили свои мѣста. Государыня, бывъ о томъ увѣдомлена, прогнѣвалась, но послѣ изволила простить. Мѣста ихъ теперь почитаются самыми завиднѣйшими въ духовенствѣ; ибо у нихъ есть и жалованье, и теплая квартира. Все наказаніе, которому они подпали, состояло въ томъ, что лишили ихъ двухмѣсячнаго жалованья и отдали оное двумъ священникамъ, которые въ ихъ отсутствіе исправляли требы. Въ комнатахъ ихъ все цѣло, даже и мебель осталась неповрежденною.

Декабря 16. Поутру ѣздилъ я къ Рѣшетникову, содержателю типографіи, и онъ принялъ меня весьма радостно. Его домъ и типографія цѣлы. Оттуда зашелъ я въ приходскую церковь Рождества въ Столечникахъ; лишь только вступилъ туда, запахъ навозный поразилъ мое обоняніе; полъ весь черенъ, тутъ была у злодѣевъ конюшня; середина въ царскихъ дверяхъ выломана. Да и у тамошняго бѣднаго священника домъ, которой стоилъ ему болѣе 30 тысячъ и недавно былъ отстроенъ, весь выгорѣлъ.—Потомъ проѣхалъ въ Сущово къ Андрею Анисимовичу Сокольскому; домъ его цѣлехонекъ. Хозяина я не засталъ дома, а только жену его Любовь Григорьевну; она сказала, что онъ вчера уѣхалъ изъ Москвы въ Казань, по вызову отъ г. Цвѣтаева, давать уроки институткамъ; по этому видно, что Институты не скоро возвратятся въ Москву. Въ Екатерининскомъ Институтѣ слѣдовало бы быть выпуску въ будущемъ Февралѣ; но Государынѣ угодно отложить выпускъ еще на годъ. Сокольскій съ женою, во время несчастія, былъ не далѣе, какъ за 3 версты, и когда Французы туда пришли, то жена его и сестра ея чудеснымъ образомъ спаслись на верху подъ крышею и провели тамъ нѣсколько сутокъ; потомъ онъ просилъ Французскаго коменданта, и ему дали караулъ для провожденія въ Москву семейства его, и они жили уже при запасномъ дворцѣ, что́ у Красныхъ воротъ, и тамъ выдавали имъ муку. Въ Егорьевскомъ женскомъ монастырѣ, назадъ тому около двухъ недѣль, скончался священникъ, которой съ семействомъ своимъ оставался въ Москвѣ и при Французахъ; въ тотъ же самой день умерла и жена его, а чрезъ два дня и старшій сынъ ихъ. Остались въ живыхъ четверо бѣдныхъ малютокъ, которые должны идти по міру, если не подастъ имъ помощи какая нибудь благотворительная душа. Вотъ какія слѣдствія оставилъ по себѣ злодѣй непримиримый. Сказываютъ, что онъ уже въ Вѣнѣ, и войска у него осталось не болѣе 7 тысячъ; да и то едва ли возвратится туда, откуда пришло.

Декабря 17-го. Поутру былъ во второй разъ у попечителя и просилъ его о выдачѣ заслуженнаго мною жалованья. Онъ обѣщалъ приказать выдать, какъ скоро кассиръ Лазаревъ и ректоръ Геймъ пріѣдутъ изъ Нижняго, а ихъ ожидаютъ со дня на день. Отъ него идя, встрѣтился я съ священникомъ отъ Ильи Пророка на Воронцовскомъ полѣ. Онъ былъ богатъ, а теперь, ежели вѣрить ему, всего лишился. Въ церкви его похищены богатыя ризы и до 30 пудъ серебра. Теперь онъ нанимаетъ на Покровкѣ комнату и платитъ по 20 р. на мѣсяцъ.

18-го Декабря. Вздумалъ ходить по улицамъ, прошелъ по Вздвиженкѣ, мимо бывшаго театра и по Поварской: все позжено и разрушено; даже на этихъ улицахъ, какъ на необитаемыхъ, кое-гдѣ изрѣдка встрѣтится идущій или ѣдущій; а въ этихъ мѣстахъ всегда бывало множество народа. Какое превращеніе! Былъ опять въ Кудринѣ и зашелъ въ домъ Кашкина, гдѣ видѣлся съ дворецкимъ. Онъ сказывалъ, что ждутъ одного Николая Евгеньевича. Домъ ихъ весь цѣлъ, кладовыя только разграблены. Потомъ завернулъ я въ тотъ переулокъ, гдѣ жилъ Ѳедоръ Александровичъ Богдановъ; это мѣсто также уцѣлѣло. Нашелъ хозяина дома и хозяйку Вѣру Михаиловну и троихъ ихъ дѣточекъ. Они живы и здоровы. Бѣдные много имущества потеряли. Выѣхали 1-го Сентября на одной своей лошади, и то въ дрожкахъ, и не успѣли еще пріѣхать за имѣніемъ, которое безъ нихъ хотя людьми ихъ и зарыто было, но послѣ все злодѣями отыскано. Они жили въ Угличѣ и тамъ трепетали отъ приближенія непріятеля.

19-го Декабря. Пошелъ я навѣстить профессора Снѣгирева, которой живетъ недалеко отсюда въ Аптекарскомъ саду. Снѣгиревъ мнѣ сказывалъ, что Государю угодно, чтобы открытъ былъ Университетъ въ Ярославлѣ; однакожъ начальство наше скоро представитъ Его Величеству убѣдительныя причины, по коимъ должно быть сему главному училищу въ Москвѣ: 1) потому, что типографіи нельзя отдѣлить отъ Университета, а перевозить ее въ Ярославль было бы неудобно и сдѣлало бы большую остановку въ печатаніи газеты; 2) въ Ярославлѣ есть два большія училища, а въ Москвѣ не быть ни одному, хотя и на время, было бы странно. Надобно ожидать, какъ все это рѣшится. Какъ больница у насъ уцѣлѣла, то на первый случай въ верхнемъ этажѣ оной хотятъ открыть пять залъ, четыре для четырехъ профессорскихъ факультетовъ или отдѣленій, а пятую для правленія. Ректора и кассира все еще нѣтъ, и никому еще не выдано жалованья. Я слышалъ, что вчера открыты въ Москвѣ, въ домѣ главнокомандующаго на Тверской, Управа Благочинія, Губернское Правленіе и Казенная Па-

лата. Обѣдалъ я нынѣ у Павла Дмитріевича Левашова въ типографіи. И Василій Андріяновичъ, съ женою и съ двумя дѣтьми, при Французахъ, укрывался въ духовной типографіи. Жена его, Наталья Ивановна будучи почти на сносяхъ беременна, брала на руки дитя свое, выходила изъ типографіи, искала хлѣба или капусты на огородахъ, приносила что̀ могла, и питала свое семейство. Французы не трогали женщинъ съ дѣтьми. Съ геройскимъ терпѣніемъ она все перенесла и на нынѣшней недѣлѣ родила дочь Татьяну.

20-го Декабря. Всякій день узна̀ю снова о томъ, сколько страдала здѣсь матушка. Оставшись послѣдняя въ домѣ и вышедшая изъ него, когда онъ весь объятъ былъ пламенемъ, когда уже и юбка на ней загоралась, когда все почти съ нея сняли злодѣи, и даже серебряный крестъ съ шеи, она вошла въ нашу церковь и съ какими-то старухами укрывалась въ ней съ недѣлю; потомъ въ духовной типографіи, по приказанію Павла Дмитріевича, у тамошняго фактора жила съ мѣсяцъ и, чтобъ не выгнали ее и оттуда, чего ни дѣлала? Выметала соръ, выносила лахань и всякую нечистоту, и тутъ сколько разъ напоминали ей, что она имъ уже въ тягость. Впрочемъ она, успѣвши какъ-то въ изорванномъ на головѣ платкѣ сберечь десятирублевую ассигнацію, за все имъ платила. Пришедши нѣкогда къ церкви Василія Блаженнаго, отворяетъ двери, видитъ тамъ лошадей и пьяныхъ Французовъ, кои закричали на нее; бѣдная обмерла отъ ужаса и побѣжала назадъ. Чего она ни дѣлала для умилостивленія злодѣевъ, чтобы не били ее въ нашемъ домѣ, когда онъ еще былъ цѣлъ? И подчивала чаемъ, и становилась на колѣни, и обливалась слезами. Суди же теперь, каковы были ея страданія, и какова должна быть къ ней благодарность? Нѣкогда шла она по Никитской и поравнялась съ погребомъ Заикина; видитъ тутъ Французскихъ солдатъ, вынесшихъ изъ погреба ушатъ съ виноградныхъ виномъ. Большимъ стаканомъ они пили вино. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ мимо шедшую матушку, подзываетъ ее къ себѣ, наливаетъ стаканъ и подаетъ ей. Нечего было дѣлать: она беретъ и отвѣдываетъ; но солдатъ грознымъ голосомъ велитъ ей пить все. Какъ ослушаться? Она все и выпила, и сказываетъ, что вино было пѣнистое и самое вкусное. Послѣ подошла она къ паперти Никитскаго монастыря и тутъ сѣла отдохнуть; въ туже минуту проѣзжаетъ верхомъ Французъ, останавливается противъ нея, кидаетъ къ ногамъ ея мѣшокъ съ мѣдными деньгами и знаками показываетъ, чтобъ она взяла это себѣ; она хотѣла поднять мѣшокъ и отдать въ монастырѣ какой нибудь старушкѣ на сохраненіе; въ туже минуту подъѣзжаетъ другой верховой, схватываетъ мѣ-

шокъ, и увозитъ.—По выходѣ Французовъ, когда пріѣхалъ старшій сынъ Ильи Михайловича, которому между прочимъ отъ сестрицы приказано было отыскать и матушку, она съ нимъ выѣхала изъ Москвы и остановясь за 80 верстъ отъ Москвы, дожидалась тутъ сестрицы, которая должна была ѣхать изъ Рязани; дождавшись, съ сестрицею она опять возвратилась въ Москву и съ того только времени почувствовала въ себѣ изнуреніе силъ и болѣзнь.

Ввечеру сего дня былъ я у Глазунова, купилъ у него два календаря: одинъ для Павла Антоновича, а другой для Анны Сергѣевны; третій онъ мнѣ подарилъ. Посылаю еще на сей же почтѣ для Катеньки и Поленьки 1) Священную Исторію съ вопросами; 2) Притчи Синтипа философа для чтенія; 3) Правила и Нравоучительныя мысли и 4) Oeuvres de Berquin, tom IV. Все это куплено на площади за дешевую цѣну. Книжныя лавки еще не открыты, тогда бы купилъ что нибудь и поважнѣе.

22 Декабря. Воскресенье. Былъ на освященіи храма Адріана и Наталіи. Освящали и служили обѣдню тамошній протопопъ Адріанъ Николаичъ, Рожественскаго монастыря священникъ, нашъ бывшій хозяинъ Яковъ Дмитричъ и еще двое. Бѣдный протопопъ, чувствуя потери свои и видя храмъ каменный безъ благолѣпія, плакалъ. По окончаніи службы вошелъ я въ холодную церковь Вездѣ видны ужасные слѣды злодѣйскаго грабительства. Иконы лишены ризъ и лампадъ, кои всѣ въ этомъ богатомъ приходѣ были серебреныя; вызолоченные клиросы полуразрушенные валяются посреди церкви; амвонъ разбитъ, яма въ углу церкви, гдѣ скрыты были драгоцѣнности, раскопана. И каменное сердце тронулось бы, смотря на сіе зрѣлище.

30 Декабря. Понедѣльникъ. Былъ на Пречистенкѣ, въ домѣ Комбурлея, гдѣ нѣкогда мы обѣдывали у генерала Тучкова. Оттуда подъѣхалъ къ новому дому Тучкова. Этотъ домъ одинъ изъ окружающихъ его чудесно уцѣлѣлъ: сгорѣли только конюшни и сараи. Дворецкій, вмѣстѣ со мною подъѣхавшій къ воротамъ, сказываетъ мнѣ, что и самъ Алексѣй Алексѣевичъ *) сегодня пріѣхалъ. Обрадовавшись этому, вхожу въ верхнюю комнату. Тучковъ, увидѣвъ меня, также обрадовался, и мы обнялись и поговорили болѣе часу. Картины его вывезены и спасены; библіотека частію пострадала отъ расхищенія. Семейство его, жившее въ подмосковной, 15 Августа выѣхало въ Кашинъ, въ деревню матери его, за 180 верстъ отъ Москвы, гдѣ и теперь живетъ, а въ Февралѣ переѣдутъ въ подмосковную, 28 в. отъ Москвы, гдѣ разорено,

*) А. А. Тучковъ (1766—1853), отецъ бывшаго въ наши дни Московскаго генералъ-губернатора Павла Алексѣевича (†1864).

но домъ съ флигелями уцѣлѣлъ. Матушка Алексѣя Алексѣевича, лишившись двухъ сыновъ своихъ, храбрыхъ генераловъ, отъ слезъ лишилась зрѣнія. Теперь осталось сыновей у нея трое: Алексѣй Ал. старшій, другой—въ арміи генераломъ, третій—въ плѣну у злодѣевъ. Алексѣй Ал. чрезъ три дня поѣдетъ въ Тулу, а потомъ въ Петербургъ просить Государя, чтобы завѣщательную записку брата его, умершаго отъ ранъ, благоволилъ утвердить, въ чемъ и успѣть надѣется. Просилъ меня навѣщать его, предлагалъ занять безъ него ту комнату, гдѣ онъ теперь помѣщается, и сверхъ того къ веснѣ предлагалъ всему моему семейству флигель въ подмосковной. Какой онъ добрый человѣкъ!

1813. 15 Апрѣля. Вторникъ. Послѣ обѣдни у Спаса на Срѣтенкѣ прошелъ я въ Златоустовскій монастырь къ новому архимандриту, бывшему Алексѣю Ѳедоровичу. Говоря объ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ онъ былъ протопопомъ, онъ сказалъ, что въ немъ чудеснымъ образомъ многое уцѣлѣло. Часть ризницы была положена въ палатку, въ которую входъ былъ изъ собора; одна дверь въ нее была закладена камнемъ, а другая заперта замкомъ. Никто изъ грабителей не входилъ туда, даже и замокъ остался цѣлъ. Тутъ хранились и пожитки соборянъ. Во-первыхъ, надо приписать это особенному покровительству Божію; во вторыхъ, какъ въ этомъ соборѣ при злодѣяхъ стояло множество бочекъ съ простымъ виномъ, перевезенныхъ съ виннаго двора, то вѣроятно при дверяхъ стоялъ караулъ. Входили туда только тѣ, кому препоручено было брать извѣстное количество вина для раздачи войску, бывшему въ Кремлѣ. Сказываютъ, что, по выходѣ непріятелей, когда выпито было все вино, то его было въ соборѣ почти по колѣна. Сверхъ того чудеснымъ образомъ уцѣлѣлъ украшенный драгоцѣнными каменьями образъ царевича Димитрія, стоящій надъ его ракою. Въ алтарѣ уцѣлѣло также все траурное облаченіе изъ чернаго бархату для всѣхъ соборянъ. Онъ же разсказывалъ чудесное о мощахъ митроп. Іоны, почивающаго въ Успенскомъ соборѣ. Сіи мощи ничѣмъ не повреждены и совершенно цѣлы. Лѣвая ручка митр. Іоны прежде лежала на груди и была сжата, а когда послѣ непріятеля открыли мощи, то увидѣли, что она разогнута, и въ такомъ положеніи, въ какомъ мы держимъ руку, когда удерживаемъ и не допускаемъ до себя кого-нибудь. Вѣрно, святитель привелъ злодѣевъ въ ужасъ поднятіемъ руки своей

11-го Мая. Былъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Ворота его, и передніе и задніе, задѣланы бревнами и засыпаны землею, да передъ ними еще сдѣлана насыпь. Все это работали непріятели, которые въ

немъ хотѣли засѣсть и укрѣпиться. Ходятъ теперь въ боковые ворота; срывать насыпи посылаютъ, сказываютъ, плѣнныхъ Французовъ. Ихъ употребляютъ въ Москвѣ на всякую работу. И Кремль очищать отъ развалинъ они же будутъ. Церковь была заперта въ монастырѣ, какъ я вошелъ туда. Бывъ на паперти, я могъ сквозь рѣшетчатую дверь помолиться Смоленской Богоматери. Въ монастырѣ все цѣло, какъ было и прежде; нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, что тутъ стоялъ трехтысячный непріятельскій корпусъ. Отъ священника я слышалъ, что непріятели, бывшіе въ монастырѣ, не смѣли ничего грабить и обижать монахинь: ихъ генералъ, тутъ же жившій, строжайше наказывалъ тѣхъ, кто осмѣливался нанести оскорбленіе монахинямъ. Онѣ шили на непріятельскихъ солдатъ рубашки и прочее, и за все это платили имъ деньги и давали хлѣбъ. Хотя въ церковь солдаты и входили и хотя изъ нея лучшія сокровища были вывезены или спрятаны въ безопасныя мѣста, однакоже немало серебра еще оставалось, даже на престолѣ лежалъ серебряный крестъ въ 9 фунтовъ; все, какъ было прежде, осталось на своемъ мѣстѣ и ничего не пропало. Къ счастію тутъ стоялъ генералъ добрый, который при выходѣ изъ монастыря предувѣдомилъ священника, что по приказу Наполеона вездѣ положенъ порохъ и поставленъ огонь, чтобы монастырь превратить въ кучу камней. Монахини, узнавъ о томъ, успѣли свѣчи погасить и залить порохъ. А чтобы показать Наполеону, будто горитъ монастырь, этотъ генералъ велѣлъ зажечь нѣсколько домовъ къ нему прикосновенныхъ. Злодѣй однакожъ узналъ обманъ, и сказываютъ, велѣлъ разстрѣлять генерала. Этотъ генералъ, видно, былъ христіанинъ. Съ тамошнимъ протопопомъ онъ такъ подружился, что нерѣдко звалъ его къ себѣ на обѣдъ. (Сказываютъ, что они разговаривали на Латинскомъ языкѣ). Прощаясь съ нимъ, онъ подалъ ему руку и сказалъ: помолись обо мнѣ, батюшка, чтобы тамъ (указывая на небо) я не лишился награды. Черта великой души, напитанной христіанствомъ!

ЗАПИСКА А. В. НИКИТЕНКИ О НАПРАВЛЕНІИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“.

11 Ноября 1861.

Два журнала въ періодической нашей литературѣ: «Современникъ» и «Русское Слово» должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. «Русское Слово» идетъ по стопамъ «Современника». Это его идеалъ, образецъ; а главный изъ сотрудниковъ послѣдняго, Чернышевскій, для него есть величайшій, единственный умъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который одинъ понимаетъ всѣ современныя и даже будущія потребности человѣчества и Россіи, и одинъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ въ истинно-соціальномъ духѣ. «Русское Слово» впрочемъ заботится не столько о томъ, чтобы построить человѣческія общества по новой системѣ, сколько о томъ, чтобы разрушить всѣ нынѣ существующія системы. Разрушеніе есть его спеціальность. Оно разрушаетъ всѣ авторитеты власти, нравственности, вѣрованій, науки; да и самые принципы власти, нравственности, вѣрованій, науки для него не существуютъ. Матеріализмъ его главная, единственная доктрина. Изъ этого само собой уже проистекаетъ такое прекрасное, отрадное явленіе какъ анархія, или, лучше сказать, проистекаетъ невозможная анархія — политическая, нравственная, умственная, эстетическая. Конечно, не всѣ статьи написаны въ «Русскомъ Словѣ» въ такомъ духѣ, да это было бы и невозможно: никакого соціализма и матеріализма не стало бы на 12 такихъ толстыхъ томовъ. Болѣе всего означенныя идеи развиваются въ статьяхъ критическаго содержанія, которыми обыкновенно обозначаются у насъ цвѣтъ и физіономія журнала *).

Всѣ заключающіяся въ сдѣланныхъ мною выпискахъ мысли, до того нелѣпы, ребячливы, противны всѣмъ условіямъ человѣческой ло-

*) Далѣе А. В. Никитенко представляетъ на усмотрѣніе высшей власти выписки изъ книжекъ „Русскаго Слова“ 1861 года (за Май, стр. 9, 10, 11, 17, 43 и 78; за Іюнь, стр. 14, 21, 60, 65; за Сентябрь, стр. 4—6).

гики, опыта, многочисленнымъ свидѣтельствамъ исторіи и науки, до того отличаются надутымъ суесловіемъ, вздорнымъ тономъ, ухватками, забіячливостью, умничаньемъ и всезнаніемъ недоучившагося школьника, что онѣ скорѣе достойны смѣха, чѣмъ серіознаго вниманія и преслѣдованія. И дѣйствительно, ихъ слѣдовало бы предоставить собственной жалкой слѣпотѣ и невѣжеству или предать на жертву единственному достойному ихъ наказанію—возможности болѣе и болѣе изобличаться, смѣлѣе и смѣлѣе заявлять свою безсмысленность, что̀ вѣрнѣе всякихъ мѣръ, краснорѣчивѣе всѣхъ опроверженій, должно бы погрузить ихъ въ ничтожество и сдѣлать совершенно безвредными. Авторы подобныхъ произведеній имѣютъ въ виду одну цѣль—пріобрѣтенія популярности (другой родъ пріобрѣтенія—деньги, само собою разумѣется), и конечно для нихъ не можетъ быть большей кары, какъ полное невниманіе, особенно со стороны тѣхъ, кого хотѣлось бы имъ дразнить своими школьническими проказами.

Но есть обстоятельства, заставляющія смотрѣть на эти вещи другими глазами. Большинство читающей публики нашей такъ мало еще развито и образовано, что оно не въ состояніи противиться обаянію печатнаго слова, которое всегда является въ нѣкотораго рода убранствѣ, ослѣпляющемъ слабое зрѣніе. Въ печати обыкновенно употребляются нѣкоторые литературные пріемы, нѣкоторыя реторическія прикрасы, термины, то ученые, то принятые людьми просвѣщенными и умными, фразы съ извѣстною долею фосфорическаго блеска, бойкости или изворотливости пера, такъ что большинство публики отуманивается всѣмъ этимъ и, какъ отъ пріема одуряющей снѣди или питья, чувствуетъ въ себѣ что-то нехорошее, но никакъ не въ состояніи воспротивиться вліянію прочитаннаго. Тутъ уже заключается положительный вредъ статей подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ «Русскомъ Словѣ». И однако, это еще не главное. Гораздо важнѣе этого тотъ вѣсъ и значеніе, какое пріобрѣтаютъ онѣ между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что настоящее молодое поколѣніе большею частію воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ «Русскаго Слова». Въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени умственнаго возбужденія и развитости, умами овладѣваетъ родъ сладострастія мысли, не менѣе пылкаго и обаятельнаго, какъ и сладострастіе физическое. Юношество съ увлеченіемъ, со всѣмъ жаромъ своего возраста, предается легкой и соблазнительной игрѣ въ мечты, фантастическими грезами наэлектризованнаго воображенія, общественнымъ утопи-

ческимъ теоріямъ, къ которымъ и безъ того наклонны умы вѣка, которыя приходятъ къ намъ извнѣ готовыя, не заставляютъ ни трудиться, ни разсуждать и которыя, кромѣ того, что сами по себѣ пріятны, обѣщаютъ еще своимъ адептамъ титло геніальныхъ дѣятелей, популярность, славу. Соблазнъ становится, наконецъ, полнымъ, когда, съ предложеніемъ такой раздражающей умственной пищи, юношамъ толкуется о безграничной свободѣ человѣка вообще и юношества въ особенности, о преимуществахъ чувственныхъ удовольствій и интересовъ передъ всѣми нравственными, что не наука должна занимать учащихся въ школѣ, а такъ называемые *современные вопросы*; что всѣ люди, старшіе ихъ возрастомъ, саномъ или опытностью и знаніемъ, суть люди отсталые, неспособные ни къ какому прогрессу, чуть не идіоты и, слѣдовательно, не способны и не достойны не только руководить юношами, но и дѣйствовать вообще на какомъ бы то ни было умственномъ поприщѣ, литературномъ, ученомъ, государственномъ, и что за симъ единственная сила, опора и надежда общества—это они, юноши, предъ которыми, слѣдовательно, все должно умолкнуть и смириться. Казалось бы, нѣтъ никакой нравственной и логической возможности, чтобы подобныя идеи въ состояніи были произвести какое нибудь вліяніе надъ умами человѣческими, хотя бы это былъ умъ юноши. Къ сожалѣнію же, дѣло выходитъ иное. Таковъ духъ вѣка, таково настроеніе мыслей у многихъ. Таково грубое и непристойное прикосновеніе поверхностныхъ, серіозно не мыслившихъ и не учившихся умовъ къ великимъ, многотруднымъ, глубокимъ задачамъ человѣческой жизни и человѣческихъ обществъ; такова большею частью была незрѣлость умовъ, застигнутыхъ вдругъ наплывомъ важныхъ вопросовъ, важныхъ стремленій, которыхъ умы эти не умѣли даже или не дали себѣ времени ни обдумать, ни изучить основательно; такова вообще, съ прискорбіемъ должно сказать, въ значительной степени развившаяся у насъ деморализація, что вышеозначенныя тенденціи гораздо болѣе и къ гораздо большему числу молодыхъ умовъ имѣютъ доступъ, чѣмъ сколько слѣдовало бы ожидать по естественнымъ, психологическимъ и даже историческимъ законамъ.

Къ счастію, конечно, далеко не всѣ наши періодическія изданія идутъ путемъ «Русскаго Слова» или «Современника»; нѣкоторыя изъ нихъ даже вступаютъ въ полемику съ ними и стараются изобличить всю несостоятельность ихъ мнѣній. Къ сожалѣнію, эти изобличенія касаются болѣе литературной стороны критикуемыхъ ими статей, нежели ихъ духа и направленія. Впрочемъ, трудно и требовать другаго способа изобличеній отъ этихъ умѣренно-либеральныхъ журналовъ;

потому что, въ такомъ случаѣ, они должны бы поднять щекотливые вопросы о предметахъ священныхъ въ религіозномъ и нравственномъ или важныхъ въ политическомъ смыслѣ, а за это ихъ тотчасъ огласили бы доносчиками, обвинили бы въ булгаринизмѣ. Да и самой цензурѣ подобная полемика причинила бы новыя затрудненія: кромѣ щекотливости подвергать всеобщему состязанію предметы слишкомъ высокаго и важнаго значенія, ей пришлось бы допускать въ печати, такъ сказать, вдвойнѣ и во многихъ изданіяхъ то, что̀ она не должна бы терпѣть ни разу ни въ одномъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что журналы «Современникъ» и «Русское Слово» производятъ у насъ весьма важное вліяніе на массу читающей публики, особенно публики молодой. Направленію, въ которомъ они издаются, должны быть положены преграды. Я полагаю необходимымъ сдѣлать отвѣтственнымъ редакторамъ ихъ *послѣднее строгое предостереженіе* и затѣмъ, если въ нихъ появятся статьи или мысли, подобныя находящимся въ представленной мною запискѣ, то представить Государю Императору о прекращеніи изданій. Но при этомъ я считаю тоже справедливымъ сдѣлать цензору «Русскаго Слова» строгій выговоръ: ибо онъ долженъ обращать вниманіе не на однѣ фразы разсматриваемыхъ имъ статей, но на духъ ихъ и направленіе, хотя и самыя фразы такого рода, какъ означенныя въ запискѣ, никакимъ образомъ не должны бы быть дозволены имъ къ печатанію. И если исключеніемъ фразъ нельзя ослабить вреднаго или непозволительнаго значенія цѣлой статьи, то онъ долженъ, ничѣмъ не стѣсняясь, подвергнуть всю ее запрещенію.

ПО ПОВОДУ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА.

Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива".

Въ № 7 „Русскаго Архива" за 1894 годъ, въ выдержкахъ изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина, на стр. 439, высказано, между прочимъ, мнѣніе о дѣятельности бывшаго Прибалтійскаго генералъ-губернатора князя Багратіона и приводятся свѣдѣнія, явно направленныя къ тому, чтобы выставить эту дѣятельность въ крайне невыгодномъ свѣтѣ, а самаго князя Багратіона выставить преслѣдователемъ Латышей за желаніе ихъ обучаться Русскому языку. Передавая слухъ о томъ, что въ 1871 г. представители Латышскаго населенія явились въ Петербургъ съ просьбою о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ, но что Остзейскимъ баронамъ удалось сдѣлать такъ, что Латышей изъ Петербурга отослали обратно, даже не выслушавъ ихъ порядкомъ, С. М. Сухотинъ прибавляетъ, что тогдашній Балтійскій генералъ-губернаторъ князь Багратіонъ возбудилъ преслѣдованіе противъ тѣхъ Латышскихъ крестьянъ, которые являлись къ нему, какъ депутаты отъ волостей. съ прошеніями о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ. Были будто бы посланы чиновники для изслѣдованія этихъ возмутительныхъ заявленій, и знакомцу С. М. Сухотина удалось прочесть рапортъ одного изъ этихъ слѣдователей, который начинался такимъ образомъ: „прибывъ въ такую-то волость, я имѣлъ счастіе напасть на слѣды зачинщиковъ" или „въ такой-то, волости мнѣ не удалось открыть зачинщиковъ".

Весь этотъ разсказъ, писанный С. М. Сухотинымъ въ ряду съ разными другими слухами и личными впечатлѣніями, безъ подкрѣпленія его ссылками на какіе либо источники или документы, или даже на личное знакомство свое съ положеніемъ дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ, наконецъ, безъ указанія лицъ, отъ которыхъ онъ слышалъ передаваемое имъ, само собою разумѣется, не можетъ имѣть значеніе историческаго матеріала для оцѣнки дѣятельности князя Багратіона въ Прибалтійскомъ краѣ, и весьма вѣроятно, что и самъ авторъ не придавалъ своему разсказу такого значенія. Поэтому можно бы было отнестись къ словамъ С. М. Сухотина, какъ къ простому выраженію личнаго мнѣнія, если бы этотъ разсказъ не былъ перенесенъ изъ „Русскаго Архива" въ газеты (Новое Время 15, 27 Августа 1894 г.), гдѣ все приведенное передано какъ вполнѣ достовѣрное.

Въ продолженіи всего управленія Прибалтійскимъ краемъ князя Багратіона (съ конца 1870 г. по Январь 1876 г., время его кончины) я состоялъ въ числѣ его приближенныхъ и пользовавшихся его довѣріемъ чиновниковъ, и мнѣ были извѣстны не только всѣ его оффиціальныя распоряженія, но и секретная его переписка. Впрочемъ для того, чтобы знать о томъ что̀ передаетъ г. Сухотинъ, достаточно было простаго знакомства съ дѣлами канцеляріи генералъ-губернатора, такъ какъ такое разслѣдованіе, о которомъ говорится въ „тетрадяхъ" Сухотина, не могло ни для кого изъ служащихъ остаться тайною. Находясь все время при князѣ Багратіонѣ и за-

вѣдуя тѣмъ отдѣленіемъ его канцеляріи, гдѣ производились дѣла о введеніи Русскаго языка въ краѣ, я болѣе чѣмъ кто либо другой имѣю возможность положительно утверждать, что ни въ 1871 году, ни въ послѣдующіе годы пребыванія князя Багратіона въ Ригѣ ,*не было произведено по его порученію ни одного разслѣдованія* по поводу прошеній Латышей о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ. Вотъ почему представляется нѣсколько страннымъ, что знакомецъ г. Сухотина, со словъ котораго онъ передаетъ этотъ разсказъ, могъ видѣть рапорты чиновниковъ, когда, собственно говоря, для такихъ рапортовъ не было никакого повода. Что этотъ знакомецъ, своимъ разсказомъ введшій г. Сухотина въ заблужденіе, руководствовался своею фантазіею болѣе чѣмъ дѣйствительностью, видно и изъ того, что разсказъ этотъ записанъ Сухотинымъ 20 Февраля 1871 г., между тѣмъ какъ князь Багратіонъ вступилъ въ должность только въ Декабрѣ 1870 г., и трудно предположить, чтобы въ такое короткое время могло быть произведено и окончено разслѣдованіе, исходъ котораго сдѣлался бы извѣстенъ даже въ Москвѣ. Не нужно ли скорѣе предположить, что лицо, передававшее эти свѣдѣнія г. Сухотину, пожелало, въ подражаніе Ю. Ѳ. Самарину, выступить обличителемъ промаховъ и не-патріотической дѣятельности Русскихъ властей въ Прибалтійскомъ краѣ, упустивъ однако изъ виду, что главная сила Самарина заключалась именно въ полнѣйшей точности передаваемаго.

Очень можетъ быть, что разсказъ С. М. Сухотина основанъ на свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до него о разслѣдованіи, дѣйствительно произведенномъ въ 1869 г. при генералъ-губернаторѣ П. П. Альбединскомъ, по поводу прошеній поданныхъ ему не Латышами, а Эстами Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) уѣзда, между прочимъ, и о введеніи у нихъ Русскаго языка въ школахъ, и онъ приписалъ это разслѣдованіе князю Багратіону. Но и въ этомъ случаѣ, кромѣ хронологической ошибки, г. Сухотинъ впадаетъ въ заблужденіе относительно характера этого разслѣдованія, направленнаго будто бы къ розысканію виновныхъ и зачинщиковъ. Подробное описаніе этого дѣла имѣется въ привѣскѣ къ IV выпуску „Окраинъ Россіи", и въ немъ Ю. Ѳ. Самаринъ высказываетъ нѣсколько иной взглядъ, чѣмъ г. Сухотинъ.

Личное мнѣніе С. М. Сухотина о направленіи князя Багратіона я оставляю въ сторонѣ, признавая его нѣсколько преждевременнымъ, какъ высказанное всего черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія князя Багратіона въ должность и не считая возможнымъ въ короткомъ письмѣ представить подробную и обстоятельную характеристику шестилѣтней дѣятельности этого генералъ-губернатора въ Прибалтійскомъ краѣ. Не могу однако не высказать искренняго убѣжденія, что основательное и добросовѣстное изученіе мѣропріятій и предположеній князя Багратіона навѣрно привело бы изслѣдователя къ совершенно иному о немъ мнѣнію, исключающему всякую возможность заподозрить его въ симпатіяхъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ и въ принятіи мѣръ противъ насажденія Русской государственности и введенія Русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ.

Бывшій чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Багратіонѣ.

А. Манжосъ

Рига, 12 Декабря 1894 г.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

VI *)

Мѣстная предводительская служба моя, какъ предсѣдателя земскаго собранія, была не безъ значенія въ виду вопросовъ, надвигавшихся вслѣдствіе реформъ, слѣдовавшихъ одна за другой. Еще не успокоилось мѣстное общество послѣ 19 Февраля 1861 года, какъ появился уставъ о земствѣ, создавшій крупные мѣстные вопросы; затѣмъ освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ, куда поѣхало много дѣятелей изъ Тульской губерніи за княземъ Черкаскимъ, а тутъ и судебная реформа съ широкою дѣятельностью мировыхъ судей.

Если мѣстная дѣятельность брала много времени, то еще болѣе у меня взяли его хлопоты въ Петербургѣ о нашей желѣзной дорогѣ. Явилось много соискателей и лицъ, желавшихъ взять концессію на эту дорогу. На деньги, собранныя земствами и городами (Ельцомъ, Воронежемъ, Задонскомъ) и добавивъ своихъ, я предпринялъ изысканія, которыя поручилъ одному изъ лучшихъ Русскихъ инженеровъ В. А. Титову. Не дождавшись министерскаго разрѣшенія, я началъ изысканія на свой страхъ и, слава Богу, окончилъ оныя безъ особыхъ столкновеній. Нигдѣ не мѣшали работамъ, такъ какъ всѣ радовались будущей желѣзной дорогѣ. Разъ только было замѣчено, что по пробиваемой нами линіи, впервыя въ тѣхъ мѣстахъ, по нашимъ знакамъ идетъ партія неизвѣстныхъ намъ инженеровъ; ясно, что она желала воспользоваться нашими трудами. Къ тому же В. А. Титовъ уже тогда, т. е. въ концѣ 60-тыхъ годовъ, стяжлъ себѣ славу отличнаго инженера, опытнаго въ изысканіяхъ. Сейчасъ же наши инженеры на смѣхъ набили кольевъ, наобумъ, къ огромному оврагу, и потомъ смѣялись надъ нашими конкурентами, которые дня три около этого оврага путались. Проектъ, сдѣланный Титовымъ, впослѣдствіи легъ основаніемъ линіи и для правительственной повѣрки.

Жизнь въ Петербургѣ и постоянные разъѣзды для осуществленія этого проекта были въ сущности и очень дороги, и утомительны. Со-

---

*) См. выше стр. 43.

искателей было много; но желательно было остановиться на компаніи солидной, и если возможно, Русской. Послѣднее было самое трудное, ибо Еврейскія компаніи были сильнѣе Русскихъ, и мои попытки составить солидную Русскую компанію не удавались. Зная, что у меня въ рукахъ лучшія изысканія этой линіи, и слышавъ вѣроятно о моихъ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Бобринскимъ, ко мнѣ являлись разные предприниматели, но неподходящіе; а главное, именно вслѣдствіе моихъ близкихъ отношеній къ Бобринскому, уже стоявшему во главѣ министерства, мнѣ неудобно было выступать концессіонеромъ; да, наконецъ, мнѣ было лишь около 25-ти лѣтъ,—возрастъ не довольно внушительный, чтобы выступать концессіонеромъ.

Необходимо было составлять компанію на постройку проектированной желѣзной дороги Русскую, которая бы позаботилась о мѣстныхъ выгодахъ и самую постройку исполнила бы на Русскіе средства и матеріалы. Какъ представитель подобной комбинаціи мнѣ казался самымъ подходящимъ человѣкомъ извѣстный въ Петербургѣ дѣятель конца 60-тыхъ годовъ Николай Ивановичъ Путиловъ, основатель Путиловскихъ заводовъ и піонеръ рельсопрокатнаго дѣла въ Россіи: его рельсы со стальными головками входили въ моду; самъ онъ, какъ бывшій морякъ и человѣкъ ума обширнаго, самородокъ чисто-Русскій, выбившійся самъ на дорогу, пользовался особымъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Родомъ *Новгородецъ*, какъ онъ любилъ себя величать, Путиловъ былъ человѣкъ упрямый и настойчивый въ достиженіи намѣченной имъ цѣли. Человѣкъ очень предпріимчивый, съ широкими взглядами на коммерческія предпріятія, онъ, прежде чѣмъ о собственой выгодѣ, думалъ о пользѣ самаго предпріятія и главною цѣлью ставилъ поэтому отличное исполненіе самаго дѣла, не думая о себѣ, о личныхъ своихъ барышахъ. Поэтому большая часть прекрасно задуманныхъ имъ предпріятій исполнялась добросовѣстно и давала чудесные результаты, между тѣмъ какъ онъ самъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы сдержать обѣщанное, несъ убытки и нуждался часто даже въ необходимомъ. Такъ было съ его Путиловскою ж. дорогою, съ блестящимъ проектомъ Петербургскаго порта, съ морскимъ каналомъ имъ задуманнымъ и проектированнымъ отъ Кронштадта въ Петербургъ, съ громадной поставкой ружей на Русскую армію въ то время, когда Военное Министерство не находило возможнымъ быстро перевооружить ее, т. е. армію, скорострѣльными ружьями. Мысли блестящія, полная готовность привести ихъ въ исполненіе, и вѣчный тормазъ въ видѣ Нѣмецкой, а того чаще, чиновничьей прицѣпки. Чтò могло быть выгоднѣе постройки Петербургскаго порта при морскомъ каналѣ, для избѣжанія перегрузки въ Кронштадтѣ, такъ какъ морскія суда

не могли доходить до Петербурга? При осуществленіи Петербургскаго порта вагоны изнутри Россіи могли бы по Путиловской ж. д. подойти къ порту и грузиться прямо на океаническіе пароходы. «Какой нибудь куль изъ Саратова грузится прямо на океаническій пароходъ! Вотъ чего я добьюсь», любилъ говаривать Путиловъ. Хотя человѣкъ умный, однако онъ имѣлъ свои слабости: онъ мнилъ, что если Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу», то онъ портомъ своимъ прорубитъ дверь, давъ свободный доступъ иностраннымъ кораблямъ въ самый Петербургъ, и тѣмъ самымъ достигнетъ огромныхъ сбереженій Русскимъ отправителямъ, коихъ щиплетъ и Калашниковская пристань, и двойная перегрузка, пока хлѣбъ достигаетъ Кронштадта. Но именно Калашниковцы въ лицѣ архимилліонера Овсянникова, если не совсѣмъ, то на половину слопали Путилова и не дали его порту осуществиться. А пылкое воображеніе Путилова видѣло, какъ на-яву, уже застроившуюся пустынную мѣстность около предполагаемаго порта, домà, пакгаузы, амбары, доки, цѣлыя улицы и площадь, на которой долженъ былъ красоваться со временемъ памятникъ или статуя Н. И. Путилова, основателя этого новаго пригорода. Все это возникло, но можно сказать на костяхъ Н. И. Путилова, и въ искаженномъ видѣ, а плодами его блестящихъ мыслей и проектовъ воспользовались другіе. Путилова иногда забавляло, что въ числѣ его довѣренныхъ и служащихъ были камергеры и камеръ-юнкеры, которые въ мундирахъ иногда по праздникамъ ждали его выхода.... Кто безъ слабостей?.. А въ тоже время, какъ несомнѣнно-умный человѣкъ, Путиловъ самъ подтрунивалъ надъ этимъ, и общество его составляли люди исключительно умные и даровитые; особенно послѣднихъ онъ поощрялъ, и при этомъ нисколько не стѣснялся, когда эти люди бывали въ опалѣ. А въ Петербургѣ вѣдь и это рѣдкость!

Собой Путиловъ былъ незраченъ, но при этомъ лицо его было чрезвычайно-выразительно, такъ что, не зная его и не говоривъ даже съ нимъ, но встрѣтивъ гдѣ-либо, непремѣнно скажешь про себя: «должно быть это очень умный человѣкъ». Роста средняго, хорошаго сложенія, Н. И. Путиловъ былъ человѣкъ очень живой. Глаза его, хотя и за очками, были весьма выразительными, и взглядъ ихъ глубокій, пронзительный. Лобъ высокій, выпуклый указывалъ на большой объемъ мозга и на хорошее развитіе большихъ полушарій. Рѣчь его, хотя и не быстрая, но была внушительная и убѣдительная.

У Путилова познакомился я съ молодымъ тогда еще морякомъ Н. М. Барановымъ, систему ружей котораго тогда Путиловъ предлагалъ выставить для арміи неимовѣрно быстро, въ случаѣ нужды (это было въ тревожное время Франко-Прусской войны), тогда какъ

казенные заводы крайне тихо работали ружья системы Крынка, впослѣдствіи оказавшіяся ни къ чему негодными. Путиловъ предлагалъ тогда Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу приспособить и передѣлать свои заводы для изготовленія ружей. У него же познакомился я съ адмираломъ А. А. Поповымъ, изобрѣтателемъ поповокъ, съ М. Г. Черняевымъ, съ бывшимъ морскимъ министромъ Метлинымъ и многими другими моряками. Бывать у Путилова было интересно, особенно на его еженедѣльныхъ обѣдахъ, гдѣ собиралось много умныхъ людей. Обѣдали въ столовой, стѣны которой покрыты были сплошь портретами Русскихъ людей и дѣятелей, чѣмъ либо себя проявившихъ или ознаменовавшихъ свою жизнь чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. До такихъ портретовъ Путиловъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ сотни ихъ, рисованныхъ начиная отъ великихъ художниковъ Лампи, Боровиковскаго, Тропинина и кончая неизвѣстными мазилками. Портретная галлерея эта по количеству и разнообразію была замѣчательная. Вы встрѣчали въ ней, и Богдана Хмѣльницкаго, и Стеньку Разина, и Пугачева, и всѣхъ бывшихъ и современныхъ министровъ, а также ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и т. п. Куда все это дѣвалось, не знаю; но много было интереснаго. Послѣобѣденные споры бывали очень оживленны, и я съ большимъ любопытствомъ слушалъ разсказы Черняева и его критику военной системы Милютина. Старикъ Метлинъ иногда вспоминалъ былое и какъ-то разъ разсказалъ намъ бывшій съ нимъ эпизодъ во дворцѣ въ царствованіе Николая I, когда онъ, Метлинъ, былъ еще молодымъ мичманомъ. Разговоръ шелъ о томъ, какъ легко пострадать невинно отъ самаго пустого случая. Вотъ что̀ намъ разсказалъ старый адмиралъ. «Я былъ въ числѣ приглашенныхъ на большомъ балѣ во дворцѣ, какъ офицеръ гвардейскаго экипажа. Проходя изъ залы, гдѣ танцовали, въ сосѣднюю, гдѣ былъ буфетъ, въ дверяхъ на меня наткнулся быстро шедшій камеръ-лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли блюдечки мороженаго. Камеръ-лакей такъ толкнулъ меня подносомъ, что бывшія на немъ блюдечки съ ложками упали, и онъ мороженымъ запачкалъ мнѣ мундиръ. Оправившись и отершись платкомъ, я пошелъ дальше и, увидавъ вдали идущаго Императора, вытянулся и, согласно тогдашней формѣ, повернулъ свой киверъ. Каковъ былъ мой ужасъ, когда изъ него въ эту минуту выпали на полъ двѣ серебряныя ложки! Онѣ попали въ киверъ при столкновеніи моемъ съ камеръ-лакеемъ, упавъ съ блюдечекъ съ мороженымъ. Я до сихъ поръ холодѣю при мысли, что̀ было бы со мною, если бы это случилось вблизи Государя. Вѣроятно все это объяснилось бы послѣ; но минута была ужасная, и я благодарилъ судьбу, что злополучныя ложки, попавшія нечаянно въ

киверъ, выпали не будучи замѣчены никѣмъ, кромѣ близкихъ мнѣ моряковъ, подтрунившихъ надо мной»....

Н. И. Путиловъ казался мнѣ именно тѣмъ энергичнымъ дѣятелемъ, который могъ бы осуществить задуманное мною дѣло, и одно время казалось, что успѣхъ уже былъ на нашей сторонѣ. Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ тоже сочувствовалъ постройкѣ нашей линіи (Воронежъ—Тула) на Русскія средства. Путиловъ хотѣлъ и рельсы, и вагоны, и весь подвижной составъ изготовить въ Россіи; но не суждено было Русскимъ людямъ тогда работать и зарабатывать деньги. Безграмотному Англійскому рабочему Юзу поспѣшили, по его просьбѣ, дать на Югѣ цѣлую концессію на постройку желѣзной дороги съ полной гарантіей правительства, да еще огромную премію на рельсы, сталь и желѣзо, которые онъ обѣщалъ выдѣлывать въ основанной имъ на Русскія деньги Юзовкѣ (барыши съ нея ушли и уходятъ въ Англію). Бывшій министръ финансовъ М. X. Рейтернъ не любилъ *этихъ Русскихъ*, и потому мы вскорѣ убѣдились, что съ Путиловымъ мы постройки нашей линіи не добьемся, да и Франко - Прусская война остановила временно всѣ финансовыя операціи въ Россіи.

Зимы эти, во время хлопотъ по ж.-дорожному дѣлу, мною проведенныя въ Петербургѣ, остались мнѣ весьма памятны. Я жилъ въ домѣ моего дяди Д. Г. Бибикова, когда-то Кіевскаго генералъ-губернатора, у моей двоюродной сестры, княгини Зои Дмитріевны Львовой, замужемъ за княземъ Евгеніемъ Львовымъ. Семью князей Львовыхъ я близко зналъ въ Москвѣ, гдѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ. Не могу не сказать о ней нѣсколько словъ, такъ какъ стоялъ къ ней весьма близко. Старикъ, князь Александръ Дмитріевичъ былъ почтеннымъ старожиломъ Московскимъ, когда-то адъютантъ графа Закревскаго, женатый на княжнѣ Маріи Андреевнѣ Долгорукой, сестрѣ князей Николая, Ильи, Василія и Владимира Андреевичей Долгорукихъ, игравшихъ столь видную роль въ теченіе трехъ царствованій. Получивъ крупное наслѣдство отъ своей тетки Ярославовой, добрѣйшій князь А. Д. Львовъ съ супругою Маріею Андреевной имѣлъ открытый, гостепріимный домъ въ Москвѣ, въ который Москвичи считали особою честью быть принятыми; особенно поклонялись княгинѣ Маріи Андреевнѣ, которую отчасти и побаивались, такъ какъ она была представительницею высшей Московской аристократіи и не безъ причины пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Про нее перефразировали Фамусовское выраженіе и говорили вмѣсто Марія Алексѣевна «Ахъ, Боже мой, что̀ будетъ говорить княгиня Марія Андревна!» Семейство князей Львовыхъ состояло изъ четырехъ сыновей: князей Евгенія, Дмитрія, Андрея, Василія и изъ семи красавицъ дочерей. Всѣ онѣ сдѣлали блестящія партіи. Съ

младшимъ, Василіемъ, я былъ товарищемъ по университету и потому часто посѣщалъ домъ кн. Львовыхъ. Княгиня Марія Андреевна строго держала въ рукахъ дѣтей, и другой воли, кромѣ ея, въ домѣ не было; за то дѣйствительно и воспитаніе получили они прекрасное. Но при своей строгости княгиня Марья Андреевна была очень доступна добру. Какъ-то, дорогою изъ Тулы въ Москву, я съѣхался съ Новосильскимъ мировымъ посредникомъ Иванъ Ивановичемъ Писаревымъ, отцемъ знаменитаго Дмитрія Ивановича. Отъ него я узналъ, что Дмитрій Ивановичъ Писаревъ арестованъ, и что отецъ не можетъ добиться свиданія съ сыномъ. Пріѣхавъ въ Москву, я немедленно отправился къ княгинѣ Маріи Андреевнѣ, разсказалъ, въ чемъ дѣло, и немедленно же получилъ отъ нея письмо къ брату ея князю Василію Андреевичу Долгорукому, шефу жандармовъ, съ самымъ теплымъ заступничествомъ за Дмитрія Ивановича. Письмо это передалъ я старику Писареву, которому, какъ я послѣ узналъ, и удалось облегчить участь сына. Сыновья Львовы были всѣ на хорошей служебной дорогѣ; старшіе два, Евгеній и Дмитрій, были еще молодыми полковниками и флигель-адъютантами императора Александра II. Третій, Андрей, лихой молодой офицеръ конногвардейскаго полка, а Василій 23-хъ лѣтъ камеръ-юнкеръ; но участь ихъ была печальна, и вся семья, переѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 60-тыхъ годовъ, какъ-то разстроилась. Всѣ четыре сына умерли молодыми. Младшій, князь Василій, ѣздилъ съ сенаторомъ Клушинымъ на знаменитую Пермскую его ревизію, простудилъ голову и также кончилъ рановременно, какъ братья его Евгеній и Дмитрій. Князь Андрей умеръ, могу сказать, у меня на рукахъ именно въ эту зиму, когда я жилъ у его брата Евгенія въ Петербургѣ, въ Декабрѣ 1871 года, хлопоча о желѣзной нашей дорогѣ. Смерть князя Андрея Львова вызвала много комментаріевъ и пересудовъ. Въ это время въ конно-гвардейскомъ полку было страшное возбужденіе по поводу разныхъ неблагопріятныхъ слуховъ касательно полка, будто идетъ въ немъ сильная картежная игра, чего въ сущности не было. Зная почти всѣхъ офицеровъ полка, я постоянно бывалъ въ конно-гвардейскихъ казармахъ и чаще всего у князя Андрея Львова. Первымъ послѣдствіемъ возбужденія была дуэль конногвардейца Кобелева съ Преображенскимъ офицеромъ Булычевымъ, и молодой Кобелевъ былъ убитъ наповалъ. Предстояло еще нѣсколько дуэлей, такъ какъ офицеры коннаго полка, желая возстановить полковую честь, которую они считали затронутою, дѣлали одинъ вызовъ за другимъ, даже не военнымъ, коль скоро считали ихъ, хотя бы отчасти, виновниками распущенныхъ неблагопріятныхъ для полка слуховъ. Такъ одинъ молодой конногвардейскій офицеръ, родственникъ ми-

нистра народнаго просвѣщенія графа Толстого, вызвалъ его на дуэль, считая его разговоръ недовольно почтительнымъ въ отношеніи полка, и графу съ трудомъ удалось успокоить юношу и увѣрить его, что онъ гр. Толстой наилучшаго мнѣнія о конногвардейцахъ. Личное вмѣшательство императора Александра II положило конецъ всему этому дѣлу о дуэляхъ.

Въ самый разгаръ этихъ столкновеній князь Андрей Львовъ занемогъ тифомъ въ очень тяжелой формѣ его, заразившись въ избѣ лѣсника, у коего ночевалъ послѣ охоты близъ Петербурга (семья лѣсника была больна тифомъ). Болѣзнь быстро и страшно развилась, сдѣлался перитонитъ и сильное кровотеченіе. Братъ больнаго князь Евгеній Львовъ и я ходили за нимъ поочереди. Многіе посѣщали больного или пріѣзжали узнавать о его здоровьѣ и при видѣ окровавленныхъ бинтовъ, которые мы выносили и мѣняли, приходили къ заключенію, что и князь Андрей вѣроятно стрѣлялся и раненъ. Но мнѣ, ходившему за больнымъ въ теченіе недѣли, постоянно видѣвшему его раздѣтаго, вполнѣ извѣстно, что онъ не былъ раненъ, а умиралъ отъ тифа, какъ опредѣлилъ тогда же лѣчившій его С. П. Боткинъ, съ которымъ я тамъ и познакомился. Умеръ князь Андрей молодцомъ, въ сознаніи, что умираетъ, и просилъ все перенести его въ эскадронъ, коимъ онъ командовалъ, желая умереть среди любимыхъ имъ людей. Сдѣлать этого нельзя было, и умеръ онъ съ молитвою «Отче нашъ» на устахъ, которую ему подсказывали стоявшіе тутъ друзья, такъ какъ онъ отъ слабости не могъ почти говорить. Полкъ, и друзья сердечно жалѣли 26 ти-лѣтняго браваго офицера, безвременно умершаго.

Князь Евгеній Львовъ, женатый на З. Д. Бибиковой, былъ весьма острый и отчасти безоглядный человѣкъ, но въ обществѣ крайне пріятный. Живя у него или вѣрнѣе у моей двоюродной сестры, я много слышалъ интереснаго отъ жившаго въ томъ же домѣ старика дяди Д. Г. Бибикова, о коемъ уже неразъ упоминалъ я въ моихъ Запискахъ. Князь же Евгеній много разсказывалъ про императора Александра II и князя Василія Андреевича Долгорукаго. Послѣдняго я, какъ человѣкъ свободнаго направленія 60-тыхъ годовъ, признаюсь, не переваривалъ, какъ шефа жандармовъ; но изъ разсказовъ князя Львова и другихъ личность кн. В. А. Долгорукаго выяснилась иначе и скорѣе мягкою и гуманною. На императора Александра II князь Василій Андреевичъ имѣлъ хорошее вліяніе, такъ что, когда на Императора находило сильное раздраженіе и онъ бывалъ крѣпко не въ духѣ, императрица Марія Александровна посылала за кн. Василіемъ Андреевичемъ, который являлся, своей мягкой поступью входилъ прямо въ кабинетъ Государя

и своимъ мягкимъ же голосомъ, но твердою рѣчью старика успокоивалъ молодого сравнительно съ нимъ Императора. Князь былъ скорѣе добрымъ и снисходительнымъ человѣкомъ и потому подавалъ поводъ ко многимъ анекдотамъ *незлобнаго характера.* Назначенный шефомъ жандармовъ и желая поднять это званіе, кн. Василій Андреевичъ на первый докладъ явился къ Александру II въ синемъ мундирѣ. Императоръ крайне удивился и спросилъ, какъ у него хватило храбрости надѣть синій мундиръ, столь недолюбливаемый въ обществѣ. Князь объяснилъ желаніемъ своимъ поднять жандармское званіе. «Я очень благодаренъ, сказалъ Государь, но не могъ не удивиться вашей храбрости».

Когда А. М. Унковскій съ Тверскими дворянами привезъ въ Петербургъ адресъ съ требованіемъ освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и пр., его позвали къ князю В. А. Долгорукому, который принялъ его съ виду очень грозно и, не давъ сказать слова, началъ разносить, говоря, что Унковскій затѣялъ революцію и пр... Унковскій долго слушалъ и сказалъ лишь: «пожалуйста, просмотрите, князь, проектъ освобожденія». Долгорукій взялъ бумагу и прямо наткнулся на повинности крестьянъ – оброкъ. «Какъ оброкъ?», спросилъ онъ удивленно Унковскаго.—«Да конечно, мы проектируемъ семирублевый оброкъ съ души». Князь сразу перемѣнился. «Прекрасный проектъ, поспѣшилъ онъ сказать, у меня мужики платятъ только пять съ души!» И съ этой минуты онъ сдѣлался крайне любезенъ и привѣтливъ съ А. М. Унковскимъ. Послѣ Каракозовскаго выстрѣла кн. Долгорукій немедленно подалъ въ отставку, написавъ Государю письмо, что выстрѣлъ Каракозова лучшее доказательство негодности III-го Отдѣленія. Говорятъ, что въ письмѣ своемъ князь В. А. употребилъ фразу: «не вливайте вина новаго въ мѣхи старые», и указалъ на то, что, начавъ реформы, слѣдуетъ ихъ продолжать. Разсказывали еще, что послѣ Крымской кампаніи, во время которой кн. В. А. Долгорукій былъ военнымъ министромъ, онъ встрѣтился съ Наполеономъ въ Біарицѣ. Наполеонъ часто бесѣдовалъ съ кн. В. А., который ему довольно наивно разсказывалъ про нашу военную организацію времени кампаніи 1854—1855 г. Послѣ одного разговора Наполеонъ вскочилъ и, не утерпѣвъ, воскликнулъ: знай я это, я бы Сентъ-Арно повѣсилъ!!!

Про свою службу флигель-адъютантъ кн. Евгеній Львовъ разсказывалъ много интересныхъ эпизодовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились у меня въ памяти. Въ началѣ 60-тыхъ годовъ, когда императоръ Александръ II гостилъ въ Москвѣ часть лѣта, съ нимъ пріѣхали три флигель-адъютанта: кн. Е. А. Львовъ, М. П. Тучковъ (сынъ тогдашняго генерала-губернатора П. А. Тучкова) и кн. А. В. Долгорукій (сынъ

князя Василія Андреевича). Но Тучковъ заболѣлъ, а молодой князь Александръ Васильевичъ, страстный охотникъ до Цыганъ, попавъ въ излюбленные Московскіе таборы, застрялъ въ нихъ такъ, что князь Евгеній Львовъ очутился на безсмѣнномъ дежурствѣ въ Нескучномъ, гдѣ находился дворъ. Посланный имъ фельдъегеръ, съ приказаніемъ во что ни стало разыскать двоюроднаго его брата, нашелъ послѣдняго посреди поющаго хора въ самомъ веселомъ настроеніи духа. На приглашеніе прибыть на дежурство, чтобы смѣнить кн. Евгенія онъ написалъ на оторванномъ кускѣ синей толстой сахарной бумаги по-французски: «pian» а фельдъегерю сказалъ «скажи, не могу». Усталому отъ нѣсколькихъ дней дежурствъ князю Евгенію пришлось продолжать оное, и на его бѣду Государь пожелалъ передъ вечеромъ ѣхать въ Коломенское пить чай. Немедленно посланъ были фургонъ съ людьми для приготовленія, а вслѣдъ за ними выѣхали въ двухъ коляскахъ Государь, императрица Марія Александровна, великая княжна Марія Александровна съ фрейлиною княжною Долгорукою (впослѣдствіи замужемъ за генераломъ адъют. Альбединскимъ) и дежурный флигель-адъютанта князь Евг. Ал. Львовъ. Въ Коломенскомъ въ этотъ день былъ храмовой праздникъ и масса простанородья, при чемъ много подгулявшихъ. Такъ какъ тогда все было еще очень просто, охранъ не существовало, и никто изъ полиціи не былъ предупрежденъ, то на лицо оказался одинъ становой приставъ. Не успѣлъ Государь выйти изъ коляски, чтобы направиться къ церкви, какъ несмѣтная толпа народа бросилась къ нему; задніе ряды тѣснили переднихъ на столько, что они не могли остановиться, Государь съ семьею очутился въ сплошной толпѣ; а княжнѣ Долгорукой и князю Львову даже отдавили ноги. Великая княжна Марія Александровна, еще маленькая, испугалась и заплакала. Съ большими усиліями удалось становому и князю Львову пробить дорогу къ церкви, ибо народу слишкомъ хотѣлось видѣть поближе своего Освободителя. Когда Государь дошелъ до церкви, становой успѣлъ собрать нѣсколько сотскихъ и десятскихъ, образовать изъ нихъ двѣ шеренги, дабы отъ паперти дойти до экипажей, такъ какъ Государь прогнѣвался, и о чаепитіи не было уже рѣчи. По выходѣ изъ церкви, Государь ждалъ нѣкоторое время, чтобы подали экипажи, онъ замѣтилъ юнкера Александровскаго училища, который въ этой суматохѣ забылъ приложиться. Государь окончательно разсердился и приказалъ князю Львову взять у юнкера его билетъ и отправить въ училище подъ арестъ. Послѣ чего всѣ направились обратно въ Нескучное. Дорогою, князь Львовъ сидѣлъ противъ Императрицы въ коляскѣ. Ея Величество сказала ему: «смотрите, на что вы похожи»: и улыбнулась. Тутъ только онъ замѣ-

тилъ, что часть пуговицъ его мундира, и аксельбанты оторваны; все это случилось, когда онъ сдерживалъ натискъ толпы и расталкивалъ ее, чтобы дать дорогу Царской семьѣ. Пріѣхавъ въ Нескучное, Государь, крайне недовольный, послалъ его въ Москву прямо въ Александровское военное училище сообщить о проступкѣ юнкера и съ приказаніемъ оставить его на годъ въ классѣ. Оказался ученикъ выпускного класса, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ выйти, и при этомъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Начальство переполошилось, но въ тоже время объясняло князю Львову, что несомнѣнно юнкеръ просто растерялся и сдѣлалъ это не вслѣдствіе отсутствія дисциплины. Князь вернулся поздно въ Нескучное и конечно усталый. Его докладъ какъ будто еще больше прогнѣвилъ Государя, который выслушавъ отпустилъ его отдохнуть. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ его вновь будятъ: въ Москвѣ пожаръ! Дѣлать нечего; сѣлъ онъ на дежурную тройку и поѣхалъ. Но близъ Серпуховскихъ воротъ, увидавъ, что зарево значительно уменьшалось, онъ велѣлъ повернуть обратно, полагая, чте все кончилось благополучно. На утреннемъ рапортѣ князь доложилъ Государю, что ночью былъ пожаръ, кончившійся безъ особыхъ приключеній. Государь велѣлъ подать коляску и поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ, съ тѣмъ же княземъ Львовымъ, въ Москву. При въѣздѣ въ столицу на Калужской ихъ встрѣтилъ генералъ-губернаторъ Тучковъ. Коляска остановилась и, подавая обыкновенный рапортъ, Тучковъ добавилъ, что ночью былъ пожаръ и, къ сожалѣнію, пять пожарныхъ убиты и ранены. Государь строго посмотрѣлъ на князя Львова. «Это служба на Кавказѣ, должно быть, пріучила тебя считать ни во что жизнь человѣческую», сказалъ ему онъ. Проѣзжая близъ Александровскаго училища, князь Львовъ позволилъ себѣ напомнить объ юношѣ, который сидитъ подъ арестомъ. Государь только еще больше нахмурился. Ѣдутъ дальше. Москва была уже довольно пуста. Государь закрылъ глаза и тихо проговорилъ: «Мнѣ покойный отецъ говорилъ, что когда его сердили, и онъ бывалъ не въ духѣ, то закрывалъ глаза, приказавъ сидящему съ нимъ сказать ему, когда встрѣтится что нибудь красивое, и тогда онъ открывалъ глаза, останавливалъ взглядъ на изящномъ предметѣ, и веселое расположеніе возвращалось. Попробую и я такъ.» Какъ на бѣду никто не встрѣчался, пока, наконецъ, черезъ нѣсколько улицъ, князю Львову удалось обратить вниманіе Государя на кого-то. Государь улыбнулся. Вернувшись въ Нескучное, Государь сказалъ князю Василію Андреевичу, чтобы тотъ передалъ племяннику своему Львову, что онъ имъ недоволенъ, такъ какъ онъ къ нему приставалъ съ прощеніемъ юнкера. Князь Василій Андреевичъ распекъ князя Львова; но юнкеръ былъ прощенъ, такъ какъ Императоръ отмѣнилъ свой строгій приказъ.

Князь Евг. Ал. Львовъ одно время состоялъ при кн. А. И. Барятинскомъ на Кавказѣ и, привезя однажды извѣстіе о побѣдѣ, былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. На Кавказѣ онъ получилъ золотое оружіе. Возвращаясь къ его разсказамъ, я вспомнилъ довольно смѣшной.

Когда, покоривъ Кавказъ и плѣнивъ Шамиля, князь Барятинскій вернулся въ Петербургъ тріумфаторомъ, между прочими чествованіями, Англійскій клубъ давалъ обѣдъ новому фельдмаршалу. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ между прочими князь Иванъ Грузинскій, въ сущности царевичъ Грузинскій, потомокъ владѣтельныхъ князей Кавказа, извѣстный всему Петербургу бонъ-виванъ, веселый членъ Яхтъ-клуба, подъ именемъ *Царь-Иванъ*. Во время обѣда много было тостовъ и рѣчей, и вотъ сталъ говорить что-то въ родѣ похвальнаго слова князю Барятинскому извѣстный Н. И. Гречъ: и скучно и длинно! Его вдругъ перебиваетъ Царь-Иванъ и начинаетъ очень горячо, обращаясь къ кн. Барятинскому, говорить, что послѣдній побѣдилъ ихъ не силою Русскаго оружія, а собственно обаяніемъ своей личности, умомъ, великодушіемъ и правдою, и что въ силу всего этого къ нему князья и народности Кавказскія привязались... Неожиданно устраненный Гречъ, крайне недовольный, въ свою очередь перебиваетъ князя Грузинскаго: «да позвольте же мнѣ кончить»; но Царь-Иванъ его устраняетъ повелительнымъ жестомъ руки и на всю залу громко говоритъ: «тс....съ.., когда орлы говорятъ, чтобъ пчелы не жужжали!» При этомъ Царь-Иванъ выпрямился во весь ростъ и договорилъ свое привѣтствіе фельдмаршалу, окончательно сконфузивъ бѣднаго Греча. Сцена, говорятъ, была очень эффектна; особенно, если вспомнить оригинальную отчасти и театральную наружность князя Ивана Грузинскаго: его высокій лобъ, орлиный носъ и клинообразную бороду съ претензіей на испаньолку Наполеона III, и проч.

Князь Евгеній Львовъ держалъ открытый, блестящій домъ въ Петербургѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка, жена его, княгиня Зоя Дмитріевна (нынѣ графиня Кассини), принимала весь Петербугскій beau-monde.

Мы иногда бывали съ княземъ Евгеніемъ вмѣстѣ у Путилова, гдѣ князь вступалъ въ горячіе споры съ М. Г. Черняевымъ, нападавшимъ на военную систему Милютина, князь же Львовъ, напротивъ, защищалъ ее. Онъ находился подъ обаяніемъ Милютина, при которомъ служилъ еще на Кавказѣ, гдѣ Д. А. Милютинъ былъ начальникомъ штаба у князя Барятинскаго, а А. И. Львовъ адъютантомъ сего послѣдняго.

VII.

Чѣмъ долѣе длились хлопоты по проведенію нашей желѣзной до роги, тѣмъ болѣе выяснялось, что Русской партіи и Путилову не получить концессіи на постройку нашей линіи, которая, измѣненная, исковерканная, получила наконецъ санкцію Министерста Финансовъ подъ именемъ Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ. Теперь назрѣвалъ уже вопросъ, кому строить ее? Къ Путилову М. Х. Рейтернъ положительно не благоволилъ, такъ что ему пришлось самому отказаться отъ желанія быть концессіонеромъ нашей линіи, и надо было приступать къ составленію другой компаніи. Сильныхъ, кромѣ Евреевъ, не было въ виду; къ тому же министръ финансовъ особенно благоволилъ къ нимъ, такъ какъ реализацію капиталовъ Евреи дѣлали удачнѣе и умнѣе нашихъ Русскихъ предпринимателей: акціи и облигаціи, реализированныя Евреями, рѣдко являлись на рынкѣ, не бывали въ предложеніи, тогда какъ реализированныя слабыми компаніями то и дѣло наводняли биржу. Конечно Еврейскія компаніи имѣли за собою всемірныхъ банкировъ, какъ Ротшильдовъ, Зульцбаха, Блейхредера, т. е. такихъ людей, кои годами могли держать въ своихъ портфеляхъ ту или другую бумагу, выжидая ея повышенія. Акціи желѣзно-дорожныя считались на столько выгодными (какъ и самое дѣло концессіи жел. дорогъ), что Еврейскими компаніями заявлялась иногда цѣна до нельзя дешевая на постройку дороги. Такъ А. М. Варшавскій, чтобы заручиться во первыхъ постройкою въ будущемъ, и во вторыхъ получить концессію Ряжско-Скопинскую, заявилъ небывало-дешевую цѣну, а именно около 35.000 рублей верста, такъ что явился вопросъ, выдержитъ ли предприниматель столь дешевую цѣну. Но А. М. Варшавскій объяснилъ, что онъ могъ взять такую дешевую цѣну въ виду помѣщенія Ряжско-Скопинскихъ акцій по 135 рублей вмѣсто ста. И дѣйствительно, извѣстный банкирскій домъ Зульцбаха во Франкфуртѣ реализировалъ акціи Ряжско-Скопинской ж. д. въ цѣну 135 р. за сто. Но тѣмъ А. М. Варшавскій обезпечилъ себѣ концессію на продолженіе постройки той дороги до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ, что̀ было сдѣлано вскорѣ; то есть, когда онъ получилъ концессію на 40 верстъ, ему же дано было продолжать ее въ 600 верстъ. Но надо отдать ему справедливость рѣдко можно было встрѣтить людей болѣе деликатныхъ какъ А. М. Варшавскій и его компаніонъ А. І. Горвицъ. Зная, сколько я понесъ трудовъ, хлопотъ и расходовъ въ дѣлѣ проведенія проекта, они пригласили къ участію въ постройкѣ меня, (какъ представителя мѣстныхъ интересовъ, т. е. предложили взять на себя часть этой постройки не какъ мы просили ее, т. е. Воронежско-Тульской, а уже Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ).

Время быстро текло съ моими желѣзнодорожными хлопотами въ Пе-

тербургѣ. Мои отлучки изъ уѣзда становились все чаще и чаще. Надо было иногда, не кончивъ дѣла въ Петербургѣ, ѣхать на съѣздъ по какому-нибудь экстренному дѣлу, ѣхать съ лишнимъ сто верстъ по ухабистой дорогѣ и затѣмъ усталому предсѣдательствовать. А иногда, наоборотъ, не кончивъ дѣла въ Ефремовѣ, я спѣшилъ въ Петербургъ. Все это становилось тягостно и, не смотря на горячее сочувствіе, мнѣ высказанное, не только на словахъ, но и въ адресѣ Ефремовскихъ дворянъ, я рѣшился оставить Ефремовское предводительство. Въ это время въ сосѣднемъ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ я провелъ большую часть моего дѣтства и молодости, двѣ партіи (а именно: одна консервативная, имѣвшая во главѣ графа В. А. Бобринскаго и М. А. Римско-Корсакова, другая либеральная, насчитывавшая всѣ молодыя силы уѣзда, П. Ѳ. Самарина, Раевскихъ, Сафонова, Ладыженскаго и др.) никакъ не могли прійти къ соглашенію на счетъ выборныхъ мѣстъ въ уѣздѣ, и всѣ лица свободомыслящія въ уѣздѣ были забалотированы не только въ мировые судьи, но и въ гласные. Такъ какъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими партіями, то на мнѣ, можно сказать, онѣ помирились, и на Тульскихъ выборахъ въ Декабрѣ 1870 года меня выбрали въ Епифанскомъ уѣздѣ въ предводители всѣми бѣлыми шарами. Признаюсь, мнѣ было довольно тяжко разставаться съ Ефремовскимъ уѣздомъ, гдѣ у меня установились весьма добрыя и твердыя отношенія не только съ дворянствомъ, но и съ земствомъ, которое меня и послѣ ухода моего постоянно избирало своимъ гласнымъ; и хотя я послѣ этого еще три трехлѣтія, т. е. почти десять лѣтъ, служилъ предводителемъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, но я не разъ жалѣлъ, что оставилъ Ефремовскій, гдѣ началъ службу и гдѣ могъ ее продолжать. Но, какъ я уже сказалъ, дальнія поѣздки меня затрудняли, а Епифань была подъ рукою, и въ уѣздѣ этомъ было много у меня родныхъ и пріятелей. Передъ самыми выборами я получилъ очень лестное и убѣдительное письмо отъ П. Ѳ. Самарина, положившее конецъ моимъ колебаніямъ, и я балотировался въ Епифанскіе предводители.

Выборы 1870 г. прошли быстро и весело. Мнѣ хотѣлось, уходя изъ Ефремова, что-нибудь сдѣлать еще для бѣдныхъ, и я упросилъ своего пріятеля Н. Г. Рубинштейна дать концертъ въ Тулѣ въ пользу ихъ. Онъ охотно согласился и пробылъ почти весь день въ Тулѣ. Къ тому же случайно съѣхался онъ въ Тулѣ со знаменитымъ скрипачемъ Лаубомъ, который въ свою очередь, уже изъ дружбы къ Рубинштейну, принялъ участіе въ концертѣ, мною задуманномъ. Концертъ вышелъ блестящій. Оба виртуоза были въ ударѣ; они какъ будто забыли о программѣ и играли подъ какимъ-то вдохновеніемъ, когда биткомъ набитая зала собранія (по случаю выборовъ) требовала повторенія какой либо

пьесы. Тульская зала дворянскаго собранія, вообще изящная, очень хороша въ акустическомъ отношеніи (по крайней мѣрѣ Рубинштейнъ это говорилъ), и концертъ этотъ произвелъ на всѣхъ слушателей чарующее впечатлѣніе. Слышавши на моемъ вѣку много разъ и братьевъ Рубинштейновъ, и другихъ первокласныхъ піанистовъ, смѣло могу сказать, что въ этотъ вечеръ игра Н. Г. Рубинштейна была выдающаяся, а старикъ Лаубъ своимъ сильнымъ смычкомъ очаровалъ многихъ стариковъ нашихъ, любителей скрипки. Рубинштейнъ игралъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ; онъ придавалъ такую пѣвучесть своему инструменту, что невольно слушавшіе спрашивали: «неужели это фортепіано?» А слушала его не одна Тульская губернія, такъ какъ съѣхалось много лицъ и постороннихъ. Вечеромъ того дня у меня, вновь выбраннаго предводителя, ужинали Епифанскіе дворяне вмѣстѣ съ Рубинштейномъ, который былъ какъ-то особенно хорошо настроенъ. Пока Рубинштейнъ у меня былъ въ домѣ, пришелъ почтовый чиновникъ, который привелъ дочь свою и просилъ Рубинштейна послушать игру ея и рѣшить, обѣщаетъ ли она *что́* въ будущемъ? Рубинштейнъ сейчасъ же согласился и посадилъ дрожавшую, сконфуженную дѣвочку за мое фортепіано. Испуганная дѣвочка вѣроятно очень плохо себя чувствовала въ присутствіи великаго маэстро, ибо ея пальцы путались и не извлекали никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ изъ инструмента. Но Рубинштейнъ конечно принялъ это во вниманіе, ободрилъ отца и дочь, а послѣднюю, по соглашенію со мною, принялъ въ Московскую Консерваторію, и изъ нея вышла прекрасная піанистка. Года три тому назадъ я какъ-то получилъ билетъ на концертъ піанистки мнѣ совершенно неизвѣстной. Я поморщился, но поѣхалъ и къ удивленію своему узналъ, что это та самая, когда-то робкая дѣвочка, которую у меня въ домѣ Рубинштейнъ опредѣлилъ въ Консерваторію, которая теперь уже замужемъ и носитъ другую фамилію, вслѣдствіе чего я и не узналъ ея. Не узналъ я и игры ея: я слышалъ прекрасную піанистку, достойную вполнѣ своего славнаго учителя. Прошло много лѣтъ. Я какъ-то на станціи Московско-Курской желѣзной дороги въ Москвѣ встрѣтилъ Н. Г. Рубинштейна (онъ ѣхалъ въ Тулу, давать концертъ съ благотворительною для Туляковъ опять-таки цѣлію). Мы вмѣстѣ сѣли въ купе вагона и пріятельски бесѣдовали. Рубинштейнъ всю дорогу до Тулы лежалъ и жаловался на боль въ ногѣ; вообще ему не здоровилось. Съ поѣзда, приходившаго въ Тулу около 6 часовъ, онъ поѣхалъ въ Собраніе. Концертъ конечно былъ хорошъ; но Николай Григорьевичъ что-то хмурился, на немъ былъ отпечатокъ грусти. Онъ вспоминалъ прошлое и говорилъ: «А помнишь ли, какъ мы погуливали, ночи темныя просиживали?» Вернувшись въ

Москву, онъ почувствовалъ себя еще хуже, занемогъ, его увезли изъ Москвы, и больше мы его не слыхали. Вскорѣ привезли въ Москву останки его въ гробу... Если не ошибаюсь, послѣдній концертъ, послѣдняя игра его въ Россіи была въ Тулѣ. У него по возвращенію въ Москву еще хуже разболѣлась нога, и онъ боялся подойти къ фортепіано.

Я встрѣченъ былъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, какъ Французы говорятъ, à bras ouverts. Городъ избралъ меня въ почетные граждане. Казалось, что тамъ и служба, и отношенія должны были быть легче и пріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо.. Я по крайней мѣрѣ въ этомъ былъ убѣжденъ, и сперва въ самомъ дѣлѣ было похоже на то, что миръ и согласіе водворились въ нашемъ уѣздѣ. Не надо забывать, что послѣ сильно-либеральнаго теченія всегда бываетъ реакція. Это стало замѣтно и въ Тульской губерніи, на что обратилъ вниманіе и князь В. А. Черкасскій, такъ какъ всѣ дѣятели по крестьянскому вопросу были устранены на землевладѣльческихъ выборахъ отъ участіи въ земствѣ. Въ одномъ письмѣ своемъ къ *** князь Черкасскій, описывая неудачу свою и своихъ единомышленниковъ въ Веневѣ въ 1871 году, говоритъ, что во всѣхъ уѣздахъ, *за исключеніемъ Епифанскаго*, это явленіе повторялось, т. е. прогрессивнаго направленія людей устраняли на землевладѣльческихъ выборахъ. Князь Черкасскій попалъ въ гласные уже при перебалотировкѣ у крестьянъ. Мнѣ же удалось въ Епифанскомъ уѣздѣ провести *многихъ* прогресистовъ именно благодаря тому, что на мнѣ сошлись обѣ крайнія партіи. Да, я впослѣдствіи очень и очень жалѣлъ, что промѣнялъ службу одного уѣзда на службу другому. Прошли года, измѣнились отношенія, измѣнило и счастіе. Все чтó помогаетъ, способствуетъ удачѣ—это счастіе. Нѣтъ его, такъ будь хоть семи пядей во лбу—ничего не добьешься. Въ общественномъ дѣлѣ не важенъ личный успѣхъ, а важенъ общественный, чтобы дѣло задуманное спорилось. Выдающееся положеніе въ уѣздѣ занималъ крупный землевладѣлецъ, помѣщикъ П. Ѳ. Самаринъ, братъ извѣстнаго Ю. Ѳ. Самарина, не уступавшій ему въ умѣ и способностяхъ. Вокругъ него въ то время группировались лучшіе люди губерніи, и какъ князю В. А. Черкасскому, такъ и намъ, молодымъ людямъ хотѣлось видѣть его Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Но В. П. Мининъ и его партія были еще очень сильны, такъ что надо было надолго отложить эти помыслы.

Бывать у Петра Ѳедоровича Самарина въ его Молоденькахъ было очень пріятно; особенно лѣтомъ, 29 Іюня, въ день его имянинъ, собирались къ нему со всѣхъ концовъ, и молодые охотники устраивали Англійскія, охотничьи и народныя скачки. Съѣзжались братья Самарины, князья Черкасскіе, часто бывалъ и графъ Л. Н. Толстой. Но съ

годами все измѣнилось: и отношенія, и дружба, все нашло себѣ предѣлъ, конецъ. Небольшое охотничье общество, называвшееся даже «Молоденскимъ», также распалось, и члены его или вымерли или еле знакомы другъ-другу; а время то было куда какъ хорошо! Мнѣ памятны доселѣ охоты и отъѣзжія поля, въ которыхъ мнѣ приходилось быть въ обществѣ Л. Н. Толстого, П. Ѳ. Самарина, Раевскихъ и другихъ. Охоты эти не напоминали прежняго разгула, который бывалъ неминуемымъ спутникомъ охоты дореформеннаго барина; напротивъ. Я не забуду никогда тѣхъ веселыхъ, остроумные бесѣдѣхъ, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ не разъ послѣ удачной охоты между Л. Н. Толстымъ, Самаринымъ, Раевскими, Ладыженскимъ и Черкасскими (когда мы заѣзжали въ Веневскій уѣздъ). Л. Н. Толстой еще не былъ тогда тѣмъ философомъ, какимъ теперь; это былъ веселый, увлекающійся охотникъ и рѣдкій собесѣдникъ. Его споры съ Самаринымъ иногда длились за полночь и бывали крайне интересны. Я досадую на себя, что я многаго не записалъ; ибо бесѣды эти, конечно, представляли бы болѣе интереса, чѣмъ многое, чтó мы читаемъ теперь.

Однажды Л. Н. Толстой опоздалъ на сборный пунктъ охоты, который былъ у меня въ Шаховскомъ (имѣніи моемъ въ 35 в. отъ Ясной Поляны) и пріѣхалъ крайне разстроенный: оказалось, что судебный слѣдователь въ это утро допрашивалъ его въ качествѣ обвиняемаго за неосторожное держаніе скота, такъ какъ его быкъ забодалъ пастуха, и слѣдователь обязалъ Толстаго невыѣздомъ изъ Ясной Поляны, т. е. отчасти лишилъ его свободы. Какъ человѣкъ горячій, Левъ Николаевичъ былъ крайне возмущенъ дѣйствіями слѣдователя, который всего нѣсколько дней передъ этимъ найденное мертвое тѣло какого-то неизвѣстнаго отвезъ въ ближайшую усадьбу какой-то помѣщицы и сталъ мертваго вскрывать у нея на террасѣ. Левъ Николаевичъ никакъ не могъ успокоиться, ибо считалъ себя страшно стѣсненнымъ подпискою, которую съ него требовали, о невыѣздѣ. «Одного Ясно-Полянскаго крестьянина полтора года слѣдователь продержалъ въ острогѣ по подозрѣнію въ кражѣ коровы, а послѣ оказалось, что укралъ не онъ», разсказывалъ Л. Н. Такъ и меня продержатъ теперь годъ! Это безсмысленно, это полнѣйшій произволъ этихъ господъ. Я все продамъ въ Россіи и уѣду въ Англію, гдѣ есть уваженіе къ личности всякаго человѣка; а у насъ всякій становой, если ему не кланяются въ ноги, можетъ сдѣлать величайшую пакость». По поводу становаго я вспомнилъ анекдотъ императора Николая Павловича съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ. Какъ-то дорогою, во время путешествія, императоръ Николай расшутился и спросилъ: «А что, Орловъ, ты боишься меня?»—Ничуть, отвѣчалъ гр. Орловъ; зачѣмъ мнѣ Васъ бояться?—«Кого же ты боишься въ Россіи?» —Да одного становаго пристава.—«Какъ!» удивился Императоръ

Конечно, ибо нѣтъ пакости, которую становой не былъ бы способенъ сдѣлать.—Императоръ разсмѣялся. Скажемъ не въ обиду господъ становыхъ, что это было въ дореформенное время. Самаринъ живо возражалъ Льву Николаевичу, доказывая, что не только смерть человѣка, но и увѣчье, ему причиненное, настолько серьезный фактъ самъ по себѣ, что не можетъ остаться не обслѣдованнымъ со стороны судебныхъ властей, какъ въ данномъ случаѣ. Спорили долго и, кажется, Самаринъ переубѣдилъ Толстаго, который, ложась спать, мнѣ сказалъ: «Удивительная способность П. Ѳ. Самарина успокоивать людей». Но утромъ Л. Н. Толстаго опять разсердили. Пріѣхалъ за нимъ нарочный отъ жены. Онъ забылъ, что былъ назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ въ Крапивнѣ, гдѣ за неявку его оштрафовали. «Какая пелѣпица: съ одной стороны обязываютъ невыѣздомъ изъ имѣнія, а съ другой стороны штрафуютъ за непріѣздъ въ тоже время!»

Я видѣлъ гр. Л. Н. Толстаго во всѣхъ фазисахъ его дѣятельности и творчества и никогда не прощу себѣ, что не записывалъ бесѣдъ съ нимъ и бесѣдъ, бывшихъ въ моемъ присутствіи. Много поучительнаго вынесъ я. Чѣмъ бы ни увлекался гр. Левъ Николаевичъ, все дѣлалъ онъ съ убѣжденіемъ, твердо вѣруя въ то, что́ дѣлаетъ, а увлекался онъ всегда *во всю*. Я помню графа Л. Н. свѣтскимъ человѣкомъ, видалъ его на балахъ, и помню какъ-то его замѣчаніе: «посмотрите, сколько поэзіи въ бальномъ туалетѣ женщины, сколько изящества, сколько мысли, сколько прелести, хотя бы въ приколотыхъ къ платью цвѣтахъ». Я помню его страстнымъ охотникомъ, пчеловодомъ и садоводомъ; помню его увлеченія сельскимъ хозяйствомъ, сажающаго лѣса и плодовые сады, занятаго коневодствомъ и многимъ другимъ. Мое сближеніе съ нимъ началось еще во время моего студенчества, когда онъ писалъ «Войну и Миръ». Мои дѣды были участниками Наполеоновскихъ войнъ, и я многіе разсказы той эпохи, слышанные отъ нихъ, сообщалъ Толстому. Я былъ очень польщенъ, когда, окончивъ первую часть «1805 годъ», Левъ Николаевичъ позвалъ меня съ молодою моей женою слушать его чтеніе. Еще былъ приглашенъ къ слушанію старикъ генералъ Перфильевъ, который помнилъ ту эпоху. Читалъ Л. Н. Толстой просто, но удивительно хорошо. Разъ только впослѣдствіи слышалъ я его читающаго стихи. Это было послѣ охоты у меня. Говорили о поэзіи, и Л. Н. сталъ читать намъ Еврейскія пѣсни *Мея*. Читалъ онъ очень вдохновенно и увлекательно. Чѣмъ только ни увлекался онъ! Близъ Ясной Поляны въ лагерѣ войскъ, квартировавшихъ въ Тулѣ, пьяный солдатъ ударилъ офицера и судился военно-полевымъ судомъ. Л. Н. Толстой на судѣ защищалъ его со всѣмъ прирожденнымъ ему талантомъ. Но развѣ уговоришь или переубѣдишь коронный судъ,

особенно военный? Графъ Толстой доказывалъ невмѣняемость солдата, ударившаго офицера въ пьяномъ видѣ. Но военный кодексъ еще строже наказуетъ проступокъ или преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ, и солдата разстрѣляли. Графъ Левъ Николаевичъ былъ страшно взволнованъ.

Вспоминаю другаго героя, М. Д. Скобелева. Мнѣ часто приходилось съ нимъ завтракать въ ресторанѣ у Бореля, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ, пріѣзжая въ Петербуугъ. Я его засталъ однажды страшно разсерженнаго, еле переводившаго духъ. Чтó съ вами? спросилъ я, садясь за столъ къ нему. «Да отъ судебнаго слѣдователя! Какой-то денщикъ попался въ воровствѣ и указалъ, на меня, что я его знаю, что онъ у меня будто служилъ. Такъ вотъ меня вызвали свидѣтелемъ, и судебный слѣдователь меня допрашивалъ, да такъ допрашивалъ, ужъ какъ будто я совершилъ кражу, все время (иронически черезъ три слова называя меня ваше превосходительство). Вывелъ онъ меня изъ терпѣнія; была минута, что я чуть не разошелся и не далъ ему въ ухо. Теперь конечно радъ, что удержался. Милый человѣкъ, душка! прибавилъ Михаилъ Дмитріевичъ свое любимое выраженіе. Просто возмутительно! Ужъ такъ они обидно умѣютъ это дѣлать! Невыносимо!»

Кн. Д. О.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

В. Г. Васильевскаго „Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго". Спб. 1893.—*В. И. Сергѣевича* „Русскія юридическія древности". Спб. 1890—1893.

Свои труды по вопросу о происхожденіи Русскаго государства я считаю въ главныхъ чертахъ законченными на столько, что смѣло могу предоставить его детальную разработку тѣмъ будущимъ изслѣдователямъ, которые пойдутъ въ томъ же направленіи. Напомню важнѣйшіе мои выводы:

1. Призваніе Варяжскихъ князей есть легенда, и при томъ по своему происхожденію не народнаго, а династическаго характера; поводомъ къ ней послужили наемныя Варяжскія дружины и родственныя связи нашихъ князей съ Скандинавскими, а также Варяжская помощь, оказанная Владиміру Великому и Ярославу I при ихъ вокняженіи, т. е. во время борьбы съ братьями.

2. Въ первоначальномъ текстѣ лѣтописи *Русь* несомнѣнно отличалась отъ *Варяговъ*; а смѣшеніе ихъ произошло позднѣе, вслѣдствіе испорченнаго текста, и при томъ оно отразилось далеко не во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ.

3. Насколько говорятъ источники, Скандинавскіе Варяги являются на Руси только съ начала X вѣка и притомъ въ качествѣ наемной дружины у Русскихъ князей.

4. Русь была великимъ туземнымъ и Славянскимъ племенемъ, жившимъ въ краяхъ Приазовскихъ, Придонскихъ и Приднѣпровскихъ и извѣстнымъ у Греко-Римскихъ писателей подъ именемъ *Роксоланъ*.

5. Названіе „Роксоланъ" есть книжное, сложное изъ *Рось* и *Алане*, въ родѣ такого же позднѣйшаго книжнаго ихъ названія у Византійцевъ *Тавро-Скиѳы*. А собственное народное имя ихъ было просто *Рось* или *Русь*, которое находилось въ связи съ тѣмъ же названіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы.

Самый же важный, основной мой выводъ тотъ, что Варяги и Русь были два совершенно особые народа, что не существовало никакого племени Варяторуссовъ и что въ ихъ случайномъ смѣшеніи заключается корень всего вопроса.

Болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняя полемика съ моими противниками-норманистами не уничтожила ни одного изъ этихъ положеній. Напротивъ, она помогла мнѣ вполнѣ утвердить свою *Роксоланскую теорію* происхожденія Русскаго государства—происхожденія не съ Сѣвера отъ иноплеменныхъ заморскихъ Варягъ, а съ Юга отъ туземныхъ Славянскихъ Руссовъ.

Что сказанныя сейчасъ слова не заключаютъ въ себѣ никакого неумѣстнаго хвастовства, тому доказательствомъ служитъ, между прочимъ, выше названная книга В. Г. Васильевскаго, изъ всѣхъ моихъ антагонистовъ наиболѣе потрудившагося надъ тѣмъ же вопросомъ, т. е. его изслѣдованія житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Ранѣе авторъ печаталъ эти изслѣдованія въ Журналѣ М. Нар. Пр.; а теперь соединилъ ихъ въ одну книгу, приложивъ и самые тексты и дополнивъ разными подробностями. Эта книга вышла года полтора тому назадъ; но, отвлеченный другими работами, я только теперь удосужился поговорить о ней печатно.

Первая часть книги посвящена изслѣдованію Греческаго текста въ полномъ житіи св. Георгія епископа Амастридскаго, скончавшагося въ началѣ IX вѣка, или собственно тому мѣсту этого житія, въ которомъ находится разсказъ о посмертномъ чудѣ святого, совершившемся во время нападенія на Амастриду (городъ на Южномъ берегу Чернаго моря, т. е. въ Малой Азіи) варварскаго народа Рось. Варвары хотѣли ограбить гробницу святого, но были поражены разслабленіемъ и немощью, отъ которыхъ избавились только тогда, когда ихъ князь или предводитель оказалъ почтеніе христіанскому Богу и освободилъ плѣнниковъ. Къ какому времени надобно отнести это нападеніе Руси, о томъ вопросъ былъ спорный. Норманисты, особенно А. А. Куникъ, относили его конечно ко времени, послѣдовавшему за призваніемъ такъ наз. Варяговъ-Руси. Но теперь В. Г. Васильевскій точнымъ и детальнымъ анализомъ этого житія и историческихъ данныхъ, къ нему относящихся (напримѣръ его отношеніемъ къ иконоборству), доказываетъ, что не только событіе, т. е. нападеніе Руси, произошло вскорѣ послѣ кончины св. Георгія, но что и самое житіе его было написано еще въ первой половинѣ IX вѣка и даже ранѣе 842 года. Слѣдовательно, болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до такъ называемаго призванія изъ Скандинавіи въ Новгородъ небывалаго народа Варяго-Руссовъ, мы имѣемъ Византійское извѣстіе о народѣ Рось или Русь, обитавшемъ гдѣ-то по сосѣдству съ Чернымъ моремъ, плававшимъ по этому морю и очевидно ничего общаго съ Варягами не имѣвшимъ. Изслѣдователь изъ самого житія извлекаетъ данныя (напр. сближеніе съ Тавроскиѳами въ IX гл.), „указывающія на Сѣверные берега Чернаго моря какъ на родину Россовъ“ (CLI).

Житіе Георгія Амастридскаго дошло до насъ безъ имени автора. Г. Васильевскій по этому поводу предлагаетъ свою догадку: цѣлую VIII главу своей книги онъ посвящаетъ доказательствамъ того, что данное житіе написано извѣстнымъ въ Византійской словесности IX вѣка діакономъ Игнатіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Никейскимъ), авторомъ нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ и житій. Но, признаемся, доказательства его на сей разъ очень гадательны, и вопросъ объ авторѣ остается открытымъ.

Вторая половина изслѣдованія посвящена житію св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, подвизавшагося въ VIII столѣтіи, въ эпоху иконоборства. Это житіе извѣстно по краткому Греческому тексту и подробному Славянскому. И тутъ, также какъ въ предыдущемъ случаѣ, суть дѣла заключается въ

одномъ изъ посмертныхъ чудесъ святого. А именно: Русская рать, пришедшая будто бы изъ Новгорода и предводимая какимъ-то княземъ Бравлиномъ, опустошала Таврическій край отъ Корсуня до Керчи, и между прочимъ ворвалась въ городъ Сурожъ (Сугдея, нынѣ Судакъ). Когда Бравлинъ принялся грабить золотые сосуды и драгоцѣнную церковную утварь въ храмѣ св. Софіи, гдѣ находилась гробница Стефана, вдругъ лицо князя повернулось назадъ, и онъ впалъ въ разслабленіе, при чемъ ему привидѣлся самъ св. Стефанъ. Князь выздоровѣлъ послѣ того, какъ велѣлъ воротить храму все пограбленное, и принялъ крещеніе изъ рукъ архіепископа Филарета. Такъ какъ Филаретъ былъ ученикомъ св. Стефана и преемникомъ его на Сурожской каѳедрѣ, то это обстоятельство позволяетъ пріурочить данное событіе, т. е. нападеніе Руссовъ на Сурожъ, опять таки къ первой половинѣ, а пожалуй, и къ первой четверти IX вѣка. Хотя въ краткомъ Греческомъ житіи посмертныхъ чудесъ нѣтъ, а они имѣются только въ пространномъ Славянскомъ; но, на основаніи разныхъ соображеній и обстоятельствъ, изслѣдователь доказываетъ, что это Славянское житіе въ своихъ существенныхъ частяхъ есть переводъ съ Греческаго, до насъ не дошедшаго. Слѣдовательно, тутъ мы имѣемъ второе Византійское свидѣтельство, которое подтверждаетъ существованіе народа Руссовъ и Русскихъ князей въ странахъ Припонтійскихъ гораздо ранѣе 862 года или такъ называемаго призванія небывалыхъ Варягорусскихъ князей изъ Скандинавіи.

Надобно отдать полную справедливость В. Г. Васильевскому: изслѣдованіе его обильно снабжено учеными ссылками и комментаріями; оба житія разобраны и освѣщены въ наивозможно-достаточной степени; между прочимъ во второмъ изъ нихъ указаны любопытныя заимствованія изъ житій Іоанна Златоустаго и Петра Митрополита. Но такъ какъ въ своихъ комментаріяхъ по поводу нападенія Руссовъ на Амастриду и на Сурожъ авторъ вновь пересматриваетъ положеніе Варяго-русскаго вопроса или собственно его послѣднюю постановку въ наукѣ, при чемъ по прежнему полемизуетъ со мною: то мнѣ волею-неволею приходится также вновь останавливаться на своихъ съ нимъ разногласіяхъ.

Мой почтенный антагонистъ все продолжительное время нашего ученаго спора о Варягахъ-Руси обнаруживаетъ въ высшей степени любопытную черту характера; а именно: никогда не сознаваться въ своихъ ошибкахъ и никогда не отдавать справедливости своему противнику.

Судите сами.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ противъ моей постановки вопроса и моихъ главныхъ выводовъ, и рѣшительнымъ тономъ говорилъ въ защиту Норманской теоріи вообще и тождества Варяговъ съ Русью въ частности, считая эту теорію прочно утвержденною на научныхъ *столпахъ*. (См. Жур. М. Н. Пр. 1875. Мартъ и Древ. и Нов. Рос. 1875. № 12). Въ послѣдующей полемикѣ онъ не разъ выступалъ также противъ моихъ главныхъ выводовъ, и еще въ 1888 году стоялъ за Скандинавское происхожденіе Руссовъ (Ж. М. Н. Пр. Сентябрь). А въ слѣдующемъ 1889 году, по

поводу житія св. Стефана Сурожскаго (Ж. М. Н. Пр. Май и Іюнь) вдругъ круто повернулъ въ мою сторону, и теперь повторяетъ мое самое главное положеніе, которое, какъ выше сказано, я считаю основою или корнемъ всего вопроса, т. е. что Русь была народомъ совершенно особымъ отъ Скандинавскихъ Варяговъ и при томъ туземнымъ, издревле обитавшимъ на Югѣ теперешней Россіи. Къ этому выводу привело его въ особенности изслѣдованіе о двухъ названныхъ житіяхъ. Но, дѣлая этотъ крутой поворотъ, онъ не только не оговариваетъ своего прежняго громко заявленнаго Норманофильскаго заблужденія и не только не сознается въ торжествѣ моего основнаго вывода, а еще находитъ возможнымъ упрекнуть меня въ томъ, что въ своихъ розысканіяхъ о началѣ Руси я только слегка коснулся означенныхъ двухъ нападеній Руссовъ, не опредѣляя въ точности ихъ время и склоняясь къ болѣе поздней эпохѣ, хотя при этомъ все таки замѣтилъ, что они „могли совершиться еще въ IX вѣкѣ". Замѣчаніе это было мною сдѣлано тоже около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда данныя житія еще не были никѣмъ достаточно обслѣдованы и когда мнѣнія о нихъ были разнорѣчивы, да и самые тексты еще не приведены въ полную извѣстность и не провѣрены. Любопытно, что за такое упущеніе лишняго аргумента, подтверждающаго мой главный выводъ, упрекаетъ меня не какой либо усердный мой послѣдователь, а мой отъявленный антагонистъ (хотя и невольный послѣдователь въ данномъ выводѣ). Да мало ли еще какія могутъ быть впереди изслѣдованія и поправки, которыя подтвердятъ и другіе мои главные выводы? Неужели это будетъ служить мнѣ не одобреніемъ, а упрекомъ? Не могъ же я одинъ обработать всѣ возможныя детали обширнаго и сложнаго вопроса о происхожденіи Русскаго государства. Если въ главныхъ чертахъ вопросъ поставленъ мною правильно, то все остальное постепенно распутается и разъяснится, что̀ уже и началось. Хотя на подобный упрекъ я уже отвѣчалъ г. Васильевскому (Рус. Вѣст. 1890. Январь), тѣмъ не менѣе со свойственнымъ ему упорствомъ онъ повторяетъ его теперь въ новомъ соединенномъ изданіи своихъ изслѣдованій о двухъ названныхъ житіяхъ (стр. V и CLVI). Упорство это доходитъ до того, что онъ, не смотря на мое указаніе, и въ новомъ изданіи повторяетъ такую грубую ошибку, какъ чтеніе одного мѣста въ договорѣ Игоря съ Греками безъ частицы *не*, откуда получается странный смыслъ: вмѣсто естественнаго условія не нападать на ихъ Корсунскую область, Греки будто бы наоборотъ позволяютъ Русскимъ „безпокоить Корсунь своими набѣгами" (CLXXVII). Повторяются и обычныя фразы о моихъ „совсѣмъ особыхъ методахъ изслѣдованія". (CLVI). Результаты однако показываютъ, что я съ своими особыми методами изслѣдованія пришелъ къ вѣрнымъ научнымъ выводамъ; а г. Васильевскому съ его методами приходится отступать отъ собственныхъ положеній передъ напоромъ моихъ аргументовъ; хотя, какъ я уже и прежде (въ помянутомъ отвѣтѣ) замѣтилъ—„онъ это дѣлаетъ съ соблюденіемъ военной тактики, т. е. отступаетъ постоянно отстрѣливаясь".

Вообще полемическіе пріемы В. Г. Васильевскаго оставляютъ желать многаго и особенно страдаютъ обычною ему неточностію. Напримѣръ, онъ

обвиняетъ меня и Е. Е. Голубинскаго, по поводу бесѣды патріарха Фотія о нападеніи Руссовъ, введеніемъ въ изданный преосв. Порфиріемъ текстъ „Русскихъ молотильщиковъ". (XXXVI). Относительно г. Голубинскаго указанъ томъ и страница, а обо мнѣ говорится голословно, и говорится напрасно; ибо я именно отвергъ этихъ молотильщиковъ, и у меня ихъ нѣтъ.

Не одни означенныя житія, изслѣдованныя моимъ противникомъ, подтверждаютъ вѣрность моего главнаго вывода (что Русь происхожденія туземнаго и притомъ Южнаго, а не Сѣвернаго въ Восточной Европѣ), а слѣдовательно и правильность моихъ методовъ. Ихъ все болѣе и болѣе подтверждаетъ почти каждое новооткрытое или новоисправленное историческое извѣстіе, относящееся къ той же эпохѣ. Таковы указанныя тѣмъ же В. Г. Васильевскимъ торговыя сношенія Русскаго Кіева съ Нѣмецкимъ Регенсбургомъ и Чешскою Прагою въ IX вѣкѣ. (Ж. М. Н. Пр. 1888. Іюль). Таково въ особенности свидѣтельство Арабскаго писателя Хордадбега о путешествіяхъ Русскихъ купцовъ не только Чернымъ моремъ въ Византію, но и Каспійскимъ моремъ въ мусульманскія страны, гдѣ они доходятъ до Багдада. Это свидѣтельство было извѣстно и прежде; но ради Норманской теоріи его относили къ концу IX вѣка. Въ послѣднее время Голландскій оріенталистъ Де-Гуе, на основаніи болѣе исправнаго текста, доказалъ, что его надобно отнести къ первой половинѣ IX вѣка. Этотъ текстъ подтверждаетъ мой главный выводъ не только о туземствѣ Руси, но также о ея Славянствѣ. Вторую половину этого вывода мой антагонистъ пытается отвергнуть.

Вотъ что́ говорится у Хордадбега:

„Что же касается *Русскихъ* (купцовъ)—*а они суть племя изъ Славянъ*—то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба" (Славянскихъ странъ) и т. д. „Иногда они привозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ города Джурджана въ Багдадъ. *И евнухи Славянскіе служатъ имъ здѣсь переводчиками*" (XXVIII стр. у г. Васильевскаго).

Хордадбегъ тутъ ясно и категорично причисляетъ Русь къ народамъ Славянскимъ или считаетъ ихъ соплеменниками. И если Славяне служили Русскимъ переводчиками, то очевидно языки ихъ были родственны и очень близки другъ къ другу. Нашъ противникъ высказываетъ иногда хорошія правила; но, къ сожалѣнію, онъ же самъ часто отъ нихъ отступаетъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ замѣчаетъ, что извѣстіе источника прежде всего надобно брать въ буквальномъ смыслѣ (CCXC); но это правило онъ прилагаетъ только тамъ, гдѣ такое извѣстіе не противорѣчитъ его излюбленнымъ теоріямъ, въ особенности его извѣстной славянобоязни. И вотъ, чтобы устранить непріятное ему свидѣтельство Хордадбега о славянствѣ Руссовъ, онъ позволяетъ себѣ пускается въ самыя произвольныя толкованія и пытается доказывать, что въ источникѣ тутъ *ошибка!* (CXXIX—CXXXI).

Аргументами противной стороны и новооткрытыми фактами постепенно вытѣсненный изъ Сѣверной или Нормано-Скандинавской позиціи и отброшенный на Югъ къ краямъ Припонтійскимъ, В. Г. Васильевскій продолжаетъ отчаянно защищать теорію не Славянскаго происхожденія Руси, и для того

ищетъ теперь спасенія въ теоріи Готскаго происхожденія (CCXCIX). Но никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этой теоріи онъ не представляетъ, да и представить не можетъ; ибо во всѣхъ источникахъ Русь и Готы упоминаются какъ два разные, отдѣльные народа и нигдѣ не смѣшиваются. Это такая же мертворожденная теорія какъ и хазарство Руси, проповѣданное покойнымъ Гедеоновымъ (а еще прежде Эверсомъ). Вся эта Готская теорія у моего противника зиждется только на одномъ отрицательномъ аргументѣ: Константинъ Багрянородный будто бы „рѣзко отличалъ Русскій языкъ отъ Славянскаго и Русь отъ Славянъ точно такъ же, какъ и наша первоначальная лѣтопись“. (CCXCVI). Странно видѣть у почтеннаго ученаго такое неточное и произвольное отношеніе къ источникамъ. Лѣтопись прямо говоритъ: „а Словѣнескъ языкъ и Русскій одинъ“. Что же касается Константина Б., то нашъ противникъ ссылается на пресловутую параллель *Русскихъ* и *Славянскихъ* названій для Днѣпровскихъ пороговъ. „Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что Русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже Славянскія, но только другаго нарѣчія“—говоритъ онъ. „Замѣчанія Погодина *о двухъ Славянскихъ языкахъ*, которые такимъ путемъ получатся, хотя и способны были разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣтки“ (т. же). Въ этомъ случаѣ опять мы видимъ обычное небрежное отношеніе нашего противника къ представленнымъ мною объясненіямъ или полное ихъ игнорированіе. Поэтому повторю вкратцѣ свое объясненіе.

Да, дѣйствительно тутъ дѣло идетъ о двухъ Славянскихъ языкахъ или точнѣе народностяхъ: одна параллель принадлежала Русскому племени, а другая, такъ называемая Славянская, Болгарскому. Мимоходомъ замѣчу, что Болгарская стихія въ этой второй параллели была указана мною же, и г. Васильевскій голословно повторяетъ мое указаніе безъ ссылки. А между тѣмъ оно было у меня связано съ моими доказательствами славянства самихъ Болгаръ и съ моимъ утвержденіемъ, что далеко не всѣ Гунно-болгарскія племена перешли на нижній Дунай и что часть ихъ осталась въ Южной Россіи (именно Угличи). Я объяснялъ, что Русская параллель древнѣе Славянской, что она отчасти могла перейти къ Руссамъ отъ предшествовавшихъ имъ мѣстныхъ обитателей и что Славянскія названія не во всѣхъ случаяхъ представляютъ переводъ Русскихъ, а только варіанты. И все-таки мы имѣемъ нѣсколько названій общихъ, каковы: *Есупи*, *Геландри* и *Струвунъ*. Послѣднее Русское названіе очевидно есть тоже, что Славянское *Острозуни* или Островунь, хотя въ параллели они не стоятъ другъ противъ друга. Это указываетъ на то, что въ передачѣ Константина не только нѣкоторыя названія искажены, но и параллели перепутаны. Поэтому Русское *Варуфоросъ* мы также ставимъ противъ Славянскаго *Веручи* (Вручій); тамъ и здѣсь корень одинъ: врети или варити; то и другое означаетъ варовой (кипящій) порогъ. При семъ я указалъ и на то, что самый Днѣпръ по Іорнанду у Гунновъ назывался *Варъ*, а по Константину у Печенѣговъ *Варухъ* или *Варучъ* (Печенѣги, очевидно, это названіе усвоили отъ предшествовавшихъ туземцевъ). Русское слово *Аифаръ*, соотвѣтствующее Славянскому

Неясыть, насколько извѣстно, не встрѣчается ни въ Скандинавскомъ, ни въ Готскомъ языкахъ; оно могло дѣйствительно существовать въ древнемъ Русскомъ, но потомъ утратилось подобно многимъ другимъ (не было ли оно варіантомъ слова *Аистъ?*). Что нѣкоторыя названія пороговъ у Константина дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: это доказываютъ неподдающіяся ни какимъ удовлетворительнымъ толкованіямъ Русское *Леанти* и Славянское *Напрези*; да и общее названіе *Есупи* (если вѣрно, что оно значило „не спи") записано неточно, т. е. слѣдовало его написать *Несупи*. Извѣстно, что данная параллель въ наименованіи пороговъ приводится только одинъ разъ; мы не имѣемъ никакихъ средствъ провѣрить ее и во всѣхъ случаяхъ установить вѣрное произношеніе. А затѣмъ, если Русь употребляла какія-либо географическія названія, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что *всѣ* эти названія должны быть объяснены изъ современнаго Русскаго языка. Возмемъ, напримѣръ, рѣку Днѣпръ, средоточіе древней Руси. Изъ Русско-славянскаго языка его названіе никто не объяснитъ. Точно также необъяснимы изъ сего языка Днѣпровскіе притоки, извѣстные съ древней эпохи, каковы: Сожъ, Сула, Самара, Ирпень, Ворскла и т. д., хотя намъ въ точности извѣстны ихъ правописаніе и произношеніе. А другіе, наоборотъ, объяснимы, каковы: Десна, Березина, Тетеревъ, Трубежъ и т. д. Равно и древнія имена пороговъ: одни могутъ быть объясняемы, а другіе при настоящихъ нашихъ средствахъ не могутъ; но это ни сколько не противорѣчитъ принадлежности Русскаго племени къ Славянской семьѣ.

Что когда-то у Русскихъ были нѣкоторыя географическія названія отличныя отъ другихъ Восточныхъ Славянъ, тому ясный слѣдъ сохранился въ нашей лѣтописи, и я на него тоже указывалъ: „И стояше на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветь Уголъ". Тутъ *Ерелъ* является не переводомъ Русскаго названія *Уголъ*, а его варіантомъ, и точно также отзывается формою Болгарскою. А относительно терминовъ *Русь* и *Славяне*, независимо отъ Византійскихъ и Арабскихъ извѣстій, и наши отечественные источники употребляютъ ихъ до XII или XIII вѣка. Такъ въ Русской Правдѣ отличаются *Русинъ* и *Словѣнинъ*, въ тѣсномъ смыслѣ Кіевлянинъ и Новгородецъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что языкъ Кіевлянъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ Новгородцевъ. Я уже неоднократно объяснялъ, что названіе *Славяне* есть позднее названіе и что оно распространялось весьма постепенно на Славянскіе народы, преимущественно книжнымъ путемъ, вмѣстѣ съ Славянскою грамотою. Это названіе въ значеніи племенномъ въ источникахъ появляется только въ VI вѣкѣ, и не ранѣе V-го, въ формѣ *Склавины*. Въ IX и X вѣкахъ оно обнимаетъ уже большую часть Славянскихъ народностей, но не всѣхъ. Русь, какъ господствующій народъ надъ родственными ей племенами Восточной Европы, именно Славянами себя не называла и ревниво сохраняла свое собственное имя. Всѣ эти мои указанія г. Васильевскому, при его методахъ, угодно было игнорировать, потому что опровергнуть ихъ онъ не можетъ. Пусть онъ попробуетъ, напримѣръ, доказать, что въ VI

вѣкѣ Славянами или Склавинами источники называютъ какое-либо другое племя кромѣ того, которое занимало часть Иллиріи и Панноніи, т. е. кромѣ Сербо-Хорвато-Славонцевъ.

Вообще любопытное явленіе представляетъ нашъ почтенный историкъ, пытающійся вполнѣ историческій вопросъ перенести на почву филологическую при помощи нѣсколькихъ собственныхъ именъ, тогда какъ разъясненіе подобныхъ именъ составляетъ самую слабую сторону филологической науки. А въ исторической наукѣ слабую сторону самого В. Г. Васильевскаго составляютъ аналогіи. Онъ пытается рѣшать историческіе вопросы безъ аналогій. Поэтому у него и выходятъ вещи въ научномъ смыслѣ невозможныя: какое нибудь сильное господствующее племя, въ родѣ Русскаго или Болгарскаго, вдругъ взяло да и перемѣнило свою собственную рѣчь на языкъ подчиненнаго племени, сравнительно слабаго и никакою высшею культурою не обладавшаго. Въ такомъ случаѣ развѣ мы не въ правѣ спросить: гдѣ же историческіе законы, гдѣ же историческая наука? Вѣдь работы надъ критическимъ сравненіемъ кодексовъ, тщательнымъ изданіемъ текстовъ, подборомъ цитатъ и всякаго рода комментаріевъ—все это работы пріуготовительныя, справочныя, болѣе или менѣе механическія. Все это прекрасно и полезно; но гдѣ же собственно историческая-то критика и научное историческое творчество, основанное на широкомъ сравнительномъ фундаментѣ? Этнографическія свидѣтельства источниковъ, конечно, не такъ многочисленны и большею частію не такъ категоричны какъ географическія, и потому требуютъ бо́льшаго напряженія мысли, болѣе критическаго такта и фактическихъ сопоставленій для рѣшенія вопроса, а простое отрицаніе только обличаетъ въ историкѣ пренебреженіе сими условіями. Съ другой стороны трудно и даже невозможно теперь ученому отвергать многія прямыя указанія источниковъ на туземство Руси и географическое пріуроченіе ея къ Азовско-Черноморскимъ краямъ. Вотъ почему г. Васильевскій уже не находитъ возможнымъ оспаривать долѣе этотъ фактъ, но онъ продолжаетъ отрицать мое отождествленіе Руси съ Роксоланами. А между тѣмъ оно само собою вытекаетъ изъ того же географическаго факта: тамъ, гдѣ обитали Роксолане, упоминаемые Греко-Латинскими писателями отъ I до VIII вѣка включительно, тамъ же въ IX вѣкѣ обозначается народъ Рось. А какъ ни оспаривайте голословно ихъ тождество, это названіе *Рось*, очевидно, составляетъ первую половину въ сложномъ названіи *Роксоланъ* (собственно Россоланъ). Да и самъ мой антагонистъ, констатируя тѣсное сосѣдство Россовъ и Аланъ въ Азовско-Черноморскомъ краѣ (см. II главу изслѣдованія о житіи св. Стефана), еще болѣе подтверждаетъ мое положеніе. Во всякомъ случаѣ это положеніе гораздо естественнѣе его совершенно - невѣроятнаго предположенія, что Русское названіе *Тмутраканъ* (образованное изъ Греческаго *Таматарха*) родственно Готамъ-Тетракситамъ или, какъ онъ придумываетъ, *Тметракситамъ*. Научная невозможность такого словопроизводства была уже мною указана, но г. Васильевскій со свойственнымъ ему упорствомъ голословно повторяетъ свой домыселъ (CCXCIX). Тутъ же онъ пре-

дается и другимъ отчаяннымъ этимологическимъ толкованiямъ въ родѣ того, что „въ самыхъ звукахъ слова Тавроскиѳы есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ Греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченiямъ, могло выработаться названiе Росъ". Слѣдовательно *Рось*, по его мнѣнiю, есть ничто иное какъ среднiй звукъ въ словѣ Тав-*рос*-киѳъ. Полагаю, что далѣе въ сферѣ этимологическихъ измышленiй идти некуда. Уже одно то, что названiе Рось или Русь есть чисто туземно-русское, а названiе этого народа Тавроскиѳами употреблялось въ книжномъ языкѣ Византiйцами въ IX — XII вѣкахъ, дѣлаетъ такое измышленiе совершенно напраснымъ. Тогда и тождественное названiе нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы, напримѣръ Рось, впадающая въ Днѣпръ, окажется не туземнымъ, а навязаннымъ намъ тоже Греками. Увлекаясь теперь Готскимъ происхожденiемъ Руси, г. Васильевскiй толкуетъ, будто названiе Тавроскиѳы именно означало Готовъ; такъ какъ „у Римскихъ и Греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. Скиѳами назывались Готы" (CCXCVIII). Въ томъ-то и дѣло, что въ III и IV вѣкахъ; а писатели Византiйскiе IX—XII вѣковъ Скиѳами называли совсѣмъ другiе народы. Историку-византинисту это подобаетъ хорошо знать.

Кстати о Тмутараканскомъ княжествѣ или Русской Таврическо-Таманской области. Въ своихъ изысканiяхъ я посвятилъ много вниманiя этой области; указалъ на нее какъ на древнюю составную часть Русскихъ владѣнiй; опредѣлилъ, что извѣстiе Ибнъ-Хаукала о третьей Руси *Артанiя* (первая Куява, вторая Славiя) относится именно къ Тмутаракани, и прослѣдилъ судьбы этого Русскаго княжества отъ половины X вѣка почти до конца XI. Около полутораста лѣтъ Тмутараканскiй край находился во владѣнiи Русскихъ князей по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; а, благодаря означеннымъ выше двумъ житiямъ, извѣстiю о Русскихъ письменахъ въ житiи св. Кирилла и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, начало Русскаго княжества, смѣнившаго собою Хазарское владычество въ томъ краѣ, можетъ быть отодвинуто въ IX и даже въ VIII вѣкъ. Слѣдовательно мы получаемъ почти трехвѣковое существованiе Русскаго господства въ Керченско-Таманскомъ краю. Что же дѣлаетъ г. Васильевскiй въ данномъ своемъ изслѣдованiи? Онъ совершенно игнорируетъ Русскiй перiодъ въ исторiи этого края; Хазарское владычество здѣсь смѣняетъ прямо Византiйскимъ (CLXXII), и вообще находитъ присутствiе всѣхъ возможныхъ народовъ въ той странѣ, только не Славянской Руси! [1]).

Но какъ бы непрiязненно В. Г. Васильевскiй ни относился къ моимъ изысканiямъ въ вопросѣ о происхожденiи Руси, я все-таки долженъ повто-

[1]) Вообще въ данной книгѣ мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры игнорированiя моихъ изысканiй, или по духу противорѣчiя, или просто по небрежности и забывчивости. Укажу еще на городъ Саркелъ, котораго положенiе опредѣлено мною на переволокѣ между Дономъ и Волгою. В. Г. Васильевскiй тѣмъ не менѣе помѣщаетъ его на устьяхъ Дона (CXXII), и не замѣчаетъ своего разногласiя хотя бы съ Константиномъ Багрянороднымъ, который говоритъ, что „Танаисъ течетъ отъ Саркела". Неужели это извѣстiе онъ понимаетъ такъ, что Танаисъ течетъ съ низу въ верхъ?

рить ему мою усердную благодарность за то, что онъ много помогалъ двигать впередъ этотъ вопросъ и все болѣе и болѣе его разъяснять. Послѣ того какъ скончался Погодинъ и замолчалъ А. А. Куникъ, это единственный ученый, который работаетъ надъ вопросомъ и даетъ мнѣ возможность углубляться въ него хотя бы и вслѣдствіе нашихъ съ нимъ разногласій. Есть другіе ученые, которые печатно высказывали или высказываютъ свое несогласіе со мною, но какъ-то мимоходомъ, голословно, не входя въ разборъ аргументовъ, а потому не представляя почти никакого матеріала для научной полемики или просто для научной бесѣды.

Данный трудъ моего антагониста о двухъ житіяхъ, кромѣ подтвержденія моего главнаго положенія (объ исконномъ существованіи Руси въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ) представляетъ возможность удовлетворительнѣе объяснить одно извѣстіе нашей лѣтописи, которое доселѣ оставалось трудно-объяснимымъ. А именно, извѣстіе о Варяжскомъ и вмѣстѣ христіанскомъ отрокѣ, на котораго въ Кіевѣ палъ жребій быть принесеннымъ въ жертву языческимъ богамъ. Я пытался предполагать тутъ искаженіе первоначальнаго текста, т. е. замѣну Русина Варягомъ, сдѣланную подъ вліяніемъ уже происшедшаго въ лѣтописи смѣшенія этихъ двухъ разныхъ народностей. Но Греческій текстъ житія Георгія Амастридскаго бросаетъ лучъ свѣта на сіе мѣсто лѣтописи. По поводу нападенія Руссовъ на Амастриду, житіе, описывая ихъ грубые звѣрскіе нравы, между прочимъ указываетъ на сохранявшійся у нихъ древній Таврическій обычай *ксеноктоніи*, т. е. закаланія иностранцевъ въ жертву своимъ богамъ. А Таврическая ксеноктонія, извѣстная изъ исторіи Ифигеніи, именно требовала дѣвицъ и дѣвственныхъ юношей. В. Г. Васильевскій самъ сближаетъ этотъ фактъ со словами нашей лѣтописи: „мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу, на кого же падетъ того зарѣжемъ богамъ". (CL). Хотя при семъ онъ говоритъ, что этотъ обычай „былъ не чуждъ и Германскимъ племенамъ", имѣя въ виду конечно излюбленныхъ теперь Готовъ; но мы позволяемъ себѣ сблизить эти два извѣстія въ прямомъ ихъ смыслѣ, и получаемъ довольно достовѣрное объясненіе тому факту, что Кіевляне въ данномъ случаѣ хотѣли принести въ жертву именно не своего, не Русскаго отрока, а Варяжскаго, т. е. иноземнаго. Что Варяги въ это время жили въ Кіевѣ, пришедши туда въ качествѣ наемныхъ дружинниковъ или гостей-торговцевъ, и что нѣкоторые изъ нихъ могли быть уже христіанами—о томъ едва ли возможенъ споръ.

—

Покончивъ съ изслѣдованіями В. Г. Васильевскаго, скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ выше помянутыхъ ученыхъ, которые голословно не соглашаются съ моими изысканіями или просто ихъ игнорируютъ и продолжаютъ преспокойно толковать о призваніи Варяго-Русскихъ князей какъ о началѣ Русскаго государства и Русской націи.

Нѣмецкіе и Западно-Европейскіе историки въ особенности упорствуютъ въ своей отсталости относительно даннаго вопроса, и даже тѣ изъ нихъ, которые извѣстны нѣкоторыми спеціальными трудами по Русской исторіи. Въ

ихъ числѣ находится талантливый Французскій писатель Альфредъ Рамбо, авторъ Французскаго учебника Русской Исторіи. Въ настоящее время издается многотомная Histoire générale du IV siècle à nos jours подъ редакціей Рамбо и Лависъ. И что же мы тамъ находимъ? Начальное славянство вообще изображается по Шафарику; Болгары все еще, по Нѣмецкому и Шафарикову домыслу, выдаются за Туранцевъ; а происхожденіе Руси связано все съ тою же баснею о призваніи небывалыхъ Варяго-Руссовъ. Авторъ сего изданія (Е. Дени) очевидно не имѣетъ никакого понятія о новыхъ изслѣдованіяхъ Русскихъ ученыхъ; а, судя по его библіографіи, онъ руководствовался жалкой Нѣмецкой компиляціей Шимана въ извѣстной коллекціи Онкена, тенденціозной брошюрой Томсена „о происхожденіи Русскаго государства“ въ Нѣмецкомъ переводѣ и означеннымъ учебникомъ самого Рамбо, который явился безусловнымъ послѣдователемъ лжетолкованій Норманской школы. Нѣтъ сомнѣнія, что невѣдѣніе по даннымъ вопросамъ еще долго будетъ царить въ западной исторіографіи, благодаря въ особенности пристрастному къ нимъ отношенію Нѣмцевъ.

Но можно ли строго укорять иностранныхъ писателей за незнаніе новыхъ изслѣдованій о началѣ Руси, когда наши отечественные ученые отличаются тѣмъ же незнаніемъ или отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ? Въ прошлыхъ своихъ статьяхъ объ этомъ предметѣ я указывалъ на нѣкоторыхъ выдающихся Русскихъ ученыхъ и профессоровъ, упорствующихъ въ своемъ слѣпомъ норманизмѣ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и такіе почтеннѣйшіе спеціалисты собственно по исторіи Русской церкви, какъ профессора Духовныхъ Академій, Московской и Кіевской, Е. Е. Голубинскій и И. И. Малышевскій. Въ настоящей своей статьѣ укажу на таковыхъ же спеціалистовъ по исторіи Русскаго права.

Судя по изданнымъ профессорскимъ курсамъ этого права, только А. В. Романовичъ-Славатинскій съ свойственной ему рѣшительностію говоритъ о призваніи Варяго-Русскихъ князей какъ о *легендѣ*. („Система Русскаго госуд. права въ его историко-догматич. развитіи“. Ч. I. Кіевъ. 1886. Стр. 40—41). Но и онъ не имѣлъ мужества сослаться при семъ на мои изслѣдованія; ибо, сколько мнѣ извѣстно, ранѣе меня никто собственно не доказывалъ легендарный характеръ сказанія о призваніи. Пресловутая скептическая школа Каченовскаго вообще оспаривала достовѣрность нашей начальной лѣтописи, а собственно надъ Варяго-Русскимъ вопросомъ она не останавливалась. Я же наоборотъ сей достовѣрности вообще нисколько не отрицаю, а только отрицаю достовѣрность даннаго сказанія, которое соотвѣтствуетъ такимъ же легендарнымъ сказаніямъ о началѣ государства у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

За этимъ небольшимъ исключеніемъ, наши историко-юристы обыкновенно игнорируютъ новую постановку вопроса и продолжаютъ стоять на баснословномъ, невозможномъ происхожденіи Русскаго государства и антинаучномъ смѣшеніи Руси съ Варягами. Для образца укажу на курсы двухъ достоуважаемыхъ профессоровъ Петербургскаго и Кіевскаго университета. М.

Ф. Владимирскаго-Буданова и В. И. Сергѣевича. Первый курсъ, озаглавленный „Обзоръ Исторіи Русскаго права“ (Кіевъ. 1886), безъ всякой критики цитуетъ и принимаетъ за историческіе факты всѣ домыслы и сужденія лѣтописца объ отдаленномъ для него времени, и голословно повторяетъ басню о призваніи Варяго-Русскихъ князей; но въ тоже время признаетъ, что князья на Руси уже существовали до призванія и что „князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй“. (4) Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ихъ призывали? Вообще весь древнѣйшій періодъ въ этомъ курсѣ построенъ на разныхъ фразахъ лѣтописца, подчасъ весьма легковѣрнаго, какъ на какихъ то математическихъ данныхъ. Отсюда нерѣдки чисто фактическія ошибки. Напримѣръ, началомъ замѣны мѣстныхъ князей Рюриковичами считается призваніе Владимира въ Новгородъ (5). Между тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ удѣльнымъ княземъ еще отецъ Владимира Святославъ при жизни своего отца Игоря великаго князя Кіевскаго (Извѣстіе о томъ у Конст. Б.) Первое Кіевское поселеніе будто бы было на горѣ, а не на Подолѣ (7), тогда какъ археологическія изысканія доказываютъ противное. Будто существовала какая-то родовая община *Увѣтичи* (3); тогда какъ въ лѣтописи здѣсь несомнѣнное искаженіе; первоначально стояло „у Витичева“ (дѣло идетъ о съѣздѣ князей); а малограмотный списатель сдѣлалъ изъ сего небывалыя *Увѣтичи*. (См. моей „Исторіи Россіи т. I, прим. 47). Это именно одинъ изъ тѣхъ примѣровъ порчи первоначальнаго лѣтописнаго текста, которые наглядно подтверждаютъ мой выводъ, что въ сказаніи о призваніи стояло: послаша или рѣша „къ Варягомъ *Русь*, Чудь, Словени, Кривичи“ и пр. А переписчики потомъ совершенно исказили текстъ одной только замѣной буквы *ь* въ *и*. Такимъ образомъ явилось чтеніе: „послаша къ Варягомъ *Руси* Чудь, Словени, Кривичи и пр. Откуда и произошелъ небывалый народъ Варяги-Русь.

Такое же полное игнорированіе моихъ изслѣдованій находимъ и у В. И. Сергѣевича, какъ въ его „лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи Русскаго права“ (Спб. 1883), такъ и въ его „Русскихъ юридическихъ древностяхъ“. (Доселѣ два выпуска. Спб. 1890—1893). Второй трудъ составляетъ въ сущности переработку перваго, и такъ какъ онъ позднѣйшій, выражающій настоящіе историко-юридическіе взгляды и выводы автора, то мы остановимся на немъ по преимуществу.

Авторъ „Русскихъ юридическихъ древностей“, подобно предыдущему, беретъ на вѣру разныя фразы изъ начальныхъ страницъ лѣтописи какъ будто какія нибудь данныя математически точныя, и на нихъ строитъ свои положенія о древнѣйшемъ періодѣ; исходнымъ пунктомъ у него также служитъ баснословное извѣстіе о призваніи Варяжскихъ князей. Таковы, напримѣръ, его разсужденія или точнѣе домыслы о началѣ и составѣ Русскихъ городовъ, объ отношеніи къ нимъ пригородовъ и волостей; причемъ не только Псковъ, но и Ростовъ Великій у него является пригородомъ Новгорода, присоединеннымъ къ нему вмѣстѣ съ Полоцкомъ при Рюрикѣ; на Новгородъ Великій будто бы не простиралась власть Олега, потому что онъ не упомянутъ въ Олговомъ договорѣ (4 17). А между тѣмъ лѣтопись ясно гово-

ритъ, что Олегъ „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ“; что по моему объясненію указываетъ на содержаніе въ Новгородѣ Варяжской наемной дружины, которую дѣйствительно мы тамъ находимъ при Владимирѣ и Ярославѣ. Слѣдовательно о неподчиненіи Новгорода Олегу и рѣчи быть не можетъ. Вотъ эта-то наемная Варяжская дружина, вмѣстѣ съ родственными связями Русскихъ и Скандинавскихъ князей, по моему крайнему разумѣнію, и послужила поводомъ къ позднѣйшему домыслу о дани, платимой Варягамъ, и о призваніи Варяжскихъ князей Новогородцами.

Далѣе г. Сергѣевичъ, говоря о распространеніи названія Русь на Русскія области отъ небывалыхъ Варяго-Руссовъ, повторяетъ опять лѣтописную путаницу, происшедшую отъ искаженія первоначальнаго текста, о которомъ онъ повидимому никогда и не слыхивалъ. „Этихъ Варяговъ, замѣчаетъ авторъ, лѣтописецъ называетъ Русью. Провѣрить его въ этомъ пунктѣ до сихъ поръ не удалось еще нашимъ ученымъ“. „Вопросъ о Варягахъ-Руси вызвалъ весьма обширную литературу, представляющую много поучительнаго. Но для юридическихъ древностей онъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе“. А далѣе авторъ какъ бы несогласенъ съ лѣтописью и предлагаетъ собственный домыселъ о томъ, что имя Русь распространилось изъ Кіева, и другія Славянскія племена приняли его „вслѣдъ за распространеніемъ книжнаго просвѣщенія“, „знакомясь съ содержаніемъ Кіевской литературы“. (85—88). Эти страницы подтверждаютъ, что автору Юридическихъ древностей и въ 1890—93 годахъ все еще оставались неизвѣстными (по содержанію, а не по имени) не только мои изслѣдованія, но и вышеуказанныя изслѣдованія В. Г. Васильевскаго; иначе онъ могъ бы легко очертить взаимное отношеніе такихъ двухъ различныхъ народностей какъ Варяги и Русь, не прибѣгая къ собственному домыслу о столь великой роли Кіевской литературы (т. е Славянской же письменности) въ распространеніи имени Русь; а также ему тогда не пришлось бы утверждать, будто провѣрить лѣтопись въ этомъ пунктѣ еще не удалось нашимъ ученымъ. Въ дѣйствительности эта провѣрка уже сдѣлана и сказала свое рѣшительное, безповоротное слово.

Невозможно также согласиться и съ тѣмъ, будто сей вопросъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе для юридическихъ древностей. Напротивъ, имѣетъ очень близкое значеніе, и потому точное знакомство съ нимъ обязательно для историка-юриста. Возьмемъ, напримѣръ, договоры Руси съ Греками въ X столѣтіи. Объ этихъ договорахъ г. Сергѣевичъ довольно пространно толкуетъ въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“. Но тутъ очевидно его путаютъ два обстоятельства: во-первыхъ онъ не подозрѣваетъ существованія такихъ же договоровъ еще въ первой половинѣ IX вѣка; а во-вторыхъ ему какъ бы неизвѣстны давнишнія сосѣдскія отношенія Грековъ съ Русью въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ. Затѣмъ, если бы авторъ не по слуху только, а фактически ознакомился съ новою постановкою вопроса о происхожденіи Русскаго государства, то онъ не пришелъ бы къ слѣдующему положенію: „Древняя Россія не знала сословій. Они народились

только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши". (Рус. Юрид. Древ. I. 161). Возьмемъ хотя бы боярство. Уже съ самаго начала Русской Исторіи оно является сложившимся, ясно очерченнымъ и притомъ чисто Русскимъ, туземнымъ (а не пришлымъ изъ-за моря) землевладѣльческимъ сословіемъ. Попасть въ это сословіе простолюдину или смерду было трудно; по крайней мѣрѣ, до XII столѣтія мы можемъ указать только одинъ случай, да и то основанный на лѣтописномъ преданіи, именно о Янѣ Усмовичѣ. (См. моей „Исторіи Россіи" т. I, ч. 2, стр. 295). Вообще у нашихъ историковъ-юристовъ совсѣмъ игнорируется роль Русскихъ дружинъ при основаніи Русскаго государства. Эти дружины, выходившія изъ сильнаго Славянорусскаго племени, жившаго въ данную эпоху по преимуществу на среднемъ Днѣпрѣ, оружіемъ объединили большую часть Восточной Европы подъ властію своего княжескаго рода, сидѣвшаго въ Кіевѣ; онѣ то и составили высшій классъ населенія въ подчиненныхъ областяхъ, слившись съ верхними слоями мѣстныхъ обитателей. Далѣе В. И. Сергѣевичъ, при помянутомъ выше условіи, не тратилъ бы много времени и мѣста на разсужденія о родовомъ или патріархальномъ бытѣ, черезъ стадію котораго будто бы „прошли всѣ культурные народы". Онъ разсуждаетъ собственно о теоріи родоваго быта, какою она является въ Исторіи покойнаго С. М. Соловьева, съ которымъ по сему поводу вступаетъ въ полемику. Но такъ же какъ и Соловьевъ, авторъ смѣшиваетъ княжескіе родовые счеты съ родовымъ бытомъ вообще; а относительно княжескихъ счетовъ большею частію не правъ въ данной своей полемикѣ. Причемъ онъ напрасно языческую эпоху смѣшиваетъ съ христіанской, и всѣ лѣтописныя фразы, относящіяся къ языческой эпохѣ, также принимаетъ какъ бы за математическія данныя. (Рус. Юр. Др. II. Послѣдня глава и предыдущая).

Я не могу пожаловаться на то, что бы достоуважаемый В. И. Сергѣевичъ былъ незнакомъ съ моей „Исторіей Россіи" вообще. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Новь" я встрѣтилъ его указаніе на два или на три мелкихъ недосмотра, которые онъ отыскалъ въ моемъ трудѣ. Но очевидно онъ только и читалъ его съ этою цѣлью, и потому не воспользовался имъ, что бы въ свою очередь самому избѣжать разныхъ недосмотровъ. Кромѣ указанныхъ сейчасъ невѣрно поставленныхъ основныхъ пунктовъ Русской государственной жизни, онъ и въ дальнѣйшихъ эпохахъ представляетъ нѣсколько ошибочныхъ положеній и сужденій. Приведу примѣры.

„Древнѣйшія указанія на окольничихъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка" (Р. Юр. Древ. I. 385). Нѣтъ, окольничій упоминается уже въ XIII вѣкѣ, именно въ Смоленскѣ. (См. прим. 78 ко II т. моей „Исторіи Россіи"). Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ этого званія у него обозначены двѣ спеціальности окольничаго: 1, ѣхать передъ государемъ и устроивать все необходимое въ пути; 2, представлять государю иностранныхъ пословъ. Но пропущено третье ихъ назначеніе, участіе въ судѣ; на чтó указываетъ Судебникъ 1497 г. онъ былъ изданъ для руководства „какъ судить боярамъ и

окольничимъ". (У меня ibid. стр. 522). Подобная же ошибка на цѣлое столѣтіе встрѣчается относительно стряпчихъ. „Но въ памятникахъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы только и узнаемъ о стряпчихъ, они уже такъ не называются" (Р. Ю. Др. I. 464). Стряпчіе упоминаются съ XVI вѣка. (См. у меня къ т. III. Прим. 74. Кромѣ того Древ. Рос. Вивл. XIII. 39). Несовсѣмъ вѣрно г. Сергѣевичъ объясняетъ дѣло о Псковскихъ смердахъ, о которомъ отрывочно и довольно невразумительно говорятъ Псковскія лѣтописи подъ 1484—1486 гг. Авторъ усмотрѣлъ тутъ цѣлую аграрную революцію, а подъ „обидными людьми" разумѣетъ „землевладѣльцевъ, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды". (Р. Ю. Др. I. 167—169). Никакой аграрной ни „революціи", ни „реформы" въ этомъ дѣлѣ не заключается, а „обидные люди" означаютъ жалобщиковъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы освободить смердовъ отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей и даней государю Пскову и сохранить только дани Псковскому князю. (См. моей „Исторіи Россіи". т. II. 481—482 и проф. Никитскаго „Очеркъ внутренней Исторіи Пскова". гл. IV).

Ограничусь приведенными сейчасъ указаніями, сдѣланными только для примѣра, и не буду перечислять разныхъ другихъ спорныхъ пунктовъ, касающихся въ особенности княжеской власти и вѣчевыхъ порядковъ (2-й выпускъ). Это могло бы составить предметъ особаго разбора *). Перейду прямо къ общему заключенію по поводу даннаго труда, далеко еще незаконченнаго.

Какъ ни почтененъ этотъ трудъ, т. е. „Русскія юридическія древности"; но надобно признаться, что онъ былъ бы еще почтеннѣе, если бы явился на свѣтъ въ нѣсколько иной формѣ. Вмѣсто подражанія несовсѣмъ удобной системѣ Якова Грима въ его Deutsche Rechtsalterthümer лучше было бы взять за образецъ книгу Шерюеля Dictionnaire Historique des institutions, moeurs et coutumes de la France, только сузивъ его слишкомъ широкую програму и сосредоточивъ свою работу на извѣстныхъ сторонахъ государственнаго и общественнаго быта. Я разумѣю *словарь* Русскихъ юридическихъ древностей. Вотъ въ чемъ чувствуется у насъ настоятельная потребность. Задача справочной книги конечно потребовала бы и болѣе строгой системы и болѣе тщательной обработки; съ ней былъ бы несовмѣстимъ многословный, расплывчатый характеръ лекцій или очерковъ при ихъ неравномѣрномъ и довольно случайномъ распредѣленіи матеріала. Но зато польза была бы несравненно бо́льшая. Главною или центральною эпохою для такого словаря конечно должны быть взяты XV, XVI и XVII вѣка, т. е. періодъ Московской Руси, со всѣми административными, судебными и экономическими терминами того времени. По возможности точное, сжатое опредѣленіе ихъ, подкрѣпленное гдѣ нужно избранными цитатами изъ источни-

*) Впрочемъ не было недостатка въ критическихъ разборахъ на эту часть Юридич. древностей, когда она болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ впервые появилась въ формѣ магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „Вѣче и князь." Москва. 1867 г. Особенно заслуживаютъ вниманія рецензіи професс. Градовскаго и Самоквасова. Но В. И. Сергѣевичъ, перерабатывая и вновь издавая свою диссертацію, слишкомъ мало воспользовался ихъ указаніями.

ковъ и снабженное указаніями на первоисточники и пособія—вотъ въ чемъ должна состоять основная задача подобнаго словаря. Полагаю, Русская историко - юридическая наука достаточно созрѣла и накопила столько матеріала, что можетъ смѣло предпринять составленіе подобной справочной книги. Поэтому нѣтъ даже особой нужды, чтобы какой либо ученый на одного себя взялъ исполненіе задачи. Если онъ станетъ во главѣ этого дѣла, опираясь на собственные труды, и возьметъ на себя руководительство и редакціонную часть, то болѣе или менѣе подходящіе сотрудники конечно найдутся. Кому же какъ не В. И. Сергѣевичу, съ его многочисленными товарищами и учениками, подобаетъ предпринять такое въ высшей степени полезное изданіе. А чтó онъ сдѣлалъ бы для Московской или Сѣверовосточной Руси, тоже самое лучше всего могъ бы совершить М. Ф. Владимирскій - Будановъ, со своими товарищами и учениками, для Руси Литовской или Югозападной, надъ которою онъ уже въ значительной степени потрудился.

Этимъ pium desiderium я закончу свои настоящія замѣтки.

Д. Иловайскій.

Декабрь 1894 г.

ДѢЛО ВЕНГЕРСКОЕ.

Скоро минетъ полстолѣтія со времени окончанія Венгерской войны, въ которой приняла участіе Россія для того, чтобы спасти Австрію. Въ этой войнѣ принимали участіе Донскіе полки и батареи, находясь подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича. Въ числѣ этихъ Донскихъ силъ былъ № 45, полковника Якова Иванова Сычова. Полкъ этотъ находился въ отдѣльномъ отрядѣ генералъ-адъютанта П. Х. Граббе, на котораго возложено было охраненіе горныхъ городовъ Венгріи и западной Галиціи отъ вторженія туда инсургентовъ. Когда этотъ отрядъ находился недалеко отъ города Лоссонжа (Lossoncz), то отрядный начальникъ получилъ извѣстіе, что квартировавшая тамъ команда изъ Русскихъ офицеровъ и солдатъ, возвращавшаяся изъ Краковскаго госпиталя въ свои полки и команды, была перерѣзана инсургентами, которыхъ туда, будто-бы, призвали городскіе жители. Отрядъ направился наказать предательство и подступилъ къ Лоссонжу, который генералъ Граббе предполагалъ наказать; но фельдмаршалъ остановилъ это распоряженіе. Городъ однако сгорѣлъ; но сами ли разбѣжавшіеся жители зажгли его или это произвели ворвавшіеся туда солдаты и казаки— вопросъ не рѣшенный. Въ Лоссонжѣ былъ домъ графини Паулины Силаши (урожденной Фрейбургъ), изъ котораго исчезло много цѣнныхъ вещей, неизвѣстно куда подѣвшихся. Владѣтельница зáмка, жена императорско-королевскаго намѣстническаго совѣтника Іосифа Фонъ-Силаши, бывшаго въ ту пору въ отпускѣ, обратилась къ отрядному начальнику съ просьбой помочь ей въ отысканіи разграбленнаго имущества, и это ходатайство было причиною, что недостойное дѣло всплыло наружу. Обвиненіе пало на казаковъ Сычова полка, будто-бы похитившихъ всѣ драгоцѣнности Силаши и разгромившихъ ея зáмокъ. Происшествіе это въ скорости стало извѣстно на Дону, особенно въ Новочеркасскѣ, гдѣ о немъ разсказывалось на разные лады. Когда-же, по окончаніи войны, 45-й полкъ возвратился домой, то разсказы объ этомъ грабежѣ получили легендарный характеръ, благодаря отсутствію гласности и таинственности, которая окутывала въ ту пору всякое канце-

лярское производство. Разсказы о брилліантахъ разныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, жемчугахъ, золотыхъ и серебряныхъ вещахъ и даже бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, тканяхъ, появившихся въ Новочеркасскѣ и открыто употребляемыхъ, до того были подробны и съ виду вѣроятны, такъ какъ исходили изъ устъ очевидцевъ, что сомнѣваться въ ихъ справедливости было невозможно. Происхожденіе этихъ сокровищъ было относимо къ тому Венгерскому зàмку, который ограбленъ казаками Сычова полка. Хотя не съ такою свѣжестью и увлеченіемъ и не такъ часто, но все же довольно ярко сказанія эти, отъ времени до времени, повторяются до сихъ поръ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ почти полвѣка прошло, такъ онѣ тревожны для общественной совѣсти Донскаго населенія, возмущенной грязнымъ дѣломъ, не разъясненнымъ до сихъ поръ. Мы не намѣрены брать на себя обязанность выяснить истину дѣла и найти виновниковъ преступленія, такъ какъ многія обстоятельства покуда скрыты отъ публики; но, имѣя подъ руками нѣкоторые относящіеся сюда матеріалы, а главное—разсказы служившихъ въ 45 полку во время Венгерской кампаніи, можемъ дать хотя нѣкоторое освѣщеніе этому темному дѣлу, служащему тяжелымъ укоромъ.....прошедшему времени, до-реформеннымъ служебнымъ порядкамъ, тогдашней военной администраціи и военнымъ судамъ.

Въ записной книжкѣ графа П. Х. Граббе (бывшаго впослѣдствіи наказнымъ, а потомъ войсковымъ атаманомъ Войска Донскаго), напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 и 1889 годовъ, находимъ указанія, относящіяся къ разграбленію дома графини Силаши. Подъ 22 Іюля 1849 года, между прочимъ, значится: «Предательское нападеніе въ Лоссонжѣ на команду выздоровѣвшихъ, изъ Кракова ко мнѣ отправленныхъ; 8 офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Надъ этимъ городомъ виситъ строгая кара; иду на него». Далѣе, подъ 27 Іюля: «Жители преступнаго города бѣжали. Депутацію, недостойную, по своему составу, пріема, отослалъ. Я приказалъ объявить остальнымъ жителямъ, что въ открытыхъ лавкахъ будутъ покупать, запертыя взламывать и брать все даромъ. Городъ назначался къ сожженію, но ночью пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Нестеровъ съ предписаніемъ фельдмаршала, который другаго мнѣнія. Тѣмъ лучше. Глупая угроза фельдмаршала. Посмотримъ. День роковой. Я вовсе не имѣлъ намѣренія сжечь городъ, но страшное зарево пожара у меня теперь передъ глазами. Судьба его постигла. Кто зажегъ, неизвѣстно. Видѣли, увѣряютъ, жителей, которые сами бросали огонь въ домà. Солдатъ предпочитаетъ добычу, и батальонъ стоялъ на площади. Но есть и между ними бѣшеные, были и пьяные. Да будетъ воля Его! Для меня это—тяжкій день. Онъ вѣроятно не останется безъ непріятныхъ послѣдствій. До пожара я ѣздилъ

въ городъ, замѣтилъ безпорядокъ, далъ начальникамъ приказаніе прекратить и унять его, но предчувствовалъ случившееся». За симъ, подъ 2 Августа того-же года, въ томъ-же дневникѣ записано: «Постыдное дѣло въ казачьемъ полку. Похищенные бриліанты. Сегодня нарядилъ слѣдствіе, презусомъ г.-м. Быковскаго. Примѣръ необходимъ».

Постыдное дѣло это, постыдно начавшееся, постыдно продолжавшееся въ судебной волокитѣ пять съ половиною лѣтъ, ничѣмъ не кончавшееся, а всемилостивѣйшимъ манифестомъ императора Александра Николаевича въ 1855 году прекращенное, стоило, однако, жизни сотнику Галдину и уряднику Тимкову. Но не будемъ предупреждать показаній, заключающихся въ матеріалахъ, добытыхъ нами изъ записокъ частныхъ лицъ и устныхъ разсказовъ людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ.

Въ ночь съ 27 на 28 Іюля 1849 года загорѣлся городъ Лоссонжъ, по близкому сосѣдству съ которымъ стоялъ барскій домъ (нѣчто въ родѣ замка) графини Силаши, требовавшей отъ начальника Русскаго отряда людей для спасенія ея имущества. Помощь ей немедленно была оказана и состояла въ посылкѣ въ ея распоряженіе нѣсколькихъ солдатъ и казаковъ подъ начальствомъ уланскаго офицера Богдановича. Команда эта, забравъ изъ дома Силаши все, что было возможно, доставила разныя вещи къ начальнику отряда, который и передалъ ихъ по принадлежности. Одинъ изъ казаковъ, Бударинъ, возвратившись изъ этой командировки, разсказалъ уряднику своего № 45-го Сычова полка Тимкову, что онъ, Бударинъ, сквозь запертую стеклянную дверь, видѣлъ, будто-бы въ домѣ Силаши осталась одна комната, наполненная разными драгоцѣнностями, куда онъ не ходилъ, и предложилъ Тимкову, воспользовавшись пожарнымъ сполохомъ, отправиться туда ночью и поживиться. Но такъ какъ безъ разрѣшенія начальства этого было сдѣлать невозможно, то Тимковъ пошелъ за этимъ разрѣшеніемъ къ сотенному командиру Галдину и, не дойдя до него, встрѣтилъ полковника Сычова, которому и передалъ разсказъ, слышанный отъ Бударина. Полковникъ ему на это, по началу, ничего не отвѣчалъ; но когда Тимковъ отошелъ отъ него на нѣкоторое разстояніе, то Сычовъ возвратилъ-де его къ себѣ и приказалъ ему, взявъ съ собою казаковъ, бывшихъ въ домѣ Силаши, Бударина, Аксенова, Калмыкова и Кирсанова, отправиться въ ея замокъ, забрать тѣ вещи, о которыхъ говорилъ Бударинъ, и привезти ихъ къ нему, полковнику Сычову. Приказавъ этимъ людямъ приготовиться къ такой экспедиціи, Тимковъ получилъ отъ дежурнаго по полку, хорунжаго Калмыкова, пароль, который былъ необходимъ для проѣзда чрезъ цѣпь, окружавшую городъ во время пожара. Легко и скоро достигнувъ цѣли путешествія, команда, по ука-

занію Бударина, влѣзла въ окно дома Силаши, пробралась въ названную комнату, забрала оттуда разныя вещи и уложивъ ихъ въ *три* мѣшка, доставила въ туже ночь полковнику Сычову, который принялъ добычу въ свою палатку. Нѣкоторыя золотыя вещи Бударинъ оставилъ у себя и только утромъ другаго дня передалъ ихъ полковнику Сычову, который обѣщалъ дать командѣ за это по 4 рубля на каждаго; Австрійскіе-же цванцигеры казаки раздѣлили между собою по 17 штукъ на каждаго. Графиня Силаши немедленно принесла жалобу начальнику отряда, предписавшему сдѣлать тщательный розыскъ похищенныхъ вещей, коимъ генеральнаго штаба подполковн. Натъ составилъ списокъ, разосланный въ разныя войсковыя части, а въ томъ числѣ и въ Сычовъ полкъ. Составъ похищеннаго казаками имущества, по этому списку, таковъ: 1) деньги 100 гульденовъ, 2) 500 Венгерскихъ ассигнацій по 5 и 10 гульденовъ каждая, 3) 6 паръ серегъ, 4) 6 колецъ, 5) одни золотые часы съ цѣпью, украшеніе изъ ккораллов, брошь и серьги, 6) 3 браслета, 7) 5 шнурковъ жемчуга съ бриллiантовыми замочками, 8) пара брилліантовыхъ серегъ, 9) одна мантилья полосатая, темноголубая, шелкомъ подбитая, 10) одинъ черный атласный бурнусъ съ бѣлой атласной подкладкой, 11) одна сѣрая мантилья съ розовой шелковой подкладкой, 12) одно сѣрое путлиновое платье изъ тяжелой шелковой матеріи, 13) одна штука розовой матеріи, цѣною въ 100 гульденовъ, 14) серебрянный сервизъ на 24 персоны, 15) множество бѣлья съ мѣтками графини Силаши. Но этотъ списокъ далеко неполный, если сравнить его съ претензіями названной графини, заявленными впослѣдствіи.

Какъ только распространилась по лагерю вѣсть о томъ, что отрядный начальникъ принялъ близко къ сердцу жалобу графини Силаши, въ 45 полку было приступлено къ сокрытію слѣдовъ преступленія и поличнаго, равно и къ принятію мѣръ для того, чтобы, чтó называется, замять всю эту исторію. Ночью слѣдующаго дня, т. е. 28 Іюля, Тимковъ и Бударинъ будто-бы берутъ изъ командирской палатки вещи, сложенныя, вмѣсто трехъ, уже въ *одинъ* мѣшокъ и везутъ ихъ, по приказанію командира, обратно въ Лоссонжъ съ цѣлью бросить или въ огонь (пожаръ еще продолжался), или въ рѣку, чтò и исполняютъ на виду нѣкоторыхъ свидѣтелей; а сознаніе Тимкова, сдѣланное нѣкоторымъ офицерамъ, полковникъ Сычовъ, изъ желанія не наложить дурной славы на полкъ, а также пощадить Тимкова и Бударина (Георгіевскіе кавалеры), старается скрыть, совѣтуя офицерамъ повременить докладомъ о томъ отрядному начальнику. Но офицеры, не желая дурной славы, упадавшей на весь полкъ, слѣдовательно и на нихъ, а также считая необходимымъ, чтобы истинные виновники получили достойное ихъ поступка наказаніе, доложили о сознаніи Тимкова по на-

чальству, которое, какъ сказано выше, и распорядилось составить военно-судную комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Быковскаго. П. Х. Граббе отрѣшилъ полковника Сычова отъ командованія 45 полкомъ; но такъ какъ война скоро затѣмъ окончилась, и полкъ этотъ поступилъ въ непосредственное завѣдываніе походнаго атамана (сначала князя Бебутова, а потомъ генерала М. М. Кузнецова): то и Сычовъ получилъ свой полкъ обратно. Онъ возвратился съ нимъ сначала въ Варшаву, а потомъ, въ 1851 году, на Донъ, куда за нимъ послѣдовало и судное дѣло, поступившее въ Новочеркасскѣ на дальнѣйшее производство въ военно-судную комиссію, состоявшую при тогдашнемъ войсковомъ дежурствѣ (теперешній войсковой штабъ). Вмѣстѣ съ дѣломъ доставлены туда урядникъ Тимковъ и казаки Бударинъ, Калмыковъ, Аксеновъ и Кирсановъ.

Вышеприведенный разсказъ составленъ изъ обвиняющихъ полковника Сычова свѣдѣній, во всемъ однако сходныхъ между собою. Что-же касается источниковъ, оправдывающихъ его, то они сводятся къ тому, что нѣкоторые стоявшіе ночами 27 и 28 Іюля на часахъ у командирской палатки казаки отозвались, что они ничего не видѣли, а крѣпостной человѣкъ полковника Сычова, Яковъ,— что ничего къ палаткѣ Сычова никто не привозилъ и не увозилъ оттуда. Кромѣ того, очень важное обстоятельство, что при отдачѣ Сычовымъ Тимкову приказанія о привозѣ вещей никто не присутствовалъ, а потому показаніе этого урядника является-де голословнымъ.

Самъ Сычовъ категорически заявлялъ, что никакихъ по этому дѣлу приказаній Тимкову онъ не давалъ и никакихъ вещей отъ него не получалъ и слѣдовательно ему, впослѣдствіи, для уничтоженія не возвращалъ; при этомъ полковникъ будто-бы прибавлялъ, что Тимковъ и его команда, сознавшіеся въ своемъ преступленіи, такъ сказать, пристегнули его, Сычова, къ этому дѣлу въ цѣляхъ получить смягченіе наказанія, или же совершенное избавленіе отъ оного, будучи поощряемы къ тому нѣкоторыми офицерами полка, желавшими избавиться отъ него, Сычова, какъ строгаго и справедливаго начальника, и войсковымъ старшиною Кострюковымъ, который, за отрѣшеніемъ Сычова, какъ старшій въ чинѣ, принялъ бы въ командованіе 45 полкъ. Но всѣ офицеры отвергли заявленіе полковника Сычова; а Кострюковъ, кромѣ того, прибавилъ, что офицеры дѣйствительно были недовольны полковымъ командиромъ, но не за строгость его требованій въ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, а за сокрытіе отбитыхъ у непріятеля, подъ Кубиносомъ и Мартономъ, лошадей, которыя подлежали раздачѣ рядовымъ, потерявшимъ въ походѣ своихъ собственныхъ коней. Заявленіе полковника Сычова было впослѣдствіи поддержано поход-

нымъ атаманомъ Кузнецовымъ, который, представляя дѣло это фельдмаршалу Паскевичу въ концѣ 1849 года, совершенно обѣлилъ Сычова, возложивъ отвѣтственность на Тимкова и Бударина, а также на офицеровъ полка, особенно на Галдина и Сидорова, будто-бы скрывавшихъ отъ командира сознаніе Тимкова, вслѣдствіе чего и призналъ справедливымъ названныхъ рядовыхъ отдать подъ военный судъ, а Галдина и Сидорова перевести въ другіе полки. Фельдмаршалъ передалъ дѣло въ полевой аудиторіатъ, при чемъ предписалъ судить Тимкова и Бударина не арестованными и выяснить виновность Сычова. Названные нижніе чины были отданы подъ судъ при Варшавскомъ ордоннансъ-гаузѣ, откуда, за выкомандированіемъ 45 полка на Донъ, какъ они, такъ и дѣло о нихъ, препровождены въ Новочеркасскъ.

Комиссія военнаго суда, при бывшемъ войсковомъ дежурствѣ состоявшая, снова начала допрашивать обвиняемыхъ и отбирать письменныя показанія отъ полковн. Ната, уланскаго офицера Богдановича, генерала Дзерулева, П. Х. Граббе *) и многихъ другихъ лицъ, находившихся въ ту пору въ разныхъ углахъ Россіи. Подсудимые и всѣ офицеры полка остались при прежнихъ мнѣніяхъ, причемъ Тимковъ и Бударинъ добавили, что они сдѣланное ими не считали преступленіемъ, такъ какъ городъ Лоссонжъ былъ отданъ на разграбленіе и дѣйствительно былъ сожженъ и разграбленъ. Среди долго длившагося производства сотникъ Галдинъ умеръ отъ разрыва сердца въ одномъ изъ Варшавскихъ театровъ, еще до выхода 45 полка на Донъ, а главное лицо, отъ котораго «сыръ-боръ» загорѣлся, урядникъ Тимковъ, также внезапно умеръ въ Новочеркаскомъ войсковомъ госпиталѣ. Тимковъ поступилъ въ больницу 1-го, а умеръ 9-го Марта 1853 года. Донесено о томъ военно - судной комиссіи только 21-го числа того-же мѣсяца, и то въ отвѣтъ на запросъ комиссіи, а не прямо отъ больницы.

Разсказывали о патетической сценѣ, будто-бы происшедшей въ засѣданіи военно-судной комиссіи, гдѣ, на очной ставкѣ, Тимковъ началъ угрожать Сычову вознагражденіемъ въ будущей жизни; но презусъ Лазаревъ, памятуя требованія военной дисциплины, приказалъ обличителю умолкнуть.

Много было разговоровъ о загадочной смерти урядника Тимкова, этого, кромѣ Бударина, главнаго обвинителя своего начальника. Только въ Февралѣ 1855 года послѣдовало окончательное рѣшеніе военно-суд-

---

*) Граббе отвергъ показанія подполковника Ната, увѣрявшаго, что онъ получилъ отъ Павла Христофоровича приказаніе жечь и грабить Лоссонжъ; и генералъ Бергъ, при которомъ впослѣдствіи служилъ Натъ, призналъ сего послѣдняго невиновнымъ въ сожженіи и разграбленіи этого города.

ной комиссіи, которая, признавъ смягчающія обстоятельства, предположила: умершаго урядника Тимкова, судившагося не за грабежъ вещей, а за взваливаніе на полковаго командира своего ложнаго извѣта, за смертью подсудимаго, никакому наказанію не подвергать; Бударина лишить знака ордена св. Георгія, а казаковъ Калмыкова, Аксенова и Кирсанова наказать плетьми по 25 ударовъ каждаго и разослать по полевымъ полкамъ на службу безъ очереди. О полковникѣ Сычовѣ комиссія ничего не сказала, такъ какъ онъ былъ чиномъ старше презуса военно-судной комиссіи, полковника И. З. *Лазарева.*

Въ такомъ видѣ дѣло представлено на ревизію въ войсковое дежурство, возвратившее приговоръ обратно съ предписаніемъ опредѣлить виновность и полковника Сычова. Военно-судная комиссія, сославшись на существующій законъ, который запрещаетъ младшему обсуждать поступки старшаго, однако, исполнила приказаніе фельдмаршала Паскевича и основанное на немъ предписаніе войсковаго дежурства, сказавъ во второмъ своемъ рѣшеніи, что если улики, подтверждающія оговоръ, признаны будутъ достаточными къ подозрѣнію оговариваемаго, въ такомъ случаѣ онъ, Сычовъ, долженъ быть преданъ военному суду. Но кто же могъ опредѣлить степень достаточности уликъ, когда на каждомъ шагу стояли защитники начальства, да и сами подсудимые осуждены не за грабежъ, а за оговоръ своего начальника?

Осужденные не понесли однако никакого наказанія, такъ какъ подошли подъ всемилостивѣйшій манифестъ. Только Бударинъ, по особому Высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ знака ордена св. Георгія. Дѣло на томъ и закончено.

Неизвѣстно, получила ли графиня Силаши какое вознагражденіе за свои потери, хотя знающіе дѣло люди утверждали, что аппетитъ ея разгорѣлся, когда она освѣдомилась о начатіи уголовнаго дѣла, давшемъ ей поводъ заявить требованія въ огромныхъ размѣрахъ, охватившихъ всѣ ея убытки, происшедшіе отъ пожара въ Лоссонжѣ: даже претензіи ея служителей вошли въ общую цифру крупными суммами. Всѣхъ потерь своихъ она насчитала почти на 60 тысячъ гульденовъ конвенціонною монетою. Извѣстно, что ей возвращены съ дороги только тѣ Австрійскіе цванцигеры, которые подсудимые казаки раздѣлили между собою, по 17 штукъ на каждаго. Графиня, имѣвшая въ виду получить отъ Русскаго правительства крупную сумму заявленныхъ ею убытковъ сполна, сочла за насмѣшку, когда принесли къ ней эти, отобранные отъ казаковъ, цванцигеры и отослала ихъ обратно въ нашу армію; но Русскія войска въ ту пору уже вступали въ предѣлы отечества, и гроши эти ихъ не догнали. Въ числѣ похищенныхъ у Силаши вещей находились, по послѣдующему списку, три табакерки,

изъ которыхъ одна, золотая, имѣла на крышкѣ финифтевое изображенiе брата императора Франца I-го, эрцъ-герцога Александра-Леопольда. Эта вещь, или другая, весьма на нее похожая, фигурировала потомъ, спустя много лѣтъ, въ Новочеркасскѣ, въ одномъ изъ конкурсныхъ управленiй.

Нѣтъ надобности утомлять вниманiе читателя подробностями, относящимися къ дѣловой части разсказа, ибо онѣ, будучи любопытны для историка, описывающаго бывшiе служебные порядки, ничего не прибавятъ къ тому краткому экстракту, который приведенъ выше. Изъ этихъ подробностей, по существу дѣла, интересно только то, что, спустя нѣсколько времени послѣ происшествiя, Сычову кѣмъ-то была передана частная переписка между офицерами его полка, сама по себѣ ничего не значащая, но въ глазахъ командира возъимѣвшая значенiе комплота противъ начальства. Въ ней употреблено было выраженiе «общество» офицеровъ, и войсковой старшина Кострюковъ, отвѣчая на запросъ—чтó это за «общество» такое, т. е. не вредное ли, успокоилъ вопросителей, сказавъ, что существуетъ это выраженiе во всѣхъ полкахъ и общеупотребительно.

На нашей обязанности, за тѣмъ, лежитъ предать извѣстности тѣ разсказы современниковъ, которые, не имѣя за собою исторической, документальной достовѣрности, однако характеризуютъ нѣкоторыхъ участниковъ и бросаютъ свѣтъ какъ на событiя, сопровождавшiя описанный нами эпизодъ Венгерской войны, такъ и на послѣдствiя разграбленiя и сожженiя города Лоссонжа, послѣдствiя, не ускользнувшiя отъ вниманiя обитателей Донской области, а особенно города Новочеркасска. Къ этимъ разсказамъ мы и переходимъ.

—

Вскорѣ по возвращенiи Донскихъ полковъ изъ Венгрiи, въ одномъ домѣ, въ Новочеркасскѣ, былъ данъ вечеръ, на который приглашенъ и бывшiй въ ту пору наказнымъ атаманомъ М. Г. Хомутовъ. Съѣзжавшiеся гости, при входѣ въ знакомую гостиную, не могли не замѣтить довольно существенной перемѣны въ убранствѣ этой комнаты. Эта гостиная, ничѣмъ особеннымъ не отличавшаяся, теперь раздѣлена была на двѣ комнаты изящною перегородкою, на которой висѣла драпировка изъ Венецiанскаго бархата, покрытаго золотыми орлами иностраннаго происхожденiя. Съ большимъ любопытствомъ приглашенные на вечеръ разсматривали новинку, подобную которой можно было встрѣтить только въ царскихъ покояхъ или въ домахъ богачей, знакомыхъ съ Западною Европой. Слова удивленiя, восхищенiя и похвалъ, разумѣется, летѣли по адресу хозяйки, которая не могла не знать, что дѣло о пропажѣ вещей изъ Венгерскаго замка, а

также и розыски ихъ еще не окончены. Въ самый разгаръ такихъ пріятныхъ разговоровъ, на вечерѣ появился атаманъ и, увидѣвъ золотомъ расшитый бархатъ, наскоро поздоровался съ хозяевами и гостями, отвелъ въ сторону умную хозяйку и сказалъ ей:

— Пригласите гостей въ другую комнату подъ какимъ нибудь предлогомъ, а прислугѣ прикажите немедленно снять эту перегородку; она погубитъ васъ. Если вы сейчасъ же не исполните моего желанія, то я, не медля ни минуты, уѣду отсюда.

Гости, разумѣется, были приглашены въ залу, гдѣ имъ предложили чай; а перегородки въ гостиной, чрезъ полчаса, какъ будто не существовало. Вошедшіе затѣмъ туда гости были изумлены происшедшей метаморфозой. Дальнѣйшая судьба бархатной драпировки неизвѣстна.

—

Когда дѣло объ ограбленіи Венгерскаго замка прибыло изъ Варшавы въ Новочеркасскъ, то въ одномъ домѣ произошла слѣдующая сцена. Къ одному господину пріѣхалъ другъ, товарищъ и родственникъ, имѣвшій въ рукахъ большую шкатулку, и просилъ его приберечь ее до времени, пока все окончится, такъ какъ возможенъ обыскъ. Хозяинъ дома принялъ вещь и обѣщалъ сохранить ее до того часа, когда минетъ опасность. Сколько прошло времени, въ продолженіи котораго длилась опасность, неизвѣстно; только вскорѣ послѣ того, какъ наступило благополучное окончаніе, другъ пріѣзжаетъ къ другу, товарищу и родственнику, и между ними идетъ такой разговоръ:

— Слава Богу и добрымъ людямъ, все, братуша, кончилось благополучно.

— Ну, и слава Богу!

— Теперь давай же мою шкатулку.

— Какую шкатулку?

— Чтó я тебѣ привезъ на сохраненіе.

— Никакой я шкатулки отъ тебя, другъ любезный, не принималъ...

— Ну, пустяки... Шутки шутишь...

— Никакихъ шутокъ. У меня не было и теперь нѣтъ твоей шкатулки...

— Какъ-же такъ? Я же тебѣ лично вручилъ замкнутую шкатулку съ драгоцѣнными вещами... Вотъ и ключъ отъ нея...

— Повторяю тебѣ, что никакой шкатулки я отъ тебя не бралъ и прошу не путать меня въ это дѣло. Можетъ быть, кому другому отдалъ ее, не мнѣ только...

За симъ начались горячіе упреки, слезы, чуть не обмороки законнаго владѣльца интереснаго ларчика. Но благородный хранитель стоялъ на своемъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Очень долго про-

должался между друзьями споръ, окончившійся со славою для обоихъ честныхъ борцовъ: порѣшено было раздѣлить содержимое шкатулки по равной части. Что́ именно поступило въ обладаніе каждаго изъ нихъ, разумѣется, осталось извѣстнымъ только имъ однимъ, хотя, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, табакерка съ портретомъ како-то иностраннаго принца была продана конкурснымъ управленіемъ, учрежденнымъ надъ потомкомъ «хранителя» шкатулки, какому-то Еврею, нажившему на ней, какъ на рѣдкости, порядочный кушъ въ одной изъ столицъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ «миновала опасность», на балу, бывшемъ по какому-то случаю въ залѣ Новочеркасскаго дворянскаго собранія, обращено было особенное вниманіе публики на двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна была замужняя, а другая дѣвица. Заслужили онѣ это особое вниманіе ничѣмъ инымъ, какъ множествомъ вывѣшенныхъ на нихъ разноцвѣтныхъ бриллiантовъ (были даже и черной воды), жемчуга и кораллов. Семейство, къ которому эти молодицы принадлежали до того, было только зажиточно, но отнюдь не богато; а потому дорогія украшенія, неизвѣстно откуда появившіяся, изумили всѣхъ. Нашлись храбрецы, которые, высказавъ свои похвалы небывалымъ по богатству и рѣдкости украшеніямъ, дерзнули спросить — гдѣ куплены такія прекрасныя вещи. Старшая сестрица, не запнувшись, отвѣчала: «это — папаша заслужилъ». На бриллiантовомъ колье другой сестры виднѣлась графская корона, и одна дама-старушка, хорошо знакомая съ происхожденіемъ этихъ вещей, подойдя къ дѣвицѣ, сказала ей, разумѣется, на ухо: «ужъ хоть бы коронку-то срѣзали!»

Бриллiанты эти долго фигурировали затѣмъ въ Новочеркасскѣ, болтаясь на разныхъ шеяхъ и украшая разныя уши. Часть ихъ, какъ говорили потомъ, отошла въ благодарность разнымъ «добрымъ людямъ», очутившись даже въ Варшавѣ; часть отдана вкладомъ на церкви, а большая половина дошла по наслѣдству до разныхъ законныхъ и другихъ наслѣдниковъ и почти исчезла съ горизонта. «Рѣка временъ въ своемъ стремленьи уноситъ всѣ дѣла людей»...

—

Разсказываютъ, что одинъ Донской полковникъ, желая уколоть своего младшаго по чину, но ставшаго ему начальникомъ, товарища, въ рапортѣ къ нему по какому-то служебному дѣлу, позволилъ себѣ употребить такое выраженіе: «по храбрости, свойственной вашему превосходительству въ мирное время». Такихъ храбрыхъ «въ мирное время» начальниковъ имѣлось немалое число, и объ одномъ изъ нихъ, особенно выдающемся по своей такой храбрости, находящійся еще и теперь въ живыхъ офицеръ, бывшій въ Венгерской кампаніи, разска-

зываетъ слѣдующее: «Командиръ нашъ всегда храбрился передъ нами и нижними чинами, распекалъ насъ и ругалъ отборными словами «извѣстнаго» происхожденія. Но какъ только, бывало, послышатся непріятельскіе выстрѣлы, командиръ тотчасъ улепетываетъ въ вагенбургъ для отдачи тамъ, въ тылу, какихъ-нибудь пустячныхъ приказаній, или въ отдаленную сотню для того, чтобы лично-де привести ее на мѣсто открывшейся перестрѣлки. А какъ только стихнетъ бой, онъ появляется въ первой линіи полка и, размахивая обнаженною шашкою, снова начинаетъ храбриться, распекая офицеровъ и ругая казаковъ за разныя мелочныя упущенія. Однажды, по окончаніи небольшой стычки, казаки привели одного плѣннаго Венгерца, у котораго мы отобрали оружіе. Плѣнникъ оказался очень разговорчивымъ молодымъ человѣкомъ (родомъ Полякъ). Мы сопровождали его съ товарищемъ-офицеромъ къ полковой ставкѣ, чтобы тамъ сдать куда слѣдуетъ. Откуда ни возьмись, нашъ полковой командиръ, верхомъ на лошади, препоясанный широкимъ кинжаломъ. Въ перестрѣлкѣ онъ не былъ, разгуливая гдѣ-то на «задахъ». Подъѣзжаетъ онъ къ намъ и спрашиваетъ, чтó это за человѣкъ, котораго мы сопровождаемъ... Когда мы отвѣчали ему, что ведемъ плѣннаго, командиръ немедленно соскочилъ съ лошади, подошелъ къ плѣнному юношѣ, во мгновеніе ока выхватилъ кинжалъ и пырнулъ имъ въ грудь несчастному... Полякъ умеръ, не успѣвъ свалиться на землю: кинжалъ храбраго «въ мирное время» командира угодилъ ему прямо въ сердце. Мы въ одинъ голосъ вскрикнули: «Полковникъ, чтó вы дѣлаете?» и бросились къ убитому, который не вымолвилъ ни слова и закрылъ глаза, а кровь, какъ изъ кабанá, журчала изъ его груди. Храбрый полковникъ, вытирая о траву кинжалъ, закричалъ намъ хладнокровно: «этихъ мерзавцевъ *иишо* въ плѣнъ брать! Измѣнники, такіе-сякіе». Никогда я не забуду, добавилъ офицеръ, добродушнаго выраженія на лицѣ юноши, погибшаго такою ужасною смертью, и звѣрства начальника, которому позавидуютъ любые Азіаты».

Разсказъ этотъ приведенъ здѣсь для характеристики дѣятелей неповинныхъ, не запятнанныхъ, достойныхъ всякаго уваженія и самаго утонченнаго заступничества.

А. Карасевъ.

Новочеркасскъ, 22 Ноября 1894 г.

ВЫСЫЛКА И. С. ТУРГЕНЕВА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Два письма графа А. Ѳ. Орлова къ министру народнаго просвѣщенія П. А. Ширинскому-Шихматову.

I.

Милостивый государь князь Платонъ Александровичъ!

Въ Февралѣ мѣсяцѣ жительствующій въ Петербургѣ помѣщикъ Орловской губерніи Иванъ Тургеневъ написалъ статью объ умершемъ въ Москвѣ литераторѣ Гоголѣ и желалъ помѣстить оную въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Какъ Тургеневъ въ этой статьѣ отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣрно пышныхъ, то попечитель С.-Петербургскаго Округа не дозволилъ печатать оную. Тургеневъ же вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и тамъ, при содѣйствіи почетнаго гражданина Боткина и кандидата ***, напечаталъ статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ.»

Государь Императоръ, по моему всеподданнѣйшему докладу о семъ, собственноручно написать соизволилъ: «За явное ослушаніе посадить его (Тургенева) на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ; а съ другими предоставить графу Закревскому распорядиться по мѣрѣ ихъ винъ».

Сдѣлавъ по исполненію таковой Монаршей воли надлежащее распоряженіе, неизлишнимъ нахожу увѣдомить о семъ ваше сіятельство.

15 Апрѣля 1852.

II.

Высланный въ 1852 году, по высочайшему повелѣнію, на родину, въ Орловскую губернію, коллежскій секретарь Тургеневъ обратился ко мнѣ съ просьбою, въ которой выражалъ чистосердечное раскаяніе въ своей винѣ и объяснялъ разстроенное положеніе своего здоровья, необходимо требующаго совѣщанія съ опытными врачами въ столицѣ. Онъ испрашиваетъ себѣ всемилостивѣйшаго прощенія съ дозволеніемъ возвратиться въ Петербургъ.

По всеподданнѣйшему моему докладу о сей просьбѣ Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на оную, съ тѣмъ чтобы за коллежскимъ секретаремъ Тургеневымъ продолжаемъ былъ здѣсь строжайшій надзоръ.

16 Ноября 1853.

(*Выписано изъ дѣлъ канцеляріи бывшаго III-го Отдѣленія, № 86, и сообщено въ «**Русскій Архивъ**» покойнымъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ*).

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ А. А. МАРТЫНОВА.

I.

Плата за обученіе грамотѣ.

1678 г.

Представляемъ образчикъ скромнаго требованія за ученіе грамотѣ, съ которымъ обратился дьячекъ Александръ Ивановъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу въ 1678 году.

Царю, государю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу бьетъ челомъ и являетъ богомолецъ твой, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что̀ на Красной площади, дьячекъ Александръ Ивановъ, на Кадашевца на иконника на Григорья Ильина сына Басова.

Въ прошломъ, государь, во 186 (1678) году отдавалъ онъ Григорей мнѣ богомольцу твоему двухъ сыновъ своихъ да племянника учить словесному, и они у меня богомольца твоего выучились азбукѣ, и дѣти его одинъ выучилъ вечерню, а другой полунощницу. Да ему-жъ Григорью переплеталъ я, богомолецъ твой, Псалтирь, а по уговору ряжено было отъ переплету шесть алтынъ четыре деньги; и онъ Григорей мнѣ богомольцу твоему за ученіе и за переплетъ денегъ ничего не давывалъ, а взять мнѣ на немъ Григорьѣ двадцать три алтына двѣ деньги. И въ нынѣшнемъ, государь, въ 187 году Іюля въ 11 день пришелъ я богомолецъ твой къ нему Григорью къ воротамъ за работу прошать денегъ, и онъ Григорей столкалъ меня на чужой дворъ и билъ съ дѣтьми своими смертнымъ боемъ при многихъ людяхъ. И я богомолецъ твой съ того времени и по сіе время съ него Григорьевыхъ побой оправиться не могу, и впредъ онъ Григорей съ дѣтьми своими похваляется на меня богомольца твоего смертнымъ боемъ. Милосердый государь, царь великій и князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня богомольца своего: вели, государь, челобитье мое и явку записать, чтобы мнѣ богомольцу

*) Двор. Арх. 2 разряда, столбецъ № 160, годъ 187.

твоему отъ него Григорья съ дѣтьми напрасно убиту не быть и въ конецъ не погибнуть; царь государь, смилуйся!

Дѣло это Августа 2-го 1678 года передано окольничему Өедору Прокоөьевичу Соковнину, да дьякамъ Ивану Яковлеву, да Корнилу Петрову.

II.

Поѣздъ царевны.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1698 года государыня царевна и великая княжна Наталья Алексѣевна (младшая и любимая сестра Петра I) пожелала отправиться къ церкви святыхъ Адріана и Наталіи, въ 1-й Мѣщанской, и въ село Преображенское. Для этого «походу», по указу великаго государя, велѣно изготовить великой государынѣ, царевнѣ и великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ карету выходную, большую, черную; въ ней станица вороная, большая Нѣмецкая; у той кареты прикащики Дмитрій Ростопчинъ, Борисъ Скребетовской; возницы, стряпчіе, конюхи: Өедоръ Ушаковъ, Матвѣй Нофиновъ. Съ приступомъ задворные: Илья Ждановъ, Алексѣй Татариновъ; у солнышника [1]): Тимоөей Нелюбовъ, Григорій Товарыщевъ, Остаөей Горловъ, Петръ Козловскій. У заступки стряпчихъ, конюховъ два человѣка, стадныхъ два человѣка.

Да за тою же каретою двѣ кареты приказныхъ съ окончиками, постельный возокъ, да казенной рыдванъ четвертками, и въ томъ числѣ въ одной каретѣ четыре лошади приказныхъ, а въ другой каретѣ и въ постельномъ возку и въ казенномъ рыдванѣ новокупленныя Макарьевскія лошади изъ Остожья, 2 кареты боярскихъ, да 2 возка, крестовой, да запасной; 2 телѣги, одна съ кровлею подъ креслы, другая подъ постельную скамью, да солнышная телѣга двойками.

И того въ томъ походѣ стоялыхъ съ приказными 12 Макарьевскихъ, 12-же подъемныхъ въ каретахъ и въ возкахъ и въ телѣгахъ и конюшеннаго чину подъ людьми 24, всего стоялыхъ и Макарьевскихъ и подъемныхъ, опричь прикащиковыхъ, 48 лошадей.

И Августа противъ 28-го числа, за полтора часа до свѣту, выходная карета и приступъ и солнышникъ пришли на аргамачью конюшню, а крестовый возокъ остался на аргамачьей-жъ конюшнѣ, и въ походъ его не спросили.

А прикащикъ Дмитрій Ростопчинъ сказалъ: въ вышеписанной-же выходной каретѣ отъ церкви Адріана и Наталіи изволила придти великая государыня, царица Параскевія Өеодоровна, а великая-же государыня, царевна Наталія Алексѣевна, послѣ всенощнаго, изволила идти въ Преображенское въ приказной каретѣ [2]).

---

[1]) Вѣроятно особаго рода зонтикъ, и для него была телѣга, какъ видно ниже.

[2]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр. столбецъ № 107, годъ 206.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ.

Въ Москвѣ считается около 220 приходскихъ церквей, а такъ какъ въ самыхъ храмахъ и на погостахъ церковныхъ хоронили усопшихъ прихожанъ, то слѣдовательно въ первопрестольной столицѣ въ старину было и кладбищъ болѣе двухсотъ.

Петру I не нравилось, что въ Москвѣ при церквахъ и монастыряхъ надгробные камни лежатъ сверхъ земли, такъ что препятствуютъ въ хожденіи при церковныхъ церемоніяхъ; да и безобразіемъ онъ считалъ для церкви такіе камни. Посему указомъ 12 Апрѣля 1722 года Государь приказалъ „надгробные камни при церквахъ и въ монастыряхъ опускать вровень съ землею, подписи на камняхъ дѣлать сверху; которые же камни неудобно такъ размѣстить, употреблять ихъ въ строеніе церковное".

Въ 1723 г. 10 Октября Государь приказалъ, чтобы въ Москвѣ и во всѣхъ прочихъ городахъ тѣла умершихъ были погребаемы только знатныхъ персонъ, а прочихъ похоронять въ монастыряхъ и при городскихъ церквахъ внѣ города *).

Указомъ 1771 г. Марта 24, въ видахъ прекращенія въ Москвѣ чумы, для погребенія умершихъ отъ заразныхъ болѣзней отведены были особыя за городомъ мѣста, а для погребенія умершихъ „натуральною смертью" назначены отдаленныя отъ среды города церкви и монастыри, при прочихъ же церквахъ и монастыряхъ похоронять совсѣмъ запрещено.

Все вышеписанное и было причиною, что надгробная лѣтопись Москвы стала быстро исчезать, а камни, особенно древніе и старые, были мало по малу употребляемы на постройки, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожались и показанія историческія, иной разъ важныя и любопытныя.

Сохранившіяся до настоящаго времени надписи, въ свою очередь, не остаются неприкосновенными: подписи на стѣнахъ наружныхъ или заштукатуриваются, или закрашиваются до невозможности ихъ прочитывать; а находящіяся внутри, сплошь со стѣнами, или обшиваются деревянными панелями, или обиваются сукномъ, такъ что изъ числа списанныхъ нами надписей, нѣкоторыя уже уничтожены.

А. Мартыновъ.

---

*) См. Исторія Москов. Епарх. управленія, соч. Н. П. Розанова, часть 1, стр. 102, Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы И. Е. Забѣлина часть 2, отд. 9 и 10.

Въ Кремлевской церкви св. благовѣрныхъ царей Константина и Елены, что̀ подъ горою на Подолѣ.

1) „1729 года Апрѣля 20 дня въ седьмомъ часу по полунощи преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора протодіакона Ѳедора Борисова супруга его Акилина Иванова дочь, житія ея 28 лѣтъ, и погребена противъ сей надписи“.

2) „ 1739 году Генваря противъ 14 числа, въ 10 часу по полудни, на память святыхъ мученикъ Ермила и Стратоника, преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора ключарь іерей Алексѣй Яковлевичъ, а священнослуженія его было діакономъ 4 года, священникомъ 19 лѣтъ, ключаремъ былъ 2 года; а всего житія его было 42 года, тезоименитство его Февраля 12 дня, погребенъ противъ сего знака, ему же да будетъ вѣчная память“.

3) „1745 года Генваря 21 дня, преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора протопресвитеръ Никифоръ Иванычъ, по полуночи въ 11 часу; а протопресвитеромъ былъ 12 лѣтъ, тезоименитство его Іюня 2 дня, житія его было 51 годъ; при немъ матерь его Ирина Осипова въ 744 году въ Іюнѣ 24 числѣ, тезоименитство ея Апрѣля 16 числа. И погребены противъ сей таблицы, имъ же буди вѣчная память.“

4) „1746 году Августа 24 дня, преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора протопресвитера Никифора жена его Пелагея Ѳедорова дочь, а житія ея отъ роду было 50 лѣтъ, и погребено тѣло ея противъ сей таблицы“.

5) „1746 году Мая 21 дня, преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора ключаря Іоанна Алексѣевича супруга его Евдокія Петрова, житія ея было 36 лѣтъ, тѣло ея подъ симъ камнемъ“.

6) „1746 году Апрѣля 11 числа, по полудни въ 11 часу въ нощи, преставися раба Божія Архангельскаго собора протоіерея Семена Алексѣева супруга его Марія Ѳеодорова, житія ея было 23 года и 10 дней, тезоименитство ея было Апрѣля 1 числа, погребена подъ симъ камнемъ противъ сей таблицы, подлѣ матери своей протодіаконицы Акилины Ивановой“.

7) „1764 году Февраля 2 дня преставися рабъ Божій діаконъ Алексѣй Аѳонасьевъ, который служилъ въ селѣ Троицкомъ, его тѣло погребено въ Москвѣ, по случаю на семъ мѣстѣ, житія его было 80 лѣтъ“.

8) „1732 лѣта Октября 12 дня, успѣ о Господѣ раба Божія Софія, супруга бывши Мины Петрова ключаря Успенскаго великаго собора, отъ рожденія своего въ 42 лѣто, ея же здѣ тѣло положися, душу же ея Господь да упокоитъ въ небеси со св. ангелами“.

9) „1723 году Апрѣля въ 20 день преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Евдокимовъ и погребенъ при сей надписи, а житія его 64 лѣта; да здѣсь же погребенъ отецъ его Евдокимъ Ѳедоровъ, да дочь его Гликерія“.

10) Лѣта 7198 году Божіимъ изволеніемъ преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора діаконъ Іоаннъ Алимпіевъ сынъ, мѣсяца Декабря во 2 день".

Въ церкви Срѣтенія св. мощей благовѣрнаго князя Михаила и боярина его Θеодора Черниговскихъ чудотворцевъ, что̀ подъ Боромъ.

Церковь эта находится въ одной мѣстности съ Ивановскою.

На южной наружной стѣнѣ:

1) „1730 г. Марта въ 23 день на память св. преподобнаго мученика Никона и дву сту ученикъ его съ нимъ мучившихся, преставися раба Божія дому лейбъ-гвардіи коннаго полка поручика . . . . Дмитріевича Ржевскаго, служителя его Филиппа Θеодорова, жена его Анна Кирьякова дочь, а отъ рожденія поживе 33 года и 2 мѣсяца и погребена на семъ мѣстѣ".

На восточной наружной стѣнѣ:

2). . . . . что́ у Крымскаго двора .. . . . жена его Θеодора Емельянова, а житія его было 30 лѣтъ, 1737 года Мая 22 дня. Въ той же день самой Пятидесятницы случия въ Москвѣ большой пожаръ, отъ того пожара въ Суровскомъ ряду задохнулся рабъ Божій Мартынъ у жены, что́ у Крымскаго двора купецъ...

Въ церкви Обыденной св. великомученицы Анастасіи Узорѣшительницы, что у поля на житной площадкѣ, что̀ у мучнаго ряда, у Охотнаго ряда, за Неглинной.

Упразднена въ 1793 году.

На бывшемъ погостѣ этой церкви, противъ дома Россійскаго Благороднаго Собранія, при рытіи земли для прокладки газовыхъ трубъ, найдена плита со слѣдующею надписью. „Лѣта 7206 г. Августа 9 преставися рабъ Божій, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что́ у великаго государя на сѣняхъ, пономарь Тихонъ Осиповъ сынъ".

Въ церкви Святителя Николая у Красныхъ Колоколъ, Красные Колокола, Красный Звонъ, въ Посольской улицѣ, у мосту.

На погостѣ: 1) „На семъ мѣстѣ погребено тѣло усопшаго окольничаго Алексѣя Прокопьевича Соковнина, скончавшагося 7106 г. Марта 16 дня. На другой сторонѣ камня: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло".

Въ церкви Зачатія Св. Анны у городовыя стѣны, въ углу Китай-города, за Солянымъ рядомъ, у тюремъ, у Стараго Татарскаго подворья, въ Зарядьѣ, на берегу.

На алтарной стѣнѣ: 1) „1740 г. Марта 4 дня на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Іордани, сей Божіей церкви преставися рабъ Божій священно-іерей Ѳеофилактъ Артемьевъ сынъ, а житія его на семъ свѣтѣ 55 лѣтъ было и погребенъ противъ сей таблицы".

На церковномъ погостѣ на каменныхъ плитахъ, бывшихъ прежде въ стѣнахъ церкви: 2) „1730 г. Августа въ 9 день, на память Св. Апостола Матѳія, преставися рабъ Божій Сибирской губерніи ландихтеръ Иванъ Лукинъ Чепелевъ, а житія его было 82 г. 5 мѣс. и 3 недѣли, и погребено тѣло его противъ сей подписи".

3) Лѣта 7207 г. „Іюля въ 10 день, на память св. 45 мучениковъ, иже въ Никополѣ, преставися рабъ Божій гостиныя сотни Алексѣй Тимофеевъ сынъ Креховъ, а житія его 23 лѣта и 5 мѣсяцевъ".

4) „1713 г. Апрѣля въ 19 день, на память преподобнаго отца нашего Іоанна Ветхопещерника, преставися рабъ Божій гостиныя сотни Гавріилъ Тимоѳеевъ сынъ Креховъ, а житія его было на семъ свѣтѣ 52 лѣта, 3 недѣли и 2 дня.

Въ западной стѣнѣ: 5) „Родъ Андрея да Тимоѳея Тихоновыхъ дѣтей Креховыхъ. Лѣта 7191 г. Апрѣля въ 4 день, преставися раба Божія Наталія, жена Семена Иванова, тогожде года Апрѣля во 2 день преставися раба Божія Ирина жена Тимоѳея Крехова, 192 г. Генваря въ 4 день преставися рабъ Божій Іоаннъ Андреевъ сынъ Креховъ да сынъ Петра Іосифъ, и погребены подъ сею папертью".

На погостѣ церковномъ находится камень, попорченный временемъ; на немъ можно было прочесть слѣдующее:

„Лѣта..... году Декабря противъ 28 числа..... На память въ Никомидіи двѣ тмы мученикъ сожженыхъ..... путемъ яко же...... Богу...... ныхъ.

Раби бысть князя Іоанна Андреевича.....
Михаила отъ разбойникъ.....
И за то дабы Господь не лишилъ небеснаго чертога..
Купно же и жена его Евдокія отъ тѣхъ же злодѣевъ
Копіемъ прободена.....
Оба вкупе конецъ себѣ пріясте и души свои во единъ
Гробъ положиста .... прозваніемъ Раловъ".

Въ церкви Святителя Николая Мокраго въ Зачатской улицѣ, что у Москворѣцкихъ воротъ, въ Китаѣ городѣ.

Въ подвальномъ помѣщеніи:

„1750 года Іюня 23 дня преставися раба Божія статскаго совѣтника Ивана Иванова сына Топилскаго супруга Пелагея Тимоѳеевна дочь, и погребена противъ сего подписанія.

Въ церкви Софіи Премудрости Божія Слова, на Софіевкѣ, на Лубянкѣ, у Пушечнаго двора.

Въ трапезѣ, нынѣ сломанной:

1) „1680 года Декабря 7 дня, преставися рабъ Божій думный дворянинъ Іоакинѳъ, зовомый Василій Яковлевичъ Дашковъ, и погребенъ противъ сей таблицы".

2) „1725 года Декабря 21 дня преставися рабъ Божій стольникъ Іоаннъ Андреевичъ Большой Дашковъ, житія его было 97 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ".

3) „1733 года Марта 24 дня погребено тѣло раба Божія титулярнаго совѣтника Алексѣя Ивановича Мошкова".

4) „1753 года Апрѣля 27 дня погребено тѣло рабы Божіей дѣвицы Елисаветы Ивановны Астафьевой".

Въ церкви Усѣкновенія Главы Св. Іоанна Предтечи въ Новой улицѣ, что̀ на Лубянкѣ.

Внутри на стѣнахъ:

1) „Лѣта 7201 (1693) года Марта 2 дня во 2 часу дня, на память святыхъ мучениковъ Савина и Папы, преставися раба Божія князя Алексѣя Алексѣевича жена его княгиня Дарья Ѳедоровна и погребена противъ сей надписи".

2) „Отъ Адама 7205, отъ Христа 1697 года Августа 23 дня, на память святаго мученика Луппа, преставися раба Божія думнаго дворянина Ивана Петровича Савелова жена его Пелагея Кипріяновна, и положено тѣло ея въ сей палаткѣ".

3) „Въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 Генваря 24 дня въ 1 часу нощи преставися раба Божія княжна Елена, дѣвица, дщерь князя Михаила Никитича Львова, была отъ рожденія 31 года и 9 мѣсяцевъ и 11 дней и погребена противъ сего надписанія".

4) „Въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 Мая 20 дня, на память святыхъ мученика Фалалея, преставися раба Божія княгиня Неонила Ерофеевна, жена князя Михаила Никитича Львова".

5) „Лѣта отъ рождества Христова 1715 Генваря 15 дня преставися раба Божія княгиня Анастасія Васильевна жена князя Якова Степановича Львова, погребена противъ сей таблицы".

6) „1722 года Февраля 25 дня, на память святаго архіепископа Порфирія Газскаго, пополудни во 2 часу, преставися рабъ Божій князь Яковъ Степановичъ Львовъ, житія его 67 лѣтъ 13 дней и погребенъ противъ сей надписи".

7) „1722 года Сентября 22 дня, на память преподобнаго Киріака отшельника, преставися раба Божія княгиня Анна Ивановна, жена князя Сергія Яковлевича Львова, житія ея было 37 лѣтъ и 3 мѣсяца, и погребена противъ сей таблицы; при ней погребена дщерь ея княжна Анна Сергѣевна, житія ея было 5 дней".

8) „1727 года Марта 25 дня по полудни въ 10 часу преставися раба Божія, дщерь князя Якова Степановича Львова, жена была оберъ-директора Дмитрія Ѳедоровича Потемкина Наталія Яковлевна, отъ роду было 33 года 7 мѣсяцевъ и 6 дней и погребена противъ сей таблицы".

9) „1736 года Генваря 31 дня по полуночи въ 1 часу, на память чудотворцевъ Кира и Іоанна, преставилася раба Божія дѣвица княжна Марія Алексѣевна, дщерь князя Алексѣя Яковлевича Львова, житія ея было 20 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 4 дня, погребена противъ сей надписи".

10) „1736 года Апрѣля 4 дня, пополудни въ 3 часу, на память преподобнаго отца нашего Іосифа Пѣснопѣвца, преставился рабъ Божій тайный совѣтникъ Петръ Артемьевичъ Лобковъ, житія его было 75 лѣтъ 3 мѣсяца и 21 день; погребенъ противъ сего надписанія".

11) „1741 года Августа 24 дня, въ 5 часовъ дня, преставилася раба Божія княгиня Анна Ивановна, жена князя Алексѣя Яковлевича Львова, житія ея было 71 годъ и погребена противъ сей надписи".

12) „1748 года Октября 3 числа, по полунощи во 2 часу на память святаго священномученика Діонисія Ареопагита преставился рабъ Божій подпоручикъ Василій Петровичъ Лобковъ; родился 1724 года Апрѣля 8 дня, тезоименитство его было того жъ мѣсяца 12 числа, житія его было 24 года, и погребено тѣло его противъ сей таблицы между гробовъ родителей его".

13) „1750 года Декабря 18 дня, преставися раба Божія надворнаго совѣтника князя Алексѣя Яковлевича Львова, жена его княгиня Агриппина Ѳедоровна, житія ея было 41 годъ 7 мѣсяцевъ и 5 дней и погребена противъ сей надписи".

14) „Родъ князей Лыковыхъ и Оболенскихъ, окольническихъ, князя Ивана Ѳедоровича Воинцова, инокъ Іоаннъ, княжна Агафія Ѳедоровна, княгиня Марія Ѳедоровна, княгиня Ирина Алексѣевна. 1752 года Апрѣля 2 дня, преставился окольничій Алексѣй Алексѣевичъ".

15) „1753 года Февраля 13 дня пополудни въ 4 часу, на память преподобнаго отца нашего Мартына Исповѣдника, преставилася раба Божія Ксенія Дмитріевна, жена коллежскаго совѣтника Петра Артемьевича Лобкова".

16) „1759 года Марта 25 дня по полуночи въ 1 часу преставися раба Божія Марія Зотовна, коллежскаго совѣтника жена Андрея Степановича Боева, житія ея было 52 года, погребена противъ сей надписи, при гробѣ матери своей Ксеніи Дмитріевны Лобковой".

17) „1762 года Мая 19 дня по полуночи въ 8 часовъ, на память святаго священномученика Патрикія епископа Прусскаго и дружины его и преподобнаго отца нашего Корнилія Комельскаго чудотворца, преставилася раба Божія Елисавета Петровна, артилеріи поручика жена Андрея Михайловича Чагина, а въ супружествѣ была 1 годъ 3 мѣсяца и 5 дней, погребена того жъ Мая 20 дня противъ сей надписи".

18) „1767 года Сентября 20 дня по полудни въ 11 часовъ преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи коннаго полка ефрейторъ, капралъ Петръ Дмитріевичъ Лобковъ, житія его было 15 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ и погребенъ подъ симъ знакомъ".

(*Продолженіе будетъ*).

Статьи помѣщенныя въ журналахъ не-историческихъ. 1895 годъ.

Люди кабальныя и докладные. Н. Павлова-Сильванскаго. „Ж. М. Н. Пр.“ Январь.

По поводу изданныхъ въ 1894 году Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597, 1599 и 1600 годовъ (XV т. Русской Исторической Библіотеки) авторъ обстоятельно разбираетъ вопросъ объ отношеніи кабальныхъ къ докладнымъ, подвергая критикѣ взгляды В. О. Ключевскаго и В. И. Сергѣевича.

Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи. С. А. Адріанова. Ж. М. Н. Пр. Январь.

Указавъ на важное значеніе „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій (т. XII и XIV Русской Истор. Библ.), авторъ тщательнымъ анализомъ одной грамоты 1592 года доказываетъ, что гипотеза о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, царскими указами 1584 и 1592 годовъ, ослабленная уже трудами Погодина, Ключевскаго и Дьяконова, должна быть оставлена.

Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. П. А. Кулиша. „Русское Обозрѣніе“ Январь.

Обстоятельное изслѣдованіе извѣстнаго знатока Малоруссіи и Польши. Самою зловѣщею для Польши чертою казацкаго буйства—это то, что противниковъ своихъ, даже Русскихъ и православныхъ, казаки считали за „Пановъ-Ляховъ“, иначе „бісовъ-Ляховъ“. Будучи сами ополячены до потери симпатій къ великому православному свѣту, они тѣмъ не менѣе отрицали господство Ляха на древней Русской почвѣ. Подвизаясь во славу своего казацкаго имени и своего Запорожскаго войска, они управлялись только инстинктомъ разрушенія; но своей дикой ненавистью къ панамъ и Ляхамъ указывали на слабую сторону Польской общественности, и именно—ея *разновѣріе*, отдѣлившее дворянъ отъ простонародья и ея *разноплеменность*, отвергавшую Русскій элементъ ради Польскаго.

Первое время послѣ Петра Великаго. Ѳеофанъ, Аврамовъ, Кантемиръ, Татищевъ. Первые начатки Русскаго псевдо-классицизма. **А Н. Пыпина.** „Вѣстн. Европы“ Январь.

Служитъ продолженіемъ ряда статей въ томъ же журналѣ за 1894 годъ. Достоинства и особенности работъ А. Н. Пыпина достаточно извѣстны.

Онъ утверждаетъ, что образовательное движеніе той эпохи не было собственно созданіемъ Петра, но лишь получило могущественную опору въ его дѣйствіяхъ. Задатковъ новой литературы надо искать въ теченіи, представителемъ коего былъ Ѳеофанъ и которое развилось изъ Кіевской школы. За все время царствованія Петра мы не находимъ почти ни одного проявленія собственно-литературнаго интереса. Продолжается таже старая письменность, полемика заключается все еще въ рукописныхъ сочиненіяхъ. Даже Кантемиръ во многихъ отношеніяхъ принадлежитъ еще къ старому времени; сатиры его напечатаны лишь въ 1762 году, а современникамъ онъ извѣстенъ былъ лишь „Симфоніей“ на Псалтырь (1727) и переводомъ Фонтенеля (1740). По мнѣнію г. Пыпина, и Петровская ре-

форма и продолженіе ея являются нормальнымъ развитіемъ Русской національной жизни; болѣе мирнаго и постепеннаго пути образованію и не могло быть. Весьма понятно, что Ѳеофанъ находитъ въ авторѣ статьи горячаго защитника даже въ томъ, что онъ „жертвовалъ законъ изволеніямъ Бирона“; противникъ же его, Аврамовъ, называется „несчастнымъ мономаномъ“. Кантемиръ находился подъ полнымъ обаяніемъ Ѳеофана касательно вопросовъ просвѣщенія и нравственно-религіозной жизни Русскаго общества. Бо́льшею независимостью отличался В. Н. Татищевъ. Историческія работы Татищева ставятся очень высоко: это первая попытка выработать историческое сознаніе. Подробно передано содержаніе „Разговора о пользѣ наукъ“ (изданнаго лишь въ 1887 году). Г. Пыпинъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе И. Е. Забѣлина, что „Татищевъ все дѣло новаго Русскаго знанія и образованія повернулъ на *народную* Русскую дорогу“.

Выводъ статьи тотъ, что просвѣщенные люди Петровскаго времени вовсе не чувствовали себя въ томъ разрывѣ съ народностью, какой стали имъ приписывать въ новое время; но они были отдѣлены отъ старины пропастью, и эта пропасть—свободная дѣятельность мысли, которой эта старина, по словамъ г. Пыпина, не знала.

Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени. В. О. Ключевскаго. „Русская Мысль“. Январь.

Блестящая рѣчь, произнесенная въ Обществѣ Любителей Русской Словесности.

А. С. Грибоѣдовъ (1795—1895). А. Ѳ. Шидловскаго. „Новое Слово“. Январь.

Статья написана по поводу 100-лѣтія со дня рожденія творца „Горя отъ ума“; авторъ ограничилъ себя лишь сообщеніемъ біографическихъ данныхъ, но многими источниками первостепенной важности (какъ Записки Н. Н. Муравьева) не воспользовался, ни слова не сказалъ о проектѣ преобразованія Грузіи и т. п.

Александръ Васильевичъ Дружининъ. 1824 — 1864. I — II. С. Венгерова. „Вѣстникъ Европы“ Январь.

Авторъ статьи, составитель доведеннаго лишь до буквы Б (Бенедиктовъ) Словаря Русскихъ писателей, взялъ на себя трудъ выяснить, почему А. В. Дружининъ, игравшій столь видную роль въ свое время, теперь окончательно забытъ. Причина тому—отсутствіе въ Дружининѣ опредѣленнаго общественно-политическаго и философскаго міросозерцанія; онъ всегда оставался джентельменомъ, чуждающимся „мутныхъ волнъ современности“; сдержанный и благородный тонъ его критическихъ статей г. Венгеровъ объясняетъ индиферентизмомъ. Главная заслуга Дружинина—основаніе Литературнаго Фонда, но и здѣсь онъ взялъ за образецъ Британскій „Literary fund“.

Продолженіе статьи будетъ посвящено литературной личности Дружинина.

Изъ прошлаго. Посмертныя записки Н. П. Колюпанова. 1823—1843. „Русское Обозр.“ Январь.

Въ любопытныхъ запискахъ этихъ изображаются Костромское общество съ губернаторомъ С. С. Ланскимъ, Вологодскій магнатъ П. А. Межаковъ и замѣчательная личность раскольника Папурина.

Находясь на службѣ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, отецъ автора построилъ училище для дѣтей канцелярскихъ служителей за 30 т. р., хотя смѣта была составлена въ 120 т., чѣмъ заслужилъ такое одобреніе Николая Павловича, въ 1835 г. посѣтившаго Кострому, что былъ пожалованъ перстнемъ въ 10 т. р., а 10 лѣтъ спустя, когда графъ Клейнмихель долженъ былъ ѣхать въ Кострому, Государь приказалъ ему быть у Колюпанова — поучиться дешево строить.

Памяти А. Н. Муравьева. А. Третьяковъ. „Русское Обозрѣніе“ Январь.

Краткая замѣтка о почтенномъ „защитникѣ Православія." Разсказъ о любви его къ чинности Богослуженія переданъ не точно. Г. Третьяковъ подготовляетъ біографію Муравьева чему можно только сочувствовать. Обѣщаны записки А. Н. Муравьева.

Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ". Критическій очеркъ И. А. Гончарова. „Рус. Обозр." Январь.

Задача искусства — смягчать и улучшать человѣка. Диллетантство въ искусствѣ непростительно. На первомъ планѣ въ „Обрывѣ" отношенія половъ между собою. Первоначально Гончаровъ хотѣлъ изобразить Волохова болѣе сдержаннымъ и воспитаннымъ; но поѣздка въ провинцію въ 1862 году побудила его нарисовать Волохова такъ, „чтобы хуже его и быть ничего не могло".

Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1861 г. „Р. Обозр." Январь.

И. С. Тургеневъ упрекаетъ А. И. Герцена за пристрастіе къ Славянофиламъ.

Тургеневъ и Толстой. Тургеневъ въ его представленіи о смерти. **Д. Овсянико-Куликовскаго**. „Сѣверный Вѣстн." Январь.

Разбирая *Призраки*, *Довольно* и *Отцы и Дѣти*, авторъ утверждаетъ, что страхъ передъ смертію и въ силу этого угнетенное состояніе мысли и унылый взглядъ на вещи проявлялись въ Тургеневѣ сильно. Но смерть Базарова уже является апоѳеозой его личности; это не пѣснь о ничтожествѣ, которое воспѣто въ *Призракахъ* и *Довольно*; это безсмертная пѣснь о безсмертной любви передъ которой безсильна сама смерть.

Взятыя вмѣстѣ, эти три произведенія, по мнѣнію автора, останутся важнымъ документомъ той эпохи, когда, на почвѣ односторонняго индивидуализма, возвеличеніе личности, ея апоѳеозъ шли рядомъ и чередовались съ ея крушеніемъ, ея „ничтожествомъ". Какъ все, что̀ выходитъ изъ подъ пера автора (профессора Харьковскаго университета) статья написано прекрасно.

Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. Свящ. І.И. Фуделя. „Рус. Обозр." Январь.

Н. Н. Ге. Біографическій очеркъ. В. В. Стасова. „Сѣв. Вѣстн." Январь. Очеркъ этотъ, составленный на основаніи автобіографическихъ записокъ, воспоминаній, писемъ и печатныхъ статей о недавно скончавшемся (9 Іюня 1894) художникѣ, доведенъ лишь до 1859 года, т. е. до поступленія Н. Н. Ге въ Академію Художествъ (такъ что самая важная пора жизни еще не затронута), но обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Г. Стасовъ признаетъ покойнаго геніемъ и ставитъ его „Тайную вечерю" наряду съ величайшими созданіями искусства.

Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ, Н. Д Кашкина. „Рус. Обозр." Январь.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Въ XII-й тетради „Русскаго Архива" 1894 года (стр. 590) ошибочно показанъ день рожденія графа П. А. Клейнмихеля: онъ родился 30 Ноября 1794 года. Мать его звали не Софья, а Анна Францовна. Особенное расположеніе Николая Павловича графъ Клейнмихель заслужилъ необыкновенно-скорымъ возобновленіемъ сгорѣвшаго въ Декабрѣ 1837 года Зимняго дворца: Государь уже встрѣчалъ въ немъ Пасху 1839 года. Въ графскомъ гербѣ Клейнмихеля видъ Зимняго дворца съ надписью: „Усердіе все превозмогаетъ".

*

— Тамъ же, стр. 587, извѣстный шталмейстеръ Наполеона III-го *Рембо́* (недавно бывшій въ Петербургѣ) названъ *Шамбо*.

*

Въ I-мъ выпускѣ нынѣшняго года, на стр. 156-й вмѣсто *г. Брикнеръ* надо *авторъ* (т. е. А. А. Васильчиковъ).

— Стр. 157-я, строка 4-я снизу, вмѣсто *Сардиніи* надо *Піемонтъ*.

— Стр. 158-я, строка 22-я снизу, вмѣсто *опробованному*—апробованному.

Въ грамотѣ къ братіи Саввы-Сторожевскаго монастыря, напечатанной въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ 1894, вкралась ошибка въ обозначеніи года отъ Рождества Христова, а именно—вмѣсто 1698 года Декабря въ 10 день, поставлено (въ скобкахъ) 1699. Объяснитель не принялъ во вниманіе, что въ старину лѣточисленіе начиналось не съ Января, а съ 1-го Сентября, со дня Сумеона Лѣтопроводца. Поэтому при переводѣ годовъ отъ сотворенія міра на лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, начинающееся съ 1-го Января, вычитается за мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь, не 5508 лѣтъ, а 5509, какъ относящихся къ старому, еще не истекшему, году.

Любопытно знать, вѣрно ли списано съ грамоты слѣдующее мѣсто, повторенное два раза: *Да у всякого стрѣльца* быть для караулу съ ружьемъ по монастырскому служкѣ.

Тутъ является сомнѣніе. Всѣхъ стрѣльцовъ прислано 100 человѣкъ; при буквальномъ исполненіи указа пришлось бы монастырю поставить на караулъ 100 служекъ, давъ каждому по ружью. За симъ тому же монастырю пришлось бы имѣть въ запасѣ еще 100 служекъ для перемѣны караула, да еще столько же для исполненія монастырскихъ службъ и работъ. Неужели?

Аскалонъ Труворовъ.

ВОПРОСЪ XVI-й

У великаго князя Василія Ивановича сынъ Георгій отъ Соломоніи Сабуровой, съ которой онъ незаконно развелся. Какая судьба этого сына?

Въ Суздальскомъ монастырѣ, близъ гробницы Соломоніи, гробница ея дочери. Три года новая супруга великаго князя Литовка Елена Глинская, безплодна. Положеніе ея критическое въ виду отвергнутой Соломоніи.

Ивану Васильевичу Грозному 12 лѣтъ, когда умираетъ Соломонія. Онъ растетъ подъ страхомъ, что у него есть братъ законнѣе его, Георгій Васильевичъ. Развитіе его подозрительности не въ связи ли съ сомнительностью его происхожденія? Что́ побуждало Ивана Грознаго обращать особое вниманіе на Суздаль? Что́ побудило его выбрать въ жены старшему своему сыну *племянницу* Соломоніи? Гр. С. Ш.

жели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спалъ, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою. Эта неподвижность, этотъ душевной параличъ, которой часто чувствую, приводятъ меня въ отчаяніе. Всякой разъ, когда вспомню о братѣ [1]), то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Чтó бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка и какъ я ни былъ ничтоженъ въ то время, когда его зналъ, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброму, все благородное, чтó имѣю, все, все лучшее во мнѣ должно принадлежать ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна, для чего—не знаю; но какое-то особливое чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ. Дай руку, но только дай ее отъ всего сердца и не ожидай найти ничего слишкомъ отмѣннаго: я долженъ еще быть образованъ для дружбы; но кажется мнѣ, если не ошибаюсь, теперь сталъ я зрѣлѣе, нѣсколько лучше. Намъ надобно помогать другъ другу, оживлять другъ друга дѣлами и мыслями. Бываютъ такія минуты, въ которыя жизнь кажется чѣмъ-то пустымъ, въ которыя самое добро кажется ничтожнымъ, ничего не хочешь, ничего не почитаешь нужнымъ и важнымъ; такія состоянія души часто очень долго продолжаются; надобно, чтобы какая нибудь неожиданность ихъ уничтожила, и въ такія-то минуты всего нужнѣе дружеская подпора. По твоему письму заключаю, что ты во все это время не былъ счастливъ, страдалъ душевно; вообрази жъ, что я почти завидую этому состоянію: душа твоя была по крайней мѣрѣ не въ бездѣйствіи. Я бы даже иногда желалъ, чтобы какое нибудь потрясеніе меня разбудило, чтобы я могъ съ чѣмъ нибудь бороться и слѣдовательно напрягать всѣ свои силы: либо панъ, либо пропалъ! Всякое состояніе имѣетъ свою горечь. Излишнее спокойствіе усыпляетъ, если оно не пріобрѣтено трудомъ, не есть отдыхъ, а всегдашнее, постоянное состояніе. Излишнее волненіе изнуряетъ, слѣдовательно можетъ быть также убійственно для души, которая, видя свою неспособность дѣйствовать, отказывается отъ дѣятельности и теряетъ бодрость. Мнѣ кажется, ты былъ въ послѣднемъ положеніи, а я часто бываю въ первомъ. Иногда не вижу передъ собою ничего, все задернуто какимъ-то густымъ туманомъ, сидѣлъ бы поджавши руки и закрывъ глаза, больше ничего! Но это состояніе отъ того такъ тягостно, что не можешь его не чувствовать, что видишь, какъ оно низко, и не находишь въ себѣ довольно силъ, чтобы изъ него вырваться; оно хуже самаго ничтожества, которое по крайней мѣрѣ не чувствительно. Надобно, братъ, и мнѣ и тебѣ назначить себѣ постоянную цѣль; видя ее въ дали, по крайней мѣрѣ не будешь въ нерѣшимости, будешь знать, чего хочешь, и

---

[1]) Т. е. объ Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. П. Б.

2

слѣдовательно будешь стараться получить. Если минуты разслабленія и случатся, то конечно не будутъ такъ продолжительны: взглядъ на будущее, на тотъ предметъ, которой самъ себѣ избралъ, будетъ оживлять душу и возвращать ей прежнюю ея силу и бодрость. Такъ, братъ, я понимаю и иногда чувствую, что ничто такъ не возвышенно, какъ имѣть твердую, постоянную увѣренность въ безсмертіи: это единственная цѣль наша. Какъ должна быть велика, чиста, непобѣдима та душа, въ которой чувство безсмертія всегда живо и всегда присутственно! Вотъ все основаніе морали, и тотъ человѣкъ долженъ благословлять судьбу, кто смолоду напитанъ возвышенными понятіями о безсмертіи: онъ не можетъ не быть добродѣтельнымъ, по крайней мѣрѣ никогда не будетъ дурнымъ. Съ этой стороны ты счастливецъ. А я? Братъ! Братъ! Скажу тебѣ, какъ Карлъ Мооръ, которой смотритъ на ясное заходящее солнце и вспоминаетъ о томъ, что̀ онъ былъ прежде. Я не вспоминаю о прошедшемъ, потому что оно мало оставило на душѣ моей; но воображаю, что̀ бы я былъ, когда бы прошедшее было не таково, каково оно было! Въ прошедшемъ не вижу ничего, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ братомъ; и тѣ прошли почти непримѣтно: я былъ не въ состояніи ничѣмъ пользоваться и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не воспользовался! Наша дружба была зародышъ, который совершенно увянулъ при своемъ началѣ; теперь ничего не воротишь! Воспользуемся тѣмъ, что́ можемъ имѣть. Мы, кажется, двое много можемъ. По крайней мѣрѣ я вмѣстѣ съ тобою! Ты долженъ быть согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія. Если оно укоренится въ душѣ нашей, то жизнь наша пройдетъ не даромъ. Главное, единственное, что́ мы другъ для друга дѣлать можемъ, есть взаимное стараніе возвышать нашу душу; все прочее само собою сдѣлается. Кто далъ себѣ высокія чувства, тотъ далъ себѣ все. Въ свѣтѣ долженъ казаться страннымъ тотъ человѣкъ, который имѣетъ своею цѣлію безсмертіе, совершенство; но нашей цѣли не долженъ никто ни знать, ни видѣть: она должна быть сокрытою; взглядъ свѣта можетъ ее обезобразить въ собственныхъ нашихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ я за себя не совсѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя: я не пріученъ ни къ какой дѣятельности, ни къ душевной, ни къ тѣлесной, слѣдовательно не увѣренъ, могу ли съ чѣмъ-нибудь бороться и что-нибудь побѣдить. Я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи. Все, что́ я видѣлъ вокругъ себя по сію пору, должно было если не отвращать, то по крайней мѣрѣ поселять во мнѣ совершенное равнодушіе къ религіи: я видѣлъ христіанъ на словахъ, которые не имѣютъ понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ, о безсмертіи и пр.; несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами, всегда замѣчаемое мною съ колыбели, должно было произвести во мнѣ это неуваженіе и равнодушіе. Я долженъ теперь, если можно, побѣдить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить въ себѣ что-нибудь хорошее; сверхъ того необходимо нужно что-нибудь

такое, что́ бы сильно меня къ этому подвинуло, а этой-то побудительной причины недостаетъ. Дай мнѣ понятіе о религіи твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты въ ней увѣренъ, то почему я не могу быть увѣренъ? Эти вещи самыя важнѣйшія, потому что на нихъ должно основываться все наше бытіе, должны быть между нами общими, по крайней мѣрѣ столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно имѣть побудительную причину во всѣхъ случаяхъ жизни; по крайней мѣрѣ одна только побудительная причина у всѣхъ и быть можетъ: исканіе совершенства. И что же дружба, когда она не будетъ пособіемъ въ этомъ исканіи? Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастію, а счастіе есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der *grosse Wurf* gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen... [2]).

Эти стихи я нынче очень чувствую. И какъ много такого, что́ прежде пропускалъ мимо ушей, теперь сдѣлалось важнымъ и значущимъ!

Но я все говорю о себѣ, а еще не сказалъ ни слова о тебѣ. Ты описываешь мнѣ свое душевное уныніе, а не говоришь ни слова о томъ, что́ произвело его. Что́ такое? Или не лишніе ли мои вопросы? Но съ тобою должно было что-нибудь новое случиться. Если тебѣ тяжело разсказывать, то не разсказывай. Я бы хотѣлъ быть съ тобою. Это бы, можетъ быть, полезно было бы для тебя, или хотя нѣсколько облегчительно, и для меня также полезно; но двѣ причины меня здѣсь удерживаютъ. Первая та, что мнѣ совершенно не съ кѣмъ пріѣхать; вторая та, что я *долженъ* и хочу заплатить самой важной долгъ до своего отъѣзда въ чужіе края [3]): слѣдовательно принужденъ работать. Я и здѣсь лѣниво работаю, потому что иногда право ничто нейдетъ въ голову, а въ Москвѣ и поготово [4]) буду лѣниться и не имѣть времени. Итакъ видишь, что мнѣ необходимо нужно здѣсь остаться, хотя и желалъ бы въ Москву. Сверхъ того построенъ домъ [5]); я уѣзжаю надолго, надобно все оставить безъ себя въ порядкѣ, чтобы матушка [6]) не имѣла хлопотъ, и эти совсѣмъ не поэтическія занятія часто меня

---

[2]) Кому выпалъ великій жребій быть другомъ друга, кто добылъ себѣ милую жену.

[3]) Ср. въ журналѣ Жуковскаго за 1805 годъ слѣдующія строки: „Къ началу Генваря или Марта 1806 г. я долженъ выплатить половину теперешняго своего долга и положить за правило болѣе не дѣлать долга ни на полуш(к)у" (Бумаги В. А. Жук., стр. 6).

[4]) Поготово, поготову (*простонародное*)—пуще, болѣе.

[5]) Домъ свой въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить съ 1804 г. (см. „Р. Архивъ" 1871 года, стр. 0147); къ концу 1805 г. Жуковскій уже въ немъ поселился (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI Спб. 1878, стр. 383 - 384).

[6]) Елисавета Дементьевна, плѣнная Турчанка, скончавшаяся 25 Мая 1811 года.

2*

бѣсять. Однимъ словомъ, я долженъ пробыть здѣсь всю весну и лѣто; въ концѣ лѣта располагаюсь ѣхать. Думаю, вмѣсто вояжа и переѣзда изъ мѣста въ мѣсто, остаться въ какомъ-нибудь университетѣ, и именно въ Енѣ [7]), гдѣ, говорятъ, очень дешево жить и который малымъ чѣмъ уступитъ Геттингену. Мнѣ описывалъ это мѣсто одинъ Нѣмецъ, которой учился въ Енѣ у Нимейера и которой хочетъ мнѣ дать рекомендательныя письма. Путешествовать, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ будетъ способно. Лучше учиться. Съ тремя тысячами, которыя даетъ мнѣ Антонскій [8]), могу прожить безъ нужды довольно времени въ Енѣ. Ученье теперь мнѣ всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю, а, кажется, время что-нибудь знать. Что-жъ Николай? [9]) Поѣдетъ ли онъ, если я поѣду? Или не раздумала ли матушка? [10]) Признаюсь, эта мысль меня радуетъ быть ему товарищемъ: мы бы вмѣстѣ стали трудиться. Онъ, мнѣ кажется, человѣкъ будетъ не пустой. Чтó такое онъ написалъ для акта? [11]) Нельзя ли прислать? Увѣрь его пожалоста, что онъ во мнѣ найдетъ самаго вѣрнаго товарища. Я для себя и для него ожидаю величайшей пользы отъ путешествія. Опытность, познанія, дѣятельность—все можемъ получить въ это время. Путешествіе должно положить основаніе всей моей будущей жизни; теперь еще не знаю, чтó я, слѣдовательно не знаю, на чтó гожусь; но тогда, конечно, узнаю. Къ тому же мнѣ необходимо надобно учиться, самому никакъ нельзя во всемъ успѣть, особливо одному; мнѣ хочется непремѣнно сдѣлать изъ себя все то, чтó теперь осталось мнѣ возможнымъ, все лучшее, полезное: кто это имѣетъ цѣлію, тотъ по крайней мѣрѣ не сдѣлаетъ ничего дурнаго. Еще разъ повторяю: будемъ помогать другъ другу, будемъ оживлять другъ друга словами, дѣлами, всѣмъ. Напиши ко мнѣ больше о себѣ; о своемъ планѣ жизни; обо мнѣ; о томъ, чтó намъ дѣлать обоимъ; какъ мы можемъ быть полезны другъ для друга. Мнѣ бы хотѣлось знать твои мысли о счастіи, какое тебѣ возможно и какого намъ обоимъ можно искать. Чтó ты думаешь о моемъ вояжѣ и чтó мнѣ совѣтуешь дѣлать, если не поѣду? Въ будущемъ письмѣ буду писать о томъ, какое счастіе я себѣ воображаю и какое мнѣ возможно. Но все это похоже на воздушные замки, и тебѣ должны казаться смѣшными мои вопросы. Однакоже ты долженъ на нихъ отвѣчать. Не правда ли, однакожъ, что

---

[7]) Т. е. Іенѣ.

[8]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ Московскаго университета, съ 1791 года по 1824 годъ стоявшій во главѣ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона (съ 1791 по 1818 съ званіемъ инспектора, а съ 1818 съ званіемъ директора).

[9]) Н. И. Тургеневъ. См. выше, прим. 4 къ письму № I.

[10]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ Качаловой.

[11]) Въ помѣщенномъ въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей" 1805 года извѣстіи о происходившемъ 23 Декабря 1805 года актѣ Московск. Универс. Благороднаго Пансіона въ перечнѣ читанныхъ на актѣ рѣчей, разговоровъ и стиховъ, не упоминается имени Н. И. Тургенева. Изъ того же извѣстія видно, что на этомъ актѣ студентъ Николай Тургеневъ удостоенъ серебряной медали съ именемъ.

я о твоемъ и своемъ счастіи хочу разсуждать, какъ будто о какой-нибудь философической задачѣ? И въ самомъ дѣлѣ, неужели объ этой матеріи надобно разсуждать въ горячкѣ и быть всегда мечтателемъ? Надобно сдѣлать для себя какой-нибудь основательной планъ, не химерической, но утвержденный на возможности; намъ надобно другъ другу сообщать свои намѣренія и чувства, другъ другу помогая сдѣлать что-нибудь хорошее, утвердиться на чемъ-нибудь постоянно. Итакъ, напиши мнѣ о себѣ все, не полѣнись, будь моимъ путеводителемъ или по крайней мѣрѣ совѣтникомъ.—Чтó дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно: я не получилъ отъ него ни строки; не знаю, чтó онъ дѣлаетъ и чтó наше съ нимъ путешествіе. Я самъ къ нему почти ничего не писалъ, но все писалъ, и въ твоемъ письмѣ, и одинъ разъ особенно. Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ друга отдаляться? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты съ нимъ рѣдко видишься: кому-жъ бы другъ друга поддерживать и искать, какъ не вамъ двумъ! Что-жъ значитъ это отдаленіе? Не знаю, какъ это назвать; но мнѣ кажется, что Мерзляковъ (хотя съ нимъ мнѣ всегда было весело быть вмѣстѣ, потому что онъ человѣкъ необыкновенный) не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; напримѣръ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о постороннихъ матеріяхъ; однимъ словомъ, мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія. Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія: по крайней мѣрѣ я по сію пору еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего общаго; я не могу отъ него ничего требовать: нѣтъ ничего тяжелѣ и скучнѣе, какъ насиліе и принужденность. Но онъ не имѣлъ причины мнѣ показывать обманчивой наружности; слѣдовательно я имѣю все право вѣрить тому, что онъ мнѣ показывалъ, и теперь вѣрю; только мнѣ кажется, что все было не таково, какимъ бы должно было быть между нами. Отчего такая слабая связь, такое равнодушіе между нами? Насъ должно оживлять одно, поддерживать одно! Однимъ словомъ, наша жизнь должна быть cause commune! [12]) А мнѣ кажется, что онъ меня забылъ и всегда искалъ меня меньше, нежели я его. Или не вздоръ ли я написалъ, и не похоже ли это на прицѣпки? Скажи ему обо мнѣ полслова и напиши объ немъ что-нибудь. Намъ надобно жить связно и жить другъ для друга. Я признаюсь передъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга. Не забывайте меня; я здѣсь имѣю въ васъ нужду, можетъ быть больше, нежели вы во мнѣ. — Но прости, братъ, на будущей почтѣ буду писать еще; то-есть, получивъ отъ тебя отвѣтъ. Теперь некогда, мнѣ мѣшаютъ. — Пришли мнѣ свое Путешествіе [13]). Я теперь занимаюсь собраніемъ Русскихъ поэтовъ;

---

[12]) Т. е. общимъ дѣломъ.

[13]) Здѣсь разумѣется журналъ, или описаніе заграничнаго путешествія А. И. Тургенева, которое Жуковскій думалъ впослѣдствіи напечатать (о чемъ см. въ дальнѣйшихъ письмахъ); но ему не удалось это исполнить. Небольшой отрывокъ изъ этого Путеше-

скажи Мерзлякову, чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это Собраніе? [14]) Пришли Путешествіе. Неужли искреннее сужденіе дружбы не будетъ для тебя пріятно? Всѣ мои сочиненія увидятъ не прежде свѣтъ, какъ съ пропускомъ и благословеніемъ моихъ друзей.

A propos. Пожалоста прочти Виландова Агатона [15]). Святая книга! Я начинаю больше уважать Нѣмецкихъ авторовъ. Ради Бога, пришли мнѣ что нибудь хорошее въ Нѣмецкой философіи: она возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе; она больше возбуждаетъ энтузіазмъ. Этому причина, конечно, то, что большая часть Нѣмецкихъ философовъ живутъ въ совершенномъ уединеніи, слѣдовательно больше угадываютъ людей, видятъ ихъ издали и больше примѣняютъ къ себѣ. Французскіе всѣ играютъ роль въ большомъ свѣтѣ, всѣ подчинены хорошему тону, менѣе глубокомысленны и меньше имѣютъ живости въ чувствахъ, которыя обыкновенно притупляются свѣтскою жизнію. Одинъ Руссо можетъ быть исключеніемъ, но Руссо жилъ всегда въ уединеніи. Итакъ, пришли мнѣ какого нибудь Нѣмца-энтузіаста. Мнѣ теперь нуженъ такой помощникъ, нужна философія, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай. Не забудь поздравить отъ меня батюшку съ новымъ годомъ; напиши объ немъ, объ Иванѣ Володимеровичѣ [16]). О послѣднемъ буду говорить съ тобою много, но не теперь: спѣшу, мѣшаютъ, торопятъ писать! Прости, братъ! Что Андрей Сергѣевичъ? [17]) Знаешь ли, что мнѣ приходитъ въ голову съ нимъ поближе сойтись. Намъ надобно составить отдѣльное общество. Но послѣ, послѣ!

V [1]).

(1806, Москва).

Mon cher ami. Будучи лѣнивъ невображаемымъ образомъ, ты еще меня хочешь наказывать за лѣность: побойся Сатаны! Я отвѣчалъ на твое письмо, хотя нѣсколько поздно, но ты самъ отчасти причиною такого замедленія: ты не доставилъ мнѣ своего адреса, и я принужденъ

ствія, подъ заглавіемъ: „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году“, позже былъ напечатанъ въ № 22 „Вѣстника Европы“ 1808 года.

[14]) Собраніе Русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ позднѣе, въ 1810—1811 годахъ.

[15]) Чтеніемъ Агатона Жуковскій былъ занятъ съ Декабря 1805 года; это сочиненіе Виланда привело Жуковскаго въ восторгъ, какъ видно изъ отзыва его объ этой книгѣ въ письмѣ его къ Өедору Григорьевичу Вендриху (сосѣду Жуковскаго по деревнѣ) отъ 19 Декабря 1805 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 384—385).

[16]) Лопухинъ.

[17]) Кайсаровъ.

[1]) Письмо безъ даты; отнесено къ 1806 году предположительно. Писано, какъ видно по его содержанію, изъ Москвы. Письмо отъ 24 Декабря 1806 года имѣетъ тотъ же адресъ, какъ и настоящее письмо, но уже весь писанный рукою Жуковскаго.

адресовать письма на имя Костогорова [2]) и посылать черезъ Соковниныхъ [3]). Деньги твои сію минуту получилъ и сію минуту везу къ братьямъ [4]); я очень рѣдко вижу матушку [5]), потому что теперь совершенно никого не вижу, сижу и долженъ сидѣть дома. Не пеняй на меня, любезный другъ, и болѣе всего не сердись на меня за мою лѣнь. Говорятъ, что отдаленіе, долговременная разлука, свѣтская разсѣянность, особливо разсѣянность такого рода, какъ твоя, уменьшаютъ дружбу. Я увѣренъ, что ты это опровергнешь своею ко мнѣ привязанностію. *Обстоятельства* мои теперь идутъ такъ, мой любезный, добрый и неизмѣнный Александръ, что, можетъ быть, я долженъ буду ограничить себя одною дружбою. Эта счастливая идея блеснула сію минуту въ моемъ сердцѣ. Такъ, любезный другъ, быть можетъ для *счастія жизни* буду искать прибѣжища въ тебѣ; ты, можетъ быть, долженъ будешь замѣнить для меня *многое*; чтó съ одной стороны *потеряю*, то буду стараться *замѣнить* тобою. Идея радостная, идея, которая должна быть для меня теперь усладительна! Мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, другъ для друга, дѣйствовать достойнымъ другъ друга образомъ. По крайней мѣрѣ эту жизнь можно будетъ назвать жизнію благородною и почти счастливою. Забудемъ ли когда нибудь нашего брата? Забудемъ ли когда нибудь другъ друга? Братъ, ради Бога, *возобновимъ* свою дружбу и будемъ жить, имѣя всегда передъ глазами одинъ другаго; тогда по крайней мѣрѣ душа не увянетъ. Благодарю счастливаго генія, который далъ мнѣ перо въ руку и побудилъ къ тебѣ написать. Будущее для меня озарилось! Прости, любезный другъ; теперь буду видѣть въ будущемъ тебя, et vous devrez être mon refuge [6]). Для того, чтобы я былъ добръ, цѣнилъ жизнь и не потерялъ живости и чистоты душевной, не закрывай для меня сердца! Oui, il faut tenir à quelque chose; vivre sans liens, après avoir rompu tous ceux qui ont été si chers, c'est exister dans un tombeau! [7]) Прости, мой другъ; я еще буду говорить съ тобою, и много, но не теперь.

Адресъ: Его высокоблагородію Александру Ивановичу Тургеневу. Въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова [8]). Въ С.-Петербургѣ. (Въ этомъ адресѣ только слова: „Александру Ивановичу Тургеневу“ писаны самимъ Жуковскимъ).

---

[2]) О немъ см. выше, примѣч. 4-е къ письму II-му.

[3]) Общіе знакомые Жуковскаго и Тургеневыхъ. Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ былъ товарищемъ Жуковскаго и Тургенева по воспитанію въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ и ихъ пріятелемъ.

[4]) Н. И. и С. И. Тургеневымъ.

[5]) Екатерину Семеновну Тургеневу.

[6]) Т. е. И ты долженъ быть моимъ прибѣжищемъ.

[7]) Т. е. Да, нужно держаться чего либо; жить безъ привязанностей, порвавъ всѣ тѣ, которыя были такъ дороги, это тоже, чтó жить въ могилѣ.

[8]) Знаменитый впослѣдствіи своею службою въ Царствѣ Польскомъ, а позднѣе предсѣдатель Государственнаго Совѣта. П. Б.

VI.

(Въ половинѣ Декабря 1806 г., Москва).

Здравствуйте, любезные друзья Тургеневъ и Блудовъ! Въ доказательство того, что я васъ помню и люблю, можетъ быть, больше прежняго, посылаю вамъ цѣлую кипу стиховъ [1]), изъ которыхъ одно точно на ваше имя написано и въ такую минуту, въ которую я съ большимъ чувствомъ думалъ объ васъ и о прошедшемъ времени. Которые это стихи, вы сами узнать можете [2]). Сдѣлай дружбу, братъ Тургеневъ, вели напечатать Барда [3]) особенно, если можно съ виньетомъ, на которомъ бы представить ту минуту, въ которую Бардъ взбѣжалъ на холмъ и видитъ летящія тѣни. Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы всѣ должны думать объ отечествѣ [4]); но эти стихи суть новый даръ отечеству; я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ ихъ извѣстными. Если напечатаешь, то пришли и мнѣ сколько нибудь экземпляровъ. Покритикуйте ихъ вмѣстѣ съ Блудовымъ и, если вздумаете что́ поправить, поправьте. Только поспѣши. Здѣсь они будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ [5]). О другихъ же моихъ піесахъ не заботься; онѣ будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ же, и я смѣшонъ бы былъ, когда бы хлопоталъ объ нихъ или занимался сочиненіемъ басенъ въ такое время, каково настоящее. Всѣ эти стихи написаны въ Октябрѣ [6]), въ спокойнѣйшія минуты, а теперь ни на чемъ постороннемъ нельзя остановить вниманія. Я пріѣхалъ было въ Москву съ тѣмъ, чтобы цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію, и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приняться за что нибудь важное и полезное; но теперешнія обстоятельства, кажется, не позволятъ заняться науками. Я не знаю, на что́ рѣшиться, и желалъ бы знать ваше мнѣніе объ этомъ, братцы. Теперь всякой обязанъ идти въ службу, и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что́ мнѣ дѣлать? А я не желалъ бы остаться въ бездѣйствіи тогда, когда всякой долженъ дѣйствовать, но желалъ бы дѣйствовать такъ, чтобы принести пользу. Ожидаю вашего отвѣта, по крайней мѣрѣ тво-

---

[1]) Въ періодъ времени съ Апрѣля по конецъ Ноября 1806 года Жуковскій написалъ 42 піесы (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 26—29).

[2]) Очевидно это—элегія „Вечеръ“, писанная въ Маѣ 1806 года (см. тамъ же, стр. 26), въ которой нѣсколько строфъ посвящено воспоминаніямъ о друзьяхъ и спутникахъ юности.

[3]) Т. е. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей. Отдѣльнымъ изданіемъ она вышла въ Петербургѣ въ 1807 году, но безъ виньетокъ.

[4]) Тогда шла вторая наша война съ Наполеономъ и набиралось Народное Ополченіе. П. Б.

[5]) Въ Москвѣ Пѣснь Барда появилась въ № 24-мъ Вѣстника Европы за 1806 годъ.

[6]) Большинство написанныхъ въ 1806 году басенъ, дѣйствительно, относится къ Октябрю этого года (см. указанныя страницы въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго).

его, Тургеневъ: ты не такъ лѣнивъ, какъ Блудовъ, въ которомъ одна страсть [7]) поглотила всѣ другія способности, склонности и пр. и пр. Ты долженъ непремѣнно отвѣчать мнѣ и въ скорѣйшей скорости. Если не ошибаюсь, то въ сочиненіи манифеста [8]) участвовалъ и ты: кажется, есть въ немъ сходство съ твоимъ слогомъ [9]). Вообще написанъ хорошо; но вы забыли, государи мои, что вы говорите съ Русскимъ народомъ, слѣдовательно не должны употреблять языка ораторскаго, а говорить простымъ, сильнымъ и для всѣхъ равно понятнымъ. Нынче и тотъ, кто привыкъ читать и знаетъ риторику, плѣняется меньше украшеніями, нежели простотою. Вообрази, что этотъ манифестъ должны читать всѣ генерально. Кто знаетъ Цицерона, для того онъ будетъ убѣдительнѣе, хотя и на него ораторскіе обороты будутъ въ половину только дѣйствовать: языкъ оратора подозрителенъ, ибо знаешь, что краснорѣчіе все увеличиваетъ. Для простаго народа и для большей части высокого дворянскаго сословія важнѣйшія мѣста изъ манифеста будутъ почти непонятны, слѣдовательно потеряютъ большую часть своего дѣйствія. Мало и не положительно сказано о награжденіяхъ. Вы думаете все основать на чувствѣ патріотизма, которое въ большей части очень слабо, въ однихъ потому, что они безпрестанно разсѣяны свѣтскимъ вздоромъ, слѣдовательно не могутъ имѣть ничего солиднаго въ головѣ; въ другихъ потому, что они слишкомъ грубы и необразованны, слѣдовательно не могутъ имѣть понятія о должностяхъ моральнаго человѣка и объ отношеніяхъ гражданина къ отечеству; а въ простомъ народѣ оно едва ли можетъ существовать: причина очевидна. Итакъ надлежало бы говорить даже о личныхъ выгодахъ и о личной опасности и о любви къ Государю. Для большей части народа Русскаго Государь знакомѣе отечества; и самой низкой народъ всегда бывалъ привязанъ къ Государю, это докажетъ исторія: для грубыхъ людей натуральнѣе любить лицо Государя, которое они могутъ знать и видѣть, нежели отвлеченное лицо отечества, которое существуетъ въ одномъ воображеніи. Тотъ, кто уже говоритъ объ отечествѣ и понимаетъ то, что̀ говоритъ, можетъ назваться довольно просвѣщеннымъ; этого просвѣщенія еще нѣтъ въ нашемъ народѣ. Что жъ касается до личныхъ выгодъ и личной опасности, то надлежало бы и ихъ представить явственнѣе; надлежало бы сказать, какая именно опасность намъ угрожаетъ, и сказать самымъ простымъ, понятнымъ языкомъ: тутъ бы можно было распространиться о вѣрѣ. Вотъ случай, въ которомъ самая фанатическая вѣра можетъ быть весьма полезною: фанатизмомъ можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорялось безъ прекословія. Для чего не сказано ничего объ опасности, угрожающей нашей вѣрѣ? Вѣра есть имѣніе каждаго; всякой,

[7]) Увлеченіе княжною Анною Андреевною Щербатовой, на которой Д. Н. Блудовъ позднѣе женился.

[8]) Рѣчь идетъ о манифестѣ 30 Ноября 1806 года, напечатанномъ 3 Декабря того же года, объ образованіи милиціи или ополченія (см. П. С. З., т. XXIX, № 22374).

[9]) Вотъ съ какихъ поръ Д. Н. Блудовъ могъ заниматься манифестами, которые въ царствованіе Николая Павловича почти всѣ имъ писаны. Читатель оцѣнитъ правду дальнѣйшаго разсужденія Жуковскаго. П. Б.

разумѣется, вѣрующій, а какъ скоро вѣрующій, то и большой энтузіазмъ получитъ могущій, вступился бы за свою собственность. Этотъ предлогъ еще необходимѣе для нашихъ крестьянъ, которые не имѣютъ собственности. Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языкомъ для всѣхъ понятнымъ. О награжденіяхъ сказано вообще! А это-то и требовало распространенія. Въ первую минуту энтузіазмъ могъ воспламенить ревность, но должно бы было дать подпору энтузіазму: надежда на будущія выгоды могла бы быть ему подпорою. Опредѣлить бы награду для дворянъ, что́ меньше однако нужно, ибо дворяне могутъ больше быть убѣждены въ необходимости вооруженія; опредѣлить бы награду и для самыхъ мужиковъ, и вотъ, мнѣ кажется, благопріятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его нѣсколько къ свободному состоянію, котораго нашъ Государь такъ сильно, кажется мнѣ, желаетъ: первой шагъ труденъ, и для сдѣланія сего шага нуженъ намъ непремѣнно поводъ, а теперешній случай можетъ почесться весьма сильнымъ поводомъ. Мало также и не весьма ясно говорено о распущеніи войскъ: многіе вообразятъ, что должны будутъ служить какъ обыкновенные солдаты. Теперь много, весьма много зависитъ отъ помѣщиковъ и отъ исправниковъ: имъ бы должно было, однимъ своихъ крестьянъ, другимъ казенныхъ собрать и толковать имъ волю Государеву, прочесть передъ ними манифестъ и объяснить имъ ихъ собственную должность; вселить бы въ нихъ уваженіе къ тому званію, въ которое они посвящаются; дать имъ почувствовать, что они идутъ не насильно, а по призыванію своего Государя; представить бы имъ надежду на награжденія и отличія; однимъ словомъ, уничтожить совершенно то уныніе, которое я замѣтилъ уже во многихъ, чему причиною самъ манифестъ, въ которомъ о необходимости вооруженія и должности гражданской говорено языкомъ ораторскимъ, слѣдовательно не совсѣмъ понятнымъ для всѣхъ. У большей части, по прочтеніи манифеста, остается одна только мысль о новомъ и ужасномъ наборѣ, и никакая другая о выгодѣ сего набора и объ обязанностяхъ каждаго не можетъ поколебать впечатлѣнія, имъ произведеннаго, потому что это впечатлѣніе самое главное и сильное. Надлежало непремѣнно уничтожить его другими сильнѣйшими. Наши дворяне могли бы легко его уничтожить и даже замѣнить энтузіазмомъ или по крайней мѣрѣ готовностію на все; но сколько на это способныхъ изъ живущихъ по деревнямъ? Еще жъ, едва ли не больше, могли бы сдѣлать священники. Я бы написалъ проповѣдь простую, но сильную, которую бы разослалъ по всѣмъ приходамъ и велѣлъ бы читать передъ народомъ; умной священникъ къ написанному могъ бы прибавить свое словесное толкованіе, а глупой ничего бы не прибавилъ, а прочелъ бы все такъ, какъ написано. Это произвело бы великое дѣйствіе. Въ проповѣди основалъ бы все на вѣрѣ; говорилъ бы о любви къ Государю, къ женамъ и дѣтямъ, о потерѣ возможной имущества и о наградахъ въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ: однимъ словомъ, освятилъ бы вооруженіе. Между тѣмъ и для каждаго офицера приготовилъ бы такую же инструкцію, по которой онъ бы непремѣнно часто, если не ежедневно, внушалъ каждому солдату его должность; но чтобы и тѣни не было витійства: оно хорошо на каѳедрѣ, передъ народомъ Аѳинскимъ, но не въ Россіи,

гдѣ народъ не одаренъ живымъ воображеніемъ; больше жъ всего говорить бы о вѣрѣ, Государѣ, личныхъ выгодахъ и наградахъ, которыя непремѣнно бы должно было выполнить..... Вотъ тебѣ, мой любезный другъ, мои мысли, которыя осмѣливаюсь ввѣрить почтѣ, потому что онѣ основаны на желаніи блага моему отечеству. Теперь узнàемъ, каковъ патріотизмъ Русскихъ. По крайней мѣрѣ исторія сохранила немного такихъ примѣровъ любви къ Государю, которые заставляютъ ожидать отъ истинно Русскихъ необыкновенныхъ пожертвованій. Желалъ бы узнать, куда назначаются всѣ эти семь войскъ [10]), кто будутъ начальники? Напиши объ этомъ, если только объ этомъ писать позволено..... Между тѣмъ прости, любезный другъ. Я писалъ къ тебѣ о манифестѣ для того, что почитаю тебя его авторомъ. Отвѣчай мнѣ скорѣе: чтò я долженъ дѣлать и чтó могу сдѣлать? Объ это(мъ) ты можешь сказать что нибудь рѣшительное. Если надобно будетъ идти, то нельзя ли будетъ получить такое мѣсто, гдѣ бы я могъ употребить въ бóльшую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будетъ найти случая втереться въ штатъ котораго нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ, и не можешь ли ты для меня этого сдѣлать? Я сталъ бы работать и душой, и тѣломъ. Впрочемъ и во фрунтъ идти не откажусь, если нужно будетъ идти, хотя за способности свои въ этомъ случаѣ не отвѣчаю [11]). Подумай за меня хорошенько, любезный другъ; сообщи мнѣ свои мысли немедленно. Я между тѣмъ буду съ другими совѣтоваться, но ни на чтó рѣшительное, безъ твоего мнѣнія, не отважусь. Теперь всякой *желающій* можетъ быть хотя нѣсколько полезенъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше; и такъ надобно искать мѣста по способностямъ. Похлопочи обо мнѣ: въ этомъ случаѣ полагаюсь на тебя совершенно. Прости.

Кто жизнію дерзнетъ купить порабощенье?
Отчизны ль нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ [12]).

Поспѣши напечатать эти стихи: это лепта вдовицы.

У батюшки твоего бываю. Онъ слабъ: говоритъ лучше прежняго и больше, но слабѣе. Одна только мысль и занимаетъ его: поѣздка въ Петербургъ [13]). Я непремѣнно всякую Субботу у него ночую и обѣдаю по Воскресеньямъ. Въ другіе дни расположился заняться своими лекціями [14]); но теперь не знаю, чтó будетъ. Отвѣчай, отвѣчай мнѣ немедленно: твой отвѣтъ будетъ для меня доказательствомъ твоей дружбы. Обнимаю васъ, любезные друзья...

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ! [15])

Блудовъ, отъ тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня законъ.

---

[10]) Семь областныхъ земскихъ войскъ, на которыя было раздѣлено все ополченіе.

[11]) Какъ извѣстно, въ 1807 году Жуковскій не поступилъ въ ополченіе.

[12]) Эти стихи взяты изъ „Пѣсни Барда“.

[13]) И. П. Тургеневъ поѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 25 Января 1807 года.

[14]) По самообразованію.

[15]) Эти стихи взяты изъ элегіи „Вечеръ“.

VII.

24 Декабря (1806, Москва).

Le mal est fait, mon cher ami [1])! Стихи напечатаны въ Вѣстникѣ [2]) прежде, нежели я получилъ твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой геній. Для стихотворца, который себя чувствуетъ, довольно двухъ судей, одаренныхъ сроднымъ съ нимъ чувствомъ: твоя похвала и Блудова стоютъ для меня похвалы всѣхъ нашихъ почтенныхъ согражданъ и современниковъ. Слыша чью-нибудь глупую критику, буду думать: мои друзья не такъ судятъ, и всякая такая критика будетъ для меня только смѣшна. Однимъ словомъ, скажу тебѣ, что я читалъ твое письмо съ восхищеніемъ, и эта минута была моею наградою за труды мои, если только стихи, произведенные въ минуту вдохновенія, можно назвать трудомъ. Критики Блудова ожидаю и увѣренъ, что она еще больше воспламенитъ меня: умная критика всегда открываетъ дорогу къ новымъ подвигамъ. Поспѣши, любезный, добрый другъ, напечатать Барда и дѣлай съ нимъ, чтó внушитъ тебѣ твоя ко мнѣ дружба, только пришли мнѣ сколько-нибудь экземпляровъ, и поскорѣе. Я спѣшу сообщить тебѣ мой планъ. Кашинъ [3]) почти положилъ эту піесу на музыку. Она должна быть представлена мелодраммою на театрѣ, и думаю, что произведетъ великое дѣйствіе, и конечно больше, нежели при чтеніи. Къ будущему Понедѣльнику, то-есть черезъ восемь дней, она совсѣмъ поспѣетъ и тотчасъ будетъ по почтѣ доставлена къ тебѣ; нельзя ли будетъ похлопотать, чтобы ее дали на театрѣ и чтобы Нарышкинъ [4]) далъ приказаніе и на здѣшней ее сыграть (объ этомъ уже постарайся ты)? Впрочемъ вы съ Блудовымъ разсудите, прилично ли это будетъ или нѣтъ? Мнѣ кажется, что можно бы. — Вечеръ [5]) отдаю на твое расположеніе и чрезвычайно радъ, что ты находишь въ немъ тоже, чтò я нахожу. Что же касается до моего пріѣзда въ Петербургъ, то я, признаться, плѣняюсь твоимъ приглашеніемъ; я чувствую, что я былъ бы совсѣмъ не тотъ, когда бы жилъ вмѣстѣ съ вами, братцы! Если письма ваши

[1]) Т. е. Бѣда уже случилась, мой дорогой другъ.

[2]) „Пѣснь Барда" была напечатана въ № 24 „Вѣстника Европы" за 1806 г.

[3]) Даніилъ Никитичъ Кашинъ († 1842), ученикъ Сарти, хорошій музыкантъ, бывшій до 1812 года капельмейстеромъ Московскаго театра и учителемъ музыки въ Московскомъ университетѣ (о немъ см. некрологъ въ Литерат. Газетѣ 1842 года, № 2, и Геннади, Справоч. словарь о Русск. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 125). Изъ положенныхъ имъ на музыку пѣсенъ Жуковскаго была издана пѣсня „Слава на небѣ солнцу" (тенорь, басъ и хоръ). См. напечатанную Н. И. Стояновскимъ въ 1883 году брошюру „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 Января 1883 года", стр. 81.

[4]) Александръ Львовичъ, оберъ-гофмаршалъ, главный директоръ надъ зрѣлищами и музыкою.

[5]) Т. е. элегію „Вечеръ", которая была послана Тургеневу въ предъидущемъ письмѣ.

(которыхъ однако почти не пишете) меня такъ оживляютъ, что жъ ваша дружба, которая мнѣ такъ нужна и такъ намъ необходима для нашего общаго образованія! Но я, братецъ, здѣсь занятъ безъ помѣшательства лекціями: мои знанія очень несовершенны, надобно хотя нѣсколько усовершенствовать ихъ. Если бъ можно было найти въ Петербургѣ такую службу, которая бы не мѣшала мнѣ заниматься и въ то же время (что́ всего важнѣе!) могла доставлять мнѣ средства къ моему содержанію (вѣдь не все же мнѣ ходить въ Блудова сюртукѣ и жилетѣ и ѣсть слоеные пироги), то я бы съ радостію, съ большою радостію къ вамъ пріѣхалъ. Подумай, любезный другъ, какого рода службу можешь найти мнѣ; только пожалоста подумай объ этомъ хорошенько, чтобы мнѣ не потерять! Простите, друзья, милые друзья, не могу больше писать! Блудовъ, обнимаю тебя отъ всего сердца, хотя имѣю право на тебя сердиться. Ты обманулъ меня! Хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать и не пріѣхалъ, а я такъ радовался этою мыслію. Простите, братья. Вотъ хоръ, который я прибавилъ къ Барду, для музыки:

Россъ! И щитъ и мечъ во длань!
Врагъ за гибелью притекъ!
Смерть ему отъ Росса дань!
Жертвой рокъ его нарекъ!
Прочь покоемъ наслажденье!
Тамъ отчизна! Тамъ нашъ царь!
Братья, руки на олтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадимъ
Васъ, Славянъ отцы священны?
Мы ль врага не потребимъ
Отъ отчизны ополченны?
Россъ! И щитъ и мечъ во длань, и пр.

Пришли мнѣ братнины стихи печатные. Я ихъ отдамъ Кашину, чтобы сдѣлалъ на нихъ польской.

VIII.

(Въ первой половинѣ Января 1807 г., Москва.)

Я получилъ твое послѣднее письмо, любезный другъ Александръ, и мнѣ очень жаль, что Блудовъ боленъ, тѣмъ больше, что его по выздоровленіи ожидаетъ самая горестная вѣсть о смерти его матери, которая скончалась отъ водяной [1]). Я увѣренъ, братъ, что и ты, и Озеровъ [2]) все сдѣлаете, чтобы не нанести этою вѣстію слишкомъ сильнаго удара, который еще сильнѣе будетъ послѣ болѣзни. Я воображаю, какого рода эта болѣзнь: разслабленіе нервовъ. Скажи Блудову, что я искренно желалъ бы раздѣлить съ нимъ его горесть, и надѣюсь, что могъ бы пособить ему ее перенести; но должно быть

---

[1]) Мать Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна, рожд. Тишина, скончалась 1 Января 1807 года (см. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, СПБ. 1866, стр. 43).

[2]) В. А. Озеровъ, приходившійся двоюроднымъ братомъ Д. Н. Блудову.

покуда съ вами розно. Не хочу и не почитаю нужнымъ утѣшать его на письмѣ; горесть успокаивается временемъ и дружбою: ты можешь быть въ этомъ случаѣ для него очень полезенъ. Боюсь, не присоединяется ли къ его болѣзни какая-нибудь другая горесть [3]), или и болѣзнь произошла отъ этой горести? Если такъ, то его теперешнее положенiе будетъ очень тяжело, и я очень, очень сожалѣю объ немъ и очень бы желалъ быть теперь вмѣстѣ съ вами, братцы. Ты правду говоришь, что мы нужны другъ другу; но это надобно бы было доказать на самомъ дѣлѣ, а мы разсѣялись по разнымъ сторонамъ, и наша дружба мало имѣетъ влiянiя на нашу душу, тогда когда она бы должна была имѣть великое влiянiе. Не ты одинъ жалуешься на холодность, и я иногда чувствую эту болѣзнь; твоя происходитъ отъ чрезмѣрной разсѣянности, а моя отъ частаго одиночества. Намъ можно бы было оживлять другъ друга. Можетъ быть и приведетъ судьба жить вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣйствовать. Между тѣмъ старайся найти мнѣ такое мѣсто, которое не разлучило бы меня съ Музами и не требовало бы отъ меня большой гибкости и расторопности: я чувствую, что я, какъ говоритъ Державинъ о себѣ—разстегай. Но ты меня знаешь и долженъ знать, какое мѣсто мнѣ прилично; впрочемъ служба не очень меня прельщаетъ. Чтó, если должно будетъ отказаться отъ всего, чѣмъ привыкъ заниматься, и посвятить себя такому дѣлу, которымъ я ничего не выиграю, потому что не умѣю ничѣмъ воспользоваться? Думай за меня, только не будь опрометчивъ. Пожалоста напиши мнѣ хоть нѣсколько строкъ о Блудовѣ на будущей почтѣ: я нетерпѣливо хочу знать о его положенiи; попроси его самого написать, какъ скоро сможетъ. Прости. Я тебѣ однако очень неблагодаренъ за то, что ты взялся напечатать стихи и не печатаешь. Случай пройдетъ, и они никуда не будутъ годиться. Оставь на минуту свою разсѣянность, особливо жъ это такъ легко; а хора печатать не надобно: онъ только для музыки. Пришли адресъ твой и Блудова квартиры.

IX.

17 Генваря (1807 года, Москва).

Не стыдно ли, братъ Тургеневъ, быть такъ вѣтренымъ? Ты написалъ ко мнѣ о болѣзни Блудова, думаешь, что онъ почти опасенъ, и въ послѣднемъ письмѣ своемъ не говоришь ни слова о его болѣзни; пожалоста поспѣши мнѣ дать знать, чтó съ нимъ дѣлается, и сказали ли вы ему о смерти матери: ее въ Понедѣльникъ погребли, и я былъ на погребенiи. Если вы еще не сказали, братцы, то надобно это сдѣлать осторожнѣе. Пожалоста, поспѣши написать обо всемъ объ этомъ. Что же касается до послѣдняго твоего письма и до службы, то я право не знаю, на что рѣшиться. Какъ мнѣ прiѣхать въ Петербургъ, не знавши, зачѣмъ я прiѣду? Для чего ты не написалъ, какого рода служба меня ожидаетъ? Нужны выгоды. Я не очень буду доволенъ, если меня опредѣлятъ *куда нибудь*, въ первую открывшуюся должность!

---

[3]) Жуковскiй намекаетъ о несогласiи княгини Антонины Воиновны Щербатовой (урожд. Яворской) на бракъ ея дочери, княжны Анны Андреевны, съ Д. Н. Блудовымъ.

Сверхъ того, чѣмъ меньше зависимости, тѣмъ было бы лучше. Нѣтъ ли у васъ напримѣръ какого нибудь *библіотекарскаго* мѣста съ хорошимъ жалованьемъ, и вообще я бы желалъ мѣста по части просвѣщенія. Ты, однако, не очень долженъ спѣшить: я теперь занятъ своими лекціями, слѣдовательно, ничего не потеряю, если и черезъ годъ войду въ службу. Прости, любезный другъ, буду ожидать твоего письма съ нетерпѣніемъ. Блудова болѣзнь меня безпокоитъ; онъ не очень крѣпокъ, а болѣзнь опасная и тяжелая, какъ я слышалъ отъ Сокорева: пожалоста поспѣши дать знать объ немъ. А я пишу мало отъ того, что голова очень тяжела; перо изъ рукъ валится. Твой Жуковскій.

Мнѣ пришла идея! Чтó, если бы меня сдѣлать какимъ нибудь директоромъ училища, и именно въ Москвѣ? Я можетъ бы могъ быть и полезенъ! Но объ этомъ еще надобно подумать и узнать, чтó за должность. По настоящему, если бы нашлась хорошая должность въ Москвѣ съ хорошимъ жалованьемъ, то мнѣ бы выгоднѣе остаться въ Москвѣ; мои родные всѣ здѣсь, и сверхъ того моя матушка могла бы жить со мною.

P. S. Чтожъ, братъ, стихи? Видно забылъ? А Кашинъ сдѣлалъ музыку, но теперь она ни на что не годится. Что ты ничего не напишешь о нашихъ военныхъ обстоятельствахъ? Пришли мнѣ свой адресъ.

X.

28 Генваря (1807, Москва).

Мой милой, любезный другъ. Спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ: батюшка твой поѣхалъ отсюда въ прошедшую Пятницу, т. е. 25-го; я его проводилъ. Дай Богъ, чтобы онъ обрадовалъ тебя своимъ благополучнымъ пріѣздомъ. Я съ своей стороны очень, душевно обрадованъ выздоровленіемъ Блудова; поздравь его отъ меня; писалъ бы къ нему особенно, но, право, спѣшу. Еще больше буду обрадованъ, когда отъ него самого получу нѣсколько строкъ. Нынче мое рожденье [1]). Выпейте, братцы, за мое здоровье такъ, какъ я буду пить за ваше вмѣстѣ съ Мерзляковымъ. Тургеневъ, если хочешь меня видѣть у себя, то напиши мнѣ, какого рода службу могу надѣяться найти и долженъ ли я тотчасъ пріѣхать, или не могу ли остаться до окончанія перваго курса моихъ лекцій. Напиши пообстоятельнѣе; возми на себя этотъ трудъ и пожалоста не будь такъ разсѣянъ. Если моя ода [2]) отпечатана, то поспѣши мнѣ доставить нѣсколько экземпляровъ; жаль, что не будетъ виньетовъ! Прости. Матушка твоя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты приготовилъ Франка [3]) къ пріѣзду батюшки, то-есть предупредилъ бы его въ томъ, чтобы онъ взялся лѣчить батюшку. Прости, братъ. Напиши же поскорѣе и не забудь сказать о новостяхъ. Если нужно будетъ пріѣхать, пріѣду, и живемъ вмѣстѣ. Жуковскій.

---

[1]) Жуковскій хотѣлъ сказать *завтра*: онъ родился 29 Генваря (на память св. Игнатія Богоносца). П. Б.

[2]) Пѣснь Барда.

[3]) Лейбъ-медикъ.

XI.

(Въ началѣ Февраля 1807, Москва).

Спѣшу послать тебѣ лѣтописцы; послѣдніе экземпляры. Новогородскій Лѣтописецъ обѣщали мнѣ доставить. Въ Четвергъ буду у Карамзина и спрошу у него, что́ за птица *Большой Чертежъ*. И Новогородскій Лѣтописецъ, и Чертежа объясненія пошлю въ будущій Понедѣльникъ. Теперь прости. Не стыдно ли написать ко мнѣ цѣлое письмо вздору и не сказать ни слова о томъ, что́ для меня важно, о моей службѣ? Рѣшись на минуту отложить разсѣяніе. Спроси у Блудова, можно ли ждать его скоро въ Москву; мнѣ сказывали, что онъ долженъ скоро пріѣхать: это очень бы меня обрадовало. Что́ новаго въ арміи? Не слыхалъ ли? Напиши. Теперь батюшка вѣрно уже въ Петербургѣ: каковъ онъ? При Московскихъ древностяхъ посылаю и Московскія новости: стихи, которыхъ авторъ твой и мой знакомецъ. Бутервекова Эстетика [1]) у меня есть; ты можешь свой экземпляръ у себя оставить, но хорошо сдѣлаешь, если купишь мнѣ Платнеровы Афоризмы [2]), которыхъ здѣсь нѣтъ и по которымъ я имѣю честь учиться премудрости. Поищи пожалоста, если можно, послѣднее изданіе; ошарь всѣ ученые Нѣмецкіе закоулки въ Петербургѣ: очень буду тебѣ благодаренъ. А Новогородскій Лѣтописецъ пришлю на слѣдующей почтѣ; по крайней мѣрѣ на мою медлительность не будешь имѣть причины жаловаться такъ, какъ я на твою разсѣянность.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова.

XII.

(Въ Февралѣ 1807, Москва).

Посылаю тебѣ, любезный другъ, Новогородскій Лѣтописецъ и первый номеръ Ученыхъ Вѣдомостей [1]). О Чертежѣ спрашивалъ у Карамзина; это книжка въ двѣнадцатую долю листа, толстая, въ которой содержится не самый чертежъ, но описаніе какого-то стараго чертежа; ея титулъ «Книга большему чертежу или древняя карта Россійскаго государства. Въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Горнаго училища. 1792-го

---

[1]) Фридрихъ Бутервекъ (р. 1766 † 1828), профессоръ нравственной философіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Его Aesthetik вышла, въ двухъ частяхъ, въ Лейпцигѣ въ 1806 году.

[2]) Эрнестъ Платнеръ (р. 1744 † 1818), профессоръ философіи и медицины въ Лейпцигѣ. Первое изданіе его сочиненія „Philosophische Aphorismen" вышло въ 1776—1782 г.; въ новой переработкѣ Философскіе Афоризмы были напечатаны въ 1800 году.

[1]) „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей", которыя издавались всего въ теченіе трехъ лѣтъ (1805—1807) подъ редакціею профессора Буле. Въ нихъ сообщались извѣстія о вновь выходившихъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ Русскихъ и иностранныхъ и свѣдѣнія о Московскомъ университетѣ.

года». Получилъ ли ты прежде посланныя книги, и тѣ ли я послалъ, которыя тебѣ нужны? Благодарствую за присылку моихъ стиховъ [2]). Я виноватъ, прежде пенялъ на тебя за медленность; но, получивъ твое письмо, въ которомъ ты говоришь о состоянiи батюшки [3]), подосадовалъ самъ на себя: тебѣ теперь не до стиховъ, и я очень воображаю, какъ должно быть для тебя тяжело твое состоянiе. Что̀ Блудовъ не ѣдетъ? Я жду его нетерпѣливо; ему надобно быть скоро, дороги портятся, времени терять не можно, если хочетъ здѣсь быть. Нельзя ли прислать съ нимъ Платнера и Traité de l'économie politique par Say или Canard [4])? Здѣсь не нашелъ; а очень нужны. Посылаю тебѣ письмо отъ Томашевскаго. Этотъ бѣднякъ жалокъ; попался въ комнату какихъ-то шалуновъ, которые не даютъ ему покою, дразнятъ его и даже бьютъ. Инспекторомъ Аршеневскiй [5]), которому, видно, не хочется вступиться въ это дѣло. Этотъ бѣднякъ Томашевскiй очень страненъ; онъ не можетъ говорить порусски и приписываетъ ненависти къ иностранцамъ тѣ насмѣшки, которыми потчуютъ его за странность. Не смотря на то, онъ жалокъ; ты самъ знаешь, каковы пансiонеры и ученики университетскiе, а Томашевскiй кажется мнѣ второй томъ Родзянки [6]). Я рекомендовалъ его Шлёцеру [7]); можетъ быть, онъ сдѣлаетъ, что его переставятъ въ другую горницу. Письмо же его посылаю къ тебѣ для того, что онъ просилъ меня его къ тебѣ доставить; впрочемъ, кажется мнѣ, по немъ ты не можешь ничего сдѣлать. Какъ просить Муравьева [8]) о томъ, чтобы велѣно переставить его въ другую комнату? Нельзя ли объ немъ только напомнить? Нельзя ли, чтобы Муравьевъ далъ знать профессорамъ, что интересуется этимъ человѣкомъ? Въ этихъ господахъ

---

[2]) Пѣсни Барда.

[3]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 28 Февраля 1807 года и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, тамъ же, гдѣ его старшiй сынъ Андрей.

[4]) Traité d'économie politique, сочиненiе знаменитаго экономиста Ж. Б. Сэ (Say) (р. 1766 † 1832) вышло въ 1803 г. Nicolas François Canard († 1833)—Французскiй математикъ и публицистъ; его трудъ „Principes d'économie politique" вышелъ годомъ ранѣе (именно въ 1802) сочиненiя Сэ.

[5]) Василiй Кондратьевичъ Аршеневскiй (р. 1758 † 1808), профессоръ математики въ Московскомъ университетѣ, состоялъ съ 1804 года инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ Университета и учениковъ Гимназiи (см. Бiограф. Словарь профессоровъ Московск. университета, т. I, стр. 39—41).

[6]) Семена Родзянки? Семенъ Родзянка былъ сотоварищемъ Жуковскаго и А. И. Тургенева по Благородному Пансiону и секретаремъ Собранiя воспитанниковъ Пансiона и отличался стихотворными дарованiями. Онъ имѣлъ несчастiе лишиться разсудка. См. Сушковъ, Воспоминанiя о Московск. Университ. Благородномъ Пансiонѣ (въ Чтенiяхъ Московск. Общ. Исторiи и Древн., годъ четвертый, книжка 1, М. 1848, смѣсь, стр. 84—85).

[7]) Христiану Августовичу Шлёцеру, профессору политической экономiи въ Московскомъ университетѣ, сыну знаменитаго Августа Шлёцера.

[8]) Михаила Никитича Муравьева (р. 1757 † 1807), который съ 1803 по 1807 годъ былъ попечителемъ Московскаго университета, но жилъ въ Петербургѣ.

очень мало человѣколюбія; имъ легко бы сдѣлать всякую помощь этому бѣдняку, особливо видя, что онъ здѣсь чужестранецъ, но имъ лѣнь и подумать объ этомъ; впрочемъ противъ странности не скоро найдешь лѣкарство. Я между тѣмъ поговорю съ Шлёцеромъ, не захочетъ ли онъ что-нибудь для него сдѣлать? Прости, поклонись братьямъ. Пожалоста, напиши мнѣ что-нибудь о батюшкѣ, которому скажи мое искреннее почтеніе. Что слышно о войнѣ? Сдѣлай милость, скажи что-нибудь: здѣсь у насъ ничего не говорятъ, а это молчаніе ужасно [5]).

XIII.

(Въ началѣ Іюля 1807, Бѣлевъ).

Я получилъ оба твои письма, любезный другъ Александръ, одно изъ Бартенштейна, надписанное на мое имя, другое изъ Тильзита [1]), писанное къ Костогорову [2]) и присланное мнѣ Соковниными. Очень благодарю тебя за твою дружбу и желалъ бы, чтобы ты чаще давалъ объ ней знать своими письмами, которыхъ однако не имѣю права требовать, потому что моя лѣнь обратилась въ совершенную болѣзнь, и писать письма къ кому бы то ни было теперь есть для меня *несчастіе*. Не смотря на лѣнь, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Я въ Бѣлевѣ, съ новымъ планомъ по своему обыкновенію и съ совершенною неизвѣстностію, исполнится ли этотъ планъ когда-нибудь. Хочу выдавать на будущій годъ *Вѣстника Европы*. Каченовскій [3]) отказывается, и мои прелиминарныя условія съ нашимъ любезнымъ благопріятелемъ Максимусомъ Ивановичемъ [4]) сдѣланы. Теперь начинаю готовить піесы; но такъ какъ я довольно мало на себя надѣюсь и даже боюсь своей лѣни, то, любезный другъ, не худо будетъ, если ты постараешься помочь

---

[5]) Это было время, когда Наполеонъ готовъ былъ вторгнуться въ Россію. Страшная Прейсишъ-Эйлауская битва произошла 27 Генваря 1807 года. П. Б.

[1]) А. И. Тургеневъ находился въ свитѣ Императора Александра I въ его заграничномъ путешествіи 1807 года. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 16 Марта; въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бартенштейнѣ, онъ прибылъ [illegible] Апрѣля, а въ Тильзитъ, гдѣ произошло свиданіе съ Наполеономъ, 13 Іюня. Пребываніе Императора Александра въ Тильзитѣ продолжалось до 28 Іюня. Наканунѣ, 27 Іюня (въ день Полтавскаго сраженія), былъ подписанъ Тильзитскій миръ.

[2]) О Костогоровѣ см. выше, прим. 3 къ письму II, а о Соковниныхъ примѣч. 3 къ письму V.

[3]) М. Т. Каченовскій былъ редакторомъ основаннаго Карамзинымъ «Вѣстника Европы» въ 1805—1807 гг.; за 1808 и 1809 годы журналъ издавался подъ редакціею Жуковскаго; въ 1810 г. подъ редакціею Каченовскаго и Жуковскаго; съ 1811 же года Жуковскій отказался отъ редакторства.

[4]) Максимъ Ивановичъ Невзоровъ (о немъ см. выше, въ письмѣ II, прим. 10) съ 1805 по 1815 годъ былъ начальникомъ Московской университетской типографіи (см. его жизнеописаніе, составл. П. А. Безсоновымъ, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., ч. III, стр. 97). Въ этой типографіи печатался „Вѣстникъ Европы".

мнѣ. Ты теперь имѣешь довольно пособій и источниковъ; тебѣ извѣстна хорошо Нѣмецкая литература, слѣдовательно ты можешь назначить мнѣ: что̀ и гдѣ находится годнаго и новаго, или стараго, но еще неизвѣстнаго, въ Нѣмецкихъ книгахъ. Ты теперь въ такомъ мѣстѣ, которое очень интересно по настоящимъ обстоятельствамъ [5]). Записывай что̀ видишь и слышишь; такого рода записки могутъ занять хорошее мѣсто въ моемъ будущемъ журналѣ. Еще: твое Путешествіе по Европѣ не напечатано и, можетъ быть, не приведено въ порядокъ. Если есть въ тебѣ довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовь къ будущему году [6]). Ты въ связи со многими людьми, которые могутъ имѣть въ своихъ портфеляхъ какія-нибудь важныя рукописи, которыя очень бы мнѣ пригодились: напримѣръ, я желалъ бы имѣть записки Кантемира о его посольствѣ, которыхъ нѣтъ печатныхъ [7]). Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь подобныхъ записокъ? Однимъ словомъ, ты имѣешь много случаевъ доставать и слышать любопытныя вещи, и если по дружбѣ своей ко мнѣ возмешься снабжать мой журналъ ими и станешь ревностно доставлять мнѣ все важное и достойное замѣчанія и *напечатанія*, то я буду тебѣ благодаренъ отъ всего сердца. По части политики снабжай меня, если будешь имѣть время, сочиненіями или переводами или по крайней мѣрѣ назначай мнѣ достойныя помѣщенія піесы, то-есть сказывай, въ какомъ сочиненіи ихъ отыскивать. Въ послѣднемъ случаѣ не нужно будетъ тебѣ и письма писать, только напиши въ двухъ строкахъ: такая-то піеса въ такой-то книгѣ хороша; это будетъ для меня весьма выгодно: спасетъ у меня много времени. Нѣтъ ли чего въ бумагахъ братниныхъ [8])? Я думаю, нѣкоторыя статьи изъ его журнала, писанныя въ чужихъ краяхъ, могли бы годиться. Однимъ словомъ, будь моимъ ревностнымъ помощникомъ и побуждай лѣнтяя Блудова, когда опять съ нимъ сойдешься, помогать мнѣ Если же паче чаянія не войду въ изданіе журнала, то пріѣзжаю въ Петербургъ и вхожу въ службу.—Теперь еще одна просьба, любезный другъ, на которую, конечно, не получу отказа. Постарайся справиться хорошенько объ одномъ бывшемъ пансіонерѣ, котораго и ты, я думаю, знаешь, Проташинскомъ [9]). Онъ служитъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ

---

[5]) Въ Тильзитѣ.

[6]) Изъ этого Путешествія въ „Вѣстникѣ Европы" 1808 года былъ помѣщенъ (въ № 22) лишь небольшой отрывокъ „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году."

[7]) Въ № 4 „Вѣстника Европы" 1808 года, на стр. 277—282, мы находимъ статью „Георгъ II, Англійскій король, и министры его, описанные Кантемиромъ". Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Жуковскій, между прочимъ, говоритъ, что этотъ отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный, представляетъ собою донесеніе кн. А. Д. Кантемира, присланное имъ въ 1738 году изъ Лондона Императрицѣ Аннѣ, въ то самое время, когда онъ готовился оставить Англію и ѣхать въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра.

[8]) Въ бумагахъ Андрея Ивановича Тургенева.

[9]) Василій Проташинскій воспитывался въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ одновременно съ Н. И. Тургеневымъ. Изъ помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" извѣстій о годичныхъ актахъ Пансіона видно, что въ 1802 г. онъ былъ воспитанникомъ

3*

(кажется) полку, ундеръ-офицеромъ. Думаю, что онъ уже былъ въ сраженіи. Что̀ съ нимъ сдѣлалось, живъ ли онъ и въ какихъ онъ обстоятельствахъ? Если ему нужна помощь и протекція и если ты можешь и то и другое доставить, то я увѣренъ, что безъ моей просьбы все полезное для него сдѣлаешь. Если найдешь его, то заставь его пожалоста написать о себѣ къ своимъ роднымъ. И я, и многіе будемъ тебѣ за это благодарны. Прости, любезный другъ, не забывай посреди шуму и хлопотъ своихъ друзей, которые проводятъ свои дни смиренно и не шумно. Желаю искренно, чтобы всѣ твои планы и желанія исполнялись лучше моихъ. Не забудь написать о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ [10]). Я еще не видалъ твоей матушки, потому что уѣхалъ изъ Москвы за полторы недѣли до ея пріѣзда. Нашъ добрый Леманъ [11]) умеръ; я видѣлъ его передъ своимъ отъѣздомъ: онъ страдалъ и желалъ смерти, которой и я пожелалъ ему, видя его страшное мученіе, хотя горестно видѣть смерть такого человѣка, который могъ бы прожить еще долго и по своему прекрасному характеру достоинъ былъ долговременнѣйшей и лучшей жизни. Adieu. Твой навсегда Ж. Поклонись отъ меня Гагарину [12]). А тебѣ кланяется

старшаго возраста и получилъ на актѣ призъ (т. е. награду); въ 1803—1805 гг. онъ упоминается какъ студентъ, при чемъ въ 1803 г. получилъ призъ, въ 1804 серебряную медаль съ именемъ, а въ 1805 серебряную медаль съ именемъ и листомъ. На актѣ 1804 года имъ была произнесена рѣчь „О пользѣ основательныхъ знаній“, а на актѣ 1805 года рѣчь „О истинной славѣ и величіи“. Обѣ эти рѣчи напечатаны въ IV книжкѣ „Утренней Зари“ (Труды воспитанниковъ Универс. Благор. Пансіона), изданной въ Москвѣ въ 1806 г., первая (подписанная буквами Н. К.) на стр. 6—24; а вторая (безъ всякой подписи) на стр. 180—201. Въ „Утренней же Зарѣ“ помѣщены два перевода Протащинскаго съ Англійскаго: Кладбище (книжка III, М. 1805, стр. 126—128) и Покорность Провидѣнію (книжка IV, стр. 93—95). Въ извѣстіи объ актѣ 1806 года имени Протащинскаго уже не встрѣчается. Протащинскій поступилъ потомъ въ военную службу и, какъ видно изъ письма Жуковскаго къ Тургеневу отъ 16 апрѣля (1815 года), былъ раненъ подъ Бородинымъ; въ этомъ письмѣ Жуковскій, прося Тургенева доставить Протащинскому мѣсто въ Петербургѣ, между прочимъ, говоритъ про него: „Онъ ничего не имѣетъ, но онъ братъ М“, т. е. Марьи Андреевны Протасовой.

[10]) Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ 4 іюля 1807. Между 7 и 10 Іюля вернулись въ столицу Н. Н. Новосильцовъ и князь А. А. Чарторижскій (какъ видно изъ свѣдѣній о пріѣзжающихъ въ столицу, которыя печатались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ). Вѣроятно, около того же времени пріѣхалъ въ Петербургъ и А. И. Тургеневъ.

[11]) Воспитатель въ Московск. Университ. Благородномъ Пансіонѣ (см. Записки Жихарева, стр. 116, подъ 15 Декабря 1805 года: „... Тургеневы воспитанники Лемана и записные Нѣмцы ...“).

[12]) Князю Григорію Ивановичу Гагарину (р. 1782 † 1837), который былъ сотоварищемъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Благородному Пансіону. Князь Г. И. Гагаринъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности. Въ 1806 году онъ состоялъ, сверхъ штата, при посольствѣ въ Константинополѣ, а въ 1808 году былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ; потомъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и въ Мюнхенѣ.

Лодеръ [13]), который лѣчилъ мою руку. Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ [14]), хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку; Блудовъ здоровъ и теперь странствуетъ одинъ.

XIV.

(Въ послѣднихъ числахъ Ноября 1807, Москва).

Здравствуйте, любезные друзья. Отвѣчаю къ вамъ поздно и мало, потому что некогда и лѣнь. Я издаю на будущій годъ Вѣстника, это должно быть вамъ извѣстно; надѣюсь на вашу помощь, и это также, думаю, вы знаете. Получу ли отъ васъ какую-нибудь помощь, это едва ли и самому Богу извѣстно. Хотя Блудовъ и обѣщалъ для меня трудиться, доставлять мнѣ свои критики, свои разсужденія, не говорю уже о стихахъ, но можетъ ли быть, чтобы онъ когда-нибудь измѣнилъ своему характеру, то-есть сдѣлался аккуратенъ и помнилъ свои обѣщанія! Онъ влюбленъ! [1]) Извиняю его, бѣднаго человѣка! Но ты, безстрастный стоикъ Тургеневъ, котораго Путешествіе, не рожденное и не сотворенное, занимаетъ цѣлую стопу бумаги, ужели не вздумаешь разстаться съ этою ненужною для тебя кипою и дать ее своему пріятелю, который, приведши этотъ хаосъ въ порядокъ, украсилъ бы имъ свой журналъ? Друзья мои, друзья, вы совсѣмъ отъ меня отступились! Вы могли бы мнѣ помогать и ободреніемъ, и матеріалами, но вы слишкомъ разсѣяны, чтобы обо мнѣ позаботиться! Никакъ не могу подумать, чтобы были въ состояніи исполнить собственное свое желаніе—въ которомъ я увѣренъ—и подать руку помощи своему товарищу. Но чего требуетъ этотъ товарищъ? спросите вы. Сочиненій, новостей, книгъ. Блудовъ, въ Петербургѣ много и больше, нежели въ Москвѣ, литературныхъ новостей. Найди новѣйшія, разумѣется приличнѣйшія для моего журнала, дай мнѣ знать и, если можно, нѣкоторыя доставь: я заплачу тебѣ деньги аккуратно, потому что буду платить не свои, а университетскія. Напримѣръ, я желалъ бы имѣть The lives of most eminent englisch poets by Johnson [2]), Der philosophische Bauer von Hirzel [3]), но болѣе всего новостей. Ты, Блудовъ, могъ бы

---

[13]) Знаменитый анатомъ и профессоръ Московскаго университета Христіанъ Ивановичъ Лодеръ (р. 1753 † 1832).

[14]) Д. Н. Блудовъ ѣздилъ въ Казанскую свою деревню для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ послѣ кончины матери (см. Ковалевскій „Графъ Блудовъ и его время", стр. 45—46).

[1]) См. выше въ письмѣ VI, примѣч. 7.

[2]) Извѣстное сочиненіе знаменитаго Англійскаго писателя XVIII вѣка Самуила Джонсона (р. 1709†1784) „The lives of the most eminent english poets, with critical observations on their works".

[3]) Точное заглавіе этого сочиненія Гирцеля (р. 1725†1803), писателя по практической философіи, слѣдующее: „Die Wirthschaft eines philosophischen Bauers" (первое изданіе вышло въ Цюрихѣ въ 1761 году; второе изданіе—въ 1774 году).

доставлять мнѣ рисунки и планы лучшихъ Петербургскихъ зданій, разумѣется съ описаніемъ: это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только перомъ, но и рѣзцомъ, хотя въ объявленіи объ немъ отъ типографіи недостало немного смысла [4]). Тургеневъ, еще повторяю, пришли мнѣ свое Путешествіе и позволь мнѣ привести его въ порядокъ и выдать. И одинъ разъ навсегда, любезные друзья, помогайте мнѣ чѣмъ можете, и какъ можно безкорыстнѣе, то-есть не ожидая отъ меня писемъ: право, некогда. Блудовъ, критикуй Петербургскій театръ и актеровъ, представляющихъ и смотрящихъ: присылай ко мнѣ *Замѣчанія Петербургскаго зрителя* [5]), пиши чтó придетъ въ умъ, и даже, если хочешь, не заботься о слогѣ; мнѣ нужно твое остроуміе и твои замѣчанія, и чтобы избавить тебя отъ труда, слѣдовательно отъ всякой отговорки, позволяю тебѣ даже писать дурно и нескладно; берусь все вычищать, только пиши, не лѣнись! И что тебѣ дѣлать? Авторскія твои проказы украсили бы мой журналъ! Друзья, не забудьте, что лѣнь разрушаетъ всѣ добродѣтели; исправьтесь и пишите для Вѣстника! Какою бы прекрасною галлереею портретовъ обогатили вы мой журналъ, вы, которые живете въ свѣтѣ, видите такое множество разныхъ рожъ и имѣете способность ихъ видѣть! Блудовъ, будь хоть невзначай аккуратенъ и возврати мнѣ ради Бога мои книги: Parny, Contes de M-e Genlis и 1-й томъ Лагарпа, котораго купи непремѣнно; гдѣ мнѣ, пасынку Плутуса, взять денегъ и тратить за твои глупости? Еще не забудь прислать мнѣ записку о томъ, сколько и въ которое число и сколько лѣтъ уплачивать мнѣ тебѣ свой долгъ. Ты забылъ это сдѣлать, а мнѣ нужно непремѣнно знать заранѣе, чтобы приготовить нужное число денегъ вó время и быть исправнымъ. Не забудь же прислать книги и, если можно, похлопочи о какихъ-нибудь Французскихъ и для журнала моего хорошихъ новостяхъ. Тургеневъ, тебѣ поручаю искать мнѣ Нѣмецкихъ книгъ всякаго рода. Пишите, братцы.

Дмитріевъ [6]) кланяется Блудову и проситъ его купить у Росли-

---

[4]) Въ № 94 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1807 годъ, отъ 23 Ноября, было напечатано объявленіе отъ конторы Университетской типографіи о пріемѣ подписныхъ денегъ на періодическія изданія въ 1808 году. Упомянувъ, что „Вѣстникъ Европы“ въ 1808 году будетъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ: Литературы и Политики, въ объявленіи говорилось далѣе слѣдующее: „Для большаго удовольствія гг. пренумерантовъ каждый томъ будетъ украшенъ портретомъ одного изъ славныхъ людей нынѣшняго или прошедшаго времени, а каждый номеръ гравированнымъ изображеніемъ извѣстныхъ видовъ зданій, новыхъ модъ и тому подобнымъ“. Въ заключеніе сообщалось, что „г. Каченовскій, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ отказываясь быть издателемъ Вѣстника, уступаетъ его г. Жуковскому. Почтенная публика можетъ быть увѣрена, что и новый издатель Вѣстника, г. Жуковскій, который, по нѣкоторымъ сочиненіямъ и переводамъ, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ, и другаго рода сочиненіяхъ (sic), можетъ быть извѣстнымъ публикѣ, также удостоится ея вниманія“.

[5]) Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 года извѣстій о Петербургскомъ театрѣ не встрѣчается.

[6]) Иванъ Ивановичъ.

ни [7]) слѣдующія книги; но вотъ записка его руки, или нѣтъ, лучше напишу самъ (Тургеневъ вѣрно потеряетъ записку):

1. Les études du magistrat par François de Neufchâteau [8]).

2. Oeuvres choisies de Cochin, avocat au parlement, 2 v. [9])

3. De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire.

Перечитывая письмо свое, нахожу, что въ немъ нѣтъ ни складу, ни ладу. Важное открытіе!

XV.

9-е Декабря (1807, Москва).

Для меня совсѣмъ неутѣшительно слышать, любезный другъ Александръ, что ты и Блудовъ сбираетесь ко мнѣ писать и не соберетесь, хотя это очень натурально: когда вамъ обо мнѣ подумать? И можете ли удѣлить мнѣ хотя минуту? Надобно ѣхать на балъ къ Демидову, на именины, во дворецъ и прочее. Ты приготовилъ нѣкоторые переводы, которые могли бы быть очень интересны въ первыхъ книжкахъ, потому что новые, но я не надѣюсь ихъ получить. Кто видалъ, чтобы люди, занятые со свѣтомъ и которыхъ головы наполнены разными *высокими* идеями, брали на себя какой-нибудь трудъ, когда надобно сдѣлать удовольствіе пріятелю отдаленному, одинокому и имѣющему въ нихъ нужду! Легкое ли дѣло? Сложить пакетъ, запечатать, написать адресъ и послать на почту! Путешествія твоего имѣть не надѣюсь; за книги, за журналы, для меня купленные и выписанные, благодарю, хотя увѣренъ, что ихъ имѣть не буду. Однимъ словомъ, любезные друзья, вы забыли меня совершенно, и для меня очень оскорбительно, что въ такихъ случаяхъ, когда вы можете мнѣ помочь, и когда не трудно помочь—нужно имѣть немножечко вниманія, въ которомъ, конечно, нельзя отказать и чужому—вы не только обо мнѣ не думаете, но даже и не позволяете себѣ думать. Въ этомъ случаѣ я не похожъ на васъ, всякую нужду своего пріятеля исполню, и тотчасъ (разумѣется, когда могу); лѣниться писать другое дѣло: это не есть необходимость и никогда не можетъ оскорбить, развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда письмо нужно. Напримѣръ, я увѣренъ, что ты, Александръ, не отдалъ Блудову записки о тѣхъ книгахъ, которыхъ требуетъ Дмитріевъ [1]); между тѣмъ мнѣ пеняютъ, а тебѣ и дѣла нѣтъ! Проситъ пріятель: на что же исполнить! Обязанности существуютъ только съ одними незнакомыми, передъ которыми надобно *казаться*! Пріятели меня знаютъ; на что жъ поддерживать то, что́ твердо? Самое логическое разсужденіе!

Еще благодарю тебя и за то, что ты постарался потерять письмо къ Проташинскому [2]): доказательство твоего вниманія, и больше ни-

---

[7]) Петербургскій книгопродавецъ.

[8]) Это сочиненіе Французскаго государственнаго дѣятеля и писателя François de Neufchâteau (р. 1750†1828) появилось въ свѣтъ въ 1787 году.

[9]) Избранныя сочиненія Henri Cochin, знаменитаго Французскаго адвоката (р. 1687† 1747) были напечатаны въ двухъ томахъ въ Парижѣ въ 1773 году.

[1]) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

[2]) См. о немъ выше, въ письмѣ XIII, прим. 9.

чего; ты же, какъ я вижу, (ищешь?) случаевъ быть полезнымъ только въ важныхъ вещахъ, а малыми пренебрегаешь. Повѣрь, любезный другъ, что важныя не многочисленны и рѣдки, а забывая часто о бездѣлицахъ, которыя требуютъ отъ тебя друзья и которыя такъ легко бы было исполнить, ты наконецъ увѣришь ихъ, что совершенно выгналъ ихъ изъ памяти и изъ сердца! Я въ этомъ, конечно, не увѣренъ, и очень далекъ отъ такихъ мыслей, но, признаюсь, для меня досадно было, и очень досадно, читать въ письмѣ къ Соковнинымъ: «Скажите Жуковскому, что письмо къ Протасинскому потеряно». Ты объ этомъ такъ пишешь, какъ будто это очень натурально и иначе быть не могло! *Мы еще не собирались къ нему писать* (несмотря на то, что ему теперь въ насъ нужда). Что противъ этого сказать? Вы правы, милостивые государи! Больше ничего. И какъ роптать на людей, которые для пользы пріятелей должны опоздать десятью минутами въ ресторацію или на балъ къ Демидову? И можно ли требовать таких великихъ жертвъ?

Не сердитесь на меня, братцы, за то, что я на васъ сержусь; дружба позволяетъ имѣть требованія, а вы забываете меня, слишкомъ забываете: вамъ не трудно жертвовать мною разсѣянію, а для меня это, признаюсь, оскорбительно. Лѣниться писать для того только, чтобы сказать нѣсколько словъ, которыхъ можно бы было и не сказать, и лѣниться думать о своемъ пріятелѣ тогда, когда онъ этого требуетъ, когда это нужно, великая разница.

Вотъ коммиссіи, которыя прошу исполнить.

Первая: книги Дмитріеву слѣдующія у Роспини:

Les études du magistrat par F. M. Neuchâteau,
Oeuvres choisies de Cochin, 2 v.
De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire

Вторая: найти Протасинскаго непремѣнно, если онъ не уѣхалъ, сказать ему о потерянномъ письмѣ и еще, чтобы онъ, если долженъ будетъ ѣхать черезъ Москву, увидѣлся со мной. Дать ему мой адресъ. Dites-moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

N'est-ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a pas ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ces expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. Silence sur tout ce qui est passé! En parler seulement pour ne pas se taire sent trop le grand monde, qui n'attache pas beaucoup de valeur

à tout ce qu'il dit. Adieu, cher ami, expliquez vous sur cet article. Ma lettre vous paraîtra-t-elle ridicule? Je ne l'espère pas [3]).

Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двухъ словъ*, то попроси его отъ меня, чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя, и для другихъ; что я этого требую, какъ искренній другъ, и что его скромность въ этомъ случаѣ должна быть самымъ вѣрнымъ доказательствомъ его дружбы. Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такою вещію, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомкни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или лучше сказать обыкновенной *невнимательности* Блудова, а она въ этомъ случаѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня несчастіемъ [4]).

XVI.

(Въ Декабрѣ 1807, Москва).

Здравствуй, любезный другъ Александръ; пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, не имѣя времени написать больше. *Первое*, прошу тебя забыть мщеніе и прислать мнѣ тѣ піесы, которыя ты приготовилъ для «Вѣстника»: то, чтó интересно и ново, надобно помѣстить въ первыхъ книжкахъ; также доставь мнѣ и свое Путешествіе. Надѣюсь, что ты и Блудовъ будете снабжать меня хорошимъ, въ матеріалахъ и въ готовыхъ піесахъ. Боюсь одной вашей безпечности или разсѣянности, которыя, можетъ-быть, не позволятъ вамъ обратить вниманія на вашего *издающаго* друга. *Второе* и самое важное: мнѣ сказывала Анна Михайловна [1]), что она слышала отъ вѣрныхъ людей, будто ея письма и все, чтó у тебя есть отъ нея, въ такомъ у тебя неприборѣ, что всякій profane можетъ ихъ видѣть. Если это правда, то ты, любезный другъ, виноватъ и долженъ исправить бѣду: прошедшее заслуживаетъ боль-

---

[3]) Т. е. Скажи мнѣ еще, Александръ, чтò означаютъ нижеслѣдующія слова:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

Послѣдовательно ли развѣ показывать, что имѣешь чувства, не имѣя намѣренія ихъ питать и не имѣя къ тому возможности? Зачѣмъ говорить о томъ, чего и не желаешь, и не можешь возобновить? И къ чему пытаться пробудить чувства, когда-то весьма живыя, но которыя теперь уже угасли и могутъ причинять только боль? Не знаю, чтó имѣлъ ты въ виду, когда писалъ эти стихи. Въ этомъ случаѣ, зная хорошо лицъ, съ которыми ты имѣешь сношенія, ты не могъ дѣйствовать безъ цѣли. И эти излишнія выраженія, нѣкогда пріятныя, а нынѣ ненужныя, тебѣ болѣе не къ лицу. Станемъ молчать о всемъ томъ, чтò прошло! Говорить о немъ для того только, чтобъ не молчать, слишкомъ напоминаетъ большой свѣтъ, гдѣ не придаютъ особаго значенія тому, чтò говорятъ. Прощай, дорогой другъ, объяснись по этому поводу. Не покажется ли тебѣ страннымъ мое письмо? Надѣюсь, что нѣтъ.

[4]) Жуковскій въ это время уже имѣлъ намѣреніе жениться на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. П. Б.

[1]) Анна Михайловна Соковнина (р. 1784 † 1873), сестра пріятеля Жуковскаго и Тургеневыхъ, Сергѣя Михайловича Соковнина, бывшая потомъ замужемъ за Василіемъ Никитичемъ Павловымъ.

шее отъ насъ уваженіе, потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь такъ не дорожить ея именемъ, или лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ? Ожидаю отъ тебя на это обстоятельство объясненія. Мой адресъ тебѣ извѣстенъ: у Антонскаго [2]). Прости. Обнимаю тебя. Жуковскій.

XVII.

(Въ концѣ Декабря 1807 или началѣ Января 1808, Москвѣ).

Пишу къ тебѣ два слова, любезный другъ, не имѣя совершенно времени писать болѣе. Твое письмо получилъ и показывалъ; оно разсѣяло всѣ сомнѣнія, для тебя непріятныя [1]). Костогоровъ просилъ тебя о журналѣ брата, писанномъ въ Вѣнѣ [2]), для А. М. [3]), а не для К. М. [4]). Доставь ко мнѣ, если хочешь, а то лишь объ этомъ напиши. К. М. не все можно показывать, ты самъ знаешь. За Французскія бумаги благодарю, но въ нихъ совершенно нѣтъ ничего интереснаго. Я думалъ, что ты пришлешь мнѣ свой переводъ изъ Англійскихъ памфлетовъ о Тильзитскомъ мирѣ, и Блудова переводъ Руссовой піесы [5]), и свое Путешествіе. Но дождешься ли отъ тебя и отъ Блудова аккуратности, хотя мнѣ это и очень досадно: какъ можно такъ быть незаботливымъ о друзьяхъ! Скажи Блудову, чтобъ онъ доставилъ мнѣ поскорѣе Johnsons Lives, за которые много его благодарю. Не пишу къ нему оттого, что пишу къ тебѣ, слѣдовательно для двухъ одно письмо. Ты спрашиваешь въ своихъ письмахъ, нужно ли мнѣ то и то. Напрасно! Присылай все, что́ тебѣ покажется хорошо: если мнѣ не будетъ нужно, возвращу тотчасъ и аккуратно. Напомни Блудову, чтобъ онъ прислалъ Laharpe, Parny и Genlis. За что́ онъ разрушилъ мою библіотеку? О друзья мои, какіе вы безсовѣстные! Вы лю-

---

[2]) Настоящее письмо, какъ видно изъ его содержанія, писано нѣсколько ранѣе слѣдующаго письма № XVII, въ которомъ встрѣчаются напоминанія о порученіяхъ, данныхъ Жуковскимъ въ письмахъ отъ конца Ноября (№ XIV) и 9 Декабря (№ XV).

[1]) Эти слова имѣютъ отношеніе къ той части предыдущаго письма (№ XVI), въ которой Жуковскій говорилъ о письмахъ А. М. Соковниной.

[2]) Вѣроятно рѣчь идетъ о журналѣ, который велъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ; по поступленіи своемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ онъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Вѣну съ депешами (см. „Русскій Архивъ“ 1871, ст. 0134, примѣчаніе). См. выше, стр. 35.

[3]) Анна Михайловна Соковнина.

[4]) Ея сестра Екатерина Михайловна Соковнина (скончалась въ дѣвицахъ). По всему вѣроятію, ей посвящено стихотвореніе Жуковскаго „Протекшихъ радостей уже не возвратить“, написанное въ Декабрѣ 1803 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25), въ печатныхъ изданіяхъ ошибочно относимое къ 1807 году. Не имѣетъ ли оно отношеніе къ кончинѣ Андрея Ивановича Тургенева († 8 Іюля 1803)?

[5]) Быть можетъ, это переводъ Письма Ж. Ж. Руссо, помѣщенный, съ примѣчаніемъ Жуковскаго, въ № 4 „Вѣстника Европы“ 1808 года, стр. 265—276.

бите меня, это знаю; но лѣнь и разсѣянность! Чтó жъ книги Дмитріеву? Если нѣтъ на Нѣмецкомъ Der philosophische Bauer, то поищи на Французскомъ Le Socrate rustique [6]). Еще Hirzel an Gleim über Sulzer den Weltweisen [7]). Александръ, пришли съ Андреемъ Ѳедоровичемъ [8]) все, чтó въ библіотекѣ твоей найдется годнаго для журнала; я возвращу все въ цѣлости и сохранѣ. Повѣрь Богу! Поищите съ Блудовымъ какихъ-нибудь политическихъ отрывковъ. Но этому не бывать; гдѣ вамъ для меня побѣдить свою лѣнь! Я прихожу въ отчаяніе. О друзья мои, о друзья мои! A propos скажу пріятную новость: Родзянка [9]) приходитъ въ себя. Есть надежда, что выздоровѣетъ. Простите. Блудовъ, побойся Сатаны, пришли книги, мои и свои, и переводъ, и все! Нѣсколько сочиненій твоихъ! Пиши пожалоста какія-нибудь замѣчанія на то, чтó видишь. Кому жъ и писать ихъ, если не тебѣ? Хотя изъ жалости къ твоему другу будь остроумнымъ. Томашевскій [10]) ѣдетъ въ Петербургъ. Я ему отдалъ всѣ деньги.

XVIII.

(10 Февраля 1809, Москва).

Черезъ двѣ недѣли, любезный другъ, а много черезъ три, надѣюсь тебя увидѣть [1]). Приготовь мнѣ, если можно, уголъ въ своей горницѣ. Однако прежде напиши, будетъ ли у тебя мѣсто. Вѣдь ты живешь теперь съ Блудовыми. О причинѣ моего прибытія въ Петербургъ узнаешь тогда, когда увидимся: чтó бы ни вышло, мы проживемъ вмѣстѣ мѣсяцъ или два. Напомни обо мнѣ Константину Булгакову [2]),

---

[6]) Le Socrate rustique—это переводъ того же сочиненія Гирцеля. Полное заглавіе его слѣдующее: „Le Socrate rustique, ou description de la conduite économique et morale d'un paysan philosophe“. Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Цюрихѣ въ 1763 году; 4-е изданіе вышло въ свѣтъ въ Лозаннѣ въ 1777 году.

[7]) Это сочиненіе появилось въ 1780 году. Глеймъ—Нѣмецкій поэтъ (р. 1719 † 1803).

[8]) Сухотинымъ? (см. ниже письмо отъ 8 Ноября 1814 года).

Зулцеръ—извѣстный философъ и эстетикъ (р. 1720 † 1779).

[9]) См. выше, въ письмѣ XII, прим. 6.

[10]) Вѣроятно, тоже лицо, о которомъ Жуковскій писалъ Тургеневу въ Февралѣ 1807 года (см. письмо XII).

[1]) Настоящее письмо Жуковскаго писано на одномъ листѣ съ письмами къ А. И. Тургеневу его матери Екатерины Семеновны и брата Сергѣя Ивановича и припискою А. С. Кайсарова. Сначала идетъ письмо Е. С. Тургеневой, затѣмъ письма Жуковскаго и С. И. Тургенева, а въ концѣ приписка Кайсарова. Мѣсяцъ и число выставлены въ началѣ письма рукою Е. С. Тургеневой. Что письмо относится къ 1809 году, видно 1) изъ того, что именно въ этомъ году Жуковскій на короткое время ѣздилъ въ Петербургъ (см. Русскій Архивъ 1867 года, ст. 798, примѣч. 9); 2) въ письмѣ Е. С. Тургеневой идетъ рѣчь о денежныхъ ея неудовольствіяхъ съ И. В. Лопухинымъ, о чемъ упоминается и въ дальнѣйшемъ письмѣ Жуковскаго (XX), отъ 15 Сентября 1809 года; 3) о свиданіи съ А. С. Кайсаровымъ въ Москвѣ говорится въ томъ же письмѣ Жуковскаго отъ 15 Сентября 1809 года.

[2]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1782 † 1835), сынъ посланника въ Кон-

съ которымъ, какъ кажется, не нужно будетъ снова знакомиться. А Александру Яковлевичу [3]) рекомендуй меня заранѣе, такъ чтобы я пріѣхалъ совершенно въ знакомый домъ. Прощай, любезнѣйшій другъ. Au revoir [4]).

стантинополѣ Я. И. Булгакова, получилъ воспитаніе въ Нѣмецкомъ училищѣ при церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ молодости служилъ по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, сначала въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи, затѣмъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Впослѣдствіи былъ тайнымъ совѣтникомъ и С.-Петербургскимъ почтдиректоромъ.

[3]) Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1781†1863), старшій братъ К. Я. Булгакова, впослѣдствіи бывшій долгое время Московскимъ почтдиректоромъ. Оба Булгаковы были общими пріятелями Жуковскаго, Тургенева, Д. В. Дашкова и кн. П. А. Вяземскаго (см. Воспоминаніе послѣдняго о Булгаковыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1868 года, ст. 1436—1445. Тамъ же напеч. письма Жуковскаго къ А. Я. Булгакову, ст. 1445—1483).

[4]) Помѣщаемъ здѣсь письма Е. С. Тургеневой и С. И. Тургенева и приписку Кайсарова, причемъ письмо матери А. И. Тургенева печатается съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника:

10 Ѳевраля.

Сейчасъ палучила суму девеноста шесть тысечи 700 руб. а праценту не капейки не дали; исъ сумы вычли 300 руб., для тава што въ сенацкамъ указе сказана сто трицать шесть тысечи 600 руб. места ста трицати тысечь семь сотъ рублей. Лапухинъ падавалъ прозбу, штобъ намъ праценту не выдавать; Губерская Правления такъ и зделала. Завтре подамъ прозбу в Губерская Правления; такъ должна, и мне атказутъ. А пачему бе(зъ) закона зделали? Вотъ тутъ сказана, то я пришлю в Общея собрания прозбу. Бога ради, старайся какъ можна. Столка патерять, без малава двацать пять тысечь, и савсемъ бе(зъ) закона зделали. Вотъ какия притеснении. Таперя Н. Н. нетъ, но са(мъ) прасилъ Алексеева. Места тово штобъ обрадоваца, я целай день праплакала. Силъ нетъ писать. Христосъ с табой. Буди натъ табой Божия миласть и мае грешнея благаславения. К. Т. Светаева писмо пасылаю.

—

Высочайшая воля и указы Правительствующаго Сената были довольно ясны и справедливы. Ими предписано удовлетворить насъ въ полной мѣрѣ и исполнить по сему предмету рѣшеніе Уѣзднаго Суда, гдѣ именно сказано: удовлетворить и съ приращеніями. Нынѣ Уѣздный Судъ выдалъ однѣ капитальныя, и то не вполнѣ, и вмѣсто 137000 р.— 136000 и вовсе безъ процентовъ, отступя тѣмъ отъ собственнаго по сему дѣлу опредѣленія. То можетъ ли почесться удовлетвореніемъ, тогда какъ предписано насъ удовлетворить преимущественно и когда есть въ виду и деньги еще? Наконецъ мы деньги капитальныя получили, а матушка все еще не спокойна. Жаль, очень жаль: это значитъ Бога гнѣвить. Проценты не знаю когда отдадутъ. Прилагаю письмо Цвѣтаева. Благодарю за законы. Всѣ ихъ прочесть просятъ, и я самъ съ Андреемъ Сергѣевичемъ прочесть не успѣли. Писать, ей ей, болѣе некогда; и то всѣ пишемъ, начиная съ Андрея Сергѣевича и до меня, Василій Андреевичъ включительно. Простите. Съ душевнымъ почтеніемъ остаюсь васъ любящій С. Т.

—

Здравствуй, милой Александръ! Обнимаю тебя сердечно. Будь здоровъ. Прости. Твой А. Кайсаровъ.

XIX.

(Въ Августѣ 1809).

Я получилъ твое письмо, любезнѣйшій другъ. Благодарю тебя за препорученіе твое написать отвѣтъ на письмо къ Саратовскому жителю [1]). Постараюсь выполнить его какъ можно лучше, теперь могу сказать тебѣ только одно: пришли мнѣ тотчасъ печатный экземпляръ, какъ скоро выйдетъ на свѣтъ. Я думаю, что къ 1-му или 15 Ноября не будетъ поздно отвѣчать; прежде не успѣю, и нѣтъ кажется нужды спѣшить. Вслѣдъ за этимъ письмомъ получишь непремѣнно другое. Но я не знаю, вѣрно ли ты получаешь мои письма, ибо я не имѣю отъ тебя отвѣта на такое письмо, на которое долженъ бы былъ непремѣнно получить отвѣтъ, Въ слѣдующемъ письмѣ буду отвѣчать насчетъ курса словесности; я имѣю объ этомъ довольно сказать тебѣ. Теперь прости, мой любезный, добрый и всегдашній другъ. Радуюсь, что ты, живучи съ людьми, болѣе и болѣе думаешь, что наша дружба для насъ обоихъ необходима. Я, будучи гораздо тебя уединеннѣе, часъ отъ часу болѣе это чувствую. Дай Богъ, чтобы то время скорѣе пришло, въ которое мы бы могли сказать рѣшительно и съ большимъ основаніемъ: мы живемъ другъ для друга. Теперь мы живемъ только въ одномъ мірѣ и знаемъ, что наша дружба можетъ быть нашимъ счастіемъ. Когда эта возможность и не будетъ въ одномъ воображеніи! Намъ надобно не только быть друзьями, но должно, чтобы дружба наша была для насъ благодѣтельна и чтобы мы это чувствовали, слѣдственно были этимъ счастливы. Прости. Ив. Володимеровичъ [3]), думаю, уже писалъ къ тебѣ; по крайней мѣрѣ онъ обѣщалъ мнѣ къ тебѣ написать. Онъ подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ Записокъ [4]); я велѣлъ уже для тебя, съ его позволенія, списывать; когда допишутъ, получишь. Прости, обнимаю тебя.

---

[1]) Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ отъ 12 Сентября 1809 года (№ XX) Жуковскій сообщилъ Тургеневу, что письмо отъ Саратовскаго жителя будетъ имъ написано и прислано на цензуру Тургенева не ранѣе Декабря.

[2]) Въ письмѣ отъ 12 Сентября Жуковскій ничего не говоритъ о курсѣ словесности. Быть можетъ, онъ позабылъ исполнить свое обѣщаніе, или же до него не дошло то письмо, въ которомъ онъ сообщалъ Тургеневу свои мысли по этому поводу.

[3]) Лопухинъ. Письмо его къ Тургеневу касалось, по всему вѣроятію, долговыхъ его обязательствъ Тургеневымъ (см. въ письмахъ XVIII въ примѣч.) и XX.

[4]) Записки Ивана Владимировича Лопухина, дошедшія до насъ въ немаломъ числѣ современныхъ списковъ, свидѣтельствующемъ о достаточной распространенности ихъ въ тогдашнемъ обществѣ, были напечатаны въ 1860 году О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“; новое изданіе ихъ появилось въ 1884 году въ „Русскомъ Архивѣ“.

XX.

Бѣлевъ, 15-го Сентября 1809.

Сначала буду отвѣчать тебѣ на послѣднее твое письмо отъ 31 Августа, любезнѣйшій другъ. Ты спрашиваешь, какое содержаніе того письма, которое было отъ меня тебѣ послано и тобою не получено и что̀ нужно по немъ исполнить? Содержаніе его для меня важно, но исполненіе по немъ можешь сдѣлать во всякое время. Я писалъ въ такую минуту, когда для меня необходимо было къ тебѣ писать, и просилъ тебя, чтобы ты меня увѣрилъ, что твои слова: *ты забылъ меня совершенно*, написанныя тобою въ заключеніи одного изъ стародавнихъ и N.B. послѣднихъ твоихъ писемъ, были не иное что, какъ только слова, безъ всякихъ мыслей написанныя, что ты увѣренъ въ моей истинной къ тебѣ дружбѣ, которая ни на минуту не ослабѣвала, а право со времени минутнаго нашего свиданія съ тобою въ Москвѣ удвоилась. Получить отъ тебя такое драгоцѣнное для меня увѣреніе было мнѣ нужно, и я очень сожалѣю, что письмо мое потеряно: увѣренъ, что его не донесли на почту, ибо я писалъ изъ чужой деревни, въ которой останавливался, проѣзжая въ Орелъ. Такъ тому и быть! Но что̀ отсрочено, то не потеряно! Ты и теперь можешь сдѣлать мнѣ отвѣтъ на мою задачу. Я писалъ къ тебѣ еще (что̀ повторяю и теперь и что̀ надѣюсь повторять по самую смерть), что я желаю, чтобы наша дружба съ тобою была не одною только мыслію, но дѣломъ, и *главнымъ дѣломъ* жизни, что намъ надобно воспользоваться жизнію *вмѣстѣ*, и не только *знать*, но и вмѣстѣ *чувствовать на опытѣ*, что мы друзья, слѣдовательно имѣть всегда въ виду, что мы со временемъ будемъ *вмѣстѣ* и будемъ стараться другъ другу доставить то счастіе, котораго напрасно искали въ другихъ мѣстахъ (по крайней мѣрѣ это могу сказать о себѣ: я еще не знаю, что̀ такое счастіе, выключая развѣ только тѣ минуты, когда пишешь; но это минуты). На все это ожидать отвѣта надобно съ нетерпѣніемъ; потому то я и написалъ, что ты *долженъ* былъ отвѣчать на письмо мое; но это-то письмо именно и пропало. Досадно, а нечего дѣлать.

Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ [1]) и нимало не опечаленъ ея кончиною. Правда, она отыметъ у моего журнала нѣсколько подписчиковъ,—но такъ тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвенія;

---

[1]) Въ № 17 „Вѣстника Европы“ 1809 года, вышедшемъ 1 Сентября, было помѣщено въ концѣ слѣдующее заявленіе издателя: «Извѣстія о политическихъ происшествіяхъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не принадлежащія нашему Вѣстнику, будутъ замѣняемы другими. Смѣемъ надѣяться, что увѣдомленія о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, о выходящихъ въ свѣтъ книгахъ Россійскихъ и иностранныхъ, о достопамятныхъ явленіяхъ натуры, удовлетворятъ читателей, ищущихъ не минутнаго только удовольствія, но и пользы. Журналъ нашъ будетъ продолжаться по другому плану, о которомъ читатели узнаютъ въ скоромъ времени». Съ этого же нумера въ „Вѣстникѣ Европы“ пересталъ появляться отдѣлъ, который имѣлъ заглавіе „Политика“.

напротивъ, чувствую желаніе сдѣлать журналъ мой изъ дурнаго, или много-много посредственнаго, хорошимъ. Издавать его буду не одинъ, но вмѣстѣ съ Каченовскимъ. Планъ нашъ распространится, о чемъ узнаешь изъ объявленія [2]). Если бы ты не былъ и лѣнивъ, и безпеченъ, то могъ бы быть весьма полезенъ моему изданію. Первое, доставляя разныя извѣстія о ученыхъ обществахъ Петербургскихъ, о литературѣ, театрѣ и разныхъ разностяхъ, являющихся на горизонтѣ Петербургскаго міра, или по крайней мѣрѣ ты могъ бы надоумить двухъ-трехъ и до полдюжины хлопотливыхъ и умныхъ человѣкъ (напр. Костогоровъ), которые присылали бы мнѣ разныя извѣстія, съ полною довѣренностію дѣлать изъ нихъ что́ мнѣ разсудится. Также не худо

[2]) Объявленіе отъ конторы Университетской типографіи объ изданіи въ 1810 году „Вѣстника Европы" было напечатано въ № 84 „Московскихъ Вѣдомостей", отъ 20 Октября 1809 года (а затѣмъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, въ № 96, отъ 1 Декабря). До 1810 года „Вѣстникъ Европы" дѣлился на два большіе отдѣла: Литературы (въ которомъ помѣщались „сочиненія и переводы, вообще къ словесности отечественной и иностранной относящіеся: стихи, повѣсти, краткія размышленія о философическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ предметахъ; отрывки краснорѣчія, біографіи славныхъ людей, иногда критическія замѣчанія на книги, Русскія и иностранныя" и Политики (гдѣ помѣщались „разсужденія, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ, отрывки изъ лучшихъ новѣйшихъ политическихъ сочиненій и, наконецъ, извѣстія о важнѣйшихъ происшествіяхъ Европы"). Въ вышепомянутомъ объявленіи объ изданіи Вѣстника на 1810 годъ сообщалось слѣдующее: „Г. Каченовскій и г. Жуковскій будутъ издателями сего журнала. Они предположили распространить планъ его и дать ему болѣе правильности и разнообразія. Въ отдѣленіи Словесности помѣщаемы будутъ сочиненія, собственно къ словесности принадлежащія: прозаическія рѣчи, историческіе отрывки и біографіи; описанія, повѣсти, разговоры;—піитическія: басни, эклоги, пѣсни, оды и пр. Отдѣленіе подъ названіемъ Наукъ и Искусствъ будетъ содержать въ себѣ разныя сочиненія до словесныхъ и вообще свободныхъ наукъ и художествъ относящіяся и заключающія въ себѣ или замѣчанія или правила или разсужденія объ ученыхъ и художественныхъ предметахъ. Отдѣленіе Критики посвящается безпристрастному разсмотрѣнію книгъ, достойныхъ примѣчанія, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Къ Смѣси принадлежатъ любопытные анекдоты, достопамятныя изреченія и мысли, Московскія новости, иногородныя и заграничныя извѣстія (въ № 96 вмѣсто этой послѣдней фразы сказано: извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ), разныя замѣчанія, краткія увѣдомленія о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ и тому подобное". Въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы" за 1809 годъ въ объявленіи отъ издателей планъ изданія журнала на 1810 годъ предложенъ такой: I. *Словесность.* Проза: повѣсти, рѣчи, разговоры и пр. Стихотворенія: оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы и пр. II. *Науки и Искусства.* Отрывки изъ путешествій, разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ, принадлежащихъ къ изящнымъ искусствамъ и вообще къ наукамъ. III. *Критика.* Разборъ книгъ Россійскихъ и иностранныхъ. Критическія разсужденія. IV. *Смѣсь.* Анекдоты. Мысли. Московскія записки. Извѣстія внутренняя. Извѣстія изъ иностранныхъ журналовъ. V. *Обозрѣніе происшествій.* Извѣстія о происшествіяхъ политическихъ. Хронологическія таблицы происшествій (въ концѣ каждаго тома).

бы было, если бы ты снабжалъ меня и книгами, *годными* для журнала, за которыя получалъ бы отъ меня деньги аккуратно, ибо типографія ассигновала на сіи издержки 200 рублей и болѣе; но ты лѣнивъ, и лѣнивъ, и лѣнивъ. Надѣюсь, однимъ словомъ, что Вѣстникъ на слѣдующій годъ будетъ занимательнѣе, любопытнѣе, разнообразнѣе и вдвое менѣе принесетъ доходу. По чортъ побери тѣ доходы, которые къ намъ не доходятъ!

Письмо отъ Саратовскаго жителя [3]) будетъ написано непремѣнно, къ тебѣ прислано на цензуру, но не прежде, какъ въ Декабрѣ: теперь я занятъ другимъ, пишу стихи, и послѣ опять примусь за стихи,— слѣдовательно проза къ чорту! Но на будущій годъ и прозы будетъ въ моемъ журналѣ довольно. Боюсь только залѣниться. А плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ-то скорѣе и удачнѣе прежняго. Honny soit qui mal y pense [4]).

Не стыдно ли Блудову не написать ко мнѣ ни строчки и лѣниться такъ же, какъ я? Не вздумалъ ли и онъ, что я его забылъ? Нѣтъ, братцы, прошу васъ никогда не воображать обо мнѣ такого страму. Я вашъ вѣчно, душою и мыслями; но что̀ прикажешь дѣлать, если нѣтъ другаго средства говорить съ вами, какъ черезъ письма! Мы будемъ вмѣстѣ, будемъ и тогда...

Теперь слово о моемъ Собраніи [5]). Я издаю не *примѣры*, но полное собраніе лучшихъ стихотвореній Россійскихъ,—книгу, которая могла бы замѣстить для людей со вкусомъ и для не весьма богатыхъ людей собраніе всѣхъ сочиненій Русскихъ поэтовъ каждаго порознь. Беру изъ каждаго лучшее, и все это смѣшавъ вмѣстѣ, предлагаю нашей публикѣ душистое pot-pourri, въ которомъ между лилеями, розами и жасминами не забыты и ландыши и другіе полевые цвѣты, то-есть, говоря безъ глупыхъ фигуръ, въ которомъ между лучшими произведеніями лучшихъ стихотворцевъ должны быть помѣщены и лучшія произведенія посредственныхъ, слѣдовательно, въ сравненіи съ первыми посредственныя, однако не дурныя; подъ вывѣскою *посредственнаго* выступятъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя выберу я изъ полныхъ сочиненій нашихъ второклассныхъ авторовъ и изъ журналовъ [6]). И кому удалось во всю жизнь свою написать одинъ только порядочный quatrain, за что-жъ этому бѣдному сиротѣ погибать въ глуши какого-нибудь журнала? И я, по милости своей, даю ему пристанище въ моемъ Собраніи стихотворцевъ, которое по многимъ отношеніямъ будетъ сходствовать съ домомъ *страннопріимнымъ*, удивляющимъ за Сухаревою башнею путешественника [7]). Вотъ расположеніе моего собранія; оно должно

---

[3]) См. выше, въ письмѣ XIX.

[4]) Т. е. Да будетъ стыдно тому, кто объ этомъ дурно подумаетъ. (Извѣстный девизъ на Англійскомъ орденѣ Подвязки).

[5]) Т. е. о Собраніи Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ, изданномъ Жуковскимъ въ Москвѣ въ пяти частяхъ въ 1810—1811 гг.

[6]) Подобныя же мысли высказаны Жуковскимъ и въ предисловіи къ первой части „Собранія“.

[7]) Разумѣется Страннопріимный домъ графа Шереметева.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

12 ВЫПУСКОВЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

I. Императрица Марія Өеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Степана Петровича Жихарева** (1806 и 1807 годы).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева** (дѣда нынѣшняго министра финансовъ Витте).

Письма митрополита **Филарета** къ Ө. Я. Репнинскому. 1828—1842.

Изъ депешъ **барона Баранта.**

Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминанія графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

*

II. Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу).

Москва во дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михаиловича Евреинова.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я. Діева.**

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго (Польскіе наѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона князя **В. И. Васильчикова.**

Живописецъ В. Л. Боровиковскій. Біографическіе очеркъ **В. П. Горленко.**

Письмо **И. С. Аксакова** по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

*

III. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Что происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году.

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го. **И. М. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль—Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). „Событіе". **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ. **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Въ приложеніи:

Геліогравюры, изображающія скопческое моленіе и портретъ **Ювеналія Воейкова.**

Цѣна съ пересылкою **ВОСЕМЬ** рублей.
Каждая книга отдѣльно **ТРИ** рубля съ пересылкою.
Выписывающіе нѣсколько экземпляровъ пользуются уступкою 10%.

Годъ тридцать третій.

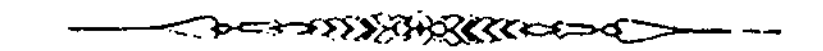
РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

3.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА СОРОКОВАЯ.

Содержаніе: Переписка М. С. Воронцова съ графами Карломъ Васильевичемъ Нессельроде и Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.—Письма императора Николая Павловича.—Бесѣда князя М. С. Воронцова съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. М. 1895, 8°. 528 стр. Цѣна **3** р. Складъ изданія: С.-П-бургъ, Моховая, д. князя Воронцова-графа Шувалова.

Историческія статьи, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ духовнаго вѣдомства за 1894 годъ.

Андросовъ Е. Къ исторіи Починковскаго Духовнаго Училища. „Нижегородскія Еп. Вѣд." № 1.

Протоіерей **І. І. Базаровъ**. Некрологъ „Тульск. Еп. Вѣд." № 2.

Бѣликовъ Д. Царственное дѣло, личность и жизнь въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. „Томскія Еп. Вѣд." № 1.

Дневникъ преосв. **Арсенія Верещагина.** 1787—1789. „Яросл. Еп. Вѣд." 1—6.

С—чъ И. Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. „Церковныя Вѣдомости" № 6.

Заботы **Георгія Конисскаго** о сохраненіи земельныхъ владѣній Могилевской каѳедры отъ расхищенія. „Могил. Епарх. Вѣд." № 4.

Письма пр. **Георгія Конисскаго** къ Гроссу и князю Волконскому 1757 г. „Могил. Еп. Вѣд." № 1, 2.

Голубинскій Е. Е. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. „Богословскій Вѣстникъ" № 2.

Доброклонскій А. П. Подвижники благочестія въ новѣйшій (Синодальный) періодъ Русской Церкви. „Душеп. Чтеніе" № 2.

Колосовъ Н. А. Письма профессора А. Ѳ. Лаврова-Платонова (впослѣдствіи высокопр. Алексія, архіепископа Литовскаго) къ протоіерею А. В. Горскому. „Богословскій Вѣстникъ" № 1.

Макарій. б. архіепископъ Донской (некрологъ) „Ниж. Еп. Вѣд." № 1. „Новгор. Еп. Вѣд." № 2. Орл. Еп. Вѣд." № 1.

ПИСЬМА НОВГОРОДСКАГО МИТРОПОЛИТА ГАВРІИЛА КЪ АРХІЕПИСКОПУ КАЗАНСКОМУ АМВРОСІЮ.

(Позднѣе Новгородскому митрополиту).

I.

Преосвященнѣйшій владыко, любезнѣйшій во Христѣ братъ и сослужитель! Благодарю за писаніе и усердіе ваше. Удивляюсь, что столько терпѣла на покойномъ преосвящ. Веніаминѣ [1]) Казенная Палата. Совѣтую преосвященному просить Государыню, чтобъ вы отводомъ рыбныхъ ловель столько жъ были осчастливлены, какъ вашъ антецессоръ, упомянувъ, сколько отошло отъ вашего дому ловель, не исчисляя ихъ, а сказавъ, какъ говорятъ, больше половины. Можно, упомянувъ о семъ вскользь, предать ея милостивому благоразсмотрѣнію. Сіе прошеніе послать при письмѣ къ графу Александру Андреевичу Безбородку и о томъ же послать письмо къ князю Григорію Александровичу [2]). Совѣтую въ семъ случаѣ не медлить, чтобъ не спроворили дворяне; нужно для сего посмотрѣть опредѣленія прежней губерніи, рѣшенія Сената и имянный указъ о тѣхъ ловляхъ. Впрочемъ, прося вашихъ молитвъ и продолженія любви, пребываю вашего преосвященства усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель и богомолецъ Гавріилъ митрополитъ Новгородскій. Іюля 14, 1785 [3]).

---

[1]) Веніаминъ (Григоровичъ) архіепископъ Казанскій и Симбирскій.

[2]) Князь Потемкинъ-Таврическій.

[3]) Въ 1785 г. на открывшуюся въ Казани вакансію Св. Синодъ представилъ Государынѣ двухъ: Антонія, епископа Астраханскаго, и Амвросія, епископа Крутицкаго. Императрица 27 Марта избрала послѣдняго архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ. Казань еще не оправилась послѣ Пугачова. Предмѣстники его архіепископы: Антоній (Зыбелинъ) и Веніаминъ (Григоровичъ) заботились о построеніи загороднаго дома, въ которомъ помѣстился и Амвросій, но не нашелъ это помѣщеніе удобнымъ, потому что оно находилось въ 7 верст. отъ города: въ осеннее и весеннее время труденъ былъ проѣздъ изъ него въ городъ для служенія. Въ городѣ не было пристанища для архіерея, а бѣдные и престарѣлые просители, по дороговизнѣ найма для переѣздовъ, терпѣли значительные убытки. Преосвящ Амвросій испросилъ разрѣшенія на постройку архіер. дома въ самомъ городѣ. Изъ отвѣтнаго письма, приведеннаго выше, видно, что онъ заботился о надѣленіи дома законными угодьями, которыя обыкновенно полагались по штату 1764 г. Казанская епархія въ спискѣ каѳедръ втораго класса стояла первою, т. е. первая послѣ митрополій или епархій перваго класса; но только въ 1799 году архіерейскому дому отведены были рыбныя ловли изъ отданныхъ на откупъ.

II.

Искренно благодаря за вашу любовь, изображенную въ полученномъ мною отъ 14 Декабря письмѣ, поздравляю ваше преосвященство съ наступающимъ Новымъ Годомъ, желаю радостно и въ здравіи его препроводить, радуюсь, что вы спокойны и довольны. Жалѣю, что ранѣе не писали о напоминаніи графу; нынѣ настоитъ высочайшій отъѣздъ 2-го Генваря изъ Петербурга, а 7 или 8 изъ Сарскаго Села; сіе занимаетъ всѣхъ, и о строеніи вашего дому просить не можно.

Ваша консисторія обязана указомъ увѣдомлять обѣ мои консисторіи о смерти монахинь, назначенныхъ въ мои епархіи; но ваши подъячіе о томъ и не думаютъ. На Петербургскихъ числится 4 монахини, но въ вѣдомостяхъ сѵнодскихъ увидѣлъ я, что и одной нѣтъ. Ежели это правда, какъ сказываютъ: какая дерзость, что безъ указу Сѵнода дозволяли другихъ постригать на мѣсто умершихъ изъ назначенныхъ въ мои епархіи тѣми именами! Ежели они такъ думаютъ исполнять указъ въ разсужденіи моихъ консисторій, чего отъ нихъ ожидать другимъ мѣстамъ? Я предупредительно совѣтую не представлять никого изъ нихъ къ повышенію чинами. Я, видя такое ихъ нерадѣніе о должности, не могу согласиться, доколѣ переписки въ разсужденіи сихъ монахинь не кончатся; развѣ они хотятъ и отъ меня подарковъ? Впрочемъ прошу ваше преосвященство и совѣтую порокъ ихъ сей пресѣчь.

Декабря 27-го 1786.

III.

Благодарю за писанія ваши и любовь. Удивляюсь, что преосвященный Тобольскій *) ни васъ ни меня не увѣдомляетъ о полученіи книгъ. Я на слѣдующей почтѣ буду къ нему писать.

Мнѣніе ваше о новокрещенскихъ школахъ я читалъ; думаю удобнѣе достигнуть намѣренія вашего, ежели будете просить, чтобъ школа для новокрещенныхъ соединена была съ семинаріею, не упоминая нимало о худыхъ ея успѣхахъ, а изобразивъ, что сіе соединеніе послужитъ къ большему просвѣщенію изъ разныхъ вѣръ обратившихся дѣтей, и чрезъ то больше можетъ произойти пользы, когда дѣти ихъ, обучившись по методу нормальному въ семинаріи, могутъ споспѣшествовать заведенію школъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они священниками (а о пенсіонерахъ не совѣтую упоминать) и что окончившіе ученіе изъ новокрещенскихъ дѣтей могутъ споспѣшествовать въ заведеніи въ ихъ селеніяхъ народныхъ училищъ; и такъ, нимало не охуждая прежняго установленія, а паче уважая оное, просить, чтобъ обѣ суммы и оба училища были соединены. Напишите о семъ прошеніе къ Ея Ве-

*) Иннокентій, архіепископъ Тобольскій, родной братъ митрополита Гавріила.

личеству и пошлите при письмѣ къ графу Александру Андреевичу Безбородку, да о томъ же письмо и къ графу Александру Романовичу [1]). А о прибавкѣ жалованья молчать; развѣ сказать, что одни учители могутъ, два класса уча, имѣть прибавку въ жалованьи и что сіе послужитъ имѣть учителей изъ самыхъ новокрещенныхъ, чтó лестно будетъ для многихъ изъ нихъ [2]).

Іюля 22-го 1787.

IV.

Премного благодарю за пріятнѣйшія ваши писанія, усердіе и любовь. Жалѣю, что ваши учители не ревностны къ исполненію должности своей; жалѣю, что ко мнѣ отъ васъ отправлены, особливо одинъ изъ посредственныхъ (сіе сдѣлалъ и преосвященный Бѣлогородскій). Я хотѣлъ ихъ назадъ возвратить, но просьбы ихъ и охота къ ученію удержали меня отъ сего. Не наградятъ ли они свои недостатки прилежаніемъ? Благодарю Бога, что всѣ живутъ честно и охотно учатся, такъ что я приказывалъ удерживать ихъ отъ пристольности [3]). Которыхъ отъ меня получите, имѣете право и удержать въ учительствѣ, ибо высочайшій указъ сіе положилъ основаніемъ семинаріи моей. Я уповаю чрезъ годъ ихъ къ вамъ отпустить, но прошу впередъ прислать наилучшихъ. Я положилъ, когда Богъ продлитъ мою жизнь, средственныхъ возвращать. Я отъ васъ ничего не требую больше издержекъ, какъ только на ихъ проѣздъ; имъ нравится у меня быть, но я не буду тѣмъ обижать семинарій вашихъ. Чтó надлежитъ до чиновъ, совѣтую того не обѣщать, ибо сіе удаляетъ ихъ отъ духовнаго званія. Я всемѣрно стараюсь, чтобъ они были хорошіе проповѣдники и тѣмъ полезны церкви. Чтó надлежитъ до церковныхъ книгъ, сколько вамъ угодно, извольте требовать. Мы велимъ вамъ отпускать, только доставленіе ихъ

---

[1]) Воронцову, президенту Коммерцъ-Коллегіи.

[2]) *Новокрещенскія школы* въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны учреждены были съ тою цѣлію, чтобы обучать въ нихъ по нѣскольку малыхъ дѣтей иновѣрныхъ народовъ Казанской епархіи, въ надежду священства, и потомъ употреблять ихъ для проповѣди Слова Божія между невѣрными на ихъ родномъ языкѣ. Маленькіе Черемисы, Мордва, Чуваши и Татары обучались Русской грамотѣ и закону Божію, а Русскіе воспитанники, которые жили вмѣстѣ съ ними, навыкали ихъ языку. Первоначальныя деревянныя школы построены были при Казанскомъ епископѣ Лукѣ Конашевичѣ, въ предмѣстіи г. Казани, въ Старой Татарской слободѣ. Но, ветшая съ каждымъ годомъ, онѣ дошли наконецъ до такого состоянія, что ни къ житью, ни къ починкѣ сдѣлались вовсе неспособными; почему въ 1792—1793 г., сообразно съ общимъ городовымъ планомъ, онѣ перестроены были вновь со всѣми принадлежностями для помѣщенія учениковъ, учителей, коммисара и лѣкаря. См. объ этихъ школахъ Правос. Обозрѣніе 1868 г. Іюль; публичныя лекціи Е. А. Малова о новокрещенныхъ школахъ; Странникъ 1860 г. Май: митрополитъ Амвросій, статья П. А. Чистовича, стр. 168, § 4.

[3]) Можетъ-быть, это значитъ: отъ ѣды за чужимъ столомъ. П. Б.

въ Казань возмите на себя. Сколько въ треть будетъ продано и что̀ останется, репортовать Сѵноду и деньги отсылать въ типографію. На сіи расходы должно прибавить цѣны; но книги извольте представить, мы предпишемъ отпустить. Вы симъ представленіемъ дадите случай и другимъ преосвященнымъ о семъ предписать [1]).

Марта 28-го 1790. Спб.

V.

Пріятнѣйшее ваше писаніе отъ 5-го Іюня я получилъ. Я предписалъ гребцовъ и поваровъ вывесть, примѣчая изъ прежняго вашего письма, что для вашей свиты есть утѣсненіе; да и лучше, когда одни съ другими мѣшаться не будутъ. Я намѣстнику [2]) приказалъ отцу Іакову дать другія кельи: онъ по старости и меланхоліи своей со мною даже не ладилъ, кольми паче съ вашими?

Я съ удивленіемъ читалъ, что преосвященный Московскій [3]) предписалъ пріуготовлять для васъ свое подворье. Я желаю отъ сердца все угодное вамъ дѣлать; но такое его преосвященства предписаніе предвѣщаетъ мнѣ, что онъ отнесетъ на мой счетъ, когда вы откажете ему; я, внимая своимъ силамъ, дряхлости и старости, намѣренъ просить, чтобъ по первому зимнему пути въ Петербургъ отправиться. Обстоятельства сдѣлаютъ оборотъ, о которомъ мы не думали. И такъ совѣтую расположеніе ваше о покояхъ остановить; я уповаю, что силы мои едвали позволятъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ и зимою [4]).

15 Іюня 1796 (Новгородъ).

---

[1]) Преосвященный Амвросій въ Казанскую семинарію ввелъ способъ ученія, одобренный для народныхъ училищъ, въ устройствѣ которыхъ принималъ дѣятельное участіе митрополитъ Гавріилъ. Изъ Казанской семинаріи лучшіе воспитанники посылались Амвросіемъ въ Александровскую и Троицкую семинаріи, о коихъ и говоритъ преосвящ. Гавріилъ въ письмѣ своемъ. См. „Краткое описаніе Казанской семинаріи съ извѣстнѣйшихъ ея временъ по 1796 годъ“.

[2]) Александро-Невской лавры.

[3]) Платонъ, митрополитъ Московскій

[4]) Въ концѣ 1796 г. архіепископъ Амвросій, по именному указу, вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Сѵнодѣ. Митрополитъ Платонъ, услыхавъ объ этомъ, писалъ къ нему, между прочимъ: „мнѣ будетъ весьма пріятно, если, проѣздомъ чрезъ Москву, благоволите и меня навѣстить въ пустынѣ“. Свиданіе это не устроилось. Амвросій жилъ въ Невской Лаврѣ, гдѣ помѣщеніе, назначенное ему, не отличалось особенными удобствами, о которыхъ даже писалъ ему Платонъ: „сожалѣю, что вы обезпокоены тѣснотою квартиры и охотно послужу своимъ подворьемъ, если оно для васъ выгодно“. Письмо Гавріила объясняетъ заботы его о пріемѣ Амвросія, который дѣлался близкимъ лицемъ ко двору.

VI.

О посвященіи въ Вологду отца Арсенія *) я указъ получилъ, къ нему жъ указа не послалъ за невѣрностію почтъ, а буду писать въ Субботу. Когда пріѣдетъ указъ, ему отдамъ. Прошу въ Кириловъ опредѣлить отца Антоновскаго Іоанна, а въ Антоновъ Акатовскаго; объ Юрьевскомъ монастырѣ особливо буду представлять. Я бы и Каллиста принялъ, но онъ меланхоликъ, то на него положиться не можно. Здѣсь нужны такіе архимандриты, какіе бы для Петербурга годились; да какъ я рѣдко бываю въ Новѣгородѣ, чтобъ способность имѣли и для консисторіи, и для семинаріи. Долговременность безъ способностей не есть резонъ повышенія; что́ жъ надлежитъ до отца Гедеона, не угодно-ли будетъ его сдѣлать Акатовскимъ? Преосвященный его знаетъ; тамъ мѣсто по климату и по дешевизнѣ выгодное. Что́ надлежитъ до опредѣленія полковаго попа въ Санктпетербургскую епархію, сколько при мнѣ ни было такихъ представленій, мы всегда полковыхъ поповъ отправляли въ тѣ епархіи, откуда они. Я засталъ Петербургъ загруженнымъ сими волочагами, которые служили къ соблазну и нареканію духовенства; знаютъ сіе всѣ жители Петербурга, да и отецъ протопопъ. Развѣ онъ желаетъ въ свой соборъ его принять? Но я, когда онъ не имѣетъ способностей къ проповѣдямъ, никакъ его не опредѣлю въ Петербургѣ, развѣ къ сельской церкви. Сію минуту имѣлъ я случай видѣть Вятскаго жителя, который точно такъ Каллиста описалъ, какъ я, да и что онъ къ дѣламъ мало способности имѣетъ, также и къ строенію; человѣкъ самой смирной и безотвѣтной; слѣдовательно на него положиться не можно. Впрочемъ, какъ уже необходимо Каллисту дать мѣсто, прошу опредѣлить его въ Кириловъ, а отца Іоанна въ Юрьевъ монастырь; я на сіе согласенъ. О ставленникѣ просить я васъ не посмѣлъ, а когда дозволяете, никого кромѣ васъ просить не буду.

По пріѣздѣ въ Новгородъ чувствовалъ я черезъ мѣсяцъ или больше Петербургской припадокъ; теперь слава Богу, здоровъ, кромѣ только того, что ноги слабы: на амбвонѣ стоять не могу, также и всходить на ступени безъ поддерживанія. Пять лѣтъ прошло, какъ каждую осень гемороиды ко мнѣ приходили, прошлый годъ вы сами видѣли.

О, не радъ! Слишкомъ тридцать лѣтъ былъ въ Петербургѣ, пора искать поприватнѣе мѣста; кажется, служилъ довольно. Что́ дѣлать, когда силы не соотвѣтствуютъ должности? Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе преосвященнѣйшимъ и пожелать имъ полковыхъ поповъ.

31 Іюня 1796.

---

*) Арсеній былъ по приказанію Государыни посвященъ въ епископа Вологодскаго; былъ до того архимандритомъ Юрьева монастыря въ Новгородѣ.

VII.

Вчера я получилъ высочайшее Ея Императорскаго Величества на мою просьбу повелѣніе, чтобъ мнѣ осень до перваго зимняго пути препроводить въ Новѣгородѣ; и такъ я буду ожидать перваго зимняго пути.

Отецъ архимандритъ Арсеній явился ко мнѣ 11 Августа, сталъ въ Хутынѣ [1]). Нареченіе было 13-го, посвященіе намѣрены совершить 15-го.

Удивляюсь, что Сѣвскій префектъ доселѣ не ѣдетъ.

О смерти Симоновскаго архимандрита пишетъ ко мнѣ Симоновскій намѣстникъ, и что покойный при окончаніи жизни почиталъ достойнымъ, чтобъ быть ему преемникомъ Невскаго намѣстника Мельхиседека [2]), а другіе, что его и Ѳеофана [3]). Но да будетъ воля ваша: кого разсудите, того и опредѣлите.

14 Августа 1796.

VIII.

Получилъ я пріятнѣйшее ваше писаніе отъ 10 Генваря. Радуюсь, что рѣчи убавлены.

Князь Василій Алексѣевичь [4]) сказывалъ, что Государь весьма доволенъ одою и приказалъ изготовить ректору гостинецъ. Сіе онъ слышалъ отъ генералъ-прокурора. Не сіе ли дало случай и другихъ ректоровъ отличить? Но думаю, достанется вамъ за ректора лаврскаго.

Двѣ тысячи рублей, отъ господина Лашкарева данныя мнѣ, я отдалъ отцу-намѣстнику. На ризницу по моему разсужденію и тысячи рублей не могло изойти; я послалъ опредѣленіе намѣстнику, чтобъ онъ о издержкахъ относился къ вашему преосвященству и мнѣ о томъ, что́ доселѣ издержано, репортовалъ. Я знаю, что за устройствомъ ризницы останется едваль не болѣе тысячи рублей. Мои мысли, чтобъ на оставшіяся деньги оправить кругъ церковныхъ книгъ и поученій о должностяхъ христіанина побольше, чтобъ можно было разослать по церквамъ, для наставленія народа, дабы онъ хотя съ сей стороны зналъ о немъ благоволеніе Государя. И когда получимъ свѣдѣніе, тогда прошу обстоятельно Святѣйшему Сѵноду предложить.

Сей день получилъ я письмо отъ преосвященнаго Орловскаго [5]). Онъ пишетъ, что его антецессоръ изъ епархіи уѣхалъ, да и онъ тоже

---

[1]) Хутынскій-Преображенскій 1-го класса мужской монастырь, близъ Новгорода.

[2]) См. о немъ Странникъ 1862 г. Февраль. „Записки Ѳеофана“.

[3]) Келейникъ митрополита Гавріила, впослѣдствіи архимандритъ Кирилова Новоезерскаго монастыря. Онъ оставилъ записки, которыя напеч. въ Странникѣ, Февраль 1862 г.

[4]) Хованскій, оберъ-прокуроръ Св. Синода.

[5]) Это былъ Досиѳей Ильинъ; а его предшественникъ—Аполлосъ Байбаковъ.

сдѣлалъ. Я и удивился, и смѣялся. Не разсудите-ль Святѣйшему Сѵноду предложить, чтобъ въ случаѣ перемѣнъ архіереевъ лично, дѣла̀, вещи и сумму сдавали, и одинъ другаго дожидался? Сей поступокъ на горскихъ походитъ Татаръ. Преосвященный Досиѳей оставилъ сорокъ салфетокъ, но 30-ть такія, которыя составляютъ разорванное тряпье. Я ихъ хотѣлъ къ нему послать, но не хотѣлъ такою малостію дѣлать ему огорченіе. Однако ему напишу и о томъ, что онъ расходныхъ книгъ не оставилъ и многія сжегъ, взялъ безъ вѣдома моего собою намѣстника и опредѣлилъ другаго, въ противность указа, съ которымъ онъ велъ приходы и расходы. Уѣхалъ изъ Новогорода почти въ распутицу и въ тотъ день, когда его сукцессоръ отправился изъ Петербурга. Я имѣлъ законный резонъ на него представить и требовать намѣстника и подъячаго къ отчету. Но думаю оставить. Прискорбно видѣть такіе знаки неблагодарствія; но кажется, уже онъ за то наказанъ.

Задачу вашу я относилъ къ преосвященному Ярославскому [1]), но Тверскій ее рѣшилъ. Вы трое теперь будете жить въ Лаврѣ.

Слабость ногъ моихъ подвигается на весь мой составъ. Молю Христа Спасителя нашего, чтобъ Онъ меня укрѣпилъ.

P. S. Покорно прошу свидѣтельствовать усерднѣйшее почтеніе преосвященнѣйшему Иннокентію архіепископу Псковскому и сказать, что̀ я къ вамъ о себѣ писалъ.

13-го Генваря 1799.

IX.

Покорно прошу консисторіи моей высочайшія повелѣнія объявлять и понуждать къ исполненію, равно ежели какія знатнѣйшія особы будутъ имѣть какіе отзывы, ей приказывать исполнять; я о семъ отцу ректору предписалъ.

Благодарю, что приказали для погребенія преосвященнаго Иннокентія отвести въ палаткѣ при Благовѣщенской церкви [2]) мѣсто. Потеря друга моего мнѣ чувствительна; но что̀ дѣлать, когда всѣмъ намъ сей путь предлежитъ! Сильное утѣшеніе для насъ, яко благаго имамы Господа.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, я чувствовалъ болѣзнь въ бедрахъ, и трясеніе къ колѣнахъ казалось легче, но начали ныть икры, боль томная. Въ лѣвой ногѣ перестала, но въ правой усилилась, и сдѣла-

---

[1]) Павелъ (Пономаревъ), бывшій архіепископъ Тверскій, въ 1799 году переведенъ въ Ярославль, на мѣсто архіеп. Арсенія Верещагина, сконч. 23-го Декабря 1799 года. См. „Іерархи Ростовско-Ярославской паствы". Яросл. 1864. стр. 268 — 278. Біографіи Твер. іерарховъ.

[2]) Благовѣщенская церковь въ Александровской лаврѣ. Въ ней похороненъ Иннокентій, на могилѣ котораго вырѣзаны стихи Державина.

лась рожа. Теперь стараюсь лѣчить по совѣтамъ господина доктора. Я изъ кельи не выхожу. Прошу увѣдомить, генералъ-прокуроръ *) пожалованъ ли княземъ свѣтлѣйшимъ или сіятельнымъ?

Если болѣзни мои будутъ требовать лѣченія, то можетъ быть въ концѣ зимы пріѣду къ вамъ. Дай Богъ увидѣться въ добромъ здоровьи.

Генваря 30-го 1799.

X.

Ваше преосвященство требуете, чтобъ я рекомендовалъ игумна въ Никитскій монастырь; я способнымъ къ сему нахожу нынѣшняго Невскаго духовника іеромонаха Варлаама. Человѣкъ опытной въ экономіи и честной жизни. Прошу ему сказать и, когда будетъ просить, рекомендовать его Святѣйшему Сѵноду.

Воронежская помѣщица Надежда Ѳедорова просила Государя, чтобъ упраздненный женскій монастырь возстановить ея коштомъ и опредѣляетъ до сорока тысячъ отдать въ банкъ, чтобъ процентами, не заимствуя отъ казны, содержать бѣдныя вдовы. Отъ сего мѣста и прочіе монастыри удалены, такъ что сіе пространство отнимаетъ всѣ средства сыскать такое убѣжище, какое нынѣ онѣ могутъ имѣть. Прошу о просьбѣ сей сдѣлать снисходительное разсмотрѣніе.

Моя нога совсѣмъ свободилась отъ рожи, но осталась на ней часть опухоли. Временемъ ломитъ. Не могу твердо ступать. Ожидаю совершеннаго исцѣленія.

Его сіятельству князю Василію Алексѣевичу прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и просьбу о дѣлѣ Ѳедоровой.

Февраля 10-го 1799.

XI.

Благодарю за писанія ваши.

Что́ надлежитъ до опредѣленія отца ризничаго въ Никитскій монастырь во игумена, я не инакъ почитаю, какъ дозволить свить совѣ гнѣздо между птицами. Я его въ своей епархіи или въ другой отдаленной отъ Владимира опредѣлить игумномъ согласенъ; и такъ прошу другаго, кого разсудите, рекомендовать.

Прошу дѣло помѣщицы Ѳедоровой наклонить, чтобъ учрежденіе монастыря на ея сумму составило прибѣжище для бѣдныхъ вдовъ.

Прошу преосвященному Ростовскому свидѣтельствовать мое почтеніе; жалѣю, что онъ боленъ; но и моя болѣзнь не проходитъ.

Благодарю, что исходатайствовали преосвященному Аѳанасію пенсіонъ. Мнѣ нельзя было къ сему дѣлу приступить.

---

*) Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

Прошу отцу намѣстнику сказать, чтобъ объ освященіи въ домѣ купца Милова Старообрядческой церкви мнѣ представили отъ консисторіи. Надобно поостановить, чтобы колебаніе мыслей и толкованія поугомонились. Желаю высочайшее обрученіе благополучно совершить, но что̀ надлежитъ до браковѣнчанія, нужнымъ почитаю прежнее опредѣленіе прилежнѣе разсмотрѣть и поправить.

Впрочемъ желаю, чтобы мои припадки совершенно истребились, и я имѣлъ счастіе въ добромъ здоровьи съ вами видѣться.

17-го Февраля 1799.

XII.

Поздравляю ваше преосвященство полученіемъ ордена Святаго Апостола Андрея, панагіей и совершеніемъ высочайшаго обрученія *).

Изволите писать о увольненіи ризничаго въ Никитскій монастырь. Я его отпустить согласенъ; но онъ пишетъ ко мнѣ, что его желаніе не монастырь устроить, а своихъ дѣтей и домъ. Итакъ для посвященія его надобно новую изготовить молитву. Впрочемъ, воля ваша. Но приступить нужно съ толкомъ къ сему дѣлу. Онъ имѣетъ на рукахъ разныя богатыя и многочисленныя разныхъ ризницъ вещи. Съ письма его и вашихъ я къ сему важному дѣлу приступить не могу. А что вы намекаете, якобы Сѵнодъ сіе безъ меня могъ сдѣлать, ежели на свой отчетъ возмете ризницу, то и тутъ порядкомъ законнымъ должно поступить. Мнѣ нѣтъ дѣла до Никитскаго монастыря, а дѣло до цѣлости ризницы; и такъ или вы пришлите указъ, или онъ долженъ формально меня просить о пріемѣ оныхъ по описямъ. Наша переписка ничего не составляетъ. Уваженіе ко мнѣ составится, когда я буду обезопасенъ.

Сердечно жалѣю о болѣзни преосвященнаго Ростовскаго, желаю ему здоровья. И я также изъ кельи не выхожу. Болѣзнь моя такъ возсвирѣпѣла, что я опасался дурныхъ слѣдствій. Правою ногою не могъ приступать безъ чувствія сильной боли. Сіе понудило меня сбираться въ Петербургъ, началъ покупать повозки. Но теперь, слава Богу, боль уменьшается. Итакъ я положилъ грязное время здѣсь пожить, чтобы пріѣхать къ вамъ не лежать, а дѣлать. Я послалъ къ эконому, чтобъ онъ вручилъ вашему преосвященству прошеніе въ Святѣйшій Сѵнодъ преосвященнаго Грузинскаго Іоанна. Прошу рѣшить ко утѣшенію сего старика.

По просьбѣ войска Донскаго велѣно преосвященному Воронежскому протопопа Гридовскаго опредѣлить въ Новохоперскую крѣпость;

---

*) Амвросій, за болѣзнію Гавріила, обручалъ Великую Княжну Александру Павловну съ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ.

но онъ его перевелъ въ Преображенскую, состоящую въ Черкаскѣ, чѣмъ войско опечалено. Прошу сдѣлать ваше къ сему вниманіе, чтобы войско не стало просить Государя.

27-го Февраля 1799.

XIII.

Наступающимъ Новымъ Годомъ ваше преосвященство поздравляю, желаю въ совершенномъ здравіи его препроводить. Премного благодарю, что приказали нѣкоторыя вещи отправить ко мнѣ. Покорно прошу отпустить ко мнѣ отца Меѳодія; я ему лучшее и спокойнѣйшее прежняго мѣсто оставилъ. Эконома Новгородскаго и Дымскаго строителя по требованію вашего преосвященства уволилъ. Сдѣлалъ я на свои деньги два оклада для подносовъ, одинъ послалъ при образѣ Софіи въ Гатчину, другой оставилъ въ ризницѣ. Покорно прошу приказать ихъ прислать ко мнѣ, ибо ихъ здѣсь некому сдѣлать, да изъ моихъ образовъ по мѣрѣ оклада выбрать лучшій; а вы для себя извольте особливо заказать сдѣлать: и такъ немало моихъ окладовъ осталось въ Гатчинѣ. Минувшіе дни особливо мнѣ доказали, какъ дурно, скучно и непріятно быть безъ здоровья.

14-го Декабря поѣхалъ я изъ Петербурга, горячка и бредъ сопутствовали мнѣ; едва помню, какъ въ Новгородъ пріѣхалъ, на рукахъ меня внесли въ покои. Одинъ пароксизмъ за другимъ слѣдовалъ.

На 15-е Декабря жестоко занемогъ, не надѣялся прожить ту ночь, исповѣдывался и причащенъ запасными дарами, и силою благодати Христа моего жизнь моя остановлена. Едва-едва поправляюсь, началъ по малу вникать въ дѣла. Я по пріѣздѣ нашелъ секретаря больнымъ и поручилъ его должность Олонецкому секретарю Юрьеву; нынѣ онъ при смерти. Третьяго дня увидѣлъ, что Юрьевъ опредѣленъ въ Пермь. Помилуйте: Новгородская консисторія послѣдняго средства къ устройству лишится. Пермской можетъ секретарей имѣть изъ другой епархіи; но мнѣ нужно, который бы епархію Новгородскую зналъ. Я столько слабъ, что ни встать, ни сѣсть, когда не подымутъ, не могу; ноги распухли и не могу не только ходить, но и стоять. Весьма исчезаютъ силы мои, нужно на мое мѣсто пріуготовляться другому. Я ожидаю, чтобъ узрѣть Спасителя моего и прейти въ будущую жизнь.

Генваря 1-го 1800.

XIV.

На сей почтѣ получилъ отъ преосвященнаго Иркутскаго письмо объ открытіи мощей перваго Иркутскаго архіерея Иннокентія; кажется, нужно отъ него истребовать подробнѣйшихъ обстоятельствъ. Я оное письмо съ симъ вашему высокопреосвященству препровождаю. Полез-

но-бъ было въ семъ отдаленномъ мѣстѣ сей знакъ благоволеніемъ Божіимъ народу явить.

Два письма я отъ вашего высокопреосвященства имѣлъ честь получить и премного благодарю за знаки вашей ко мнѣ благосклонности и любви; прошу меня симъ ободрять и утѣшать. Я доселѣ чувствовалъ одышку и опасался, не вода ли въ груди; но, слава Богу, нынѣ она почти совсѣмъ миновалась. Лекарство невкусное, и рекомендовать не смѣю.

Меѳодія ожидаю.

Книги отъ отца Флавіана я получилъ, благодарю.

Дамаскинъ подаетъ надежду; я ему велѣлъ инструкцію по воскреснымъ днямъ говорить въ соборѣ.

Эконома Лаврентія я отправилъ въ Уфу; онъ тамошній уроженецъ и обѣщался монашествующихъ собрать.

Мисаилъ оплакиваетъ свою судьбу, но кажется безъ него можно обойтиться; полагаться на него преосвященному не надежно.

О Смирскомъ я представилъ. Прошу удаленіемъ его прекратить неустройство и соблазны, которые продолжаются чрезъ десять лѣтъ. Поздравляю съ новою библіотекою; думаю, что хлопотъ ни мало не будетъ.

За увольненіе Іакова чувствительнѣйшую приношу благодарность.

Въ прошлую Пятницу овесъ на рынкѣ продавали четверть по три рубли по шестидесяти копѣекъ и менѣе; не благоволите-ли кому нибудь приказать о такихъ дѣлахъ имѣть переписку съ моимъ экономомъ, Деревяницкимъ игуменомъ Гедеономъ? Я ему велю дѣлать съ доклада моего.

Генваря 19-го 1800.

XV.

О невкусномъ лекарствѣ, поелику оное изъ аптеки, написалъ я Христофору Павловичу; извольте его спросить.

Благодарю за увольненіе Меѳодія и радуюсь, что сдача оканчивается благополучно.

Закладчиковъ понудьте выкупать, назначивъ срокъ, а ежели не будутъ выкупать закладовъ, продать.

Нынѣ сѣно продаютъ по 15 коп. пудъ, не прикажете-ль купить?

Бѣлозерскій монастырь до крайняго упадку отъ настоятеля приведенъ, башня упала, и многія зданія къ тому-жъ наклоняются. И такъ я принужденъ просить такихъ настоятелей, которые бъ думали не о столахъ и гостяхъ, а о своей должности. Нынѣшній, хотя доброй человѣкъ, но къ сему дѣлу никакой способности не имѣетъ. Прошу о

увоненіи его по моему представленію милостивое сдѣлать разсмотрѣніе, равно и о опредѣленіи на его мѣсто; я такихъ выбралъ, которые падшіе монастыри возставили и о своемъ карманѣ не думаютъ.

Когда выдетъ книжка о наставленіи проповѣдниковъ, переведенная Вѣнскимъ священникомъ, прошу приказать отпустить ко мнѣ 200 экземпляровъ.

Во многихъ мѣстахъ священники желаютъ имѣть книгу о чиноположеніяхъ церкви; не благоволите ль приказать ее напечатать въ такой форматъ и такими же литерами какъ книга о должности священниковъ? Сіе и для церквей, и для типографіи будетъ выгодно.

Ежели Меѳодій мой пакетъ куда отдалъ, покорно прошу приказать его распечатать и духовную ко мнѣ прислать. Обстоятельства мои такъ перемѣнились, что по ней исполнить нельзя. Я пришлю другую, а свидѣтельство въ 10.000 рубл. и мое доношеніе приказать запечатавъ хранить; да прислать записку, котораго году и числа въ банкъ деньги взнесены или если разсудите весь пакетъ ко мнѣ прислать. Прошу продолжать вашу ко мнѣ любовь. Генваря 28-го 1800.

XVI.

Преосвященный Іустинъ пріѣхалъ сюда 13 числа Апрѣля. Я съ сожалѣніемъ слышалъ о смущеніяхъ вашихъ; жалѣю, но не совѣтую упадать духомъ. Я 24 Марта получилъ письмо относительно къ новой ереси. Я обстоятельства сего дѣла довольно въ письмѣ моемъ изобразилъ и что сколько я старался въ моихъ репортахъ покойной Государынѣ изображать вредъ и опасность отъ нихъ, но все сіе оставлено въ молчаніи, что̀ продолжаясь не одинъ годъ останавливало и меня докучать о томъ, чего не уважаютъ; потомъ получилъ о сей матеріи два письма отъ господина генералъ-прокурора, въ коихъ письмахъ довольно изобразилъ упущеніе со стороны свѣтской. Я изъ пріобщеній отправленныхъ одно къ вашему преосвященству препровождаю; изъ него можете понять ихъ заблужденіе. Сколько я примѣчать могу, моя переписка смягчила мысли о дѣлѣ семъ, но удивляюсь, что вамъ показали выписку изъ дѣлъ раскольническихъ, пріуготовляемую въ Сѵнодѣ на случай общаго разсужденія о нихъ. Тамъ увидите опредѣленіе, помнится, Бѣлогородской губерніи, гдѣ она сихъ подъ одну линію съ раскольниками и подъ законъ толеранціи подводила. Весьма жалѣю, что въ нынѣшній переѣздъ изъ Петербурга много моихъ бумагъ пропало. Что̀ надлежитъ до вашихъ желаній о главной духовной особѣ, сіе мнѣ предлагаемо было [1]); но я сіе почиталъ и почитаю вреднымъ для церкви и совѣтую сіи мысли оставить.

[1]) Мысль о патріаршествѣ? П. Б.

P. S. Нынѣ здѣсь былъ громъ, дождь и вѣтеръ довольно силенъ [1]). Пр. Викторъ, надѣюсь, скоро отправится или уже отправился въ Новгородъ. Онъ вытерпѣлъ почти параличъ.

12 Апрѣля 1800.

XVII.

Присланные отъ господина генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго оказавшіеся въ духоборческой ереси казаки Сергѣй Пономаревъ, Яковъ Пересудовъ и Иванъ Трубицынъ единогласно показали:

Прежде сего, до обращенія въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ однодворческихъ селеній въ казаки, были они однодворцы Константиноградскаго уѣзда слободы Петровской, гдѣ родились, выросли и имѣютъ родственниковъ; изъ нихъ Пономаревъ и Трубицынъ, жены и дѣти грамоты читать и писать не умѣютъ. До совершеннаго возраста ходили они всегда въ церковь, говѣли и исповѣдывались и все требуемое церковію соблюдали, а придя въ совершенолѣтіе хотя изъ Божественнаго писанія, слышимаго въ церквахъ, начали понимать по собственному своему разсудку, а не съ какого либо сторонняго наущенія, что отъ сего въ рукотворенныя церкви хожденія, поклоненія иконамъ, крещенія, исповѣданія и пріобщенія тайнамъ, яко творенію отъ человѣкъ подобныхъ себѣ, никакого не можно ожидать спасенія. Однакожъ до поступленія въ казачью службу не отставали ходить въ таковыя церкви и исполняли то, что́ мірскими священниками требовалось, и чего всей той слободы Петровской жители держались, хотя все сіе было и противу ихъ совѣсти. Будучи жъ на службѣ, довольно имѣли свободы какъ отстать отъ хожденія въ церкви, такъ и утвердить разумъ свой болѣе еще въ таковыхъ своихъ мысляхъ, занимаясь по сей матеріи съ грамотными знакомыми имъ въ войскѣ людьми и упрашивая ихъ читать, какое у кого случится, Божественное писаніе. Хотя жъ и теперь не отрекаются они, ежели будутъ на своемъ жительствѣ, ходить въ рукотворенныя церкви и на ряду съ прочими соблюдать требуемое, но не для чего другаго какъ для того единственно, что сіе требуется земскою властію и дабы терпимыми быть могли между жителями. Впрочемъ что́ относится до совѣсти ихъ и истинной вѣры, то они вѣруютъ Богу Отцу, Богу Сыну Іисусу Христу и Богу Духу Святому въ трехъ лицахъ, т. е. въ Троицу единосущную и нераздѣльную и во Святую Соборную и Апостольскую церковь на всякомъ

---

[1]) Внизу этого письма карандашемъ рукою митрополита Московскаго Филарета (нѣкогда читавшаго эти письма) отмѣчено: тоже въ тотъ же день въ 1818 году.

мѣстѣ владычествія ея, исповѣдуя сію вѣру не чрезъ какія-либо наружныя жертвоприношенія, но единственно горячностію и любовію къ Богу мысленно, въ духовномъ познаніи и прославленіи дѣлъ и твореній Его.

Посему за ненужное вовсе считаютъ какъ бытію рукотвореннымъ церквамъ и изображенію на иконахъ лицъ божественныхъ, потому что оныя видѣть и изобразить человѣку есть дѣло невозможное, такъ и поклоненію симъ иконамъ и исполненію всего требуемаго мірскими священниками; ибо и по священной заповѣди запрещено сотворять кумиры и всякое подобіе, еже есть на небеси и на земли, да и потому что Богъ сотворилъ людей, а не людей дѣло творить Бога.

По ихъ мнѣнію крещеніе не иное должно быть, какъ то, когда человѣкъ, пришедши въ совершенный возрастъ и познавъ Бога, творенія Его и самого себя окреститъ словомъ Господнимъ при молитвахъ.

Исповѣданіе и причащеніе святымъ тайнамъ есть то дѣйствительно, чтобы открыть духовно съ сокрушеніемъ сердца единому Богу свои грѣхи и чрезъ Святый Духъ пріять мысленно пріобщеніе.

Браки не иначе должны исполняться, какъ по любви и согласію обоихъ въ супружество вступающихъ съ утвержденіемъ словомъ, яко единымъ естественнымъ закономъ. Праздниковъ и постовъ не соблюдаютъ и за грѣхъ не почитаютъ, разумѣя праздники тогда, когда они праздны отъ дѣлъ бываютъ, а посты въ сокрушеніи сердца, благоговѣніи и молитвахъ, поелику не въ уста скверное входитъ, а изъ устъ. Знаменіе крестное по ихъ мнѣнію совсѣмъ лишнее, потому что руки даны человѣку для работы, а разумъ и духъ для молитвы и спасенія.

Угодниковъ Божіихъ не признаютъ они за святыхъ, ибо одинъ святъ Богъ а ежели они и угодили Богу, то для себя; а потому и помощи никакой человѣку чрезъ ихъ просить не слѣдуетъ, развѣ только когда человѣкъ находитъ по разуму своему ихъ добродѣтели, то волю имѣетъ подражать ихъ житію.

Государей признаютъ они за помазанниковъ Божіихъ, потому что когда народъ на земли размножился и отъ разныхъ искушеній нравами испортился, сталъ не единодушенъ и впалъ въ грѣхи разные, то для обузданія ихъ, по волѣ Всемогущаго, Государи поставлены, въ чемъ они имѣютъ вѣру Священному Писанію. По сему и поставленныхъ имъ сихъ земскихъ владыкъ и судовъ не отвергаютъ и находятъ полезными для народа, которой бы безъ того впалъ въ крайнее заблужденіе и отъ нападенія другъ на друга, зависти ради, стяжанія и несогласія, не имѣлъ бы въ жизни безопасности, покоя и блаженства земскаго. Впрочемъ что́ касается до духовной земской власти, то оная по ихъ мнѣнію совсѣмъ не нужна; ибо спасеніе человѣка должно

зависѣть отъ собственной его воли и какія на семъ свѣтѣ были его дѣла во оныхъ и отчетъ дать долженъ самъ на страшномъ судищѣ Христовѣ, пришествію котораго они истинно вѣрятъ.

За Божественное писаніе всѣ они то признаютъ, гдѣ только слова Божія и дѣла Его святыя понимаются, включая къ сему наипаче десять заповѣдей, данныхъ Богомъ чрезъ пророка Моисея, Библію, Псалтырь и Евангеліе Христово. Посему и постановленія вселенскихъ соборовъ отвергаютъ, яко не нужныя и по волѣ человѣковъ учиненныя.

Присланной же съ ними казакъ Михайло Букрѣевъ въ содержаніи духоборческой ереси и въ потоптаніи креста ногами (какъ въ рапортѣ маіора князя Трубецкаго написано) не повинился и признаетъ во всемъ за истинную вѣру ту, которую содержатъ прочіе Христіане и что онъ гдѣ случится всегда ходитъ въ рукотворенныя церкви и ежегодно у мірскихъ священниковъ исповѣдуется и пріобщается святымъ тайнамъ, въ чемъ его и прописанные казаки Пономаревъ, Пересудовъ и Трубицынъ не только не оговариваютъ, но утверждаютъ, что онъ совсѣмъ въ ихъ дѣлѣ не причастенъ.

Они при увѣщаніи мнѣ сказали, что ихъ секты до десяти тысячъ человѣкъ. Оно открылось по случаю колонистовъ въ Воронежской губерніи 1765 года, въ Екатеринославской въ 1786, въ Харьковской 1782 года.

XVIII.

О невзысканіи за исповѣдь денегъ *) я совѣтую не спѣшить: это должно относиться къ окончательному объ нихъ положенію, гдѣ не одинъ этотъ пунктъ должно принять въ разсужденіе. Жалѣю, что въ указѣ о запискѣ неисповѣдавшихся не предписано изъяснять, кто почему не исповѣдывался и кто по расколу и какому, изъ чего можнобъ узнать, которыхъ раскольниковъ и гдѣ больше. Нынѣшнихъ иконоборцевъ и безпоповщину не должно почитать раскольниками, а злодѣями Государю и государству и съ сей стороны объ нихъ судить.

Извѣстно, что въ половинѣ 15-го столѣтія въ Саксоніи пасторъ Мунгзеръ началъ разсѣвать непризнаніе и неповиновеніе власти. Его

*) Это такъ называемый исповѣдный штрафъ, установленный указомъ Петра Великаго 14 Февраля 1716 года, которымъ повелѣно „всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуется, на таковыхъ попамъ подавать росписки архіереямъ, а имъ тѣ росписки отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и ландратамъ класть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ оного вполы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа“. Объ исповѣдномъ штрафѣ есть изслѣдованіе Вакха Гурьева „Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіи прошлаго XVIII-го вѣка“. „Рус. Вѣстн.“ 1882 г. (неоконченъ), и любопытныя замѣтки Н. Лѣскова. „Вѣстн. Европы“ 1893 г.

изъ Саксоніи выгнали. Онъ перешелъ въ Германію и сдѣлалъ почти всеобщій бунтъ. Ему и мужику Стерну отсѣкли головы, а тѣхъ которые привержены были къ сей сектѣ выгнали; они перешли въ кантоны, гдѣ правленіе вольное. Когда здѣсь поселяли колонистовъ, Опекунская Канцелярія была предостережена, какихъ сектъ не принимать, почему онѣ и не принимались въ Россію; но какъ тогда свирѣпствовала въ умахъ зараза толеранціи, принялъ ихъ на свои земли графъ Петръ Александровичъ [1]). Они ядъ свой во первыхъ пустили въ Донское войско и далѣе, какъ я писалъ. Германія успѣла избавиться отъ сихъ бунтовщиковъ изгнаніемъ ихъ.

Подается примѣрное средство, чтобъ сихъ колонистовъ выгнать изъ предѣловъ Россіи и о нашихъ сдѣлать такое положеніе, которое бъ удерживало ихъ отъ бунтовщицкихъ начинаній и, кажется, объ нихъ судить не какъ объ раскольникахъ, но какъ о бунтовщикахъ; а о поповщинѣ, такъ какъ и о другихъ религіяхъ, и говорить нечево.

И такъ оные больше требуютъ свѣтскаго, нежели духовнаго разсмотрѣнія. Ежели вступитесь объ нихъ разсуждать со стороны раскола, то кажется не тотъ видъ дадите поступкамъ ихъ, и тутъ неисповѣдь и другіе бредни поповщины и вмѣшивать не должно; а если и нужда потребуетъ, почитать сіе особливымъ дѣломъ.

Молю Господа, чтобъ Онъ пособствовалъ къ исполненію Своей воли и прошу преосвященнѣйшему Ярославскому свидѣтельствовать почтеніе за писаніе.

22 Апрѣля 1800.

XIX.

Благодарю, что благоволили мнѣ опредѣлить жалованье.

Письмо ваше о раскольникахъ я вчера читалъ. Оно меня понудило открыть вамъ расположеніе моихъ о семъ дѣлѣ мыслей, что̀ о нихъ разсуждать нужно: 1-е) Какъ которая секта думаетъ о церкви, государѣ и государствѣ. 2-е) Безпоповщина, особливо иконоборцы, тѣхъ мыслей, чтобъ никого ни по какому резону не убивать. Въ Донскомъ войскѣ многіе казаки никого не убиваютъ, а только гоняясь стращаютъ копіемъ и нужнымъ почитаютъ сражаться только за религію, однако должнымъ почитаютъ защищать свое правовѣріе. И такъ, ежели въ такія мысли впадетъ крестьянство, чего ожидать? Стрѣльцы и пугачъ [2]) доказали, за что̀ сражаться и идти противъ Государя, истреблять помѣщиковъ и духовенство, обѣщать Французское равенство. И такъ если неисповѣдавшихся не записывать, то правительство не узнаетъ, какъ половина Россіи вринется въ расколъ. Я писалъ, чтобъ двойной

---

[1]) Румянцовъ.

[2]) Емельянъ Пугачевъ.

окладъ сложить, чтò и сдѣлано; но сіе, что я полагалъ за неисповѣдь брать по рублю, дабы удалить видъ гоненія, сіе пренебрежено. 3-е) Многіе въ Москвѣ при спорахъ говаривали: только насъ мало да пушекъ нѣтъ. Нынѣ нѣкоторыхъ я увѣщевалъ; они говорили, чтобъ оставили ихъ до того времени чтó съ Московскими сдѣлается. Сказываютъ, сдѣлано оттуда посольство въ Петербургъ. 4-е) Изволите писать, чтобъ не-битейщиковъ исправлять церковными правилами; но какъ расколъ не только противъ благосостоянія церкви, но и государства, то должно и государственное положеніе объ нихъ сдѣлать. 5-е) Церковь есть хранитель союза между государемъ и народомъ. Дозволять росколъ не есть пренебрегать священный оный союзъ, говоритъ толеранція; но толеранція не запрещаетъ размноженія всякой секты, а чтó надлежитъ до исправленія церковными правилами, сколько нынѣ церковныя правила уважаются, вамъ извѣстно. И такъ нужно: 1-е) всякой пунктъ ихъ разврату оговорить, съ какой стороны онъ терпимъ и съ какой не терпимъ. 2-е) какъ нетерпимыя въ государствѣ мысли воздерживать. 3-е) нужно, когда лошади взбѣсятся, кучеру дать возжи въ руки. Ежели онъ ихъ выпуститъ, то ему голову сломятъ; достанется и ѣздоку, да и карета въ дребезги полетитъ. Совѣтую и прошу поприлежнѣе о семъ дѣлѣ подумать, а не спѣшить, да и о каждой сектѣ особливое положеніе сдѣлать. Всякое состояніе въ законѣ повиновенія, но они изъ закона и повиновенія выходятъ и почти составляютъ statum in statu.

P. S. Жалѣю что были больны. Жаль князя Италійскаго. Тихвинскаго архимандрита пришлю. Онъ хотѣлъ быть. Ему многія обстоятельства извѣстны. Я удивился, какія вещи въ покояхъ моихъ не явились. Я своихъ много оставилъ; лучше приказать отцу-намѣстнику ко мнѣ отписать и прислать реестръ. Я по указу 788 года слишкомъ оставилъ, нежели сколько предписано; впрочемъ поручу въ сіе войти а. Тихвинскому. Лимоны съ благодареніемъ приму. О тысячѣ рубляхъ при разсчетѣ буду писать. Я денегъ не копилъ. Желаю и ожидаю вѣчнаго богатства. Прошу о раскольникахъ подумать и не прежде приступать къ рѣшенію объ нихъ, доколѣ будетъ сказано, чтó изъ ихъ мыслей подходитъ подъ законъ толеранціи и чтó нетерпимо и какія наблюденія и кому за ними слѣдить. Сказываютъ, что въ Чудовѣ по повѣсткѣ много собралось, пѣли стихи свои, и приходилъ къ нимъ пророкъ Илія и что-то имъ разсказывалъ, сшедши съ печи. Удивляюсь, что симъ канальямъ столько снисходятъ. Узнàютъ дворяне, поздно-ль рано-ль, чтó есть раскольникъ.

Мая 10-го 1800.

XX.

Писаніе вашего преосвященства отъ 21 Мая я имѣлъ счастіе получить. Изволите писать, что всѣ жалуются на сдачу домовъ, приписывая мнѣ; но не сдача домовъ, а злоупотребленіе при сдачѣ затрудняетъ. Предписано сдѣлать расчетъ за послѣдній годъ, но дѣлается за тридцать лѣтъ. Критикуется все, чтó ни оставлено. Я не засталъ ничего кромѣ оловянной посуды. Я собственный свой сервизъ оставилъ, гдѣ до 12 дюжинъ тарелокъ; заслужилъ и серебряный, о чемъ ни во снѣ не снилось. Невскимъ архіереямъ мебели и кареты оставилъ придворные; а какъ я пріѣхалъ, кромѣ Долгоруковской кареты ничего не было путнаго. Стульевъ я столько оставилъ, что за невмѣщеніемъ триповые красные отдалъ въ кельи намѣстничьи, а зеленые эконому и ризничему; но все недостаетъ. Я предписалъ Тихвинскому архимандриту явиться къ вашему высокопреосвященству для объясненія издержекъ бытности его экономомъ и намѣстникомъ. Прошу милостиво его принять и дать свободу въ разсмотрѣніи дѣлъ. Изволите писать фабулу, будто вамъ грозятъ. Кому и въ чемъ вамъ грозить? Я за себя Бога свидѣтелемъ представляю, что не корыстовался ничѣмъ, а что много моего за Лаврой осталось, я того не взыскиваю ничего. Вотъ еще новизна: тысячу девятьсотъ рублей велѣно вычитать. Я, оставивъ Петербургскую епархію и пріуготовляясь къ кончинѣ дней, положилъ, что безъ искушеній прожить нельзя. Я молю Спасителя моего, чтобъ меня укрѣпилъ Своею благодатію. Теперь меня остановилъ въ Новгородѣ содержатель Новгородскаго подворья, подалъ искъ въ Сенатъ. Беру съ помощію Божіею на себя, естьли рѣшеніе противузаконное выдетъ, просить Государя. И какъ Господь Богъ поможетъ мнѣ оставить Новгородскій домъ въ покоѣ, откажусь отъ всего: изнемогаютъ мои силы; естьли начеты пойдутъ, продамъ панагіи и буду при всей моей невинности уплачивать. Греческой архимандритъ отправленъ на Бѣло-озеро, только нечего ему тамъ дѣлать. Онъ проситъ, чтобъ препроводить его за границу; кажется, лучше всего: чтó за выгода намъ его пестовать и за нимъ смотрѣть? Преосвященный Викторъ переѣхалъ въ Юрьевъ. Но архимандриты, забирая къ себѣ деньги, оставляютъ монастыри въ совершенномъ разстройствѣ; прошу при случаѣ перемѣнъ поручить ему монастырь: онъ устроитъ.

Мая 27-го 1800

XXI.

Имѣлъ я честь получить отъ вашего преосвященства лимоны, провизію и апельсины; премного благодарю за одолженіе. Читая письмо отца архимандрита Тихвинскаго, я остался въ удивленіи: можно-ль остеречься, когда въ книгахъ послѣ дѣлаютъ перечистки? Распрошу я

Меѳодія и чтó будетъ открываться, съ моимъ замѣчаніемъ увѣдомлю! Чтó надлежитъ до Хутынскаго расчета, я самъ съ своихъ рукъ складывалъ; но нынѣшняя перемѣна принудила войти. Я о расчетахъ съ монастыремъ не упоминалъ; много бъ надобно писать, особливо, что деньги въ рукахъ были у преосвященнаго; ежели бы онъ не оставилъ монастырь въ долгу и, не заплатя по обязательству до четырехъ сотъ рублей оставшихся отъ колокола, можно сказать, себѣ въ карманъ взялъ! Когда о семъ ему напомянули, то онъ досаднымъ и обиднымъ для меня словомъ сдѣлалъ отзывъ. Богъ съ нимъ! Издержки жъ суммы другаго монастыря я ему простить не могу, поелику сіе несогласно будетъ закону. По дозволенію вашего преосвященства о Товіи я буду просить. Чтó надлежитъ до нашего расчета, я вами доволенъ и благодаренъ. Я за пьяницъ принялся и поступаю согласно указу. Прежде великія были къ тому препоны, порядокъ слѣдствія, запрещеніе, лишеніе сана и наказаніе великую дѣлали потачку. Чтó надлежитъ до полковыхъ и флотскихъ, командиры давали имъ похвальные атестаты, а флотскіе всегда почти писали, чтó желаютъ имѣть впредъ. Я засталъ Петербургъ наполненнымъ полковыми попами, потачка со многихъ сторонъ весьма меня затрудняла. Изволите писать, что я такими наполнилъ уѣздъ; развѣ они пришли съ церквами отъ Новгородской епархіи? Не можно похвалиться и Петербургскими. Трудно сыскать изъ дьячковъ путнаго. Есть сія зараза и въ другихъ командахъ. Теперь которые въ вѣдомостяхъ отмѣчены худаго или средственнаго состоянія, опредѣляю дьячками или пономарями и сихъ посылаю въ работу въ монастыри. Болѣзнь моя меня не оставляетъ, а больше умножаетъ слабость, сокращаются дни мои. Да будетъ воля Бога моего!

Іюня 10-го 1800.

XXII.

Благодарю за пріятнѣйшее писаніе. Болѣзнь моя не обѣщаетъ облегченія. Я съ пріѣзду располагался проситься отъ епархіи, удерживаетъ расчетъ, надѣюсь кончить. Вызываю Яковлевскаго и Свирскаго архимандритовъ; вижу, что одинъ сшалилъ, а другой потакалъ. Подумать я не могъ о Яковлевскомъ, но чтó дѣлать; ибо между апостолами крылся Іуда.

Съ удивленіемъ я услышалъ, что его превосходительство Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ *) прислалъ ордеръ къ секретарю моему по секрету. Одни заключаютъ, что есть на меня важный доносъ; а другіе, что подо-

*) Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, позднѣе прославившійся стихоплетствомъ. Ему дана эта должность ради его дяди, великаго Суворова. П. Б.

мной подыскиваются. Удивляюсь, что и у насъ тайная експедиція завелась. Государь гнѣвается, что духовенство неисправно, а съ другой стороны разстраиваютъ порядокъ. Ежели есть какія неустройства въ консисторіи, все отъ секретаря. Мой секретарь членовъ консисторіи не только презираетъ, но и бранитъ. Онъ нынѣ проситъ увольненія. Я представлю и прошу сдѣлать милость избавить консисторію отъ него. Нерѣшеніе дѣлъ происходитъ отъ него: онъ чтó когда ни доложитъ, я тогдажъ рѣшу. Слѣдовательно нерѣшенію дѣлъ онъ виновенъ. Я съ новаго году приказалъ подать реестръ дѣлъ нерѣшенныхъ. Наконецъ послалъ о томъ опредѣленіе; больше мѣсяца прошло, какъ начали подавать вѣдомости, и то повытчики или онъ. Секретныя переписки разстраиваютъ успѣхъ въ дѣлахъ и умножаютъ въ подчиненныхъ своевольство. Не надѣялся я, чтобъ Дмитрій Ивановичъ такъ съ нами поступалъ. Чтó дѣлать! Надобно терпѣть и молиться Богу. Жалѣю, что о сѣнѣ поранѣ не написали: старое все продано, новое собирается урывками. Есть ли вамъ будетъ необходимо надобно, то удобнѣе по первому пути отправить, нежели водою; да если водою, то лучше подрядить и тесомъ хорошенько укрыть. Тесъ здѣсь дешевлѣ и вамъ годится. Я секретаря буду просить отъ Св. Сѵнода; прошу выбрать человѣка по лучше и постараться и для себя: можетъ быть вамъ годится *). Однако думаю, что хуже нынѣшняго не будетъ. Удивляюсь: мы отъ взятковъ далеки, а ежели гдѣ есть, то отъ секретарей, но ихъ въ томъ подкрѣпляютъ. Богъ да благоустроитъ все къ лучшему. Слышалъ я ваше разсужденіе о стульяхъ; я ихъ больше оставилъ, чѣмъ сколько засталъ. Жильцы много переломали. Преосвященнаго Казанскаго служители, сколько помните, около дюжины. Я взялъ въ Новгородъ 24 стула обитые штофомъ, но вмѣсто того оставилъ сорокъ бархатныхъ, которые именно даны мнѣ, а не Лаврѣ. Я много Лаврѣ пріобрѣлъ, и никто столько; слѣдовательно, взирая на испорченное, должно воззрѣть и на пріобрѣтенное. Дай Боже послѣдній расчетъ очистить, да тѣмъ сіи хлопоты и кончить. Только ваша канцелярія неосмотрительно поступила, имѣя въ рукахъ документы и не понимая ихъ; разглашать и дѣлать свои толки есть грѣшно. Я ожидалъ знаковъ благодаренія, но оно не такъ мнѣ заплатило. Желаю отъ сердца, чтобъ вы избавлены были отъ подобныхъ хлопотъ.

Іюля 15-го 1800.

---

*) Гавріилъ сознавалъ, что Амвросій будетъ его преемникомъ, какъ оно и состоялось черезъ полгода. П. Б.

XXIII.

Увѣдомленіе объ орденѣ я получилъ, благодарю за ваши старанія Чтó надлежитъ до умноженія раскольниковъ, причина тому та, что люди не знающіе ни нравовъ, ни состоянія мужиковъ входятъ съ своимъ положеніемъ объ нихъ. Уловки ихъ плутовскіе, но объ нихъ жалѣютъ и потакаютъ. Благодарю за увѣдомленіе о жалованьѣ. Сѣна противъ прошлогодняго мало, однако приказано прикупить; также и огурцовъ для васъ запасено. Благодарю за Богословіе; буду просить нѣсколько экземпляровъ печатныхъ Риторики. Останавливаюсь по неимѣнію въ Сѵнодѣ денегъ и чтобъ ихъ заготовить, взялъ я на себя; но нынѣ отсутствіе мое умножитъ переписку. И такъ буду просить отъ сихъ заботъ меня уволить. Я льстилъ себя надеждою къ Августу свободиться отъ болѣзни, какъ въ 783 году было; но вмѣсто того она меня приводитъ въ крайность. Luctubar quandam, sed nunc deficio *). Если можно будетъ, постараюсь къ Александрову дню свѣжепросольныхъ огурцовъ прислать. Панагія съ звѣздою жалована мнѣ лично, почему я въ правѣ ее продать, но разсуждаю оную и 1000 рублей оставить Лаврѣ, а изумрудную въ Новѣгородѣ. Одышка меня безпокоитъ до обмороку, хочется всѣ хлопоты рѣшить.

Августа 5-го 1800.

XXIV.

Получилъ я отъ вашего преосвященства сердитое письмо. Вотъ что Иларіонъ между нами надѣлалъ. Прошу Бога ради простить, ежели я для васъ написалъ чтó оскорбительно: ни въ мысляхъ, ни въ намѣреніи того не было. Теперь, видя сокращаемые мои дни, положилъ свои деньги въ канцелярію внесть, которыя съ Меѳодіемъ пришлю, да прошу приказать безобидной расчетъ сдѣлать за дрова, и деньги оставить въ уплату. Хотя Меѳодій хотѣлъ уплачивать, но хотѣлъ на то дѣлать. сборъ по Петербургу; сіе было бъ предосудительно. Еще за преосвященнаго Досиѳея по Хутыню монастырю должно мнѣ внести въ Новгородской домъ 900 рубл., велѣлъ нѣкоторыя вещи продать, чтобъ поплатиться и не пойти со грѣхомъ ко Христу. Я, входя въ разбирательство о 3000 рубл., нахожу, что у Мельхиседека сіи деньги не были внесены къ могильнымъ; во время жъ болѣзни его, какъ онъ былъ въ частыхъ обморокахъ, покрадены въ его кельѣ. Я, пришедши къ нему,

*) Нѣкогда боролся, но теперь изнемогаю.

нашелъ, что комодъ отпертъ, раскрытъ и деньги по мѣстамъ, могу сказать, разбросаны. Я велѣлъ Меѳодію ихъ собрать, описать при другихъ и хранить. Есть и другія обстоятельства близкія къ сему. Что̀ надлежитъ до вещей моихъ, осталось безденежно въ Лаврѣ больше нежели на 3000 рубл. Часы столовые и сервизъ я оставилъ безденежно Лаврѣ, также и книги въ библіотекѣ. Что̀ надлежитъ до сакосовъ, признаюсь, что я, почитая ихъ пристойнѣйшими для Лавры, взялъ въ Новгородскую ризницу въ замѣнъ старыхъ. Если вы на сіе согласитесь, да будетъ такъ; а сакосъ лежалъ безъ употребленія. Изволите писать о перепискахъ съ консисторіею; я надѣюсь, что больше ихъ не будетъ. Молю отъ всего сердца, чтобъ Богъ мира былъ съ нами.

Октября 11-го 1800.

XXV.

Благодарю за виноградъ, но киселъ и гнилъ; такимъ неоднократно жаловалъ меня Астраханской. Изволите писать о сакосахъ моихъ. Много вещей моихъ хранилось въ ризницѣ, но безъ резолюціи моей Лаврскими ихъ не почитали. Я удивляюсь руководимой вами канцеляріи, доселѣ меня не перестаетъ безпокоить: еще какіе-то 180 рубл. требуетъ, не сказавши ни слова за что. Теперь и при вашихъ глазахъ посланныя въ консисторію деньги покрадены. Я былъ остороженъ, но при всей осторожности отъѣздъ мой въ Москву далъ удобность быть похищенію, и въ Москву ко мнѣ прислана вѣдомость о могильной суммѣ, но уже съ утайкою 3000 рублей Прежнихъ дѣлъ, съ чѣмъ бы сличить ее, тамъ не было. Всѣ божатся и клянутся ужасными клятвами; но сіе извѣстно, что Іосифъ поступилъ со мною какъ Іуда. Много такихъ предателей, берегитесь и вы; мнѣ воздали злая за благая и ненавистью за возлюбленіе. Я молю Христа Спасителя, чтобъ не поставилъ имъ грѣха сего. Что̀ дѣлать! Безъ искушеній прожить нельзя; надобно такъ и жизнь кончить. Надѣюсь скоро вамъ оставить весь свѣтъ. Вы меня не съубожите, да и сами не разбогатѣете. Не удивляюсь я Варлааму и Паисію, но удивляюсь намѣстнику. Я поступалъ чистосердечно; еслибъ хотѣть воровать, всѣ бъ концы скрыты были, но я знаю, что отъ Вышняго Судіи не скорюсь. Впрочемъ мнѣ немного надобно. Богъ и Государь меня не оставятъ. Мнѣ сказывали, что вы тужили, что вступили въ дѣло взысканія. Благодарю, но удивляюсь, что взысканіе вновь умножаете. Вижу, что Богъ за мои грѣхи попустилъ на меня сіе искушеніе предъ смертію; молю, чтобъ далъ терпѣніе; но блюдитесь вы, чтобъ оно не возвратилось въ нѣдра ваши. Да избавитъ васъ сего Господь.

Прошу понудить канцелярію ко увѣдомленію о 1500 рубляхъ. Напужала она меня своими прицѣпками.

Сентября 30-го 1800.

XXVI.

Нынѣшній мѣсяцъ не только усиливаетъ, но и умножаетъ во мнѣ болѣзни. Могу сказать что я дожилъ до тѣхъ лѣтъ, о которыхъ принуждаюсь сказать: нѣсть ми въ нихъ хотѣнія. Усерднѣйше молю Христа Спасителя, чтобъ пріялъ душу мою. Прошу вашихъ молитвъ. Я едва помню, что къ вамъ письмо писалъ.

Поздравляю ваше высокопреосвященство праздникомъ пришествія въ міръ Спасителя нашего и полученіемъ новыя паствы. Желаю отъ сердца, чтобы Онъ укрѣпилъ ваши силы въ подвигѣ семъ и увѣнчалъ ваши труды воздаяніемъ вѣчнымъ. Желалъ я пожить въ Москвѣ, чтобъ сроднымъ мнѣ климатомъ поправить здоровье, да и поспокойнѣе безъ всякихъ отношеній кончить послѣдніе дни; но Богу и Государю такъ угодно, чтобъ мнѣ сія участь имѣть въ Новѣ-городѣ, но не моя воля да будетъ! Сію минуту получилъ я отъ вашего высокопреосвященства пріятное и благосклонное писаніе; благодарю за дозволеніе, чтобы жить въ вашемъ домѣ. Онъ теперь извлеченъ изъ ветхостей и большихъ починокъ больше не потребуетъ; прошу пріѣхать и посмотрѣть, но совѣтую лѣтомъ при случаѣ увольненія преосвященнаго Иннокентія отъ епархіи и отъ Сѵнода. Мы опредѣлили писать его членомъ Сѵнода и писали въ указахъ, принявши за основаніе, что сенаторы, увольняясь отъ Сенату и отъ всѣхъ дѣлъ, не лишаются имени сенатора; для чего жъ Сѵноду тѣхъ, которыхъ Государи пожаловали членами Сѵнода, сей почести лишать? Для чего Кіевскій, никогда не присутствуя въ Сѵнодѣ, называется членомъ, да и Государи многихъ жалуютъ членами безъ присутствія въ Сѵнодѣ? Сіе все намудрили Малороссіяне. Я не для себя пишу, а для другихъ; можетъ быть сіе при годится и вамъ. Расчетъ по долгу не затруднитъ; но прошу увѣдомить, буду ль я получать что́ на содержаніе; можетъ быть, оно скоро не понадобится. Что́ надлежитъ до дѣлъ, я могу совѣты дѣлать преосвященному Старорусскому.

Декабря 27-го 1800.

*

Письма эти были списаны съ подлинниковъ, снабжены примѣчаніями и сообщены въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ начальникомъ Синодальнаго архива Николаемъ Ивановичемъ Григоровичемъ.

Гавріилъ Петровъ, слишкомъ 30 лѣтъ управлявшій паствою Новгородскою и Петербургскою, родился 18 Мая 1730 г. въ Москвѣ, воспитанникъ Славяно-Греко-Латинской Академіи и старшій справщикъ Московской Сино-

дальной типографіи, намѣстникъ Троицкой Лавры, потомъ Тверской архіепископъ, участникъ въ Комиссіи о сочиненіи новаго Уложенія и въ составленіи Словаря-Россійской Академіи, съ 1770 г. архіепископъ, съ 1783 г. митрополитъ, скончался 26 Января 1801 г. въ опалѣ. Екатерина посвятила ему переводъ Мармонтелева „Велисарія“ и говорила про него, что онъ „мужъ острый и резонабельный“. Къ нему долженъ относиться и отзывъ ея о Русскихъ архіереяхъ (въ письмѣ къ Гримму отъ 8 Іюня 1778 г.). Она подарила Гавріилу митру съ бриліантами и саккосъ изъ порфиры. У него постоянно по Субботамъ раздавалась милостыня, и онъ испросилъ у императора Павла указъ, чтобы священнослужителей, судимыхъ въ уголовномъ преступленіи, не подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ соборномъ храмѣ Невской Лавры, еще при жизни Гавріила, въ 1792 году, помѣщено барельефное его изображеніе—примѣръ, кажется, единственный.

*

Пишущему эти строки случилось спросить у покойнаго митрополита Московскаго Филарета о заслугахъ митрополита Амвросія, котораго онъ близко зналъ, живучи въ Петербургѣ еще до своего архіерейства. „Главная заслуга высокопреосвященнаго Амвросія—сказалъ Филаретъ—въ томъ, что въ царствованіе императора Павла онъ охранялъ нашу церковь отъ предположенныхъ нововведеній“. Амвросій Подобѣдовъ, сынъ священника Переяславскаго уѣзда, Владимирской губерніи, род. 30 Ноября 1742 г., былъ нѣсколько лѣтъ библіотекаремъ въ Троицко-Сергіевской Семинаріи. Онъ прославился своимъ словомъ при погребеніи убіеннаго Московскою чернью архіепископа Амвросія. Екатерина приказала перевести и напечатать это слово по-нѣмецки и по-французски. Его надгробное слово Екатеринѣ не было дозволено къ произнесенію. Наканунѣ своей кончины, Павелъ приказалъ возвести его въ санъ митрополита (до того онъ управлялъ только Петербургскою епархіею). Онъ скончался 21 Мая 1818 г. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Жизнь въ отставкѣ *).

Скорняково, 5-го Января 1843.

...Всякое учрежденіе порядка и мѣры къ огражденію собственности не нравится сельскимъ жителямъ нашихъ всѣхъ сословій. Привыкши къ воровской промышленности, они считаютъ всякую мѣру благоустройства стѣснительною, и нѣтъ тѣхъ средствъ, которыхъ бы они не предпринимали для уничтоженія порядка, чему имъ способствуетъ слабое дѣйствіе правительственныхъ судебныхъ мѣстъ.

Вчера читалъ я сводъ лѣсныхъ узаконеній, но нигдѣ не нашелъ распоряженій для охраненія лѣсовъ отъ порубокъ сосѣдей; да еслибъ они и были, кому бы привести ихъ въ исполненіе при корыстолюбіи, водворившемся во всѣхъ отрасляхъ правленія? Въ уставѣ семъ однакоже разсыпаются въ приглашеніяхъ владѣльцевъ оберегать сію драгоцѣнную собственность свою, предлагаютъ имъ обращаться за совѣтами и наставленіями въ какія-то общества, учрежденныя въ Москвѣ и Петербургѣ; но чему въ сихъ обществахъ научиться? Развѣ дадутъ правила, по коимъ какой-нибудь Нѣмецкій профессоръ выдумалъ снимать щипчиками разныхъ козявокъ съ деревьевъ, у которыхъ они подтачиваютъ кору? Приложены штатъ и положеніе, сдѣланное для библіотекарей сихъ лѣсныхъ обществъ; но не научаютъ, какъ оберегать лѣса отъ похитителей, какъ побудить земскую полицію къ исполненію своей обязанности, и отъ того, что она своего дѣла не дѣлаетъ, погибаютъ у насъ лѣса до невѣроятности...

Скорняково, 31 Октября 1844.

Генварь мѣсяцъ сего года былъ я въ Москвѣ по дѣламъ отчины. Тамъ часто видѣлся я съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ и проводилъ у него цѣлыя ночи въ разговорахъ о происшествіяхъ старой совмѣстной службы нашей и о настоящихъ дѣлахъ Кавказа, которыя, подъ управленіемъ часто смѣняемыхъ тамъ начальниковъ, годъ отъ года становились хуже. На усиленіе средствъ были уже посланы бывшій

---

*) См. выше стр. 23.

мой корпусъ и другія части войскъ изъ разныхъ мѣстъ. Значительныя потери, понесенныя нами въ томъ краю, произвели всеобщій вопль и говоръ въ Россіи, въ особенности же въ Москвѣ, гдѣ слухи и пересуды болѣе свойственны въ кругу людей праздныхъ, коими столица сія наполнена. Громко и нескрытно говорили вездѣ о необходимости назначить на Кавказъ Ермолова или меня, какъ единственныхъ людей, могущихъ возстановить въ томъ краю дѣла. Разговоры сіи до той степени распространились, что окружный жандармскій генералъ Перфильевъ даже доносилъ о томъ Бенкендорфу, для доклада Государю, какъ объ обстоятельствѣ, заслуживающемъ, по его мнѣнію, вниманія. О семъ донесеніи зналъ я еще до выѣзда моего изъ деревни, отчего я было и раздумывалъ ѣхать въ Москву, дабы не могли полагать, что я показываю себя въ Москвѣ для поддержанія своимъ присутствіемъ сихъ разговоровъ; но послѣ, передумавъ, я рѣшился ѣхать въ томъ мнѣніи, что мнѣ не слѣдовало обращать вниманія на сіи слухи, а вести себя и дѣйствовать какъ мнѣ нужно было, независимо сего обстоятельства.

Разумѣется, что, при свиданіяхъ моихъ съ Ермоловымъ, разговоръ нашъ часто касался будущности моей, при могущемъ случиться вступленіи моемъ вновь на поприще службы. Ермоловъ сказывалъ мнѣ, что графъ Орловъ пытался докладывать о мнѣ Государю, но что Государь и слышать не хотѣлъ. При семъ случаѣ, я разувѣрилъ Ермолова въ ошибочномъ мнѣніи его о доброжелательствѣ ко мнѣ Орлова, представивъ ему дѣло въ настоящемъ видѣ, т. е., что Орловъ не помѣшалъ бы мнѣ подвинуться, еслибы случай возвелъ меня безъ его пособія (ибо въ такомъ случаѣ сопротивленіе съ его стороны могло бы повредить ему въ общемъ мнѣніи), но что онъ самъ не сдѣлаетъ ни шагу, чтобы мнѣ дать ходъ, въ томъ помышленіи, что онъ не надѣется въ другой разъ видѣть во мнѣ человѣка, коего успѣхами онъ бы могъ воспользоваться, какъ онъ сіе сдѣлалъ въ послѣднюю Турецкую экспедицію.

Я спрашивалъ Ермолова, принялъ ли бы онъ мѣсто главнокомандующаго въ Грузіи, еслибъ его произвели въ фельдмаршалы. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что не находилъ въ себѣ болѣе тѣхъ физическихъ силъ, которыя нужны для такихъ занятій. Обо мнѣ говорилъ онъ, что могло случиться, что меня назначатъ командиромъ того же 5-го корпуса, и что послѣ первыхъ успѣховъ могли бы меня назначить и на мѣсто Нейдгарта, который, чувствуя себя не въ силахъ, охотно бы мнѣ предоставилъ мѣсто свое и даже подготовилъ бы все самъ къ тому; но теперь, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, пока еще не начались военныя дѣйствія, и въ Петербургѣ полагаютъ еще большія надежды на побѣды отъ такого огромнаго прилива силъ на Кав-

казѣ, нельзя думать, чтобы меня употребили въ семъ дѣлѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ, говорилъ онъ, должно ожидать чего-нибудь; не въ Маѣ, такъ въ Сентябрѣ, когда они познаютъ, что на Кавказѣ не увеличеніе числа войскъ, но хорошихъ людей начальниками нужно.

Я уже совсѣмъ собрался было выѣхать изъ Москвы сюда, какъ разнесся слухъ, что Государя ожидаютъ въ Москву. Я счелъ неприличнымъ выѣхать въ такое время, дабы выѣздъ мой не имѣлъ вида укрывательства, и рѣшился дождаться либо пріѣзда Государя, либо вѣрнаго извѣстія о томъ, что онъ не располагаетъ быть въ Москвѣ. Князь Сергѣй Михаиловичъ Голицынъ былъ въ то время въ Петербургѣ, и его со дня на день ожидали въ Москву; онъ долженъ былъ привезти о томъ основательную вѣсть, и я рѣшился дожидаться его пріѣзда. Онъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней съ вѣстью, что Государь и не думалъ ѣхать въ Москву. И такъ я выѣхалъ въ деревню.

Настала весна, я былъ тревожимъ въ мысляхъ какими-то ожиданіями, сельское хозяйство перестало занимать меня, и къ тому открылось новое обстоятельство, которое усилило думы мои, хотя и совершенно въ другомъ родѣ.

Къ сему присоединились недостатки въ деньгахъ, обстоятельство, коему я въ семейномъ быту еще никогда не подвергался. Доходовъ отъ имѣнія почти никакихъ нѣтъ отъ наслыханной дешевизны хлѣбовъ, которые я не рѣшаюсь задаромъ продавать. Изъ заслуженныхъ мною трехъ арендъ двѣ уже кончились; осталась только одна на два года, и той не доставало на уплату процентовъ за имѣніе, которое уже три года очищалось арендами и задолжало до 40.000 въ капиталъ, принадлежащій старшей дочери моей: единственное ея достояніе, пріобрѣтенное многими трудами моими и бережливостью на службѣ. По симъ причинамъ долженъ я отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ, куда призываетъ меня теща для благословенія сестры покойной жены моей, выходящей замужъ. Желалъ бы и свидѣться съ людьми образованными, съ родными, взглянуть на свѣтъ, отъ коего уже такъ долго отлучался, и во всемъ этомъ встрѣчаю почти непреодолимыя препятствія.

Наконецъ, зрѣніе мое день ото дня примѣтно слабѣетъ, такъ что по вечерамъ трудно заниматься. Все это сильно подѣйствовало на духъ мой, лишило дѣятельности и обратило къ задумчивости. Мыслей же разбить не съ кѣмъ. Я началъ скучать, такъ что скука большею частью превозмогаетъ дѣлаемыя мною усилія для возбужденія прежней моей дѣятельности.

Въ числѣ припадковъ моихъ получилъ я непреодолимое отвращеніе къ прекрасному моему кабинету, устроенному по моему вкусу

и наполненному воспоминаніями прежнихъ лѣтъ и службы моей, и отвращеніе сіе до того усилилось, что я пересталъ сидѣть въ немъ и перешелъ съ обыкновенными занятіями своими въ старый домъ, гдѣ тѣсно и никакихъ нѣтъ удобствъ для занятій, но гдѣ неумолкаемый шумъ дѣтей составляетъ для меня лучшее развлеченіе.

Домъ, построенный мною здѣсь съ такими трудами и издержками, требовалъ поправки, потому что обыкновенная садка, случающаяся въ деревянныхъ строеніяхъ, измѣнила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правильность стѣны и потолковъ. Я приступилъ къ дѣлу; но по мѣрѣ, какъ я обращалъ вниманіе на одинъ предметъ, открывались новые недостатки. Я усилилъ стараніе свое, вниманіе и издержки и былъ завлеченъ въ передѣлку всѣхъ почти частей дома, въ коемъ я снялъ желѣзныя оковки, отпустилъ всѣ скрѣпленія и замѣтилъ, что садка стала усиливаться; надобно было все перебрать, все снова скрѣпить и усилить сіи скрѣпленія. Домъ трещалъ отъ садки и передѣлки, расходы ежедневно увеличивались, работы открывались новыя, мы жили въ тѣснотѣ, занятія мои прервались, стукъ, пыль, поминутные спросы мастеровыхъ, опасенія лишиться жилища своего,—все это, усиленное мнительностію моею, меня до крайности разстроило. Я выдержалъ испытаніе, докончилъ черезъ силу предположенныя работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ упалъ духомъ, сдѣлался скученъ, задумчивъ.

Въ началѣ Сентября мѣсяца навѣстили меня, самымъ неожиданнымъ образомъ, братъ Михайла, Корсаковъ и племянникъ мой Николай Муравьевъ, пріѣхавшій съ Кавказа. Съ послѣднимъ я раза три видѣлся лѣтомъ, и разговоръ его былъ для меня занимателенъ: ибо онъ всегда касался Грузіи. Но, воскрешая воспоминанія мои, разсказывая о неудачахъ нынѣшняго правленія, онъ возбуждалъ во мнѣ если не желаніе снова испытать поприще славы, по крайней мѣрѣ мысли о возможности мнѣ опять быть на службѣ. Съ братомъ Михаиломъ я 10 лѣтъ не видался. Я былъ очень обрадованъ его пріѣздомъ, но разговоръ его касался менѣе семейныхъ дѣлъ, чѣмъ служебныхъ, въ коихъ онъ провелъ всю свою жизнь, а потому онъ тоже не переставалъ говорить о службѣ моей и приглашалъ меня быть въ Петербургѣ, дабы испытать расположеніе ко мнѣ Государя: мѣра, на которую я не могъ согласиться.

Скорняково, 27 Марта 1845 г.

Я былъ въ Петербургѣ, и вотъ послѣдовательность всего событія сего.

Еще съ осени убѣждала меня письмами своими Прасковья Николаевна Ахвердова пріѣхать къ свадьбѣ дочери ея, сестрѣ покойной жены моей, дабы присутствовать въ званіи посаженаго отца. Долго я

отказывался отъ сей поѣздки, ссылаясь на настоящую причину—недостатки, которые мы терпимъ, потому что не получили доходовъ съ отчины уже два года. Убѣжденіе брата Михайлы также не могло склонить меня, но вдругъ прекратились письма тещи моей. Хотя сіе случилось ни отъ чего болѣе, какъ отъ неисправности почты, на которой письма ея залежались; но обстоятельство сіе меня встревожило: мнѣ казалось, что старушка на меня сѣтуетъ, и я упрекалъ себя въ томъ, что отказался ѣхать и утѣшить ее въ послѣдніе дни жизни ея, ибо она была слаба и въ параличѣ. Еще я колебался, когда получилъ письмо отъ брата Андрея, писавшаго мнѣ въ простыхъ выраженіяхъ, что разсчеты мои въ такомъ случаѣ неумѣстны, что я останусь съ рожью своею или съ деньгами, а тещу могу болѣе никогда не видѣть, и что я себѣ никогда не прощу сего. Письмо сіе сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе; я думалъ, что если предстоящее обстоятельство должно завлечь меня въ службу, то не должно было уклоняться отъ онаго и рѣшился отправиться въ Петербургъ въ концѣ Декабря, потому что свадьба назначена была около 10 Генваря сего года.

Такъ какъ я обязанъ былъ посѣщеніемъ губернатора нашего Ховена, то я собрался съѣздить къ нему въ Воронежъ въ теченіе Декабря мѣсяца; ко мнѣ присоединился въ спутники Соломонъ Артемьевичъ Тергукасовъ, который также имѣлъ надобность быть у Ховена. Мы заѣхали сперва къ генералу Денисьеву и пріѣхали ночевать къ Николаю Матвѣевичу Муравьеву, а на другой день прибыли въ Воронежъ.

Тамъ я познакомился съ полковникомъ Бутурлинымъ, помощникомъ начальника штаба Кавказскаго корпуса. Бутурлинъ возвращался въ Россію послѣ неудачъ, потерпѣнныхъ нами въ послѣднюю экспедицію къ горцамъ; онъ желалъ представиться мнѣ и при этомъ случаѣ сообщилъ мнѣ разныя подробности о сей экспедиціи.

Въ теченіи Ноября и Декабря мѣсяцевъ были извѣстія о разныхъ назначеніяхъ главнокомандующаго въ Грузію на мѣсто Нейдгарта, который настоятельно просилъ увольненія отъ занимаемаго имъ мѣста; говорили, что перемѣна его сопряжена будетъ съ пользою самаго края, которымъ онъ себя не признавалъ въ силахъ управлять.

Я получилъ также письмо отъ А. П. Ермолова, которое здѣсь прилагаю по оригинальности и колкости выраженій въономъ помѣщенныхъ.

«Любезный и почтенный Николай Николаевичъ. Возвратившійся отъ васъ племянникъ вашъ, homonyme *) сказывалъ мнѣ, что, быть можетъ, нынѣшнюю зиму вы не пріѣдете сюда, по причинѣ, уменьшившей примѣтно число пріѣзжающихъ въ Москву. Жаль мнѣ будетъ

*) Одноименникъ. Это будущій графъ Муравьевъ-Амурскій. П. Б.

чрезвычайно, особенно разсчитывая вѣрно прожить нѣкоторое время вмѣстѣ. Помню хорошо, что намъ было бы что прочитать, а Москва дала бы о чемъ и поговорить».

«Воля ваша: никакъ не ладится съ мѣстоимѣніемъ вы и лучше по прежнему говорить *ты* старому по службѣ товарищу».

«О Кавказѣ здѣсь различные слухи, но всѣ не весьма хорошіе. Впрочемъ неудачи и потери всегда чрезвычайно преувеличены, безъ нужды, ибо онѣ сами по себѣ довольно значительны. Не было съ непріятелемъ ошибокъ кровопролитныхъ, но болѣзни истребили войска. Поселенія казаковъ лѣваго фланга завалены больными, и г. Нейдгартъ предлагалъ начальнику учредить госпиталь въ Астрахани. Сами судите о удобствахъ, которыя пріумножаетъ тамошній карантинъ. Здѣсь ожидають и самого вождя грозныхъ нашихъ ополченій, который къ одному здѣсь знакомцу писалъ, чтобы онъ старался купить для него домъ умершаго графа П. А. Толстова или покрайней мѣрѣ нанять его.»

«На мѣсто вождя, по извѣстіямъ изъ Петербурга назначаютъ Герштейнцвейга, котораго ты лучше знаешь и который скорѣе, можетъ быть, познакомится съ солдатомъ, дѣлами своими, нежели именемъ. Слышно однакоже, что, ссылаясь на раны и слабое здоровье, онъ уклоняется отъ назначенія.»

«Есть молва и о генералъ-квартеймейстерѣ Бергѣ, котораго я совершенно не знаю. Но сему назначенію многіе не вѣрятъ. Нѣтъ ли неизвѣстаго намъ пророчества, что Кавказъ долженъ пасть предъ именемъ Нѣмецкимъ? Надобно попасть на него! Напрасно нападаютъ на вышедшую недавно книжку забавную, какъ говорятъ: La Russie envahie par les Allemands *). Тутъ, любезный Николай, роднымъ твоимъ жизнь плохая! Кто нибудь изъ нашихъ бродяжничествующихъ за границею способствовалъ неназвавшемуся сочинителю.»

«Многіе говорили изъ людей достовѣрныхъ, что весною, предъ началомъ военныхъ дѣйствій, когда на Кавказъ посылаемы были огромныя подкрѣпленія, князь Меншиковъ желалъ получить начальствованіе (то есть фельдмаршальскій жезлъ) на Кавказѣ. Это правдоподобно; но желалъ бы спросить его по совѣсти, взялся ли бы онъ теперь?»

«При появленіи силъ нашихъ у подошвы горъ, извѣстно достовѣрно, горцы пришли ощутительнымъ образомъ въ робость, и было между ними большое смятеніе, въ особенности когда по переходѣ Койсу соединился Нейдгардтъ съ Лидерсомъ и превосходствомъ силъ могли раздавить Шамиля. Никто не понимаетъ разсчетовъ Нейдгардта, который предпочелъ отпустить его, можетъ быть, въ надеждѣ легчайшихъ тріумфовъ. Послѣ сего горцы ободрились чрезвычайно, и можетъ подобнаго случая уже не представиться».

«Невѣроятно, какъ разсказываютъ, до какой степени упала довѣренность войскъ къ Нейдгардту, даже до насмѣшекъ. Не избѣжалъ тогоже и Гурко, и едва ли еще не болѣе! Это меня удивило, ибо въ немъ

---

*) Т. е. Россія подъ нашествіемъ Нѣмцевъ. Эта маленькая, нынѣ рѣдкая, книжка написана Ф. Ф. Вигелемъ и была напечатана, по его порученію, за границею. П. Б.

весьма много хорошихъ качествъ, и очень жаль этого. На линію надобенъ также начальникъ, и по Москвѣ былъ нелѣпный слухъ о генералъ-адъютантѣ Анрепѣ. Это по чину его невозможно, не говоря о прочемъ! У насъ, сторожиловъ Кавказа, на умѣ ты, любезный Николай Николаевичъ; но видно мы глупо разсуждаемъ, ибо не сбывается по нашему. Впрочемъ, когда говорятъ мнѣ о происшествіяхъ Кавказа, говорятъ о странѣ незнаемой: до того все измѣнилось тамъ! Сюда въ отпускъ ждутъ Гурко, котораго я любопытенъ видѣть: ибо спрашивали его, когда онъ ѣхалъ на линію, не повидается ли онъ со мною? Онъ отвѣчалъ, что это совершенно безполезно и что я такъ уже давно оттуда, что конечно не знаю обстоятельствъ. Не знаю, какъ будетъ смотрѣть Нейдгардтъ послѣ знаменитыхъ подвиговъ. Онъ, говорятъ, боленъ совершенно и настоятельно требуетъ увольненія. Желаніе вѣроятно исполнится и безъ затрудненія, и безъ замедленія. Здѣсь Головинъ, возвратившійся изъ заграницы, и я увѣренъ, что внутренно онъ очень доволенъ собою Я видѣлся съ нимъ, но не имѣлъ случая говорить. Онъ не прочь отъ дѣятельной службы, но едва ли въ состояніи быть годнымъ, и конечно не въ той уже странѣ. Чрезвычайно любопытно знать, кто назначенъ будетъ и, кажется, должно это вскорѣ послѣдовать; ибо съ началомъ весны должны возобновиться дѣйствія, которыя надобно поправить, не для однихъ иностранныхъ журналовъ. Хотѣлъ еще писать, но спѣшитъ отъѣзжающій, который письмо это отдаетъ на почтѣ въ Тулѣ. Отсюда прямо я бы не написалъ его. Прощай. Люблю стараго товарища какъ прежде, уважаю еще болѣе и знаю какъ достойнаго и полезнаго человѣка. Душевно преданный Ермоловъ.»

„26-го Ноября 1844 г., Москва“.

4-го Апрѣля 1845 г.

Письмо сіе было получено въ исходѣ Ноября. Въ соединеніи съ разными слухами о назначеніяхъ въ Грузію, оно способствовало ко встревоженію моему и отчасти къ предпріятію путешествія въ Петербургъ, хотя настоящая причина была не какая-либо иная, какъ свадьба сестры.

Около того же времени увѣдомилъ меня Долгорукій изъ Одессы, что къ графу Воронцову пріѣзжалъ изъ Петербурга фельдъегерь съ собственноручною запискою Государя, и что, не заставъ Воронцова въ Одессѣ, фельдъегерь поѣхалъ къ нему на южный берегъ Крыма, въ Алупку. Слухъ носился въ Одессѣ, что Воронцова призывали къ занятію мѣста главнокомандующаго въ Грузіи или въ Польшу на мѣсто Паскевича.

О состояніи дѣлъ на Кавказѣ я имѣлъ постоянно довольно вѣрныя извѣстія. Часть оныхъ доходили до меня черезъ письма, часть изустно отъ проѣзжихъ съ Кавказа Армянъ, останавливающихся погостить у Соломона Тергукасова, живущаго отъ меня въ 40 верстахъ, близъ большой дороги, ведущей изъ Грузіи въ Москву.

Общіе очерки сихъ свѣдѣній были дополнены подробнымъ разсказомъ о военныхъ дѣйствіяхъ, сдѣланнымъ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Дельвигомъ *) пріѣзжавшимъ съ Кавказа въ отпускъ къ дядѣ своему, моему сосѣду князю Волконскому. Дельвигъ былъ у меня осенью и съ карандашемъ въ рукахъ отвѣчалъ мнѣ по картѣ на всѣ вопросы, которые я ему дѣлалъ.

Бывшій мой 5-й корпусъ выступилъ изъ своихъ прежнихъ квартиръ Крыма, Подольской губерніи и Бессарабіи, въ 3-хъ батальонномъ составѣ, и батальоны были наполнены до 700 человѣкъ; сверхъ того были взяты запасные люди, коими по прибытію полковъ на мѣсто пополнили всю случившуюся на походѣ убыль отъ болѣзней, отчего въ строевыхъ рапортахъ о семъ корпусѣ было показано послѣ прибытія на лѣвый флангъ линіи, до вступленія войскъ въ дѣйствіе, такое же количество людей въ батальонахъ, какое было при выступленіи. И за это было объявлено высочайшее благоволеніе начальству, но войска сіи не могли не потерпѣть значительную убыль отъ сего внезапно предпринятаго движенія, въ самое ненастное время года, безъ всякихъ почти предварительныхъ приготовленій.

Тоже случилось и съ маршевыми батальонами, отправленными изъ Москвы. Сборныя войска сіи проходили недалеко отъ насъ и, не взирая на всѣ расходы, понесенные правительствомъ для облегченія жителей и войскъ во время сего движенія, они крайне обременили жителей отъ совершеннаго безпорядка, въ коемъ войска сіи шли. Ни правильное снабженіе подводами и квартирами, ни строгая дисциплина не обезпечили обыденнаго спокойствія войскъ и жителей. Растянутыя колонны тащились пѣшкомъ и на подводахъ, оставляя по себѣ жалобы и неудовлетворенныя претензіи. Самый духъ въ сихъ сборныхъ войскахъ былъ въ великомъ упадкѣ: офицеры надѣялись возвратиться по сдачѣ людей, а люди громко говорили, что ихъ ведутъ на убой, чѣмъ и оправдывали насилія, дѣлаемыя ими между жителями, коихъ они укоряли безпечною и мирною жизнью.

Полки 5-го корпуса не могли имѣть достаточныхъ и удобныхъ квартиръ въ малонаселенномъ краѣ. При нихъ не было никакихъ хозяйственныхъ заведеній, и они послѣ утомительнаго похода не могли имѣть потребнаго спокойствія и необходимыхъ средствъ для поддержанія силъ своихъ и возобновленія всего утрачивающагося въ движеніи, а послѣ въ дѣлахъ, въ коихъ они находились.

Слухи о приближеніи большаго количества войскъ тревожили Шамиля. Онъ не чаялъ удержаться, и говорили даже, что онъ собирался

---

*) Это славный впослѣдствіи баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ. П. Б

оставить горы и удалиться изъ предѣловъ Кавказа. Извѣстно было однако, что лазутчики его вывѣдывали, какія идутъ войска, старыя или молодыя, и когда узнали о составѣ вспомогательныхъ полковъ и батальоновъ, то Лезгины успокоились и продолжали съ духомъ вооружаться.

При отправленіи войскъ сихъ, говорятъ, Государь будто сказалъ, что онъ посылаетъ маршевые батальоны для укомплектованія полковъ Кавказскаго корпуса, значительно потерпѣвшихъ въ нѣсколькихъ пораженіяхъ, понесенныхъ ими въ 1843 году при потерѣ главныхъ крѣпостей въ горахъ и многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ и что 5-й корпусъ посылается для наказанія и истребленія Шамиля съ его толпами.

Самое начало не подавало однако на то основательныхъ надеждъ. Корпусный командиръ генералъ Нейдгардъ былъ человѣкъ съ образованіемъ, но не имѣлъ той опытности, которая была нужна въ дѣлахъ такого рода.....

Преемникъ мой въ командованіи 5-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Лидерсъ, былъ извѣстенъ своею храбростью, но также неопытенъ и, какъ слышно, былъ человѣкъ способный болѣе къ занятіямъ мелочнымъ, чѣмъ дѣльнымъ, при томъ же больной.

Между частными начальниками замѣчательны были: генералъ-маіоръ Клюки-фонъ-Клюкенау, родомъ Австріецъ, служившій нѣкогда маіоромъ у меня въ полку, человѣкъ храбрый, но безъ головы и распорядительности; генералъ-маіоръ Пассекъ, человѣкъ съ образованіемъ, но бѣшеный и хвастливый безъ мѣры честолюбивый; генералъ-маіоръ Фрейтагъ, человѣкъ храбрый, образованный и съ малыми средствами спасшій остатки разбитыхъ войскъ нашихъ и ихъ начальниковъ въ бѣдственныя осень и зиму 1843 года.

Предверіемъ похода служилъ приказъ Нейдгарда, коимъ онъ назначалъ предварительно дѣйствія всѣхъ отрядовъ на цѣлую кампанію, какъ будто можно было все за нѣсколько мѣсяцевъ до начала дѣйствій предвидѣть и предназначить въ войнѣ съ горцами, гдѣ природа на каждомъ шагу противопоставляетъ непредвидѣнныя препятствія, гораздо важнѣе тѣхъ, которыя встрѣчаются отъ вооруженныхъ жителей. Приказъ сей еще тѣмъ былъ неумѣстнѣе, что онъ сообщалъ непріятелю всѣ наши намѣренія и, слѣдовательно, указывалъ ему средства къ отраженію оныхъ. Затѣмъ слѣдовала многорѣчивая рѣчь къ горцамъ, коимъ онъ грозилъ наказаніемъ ихъ, выхваляя свои силы, и требовалъ покорности, обѣщаясь охранять ихъ отъ насилія войскъ и враждую-

щихъ, и многое подобное, могущее служить только къ удовольствію непріятеля, который уже нѣсколько лѣтъ сряду привыкъ поражать насъ и смотрѣть на взаимныя распри начальниковъ нашихъ....

При такихъ пышныхъ началахъ упущено было главное - продовольствіе. На Кавказѣ нельзя продовольствовать войскъ, какъ въ Россіи, одними письменными распоряженіями, черезъ провіантскую коммиссію. Тутъ этотъ предметъ составляетъ главную и личную работу начальника, безъ чего войска̀ всегда будутъ терпѣть нужду въ хлѣбѣ. Но кому изъ столичныхъ вождей могло сіе придти на мысль, и кто бы изъ нихъ не предпочелъ вести безполезныя перестрѣлки для славы своей скучному и невидному труду заботиться о продовольствіи?

Съ весны 1844 года войска были сведены въ лагерь при Червленной станицѣ, гдѣ не явилось продовольствія для содержанія ихъ: не съ чѣмъ было выступить. Продержали ихъ долѣе предположеннаго на низменныхъ мѣстахъ, гдѣ показались лѣтомъ горячки. Число больныхъ значительно усилилось, такъ что всѣ казачьи станицы были ими завалены.

Пока войска̀ готовились въ Червленной къ походу или, лучше сказать, изнурялись отъ безполезной стоянки въ мѣстахъ нездоровыхъ, предположили выслать изъ Владикавказа отрядъ полковника Нестерова черезъ Чечню, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ высланнымъ къ нему на встрѣчу изъ крѣпости Грозной отрядомъ подъ командою генерала Фрейтага. Прогулка сія не могла имѣть настоящей цѣли, а кажется хотѣли только ощупать расположеніе враждебныхъ намъ жителей Чечни и нанести имъ сколько можно вреда. Вмѣсто того мы сами потерпѣли значительную убыль, потерявъ безъ всякой пользы 400 нижнихъ чиновъ, 25 офицеровъ и, кажется, одного штабъ-офицера. Неудачная экспедиція сія, безъ сомнѣнія, не могла служить къ возстановленію упадшаго въ войскахъ духа.

Помнится мнѣ, что дѣйствія главныхъ силъ не прежде начались какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Генералъ Лидерсъ долженъ былъ сдѣлать изъ Темиръ-Ханъ-Шуры наступательное движеніе къ сторонѣ Акуши; въ авангардѣ находился у него съ небольшимъ отрядомъ Пассекъ. Но Лидерсъ не долженъ былъ идти въ Акушу, а, напротивъ того, предположено было, чтобъ, удержавъ или опрокинувъ толпы, показавшіяся на пути его, возвратиться ему къ главнымъ силамъ, которыя подъ начальствомъ Гурко и въ присутствіи самого Нейдгарда тянулись къ Койсу, дабы предпринять движеніе въ Аварію соединенными силами.

Иные говорятъ, что Нейдгардъ не зналъ о томъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ войскомъ собрался около Буртуная, гдѣ укрѣпился на позиціи для защиты сей дороги; но сіе невѣроятно. Напротивъ, по всѣмъ дѣйствіямъ Нейдгарда видно, что онъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи Шамиля, къ коему онъ шелъ; но запоздалое движеніе его происходило медленно отъ безчисленнаго количества лишняго обоза, который онъ съ собою везъ. Не говоря о продовольствіи, которое ему было необходимо взять съ собою, съ нимъ тянулись безконечныя нити колясокъ и всякіе экипажи...... подчиненныхъ ему начальниковъ и, наконецъ, множество гвардейскихъ офицеровъ, или флигель-адъютантовъ, присланныхъ изъ Петербурга для пожатія лавровъ въ семъ походѣ, отъ коего ожидали несмѣтно-огромныхъ послѣдствій.

Пріѣздъ флигель-адъютантовъ имѣлъ еще другой поводъ. Въ прежніе года, когда дѣла наши на Кавказѣ шли хорошо, всегда было много гвардейскихъ офицеровъ, которые, скучая столичной единообразной жизнью, желали испытать разгульной жизни въ трудахъ и бояхъ съ горцами, откуда они обыкновенно возвращались съ крестиками. Когда же дѣла пошли дурно, и молодцы должны были жертвовать жизнью безъ видимой пользы для себя лично и для самаго успѣха дѣла, то они остыли къ сему промыслу; и въ самомъ дѣлѣ, ихъ, какъ храбрыхъ и пламенныхъ молодыхъ людей, первыхъ всегда били. Унывшіе отъ неудачъ войны не вызывались самоотверженно на опасность. Такъ жертвовали безъ пользы лучшимъ цвѣтомъ нашей молодежи. Отвращеніе сіе отъ участія въ походахъ на Кавказъ дошло до того въ Петербургѣ, что отправляющіеся туда ежегодно изъ полковъ офицеры не ѣхали болѣе по охотѣ своей, но поочереди или по наряду. Обстоятельство сіе не было упущено изъ виду иностранцами, которые напечатали оное въ газетахъ. Когда Государь о семъ узналъ, онъ приказалъ Бенкендорфу созвать флигель-адъютантовъ и спросить ихъ, почему они болѣе не просятся, какъ прежде, на Кавказъ. Они отвѣчали, что, занимая столь лестное для нихъ званіе при лицѣ Государя, они не могли желать лучшей службы, да и не считали себя въ правѣ просить какихъ либо назначеній. Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ положено назначить десять флигель-адъютантовъ на Кавказъ, и все происшествіе сіе вновь напечатано въ иностранныхъ газетахъ, съ удовольствіемъ выставляющихъ все, могущее служить къ обнаруженію нашей слабости. Флигель-адъютанты поѣхали, и, конечно, присутствіемъ своимъ при войскахъ причинили больше вреда, чѣмъ принесли пользы. Если взять въ расчетъ всѣ затрудненія, которыя приноситъ въ походахъ одинъ баринъ со своею коляскою, кухнею, палаткою, вьюками и проч., то

конечно можно положить, что онъ въ сложности совершенно погашаетъ дѣятельность по крайней мѣрѣ одного взвода пѣхоты. Такихъ безполезныхъ людей въ семъ походѣ находилось много; ибо къ нимъ можно причислить и тѣхъ, которые тутъ же вертѣлись подъ покровительствомъ старшаго и другихъ начальниковъ, изъ личныхъ своихъ видовъ получить награжденіе. Говорятъ, что армія сія, состоящая изъ 30 баталіоновъ одной пѣхоты, тянулась отъ Червленой станицы къ Койсу, проходя неболѣе 5 верстъ въ сутки по дорогамъ, гдѣ люди были обременены безпрерывнымъ вытаскиваніемъ орудій и начальническихъ колясокъ. Ее уподобляли арміи Ксеркса при вторженіи его въ Грецію. Начальники и флигель-адъютанты пользовались всѣми удобствами жизни, тогда какъ войска изнурялись. Пока сіе медленное и безобразное шествіе тянулось, Пассекъ, завлеченный пылкостью, подвинулся къ горцамъ по Акушинской дорогѣ, былъ ими окруженъ и едва не лишился всего отряда своего, но случайно выбился и даже успѣлъ ихъ опрокинуть съ значительными для нихъ потерями, отъ чего находившіяся передъ нимъ толпы разсѣялись. Лидерсъ, шедшій за нимъ, настоятельно требовалъ у Нейдгарда позволенія идти по слѣдамъ бѣгущихъ въ Акушу, но на постоянныя требованія свои получалъ отказы и, наконецъ, приказалъ воротиться и переправиться въ Ахатли черезъ Койсу для соединенія съ главными силами Нейдгарда. Недовольный тѣмъ, что ему препятствовали къ достиженію личнаго подвига занятіемъ Акуши (что́ однако не было сообразно съ общимъ планомъ кампаніи), онъ послалъ въ Военное Министерство копію съ переписки своей съ Нейдгартомъ, что́ навлекло Нейдгарду самые оскорбительные упреки. Упрековъ сихъ онъ бы не получилъ, еслибъ самъ лучше повелъ исполненіе разсудительно-предположеннаго плана своего атаковать Шамиля соединенными силами своими; но онъ не успѣлъ, и оттого во всемъ остался одинъ виноватымъ: въ военномъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ, судятъ не по дѣйствіямъ, а по послѣдствіямъ.

Между тѣмъ Шамиль собралъ всѣ свои войска, состоявшія изъ 15.000 вооруженныхъ людей, которыхъ онъ раздѣлилъ на сотни и тысячи, давъ имъ нѣкоторый видъ устройства, расположился на позиціи близъ селенія Буртунай, гдѣ онъ укрѣпился и вооружилъ шанцы свои 17 орудіями, отъ насъ отбитыми. Онъ занялъ Хубарскія высоты, впереди его лежащія и составляющія лѣвый берегъ рѣки Койсу, которую надлежало Лидерсу переходить для соединенія съ Нейдгардомъ. Лидерсъ подошелъ къ весьма затруднительной переправѣ Ахатли и перешелъ ее подъ огнемъ непріятеля, потерявъ только 17 человѣкъ. Непріятель слабо защищалъ сіе важное мѣсто и понесъ тоже незначительную по-

терю, хотя изъ однихъ орудій нашихъ выпущено по немъ до 600 выстрѣловъ.

По соединеніи Лидерса съ Нейдгардомъ оба отряда стали лагеремъ не въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго въ виду Буртунайскихъ укрѣпленій непріятеля, который отдѣлялся отъ нихъ весьма глубокимъ, утесистымъ оврагомъ. Атаковать съ фронта хотя и была возможность, но предпріятіе сіе было-бъ сопряжено съ большою потерею и выгодъ не представило бы никакихъ: ибо Шамиль могъ всегда безпрепятственно уйти. Но въ обходъ на занимаемую имъ возвышенную равнину вела дорога верстъ на 20, на которую направили Клюке съ 6 баталіонами пѣхоты, артиллеріей и 1000 человѣкъ кавалеріи.

Непріятель узналъ о семъ движеніи, и когда Клюке показался у него на разсвѣтѣ почти въ тылу, Шамиль поднялся изъ своего лагеря въ большомъ порядкѣ и въ виду всего нашего войска отступилъ. Шамиль избѣгнулъ боя, въ коемъ ему предстояло неминуемо быть разбитымъ, и увезъ въ глазахъ нашихъ всю свою артиллерію и всѣ тяжести.

Причиною сей нерѣшительности въ дѣйствіяхъ служило то, что ни одинъ начальникъ не довѣрялъ другому: Клюке не надѣялся, что его поддержутъ атакою съ другой стороны и остался безъ дѣйствія; Нейдгардъ все медлилъ и не надѣялся на себя.

Лидерсъ пошелъ въ Акушу. Шамиль, ободренный нашимъ ничтожествомъ, переправился съ отрядомъ 2000 человѣкъ отборной конницы черезъ Койсу у самаго лагеря Гурки и, проходя слѣдомъ за Лидерсомъ, отбилъ стада у Шамхальцевъ почти среди нашихъ войскъ. Наконецъ, пришедъ къ Акушѣ, онъ грозилъ Лидерсу, который соединился съ Аргутинскимъ, пришедшимъ изъ Кази-Кумыка; но онъ тутъ лишился 2 орудій, которые были у него увлечены небольшимъ обществомъ Лезгинъ. Лидерсу предположено было идти обратно другимъ путемъ, гдѣ Гурко долженъ былъ ему доставить продовольствіе; но, не надѣясь на содѣйствіе Гурки и имѣя недостатокъ въ хлѣбѣ, онъ возвратился тѣмъ же путемъ, преслѣдуемый Шамилемъ, съ коимъ аріергардъ его имѣлъ ежедневныя сшибки.

Симъ кончился знаменитый походъ, отъ коего ожидали чудесъ. Затѣмъ слѣдовало совершенное изнеможеніе войскъ какъ тѣлесное, такъ и душевное.

Казачья станица наполнилась больными; стали ихъ перевозить моремъ въ Астрахань. Потеря сего рода въ бывшемъ моемъ 5-мъ корпусѣ превзошла половину числа людей, приведеныхъ на линію, не считая потери, понесенной въ пути.

Къ осени Нейдгардъ возвратился въ Тифлисъ и сталъ просить настоятельнымъ образомъ, чтобы его смѣнили, говоря, что сего требуетъ благосостояніе самаго дѣла, коимъ онъ за болѣзнію не могъ болѣе заниматься. Лидерсъ также уѣхалъ лѣчиться въ Одессу, гдѣ оставалось его семейство. Гурко сбирался выѣхать совсѣмъ: ему нельзя было болѣе оставаться среди войскъ, пораженныхъ столько разъ подъ его начальствомъ. Клюки просился прочь. Фрейтагъ также. Всѣ главныя лица старались удалиться, не предвидя ничего добраго въ будущемъ. Разъѣхались также набѣглые герои и флигель-адъютанты, коихъ скорое возвращеніе, говорятъ, разгнѣвало Государя. Каждый изъ нихъ честилъ, какъ умѣлъ, начальство....

Государь не думалъ долѣе оставлять Нейдгарда въ Грузіи, но затруднялся въ избраніи другаго начальника на его мѣсто. Тогда-то стали носиться слухи, о коихъ писалъ ко мнѣ Ермоловъ. Слухи сіи доходили до меня еще до полученія письма его. Говорили тоже, что его самаго назначаютъ въ Грузію, говорили обо мнѣ; но между тѣмъ извѣстно мнѣ было также о собственноручной запискѣ Государя, полученной графомъ Воронцовымъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Кавказа, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ Петербургъ на свадьбу сестры Дарьи Ѳедоровны. Въ семъ путешествіи я нисколько не завлекался надеждами быть главнокомандующимъ въ Грузіи; но ѣхалъ съ однимъ желаніемъ свидѣться съ тещею и съ нею проститься, можетъ, навсегда. Я полагалъ, что мнѣ предстоялъ случай показать сею поѣздкою готовность свою и разрушить распускаемые на мой счетъ слухи, будто на повторенныя призыванія Государя я всегда отказывался отъ вступленія на прежнее свое поприще.

Скорняково, 27 Апрѣля 1845.

Я выѣхалъ отсюда 22 Декабря и пріѣхалъ ночевать къ Соломону Тергукасову, отъ благоразумія и дружбы коего можно всегда ожидать доброго совѣта. Мы провели съ нимъ часть ночи въ бдѣніи. Онъ совершенно оправдалъ мой образъ мыслей и говорилъ, что, съ пріѣздомъ моимъ въ Москву, дѣла болѣе объяснятся, когда я увижусь съ Ермоловымъ, отъ коего вѣрно узнаю кое-что о происходящемъ.

23-го я пріѣхалъ ночевать въ Богородицкъ къ исправнику Грызлову, отставному артиллерійскому офицеру, котораго мнѣ рекомендовалъ племянникъ мой Н. Н. Муравьевъ, выѣхавшій въ началѣ года изъ Абхазіи, гдѣ онъ командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ береговой линіи.

Муравьевъ, сынъ Николая Назарьевича и двоюродной сестры моей Мордвиновой, имѣетъ около 35 лѣтъ отъ роду, хорошее образованіе, природный умъ и рѣдкія способности. Онъ чувствуетъ свои достоинства и, можетъ быть, не чуждъ самолюбія. Быстрая карьера его по военной службѣ въ Грузіи, гдѣ онъ служилъ съ отличіемъ и пользою и былъ раненъ, доставила ему чинъ генералъ-маіора прежде многихъ его сверстниковъ. Пользуясь особенною довѣренностію генерала Головина, онъ игралъ значительную роль, когда Головинъ былъ главнокомандующимъ; но послѣ Головина онъ не могъ тамъ ужиться какъ по внутреннему неуваженію, которое онъ имѣлъ къ властямъ, такъ и потому что ему, можетъ быть, не отдали должной справедливости. Выѣхавъ изъ Грузіи для пользованія себя отъ раны, онъ поселился въ Богородицкѣ, говоря, что его привлекаетъ къ сему мѣсту пребываніе тамъ двоюроднаго брата его Василья Ивановича Муравьева, служащаго предводителемъ дворянства въ Богородицкѣ, съ коимъ онъ былъ съ молодыхъ лѣтъ друженъ. При посѣщеніяхъ его въ теченіе прошедшаго лѣта, я могъ легко замѣтить, что онъ заблуждался и былъ ослѣпленъ мыслью, что его вызовутъ на новое блистательное поприще. Онъ не зналъ равнодушія, съ коимъ встрѣчаютъ всѣхъ людей въ Петербургѣ, не смотря на заслуги и достоинства ихъ, и сужденія мои на счетъ будущности его принималъ только съ уваженіемъ, коимъ онъ обязанъ былъ моему старшинству. Мысли сіи стали однако примѣтно въ немъ перемѣняться, когда сталъ сближаться срокъ его отпуска. Наступила зима, и Муравьевъ нашелъ необходимымъ ѣхать въ Петербургъ, въ той надеждѣ, что при перемѣнѣ начальника въ Грузіи и ему предложатъ тамъ мѣсто соотвѣтственное его достоинствамъ. Онъ и уѣхалъ въ Ноябрѣ, прося меня, если я поѣду въ Петербургъ, остановиться въ Богородицкѣ у исправника, котораго онъ очень полюбилъ.

Такъ какъ у меня было дѣло въ Богородицкѣ, то я остановился ночевать у Грызлова, съ коимъ и провелъ бы пріятно время свое, еслибы не былъ замученъ стѣснительными привѣтствіями.... Я бѣжалъ оттуда 24-го поутру, но и тутъ былъ преслѣдованъ проводами до границы городской земли.

25-го на разсвѣтѣ я пріѣхалъ въ Москву и вскорѣ увидѣлся съ Алексѣемъ Петровичемъ. Основательныхъ свѣдѣній я отъ него никакихъ не почерпнулъ; онъ и въ самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не зналъ. Вообще онъ становится старъ, и его больше всего занимаютъ разговоры на счетъ его, которые ему лестны: ибо общее мнѣніе всегда относится въ его пользу. Оскорбленія, получаемыя имъ отъ двора, его не трогаютъ; напротивъ того, они какъ бы возвышаютъ его духомъ;

ибо, какъ говоритъ Шиллеръ, Dein Unrecht schmeichelt grosse Seelen *).

Бездѣятельность, въ которой онъ столько лѣтъ провелъ, пріучила его къ праздности. Онъ любитъ разговоры, но дѣла убѣгаетъ. Разговоръ его пріятенъ, но онъ часто повторяется въ рѣчахъ. Конечно обширный умъ его способенъ обнять и обширный кругъ управленія; но едва ли не встрѣтитъ онъ самъ въ себѣ затрудненія къ совершенію объемлемаго его умомъ. Онъ найдетъ усердныхъ и способныхъ помощниковъ; но самъ не тотъ, что́ прежде былъ и что́ о немъ гласитъ общее мнѣніе. Не менѣе того, какъ не отдать ему преимущества передъ всѣми лицами, которыхъ мы видимъ на стезѣ высокихъ поприщъ и званій? Я спрашивалъ его, справедливы ли носившіеся слухи о сдѣланномъ будто ему предложеніи принять начальство въ Грузіи. Онъ отвѣчалъ, что слухъ этотъ совершенно ложенъ, что ему не дѣлали никакихъ предложеній, и что никакихъ не сдѣлаютъ; потому что Государь не хочетъ и слышать о немъ, въ доказательство чего сказалъ онъ мнѣ, что на дняхъ точно разнесся въ Петербургѣ слухъ о семъ предположительномъ назначеніи, и что вслѣдъ затѣмъ появились во всѣхъ магазинахъ вновь награвированные портреты его, которые стали покупать во множествѣ; но едва о семъ стало извѣстно Государю, какъ портреты сіи были убраны полиціею. Это могло только возвысить Ермолова въ глазахъ всѣхъ, такъ что и равнодушные къ нему, усматривая въ сей насильственной мѣрѣ гоненіе на человѣка всѣми уважаемаго, стали принимать въ немъ участіе.

Явно однакоже было, что ему болѣе не воскреснуть на поприщѣ славы, и едва ли предстоящая ему теперь участь не есть лучшая, какою можетъ онъ пользоваться.... Сидитъ-же онъ на перепутіи между Кавказомъ и Петербургомъ. Всѣ проѣзжающіе въ ту или другую сторону вмѣняютъ себѣ какъ бы въ обязанность навѣщать Ермолова, который выслушиваетъ съ удовольствіемъ передаваемыя ему извѣстія о дѣйствіяхъ въ краю, гдѣ онъ пріобрѣлъ всего болѣе извѣстности. Какъ Русскій, онъ скорбитъ о неудачахъ нашихъ; но какъ человѣкъ обиженный, оскорбленный, онъ не упускаетъ случая посмѣяться надъ незрѣлостью и неумѣстностью распоряженій какъ высшаго правительства, такъ и мѣстныхъ на Кавказѣ начальниковъ, что̀ доставляетъ ему пріятное препровожденіе времени въ кругу знакомыхъ, съ которыми онъ проводитъ вечера, не опасаясь какихъ либо худыхъ отъ того послѣдствій: ибо онъ уже испилъ всю чашу горести и огорченія, какую могла наполнить зависть къ достоинствамъ его; а лѣта его

*) Великія души польщены твоею несправедливостью.

выводятъ его изъ круга дѣятельной жизни на службѣ, которую онъ еще могъ имѣть въ виду, за нѣсколько лѣтъ до сего времени. Безбѣдное состояніе его, при умѣренныхъ потребностяхъ жизни, обезпечено Онъ давно уже свыкся съ своимъ положеніемъ, изъ котораго извлекаетъ для себя возможныя наслажденія.

Въ то время, какъ я проѣзжалъ черезъ Москву, находился тамъ Головинъ, также бывшій главнокомандующій въ Грузіи. Человѣкъ умный, обходительный, но скрытный. Я навѣстилъ его, потому что это должно было быть пріятно для племянника моего Н. Н. Муравьева, который долго служилъ при немъ и былъ ему преданъ. Я не засталъ Головина дóма, но онъ поспѣшилъ на другой день пріѣхать ко мнѣ. Не погрѣшу, когда скажу, что причиною его скораго пріѣзда ко мнѣ была отчасти носившаяся молва, что я ѣхалъ въ Петербургъ по вызову Государя. Головинъ пробылъ у меня около часа. Разговоръ его не безъ занимательности; но онъ объясняется съ трудомъ, тянетъ рѣчь и слова, а при томъ еще глухъ; между тѣмъ онъ хочетъ говорить о предметахъ не терпящихъ гласности. Надобно ему кричать, и отъ того разговоръ съ нимъ становится непріятнымъ. Головинъ въ то время только что возвратился изъ заграницы и проживалъ въ Москвѣ въ отпуску или за болѣзнію, опасаясь, чтобы появленіемъ своимъ въ Петербургѣ не навлечь на себя званіе сенатора, коимъ награждали уже нѣсколькихъ уволенныхъ съ Кавказа командующихъ. Онъ желалъ высшаго назначенія, быть членомъ Государственнаго Совѣта, и не отказался бы даже опять возвратиться на Кавказъ, чего онъ и надѣялся при тогдашнемъ затрудненіи, въ коемъ находились избраніемъ особы въ сіе званіе. Желаніе сіе не могло даже укрыться въ рѣчахъ его, и я узналъ, что онъ говорилъ: «Напрасно меня оттуда взяли; не слѣдовало имъ меня оттуда брать». Онъ считалъ себя какъ бы въ нѣкоторомъ соперничествѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ; но кто рѣшится поставить сихъ людей на одну доску? Головинъ вѣроятно никогда не былъ способенъ къ занятію мѣста главнокомандующаго на Кавказѣ; а въ тогдашнемъ положеніи, когда уже и лѣтà начинали удручать его, ему не слѣдовало бы и думать о семъ, и общее мнѣніе его не назначало на сіе мѣсто. Онъ не довѣрялъ Алексѣю Петровичу, ибо могъ не сомнѣваться въ томъ, что не избѣжалъ колкихъ насмѣшекъ его; но при всемъ томъ онъ говорилъ о немъ всегда съ осторожностью. Они размѣнивались иногда визитами, и Алексѣй Петровичъ повидимому избѣгалъ утомительныхъ посѣщеній Головина.

Ермоловъ былъ очень радъ моему пріѣзду и съ удовольствіемъ узналъ, что я направлялъ путь свой въ Петербургъ. Кто знаетъ впрочемъ? Онъ, можетъ, имѣлъ болѣе въ мысляхъ узнать что нибудь новаго и слышать развязку столь долго длящейся загадки о предположительномъ назначеніи моемъ на Кавказъ.

Трое сутокъ провелъ я въ Москвѣ и изъ оныхъ двѣ ночи у Алексѣя Петровича, который отпускалъ меня домой не прежде 4-хъ и 5 часовъ утра. «Государь, говорилъ онъ, приходитъ въ отчаяніе, когда получаетъ вѣсти съ Кавказа, но скоро забываетъ о нихъ, полагая все конченнымъ и устроеннымъ, когда отвѣтятъ на какое либо донесеніе оттуда. Не такъ-то бы они покойны были, еслибъ Шамиль воевалъ у воротъ Петербурга; но Кавказъ далекъ, а пожертвованія, приносимыя Россіей для сей утомительной и разорительной войны, забываются въ шумѣ обыкновенныхъ столичныхъ веселій. Императрица, продолжалъ онъ, въ слезахъ, когда слышитъ о постигающихъ насъ въ томъ краю неудачахъ».—Неужели, спросилъ я, полагаете вы, что способности мои достаточны для приведенія дѣлъ на Кавказѣ въ порядокъ?» Онъ нѣсколько подумалъ и отвѣчалъ: «Взгляни, любезный Муравьевъ, на всѣхъ занимавшихъ сіе мѣсто въ послѣднее время и на тѣхъ, которые имѣются въ виду для занятія онаго, и сравни съ собою безпристрастно. Чувствуешь ли себя выше ихъ?» — «Чувствую себя выше ихъ», отвѣчалъ я безъ запинанія.

«Этимъ и вопросъ рѣшается», сказалъ Алексѣй Петровичъ; «довольно того, что изъ тѣхъ лицъ нѣтъ рѣшительно ни одного, которое можно бы назвать способнымъ къ занятію мѣста главнокомандующаго на Кавказѣ; это неоспоримо видимо. Ты же, кромѣ дарованій своихъ, имѣешь уже надъ ними одно величайшее преимущество: желѣзную волю и непреоборимое терпѣніе, противъ которыхъ ничто устоять не можетъ. Я знаю, что ты въ походѣ ведешь жизнь солдатскую и увѣряю тебя, что съ сухаремъ въ рукѣ и луковицею, коими ты довольствуешься, ты надѣлаешь чудесъ, какихъ они не вздумаютъ; за тобою все кинется и достигнетъ цѣли. Право, нѣтъ великой хитрости во всемъ этомъ дѣлѣ. Главнымъ же средствомъ, самоотверженіемъ, подобнымъ твоему, они не обладаютъ».—«Положимъ», сказалъ я, «что меня бы и стало для одолѣнія горцевъ; но устою ли я противъ вооруженныхъ дѣйствій завистниковъ моихъ въ столицѣ и при дворѣ, о которыя всѣ приписываемыя вами мнѣ достоинства должны разбиться?» — «Это пустое», сказалъ Ермоловъ, «дѣла Кавказа такъ имъ стали теперь въ Петербургѣ горьки, что малѣйшій успѣхъ порадуетъ ихъ; первая удача, и ты всѣхъ своихъ завистниковъ побѣдишь: за тебя первый будетъ Государь».

Я просилъ его снабдить меня совѣтомъ какъ себя держать въ Петербургѣ, еслибы дѣло зашло о назначеніи меня или приглашеніи въ службу. Онъ находилъ, что визитъ графу Орлову будетъ весьма умѣстенъ; ибо хотя человѣку сему въ душу никто не влѣзетъ, и прямой искренности ни отъ кого ожидать нельзя, но онъ по наружности показывалъ себя всегда расположеннымъ въ мою пользу. Другихъ же, какъ-то Чернышова и прочихъ, совѣтовалъ онъ навѣстить, смотря по обстоятельствамъ. «Впрочемъ», продолжалъ Алексѣй Петровичъ, «у тебя тамъ братъ Михайла, которому всѣ Петербургскія дѣла извѣстны: онъ тебѣ лучше всѣхъ разложитъ карту и ознакомитъ тебя съ мѣстностью, а тамъ уже разсудишь, что̀ дѣлать. Я бы желалъ знать, что̀ тамъ съ тобою будетъ. Какъ бы ты о томъ мнѣ написалъ! Только черезъ кого ты письма свои перешлешь?» Потомъ, подумавши, сказалъ: «Да вотъ черезъ Закревскаго *), онъ человѣкъ вѣрный, отдай ему письмо ко мнѣ: онъ уже найдетъ средство доставить оное прямо ко мнѣ въ руки».

28-го Декабря выѣхалъ я изъ Москвы въ Петербургъ, ѣхалъ шибко, какъ бы стараясь скорѣе встрѣтить бурю, которая должна была пронестись черезъ мою голову. Я остановился только ночевать въ Пашутинѣ, когда уже былъ близко къ цѣли своей. 31-го въѣхалъ я въ столицу, для меня всегда непріятную и даже отвратительную по холодности въ сношеніяхъ, встрѣчаемой въ кругу ея жителей. Я направился къ главной цѣли моей, т. е. вышелъ въ домѣ тещи моей Ахвердовой, которую нашелъ очень постарѣвшею. Велика была радость увидѣть меня, но не тотъ восторгъ, который одушевлялъ въ прежніе годы молодое и живое сердце ея. Ее удручали болѣзнь и старость. Я отъ нея узналъ, что дня два тому назадъ былъ назначенъ графъ Воронцовъ намѣстникомъ на Кавказѣ съ какими-то особенными правами. Публика, по словамъ ея, много сему радовалась, и многаго ожидали отъ сего назначенія. Меня извѣстіе сіе нѣсколько удивило, но не поразило; ибо я не имѣлъ прямыхъ надеждъ на сіе мѣсто. Послали за братомъ Андреемъ, который вскорѣ явился и, взявъ меня къ себѣ, просилъ остановиться у него на жительство во все время пребыванія моего въ Петербургѣ. Послали за братомъ Михаиломъ, а между тѣмъ я поспѣшилъ въ баню. Выпарившись, я слѣзъ съ полка и, чтобъ отдохнуть, сѣлъ на ступеньку и задумался. Мысли мои обращались къ внезапному переходу моему изъ мирной уединенной жизни, въ какой я провелъ столько лѣтъ, въ предстоящій шумный кругъ столицы. Думалось о могущемъ случиться вступленіи въ службу, о Государѣ, о разговорѣ моемъ съ нимъ и о многомъ подобномъ, какъ вдругъ парильщикъ разбудилъ меня

*) Жившаго тогда въ Петербургѣ въ отставкѣ. П. Б.

отъ думъ, обдавши съ головы до ногъ свѣжею водою. Чтó это такое? спросилъ я очнувшись.—«То-то баринъ», отвѣчалъ онъ, «я испугался, что задумались: случалось также парить господъ, да запаривать такъ, что память отобьетъ; думалъ, какъ бы съ вами того не случилось». «Ты вѣрно Нѣмцевъ запаривалъ здѣсь въ Петербургѣ», сказалъ я ему съ досадою, «а я слава Богу не здѣшній.»

По возвращеніи изъ бани, я нашелъ у Андрея брата Михайлу, который убѣдилъ меня перейти къ нему жить, на что я согласился, не взирая на просьбы Андрея остаться у него. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ было неудобно оставаться у Андрея, гдѣ причудливое и изящное убранство комнатъ стѣсняло меня; ибо мнѣ должно было поминутно опасаться что либо испортить или даже съ мѣста сдвинуть, и хотя Андрей убѣдительно просилъ меня не обращать на то вниманія и не опасаться какихъ-либо поврежденій, могущихъ случиться отъ неосторожности, но я предпочелъ перейти къ Михайлѣ, тѣмъ болѣе, что у Андрея всегда бываетъ съѣздъ молодыхъ офицеровъ мнѣ незнакомыхъ, коихъ и мое присутствіе могло стѣснять, тогда какъ Михайла предлагалъ мнѣ нѣсколько комнатъ совершенно отдѣльныхъ.

Переночевавъ у Андрея, я перебрался 1-го Генваря на квартиру къ Михайлѣ, остался тамъ все время пребыванія моего въ Петербургѣ и пользовался самымъ пріятнымъ и предупредительнымъ гостепріимствомъ какъ со стороны брата, такъ и жены его.

Я намѣревался съ пріѣздомъ въ Петербургъ приняться за сіи записки и неупустительно записывать всякій день, чтó со мною случилось, съ кѣмъ видѣлся, чтó говорилъ, чтó слышалъ, но не нашелъ ни одного раза случая заняться симъ дѣломъ, по множеству посѣтителей, наполнявшихъ комнаты мои съ ранняго утра за полночь, или за частыми выѣздами моими. Итакъ теперь долженъ я описывать обстоятельства сей поѣздки, основываясь на памяти.

Такъ какъ меня часто не заставали дома, то братъ Михайла сдѣлалъ нѣсколько обѣдовъ, на которые сзывались родственники. Они бывали попеременно на сихъ обѣдахъ; ибо по множеству ихъ, нельзя бы всѣхъ принять въ одинъ разъ, и всякій разъ ихъ собиралось до 25 человѣкъ и болѣе. Каждый изъ нихъ старался приблизиться ко мнѣ и высказать хотя нѣсколько словъ со мною. Дружеское расположеніе ихъ, положеніе изгнанника или гонимаго лица, которое ко мнѣ относилось въ общемъ мнѣніи, содѣлывало меня тѣмъ занимательнѣе; наконецъ, ожиданія видѣть меня возведеннымъ на стезю воображаемаго ими величія черезъ вступленіе въ службу привлекало иныхъ изъ любопытства, а другихъ, можетъ быть (не родственниковъ, а знакомыхъ) и изъ видовъ.

Тоже самое стеченіе окружало меня и въ домахъ родныхъ, у коихъ обѣдалъ или проводилъ я по нѣскольку часовъ времени. По утру подымали меня съ постели тѣ, которые желали меня видѣть исключительно и лучше расчитывали время, въ которое могли меня застать. Въ числѣ сихъ раннихъ посѣтителей находились и докучливые съ просьбами, какъ будто бы я уже обладалъ способами служить другимъ своимъ вліяніямъ, тогда какъ я самъ не занималъ никакого мѣста и не искалъ его; но Петербургъ населенъ людьми, которые живутъ вымогаемыми пособіями и покровительствами, и промыслъ сей вовсе не противенъ ихъ образу мыслей, въ коемъ сильно вкоренилось понятіе о данничествѣ трудящагося класса людей, дышащихъ какъ бы для удовлетворенія празднаго сословія и прихотей столицы.

Вечерà проводилъ я почти всѣ у себя, и такъ какъ въ Петербургѣ обыкновенно все время дня исключительно посвящается увеселеніямъ, то праздные докучалы долго не знали, что тогда всего удобнѣе было меня застать дома; почему по вечерамъ сбирались у меня всегда люди, коихъ общество для меня пріятно. Въ числѣ ихъ были братъ Михайла, иногда Андрей, и всякій день почти безъ исключенія племянникъ мой Муравьевъ, братъ его Валеріанъ и Илларіонъ Михайловичъ Бибиковъ. Навѣщали меня также часто Корсаковъ, Вѣра Григорьевна Паленъ, вообще все люди, которые для меня были пріятны.

Вечера мои начинались часу въ 8-мъ и продолжались до 1-го и 2-го за полночь. Тутъ стекались всѣ извѣстія городскія; каждый сказывалъ чтò узнавалъ въ теченіе дня, перебирали сіи извѣстія, сличали однѣ съ другими, и братъ Михайла, коему очень хотѣлось видѣть меня на службѣ, который также принималъ со мною близкое участіе въ судьбѣ Н. Н. Муравьева, соображалъ дѣйствія наши и предлагалъ свои мнѣнія, которыя опровергались и принимались общимъ мнѣніемъ.

Такъ какъ на сихъ вечерахъ собирались иногда и старые сослуживцы мои, а рѣчь больше шла о дѣиствіяхъ на Кавказѣ, то названы были сіи вечера *Кавказскими комитетами*.

Вскорѣ рѣшено было у меня съ Михайлою съѣздить мнѣ съ визитомъ къ графу Орлову: привѣтствіе ни къ чему меня не обязывающее и коего не сдѣлать можно бы причесть къ невѣжливости или къ неудовольствію. Михайла объяснилъ мнѣ сношенія главныхъ лицъ при дворѣ. Все находилось почти въ томъ же положеніи, какъ оно было въ то время, какъ я службу оставилъ. Орловъ казался самымъ сильнымъ и былъ уважаемъ. Военный министръ князь Чернышовъ держался особенно. Киселевъ, Меншиковъ и Клейнмихель казались также высокими въ довѣренности; но мнѣ до нихъ не было никакого дѣла, и братъ, избирая лучшія пути для меня, говорилъ, что

надобно было избрать одну систему и держаться оной неизмѣнно Избиралъ же онъ, какъ говорилъ, *систему Орлова*, которая хотя на вѣроятностяхъ и не менѣе лжива другихъ, но казалась доступнѣе, по большой внимательности Орлова и по распространяемому имъ по крайней мѣрѣ слуху о доброжелательствѣ его ко мнѣ.

Въ намѣреніи извѣдать напередъ образъ мыслей Орлова, Михайла съѣздилъ къ нему и объявилъ о моемъ пріѣздѣ. Орловъ показалъ удовольствіе при извѣстіи о моемъ пріѣздѣ. «Что же», спросилъ онъ. «въ службу что ли братъ твой сбирается?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ Михайла. «братъ пріѣхалъ на свадьбу сестры своей; но отъ службы онъ не прочь, еслибъ зналъ, что она можетъ быть пріятна Государю».—«Я нѣсколько разъ заговаривалъ о немъ Государю», сказалъ Орловъ, «но Государь о немъ и слышать не хочетъ; когда же я говорилъ о немъ съ графомъ Воронцовымъ по возвращеніи его изъ Англіи, то Воронцовъ махнулъ рукою, въ знакъ своего неудовольствія на него. Скажи брату, что я буду радъ съ нимъ повидаться».

Дня три спустя по пріѣздѣ моемъ я поѣхалъ къ Орлову. Онъ меня принялъ по обыкновенію ласково и шутливо, спросилъ о здоровьѣ настоятельно, и послѣ того, на службу ли я пріѣхалъ въ Петербургъ? Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ съ единственною цѣлью обвѣнчать сестру мою, но что я не откажусь и въ службу вступить, еслибъ могъ знать, что она будетъ угодна Его Величеству. «Да вѣдь тебя просить не будутъ», сказалъ Орловъ. — «Знаю», отвѣчалъ я, «что просить не будутъ; да и признаться, мнѣ въ это дѣло вступать было бы неосновательно безъ удостовѣренія, что присутствіе мое въ службѣ было бы пріятно Государю. Я не намѣренъ служить безъ довѣренности его, ибо за тѣмъ только оставилъ службу, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого повода удостовѣриться въ противномъ, а напротивъ узналъ, что Государь обо мнѣ и слышать не хочетъ».—«Отъ кого ты это слышалъ?» спросилъ Орловъ торопливо, какъ бы желая раскрыть нескромныя чьи либо рѣчи.—«Отъ васъ же», отвѣчалъ я хладнокровно, «черезъ брата Михайлу, которому вы это сказывали». Орловъ не могъ отречься отъ сказаннаго и, принявъ опять покойный видъ, продолжалъ: «Да, и военный министръ докладывалъ о тебѣ Государю. Я все хотѣлъ тебя на Кавказъ назначить, да вотъ назначенъ графъ Воронцовъ». Разговоръ нашъ объ этомъ предметѣ тутъ и кончился. Не желая тяготить его моимъ присутствіемъ, которое, вопреки его изъявленій участія, не могло быть для него пріятно, если онъ въ самомъ дѣлѣ участвовалъ хотя косвеннымъ образомъ въ моемъ паденіи, я хотѣлъ идти; но онъ еще задерживалъ меня, говоря впрочемъ, что ему скоро пора ѣхать къ Государю. Я остался еще нѣсколько времени. Говорили

о деревенскихъ дѣлахъ, о всеобщемъ безденежьи помѣщиковъ отъ прекращенія хлѣбной промышленности, о чемъ онъ первый завелъ разговоръ. Показывалъ онъ мнѣ висѣвшую у него на стѣнѣ картину Беюгъ-дёре. «Я все слышанное отъ тебя перескажу Государю», сказалъ Орловъ, прощаясь, и еще нѣсколько разъ спросилъ меня о здоровьи, какъ бы повѣряя тѣлесныя способности мои продолжать службу и пристально всматриваясь въ меня. Я утвердительно отзывался совершенно здоровымъ, исключая глазъ, которые начинаютъ слабѣть. Въ теченіе разговора сего, когда я назвалъ фамилію сестры Ахвердовой, онъ спросилъ меня, какіе это Ахвердовы. Я отвѣчалъ, что двоюродный братъ ея служитъ въ жандармахъ подъ начальствомъ его и недавно произведенъ въ генералъ-маіоры. Орловъ подумалъ и, какъ бы вспомнивъ о немъ, сказалъ, что слышалъ о немъ хорошіе отзывы. Я подтвердилъ мнѣніе сіе и просилъ его способствовать Ахвердову къ полученію мѣста губернаторскаго, такъ какъ онъ при производствѣ остался безъ должности. Орловъ показалъ готовность свою, хотя ничего не обѣщалъ. Нѣсколько дней послѣ того, когда Ахвердовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ выпросилъ для него у Государя единовременное пособіе въ 1000 р. сер. и назначилъ его состоять при себѣ. Въ недавнемъ же времени четыре малолѣтніе сына Ахвердова приняты по высочайшему повелѣнію кандидатами въ Пажескій корпусъ.

Братъ Михайла, узнавъ содержаніе разговора моего съ Орловымъ, черезъ нѣсколько дней поѣхалъ къ нему, чтобы развѣдать о послѣдствіяхъ. Орловъ сказалъ ему, что доложилъ о всемъ слышанномъ обо мнѣ Государю, и что Государь минутъ десять слушалъ разсказъ обо мнѣ безъ неудовольствія; почему онъ и находилъ, что дѣла мои очень поправляются, ибо прежде нельзя было ожидать такого расположенія отъ Его Величества въ мою пользу. Правда ли все это, въ томъ можно всегда усумниться. Кто повѣритъ разговоръ Орлова съ Государемъ, и кто узнаетъ сужденія ихъ обо мнѣ? Всего ближе было подумать, что въ другое время воспользовались бы пріѣздомъ моимъ въ Петербургъ для приглашенія меня въ службу, а что на сей разъ, въ ожиданіи пріѣзда Воронцова, не рѣшились пригласить меня, опасаясь возбудить какое либо неудовольствіе въ новомъ намѣстникѣ, или мнительность его, приближеніемъ человѣка, котораго представляли ему какъ личнаго его врага. Орловъ же воспользовался симъ случаемъ, чтобъ оправдать себя въ словахъ, сказанныхъ брату моему, о неудовольствіи Государя на меня, и если не оправдать, то по крайней мѣрѣ загладить сдѣланное имъ при началѣ впечатлѣніе, сказавъ, что я въ нынѣшній разъ уже много выигралъ въ мнѣніи Его Величества.

Вездѣ распространенъ слухъ о ссорѣ моей съ Воронцовымъ, и даже о доносахъ, будто на него сдѣланныхъ мною. Стоитъ взглянуть на Записки сіи 1837 года, чтобъ видѣть, что ссоры у меня съ нимъ никогда никакой не было; что недостатки и неудобства, встрѣчаемыя подвѣдомственными мнѣ войсками въ Таврической губерніи, старался я всегда отклонять мѣрами убѣжденія; что я никогда не выходилъ въ сношеніяхъ съ нимъ изъ уваженія, коимъ обязанъ былъ званію его и лѣтамъ; что мы съ нимъ постоянно встрѣчались и видѣлись на ногѣ добраго согласія; что я переносилъ стѣснительное положеніе, въ коемъ войска находились отъ его беззаботливости и безтолочи, и только съ сожалѣніемъ и участіемъ смотрѣлъ на вражду его къ войскамъ и всему чтó выходило изъ иностранной сферы, окружавшей его въ Одессѣ. Даже когда Государь меня спрашивалъ о положеніи войскъ, я сколько возможно было избѣгалъ обнаруженій поступковъ Воронцова, но не могъ скрыть отъ Государя, который меня спрашивалъ, что войскамъ было дурно въ Таврической губерніи, относя вину сію на одного губернатора Казначеева, о чемъ въ свое время я говорилъ самому Воронцову, который былъ согласенъ съ мнѣніемъ моимъ. Графъ Виттъ, узнавъ о неудовольствіи, полученномъ Воронцовымъ за притѣсненіе войскъ и домогаясь (какъ говорили) получить мѣсто его, не упустилъ случая взвести на Воронцова всякія мелочныя дѣла, какъ то отступленіе отъ формы, покровительство Полякамъ и много подобныхъ вещей, которыя могли ему болѣе всего повредить во мнѣніи Государя. Витту удалось, и графъ Воронцовъ пошатнулся было на короткое время, но съ помощію друга своего Бенкендорфа поправился и былъ опять благосклонно принятъ Государемъ. Чтò при этомъ случаѣ было говорено обо мнѣ, трудно узнать; извѣстно только, что паденіе мое было рѣшено прежде несчастнаго смотра моего въ Сентябрѣ 1837 года. Казалось безъ сомнѣнія, что Виттъ, увидя неудачу свою, сложилъ на меня доносы свои, чрезъ чтò разстроилъ меня съ Воронцовымъ, и думать надобно, что самъ Государь обвинялъ меня въ оправданіе скораго своего негодованія на Воронцова, чѣмъ очищались и поступки графа Витта. Въ такомъ состояніи дѣла нельзя было уже не поддержать мнѣнія о мнимыхъ наговорахъ моихъ, до такой степени, что теперь еще говорятъ въ Петербургѣ о какихъ-то мнимыхъ доносахъ, мною посланныхъ на Воронцова. Иначе съ оправданіемъ моимъ должны бы обнаружиться другіе виновники. Графъ Воронцовъ легко повѣрилъ тому, чтó ему говорили обо мнѣ, и тѣмъ еще болѣе, что братъ Александръ, занимавшій въ то время мѣсто предсѣдателя Уголовной Палаты въ Симферополѣ, по неосторожности

своей и возбуждаемый неблагонамѣренными лицами, точно дѣлалъ донесенія въ Сенатъ на разные безпорядки, происходившіе по его части въ управленіи Воронцова, коего онъ не щадилъ, и Воронцовъ, такой же легковѣрный, къ тому же забывчивый, какъ полагать надобно, смѣшалъ въ мысляхъ своихъ сношенія свои съ братомъ моимъ съ тѣми, въ которыхъ онъ со мною находился. Братъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Архангельскъ.... Въ такомъ положеніи нельзя было и думать о примиреніи, коего ожидали въ Петербургѣ въ публикѣ и въ вышнемъ правленіи.

На первое приглашеніе, сдѣланное Воронцову принять правленіе Грузіи, онъ отказался, отзываясь старостью лѣтъ; но Государь вторично писалъ къ нему своеручно и убѣждалъ его отъ имени Россіи не отказаться отъ сего дѣла *). Согласіе Воронцова было получено въ Петербургѣ дня за два до пріѣзда моего. Никто не ожидалъ сего назначенія, но оно произвело хорошее впечатлѣніе въ общемъ мнѣніи. Обходительность его въ обращеніи, столь рѣдкое явленіе и даже болѣе неслыханное въ нынѣшнее время со стороны особъ, занимающихъ высокія мѣста, располагала всѣхъ въ его пользу. Всѣ говорили, что назначеніе удачное и ожидали большихъ отъ него послѣдствій. Въ семъ мнѣніи въ особенности было все многочисленное сословіе людей въ столицѣ, привыкшихъ служить безъ трудовъ, любящихъ роскошь, праздность; въ немъ находили они себѣ сильнаго поборника, и множество молодыхъ людей, тяготившихся заботами неразлучными съ строгимъ исполненіемъ обязанностей, усматривали для себя въ будущемъ выгодную и легкую службу въ безсчисленномъ кругу праздныхъ чиновниковъ всякаго званія, коими Воронцовъ любилъ окружать себя. Слышны однакоже также были отзывы людей благоразумныхъ, не предвидѣвшихъ большихъ успѣховъ въ дѣлахъ Грузіи и Кавказа, которыя требуютъ болѣе дѣятельности, опытности и знанія, чѣмъ ожидать можно было отъ графа Воронцова, давно уже погрязшаго въ безпечную и безотвѣтственную жизнь въ предѣлахъ своего Новороссійскаго управленія, которое онъ ограничилъ одною Одессою и южнымъ берегомъ Крыма. Но обѣ стороны ослѣплялись пышнымъ званіемъ намѣстника, ему даннымъ, какъ будто все дѣло въ томъ только и заключалось, какъ будто жителямъ Закавказскаго края не все равно было, повиноваться главнокомандующему или намѣстнику, коего значенія они даже не разумѣютъ. Говорили о какихъ-то неограниченныхъ правахъ, данныхъ Воронцову; но никто не умѣлъ объяснить ихъ иначе

*) См. въ XL-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ два письма императора Николая Павловича къ князю (тогда еще графу) М. С. Воронцову. П. Б.

какъ разрѣшеніемъ жаловать амнистіи, кресты и производить въ чины до капитана. Такъ примѣняютъ Петербургскіе жители къ своимъ понятіямъ мнѣнія разнородныхъ жителей отдаленныхъ частей Имперіи. Какой горецъ не охотнѣе бы взялъ червонецъ, чѣмъ чинъ или крестъ, до коего ему дѣла нѣтъ? Какъ будто этими средствами можно было возстановить упадшій духъ въ войскахъ, уже слишкомъ разбалованныхъ награжденіями? Многаго ожидали отъ обращенія Воронцова и пышности въ его образѣ жизни, и въ семъ отношеніи, можетъ быть, и не ошибались; но долго ли могъ держаться сей призракъ величія, который не достигаетъ далѣе окружающихъ его жителей Тифлиса? Говорили о щедрости его; но кто воспользуется ею, какъ не одни Армяне, которые займутъ при немъ должности переводчиковъ или наушниковъ?.. Сказывали даже, что онъ не будетъ щадить своихъ денегъ, предвидя отъ того пользу казны; но какою частью собственности своей пожертвуетъ онъ въ сравненіи того, что̀ онъ по пустому погубитъ изъ государственнаго казначейства? Онъ поддержитъ себя нѣкоторое время расточительностью казны и потомъ оставитъ край избалованнымъ, чиновниковъ вяще утвержденныхъ въ пренебреженіи обязанностями своими и въ грабежѣ, а непокорныхъ горцевъ убѣжденными въ нашемъ безсиліи; насъ же содѣлаетъ настоящими данниками завоеванной страны, какъ деньгами, такъ и людьми. Однако послѣ первыхъ порывовъ удивленія сему назначенію, стали одумываться.... Въ Петербургѣ говорили, что Государь поручилъ тайной полиціи развѣдать мнѣніе публики на счетъ сего назначенія и удивился, когда узналъ, что многіе осуждали оное и находили, что Воронцовъ, котораго лѣта подходили уже къ 70-ти и не соотвѣтствовали предстоявшимъ ему трудамъ, уже слишкомъ отвыкъ отъ дѣятельной жизни. Общее мнѣніе во всякомъ случаѣ предпочитало ему Ермолова, а можетъ быть и меня. Обо мнѣ говорили даже въ простомъ народѣ: на другой день пріѣзда моего въ Петербургъ извощики на биржахъ называли меня какъ избраннаго военачальника.

Между тѣмъ произошла свадьба, для которой я пріѣхалъ въ Петербургъ, и обстоятельство сіе доставило мнѣ новыя знакомства въ кругу, гдѣ я долженъ былъ находиться. Новые визиты, новыя изъявленія, и еще болѣе гласности. Я не располагалъ оставаться далѣе въ Петербургѣ послѣ свадьбы, которая была 10-го Генваря, и хотѣлъ возвратиться домой, но былъ задержанъ нѣкоторыми дѣлами, которыя еще не были кончены. Родные и знакомые просили меня остаться по крайней мѣрѣ до пріѣзда Воронцова, въ томъ предположеніи, что назначеніе меня къ нему въ начальники штаба покрыло бы всѣ недостатки его. На немъ, говорили, останется представительность, а дѣло будетъ

въ моихъ рукахъ, отъ чего ожидали блистательныхъ успѣховъ; но меня никакъ не заманивала мысль сія. Я могъ легко догадаться, что Воронцовъ никакъ не захочетъ имѣть при себѣ дѣятельнаго человѣка, который бы докучалъ ему дѣлами; да и мнѣ самому нельзя бы сдѣлать что либо полезнаго подъ гнетомъ празднаго круга, въ каждомъ изъ членовъ коего долженъ бы я искать благосклонности. Служба мнѣ не свой братъ.

Воронцовъ пріѣхалъ около 15-го числа Генваря. Дня черезъ два видѣлся онъ съ Государемъ, послѣ заболѣлъ, поправился въ здоровьи и нѣсколько разъ опять былъ у Государя. У дóма его былъ всегда большой съѣздъ. Говорили, что онъ занимался изученіемъ края, гдѣ ему доводилось начальствовать, для чего и назначены были Государемъ два молодые офицера, изъ коихъ одинъ былъ, кажется, генеральнаго штаба, а другой флигель-адъютантъ; оба они часто ѣздили по порученіямъ на Кавказъ, и по сему полагали ихъ совершенно знакомыми съ дѣлами того края....

Первый приступъ Воронцова къ дѣлу былъ основателенъ: безъ сомнѣнія главная помѣха въ управленіи Кавказомъ гнѣздилась въ Петербургѣ....

Въ Петербургѣ много заботились о назначеніи къ Воронцову начальника штаба. Ожидали, къ кому онъ обратится; полагали, что онъ изберетъ меня; но мнѣ уже было извѣстно, что онъ сего не сдѣлаетъ, и мнѣ самому не хотѣлось бы принять сей должности, самой неблагодарной изъ всѣхъ занимаемыхъ мною въ теченіи службы моей. Нѣкоторое время носился слухъ, что призванъ будетъ изъ Кіева Граббе, который такъ несчастливо кончилъ командованіе свое на линіи; послѣ стали говорить о Гуркѣ, который только что возвратился съ Кавказа съ намѣреніемъ не возвращаться къ прежней должности, въ которой его преслѣдовали постоянныя неудачи.

Однако Гурко былъ у Государя, который долго съ нимъ разговаривалъ и отпустилъ его отъ себя съ Александровскою лентою.... Сказывали, что Государю въ особенности понравилось то, что Гурко не отзывался дурно о своемъ бывшемъ начальникѣ — странная заслуга, если сказаніе сіе справедливо. Гурко увѣрялъ Государя, что несправедливы слухи объ упадкѣ духа въ войскахъ. Чтó ему оставалось дѣлать, какъ не хвалить тѣхъ, которыхъ онъ погубилъ, которые его осмѣяли и указывали на него какъ на виновника всѣхъ бѣдствій ихъ постигшихъ? Иначе погубилъ бы себя Гурко навсегда. Онъ имѣлъ довольно ловкости, чтобы не только никого не обвинять, но даже увѣрить, что дѣла имъ на линіи оставлены въ блестящемъ видѣ; а вскорѣ стали говорить въ Петербургѣ, что въ самомъ дѣлѣ все тамъ идетъ

къ лучшему, что въ мечетяхъ упоминаютъ нашу царскую фамилію, что снабженіе Шамиля артиллеріею есть для него зло, ибо пушки задерживали быстроту движеній его; что Турецкій султанъ отказался помогать Абхазцамъ, опираясь на союзъ свой съ Россіею, что Чеченцы просятся къ намъ поселиться, и множество подобнаго вздора.

Братъ Михайла, желавшій узнать что-нибудь повѣрнѣе о происходящемъ, съѣздилъ къ Орлову и, расхваливая достоинства Воронцова, т. е. барство, богатство, представительность его и ласковое обхожденіе, признавалъ, что всѣмъ симъ обладаетъ новый намѣстникъ вполнѣ и что вліяніе его въ томъ краѣ тѣмъ сильнѣе будетъ, что онъ еще пользуется довѣренностью Государя; но теперь, продолжалъ онъ, остается къ довершенію этого только одно: *ума придать*, кого къ нему назначить въ начальники штаба? Орловъ много смѣялся сему обороту; онъ самъ не находилъ Воронцова способнымъ къ занятію возложенной на него должности и удержалъ дальнѣйшія сужденія свои, которыя могли бы обнаружить его образъ мыслей. Воронцовъ заведетъ тамъ Англійскую конституцію, продолжалъ Михайла; но Орловъ не былъ согласенъ съ симъ мнѣніемъ и говорилъ, что хотя Воронцовъ и выставлялъ себя снисходительнымъ и либеральныхъ сужденій, но что онъ въ кругу управленія своего былъ всегда завистливъ къ власти своей и любилъ показывать ее, гдѣ только могъ.

Братъ при семъ случаѣ положительно далъ замѣтить графу Орлову, что я никому изъ знати кромѣ него не дѣлаю визитовъ, что я не былъ и не буду ни у Михайла Павловича, ни у военнаго министра, и графъ Орловъ это одобрилъ, но почему одобрилъ, не знаю. Казалось мнѣ, что онъ отклонялъ отъ меня все что́ могло мнѣ дать доступъ къ Государю.

Наконецъ Гурко, ко всеобщему удивленію, назначили начальникомъ штаба при Воронцовѣ. Онъ выговорилъ себѣ при семъ тоже содержаніе, какое получалъ на линіи, и принялъ мѣсто, коего вѣроятно самъ опасался, но вскорѣ послѣ того назначилъ къ себѣ помощникомъ генерала Норденстама, человѣка, говорятъ, бойкаго и способнаго. Затѣмъ пошли толки о другихъ назначеніяхъ. Нуженъ былъ новый дежурный генералъ; Бибикову поручено было развѣдать, захочетъ ли мѣсто сіе принять племянникъ мой Н. Н. Муравьевъ. Братъ Михайла, узнавши о томъ, предложилъ сіе Муравьеву, который прибѣжалъ ко мнѣ спасаться, жалуясь на привязчивость брата: ибо онъ не хотѣлъ и слышать о семъ назначеніи. Сдѣлано было семейное совѣщаніе, и я согласился съ мнѣніемъ Н. Н., что ему не слѣдовало принимать этого назначенія и соваться со своею дѣятельностью въ кругъ людей праздныхъ и безтолковыхъ, которые его за-

мучать требованіями по службѣ, труды его присвоять себѣ, а неудачи отнесутъ къ нему. Но, дабы не отвергнуть совмѣстнаго служенія съ Воронцовымъ, я совѣтывалъ ему принять званіе по особымъ порученіямъ, еслибъ то было пріятно Воронцову: ибо въ этомъ званіи онъ могъ вести такую же беззаботную жизнь, какъ начальники его, не принимая на себя должности съ отвѣтственностью. Н. Н. и того не хотѣлъ, имѣя на то достаточныя причины въ дурномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему Воронцовымъ. Не выждавъ окончанія своего годоваго отпуска, взятаго имъ для излѣченія раны, онъ являлся въ Петербургѣ къ военному министру, который принялъ его не только сухо, но даже грубо, сказавъ, что *нельзя же все въ отпуску жить*, тогда какъ Н. Н. самъ просилъ заняться до истеченія срока. Чернышовъ спросилъ его, готовъ ли онъ опять на Кавказъ ѣхать, и на утвердительный отвѣтъ велѣлъ ему явиться къ Воронцову. Воронцовъ принялъ его по обыкновенію вѣжливо и сказалъ, что будетъ очень радъ, если Богъ приведетъ ихъ служить вмѣстѣ. Пустой отзывъ этотъ показалъ Н. Н., что ему нечего было искать у Воронцова, и потому онъ и не принялъ званія дежурнаго генерала, въ коемъ бы онъ былъ жертвою. Въ послѣдствіи времени, когда Воронцовъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, военный министръ спрашивалъ его письменно, желаетъ ли онъ имѣть Муравьева на службѣ. Воронцовъ, получивъ сію бумагу еще въ Одессѣ, отвѣчалъ на сіе не прежде какъ изъ Тифлиса, отзываясь, что онъ согласенъ принять его на испытаніе, назначая ему временно управленіе Имеретинскимъ и Мингрельскимъ уѣздами. Испытывать человѣка уже испытаннаго и извѣстнаго своими заслугами и достоинствами явно обнаруживало отвращеніе Воронцова отъ сего генерала, и Муравьевъ, взявъ продолженіе отпуска, поѣхалъ лечиться за границу. Какъ бы нарочно отклоняли отъ Кавказа людей, могущихъ тамъ принести существенную пользу, и Воронцовъ окружилъ себя толпою тунеядцевъ, всегда наполняющихъ вредный для службы и отяготительный для правительства многолюдный дворъ его. Къ нему пристала въ Петербургѣ вся праздная знать гвардейскихъ офицеровъ съ домогательствами на мѣста адъютантовъ, такъ что онъ самъ не зналъ, кого ему выбрать и, говорятъ, послалъ списокъ кандидатовъ къ великому князю, который ему аттестовалъ каждаго по служебнымъ занятіямъ и, слышно, не въ пользу ихъ. Многихъ назначили, многіе и послѣ поступили, къ обремененію войскъ и казны.

Между посѣтителями познакомился я съ генералъ-маіоромъ Фрейтагомъ, человѣкомъ, который служилъ съ отличіемъ на Кавказѣ, гдѣ онъ въ послѣднее время тревогъ и неудачъ выручилъ Гурку и разбитые отряды наши, прогнавъ съ горстью войскъ осаждавшихъ насъ

въ крѣпостяхъ Лезгинъ. Фрейтагъ мнѣ понравился. Открытый видъ его, прямое и вмѣстѣ почтительное обхожденіе располагали въ его пользу; онъ не опасался явиться ко мнѣ съ объясненіемъ на счетъ Кавказскихъ дѣлъ, и поступокъ этотъ конечно дѣлаетъ ему честь. Не смотря на заслуги Фрейтага, едва ли оцѣнили его вполнѣ; однако его назначили начальникомъ дивизіи, не взирая на то, что многіе генералы были старѣе его въ чинѣ, и къ сему были побуждены желаніемъ удержать его на Кавказѣ: ибо и онъ, также какъ многіе другіе, выѣхалъ съ Кавказа съ тѣмъ, чтобы туда болѣе не возвращаться. Государь его однакоже не принималъ въ кабинетѣ, и даже не скоро по пріѣздѣ удалось Фрейтагу представиться у развода. Убѣждались, что званіе царскаго намѣстника, возложенное на Воронцова, было достаточно для покоренія всего Кавказа.

Генералъ-адъютантъ Анрепъ, знакомый мнѣ въ Польской войнѣ, пожелалъ также видѣться со мною и нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, не заставая меня дома. По настойчивости, съ коей онъ приступилъ, дабы склонить меня ко вступленію въ службу, я могъ подумать, что онъ имѣлъ отъ кого либо порученіе уговорить меня; но какъ бы то ни было, приступъ его не показывалъ человѣка ловкаго. И въ самомъ дѣлѣ, Анрепъ самъ сознавался мнѣ, что онъ не признаётъ въ себѣ ни дара слова, ни дара убѣжденія, но ручается за искренность и прямоту своихъ намѣреній и дѣйствій, основанныхъ единственно на чувствахъ уваженія ко мнѣ и желаніи видѣть успѣхъ въ дѣлахъ Кавказа. Такъ какъ онъ тамъ служилъ нѣсколько времени, то онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности о случившемся съ нимъ въ той странѣ и сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ. Мнѣ не нравилось, что онъ осуждалъ правленіе Ермолова, говоря, что нынѣшнія запутанности имѣютъ первоначальную причину свою въ поступкахъ, распоряженіяхъ и жестокостяхъ Алексѣя Петровича, который такъ напугалъ горцевъ, что они до сихъ поръ упоминаютъ о немъ въ пѣсняхъ своихъ со страхомъ. Глупое сужденіе сіе, появившееся въ публикѣ послѣ первыхъ неудачъ Паскевича, давно уже было осмѣяно и отвергнуто. Велики же были неустройства, производимыя Ермоловымъ, при коемъ все повиновалось одному слову его, когда и 20 лѣтъ послѣ него, при всѣхъ перемѣнахъ начальниковъ, при ужасныхъ расходахъ людей, денегъ и награжденій, не могли удержать того, что́ Ермоловъ удерживалъ съ горстью людей, и грабили жителей, казнили и вѣшали ихъ, и осыпали золотомъ и чинами, и писали реляціи о торжественныхъ побѣдахъ, а все дѣло шло назадъ и, наконецъ, еще надобно было сбросить послѣдствія глупости и корыстолюбія на заслуженнаго человѣка, по зависти къ его достоинствамъ! Я увѣрялъ Анрепа, что въ семъ слу-

чаѣ надобно было умѣючи различать уваженіе, которое имѣли къ Ермолову отъ страха, которымъ преемники его хотѣли воевать, потому что не находили въ себѣ того что̀ нужно было, дабы держать людей въ повиновеніи чувствомъ уваженія къ лицу ихъ; но что и страха сего не умѣли поселить при огромныхъ средствахъ, коими они обладали, а потому и не нашли другаго способа для оправданія своего бездушества какъ сложить вину на того, коего прошедшіе успѣхи обнаруживали ихъ неумѣнье.

Воронцовъ предлагалъ Анрепу принять командованіе линіею; но тотъ отказался, признавая себя неспособнымъ къ такому сложному и обширному управленію и отказывался отъ онаго за ранами, отъ коихъ онъ страдалъ. Тогда Воронцовъ просилъ Анрепа назвать ему кого нибудь, могущаго занять сіе мѣсто. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ разсказывалъ сіе Анрепъ, которому я готовъ вѣрить; ибо считаю его истинно-честнымъ человѣкомъ, не способнымъ ко лжи. Анрепъ назвалъ меня, но замѣтилъ, что Воронцовъ имѣетъ на меня неудовольствіе и потому, при объясненіи семъ со мною, спросилъ меня, нѣтъ-ли между нами какого либо неудовольствія и правда ли, что я на него писалъ какія-то донесенія. Онъ удивился, когда узналъ, что я никогда ничего не писалъ противъ Воронцова и что все сіе произошло отъ сплетень, коихъ настоящую причину я ему однакоже объяснить не могъ.

Видя нерасположеніе ко мнѣ Воронцова, Анрепъ оставилъ на время настоянія свои; но когда они перебрали весь списокъ генеральскій и не нашли никого для занятія мѣста начальника линіи, то Воронцовъ вторично просилъ его назвать кого либо. Анрепъ опять указалъ на меня; тогда Воронцовъ отвѣчалъ ему, что я могу искать сего назначенія черезъ военнаго министра и что онъ приметъ меня, если Государь меня назначитъ. Отвѣтъ этотъ обрадовалъ Анрепа, который надѣялся склонить меня къ примиренію съ Воронцовымъ и къ ходатайствованію собственно о себѣ; ибо онъ, увидавшись гдѣ-то на балѣ съ Чернышовымъ, успѣлъ уже переговорить съ нимъ обо мнѣ и замѣтилъ, что Чернышовъ желалъ со мною видѣться и сказывалъ ему: «Вотъ Муравьевъ былъ у Орлова, а со мною знаться не хочетъ. Что̀ онъ ко мнѣ не заѣдетъ?» Поэтому Анрепъ убѣдительно просилъ меня не упускать предстоящаго мнѣ пути снова поступить на службу и съѣздить къ Чернышову.

Я увѣрилъ Анрепа, что ничего не имѣю противъ Воронцова, а напротивъ того уважаю въ немъ много хорошихъ достоинствъ; что не имѣю даже причины полагать настоящимъ образомъ, чтобъ онъ

мнѣ когда либо повредилъ по службѣ; но что искать службы подъ командою его, когда онъ такъ дурно разумѣлъ меня и какъ бы избѣгалъ встрѣчи со мною на службѣ, я не могъ и не за что не буду. Что-же касалось до посѣщенія военнаго министра, то послѣ слышаннаго мною я считалъ обязанностію сдѣлать ему изъ вѣжливости визитъ. Анрепъ, какъ будто предвидя намѣреніе мое соблюсти сію вѣжливость, объяснилъ мнѣ, въ какой именно часъ можно было его дома застать и убѣждалъ меня даже ѣхать въ Военное Министерство, чтобъ явиться къ Чернышову, еслибъ я его дома не нашелъ; но сіе нашелъ я уже совсѣмъ лишнимъ и неумѣстнымъ и сказалъ, что рѣшительно не поѣду искать министра въ присутствіи, потому что не имѣю никакого дѣла до него, кромѣ отданія почтенія, что́ обыкновенно дѣлается на дому.

Объясненія Анрепа и убѣжденія его продолжались нѣсколько дней. Я былъ и у него, познакомился съ женою его, сестрою Будберга; женщина показалась мнѣ умною. Онъ и при ней сталъ меня упрашивать; но она, вникнувъ въ причины мои, согласилась съ моимъ мнѣніемъ вопреки доводовъ мужа своего, которыя она опровергала. Въ сихъ разговорахъ моихъ, коихъ продолжительность становилась мнѣ въ тягость, не могло укрыться, что, безъ всякой злобы или неудовольствія на Воронцова, главная причина нежеланія моего служить съ нимъ заключалась въ томъ, что я не хотѣлъ погрязнуть въ толпѣ пустыхъ людей его окружающихъ, отъ дѣйствій коихъ нельзя было ожидать никакого добра для успѣха дѣлъ на Кавказѣ и хотя я не выразился съ презрѣніемъ или обидою на чей либо счетъ, но всякій могъ видѣть, что я избѣгалъ столкновенія съ кругомъ, коего привычки и понятія не соотвѣтствовали моимъ. Лестны для меня были убѣжденія Анрепа; но еще пріятнѣе было, когда онъ меня оставилъ въ покоѣ. Не тѣ пути, не тѣ люди, не мое мѣсто!

Такъ какъ я сбирался скоро выѣхать изъ Петербурга, то счелъ нужнымъ сдѣлать процальный визитъ графу Орлову, хотя онъ мнѣ и не отдалъ перваго, а только велѣлъ черезъ брата Михайлу извиниться, что не былъ у меня. Конечно и времени могло у него недоставать на сіе; но я болѣе полагаю, что Орловъ считалъ неумѣстнымъ посѣтить человѣка, находившагося какъ бы въ опалѣ. У нихъ свои порядки, свой образъ мыслей, безъ сомнѣнія; и я вѣдь не изъ дружбы же ѣздилъ къ Орлову.

«Я пріѣхалъ къ вамъ проститься, сказалъ я; ѣду домой, окончивъ здѣсь дѣла свои, благодарить васъ за участіе и засвидѣтельствовать свое почтеніе».—«Мнѣ пріятно съ тобою видѣться», сказалъ Орловъ.

Я передалъ слово въ слово Государю все слышанное отъ тебя въ послѣднiй разъ. Государь все выслушалъ съ удовольствiемъ и спросилъ о здоровьи твоемъ». (Не понимаю что̀ они такъ заботились о моемъ здоровьи; но тутъ что нибудь кроется особеннаго). «Чтожъ ты въ службу вступишь?», спросилъ онъ.—«Я вамъ на послѣднемъ свиданiи объяснилъ причины, препятствующiя мнѣ ко вступленiю въ службу, на которую я впрочемъ готовъ».—«Да вѣдь тебя просить не будутъ», прервалъ меня Орловъ: «этого не ожидай».—«Знаю, что просить не будутъ», отвѣчалъ я; «но выслушайте меня. Могу ли я благоразумно снова переломить нынѣшнiй родъ жизни моей и приняться за службу, въ которую, быть можетъ, примутъ меня безъ расположенiя, безъ довѣренности? Вѣдь я затѣмъ и оставилъ службу, что лишился довѣренности царской; а съ тѣхъ поръ мнѣ не случилось отъ кого либо слышать или видѣть, что Государь перемѣнилъ расположенiе свое ко мнѣ, и опять ко мнѣ сталъ по прежнему милостивъ. Я не требую и не въ правѣ требовать приглашенiя. Все это я вамъ сказывалъ при послѣднемъ свиданiи нашемъ; но теперь я возвращаюсь въ деревню и не хотѣлъ бы выѣхать отсюда, не передавъ вамъ двухъ обстоятельствъ, которыя тяготятъ меня съ давняго времени и которыя я надѣялся лично объяснить Государю въ проѣздъ его чрезъ Воронежъ, куда онъ къ несчастiю моему не прiѣзжалъ со времени отставки моей. Теперь, не имѣя болѣе надежды лично представиться Его Величеству, я вамъ передамъ свою исповѣдь, предоставляя вамъ поступить съ нею какъ заблагоразсудится. Доведите ее до свѣдѣнiя Государя, если можно, если хотите, и я буду покойнѣе».—«Что такое?» спросилъ Орловъ, вслушиваясь со вниманiемъ.

— «Первое то, отвѣчалъ я, что когда вы меня при послѣднемъ свиданiи упрекали въ томъ, что я вышелъ въ отставку, то вы не знали настоящихъ причинъ, побудившихъ меня къ тому. Можно и должно перенести гнѣвъ своего Государя: онъ судья; но не должно и невозможно служить, коль скоро видишь себя безъ оправданiя оклеветаннымъ, коль скоро впалъ въ подозрѣнiе: тутъ и служба становится безполезною. Когда Государь меня позвалъ послѣ смотра въ Николаевѣ въ свой кабинетъ и выговаривалъ мнѣ найденное имъ дурное состоянiе видѣнныхъ войскъ, я относилъ къ несчастiю неудачу свою и гнѣвъ Его Величества переносилъ съ терпѣнiемъ, мысля о томъ, какъ бы впередъ избѣжать сего. Когда Государь сказалъ мнѣ, что онъ осрамитъ меня передъ всею армiею, не взирая на званiе мое генералъ-адъютанта; наконецъ, что *покажетъ мнѣ, что онъ мой Государь,* я увидѣлъ, что вѣрность моя престолу и лицу его оклеветана, и что мнѣ нельзя было долѣе служить. Не чувствуя за собою никакой вины не

только въ дѣлахъ, но даже и въ помышленіяхъ такого рода, я тогда же, будучи еще въ присутствіи Его Величества, принялъ твердое намѣреніе оставить службу».

— «Я никогда ничего подобнаго не слыхалъ», прервалъ Орловъ, «чтобы тебя когда либо подозрѣвали въ невѣрности престолу; ничего подобнаго не слыхалъ».

— «И мнѣ также, продолжалъ я, никогда не приходило на мысль, чтобы меня могли въ томъ подозрѣвать. Когда лишили меня командованія корпусомъ, я еще три мѣсяца выждалъ въ Кіевѣ, занимаясь въ своей счетной коммиссіи бухгалтеріею, какъ всякою другою обязанностію совѣстливо. Оставаясь съ принятымъ мною намѣреніемъ оставить службу, я рѣшился выждать до послѣдне-возможнаго времени, т. е. до того, когда уже не принимаютъ прошеній въ отставку, дабы самому не упрекнуть себя въ опрометчивости или въ кичливости противъ Государя моего; но когда я увидѣлъ, что нѣтъ мнѣ никакого отзыва, ни назначенія, что я могъ и вѣчно просидѣть съ своею счетною коммиссіею, я дожидался послѣдняго срока и подалъ прошеніе въ отставку, которую вскорѣ и получилъ. Сами судите, какъ мнѣ было-бы иначе поступить и могъ ли я оставаться на службѣ съ пятномъ подозрѣнія Его Величества?»

— «Я ничего объ этомъ не зналъ», повторилъ Орловъ.

— «Нельзя было вамъ и знать этого», отвѣчалъ я,» ибо въ надеждѣ, какъ я вамъ уже сказалъ, видѣться когда либо съ Государемъ, я никому не передавалъ словъ, слышанныхъ мною отъ него наединѣ; но теперь, когда уже кончились надежды мои представиться Его Величеству, когда уже прошло тому около 8 лѣтъ, я вамъ передаю сіи рѣчи Государя, служащія оправданіемъ моему поступку, въ коемъ вы бы вѣрно не обвиняли меня, еслибъ знали настоящія причины тому».

Орловъ ни словомъ не опровергнулъ моего мнѣнія и, сожалѣя о случившемся, сказалъ, что всему этому причиною ***, не передавшая мнѣ привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ ей Государемъ на мой счетъ на балѣ въ Москвѣ по возвращеніи его изъ Грузіи. Это было сказано съ видомъ досады на *** и какъ бы съ признаваніемъ въ поступкѣ ея дурнаго умысла. «Вѣдь не правда ли», продолжалъ Орловъ, «что ты не подавалъ бы въ отставку, если бъ она тогда тебя увѣдомила о словахъ Государя?»

—«Думаю, что не подалъ бы», отвѣчалъ я, «коль скоро увидѣлъ бы, что Государь ко мнѣ по прежнему сталъ милостивъ и устранилъ всякое подозрѣніе; но ненадобно въ этомъ случаѣ винить и *** болѣе какъ бы въ забывчивости: она отъ природы разсѣяна и безъ всякаго дурнаго умысла просто забыла написать мнѣ о слышанномъ ею.»

Послѣ маленькой разстановки я продолжалъ: «Вы слышали мое оправданіе; теперь выслушайте мое обвиненіе. Когда я подалъ прошеніе, я былъ генералъ-адъютантомъ Его Величества. Не слѣдовало мнѣ подавать въ отставку, не предваривъ о томъ Государя».— «Да», прервалъ Орловъ, «это не должно было никакимъ образомъ дѣлать; да на это есть и законъ», сказалъ онъ, отыскивая какую-то бумагу, которую онъ хотѣлъ мнѣ показать, да не нашелъ. «Ты бы мнѣ написалъ о своемъ намѣреніи».

— «Можетъ быть, да вѣроятно и есть законъ», отвѣчалъ я, «да на что тутъ законъ? Я бы долженъ былъ просить позволенія идти въ отставку черезъ графа Бенкендорфа, но, не исполнивъ сего, нарушилъ самыя обыкновенныя правила вѣжливости, коими каждый адъютантъ обязанъ къ своему генералу, не только къ лицу Государя, который прежде ко мнѣ былъ милостивъ и коему я обязанъ былъ благодарностью. Въ этомъ сознаюсь виновнымъ, не скрываю вины своей и желалъ бы, чтобъ Государь зналъ о моей сознательности; но вина произошла не отъ умысла, не отъ запальчивости или кичливости: просто потемнѣніе, ну въ голову не пришло; а съ тѣхъ поръ не было случая для меня объяснить сіе Государю, потому и передаю вамъ исповѣдь свою. Никто кромѣ васъ ея не получалъ отъ меня, вамъ вручаю сіи два обстоятельства, что́ хотите изъ сего дѣлайте, я же ничего не ищу и искать не буду, поѣду назадъ въ свою глушь, но желаю, *чтобы съ меня снятъ былъ гнетъ царскаго гнѣва, на мнѣ лежащій*. Я всегда былъ преданъ Его Величеству и всегда буду готовъ на службу, коль скоро увижу знакъ, что могу опять пользоваться его довѣренностью, а безъ того служить не располагаю».

Орловъ казался какъ бы тронутъ моимъ объясненіемъ, все слушалъ со вниманіемъ, не прерывалъ меня, не противорѣчилъ образу мыслей моихъ и опять сказалъ, что все это передастъ Государю въ точности.

— «Не подумайте», сказалъ я, «чтобы я вамъ это говорилъ изъ какихъ либо видовъ честолюбія, чтобы я домогался опять званія генералъ-адъютанта, еслибъ я какими нибудь обстоятельствами поступилъ на службу, совсѣмъ нѣтъ! Если я буду на службѣ, то съ тѣмъ единственно видомъ, чтобъ служить Государю и безъ званія сего, коего я могу быть удостоенъ, если заслужу его; и не имѣть его—мнѣ это все равно, лишь бы пользоваться его довѣренностью: единое средство служить съ пользою и честью».

Я говорилъ съ жаромъ и почти слово въ слово какъ здѣсь написано. Что́ Орловъ думалъ, Богъ его знаетъ; говорилъ я конечно не въ духѣ какъ объясняются царедворцы, но Орловъ конечно изъ всего

сонмища ихъ способнѣе пробудиться отъ одеревенѣнія, въ коемъ они многими годами усовершенствуются, и хотя на минуту перенестись къ понятіямъ и помышленіямъ ближе къ человѣческимъ чувствамъ. Онъ опять съ дружбою повторилъ мнѣ, что все это передастъ вѣрно Государю.

— «Теперь я вамъ все сказалъ, что́ у меня на душѣ было» продолжалъ я тише и обыкновеннымъ голосомъ своимъ, «прощайте, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ: мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать въ Петербургѣ, прошу васъ не забывать меня; я вамъ одному только довѣрилъ и васъ одного посѣтилъ, ни у кого не былъ, и у Михаила Павловича не былъ, только хочу побывать передъ отъѣздомъ у военнаго министра изъ одной вѣжливости, потому что онъ желалъ меня видѣть».

— «Хорошо сдѣлалъ, что ни у кого не былъ», сказалъ мнѣ Орловъ, «и не слѣдуетъ быть у Михаила Павловича, не видавши Государя; а къ Чернышову почему же не заѣхать—можно».

Орловъ ѣхалъ къ Государю, я его оставилъ и навѣстилъ Муравьева, коему разсказалъ свой разговоръ. Меня такъ встревожило объясненіе съ Орловымъ, что по пріѣздѣ къ Муравьеву у меня голова закружилась, и мнѣ надобно было отдохнуть, чтобы съ силами собраться.

Село Подоляны, 10 Іюля 1845.

Симъ еще не кончились испытанія, черезъ которыя мнѣ надлежало пройти въ Петербургѣ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ деревни управляющій мой подполковникъ Кириловъ, давно служившій при мнѣ, просилъ меня объ опредѣленіи 8 лѣтняго сына его въ Артиллерійское Училище. Желая сдѣлать пріятное старому сослуживцу моему, я думалъ какъ бы приступить къ сему дѣлу. Надобно было добраться до князя Ильи Андреевича Долгорукаго, занимающаго мѣсто начальника штаба по артиллеріи при Великомъ Князѣ. Хотя онъ и былъ знако́мъ мнѣ, но я предпочелъ обратиться къ сестрѣ его графинѣ Бержинской, съ коей связь моя была короче. Бержинская взялась за дѣло и вскорѣ прислала мнѣ отвѣтъ съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, что нѣтъ положенія принимать въ Артиллерійское Училище воспитанниковъ прежде 14 лѣтняго возраста.

Князь Владиміръ Андреевичъ служилъ прежде адъютантомъ у Чернышова и находился при мнѣ во время маневровъ 1835 года, когда я командовалъ противъ Государя; нынѣ онъ былъ полковникомъ и занималъ какое-то мѣсто въ Военномъ Министерствѣ; человѣкъ умный, какъ и весь этотъ родъ Долгорукихъ. Я сказалъ тутъ-же князю Владиміру, а послѣ Бержинской, что отвѣтъ этотъ для меня неудовле-

творителенъ, что мнѣ извѣстны правила, по коимъ нельзя было принимать въ Артиллерійское Училище воспитанниковъ прежде 14 лѣтъ, но что я желалъ записать его въ кандидаты, и дѣло снова началось черезъ князя Илью Андреевича, который доложилъ о семъ Великому Князю.

Странно, чтобъ Великій Князь не зналъ о томъ, что я въ Петербургѣ находился уже двѣ недѣли; по крайней мѣрѣ такъ мнѣ было передано сперва княземъ Владимиромъ, а потомъ и княземъ Ильею. Владимиръ раза три пріѣзжалъ ко мнѣ, не заставая меня дома; пріѣзжалъ и князь Илья, который оставилъ мнѣ записку съ извѣщеніемъ, что можно принять кандидатомъ и что онъ имѣетъ что-то передать мнѣ отъ Великаго Князя. Вскорѣ по прочтеніи сей записки пріѣзжалъ ко мнѣ князь Владимиръ и сказалъ мнѣ, что братъ его имѣетъ какія-то важныя вещи сообщить мнѣ отъ Михаила Павловича. Я поѣхалъ къ князю Ильѣ, который сказалъ мнѣ, что Великій Князь удивился, когда узналъ, что я въ городѣ, и сомнѣвался, точно ли это я; когда же узналъ о моей просьбѣ, то велѣлъ безъ замедленія исполнить ее. «Какъ жаль только», сказалъ онъ, «что мальчика этого нельзя тотчасъ же записать воспитанникомъ въ училище, по несовершеннолѣтію его; да мы вотъ что́ сдѣлаемъ: отдадимъ его до достиженія возраста пенсіонеромъ къ одному изъ офицеровъ училища, гдѣ онъ приготовится къ экзамену и въ свое время поступитъ въ комплектъ». «Я напомнилъ», продолжалъ князь Илья, «Его Высочеству, что сего нельзя сдѣлать какъ съ платою 2400 въ годъ, развѣ Михаилъ Павловичъ пріиметъ расходъ сей самъ на себя. Онъ вспомнилъ это, пріостановился и приказалъ зачислить Кирилова кандидатомъ, съ душевнымъ участіемъ спрашивалъ, за чѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ, многое говорилъ объ васъ, о разныхъ предположеніяхъ касательно васъ, но о томъ не смѣю вамъ говорить въ подробности. Вы, я думаю, повидаетесь съ Великимъ Княземъ: онъ васъ такъ любитъ и всегда готовъ сдѣлать вамъ пріятное». —«Я бы очень желалъ съ нимъ видѣться», отвѣчалъ я, «но не знаю, имѣю ли на то право, не представившись Государю».—«Отчего же нѣтъ?» сказалъ князь Илья, «это дѣло совсѣмъ стороннее.»—«Мнѣ такъ сказали и совѣтывали».—Кто могъ вамъ это присовѣтывать. Не вѣрьте». – «Совѣтывалъ человѣкъ знающій».—«Кто? Скажите, сдѣлайте милость».—«Не могу сказать, но не посмотрю на совѣтъ, ибо желаю лично благодарить Его Высочество за расположеніе его ко мнѣ: это призызъ сердца, а тамъ что́ бы ни случилось, мнѣ все равно».

Какъ ни домогался князь Илья узнать, кто мнѣ далъ такой совѣтъ, но я не обнаружилъ рѣчей графа Орлова, и князь Илья взялся

устроить свиданіе мое съ Михаиломъ Павловичемъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, казалось, должно было быть частное.

Я въ другой разъ видѣлся съ княземъ Ильею, который объяснялся съ Михаиломъ Павловичемъ и съ большою радостію объявилъ мнѣ, что Великій Князь проситъ меня къ себѣ на другой день пріѣхать; въ которомъ же часу, увѣдомитъ меня черезъ князя Владимира, при чемъ онъ опять повторилъ мнѣ, что Его Высочество лично говорилъ о предположительныхъ назначеніяхъ для меня, но о какихъ не смѣлъ онъ мнѣ сказать, какъ бы вызывая мое любопытство; но я воздержался отъ всякаго спроса, и потому не зналъ, въ чемъ могли состоять сіи предположенія, а думалось мнѣ, либо 6-й корпусъ, стоявшій въ Москвѣ, о коемъ слухъ носился, что онъ поступитъ въ команду Михаила Павловича, либо гренадерскій корпусъ, потому что находили Набокова слишкомъ старымъ, либо начальникомъ штаба при Великомъ Князѣ. «Отъ чего», говорилъ Михаилъ Павловичъ (по словамъ князя Долгорукова), «нельзя Муравьеву у меня быть? Я его знаю, люблю его, и какъ частный человѣкъ, развѣ я не въ правѣ принимать кого хочу?»

По симъ словамъ я могъ надѣяться, что буду принятъ частнымъ образомъ; но на другой день рано поутру пріѣхалъ ко мнѣ князь Владимиръ съ извѣстіемъ, что Великій Князь приметъ меня въ общей залѣ, гдѣ принимаетъ гвардейскихъ генераловъ, въ половинѣ 12 часа, и что все такъ устроено, чтобъ мнѣ какъ можно менѣе дожидаться.

Это было для меня непріятно. Я тотчасъ же послалъ Князя Владимира къ Ильѣ просить его, чтобъ пріемъ былъ частный, такъ какъ я не по службѣ пріѣхалъ въ Петербургъ. Князь Владимиръ находилъ въ семъ затрудненіе, но по убѣдительной просьбѣ моей отправился къ брату своему и воротился въ 11 часовъ, говоря, что онъ долго не могъ добраться до князя Ильи, и что наконецъ, увидѣвшись съ нимъ, узналъ, что сего никакъ нельзя было перемѣнить; но что Илья позаботился, дабы въ пріемной было какъ можно менѣе постороннихъ особъ. Дѣлать было нечего. Я видѣлъ, что свиданіе наше съ Великимъ Княземъ наединѣ было кѣмъ нибудь воспрещено или предупреждено, дабы избѣжать сплетней, которыя могли бы отъ того возродиться.

Я сталъ одѣваться, и въ это время явился ко мнѣ ген.-лейт. Клюке, пріѣхавшій изъ Грузіи, который также сбирался къ Великому Князю. Клюке, также какъ и другіе, выѣхалъ изъ Дагестана, чтобъ туда болѣе не возвращаться, но былъ назначенъ дивизіоннымъ начальникомъ, и тѣмъ удержали его на Кавказѣ, гдѣ онъ теперь снова находится.

Къ половинѣ 12-го часа я пріѣхалъ во дворецъ Михаила Павловича и около часа ожидалъ выхода его, въ шитомъ мундирѣ, бѣлыхъ панталонахъ, лентѣ, безъ эполетъ и шарфа. Тутъ находилось человѣкъ 20 гвардейскихъ генераловъ и адъютантовъ. Знакомыхъ было уже мало; но всѣ посматривали на меня и перешептывались. Когда обнюхались и узнали меня, то нѣкоторые стали подходить ко мнѣ и напоминать, что когда-то имѣли честь видѣть меня, или служить подъ моимъ начальствомъ, всѣ съ участіемъ и съ уваженіемъ. Между прочими подошелъ ко мнѣ и командиръ Семеновскаго полка ген.-м. Липранди, котораго я въ Польскую войну однажды устранилъ отъ командуемаго имъ Кременчугскаго пѣхотнаго полка за неточное выполненіе отданнаго приказанія. Я имѣмъ полное право думать, что человѣкъ этотъ питаетъ на меня вѣчную злобу; но, напротивъ того, былъ тронутъ его привѣтствіемъ. (По выходѣ отъ Великаго Князя я немедленно поѣхалъ къ нему, какъ бы въ заглаженіе своего прежняго поступка, но не засталъ его дома и на другой день нашелъ у себя завезенную имъ карточку).

Черезъ часъ повели меня въ другую комнату, гдѣ возлѣ одной стѣны стояли дежурные по разнымъ управленіямъ Его Высочества съ рапортами, и къ другой стали представляющіеся генералы, т. е. Клюке, Фрейтагъ, Пасхинъ (тоже служившій подъ моимъ начальствомъ) и я. Долго мы спорили съ Клюке о мѣстѣ, которое онъ не хотѣлъ занять выше меня, но наконецъ я установилъ трехъ служащихъ генераловъ выше себя и сталъ послѣднимъ къ самому тому времени, какъ Великій Князь вошелъ въ комнату.

Не обращая вниманія на насъ, онъ подошелъ къ дежурнымъ, принялъ отъ нихъ рапорты и потомъ обратился къ Клюке, какъ бы не глядя на меня, хотя я и замѣтилъ, что онъ глаза поворачивалъ въ мою сторону, не перемѣняя положенія головы. Отъ дежурныхъ онъ подошелъ къ Клюке, все какъ бы не замѣчая меня, и спросилъ, гдѣ онъ прежде служилъ. «Въ Австрійской арміи.» - «Въ какомъ полку?» «Біанки.» — «Хорошій полкъ». Потомъ, стоя все лицомъ къ Клюке, онъ спросилъ меня, знаю ли я его?— «Былъ у меня въ полку капитаномъ», отвѣчалъ я. Послѣ того Михаилъ Павловичъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, отъ чего у меня усы сѣдые. «51-й годъ», отвѣчалъ я. —«Отъ чего же у Клюке не сѣдые?»—«У него волоса на головѣ сѣдые», отвѣчалъ я и тутъ же, перемѣнивъ рѣчь, благодарилъ Великаго Князя за опредѣленіе Кирилова сына кандидатомъ въ Артиллерійское Училище. «Не за что», сказалъ онъ. «Мнѣ жаль, что не могъ его прямо зачислить воспитанникомъ; но на это есть правила которыхъ нарушить нельзя.» —«Доволенъ и тою милостію, которую Вы оказали мнѣ».— «Видѣлъ ли ты въ

проѣздъ через Москву Алексѣя Петровича?» спросилъ Великій Князь. —«Каждый день съ нимъ видѣлся, отвѣчалъ я.» — «Вотъ человѣкъ удивительный», продолжалъ Михаилъ Павловичъ: «ему подъ 70 лѣтъ, а сохранилъ всю свѣжесть головы и память, какую за 20 лѣтъ тому назадъ имѣлъ».

Симъ спросомъ хотѣлъ онъ явно показать, въ чью сторону клонились его мнѣнія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ прижимчивомъ пріемѣ мнѣ сдѣланномъ, въ которомъ его стѣсняли придворныя интриги. «Я воспитывалъ дѣтей его въ Артиллерійскомъ Училищѣ; одинъ изъ нихъ былъ большой шалунъ, да я его по своему исправилъ», сказалъ онъ шутя и показывая знакъ рукою.—«Доброе дѣло, Ваше Высочество, пользовать молодыхъ людей», отвѣчалъ я. Потомъ онъ спросилъ о здоровьѣ моемъ (которое такъ много всѣхъ занимало) и прибавилъ: «Не правда ли однакоже, что отъ деревенской и покойной жизни какъ бы опускаешься?»—«Я себя чувствую здоровымъ», отвѣчалъ я.

Симъ кончилась аудіенція моя у Михаила Павловича, который, какъ видно было, хотѣлъ, но не могъ объясниться со мною наединѣ. Вышедши отъ него, я хотѣлъ представиться Великой Княгинѣ; но и тутъ поставлена мнѣ была преграда. Красный камеръ-лакей какъ бы выжидалъ меня и спросилъ что́ мнѣ угодно; когда же я у него спросилъ, куда идти къ Великой Княгинѣ, то онъ отвѣчалъ, что Ея Высочество не изволитъ принимать прежде Воскресенья, и что если мнѣ угодно ей представиться, то должно прежде записаться у ея гофмейстерины. Такъ какъ я сбирался выѣхать въ Воскресенье, то и не счелъ нужнымъ сего дѣлать, въ особенности, когда видѣлъ затрудненія, противопоставленныя мнѣ, конечно не желаніемъ Великой Княгини, которая меня всегда отличала въ своихъ пріемахъ.

На другой день послѣ сего, братъ ѣздилъ къ графу Орлову, чтобы объяснить ему причины, побудившія меня посѣтить Великаго Князя, вопреки предпринятаго мною намѣренія ни у кого не быть. Орловъ уже зналъ о томъ, что я былъ у Его Высочества; вѣроятно онъ и прежде зналъ, что я званъ къ Великому Князю. Онъ тотъ часъ сказалъ брату Михайлѣ: «А братъ твой былъ у Михаила Павловича?»— «Былъ», отвѣчалъ Михайла; «это случилось совсѣмъ неожиданно: братъ хотѣлъ опредѣлить сына одного изъ своихъ сослуживцевъ и былъ приглашенъ Михаиломъ Павловичемъ къ себѣ; но свиданіе ихъ было не частное, а публичное», прибавилъ братъ Михайла въ успокоеніе Орлова.

— «Да зачѣмъ же онъ ко мнѣ не обратился?» сказалъ Орловъ: «я бы ему опредѣлилъ молодаго человѣка, куда бы онъ захотѣлъ».— «Такъ какъ его назначили въ Артиллерійское Училище и что часть

сія исключительно зависитъ отъ Михаила Павловича, то братъ и обратился къ нему», сказалъ Михайла.— «Это такъ», отвѣчалъ Орловъ. «Я все пересказалъ Государю», продолжалъ онъ, «чтó слышалъ отъ брата твоего»; но чтó Государь на это сказалъ, Орловъ не объяснилъ, поручивъ только Михайлѣ сказать мнѣ, что Наслѣдникъ меня очень любитъ, давая симъ понять, что не Государевымъ пользуюсь я расположеніемъ. За симъ Орловъ поручилъ Михайлѣ пожелать мнѣ добраго пути и увѣрить меня въ своей всегдашней готовности въ пользу мою.

Такъ ли это было, кто повѣритъ? Передалъ ли Орловъ слова Государю, никто не узнаетъ; чтó Государь на то сказалъ, также остается въ неизвѣстности, и самая искренность Орлова кажется мнѣ подвержена сомнѣнію: по всѣмъ дѣйствіямъ его можно думать, что онъ не забылъ и никогда не забудетъ поѣздки моей въ Египетъ и похода въ Турцію, коихъ всѣ почести отнесены были къ его лицу, но слава народная осталась на моей сторонѣ.

Послѣ сего я еще отвезъ визитную карточку къ военному министру, избравъ на то время, въ которое я былъ увѣренъ не застать его дома; ибо не хотѣлъ видѣть его. Анрепъ спрашивалъ меня, былъ ли я у военнаго министра, чтó, повидимому, его много занимало: онъ послѣ спросилъ министра, знаетъ ли онъ, что я къ нему заѣзжалъ, но Чернышовъ утвердительно сказалъ ему, что я не былъ у него....

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ я два раза заѣзжалъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому, котораго мнѣ очень хотѣлось видѣть по давнишнему служенію моему подъ его начальствомъ. Добрый и хорошій человѣкъ этотъ всегда принималъ во мнѣ участіе, но я не заставалъ его дома.

Въ разговорахъ моихъ съ княземъ Владимиромъ Долгорукимъ коснулись мы однажды положенія моего. Онъ съ доброжелательствомъ рѣшился мнѣ однажды сказать, что полагаетъ причину нерасположенія ко мнѣ Государя во всеобщемъ участіи, которое во мнѣ принимали.

— «Чтó же мнѣ дѣлать? сказалъ я. «Вотъ уже 8-й годъ какъ я живу безвыѣздно въ деревнѣ и никому не показываюсь; пріѣхалъ сюда однажды по семейнымъ надобностямъ и не могу же не принимать дружески родныхъ своихъ и старыхъ сослуживцевъ.

Князь Владимиръ Долгорукій также сказывалъ мнѣ, что Государь никогда не имѣлъ намѣренія назначить Герштенцвейга главнокоман-

дующимъ въ Грузіи, а что за нимъ посылали въ поселенія съ намѣреніемъ дать ему 5-й корпусъ, коего командиръ Лидерсъ былъ боленъ; что Герштенцвейгъ ѣздилъ къ Государю въ Гатчину, и когда Государь увидѣлъ, что онъ человѣкъ больной, то тотчасъ и отпустилъ его безъ всякаго предложенія.

Между посѣтителями моими часто навѣщалъ меня капитанъ 1-го ранга Лутковскій, занимающій должность стараго дядьки при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, человѣкъ давно мнѣ знакомый и преданный; онъ занималъ при мнѣ должность штабсъ-офицера на Босфорѣ *). Не имѣю сомнѣнія, что, по сближенію его съ царскою фамиліею, ему часто доводилось говорить обо мнѣ съ членами оной, а можетъ быть, и съ самимъ Государемъ. Не желая поставить его въ затруднительное положеніе, я никогда не спрашивалъ его о томъ, что́ онъ зналъ по моимъ отношеніямъ съ дворомъ; но онъ увѣрялъ, что Константинъ Николаевичъ, равно какъ и Наслѣдникъ, предупреждены въ мою пользу.

Я не упустилъ однакоже случая разсказать кому только можно было послѣдній разговоръ мой съ графомъ Орловымъ, дабы не переиначили рѣчей и дѣйствій моихъ въ Петербургѣ, что́ легко могло произойти отъ людей, всего менѣе дорожащихъ правдою и коимъ самая грубая ложь обратилась въ привычку.

Сказывали мнѣ въ Петербургѣ, что Наслѣдникъ нѣсколько разъ представлялъ Государю о необходимости послать меня въ Грузію и что Государь, вышедши однажды изъ терпѣнія, отвѣчалъ ему, что если онъ еще разъ ему обо мнѣ заикнется, то онъ его самого пошлетъ въ Грузію.

Довольно странно также, что фельдмаршалъ Паскевичъ сталъ находить меня одного только способнымъ къ исправленію дѣлъ на Кавказѣ. Извѣстіе сіе было доставлено въ Петербургъ бывшимъ адъютантомъ фельдмаршала Болховскимъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Варшавы. Въ какой степени вѣрно извѣстіе сіе, какъ и сказаніе о разговорѣ Наслѣдника съ Государемъ, того не знаю.

Мнѣ остается, наконецъ, еще упомянуть о посѣщеніи мнѣ сдѣланномъ генеральнаго штаба подполковникомъ Иванинымъ, котораго я едва зналъ. На смотру подъ Бѣлою Церковью въ 1835 году онъ былъ

*) Родная сестра Лутковскаго была матерью Александра Васильевича Головина, который могъ быть вхожъ къ Великому Князю Константину Николаевичу съ самыхъ раннихъ своихъ лѣтъ. П. Б.

подпоручикомъ артиллеріи и, будучи прикомандированъ къ генеральному штабу, находился на маневрахъ при мнѣ, когда я занималъ мѣсто начальника главнаго штаба при Государѣ. Государь велѣлъ мнѣ послать приказаніе свое генералу Кайсарову. Въ передачѣ ли утратили настоящій смыслъ приказанія, Иванинъ ли дурно понялъ оное, или Кайсаровъ не такъ сдѣлалъ, какъ надобно было, только Государь остался недоволенъ исполненіемъ. Кайсарову тогда жестоко досталось; но помнится мнѣ, что и Иванинъ былъ арестованъ. Затѣмъ Иванинъ былъ переведенъ въ Оренбургскій корпусъ, какъ онъ мнѣ нынѣ говорилъ, по собственному своему желанію, былъ переведенъ въ генеральный штабъ и находился въ званіи оберъ-квартирмейстера при Перовскомъ во время несчастной экспедиціи его въ Хиву. Нынѣ Иванинъ, коего я имени не помнилъ и котораго въ лицо не знаю, явился ко мнѣ съ извиненіями въ неудовольствіи, которое я, можетъ быть, тогда получилъ черезъ него, въ чемъ онъ себя находилъ невинно-виноватымъ, и желалъ оправдаться; но этотъ приступъ служилъ только предлогомъ, чтобы познакомиться со мною. Въ томъ предположеніи, что свѣдѣнія объ экспедиціи Перовскаго могли меня занимать, Иванинъ предложилъ передать мнѣ все что́ онъ зналъ по сему дѣлу. Безъ сомнѣнія, я охотно принялъ его предложеніе, и онъ съ картою и запискою въ рукахъ сообщилъ мнѣ всѣ подробности сего неудачнаго поиска.

Охотно бы остался я еще нѣсколько времени въ Петербургѣ, гдѣ я пріятно проводилъ время, но дѣла мнѣ тамъ болѣе никакого не оставалось; между тѣмъ я спѣшилъ возвратиться домой, да и въ Москвѣ предстояли мнѣ занятія по дѣламъ опеки и пр., хотя скучныя, но неизбѣжныя, а потому не откладывалъ я выѣзда своего.

Около 22-го Генваря отправился я изъ Петербурга въ Москву. Мнѣ было время надуматься дорогою о многоразличныхъ встрѣчахъ, случившихся со мною въ кратковременное пребываніе мое въ столицѣ; но до сихъ поръ не могу еще сдѣлать правильно и утвердительно заключенія о положеніи моемъ относительно къ Государю и всему двору.

Кажется однакоже, что я не пользуюсь его расположеніемъ и что онъ не прощаетъ мнѣ того, что былъ виновенъ передо мною. Не менѣе того думаю, что если бы между нами былъ посредникомъ не графъ Орловъ, а человѣкъ болѣе доброжелательный, то дѣло могло бы уладиться; оно бы и нынѣ уладилось, если бы тутъ не случилось назначеніе графа Воронцова, котораго Государь считалъ себя обязаннымъ уважить, коль скоро онъ его назвалъ своимъ намѣстникомъ на

Кавказѣ, что̀ онъ сдѣлалъ однакоже безъ убѣжденія въ достоинствахъ его, но отъ затрудненій, которыя онъ встрѣчалъ въ избраніи человѣка на сіе мѣсто, тогда какъ онъ не хотѣлъ обратиться къ тѣмъ, которыхъ, можетъ быть, и считалъ способными къ сему дѣлу. Прочіе члены царской фамиліи ко мнѣ благоволятъ, какъ и общее мнѣніе въ мою пользу но при всемъ томъ карьера моя похожа на конченную: ибо сіе самое мнѣніе, столь выгодно отзывающееся въ мою пользу, теперь причиною неблаговоленія ко мнѣ Государя.

Что же касается собственно до меня, то я никогда не буду въ состояніи забыть того дружелюбнаго и лестнаго пріема, который я встрѣтилъ въ Петербургѣ, котораго не ожидалъ, и не полагалъ, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ его. Въ семъ отношеніи вѣчно останутся въ памяти моей эти три недѣли, проведенныя мною въ кругу родныхъ и друзей моихъ. Многимъ тяжкимъ думамъ и огорченіямъ нашелъ я вознагражденіе въ сей поѣздкѣ. Она была необходима для меня какъ для разсѣянія моего, какъ и для того, чтобъ ощупать положеніе свое въ политическомъ быту моемъ.

(Продолженіе будетъ.)

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

VIII *).

Посѣщая часто Петербургъ и нашъ уѣздъ, т. е. мѣсто моего предводительскаго служенія, я въ сущности продолжалъ оставаться Москвичемъ, такъ какъ въ Москвѣ издавна была у меня квартира, гдѣ я и доселѣ живу и гдѣ тогда жила моя семья зимою. Наше общество тогда еще, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, было блестящее. Кромѣ того, въ Москвѣ у насъ было много родни. Хотя мнѣ рѣдко удавалось подолгу жить съ семьею во время хлопотъ моихъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ въ Петербургѣ и по службѣ въ уѣздѣ, однако мы не прерывали сношеній съ Московскимъ обществомъ, съ нашими друзьями и съ тѣмъ кругомъ людей, во главѣ которыхъ, можно сказать, находился князь В. А. Черкаскій. Кругъ этихъ лицъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы мнѣ о немъ говорить. Кромѣ ихъ на балахъ и вечерахъ, да и на офиціальныхъ пріемахъ мы встрѣчали много занятныхъ лицъ. Такъ въ концѣ 60-хъ годовъ Москву часто посѣщалъ въ то время извѣстный литераторъ графъ В. А. Соллогубъ, авторъ «Тарантаса». Онъ както умѣлъ шевелить и развеселять общество, т. е. я говорю про дворянскую Москву, про дворянскія семейства, жившія въ Москвѣ, но какъ будто затѣнившіяся послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Графъ Соллогубъ былъ неоцѣненный гость въ любой гостиной; остроумный и веселый, онъ являлся невзначай читать какуюлибо новую свою пьесу, или стихотвореніе, или разсказъ; онъ внезапно устраивалъ театръ, чтобы сыграть эту пьесу, или литературный вечеръ, чтобы прочесть свое стихотвореніе, затѣмъ и костюмированный балъ въ собраніи или маскарадъ въ театрѣ, хотя бы Секретарева (на Кисловкѣ): однимъ словомъ, гдѣ онъ ни являлся, онъ одушевлялъ общество, толкалъ его на всякаго рода увеселенія, которымъ умѣлъ придать мысль, изящество, художественность. Остроуміе его было неисчерпаемо, и я много пріятныхъ, веселыхъ часовъ провелъ въ его

---

*) См. выше, стр. 42.

обществѣ въ тѣ зимы, когда графъ Соллогубъ былъ въ Москвѣ. Но бѣда была попасть ему на языкъ: вотъ ужъ, можно сказать «для краснаго словца, не жалѣлъ и родного отца!» Какъ-то одна высокопоставленная особа, принимая обѣдъ или банкетъ, устроенный въ ея честь, выразилась принимавшимъ ее лицамъ: «благодарю, не ожидалъ!» И вотъ это «благодарю, не ожидалъ» было подхвачено и сдѣлалось для графа Соллогуба неисчерпаемою темою его колкихъ четверостишій.

Когда пріѣзжалъ въ Москву князь Черногорскій, графъ Соллогубъ замѣтилъ, что, на вечерѣ у князя В. А. Долгорукова, онъ разговаривалъ съ смуглянкой П. М. Голынской, у которой передняя часть груди была необыкновенно развита.

Нашъ гость съ Славянскаго поморья
Голынской съ нѣжностью сказалъ:
Я вижу горы Черногорья!!
Благодарю, не ожидалъ!..

Когда И. С. Фонъ-Визинъ былъ назначенъ въ Москву губернаторомъ, Соллогубъ, считавшій его человѣкомъ недалекимъ, не преминулъ сказать:

Фонъ-Визинъ, древній литераторъ,
Въ раю пришельцевъ вопрошалъ:
«Неужто внукъ мой губернаторъ?»...
Благодарю, не ожидалъ!

Не долюбливая сильно театральные порядки, а того болѣе всесильнаго тогда барона Кистера, Соллогубъ про него и про другихъ вліятельныхъ лицъ театральнаго міра того времени пускалъ злыя четверостишія.

Кистеръ, чуть не изъ лакеевъ,
Нынѣ волею боговъ,
Придворныхъ вѣдомствъ Аракчеевъ,
Русской сцены Пугачевъ.

Или вотъ еще:

Театрамъ нашимъ нѣтъ законовъ:
Тамъ вѣчно будутъ тверже скалъ
И Адлербергъ, и Гедеоновъ!..
Благодарю, не ожидалъ!..

Но я имѣю особенно заступиться за графа Адлерберга, ибо ни при комъ, какъ при немъ блистала Русская да и Французская сцена крупными, выдающимися талантами. Я, какъ человѣкъ глубоко преданный памяти графа А. В. Адлерберга, еще буду имѣть случай впереди говорить объ этой свѣтлой и достопамятной личности царствованія императора Александра II-го.

Какъ-то въ Самарѣ на пристани графъ Соллогубъ сидѣлъ недовольный рѣшеніемъ Самарскаго съѣзда по какому-то дѣлу въ его имѣніяхъ; пріѣхавшія на пароходъ знакомыя ему барыни пристали къ нему, чтобы онъ на память имъ что-нибудь сочинилъ. Соллогубъ, обращаясь болѣе къ губернатору, чѣмъ къ нимъ, сказалъ:

Въ столицѣ здѣшняго уѣзда
Нигдѣ я правды не найду,
Отъ мироваго жъ съѣзда
Я съ миромъ по міру пойду.

Вообще въ то время были въ модѣ легкіе, колкіе стихи. Мастеръ такихъ стиховъ, Соболевскій относился къ графу Соллогубу слегка и насмѣшливо. Графъ Соллогубъ занялся тогда тюремнымъ вопросомъ, и Соболевскій въ подражаніе ему импровизировалъ:

Вчера я видѣлъ Соллогуба.
Какъ онъ солидно разсуждалъ,
И какъ ведетъ себя—ну любо!
Благодарю, не ожидалъ!

Личность С. А. Соболевскаго, извѣстнаго друга А. С. Пушкина, настолько знакома и въ Московскомъ обществѣ, и въ литературныхъ кругахъ, что мнѣ объ немъ говорить не приходится. Чаще всего я встрѣчался съ нимъ въ Англійскомъ клубѣ, въ извѣстной «Чернокнижной», въ которой засѣдали Московскіе мудрецы. Да и попалъ я въ члены Англійскаго клуба совсѣмъ молодымъ по предложенію того же Соболевскаго. Въ былые годы это было трудно, и многіе члены вносили въ кандидаты клуба малолѣтнихъ дѣтей своихъ, чтобы попасть на ваканцію со временемъ, т. е. черезъ десять-пятнадцать лѣтъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Водить знакомство съ Соболевскимъ было весьма пріятно: у него всегда былъ острый и занимательный разговоръ, да и риѳмою владѣлъ онъ свободно и кстати. Какъ-то вся Москва собралась поздравлять съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ нѣкоего попечителя одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, человѣка добраго, но далеко не даровитаго. Уважали его больше за его извѣстное хлѣбосольство, коимъ пользовалась вся Москва, такъ какъ домъ его былъ открытъ «для званыхъ и незваныхъ, а особенно для иностранныхъ». Послѣдніе дѣйствительно приходили въ изумленіе. Когда, по случаю царскаго пріѣзда, упомянутый юбиляръ позвалъ къ себѣ на балъ до 800 человѣкъ гостей, во время коего угостилъ всѣхъ великолѣпнымъ ужиномъ, сервированнымъ на своемъ серебрѣ и золотѣ, Соболевскій на юбилей не поѣхалъ, но не преминулъ сказать:

Сегодня праздникъ-юбилей,
Ради того, что баринъ нѣкій
Былъ великій дуралей
Цѣлыхъ пять десятилѣтій.

Послѣ Соболевскаго осталась прекрасная и огромная библіотека, участь которой мнѣ неизвѣстна; онъ былъ знаменитый библіофилъ. и я у него видалъ рѣдчайшіе экземпляры книгъ *). Умѣніе бесѣдовать и вести изящные разговоры было особенно присуще людямъ сороковыхъ годовъ. Чтобы составить пріятную застольную бесѣду въ мое время, надо было приглашать, хотя бы къ обѣду или на вечеръ, людей много старше себя: иначе бесѣда какъ-то не вязалась. Люди 60-хъ годовъ слишкомъ были заняты настоящимъ, переживаемымъ моментомъ, бурями, которыя порождались реформами, чтобы обращать особое вниманіе на все, что касалось внѣшности, даже до способа изложенія своей мысли, разговора, что составляло особенность людей 40-хъ годовъ. Кромѣ большой начитанности и знаній они были люди формы и, хотя до извѣстной степени мелочные, но блистали внѣшностью, доводимой до художественности. Люди 60-хъ годовъ были люди дѣла, работы и въ сравненіи съ тѣми казались конечно грубыми; особенно таковыми бывали они въ великосвѣтскихъ гостиныхъ.

Я собиралъ иногда у себя небольшой кружокъ знакомыхъ, въ коемъ преобладали люди много старше меня. Чаще другихъ съ Соболевскимъ обѣдывалъ у меня дядя жены моей, извѣстный въ свое время Московскій старожилъ, Петръ Павловичъ Свиньинъ, котораго мы приглашали, какъ человѣка умнаго, словоохотливаго, всегда пріятнаго собесѣдника, хотя уже въ весьма почтенномъ возрастѣ. Онъ былъ отчасти *Декабристъ*, т. е. былъ слегка замѣшанъ въ исторіи 14 Декабря 1825 года, когда былъ кавалергардскимъ офицеромъ. Воспитанникъ Іезуитовъ временъ Александра 1-го, П. П. Свиньинъ, кажется, шелъ съ вѣкомъ, т. е. родился въ 1800 году и былъ сынъ своего вѣка, такъ какъ выросъ подъ вліяніемъ школы Вольтера, съ статуею котораго его голова и тѣлосложеніе имѣли нѣкоторое сходство. Очень начитанный, умный П. П. Свиньинъ былъ и атеистомъ, и эгоистомъ; но все-таки бывать у него было пріятно. Изрядно богатый онъ былъ типъ стараго холостяка и напоминалъ своею утонченностью дамскихъ угодниковъ временъ королевской Франціи, Версаля. Онъ жилъ, можно сказать, себѣ въ удовольствіе въ великолѣпномъ своемъ домѣ на Покровкѣ, въ коемъ особенно хорошо отдѣланъ былъ его кабинетъ, который въ тоже

*) Значительная часть библіотеки С. А. Соболевскаго пріобрѣтена Британскимъ Музеемъ въ Лондонѣ, черезъ Лейпцигскихъ книгопродавцевъ Листа и Кона. П. Б.

время могъ бы быть музеемъ рѣдкостей: такая масса въ немъ была картинъ, фарфоровъ, бронзъ и пр... Приписывали происхожденіе Свиньиныхъ, какъ и Бобринскихъ, князю Григорію Орлову, т. е. его дочери, и полагали, что оттуда и коллекціи тѣхъ рѣдкостей, коими обладалъ Свиньинъ. Но я думаю, что это невѣрно. Свиньинъ всю жизнь былъ коллекціонеромъ. Чего, чего у него не было!... У него была между прочимъ замѣчательная коллекція картинъ Буше, которыя показывались лишь мущинамъ. Въ прекрасномъ оригинальномъ шкафу работы Буль, у него за зеленою занов̂есью находились эти картины. Любопытнымъ мущинамъ зеленая завѣса подымалась, и они могли любоваться рѣдкими, хотя непозволительными произведеніями кисти знаменитаго Буше, этого продукта Французской школы высшаго искусства въ изображеніи разврата. Нашъ извѣстный художникъ Зичи когда-то тоже полюбопытствовалъ посмотрѣть эти картины Свиньина и снялъ съ нихъ эскизы, сидя у него въ кабинетѣ. Его довольно извѣстныя картины Нимфы и Сатиръ отчасти позаимствованы съ картинъ Свиньина. Впослѣдствіи уже, знатокъ картинъ, А. А. Васильчиковъ, набросившій *такую тѣнь сомнѣнія* и на Рафаэльевскія картины, имѣющіяся въ Петербургѣ, тоже усумнился, чтобы картины П. П. Свиньина были Буше, и высказывалъ мнѣ, что это *Фрагонары*; но для меня это было безразлично: ибо во всякомъ случаѣ написаны онѣ были восхитительно, и любоваться ими, несмотря на легкость или, такъ сказать, скабрезность сюжета, мнѣ доставляло эстетическое наслажденіе. Во время коронаціи Императора Александра II, герцогъ Морни заинтересовался этими нескромными картинами П. П. Свиньина и, признавая ихъ за Буше, давалъ баснословную цѣну за нихъ. Но Свиньинъ не хотѣлъ ихъ продать ни за какія деньги, а какъ человѣкъ крайне-любезный, оставилъ ихъ у Морни въ квартирѣ на время пребыванія герцога въ Москвѣ, т. е. на время коронаціи. У Свиньина особенно много бывало народу по Понедѣльникамъ, въ пріемные дни княгини Луизы Трофимовны Голицыной, домъ которой былъ близъ Свиньина на Покровкѣ. Посѣтители княгини, заѣхавъ на Покровку, пользовались случаемъ, чтобы навѣстить и Петра Павловича, всегда веселаго, умнаго и гостепріимнаго въ его роскошномъ домѣ. Кто не помнитъ у него на каминѣ прекрасную мраморную статуэтку, въ рукѣ которой лежалъ какой-то кусокъ чего то чернаго, похожаго на камень? Это было когда-то яблоко почти окаменѣвшее. Ужиная въ послѣдній разъ въ Москвѣ у Свиньина, въ началѣ 50-хъ годовъ, знаменитая актриса Рашель положила на руку статуи это яблоко, и оно осталось на память у стараго Ловеласа, и никто не смѣлъ тронуть эту дорогую вѣроятно для него память: такъ оно и засохло, закаменѣло на рукѣ мраморной

статуи, въ знаменитомъ Свиньинскомъ кабинетѣ. Многіе антикваріи пытались купить ту или другую вещь у Свиньина, но онъ ни за что не хотѣлъ продать что̀ бы то ни было изъ дома. Такъ и Ротшильдъ, посѣтившій Москву и бывшій у него съ визитомъ, давалъ ему баснословную цѣну за зеленую вазу, стоявшую на одномъ изъ столовъ его кабинета; но П. П. отказалъ и ему. У Ротшильда было что̀-то подъ па̀ру къ этой вещи, какъ оказалось впослѣдствіи. Послѣ долгихъ разговоровъ Ротшильдъ ушелъ, но изъ передней онъ еще разъ высунулъ голову въ дверь и сказалъ: я вамъ 1000 рублей прибавлю! Но Свиньинъ былъ непоколебимъ и лишь усмѣхнулся въ отвѣтъ Ротшильду. Его обѣды и ужины были Лукуловскіе; для Рашель раки нарочно подавались какъ-то особенно вареные въ шампанскомъ, такъ что блюдо получило особенное названіе—раки à la Рашель. Съ годами Свиньину надоѣло обѣдать у себя дома, и онъ обѣдалъ или у знакомыхъ, часто у князя В. А. Долгорукаго, иногда въ ресторанѣ, гдѣ знали его привычки. Его поваръ, очень хорошій, одно время былъ у меня и когда П. П. долженъ былъ у меня обѣдать, поваръ особенно старался и готовилъ тѣ блюда, которыя П. П. любилъ, и именно какъ онъ ихъ любилъ. Умѣнье говорить выводилось, выходило изъ моды; поэтому, чтобы имѣть оживленный разговоръ за обѣдомъ, нельзя было обойтись безъ П. П. Свиньина. Самый старый изъ всей компаніи, онъ всегда былъ самый веселый, общительный и разговорчивый. Я очень бывалъ доволенъ, когда мнѣ удавалось заманить къ обѣду его и С. А. Соболевскаго. Не было недостатка въ сюжетахъ, и разговоръ не умолкалъ, всегда интересный и не безсодержательный. «Что̀ вы дѣлаете, чтобы быть всегда веселымъ и здоровымъ?» спросилъ я однажды П. П. «Я никогда не бралъ въ ротъ ничего кромѣ вина», отвѣчалъ онъ; меня Французы воспитали на красномъ винѣ, и я съ дѣтства не бралъ воды въ ротъ; оттого и здоровъ». Удивительное дѣло: черезъ нѣсколько дней я прочелъ въ газетахъ, что умерла старушка во Франціи, помнившая великую революцію и казнь Людовика XVI, ей было за сто лѣтъ. Долголѣтіе ея приписывали тому, что она никогда не брала въ ротъ капли вина и пила воду постоянно изъ одного источника. Чему вѣрить? Съ годами П. П. Свиньинъ перешелъ отъ своей $^1/_2$ бутылки лафита, которую пилъ ежедневно за обѣдомъ, на $^1/_2$ бутылки краснаго портвейна. Онъ былъ любимцемъ всей Московской и Петербургской аристократіи. Всѣ любили его за его умъ, независимыя сужденія и пріятную бесѣду. Онъ также былъ большой охотникъ до лошадей. Умеръ Свиньинъ за 80 лѣтъ отъ роду и всѣ его драгоцѣнности немногимъ его пережили. Опустѣлъ чудесный его домъ; шелковую гостиную и севровые кабинеты замѣчила какая-то контора, не то мастерская; а знаменитыя его картины и колекціи

нашли себѣ, послѣ вѣковаго почти пребыванія на Покровкѣ, мѣста иныя. Ничего не осталось, все разошлось по бѣлу-свѣту и, кажется, попало даже не къ Ротшильду. Да, запустѣли хоромы, горницы, какъ ихъ звалъ самъ П. П. Свиньинъ, какъ многое множество домовъ дворянъ-старожиловъ когда-то хлѣбосольной Москвы. Хлѣбъ отошелъ, осталось одно *сольно*, и кто зналъ матушку Москву въ 50-ыхъ, даже 70-ыхъ годахъ, не узналъ бы ее теперь. Гдѣ они вельможи и бары того времени? Въ историческихъ изслѣдованіяхъ изрѣдка встрѣчаются старинныя фамиліи, о коихъ помнятъ развѣ лишь по преданію.

Отъ Московскихъ умственныхъ кружковъ тоже ничего не осталось, и человѣку, помнящему, какъ мнѣ, то время, тяжело жить въ ней. За то одно вѣрно, что Москва сдѣлалась торговымъ центромъ Россіи. Богатство ея комерсантовъ дѣйствительно растетъ не по днямъ, а по часамъ, и Москва, бывшая до 70-хъ годовъ центромъ умственнымъ, теперь сдѣлалась центромъ торговымъ. Конечно Москва, концентрировавъ въ себѣ главный узелъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, представляетъ первый въ Россіи торговый центръ; достаточно взглянуть на карту Русскихъ жел. дор., чтобы въ этомъ убѣдиться: ни одинъ городъ въ Россіи не перещеголяетъ ея въ торговомъ отношеніи; она поглотила торговлю всѣхъ близъ лежащихъ городовъ. Самому Нижнему-Новгороду съ его пресловутой ярмаркой приходится плохо отъ Москвы; она слишкомъ близка къ нему, чтобы не перетянуть къ себѣ его торговлю. Но за то въ другомъ отношеніи, въ умственномъ, политическомъ, она теперь пасуетъ передъ Петербургомъ. Не говоря уже про времена начала столѣтія, когда Москва была переполнена людьми самостоятельными, какъ Орловы, Мамоновы, Ермоловы и друг., изъ которыхъ каждый представлялъ собственное *я*, общественное мнѣніе Москвы даже въ мое время не безъ основанія представляло собою общественное мнѣніе Россіи. Даже и въ то время, когда представители Московской печати, Катковъ и Аксаковъ, ратовали въ Польскомъ и другихъ вопросахъ, вся Россія относилась съ особымъ уваженіемъ къ тому, что́ скажетъ Москва.... Ничего этого не стало. Несомнѣнно, что въ вопросахъ торговыхъ и промышленныхъ голосъ Московскихъ комерсантовъ имѣетъ большое значеніе, особенно при полученіи личныхъ выгодъ или покровительства (на это теперешняя Москва мастерица выпросить себѣ больше, чѣмъ другіе); но у этихъ, просящихъ, нѣтъ тѣхъ политическихъ идеаловъ и стремленій, какъ у людей прошлаго, о коихъ не разъ мнѣ приходилось говорить въ моихъ наброскахъ. Засосали Москву интеллигентную и умственную меркантильные интересы толстосумовъ, а людей мысли и идеала—заботы о завтрашнемъ днѣ..

Къ лицамъ характеристическимъ великосвѣтской Москвы конца 60-хъ годовъ мы должны отнести Николая Сергѣевича Корсакова, блестящаго когда-то лейбъ-гусарскаго офицера, восемнадцати лѣтъ женившагося на Московской богатой невѣстѣ, Варварѣ Дмитріевнѣ Мергасовой. Когда-то самъ очень богатый Н. С. Корсаковъ, мало заботясь о будущемъ, недолго пожилъ съ своею женою и, несмотря на то, что терялъ многое, разъѣхался съ ней. Корсаковъ было типъ бонвивана прежняго времени. Веселый, остроумный, очень элегантный, онъ былъ любимцемъ Московскаго общества и на балахъ офиціальныхъ и придворныхъ часто дирижировалъ оными. Мы узнаёмъ его въ лицѣ Николиньки Корсунскаго на балѣ у генералъ-губернатора въ «Аннѣ Карениной». Самая жизнь его сложилась какъ-то безпутно. Онъ двадцати одного года былъ выбранъ въ Смоленскѣ предводителемъ дворянства. Вскорѣ послѣ выбора онъ бросаетъ службу и ѣдетъ прямо въ Севастополь, гдѣ князь Горчаковъ беретъ его рядовымъ къ себѣ въ ординарцы, и таковымъ получаетъ онъ Георгіевскій крестъ. Подъ Черной въ нѣсколько шагахъ отъ него убитъ ядромъ баронъ Вревскій и, такъ какъ у обоихъ были похожія шинели, не смотря на разность служебнаго положенія, то въ первый моментъ думали, что убитъ Корсаковъ, такъ что князь Горчаковъ воскликнулъ: «бѣдный Корсаковъ!»; но генералъ Остенъ-Сакенъ, подъѣхавъ, увидалъ ошибку и сказалъ по-французски очень хладнокровно: «Это убитъ баронъ Вревскій, совсѣмъ убитъ!» (онъ терпѣть не могъ барона Вревскаго, присланнаго изъ Петербурга и настоявшаго на сраженіи 4-го Августа 1855 г. подъ Черной)... Получивъ скоро офицерскій чинъ, Н. С. Корсаковъ былъ посланъ съ донесеніемъ о какой-то побѣдѣ къ Императору Александру II-му. Всѣ впередъ поздравляли Корсакова съ наградою, но вышло иначе. Какъ человѣкъ смѣлый и правдивый, онъ очень естественно отвѣчалъ на вопросъ Государя: «Въ чемъ нуждаются, въ данное время, въ Севастополѣ?» — «Да пороху не хватаетъ; всѣ тамъ помремъ!» Государь гнѣвно воскликнулъ «не можетъ быть» и послалъ Корсакова къ военному министру. Можно себѣ представить, какъ сей послѣдній принялъ молодаго, болтливаго курьера. Корсакова отправили обратно въ тотъ же день съ бумагами къ князю Горчакову, коему было между прочимъ написано: впредъ такихъ не присылать. Послѣ Севастопольской кампаніи Н. С. Корсаковъ перешелъ въ гвардію въ лейбъ-гусары и, благодаря своей красивой наружности, большому состоянію, врожденной веселости, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ свѣтскихъ кавалеровъ Петербурга и Москвы. Жена его считалась не только Петербургскою, но и Европейскою красавицей. Блистая на заграничныхъ водахъ, приморскихъ купаньяхъ, въ

Біарицѣ и Остенде, а также и въ Тюлери, въ самый разгаръ безумной роскоши императрицы Евгеніи и блеска Наполеона III, В. Д. Корсакова дѣлила успѣхи свои между Петербургскимъ великимъ свѣтомъ и Французскимъ дворомъ, гдѣ ее звали la Venus tartare! Кажется, изъ-за нея у Корсакова была дуэль съ также извѣстнымъ Москвѣ А. С. Козловымъ, тогда тоже лейбъ-гусаромъ-оригиналомъ. Стрѣлялись они въ Твери, зимою, и когда нужно было подойти къ назначенному барьеру, Козловъ медлилъ. «Подходите же!» крикнулъ ему Корсаковъ, на что Козловъ хладнокровно отвѣчалъ: «Я забылъ калоши, боюсь промочить ноги»; а на повторенное предложеніе добавилъ: «Я готовъ рисковать жизнью, но не желаю рисковать насморкомъ». Конецъ дуэли былъ тотъ, что Козловъ выстрѣломъ ранилъ Корсакова въ грудь, и пуля вышла въ спину. Думали, что Корсаковъ раненъ смертельно; но пуля, скользнувъ по ребрамъ, засѣла близъ спиннаго хребта, не тронувъ его, и была вынута простымъ надрѣзомъ кожи. Черезъ нѣсколько дней Корсаковъ былъ здоровъ. Козловъ былъ раненъ слегка, и оба попали подъ судъ, хотя не особенно строгій. Но Корсаковъ оставилъ полкъ, переселился въ Москву, гдѣ и щеголялъ уже въ штатскомъ платьѣ, лишь изрѣдка надѣвая придворный мундиръ, ему пожалованный, съ своимъ Георгіевскимъ крестомъ. А жена его навсегда переселилась заграницу, купила себѣ въ Ниццѣ прекрасную виллу, гдѣ и поселилась. Villa Korsakoff, лежащая по новой дорогѣ изъ Ниццы къ Виллафранкѣ, извѣстна всякому Русскому, бывавшему въ Ниццѣ.

Оригинальна была въ своемъ родѣ В. Д. Корсакова. Имѣя за собою какъ будто массу поклонниковъ, она очень назойливыхъ обыкновенно озадачивала возраженіемъ: «да у меня мужъ-красавецъ, умный, прекрасный, гораздо лучше васъ!» Она и въ литературу вдавалась, удивляя иностранцевъ своею всестороннею, Русскою своеобразностью и напечатала довольно интересную книжку, въ заглавіи которой красовался ея портретъ, изящная литографія съ ея великолѣпнаго портрета, сдѣланнаго въ Парижѣ знаменитымъ Винтергальтеромъ, при такомъ эпиграфѣ: «лишенія и печали мнѣ указали Бога, а счастіе заставило спознать Его». Она и жизнь свою кончила на villa Korsakoff, сумѣвъ въ теченіе оной вселить сильную страсть въ преданныхъ ей людяхъ. Одинъ изъ ея поклонниковъ, нѣкто З., какъ при жизни посѣщалъ ее ежедневно, такъ и послѣ смерти ежедневно бывалъ у ея могилы. Рѣдкая привязанность въ нашъ вѣкъ!

Мнѣ этотъ случай напомнилъ другую могилу. Близъ Висбаденской церкви похороненъ Подчацкій, единственный сынъ престарѣлыхъ родителей, оставшихся на старости лѣтъ одинокими на бѣломъ свѣтѣ. Я ничего не видалъ трогательнѣе этихъ двухъ стариковъ, посѣ-

щающихъ могилу единственной своей радости и надежды въ жизни, сына, ушедшаго отъ нихъ неожиданно и такъ жестоко. И когда мнѣ говорятъ, что въ нашъ бездушный, безсердечный якобы вѣкъ нѣтъ дѣйствительныхъ привязанностей, я всякій разъ вспоминаю эти двѣ могилы и говорю себѣ: «нѣтъ». А сколько тысячъ подобныхъ случаевъ, которыхъ мы не знаемъ!..

Н. С. Корсаковъ велъ веселую, повидимому, беззаботную, разсѣянную жизнь въ Москвѣ, увлекаясь налѣво и направо тѣмъ, что́ представлялъ ему жизненный пиръ. Скачки тоже были его страстью, и тамъ чаще всего встрѣчался я съ нимъ, будучи въ то время также скаковымъ охотникомъ. Умеръ онъ, оплакиваемый родными и друзьями, не доживъ до пятидесяти лѣтъ. Престарѣлые родители его пережили его. Они считались въ родствѣ съ Грибоѣдовымъ, который, говорятъ, многіе типы «Горе отъ ума» взялъ изъ семьи Корсаковыхъ. Отъ Н. С. Корсакова я слышалъ о многихъ Московскихъ личностяхъ, съ которыхъ Грибоѣдовъ взялъ свои типы. Такъ про знаменитаго графа Ѳ. И. Толстаго, прозваннаго Американцемъ, Репетиловъ говоритъ:

Не нужно называть, узнаешь по портрету.

Про братьевъ Пашковыхъ онъ же говоритъ:

„Леонъ и Боринька, прекрасные ребята" и т. д.

Вообще тогдашняя Москва 60-хъ и 70-хъ годовъ еще могла выставить много, если и не Грибоѣдовскихъ, то, во всякомъ случаѣ, своеобразныхъ типовъ.

—

Подъ пару къ Н. С. Корсакову, въ одно съ нимъ время, жилъ въ Москвѣ другой весельчакъ, котораго также было можно встрѣтить «во всѣхъ гостиныхъ тутъ-какъ-тутъ»: это Василій Денисовичъ Давыдовъ, сынъ знаменитаго партизана Дениса Давыдова. Когда-то тоже военный, бывшій конный артиллеристъ, Вас. Ден., выйдя въ отставку, женился на дочери Московскаго старожила А. И. Ивинскаго и сдѣлался постояннымъ Москвичемъ и, какъ тесть его—Ивинскій, «Англійскаго клуба вѣрный, вѣчный членъ до гроба». Маленькій, кругленькій, черненькій, съ быстрыми, бѣгающими глазами, толстенькій, живой и поворотливый, Вас. Ден. олицетворялъ собою Русское выраженіе «живчикъ», не смотря на свои слишкомъ 50 лѣтъ. Полный юмора онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ и анекдотахъ, но à la longue повторялся, за то собесѣдникъ изрѣдка былъ очень желательный; и, какъ сынъ знаменитаго Дениса Давыдова, племянникъ Ермолова, конечно зналъ много интересныхъ анекдотовъ изъ отечественной войны и Кавказскихъ

экспедицій, въ коихъ отчасти и самъ участвовалъ. Когда въ Москвѣ блисталъ графъ В. А. Соллогубъ, его, можно сказать, дополнялъ Давыдовъ; ибо сочинитъ Соллогубъ водевиль, глядь—Давыдовъ его уже играетъ. А игралъ онъ прекрасно, особенно комическія роли, и на любительскихъ спектакляхъ былъ человѣкъ неоцѣненный. Дружбу съ нимъ водили люди и весьма серьезные. Онъ былъ весьма близокъ и къ извѣстному богачу Ив. Ал. Яковлеву, который послѣдніе года своей жизни жилъ въ своемъ домѣ на Михайловской, въ Петербургѣ, гдѣ Давыдовъ и его посѣщалъ весьма часто и дѣлилъ съ нимъ его пышную трапезу.

—

Обѣды Яковлевъ давалъ Лукуловскіе. Былъ онъ оригиналъ большой руки, и про него ходили различные курьезные разсказы, какъ о его несмѣтномъ богатствѣ, такъ и о причудахъ его. Въ молодости онъ велъ очень крупную игру и былъ постояннымъ посѣтителемъ когда-то знаменитаго Политковскаго, похитившаго милліонъ изъ инвалиднаго капитала, въ началѣ 50-тыхъ годовъ. Пышные пиры и праздники, даваемые Политковскимъ въ Петербургѣ и Петергофѣ, приписывали деньгамъ Яковлева, которыя тотъ будто спускалъ Политковскому; но оказалось, что это былъ продуктъ крупнаго хищенія Политковскаго, который завѣдывалъ инвалиднымъ капиталомъ. Узнавъ о хищеніи, Императоръ Николай пришелъ въ неописанный гнѣвъ и велѣлъ немедленно арестовать всѣхъ, даже старыхъ генераловъ, членовъ комитета и самого Политковскаго, но послѣдній уже успѣлъ принять яду и лежалъ мертвый на столѣ. Съ него сорвали мундиръ и ордена, одѣли въ арестантскую куртку и какъ арестанта похоронили; будочникъ отвезъ его на ломовомъ извощикѣ на кладбище. Говорятъ, что въ пылу гнѣва Николай Павловичъ сказалъ военному министру и графу Орлову: «конечно, Рылѣевъ и компанія со мной не сдѣлали бы этого!» Вас. Ден. Давыдовъ говорилъ, что онъ шутя сказалъ Яковлеву: «Во всемъ ты виноватъ».—«Какъ такъ? спросилъ озадаченный Яковлевъ.»—«Конечно, ты; пока ты игралъ, Политковскій не кралъ; а ты пересталъ играть, вотъ Политковскій и укралъ милліонъ». Но Яковлеву было не до шутокъ. Къ нему пріѣхалъ вечеромъ графъ А. Ѳ. Орловъ и повелъ рѣчи о томъ, что въ городѣ считаютъ его, Яковлева, скомпрометированнымъ въ дѣлѣ Политковскаго, въ виду ихъ близкихъ отношеній, и что право ничего не стоитъ, ему, владѣльцу Яковлевскихъ (нынѣ Стенбока) заводовъ и архи-милліонеру, пожертвовать милліонъ въ пользу инвалидовъ, чтобы успокоить Императора. Думалъ, думалъ Яковлевъ, да́ и пожертвовалъ милліонъ. А Императоръ Николай, принявъ его въ особой аудіенціи въ присутствіи Французскаго и Англійскаго пословъ, сказалъ: «рекомендую вамъ, гг., моего

подданнаго, который подарилъ мнѣ сегодня милліонъ!» Кромѣ того Яковлевъ былъ сдѣланъ камергеромъ и статскимъ совѣтникомъ, что въ то время для неслужащаго считалось неслыханной наградой.

Про хищеніе Политковскаго я еще мальчикомъ слышалъ разсказъ одного изъ членовъ комитета, старика-генерала Арбузова, у котораго мой дядя А. И. Бибиковъ былъ адъютантомъ (Арбузовъ въ Москвѣ останавливался въ его домѣ, гдѣ и я съ матушкой гостилъ). Арбузовъ разсказывалъ, какъ былъ разжалованъ, но потомъ прощенъ и командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Курьезны были подробности... Въ то время не было массы процентныхъ бумагъ, а деньги инвалидныя, нѣсколько милліоновъ, хранились въ билетахъ Опекунскаго Совѣта, такъ называемыхъ Пеликанкахъ, потому что *Пеликанъ* красовался, какъ эмблема, на всѣхъ бумагахъ Опекунскаго Совѣта. «Вотъ сидимъ мы, члены комитета, ревизуемъ кассу, и Политковскій подаетъ намъ билеты одинъ за другимъ. Мы смотримъ, сто тысячъ, и другъ другу передаемъ для осмотра, послѣ чего Политковскій кладетъ назадъ въ ящикъ. Но всякій билетъ сложенъ вдвое, и оказывается, что на затылкѣ того же стотысячнаго билета написано, что вынуто 90 тысячъ, такъ что, еслибы одинъ изъ насъ развернулъ билетъ, то хищеніе немедленно бы и открылось. Но именно этого-то никто и не сдѣлалъ, не допуская подобнаго нахальства. А у Политковскаго всегда былъ въ карманѣ ядъ, который онъ и принялъ, когда узналъ, что одинъ изъ его чиновниковъ, кажется казначей, донесъ объ этомъ въ собственныя Его Величества руки, и также, не дождавшись послѣдствій, повѣсился. По словамъ старика Арбузова съ нѣкоторыхъ генералъ-адъютантовъ Государь самъ срывалъ аксельбанты. Но вскорѣ всѣ были прощены, такъ какъ выяснилось ихъ неучастіе въ хищеніи.

Яковлевъ вскорѣ послѣ этого переселился въ Парижъ, гдѣ удивлялъ Парижанъ своими странностями и почти 20 лѣтъ жилъ безвыѣздно въ Парижѣ, а вернулся въ Россію къ концу царствованія Императора Александра II-го.

Я упомянулъ, говоря о Корсаковѣ, о дуели его съ А. С. Козловымъ. Это тоже былъ Русскій Парижанинъ и извѣстенъ своими выходками. Звали его «le Prince», безъ фамиліи, и не удивлялись, когда онъ вдругъ являлся въ лучшихъ, дорогихъ ресторанахъ въ сопровожденіи какихъ нибудь грязныхъ блузниковъ, зачѣмъ-то взятыхъ съ улицы и, усаживаясь съ ними за столъ на бархатныхъ креслахъ или войдя въ café-americain, занятый сплошно посѣтителями, бросалъ тысячу франковъ, чтобы ему очистили столикъ. Его страстью было быть оригинальнымъ. Напускалъ ли онъ на себя это, или вошло это у него въ привычку, трудно сказать; но онъ былъ тѣмъ не ме-

нѣе храбрый офицеръ и въ послѣднюю Турецкую кампанію, имѣя въ глазу вѣчный монокль, преспокойно подъ градомъ непріятельскихъ пуль, разъѣзжалъ, передавая приказанія. Въ Москвѣ жилъ онъ сибаритомъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ со старушкой-матерью Агаѳьей Александровной Козловой, которая любила его безъ памяти и пережила его. Все-таки изрѣдка А. С. Козловъ тѣшилъ Москвичей своими выходками. Подаютъ ему счетъ въ ресторанѣ, нѣсколько рублей. «Не понимаю я вашихъ глупыхъ рублей, дайте мнѣ счетъ на франки», кричитъ Козловъ, и все въ этакомъ родѣ. «Прошу васъ, пишетъ онъ по-французски матери, напомнить обо мнѣ вашему добрѣйшему супругу».... И много, много анекдотовъ по себѣ оставилъ А. С. Козловъ.

Перехожу теперь къ одному роду дѣятельности своей, которая въ жизни моей играла немалую роль, — а именно къ коннозаводской. Страстный охотникъ до лошадей, я унаслѣдовалъ эту страсть отъ отца и дѣда и выросъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ охотниковъ, членовъ когда-то знаменитаго Лебедянскаго скаковаго общества, которое въ свое время состояло изъ очень образованныхъ и умныхъ людей, какъ-то: Мосоловы, Раевскіе, князья Черкаскіе, Глѣбовы, Мясновъ и др., однимъ словомъ, все наше сосѣдство. И хотя я преимущественно любилъ чистокровную скаковую лошадь, но судьба меня заставила заниматься больше рысистою Русскою лошадью. Уже въ 70-мъ году я былъ избранъ въ Тулѣ вице-президентомъ общества рысистыхъ бѣговъ, такъ какъ скачки были переведены въ Москву, и я десять лѣтъ былъ безсмѣннымъ вице-президентомъ, затѣмъ перешелъ въ Москву таковымъ же въ скаковое общество и, наконецъ, вновь вернулся на туже должность въ Тулу.

О моихъ успѣхахъ и неуспѣхахъ охотничьихъ я говорилъ въ своихъ охотничьихъ запискахъ, насколько онѣ могли быть интересны для коннозаводства. Здѣсь я вспоминаю лишь о нѣкоторыхъ лицахъ болѣе или менѣе интересныхъ. По развитію спорта въ странѣ обыкновенно судятъ за границей о благосостояніи края; у насъ же, думается мнѣ, это не такъ, и коннозаводство, бывшее въ рукахъ когда-то всесильной аристократіи, теперь значительно демократизировалось, сдѣлалось достояніемъ скорѣе афериста, чѣмъ охотника. Рѣдкіе заводы сохранились въ рукахъ ихъ основателей... Я въ Тулѣ принялъ вице-президентство отъ генерала Л. Н. Гартунга, тогда еще блестящаго представителя конной гвардіи, женатаго на дочери безсмертнаго А. С. Пушкина, красавицѣ собою, иногда напоминавшей портреты отца. Человѣкъ вполнѣ честный, но очень беззаботный, генералъ Гартунгъ имѣлъ хорошія средства, прекрасное имѣніе подъ Тулой и хорошее служебное положеніе, будучи начальникомъ перваго коннозаводскаго

округа. Но кончилъ онъ, увы! очень несчастливо. Въ Москвѣ жилъ нѣкто Занфтлебенъ, по репутаціи ростовщикъ, имѣя сыновей, которымъ онъ почему-то не доброжелательствовалъ. Онъ, Занфтлебенъ, просилъ Гартунга быть его душеприкащикомъ и подтянуть дѣтей его при случаѣ. Гартунгъ, человѣкъ добродушный, не подозрѣвая никакого крючкотворства, очень поверхностно отнесся къ дѣлу и далъ поводъ роднѣ Занфтлебена подать на него доносъ, будто онъ злоупотребилъ своимъ положеніемъ, что у него какъ душеприкащика пропали векселя, и будто онъ скрылъ свой долгъ Занфтлебену. Замѣшали въ эту исторію еще старика графа С. С. Ланскаго. Для прокуратуры это былъ праздникъ, и, начиная свою обвинительную рѣчь, одинъ изъ прокуроровъ буквально выразился такъ: «сегодня торжество правосудія, графъ Ланской и генералъ Гартунгъ на скамьѣ подсудимыхъ!» Это однако не помѣшало ему отказаться отъ обвиненія графа Ланскаго. Несчастный же Гартунгъ былъ обвиненъ, и тутъ же на судѣ застрѣлился, оставивъ записку: «клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не виновенъ», чѣмъ немало смутилъ присяжныхъ. Но прокуроръ преспокойно отправился въ театръ, гдѣ однако ему была враждебная манифестація. Вся Москва была возмущена исходомъ Гартунговскаго дѣла. Московская знать на рукахъ переносила тѣло Гартунга въ церковь, твердо убѣжденная въ его невиновности. Да и высшее правительство не вѣрило въ его виновность, не отрѣшая его отъ должности, которую онъ занималъ и будучи подъ судомъ. Владѣлецъ дома, гдѣ жилъ прокуроръ, который благодаря страстной рѣчи считался главнымъ виновникомъ гибели Гартунга, Н. П. Шиповъ, приказалъ ему немедленно выѣхать изъ своего дома на Лубянкѣ, не желая имѣть, какъ онъ выразился, у себя убійцъ. Послѣдствія оправдали всеобщую увѣренность въ невиновности Гартунга. Одинъ изъ родственниковъ Занфтлебена былъ вскорѣ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, да еще злостнымъ, и онъ-то оказался виновникомъ гибели невиннаго Гартунга.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

Въ воспоминаніяхъ этихъ передается слухъ о томъ, будто бы покойный Щедринъ-Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ въ Твери, получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ отъ какого-то помѣщика. Слухъ обставленъ нѣкоторою вѣроятностью; но въ дѣйствительности онъ не болѣе, какъ продуктъ нерасположенія къ писателю чиновниковъ и дворянъ за его сатиры, и могъ явиться въ видѣ сплетни, подсказанной нѣкоторыми изъ его же сочиненій, напр., тѣмъ, которое носитъ заголовокъ: „Клевета".

Появленію именно такой, какая передается въ Воспоминаніяхъ, а не иного рода, сплетни могъ подать поводъ бывшій въ Твери (ранѣе службы въ ней Салтыкова) случай съ Колюковымъ, тоже губернскимъ чиновникомъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ въ стихахъ. Эти стишки въ свое время въ Твери были у всѣхъ на устахъ и списывались въ тетрадки. Въ нихъ прямо изображался „по рожѣ битый Колюковъ". Всѣмъ извѣстно было, что этотъ господинъ получилъ оскорбленіе при такихъ же условіяхъ, какъ и въ разсказѣ о Салтыковѣ и по сходному поводу. Созвучіе фамилій и одинаковая скандовка слоговъ въ нихъ давала возможность какому либо недоброжелателю Салтыкова замѣнить его фамиліей въ упомянутомъ стихотвореніи фамилію Колюкова, и сплетня готова. Но, нужно полагать, что она держалась въ какомъ либо ограниченномъ кружкѣ, за предѣлами котораго не получила распространенія. Въ городѣ такого слуха о Салтыковѣ не циркулировало, что́, по условіямъ провинціальной жизни, несомнѣнно произошло бы въ случаѣ дѣйствительнаго событія.

Самая же сатира, какъ я сказалъ, имѣла широкое распространеніе въ городѣ, извѣстна была гимназистамъ, и семинаристамъ, и чиновникамъ. Популярность себѣ она получила своею *хлесткостью* и тѣмъ, что *отдѣлывала* всѣхъ городскихъ сановниковъ, начиная съ губернатора Бакунина, страдавшаго, какъ извѣстно, нервными подергиваніями, и оканчивая полицеймейстеромъ Дамичемъ, о которомъ сказано: „Полицеймейстеръ, родомъ Нѣмецъ, а въ дѣлахъ подлѣй Жида". Между тѣмъ, этотъ старичекъ въ то время ничѣмъ не подалъ повода къ такому о себѣ мнѣнію. Напротивъ, въ его управленіе городомъ, послѣдній жилъ патріархальною жизнію, по прадѣдовскимъ обычаямъ, и полицейскую власть, какъ говорится, въ грошъ не ста-

вилъ, такъ что возникъ вопросъ о замѣнѣ слабаго старика-полицеймейстера болѣе энергическимъ начальникомъ. Дамича замѣнилъ полковникъ Кромновъ (если не обманываетъ меня память на счетъ его фамиліи). Онъ дѣйствительно началъ заводить новые, невкусные для непривыкшихъ къ стѣсненію гражданъ порядки, но, какъ говорится въ народѣ, скоро былъ *сокращенъ*. Однажды зимою, переѣзжая чрезъ Волгу изъ Затьмацкой части въ городскую, онъ былъ остановленъ у проруби, находившейся близъ дороги, толпою мѣщанъ. Вынутый изъ саней за руки и за ноги и повѣшенный надъ прорубью, онъ вынужденъ былъ дать требуемое отъ него обѣщаніе впредь не тревожить установившихся въ городѣ порядковъ.

Съ этого времени полицеймейстеръ сталъ ѣздить по городу не иначе, какъ въ сопровожденіи верховаго пожарнаго въ каскѣ, что́ было дотолѣ невиданною и стало внушительною новостью для Тверитянъ. При Кромновѣ болѣе всѣхъ пострадали будочники, жившіе до него, какъ у Христа за пазухой. Вся ихъ обязанность, кажется, въ томъ только и состояла, чтобы въ базарные дни прогуляться по рынку для сбора дани пятаками и провизіей, а въ остальное время или спать на крылечкѣ своихъ будокъ, или усѣвшись по-турецки, молоть табакъ. Въ послѣднемъ занятіи не стѣсняло ихъ и начальство. Я помню хорошо одного будочника на углу губернаторскаго дома. Этотъ „рыцарь въ бронѣ сермяжной“, повѣсивъ на гвоздикъ аллебарду, бывало сидитъ себѣ спокойно, да помалываетъ табачекъ, который тутъ же и продаетъ покупателямъ. Приходилось мнѣ видѣть, что иногда въ такомъ мирномъ занятіи пускалось въ дѣло и само вооруженіе; будочникъ растиралъ табакъ рукояткой аллебарды, отдѣланной въ металлическій наконечникъ. При Кромновѣ это прекратилось; прекратилась и кража аллебардъ, обыкновенно висѣвшихъ на наружной стѣнѣ будки и похищаемыхъ шалунами.

И. А. Митропольскій.

Москва, 27 Января 1895.

ПИСЬМА ОБЪ АМУРСКОМЪ КРАѢ.

I.

Николаевскъ на устьѣ Амура, 29 Ноября 1857 г. Получ. 29 Мая 1858.

Во второй половинѣ Октября, началъ показываться на Амурѣ ледъ въ видѣ заберсговъ; въ послѣднихъ числахъ всѣ тихіе протоки его, въ томъ числѣ и здѣшній заливъ, покрылись льдомъ; но Амуръ, къ общему удивленію, не становился до Ноября. Нынѣшнее замерзаніе его принадлежитъ къ числу позднихъ: во время стоянки нашей въ Петровскомъ зимовьѣ, въ 1852 году, море замерзло 2-го Октября, а Амуръ замерзаетъ всегда раньше моря. Нынѣшній годъ рѣка предъ Николаевскомъ 8 Ноября покрылась льдомъ, а 12-го пришла сюда пѣшкомъ команда съ топографомъ изъ Михайловскаго селенія и принесла вѣсть, что почта замерзла въ Маріинскѣ. Мигомъ весь городъ узналъ объ этомъ; даже солдаты и матросы на улицѣ передавали другъ другу, что «Расейская пошта пришла». Губернаторъ отрядилъ за нею три нарты съ собаками, и чрезъ 7 дней нетерпѣливаго ожиданія, наконецъ, почта получена была 20-го вечеромъ. Почтовую контору осадили; но она отбила нѣсколько приступовъ, и только на другой день начала разсылать письма. Въ числѣ прочихъ и я былъ осчастливленъ письмами вашего высокопревосходительства отъ 8-го и 12-го Іюля.

Разсказывать въ настоящее время что нибудь о посольствѣ графа Путятина несвоевременно, тѣмъ болѣе что теперь въ Петербургѣ болѣе извѣстно о результатахъ его, чѣмъ здѣсь. Графъ Путятинъ былъ въ Айгунѣ недолго, и я даже не могу утвердительно сказать, требовалъ ли онъ пропуска въ Пекинъ. Сюда онъ прибылъ въ концѣ Іюня и своими мнѣніями и дѣйствіями поразилъ всѣхъ, кто только его зналъ прежде и слышалъ его сужденія объ Амурѣ и Восточной Сибири. Можно утвердительно сказать теперь, что если есть на свѣтѣ человѣкъ, который болѣе всѣхъ сочувствуетъ Н. Н. Муравьеву въ его Амурскихъ дѣлахъ, такъ это графъ Путятинъ. Онъ до такой степени былъ

увлеченъ всѣмъ, что̀ онъ здѣсь видѣлъ, что всѣмъ восхищался, какъ будто все это было его твореніе. При немъ пришли сюда Американскіе корабли. Пароходы наши, привезенные изъ Америки, «Амуръ» и «Лена» были уже готовы, онъ оба ихъ видѣлъ и любовался ходомъ и устройствомъ «Амура». Адмиралъ-губернаторъ задалъ ему обѣдъ. Привезенныя въ ту пору на корабляхъ всѣ снадобья и фрукты въ консервахъ дали возможность устроить обѣдъ великолѣпный. Графъ Путятинъ просто былъ въ восторгѣ: говорилъ, что такой обѣдъ можно рѣдко достать въ Парижѣ, и что послѣ того какъ онъ видѣлъ Амуръ въ 1855 году, ему кажется, что здѣсь чудеса изъ тысячи и одной ночи; что Петербургъ—вздоръ, что всю Россію надобно подвинуть на Амуръ, здѣсь торговля со всѣмъ міромъ; что сюда нужно 20 рѣчныхъ пароходовъ, 600 пушекъ по крайней мѣрѣ, флоты паровыхъ судовъ, электрическіе телеграфы, неограниченное довѣріе къ губернатору и суммы въ полное его распоряженіе и пр. Словомъ, всѣ знающіе его говорили, что онъ шутитъ и говоритъ это для того, чтобы тѣшить другихъ; но графъ доказалъ на дѣлѣ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ всѣ предположенія о здѣшнихъ дѣлахъ. Онъ написалъ великолѣпный рапортъ Генералъ-Адмиралу, гдѣ упоминаетъ о всѣхъ этихъ потребностяхъ въ такомъ же широкомъ размѣрѣ, восхищается всѣмъ видѣннымъ на Амурѣ, пишетъ, что въ Николаевскомъ порту строятся образцовыя шлюпки, какихъ нѣтъ и въ Кронштатѣ; что нужно купить шкуну, построить желѣзную дорогу въ Де-Кастри и электрическій телеграфъ. Рапортъ этотъ онъ передалъ губернатору для отправки въ Петербургъ; курьеръ съ нимъ пошелъ на пароходѣ «Амурѣ», а самъ графъ 1-го Іюля на пароходѣ «Америка» отправился въ Китай. Съ нимъ отправился тендеръ «Камчадалъ» для погрузки каменнаго угля.

Въ Августѣ «Камчадалъ» вернулся въ Де-Кастри съ депешами о̀тъ графа. Они въ широтѣ 43 градусовъ открыли заливъ на здѣшнемъ берегу, въ день Св. Владимира, почему онъ былъ названъ *Портомъ Св. Владимира*. Заливъ очень глубокъ, удобенъ для стоянки и хорошо закрытъ съ моря. Суда подходить могутъ почти къ самому берегу; мало прѣсной воды, но она есть въ рѣчкахъ и озерахъ. Есть жители Китайцы, которые объяснили, что никогда не видали никакого корабля. Поэтому пароходъ «Америка» первый вошелъ въ эту бухту. Графъ на мысу въ бухтѣ поставилъ крестъ съ Латинской надписью названія порта и что онъ открытъ и занятъ Русскимъ пароходомъ «Америка». Кромѣ того, жители объяснили, что заливъ покрывается льдомъ только одинъ мѣсяцъ въ году, и это весьма правдоподобно, потому что онъ находится противъ острова Матсмая, на два градуса южнѣе Лаперу-

зова пролива, отдѣляющаго островъ Матсмай отъ Сахалина. Можетъ быть, этому заливу суждено играть большую роль, тѣмъ болѣе, что онъ какъ бы миритъ собою всѣ проекты о мѣстахъ для военнаго порта на Восточномъ Океанѣ. Еслибы у адмирала Казакевича были суда, а не развалины ихъ подъ названіемъ транспортовъ, то онъ послалъ бы на будущую навигацію брандвахту въ этотъ заливъ. Но до прихода тщетно-ожидаемыхъ судовъ изъ Кронштадта этого сдѣлать нѣтъ средствъ.

По приказанію графа, тендеръ «Камчадалъ» долженъ былъ, сдавъ депеши въ Де-Кастри, идти въ Дую на Сахалинъ, тамъ нагрузиться углемъ и слѣдовать обратно въ Печели. Но «Камчадалъ» выдержалъ сильный штормъ въ Татарскомъ проливѣ и принужденъ былъ на буксирѣ компанейскаго винтоваго судна «Константинъ» (зашедшаго въ ту пору въ Де-Кастри) идти въ Николаевскъ для пополненія провизіи. Въ тоже время здѣсь получена была шифрованная депеша изъ Петербурга къ графу Путятину съ тѣмъ, что если не найдется случая переслать ее въ Китай, то сжечь. Такъ какъ тендеръ «Камчадалъ» было опасно посылать, по его ветхости, то зафрахтовали въ Шангай Гамбургское судно «Оскаръ», за 2000 долларовъ, для доставки туда каменнаго угля, и депеша на другой день своего полученія въ Николаевскѣ была отправлена съ курьеромъ въ Шангай, на суднѣ «Оскаръ». Это былъ дубликатъ депеши, посланной чрезъ Суэцъ въ Шангай; но легко можетъ быть, что графъ получитъ депешу прежде подлинника, и тогда опять восторгамъ его объ Амурѣ не будетъ конца.

Этимъ оканчиваются наши извѣстія о посольствѣ, а теперь въ Петербургъ, можетъ быть, нашъ же курьеръ (чиновникъ Бодиско) привезъ позднѣйшія новости отъ Путятина.

Касательно ощутительной черты нашей границы въ Маньчжуріи, вопросъ все болѣе усложняется, чѣмъ болѣе мы узнаёмъ страну и бассейнъ Амура. Путятинъ намѣренъ былъ домогаться границы по Амуру и Усури, а если на это не согласятся, то ниже по рѣкѣ Соле или Дондонъ, до моря. На посланной мною къ вамъ картѣ устье этой рѣки означено на листѣ 17-мъ; но лучше ее можно видѣть на старыхъ картахъ Азіи или Сибири, изданныхъ Топографическимъ Депо, въ 20-хъ годахъ. Тамъ при устьѣ ея поставленъ городъ Дондонъ-Хатонъ. На картѣ, подаренной вамъ Н. Н. Муравьевымъ, рѣка эта показана текущею отъ Императорской гавани и названа Талго. Мнѣнія другихъ же сходятся съ этимъ: одни полагаютъ границею р. Сунгари и Хинганскій хребетъ, другіе Хинганскій хребетъ; наконецъ, многіе (въ

томъ числѣ и я) считаютъ необходимымъ занять всю Маньчжурію до степи Гоби и до залива Печели. Чтобы вывести изъ этихъ предположеній какое либо сужденіе, позвольте мнѣ нѣсколько распространиться объ этомъ предметѣ, по современнымъ, совершающимся у насъ въ виду обстоятельствамъ.

Весь бассейнъ Амура, съ его огромными притоками, населенъ Тунгузскими племенами, изъ которыхъ одно—Маньчжу покорило нѣкогда Китай, до сихъ поръ возсѣдаетъ на Пекинскомъ престолѣ и посредствомъ соплеменнаго себѣ народа Маньчжуровъ владычествуетъ надъ прочими племенами Амурской рѣчной области. Племена эти, живущія по Амуру вверхъ отъ его устья подъ именемъ Гиляковъ, Мангу (т. е. рѣка Амуръ), Гольдъ, собственное Маньчжу, выше Манегръ и Орочанъ, всѣ, какъ я сказалъ, Тунгузскаго происхожденія, сходныя между собою и лицемъ, и понятіями, и одеждою съ нѣкоторыми варьяціями, и промыслами, болѣе или менѣе ненавидятъ тягостное для нихъ иго племени Маньчжу или, проще, Маньчжуровъ. Съ появленіемъ Русскихъ, сначала на устьѣ, а потомъ и на всемъ Амурѣ, матеріальный бытъ этихъ народовъ болѣе или менѣе улучшился. Гиляки, напримѣръ, узнали употребленіе соли, ржанаго хлѣба, гречневой крупы и увидали, что ихъ бывшіе властители вовсе не такъ могущественны, какими они привыкли ихъ считать.

Кромѣ этого, такъ какъ Маньчжуры кромѣ правительства составляютъ еще въ здѣшнемъ краѣ единственный классъ торговцевъ, то естественно, торговля ихъ съ народами Амура имѣла характеръ надувательства, прижимокъ и, наконецъ, вѣчной кабалы, такъ что Гилякъ цѣлую свою жизнь выплачивалъ извѣстному Маньчжуру свои долги и долги своихъ предковъ. Съ появленіемъ Русскихъ и торговое вліяніе Маньчжуровъ подорвалось: жители увидали, что большую часть своихъ потребностей они получатъ отъ Русскихъ, и такъ какъ кромѣ этого Русскіе купцы заискивали ихъ расположенія (разумѣется, чтобы подорвать другаго собрата), дарили, потчивали ихъ чаемъ, хлѣбомъ, крупой: то они охотнѣе торгуютъ съ Русскими, и еслибы не боязнь своего начальства, то они вѣроятно прекратили бы всѣ сношенія съ Маньчжурами. Развѣ только принадлежности шаманства, да разныя бляхи, огнива и ножи, приспособленные къ ихъ вкусу и какихъ еще не приготовляютъ въ Россіи, продолжали бы они пріобрѣтать отъ Маньчжуровъ. При всемъ этомъ Маньчжурскіе власти и чиновники такъ обираютъ и притѣсняютъ жителей, взяточничество и тиранія здѣсь въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что Амурскіе народы съ радостью от-

даются подъ покровительство Русскихъ. Доказательствъ много: тамъ, гдѣ вліяніе Русскихъ сильно, какъ напримѣръ между Николаевскомъ и Маріинскомъ, Гиляки съ гордостью прибѣгаютъ подъ защиту Русскаго начальства. Въ каждой ихъ деревнѣ выбраны старшины, старшинамъ даны кафтаны съ позументами и Русскіе флаги, которые они поднимаютъ на шестахъ въ своихъ деревняхъ, и объявлено, что власть Маньчжуровъ надъ ними кончилась, что если явится къ нимъ какой нибудь Маньчжуръ, офицеръ или купецъ, то его вязать и представлять въ Николаевскъ. Въ Маріинскѣ же запрещено пропускать Маньчжуровъ ниже по Амуру, а если желаютъ быть въ Маріинскѣ, то изъ полиціи должны брать билетъ. Кафтаны съ позументами для Гиляковъ апогей счастія; они нашиваютъ себѣ на берестяныя и пуховыя шапки красную ленту, въ видѣ околыша, и спереди красную пуговицу въ видѣ офицерской кокарды, и на вопросъ что̀ это, отвѣчаютъ самодовольно: Мой Руска. Чиновники Маньчжурскіе, изъ боязни Гиляковъ, теперь сюда и не показываются, а если и проскользнетъ какой нибудь Маньчжуръ-купецъ, то онъ уже не властелинъ, а покорнѣйшій слуга Гиляковъ, надѣясь только, что по правиламъ гостепріимства они его не выдадутъ. Еще Гилякъ бываетъ очень доволенъ, когда ему дадутъ Русское имя; болѣе всего въ ходу Ваньки, и если Русскій какой нибудь, въ разговорѣ съ Гилякомъ, назоветъ его Ванька, то онъ уже усваиваетъ это имя, и когда его потомъ спросятъ какъ зовутъ, смѣло отвѣчаетъ: Ванька.

Нынѣшней весною здѣшній губернаторъ Казакевичъ, не спрашивая никого, послалъ роту линейнаго батальона построить станціи чрезъ 50 верстъ на правомъ берегу Амура отъ Маріинска до устья Усури. Командиръ роты поручикъ Черкавскій дошелъ до Усури, началъ рубку лѣса для постройки поста; оставленныя имъ чрезъ каждыя 50 верстъ команды уже заложили станціи, начали выдѣлывать кирпичъ для печей, нѣкоторыя станціи уже были заложены до оконъ, такъ что къ зимѣ открылось бы непрерывное почтовое сообщеніе Николаевска на лошадяхъ въ кибиткахъ до Усури (т. е. болѣе чѣмъ на 1000 верстъ), какъ вдругъ Черкавскій получаетъ предписаніе вернуться назадъ и бросить всѣ постройки. Это вышло вслѣдствіе пріѣзда графа Путятина, когда было получено приказаніе ничего не предпринимать новаго, а оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были.

Покамѣстъ это приказаніе шло до Николаевска, въ Кяхтѣ обстоятельства уже перемѣнились: изъ умѣренной политики перешли въ настойчивую, и потому двинули всѣ предполагавшіяся на Амуръ поселенія. Постройка станцій до Усури была слѣдовательно весьма при-

личная обстоятельствамъ мѣра; но при здѣшнихъ сообщеніяхъ здѣсь ничего не знали о перемѣнахъ въ Кяхтѣ и о путешествіи графа Путятина по Амуру. Черкавскій оставилъ Усури, по дорогѣ снялъ всѣ посты и прекратилъ работы. Три дня послѣ него плыветъ Путятинъ и сожалѣетъ, что не успѣлъ застать его во́ время и остановить распоряженіе Казакевича, который тоже съ сожалѣніемъ исполнилъ присланное ему приказаніе. Между прочимъ Гольды были весьма обрадованы появленіемъ Русскихъ и ихъ поселеніями; они уже были готовы прервать свою подчиненность къ Маньчжурамъ и сбросить ихъ иго, какъ вдругъ отступленіе Русскихъ поставило ихъ въ недовѣрчивое положеніе. Они оказывали услуги, давали въ займы заготовленный лѣсъ и весьма удивлялись, когда имъ послѣ возвратили столько же, говоря, что Маньчжуры отняли бы и никогда назадъ бы не отдали. Но всѣ услуги дѣлались слегка, изъ боязни Маньчжуровъ. Теперь устье Усури опять занято постомъ, сплывшимъ уже по Амуру изъ Забайкалья; а будущей весной отсюда отправляется опять рота линейцевъ строить начатыя станціи до Усури.

Къ этому сочувствію коренныхъ жителей, благопріятствующему нашему распространенію и утвержденію на Амурѣ и порожденному тягостью Маньчжурскаго ига, присоединяются другія обстоятельства, какъ бы указывающія на дальнѣйшій нашъ образъ и путь дѣйствій. Внутренніе безпорядки въ Китаѣ, война ихъ съ Англичанами и ожидаемое присоединеніе къ нимъ Французовъ, отразились и здѣсь. Носятся слухи, безпрерывно подтверждающіеся, что правительство требуетъ въ Китаѣ поголовнаго ополченія здѣшнихъ Маньчжуровъ, и потому нѣкоторые изъ нихъ уже бѣгутъ подъ защиту нашей власти. Это извѣстіе вполнѣ согласно съ положеніемъ здѣшнихъ Маньчжуровъ. Прежде ихъ на Амурѣ не было; но когда наши казаки дѣлали свои набѣги по Амуру и его притокамъ, то, чтобы отрѣзать имъ средства продовольствія, Китайское правительство выселило съ Амура всѣхъ земледѣльческихъ обитателей (Дауровъ) и перевело ихъ на Сунгари, а мѣста ихъ заняло военною милиціею, Маньчжурами. Они до сихъ поръ составляютъ родъ нашего казачьяго сословія, раздѣлены на знамена и получаютъ жалованье. Въ случаѣ надобности они должны вооружаться и соединяться въ знамена. Поэтому весьма естественно, что Пекинскій дворъ, въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, пользуется своимъ законнымъ правомъ и призываетъ своихъ единоплеменниковъ. Но онъ забылъ, что Маньчжуры уже два столѣтія не воевали, что, не смотря на жалованье и стрѣлы, они превратились въ мирныхъ купцовъ и взяточниковъ, и потому естественно, что недобро-

вольно исполнять это приказаніе. Губернаторъ нашъ велѣлъ объявить, что всѣхъ являющихся въ Маріинскій постъ и желающихъ остаться на Амурѣ онъ беретъ подъ защиту Русскаго правительства и никогда не выдастъ Маньчжурамъ. Если это извѣстіе дойдетъ до нихъ и если благоразумно распорядятся въ новыхъ нашихъ поселеніяхъ вверху Амура, то число Русскихъ подданныхъ въ нынѣшнее время можетъ здѣсь прибавиться значительно.

Такимъ образомъ, власть Маньчжуровъ, и безъ того слабая, скоро, можетъ быть, сдѣлается въ здѣшнемъ краѣ только номинальною. Маньчжурское правительство, кажется, сознаетъ это, предвидитъ бѣду и предчувствуетъ, что скоро всѣ обитатели Амура, даже многіе изъ нихъ самихъ, добровольно подпадутъ власти Русскихъ; но они все еще хотятъ казаться сильными. Усиливая свои караулы на устьяхъ Сунгари и Усури, оно распускаетъ слухъ, что скоро начнутся военныя дѣйствія съ Русскими. Усурійскій Русскій постъ уже обреченъ сожженію; стоящій рядомъ съ нимъ Маньчжурскій пикетъ безпрестанно усиливается, и тамъ командуетъ полковникъ.

Сотникъ Киселевъ, командиръ нашего поста, доноситъ, что каждую ночь у нихъ отходитъ почта и замѣтно движеніе; но, конечно, одними угрозами дѣло и кончится. Амурскіе же жители вѣрятъ пока этимъ надувательствамъ Маньчжуровъ и все-таки боятся ихъ, потому что были случаи, что они отрѣзали головы за сочувствіе къ Русскимъ. Нашъ же Усурійскій постъ можно считать обезпеченнымъ, потому что тамъ 50 человѣкъ и пароходъ «Амуръ» съ пушками, случайно (но можетъ быть кстати) сѣвшій на мель вблизи поста и зазимовавшій съ командой. Маньчжуры впрочемъ лучше всѣхъ понимаютъ, что за покушеніе на одинъ постъ они лѣтомъ поплатятся городомъ Айгуномъ и Сунгари, и потому имъ не до того, чтобы заводить новыя безпокойства; да извѣстно, что имъ всякія столкновенія и даже поводъ къ нимъ запрещены изъ Пекина.

Взявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ вашимъ, что дѣйствительно теперь самая благопріятная минута для упроченія за Россіею Амурскаго бассейна. Только я остаюсь все-таки при своемъ мнѣніи, которое есть мнѣніе большинства всѣхъ здѣшнихъ правителей и лицъ знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, что мы слишкомъ много придаемъ вѣсу Китайскому правительству. Мы должны дѣлать свое дѣло настойчиво, быстро, стараясь воспользоваться настоящими благопріятствующими обстоятельствами и вознаградить потерянное время, распространить свою торговлю по Усури и Сунгари и

чрезъ вершину послѣдней перейти на рѣку Лео, при устьѣ которой основать портъ на берегу Печелійскаго залива. Переговаривать же теперь съ Китайцами значитъ признавать ихъ важность и вліяніе надъ Маньчжуріей. Это все равно, что переговаривать съ нами объ уступкѣ Большой Киргизской Орды, которую Китайцы считаютъ своею собственностію, хотя тамъ давно уже есть Русскія поселенія и введено Русское управленіе.

Другое дѣло Западъ. Если дѣйствительно наше естественное движеніе по водяному пути Амура можетъ возбудить опасенія Англіи, то дѣло дипломатіи предупредить эти опасенія, переговорами не съ Пекиномъ, а съ Лондономъ и Парижемъ. Еслибы Китай и уступилъ намъ Амуръ и согласился на всѣ наши требованія, то что̀ было бы, если бы Британскій кабинетъ былъ противъ такого договора? Отвѣчать не трудно. Вѣроятно мы не затѣяли бы теперь новой войны или разрыва съ Англіей, еслибъ она потребовала ограниченія нашего движенія на Восточномъ океанѣ, даже если бы потребовала и удаленія съ Амура. Къ чему же тогда послужатъ всѣ договоры и посольства въ Китай? Поэтому, по моему мнѣнію, было бы раціональнѣе переговариваться объ Амурѣ въ Парижѣ и Лондонѣ, а не съ этою Китайскою сволочью. Для этого намъ слѣдовало бы справедливымъ взглядомъ оцѣнить сначала: до какихъ предѣловъ *полезно* распространеніе Россіи на Востокѣ, не увлекаясь жадностью или честолюбіемъ, и если нужно, то объявить объ этомъ тѣмъ кабинетамъ, которыхъ мы опасаемся. Англіи мы можемъ сказать: мы до сихъ поръ не мѣшали вашему распространенію завоеваній на Востокѣ, т. е. въ Индіи и Китаѣ, обязуемся и впредъ не мѣшать; дѣлайте въ Китаѣ что̀ хотите; но вотъ черта, до которой намѣрена дойти Россія, на которую вы договоромъ изъявите свое согласіе. Если это не поможетъ (потому что Англія и безъ того знаетъ, что мы ничѣмъ не можемъ подорвать ея вліяніе въ Китаѣ и Индіи), то вопросъ можно преобразовать слѣдующимъ образомъ. Англія теперь въ затрудненіяхъ; у нея есть флотъ, но мало войскъ; усмирять возмущенія въ Индіи и вести въ тоже время войну съ Китаемъ ей трудно. Мы могли бы предложить ей помощь въ видѣ вспомогательнаго корпуса войскъ, который она послала бы на своихъ судахъ въ Китай, и за эту помощь вознаградить себя пріобрѣтеніями въ Китаѣ.

Такъ понимаю я наши Китайскія дѣла. Въ скромной жизни частнаго человѣка можно только по внѣшностямъ догадываться о внутреннихъ пружинахъ, двигающихъ весь механизмъ дипломатіи, и потому легко и ошибиться. Не буду распространяться о томъ, до какой

степени неприлично посланнику и представителю великой державы прибыть на простомъ буксирномъ пароходѣ въ ту страну, гдѣ о величіи принято судить по внѣшней обстановкѣ. Въ параллель этому же, къ довершенію картины, представители Англіи и Франціи сопровождаются флотами и арміями.

Высказавъ свое мнѣніе о необходимости занятія всей Маньчжуріи и встрѣтивъ въ вашемъ письмѣ вопросъ: «куда же наконецъ, зайдетъ, отдаляясь отъ центральныхъ силъ, Россія, и будемъ ли мы въ состояніи поддерживать это вліяніе, останавливаюсь, чтобы изложить доказательства, на которыхъ основывается мое мнѣніе.

Говорятъ, что существуетъ секретная, политическая карта Россіи, на которой назначены границы предполагаемаго распространенія нашихъ владѣній. Думаю, что расширенія государства могутъ оправдываться только необходимостью округленія или усиленія границъ, открытія удобныхъ путей торговлѣ и приближеніемъ къ главнѣйшимъ торговымъ рынкамъ и средоточіямъ міроваго движенія. Руководствуясь такими положеніями, взглянемъ на карту Россійской Имперіи. Оставимъ въ покоѣ всю западную, Европейскую часть Россіи до горъ Уральскихъ и Кавказскихъ; не будемъ разбирать силу и слабость ея границъ, потому что на Западѣ каждый клочекъ земли вовлекаетъ въ такія столкновенія между государствами, что лучше оставаться въ прежнемъ положеніи и не говорить о пользѣ занятія Константинополя, завоеванія Турціи, соединенія всѣхъ Славянъ и прочихъ проектахъ, хотя, конечно, естественною границею Россіи съ Запада выгоднѣе было бы принять Дунай, Карпаты и Вислу. Займемся только восточной, наибольшей частью Россіи.

Не смотря на всѣ возгласы о богатствѣ сѣверной природы, о вѣковыхъ лѣсахъ, о золотыхъ розсыпяхъ и прочихъ диковинахъ Сибири, сѣверная ея часть неспособна къ густому населенію, даже и при развитіи пауперизма. Значеніе сѣверныхъ провинцій Сибири, мнѣ кажется, можно опредѣлить такъ: если бы море поглотило весь Сѣверъ Азіи отъ Архангельска на Бѣломъ морѣ вдоль черты Сибирской почтовой дороги до устья Амура, и если бы навигація на этомъ морѣ была бы возможна хотя только въ продолженіе полугода, такъ что всѣ города Сибири, лежащіе на почтовомъ трактѣ (именно Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и другіе) сдѣлались бы портовыми въ родѣ Архангельска: то можно было бы съ радостью согласиться на такое потопленіе. Исчезли бы милліоны верстъ лѣсовъ, милліоны рублей въ минеральныхъ богатствахъ земли (это правда); но въ замѣнъ ихъ явился бы міровой

путь торговли, путь движенія народовъ изъ Стараго Свѣта въ Новый. Откинувъ же эти провинціи, по черту почтоваго тракта, что́ останется за Сибирью? Узкая лента земли, протянувшаяся на тысячи верстъ. Подобное фантастическое предположеніе въ сущности имѣетъ нѣкоторый смыслъ. Густое населеніе въ Сибири всегда будетъ тянуться лентой по южной ея окраинѣ, вслѣдствіе лучшаго климата и обилія даровъ природы. Но будетъ ли прочна и сильна подобная растянутая колонія? Не трудно отвѣчать, что нѣтъ, и вотъ по какимъ обстоятельствамъ.

Событія ведутъ къ распространенію христіанства, просвѣщенія, а съ ними вмѣстѣ и къ увеличенію матеріальныхъ силъ и могущества между коренными обитателями Азіи. Подъ чьимъ бы вліяніемъ ни развернулось это могущество, подъ тиранніею Англіи или самобытно, нельзя отвергать, чтобы этого не могло случиться чрезъ извѣстный промежутокъ лѣтъ. Кто же тогда будетъ сильнымъ обладателемъ въ Азіи? Конечно не Россія, а сотни милліоновъ народа единоплеменнаго и самостоятельнаго. Что̀ же тогда будетъ Сибирь? Узкое владѣніе, которое при слабости границъ всегда легко можетъ быть разорвано вторженіемъ сильнаго сосѣда. Конечно къ тому времени желѣзныя дороги, рѣчное пароходство и проч. свяжутъ прочно это владѣніе съ центральными силами Россіи; но все таки въ сравненіи съ массою милліоновъ развернувшаго свои силы народа, это будутъ хитросплетенныя связи, въ родѣ тѣхъ, которыми Англія связываетъ себя съ Индіей.

Природа, расточившая въ Сибири, сравнительно съ Западомъ, весьма скудно свои дары и положившая столько преградъ къ международному сношенію здѣшняго населенія, указываетъ въ тоже время и на средства упроченія самостоятельности и усиленія здѣшнихъ областей. Средина Азіатскаго материка представляетъ огромную возвышенную плоскость, степь Гоби, окаймленную со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ. Изъ этой плоскости и изъ окружившихъ ее хребтовъ берутъ начало всѣ главныя рѣки Азіи. Кромѣ того, горы, окружающія степь, представляютъ въ своихъ долинахъ множество благопріятныхъ условій для осѣдлаго населенія и улучшаютъ климатъ относительно мѣстъ одинаковой широты. Степь эта съ Востока и Запада касается Маньчжуріи и нашихъ Киргизскихъ степей. Сѣверная окраина этой степи занята Монголами, занимающими южные покаты горъ, сѣверные склоны которыхъ принадлежатъ Сибири. Всѣ большія рѣки Сибири берутъ начало изъ сѣверной Монголіи. Нетрудно понять, что для доставленія возможности основать въ Сибири болѣе широкую и прочную колонизацію, обезпечить ея границы съ Юга, надобно про-

никнуть къ Гоби, включивъ въ свои владѣнія сѣверную, цвѣтущую часть Монголіи. Тогда Сибирь будетъ отдѣлена отъ остальныхъ южныхъ, густо населенныхъ странъ Азіи. широкою, безводною степью, которая всегда будетъ представлять трудную преграду къ вторженію непріятелей въ Сибирь, кто бы они ни были: Англичане, Китайцы или милліоны другихъ народовъ. Гранича къ Югу этимъ безплоднымъ, сухопутнымъ моремъ, Сибирь представитъ сильную, недосягаемую ни откуда, область, и вмѣстѣ цвѣтущую; потому что большинство населенія найдетъ въ южной ея части и почву, и климатъ, и растительность умѣренныхъ климатовъ другихъ частей свѣта. Изобиліе текучихъ водъ въ этой горной мѣстности обезпечиваетъ вполнѣ существованіе и населенія, и обширнаго скотоводства; богатая почва будетъ способствовать развитію земледѣлія и проч.

Обратимся теперь на крайній Востокъ. Амуръ представляетъ широкій путь къ сближенію восточной части Сибири со всѣмъ торговымъ міромъ, но не лучшій и не удобнѣйшій путь. Объяснюсь сравненіемъ. Россія до Петра, такъ же какъ въ настоящее время Сибирь, ограничивалась сношеніями съ иностранцами чрезъ Архангельскъ, водянымъ путемъ по Сѣверной Двинѣ. Амуръ въ здѣшней мѣстности тоже что̀ Сѣверная Двина до Петра. Николаевскъ—это тогдашній Архангельскъ. Но Петръ отыскалъ точку ближе къ Европѣ и ближе къ Россіи: это устье Невы, и назначилъ ее для сношенія съ Западомъ. Заливъ Печели, этоздѣшній Финскій заливъ; рѣка Лео, здѣшняя Нева. На устьѣ ея долженъ основаться Сибирскій Петербургъ. Подобно Невѣ, она не соединяется съ главными водяными артеріями страны, Амуромъ и его притоками; подобно Невѣ, она должна быть связана съ внутренностью Сибири искусственными путями—желѣзными дорогами, а можетъ быть и каналами. Присоединеніе устья Лео къ Сибири составитъ для послѣдней такую же эпоху, какую произвело для Россіи до-Петровской открытіе Санктпетербургскаго порта. Иркутскъ, Чита и др. находятся отъ устья Амура до 3000 верстъ, а отъ устья Лео до 1500 верстъ; значитъ столько же, сколько Казань отъ Петербурга. Взгляните на карту, на сколько не замерзающій никогда Печелійскій заливъ ближе Амурскаго устья къ Китаю, Японіи, Ликейскимъ и Сандвичевымъ островамъ, Манилле, Индіи и другимъ торговымъ центрамъ міроваго движенія. Вотъ причина необходимости занятія Маньчжуріи и Кореи, не для тщеславнаго распространенія владѣній, а для связи въ одно цѣлое всѣхъ частей, самой природой поставленныхъ въ необходимое дополненіе другъ друга. Нѣсколько южнѣе устья Лео, на берегъ Печелійскаго залива выходитъ оконечность Китайской стѣны, по которой должна начинаться граница

Россіи съ Китаемъ; достигнувши же степи Гоби, направляться по сѣверной окраинѣ этаго безплоднаго плато до нашихъ Киргизскихъ степей, гдѣ она будетъ склоняться къ Югу.

Обратимся на Западъ Сибири. Здѣсь видно стремленіе Россіи пробиться къ Югу, но для чего, до какой черты, не знаю. Неужели занятіе Киргизскихъ степей, Аральскаго моря, имѣетъ цѣлію только одно пароходство по Сыръ-Дарьѣ, устройство по ней укрѣпленій и усиленіе торговыхъ оборотовъ съ Хивой, Бухарой и другими владѣніями? Неужели мы все еще мечтаемъ о возможности завоеванія Индіи? Если бы это и было возможно, то подъ силу ли 60 милліонамъ Русскихъ эти 150 милліоновъ одноплеменнаго народа? Или мы боимся преобладанія Англіи въ этихъ мѣстахъ? Но тогда зачѣмъ же лѣземъ къ ней навстрѣчу? Стóитъ ли наша ничтожная торговля съ Востокомъ этихъ расходовъ и пожертвованій, и усилитъ ли это нашу торговлю?

Наши экономисты предсказываютъ неотразимый ударъ нашей восточной торговлѣ съ устройствомъ Англійской Евфратской желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря до Персидскаго залива. Чтобы ослабить этотъ ударъ, они полагаютъ достаточнымъ соединить Каспійское море съ Чернымъ желѣзною дорогою, или лучше сказать, они ничего другаго придумать не могутъ. Но вѣдь отъ устья Дона до устья Амура— вся огромная толща Русскаго материка нигдѣ не прикасается къ морю, могущему связать ее съ міромъ и дать истокъ ея богатствамъ. Неужели это навсегда такъ должно оставаться? Неужели Россія остановится на Сыръ-Дарьѣ, даже до того времени, когда на противномъ берегу ея покажется Англія? Неужели для Россіи все равно, если Месопотамія, Малая Азія, Персія, Афганистанъ, вмѣстѣ съ Индіей, сольются въ одно цѣлое, подъ властью Британской короны? Можетъ быть, этого не будетъ; но событія ведутъ къ тому, и если существовала здѣсь монархія Александра Македонскаго, то почему же отвергать, что на возобновленіе подобной монархіи не достанетъ ума и средствъ у нынѣшней Англіи?

Но неужели наше положеніе въ этихъ частяхъ міра безвыходно? Неужели природа не представляетъ никакихъ благопріятныхъ условій для исхода? Въ бассейнѣ Аральскаго моря и въ Закавказьи владыки до сихъ поръ мы; вблизи ихъ лежатъ верховья Инда и Евфрата, по которымъ сама природа указываетъ Россіи путь достиженія моря, не запертаго Зундскими и Дарданельскими пушками, но моря открытаго, свободнаго, Великаго Океана. Тутъ Россія опять таки послѣдуетъ тому міровому закону, по которому территоріальныя, средиземныя владѣнія

всегда стремились пробить себѣ путь къ ближайшему морскому берегу, по которому мы чрезъ широкія степи достигли до берега Чернаго моря и чрезъ тундры и болота до Финскаго залива. Кромѣ того, въ такомъ естественномъ побужденіи Россіи къ Югу не нарушается владычество другихъ странъ Запада: Индія останется хоть бы и навѣки за Англіей, если она съумѣетъ ее удержать; Египетъ пусть беретъ кто хочетъ. Тогда для Россіи не страшны ничьи завладѣнія и никакое усиленіе той или другой державы въ извѣстной мѣстности.

Вотъ естественныя границы Россіи. Къ нимъ должна она направить всѣ усилія своей политики, дѣйствуя сообразно съ обстоятельствами и соотвѣтственно вѣку. Тогда только Россія можетъ быть первенствующею великою державою, не по своей обширности, а по крѣпости и единству своего политическаго тѣла, связаннаго удобными путями въ одно цѣлое. И тогда только она выполнитъ назначенное ей природою: быть транзитнымъ путемъ Европы въ Индію, Китай и другія страны Востока, особливо если позаботятся проложить удобные пути сообщенія.

Вотъ мои мнѣнія о Россіи, можетъ быть черезчуръ идеальныя, несовременныя; но мнѣ кажется, что они основаны на географическомъ положеніи нашего отечества и согласны съ общими экономическими началами развитія всѣхъ странъ. Итакъ вотъ будущія границы Россіи: на Югъ отъ бассейновъ Каспійскаго и Аральскаго озеръ морской берегъ Великаго Океана между устьями Евфрата и Инда; далѣе рѣка Индъ до ея верховьевъ—рубежъ Россіи и Англіи; за тѣмъ западная окраина Гобійской степи, загибающаяся къ Сѣверу и Востоку, къ вершинамъ Енисея, Селенги и рѣкъ Амурскаго бассейна; далѣе по восточной окраинѣ степь до Китайской стѣны, а по ней до городка Шаньхань на берегу Печелійскаго залива. Достигнувъ этихъ границъ, Россія не должна уже дѣлать впередъ ни шагу; всякое новое пріобрѣтеніе обезсилитъ ее: довольно доставить настоящимъ своимъ областямъ всѣ залоги благосостоянія и политическаго значенія, указываемые самою природою.

Два пути, двѣ Русскія желѣзныя дороги, будутъ тогда кратчайшею связью Европы съ морями Востока и міровымъ транзитнымъ путемъ чрезъ Россію. Основныя точки одной: Москва, Самара, Оренбургъ, Аральскій берегъ, долина Аму-Дарьи, Бухара, Гиндукушъ, Кабулъ и долина Инда до Океана; другой: Москва, Нижній, Вятка, Екатеринбургъ, Омскъ, Томскъ, Иркутскъ, Забайкалье, Западная часть Маньчжуріи къ устью Лео въ Печелійскомъ заливѣ. Эти пути обогатятъ Россію и упрочатъ ея будущность.

Вблизи нашихъ береговъ развивается сильная и опасная для насъ соперница Японія. Раскинувшись по островамъ съ своими милліонами крѣпкаго, умнаго, дѣятельнаго и даже относительно-образованнаго, народа, эта Англія Восточнаго Океана имѣетъ много залоговъ, чтобы сдѣлаться сильною морскою державою. Подпаденіе ея подъ власть Европейской націи сдѣлаетъ ее опаснымъ оружіемъ противъ Россіи, и потому здѣсь, на этихъ берегахъ, надобно слѣдить зорко за усиленіемъ и образованіемъ Японіи и за водвореніемъ въ ней иноземнаго могущества. Это трудная и тяжелая задача для Россіи, которую рано или поздно придется разрѣшить мечемъ и огнемъ; словомъ, повторить исторію взаимныхъ набѣговъ Англіи и Франціи, чрезъ морской проливъ, подобнымъ которому мы отдѣлены отъ Японіи.

Но я чувствую, что уже слишкомъ распространился, слишкомъ утомляю ваше вниманіе, и потому позвольте прибавить только нѣсколько словъ о нашихъ новостяхъ.

Отъ Николая Николаевича *) вы вѣроятно уже знаете подробности о здѣшнихъ поселеніяхъ. Все теченіе Амура оффиціально раздѣлено на два отдѣленія. 1-е отдѣленіе Амурской линіи начинается отъ Усть-Стрѣлки до хребта Доусе-олинь (несправедливо названнаго нами Хинганомъ). Завѣдующій этимъ отдѣленіемъ штабъ-офицеръ живетъ въ Черорѣчинскомъ новомъ поселеніи при сліяніи Зеи съ Амуромъ. 2-ое отдѣленіе Амурской линіи, отъ хребта до устья, подъ завѣдываніемъ военнаго губернатора Приморской области. Нынѣшній годъ заселялось только 1-е отдѣленіе. До устья Зеи поселенія довольно часты, ниже, въ 250 верстахъ Буреинское при устьѣ Буреи, далѣе Халтанъ и Хинганъ, при входѣ въ горныя щеки Амура. На будущій годъ предположено довершить начатое заселеніе 1-го отдѣленія, построить укрѣпленіе въ Хинганѣ и начать заселеніе 2-го отдѣленія; но на которомъ берегу, это рѣшится извѣстіями отъ Путятина и поѣздкой Николая Николаевича въ Петербургъ. Послѣднія изысканія показали, что ниже хребта Хингана правый берегъ Амура представляетъ больше удобствъ для поселенія, чѣмъ нашъ лѣвый, состоящій изъ низменныхъ, изрѣзанныхъ болотистыми рукавами и заливами береговъ, потопляемыхъ въ большую воду. Поэтому если только намъ не помѣшаютъ въ Петербургѣ (какъ это часто бываетъ), то поселенія 2-го отдѣленія будутъ

---

*) Муравьева (въ слѣдующемъ году получившаго имя графа Амурскаго). Очевидно, что высокое лицо, къ которому писано это письмо, принимало живое участіе въ дѣлахъ дальняго Востока. П. Б.

расположены вѣроятно по обоимъ берегамъ Амура. Жаль только, что, при заселеніи 1-го отдѣленія, не вспомнили и не увѣковѣчили имена Пояркова, Хабарова, Степанова, Бейтона и прочихъ Русскихъ Кортесовъ, первыхъ завоевателей и открывателей Амура.

Нынѣшнимъ лѣтомъ было нѣсколько экспедицій для развѣдокъ и изслѣдованія окружающей насъ страны. Художникъ Сибирской экспедиціи Мейеръ съ протоіереемъ здѣшняго Николаевскаго собора поднялись по Амгуни, для изслѣдованія заселяющихъ ее племенъ (Амгунь вливается въ Амуръ 60 верстъ выше Николаевска). Кромѣ извѣстныхъ уже племенъ Самагирцевъ и Нишдальцевъ открыли еще новое съ особымъ нарѣчіемъ племя. Протоіерей обратилъ нѣсколько человѣкъ въ христіанство, такъ что теперь въ окрестностяхъ Николаевска до 150 человѣкъ туземцевъ-христіанъ. Мейеръ, съ верховьевъ Амгуни, весьма удачно перешелъ чрезъ хребетъ въ рѣку Гарынь и по ней спустится въ Амуръ и Николаевскъ. Какъ ни отрывочны и кратки его свѣдѣнія, но они интересны по своей новизнѣ.

По трактату, заключенному съ Японіей, южная часть острова Сахалина должна принадлежать ей, сѣверная намъ, безъ разграниченія. До этого трактата Японцевъ не было на Сахалинѣ; на Югѣ его жили Аины, одного племени съ нашими Курильцами, признававшіе вліяніе Японцевъ; но, послѣ ратификаціи трактата, особая экспедиція Японцевъ отправилась на Сахалинъ и начала вдоль его берега ставить свои версты и знаки къ Сѣверу. Во избѣжаніе будущихъ споровъ о разграниченіи, здѣшній губернаторъ послалъ съ своей стороны лейтенанта Рудановскаго въ шлюпкѣ съ гребцами занять устье р. Кусуная и выстроить тамъ постъ. На картѣ, подаренной вамъ Николаемъ Николаевичемъ, эта рѣка означена, впадаетъ въ Татарскій проливъ и разрѣзываетъ островъ въ самомъ узкомъ его мѣстѣ: здѣсь отъ моря до моря около 35 верстъ. Г. Рудановскій возвратился благополучно въ Николаевскъ, и отчетъ его очень интересенъ. На устьѣ Кусуная онъ выстроилъ три дома, назвавъ ихъ Постъ Муравьевскій, на противномъ (Охотскомъ) берегу поставилъ крестъ въ бухтѣ Мануе; описалъ западный берегъ Сахалина отъ Кусуная къ Сѣверу до мыса Дуи, гдѣ нашъ постъ, и рядомъ съ Японскими верстами поставилъ кресты. Цѣль нашего распространенія на Сахалинѣ не жадность, а намѣреніе отрѣзать весь каменноугольный бассейнъ, составляющій единственное мѣсторожденіе этого топлива на всемъ Тихомъ Океанѣ. Вамъ извѣстно, что Американцы давно хлопочатъ объ устройствѣ линіи почтоваго пароходства между С.-Франциско и Китаемъ, но что однимъ изъ глав-

ныхъ препятствій къ этому есть недостатокъ каменнаго угля у береговъ Китая. Они намѣрены были даже занять Ликейскіе острова, чтобы основать тамъ складъ угля; есть слухи о признакахъ угля на островѣ Формозѣ, который по этому одному хотятъ занять Англичане. Понятно теперь, какъ важенъ для насъ и для всего пароходства по Тихому Океану Сахалинъ. Но каменноугольный пластъ тянется даже южнѣе р. Кусуная, и потому лучше было бы, въ предупрежденіе всякихъ столкновеній съ Японцами, купить у нихъ и остальную часть Сахалина. Разработки наши начаты, весьма слабыми средствами, у мыса Дуи, въ 60 миляхъ на 30 отъ залива Де-Кастри. Теперь пріѣхалъ горный инженеръ, посѣтилъ копи и ахнулъ отъ богатства мѣсторожденія и качества каменнаго угля. По его словамъ нашъ уголь выше Англійскаго, способенъ особенно для добыванія газа и для проплавки рудъ. Добытый уголь продается Русскимъ по 6 р., иностраннымъ судамъ по 12 р. за тоннъ: цѣна небольшая, особенно если вспомнить, что въ С.-Франциско тоннъ худшаго угля стоитъ 25 р. Доходъ отъ продажи угля, также какъ и прочіе доходы области, по рѣшенію Петербурга, составляютъ собственность здѣшняго края. Островъ Сахалинъ еще важенъ для насъ по своему прекрасному климату и особеннымъ удобствамъ для поселенія. Берегъ Татарскаго пролива состоитъ изъ хребта круто спускающагося къ морю; восточный его скатъ скалистъ и покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Это страна тумановъ, сильныхъ вьюгъ и холодовъ зимой, такъ что приморскія поселенія здѣсь только будутъ вызываться необходимостью. Въ такой мѣстности лежитъ и Николаевскъ; въ такой же полосѣ будетъ заселяться предположенный городъ Александровскъ въ заливѣ Де-Кастри. Противуположный, западный берегъ Сахалина, отрѣзанный отъ Востока и отъ Охотскаго моря хребтомъ, представляетъ поразительное несходство съ матерымъ берегомъ. Тутъ климатъ умѣреннѣе, почва богаче, растительность разнообразнѣе. Въ Де-Кастри въ моихъ глазахъ пропадали огородныя овощи, исключая картофеля; а на противуположномъ берегу, въ Дуйскомъ посту, каменноугольная команда собрала съ своихъ огородовъ по 6 пудовъ на человѣка. Привезенные оттуда на бывшую въ Николаевскѣ осенью поощрительную выставку огородныхъ продуктовъ рѣпа, картофель, капуста перещеголяли всѣ Амурскіе огороды и были поразительны своей величиною. Заливъ Де-Кастри, также какъ и устье Амура, замерзаетъ; даже Императорская гавань покрывается льдомъ, который, по причинѣ превосходнаго закрытія отъ вѣтровъ, держится въ ней гораздо долѣе чѣмъ въ Де-Кастри; а на противуположномъ Сахалинскомъ берегу, въ Январѣ, въ 20° мороза, ѣздятъ въ лодкахъ по заливамъ и у береговъ. Эту особенность должно приписать однако не климату, а особому быстрому

теченію, образующемуся вдоль этого берега и относящему отъ него ледъ.

Кончая о Сахалинѣ замѣчу, что на всемъ его западномъ берегу нѣтъ ни одной сколько-нибудь порядочной гавани, такъ что нагрузка судовъ каменнымъ углемъ чрезвычайно не удобна и можетъ быть улучшена только искусственными сооруженіями. Сахалинъ вообще гористъ; но средняя часть его противъ Амурскаго устья, во всю ширину острова, представляетъ низменную равнину, наполненную озерами, болотами, такъ что существуетъ предположеніе, что Сахалинъ состоялъ прежде изъ двухъ острововъ, сѣвернаго и южнаго, между которыми вливался Амуръ, но что отъ времени проливъ этотъ занесло Амурскимъ теченіемъ и намыло низменность поросшую травою. Подтвержденіе этого предположенія видно на меляхъ, наполняющихъ устье и лиманъ Амура: многія изъ нихъ намыты до такой вышины, что сдѣлались островами, на нѣкоторыхъ уже показываются клочки травы.

Между прочимъ на Сахалинѣ осматривали каменноугольные признаки всѣ перебывавшіе здѣсь ученые Нѣмцы, въ томъ числѣ Дитмаръ и Шренкъ и сказали, что угля тутъ нѣтъ и искать его вздоръ. Впрочемъ Восточная Сибирь уже давно привыкла къ той идеѣ, что всѣ блуждающіе по ней на Русскія деньги Нѣмцы и ученыя экспедиціи работаютъ не для пользы ея или Россіи, а на утѣшеніе единоутробной имъ Германіи, и потому и знаетъ, что на нихъ плоха надежда. Экспедиція Макка стоила Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Географическаго Общества до 6.000 р. сер. + результатъ: открытіе на Амурѣ особаго вида кукушки, орденъ св. Владимира, пожизненный пансіонъ въ 300 р. за то, что проплылъ вверхъ и внизъ по Амуру до Маріинска, и сѣмена какой-то травки, названной всей Германіей въ честь его Makensis. Теперь другой Нѣмецъ Радде, томимый предчувствіемъ, что на Амурѣ должна быть особая порода скарабеусовъ, т. е. жуко́въ не на шести, а на восьми ногахъ, пріѣхалъ нарочно изъ Брауншвейга, получаетъ за свою похвальную любознательность отъ Географическаго Общества по 500 р. и кромѣ того снаряженіе экспедиціи, выстроилъ въ Хинганскомъ хребтѣ домъ, зимуетъ и считаетъ ноги у всѣхъ попадающихся жуковъ. Кромѣ денегъ по отъѣздѣ ему въ Петербургѣ дадутъ тоже орденъ и содержаніе на всю жизнь, до котораго нашъ братъ добивается 35 лѣтъ. Онъ же собираетъ огромныя коллекціи, распродаетъ ихъ покровителямъ наукъ въ Петербургѣ и Германіи, ведетъ торговлю пушнымъ товаромъ и пишетъ въ Германію, куда-нибудь въ Рейсъ-Эберсдорфъ-Лобенштейнъ, что Амурская страна только съ

его прибытіемъ узрѣла свѣтъ. А намъ бы надобны не жуки и кукушки, а указали бы гг. ученые, гдѣ желѣзо на Амурѣ, гдѣ каменный уголь, гдѣ корабельный лѣсъ, гдѣ плодородная почва для земледѣлія, гдѣ какія приличнѣе разводить растенія и въ какихъ частяхъ Амура какая приличнѣйшая система хозяйства. А то и укажутъ намъ на богатства здѣшнихъ насѣкомыхъ и кукушекъ, да все-таки эти указанія большинству у насъ недоступны, потому что печатаются въ Германіи, и даже въ нашей Академіи, на Нѣмецкомъ языкѣ, чтобы свои не знали, а заграничные похваливали.

Но Богъ съ ними, съ Нѣмцами! Здѣсь уже привыкла къ этому не только вся публика, но и все начальство знаетъ, какого проку ему ждать отъ наѣзжающихъ изъ Петербурга ученыхъ. Поэтому, не смотря на присутствіе въ здѣшнемъ краѣ большой ученой экспедиціи, снаряженной съ большими издержками отъ Географическаго Общества, по распоряженію Николая Николаевича, нынѣшнимъ лѣтомъ партіями топографовъ, подъ надзоромъ поручика Попова, произведена инструментальная съемка мензулою долины Амура, съ ситуаціею на 5 верстъ отъ каждаго берега, на протяженіи 1.200 верстъ отъ Хингана до Маріинска, въ маштабѣ верста въ дюймѣ. Съемка эта войдетъ въ составъ карты, предположенной напечатать весною въ Иркутскѣ, и которую я въ свое время буду имѣть честь представить вашему высокопревосходительству.

Обращаюсь къ послѣдней экспедиціи, порученной мнѣ, для изысканія мѣстности между Амуромъ и заливомъ Де-Кастри. Занятія мои въ теченіе 110 дней увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Я успѣлъ обслѣдовать неизвѣстную доселѣ р. Ай, впадающую въ озеро Кизи, описать и снять инструментально всю мѣстность этого важнаго перешейка и прорубить въ дремучей тайгѣ линію для предполагаемой желѣзной дороги. Оказывается, что озеро Кизи есть мелководный разливъ Амура, изъ котораго нельзя извлечь никакой практической пользы; что Маріинскій постъ неудобенъ по топографическимъ и климатическимъ причинамъ, и для основанія новаго поселенія на Амурѣ, отъ котораго должна начинаться желѣзная дорога въ Де-Кастри, я выбралъ новый пунктъ выше Маріинска, гдѣ на присланной мною картѣ назначена деревня Джари. Тутъ Амуръ весь въ одномъ руслѣ, а Маріинскъ стоитъ на мелководномъ протокѣ, берегъ приглубъ, есть гавань для зимовки судовъ, строевой и корабельный лѣсъ. Кромѣ того это самая узкая часть перешейка, отдѣляющаго Де-Кастри отъ Амура. Линія дороги выходитъ въ 60 верстъ; на устройство ея нужно 3.000 человѣкъ на 2 года и милліонъ рублей, вмѣстѣ съ учрежденіемъ рельсоваго производства

при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ. По устройствѣ этой дороги корабли не будутъ входить въ трудный лиманъ Амура, а прямо въ заливъ Де-Кастри, чѣмъ ихъ плаваніе сократится на 250 верстъ, а суда, спускающіяся внизъ по Амуру изъ Забайкалья, не будутъ принуждены сплывать до устья Амура, а остановятся для разгрузки выше его 350 верстъ, у начала желѣзной дороги. Такимъ образомъ торговый путь Сибири съ моремъ сократится на 600 верстъ. Заливъ Де-Кастри становится мѣсяцемъ позже и вскрывается мѣсяцемъ раньше Амура, такъ что чрезъ устройство желѣзной дороги навигація продлится до семи мѣсяцевъ въ году. Все это подробно изложено въ моемъ отчетѣ, который я (какъ поясненіе плана) буду имѣть честь представить вашему высокопревосходительству.

Теперь я въ Николаевскѣ, пользуюсь радушнымъ расположеніемъ губернатора и живу у него въ домѣ. Николаевскъ уже похожъ на городъ: въ немъ до $2^1/_2$ тыс. жителей; Амурскій проспектъ имѣетъ видъ улицы, правильно вытянутой по берегу Амурскаго залива, съ тротуарами и фонарями. Поперечныя улицы начинаютъ обрисовываться, но городъ тянется больше по берегу рѣки въ длину. Главная улица, Амурскій проспектъ, прорублена въ лѣсу; тамъ среди пней красуются домики, даже складные Американскіе, интервалы между домами завалены вырытыми пнями. Оборотъ торговли нынѣшняго года: семь иностранныхъ кораблей, около 100 Русскихъ баржъ съ верху Амура, въ привозѣ и вывозѣ до 150.000 пудовъ на 1.000.000 рублей.

II.

Николаевскъ, на устьѣ Амура, 17-го Февраля 1858 года. Получ. 30-го Мая.

Не знаю, какъ благодарить ваше высокопревосходительство за вниманіе, которымъ угодно было вамъ наградить меня. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстія, сообщаемыя вами о Китайскихъ дѣлахъ, о посольствѣ, о пребываніи Николая Николаевича въ С.-Петербургѣ, интересны въ высшей степени не только для меня, но и для всего здѣшняго края, въ который вообще доходятъ очень рѣдко современныя новости.

Важной и радостной новостью было для меня и, конечно, и для всѣхъ сочувствующихъ краю, это возстановленіе доброй репутаціи и истиннаго, вѣрнаго понятія объ Амурѣ. Вы удивляетесь, какъ измѣняются мнѣнія людей объ одномъ и томъ же предметѣ; но еще удивительнѣе то, что въ Россіи большинство или, по крайней мѣрѣ, высшее правительство въ Петербургѣ, судитъ о вещахъ, событіяхъ, стра-

нахъ, смотря по личности, которая представляетъ объ этомъ. Такъ и объ Амурѣ. Дѣло, кажется, всегда было такъ ясно, такъ право, что всякій ребенокъ могъ бы понять, что для Сибири и для Россіи Амуръ необходимъ, какъ путь къ своему морю, какъ *единственная* жила, по которой *возможно* движеніе, если уже и не торговое, то, по крайней мѣрѣ, *продовольственное*, для обезпеченія нашихъ же Русскихъ береговъ отъ нужды и лишеній, для спасенія жителей морскаго прибрежья отъ голодной смерти, что̀ непремѣнно и случилось бы во время прошедшей войны. А между тѣмъ наши правители толковали объ этомъ со временъ Петра Великаго, писали отношенія, предписанія и цѣлыми кипами сдавали бумаги въ архивъ. Наконецъ, явился человѣкъ энергическій, настойчивый, который положилъ достичь во что́ бы то ни стало этой цѣли. Что же вышло? Надобно было растолковывать каждому въ Петербургѣ, что безъ этого жить нельзя Сибири; вещи, доступныя каждому ученику, нужно было объяснять каждому министру; тѣ слушали, улыбались, исподтишка посмѣивались надъ человѣкомъ, который получаетъ, кажется, огромное содержаніе, а хлопочетъ Богъ знаетъ изъ чего, что́ ему не прибавитъ ни жалованья, ни вліянія! Наконецъ, начали сознавать, что онъ имъ надоѣдаетъ своими проектами; чтобъ отвязаться, начинаютъ собирать комитеты, писать бумаги, видятъ пользу, но не вѣрятъ, что страна не принадлежитъ никому, что рѣка судоходна, что она не теряется въ пескахъ и проч. Наконецъ, только для того, чтобъ отвязаться отъ дѣла, котораго они не понимаютъ, которому и вовсе не сочувствуютъ, изъ уваженія къ личности генералъ-губернатора, подкрѣпленнаго вліяніемъ членовъ Августѣйшей фамиліи, сдаются и даютъ ощупью разрѣшеніе. Поплыли по Амуру; пошли по немъ и пароходы, и винтовыя суда, начали передвигаться массы грузовъ. Петербургъ и тутъ нашелся поддержать себя, закричавъ, что Амуръ не судоходенъ. Тутъ кстати адмиралъ, привыкшій плавать по морямъ и считать глубины воды не футами, а саженями, идетъ на пароходѣ, встрѣчаетъ трехфутовую мель, бросаетъ пароходъ и печатно подтверждаетъ извѣстія, къ несказанной радости Петербурга. Вездѣ закричали, даже и тѣ, которые не знали, въ какой части свѣта находится Амуръ и куда впадаетъ, что вотъ заняли страну, рѣку, навязали себѣ на шею новые хлопоты и расходы, а по рѣкѣ не могутъ ходить пароходы! Конечно такое мнѣніе было неудивительно при невѣжествѣ большинства нашей образованной публики (а Петербургской въ особенности) о водяныхъ путяхъ и рѣчныхъ сообщеніяхъ. Конечно эти, самые образованные изъ членовъ общества весьма бы удивились и не повѣрили бы, что на Волгѣ есть мели до $1\frac{1}{2}$ фута глубиною, что верхняя часть Волги, только помощію столѣтнихъ тру-

довъ, доведена до судоходнаго состоянія, но, не смотря на это, по Волгѣ двигается ежегодно до 200 милл. р. цѣнностей, въ самыхъ громадныхъ и громоздкихъ массахъ. Конечно, еслибъ эти *образованные* и современные вѣку правители знали, что въ ихъ глазахъ устье Невы имѣетъ глубины не болѣе 9 футовъ, а устье Волги занесено пескомъ до такой степени, что, не говоря уже о судахъ и пароходахъ, шлюпки должны дожидаться морскаго вѣтра, нагоняющаго воду, и что, не смотря на это, морская торговля Петербурга въ сильномъ развитіи, а сношенія съ Кавказомъ, Персіей и промышленное движеніе на Каспійскомъ морѣ, имѣетъ одинъ исходъ—устье Волги: то не кричали бы что устье Амура непроходимо и что потому только, что на барѣ его вода понижается до 12 футовъ, въ него не могутъ входить корабли.

Мы смѣемся и досадуемъ на членовъ Адмиралтействъ-Коллегіи, академиковъ и Петербургское общество временъ Екатерины І-й, не повѣрившихъ Берингу, доносившему, по возвращеніи своемъ изъ первой экспедиціи, что Америка не соединяется съ Азіею, что Японія вовсе не одно и тоже что̀ Камчатка и что Калтанейская земля, проектированная въ Парижѣ астрономомъ Делилемъ, вовсе не существуетъ. Намъ досадно читать теперь, что и послѣ второй экспедиціи не повѣрили Берингу, не оцѣнили его самоотверженія, не наградили его сподвижниковъ и помощниковъ, и что Русскимъ нуженъ былъ Британскій мореходъ Кукъ, подтвердившій правоту Беринга, оцѣнившій его заслуги, чтобы мы повѣрили и гордились трудами и открытіями своихъ моряковъ. Но развѣ теперь повторяется не тоже самое? Сахалинъ не островъ, Амуръ закрытъ съ моря непроходимыми отмелями: вотъ что напечаталъ Крузенштернъ въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи, не видавши Амура, не бывши у мѣста соединенія Сахалина съ материкомъ. Но вѣдь нужно же было какъ-нибудь извернуться въ дѣлѣ, котораго не умѣлъ исполнить. Открытіе устья Амура доставило бы моряку полную признательность всего ученаго міра и принесло бы Россіи огромныя выгоды. Этого не хотѣлъ или не съумѣлъ сдѣлать Крузенштернъ, въ оправданіе свое выставилъ ложные факты, но за то исправилъ атласъ южнаго моря, что̀ для Россіи не имѣетъ ни малѣйшаго практическаго значенія. Эта галиматья повторялась всегда, какъ любимая пѣсня, въ опроверженіе пользъ Амура. Невельской на Байкалѣ фактически доказалъ нелѣпость показаній Крузенштерна; ему не повѣрили, и немудрено: Крузенштернъ считался первымъ Русскимъ морякомъ, и хотя всѣ знали, что онъ не былъ въ устьѣ Амура, но не смѣли и допустить идеи, чтобъ онъ могъ ошибаться. Великое дѣло быть въ Россіи Нѣмцемъ! Генералъ-губернаторъ доказывалъ пользу

Амура и точность описи Байкала, что никакой Татаріи тутъ нѣтъ, что Крузенштернъ Богъ знаетъ откуда вздумалъ величать, вмѣстѣ съ Лаперузомъ, часть Японскаго моря Татарскимъ проливомъ, что страна никому не принадлежитъ, и ему не повѣрили. Адмиралъ подтверждаетъ, что устье Амура мелко, потому что въ него не могъ пройти фрегатъ 1-го ранга «Паллада»; этому обрадовались, хотя вѣроятно никому и въ голову не пришло задать себѣ вопросъ: а прошелъ ли бы хотя не фрегатъ, а только корветъ, въ устье Невы? Послѣ этого, что уже ни говорили объ Амурѣ, какъ ни объясняли, ничему не вѣрили, а всѣ дружнымъ хоромъ кричали: Амуръ вздоръ, дрянь, мелокъ, несудоходенъ. И вдругъ одно донесеніе того же адмирала, опровергающаго первое свое показаніе, разомъ перевернуло идеи и понятія *образованнаго* Петербурга объ Амурѣ. Забывая свои вчерашнія слова, Петербургъ, какъ видно изъ писемъ, полученныхъ здѣсь, теперь въ восторгѣ отъ Амура, вѣритъ уже всему и, конечно, съ удовольствіемъ повѣритъ даже тому, чего и нѣтъ. Опять повторяю вопросъ: много ли ушелъ впередъ Петербургъ въ 150 лѣтъ отъ временъ Беринга?

Амуръ между тѣмъ принадлежитъ къ числу огромнѣйшихъ рѣкъ земнаго шара. Длина его по новѣйшимъ изысканіямъ простирается болѣе 4.500 верстъ (Керулюнь, Аргунь, Амуръ), равна $^1/_8$ длины экватора и превосходитъ длину Янъ-Цзы-Кяна, считавшагося до сихъ поръ величайшею рѣкою Азіи. Поэтому изслѣдованія и открытія Русскихъ доказали, что Амуръ есть величайшая рѣка Стараго Свѣта. Рѣчная область его захватываетъ 36.400 квадр. геогр. миль, т. е. въ $3^1/_2$ раза болѣе всей Франціи, больше области Волги, не говоря уже о Дунаѣ, Рейнѣ и другихъ рѣкахъ Запада. Амуръ не представляетъ собою какихъ-либо исключительныхъ особенностей, какихъ не встрѣчается въ другихъ рѣкахъ. Онъ многимъ сходствуетъ со всѣми рѣками. Въ немъ, также, какъ и во всѣхъ рѣкахъ міра, есть мели, иногда перегораживающія его русло поперекъ. Верхнее теченіе его, также какъ и во всѣхъ рѣкахъ, болѣе представляетъ затрудненій для плаванія, чѣмъ нижняя часть.

Затрудненія эти еще увеличиваются неизвѣстностью рѣки, отсутствіемъ населенія на ея берегахъ, неимѣніемъ лоцмановъ. На Волгѣ, напримѣръ, не только что на пароходахъ, на всякомъ суднѣ есть лоцманъ, знающій фарватеръ. Тамъ никакой капитанъ, никакой опытный морякъ, не поведетъ парохода безъ лоцмана, сочтетъ человѣка предложившаго это за сумасшедшаго; а здѣсь это необходимо

и потому странно бы было, еслибы командиръ, въ первый разъ увидавшій рѣку на 3.000 верстъ протяженія, никогда можетъ быть не плававшій по рѣкамъ, не усадилъ бы парохода на мель. Поэтому нисколько неудивительно, что пароходы «Амуръ» и «Надежда» зимуютъ на мели, первый около Усури, второй ближе къ Маріинску. Избѣжать подобныхъ случайностей теперь невозможно: никакіе мелкосидящіе пароходы этому не пособять. Это отстранится, когда будутъ вѣрныя карты Амура, когда частыми рейсами узнаютъ фарватеръ рѣки и когда прибрежное населеніе будетъ служить лоцманами. Начало этому уже сдѣлано. Прошлымъ лѣтомъ снято инструментально отъ Хинганскаго поселенія до Маріинскаго поста (около 1.300 верстъ) въ маштабѣ 1 вер. въ дюймѣ. Гдѣ рейсы пароходовъ часты, тамъ фарватеръ почти извѣстенъ: такъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ ни одинъ пароходъ теперь не станетъ на мель, потому что всѣ опасныя мѣста извѣстны. Американцы, механики здѣшняго адмиралтейства, торговцы, капитаны судовъ, прошедшіе по Амуру на пароходахъ, съ восторгомъ отзываются объ этой рѣкѣ. Сравнивая ее съ своей Миссисипи, они утверждаютъ, что на Амурѣ препятствія судоходству гораздо незначительнѣе послѣдней рѣки: нѣтъ вовсе подводныхъ камней, нѣтъ карчей (затонувшихъ деревьевъ), которыя бываютъ причинами гибели Американскихъ пароходовъ и которыхъ не могутъ уничтожить усовершенствованными паровыми механизмами въ цѣлые десятки лѣтъ. Наконецъ, они съ удивленіемъ сознаются, что вода въ Амурѣ такая, что ее можно пить, чего нѣтъ въ большихъ Американскихъ рѣкахъ. При всемъ томъ условія нашего пароходства совсѣмъ иныя чѣмъ въ Америкѣ. Тамъ рѣчные пароходы не имѣютъ якорей, цѣпей, брашпилей, провизіи, потому что страна густо заселена, остановки часты, вездѣ есть пристани, къ которымъ пароходъ подходитъ вплоть и укрѣпляется причалками. У насъ пароходы, выписанные изъ Америки, сѣли глубже условленнаго въ воду на цѣлый футъ. И это понятно, потому что они отправляются въ путь на 3.000 верстъ по неизвѣстной рѣкѣ. Это стоитъ кругосвѣтнаго плаванія; поэтому они берутъ съ собой на шесть мѣсяцевъ провизіи, до 50 человѣкъ одной команды, пушки, не говоря уже о якоряхъ, цѣпяхъ и проч. Кромѣ того въ Америкѣ по извѣстной части рѣки плаваютъ пароходы различной величины и осадки въ водѣ. У насъ же требуется, чтобъ одинъ и тотъ же пароходъ слѣдовалъ на 3.000 верстъ, и Амуръ въ этомъ случаѣ представляетъ, по словамъ Американцевъ, единственный примѣръ рѣки въ мірѣ, по которой бы пароходъ, привезенный океаномъ въ ея устье, поднялся вверхъ на 3.000 верстъ, что̀ теперь случилось съ пароходомъ «Лена», зимующимъ на Шилкинскомъ заводѣ. Выше этого пароходы пока еще не

ходятъ, не потому чтобы было нельзя, а по различнымъ сомнѣніямъ, возникающимъ вездѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ въ головахъ людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о рѣчномъ судоходствѣ.

По этому предмету здѣсь множество проектовъ одинъ другаго лучше. Я, какъ инженеръ, свидѣтельствую положительно, что пароходство по Амурской системѣ возможно до Читы на р. Ингодѣ, для чего нужно: 1) строить пароходы по примѣру Волжскихъ компаній по Окѣ и др. рѣкамъ съ осадкою до 8 вершковъ, и 2) разобрать нѣсколько каменьевъ и вынуть нѣсколько лопатъ песку съ мелей Ингоды, что́ можно сдѣлать Сибирскими средствами, если съ умѣніемъ приняться за дѣло. Я уже не упоминаю, что судоходство по Ингодѣ, Шилкѣ и верхнему Амуру можетъ быть облегчено и упрощено до невѣроятія устройствомъ различныхъ вспомогательныхъ сооруженій, находя, что теперь еще рано тратить на это средства; но не могу не прибавить, что самое вѣрное и недорогое средство въ здѣшнемъ краю будетъ состоять въ устройствѣ запасныхъ водохранительныхъ резервуаровъ, запрудомъ верхней Ингоды въ Читѣ и различныхъ боковыхъ притоковъ, изъ которыхъ вода могла бы спускаться въ случаѣ значительнаго пониженія горизонта на фарватерѣ. Подобный способъ питанія рѣкъ составляетъ основаніе нашей Вышневолоцкой системы. Но здѣсь до этого еще долго, и потому надобно обходиться болѣе дешевыми средствами, доступными краю.

Въ вашемъ письмѣ есть замѣчаніе о заселеніи Амура туземцами, основанное на извѣстіи Русскихъ газетъ. Я помню эту статью; но тамъ говорилось о Монголахъ, живущихъ по Китайской границѣ, а не въ Маньчжуріи по Амуру. Вообще большая часть этихъ газетныхъ статей пишутъ вздоръ, потому что составляются въ Иркутскѣ корреспондентами, которымъ платятъ деньги; и они, чтобы послать что-нибудь въ газету, пишутъ о погодѣ, о дождѣ, о церковныхъ праздниствахъ, а кстати приплетаютъ всякіе слухи. По крайней мѣрѣ все что́ до сихъ поръ печатаютъ объ Амурѣ большею частію вздоръ. Говорили же Русскіе о сочувствіи Валахіи, Молдавіи, Болгаръ и проч., къ Русскимъ во время войны; а мы знаемъ, какое это было сочувствіе. Можетъ быть это же есть и у Монголовъ, я не отвергаю; но сомнѣваюсь уже потому, что мы вообще мало знаемъ эту страну, и что отрывочныя показанія какихъ-нибудь Монголовъ не могутъ отвѣчать за весь народъ. Что же касается до Маньчжуровъ, то въ прошломъ письмѣ я коснулся нѣсколько ихъ отношеній къ намъ. Можетъ-быть, теперь окончательно уполномочатъ Николая Николаевича

дѣйствовать по своему усмотрѣнію на Амурѣ. Если онъ будетъ съ ними меньше церемониться, возметъ за образецъ Англійскую политику, поставитъ батареи напротивъ Айгуна, устья Сунгари, прикажетъ подняться по Усури, или идти въ портъ Владимира, перейти на верховья Усури и спуститься по этой рѣкѣ, объявивъ жителямъ владѣніе Россіи: то дѣла пойдутъ прекрасно.

Въ числѣ нашихъ новостей самая живая—это открытіе угля на Амурѣ на половинѣ разстоянія между Николаевска и Маріинска. Обнаженіе это угля въ береговомъ обрывѣ было замѣчено еще прежде, но за неимѣніемъ инженера его не могли обслѣдовать. Прибывшій прошлую навигацію горный инженеръ Носовъ осенью посѣтилъ и обозрѣлъ ломки на Сахалинѣ, а зимой теперь производитъ развѣдку угля. Онъ хорошаго качества, но попадавшіеся до сихъ поръ пласты весьма тонки и не представляютъ выгоды къ добыванію. Есть надежда найти толстый пластъ и, по темнымъ слухамъ отъ Гиляковъ, большія массы угля обнажаются на озерѣ Удгиль, въ 40 в. отъ берега Амура. Доставленный ими образчикъ превосходнаго качества, и лѣтомъ вѣроятно будетъ предпринято его отысканіе и изслѣдованіе. Озеро Удгиль находится противъ Богородскаго селенія и сообщается съ Амуромъ впадающею въ Амуръ и вытекающею изъ озера р. Ухтой. На устьѣ этой рѣки предположено основать портъ, вмѣсто Николаевска. Нѣтъ надобности доказывать, какъ важно для края подобное открытіе. Имѣя уголь на самомъ Амурѣ, сколько силъ и средствъ не будетъ пропадать на перевозку его съ острова Сахалина! Вмѣстѣ съ тѣмъ вблизи Ново-Михайловскаго, въ пяти верстахъ отъ дер. Мхыль, открыты минеральныя теплыя воды, полезныя особенно при хроническихъ болѣзняхъ. Адмиралъ лѣтомъ отправляетъ туда команду строить водолѣчебное заведеніе.

Послѣ четырехмѣсячныхъ трудовъ я, наконецъ, окончилъ свой отчетъ, состоящій изъ пяти мемуаровъ, всего до 100 листовъ и четырехъ плановъ. Я употреблю всѣ средства, чтобы доставить къ вамъ копію съ карты мѣстности, а обѣщанныя мною копіи съ отчета для васъ уже переписаны и вмѣстѣ съ картой будутъ посланы съ первой лѣтней почтой. Мои розысканія и предположенія составляютъ теперь здѣшній question du jour *); не знаю, какъ все это будетъ принято генералъ-губернаторомъ, а адмиралъ, кажется, раздѣляетъ всѣ мои предположенія. Вопросъ о возможности нетруднаго проведенія желѣзной

---

*) Вопросъ дня.

дороги мною рѣшенъ положительно; вмѣстѣ съ тѣмъ, я доказываю выгоды перенесенія военнаго порта и адмиралтейства къ мысу Джай на Амурѣ, куда выходитъ дорога изъ Де-Кастри. Не смотря на 350 верстное разстояніе его отъ устья, тутъ есть много выгодъ въ другихъ отношеніяхъ. Адмиралъ это раздѣляетъ и, чтобы устранить противъ этого всѣ возраженія, назначилъ уже партію офицеровъ сдѣлать промѣръ между мысомъ Джай и Николаевскомъ. Если окажется, что глубина этой части Амура достаточна для судовъ могущихъ входить въ устье Амура, то вопросъ о перенесеніи порта и администраціи на Джай будетъ ожидать только утвержденія Николая Николаевича. Тутъ является много такихъ выгодъ, для которыхъ вѣроятно предпримутъ даже расчистку нѣкоторыхъ мелей, если онѣ окажутся. Это тѣмъ болѣе нетрудно, что будущимъ лѣтомъ сюда прибудетъ землечерпательная машина изъ Америки.

Теперь мнѣ поручается составить проектъ укрѣпленія устья Амура, а весною подъ моимъ надзоромъ начнутся работы дороги въ Де-Кастри. Слѣдовательно объ отозваніи моемъ нѣтъ и рѣчи. Служить здѣсь хорошо, только очень трудно, и для семейнаго содержаніе весьма не велико. Чтобы получать награды, надобно пользоваться особеннымъ расположеніемъ генералъ-губернатора; а это достается большею частію тѣмъ, кто служитъ въ глазахъ его. Кромѣ этого мнѣ, не смотря на занятія, очень скучно безъ семейства, и потому по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ я буду сильно просить генералъ-губернатора отпустить меня осенью въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что прямаго моего назначенія еще не послѣдовало. Рѣчь о гальванизмѣ и телеграфахъ теперь прекратилась и совсѣмъ что-то замолкла. Кажется, это былъ одинъ порывъ Николая Николаевича.

Не менѣе животрепещущій вопросъ на Амурѣ, это открытіе порта Св. Владимира. Въ прошломъ письмѣ я уже излагалъ, что ему, можетъ быть, будетъ суждено играть важную роль въ здѣшнихъ моряхъ. Теперь, съ ожидаемой навигаціей и прибытіемъ эскадры, вопросъ этотъ все чаще и чаще повторяется. По опредѣленной широтѣ я положилъ этотъ заливъ на карту Маньчжуріи, недавно изданную въ Иркутскѣ: онъ приходится на параллели верховьевъ Усури. Кромѣ этого въ запискѣ Максимовича я вычиталъ, что верхній Усури населенъ Китайцами, у которыхъ есть скотъ, коровы и лошади, и что они имѣютъ сообщеніе съ морскимъ берегомъ посредствомъ телѣжной дороги въ 1 сажень шириною на протяженіи 3-хъ дней пути, выходя въ городъ, называемый *Хунчо*. Три дня хода по распросамъ Максимовича

значатъ 90 верстъ; на этомъ пути перевализаютъ чрезъ низкій поросшій кедровымъ лѣсомъ хребстъ. Хунчо населенъ большею частію Китайцами. Наши открыватели порта Владимира нашли жителей, тоже Китайцевъ, по словамъ оріенталистовъ, бѣглыхъ; видѣли у нихъ лошадей, коровъ и другой домашній скотъ. Теперь спрашивается, какъ попалъ скотъ въ этотъ заливъ, еслибы не было сообщенія съ внутренностію страны? Жители не видали до тѣхъ поръ ни одного корабля у себя въ заливѣ, слѣдовательно не пускались въ море. Что̀ касается до названія городъ, то по Маньчжурски одна юрта, большое селеніе, какой бы ни было городъ, все называется *Хàтонъ*; поэтому Максимовичъ могъ перевести это какъ угодно. По возвращеніи Максимовича съ Усури, въ Маріинскомъ посту эти свѣдѣнія отъ него почерпнулъ Невельской и на своихъ картахъ поставилъ наобумъ *Кончи*, вмѣсто *Хунчо*, гораздо южнѣе, близъ залива Посьета. Тамъ эта гавань ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, а изложенныя соображенія навели меня на мысль, что *Хунъ* долженъ быть портъ св. Владимира. Эти догадки я сообщилъ военному губернатору, который разрѣшилъ мнѣ удостовѣриться въ этомъ. Это возможно, потому что во время стоянки нашихъ судовъ въ портѣ св. Владимира съ берега бѣжалъ Китаецъ, боясь какого-то наказанія, и просилъ его скрыть. Его взяли и на тендерѣ «Камчадалъ» высадили въ Дуйскій постъ на островѣ Сахалинѣ. Теперь онъ начинаетъ смыслить по-русски; весной его привезутъ въ Николаевскъ, и отъ него мы узна́емъ, какъ называется его деревня. Въ этомъ сообщеніи я полагаю особую важность. Длина р. Усури до 700 верстъ, отъ ея устья до Маріинскаго поста также 700 вер.; поэтому, если портъ св. Владимира будетъ соединенъ съ судоходнымъ пунктомъ верховья Усури, то иностранные товары удобнѣе будетъ выгружать тамъ и сплавлять 700 верстъ по теченію Усури до ея устья, чѣмъ тащить изъ Де-Кастри и Маріинска противъ теченія. Поэтому пунктъ на устьѣ Усури, вѣроятно, получитъ огромное значеніе въ судоходствѣ по Амуру, также какъ и устья Зеи и Сунгари.

Мой отчетъ возбудилъ пренія объ укрѣпленіи Де-Кастри. Я предположилъ устроить тутъ небольшую гавань для зимовки судовъ, которыя здѣсь будутъ разгружаться и товары по желѣзной дорогѣ перевозиться на Джай. Но я противъ укрѣпленія этого залива. Говорятъ, что если будетъ здѣсь городъ, то безъ укрѣпленій; непріятель, взявъ его, будетъ имѣть прекрасное помѣщеніе. Согласенъ; но городъ не стоитъ издержекъ на укрѣпленія, п. ч. входъ въ заливъ до 5 вер. шириною. Если же основать укрѣпленія по берегамъ внутри залива или на берегу у самаго города, они не достигнутъ цѣли, будутъ слишкомъ близко къ

строеніямъ, и непріятель, не бравъ ихъ, можетъ сжечь городъ бомбардированіемъ. Заливъ же Де-Кастри вовсе не такой важный пунктъ въ военномъ отношеніи; потому что онъ изолированъ отъ внутренности непрерывнымъ хребтомъ, на которомъ, занявъ перевалы и дороги и набросавъ тамъ во время войны полевыя укрѣпленія, небольшимъ числомъ войскъ можно удержать распространеніе непріятельскихъ отрядовъ, которые, отойдя отъ берега моря, лишатся могущественнѣйшаго содѣйствія атакѣ, т. е. своей корабельной артиллеріи. Даже и при укрѣпленіи входа въ заливъ, окрестные берега моря представляютъ нѣкоторыя удобства для высадки и движенія къ озеру Кизи; слѣдовательно укрѣпленія Де-Кастри могутъ быть обойдены десантомъ. Не спорю, что при огромныхъ средствахъ полезнѣе было бы укрѣпить заливъ самостоятетьно; а при здѣшнихъ средствахъ всякія укрѣпленія будутъ только пагубныя полумѣры, не приводящія ни къ чему. Для правильнаго же укрѣпленія слѣдуетъ основывать батареи при входѣ на 10 саж. глубинѣ, что́ напоминаетъ брекватеры Шербурга и Плимута.

Пріѣздъ генералъ-губернатора рѣшитъ все; но я навѣрное проиграю, потому что онъ военную цѣль ставитъ, кажется, выше всѣхъ торговыхъ выгодъ; для этого приказалъ даже городъ въ Де-Кастри строить на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега.

*

Любопытныя письма эти доставлены въ „Русскій Архивъ“ неизвѣстнымъ лицомъ. Писавшій ихъ инженеръ тоже намъ неизвѣстенъ, равно какъ и то лицо, къ которому они писаны. Люди знающіе полагаютъ, что эта живая картина Амурскаго края, за сорокъ почти лѣтъ назадъ, начертана покойнымъ инженеръ-полковникомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Романовымъ, нѣкогда (1860—1862) помѣщавшимъ свои статьи объ Америкѣ и нашемъ Востокѣ въ „Морскомъ Сборникѣ“. П. Б.

ЧЕРТЫ ВОЕННАГО БЫТА НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Изъ бумагъ М. В. Савелова.

Михаилъ Васильевичъ Савеловъ (род. 1836 г. † 1890, погребенъ въ Витебскѣ, на военномъ кладбищѣ) по окончаніи курса въ 1-й Московской клас. гимназіи въ 1854 г. вступилъ въ Лб.-Екатеринославскій гренад. полкъ, затѣмъ, въ 1862 г. переведенъ въ Л.-гв. Литовскій полкъ, откуда въ 1874 г. назначенъ командиромъ 1-го Восточно - Сибирскаго линейнаго баталіона, расположеннаго на самомъ крайнемъ пунктѣ нашихъ владѣній въ Южно-уссурійскомъ краѣ, у залива Посьета.

Пріѣхавъ на мѣсто своего новаго служенія, Савеловъ очутился въ положеніи ужасномъ: баталіонъ распущеннымъ, недостатокъ офицеровъ, провіанта, денегъ, кругомъ пустыня. Одною изъ первыхъ его мѣръ было привлеченіе Корейцевъ къ заселенію мѣстности, чтобы имѣть возможность пользоваться ихъ услугами и не отвлекать солдатъ отъ ихъ прямой обязанности—быть всегда готовыми къ защитѣ своего отечества, для чего и было написано имъ воззваніе къ старшинамъ Корейскихъ деревень. Воззваніе это имѣло успѣхъ, и вскорѣ появилась деревня, названная Савеловкою.

Мѣры, принятыя М. В. Савеловымъ, дали возможность баталіону занять непослѣднее мѣсто въ ряду нашей арміи, что́ видно изъ сохранившихся приказовъ по войскамъ генералъ-губернатора и командующаго войсками Восточной Сибири. Послѣдовало назначеніе Великаго Князя Алексѣя Александровича шефомъ баталіона, первымъ въ войскахъ Восточной Сибири.

Одновременно съ командованіемъ баталіономъ М. В. Савеловъ исполнялъ нѣкоторое время и обязанности пограничнаго коммиссара.

Впослѣдствіи на землю, гдѣ возникла Савеловка, предъявили свои права Китайцы, и Россія по разграниченію 1885 года уступила ее Китаю.

М. В. Савеловъ, послѣднее время своей жизни, командовалъ 163-мъ Ленкоранскимъ (нынѣ Ленкоранско-Нашебургскій) пѣхотнымъ полкомъ. Л. С.

I.

Докладная записка командующаго первымъ Восточно-Сибирскимъ линейнымъ баталіономъ маіора Савелова (1875).

Его превосходительству командующему войсками Восточно-Сибирскаго Военнаго Округа.

Положеніе ввѣреннаго мнѣ баталіона находится въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Будучи заброшенъ въ пустыню, гдѣ почти лишенъ всякой возможности пріобрѣтать куплею потребные продукты и вещи, по отдаленности отъ торговыхъ центровъ и правильныхъ путей

сообщенія, онъ вынужденъ все дѣлать для себя самъ, что́ отнимаетъ у него много времени, потребнаго для строевыхъ занятій и умственнаго развитія солдатъ, и лишаетъ его возможности стать на ряду по военному образованію съ другими отдѣльными частями Русской арміи. Провіантъ баталіонъ получаетъ кругомъ свѣта: мясо изъ Хунчана; въ случаѣ войны баталіонъ, не имѣя запасовъ даже 10-ти дневнаго провіанта, будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Строевой лѣсъ удаленъ отъ расположенія баталіона на два дня пути, дровяной лѣсъ—на одинъ день; провіантъ при бухтѣ Посьетѣ тоже—на одинъ. Чтобы вывозить все это, при дурныхъ дорогахъ, горахъ и частой дождливой погодѣ, роты вынуждены держать около 50-ти лошадей и по нѣскольку быковъ, что́, за малымъ отпускомъ на ротное хозяйство, ложится на съѣстную сумму; несвоевременный же отпускъ дровяныхъ денегъ въ баталіонъ вводитъ роты въ огромные долги (дровяные не отпущены на 1872, 1874 и 1875 годы).

Ближайшій торговый центръ къ баталіону—Владивостокъ, отстоящій на 250 верстъ. Вьючный путь, по случаю почти непроходимыхъ болотъ и крайне безпорядочнаго содержанія почтовыхъ лошадей, становится невозможнымъ при перевозкѣ даже ничтожной тяжести. Морскаго сообщенія правильнаго нѣтъ, и баталіонъ пользуется имъ, если когда зайдетъ судно случайно, и посланные за покупками не знаютъ, чрезъ сколько времени имъ удастся возвратиться.

Положеніе офицеровъ вполнѣ тяжкое: по спискамъ хотя и считается 22, но въ дѣйствительности въ баталіонѣ только 12. Въ виду запутанности старыхъ дѣлъ по хозяйству, масса судныхъ дѣлъ, такъ какъ въ баталіонѣ кромѣ своихъ судятся нижніе чины Новгородской постовой команды и 3-й горной батареи, и, при необходимыхъ текущихъ занятіяхъ, во ввѣренныхъ имъ частяхъ, на долю 12 господъ офицеровъ выпадаетъ масса труда. Офицеры лишены общества и всякихъ удобствъ; содержанія имъ недостаетъ при крайне-умѣренной жизни на самыя существенныя потребности; цѣны на необходимые предметы доходятъ до огромныхъ размѣровъ (мясо—до 9 р. пудъ, масло до 50 р., сахаръ—18 р.). Если придется выписать платье или офицерскія вещи, то надо ждать ихъ почти годъ, и часто отъ дальняго пути и дурныхъ дорогъ онѣ приходятъ вполнѣ негодными; многія же торговыя фирмы и не берутъ на себя, за дурнымъ сообщеніемъ, доставки оныхъ. Единственная возможность пріобрѣтать за болѣе сходныя цѣны жизненные припасы представляется лѣтомъ съ приходомъ судовъ въ Владивостокъ; но офицеры не имѣютъ возможности дѣлать запасы на годъ, такъ какъ жалованье получаютъ помѣсячно, почему офицерамъ приходится дѣлать закупки у мѣстныхъ торговцевъ-Евреевъ, все крайне дурнаго

достоинства и по громадной цѣнѣ. И, не смотря на всѣ эти лишенія, офицеры ввѣреннаго мнѣ баталіона, при самомъ добросовѣстномъ трудѣ, не видятъ исхода изъ своего положенія: производства на вакансіи почти нѣтъ, награды крайне рѣдки; главное—офицеръ лишенъ надежды когда нибудь возвратиться на родину, такъ какъ только разстроившимъ свое здоровье на службѣ предоставлено право просить перевода въ Имперію на казенный счетъ. Офицеры 4-го баталіона на Сахалинѣ находятся при лучшихъ условіяхъ и получаютъ содержаніе несравненно болѣе.

Положеніе командира баталіона, въ виду вышесказаннаго, крайней запутанности старыхъ дѣлъ и отчетности за старое время, недосланныхъ и неправильно израсходованныхъ прежними командирами (около 28,000) рублей, недостающаго провіанта (379 четвертей муки и 10 крупы) почти безвыходное. При этомъ до 500 претензій за старое время, удовлетворить кои я не имѣю возможности; уходящіе же въ отпускъ солдаты изъ баталіона будутъ по всей Сибири заявлять свои претензіи, и имя мое смѣшается съ разсказами о прежнихъ злоупотребленіяхъ.

Представляя вашему превосходительству мой докладъ съ приложеніемъ записокъ о строевомъ образованіи и хозяйствѣ, осмѣлюсь просить отрѣшить баталіонъ отъ старыхъ дѣлъ, дабы онъ имѣлъ возможность начать новую жизнь, поправить свою репутацію и стать на ряду другихъ славныхъ частей нашей арміи.

Подлинную подписалъ командующій 1-мъ Восточно-Сибирскимъ линейнымъ баталіономъ маіоръ Савеловъ. Вѣрно: завѣдывающій хозяйствомъ капитанъ Богоревъ.

II.

Восточно-Сибирскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича линейнаго баталіона командира

Командующему войсками въ Приморской Области

Рапортъ.

Іюня 1876 года. Укрѣпленіе Новокіевское.

На предписаніе вашего превосходительства отъ 11-го Марта за № 8 доношу, что требуемыя онымъ извѣстія военно-политическаго характера изъ прилежащихъ къ расположенію баталіона Китайскаго города Хунчунъ и королевства Кореи (за неимѣніемъ точныхъ данныхъ и потому, что Корея для насъ закрыта) хотя и получаются наиболѣе отъ пограничнаго коммисара, но основаны на слухахъ и перепискѣ нашихъ Корейцевъ Южно-Усурійскаго края съ соотечественниками, живущими въ Кореѣ; почему и за достовѣрность ихъ поручиться трудно.

26*

Въ Китайскомъ городѣ Хунчунѣ, все постарому, находится до 1,000 солдатъ вооруженныхъ фитильными ружьями. Что же касается Кореи, то сколько она содержитъ войска, покуда неизвѣстно; въ столицѣ Кенъ-Шенъ 22,000 человѣкъ. Вооружены они фитильными ружьями, луками и саблями. Порохъ хуже Китайскаго. Солдатъ Корейскій получаетъ ежемѣсячно 3 пуда рису, 3 лана въ годъ жалованья (ланъ равенъ рублю) и по два куска холста въ годъ на платье. Имѣя въ виду, что ежели условія мирнаго договора, заключеннаго между Японіей и Кореею 2-го Февраля 1876 года, переданы вѣрно и подобный договоръ дѣйствительно ратификованъ: то вѣроятно Корея въ скоромъ времени совершенно утратитъ свою автономію, почему и надо предполагать рядъ преобразованій, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что извѣстно изъ письма Японскаго офицера, что бывшій министръ колоній г-нъ Курода̀ назначенъ посломъ къ королю Кореи. Это одинъ изъ самыхъ энергичныхъ людей Японіи.

Настроеніе народа въ Кореѣ неспокойное. Хотя они относятся довольно апатично къ случившемуся, но опасаются вмѣшательства Китая. Кромѣ того увеличиваніе налоговъ тяжко отзовется на народѣ, и если со стороны пограничныхъ Корейскихъ властей не будутъ приняты мѣры, то эмиграція въ Южно-Усурійскій край, надо полагать, усилится. Администрація Корейская давно уже недовольна, какъ эмиграціей, такъ и нашимъ потворствомъ оной, что́ и можетъ сдѣлаться предлогомъ къ непріятнымъ столкновеніямъ.

Здѣсь ходятъ слухи, что въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Корею прибудетъ Японская эскадра. Войска Корейскія готовятся, съ цѣлію внѣшней обороны или для сохраненія порядка внутри страны, неизвѣстно.

М. Савеловъ.

III.

Договоръ, заключенный между Японіею и Кореею 2-го Февраля 1876 года.

1) Заключается миръ.

2) Разрѣшается Японцамъ и Корейцамъ заключать взаимно брачные союзы.

3) Корейцы обязуются носить Японское платье.

4) Корея вступаетъ въ подданство Японіи.

5) Корейцы обязуются представлять по 15000 фунтовъ корня женшеня и пантовъ оленьихъ.

6) Корейцы обязуются построить помѣщенія для ярмарки въ четырехъ приморскихъ губерніяхъ: 1) губ. Хамъ-Кенъ-То, гор. Токъ-Іонъ, заливъ Ванъ-Санъ-Пхо, 2) Девъ-Ла-То, заливъ Ни-Динъ-Пхо,

3) губ. Кан-Іонъ-То, заливъ Ма-Самъ-Пхо и 4) губ. Кен-Кы-То, гор. Канъ-Хва.

7) Вышепомянутое количество женшеня и пантовъ Корейцы обязуются представлять каждые 15 мѣсяцевъ.

8) Корейцы обязаны уплатить затрату, сдѣланную Японіею, на содержаніе отряда войскъ въ городѣ Тонъ-Нале.

9) Воспрещается Корейцамъ препятствовать Японцамъ проживать въ восьми губерніяхъ Кореи, гдѣ имъ заблагоразсудится.

10) За разбившееся въ 1866 году въ Корейскомъ заливѣ Японское судно Корея обязана заплатить Японскому правительству 100.000 ланъ (Корейскій ланъ=1 рублю).

Женшенъ—это корень, растущій въ дикомъ видѣ; употребляется какъ наркотическое средство при возбужденіи страсти; по мнѣнію докторовъ, хуже нашего конфертативума; употребляется въ настоѣ; цѣнится страшно дорого; лучшій корень имѣетъ пять оконечностей, представляетъ форму человѣка, стоитъ около 300 р. серебромъ фунтъ.

Панты. Олень ежегодно теряетъ рога; когда появляются новые, то они мягки и имѣютъ кровяные наросты; изъ нихъ Китайскіе доктора приготовляютъ также возбуждающее средство равно сильное, даже лучше женшеня. Цѣна пантамъ 300 р. серебромъ. Въ это время оленя убить трудно: онъ очень бережетъ себя.

Каждый Китаецъ, имѣющій средства, непремѣнно запасаетъ этого снадобья; для него необходимо сознаніе, что и въ старости онъ будетъ имѣть возможность наслаждаться семейной жизнію и не потеряетъ способности, когда захочетъ, вкусить отъ древа познанія добра и зла.

IV.

Старшинамъ и жителямъ Корейскихъ деревень.

Всѣ подданные Россійскаго государства пользуются одинаковыми правами и равны передъ закономъ. Каждый занимается тѣмъ, что ему болѣе нравится, и никто не можетъ препятствовать ему въ этомъ. Для охраны мирныхъ жителей отъ внѣшнихъ враговъ по всѣмъ границамъ расположены войска, постоянно готовыя защищать Русскую землю отъ нападеній непріятеля. По всей землѣ Русской Русскій солдатъ не только живетъ въ мирѣ и согласіи съ поселяниномъ, но пользуется со стороны послѣдняго особеннымъ почтеніемъ, потому что въ случаѣ войны солдатъ смѣло подставляетъ грудь свою для его защиты.

Когда я пріѣхалъ сюда, меня удивило, что войско наше живетъ отдѣльно, ѣстъ хлѣбъ, который ему привозятъ изъ родины, варитъ овощи большею частью посѣянные имъ самимъ, отапливается дровами, которые само рубитъ и возитъ на своихъ лошадяхъ изъ лѣсу.

Мнѣ говорили, что солдаты обижали васъ, и потому вы боялись ихъ и строили ваши дома за нѣсколько верстъ отъ ихъ казармъ. Мнѣ было прискорбно слышать, что Русскіе подданные могутъ опасаться или даже бояться Русскаго солдата. Какъ представитель и начальникъ здѣшняго баталіона, я протягиваю вамъ руку въ знакъ братскаго сочувствія къ вамъ, какъ подданнымъ нашего любимаго Государя. Будьте увѣрены, что наши солдаты не будутъ болѣе наносить вамъ обидъ, и вы смѣло можете селиться вблизи насъ, не опасаясь ни за себя, ни за свое имущество.

Я увѣренъ, что вы отвѣтите мнѣ сочувственно и засѣете ваши поля хлѣбомъ и овощами, которые идутъ вамъ въ пищу.

Двери моего дома всегда будутъ открыты вамъ, и ни одна справедливая жалоба ваша не останется неудовлетворенною.

Если вы захотите, то въ скоромъ времени намъ не придется болѣе выписывать хлѣбъ изъ за моря, и мы будемъ закупать всѣ нужныя овощи у васъ; вамъ это принесетъ несомнѣнную выгоду, а намъ будетъ легче заниматься нашимъ дѣломъ. Тогда я буду совершенно спокоенъ.

И такъ обдумайте хорошенько сказанное мною, передайте все родственникамъ и знакомымъ вашимъ и прибавьте, что я слово свое держу крѣпко и никогда не отступаю отъ него.

Подлинное подписано: командиръ баталіона подполковникъ Савеловъ. Баталіонный адъютантъ поручикъ Майновъ.

V.

Изъ писемъ М. В. Савелова къ брату его Леониду Васильевичу.

I.

11 Февраля 1876. Новокіевское.

Новости, которыя теперь волнуютъ наше общество, двѣ.

1) Великій Князь Алексѣй Александровичъ назначенъ шефомъ моего батальона, и онъ уже не именуется болѣе линейнымъ: первый примѣръ для войскъ Восточной Сибири, почему мною и поданы были телеграммы; копіи прилагаю. Посылая телеграмму Его Высочеству, я послалъ другую министру двора, прося его переслать оную въ Грецію, гдѣ Великій Князь находится въ плаваніи. Офицерство въ восторгѣ; оно приписываетъ это удачному смотру и распространившимся слухамъ даже и въ печати въ нашу пользу; но причина мнѣ хорошо извѣстна. Командующимъ войсками Приморской области пріѣхалъ новый контръ-адмиралъ Эрдманъ, начальникъ Сибирской флотиліи и командиръ портовъ Восточнаго океана; онъ же и губернаторъ. Предпо-

ложеніе и проектъ барона *), что у насъ будетъ отдѣльный командующій войсками, не сбылись. Жить онъ будетъ въ Владивостокѣ, управленіе въ Николаевскѣ; дѣла нашего и потребностей онъ не пойметъ, да и не будетъ заниматься имъ. Пойдетъ неурядица, донесеній хоть не посылай, а тутъ бѣда—нужда во всемъ, уразумѣть же ее по незнанію дѣла и незнакомству съ мѣстными условіями не сможетъ. Вся отвѣтственность ляжетъ на меня. Шутка сказать, 875 нижнихъ чиновъ! Все это, при моемъ характерѣ, принимающемъ все близко къ сердцу, очень меня огорчило. Писемъ отъ васъ не было долго, напала страшная тоска. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ я написалъ къ барону и просилъ его перевести меня въ Красноярскъ, гдѣ открылась ваканція, выставляя, что я не прочь работать, но отсюда я никогда не могу воспользоваться отпускомъ: хотя законъ и предоставляетъ черезъ три года ѣхать на 6 мѣсяцевъ съ содержаніемъ, но въ 6 мѣсяцевъ нельзя проѣхать въ Россію и обратно; что изъ Красноярска я каждый годъ могу ѣздить къ вамъ (20 дней пути), что въ жизни у меня нѣтъ радости другой какъ надежда бывать и видѣть своихъ. Но отвѣтомъ получена телеграмма: «Вслѣдствіе представленія моего Государь Императоръ удостоилъ васъ назначеніемъ Великаго Князя Алексѣя шефомъ ввѣреннаго вамъ баталіона». Я понялъ, что меня отсюда пустить не желаютъ. Разумѣется, въ просьбахъ о себѣ и подчиненныхъ обращаться прямо къ Великому Князю много значитъ, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующемъ году онъ будетъ въ нашихъ моряхъ; но и высидѣть здѣсь долго обойдется дорого. Я посѣдѣлъ за этотъ годъ.

2) Отъ эмигрантовъ изъ Кореи дошли слухи, что Японія объявила войну Кореѣ. Какая моя будетъ роль, не знаю. Можетъ случиться, поставятъ на военное положеніе. Интересно, добьются ли того, чтобы Корея открылась для иностранцевъ.

2.

Отъ 11-го Іюня 1876 года, изъ Южно-Усурійскаго края.

Чтó вамъ сказать про себя? У меня лѣтніе сборы, занятія идутъ усиленно, съ 5-ти часовъ утра на ногахъ и большую часть дня на конѣ; жду инспектора генерала Маныкина - Невструева. Какъ на зло, погода стоитъ ужасная, двѣ недѣли не видимъ солнца; самый густой туманъ, который осаживается крупными каплями на подобіе дождя и называется здѣсь *бусы*; настоящее время напоминаетъ нашу самую неприглядную осень, слякоть и сырость ужасная, платье и сапоги зеленѣютъ въ одну ночь.

---

*) Фредерикса, генералъ-губернатора Восточной Сибири. Л. С.

Кромѣ того, на душѣ такъ скверно! По нынѣшней повѣркѣ за прошлый мѣсяцъ оказалось растраты у командира 1-й роты 800 рубл., у завѣдующаго офицерскою столовой 540 рубл. Что дѣлать! Оба, два года только на службѣ, окончили въ Московскомъ Военномъ Училищѣ. Причиною растраты 1-го баба-солдатка, на которую въ три мѣсяца истратилъ 1.200 р., 2-го небрежность. Погубить ихъ легко, но жаль; все думаю, какъ выйти изъ этого обстоятельства. Ужасно трудно здѣсь командовать: старые офицеры (ихъ очень осталось немного, повыгналъ) большей частью необразованы, пьютъ и негодны къ службѣ по настоящимъ требованіямъ; молодежь прилична, подготовлена къ дѣлу хорошо, но не умѣетъ обращаться съ казенными деньгами и прогараетъ часто. Какъ ни слѣдишь, но иногда это такъ является быстро, что мѣръ принять не успѣешь. Такъ это время мнѣ грустно и тяжело, что если бы не надежда увидать васъ и сына и убѣжденіе, что я въ жизни буду еще ему необходимъ, то право лучше сознаться, что жить незачѣмъ. Мнѣ и теперь приходитъ часто на мысль какъ милостива судьба, давшая смерть: этотъ отдыхъ вѣчный.

Казармы наши почти развалины; просилъ денегъ на ремонтъ, отказали и увѣдомили, что вслѣдствіе моего проекта утверждена новая дизлокація: батальонъ переходитъ на жительство во Владивостокъ, гдѣ намѣрены начать постройку казармъ, для чего выслать по требованію инженеровъ 300 рабочихъ.

Сообщилъ **Л. М. Савеловъ.**

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви Преображенія Господня, что̀ въ Пушкаряхъ на большой Срѣтенской улицѣ, за городомъ.

(Сергія въ Пушкаряхъ).

На наружной сѣверной стѣнѣ:

„1753 года, Ноября 15 дня, въ 8 часу пополудни, преставися раба Божія, сея церкви священника Ѳеодора Петрова жена Агрипина Иванова, а житія ся отъ роду было 62 года съ половиною, а въ замужествѣ была 25 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ..... дня.

Кто жъ, мимо ходя, сію цку хощетъ читати,
Молю за мя грѣшную поклонъ Богу дати.
Адскаго мученія буду избавлена,
И да не устрашитъ мя вѣчная геена“.

Въ церкви Введенія Пречистыя Богородицы, что̀ на Срѣтенской улицѣ, въ Псковичахъ, въ Опасовичахъ.

(На углу Б. Лубянки и Кузнецкаго моста).

Въ Троицкомъ придѣлѣ на правой сторонѣ у стѣны:

1) „Въ надеждѣ живота вѣчнаго, на семъ мѣстѣ почиваетъ князь Василій Петровичъ Хованскій, сынъ боярина князя Петра Ивановича и княгини Анны Кондратьевны, рожденъ 1694 года Генваря 23 дня. Въ теченіе жизни своей Государю Императору Петру Великому и отечеству многими трудами въ морскомъ флотѣ, чрезъ 13 лѣтъ, оказывалъ ревностную службу, потомъ при дворѣ дочери Его Величества Государыни Цесаревны Анны Петровны камеръ-геромъ и шталмейстеромъ въ удовольствіе Государыни своей съ похвалою, и черезъ 9 лѣтнее потомъ время совѣтникомъ въ Адмиралтействѣ служилъ, и наконецъ отъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны ко двору дѣйствительнымъ камеръ-геромъ, надъ магистратомъ оберъ-президентомъ и кавалеромъ Его Высочества Государя Великаго Князя ордена Св. Анны учрежденъ, еже справляя рачительно, 1746 года 9 дня Декабря, въ полъ 10 часа по полудни, со всѣми христіанскими таинствы, чрезъ осмидневную горячку, душу возвратилъ своему Создателю. Житія его было 53 года, 11 мѣсяцевъ и 9 дней; мужъ былъ двухъ женъ и отецъ 18 дѣтей“.

---

*) См. выше, стр. 279.

Снаружи на стѣнѣ:

2). „1748 году Октября 5 числа по полуночи въ 3 часу, въ день св. мученицы Харитины, преставися раба Божія генералъ-лейтенанта и кавалера Михаила Семеновича Хрущова жена его Ксенія Ивановна дочь, отъ рожденія имѣла 54 года, тезоименитство ея Генваря 24 дня, погребена противъ сей надписи“.

3). „1735 года Августа 25 числа, по полуночи въ 6 часу, преставися раба Божія полковница Анастасія Алексѣевна Полуектова“.

4). „1763 году Марта 27 дня по полудни въ 4 часу преставися раба Божія вдова попадья Татьяна Аѳонасьева, а житія ея было 31 годъ и 2 мѣсяца; да 1769 году Апрѣля 12 дня въ 8 часу по полудни преставися рабъ Божій Главнаго Магистрата ревизоръ Цалаевъ, а житія его было 27 лѣтъ съ половиною, и погребены противъ“.

5). „Лѣта 7198 Марта въ 1 день преставися раба Божія боярина Ѳеодора Петровича Салтыкова, жена его Екатерина Ивановна“.

Въ церкви св. священномученика Панкратія, что̀ въ Панкратьевской слободѣ (Настоящая Происхожденіе Честныхъ древъ Животворящаго Креста Господня).

(Близъ Сухаревой башни).

На южной наружной стѣнѣ:

„1753 года Ноября 16 дня, на память Св. Апостола и Евангелиста Матѳея, волею Божьею преставися рабъ Божій отрокъ Іоаннъ Львовъ сынъ Глѣбовскій, отъ рожденія 13 лѣтъ, а ангела его день Іюня 2, св. великомученика Іоанна Бѣлоградскаго новаго мученика, погребенъ Ноября 22 дня“.

Въ церкви Св. Николая, что̀ у Большого Креста у Ильинскихъ воротъ. (Настоящая Успеніе Божіей Матери).

На алтарныхъ стѣнахъ:

1). „Близъ сего храма Святителя Николая, называющагося Большой Крестъ, въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ, погребено тѣло государственной Коллегіи Економіи канцеляриста Ѳеодора Ивановича Коновалова, скончавшагося Ноября 7-го 1766 года, отъ роду его 33 лѣтъ“.

2). 1746 году Мая противъ 14 числа, на память святаго мученика Исидора, преставися рабъ Божій іерей Козма Ивановъ церкви Московскаго торговища, дѣвичья монастыря, и погребенъ при церкви у Николы чудотворца Большой Крестъ, противъ сего алтаря и подписи, а житія ему было отъ роду 32 года и .... мѣсяцевъ“.

3). 1747 года Сентября 25 числа по полудни 10 часа преставися рабъ Божій священникъ іерей Іоаннъ Агаѳоновичъ, а время его святительства 33 года, а житія его было отъ рожденія 70 лѣтъ“.

4). „1748 году мѣсяца Генваря 11 числа преставися раба Божія .... Ларіонова, отъ рожденія ей было .... лѣтъ, и погребена противъ сей надписи“.

Въ церкви Вознесенія Господня (бывшій Варсонофьевскій дѣвичій убогій монастырь на Рождественской улицѣ, на рву, въ приходскую церковь обращенъ въ 1765 году).

1). „Родъ Пушкиныхъ. Лѣта 7168 году преставися рабъ Божій стольникъ Петръ Петровичъ Пушкинъ, а въ двусотомъ году Февраля 12 числа преставися сынъ его рабъ Божій стольникъ Петръ Петровичъ Пушкинъ, отъ рожденія житія его было 48 лѣтъ".

Въ нижней церкви въ алтарѣ:

2). „7199 году Мая въ 4 день, на память святыя преподобномученицы Пелагіи, преставися рабъ Божій младенецъ Алексѣй, сынъ думнаго дворянина Василія Лаврентьевича Поршеникова".

3). „7210 году Ноября въ 15 день преставися бояринъ князь Григорій Аѳонасьевичъ Козловскій.—195 году Сентября въ 21 день преставися князь Михаилъ Григорьевичъ.—190 году Февраля въ 25 преставися князь Ѳеодоръ Григорьевичъ—206 году Мая въ 31 день преставися княгиня Агриппина Михаиловна, дочь князя Михаила Григорьевича Козловскаго.—1712 г. Іюня 15 преставися княгиня Екатерина Васильевна, жена стольника князя Семена Михайловича Козловскаго".

На сѣверной сторонѣ на столбѣ:

4) „1723 года Марта въ 28 день преставися рабъ Божій Константинъ, житія 23 лѣта.—1727 году Генваря въ 4 день преставися раба Божія Наталья, Константину оному сестра, житія ея . . . . лѣта 4 мѣсяца, 12 дней".

5) На погостѣ церковномъ лежитъ большой камень, надпись на немъ попорчена; была возможность прочесть, что въ 1742 году подъ нимъ погребено тѣло купца Струговщикова.

Въ церкви Трехъ Святителей на Кулишкахъ.

(Близъ Хитрова рынка).

На наружныхъ алтарныхъ стѣнахъ:

1) „7169 Марта въ 10 день преставися рабъ Божій Тимоѳей Степановичъ Владыкинъ.—Лѣта 7167 Февраля въ 7 день убіенъ бысть рабъ Божій Іосифъ Тимоѳеевичъ Владыкинъ".

2) „Лѣта 7161 Октября въ 16 день преставися раба Божія стольника Ивана Павловича Акинѳова жена его Устинія Васильевна".

3) „Лѣта 7156 Февраля въ 4 день преставися раба Божія Татіана Андреева жена Павловича Акинѳова, Ѳедора, дочь Елагина".

4) „Лѣта 7162 Іюля въ 31 день преставися раба Божія Евдокія Леонтьева дочь Андреева сына Акинѳова Васильева дочь Петрова сына Безобразова; далѣе младенцы малые".

На южной стѣнѣ: 5) „Противъ сего мѣста лежитъ тѣло сея святыя церкви іерея Филиппа Васильевича, преставися онъ 1708 году Марта 23, погребенъ того жъ Марта 25 дня, отъ рожденія своего, поживе 30 лѣтъ и 4 мѣсяца".

6) „Лѣта 7189 году Августа противъ 6 числа, на торжество святого боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, преставися рабъ Божій Петръ Іесеевъ сынъ Паюсовъ, а погребенъ на семъ мѣстѣ; по немъ же погребены внучата его младенцы Наталія, Софія, Іоаннъ, Максимъ и Анастасія, Василій, Григорій, Татіана, Алексѣй, Ирина, Анна, Петръ, Иродіонъ.—1705 году Ноября противъ 28 числа, на память преподобнаго отца нашего Степана Новаго, преставися рабъ Божій подъячій Иванъ Петровъ сынъ Паюсовъ".

Въ церкви Св. Николая Подкопаева, что на Кулишкахъ,

(нынѣ Александрійское подворье, близъ Солянки).

1) „Прямо противъ сего мѣста отъ стѣны полтора аршина, положено тѣло господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сенатора, Главной Соляной Конторы главнаго судьи и ордена Св. Анны кавалера Стефана Өеодоровича Протасова, рожденіе его 1703 года Декабря 15 числа, на память св. архіепископа Стефана Сурожскаго, и тезоим. того жъ числа; преставися отъ житія сего 1767 года Мая 16 числа, а всѣхъ лѣтъ житія его 63 года и 5 мѣсяцевъ".

На погостѣ на камнѣ: 2) „Лѣта 7200 года Апрѣля въ 21 день преставися раба Божія Анастасія Андреева Тимоөеева жена Христофора Максимова Ермилова".

Въ церкви Живоначальныя Троицы, что на Хохловкѣ, въ Старыхъ Садѣхъ.

1) „Лѣта 7206 года Марта въ 20 день въ 5 часу, на память преподобнаго Илларіона Милостиваго, преставися раба Божія Евдокія Ивановна стольника..... Өеодоровича Шишкина и погребена вшедъ въ трапезу направо, подлѣ перваго окна отъ входа".

2) „1734 году Мая 14 дня, по полудни въ 7 часу, преставися раба Божія бригадира Ивана Михайловича Грекова супруга его Өекла Ивановна, родилась въ 1685 г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, тезоим. Сентября 24 дня, а житія ея отъ рожденія 49 лѣтъ, и погребено тѣло ея противъ сей доски".

3) „1760 году Мая 24 дня пополуночи въ 1 часу, преставися раба Божія артилеріи генералъ-лейтенанта и ордена Александра Невскаго кавалера Ивана Өеодоровича Глѣбова дщерь его, дѣвица Варвара Ивановна, родилась въ 1741 году Октября 12 дня пополудни въ 4 часу, а тезоим. Декабря 4 дня, а житія ея отъ рожденія было 18 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, и погребено тѣло ея противъ сей доски".

4) „Лѣта 7117 году Ноября въ 18 день преставися рабъ Божій Даніилъ Моисеевичъ Глѣбовъ.—144 года Марта 27 дня преставися раба Божія Прасковья Андреевна Данилова, жена Моисеевича Глѣбова.—157 году Ноября въ 21 день преставися раба Божія Марія Даніилова же жена Моисеевича Глѣбова, князь Никитина дочь Юсупова.—160 году Генваря въ 25 день преставися раба Божія Прасковья Миронова дочь Вельяминова Никитина, жена Даниловича Глѣбова".

5) „Лѣта 1702 году Сентября въ 9 день преставися рабъ Божій стольникъ Никита Даніиловичъ Глѣбовъ и погребенъ противъ сей подписи, а житія его было 77 лѣтъ“.

6) „Лѣта 1705 году Октября въ 30 день преставися раба Божія стольника Іоанна Никитича Глѣбова, жена его вдова Марія Ивановна, а погребена на семъ мѣстѣ“.

7) „Лѣта 1705 году Августа въ 22 день преставися рабъ Божій стольникъ Иванъ Никитичъ Глѣбовъ, а погребенъ противъ сей подписи, а житія его было 39 лѣтъ“.

8).... „Іюня въ 29 день преставися раба Божія Ираида Семенова дочь“.

9) „1700 года Апрѣля въ 7 день, на память преподобнаго отца Георгія епископа Милитинскаго, рабъ Божій дому стольника Ѳеодора Козмина Лопухина, человѣкъ его Гавріилъ Дороѳеевъ сынъ Поляковъ, а погребенъ противъ сей подписи“.

На южной церковной наружной стѣнѣ, закрытой чуланомъ, къ ней пристроеннымъ:

10 „...... мѣстѣ въ семъ мѣстѣ въ основаніи сея церковныя ...... Богъ погребена .... возлюбленнаго своего и избраннаго сосуда живущаго въ мірѣ семъ и страсѣ Божіи ...... житія дѣвственной чистотѣ дѣвицы Неонилы, дщери окольничьяго Ильи Ивановича Чирикова. Божественнаго насыщася пріобщенія Духомъ Святымъ, неуклонное возыме всегда .... къ нетлѣннымъ улучити желая, вѣчную жизнь, чистое житіе и вѣнецъ имѣя, еже паче ума дѣлы совершая непрестанно, читая божественное писаніе и не бо плоти и крови ревновахъ пожити, но желая Христова царствія, не жила есть плоти, но Богу и Духу, имъ же питаяся и кончину свою матери и сущимъ окрестъ себѣ провозвѣщая. И помази ея духъ чистымъ и пресвятымъ елеемъ радости, преславно дарованіемъ множества украси. Дѣва Неонила, дѣвамъ одобреніе и побѣда, ее же преселилъ Богъ отъ мірскаго сего мятежа въ вѣчный покой, отъ сотворенія міра въ лѣто 7203 году мѣсяца Іюня въ 1 день въ часу дня. Житія ея было въ маловременномъ семъ вѣцѣ 14 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ, 4 дня. А мать же ея болярыня вдова Евдокія Аврамовна, дщерь думнаго дворянина Аврама Микитича Лопухина, иже былъ во инопѣхъ схимонахъ Александръ, видя, яко лишися своего чада, съ веліемъ усердіемъ и любовію ото всего сердца своего, вдохновеніямъ вня Духа Святаго, благоволила въ сію св. церковь немалое подаяніе дати отъ сокровищъ своихъ, которое уготовано было ей, и положи начало зданія храма сего святаго во имя Живоначальныя Троицы, яже зовома въ Старыхъ Садѣхъ на Хохловкѣ и въ придѣлѣ Пресвятыя Богородицы честныя иконы Владимирскія, яже начата бысть строити въ лѣта 7204 Апрѣля съ 1 числа, тоя церкви при священникѣ Іоаннѣ Ѳеодоровѣ. Читавый же сіе, боголюбивый всякъ да глаголетъ: Господи, дѣвицу Неонилу упокой со святыми Твоими во царствіи небеснѣмъ“.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ за 1895 годъ.

Исторія Смоленской земли до начала XV в. проф. П. В. Голубовскаго. „Кіевскія Унив. Изв.“ Январь.

Первая глава этого изслѣдованія помѣщена въ 9 и 10 книжкахъ того же журнала прошлаго года. Вторая глава посвящена промышленности и торговлѣ; обстоятельно разбирается „Смоленская торговая правда“, т. е. торговый договоръ между Смоленскомъ, Ригой и Готландомъ, заключенный въ 1229 году.

Древнерусскія свадьбы. Царскія свадьбы. **Г. Георгіевскаго.** „Русское Обозрѣніе“. Февраль.

Обстоятельное описаніе обрядовой стороны свадьбы Московскихъ царей.

Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. II. П. А. Кулиша. „Русское Обозрѣніе“. Февраль.

Въ этой части статьи дѣло идетъ о Буджацкой ордѣ, о нашествіи Татаръ подъ начальствомъ Кантемира и о побѣдахъ, одержанныхъ надъ нимъ гетманомъ Конецпольскимъ на Поплавницкомъ полѣ. Описаніе Татарскаго набѣга сдѣлано съ мастерствомъ необыкновеннымъ. Бить Татаръ, писалъ Жолкевскій въ 1618 году, все равно, что бить летающихъ по воздуху птицъ. Случается иногда застрѣлить нѣсколько птицъ на воздухѣ. То самое надобно сказать и о Татарахъ. Но разбить ихъ на голову — impossibile impossibilium.

Водвореніе новыхъ литературныхъ формъ. Первая половина XVIII в. Повѣсть, драма, лирика. **А. Н. Пыпина.** „Вѣстникъ Европы“. Февраль.

Правительственное признаніе науки открыло просторъ любознательности, началось живое воздѣйствіе западныхъ вліяній. Новая литература не была измѣной народности, но стремленіемъ развить ея силы въ болѣе широкомъ горизонтѣ мысли и въ бо̀льшемъ богатствѣ языка; воспринятіе новыхъ литературныхъ формъ было неизбѣжно, но исканіе ихъ восходитъ къ письменности XVII и даже XVI в. Положеніе свое г. Пыпинъ подтверждаетъ изслѣдованіемъ древней Русской повѣсти и театра. Никакого перерыва литературной традиціи не было. До самой второй половины XVIII столѣтія мы видимъ съ одной стороны прямое продолженіе старинныхъ книжныхъ обычаевъ и преданій. Къ этой старинѣ постепенно присоединяются, не вытѣсняя ея, новыя переводныя произведенія съ ясною печатью времени Петровскаго; въ рядъ съ королевичами являются принцы и кавалеры съ запутанными похожденіями не только богатырскими, но и романическими. Здѣсь было Польское вліяніе, такъ какъ Московская подлинная старина, поглощенная вопросами душевнаго спасенія и церковнаго правовѣрія, и не помышляла даже о возможности такого чтенія. Разсказы эти будили воображеніе, совсѣмъ застывшее въ старомъ книжномъ почитаніи, затрогивали чувство, огрубѣвшее въ нравахъ Домостроя, вообще вводили въ новое настроеніе, походившее на поэзію. Драма была чужимъ растеніемъ, пересаженнымъ на нашу почву; оно освоилось съ этой почвой не раньше, какъ у Фонъ-Визина, но пересадка чужаго растенія была въ первый разъ начата еще въ старой Московской Россіи, и царь

Алексѣй, гонитель народной поэзіи, игръ и т. д., приходилъ въ восторгъ отъ драмы, поставленной протестантскимъ пасторомъ.

Причины слабости литературы этого періода надо искать не въ забвеніи преданій старины, а въ жалкихъ еще условіяхъ Русскаго просвѣщенія общественности.

Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова Арс. Введенскаго. „Р. Бесѣда". Январь.

Созданіе Чацкаго составляетъ величайшую заслугу Грибоѣдова передъ Русскимъ обществомъ.

Изъ прошлаго (1827—43) Н. П. Колюпанова. Продолженіе. Дѣтство и Гимназія. „Русское Обозрѣніе". Февраль.

Живо рисуются крѣпостныя отношенія, которыя, благодаря хорошему нраву отца разсказчика, не представляли ничего ужаснаго, такъ что Н. П. только послѣ встрѣчи своей съ Кавелинымъ сталъ противникомъ крѣпостнаго права. Въ то время, говоритъ онъ, самостоятельный и дѣятельный протестъ, не на словахъ только, могъ возникнуть лишь на искренно-религіозной почвѣ, какъ онъ возникъ у А. И. Кошелева и вообще у славянофиловъ; поэтому онъ и былъ у нихъ несравненно сознательнѣе и ярче, нежели у западниковъ, не смотря на всю гуманность послѣднихъ.

Блестящее положеніе Московскаго университета, во время попечительства Строганова, отразилось и на Костромской гимназіи. Н. П. сохраняетъ самыя теплыя воспоминанія объ учителяхъ и является сторонникомъ классицизма.

Направленія общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія С. Д. Крылова. „Русское Обозрѣніе. Февраль.

Статья живо написана на основаніи книги П. А. Матвѣева „Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями" и двухъ послѣднихъ томовъ (VII и VIII) монументальнаго труда Н. П. Барсукова о Погодинѣ.

Дѣло о погребеніи М. Ю. Лермонтова. „Русское Обозрѣніе". Февраль.

Документъ извлеченъ изъ архива Ставропольской Духовной Консисторіи и любопытенъ въ томъ смыслѣ, что показываетъ отношеніе къ умершему Пятигорскаго общества и духовенства.

А. В. Дружининъ. 1824—1854. III—IX. С. Венгерова (окончаніе). „Вѣстникъ Европы". Февраль.

Эта часть статьи посвящена критикѣ произведеній Дружинина.

„Полинька Саксъ", возбудившая такой восторгъ современниковъ и похвалы Бѣлинскаго за свою необычайную новизну и самобытность, ничто иное какъ беззастѣнчивый плагіатъ Жоржъ-Зандовскаго „Жака".

Значеніе этого произведенія въ томъ, что въ немъ ставится вопросъ „о свободѣ сердца" и проводится народолюбіе самаго серьознаго характера.

„Разсказъ Алексѣя Дмитріевича" съ чисто-художественной точки зрѣнія лучшее произведеніе Дружинина. За то его фельетоны, вопреки мнѣнію Кирпичникова, вызываютъ въ читателѣ печальное недоумѣніе. Въ заслугу могутъ быть поставлены его работы по исторіи литературы и переводы Шекспира. Въ „Письмахъ иногородняго подписчика" Дружининъ смѣшонъ своимъ дэндизмомъ, своимъ щеголеватымъ манерничаньемъ, вѣчнымъ пересыпаніемъ анекдотовъ изъ „Великобританской словесности", своимъ постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ показать, что онъ не профессіональный литераторъ. За то критическія статьи 1856—60 годовъ заслуживаютъ полнаго вниманія; VII томъ, въ которомъ онѣ напечатаны, долженъ быть у всякаго, маломальски интересующагося Русской литературой. Дружининъ является серьезнымъ защитникомъ „чистаго искусства", но въ тоже время и поборникомъ художественной свободы, такъ что, восхищаясь Фетомъ, онъ относится съ полнымъ уваженіемъ и къ Некрасову, потому что „его дидактика сильна и энергична", осыпаетъ похвалами „Губернскіе Очерки" Щедрина за то, что тотъ схватилъ „фактъ, дѣло". Величайшую честь его проницательности

дѣлаютъ статьи о Толстомъ, гдѣ онъ предвѣщаетъ автору „Севастопольскихъ разсказовъ“ великую будущность.

Тургеневъ и Толстой. IV. „Новь“ и типъ нужнаго для Россіи человѣка. Пр. **Д. Овсянинко-Куликовскаго**. „Сѣверный Вѣстникъ“. Февраль.

Слабая сторона „Нови“ скрывается въ предвзятой мысли Тургенева изобразить извѣстное движеніе какъ дѣло небольшой кучки незрѣлой молодежи.

Герой романа не Неждановъ, а Соломинъ, который является лучшимъ образцемъ народнаго человѣка. Если бы у Тургенева было пристрастіе къ генеалогіямъ своихъ героевъ, то Соломина слѣдовало бы произвести отъ Овсянникова.

Н. Н. Ге. IV. Академія художествъ **В. Стасова**. „Сѣверный Вѣстникъ“. Февраль.

Н. Н. Ге, по словамъ Стасова, съ первой молодости слѣпо подчинился извѣстнымъ авторитетамъ и лишь потомъ мало-по-малу началъ отъ нихъ освобождаться; но на словахъ до послѣднихъ дней не переставалъ почитать своихъ прежнихъ фетишей, хотя на дѣлѣ являлся самымъ кореннымъ противникомъ ихъ. Это непритворное самозаблужденіе составляетъ главную сущность его натуры и жизни. Жизнь въ Академіи была не завидна, ученики прислуживали профессорамъ, спали на полу; обученіе шло еще хуже— ни музеевъ, ни библіотеки, ни лекцій не было; музей античныхъ залъ открывался одинъ разъ въ годъ, Эрмитажъ былъ недоступенъ большинству. Руководителями являлись мужики-натурщики. Ге восхваляетъ Брюллова за то, что онъ совершилъ поворотъ къ натурѣ, къ правдѣ; „въ этомъ освобожденіи, говоритъ онъ, заключалась возможность своего, народнаго и свободнаго искусства“. Это мнѣніе идетъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ утвержденіями Крамского. Любопытенъ разсказъ о томъ, какъ Н. Н. Ге поспорилъ съ Брюлловымъ на бутылку пива, что Брюлловскій эскизъ не получитъ перваго №, и Брюлловъ проигралъ.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

Къ статьѣ о Е. П. Глѣбовой („Русскій Архивъ“ 1895, тетрадь 1-я). стр. 99, строка 10, вм. *ихъ* надо *ея*. Стр. 6-я: не надо запятой послѣ слова *декораціи*. Тамъ же, въ характеристикѣ Глѣбовой, спутаны знаки препинанія; надо: „утонченной цивилизаціи и первобытной суровости, Европейской grande-dame и до-Петровской барыни“.

*

Маститый археологъ нашъ, А. А. Мартыновъ, знавшій близко внука Е. П. Глѣбовой, Θедора Петровича Глѣбова, доставилъ намъ нижеслѣдующія строки объ этой статьѣ.

„Въ примѣчаніи, въ концѣ статьи „Елисавета Петровна Глѣбова-Стрѣшнева“ значится, что послѣ ея смерти, по приказанію внука ея, многія серебряныя вещи были уничтожены изъ желанія истребить аристократическія преданія Стрѣшневыхъ. Вѣроятно память на этотъ разъ измѣнила досточтенной сестрѣ Θ. П. Глѣбова (со словъ которой написана эта статья) или до нея дошли въ чужіе края невѣрные слухи. Подобнаго ничего не происходило. Это я могу засвидѣтельствовать, будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ съ Θедоромъ Петровичемъ Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ и бывая у него чуть не каждый день. Напротивъ, онъ любилъ и уважалъ старину Русскую и не промѣнялъ бы свою фамилію „Глѣбовъ-Стрѣшневъ“ ни на графскій, ни на княжескій титулъ“.

12 Января 1895.

состоять изъ пяти[8]), если не изъ шести, полновѣсныхъ томовъ: въ первыхъ двухъ или трехъ *лирическая поэзія*; въ слѣдующихъ по порядку: *басни, сказки, элегіи*, и прочее и прочее до *дистика*[9]). Порядокъ смѣшанъ будетъ съ разнообразіемъ; роды поэзіи отдѣлены одинъ отъ другаго, за то авторы перемѣшаны и отличаются одинъ отъ другаго только именемъ и—слогомъ. Все уже списано и приведено въ порядокъ; остается дополнить нѣкоторыми оставшимися дрожжами изъ журналовъ (и то изъ нѣкоторыхъ, ибо всѣ почти перечитаны). Посылаю тебѣ на апробацію роспись всѣмъ назначеннымъ піесамъ; просмотри ее вмѣстѣ съ Блудовымъ и назначьте то, что́ забыто и что́ выкинуть. Прошу, однако, помнить, что между превосходнымъ я помѣстилъ и посредственное; если піеса написана чистымъ слогомъ, вообще недурна и имѣетъ хорошее, то я принимаю ее безъ зазрѣнія совѣсти, ибо хочу, чтобы въ собраніи моемъ были chefs-d'oeuvres *всѣхъ* нашихъ стихотворцевъ безъ исключенія. Если есть у тебя или у твоихъ знакомыхъ хорошія рукописныя піесы, еще неизвѣстныя или извѣстныя, но мною забытыя, доставь ихъ мнѣ непремѣнно, а я буду благодарить тебя отъ всего сердца. При каждомъ томѣ будетъ портретъ и виньетка. Если это изданіе будетъ принято хорошо, то при второмъ приложу и собственное разсужденіе о разныхъ родахъ поэзіи и прочее [10]); но этому быть еще не скоро. Прозы не будетъ.

Таковъ мой планъ. Я уже уговорился о печатаніи. До сихъ поръ останавливало меня одно: я опасался, не будутъ ли сердиться на меня нѣкоторые матадоры нашей поэзіи, то-есть всего на все *Державинъ* и послѣ него въ большомъ отдаленіи *Крыловъ и Востоковъ* съ компаніею, за то, что я обокралъ ихъ стихи. Кажется, не намѣренъ ихъ обидить, но чѣмъ чортъ не шутитъ. Ты бы много одолжилъ меня, когда бы у перваго *униженно* истребовалъ мнѣ позволеніе повытаскать кое что изъ его сочиненій [11]) и приложить къ сему выбору его портретъ;

---

[8]) „Собраніе" вышло въ пяти частяхъ. Шестая, дополнительная часть, была издана въ Москвѣ, въ 1815 году, Д. А. Кавелинымъ, который подъ предисловіемъ подписался „Пожилой любитель отечественной словесности".

[9]) Въ первую часть Собранія вошли оды; во вторую—оды, пѣсни, романсы и баллады, народныя пѣсни; въ третью—повѣсти, басни, сказки; въ четвертую—посланія, сатиры, элегіи, идилліи, дидактическія и описательныя стихотворенія; въ пятую—смѣсь (мелкія стихотворенія: эпиграммы, мадригалы, дистики и пр; отрывки изъ эпическихъ поэмъ и стихотвореній драматическихъ, которыя—какъ говорится въ предисловіи—не могли быть помѣщены цѣлыя, но также не могли быть и забыты въ Собраніи Русскихъ Стихотвореній" и наконецъ „такія стихотворенія, которыя по содержанію своему не принадлежатъ ни къ какому особенному роду поэзіи").

[10]) Второго изданія Собранія Русскихъ стихотвореній, какъ извѣстно, не выходило.

[11]) Вслѣдствіе просьбы Жуковскаго Тургеневъ въ 1810 году представилъ на одобреніе Державина планъ „Собранія Русскихъ стихотвореній" и испросилъ у него разрѣшеніе помѣстить въ „Собраніи" и нѣкоторыя оды Державина (см. письмо Тургенева къ Державину отъ 11 Апрѣля 1811 года въ Сочиненіяхъ Державина, изд. 2, примѣч. Я. К.

4

а портреты будутъ *Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитріева, Хераскова*, и еще котораго-нибудь изъ матадоровъ; думаю *Богдановича* или *Фонъ-Визина*, хотя послѣдняго стиховъ мало [12]).

По твоему письму кажется мнѣ однако, что ты самъ занимаешься подобнымъ собраніемъ; не помѣшаю ли я тебѣ? Если надобно, я все оставлю и даже могу тебѣ помочь своимъ. Расположи это какъ хочешь; я на все буду согласенъ. Или не возмешь ли на себя одну прозу,—и выдадимъ вмѣстѣ. Ты трудишься по препорученію какой-то *высокой* особы; не можно ли, чтобы и я въ этомъ участвовалъ? Впрочемъ, воля твоя да будетъ. Ты господинъ полновластный моего собранія, и я безъ твоего отвѣта на это письмо не приступлю къ изданію; слѣдовательно изволь отвѣчать немедленно. N. B. По письму твоему вижу, что ты не очень жалуешь Востокова [13]). Грѣшишь, любезный другъ; этотъ человѣкъ съ истиннымъ стихотворческимъ талантомъ. Я предсказываю, что онъ будетъ однимъ изъ хорошихъ нашихъ стихотворцевъ. Надобно ему только очистить слогъ. Въ его стихахъ виденъ человѣкъ съ мыслями, съ чувствомъ, съ воображеніемъ и наполненный духомъ древнихъ. Желаю отъ всего сердца ему образованія и успѣха. Я буду *говорить* объ немъ въ своемъ журналѣ, ибо Каченовскій говорилъ очень недостаточнымъ образомъ о его талантѣ въ своей критикѣ на *Лирическіе его опыты* [14]).

Записки И. Вол. [15]) списываются для тебя, но очень медленно; ибо здѣсь, въ православномъ Бѣлевѣ, нѣтъ переписчиковъ; но я доставлю ихъ тебѣ непремѣнно, въ этомъ будь увѣренъ. Чтó ни говори, но Иванъ Володимировичъ (если забыть только его несчастные и можно

Грота, т. VI, стр. 211). О недоразумѣніяхъ и неудовольствіи, которыя произошли между Державинымъ и Жуковскимъ по выходѣ „Собранія" въ свѣтъ, см. ниже, п. XXXIV.

[12]) Каждая часть „Собранія" украшена виньеткою. Сверхъ того при 1-й части помѣщенъ портретъ Ломоносова, при второй—Державина, при четвертой—Карамзина и при пятой Богдановича. Въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки при третьей части нѣтъ ни виньетки, ни портрета.

[13]) О значеніи, которое имѣла для своего времени стихотворная дѣятельность Александра Христофоровича Востокова (р. 1781†1864), вполнѣ заслоненная его всѣмъ извѣстными учеными трудами по славяно-русской филологіи, и о несомнѣнныхъ заслугахъ его относительно Русской версификаціи см. у Галахова, Историч. христоматія новаго періода Русск. словесности, т. II (Спб. 1861), стр. 183—184, и въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. съ примѣч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. II, стр. 508—509.

[14]) Стихотворенія Востокова, написанныя въ первые годы текущаго столѣтія, вышли въ 1805—1806 гг. особымъ изданіемъ, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ". По поводу первой части „Опытовъ" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1806 годъ (№ 1, стр. 32—42) была помѣщена статья (безъ подписи), въ общемъ сочувственная Востокову. „Критики и читатели"—говорилось въ ней между прочимъ—„найдутъ въ стихахъ г-на Востокова талантъ, вкусъ и знанія". Статья Жуковскаго по поводу стихотвореній Востокова не была написана; по крайней мѣрѣ въ „Вѣстникѣ Европы" 1809 и послѣдующихъ годовъ ея мы не находимъ.

[15]) Т. е. Ивана Владимировича Лопухина.

сказать неизвинительные безпорядки въ отношеніи къ долгамъ) есть человѣкъ необыкновенный, и, прочитавъ его Записки, пожелаешь, чтобы такихъ людей было поболѣе, а для себя сочтешь счастіемъ пользоваться ихъ дружбой. Не читавъ ихъ, я былъ какъ будто въ нерѣшимости, любить ли его или нѣтъ, но, прочитавъ, рѣшилъ къ нему привязаться болѣе и болѣе: разсчитавши все, доброе и необыкновенно доброе превосходитъ въ немъ дурное, а послѣднее имѣетъ источникомъ также доброе. Впрочемъ, не все въ его Запискахъ мнѣ нравится, и онѣ были бы плодовитою матеріею для нашихъ съ тобою разговоровъ. (Ахъ, если бы ты могъ пріѣхать въ Генварѣ въ Москву, какое было бы для меня счастіе! Подумай объ этомъ). Но возвратимся къ Ивану Володимировичу. Не послать ли мнѣ ему твоего письма, въ которомъ ты говоришь о разстройствѣ, причиняемомъ тебѣ его неплатежемъ вашего долга [16])? Это могло бы послужить вмѣсто твоего съ нимъ объясненія.

Я надѣюсь, что ты непремѣнно доставишь мнѣ бюстъ Ивана Петровича [17]). Этотъ подарокъ будетъ для меня очень важенъ. Также хотѣлось бы мнѣ очень, чтобы ты прислалъ мнѣ журналъ брата Андрея [18]); это единственный памятникъ, который напоминаетъ или, лучше, изображаетъ его (ибо нужно ли напоминать объ немъ?) весьма живо. Ты много, много бы одолжилъ меня этимъ. Разумѣется, я прошу только *списка*.

Вышла ли *Поликсена* [19])? Доставь ее мнѣ поскорѣе. По дурной критикѣ, напечатанной въ *Цвѣтникѣ* [20]), заключаю, что планъ этой

---

[16]) См. выше, напечатанныя въ примѣчаніи 4-мъ къ письму XVIII-му письма къ А. И. Тургеневу его матери и брата Сергѣя.

[17]) Тургенева, отца Александра Ивановича.

[18]) Этотъ журналъ найдется развѣ во Франціи въ бумагахъ Н. И. Тургенева П. Б.

[19]) Трагедія В. А. Озерова, представленная въ первый разъ 14 Мая 1809 года. Она не имѣла такого успѣха, какъ прежнія трагедіи Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“ (1804) и „Фингалъ“ (1805). Печатное изданіе „Поликсены“ вышло въ томъ же 1809 году.

[20]) Статья по поводу представленія на театрѣ „Поликсены“ появилась въ № 5 „Цвѣтника“ за 1809 годъ (журнала, издававшагося А. Е. Измайловымъ и П. А. Беницкимъ), стр. 255—272. „Много есть прекраснаго и въ сей трагедіи“, говорится въ этой статьѣ (стр. 255); „характеры выдержаны очень хорошо“ (стр. 259); „стихи въ трагедіи не вездѣ хороши. Есть довольно ошибокъ противъ языка, низкихъ и странныхъ выраженій. Весьма желательно, чтобы г-нъ сочинитель исправилъ всѣ таковыя погрѣшности, портящія прекрасную его трагедію“ (стр. 270). Озеровъ считалъ „Поликсену“ лучшимъ своимъ произведеніемъ, и неуспѣхъ ея имѣлъ неблагопріятныя послѣдствія для его здоровья. Равномѣрно и князь П. А. Вяземскій въ статьѣ „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова“ (Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I (Спб. 1878), стр. 47—48 и 59—60) признаетъ „Поликсену“ лучшею трагедіею Озерова. Въ припискѣ къ этой статьѣ князь Вяземскій, между прочимъ, приводитъ нравившуюся ему небольшую выдержку изъ „Фингала“ (слова Моины), оканчивающуюся стихами:

Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!

4*

трагедіи очень простъ и отзывается древностію. Между приведенными стихами въ примѣръ есть прекрасные, но мало. Озеровъ съ великимъ талантомъ и чувствомъ. Я безпрестанно ссорюсь за него съ Карамзинымъ, который называетъ Фингала дрянью. А Фингалъ дѣлаетъ честь нашей поэзіи: три прекрасныхъ характера, Моины, Фингала и особливо *Старна*, который весь принадлежитъ Озерову, ибо въ хорошихъ Французскихъ трагедіяхъ я не знаю ни одного *мстительнаго отца*.

Ты хочешь, чтобы я прислалъ тебѣ *полную* роспись моихъ произведеній (!!) въ стихахъ и прозѣ и переводовъ для помѣщенія обо мнѣ извѣстія въ вашемъ обозрѣніи. Hélas! Pauvre Jacques! Je sens trop fort ma misère [21]). Пусть скажутъ: онъ перевелъ *Донъ-Кишота* [22]), но *какъ* перевелъ ни слова, ибо.........[23]), и что сего творенія будетъ скоро напечатано второе изданіе [24]), *кое-какъ* поправленное; всѣ же прочія подѣлки мои заключены въ «Вѣстникѣ», начиная отъ *Карамзина* до *Жуковскаго*. Вотъ и все. Къ Мерзлякову пиши самъ объ этомъ, потому что мнѣ весьма лѣнь.

Прошу прислать мнѣ примѣры *стихотвореній Буниной* [25]), Письмо къ Нижегородскому помѣщику и Les treize journées de Gagarine [26]).

О возвращеніи своемъ [27]) еще не знаю, въ Октябрѣ или въ Декабрѣ. Тогда напишу, если не полѣнюсь, или заставлю написать тво-

---

Тамъ, каждый валъ въ дали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,

и замѣчаетъ: „Жуковскій особенно цѣнилъ два послѣдніе стиха; но за то ужасно сердился за два слѣдующіе, въ которыхъ валъ, опустясь къ глубокому песку, разливалъ по сердцу Моины тоску“ (стр. 59). Пушкинъ, по словамъ князя Вяземскаго, не любилъ Озерова и не признавалъ въ немъ никакого дарованія (стр. 55).

[21]) Т. е. Увы! Бѣдный Жакъ! Я слишкомъ чувствую свою нищету.

[22]) Первое изданіе сдѣланнаго Жуковскимъ перевода Донъ-Кихота (во Французской передѣлкѣ Флоріана) вышло въ Москвѣ въ 1804—1806 гг. (подъ заглавіемъ: Донъ-Кишотъ Ла Манхскій), въ шести небольшихъ томикахъ. Находящіяся въ переводѣ шестнадцать стихотвореній помѣщены отсюда въ 8-мъ изданіи Сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, т. I, стр. 37—45; тамъ же, стр. 506, напечатаны два стихотворныхъ отрывка, продолжающіеся въ прозаическомъ изложеніи романа.

[23]) Точки въ подлинникѣ.

[24]) Второе изданіе перевода Донъ-Кишота явилось въ 1815 году.

[25]) Анна Петровна Бунина (р. 1774†1829), пользовавшаяся въ свое время довольно большою извѣстностью. О ней см. Геннади, Справочный словарь, т. I, стр. 116.

[26]) Сочиненіе генералъ-адъютанта князя Павла Гавриловича Гагарина „Les treize journées ou la Finlande“, въ которомъ описывается путешествіе императора Александра I въ 1809 въ Финляндію, для присутствія на Боргоскомъ сеймѣ. Кн. Гагаринъ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Государя въ этой поѣздкѣ. Въ томъ же году вышелъ въ Москвѣ Русскій переводъ этой книжки князя Гагарина такъ же, какъ и оригиналъ, безъ означенія имени автора.

[27]) Въ Москву отъ родныхъ.

его Сергѣя [28]), съ которымъ надобно познакомиться покороче. A propos: пишетъ ли Николай? [29]) Нѣтъ ли чего въ его письмахъ годнаго для Вѣстника? И что Андрей Сергѣевичъ? [30]) Я видѣлъ послѣдняго въ проѣздъ его черезъ Москву: добрый малой, все тотъ же; надобно, чтобъ онъ навсегда остался нашимъ. Скажи ему это, когда будешь писать. Я обнимаю его отъ всего сердца, и тебя, и Блудова, которому должно безъ всякихъ околичностей вѣрить моей истинной дружбѣ. Прошу васъ, братцы, любите вашего Жуковскаго, — вашего всегда, всегда и отъ всего сердца.

Я получилъ отъ Петра Петровича Тургенева [31]) письмо. Въ концѣ его стоитъ слѣдующее: *чтó говорю и пишу, отъ того не отрекусь: Александръ мой влаяйся волнамъ житейскимъ.* Чтó это значитъ?

XXI.

Въ началѣ Апрѣля (1810, Москва).

Благодарю тебя за письмо твое, любезный и истинно любимый другъ. Спѣшу исполнить твое порученіе о Копецкомъ, котораго, надобно тебѣ знать, совсѣмъ не знаю. Я видѣлъ его всего на все одинъ разъ у Карамзина и еще когда-то, за нѣсколько вѣковъ передъ симъ, у Баккаревича [1]). Все это еще не даетъ мнѣ права рекомендовать его Дмитріеву [2]). Впрочемъ, и нельзя мнѣ присылать никого къ Дмитріеву съ моими рекомендательными письмами: ты знаешь его щекотливость; но я говорилъ о Копецкомъ Карамзину, который и хочетъ написать объ немъ И. И. [3]). Онъ не берется утверждать, что К(опецк)ій человѣкъ по всѣмъ отношеніямъ хорошій, ибо онъ его знаетъ еще меньше меня; но онъ будетъ просить Дмитріева, чтобъ онъ его принялъ и постарался сдѣлать ему возможное добро. Я же съ моей

---

[28]) С. И. Тургенева.

[29]) Н. И. Тургеневъ находился въ это время въ Геттингенѣ.

[30]) Кайсаровъ.

[31]) Родной дядя А. И. Тургенева.

*

[1]) Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ былъ преподавателемъ словесности и помощникомъ инспектора въ Московск. Универс. Благородномъ Пансіонѣ. Впослѣдствіи служилъ по Морскому Министерству, помощникомъ статсъ-секретаря Государств. Совѣта и по Министерству Полиціи. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1820 году (о немъ см. Геннади, Справочный Словарь, т. I, стр. 59—60).

[2]) И. И. Дмитріевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи въ Январѣ 1810 года.

[3]) Ивану Ивановичу (Дмитріеву). Карамзинъ 10 Апрѣля 1810 года писалъ И. И. Дмитріеву, между прочимъ, слѣдующее: „Недавно узналъ я одного молодаго человѣка, именемъ Копецкаго, служившаго въ Таганрогѣ, при Кампенгаузенѣ. Онъ очень не глупъ, хорошо учился и пишетъ складно. Не можешь ли употребить его съ пользою? Онъ просилъ у меня одобрительной записки къ тебѣ, съ которою, думаю, и явится къ вашему превосходительству. Тургеневъ также весьма хорошихъ объ немъ мыслей. А вамъ, министрамъ, люди надобны". (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составл. Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ (Спб. 1866), стр. 127).

стороны прилагаю здѣсь письмо къ Сѣверину [4]), съ которымъ пускай пойдетъ самъ Копецкій. Сѣверинъ поможетъ ему дойти до Дмитріева, а тотъ уже вѣрно сдѣлаетъ ему добро. Ты жалуешься на мое молчаніе, а я жалуюсь на твое. Мы квиты! Но ни я, ни ты не будемъ никогда вѣрно жаловаться на обоюдную нашу холодность другъ къ другу, ибо этого съ нами никогда случиться не можетъ. Я не менѣе тебя, милый другъ, жалѣю о нашихъ потерянныхъ Аѳинскихъ вечерахъ; но какъ быть! Подождемъ до будущаго года,—мы будемъ вмѣстѣ

И дружбой, и любовью жить,
Изъ чаши Вакховой забвенье жизни пить,
Искать добро, какъ мы его искали прежде,
И горемъ не скучать, безсмертія въ надеждѣ.

Прощай. Жуковскій.

Ты и забылъ написать ко мнѣ, какъ зовутъ Копецкаго. То-то аккуратный человѣкъ! Я радъ заочному знакомству съ Уваровымъ [5]) и прошу тебя рекомендовать ему меня отъ моего имени. Батюшковъ [6]) тебѣ кланяется.

XXII.

Бѣлевъ. 1810-го, Іюля 11.

Пишу къ тебѣ это письмо, любезный и первый другъ мой, только для того, чтобы обременить тебя нѣкоторыми комиссіями, которыхъ всего на все двѣ. Первая: прислать мнѣ, если можно, Шлёцерова *Нестора* [1]), Гебгартово, Машево и Тунмановы сочиненія [2]) о нравахъ древнихъ Славянъ (титула сихъ книгъ не знаю, но слышалъ объ нихъ

---

[4]) Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (р. 1791 † 1865), членъ „Арзамаса", гдѣ онъ носилъ прозвище Рѣзвый Котъ, въ 1807 году поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ; затѣмъ въ 1809 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а въ 1811 году перешелъ на службу въ Коллегію Иностр. Дѣлъ и потомъ посвятилъ себя исключительно дипломатической дѣятельности; съ 1837 г. онъ состоялъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.—Въ Импер. Публичной Библіотекѣ хранятся неизданныя письма къ нему Жуковскаго, относящіяся къ позднѣйшему уже времени (1849 г.).

[5]) Сергѣемъ Семеновичемъ, который въ это время былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Нѣсколько писемъ его къ Жуковскому (съ 1811 по 1845 г.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года, ст. 0157—0170.

[6]) Константинъ Николаевичъ. Знакомство его съ Жуковскимъ относится къ началу 1810 года. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 73, 76—77 и 81).

*

[1]) Этотъ извѣстный трудъ знаменитаго Августа Шлёцера вышелъ въ пяти томахъ въ Геттингенѣ, въ 1802—1809 гг.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду труды: Нѣмецкаго ученаго Gebhardi (†1802) „Geschichte aller wendisch-slawischen Staaten" (4 тома, Галле, 1790—1797 гг.), пастора Маша (Masch, † 1807) „Die gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollenzer-See erläutert" (Берлинъ, 1771) и Шведскаго историка и археолога Тунманна

отъ Карамзина, и теперь имѣю въ нихъ нужду). Очень много одолжишь, а возвращу эти книги тебѣ непремѣнно самолично, ибо имѣю намѣреніе быть въ Петербургѣ. Но только поспѣши исполнить эту коммиссію поскорѣе, за что̀ весьма буду тебѣ благодаренъ. Вторая комиссія состоитъ въ томъ, чтобы ты попросилъ отъ себя и отъ меня Михаила Дмитріевича Костогорова [3]) о докторѣ Мухинѣ [4]), который былъ чѣмъ-то въ Медико-Хирургической Академіи и теперь желаетъ, послѣ разрушенія этой Академіи [5]), получить какую-нибудь награду, а Михаилъ Дмитріевичъ можетъ попросить за него доктора В.... [6]), у котораго онъ служитъ [7]) и отъ котораго эта награда зависитъ. Вотъ и все. О себѣ скажу тебѣ, моему истинному другу, что я, при всемъ неописанномъ молчаніи моемъ, привязанъ къ тебѣ по прежнему всею душею, какъ къ моему брату и вѣрному товарищу въ жизни. Надѣюсь, что мы не все будемъ жить въ отдаленіи одинъ отъ другаго. Я привезъ сюда въ Бѣлевъ письма твои и брата Андрея, перечитываю ихъ иногда и, кажется, съ бо̀льшимъ чувствомъ, нежели даже въ то время, когда ихъ получалъ: теперь къ прежнему сладкому чувству присоединяется и горестное чувство вѣчной потери. Скажу, однако, что я никого никогда не любилъ такъ, какъ твоего или, лучше, нашего незабвеннаго друга и брата. Ты по немъ первый. Сказать ли, кого еще я полюбилъ гораздо живѣе прежняго, но полюбилъ, разставшись съ нимъ?—Твоего брата Сергѣя! Прекрасное сердце! Я былъ у твоей матушки, надѣясь еще его застать (въ это время я жилъ у Ка-

---

(Thunmann, † 1778) „Untersuchung über die alte Geschichte einiger nordischen V lker" (Берлинъ, 1772) и „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker" (Лейпцигъ, 1774). На всѣ эти труды ссылается Карамзинъ въ своей „Исторіи".

[3]) М. Д. Костогоровъ занималъ въ это время должность секретаря при президентѣ Медико-Хирургической Академіи.

[4]) Ефремъ Осиповичъ Мухинъ (р. 1766 † 1850), знаменитый врачъ, былъ профессоромъ патологіи и терапіи, а затѣмъ анатоміи и физіологіи въ Московскомъ отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи, а впослѣдствіи также профессоромъ Московскаго университета.

[5]) Учрежденная въ 1799 году Московская Медико-Хирургическая Академія въ 1804 году была присоединена къ такой же Петербургской Академіи; въ 1808 году снова была открыта какъ Московск. отдѣленіе Медико-Хирург. Академіи. 20 Мая 1810 года состоялся Высочайшій рескриптъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія о передачѣ Мед.-Хирург. Академіи въ вѣдомство министерства народн. просвѣщенія и объ упраздненіи Московскаго ея отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы воспитанники этого отдѣленія были распредѣлены по университетамъ. Но затѣмъ особый комитетъ, образованный для разработки предположеній по послѣднему вопросу, высказался въ пользу оставленія Московскаго отдѣленія Академіи на прежнихъ основаніяхъ, на что̀ послѣдовало Высочайшее соизволеніе (см. проф. Прозорова, Матеріалы для исторіи Императ. С.-Петербургск. Медико-Хирургич. Академіи (Спб. 1850), стр. 61—64 и 177—181).

[6]) Очевидно, Якова Васильевича Вилліе, президента Медико-Хирургической Академіи и впослѣдствіи лейбъ-медика императора Александра I.

[7]) См. выше, примѣч. 3.

рамзина въ деревнѣ [8]) и заѣзжалъ въ Москву на часъ), но онъ уже уѣхалъ [9]), и матушка твоя очень меня тронула, разсказывая о его съ нею прощаніи. Вообще въ послѣднее время были мы съ нимъ нѣсколько чаще. Подождемъ будущаго! Авось..... Такъ, *авось* дѣло прекрасное! Что же касается до *настоящаго*, то отвѣчай мнѣ скорѣе, скорѣе. Не знаешь ли чего-нибудь о Блудовѣ?

XXIII.

(Въ Августѣ 1810, Бѣлевъ).

Спѣшу написать тебѣ нѣсколько словъ, любезнѣйшій другъ, чтобы успокоить тебя на счетъ присланныхъ тобою мнѣ книгъ. Я получилъ ихъ и благодарю тебя отъ всей души за твое поспѣшное исполненіе моей просьбы. Шлёцеръ въ прибавленіи къ четвертой части Нестора говоритъ о своемъ сочиненіи Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen [1]), въ которомъ есть исторія Печенѣговъ. Нѣтъ ли у тебя этой книги? Весьма много одолжишь, если мнѣ ее доставишь. Также позаботься и о тѣхъ книгахъ, которыхъ я у тебя просилъ [2]). Ты самъ лучше меня теперь знаешь, что́ мнѣ нужно для того плана, который у меня въ головѣ [3]). Я не хочу быть историкомъ, но хочу имѣть основательное понятіе о древности Славянской и Русской. Не получивъ его, и за дѣло приниматься не должно. Отвѣчай на это и на первое мое письмо поскорѣе. Также дай знать и о томъ, какъ ты располагаешь съ пріѣздомъ въ Москву? Постарайся такъ пріѣхать, какъ я писалъ въ прошедшемъ моемъ письмѣ [4]), но дай мнѣ объ этомъ знать заранѣе. Прости, любезнѣйшій другъ! Будь здоровъ, не забудь освѣдомиться и постараться о Гриневѣ [5]). Твой Жуковскій.

Напиши отъ меня дружескій поклонъ къ братьямъ Сергѣю и Николаю. Нельзя ли доставить мнѣ нѣкоторыя Николаевы письма? Ма-

---

[8]) Въ Остафьевѣ.

[9]) За границу.

*

[1]) Трудъ Шлёцера „Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen“ вышелъ въ Геттингенѣ въ 1795—1797 годахъ. Просьбу о присылкѣ этой книги Жуковскій повторяетъ въ письмѣ отъ 12 Сентября (№ XXIV).

[2]) Какія книги просилъ Жуковскій—неизвѣстно, такъ какъ до насъ не дошло письмо его къ Тургеневу, писанное между письмомъ отъ 11 Іюля (№ XXII) и настоящимъ письмомъ.

[3]) Вѣроятно, планъ задуманной Жуковскимъ поэмы „Владимиръ“, о чемъ, надо полагать, шла рѣчь въ томъ же недошедшемъ до насъ письмѣ. Объ этой поэмѣ см. въ письмѣ отъ 12 Сентября (№ XXIV) и въ замѣткѣ, помѣщенной вслѣдъ за этимъ письмомъ.

[4]) Все въ томъ же не дошедшемъ до насъ письмѣ.

[5]) Вѣроятно, объ Иванѣ Никифоровичѣ Гриневѣ, который былъ уѣзднымъ учителемъ въ Бѣлевѣ и давалъ уроки Марьѣ Андреевнѣ и Александрѣ Андреевнѣ Протасовымъ, а потомъ былъ управителемъ въ Долбинѣ (имѣніи П. Н. Юшкова въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи), въ 19 верстахъ отъ Бѣлева.

тушка твоя сказывала, что иныя изъ нихъ годились бы и въ «Вѣстникъ». Для чего же ты не хочешь котораго-нибудь изъ нихъ напечатать? Еще разъ повторяю просьбу мою о доставленіи мнѣ сочиненія Уварова [6]). NB. Schlözer's Nordische Geschichte [7]) у меня есть.

Что́, если мы сдѣлаемъ будущею весною путешествіе въ Кіевъ [8])? Пришли между прочимъ и Гельмольда [9]), и Гебарда [10]). О цѣлости книгъ твоихъ не сомнѣвайся. Назначь, прошу тебя, мнѣ всѣ тѣ Русскія книги, которыя годились бы мнѣ для моего плана.

XXIV.

1810-го, Сентября 12. (Муратово).

Благодарю тебя, любезный мой Миллеръ [1]), за длинное твое письмо и за все то, что̀ въ немъ заключается. Несмотря на твою дѣятельность (которой письмо твое, написанное на добрыхъ осьми страницахъ, могло бы быть неоспоримымъ доказательствомъ), я начинаю думать, что ты неизлѣчимый лѣнивецъ, и сверхъ того еще увѣряюсь, что ты никогда не заглядываешь въ моего «Вѣстника» —(признаюсь самъ, что онъ весьма худой журналъ, и ты бы разсердилъ меня, еслибы вздумалъ въ угожденіе моему самолюбію и вопреки искренней дружбѣ его хвалить); но оглавленіе каждой книжки прочитать было бы не трудно, а взявши этотъ трудъ на себя, ты и увидѣлъ бы, что письма Миллеровы, и именно тѣ, которыя посвящены тебѣ въ моихъ мысляхъ, переведены мною. Чтобы избавить тебя отъ скучной работы перебирать всѣ книж. «Вѣстника», скажу, что эти письма найдешь ты въ № 16 на страницѣ 263 [2]). Они переведены хорошо, ибо я переводилъ ихъ съ истин-

---

[6]) Вѣроятно сочиненія С. С. Уварова „Projet d'une Académie Asiatique", которое вышло въ Петербургѣ въ 1810 году и отзывъ о которомъ Жуковскій даетъ въ письмѣ своемъ къ Тургеневу отъ 4 Декабря (№ XXXI). Русскій переводъ этого сочиненія Уварова, сдѣланный Жуковскимъ, былъ имъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 года.

[7]) Allgemeine nordische Geschichte (Halle, 1771).

[8]) Поѣздка Жуковскаго въ Кіевъ въ 1811 году не осуществилась. Но и позднѣе, еще занятый планомъ „Владиміра", Жуковскій мечталъ побывать тамъ, а также въ Крыму.

[9]) Историка XII вѣка, автора „Chronicon Slavorum".

[10]) Т. е. Гебгарди. См. выше, письмо XXII, прим. 2.

*

[1]) Жуковскій называетъ Тургенева именемъ знаменитаго Швейцарскаго историка Іоганна Миллера (р. 1752 † 1809) въ благодарность за то удовольствіе, которое доставило Жуковскому чтеніе сочиненій Миллера, присланныхъ Тургеневымъ, а также имѣя въ виду любовь А. И. Тургенева къ историческимъ занятіямъ и его высокій характеръ.

[2]) Они напечатаны въ № 16 „Вѣстника Европы", на стр. 263—285, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько писемъ Іоанна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстеттену, другу его", съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Жуковскаго: „Мы увѣрены, что эти письма, въ которыхъ изображается характеръ славнаго человѣка, будутъ пріятны читателямъ „Вѣстника".

нымъ удовольствіемъ; хотя ты и можешь замѣтить въ слогѣ нѣкоторыя бездѣльныя неисправности, напр. въ иномъ мѣстѣ частыя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, но эти ошибки остались отъ того, что я не перечитывалъ самъ, по причинѣ своего отсутствія изъ Москвы, корректуры; а въ манускриптѣ никогда не замѣтишь тѣхъ погрѣшностей, которыя увидѣть можешь въ печатномъ листѣ. Итакъ первая задача рѣшена: *ты не читаешь «Вѣстника»*; но это преступленіе и не важное, ибо въ немъ ты не найдешь и не можешь искать *меня.* По какой причинѣ, объ этомъ говорить теперь не стану. Вторая задача: *ты лѣнивецъ!* Какъ, лѣнивецъ? Написавши восемь страницъ? Первое доказательство: при этихъ же осьми страницахъ ты могъ бы прислать мнѣ *Миллеровы письма* [3]); но тебѣ было лѣнь ихъ завернуть въ бумагу и сказать человѣку своему: отнеси эту посылку на почту, написавъ на ней адресъ. Второе доказательство: ты *думаешь* о выборѣ мнѣ книгъ изъ своей библіотеки, *угадывая* мое намѣреніе. Черезъ двѣ недѣли по полученіи моего письма ты началъ только *думать*, тогда какъ стоило бы только обойти кругомъ всѣ свои шкапы и вынуть изъ нихъ безъ всякаго предварительнаго *обдумыванія* всѣ книги, касающіяся до Россійской исторіи, и потомъ изъ этихъ же книгъ отложить тѣ, которыя мнѣ нужны (и это было бы гораздо легче сдѣлать, имѣя ихъ всѣ передъ глазами, нежели просто объ нихъ думая, слѣдовательно подвергая себя опасности иную и забыть); а, отложивши, отправить ихъ по почтѣ, такимъ же точно образомъ, какъ и Миллеровы письма. А *угадать* мое *намѣреніе* было тебѣ не совсѣмъ трудно, ибо я описалъ его тебѣ весьма подробно. Что же касается до моего *плана* [4]), то онъ только что посѣянъ въ моемъ воображеніи, а созрѣетъ тогда только, когда сѣмена будутъ напитаны тѣми матеріалами, которыхъ я отъ тебя теперь требую. Вторая задача рѣшена: ты лѣнивецъ! Вотъ и нѣкоторыя дополнительныя доказательства. Я просилъ тебя о доставленіи мнѣ Шлёцеровой книги Die Deutschen in Siebenbürgen, гдѣ есть что-то о Печенѣгахъ; но ты не *подумалъ* объ этой коммиссіи, или, можетъ быть, только *думаешь.*

Но полно браниться! Какой-то тихій голосъ сказалъ мнѣ въ эту минуту на ухо твоими словами: this man is my bosomfriend [5])! и я обнимаю тебя заочно со всею искренностію дружбы. Еще разъ благодарю, любезный другъ, за Нестора Шлёцерова. Я прочиталъ съ *жадностію* первую часть, служащую введеніемъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ Октября, въ которомъ начнется мой курсъ отечественной исторіи: прежде я не могу этого сдѣлать, ибо я теперь не въ Бѣлевѣ, а въ другой деревнѣ, находящейся подъ Орломъ [6]), гдѣ нѣтъ со мною ни картъ, ни другихъ книгъ, безъ которыхъ не хочу начи-

---

[3]) По-нѣмецки они были изданы въ Тюбингенѣ въ 1802 году подъ заглавіемъ: „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund“ (т. е. къ Бонштеттену). Французскій переводъ ихъ (Lettres à M.Bonstetten et à M. Gleim) явился въ Цюрихѣ въ 1810 году. Въ своихъ „Письмахъ“ Миллеръ высказываетъ глубокія и тонкія сужденія объ исторіи.

[4]) Плана поэмы „Владимиръ“.

[5]) Т. е этотъ человѣкъ мой закадычный другъ.

[6]) Въ Муратовѣ, имѣніи Е. А. Протасовой.

нать этого чтенія. Читая Русскую исторію, буду имѣть въ виду не одну мою поэму [7]), но и самую Русскую исторію; но въ исторіи особенно буду слѣдовать за образованіемъ Русскаго характера, буду искать въ ней объясненія настоящаго моральнаго образованія Русскихъ. Это мнѣ кажется прекрасною точкою зрѣнія, и со временемъ можетъ выйти изъ моихъ замѣчаній что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политическія происшествія можно назвать воспитаніемъ того отвлеченнаго существа, которое называютъ *націею*. Читая исторію въ этомъ отношеніи, то-есть наблюдая, какимъ образомъ воспитатель могущій народовъ (Судьба, Провидѣніе, Творецъ) образовалъ ихъ характеръ, увидишь и средства, какимъ образомъ можно исправить то, что̀ испорчено воспитаніемъ, дополнить недоконченное, воспользоваться выгоднымъ, уничтожить вредное. Эта мысль (которая можетъ служить точкою соединенія всѣхъ наблюденій), признаюсь, восхищаетъ меня. Я теперь нахожу въ себѣ гораздо болѣе расположенія къ дѣятельности; можетъ быть, такая перемѣна произошла во мнѣ отъ того, что я *дѣятельность писателя* теперь поставляю единственнымъ своимъ благомъ, зависящимъ отъ меня, и хочу къ этому благу стремиться, отказавшись отъ всѣхъ *другихъ*, отъ меня не зависящихъ и невѣрныхъ, предоставляя себѣ однако воспользоваться ими, если они на дорогѣ мнѣ представятся. Но я удалился отъ Шлёцера. Этотъ человѣкъ имѣетъ даръ оживотворять самую сухую науку историческихъ древностей (а сѣверныя древности не Римскія и не Греческія). Его можно назвать Лессингомъ, Лагарпомъ исторіи; онъ привлекательно говоритъ и о скучныхъ ошибкахъ переписчиковъ Нестора. Слогъ его пріятенъ не искусствомъ писателя, но тою твердою логикою и тою экономическою краткостію, благодаря которымъ мысли его представляются вдругъ, ярко и въ связи, разсудку читателя. Такихъ критиковъ весьма немного. Но онъ иногда бываетъ излишно недовѣрчивъ; особливо странно то, что онъ сомнѣвается въ существованіи пѣсни Игоревымъ воинамъ [8]), тогда какъ она давно напечатана [9]) и имѣетъ, кажется мнѣ, наружность неотрицаемой *истины* (autenticité). Сердитъ меня немного и то, что онъ, пи-

---

[7]) „Владимира“.

[8]) Т. е. Слова о полку Игоревѣ. Въ замѣткѣ, помѣщенной въ „Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen“ 1801 года (Stück 203, стр. 2028—2030) и вызванной появленіемъ въ свѣтъ въ 1800 году перваго изданія „Слова“, Шлёцеръ находилъ бездоказательнымъ мнѣніе, что происхожденіе „Слова“ современно описываемому событію, но во всякомъ случаѣ признавалъ „Слово“ замѣчательнымъ произведеніемъ Русской древности, въ чемъ не оставляетъ сомнѣнія самый языкъ памятника. Въ своемъ „Несторѣ“ (см. Русск. переводъ Языкова, ч. I, (Спб. 1809), стр. 384) Шлёцеръ выразился о „Словѣ“ такъ: „что̀ это твореніе въ поэтической прозѣ есть древнее и даже подлинное, теперь я болѣе не сомнѣваюсь“.

[9]) Первое изданіе „Слова“, сдѣланное гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, вышло въ Москвѣ въ 1800 г. подъ заглавіемъ: „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нарѣчіе“.

савши книгу свою и для Русскихъ (которыхъ неученость ему извѣстна), испестрилъ ее огромными Греческими и Латинскими тирадами. Нѣмцы красно говорить не хотятъ или и не умѣютъ, имѣя слишкомъ *дѣльныя* головы; не отнимая у нихъ ничего изъ этой полезной дѣльности, желалъ бы, чтобы они заняли нѣсколько вѣтреной привлекательности у Французовъ (Англичане, кажется мнѣ, занимаютъ истинную средину между ими и Французами). Я желалъ бы имѣть всѣ или по крайней мѣрѣ избраннѣйшія сочиненія Шлёцера; напримѣръ я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ бы его Selbstbiographie [10]). Есть ли у тебя его Probe Russischer Annalen [11])? Онъ часто ссылается на эту книгу въ своемъ Несторѣ. Но для избѣжанія многословія прошу тебя исполнить слѣдующее, безъ всякаго предварительнаго *обдумыванія* (à l'allemande). 1-е: пришли мнѣ Миллера (я буду переводить изъ него отрывки, а со временемъ, можетъ быть (разумѣется исподоволь), переведу и всѣ письма; они будутъ точно посвящены тебѣ, хотя бы я выдавалъ ихъ и на 60 году жизни). 2-е: напиши (NB *безъ обдумыванія*) полную роспись всѣхъ книгъ Русскихъ, Нѣмецкихъ, latinskych и другихъ, принадлежащихъ къ Русской и Славянской исторіи; Латинскіе титулы прилагай въ оригиналѣ и переводѣ. 3-е: доставь мнѣ тѣ книги, которыя мнѣ теперь могутъ быть нужны, руководствуясь въ этомъ первымъ моимъ письмомъ. 4-е: дай мнѣ каталогъ Шлёцеровыхъ сочиненій. Изъ Русскихъ старинныхъ лѣтописей имѣю: Нестора по Радзивиловскому списку (это, думаю, тотъ, котораго бранитъ Шлёцеръ); Никонову Лѣтопись; Софійскй списокъ Нестора; величественный Синопсисъ, старый и новый; есть у меня и Русская Правда, и Духовная Владимира Мономаха, и Болтинъ, и Щербатовъ, и Хилковъ, и Штриттеръ, и пѣснь Игорю [12]). Но болѣе всего радуюсь тво-

---

[10]) August Ludwig v. Schlözer's öffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment (Göttingen. 1802). Въ Русскомъ переводѣ В. Ѳ. Кеневича эта автобіографія Шлёцера напечатана въ XIII томѣ Сборника Отдѣленія Русск. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ.

[11]) Этотъ трудъ Шлёцера былъ изданъ въ Геттингенѣ въ 1768 году.

[12]) Радзивилловскій списокъ Несторовой лѣтописи былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ 1767 году, въ изданіи подъ заглавіемъ: „Библіотека Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи, часть I“.—Русская лѣтопись по Никонову списку вышла, въ восьми частяхъ, въ Петербургѣ въ 1767—1792 гг.—„Русская лѣтопись по списку Софійскому Великаго Новаграда...“ издана въ С.-Петербургѣ въ 1795 году.—Подъ древнимъ Синопсисомъ надо, вѣроятно, разумѣть извѣстный „Синопсисъ“, приписывавшійся архим. Иннокентію Гизелю († 1684) и неоднократно издававшійся (8-е изданіе, гражд. шрифтомъ, вышло въ Петербургѣ въ 1785 году), а подъ новымъ—напечатанный П. М. Захарьинымъ (Козловскимъ однодворцемъ † 1800), въ 1798 году, въ Николаевѣ, „Новый Синопсисъ, или краткое описаніе о происхожденіи Славяно-Россійскаго народа...“ (доведенный до Петра I).—Изданныя гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ „Правда Русская“ и „Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха“ вышли въ Петербургѣ, первая въ 1792, а вторая въ 1793 году.—„Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи, Г. Леклерка“ И. Н. Болтина вышли въ Спб., въ 1788 году, а его же „Критическія при-

имъ Шлёцеромъ. Теперь смотрю на него съ такимъ же точно удовольствіемъ, съ какимъ *во время оно* смотрѣлъ на него отвращеніемъ, и это не въ отношеніи къ одному Владиміру, а точно изъ нѣкоторой особенной привязанности къ тому занятію, которое представляетъ мнѣ исторія. Герберштейнъ есть и на Нѣмецкомъ. Нельзя ли имъ меня снабдить? Но въ немъ теперь нѣтъ крайней нужды (Боюсь тебя ограбить; но вѣдь ты и не будешь лишать себя нужнаго.; этого ни по чему ты не долженъ дѣлать). NB. Разговоры о Новѣгородѣ [13]) у меня есть. Нѣтъ ли чего-нибудь подобнаго о Кіевѣ, и гдѣ я о немъ найду какія-нибудь подробности?

На твое мнѣніе предпочесть Владиміру Святослава теперь не отвѣчаю ничего, ибо мой планъ [14]), какъ я уже сказалъ выше, есть только одно сѣмя; но Владиміръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія пріучили насъ окружать Владиміра какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе; читатель легче вѣритъ вымысламъ о Владимірѣ, нежели вымысламъ о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первой. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается до святости Владиміра, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ его историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, а я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ постороннихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что́ называютъ Нѣмцы romantisches Heldengedicht; слѣдовательно, я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истину историческую, а съ вымыслами постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣній, позволяя однако себѣ нравы и мнѣнія временъ до-Владиміра перенести въ его время: ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братьѣ императоромъ Фебомъ. Вотъ, не хотѣлъ ничего говорить о Святославѣ и Владимірѣ, а наговорилъ съ три кузова! О перо неугомонное и непостижимое! Или оно лѣнится, или пишетъ безъ памяти. Стихи мои *переписываются* для тебя; но ты получишь ихъ не такъ-то скоро, ибо я не имѣю здѣсь

мѣчанія на первый и второй томъ Исторіи князя Щербатова", въ двухъ томахъ, тамъ же въ 1793—1794 гг.—Исторія Россійская князя Щербатова вышла въ Спб. въ 1770—1791 гг. (7 тт. въ 14 чч.).—Первое изданіе „Ядра Россійской исторіи" (авторомъ котораго прежде считали князя А. Я. Хилкова; настоящимъ же его авторомъ является, какъ извѣстно, секретарь кн. Хилкова, А. И. Манкіевъ) было напечатано въ Москвѣ въ 1770 году.—Исторія Россійскаго государства Штриттера вышла въ Спб., въ 1800—1802 гг. (въ 3-хъ частяхъ).

[13]) Сочиненіе митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова: „Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новагорода" (Москва. 1808).

[14]) О планѣ поэмы „Владиміръ" см. замѣтку, помѣщенную вслѣдъ за этимъ письмомъ.

переписчика; зато переписываетъ ихъ прелестнѣйшая рука, рука милой Граціи [15]), въ самомъ дѣлѣ Граціи. Но ты станешь смѣяться моимъ планамъ и скажешь мнѣ: собирай лучше матеріалы для Владимира.

И такъ возвращаюсь къ своимъ сочиненіямъ. На твое намѣреніе печатать ихъ, чтобы дополнить мое изданіе Русскихъ стихотворцевъ [16]), никакъ не соглашаюсь; береги ихъ про себя; но выдамъ ихъ я самъ, когда ихъ наберется побольше [17]). На что отнимать у нихъ цѣну новости? Прошу также никому (разумѣется кромѣ Блудова, котораго судъ, и критика, и одобренія весьма для меня важны) не давать копій. Что же принадлежитъ до моего изданія стихотворцевъ Русскихъ, то оно уже въ дѣйствіи; первый томъ отпечатанъ, а выданъ будетъ съ вторымъ. Всѣхъ томовъ будетъ числомъ пять. Я старался собрать все то, что̀ можно читать съ удовольствіемъ; слѣдовательно не ограничивалъ себя однимъ *совершеннымъ*. Благодарю за доставленіе стиховъ Уварова [18]). Со мнѣніемъ твоимъ о его талантѣ совершенно согласенъ, также и съ тѣмъ, что Василій Львовичъ [19]) не имѣетъ души, при всей опрятности слога своего. Слогъ его можно сравнить съ прекрасною восковою куклою, въ которой находимъ мы все, составляющее человѣка, кромѣ самаго человѣка. А стиховъ его [20])

---

[15]) Одна изъ племянницъ Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова (о томъ, что именно она, см. ниже, въ письмѣ XXX). Послѣ словъ: „въ самомъ дѣлѣ Граціи" четыре строки тщательно вымараны.

[16]) Т. е. Собранія Русскихъ стихотвореній.

[17]) Первое изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго вышло, въ двухъ частяхъ, въ Петербургѣ въ 1815—1816 годахъ.

[18]) С. С. Уваровъ въ молодости (какъ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ) писалъ немало стиховъ на Французскомъ языкѣ, ходившихъ по рукамъ въ тогдашнемъ обществѣ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII (Спб. 1883), стр. 490).

[19]) Пушкинъ (р. 1770 † 1830), дядя А. С. Пушкина, авторъ „Опаснаго Сосѣда" и многихъ другихъ стихотвореній. Послѣднее по времени и наиболѣе полное изданіе сочиненій В. Л. Пушкина вышло въ 1893 году, въ С. Петербургѣ, подъ ред. В. И. Саитова.

[20]) Безъ сомнѣнія, подъ стихами В. Л. Пушкина слѣдуетъ разумѣть его извѣстное „Посланіе къ В. А. Жуковскому", направленное противъ А. С. Шишкова и защитниковъ стараго слога, въ спорѣ которыхъ съ послѣдователями новой школы писателей Пушкинъ принималъ живое участіе. Это „Посланіе къ В. А. Ж***" явилось въ печати въ концѣ того же 1810 года, въ декабрьской книжкѣ Петербургскаго журнала „Цвѣтникъ" (стр. 357—363), а затѣмъ, вмѣстѣ съ Посланіемъ Пушкина къ Д. В. Дашкову, въ 1811 году было издано въ Петербургѣ отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ „Два посланія". Послѣдователи старой школы называются въ Посланіи „скопищемъ стихомарателей", „соборомъ безграмотныхъ Славянъ", „безумцами". Про Шишкова В. Л. Пушкинъ выражается, между прочимъ, такъ:

Въ словесности расколъ какъ должно осуждаю.
Аристъ (*т. е. Шишковъ*) душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ

я не помѣстилъ для того, что они слабы, заключаютъ въ себѣ одну только брань, которая есть безполезная вещь въ литературѣ; впрочемъ, помѣстить ихъ болѣе не хотѣлъ Каченовскій, не желая заводить ссоры, въ чемъ и я согласенъ. Шишкова почитаю суевѣрнымъ, но умнымъ раскольникомъ въ литературѣ; мнѣніе его о языкѣ тоже, что религія раскольниковъ, которые почитаютъ священныя книги болѣе за то, что они старыя, а старыя ошибки предпочитаютъ новымъ истинамъ, и тѣхъ, которые молятся не по старымъ книгамъ, называютъ богоотступниками. Такихъ раскольниковъ надобно побѣждать не оружіемъ В(асилія) Львовича, слишкомъ слабымъ и нечувствительнымъ. Гомера читаю на Англійскомъ, имѣя передъ собою и Фоссовъ переводъ [21]). Не соглашаюсь однако, чтобы Фоссовъ переводъ былъ лучше Пóпова; можетъ-быть, въ первомъ найдешь болѣе истиннаго Гомерова духу и Греческой простоты, но онъ сухъ, и чувствительно, что Нѣмецъ Фоссъ изъ всей силы хотѣлъ быть Грекомъ. Попъ растянутъ и иногда очень удаляется отъ Гомерова духа, особливо когда дѣло дойдетъ до боговъ, говоря о которыхъ, онъ вмѣшиваетъ такія выраженія, которыя болѣе приличны новѣйшимъ метафизикамъ; за то языкъ его стихотворнѣе. Эти два перевода по настоящему надобно читать вмѣстѣ: одинъ увеличитъ цѣну другаго; Пóпова щеголеватость сдѣлаетъ пріятнѣе Фоссову простоту, а Фоссова сухость сдѣлаетъ еще пріятнѣе Пóпову блистательную поэзію. Чуть ли и я со временемъ не примусь за Грече́скую граматику, а Латинская уже и очень вертится въ головѣ моей. Въ Бѣлевѣ есть одинъ латинусъ, котораго я хочу прибрать въ руки; тогда берегись Гельмольдъ, а особливо Виргилій и Горацій; доведи, Господи, и до Тацита! Доставь мнѣ піесу Уварова *Sur l'avantage de mourir* [22]), я очень любопытенъ читать ее, особенно по тому что ты объ ней пишешь. NB. Первая присланная тобою піеса его нравится мнѣ болѣе, нежели послѣдняя. Въ ней, кажется, языкъ и правильнѣе, и стихотворнѣе.

И Русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ.
Что̀ нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.

Какъ извѣстно, на В. Л. Пушкина за это Посланіе напалъ Шишковъ въ „Присовокупленіи" къ „Разсужденію о краснорѣчіи Священнаго Писанія", напеч. въ 1811 году. На нападки же Шишкова Пушкинъ не замедлилъ дать отвѣтъ въ „предувѣдомленіи" къ „Двумъ посланіямъ".

[21]) Стихотворный Нѣмецкій переводъ Гомера, сдѣланный Іоганномъ Фоссомъ (р. 1751 † 1826), вышелъ въ 1781 году; знаменитый Англійскій поэтъ Александръ Попъ (Pope, р. 1688 † 1744) издалъ свои переводы „Иліады" и „Одиссеи", первый въ 1715—1720 г., а второй въ 1725 г. Оба эти переводы выдержали затѣмъ много изданій.

[22]) Sur l'avantage de mourir jeune (т. е. О выгодахъ умереть въ молодости). Это свое произведеніе, писанное стихами, Уваровъ, послѣ того какъ въ началѣ 1811 года лично познакомился съ Жуковскимъ, самъ ему доставилъ. Въ неизданномъ письмѣ къ Уварову, отъ 4 Мая 1811 года, Жуковскій писалъ ему по поводу этихъ стиховъ слѣдующее: „... Позвольте вамъ напомнить, что вы обѣщали мнѣ прислать Французскіе ваши стихи: Sur l'avantage de mourir jeune. Эта идея меня плѣняетъ, мнѣ самому хотѣлось

Напрасно бранишь ты посланіе Воейкова къ Мерзлякову [23]); въ немъ много хорошаго; и ходъ мыслей, и слогъ вообще хороши.

Ихъ корни внутри земли,
Вершины за облакомъ;
Ихъ свойство—величіе
Удѣлъ—независимость!
. . . .
О вѣрь мнѣ, что въ городѣ
И слава вседневная
Есть гробъ славы истинной.
Писатель, желая льстить
И нравиться публикѣ,
Блистая мгновеніе,
Теряетъ безсмертіе.

Все это очень хорошо, а окончаніе прекрасное [24]). И вообще въ

бы ее обработать на нашемъ гиперборейскомъ языкѣ, укравши у васъ нѣсколько мыслей...“ (списокъ, сдѣланный рукою А. И. Тургенева, хранится въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ собраніи бумагъ В. А. Жуковскаго). „Въ скоромъ времени - отвѣчалъ Уваровъ въ письмѣ отъ 15 Мая (см. Русск. Архивъ 1871 года, ст. 0159)—получите вы мои стихи „Sur l'avantage de mourir jeune“. Не судите строго о ихъ достоинствѣ; не иначе какъ о изліяніи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились“.

[23]) Посланіе А. Ѳ. Воейкова (извѣстнаго автора сатиры „Домъ сумасшедшихъ“) напечатано въ № 16 „Вѣстника Европы“ 1810 года, стр. 289—292, подъ заглавіемъ: „Къ Мерзлякову. Призываніе въ деревню“.

[24]) Приводимъ это окончаніе Посланія:

Приди къ намъ, любезный другъ,
Встрѣчать лѣто красное!
Ты книгъ не бери съ собой;
Здѣсь книга великая
Природы открыта намъ:
Въ деревнѣ не надобно
Цвѣтовъ остроумія;
Здѣсь сердце лишь надобно.
Друзья твои ждутъ тебя;
Въ объятья отверстыя
Готовы прижать тебя!
Приди раздѣлить съ нами
Не яствы сахàрныя,
Не вина заморскія,
Но Русской обѣдъ простой,
Приправленной ласкою
Хозяйки привѣтливой
И дальней прогулкою.

этой піесѣ много легкости; можно бы было кое-что и поправить (что сущая бездѣлица въ стихахъ безъ риѳмъ), но все это посланіе остается очень пріятнымъ.

Какимъ образомъ Блудовъ въ Петербургѣ, а не въ Молдавіи [25])? Вотъ новое дополненіе къ доказательствамъ о твоей лѣни! Какъ не сказать объ немъ ни слова? Увѣрь его, если можно, что ему надобно бы было ко мнѣ написать. Какъ же онъ облѣнился между музульманами!

Не забудь о Гриневѣ [26]). Кланяйся братьямъ, когда къ нимъ писать будешь, и перестань *думать* о исполненіи просьбы моей, а просто исполни ее. Прости, любезный Миллеръ. Твой Бонстеттенъ [27]).

1810-го, Сентября 12.

NB. Замаранныя мною строки [28]) написаны были передъ обѣдомъ; послѣ обѣда, во время варенія желудка, догадался я, что ихъ непремѣнно надобно вымарать—и вымаралъ, и это сдѣлано по той же причинѣ, по которой ты не хотѣлъ поставить всего имени *одного человѣка* въ своемъ письмѣ и отложилъ говорить объ немъ до личнаго свиданія нашего, а только не потому, чтобъ я хотѣлъ отъ тебя скрываться. Итакъ vale!

Замѣтка о поэмѣ „Владиміръ".

Въ бумагахъ Жуковскаго сохранились наброски плана „Владимира" и мыслей для этой поэмы (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 150 и 155). Набросокъ плана, судя по почерку и бумагѣ, относится къ 1809 или 1810 г.

Приводимъ здѣсь этотъ набросокъ:

У насъ не найдешь, мой другъ,
Ни злата, ни мраморовъ
Подъ кровомъ соломеннымъ;
За то ты у насъ найдешь,
Чего нѣтъ давно уже
Въ большихъ городахъ у васъ,—
Сердцà откровенныя,
Свободу безпечную,
Веселость игривую.—
И что̀ пчелѣ надобно?
Цвѣты и убѣжище!

[25]) Д. Н. Блудовъ, занимавшій должность правителя дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ нашею арміею на Дунаѣ, графѣ Н. М. Каменскомъ, былъ имъ посланъ въ Петербургъ, чтобы объяснить въ настоящемъ видѣ положеніе Русской арміи послѣ неудачнаго штурма Рущука 22 Іюля 1810 года (Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время", стр. 51—52).

[26]) О немъ см. выше, въ прим. 6-е къ XXIII письму.

[27]) Въ соотвѣтствіе тому, что Тургеневъ въ настоящемъ письмѣ названъ Миллеромъ, Жуковскій подписывается фамиліею друга Миллера, Бонстеттеномъ (о немъ см. въ письмѣ XXV, прим. 5).

[28]) См. выше въ этомъ письмѣ, прим. 15.

„[*Владимиръ.* Содержаніе. Осада Кіева Тугариномъ. Тугаринъ можетъ быть побѣжденъ только Добрынею, который вышелъ изъ Кіева Богатыри со стороны Владимира: Добрыня, Чурила, Алеша, Еруслань. Илья. Пѣвецъ Баянъ. Со стороны Тугарина: Полканъ, Зміуланъ, Зилантъ. Карачунъ. Алеша похищаетъ Зилену у Полкана, который подступаетъ подъ Кіевъ. Одинъ Алеша въ Кіевѣ. Илья, мучимый любовію, въ лѣсу пустынникомъ; встрѣчается съ Рогнѣдою и креститъ ее. Еруслань отыскиваетъ Милославу въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеши съ Зміуланомъ. Царь-Дѣвица и Добрыня]. (*Строки, помѣщенныя въ прямыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ зачеркнуты*).

1. Владимиръ и его дворъ. Недостаетъ лишь Добрыни и Алеши Поповича. Добрыня посланъ за мечемъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности. Алеша прежде отправился на подвиги. Богатыри: Еруслань, Чурила, Илія, Рогдай, Громобой. Баянъ пѣвецъ. Святой Антоній. Радегастъ Новогородскій, убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ, и Ярославъ, сынъ Владимировъ, печальный, мучимый неизвѣстною тоскою. Милолика, княжна Новогородская, невѣста Владимирова, привезенная въ Кіевъ Радегастомъ и Ярославомъ. Приготовленіе къ празднеству брачному.

2. Осада Кіева Полканомъ Невредимымъ. Его станъ и его богатыри: Зміуланъ, Тугаринъ, Зилантъ. Требованіе, чтобы Владимиръ уступилъ Милолику. Владимиръ идетъ совѣтоваться къ св. Антонію. Антоній велитъ отложить празднество брака и говоритъ, что одинъ только Добрыня можетъ умертвить Полкана, что его надлежитъ дожидаться. Совѣты, какъ укрѣпить городъ; жизненнаго запаса есть на годъ.

3. Процессія вокругъ Кіева; окропляютъ его святою водою. Онъ неприступенъ для войска. Добрыня ѣдетъ путемъ дорогою. Исторія волшебницы Добрады и Черномора. Сонъ Добрыни. Онъ въѣзжаетъ въ очарованный лѣсъ.

4. Очарованное жилище Лицины. Звукъ арфы спасаетъ его. Онъ разрушаетъ очарованіе. Между очарованными находитъ Илью и его любовницу Зилену.

5. Исторія Ильи съ великаномъ Карачуномъ. Онъ разлучается съ Добрынею и ѣдетъ въ Кіевъ.

6. Богатырскія игры. Ночью Ярославъ и Радегастъ ѣдутъ въ станъ. Причиняютъ убійство. Ихъ разлучаютъ; на каждаго нападаетъ толпа. Ярославъ, раненый, готовъ попасться въ руки непріятеля. Его спасаютъ неизвѣстные воины: то Алеша и его товарищи. Радегастъ пропадаетъ безвѣстно.

7. Владимиръ узнаетъ тоску Ярослава. Прибытіе Карачуна въ станъ непріятельскій. Онъ вызываетъ Алешу на единоборство. Смѣшной поединокъ. Карачунъ достается въ плѣнъ.

8. Добрыня достаетъ и мечъ, и Златокопыта. Разрушаетъ очарованіе Ксеніи. Ночь, проведенная съ нею въ долинѣ.

9. Онъ ея лишается. Ѣдетъ въ Кіевъ. Встрѣча Добрыни. Избавленіе и исторія Радегаста и Заиды. Они спѣшатъ къ Кіеву. Отчаянное состояніе Кіева. Владимиръ рѣшается дать сраженіе и выйти на единоборство съ Полканомъ. Приготовленіе войска.

10. Войско выходитъ за городъ. Баянъ запѣваетъ пѣсню. Является Владимиръ. Въ эту минуту скачетъ витязь—это Добрыня и при немъ Радегастъ съ Заидою, одѣтою въ панцырь. Добрыня требуетъ позволенія сразиться. Получаетъ его. Сраженіе съ Полканомъ. Общее сраженіе. Торжество. Входъ въ городъ. Владимиръ уступаетъ Милолику Радегасту. Явленіе Ксеніи и Добрады. Торжество и радость. Бракъ и ночь Добрыни съ Ксеніею“.

Въ спискѣ авторовъ и произведеній, съ которыми Жуковскій считалъ нужнымъ ознакомиться для написанія „Владиміра“, мы встрѣчаемъ Гомера, Виргилія, Овидія, Аріоста, Тасса, Камоэнса, Виланда, Мильтона, Шекспира, Саути, Маттисона, Вальтеръ-Скотта, Оссіана, Эдду, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады, романы Трессана, поэму „Richardet“ и др. Изъ Русскихъ источниковъ отмѣчены Жуковскимъ лѣтописи, разные историческіе труды (о доставленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ просилъ Тургенева. Для ознакомленія съ древнимъ Русскимъ языкомъ, а также съ народнымъ языкомъ и съ народными понятіями, онъ считаетъ необходимымъ познакомиться, кромѣ Несторовой лѣтописи, съ Русскою Правдою, Духовною Владиміра Мономаха, Словомъ о полку Игоревѣ, народными Русскими пѣснями и сказками. При чтеніи „древнихъ и новыхъ стихотворцевъ“ Жуковскій замѣчаетъ „мѣста и идеи достойныя подражанія, которыми бы можно было воспользоваться въ поэмѣ“. Напр. въ Гомерѣ онъ отмѣчаетъ „Каталогъ войскъ“ и дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе: „Сравнить съ Тассомъ и Виргиліемъ. Можно выдумать очень хорошія описанія; для этого надобно заглянуть въ древнюю географію, но гдѣ ее взять? Лѣтописи — единственный источникъ. Какъ познакомиться съ древними народами? (Написать объ этомъ Тургеневу)“. Сравненіе войска съ лебедями и съ пчелами (Пѣснь II). Единоборство Париса и Менелая. Приготовленіе къ нему (III книга, ст. 150). Сравненіе Діомеда со львомъ (V, 205). О Славянскомъ гостепріимствѣ въ описаніи чьей-нибудь смерти—подражаніе Гомеру VI пѣсни“ и пр. Въ Энеидѣ онъ отмѣчаетъ эпизодъ о Низѣ и Эвріалѣ. Въ наброскѣ „Мыслей для поэмы“ читаемъ слѣдующее: Два друга сбираются ночью похитить черепъ Святославовъ (Подражаніе Низу и Эвріалу). Одинъ, израненый, брошенъ; другой взятъ въ плѣнъ; креститъ плѣнницу. Въ Тассо отмѣчены: описаніе Армидина сада, Клоринды, очарованнаго лѣса; въ „Ришардетѣ“: сраженіе съ гигантами, эпизодъ Леона и его жены, вѣдьма, островъ видѣній; въ „Роландѣ“: описаніе острова Альцины; Астольфъ, превращенный въ миртъ, описаніе разныхъ чудовищъ, сраженіе съ охотникомъ; Роландъ, встревоженный сновидѣніемъ, и т. п. „Мысли для поэмы“ сохранились въ двухъ небольшихъ набросахъ. Въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ слѣдующее: „Владиміръ подъ старость посылаетъ одного изъ богатырей на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошедшее должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного и съ однимъ разрушающіяся. Въ тоже время война съ Печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ. (Заимствовать изъ Zauberring). Тризна въ честь Святославу. Пѣснь Баяна. Воинъ Греческій. Тѣнь любовницы, закопанной въ монастырѣ. Празднество освященія храма“. Изъ отдѣльныхъ фразъ, написанныхъ Жуковскимъ въ тѣхъ же тетрадяхъ, отмѣтимъ слѣдующія: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильею; требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Ильею и ѣдетъ съ нимъ въ за̀мокъ любви, не зная его. Они избавляются Добрынею. Вѣдьма, очаровавшая богатырей. Шапка невидимка крылатая. Синибальдъ въ кельѣ Клеліи въ образецъ Алеши Поповича въ спальнѣ Земіи. Вражда Чернобога съ Свѣтовидомъ. Влюбленная чародѣйка (Велледа)“.

Вообще, по ознакомленіи съ тѣмъ, что̀ сохранилось изъ подготовительныхъ работъ къ „Владиміру“, нельзя не согласиться съ высказаннымъ г. Загаринымъ (въ его книгѣ: „В. А. Жуковскій и его произведенія“, изд. 2-е, Москва, 1883, стр. 213—214) мнѣніемъ по поводу „Владиміра“, что „неисполненіе Жуковскимъ замысла написать большую историческую поэму можно считать обстоятельствомъ, благопріятнымъ его славѣ“, что „замыселъ

5*

этотъ не соотвѣтствовалъ ни складу его таланта, ни поэтическому его вкусу, все болѣе и болѣе отдалявшемуся въ то время отъ родной земли; ни, наконецъ, общему духу того времени, въ которое возникъ этотъ замыселъ", и что Жуковскій „не свободенъ былъ отъ того пониманія Русской древности, которое рядило ее въ западно-европейскій костюмъ".

XXV.

(Въ Сентябрѣ 1810, с. Муратово).

Книги твои получилъ, любезнѣйшій другъ, и дочитываю Миллера [1]). Прекрасная, единственная въ своемъ родѣ книга! Но теперь объ ней ни слова; голова болитъ, дождикъ хочетъ идти, холодъ несносный—все это препятствуетъ мнѣ писать; даже и думать не хочется. Я взялъ перо для того, чтобы пожаловаться тебѣ на Каменскаго Латинскую грамматику [2]), которая несносно сбивчива и безпорядочна, особливо для того, кто хочетъ одинъ учиться по латыни (или съ малымъ весьма пособіемъ). Половина писана по латыни безъ перевода, другая съ переводомъ; порядку нѣтъ никакого. Меня снабдилъ ею Каченовскій. Нѣтъ ли у тебя своей хорошей? А если нѣтъ, то поищи въ книжныхъ лавкахъ; только въ этомъ случаѣ прошу тебя быть аккуратнѣе и поспѣшнѣе, то-есть купить не первую попавшуюся въ руки грамматику, а съ разсмотрѣніемъ; очень одолжишь, если не замедлишь доставить мнѣ эту книгу. Нѣтъ ли у тебя Винкельмана [3]) на Нѣмецкомъ? Миллеръ вселилъ въ меня нетерпѣніе прочитать его. Сколько издано въ свѣтъ Исторіи Миллера? У меня только четыре части [4]). Какую книгу написалъ Бонстеттенъ [5]) и что́ онъ писалъ? Увѣдомь. Любезный другъ, еще разъ повторяю тебѣ, снабжай меня только тѣми книгами, которыя можешь присылать безъ пожертвованія.

---

[1]) Т. е. Письма Миллера, о которыхъ см. выше въ письмѣ XXIV, прим. 3.

[2]) Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, извѣстнымъ управляющимъ Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ (р. 1737 † 1814), была издана въ 1788 году въ Москвѣ „Латинская грамматика въ пользу Россійскаго юношества", выдержавшая затѣмъ нѣсколько изданій; десятое изданіе этой грамматики вышло въ 1808 году, а 11-е въ 1810 г.

[3]) Вѣроятно, сочиненія этого знаменитаго основателя исторіи древняго искусства (р. 1717 † 1768): „Geschichte der Kunst des Alterthums" (1-е изданіе вышло въ Дрезденѣ въ 1764 г.), которое нѣсколько разъ было переведено и на Французскій языкъ (Histoire de l'art chez les anciens).

[4]) Сочиненіе Миллера по исторіи Швейцарскаго союза (Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft).

[5]) Карлъ Викторъ Бонштеттенъ (р. 1745 † 1832), другъ историка Іоганна Миллера. Изъ многочисленныхъ его трудовъ можно отмѣтить: Voyage sur la scène des dix livres de l'Éneide, suivi de quelques observations sur le Latium moderne (Женева, 1806) и Études sur la nature et les lois de l'imagination (2 тома, Женева, 1807).

Гдѣ Олеарій? [6]) У тебя? Или остался у Сергѣя [7]) въ Москвѣ? Я желалъ бы имѣть его. Я его читалъ, но хочу нѣсколько разъ почитать то, чтó онъ пишетъ объ Русскихъ. Хотя, признаться, онъ и не очень привѣтливъ, но я не думаю, чтобы онъ выдумывалъ, и, вопреки Глинкѣ [8]), начинаю быть увѣреннымъ, что нынѣшнее время лучше старины, даже и со стороны нравственности. Грубость не есть чистота нравовъ, а чтò сказать о грубости, соединенной съ развратомъ? Но я совсѣмъ не расположенъ писать; слѣдовательно прости, любезный другъ. Въ первомъ моемъ письмѣ буду говорить съ тобою о Миллерѣ

Твой Жуковскій.

NB. Я читалъ уже Гереново сочиненіе о Миллерѣ [9]); меня ссужалъ этою книжкою твой братъ Сергѣй, но послѣ Писемъ еще разъ ее перечитаю. Геренъ мнѣ очень нравится. Просто, но дѣльно пишетъ. Прошу тебя не замедлить присылкою грамматики. Время летитъ, и я еще ни слова не знаю полатински. Молись Богу, чтобы даровалъ мнѣ прилежаніе.

XXVI.

19 Сентября (1810, Муратово).

Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind [1]). Вотъ золотое правило, котораго держаться надлежитъ непремѣнно, чтобы достигнуть до чего-нибудь прямо высокаго. А Миллеровы письма должны быть катехизисомъ того человѣка, который хочетъ посвятить себя наукамъ. Я почти дочиталъ ихъ, но увѣренъ, что буду еще перечитывать, и что никогда перечитывать не устану. По этому началу, мой любезный другъ, ты, можетъ быть, вообразишь, что я въ своемъ письмѣ буду разсуждать съ тобою о Миллерѣ, о дѣятельности ученаго человѣка, о нашей дружбѣ,—я не имѣю времени этимъ теперь насладиться. Мое письмо содержитъ въ себѣ коммиссію, которую исполнить въ ско-

---

[6]) Т. е. извѣстное путешествіе Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи два раза въ царствованіе Михаила Θеодоровича.

[7]) Т. е. у С. И. Тургенева.

[8]) Сергѣю Николаевичу Глинкѣ (р. 1776 † 1847), извѣстному издателю „Русскаго Вѣстника“. Во вступленіи въ этотъ журналъ (начавшій выходить съ 1808 года) Глинка писалъ, между прочимъ: „Замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч., мы будемъ противополагать имъ не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ“, и затѣмъ въ своемъ журналѣ издатель пользовался каждымъ случаемъ, чтобы изображать доблести Русскихъ настоящаго и преимущественно прошлаго времени.

[9]) Книжка извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760 † 1842): „Johann v. Müller der Historiker“, вышла въ Лейпцигѣ въ 1809 году.

*

[1]) Постоянство и твердость могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда все ваше время будетъ распредѣлено такъ же правильно, какъ въ монастырѣ.

рости и съ величайшею точностью прошу тебя именемъ Миллера, Бонстеттена и имъ подобныхъ. Вотъ записка о дѣлѣ, о которомъ ты долженъ начать хлопотать тотчасъ по полученіи моего письма, ибо здѣсь всего нужнѣе поспѣшность, и твое стараніе будетъ истиннымъ доказательствомъ твоей ко мнѣ дружбы. Екатерина Аѳанасьевна Протасова имѣетъ въ 25-лѣтней Экспедиціи [2]) свидѣтельство на 231 душу [3]); но изъ этихъ 231 души заложено только 37 душъ; остальныя свободны. 25-лѣтняя Экспедиція не даетъ болѣе денегъ; Екатерина Аѳанасьевна хочетъ занять деньги въ Опекунскомъ Совѣтѣ; но двухъ свидѣтельствъ на одно и тоже имѣніе получить невозможно, и она проситъ, въ слѣдствіе этой невозможности, чтобы 25-лѣтняя Экспедиція передала свое свидѣтельство Опекунскому Совѣту или снеслась бы съ нимъ о томъ, что Екатерину Аѳанасьевну можно удовлетворить деньгами на залогъ остальныхъ отъ 231 души крестьянъ свободныхъ, чему доказательствомъ служитъ самое свидѣтельство. И просьба моя къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобы ты, безъ всякаго замедленія, выхлопоталъ (или самъ, или черезъ знакомыхъ) это отношеніе отъ 25-лѣтней Экспедиціи въ Опекунскій Совѣтъ, и какъ скоро оно будетъ послано, увѣдомилъ бы меня черезъ почту. Надѣюсь, любезный другъ, что, доставляя тебѣ случай оказать мнѣ истинное одолженіе, я дѣлаю тебѣ удовольствіе; увѣренъ, что ты возмешься за это дѣло со всевозможною ревностію, и обнимаю тебя со всею искренностію дружбы. Отвѣчай на это письмо поскорѣе; дѣло, право, весьма для меня важное. Между тѣмъ скажу тебѣ, въ заключеніе моего письма, что я учу Латинскія вокабулы, читаю Латинскую грамматику и думаю съ восхищеніемъ о Греческомъ языкѣ, который NB почитаю необходимымъ для усовершенствованія Русскаго, ибо нашъ Русскій языкъ воспитанъ Греческимъ, съ котораго переведены первыя наши книги. Но объ этомъ послѣ. Я начинаю предвидѣть, что моя лѣнь скоро исчезнетъ и что мы будемъ переписываться съ тобою весьма порядочно, слѣдовательно будетъ время еще поговорить и о Миллерѣ, о языкѣ Латинскомъ, о Несторѣ, о Русской исторіи. Но я совѣтую тебѣ, любезный мой Миллеръ, позаботиться о доставленіи мнѣ хорошей Латинской грамматики. Не худо было бы, если бы ты заранѣе запасъ меня и Греческою, также хорошею; хотя о Греческомъ языкѣ теперь еще и слуху нѣтъ, но я бы изрѣдка заглядывалъ въ грамматику, пріучалъ бы глаза свои къ каракулькамъ Греческимъ; это питало бы мою жадность—аппетитъ голоднаго увеличивается, когда онъ смотритъ на пищу, въ ожиданіи того часа, какъ скажутъ ему: пиль! Прости. Твой Ж.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ госпожи Путятиной, или въ Коммиссіи о сочиненіи законовъ. Подателю дано будетъ.—Почтовый штемпель: Болховъ.

---

[2]) 25-тилѣтняя Экспедиція Заемнаго Банка.

[3]) По сельцу Муратову съ дер. Козловкою Болховскаго уѣзда Орловской губерніи.

*

XXVII.

11-го Октября (1810, Бѣлевъ).

Любезнѣйшій другъ, благодаря тебя усердно за присылку росписи [1]), спѣшу тебя попросить сдѣлать мнѣ еще одно крайнее одолженіе: именно прислать какъ можно поскорѣе Геренову Handbuch der neuesten Geschichte; для чего она мнѣ такъ нужна, объ этомъ напишу въ слѣдующемъ моемъ письмѣ, въ ко(то)ромъ буду писать о весьма многомъ. Теперь очень мало времени осталось до почты, а я желалъ бы поговорить съ тобою о нѣкоторыхъ важныхъ для меня вещахъ, слѣдовательно безъ всякаго спѣха, не торопясь. Герена, ради Бога, Герена! Очень онъ мнѣ надобенъ. Книжку его о Миллерѣ возвращаю. Прекрасно. Прочти 45 страницу. Ты увидишь, что я и безъ сердечной необходимости имѣю важную причину писать къ тебѣ много и часто; но къ этой важной причинѣ присоединяется еще и то, что мнѣ часъ отъ часу становится необходимѣе быть вмѣстѣ съ тобой, если не въ самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ мысленно. Но объ этомъ послѣ; скоро получишь отъ меня длинное письмо. Отнынѣ переписка наша должна быть для насъ важнымъ и необходимымъ занятіемъ. Итакъ прости, любезный другъ, до перваго моего разговора съ тобою. Теперь прошу только прислать мнѣ скорѣе Герена. И братъ твой Сергѣй обѣщалъ мнѣ его дать прочитать, но онъ уѣхалъ, не исполнивъ этого обѣщанія; сними же вину съ его совѣсти. Прошу тебя не забыть о моей другой просьбѣ, то-есть похлопотать въ Банкѣ [3]). Обнимаю тебя. Жуковскій.

Я ошибся; у тебя въ письмѣ стоитъ Geschichte der Europäischen Staatensystem (sic) [2]). Шлёцеровыхъ сочиненій роспись возвращаю; я замѣтилъ въ нихъ все то, что̀ тебѣ надобно будетъ мнѣ прислать. Милый другъ, я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ располагать твоею библіотекою, какъ собственною моею. Ни одна книга твоя не пропадетъ: въ этомъ ты можешь быть твердо увѣренъ; могутъ онѣ сгорѣть вмѣстѣ со мной, но тогда будешь ты обо мнѣ сожалѣть болѣе, нежели объ своихъ книгахъ. Ты очень, очень бы одолжилъ меня, когда бы назначенныя мною Шлёцеровы сочиненія прислалъ вмѣстѣ съ Гереномъ, и на слѣдующей же почтѣ. Что же грамматики Латинская и Греческая? Лѣнивецъ!

P. S. Не откладывай, прошу тебя, присылки книгъ. Время летитъ, а я все еще грубая невѣжда во всемъ. Нѣтъ ли у тебя хорошихъ книгъ, трактующихъ о вспомогательныхъ наукахъ исторіи: о государственномъ хозяйствѣ, о правилахъ политики, статистикѣ и пр. (ты долженъ это знать лучше меня)? Снабди меня всѣмъ этимъ; живучи въ деревнѣ, ни отъ кого, кромѣ тебя, не могу имѣть пособія. Но главное и важнѣйшее условіе: не медлить! Сдѣлай все, что̀ можешь сдѣлать, и тотчасъ. Give me all thou canst and let me dream the rest [3])! Я теперь сдѣлался очень прилеженъ. Всякая минута у меня занята. Но когда подумаю, сколько погибло драгоцѣннаго времени по пустякамъ,

---

[1]) Сочиненій Шлёцера.

[2]) Сочиненіе Герена „Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien“ вышло первымъ изданіемъ въ Геттингенѣ въ 1809 году.

[3]) Т. е. Дай мнѣ все, что̀ ты можешь, и объ остальномъ дозволь мнѣ мечтать.

сердце обливается кровію. Братъ, надобно возвратить сколько-нибудь потерянное. Но какъ-то тяжело время дѣятельности употреблять на одно приготовленіе! Прости; объ этомъ въ другой разъ буду писать, и много. Теперь совершенно некогда.

XXVIII.

Октября 18-го (1810, Бѣлевъ).

Другъ сердечный, милый Миллеръ—два слова! Благодарю тебя за хлопоты о дѣлѣ Екатерины Аѳанасьевны. Не полѣнись, похлопочи объ немъ еще разъ. Изъ записки Хитрова, тобою мнѣ доставленной, вижу, что Е(катеринѣ) Аѳ(анасьевнѣ) надобно послать въ Опек(унскій) Совѣтъ просьбу, и что по этой просьбѣ Совѣтъ сдѣлаетъ сношеніе съ Экспедиціею, и что Экспедиція тогда уже разрѣшитъ его на выдачу денегъ. Почему же Экспедиція не можетъ прямо по просьбѣ Ек(атерины) Аѳ(анасьевны) послать этого разрѣшенія въ Опек(унскій) Совѣтъ? И когда уже эта просьба подана, то для чего по ней не исполнить и, оставляя прямую дорогу, переходить на кривую, болѣе продолжительную? Нельзя ли поторопиться, чтобъ Экспедиція, не дожидаясь отъ Оп(екунскаго) Сов(ѣта) отношенія, тотчасъ дала ему знать о томъ, что души, предл(агаемыя) въ залогъ, точно свободны. Право, я думаю, что это безъ всякаго затрудненія сдѣлать можно, и ты искренно одолжишь меня, если опять нѣсколько потормошишь Хитрова и убѣдишь его не губить понапрасну драгоцѣннаго для просительницы времени.—А грамматики Латинской все еще нѣтъ! Братъ, и ты пожалѣй моего времени и не откладывай. Также прошу тебя и о скорѣйшемъ доставленіи тѣхъ книгъ, которыя назначилъ я въ послѣднемъ письмѣ моемъ. О планѣ своего чтенія исторіи буду говорить съ тобою въ будущемъ моемъ письмѣ. Пишу къ тебѣ мало не отъ лѣни, а точно отъ невозможности. Право, я совсѣмъ почти пересталъ лѣниться, и только тогда бываю не очень дѣятеленъ, когда у меня... [1]), а въ головѣ тяжесть. Это отчасти есть и теперь. Письмо пишется худо, потому что мысли связаны; а *выдумывать*, чѣмъ бы наполнить къ тебѣ письмо, совсѣмъ не моя метода. Прости, мой милый Миллеръ. Твой Бонстеттенъ.

Вотъ тебѣ на этотъ разъ нѣсколько золотыхъ строкъ изъ нашего Миллера: Das höchste Glück ist die Unabhängigkeit: und die besteht nicht in dem, dass jemand aus seinen Renten lebe, sondern in dem, dass jeder von den Irrthümern der Menschen unabhängig sei und auch sich, wenn es nöthig ist, besiegen könne [2]).

(Почтовый штемпель: Бѣлевъ).

---

[1]) Выпущена фраза.

[2]) Т. е. Высшее счастіе есть независимость, и она состоитъ не въ томъ, чтобы жить своими доходами, но въ томъ, чтобы быть вполнѣ независимымъ отъ людскихъ заблужденій, а также, въ случаѣ надобности, умѣть побѣждать себя самого.

XXIX.

4 Ноября (1810, Бѣлевъ).

Скажи мнѣ, любезный другъ, поступалъ ли Миллеръ съ своимъ Бонстеттеномъ такъ безбожно, какъ ты со мною поступаешь? Въ письмѣ твоемъ отъ 4-го Октября сказано, что Шлёцеровы книги: Die Deutschen in Siebenbürgen, Probe Russischer Annalen и Selbstbiographie отложены и готовы къ отсылкѣ ко мнѣ. Ты долженъ давно уже получить и мое письмо, въ которомъ я со всею убѣдительностію крайней нужды прошу тебя о другихъ Шлёцеровыхъ книгахъ и о Гереновой Новой Исторіи. Грамматика Латинская должна уже или по крайней мѣрѣ уже могла быть давно отыскана—и вотъ 4 Ноября, а я еще ни одной изъ этихъ книгъ не имѣю! Признаюсь, такая неаккуратность меня сердитъ. Неужели твои важныя дѣла не даютъ тебѣ ни одной свободной минуты, чтобы сдѣлать прямую (хотя для тебя и самую легкую) услугу твоему другу? И скажи мнѣ, не крайне ли непріятно думать каждый разъ, когда тебя просишь о чемъ-нибудь: онъ этого не исполнитъ до тѣхъ поръ, пока не надоѣшь ему частымъ напоминаніемъ. Не забудь, что я въ деревнѣ, что письма въ Петербургъ ходятъ отсюда ровно десять дней и что съ оборотомъ должно это составить двадцать дней. За чтó же терять мнѣ по цѣлому мѣсяцу отъ того только, что тебѣ лѣнь о просьбѣ моей подумать? Еще разъ прошу тебя: перечитай всѣ мои письма и исполни по нимъ все безъ всякаго отлагательства. По крайней мѣрѣ то исполни, чтó можешь, а въ остальномъ не мѣшкай. Единственное одолженіе, какое въ твоей возможности теперь мнѣ оказать, состоитъ въ доставленіи мнѣ тѣхъ книгъ, которыя имѣешь ты въ своей библіотекѣ и которыя сохранятся у меня во всей неприкосновенности, и чистотѣ, и цѣлости, и прочее и прочее. Возвращу ихъ тебѣ, когда потребуешь. Сдѣлай же милость, будь нѣсколько снисходительнѣе къ моимъ просьбамъ и не серди меня досаднымъ своимъ пренебреженіемъ. Я кое-какъ перебиваюсь теперь съ Латинскою граматикою Лебедева [1]); но желалъ бы имѣть такую, въ которой правила были бы истолкованы пояснѣе. Также я просилъ тебя и о Греческой хорошей Нѣмецкой грамматикѣ. Любезный другъ, пожалѣй о моемъ времени; боюсь, что я за нимъ не поспѣю, что оно улетитъ, и что мнѣ не удастся быть тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлось. Теперь мои занятія идутъ порядочно. Вдали передо мною *Владиміръ*. Поближе Владиміра Русская исторія. Но передо мною Латинскій и Греческій языкъ и исторія всеобщая. Прежде нежели приму(сь) за Русскую, хочу составить себѣ хорошее понятіе объ исторіи всеобщей, и для того-то имѣю крайнюю нужду и въ Шлёцерѣ, и въ Геренѣ. Теперь читаю Гаттерера [2]); въ немъ удивительно хорошо предложена вся система все-

---

[1]) Краткая грамматика Латинская, въ пользу учащагося Латинскому языку Россійскаго юношества, составленная Василіемъ Лебедевымъ, съ 1762 года по 1817 выдержала нѣсколько изданій.

[2]) Сочиненіе историка Іоганна Христофора Гаттерера (р. 1727 † 1799) „Versuch einer allgemeinen Geschichte bis zur Entdeckung von Amerika" вышло въ Нюрнбергѣ въ 1792 году.

общей исторіи, но онъ дошелъ только до открытія Америки; Геренъ изобразилъ времена новѣйшія. Промежутокъ между Гаттереромъ и Гереномъ займетъ *Ремеръ* (Handbuch der neueren Geschichte) [3], котораго выписываю изъ Москвы. Составивъ себѣ это *общее* понятіе объ исторіи, буду имѣть уже въ головѣ нить происшествій, съ которою невредимо пройду черезъ лабиринтъ исторій частныхъ, и тогда уже наряду съ Русскою исторіею, которою буду заниматься, входя во всѣ подробности, начну читать и классиковъ. Не подумай, чтобы эта метода была противна методѣ Миллера, который отъ *частнаго* возвысился до *всеобщаго*. Для меня всеобщее будетъ только однимъ *планомъ* зданія, слѣдовательно не самимъ зданіемъ; темная идея о *всеобщемъ* объяснится *частнымъ* и сдѣлаетъ идею *ясною*. Но мнѣ надобно будетъ отказаться отъ всѣхъ идей, и ясныхъ, и темныхъ, если ты не разсудишь отказаться отъ своей немилосердой лѣни и безпечности, которыя дѣлаютъ тебя совершенно невнимательнымъ къ моимъ просьбамъ. Оканчиваю это письмо еще просьбою, которую также, безъ сомнѣнія, ты не разсудишь исполнить. Однако, на всякой случай, попытаюсь, и вотъ моя просьба: спросить у Сѣверина, за что́ не отвѣчаетъ онъ на мое письмо, въ которомъ я покорнѣйше просилъ его помочь одному бѣдному человѣку? И можно ли ему помочь? Попроси его, чтобы онъ написалъ ко мнѣ или по крайней мѣрѣ хотя черезъ тебя сказалъ: *да* или *нѣтъ*. Болѣе ничего не требую. Прости, любезный, неаккуратный и добрый другъ мой. Жуковскій.

XXX [1].

7 Ноября (1810, Бѣлевъ).

Письмо твое отъ 31 Октября получилъ, мой милый Миллеръ; благодарю тебя за присылку книгъ, которыхъ еще у меня нѣтъ, и еще разъ повторяю просьбу мою доставить мнѣ всѣ остальныя, а чтобы узнать, какія онѣ, перечитай всѣ прежнія письма мои, и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишь *въ полнотѣ* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь, на что́ мнѣ нуженъ Геренъ и въ какомъ отношеніи? Я уже написалъ къ тебѣ объ этомъ въ моемъ послѣднемъ нѣсколько сердитомъ письмѣ, но написалъ коротко. Теперь напишу попространнѣе. Но въ предисловіе объясню, для чего не писалъ къ тебѣ такъ долго [2], и отъ чего могутъ и впередъ случаться нѣкоторые про-

---

[3]) Эта книга Ремера (Julius August Remer, р. 1734 † 1803) составляетъ третью часть его „Handbuch der allgemeinen Geschichte" (1-е изд. вышло въ Брауншвейгѣ въ 1783—84 гг.).

*

[1]) Этаго письма нѣтъ между подлинными письмами Жуковскаго, въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Оно взято изъ Р. Архива 1867 г., кн. 5 и 6, гдѣ оно было напечатано по точной копіи съ подлинника, хранившагося у Н. И. Тургенева.

[2]) Предыдущее письмо Жуковскаго помѣчено 4 Ноября; слѣдовательно настоящее письмо писано всего лишь три дня спустя. Нѣсколько ниже Жуковскій говоритъ, что письма

межутки въ нашей перепискѣ. Причиною этому Миллеръ, или, лучше сказать, одно изъ его прекраснѣйшихъ правилъ: Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind [3]). Этому правилу стараюсь послѣдовать со всею точностію трудолюбиваго Нѣмца. Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть часы и для писемъ. Обыкновенно въ вечеру, накануне почты, пишу письма, и такихъ эпохъ у меня двѣ въ недѣлѣ. Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру моего Собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не отпечатанъ; первый готовъ, но еще нѣтъ предисловія (слѣд. ты и не могъ получить его); наконецъ, случаются и другія письма. Всѣ эти дѣла положено исправлять у меня въ Понедѣльникъ и Пятницу, по вечерамъ, отъ чего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; а въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ: въ противномъ случаѣ, что́ ни дѣлай, все будетъ не основательно. Прибавь еще къ тому и то, что иногда въ часъ, опредѣленный для переписки, въ головѣ моей сидитъ геморой, отъ котораго душа какъ мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, чтобы *рука писала отъ сердца*. Но какъ писать, когда голова въ спорѣ съ сердцемъ?

И такъ, поговоримъ о Геренѣ и братіи. Entre nous soit dit [4]), я совершенный невѣжда въ исторіи. Неправда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой съ Бонстеттеномъ? Онъ въ двадцать лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра. Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но пріобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то-есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себѣ общій планъ всѣхъ происшествій въ связи. Для этого и начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ моя метода, нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы [5]), откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (à la Schlötzer fils) [5]) того времени, о кото-

---

пишутся имъ по Понедѣльникамъ и Пятницамъ. Въ 1810 году 4 Ноября приходилось въ Понедѣльникъ, а 7 Ноября въ Пятницу.

[3]) Эта же фраза приведена въ началѣ письма XXVI, гдѣ см. и ея переводъ.

[4]) Т. е. между нами говоря.

[5]) Т. е. по образцу картъ Шлёцера-сына (т. е. Х. А. Шлёцера), приложенныхъ къ его сочиненію: Erläuterungen der Geschichte der Britischen Inseln durch Zeittafeln und historisch-geographische Karten (Mittau. 1804).

ромъ читалъ, на картахъ въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ изображаю главнѣйшія происшествія,—это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обозрѣніе происшествій прочитаннаго періода. Такъ составится у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду; но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую-нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно; а связь между ими сохранитъ мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для Русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная Русская исторійка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ? «Владиміръ» будетъ моимъ фаросомъ; но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству мореплаванія. Вотъ чтó я теперь и дѣлаю. Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, чтó было прежде ей помѣхою. Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ душу мою (или, лучше сказать, *начиная* наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Если бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаться, къ совершенной своей выгодѣ. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня *Посланіе о дѣятельности* [6]), о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастіе. Не забудь однако, что этотъ геній всегда рука въ руку съ геніемъ дружбы. Пускай же они будутъ моими ангелами-хранителями. Въ эту минуту желалъ бы имѣть тебя передъ собою, чтобы подать тебѣ руку, прижать тебя къ сердцу, не сказать можетъ быть ни слова, но за то все выразить своимъ молчаніемъ. Не подумай однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общею* мыслію, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства; она

---

[6]) Жуковскій не привелъ въ исполненіе свою мысль написать Тургеневу такое „Посланіе о дѣятельности“.

справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и *двухъ* тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали [7]). Объ этомъ хорошо говорить на словахъ, и я надѣюсь говорить объ этомъ съ тобою въ какомъ-нибудь Московскомъ уголку, въ которомъ мы будемъ двое вспоминать о прошедшемъ и располагать будущее, возобновляя душевный обѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастіи. Такъ, братъ, и въ несчастіи! Видя, какъ все рушится, иногда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что, можетъ быть, впереди готовитъ для насъ судьба что-нибудь ужасное. Я часто хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Милый другъ! Никогда не теряй изъ головы мысли, что намъ надобно помогать, помогать другъ другу переносить бурю; что несчастіе должно соединить насъ, что намъ непремѣнно должно быть вмѣстѣ, когда начнется это испытаніе. Какое оно—не знаю. Но подумай о томъ, что̀ были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что̀ происходитъ около насъ, и вообрази возможности [8]). И эти-то возможныя времена должны соединить насъ, если они настануть. Для двухъ несчастіе не ужасно; двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ *одинъ*, можетъ быть, имѣть не способенъ; въ глазахъ и въ рукѣ друга—надежда и сила. Признаюсь тебѣ, иногда мысль о будущемъ приводитъ меня въ уныніе. Что̀, если предпринятая мною дѣятельность будетъ безплодна? Но въ этомъ случаѣ надобно забывать будущее невѣрное, а только возможное; и я всегда говорю себѣ: *настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный.* Такъ, милый другъ, *дѣятельность и предметъ ея польза*—вотъ что̀ меня теперь одушевляетъ. Первая же моя недѣятельность происходила, можетъ быть, и отъ мысли, что *я не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрить противному, ибо я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизустъ примѣры изъ Латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать Виргилія и Тацита. Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ Русской и къ классикамъ, и языки, пока Латинскій, а черезъ нѣсколько времени и Греческой. Въ «Вѣстникъ» [9]) буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не раззнакомиться съ Музами, буду дѣлать минутные набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ Храму Славы. Три года будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но услаждаемому высокою мыслію быть прямо тѣмъ, что̀ должно. Авторство почитаю служ-

---

[7]) Въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 г., ст. 794, къ этому мѣсту письма сдѣлано примѣчаніе: „Т. е. отца и мать". Но не подразумѣваетъ ли Жуковскій подъ этими двумя лицами Андрея Ивановича и Ивана Петровича Тургеневыхъ?

[8]) Предчувствіе грозы 1812 года. П. Б.

[9]) Перечень переводовъ Жуковскаго, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 года, см. въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, изд. 7-е, т. VI, стр. 687. Здѣсь насчитано за этотъ годъ девять переводныхъ статей Жуковскаго.

бою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго. И такъ лучше поздно, нежели никогда. Тебѣ, какъ доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мѣрѣ въ эти приготовительтельные годы, были благопріятны мнѣ и не столкнули меня съ дороги. А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ. Вотъ мысль Горація, которая привела меня въ восхищеніе, ибо теперь съ отмѣнною живостію чувствую истину, въ ней заключенную:

Et ni
Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studiis et rebus honestis,
Invidia vel amore vigil torquebere [10]).

Не подумай однако, чтобы я хотѣлъ хвастать знаніемъ своимъ Латинскаго языка. Я прочиталъ это въ переводѣ, а для тебя, какъ для латинуса, выписываю въ оригиналѣ.

Переписанныхъ моихъ сочиненій нельзя тебѣ скоро имѣть: милая переписчица [11]) улетѣла въ Москву плѣнять все, чтó ей ни встрѣтится, слѣдовательно и переписывать ей некогда. А переписчика здѣсь нѣтъ. Терпѣніе, милый другъ. Что-нибудь подоспѣетъ новое, тогда вдругъ все получишь. Между тѣмъ мое *Посланіе* очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего Нѣмецкаго порядка,—и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо діаволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы*, и гораздо ея лучше [12]). И этотъ *діаволъ* посвященъ будетъ милой переписчицѣ [13]), которая сама нѣкоторымъ образомъ по своей обольстительности—діаволъ.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо къ Блудову, который зоветъ, и напрасно, къ сожалѣнію моему, зоветъ меня въ Москву. Я буду въ Москвѣ не прежде, какъ въ концѣ Декабря, и то на короткое время, и ты непремѣнно въ ней быть долженъ. Въ про-

[10]) Эти стихи находятся у Горація во 2-мъ его посланіи (къ Леллію) книги первой (ст. 35 и слѣд.): „Если ты до разсвѣта дневнаго, съ возженною свѣчею, не будешь ощущать потребности въ книгѣ; если не будешь упражнять душу умственными и честными трудами, то, въ безсонницѣ, одолѣетъ тебя зависть или любовный жаръ“ (Прим. взято изъ „Русскаго Архива“ 1867 г.).

[11]) Племянница Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова?

[12]) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, именно первая часть, носящая теперь названіе „Громобой“.

[13]) А. А. Протасовой. См. посвященіе ей „Громобоя“.

тивномъ случаѣ, милый мой Миллеръ, мы можемъ опять не увидѣться, а это будетъ для меня очень грустно. Постарайся расположить дѣла свои такъ, чтобы тебѣ непремѣнно пріѣхать въ Москву около Новаго года.

Въ заключеніе письма двѣ просьбы: первая, непремѣнно увидѣться съ Сѣверинымъ, и попросить его для меня самымъ усерднымъ образомъ объ отвѣтѣ на мое письмо. Онъ жалуется на мое молчаніе, а самъ пренебрегаетъ отвѣчать мнѣ тогда, когда бы надобно было тотчасъ, безо всякаго замедленія, отвѣчать; ибо я, по прежней моей съ нимъ пріятельской связи, просилъ его объ услугѣ, въ точномъ увѣреніи, что ему пріятно будетъ для меня ее сдѣлать. Его молчаніе для меня непостижимо и, признаюсь, нѣсколько обидно. Можно ли такимъ образомъ перемѣняться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, чтó я долженъ подумать о его молчаніи?—Антонскій совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и пользоваться случаемъ нашего министра юстиціи [14]). Нѣтъ, я не поѣду; не сдѣлаю той глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать [15])! Все увѣряетъ меня, что нашъ министръ и для своихъ пріятелей министръ. Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно, и сдѣлать это, избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія, выплакивать себѣ выгоду, и предупредивъ ихъ своимъ добрымъ желаніемъ, и принаровивъ свое объ нихъ попеченіе къ ихъ собственнымъ желаніямъ и способностямъ. Онъ не Муравьевъ [16]), который два раза, не знавши меня совсѣмъ въ лицо, присылалъ у меня спрашивать, не можетъ ли онъ мнѣ быть полезенъ, и котораго я не могу вспомнить безъ благодарнаго чувства.... Но basta!

Зная теперь, какъ мнѣ время дорого, ты долженъ безъ всякаго отлагательства прислать мнѣ Латинскую грамматику и Греческую. И ты много одолжилъ бы меня, если бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ [17]) и Histoire de la diplomatie. На книги твои позволяю себѣ имѣть полное право, и ты долженъ снабжать меня всѣми, какія имѣешь. Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ. Только не медли!

---

[14]) И. И. Дмитріева, назначеннаго министромъ юстиціи въ Январѣ 1810 года.

[15]) Въ началѣ 1809 года Жуковскій ѣздилъ въ Петербургъ на короткое время (Примѣч. изъ Русскаго Архива 1867 года).

[16]) Михаилъ Никитичъ, о которомъ см. выше, въ письмѣ XII, прим. 8.

[17]) Какое именно сочиненіе историка и оріенталиста Іоганна Готфрида Эйхгорна (р. 1752 † 1827) желалъ имѣть Жуковскій, не видно ни изъ предыдущихъ писемъ, ни изъ послѣдующихъ. Быть можетъ, рѣчь шла о трудѣ Эйхгорна „Geschichte der Litteratur von ihrem Anfange bis auf die neuesten Zeiten“, который выходилъ въ Геттингенѣ съ 1805 года (6 томовъ, 1805—1812 гг.), или объ его „Weltgeschichte“ (Геттингенъ. 1799—1814) или „Geschichte der drei letzten Jahrhunderte“ (тамъ же, 1803—1804).

XXXI.

4 Декабря (1810, Бѣлевъ).

Послѣднее твое письмо отъ 17 Ноября. Оно служитъ отвѣтомъ на мое сердитое. Съ тѣхъ поръ ты уже успѣлъ получить два письма отъ меня, одно большое, другое съ запискою о дѣлѣ Екатерины Аѳанасьевны. Прошло уже три почты съ того времени, какъ я получилъ это послѣднее письмо твое, и отъ тебя нѣтъ отвѣта. Чтó причиною такой лѣни, любезный другъ? Книгу Уварова [1]) я получилъ, но при ней нѣтъ отъ тебя ни строчки. Кто же лѣнивѣе, ты или я? И отъ Блудова также нѣтъ отвѣта, а я ожидаю его съ большимъ нетерпѣніемъ. Что жъ это значитъ? По-настоящему, мнѣ надлежало бы наказать тебя молчаніемъ, но мнѣ самому теперь молчать не хочется и писать къ тебѣ совсѣмъ не тяжело для моей лѣни. Первое, скажу тебѣ, что я не совсѣмъ доволенъ послѣднимъ твоимъ письмомъ. Чтó значитъ выраженіе: тебѣ не нужно заставлять меня перечитывать письма твои, я и безъ того читаю ихъ сколько для удовольствія, столько для пользы. Неужели ты хотѣлъ мнѣ сказать комплиментъ? Не знаю отчего, но это выраженіе мнѣ очень не понравилось, и тѣмъ болѣе, что на слѣдующей же страницѣ доказалъ ты мнѣ очень ясно его несправедливость. Если бы ты перечитывалъ письма мои для пользы, то непремѣнно воспользовался бы дружескимъ моимъ *наставленіемъ* и прислалъ бы мнѣ Schlözer's Weltgeschichte [2]), о которой я особенно писалъ къ тебѣ въ двухъ письмахъ, а не написалъ бы ко мнѣ, что мнѣ не худо бы было имѣть между прочими и эту книгу. Ты критикуешь мой планъ *историческаго курса*; по длинному письму моему ты уже долженъ имѣть объ немъ яснѣйшее понятіе и, можетъ быть, уже теперь со мною согласенъ. Прибавлю одно то, что ты напрасно мнѣ представляешь примѣромъ Миллера. Онъ читалъ классиковъ и всему предпочиталъ источники, потому что уже имѣлъ въ головѣ основу, которой я не имѣю и безъ которой самые классики вдвое менѣе будутъ полезны. Къ ихъ чтенію Миллеръ приготовленъ былъ Геттингеномъ, а для меня не было Геттингена, и я долженъ былъ непремѣнно быть нѣсколько времени собственнымъ своимъ ученикомъ. Чтобъ быть современемъ чѣмъ-нибудь, мнѣ надобно непремѣнно *начать съ начала*—трудно, скучно, продолжительно, однако необходимо. Я уже не могу надѣяться достигнуть до учености обширной, но я могу пріобрѣсть хорошее образованіе, то именно, которое мнѣ нужно по моей части, то-есть по части *искусствъ изящныхъ*. Надлежитъ только сдѣлать хорошій и экономный планъ ученія, такой, чтобы не было употреблено пустаго труда и время не пропадало даромъ. Объ этомъ мы будемъ бесѣдовать съ тобою тогда, когда увидимся въ Москвѣ. Я буду въ ней непремѣнно въ концѣ Декабря; старайся и ты къ тому же времени туда пріѣхать; эта перспектива радуетъ меня чрезвычайно. Заранѣе однако прошу тебя привезть мнѣ изъ библіотеки своей всѣ тѣ книги, которыя сочтешь

---

[1]) Projet d'une Académie Asiatique. Вышла эта книга въ Петербургѣ въ 1810 году.

[2]) Вышла, въ двухъ томахъ въ Геттингенѣ въ 1785—1789 гг.

Подгорбунскій И. Шаманистическія вѣрованія Монголовъ и Бурятъ „Иркутскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Суворовъ И. Обозрѣніе событій, относящихся къ Исторіи Вологодской губерніи „Вологодскія Еп. Вѣд.“ № 2.

Толстой М. В. Хранилище моей памяти. „Душеп. Чтеніе“ № 1.

Флоринскій Н. І. Достопримѣчательное для почитателей памяти митрополита Московскаго Филарета. „Душеп. Чтеніе“ № 1.

Церковно-историческія и археологическія замѣтки и воспоминанія. „С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“ №№ 1, 2.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. „Рижскія Еп. Вѣд.“ № 3.

Высокопреосвященный Августинъ. (Изъ воспоминаній объ отечественной войнѣ). „Душеп. Чтеніе“ №№ 1—2.

Юницкій А. Гнѣзда сектантства на Кавказѣ. „Христіанское Чтеніе“ Январь—Февраль.

Царскія грамоты, жалованныя Акакіевской пустынѣ 1646, 1647, 1684 годовъ Запродажно-поступная запись отъ 1696 г. Заемная кабала 1717 года, Указъ 1717 года. „Яросл. Еп. Вѣд.“ № 5-й.

Жалованная грамота царя Θеодора Алексѣевича Іонѣ Митрополиту 1679 г. „Яросл. Еп. Вѣд.“ № 3.

Царскія грамоты, жалованныя Александровой пустынѣ. 1606, 1621, 1623. „Яросл. Еп. Вѣд.“ № 1, 2.

Псковская епархія, историч. очеркъ свящ, В. Д. Смиречанскаго. „Пск. Еп. Вѣд.“ № 1, 2, 3.

Матеріалы для исторіи Смоленской Епархіи. „Смол. Еп. Вѣд.“ № 1, 2.

Историческій очеркъ Рязанской духовной семинаріи (1840—1867). Д. Агнцева. „Ряз. Еп. Вѣд. № 1, 2.

Памяти епископа Θеофана. „Ряз. Еп. Вѣд“ № 3.

Монастыри Минской епархіи съ древнѣйшихъ временъ. „Минск. Еп. Вѣд.“ № 1, 2.

Жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича церковникамъ погоста Воскресенскаго 1647 года. Жалованная грамота паря Михаила Θеодоровича церквамъ г. Ярославля Воскресенской и Ильинской. 1617 „Яросл. Еп. Вѣд.“ № 6.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. Погодина.

Сочиненіе Николая Барсукова, **книга девятая** С.-Петербургъ 1895. 8° XII и 498 стр. цѣна 2 р. 50 к. Складъ. изданія въ кн. маг. М. М. Стасюлевича. С.Пб. Вас. Остр. 5 линія, д. 28.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой- **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный- 30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, **подписчики** «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.

Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

4.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1895.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА СОРОКОВАЯ.

Содержанiе: Переписка князя М. С. Воронцова съ графами Карломъ Васильевичемъ Нессельроде и Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.— Письма императора Николая Павловича.—Бесѣда князя М. С. Воронцова съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. М. 1895, 8°. 528 стр. Цѣна 3 р. Складъ изданiя: С.-П-бургъ, Моховая, д. князя Воронцова-графа Шувалова.

Историческiя статьи въ повременныхъ изданiяхъ не историческихъ за 1895 годъ.

Аскоченскiй И. Разсказы изъ исторiи духовнаго просвѣщенiя Руси. „Воронежскiя Епарх. Вѣд.“ № 1.

Григорiй арх. Донесенiе, письма и резолюцiи Филарета митрополита Московскаго. „Душеполезное Чтенiе“ № 3.

Д. Т. Изъ прошлаго Воронежской духовной семинарiи. „Воронежскiя Еп. Вѣд.“ № 1.

Комаровъ Г. Историческое описанiе церквей г. Казани. „Извѣстiя по Казанской епархiи“ № 1.

Комаровъ Н. Труды и заслуги покойнаго митрополита Московскаго Иннокентiя для православнаго Русскаго миссiонерства. „Православный Благовѣстникъ“ №№ 3—4.

Лупповъ П. Первые дни христiанства въ с. Уканѣ и его приходѣ. „Вятскiя Еп. Вѣд.“ № 1.

Малеванскiй Ф. Краткiй очеркъ Кiевской митрополiи отъ начала ея существованiя до конца XVIII вѣка. „Кiевскiя Еп. Вѣд.“ № 3.

Милютинъ Н. О безбрачiи (целибатѣ) Римско-католическаго духовенства въ Польшѣ. „Странникъ“ №№ 1—2.

Можаровскiй А. Нижегородская доля въ сформированiи 1-го курса Московскаго Университета въ 1755 году. „Ниж. Губ. Вѣд.“ № 1, 2.

Олонецкiй А. Еще объ Олонахъ. Историко-филологическiе наброски. „Олон. Губ. Вѣд.“ №№ 3, 5, 8, 10.

Палисадовъ Г. Макарiй, б. епископъ Донской и Новочеркасскiй. „Нижег. Губ. Вѣд.“ №№ 2, 4, 5, 6.

Симоновскiй В. За тридцать лѣтъ назадъ. (Изъ моихъ воспоминанiй). „Странникъ“ № 1.

Историко-статистическое описанiе церквей и приходовъ Волынской епархiи. „Волынскiя Еп. Вѣд.“ №№ 1—2.

Къ пятидесятилѣтiю Глазовскаго духовнаго училища. „Вятскiя Епарх. Вѣд.“ № 1.

Верхотурскiй монастырь. „Екатеринбургскiя Еп. Вѣд.“ №№ 1—2.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

Жизнь въ отставкѣ (1845 — 1848).

16-го Іюля 1845 г. Село Подоляны.

По пріѣздѣ въ Москву мнѣ предстояли занятія самыя скучныя съ управляющими ввѣренныхъ управленію моему имѣній, съ приказными и ходатаями по дѣламъ. Чувствителенъ былъ для меня переходъ отъ льготной Петербургской жизни къ симъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что я спѣшилъ возвратиться домой. Но и тутъ не миновали меня разспросы о дѣлахъ Кавказа, и равно посѣщали меня нѣкоторые изъ старыхъ сослуживцевъ моихъ, находившихся въ Москвѣ. Въ Москвѣ были увѣрены, что меня назначатъ начальникомъ штаба къ Воронцову и удивились, когда я возвратился безъ сего званія.

Я поспѣшилъ къ А. П. Ермолову, съ коимъ мнѣ только и было пріятно проводить время, и разсказалъ ему все, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Петербургѣ. Я не могъ оттуда писать къ нему, какъ онъ сего желалъ; ибо, увидѣвшись съ Закревскимъ у Палена, не нашелъ его въ томъ расположеніи, чтобъ онъ взялъ на себя пересылку къ Ермолову писемъ моихъ; да притомъ же мнѣ и времени не было писать. Я проводилъ у Алексѣя Петровича ночи въ чтеніи моихъ записокъ о поѣздкѣ въ Египетъ и походѣ въ Турцію, и тутъ имѣлъ еще болѣе случай замѣтить, что старость наложила на него начало разрушенія. Онъ самъ желалъ видѣть записки сіи, читалъ и слушалъ ихъ съ удовольствіемъ; но вниманіе его истощалось, и онъ часто прерывалъ чтеніе разговорами, а когда самъ бралъ книгу, хорошо писанную, то съ трудомъ разбиралъ ее, выговаривая совсѣмъ другія слова вмѣсто написанныхъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву я немедленно послалъ къ Головину письмо, которое къ нему имѣлъ отъ Н. Н. Муравьева, описавшаго ему вкратцѣ наши Петербургскія происшествія. Головинъ извѣстенъ своею разсѣянностью. Онъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и, всматриваясь въ

---

*) См. выше, стр 313.

меня, удивлялся, что не видитъ моего племянника; наконецъ, узналъ меня съ сознаніемъ въ своей разсѣянности. Могъ же Головинъ себѣ вообразить, что племянникъ писалъ къ нему длинное письмо изъ Москвы въ Москву, и ѣхалъ онъ на мою квартиру, воображая себѣ найти другаго! Затѣмъ слѣдовали распросы отъ Головина, во всякомъ случаѣ нескромные; потому что онъ глухъ. Кромѣ того, что я не расположенъ былъ ему вполнѣ открываться, меня стѣсняла глухота его, ибо ему все надобно было на ухо выкрикивать; тогда какъ съ одной стороны за дверью сидѣли у меня люди мои, а съ другой стороны за дверью же незнакомый мнѣ проѣзжій. Ужъ не знаю, что онъ могъ порядочно заключить изъ разговора со мною, только вставая сказалъ онъ: «Je n'ai donc qu' à me féliciter de m'être tiré de cette bagarre» *). Пускай себя люди поздравляютъ съ успѣхами въ дѣлахъ, гдѣ они не могли и неудачи имѣть, потому что до нихъ ничѣмъ не касались.

Я былъ у Головина. Онъ меня всегда принималъ съ отличнымъ уваженіемъ и какъ бы съ довѣренностью и показалъ мнѣ полученное имъ отъ графа Воронцова письмо, въ коемъ изъявлялись ему расположеніе и довѣренность новаго намѣстника, дружески напоминающаго ему прошлогоднюю встрѣчу ихъ въ чужихъ краяхъ и разговоры о Кавказѣ, причемъ Воронцовъ просилъ Головина сообщить ему мнѣнія его насчетъ настоящихъ дѣлъ въ той странѣ и свои предположенія для предстоящихъ военныхъ дѣйствій.... Головинъ показалъ мнѣ и отвѣтъ имъ изготовленный. Довольно длинная записка съ хорошими соображеніями, съ яснымъ, логическимъ изложеніемъ мыслей, писанная языкомъ понятнымъ и чистымъ, съ знаніемъ дѣла и изобрѣтательностью. Никогда не ожидалъ я такого произведенія отъ тяжелаго и непріятнаго глагола Головина, и по сему заключилъ, что человѣкъ сей не безъ достоинствъ; но достоинства сіи надлежатъ болѣе къ совѣщательной дѣятельности, чѣмъ къ практической, для коей нужно болѣе представительности и характера.

Головинъ просилъ не передавать Алексѣю Петровичу слышаннаго отъ него, и я въ точности исполнилъ желаніе его, не нарушивъ оказанной имъ довѣренности; но пересказалъ Ермолову письмо отъ Воронцова, чему онъ вѣрить не хотѣлъ...

Въ началѣ Февраля я выѣхалъ изъ Москвы, гдѣ провелъ одиннадцать скучныхъ дней. Поднялась мятель, такъ что я на четвертый лишь день могъ дотащиться до Красной Пальны, откуда мнѣ оставалось только 40 верстъ до дому. Переночевавъ, я пустился въ путь, но едва выѣхалъ изъ села, какъ усилившаяся вьюга принудила меня возвра-

---

*) Итакъ мнѣ остается лишь радоваться, что я выбрался изъ этого омута.

титься и провести еще день и ночь въ Пальнѣ, такъ что я только на пятый день выѣзда моего изъ Москвы могъ добраться до дома. Въ Пальнѣ провелъ я оба вечера съ Тергукасовымъ, коему далъ отчетъ во всемъ случившемся со мною, видѣнномъ и слышанномъ во время пребыванія въ Петербургѣ.

Не въ числѣ обыкновенныхъ удовольствій было для меня возвращеніе въ Скорняково, къ семейству, среди коего я привыкъ проводить время свое; но едва я успѣлъ отдохнуть два дня отъ трудовъ, перенесенныхъ мною въ дорогѣ, какъ занемогъ болѣзнью, два раза въ жизнь уже меня удручавшей: болѣзненное біеніе личныхъ нервовъ, tic douloureux. Причиною развитія сей болѣзни именно была простуда, которую я схватилъ дорогою; но полагаю, что въ семъ нервическомъ припадкѣ участвовало немало и сотрясеніе, полученное мною при перемѣнѣ жизни и встрѣчѣ съ людьми напоминавшими мнѣ прежніе года службы моей и обстоятельства, которыя могли снова завлечь меня на прежнее поприще мое. Въ дорогѣ я былъ одинъ съ думами своими, и при заботливомъ, вѣроятно и мнительномъ характерѣ моемъ, я не могъ съ безпечностью перебирать въ мысляхъ своихъ все со мною случившееся въ теченіе одного мѣсяца.

О дѣлахъ Воронцова узналъ я, что, не взирая на намѣреніе его проѣхать изъ Петербурга прямо въ Одессу, онъ заѣхалъ въ Москву, гдѣ провелъ одну ночь у Ермолова. О чемъ и какъ они судили, не знаю. Полагаю, что Воронцовъ сдѣлалъ поѣздку и посѣщеніе сіе для пріобрѣтенія себѣ народности въ Москвѣ; но не думаю, чтобъ онъ съ искренностью обратился къ совѣту Ермолова.

Въ Іюлѣ первыхъ числахъ поѣхалъ я для свиданія съ Долгорукимъ въ Подоляны, гдѣ и пишу нынѣ записки сіи. Долгорукову я также передалъ въ подробности всѣ обстоятельства путешествія моего въ Петербургъ, ибо люблю его и довѣряю ему; притомъ же считаю его способнымъ обдумать и обсудить всякое дѣло.

Отъ губернатора Ховена, недавно бывшаго у меня въ деревнѣ, узналъ я, что Государь располагалъ быть въ Воронежѣ въ концѣ Сентября мѣсяца, и я думалъ къ тому времени пріѣхать въ Воронежъ, въ томъ предположеніи, что сія поѣздка могла отнестись и къ обязанностямъ моимъ, какъ жителя Воронежской губерніи; но Долгорукій совѣтовалъ мнѣ въ такомъ только случаѣ ѣхать въ Воронежъ, если графа Орлова не будетъ съ Государемъ: ибо можно было предполагать, что сіе-то самое посредничество служило для меня препятствіемъ къ сближенію съ Государемъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Орловъ могъ устроить сближеніе мое съ Государемъ. Если онъ и положительно не

дѣйствуетъ противъ меня, то равнодушіе его къ сему дѣлу уже не можетъ принести мнѣ никакой пользы.

Теперь полно о службѣ и Кавказѣ. Снова принимаюсь за прежнія занятія свои съ совершеннымъ почти убѣжденіемъ, что я болѣе никогда не явлюсь на поприще служебной дѣятельности и почестей.

28 Декабря 1847. С. Скорняково.

Занятія мои въ деревнѣ увеличивались, но не дѣлами нашей экономіи, а дѣлами постороннихъ особъ. Такъ въ 1845 году принялся я за размежеваніе дачи А. П. Ермолова, лежащей въ 30 верстахъ за Ельцомъ. Дѣло было хлопотливое, непріятное по сношеніямъ, въ которыя я былъ поставленъ съ людьми, которыхъ никогда бы не желалъ видѣть. Но я приступилъ къ сему съ усердіемъ и дѣятельностію, потому что былъ одушевленъ желаніемъ угодить Алексѣю Петровичу. Владѣніе было переведено въ ясность, сосѣди согласованы, планы составлены; но едва только все кончилось, какъ имѣніе было продано Алексѣемъ Петровичемъ въ казну, и трудами моими онъ не воспользовался. Продалъ же онъ имѣніе свое съ какою-то цѣлью, дабы не воспользовалась онымъ по смерти его сестра, черезъ чтò лишились бы сего наслѣдства сыновья его. Оставалось еще одно дѣло труднѣе всѣхъ—взыскать съ поступившихъ въ казну крестьянъ старые недоимки; но и въ этомъ случаѣ мнѣ удалось, и деньги всѣ сполна были высланы Алексѣю Петровичу. Полагаю, что удача сія меня порадовала болѣе, чѣмъ его самого. Я радъ былъ показать ему на опытѣ готовность мою служить ему и преданность. Онъ въ томъ убѣдился, и я имѣлъ случай удостовѣриться въ семъ въ слѣдующую зиму, когда я былъ въ Москвѣ. Проводя у него вечера и часть ночей, въ короткой и дружественной бесѣдѣ, я могъ видѣть, сколько онъ былъ признателенъ къ моимъ чувствамъ. Близкія сношенія эти дали мнѣ случай увидѣть, что въ человѣкѣ семъ, при всѣхъ недостаткахъ его, много отличныхъ качествъ души, многими не признаваемыхъ, потому что онъ не расточается въ изліяніяхъ сердечныхъ сотрясеній своихъ. Я же, независимо отъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня признатетьностью его, убѣждаюсь, что въ немъ сердце мягкое, ребяческое, простое; оно закрыто постоянною представительностью, въ которую онъ долженъ облачаться, зная зависть и неблагонамѣренность, его удручающія. Здѣсь конечно не мѣсто говорить о его достоинствахъ, вообще разглашенныхъ и всѣми признаваемыхъ. Всѣ ему въ семъ отношеніи отдаютъ справедливость; я же, напротивъ того, выставляя свойства души его, не соглашусь, можетъ, съ общимъ мнѣніемъ на счетъ того, чтó бы онъ могъ сдѣлать, еслибъ занималъ какую либо должность въ

высшемъ правленіи государства. Но и въ сихъ достоинствахъ кто не признаетъ въ немъ разительнаго преимущества передъ всѣми нынѣ дѣйствующими лицами въ высшихъ сословіяхъ?

Часы, проведенные мною въ обществѣ Алексѣя Петровича въ теченіе зимы 1846 года были самые пріятные для меня. Остальное время озабочивали меня непріятныя дѣла Е. Ѳ. Муравьевой, коей проявляющаяся въ сношеніяхъ недовѣрчивость поражаетъ все участіе, принимаемое мною въ ея положеніи.

Лѣто 1846 года провелъ я въ деревнѣ. Многіе посѣщали меня. Между посѣтителями были люди и тяжелые, и пріятные; но всѣ посѣщенія сіи свидѣтельствовали объ участіи или дружбѣ ко мнѣ лицъ не имѣющихъ во мнѣ никакой существенной надобности.

Между тѣмъ протекали года. Пожилые старѣли, молодые приходили въ возрастъ. Меня занимали мысли о перемѣнѣ рода жизни для семейства, которое не должно было держать въ такомъ состояніи отшельничества. Надобно было куда нибудь да ѣхать. Куда же ѣхать? Разумѣется туда, гдѣ болѣе находилось родныхъ. Въ Митавѣ жила свояченица моя Вѣра Григорьевна, въ Нарвѣ Прасковья Николаевна, въ Петербургѣ мои родные и знакомые. Стало быть, слѣдовало направиться со всѣмъ семействомъ къ берегамъ Балтики, гдѣ можно было удовлетворить желаніямъ жены, старшей дочери и моимъ, доставивъ имъ и себѣ случай свидѣться съ родными.

Еще лѣтомъ заговаривалъ я о семъ намѣреніи, которое казалось несбыточнымъ по отдаленію и по затрудненіямъ, встрѣчающимся въ пути съ большимъ семействомъ. Но частые разговоры о семъ путешествіи знакомили всѣхъ съ возможностью предпринять оное, тѣмъ болѣе, что всѣмъ оно было пріятно.

Средства къ сему дальнему пути были подготовлены: уродилось въ томъ году много пшеницы, и часть доходовъ была уже собрана.

Въ Декабрѣ еще нѣкоторые изъ насъ жаловались на небольшіе недуги, то головою, то насморкомъ; но, не взирая на это, едва только замерзли вновь прошедшія въ Ноябрѣ рѣки, мы пустились въ путь, и на другой день всѣ выздоровѣли. Это было 19 Декабря. Насъ было всѣхъ дорожныхъ со слугами 11 человѣкъ; размѣстились же мы въ трехъ повозкахъ, изъ коихъ одна была сдѣлана мною на заказъ, закрытымъ возкомъ. Мы поднялись скоро и легко, и никому изъ насъ не казалось, что мы пускаемся въ дальній путь.

Сперва заѣхали мы проститься къ Суботину, въ Пальнѣ видѣлись съ Тергукасовымъ, и на третій день пріѣхали къ Тулу, гдѣ, отобѣдавъ у бывшаго тамъ губернаторомъ Н. Н. Муравьева, отправились черезъ Алексинъ, Калугу и Юхновъ на Вязьму. Тутъ мы выѣхали опять на

большую дорогу. Можно было ожидать остановки въ проѣздъ нашъ отъ Тулы до Вязьмы небольшими почтовыми дорогами, гдѣ лошадей было очень мало на станціяхъ; но вездѣ было можно найти наемныхъ лошадей за вольныя цѣны. Далѣе на большихъ дорогахъ до самой Митавы не встрѣтилъ я никакихъ препятствій на станціяхъ, какъ привыкъ бывало видѣть сіе, и потому заключилъ, что почтовое управленіе сдѣлало значительные успѣхи въ послѣднее время подъ управленіемъ Адлерберга. Вездѣ на станціяхъ находилъ я порядокъ и для проѣзжихъ удобства, которыхъ прежде и признаковъ не было. Въ городахъ, гдѣ мы черезъ ночь останавливались, находили мы вездѣ хорошія гостинницы, такъ что мы совершили путь свой безъ всякаго утомленія и безъ нужды, при хорошей дорогѣ и погодѣ, и 11-мъ днемъ поспѣли въ Митаву, проѣхавъ около 1.500 верстъ путями, о коихъ мнѣ разсказывали какъ о непроходимыхъ съ большимъ семействомъ.

Въ Вязьмѣ послалъ я отыскать и призвать къ себѣ отставнаго полковника Рюмина, служившаго нѣкогда при мнѣ въ Грузіи еще подпоручикомъ. Судьба его завлекла нечаяннымъ образомъ въ Вязьму, гдѣ онъ не имѣетъ никого родныхъ, но пріобрѣлъ много знакомыхъ. Я припомнилъ съ нимъ нѣкоторыя обстоятельства совмѣстной службы нашей.

Отъ Вязьмы же ѣхалъ я мѣстами, по коимъ проходилъ съ войсками въ 1812 году; узнавалъ мѣстности и вспоминалъ замѣчательныя событія того времени, уже 35 лѣтъ послѣ совершенія оныхъ. Путемъ симъ ѣхалъ я черезъ Смоленскъ, Красный, Витебскъ и Дриссу; но не кому было передавать мнѣ своихъ воспоминаній. За Краснымъ въѣхали мы въ Витебскую губернію, гдѣ я встрѣтилъ давно невидѣнныя мною Жидовскія мѣстечки. Я нашелъ ихъ запустѣвшими послѣ дѣятельныхъ мѣръ, принятыхъ противъ нихъ правительствомъ. Крайняя бѣдность, нищета повсюду преслѣдуютъ сей отвергнутый народъ, и я не могъ себѣ порядочно объяснить, зачѣмъ послѣдовали на нихъ сіи новыя гоненія, не могущія конечно служить къ водворенію настоящей промышленности.

Отъ Витебска далѣе находилъ я болѣе образованности и болѣе Польскаго, чѣмъ когда либо я въ той странѣ прежде видѣлъ: слѣды послѣдней Польской революціи или крутыхъ неумѣстныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для присоединенія жителей къ общему отечеству—Россіи.

Все перемѣнилось, когда мы въѣхали въ границы Лифляндской губерніи. Порядокъ, благоустройство явились на каждомъ шагу. Но все сіе достояніе принадлежало владѣльцамъ земель; воздѣлывателей едва было видно. Общій голосъ о нихъ въ Россіи упоминалъ только

объ угнетеніи, въ которомъ сіе племя Латышей находилось отъ притязательнаго правленія ихъ владѣльцевъ, Нѣмецкихъ бароновъ, до крайности раззорявшихъ низшій классъ, въ особенности съ того времени какъ крестьяне были объявлены (лѣтъ 8-мь тому назадъ) свободными безъ земли. Скорая мѣра сія нанесла болѣе зла чѣмъ добра.

28 Февраля 1848. С. Скорняково.

Бароны мало затруднились тогда въ изъявленіи своего согласія на такое предложеніе Государя, руководимаго или человѣколюбіемъ, или духомъ подражанія иностраннымъ державамъ, подъ вліяніемъ лая иностранныхъ журналовъ, или же съ видами пріобрѣсти болѣе силы въ народѣ противъ вліянія бароновъ. По освобожденіи отъ рабства Латыши лишились покровительства бароновъ, находившихъ свою собственную выгоду въ сбереженіи орудій своихъ къ земледѣлію. Безземельный классъ хлѣбопашцевъ хотѣлъ воспользоваться правами своими переходить во владѣнія другихъ помѣщиковъ; но владѣтели Курляндіи и Лифляндіи между собою въ родствѣ, какъ бы общимъ заговоромъ не стали принимать къ себѣ безпріютныхъ работниковъ на условіяхъ выгоднѣе тѣхъ, коими они пользовались въ оставляемыхъ ими помѣстьяхъ; посему земледѣльцы должны были оставаться у прежнихъ своихъ владѣльцевъ и подвергнуться гнету мщенія и совершеннаго уже порабощенія отъ бароновъ, коихъ они еще оскорбили при первомъ обнародованіи между ними вольности. Бароны остались въ выигрышѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчая дѣйствія противъ нихъ правительства, взирали на крестьянъ уже не такъ какъ на орудіе земледѣлія для нихъ полезное, но какъ на орудіе въ рукахъ правительства для угнетенія ихъ самихъ, и затѣмъ слѣдовало иное съ ними обхожденіе. Безщадны стали требованія и хотя требованія сіи были законныя, основанныя на договорахъ, но не менѣе того они клонились къ совершенному раззоренію рабочаго класса.

За симъ слѣдовали новыя обстоятельства. Правительство, замѣтивъ ошибку свою, требовало, чтобы дворянство уступило часть своихъ земель крестьянамъ и при семъ требованіи встрѣтило сопротивленіе. Никто не хотѣлъ уступить прямой собственности своей, пріобрѣтенной наслѣдствомъ или покупкою. Составлялись комитеты, были приглашенія; но дѣло не подвигалось впередъ, а напротивъ того еще болѣе сѣяло неудовольствій. Тогда принялись за другое средство. Замѣтили, что Лютеранскіе пасторы, пренебрегая прямыми своими обязанностями, предались болѣе видамъ пріобрѣтенія и сдѣлались настоящими владѣльцами, обложивъ повинностями въ работахъ крестьянъ, коихъ они не научали закону, изрѣдка только и едва навѣщая об-

ширные свои приходы, среди коихъ утрачивалось даже совершеніе обыкновенныхъ требъ крещенія и брака. Слабые въ правилахъ своей вѣры, Латыши готовы были принять всякую другую вѣру, лишь бы перемѣна сія избавила ихъ отъ угнетеній, терпимыхъ со стороны помѣщиковъ. Въ Россіи удивились, когда узнали, что 30.000 ихъ перешло въ Православіе и что многіе Лютеранскіе пасторы замѣнены Русскими священниками. Говорили о семъ событіи, какъ о послѣдствіи убѣжденія; но, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ проѣздъ мой черезъ Остзейскія губерніи, я узналъ, что поводомъ къ тому были мѣры, предпринятыя правительствомъ. Латышамъ обѣщали земли въ Великой Россіи, если они перейдутъ въ Православіе; но обѣщанія сіи были не гласныя, а слухи, пущенные въ народѣ посредствомъ подосланныхъ людей. Въ Ригѣ поставили епархіальнымъ епископомъ архіерея Иринарха, который, какъ меня увѣряли, склонялъ народъ къ принятію Православія, отъ чего крестьяне возмутились противъ своихъ помѣщиковъ. Произошли жалобы отъ владѣльцевъ, и наконецъ явная ссора между архіереемъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ барономъ Паленомъ. По словамъ Остзейскихъ бароновъ, озлобленіе Лютеранъ, въ числѣ коихъ находились всѣ Рижскіе граждане, было такъ сильно, что архіерей не могъ бы на улицу показаться. Гражданская власть съ угрозами и позорно бранилась съ духовною въ перепискахъ, такъ что правительство признало необходимымъ удалить Иринарха, и на мѣсто его поставили архіерея Филарета, молодаго человѣка, образованнаго, который занялъ свое мѣсто подъ страхомъ примѣра, случившагося съ его предмѣстникомъ. Вскорѣ и баронъ Паленъ былъ перемѣщенъ въ Государственный Совѣтъ, и мѣсто его дали Головину, человѣку умному, но хитрому, слабому и проповѣдующему необыкновенную преданность къ Православію, впрочемъ ни къ чему болѣе не способному какъ по слабости здоровья, такъ и по нерѣшительности своей и безпамятству.

Дѣло о введеніи Православія не менѣе того занимало правительство, и заблаговременно приготовленные Русскіе священники, выученные Латышскому языку, водворялись въ приходы, къ общему неудовольствію дворянъ. Завели на первый разъ походныя церкви, за которыми народъ слѣдовалъ толпами; переложили обѣдню на Латышскій языкъ. Но помѣщики дѣлали всевозможныя затрудненія нашему духовенству, отказывая нашимъ миссіонерамъ помѣщенія въ домахъ, наказывая крестьянъ своихъ, которые отлучались отъ работъ и представляя къ суду ослушниковъ. Были случаи самые горестные. Иныхъ преслѣдовали по клеветамъ, гоняли сквозь строй за оказанную привязанность къ церкви, которую мы же старались водворить: такъ само

правительство наше, подаваясь на жалобы владѣльцевъ, осуждало тѣхъ, которыхъ оно совращало.

Такія неосновательныя дѣйствія вскорѣ открыли народу глаза. Объ обѣщанныхъ земляхъ и помину болѣе не было; говорили: *обратитесь прежде всѣ, тогда вамъ дадутъ земли.* Священникамъ нашимъ потребовались деньги на содержаніе себя, семействъ своихъ, новыхъ церквей, которыя начали строить; бароны, подъ защитою законовъ, строго ограждали права свои, и въ народѣ скоро замѣтили, что все это дѣло обрушится на страждущій уже классъ. Рвеніе къ переходу въ Православіе исчезло, и многіе хотѣли обратиться къ прежнему порядку вещей; но уже было поздно. Гражданскій законъ нашъ вмѣнялъ сіе въ преступленіе нововѣрцамъ. Говорятъ, что жены Латышей въ семъ случаѣ оказали болѣе упорства, что онѣ не хотѣли крестить дѣтей своихъ въ Православіи и что будто нѣкоторыя изъ нихъ, во избѣжаніе принужденія, топили своихъ новорожденныхъ; но сіе слышалъ я отъ Нѣмцевъ, и потому и нельзя поручиться за справедливость сего сказанія.

Не менѣе того число переходящихъ не увеличивалось. Говорили въ Петербургѣ о 70,000 и ожидали еще болѣе; но это было несправедливо: ибо въ числѣ семъ находилась большая часть людей записавшихся желавшими принять Православіе, но не вступившихъ въ оное. Это послѣдовало отъ того, что правительство, ужаснувшись всеобщаго ропота дворянства въ Остзейскихъ губерніяхъ и желая увѣрить всѣхъ, что дѣло это было основано на убѣжденіи, предоставило крестьянамъ сперва записываться желающими, а поступать только черезъ 6 мѣсяцевъ, давъ имъ это время на размышленіе. Мѣра сія была принята тогда уже, когда въ народѣ замѣтили, сколь мало можно было подаваться на обѣщанія правительства, и потому почти всѣ вновь записавшіеся не возвращались болѣе къ нашему духовенству, и имена ихъ наполняли только списки, посылаемые въ столицу.

Навѣдываясь въ теченіе сей поѣздки моей о семъ переходѣ Латышей въ Православіе, я узналъ, что первая мысль о семъ была подана правительству нашему миссіонерами Гернгутеровъ, которые, озлобленные въ отправленіи обязанностей своихъ Лютеранскими пасторами, хотѣли было водворить свое ученіе между Латышами, но были отвергнуты мѣстнымъ духовенствомъ. Въ отмщеніе за сіе Гернгутеры будто погрозились сразить ихъ введеніемъ Русскаго закона, въ чемъ имъ и удалось происками въ Петербургѣ.

Слышалъ я также, что правительство наше, изыскивая всѣ средства къ достиженію своей цѣли, подсылало будто людей съ волшебными фонарями, въ коихъ они, показывая народу картофель въ не-

обыкновенномъ размѣрѣ, говорили, что такой плодъ произрастаетъ на обѣщанныхъ земляхъ; но сказаніе это, можетъ быть, и насмѣшка.

Въ Петербургѣ долго шло преніе, вводить ли или не вводить Православіе въ Остзейскихъ губерніяхъ. Высшіе чины правительства раздѣлились на двѣ партіи: Русскую и Нѣмецкую. Къ первой принадлежалъ Государь, ко второй царская фамилія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, на комъ возлежало исполненіе сего предположенія, просилъ положительно Государя, передъ отъѣздомъ его за границу, обнаружить свои намѣренія, дабы ему имѣть на чемъ основать свои дѣйствія. Государь обнаружилъ только желаніе свое, чтобы дѣло сбылось, но вмѣстѣ и волю свою, дабы его имя было устранено въ семъ дѣлѣ. Перовскій, движимый безотчетною любовью ко всему отечественному, много встрѣчалъ препятствій въ отсутствіе Государя со стороны Наслѣдника, но настаивалъ на возможности и совершеніи дѣла близкаго къ его образу мыслей. Успѣхъ имъ достигнутый на первыхъ порахъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, не взирая на то, что въ Петербургѣ радовались перерожденію Остзейскаго края.

Въ эту самую эпоху посѣтилъ я страну сію, гдѣ засталъ въ низшемъ классѣ угнетеніе, а въ верхнемъ и среднемъ озлобленіе съ презрѣніемъ противъ Русскихъ. Не взирая на отчетливость Нѣмцевъ во всѣхъ сношеніяхъ, какого бы они рода ни были, нерасположеніе ихъ къ намъ могло проскакивать и при внимательномъ наблюденіи явно обнаруживалось. Россія на всегда лишилась преданности нашего дворянства, говорили бароны, и чувство сіе болѣе не возвратимо. Конечно намъ не для чего было и искать съ толиками пожертвованіями расположенія Остзейскаго дворянства, и обнаруженіе чувствъ ихъ могло только лучше предостеречь насъ на счетъ ихъ образа мыслей и того, чего отъ нихъ можно было ожидать; но пути, коими мы слѣдовали, не были прямые. И безъ сихъ скрытныхъ и возмутительныхъ средствъ можно было всегда видѣть, что они не терпятъ Русскихъ, а только усердствовали къ царской фамиліи, пока были ласкаемы и награждаемы щедротами нашего произведенія и преимуществами на счетъ настоящихъ сыновъ общаго отечества.

Марта 21-го (1848) С. Скорняково.

Мы пріѣхали въ Ригу въ послѣднихъ числахъ Декабря. Хотѣлось мнѣ видѣться съ комендантомъ Мандерштерномъ, нѣкогда сослуживцемъ моимъ; но мнѣ тогда не удалось сіе по краткости времени, и мы продолжали путь свой въ Митаву, куда пріѣхали часовъ въ 10 вечера и помѣстились въ трактирѣ. Жена въ туже минуту отправилась къ сестрѣ своей; вскорѣ явилась и она съ дѣтьми.

Намъ конечно были рады..... Я болѣе всего сидѣлъ дома и нашелъ нѣсколько пищи умственнымъ занятіямъ своимъ въ бесѣдахъ съ пасторомъ имѣнія Палена Циммерманомъ, человѣкомъ кажущимся простодушнымъ и откровеннымъ. Въ разговорахъ съ нимъ я могъ замѣтить, сколько духовенство той страны отклонилось отъ настоящей цѣли своей—проповѣданія Слова Божія. И сіе-то, можетъ быть, было причиною тому, что первые приступы православной пропаганды имѣли успѣхъ между Латышами. Пасторы у нихъ — помѣщики безъ владѣній; кредитъ свой поддерживаютъ они вмѣшательствомъ въ частныя и семейныя дѣла крестьянъ, охотно прибѣгающихъ къ ихъ мнѣнію и суду, и занятія такого рода узаконены ими подъ названіемъ Consultation, для чего у нихъ есть даже назначенные дни и часы; но при этомъ уже устраняются помышленія о вѣрѣ: ихъ замѣняютъ виды корысти. Пасторы выдаютъ прихожанамъ своимъ письменные виды на позволеніе ходить по міру и собирать подаянія, сами же либо знаются съ владѣльцами, либо проводятъ время въ изслѣдованіяхъ учености, по тѣмъ предметамъ или наукамъ, къ коимъ они болѣе имѣютъ склонности.

Я не имѣлъ случая сдѣлать съ кѣмъ либо знакомство и проводилъ время свое болѣе въ одиночествѣ, и въ семъ отношеніи мнѣ только удалось два раза видѣться съ генераломъ Крейцомъ, подъ начальствомъ котораго я нѣкоторое время служилъ въ Польскую войну....

Я не упустилъ однакоже случая обозрѣть все, что̀ могло возбудить мое любопытство въ Митавѣ и посѣтилъ Музеумъ Курляндскій, заведеніе примѣчательное, какъ остатокъ національности той стороны. Въ Музеумѣ семъ хранятся рыцарскіе доспѣхи, собраніе портретовъ всѣхъ герцоговъ Курляндскихъ, начиная отъ перваго Кетлера до извѣстной красавицы Биронъ, вышедшей за мужъ за племянника Талейрана, собраніе всѣхъ птицъ собственно въ Курляндіи водящихся, собраніе вещей и оружія, принадлежавшаго Латышамъ до и во время завоеванія ихъ Нѣмецкими рыцарями, собраніе разнаго рода уродовъ, родившихся въ Курляндіи, собраніе набитыхъ птицъ и жаворонковъ Американскихъ. Музеумъ сей довольно обширный собранъ съ однихъ Курляндцевъ, безъ какого либо вспоможенія со стороны правительства, но съ нѣкотораго времени начинаетъ упадать. Настоящаго хозяйственнаго попечительства о немъ нѣтъ, а есть какое-то неважное лице, родъ слуги, который не что̀ иное какъ хранитель за̀мка. Многія приношенія, если и занесены въ опись, то еще не размѣщены, а сложены въ углу, въ безпорядкѣ, какъ бы въ ожиданіи заботливаго попечителя. Въ Музеумъ сей принимались всѣ приношенія Курляндцевъ, относящіяся даже до личныхъ подвиговъ уроженцевъ Курляндскихъ. Такъ я нашелъ тамъ извѣстное изображеніе смерти бывшаго адъю-

танта моего Курляндца Лауница, убитаго въ 40-хъ годахъ въ Абхазіи, памятникъ доставленный въ Музеумъ братомъ убитаго. Въ Музеумъ сей принимаются даже портреты Курляндцевъ извѣстныхъ на службѣ или по какимъ либо заслугамъ на военномъ или ученомъ поприщѣ. Такъ видѣлъ я тамъ портретъ генерала Ридигера, командира 3-го пѣхотнаго корпуса. Жаль, что заведеніе сіе упадаетъ безъ всякой надежды вновь подняться, не иначе какъ съ участіемъ правительства, ибо бароны остыли къ собиранію національныхъ памятниковъ.

Я навѣстилъ также въ Митавѣ склепъ, въ коемъ хранятся останки всѣхъ герцоговъ ихъ, опять начиная съ Кетлера до послѣдняго Бирона, злодѣя Россіи. Всѣ они сложены въ великолѣпныхъ гробахъ. Кетлера остались только однѣ кости; но послѣдніе герцоги, вѣроятно набитые или бальзамированные, сохранились почти въ цѣлости. Самъ же Биронъ лежитъ среди ихъ какъ бы неприкосновенный временемъ, на поруганіе потомства. Въ лицѣ его сохранилось выраженіе злости, которую онъ утолялъ на нашихъ предкахъ и несчастномъ отечествѣ нашемъ, и отвратительный по воспоминаніямъ ликъ его лежитъ одѣтый въ придворномъ платьѣ съ Андреевскимъ орденомъ. Склепъ этотъ находится подъ зàмкомъ: отдѣльное большое строеніе, уже Русскими построенное, въ которомъ долгое время жилъ Людовикъ XVIII.

Долѣе десяти дней, проведенныхъ мною въ Митавѣ я бы сталъ скучать, потому что мнѣ предстояло пріятнѣйшее препровожденіе времени въ Нарвѣ и въ Петербургѣ, съ родными и людьми, ко мнѣ ближе расположенными и болѣе гостепріимными.

Около 2-го числа Генваря мѣсяца выѣхалъ я со старшею дочерью изъ Митавы въ Нарву для свиданія съ Прасковьею Николаевною Ахвердовою. Мы пріѣхали ночевать въ тотъ же день въ Ригу, гдѣ, за неимѣніемъ удобнаго помѣщенія въ гостиницѣ, остановились ночевать у племянника моего Муравьева, Василья, сына брата Михайлы, служившаго тогда адъютантомъ при военномъ генералъ-губернаторѣ Остзейскихъ провинцій Головинѣ.

На другой день былъ я у Головина и нашелъ его много ободрившимся какъ душевно, такъ и тѣлесно послѣ того, какъ я его видѣлъ въ Москвѣ, гдѣ онъ совсѣмъ было упалъ духомъ и силами. Не менѣе того человѣкъ этотъ, при всемъ умѣ его, казалось, не былъ рожденъ для управленія какою-либо важною должностью, по слабости его характера. Мѣсто его въ Ригѣ было очень затруднительно по тогдашнимъ смутамъ между дворянствомъ, землевладѣльцами и всѣми сословіями, введеніемъ Православія. Головина вѣроятно назначили въ сіе мѣсто какъ извѣстнаго поборника за Православіе; но тутъ нельзя было заниматься всякаго рода расколами и сектами, какъ онъ прежде

то дѣлалъ; надобно было угодить и правительству и предупредить безпорядки, повсюду показывавшiеся отъ неосторожно принятыхъ мѣръ. Его одолѣли бароны, и онъ, не передаваясь ни на какую сторону, дѣйствовалъ по ближайшимъ впечатлѣнiямъ до него доходившимъ, въ пользу бароновъ, слѣдственно къ утѣсненiю народа, и едва ли возможно было въ тогдашнее время начертать себѣ какой-либо основательный путь дѣйствiй. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, и тѣмъ кончилось свиданiе наше. Отъ него поѣхалъ я къ епархiальному архiерею Филарету. Молодой человѣкъ очень образованный, но также затрудненный въ исполненiи своей обязанности. Онъ говорилъ со мною о дѣлахъ Православiя и повидимому не довѣрялъ постоянству предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ, жаловался на упорство бароновъ; между тѣмъ, ставя въ примѣръ случившееся съ предмѣстникомъ его, Филаретъ, какъ видно, былъ недоволенъ своимъ мѣстомъ. Онъ въ разговорѣ объяснялъ мнѣ много случаевъ, въ коихъ бароны дѣлали всякiя препятствiя къ водворенiю Православiя, но укрывалъ отъ меня, что первые порывы народа, возбужденные обѣщанiями правительства, уже остывали.

Я отобѣдалъ у стараго сослуживца моего Мандерштерна, еще накунунѣ навѣстившаго меня, и былъ дружески принятъ въ его семействѣ. Дня черезъ два прiѣхалъ я въ Нарву, любуясь порядкомъ, заведеннымъ въ отправленiи службы на почтовыхъ станцiяхъ по всей Лифляндiи и по удобствамъ вездѣ встрѣчаемымъ проѣзжими.

Велика была радость Прасковьи Николаевны меня видѣть съ дочерью. Я провелъ у нея четыре дня въ домѣ въ воспоминанiяхъ старыхъ временъ пребыванiя нашего въ Грузiи. И въ Нарвѣ, гдѣ былъ командиромъ братъ Мандерштерна, не упустилъ я случая видѣть все замѣчанiя достойное, какъ-то ратушу, сохранившуюся еще въ томъ видѣ, какъ она была во время владычества Шведовъ. Тамъ видѣлъ я нѣкоторые доспѣхи Карла XII; но всего болѣе заняло меня разсматриванiе старинныхъ документовъ, принадлежащихъ городу Нарвѣ, подписанныхъ извѣстными лицами, какъ-то Густавомъ-Адольфомъ, Оксенстiерною, Христиною, Карломъ XII, Анною Ивановною. Я также навѣстилъ бывшiй дворецъ Петра Великаго, въ коемъ сохраняются еще нѣкоторыя вещи домашней его утвари. Вообще Нарва мнѣ очень понравилась какъ по мѣстоположенiю своему, такъ и по роду жизни тамошнихъ жителей. Нѣтъ ни шумныхъ собранiй, ни роскоши; всѣ живутъ уединенно и собираются только въ небольшихъ кругахъ, проводя время тихо и съ удовольствiемъ. Притомъ же городъ сей служитъ какъ бы мѣстомъ уединенiя людямъ, оставившимъ службу и не имѣющимъ надобности проживать въ столицѣ; тутъ живутъ многiя вдовы людей

занимавшихъ высокія мѣста въ правительствѣ, такъ что всегда можно найти небольшой кругъ порядочныхъ и образованныхъ людей. Между послѣдними встрѣтилъ я у коменданта Мандерштерна отставнаго генерала Арпса, командовавшаго нѣкогда лейбъ-гвардіи гусарскимъ полкомъ. Онъ извѣстенъ былъ по ловкости своей, образованію и по женитьбѣ на женѣ З. . . , которую онъ увезъ отъ мужа, сочетался съ нею и теперь съ нею живетъ. Нельзя было избѣжать разговоровъ о тогдашнемъ введеніи Православія въ Остзейскихъ краяхъ, и я отъ него слышалъ вещь совершенно для меня новую, именно, что Нѣмецкое дворянство нашихъ провинцій не считало себя въ составѣ общаго семейства Россіи, но только зависящимъ отъ настоящей династіи нашихъ государей. Арпсъ, какъ обрусѣлый по возможности въ службѣ Нѣмецъ, не показывалъ особеннаго пристрастія; но не могло однакоже отъ меня укрыться, что извѣстное оскорбленіе, нанесенное Нѣмецкому дворянству скрытыми путями нашего правительства, не было и ему чуждо. Впрочемъ, человѣка этого, по уму его и образованію, конечно, можно было считать пріятнымъ собесѣдникомъ.

Москва, 17-го Мая 1848 г.

Пробывъ четыре дня въ Нарвѣ, я оставилъ тамъ дочь свою, а самъ отправился въ Петербургъ, гдѣ остановился у брата Михаила. Въ кругу родныхъ и многихъ старыхъ сослуживцевъ моихъ меня все еще считали какъ бы предназначеннымъ ко вступленію въ службу. Общій говоръ побудилъ меня обратиться съ вопросомъ по сему предмету къ тому лицу, коему я больше другихъ довѣрялъ по его благоразумію и безпристрастію: именно къ Семену Николаевичу Корсакову. Я просто спросилъ его мнѣнія, долженъ ли я былъ вступить въ службу и получилъ въ отвѣтъ слова сіи, крѣпко запечатлѣвшіяся въ памяти моей и въ сердцѣ: Ne dérogez pas à votre caractère *).

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я видѣлся раза два или три съ графомъ Орловымъ, который принялъ меня, повидимому, наружно дружески. Сердечнаго участія я не ожидалъ отъ него. Раза два заговаривалъ онъ о службѣ; но, видя, что я не имѣлъ намѣренія проситься, разговоръ о томъ прекращалъ и обращалъ къ постороннимъ предметамъ.

Съ Великимъ Княземъ Михайломъ Павловичемъ я старался свидѣться; но вскорѣ замѣтилъ изъ отзывовъ служащаго при немъ генерала Бибикова, что представленіе мое Его Высочеству отклонялось, и потому я оставилъ о томъ ходатайствовать. Полагать должно, что свиданіе мое съ нимъ два года назадъ было непріятно Государю.

---

*) Не измѣняйте вашему характеру.

Генералъ-адъютантъ Анрепъ, бывшій у меня нѣсколько разъ, уговорилъ меня заѣхать къ военному министру. Я былъ у него и, не заставъ его дома, оставилъ карточку. Анрепъ говорилъ о томъ князю Чернышову, который положительно увѣрялъ его, что я не заѣзжалъ, и я оставилъ обстоятельство сіе безъ вниманія.

Я заѣзжалъ также къ князю Меншикову, не засталъ его, какъ и онъ меня дома не засталъ, отдавая визиты. Былъ у Киселева, съ коимъ провелъ около получаса въ разговорѣ объ устройствахъ по его министерству, касательно казенныхъ крестьянъ. Онъ спросилъ меня, не располагаю ли я снова вступить въ службу. Я объяснилъ ему въ общихъ выраженіяхъ опасенія мои встрѣтить начальниковъ ко мнѣ не благоволящихъ. Онъ меня понялъ и самъ назвалъ Паскевича и Воронцова, говорилъ о мѣстѣ генералъ-губернаторскомъ, но говорилъ только для разговора о семъ предметѣ.

Были также здѣсь у брата Михаила разговоры съ министромъ Перовскимъ о назначеніи меня на мѣсто князя Горчакова, который, слышно было, желалъ оставить свое мѣсто генералъ-губернатора Западной Сибири, и которое принять я бы былъ согласенъ. Говорили также о генералъ-губернаторствѣ въ Восточной Сибири, котораго я для себя не желалъ, и дѣло это такъ кончилось безъ всякихъ послѣдствій.

Я видѣлся также съ Перовскимъ, старымъ сослуживцемъ моимъ. Его тогда, какъ и всѣхъ въ Петербургѣ, много занимало введеніе Православія въ Остзейскихъ губерніяхъ, о чемъ онъ и много говорилъ со мною. Государь, по словамъ Перовскаго, желалъ, чтобы дѣло сіе свершилось, но хотѣлъ, чтобъ его имени въ томъ не было, что́ затрудняло исполнителей. Перовскій говорилъ мнѣ: Nous voyons la réalisation des rèves de notre jeunesse à l'égard des Allemands *).

Такія сужденія казались мнѣ неумѣстными отъ лица столь высокопоставленнаго. Онъ сказывалъ также, что къ удивленію его встрѣтилъ онъ между Русскими много Нѣмцевъ; ибо многіе не оправдывали притѣснительныхъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ семъ дѣлѣ. Много объяснялъ мнѣ также по сему предмету директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Скрипицынъ, человѣкъ отъ природы умный, но завлекающійся самолюбіемъ своимъ, самонадѣянностью и повѣствовательностью. Вообще они всѣ ошибались на счетъ успѣха введенія Православія между Латышами и какъ бы сами отъ себя таили уклончивость, которую Латыши стали показывать отъ принятія Греческой вѣры, послѣ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ сокращенію ихъ ослушанія помѣщикамъ. Извѣстно однакоже было, что многіе изъ

---

*) Мы видимъ, какъ сбываются мечтанія нашей юности относительно Нѣмцевъ.

нихъ, не довѣряя болѣе правительству, сожалѣли о первомъ шагѣ, ими не обдуманно сдѣланномъ и, при оставленіи ими нашей церкви, наказывались уже по закону, какъ вѣроотступники.

Къ сожалѣнію моему, могъ я болѣе и болѣе удостовѣряться, что въ высшемъ правительствѣ нашемъ не знаютъ о происходящемъ внѣ столицы, а тамъ, гдѣ и узнаютъ о томъ, стараются ослѣпить себя, какъ бы въ свое утѣшеніе.

Москва, 18-го Мая 1848 года.

Проведя въ Петербургѣ болѣе 20 дней въ пріятномъ кругу родныхъ и среди привѣтливыхъ сослуживцевъ моихъ старыхъ годовъ, я выѣхалъ оттуда въ Нарву, гдѣ назначено было съѣхаться всему семейству, раскиданному на пространствѣ между Митавою и Петербургомъ. Предположеніе мое было проѣхать изъ Нарвы въ Сырецъ, деревню брата Михайлы, гдѣ соединились бы на общемъ пиру всѣ родные, и оттуда уже пробраться черезъ Новгородъ въ Москву; но братья мои и родные затруднялись отлучаться отъ своихъ должностей на 150 верстъ отъ Петербурга, почему мы и отмѣнили этотъ съѣздъ.

Въ первыхъ числахъ Февраля, въ Нарвѣ мы всѣ снова соединились. Я хотѣлъ проѣхать въ Новгородъ прямою дорогою, чтобы миновать Петербургъ, но на то предстояло много затрудненій по недостатку лошадей на проселочныхъ дорогахъ, а потому долженъ я былъ избрать путь черезъ Красное и Царское Село. Но, будучи въ Царскомъ Селѣ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Петербурга, я не хотѣлъ упустить случая познакомить семейство свое съ родными, почему немедленно послалъ къ нимъ въ Петербургъ повѣстку съ приглашеніемъ къ себѣ.

Утромъ другаго дня я воспользовался, чтобы видѣть знаменитый Музеумъ Государя древняго оружія и рыцарскихъ доспѣховъ. Возвратившись въ трактиръ, гдѣ я остановился, я нашелъ у себя уже значительный съѣздъ, который поминутно увеличивался, такъ что вскорѣ собралось у меня двадцать два пріѣзжихъ родныхъ, въ числѣ коихъ были братья Александръ, Михаилъ, Корсаковы, Муравьевы. Мы отобѣдали вмѣстѣ и провели время самымъ пріятнымъ образомъ до вечера. Никакая посторонняя мысль кромѣ самой искренней дружбы никого изъ насъ не занимала. Много радовались дѣти и племянники наши, имѣвшіе случай познакомиться и сблизиться. Всѣ уѣхали въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. Мы ночевали и на другой день поѣхали въ Москву. Въ Новгородѣ видѣлись мы съ Ховеномъ, переведеннымъ туда на мѣсто губернатора изъ Воронежа.

Съ непріятнымъ чувствомъ подъѣзжалъ я къ Москвѣ, гдѣ, вмѣсто удовольствій, встрѣченныхъ мною во время всей поѣздки моей, ожидалъ

я только хлопоты и скуку. Дѣла Е. Ѳ. болѣе всего затрудняли меня. Несчастное расположеніе этой умной женщины, можетъ-быть, было послѣдствіемъ многихъ горестей, черезъ которыя она прошла. Обладая большимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, она желала утвердить оное за внуками своими и оставшимся у нея сыномъ; но одна изъ внукъ ея (дочерей сосланнаго въ Сибирь сына ея Никиты) была сумасшедшая, другая лишена всѣхъ правъ наслѣдства; второй сынъ ея Александръ, хотя и освобожденъ отъ званія каторжника и опредѣленъ канцелярскимъ служителемъ въ Тобольскѣ, но также не имѣетъ никакихъ правъ на наслѣдство. Съ другой стороны, законные наслѣдники ея, Челищевы, имѣвшіе послѣ сумасшедшей внуки ея право на имѣніе ея, могли послѣ смерти ея простирать иски свои на опеку надъ сумасшедшею, которой положеніе бабка не рѣшалась обнаружить.

Мысль ея была продать на чье-либо имя имѣнія свои при жизни своей, чтобы достояніе сіе не перешло въ руки Челищевыхъ. Нѣсколько разъ приступала она къ сему, избирая меня дѣйствующимъ лицемъ, и всякій разъ отступала отъ своихъ намѣреній, не объявляя никому причинъ своего недовѣрія.

Къ скучному пребыванію моему въ Москвѣ присоединялись еще другія непріятныя обстоятельства. Слуга мой, старый и лучшій изъ сопровождавшихъ насъ въ семъ путешествіи, занемогъ. Я жилъ съ семействомъ въ трактирѣ, что̀ мнѣ стоило очень дорого. Многіе навѣщали меня; но силы мои истощались, и пока комната моя наполнялась людьми, коихъ часто и видѣть не хотѣлъ бы, я слышалъ за перегородкой бредъ и стоны умирающаго спутника своего и провелъ нѣсколько ночей отъ того безъ сна. Видя, что болѣзнь его, бѣлая горячка, усиливалась, я рѣшился отправить его въ госпиталь и поскорѣе выбраться изъ Москвы, откуда и выѣхалъ уже въ первыхъ числахъ Марта. Слуга мой прибылъ ко мнѣ въ деревню уже въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Наконецъ, мы выѣхали изъ Москвы, ко всеобщей нашей радости, въ Тулу, гдѣ остановились на одни сутки, чтобы видѣться съ Н. Н. Муравьевымъ. Тутъ видѣлся я со старымъ знакомымъ моимъ Мазаровичемъ, человѣкомъ умнымъ и добросовѣстнымъ. До́ма съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня управляющій имѣніемъ, старый сослуживецъ мой Кириловъ.

Лѣто 1847 года провелъ я мирно и благополучно въ своемъ уединеніи, продолжая обыкновенныя занятія мои по хозяйству, чтеніе и изученіе языковъ Еврейскаго и Латинскаго. Въ теченіе лѣта получено было извѣстіе о кончинѣ за границею свояченицы моей Софьи Григорьевны Чернышовой-Кругликовой; семейство ея съ Иваномъ Га-

вриловичемъ возвратилось въ Петербургъ; но вскорѣ, осенью, узнали мы, что и Иванъ Гавриловичъ скончался. Положеніе сиротъ безпокоило жену мою, и я согласился отпустить ее въ Петербургъ со старшею дочерью. Съ меньшими дочерями остался я зимовать въ Скорняковѣ, гдѣ имѣлъ усердную при дѣтяхъ помощницу въ поступившей къ намъ въ домъ въ Августѣ мѣсяцѣ гувернанткѣ-Швейцаркѣ m-lle Farron.

Дочь моя Наташа понравилась сыну Семена Николаевича Корсакова, Николаю, молодому человѣку съ достоинствами и доброю нравственностью, и чувство это нашло въ Наташѣ моей взаимность.

Жена привезла мнѣ богато убранную портфель съ портретомъ Алексѣя Петровича Ермолова, которую я поручилъ ей заказать для меня въ Петербургѣ. Вотъ подробности этого обстоятельства. Два года тому назадъ Алексѣй Петровичъ просилъ меня доставить ему дагеротипный портретъ мой; я его сдѣлалъ и привезъ къ нему. На другой годъ увидѣлъ я на этомъ портретѣ слѣдующую надпись имъ сдѣланную: Multos illustrat fortuna dum vexat [1]).

Нельзя было придумать ничего лестнѣйшаго; но кто бы и придумалъ лучше Алексѣя Петровича? Онъ прислалъ мнѣ вновь отлитографированный портретъ свой съ двумя надписями, сдѣланными его рукою. Въ одной было: Ludit in humanis divina potentia rebus [2]). Этотъ самый портретъ послалъ я въ Петербургъ для оправы его въ портфель. На крышкѣ портфеля сдѣлалъ я крупными литыми серебряными буквами надпись: Invidia gloriae comes est [3]). Въ портфель собралъ я всѣ письма его ко мнѣ, и положилъ въ библіотеку этотъ памятникъ расположенія его ко мнѣ....

Въ началѣ весны открылись происшествія, взволновавшія всю Европу. Явился манифестъ, коимъ Государь призывалъ всю Россію къ подавленію смутъ Запада. Я призадумался, опасаясь въ послѣдствіи времени собственнаго своего упрека, что не исполнилъ обязанности своей, не вызвавшись на службу. Вскорѣ послѣ того получилъ я письмо отъ брата Михайлы, длинное, убѣдительное, коимъ онъ приглашалъ меня вступить въ службу. Хотя онъ въ письмѣ своемъ не объяснялъ повода его, къ тому побудившаго; но изъ нѣсколько мѣстъ письма сего было видно, что поводъ сей существовалъ. Я съѣздилъ посовѣтоваться съ Тергукасовымъ, совѣтывался съ Долгорукимъ, тогда у меня гостившимъ, и рѣшился написать слѣдующее письмо къ Государю:

---

1) Фортуна многихъ прославляетъ, угнетая.

2) Въ человѣческихъ дѣлахъ играетъ божественная сила.

3) Зависть сопутствуетъ славѣ.

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь!

Одушевленный чувствомъ долга, памятуя благодѣянія и довѣріе, коими Вашему Императорскому Величеству угодно было нѣкогда меня осчастливить, я пріемлю смѣлость повергнуть къ стопамъ Вашимъ вѣрноподданнѣйшее желаніе мое снова стяжать на службѣ Вашего Императорскаго Величества прежнее милостивое расположеніе Ваше.

Какъ Русскій, преданный священной особѣ Вашей, я скорблю не быть въ настоящее время въ числѣ поборниковъ за престолъ и прошу Васъ милостиво принять сіе искреннее изложеніе вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ моихъ, повелѣвъ зачислить меня на службу Вашего Императорскаго Величества. Возродите тѣмъ, Государь Всемилостивѣйшій, во мнѣ силы подвизаться за святое дѣло Ваше, коему всегда посвящались помыслы мои.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Николай Муравьевъ, уволенный отъ службы генералъ-лейтенантъ. С. Скорняково Задонскаго уѣзда, Апрѣля 8 дня 1848 года».

Письмо это я вложилъ въ другое коротенькое на имя графа Орлова, котораго я просилъ доставить Государю мое письмо, безъ всякихъ въ письмѣ моемъ къ графу Орлову объясненій. Я даже не приложилъ къ нему копіи съ письма моего къ Государю, а только сказалъ ему, что въ немъ содержалось простое изъявленіе желанія моего вновь поступить на службу.

Недавно только узналъ я, что письмо брата Михайлы было написано вслѣдствіе разговора, который онъ наканунѣ имѣлъ съ графомъ Орловымъ, спросившимъ его, не расположенъ ли я теперь поступить на службу, и дозволившимъ ему написать ко мнѣ, что теперь предстоитъ къ тому настоящее время.

Отправивъ письмо мое къ Государю, я успокоился и ожидалъ послѣдствій, продолжая обыкновенныя мои занятія; но недолго продолжалось безмятежное пребываніе мое въ деревнѣ.

24-го Апрѣля получилъ я письмо отъ Алексѣя Петровича, который увѣдомилъ меня, что я высочайшимъ приказомъ зачисленъ на службу съ состояніемъ по арміи и по запаснымъ войскамъ и съ временнымъ назначеніемъ формировать запасные баталіоны подъ начальствомъ командира 6-го пѣхотнаго корпуса генерала Тимофѣева. Я началъ готовиться къ отъѣзду въ ожиданіи офиціальнаго увѣдомленія; и 26 Апрѣля въ 7 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню фельдъегерь съ повелѣніемъ отъ военнаго министра и другими бумагами, касавшимися порученія на меня возложеннаго.

«Военный министръ писалъ ко мнѣ отъ 17 Апрѣля за № 2647.

Государь Императоръ, по прочтеніи всеподданнѣйшаго письма вашего превосходительства отъ 8 сего Апрѣля, принявъ съ удовольствіемъ изъявленіе желанія вашего вступить по прежнему въ военную службу, Высочайше повелѣть соизволилъ: съ зачисленіемъ по запас-

нымъ войскамъ, прикомандировать васъ временно къ генералу отъ инфантеріи Тимофѣеву и поручить вамъ формированіе подъ его вѣдѣніемъ запасныхъ баталіоновъ 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. По окончательномъ сформированіи сихъ баталіоновъ, принадлежащіе къ 5-му пѣхотному корпусу поступятъ въ вѣдѣніе командующаго онымъ генералъ-лейтенанта Даненберга, а баталіоны 3-го и 4-го корпусовъ должны остаться подъ начальствомъ вашимъ, до присоединенія ихъ къ резервнымъ дивизіямъ своихъ корпусовъ.

Послѣ сего временнаго порученія, ваше превосходительство будете находиться въ распоряженіи Его Величества.

Поспѣшая сообщить вамъ, милостивый государь, монаршую волю сію и препровождая экземпляръ Высочайшаго приказа объ опредѣленіи васъ на службу, имѣю честь присовокупить, что помянутые баталіоны будутъ формироваться: 3-го пѣхотнаго корпуса въ Тамбовѣ, 4-го въ Москвѣ, 5-го въ Воронежѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности Князь А. Чернышовъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я письмо отъ брата Михайлы, который увѣрялъ меня, что письмо мое было принято Государемъ съ удовольствіемъ, что назначеніе сіе было дано мнѣ за неимѣніемъ вакантнаго мѣста, но что я получу вскорѣ другое.

Тотъ же фельдъегерь привезъ ко мнѣ много распоряженій отъ дежурнаго генерала касательно формированія запасныхъ войскъ. Дѣло это было новое не только для меня, проведшаго столько времени внѣ службы, но и для каждаго служащаго; ибо никому не были извѣстны предначертанія Государя касательно безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, да и до сихъ поръ по многимъ предметамъ о сформированіи ихъ нѣтъ положительнаго постановленія. Надо было спѣшить выѣздомъ изъ деревни. Я сдѣлалъ самыя поспѣшныя распоряженія для сдачи по управляемымъ мною имѣніямъ отчета и былъ въ готовности къ выѣзду 2-го Мая.

Надобно было случиться, чтобы въ сіе тревожное время получили мы по эстафетѣ извѣстіе о кончинѣ Е. Ѳ. Муравьевой. Меня вызывали въ Москву; но мнѣ и думать нельзя было о выѣздѣ, когда я ожидалъ изъ Петербурга отвѣта на письмо мое къ Государю.

Всѣ эти обстоятельства сильно потрясли душу мою. Я долженъ былъ переломать привычки свои и заняться дѣятельно службою, оставить собственныя дѣла и занятія свои и скоро поступить на службу съ неувѣренностію, что мнѣ хорошо будетъ; ибо по всему было видно, что меня подвергали искусу. Я могъ и могу, при всѣхъ обѣщаніяхъ,

ожидать, что враги мои, усыпленные продолжительною отставкою моею, снова возстанутъ. Знаки расположенія ко мнѣ Государя возродятъ снова зависть; но дѣло было рѣшенное и конченное, и я поступилъ на новое поприще съ убѣжденіемъ, что исполняю свою обязанность.

Не менѣе того съ сжатымъ сердцемъ оставлялъ я мирное убѣжище свое, и послѣдніе два дня пребыванія моего въ деревнѣ глаза мои не высыхали: всякій крестьянинъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, всякое дерево, мною посаженное, напоминали мнѣ о десятилѣтнемъ пребываніи моемъ въ Скорняковѣ и о томъ, что̀ мнѣ предстояло въ суетномъ кругѣ, въ который я пускался.

2-го Мая я выѣхалъ изъ деревни, сдѣлавъ для управленія отчины и сохраненія дома въ томъ порядкѣ, въ которомъ я его оставлялъ, тѣ распоряженія, которыя я могъ въ столь короткое время.

2-го Мая было Воскресенье. Я вышелъ къ церкви, гдѣ выслушалъ обѣдню и болѣе не возвращался въ домъ. Экипажи были уже за домомъ. Я хотѣлъ проститься съ собранными крестьянами; но едва я началъ говорить, какъ не могъ удержаться и зарыдалъ. Крестьяне были тронуты, и многіе отозвались, что довольны были моимъ управленіемъ, когда я ихъ о томъ не спрашивалъ. Одинъ только вышелъ впередъ и просилъ меня, чтобъ имъ было прибавлено земли. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ не до того было, что не затѣмъ собралъ ихъ и не могъ сего сдѣлать. Успокоившись нѣсколько, я увѣщевалъ ихъ къ трудолюбію и повиновенію въ мое отсутствіе, нашелъ въ нихъ отголосокъ готовности, простился и поѣхалъ къ мосту. Толпа тянулась за мною, чтобы проводить меня за рѣку; но мостъ не выдержалъ бы такой тяжести. Я поблагодарилъ крестьянъ, воротилъ ихъ и велѣлъ дать всѣмъ по чаркѣ вина.....

*

Печатаніе дальнѣйшихъ выдержекъ изъ Записокъ Н. Н. Муравьева временно пріостанавливается, за близостью излагаемаго въ нихъ къ нынѣшней эпохѣ. Прощаясь съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, издатель, а съ нимъ и большинство читателей „Русскаго Архива" на долго сохранятъ въ себѣ почтительную и поучительную память о неуклонности его въ исполненіи жизненнаго долга, высокопросвѣщенномъ умѣ, желѣзномъ трудолюбіи и въ тоже время о сердечной, горячей отзывчивости на все доброе и служащее ко благу и славѣ родины. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

къ статсъ-секретарю А. В. Головнину

(1886).

Мозаика Венеціанская и Римская.

I.

15-го Мая 1886 (Ореанда).

Примусь теперь за разсказъ о Сальвіати. Онъ старикъ 71 года, но такъ бодръ, что ему никто не далъ бы болѣе 60-ти. Человѣкъ онъ весьма образованный, получившій воспитаніе въ Итальянскихъ и въ Вѣнскомъ университетахъ и начавшій жизнь на адвокатскомъ поприщѣ. Но созданъ онъ былъ не для этого, а былъ рожденъ художникомъ и скоро всего себя и посвятилъ художеству. Какъ прирожденный Венеціанецъ, онъ былъ пораженъ изяществомъ собора Св. Марка, его древностями и особенно его мозаиками Византійскаго стиля. Это искусство было совершенно утрачено, и онъ задалъ себѣ цѣлію жизни возсоздать, возстановить это искусство. Мозаика, правда, продолжала существовать въ Римѣ, гдѣ у папъ, въ Ватиканѣ, была ихъ собственная мастерская. Она была не безъ достоинствъ, но шла по совершенно другой дорогѣ и задавалась другими цѣлями: она производила, если можно такъ выразиться, не иконопись, а живопись. Ея работы воспроизводили превосходно образцы Итальянской живописи, картины Рафаэля, Доминикино, Гверчино, Гвида и tutti quanti; однимъ словомъ, картины картинныхъ галлерей и музеевъ, а не церковную мозаику, какую ты видалъ и въ Венеціи, и въ Палермо, и въ Монреале, какая существовала въ Царьградѣ, въ Св. Софіи, какая была и у насъ въ Кіевѣ въ XI и XII вѣкахъ, чтó у насъ называли *мусія*. Эта Ватиканская мастерская работала исключительно для папъ, а не для публики и для промышленности. Ея работы достигали высшаго совершенства, но производились долго, страшно дорого, и потому кромѣ

папъ никто ими пользоваться не могъ: никому онѣ не были по карману. Кромѣ того, эта мастерская ревниво оберегала секретъ своего дѣла и никому его не сообщала.

Дѣло же это состоитъ изъ двухъ половинъ: 1) приготовленіе матеріала, 2) употребленіе матеріала. Матеріалъ есть стекло, окрашенное въ разные цвѣта. По-итальянски оно называется il smalt, откуда происходитъ Французское émail, les émars. У насъ точно также говорится *смальтъ*, *смальты*. Приготовленіе этихъ смальтовъ и составляетъ главную тайну Римской мастерской, которую она ревниво оберегала.

Сальвіати, задавшись мыслію возстановить Византійскую *мусію*, долженъ былъ сперва заняться именно приготовленіемъ *смальта*. Тутъ ему помогло то, что онъ былъ родомъ Венеціанецъ; а извѣстно, что въ Венеціи стеклянное дѣло, есть дѣло національное, что и Венеція и Мурано кишатъ стеклянными заводами. Сальвіати, при помощи простыхъ рабочихъ, простыхъ стекольщиковъ (которые въ Венеціи чрезвычайно искусны) принялся за отысканіе тайны производства разноцвѣтныхъ смальтовъ. Эти смальты, при всевозможныхъ окраскахъ, должны быть совершенно homogènes, такъ что гдѣ бы его ни переломить, вездѣ въ переломѣ былъ бы тотъ же цвѣтъ. На это онъ посвятилъ лѣтъ 10 или 15 своей жизни и послѣ долгой и упорной борьбы и цѣлаго ряда неудачъ, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли: матеріалъ былъ отысканъ, былъ созданъ. Тогда пришлось научиться способу его употребленія. Тутъ великое его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ не пошелъ по примѣру Ватиканской мастерской, а старался подражать образцамъ древнимъ, Византійскимъ. Мало-по-малу онъ набилъ себѣ руку, il s'est fait la main, и все что онъ ни дѣлаетъ, даже когда онъ копируетъ картину современную, все-таки его работа носитъ на себѣ характеръ Византійскій. Трудно это выразить словами, но это чувствуется, чуется. Работа Византійскаго стиля какъ-то болѣе грубоватая, но одинаково изящная и гораздо болѣе энергическая. Можно отчасти, по моему, это сравнить съ работой Рембранта и Грёза. У Рембранта кисть грубоватая и страшно энергичная. Вблизи на нее смотрѣть нельзя; она очень некрасива, скажу даже неряшлива. У Грёза кисть мягкая, нѣжная; его головки можно разсматривать вблизи какъ миніатюру. Въ нѣкоторомъ разстояніи впечатлѣніе мѣняется: голова работы Рембранта полна силы и жизни, а головка Грёза какъ бы стушевывается, расплывается. Вотъ это же впечатлѣніе производитъ на меня работа Сальвіати въ сравненіи съ работой Римской или нашей (потому что наша мастерская основана по Римскому образцу).

Сальвіати въ одно и тоже время и художникъ, и промышленникъ, и думаетъ потому и о сбытѣ своихъ произведеній, своего товара. Поэтому онъ стремится къ тому, чтобы работать скоро и дешево. Мозаика, которую онъ сработаетъ въ годъ времени и за которую беретъ одинъ рубль съ квадратнаго вершка, можетъ быть исполнена нашею мастерскою, по Римскому способу, только въ пять или шесть лѣтъ, и квадратный ея вершокъ обойдется рублей въ 7 или даже въ 10. Вотъ какая разница между обоими способами!

Сальвіати началъ производство своей мозаики въ 1859 году, выступилъ съ ней въ первый разъ публично на Лондонской выставкѣ 1861 г., и съ тѣхъ поръ его работы считаются уже сотнями и разбросаны по всей Европѣ и даже въ Америкѣ, а теперь онъ имѣетъ заказы и отъ Японіи. Онъ намъ показывалъ фотографіи большей части этихъ произведеній. Въ томъ числѣ есть работы и церковныя, и свѣтскія, и просто декоративныя, но всѣ на себѣ носятъ отпечатокъ Византійскій, даже когда онѣ вовсе не Византійскія по стилю оригинала, ему данному для воспроизведенія. Онъ принимаетъ всякіе заказы, ни отъ какихъ не отказывается; но любѣе всего для него, разумѣется, тѣ́, которые въ Византійскомъ стилѣ: тутъ онъ вполнѣ въ своей стихіи. Ты знаешь, въ прошломъ году я ему заказалъ двѣ картины по образцамъ, написаннымъ весьма удачно княземъ Григоріемъ Гагаринымъ, лики Спасителя и Богородицы. Они пришли сюда въ началѣ прошлаго Ноября, тогда же были установлены на наружномъ фасадѣ церкви и выстояли очень хорошо всю зиму. За обѣ картины было заплочено 2.500 фр. Онѣ составляютъ по поверхности своей два квадратныхъ метра. Стало-быть квадратный метръ обошелся въ 1.250 фр., или въ 500 р. А какъ въ одномъ метрѣ квадратномъ заключается приблизительно 500 кв. вершковъ, то и можно для круглаго счета считать, что квадратный вершокъ стоитъ 1 рубль.

Теперь, съ окончаніемъ постройки церкви *), я имѣлъ намѣреніе постепенно приступить къ внутреннему ея украшенію, начавъ съ большой картины Покрова, которая должна покрыть весь полукуполъ, что́ надъ горнимъ мѣстомъ. Рисунокъ, эскизъ этой картины мнѣ нарисовалъ тотъ же академикъ Васильевъ, который такъ превосходно писалъ иконы для иконостаса взамѣнъ образовъ князя Гагарина. Проектъ же

*) Прекрасная церковь Покрова Пресвятой Богородицы въ имѣніи Великаго Князя Константина Николаевича въ Ореандѣ, на Южномъ берегу Крыма. Она выстроена по чертежамъ славнаго зодчаго Авдѣева, изъ остатковъ сгорѣвшаго въ 1881 году тамошняго дворца, въ память императрицы Александры Ѳеодоровны, отъ которой Великій Князь получилъ это имѣніе. П. Б.

всего внутренняго украшенія церкви составилъ для меня извѣстный архитекторъ Гриммъ. Не знаю, успѣлъ ли я тебѣ показать передъ моимъ отъѣздомъ этотъ проектъ. Онъ ему въ высшей степени удался и вышелъ несказанно-великолѣпенъ, богатъ и красивъ, и въ немъ выдержанъ строгій Византійскій стиль.

Прежде чѣмъ приступать къ постепенному исполненію этого проекта я хотѣлъ видѣться и сговориться съ самимъ Сальвіати и предложилъ ему пріѣхать для этого самому въ Ореанду въ началѣ Мая. Оказалось, что ему самому давно уже хотѣлось побывать въ Россіи, чтобы постараться и въ ней пропагандировать свое искусство, потому что до сихъ поръ онъ для нея еще менѣе всего работалъ. Поэтому онъ съ благодарностью согласился на мое предложеніе и прибылъ къ намъ 6-го Мая вечеромъ. Съ другаго же утра начались наши разговоры и переговоры. Онъ совершенный энтузіастъ своего дѣла, артистъ въ душѣ, но въ тоже время и промышленникъ, торгашъ, для котораго мозаика составляетъ и художественное произведеніе, и товаръ. При томъ онъ насквозь Итальянецъ, Венеціанецъ, большой говорунъ, можно даже сказать болтунъ; съ нимъ очень интересно и поучительно разговаривать про искусство вообще и про мозаику въ особенности; но очень трудно вести разговоръ дѣловой, толковать и сговариваться объ условіяхъ дѣла. Поэтому наши разговоры и переговоры продолжались цѣлую недѣлю, каждый день по нѣскольку часовъ. Наконецъ мы вполнѣ сговорились и согласились, и это согласіе было оформлено въ видѣ промѣна писемъ отъ него и отъ насъ. Онъ поставитъ мнѣ картину Покрова въ полукуполѣ горняго мѣста по данному рисунку Васильева къ 1-му Іюня будущаго 1887 года. Стоимость ея будетъ по 1.250 фр. (500 р.) за каждый квадратный метръ, сколько ихъ въ этомъ пространствѣ окажется по тщательному обмѣру. По предварительнымъ вычисленіямъ нашимъ таковыхъ метровъ будетъ около 11½, такъ что приблизительно это обойдется въ 14.500 фр. Половину суммы я плачу осенью въ Сентябрѣ или Октябрѣ, а другую половину по окончаніи работы. Мы ему посылаемъ шаблоны купола въ натуральную величину, дабы онъ не ошибся ни во всей поверхности, ни въ степени погиба этой поверхности. Работу онъ производитъ въ своей мастерской въ Венеціи и высылаетъ сюда на пароходѣ, на свой страхъ. Для установки мозаики онъ высылаетъ сюда весной будущаго года необходимое число рабочихъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ наши условія. Срокъ я нахожу немного долгъ; но это происходитъ оттого, что онъ заваленъ срочными

работами. На счетъ дальнѣйшаго украшенія церкви я ему окончательнаго заказа еще не далъ.

II.

Въ письмѣ отъ 17 Мая 1886 г., которое было получено А. В. Головнинымъ въ Царскомъ Селѣ 23-го числа, Его Императорское Высочество говоритъ:

Когда я выписывалъ Сальвіати сюда въ Ореанду, у меня были въ головѣ двѣ цѣли. Одна—съ нимъ сговориться на счетъ внутренняго украшенія церкви, и другая гораздо болѣе широкая—воспользоваться его присутствіемъ здѣсь, чтобъ поговорить и столковаться, какъ бы сдѣлать, чтобъ искусство и мастерство Венеціанское-Византійской *мусіи* водворить въ Россіи. Было же это мастерство въ полномъ развитіи у насъ въ XI и XII вѣкахъ до нашествія Татаръ, которое остановило развитіе Россіи на столько вѣковъ. Всѣ старинныя Кіевскія церкви вѣдь и до сихъ поръ украшены *мусіею*, искусство которой тогда именно процвѣтало въ Царьградѣ. Оно тогда одновременно изъ Византіи было перенесено и къ намъ, и въ Италію. По совершенно различнымъ причинамъ оно заглохло потомъ и въ Россіи, и въ Италіи. Только въ 1859 году удалось Сальвіати вызвать его снова къ жизни. Почему бы намъ не воспользоваться этимъ примѣромъ и не возстановить это искусство, которое и у насъ процвѣтало 700 лѣтъ тому назадъ? Вспомни то, что я тебѣ писалъ въ прошломъ письмѣ о *мозаикѣ Римской* и *Византійской*. Когда Батюшка мой въ 1845 году, возвращаясь изъ Палермо, останавливался нѣсколько дней въ Римѣ, онъ былъ несказанно пораженъ мозаиками въ соборѣ Св. Петра. Тутъ, между прочимъ, находятся мозаики Преображенія—Рафаэля и Причащеніе Св. Іеронима-Доминикино, оригиналы которыхъ висятъ рядомъ съ соборомъ въ Ватиканѣ. Его особенно поразило, что въ оригиналахъ отъ времени всѣ краски и цвѣта потухли, потемнѣли, тогда какъ въ мозаикахъ они сохранились во всей ихъ первоначальной свѣжести, такъ что по нимъ только можно судить о впечатлѣніи, которое оригиналы должны были производить, когда въ XVI вѣкѣ они только что вышли изъ мастерской ихъ художниковъ. Живо помню неоднократные разсказы Батюшки про громадное впечатлѣніе, вынесенное имъ тогда изъ Рима. Онъ тогда убѣдился, что мозаика c'est la peinture de l'éternité *). Въ то время строился у насъ Исаакіевскій соборъ, излюбленное дѣтище Батюшки, и писались для него образа такою вереницею художниковъ, какъ Брюловъ, Нефъ, Бруни, Басинъ

---

*) Живопись вѣчности.

и пр. Поэтому Батюшка немедленно рѣшился основать у насъ при Академіи мозаическую мастерскую, для постепеннаго воспроизведенія мозаикою всѣхъ картинъ этихъ артистовъ, дабы сохранить ихъ на вѣки. Съ этою мыслію онъ обратился къ тогдашнему папѣ Григорію XVI, и тотъ былъ такъ любезенъ, что допустилъ для насъ то, что́ никогда еще не допускалось: Ватиканская мастерская подѣлилась съ нами своею ревниво оберегаемою тайною. Вслѣдствіе этого были немедленно приняты двѣ мѣры: нѣсколько нашихъ молодыхъ художниковъ были посланы учениками на нѣсколько лѣтъ въ Ватиканскую мастерскую, а изъ Рима были выписаны въ Петербургъ два брата Бонафеде, которые на нашемъ казенномъ стеклянномъ заводѣ ввели искусство произведенія смальтовъ и въ тоже время долгое время стояли во главѣ и самой мозаической мастерской. Оба эти брата Бонафеде уже давно умерли, и оба мастерства (и составленіе смальтовъ, и работа самой мозаики) продолжаются однѣми нашими собственными силами. Вотъ исторія нашей академической мозаичной мастерской, работами которой мы гордимся и любуемся въ Исаакіевскомъ соборѣ. Репутація этой мастерской огромная, и вся Европа ее цѣнитъ наравнѣ съ Ватиканской.

Но наша мастерская, обладая всѣми достоинствами Ватиканской, имѣетъ и всѣ ея недостатки: работаетъ ужасно медленно и страшно дорого. Каждый образъ иконостаса Исаакіевскаго собора требовалъ работы отъ 6 до 7 лѣтъ, и квадратный вершокъ его поверхности обходился рублей въ 8-мь. Подобныя издержки можетъ себѣ дозволить только государственная казна, а для частныхъ кармановъ, для промышленности это совершенно недоступно. Нынче зимой я подробно осматривалъ эту мастерскую и видѣлъ голову Евангелиста не болѣе 1-го аршина высоты, которая работалась три года: а Сальвіати мнѣ сдѣлалъ два поясныхъ образа Спасителя и Богородицы, составляющихъ два квадратныхъ метра, въ шесть недѣль. Вотъ тебѣ разница! Квадратный вершокъ Сальвіати стоитъ одинъ рубль, а въ нашей мастерской отъ 7 до 10. Ты знаешь, до какой степени Батюшка былъ самъ артистъ въ душѣ, какъ онъ былъ полонъ художественнаго чутья, артистическаго вкуса! За нимъ останется вѣчно слава, что онъ понялъ и оцѣнилъ что̀ такое есть мозаика, ея достоинства и преимущества, ея значеніе въ искусствѣ. Не его вина, что въ 1845 году существовала во всемъ мірѣ только одна мастерская, Ватиканская, что Венеціано-Византійская возникла только въ 1859 г., т. е. четыре года послѣ его кончины. Но, зная вкусы Батюшки, его Русское чувство, я вполнѣ убѣжденъ, что если бы въ 1845 году существовали оба ма-

стерства и Римское, и Венеціанское, онъ непремѣнно обратился бы ко второму. Сколько денегъ, сколько времени было бы отъ того сбережено! Что у Батюшки было въ высшей степени развито Русское чувство, ясно видно изъ большинства созданныхъ имъ церквей и Кремлевскаго дворца. Я убѣжденъ, что если бы тогда существовалъ Сальвіати, онъ обратился бы къ нему, а не къ братьямъ Бонафеде. Замѣчательно, что теперь *Ватиканская мастерская часто заказываетъ свои смальты у Сальвіати вмѣсто того, чтобъ производить ихъ самой.*

Вотъ моя мысль и состоитъ теперь въ томъ, чтобы сдѣлать теперь, въ 1886 году, то что Батюшка непремѣнно сдѣлалъ бы въ 1845-мъ, если бъ тогда существовало искусство Сальвіати. Римъ производитъ *мозаику,* Сальвіати же производитъ *мусію.* Сомнѣнія никакого не можетъ быть, что мусія намъ гораздо болѣе сродни, чѣмъ мозаика. Одна есть дѣтище Византійской цивилизаціи, Востока; другая же рождена Римомъ, Западомъ. Мы же и Христіанскую вѣру и все просвѣщеніе получили, слава Богу, съ Востока, изъ Византіи, а не съ Запада. Теперешняя наша раздвоенность происходитъ оттого, что Петръ Великій толкнулъ насъ на Западъ. Борьба Россіи противъ этого толчка давно уже происходитъ; мы стараемся вездѣ возвращаться къ нашимъ источникамъ. Вполнѣ логично сдѣлать тоже самое и въ этомъ спеціальномъ дѣлѣ. Но какъ это сдѣлать? Вотъ эту задачу я имѣлъ въ виду, когда выписывалъ сюда старика Сальвіати. Въ высшей степени замѣчательно, что онъ какъ бы это чуялъ, и самъ по себѣ, безъ моего вызова, въ первый же день послѣ спеціальныхъ разговоровъ о моей церкви, сталъ мнѣ развивать туже мысль. Это насъ всѣхъ крайне поразило и показало, что этотъ хитрый Итальянецъ и болтливый говорунъ — человѣкъ очень умный. Видя, что наши мысли такъ неожиданно сходятся, онъ почувствовалъ ко мнѣ необыкновенную симпатію и обѣщалъ, по возвращеніи изъ Венеціи, хорошенько подумать о моей мысли, о способахъ приведенія ея въ исполненіе и составить для меня особую докладную записку, которой я постараюсь у насъ дать ходъ.

Очень я сожалѣлъ, что Сальвіати пріѣхалъ сюда недѣлю позже, чѣмъ я надѣялся. Онъ прибылъ сюда 6-го Мая вечеромъ, тогда какъ Государь выѣхалъ 3 Мая, а я хотѣлъ самому Государю его представить и свести съ Воронцовымъ-Дашковымъ. Въ такомъ случаѣ все дѣло это въ принципѣ могло бы уже быть рѣшено. Но съ своей стороны я времени не терялъ и вкратцѣ изложилъ мои мысли самому Государю, и очень подробно, часа́ полтора, развивалъ ихъ Воронцову-

Дашкову. Кажется, что эти разговоры хорошо подготовили почву. Такъ по крайней мѣрѣ я это себѣ объясняю, потому что послѣдствія этого уже ясно выразились во время четырехдневнаго пребыванія Государя въ Севастополѣ. Его Величество между прочимъ слушалъ обѣдню и подробно осматривалъ чудную могильную церковь, чтó выстроена на Сѣверной сторонѣ на нашемъ большомъ Братскомъ кладбищѣ. Эта замѣчательно изящная церковь въ формѣ пирамиды была внутри богато покрыта прелестной стѣнной живописью. Вся эта чудная живопись теперь почти пропала отъ сильной сырости внутри этой толстостѣнной церкви, которая, разумѣется, никогда не топится. Она представляетъ теперь жалкую картину совершеннаго разрушенія превосходной и богатой живописи. Государь былъ этимъ пораженъ и тутъ же далъ приказаніе военному министру вступить въ соглашеніе съ Сальвіати на счетъ возобновленія этой пропадающей живописи мозаикою.

Вотъ, какъ видишь, уже и первый шагъ къ исполненію моей мысли. Сальвіати, будучи еще въ Ореандѣ, получилъ вызовъ ѣхать въ Севастополь, чтобъ сговориться съ начальникомъ тамошнихъ инженеровъ генераломъ Гемельманомъ. Теперь онъ тамъ, и переговоры теперь происходятъ. Это начало моей мысли, но не всей. Это пока ни что иное какъ новый заказъ, данный Сальвіати. Теперь вмѣсто одного Ореандскаго заказа у него будетъ и второй—Севастопольскій, больше ничего. Мнѣ же хочется не этого только, а мерещится мысль о введеніи въ Россіи этого мастерства: хочется, чтобъ въ Россіи ввелось собственно *мусійное* дѣло, какъ Батюшка въ нее ввелъ дѣло *мозаичное*. Вотъ это моя главная цѣль.

(*Сообщено Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцовымъ*).

*

„Русскій Архивъ“ счастливъ тѣмъ, что на его страницахъ появляется это новое свидѣтельство необычайныхъ дарованій, отличавшихъ покойнаго Великаго Князя Константина Николаевича. П. Б.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ЗИМНЯГО ДВОРЦА ПОСЛѢ ПОЖАРА 1837 ГОДА.

Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго дворца напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 и 1868 годовъ; читатели припомнятъ также статью о томъ И. Н. Корсунскаго (1889, III, 98). Необычайно скорое возобновленіе этого главнаго царскаго жилища напоминаетъ историку таковое же въ Москвѣ, въ 1753 году, когда сгорѣлъ загородный дворецъ императрицы Елисаветы Петровны и, къ изумленію иностранцевъ, усердіемъ народа воздвигся въ самое короткое время и въ новой красѣ. Лучшее что было написано по поводу этого чрезвычайнаго случая принадлежитъ конечно князю П. А. Вяземскому, напечатавшему о немъ въ чужихъ краяхъ прекрасную небольшую тетрадку на Французскомъ языкѣ.

Нижеслѣдующая статья есть извлеченіе изъ такъ названнаго „Очертанія техническихъ работъ по Зимнему Императорскому дворцу“, поднесеннаго (7 Февраля 1854 г.) отставнымъ генералъ-маіоромъ *Л. М. Барановичемъ* [1]) бывшему его начальнику графу П. А. Клейнмихелю, распорядительности, усердію и желѣзной волѣ котораго нынѣшній Зимній дворецъ обязанъ своимъ быстрымъ возникновеніемъ изъ пепла и развалинъ. П. Б.

Императорскій Зимній дворецъ въ С.-Петербургѣ, со времени сооруженія своего 1762 года [2]), въ архитектурномъ устройствѣ не вмѣщалъ тѣхъ благонадежныхъ и предохранительныхъ отъ пожарныхъ случаевъ препонъ, которыя при возникшемъ огнѣ имѣли бы вліяніе на единую часть воспламенившуюся, а прочее пространство осталось бы невредимо. Въ этомъ вѣковомъ и обширномъ зданіи брандъ-мауеры, на нѣкоторыхъ капитальныхъ стѣнахъ, хотя и существовали, но сквозныя, сводообразно-устроенныя. Потолочное и кровельное устройство состояло изъ деревянныхъ матеріаловъ, въ безчисленномъ множествѣ и тѣсно совокупленныхъ стропилъ, балокъ, подпоръ, переходныхъ мостовъ, съ давнѣйшихъ временъ густою пылью переполненныхъ, и составляло пищу

---

[1]) Въ 1857 г. тотъ же Л. М. Барановичъ поднесъ императору Николаю свои воспоминанія о пожарѣ Зимняго дворца. Извлеченіе изъ нихъ напечатано барономъ М. А. Корфомъ въ „Р. Архивѣ“ 1865 г. П. Б.

[2]) Первый изъ государей, жившихъ въ Зимнемъ дворцѣ, былъ Петръ Третій. Покойный графъ А. В. Адлербергъ передавалъ намъ, что въ Зимнемъ дворцѣ до пожара 1837 года, въ томъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе помѣщалась аптека, была Лютеранская кирка (вѣроятно для дворцовой прислуги этого исповѣданія). П. Б.

для непреодолимой возгораемости. И это было причиною, что сіе великолѣпное зданіе 1837 года, 17-го Декабря, въ 8-мъ часу вечера, подверглось ужасамъ пламени. Огонь вспыхнулъ изъ отдушника, оставленнаго не закладеннымъ (при перестройкѣ фельдмаршальской залы изъ дву-этажной въ одно-этажную), находившагося въ печной трубѣ, между хорами и деревяннымъ сводомъ залы Петра Великаго, прилегающей весьма близко къ досчатой перегородкѣ. Пламя, сообщась съ нею, проникло сквозь залу Петра Великаго, коснулось стропилъ и громады сихъ лѣсовъ, изсушенныхъ 80-ю годами, мгновенно съ неимовѣрною быстротою проникло всѣ отдѣленія дворца подъ кровлею и надъ потолками, разрушало ихъ постепенно и паденіемъ на паркетъ воспаляло внутренность зданія.

Въ началѣ сего несчастнаго событія Его Величество Государь Императоръ съ Августѣйшею фамиліею, находясь въ Большомъ театрѣ, получилъ донесеніе, что Зимній дворецъ пожираемъ огнемъ и къ утушенію пожара нѣтъ средствъ. Въ тоже мгновеніе Государь изволилъ прибыть во дворецъ и, вошедши въ комнаты Великихъ Князей, своихъ дѣтей, со святымъ отцовскимъ благословеніемъ обнявъ ихъ, послалъ на жительство въ собственный дворецъ. Успокоясь спасеніемъ для него драгоцѣннѣйшимъ и, не взирая на внезапно падающіе потолки, изъ подъ коихъ служители едва успѣвали уходить, Государь приказывалъ командамъ и двумъ гвардейскимъ полкамъ, на зовъ Его Величества явившимся, дабы всю возможную къ выноскѣ мебельную утварь спасали на дворцовую площадь, а громоздкія ваянія и вдѣланныя въ стѣны украшенія, не представлявшія возможности къ спасенію, оставляли на произволъ огня.

Тогда началось дѣло всевозможное: масса гвардіи и толпа командъ бросились въ горящее зданіе, устремясь по извилинамъ и покоямъ, исторгали, чтó было доступно силѣ и возможности, и уносили на площадь къ подножію Александровской колонны. Успѣвшій исторгнуть изъ гибели что-либо складывалъ съ благоговѣніемъ и, не единая вещь не погибла.

И въ это время, когда пламя съ необычайнымъ стремленіемъ неслось чрезъ портики на Ермитажное строеніе, которое, конечно, обратилось бы въ пепелъ, Государь изыскалъ средство чѣмъ остановить неистовую стихію, поручивъ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу стараться двери и оконныя отверстія кирпичами заложить, чтò съ неимовѣрною спѣшностью дворцовою командою исполнено, и Ермитажъ спасенъ.

Помимо таковыхъ распоряженій Государь Императоръ, убѣдясь, что дѣйствіе разрушительной стихіи послѣ усиленнѣйшихъ мѣръ, предпринятыхъ пожарными командами, невозможно преодолѣть и остальную внутренность покоевъ спасти, приказать изволилъ: всякое дѣйствіе по утушенію огня пріостановить и войскамъ, да не погибнетъ никто, отъ зданія отступить; генералъ-адъютанту Клейнмихелю повелѣно зданіе въ вѣдѣніе свое принять, а по утушеніи очистить отъ пепла остатки и прикрыть временною кровлею.

Такъ это великолѣпнѣйшее зданіе въ совершенную зависимость г. генералъ-адъютанта Клейнмихеля поступило, а по часѣ времени въ завѣдываніе мое и инженеръ-подполковника Кроля передано: ибо мы, чиновники, состоящіе въ вѣдѣніи его превосходительства, чрезъ его фельдъегерей были призваны, и когда явились, передана намъ Высочайшая воля, чтобы по утушеніи тлѣющаго огня мусоръ со дворца очистить и временною кровлею для сохраненія стѣнъ отъ сырости укрыть, для чего по исполнительной части завѣдывать мнѣ, и по техническимъ работамъ предоставлено г. Кролю.

По полученіи таковаго приказанія, на вторый день пожара, въ шесть часовъ утра, со ввѣренными мнѣ четырьмя рабочими ротами мастеровыхъ, въ числѣ двѣнадцати оберъ-офицеровъ и 625 нижнихъ чиновъ, избранныхъ въ продолженіе ночи изъ загородныхъ казармъ, явился я на внутреннюю дворцовую площадь, гдѣ его превосходительство, осмотрѣвъ команду, удостоилъ меня слѣдующимъ приказаніемъ съ парадной посольской лѣстницы: начать тушеніе, горѣлое кровельное желѣзо складывать по сортамъ и о успѣхѣ въ дневныхъ работахъ представлять вмѣстѣ съ г. Кролемъ, записки для доклада Его Императорскому Величеству.

За симъ приступлено къ работамъ. Первое представившееся еще неостывшее кровельное желѣзо, въ сплошной массѣ и въ исковерканномъ видѣ лежащее, ручными пожарными трубами охлаждалось, потомъ на удобнѣйшія части къ выноскѣ расклепывалось и по сортамъ складывалось и въ Гофъ-интендантскую контору на Александровскій литейный заводъ и въ военныя мастерскія передавалось. Вслѣдъ за симъ горящіе паркеты съ ихъ основаніями водою утушались и, не взирая на жаръ и удушливый дымъ, въ оконныя отверстія на площади выбрасывались, гдѣ вторая команда и пожарныя отдѣленія груды сіи вновь утушивали и раскидывали, дабы не возгорались. Самый мусоръ, изъ пепла, угля и мраморныхъ частей образовавшійся, еще въ состояніи горячемъ, чрезъ оконныя отверстія въ устроенные досчатые кры-

тые спуски сбрасывался. Потомъ, для извлеченія уцѣлѣвшихъ отъ пожара вещей, этотъ мусоръ сортировался, просѣвался чрезъ грохота и на вольнонаемныхъ 300 подводахъ на Петровскій островъ и плацъ Царицынъ отвозился, и этимъ средствомъ сіи мѣстности улучшены.

Вслѣдъ за очищеніемъ зданія, для образованія временной крыши, ставились лѣса. Г-нъ архитекторъ Стасовъ устроивалъ слѣдующимъ образомъ: квадраты одной сажени на основаніяхъ бревенчатыхъ, по 4 бревна желѣзными обручами сплоченные, вставлялись въ гнѣзда, и оконечности оныхъ до предназначенной высоты надставлялись потомъ, верхи стропилились, рѣшетились и покрывались досками.

Всѣ таковыя работы въ продолженіи 21-го дня окончены и, казалось, за обезпеченіемъ зданія отъ сырости и возгоранія, команда моя могла опочить, какъ напротивъ дѣятельность ея должна была удвоиться: ибо временно поставленные лѣса изъ сыраго матеріала въ нѣсколько дней столь великую сушь отъ раскаленныхъ стѣнъ и сводовъ воспріяли, что безпрестанно воспламенялись, и команда, разставленная по всему зданію, денно и ночно принуждена была тушить.

Между сими работами по наружности дворца устроенъ временной заборъ, и въ оградѣ онаго помѣщены съ Адмиралтейской стороны: домикъ для смотрителя и чертежной, четыре двуэтажные досчатые сараи съ кухнями для помѣщенія 2.000 вольнонаемныхъ каменьщиковъ, шесть сараевъ для инструментовъ подъ известь. Гончарные цилиндрическіе горшки, мастерская печь для обжиганія алебастра, расположены были на внутренней площади зданія. Сверхъ сего устроено къ двумъ фонарикамъ, двумъ подъѣздамъ, обѣимъ церквамъ, Фельдмаршальской и Гербовой заламъ 8-мь отлогихъ лѣстницъ для носки матеріаловъ и тяжестей. Наконецъ, въ удобныхъ мѣстахъ, о 20-ти отверстіяхъ каждое, учреждено 10 отхожихъ мѣстъ, грязи изъ коихъ засыпались и утушивались искусственнымъ порошкомъ, обращаемымъ въ компостъ. Эта операція столь удовлетворительно производилась Французомъ Камюзе, что въ лѣтніе жаркіе дни зловонія не ощущалось при столь многочисленномъ стеченіи народа, коего не менѣе 1.000 ежедневно и до 10.000 человѣкъ мастеровыхъ въ продолженіи года при отстроеніи сего зданія обращалось; а платилось господиномъ Камюзе по девяти копѣекъ ассигнаціями за каждаго человѣка въ мѣсяцъ.

Сверхъ сихъ учрежденій, для поданія первоначальной помощи заболѣвающимъ мастерамъ, открытъ штатный лазаретъ.

Въ сіе время вся внутренность дворца поэтажно измѣрена, и детальные планы г.-адъютанту Клейнмихелю чрезъ г. Кроля представлены.

Въ это время благоугодно было Государю Императору лично удостовѣриться въ столь спѣшно произведенныхъ работахъ, по обозрѣніи которыхъ приказать изволилъ: послѣдніе три дня сырной недѣли командѣ моей не работать, а дворецъ для совершеннаго его обстроенія генералъ Клейнмихель передалъ бы въ коммиссію Высочайше учрежденную для возобновленія онаго, подъ предсѣдательствомъ его свѣтлости г. министра двора князя Волконскаго, членовъ шталмейстера князя Долгорукова, генералъ-адъютанта Клейнмихеля, инженеръ-генералъ-лейтенанта Готмана, гофмейстера князя Гагарина, д. с. совѣтниковъ камергера Сенявина, Андреева и коллежскаго совѣтника князя Грузинскаго.

Г.-адъютанту Клейнмихелю повелѣно завѣдывать исполнительною частію всѣхъ работъ и на Высочайшее благоусмотрѣніе доклады подносить. Г.-лейтенанту Готману и 4-го класса архитектору Штауберту производить повѣрку плановъ, чертежей, смѣтъ и имѣть надзоръ за усиленнымъ, прочнымъ и правильнымъ производствомъ работъ.

Главными архитекторами назначены: д. с. с. Стасовъ и надв. с. Брюловъ, и поручено имъ: г. Стасову, производство работъ по всѣмъ заламъ, на парадной лѣстницѣ, въ обѣихъ церквахъ, на половинѣ министерской, по фасаду, въ сервизныхъ и кухонныхъ должностяхъ, конюшнѣ, манежѣ съ верхнимъ лѣтнимъ садикомъ. Отстроить г. Брюлову приказано: всѣ парадные и внутренніе покои въ десяти отдѣленіяхъ, также телеграфъ, подвальную и водопроводную части.

Директору Александровскаго литейнаго завода д. с. с. Кларку повелѣно: изготовить и навѣсить, по Высочайше утвержденнымъ моделямъ и шаблонамъ, шпренгельные потолки и кровлю дутыми желѣзными балками, обзавести покои, чугунныя колокольни для церквей поставить и государственнымъ трехстороннимъ двуглавымъ орломъ телеграфъ украсить.

Г. подполковнику Кролю предоставлено техническими и механическими работами, отдѣльно ему ввѣренными, завѣдывать, но и пособіемъ военной мастерской допомогать г. Кларку въ приготовленіи меньшаго размѣра дутыхъ балокъ и шпренгелей кровельныхъ, завѣдывать чертежною, и о успѣхѣ ежедневныхъ работъ г.-адъютанту Клейнмихелю доносить.

Мнѣ, подполковнику Барановичу, въ званіи смотрителя, ввѣрены пріемъ и отпуски матеріаловъ, конторское управленіе съ производствомъ всѣхъ отчетностей, требуемыхъ Коммиссіею Высочайше учрежденною, а за порядкомъ всего производимаго въ непосредственномъ распоряженіи его превосходительства г. Клейнмихеля состоять.

Сверхъ таковыхъ распоряженій гг. члены Коммиссіи принимали на себя участіе по заводамъ и фабрикамъ надсматривать за скорѣйшимъ приготовленіемъ матеріаловъ, издѣлій и за доставленіемъ къ работамъ.

Для начала лѣтнихъ работъ, помимо подраздѣленнаго дворца на двѣ главныя половины между гг. Стасовымъ и Брюловымъ, все зданіе на 12 дистанцій подраздѣлялось, которыми завѣдывали гг. инженеръ-офицеры, младшіе архитекторы и каменныхъ дѣлъ мастера, въ полной зависимости гг. главныхъ архитекторовъ состоявшіе. Таковы были: инженеръ-подполковники Чеснокъ, Алишевъ, капитаны Якубовскій, Кубе, Михайловъ, поручики Горбуновъ, Лебедевъ, Рябовъ, архитекторы Маевскій, Альбини 1 и 2-й и каменныхъ дѣлъ мастеръ Карлесъ.

Въ день, опредѣленный для открытія работъ, у подножія посольской лѣстницы, въ присутствіи всѣхъ членовъ Коммиссіи, гг. архитекторовъ, механика Кларка и лицъ, условленныхъ къ поставкамъ матеріаловъ, мастеровъ, отслужено Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, по окончаніи котораго 2.000 мастеровыхъ-каменьщиковъ приступили къ слѣдующимъ работамъ: старыя стѣны съ колоннами, своды и прочее, предназначенное, согласно Высочайше вновь утвержденному плану, къ уничтоженію, разламывались; мѣстность отъ нихъ очищалась, и мусоръ денно и ночно на 120 вольнонаемныхъ судахъ на Петровскій островъ и плацъ Царицынъ отвозился.

Вслѣдъ за симъ на упраздненныхъ мѣстахъ капитальныя 52 стѣны съ колоннами, горшечные и обыкновенные своды возводились, а съ наружной стороны для главнаго посольскаго подъѣзда и надъ онымъ садика и для гербовой залы двѣ капитальныя стѣнныя пристройки съ фундамента на сваяхъ предварительно вбитыхъ возводились.

Между сими работами всѣ дверныя и оконныя отверстія закладными рамами изъ дерева лиственницы обставлены, а для уничтоженія сквознаго вѣтра и сохраненія тепла во внутренности временными стекольными переплетами все зданіе защищено.

Александровскій литейный заводъ не медлилъ и успѣлъ приготовить металическіе шпренгельные потолки, а кровлю и чугунныя колокольни на опредѣленныя мѣста для церквей поставилъ.

Въ это время благоугодно было Его Величеству Государю Императору присутствіемъ своимъ осчастливить работы, по обозрѣніи которыхъ, въ знакъ совершеннаго своего удовольствія, приказать изволилъ благодарить всѣхъ мастеровъ, производившихъ сію работу чаркою водки и по одному рублю на человѣка, что̀ исполнено, и роздано мною 3.000 рублей асс. и 100 ведеръ водки.

За прекращеніемъ каменныхъ работъ и по отстроеніи пневматическихъ печей съ проводниками для всего зданія тепла и по учрежденіи водопроводныхъ колодцевъ, существовавшіе временные сараи уничтожены, а для обдѣлки фасада устроены сплошные лѣса.

По внутренности дворца, съ цѣлью умноженія 36-ти градусной теплоты, необходимой для просушки стѣнъ, колоннъ, сводовъ и производства работъ, по приказанію Государя Императора, устроены были 10 унтермарковскихъ колоссальныхъ печей, безпрестанно топившихся коксомъ, и 20 огромнѣйшихъ вентиляторовъ съ двойными рукавами, пропущенными въ оконныя фортки, безпрерывно дѣйствовавшихъ для выкачиванія сыро-сгущеннаго парнаго воздуха, вредившаго здоровью мастеровъ и причинявшаго остановку въ работахъ, каковою вентеляціею воздухъ сдабривался и обращался въ комнатный, сухой, доступный производству работъ.

Въ день 1-го Іюля, въ высокоторжественный праздникъ тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, неблагоугодно было Государю Императору остановить производство работъ, а приказано мастеровъ честить водкою, и въ этотъ день 7.500 чарокъ роздано.

Въ послѣдующее за симъ время всѣ штукатурныя, мраморныя, алебастровыя ваянія, орнаментныя украшенія, всѣхъ конструкцій антабламенты, иконостасныя работы кончены, потолки живописью и плафонами украсились, военная галлерея и покои обоями оклеены, Георгіевская зала каррарскимъ мраморомъ обдѣлана, ванная Государыни Императрицы во вкусѣ Мавританскомъ отстроена, оба садика къ насажденію растеній изготовлены, вентиляторы, душники и водопроводы по всему зданію приведены въ дѣйствіе, всѣ должности отстроены, телеграфъ свое дѣйствіе началъ, фасадъ дворцовый исчиненъ и окрашенъ, флагштоки и часы дворцовые установлены.

По довершенію таковыхъ работъ временные лѣса, печи, вентиляторы изъ зданія вынесены, и произведены окончательныя работы: паркеты настланы, временные оконные переплеты и двери подзамѣнены настоящими, люстры занавѣшены и, наконецъ, богатою драпи-

ровкою, мебелью и иными украшеніями и принадлежностью весь дворецъ обзаведенъ, и этому имуществу опись составлена.

Съ такою поспѣшностью, за руководствомъ геніальнаго высокаго зодчаго, хозяина своего дома, въ опредѣленный годичный срокъ, изготовленный Зимній дворецъ представленъ былъ Его Императорскому Величеству членами Коммиссіи, и тогда же Государь, во всѣхъ частяхъ осмотрѣвъ оный, приказать изволилъ передать въ дворцовое вѣдомство и къ освященію приготовить.

Въ назначенный за симъ день это отрадное событіе для всѣхъ участвовавшихъ въ отстроеніи сея святыни исполнилось, и именно 25-го Марта 1839 г., въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Государь Императоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ Коммиссіи, архитекторовъ и придворнаго своего штата, по отслуженіи въ малой церкви обѣдни, а въ Фельдмаршальской залѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія, и по окропленіи духовенствомъ всего дворца святою водою, съ августѣйшею своею фамиліею и штатомъ соблаговолилъ на жительство расположиться въ немъ.

Сіе торжественное и столь же душевное удовольствіе Государя Императора на семъ не окончилось и слѣдующими знаками высокомонаршихъ милостей, въ признательность ко всѣмъ трудившимся въ отстроеніи сея святыни, ознаменовалось: въ память столь важнаго и необыкновеннаго въ мірѣ событія отчеканить 110 золотыхъ медалей на Андреевской лентѣ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ благодатнаго своего имени съ надписью «Благодарю,» а съ другой стороны надъ фасадомъ Зимняго дворца надпись: «Труды все превозмогаютъ;» а внизу: «Возобновленіемъ начатъ 1838 и конченъ 1839 года.» Три золотыя медали, богато украшенныя алмазами, собственноручно изволилъ возложить на первѣйшихъ сподвижниковъ въ семъ дѣлѣ, его свѣтлость г. министра двора князя Волконскаго, оберъ-шталмейстера князя Долгорукова и графа Клейнмихеля; остальныя за симъ 107 золотыхъ медалей повелѣно возложить на чиновниковъ, а 6000 серебряныхъ медалей раздать всѣмъ мастерамъ, производившимъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ сряду работы, и таковымъ по спискамъ мною выданы.

Сверхъ таковыхъ монаршихъ милостей главнѣйшіе чиновники удостоились получить чины слѣдующіе, ордена и денежное вознагражденіе.

Я былъ удостоенъ назначенія маіора отъ воротъ Зимняго Императорскаго дворца, которую обязанность пять лѣтъ сряду къ полному

удовольствію Государя Императора и высокихъ моихъ начальниковъ имѣлъ счастіе исполнять.

Въ это незабвенное время я удостоивался быть свидѣтелемъ и по должности участникомъ свершившихся въ семъ царскомъ жилищѣ событій, изъ числа которыхъ не могу умолчать о бывшемъ народномъ праздникѣ по возобновленіи Зимняго Дворца, данномъ Государемъ Императоромъ С.-Петербургской публикѣ, дабы съ новымъ его устройствомъ ознакомилась.

Для сего торжества назначенъ былъ день послѣдній по Свѣтло-Христовомъ Воскресеніи, день Воскресный, къ коему дню Государь приказать изволилъ всѣ парадныя залы съ галлереями и проходные покои для посѣтителей приготовить и имъ съ парадной Посольской лѣстницы входъ во дворецъ, а въ меньшіе выходы и подъѣзды исходъ, имѣть.

Для сего, по распоряженію его свѣтлости г. министра двора князя Волконскаго и графа Клейнмихеля, произведены слѣдующія работы.

Для обезпеченія отъ порчи, многоцѣнныя украшенія, постоянно въ залахъ и покояхъ установленныя, балюстрадами прикрыты; всѣ двери по проходнымъ мѣстамъ сняты; по заламъ вмѣсто мебели скамьи о трехъ возвышеніяхъ алаго сукна поставлены. Для оркестровъ возвышенныя мѣстности балюстрадами обезпечены; пять огромнѣйшихъ буфетовъ, вѣковыми драгоцѣнностями изукрашенныхъ, на приличныхъ мѣстахъ по заламъ установленные, прочными балюстрадами обнесены.

Въ 6 часовъ пополудни дворецъ былъ освѣщенъ и провѣтренъ; г.г. генералъ-адъютанты, Высочайше назначенные для соблюденія порядка, имѣя шарфы чрезъ плечо и въ шляпахъ, заняли свои мѣста. Вслѣдъ за симъ публика различныхъ сословій не заставила ожидать себя; въ нѣсколько минутъ дворецъ переполнился до тѣсноты, въ дверяхъ же столь великій происходилъ натискъ, что г.г. дежурные генералы ни просьбами, ниже настойчивостью отклонить не успѣвали и сами въ дверныя отверстія пройти не въ состояніи были. Эту массу народа Государь Императоръ соблаговолилъ осчастливить своимъ высокомонаршимъ благоволеніемъ и привѣтствіями: соизволилъ дважды съ августѣйшею фамиліею, многими высокими иностранными гостьми и приближенными пройти по всѣмъ направленіямъ, преполненнымъ публикою, и въ залахъ свое отдохновеніе имѣлъ, гдѣ подносимый чай и прохладительное удостоивалъ. Въ это время пять буфетовъ съ особыми радушіемъ и спѣшностью угощали публику десертомъ и питьями, въ изобильномъ количествѣ изготовленными, и какъ недостатка не было,

то каждый посѣтитель, интересуясь быть угощеннымъ, съ требованіемъ и настойчивостью столь сильно домогался, что массивныя балюстрады, не могшія противиться напору, уничтожались. Самая внутренность сея святыни также немало пострадала: ибо публика, продолжая семь часовъ визитацію, безпрерывно смѣнявшаяся до 200.000 особъ, до того переполнила дворецъ сырымъ, парнымъ, удушливымъ воздухомъ, вопреки отверстныхъ верхнихъ оконъ и вентиляторовъ, что стѣны, колонны и ваянія съ нижними окнами, отпотѣвши, ручьями изливали сырость на паркетъ, и рѣшительно ихъ испортило; а мраморы въ желтоватый тусклый цвѣтъ преобразовались.

Послѣ таковаго утѣшительнаго для публики обозрѣнія, продолжавшагося сряду до 2-хъ часовъ ночи, многіе художники и мастера для приведенія сей мѣстности въ надлежащій прежній видъ трудились, и 35.000 рубл. асс. на сіе израсходовано.

О второмъ послѣдовавшемъ событіи, немало прискорбномъ для августѣйшаго нашего Монарха и всѣхъ производителей работъ печалью ознаменовавшемся, позволяю себѣ не умолчать.

Это случилось въ Георгіевской залѣ, съ паденіемъ первоустроеннаго потолка, о которомъ случаѣ публика не бывъ знакома, различно трактуетъ и наиболѣе къ неумѣнію г.г. производителей сей работы на прочнѣйшихъ основаніяхъ устроить относитъ, и этотъ неумѣстный упрекъ поднесь не измѣнился: ибо ей никѣмъ не объяснено. А дабы отъ столь предосудительнаго нареканія г.г. учреждавшихъ въ Георгіевской залѣ потолокъ защитить, я осмѣливаюсь, яко бывшій очевидецъ всѣхъ производившихся работъ и свидѣтель того несчастнаго происшествія, нижеслѣдующее объяснить, съ какою предусмотрительностью въ Георгіевской залѣ потолокъ былъ навѣшенъ, паденіе его какъ происходило и какія причины содѣйствовали рушиться.

Для устройства висящихъ потолковъ и кровли на шпренгельныхъ основаніяхъ въ Зимнемъ дворцѣ Государь Высочайше повелѣть соизволилъ механику Кларку, дабы всѣ избранныя модели для дворцовыхъ стѣнъ предварительно представилъ Его Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе въ Павловскомъ экзерциргаузѣ, съ наложеннымъ на оныя грузомъ, знаменующимъ ихъ упругость, прочность и годность къ навѣшенію на дворцовыя стѣны, изъ коихъ предназначенныя Государемъ полезнѣйшія и прочнѣйшія для сдѣланія по нимъ настоящихъ приказано принять за образцы; а дабы въ прочности каждой отдѣльной балки, шпренгеля, звеньевъ и скрѣпъ быть удостовѣрену, то особо назначенной коммисіи предоставлено всевозможными способами испытывать и по составленіи журнала о годности употреблять въ дѣло.

Таковыя предварительныя распоряженія, въ дѣйствія приведенныя, должны всякаго убѣдить, что всѣ потолки съ кровлею и въ Георгіевской залѣ устроены прочно, благонадежно и вѣковыми признаны для дворца.

Съ такою предусмотрительностью устроенный въ Георгіевской залѣ потолокъ, съ 17-ю привѣшенными массивными люстрами и съ бронзовымъ же потолковымъ антаблементомъ или украшеніемъ, вѣсившими лишь четвертую часть той тягости, которую возмогъ бы потолокъ сдержать, нимало не оказывалъ въ продолженіе девяти мѣсячнаго существованія непрочности. Многіе высокоторжественнѣйшіе праздники, обряды и засѣданія орденскихъ думъ подъ симъ кровомъ совершались. Для вящшаго же дознанія неколебимости его я былъ обязанъ вмѣстѣ съ бау-адъютантомъ Малининымъ мѣрилами горизонтальность положенія того потолка измѣривать и въ случаѣ оказавшейся разницы въ уклоненіи къ полу немедленно доносить г. министру двора, чтó тщательно въ продолженіе вышесказаннаго времени наблюдалось, и уклоненія замѣчаемо не было.

Но въ одно время (это было въ началѣ Іюня мѣсяца) мѣрило представило намъ на 8-мь дюймовъ уклоненіе къ полу. Для разрѣшенія таковаго измѣненія г. Кларкъ былъ мною спрошенъ, отчего бы это послѣдовало? Онъ же г. механикъ отвѣтствовалъ, что наложенная на верхъ потолка алебастровая смазка конечно еще не испарила свою сырость и потому измѣненіе послѣдовало, но со временемъ, когда высохнетъ, потолокъ приметъ прежнее свое положеніе. Но таковое объясненіе г. Кларка не успокоивало насъ на два часа, ибо въ тотъ же день, въ 11 часовъ ночи, услышалъ я необычайный гулъ и трескъ стеколъ въ Георгіевской залѣ и, вошедъ въ оную, увидѣлъ: парадныя двери, выбитыя напоромъ вѣтра изъ гнѣздъ своихъ, лежащими на полу; самый потолокъ въ сплошной своей массѣ срединою опустившійся на паркетъ въ видѣ обращеннаго угла и оконечностями повисшій на балюстрадѣ верхней галлереи; мраморная обшивка стѣнъ и нѣкоторыя колонны изцарапаны, а тронное императорское мѣсто, чудомъ уцѣлѣвшее, проникнуто густою пылью.

О таковомъ происшествіи въ 12 часовъ ночи съ фельдъегеремъ въ Петергофъ донесъ я г. министру двора и графу Клейнмихелю, и въ отвѣтъ по телеграфу приказано было всѣмъ производителямъ работъ и механику г. Кларку дожидать прибытія Государя Императора.

Вслѣдъ за симъ, въ 5 часу утра, его сіятельство графъ Клейнмихель уже изслѣдывалъ сіе происшествіе. Въ 6 часу прибывши,

его свѣтлость г. министръ двора изыскивалъ причины паденія потолка; за симъ въ 7 часу утра Государь Императоръ, прибывъ на пароходѣ, соблаговолилъ, вшедши въ военную галлерею, остановиться во входѣ Георгіевской залы и, осмотрѣвъ случившееся съ потолкомъ, промолвилъ: «Прекрасно! Прекрасно! Видно тебѣ, залѣ, суждено и второй разъ возобновляться. А погибшихъ не было?» и когда присутствующими доложено, что никто, то Государь съ душевнымъ благоговѣніемъ ко Всевышнему Создателю, осѣняя себя большимъ Господнимъ крестомъ, изволилъ сказать: «Благодарю Тя, Господи, что ниже единъ изъ моихъ людей не пострадалъ», и за симъ приступилъ къ распросамъ.

Подозвавъ механика Кларка, онъ спросилъ: Чѣмъ ты оправдаешься, что не твоя вина?—Государь! отвѣтствовалъ Кларкъ: вины моей въ паденіи потолка не усматриваю; ибо изволите видѣть, что всѣ шпренгеля, звенья и скрѣпы представляются Вашему Величеству не въ изломанномъ положеніи; это доказываетъ, что матеріалъ употребленъ не хрупкій, а мягкій, добротный, и то меня оправдываетъ. А надлежитъ искать причины въ архитектурѣ.—«Стасовъ! Чѣмъ же ты оправдаешься?»—Ваше Величество, сказалъ Стасовъ, въ эту минуту ни винить, ниже оправдывать себя не смѣю, а надлежитъ открыть причины въ стѣнахъ.—«Такъ сей же часъ заняться изслѣдованіемъ и мнѣ донести. А ты, Кларкъ, этотъ хламъ очисти и новый потолокъ настилай».

Послѣ таковаго благоснисходительнаго спроса Его Величество, изъявивъ высокомонаршую обычную благосклонность предстоявшимъ въ паническомъ страхѣ, въ ожиданіи участи своей, изволилъ оставить дворецъ.

По нѣкоторомъ времени, коммисія, изслѣдовавъ причину паденія потолка, всеподданнѣйше Государю донесла, что въ давно минувшія времена, по волѣ высочайшей прежнихъ государей, многіе разы положеніе и устройство въ Георгіевской залѣ печей и каминовъ измѣнялись и, въ послѣднее время, въ царствованіе блаженной памяти Императора Александра Перваго, существовавшія въ простѣнкахъ фасадныхъ стѣнъ всѣ уничтожены. Дымовыя же трубы (какъ по изслѣдованію оказалось) въ оконечностяхъ своихъ, въ кирпичъ толщины, закрыты, и поверхность стѣнъ, по наложеніи кирпичной настилки, известью залита. Въ такомъ видѣ замаскированныя стѣны съ сокрытыми пустотами, представлявшіяся г.г. архитекторамъ, досматривавшимъ прочность стѣнъ и незнавшимъ отъ кого либо о существовавшихъ пустотахъ, къ положенію потолковыхъ или балковыхъ пятниковъ удостоены. Въ свое

время г. Кларкъ, надѣясь на прочность стѣнъ, что возмогутъ потолочную тяжесть выдержать, не заблагоразсудилъ по всѣмъ стѣнамъ сплошные подшпренгельные пятники положить и установить оные на опредѣленныя мѣста и нѣкіе на пустотахъ. А какъ тяжесть всего потолка опиралась на пятники, и оные достаточной упругости не встрѣчали въ стѣнахъ, то принуждены были вдавливаться въ оныя; отъ чего первоначально произошло крушеніе кирпича во внутрь пустоты, никѣмъ не замѣченное за мраморною обшивкою, а впослѣдствіи потолокъ, постепенно осаждаясь на сію квёлую мѣстность и не встрѣчая опоры къ паденію, рушился. Вторичное же навѣшеніе потолка въ Георгіевской залѣ произведено со всевозможною предусмотрительностью: ибо всѣ стѣны отъ пустоты изъяты и на одну сажень надстроены вверхъ, чрезъ толщу коихъ отъ шпренгельныхъ пятниковъ болты пропущены и винтами закрѣплены; потолокъ, такимъ образомъ сцѣпленный со стѣнами въ видѣ растянутаго паруса, до существованія самыхъ стѣнъ, паденіемъ не угрожалъ.

Сверхъ многосложныхъ и обширныхъ работъ, въ столь спѣшное время въ Зимнемъ дворцѣ произведенныхъ, слѣдующія по необычности и нововведенности своей свершены, коимъ безсильны были и атмосферическая перемѣнчивая температура, и кратковременность препятствовать, а г.г. производившіе оныя работы сумѣли геніальностію и находчивостью своею преодолѣвать и представили Зимній дворецъ для жительства Государю Императору во вкусѣ изысканномъ, стройномъ, смѣломъ и конфортабельномъ, а по матеріаламъ въ дѣло употребленнымъ несгараемымъ, вѣковымъ.

Таковыя работы, увѣковѣчивающія память и славу ихъ, суть.

Всѣ кирпичныя вновь возведенныя стѣны устроялись со внутренними пустотами для испаренія сырости и скорѣйшей просушки; изъ нихъ назначенныя для наложенія фальшь-мрамора обкладывались алебастровыми плитами вершковой толщины, предварительно высушенными и къ стѣнамъ прикрѣплялись пиронами; потомъ накладывалось мраморное тѣсто, высушивалось и полировалось.

Всѣ колонны сооружались изъ полукруглаго кирпича на цементѣ, также со внутренными пустотами, потомъ обставлялись полукруглыми алебастровыми плитами, прикрѣплялись пиронами, и сообразно мѣстности накладывался на оныя мраморъ свѣтлый или цвѣтной.

Всѣ гончарные цилиндрическіе горшечные своды устроились на алебастровомъ растворѣ; поверхность ихъ, для отвращенія промерзаній и сохраненія тепла въ покояхъ, окутывалась смоляными войлоками, а

наружная плоскость оныхъ смазывалась алебастровымъ растворомъ, превратившимся въ каменную оболочку.

Всѣхъ конструкцій антаблементы или карнизы съ архитравами основывались изъ рѣзнаго камня плитника, обручнаго желѣза, жестяныхъ коробокъ, которыя проволочною сѣтью обвивались, дававшими форму наружнымъ очертаніямъ, потомъ штукатурились, выглаживались и окрашивались.

Всѣ поддуги или закругленія металлическихъ потолковъ, для прочности и несгораемости, основывались изъ брусковаго и шиннаго желѣза, выражавшаго всѣ контуры, потомъ обвивались проволочною сѣтью, для очертанія мѣстныхъ формъ, штукатурились и окрашивались.

Всѣхъ родовъ орнаменты по стѣнамъ и въ кумполѣ соборной церкви дѣлались изъ папье-маше или бумажнаго тѣста дутыя, пригвоздались къ мѣстности закрѣпами, потомъ выглаживались и золотились.

Всѣ потолочные антаблементы изъ листовой мѣди чеканились, къ балочнымъ закраинамъ винтами прикрѣплялись, потóмъ золотились или окрашивались.

О шпренгельныхъ потолочныхъ и кровельныхъ устройствахъ съ ихъ контръ-форсами, скрѣпами и совокупностями, сцѣпленіями, вѣчно и прочно покрывающихъ дворцовое зданіе, нѣтъ возможности здѣсь описывать, по многосложнымъ конструкціямъ. Но какими изысканными способами окончательно отстроены, дабы совмѣщали въ себѣ должную теплоту для залъ, противились всѣмъ случайнымъ атмосферическимъ измѣненіямъ, въ продолжительномъ своемъ существованіи не подлежали скорому истлѣнію, а отъ огня разрушенію, то объясняю, что устроены такъ.

Всѣ потолочныя шпренгельныя основанія или шкелеты по заламъ желѣзными, а въ церквахъ и парадныхъ внутреннихъ покояхъ, мѣдными листами подшивались и укрѣплялись къ балковымъ закраинамъ винтами; поверхъ оныхъ между балокъ на закраины же устанавливались ящики или противни изъ листоваго желѣза, кои наполнялись легковымъ, нарочно для сего придуманнымъ кирпичемъ, изъ глины, угля, древесныхъ опилковъ тщательно выжженнымъ, и заливались алебастровымъ растворомъ, претворившимъ сію настилку въ окаменѣлость. Потомъ вся поверхность потолковъ укрывалась смоляными толстыми войлоками, а сверхъ оныхъ клеенчатыми брезентами.

Все шпренгельное устройство, для прочности, черною масляною краскою окрашено, и для прохода подъ кровлею мостики изъ котельнаго желѣза съ перилами устроены.

*

Списокъ главнѣйшимъ заводамъ, фабрикамъ, художникамъ и поставщикамъ, принимавшимъ участіе въ возобновленіи Зимняго дворца.

1) Александровскій литейный заводъ.
2) Стеклянный Императорскій заводъ.
3) Фарфоровый Императорскій заводъ.
4) Шпалерная мануфактура.
5) Петергофская гранильная фабрика.
6) Царскосельская обойная фабрика.
7) Сибирскій гранильный заводъ.
8) Ботаническій садъ растеній.
9) Адмиралтейство флагъ-штокъ, дерево лиственницу ставило.
10) Гофъ-интендантская контора.
11) Академіи Художествъ г.г. Демутъ, Малиновскій, Нефъ, Майковъ, Бруни, Теребеневъ, Ленцъ.
12) Военная мастерская г. Кроль.

Артиллеріи генералъ-маіоръ Амосовъ своего изобрѣтенія пневматическія печи.

Бердовъ заводъ бронзовыя базы и капители, подвижныя лѣстницы, паровую водокачальную машину.

Англійскій хрустальный заводъ—люстры. Іохманъ—слесарное издѣліе.

Мадерни, Катоцы, Трескорни—мраморъ.

Клейпротъ—водопроводы по всему дворцу.

Штейбергъ—композитной бронзы люстра.

Китнеръ—лампы.

Гинтнеръ—гончарные цилиндрическіе горшки.

Миллеръ и Тарасовъ—паркеты.

Туръ, Гамбсъ—мебель.

Воробьевъ—изразцы.

Тарасовы 1 и 2-й—столярныя и позолотныя работы.

Дилевъ, Тробу́, Алексисъ—фальшь-мраморъ.

Торичелли, Делингеръ и Додоновъ—живописныя работы.

Рябковъ и Бобковъ—малярныя и живописныя работы.

Никитинъ—бронзовую и желѣзную принадлежность.

Погребовъ—штофныя матеріи.

Громовъ и Скрябинъ—лѣса всѣхъ родовъ.

Два завода бемскія стекла.

Одинъ заводъ смоленые войлоки, брезенты.

Два завода алебастръ.

Одинъ заводъ гранитныя колонны.

Три завода плиту Пудожскую и Ревельскую.

Пять заводовъ известь.

13 заводовъ кирпичъ.

12 подрядчиковъ ставили каменьщиковъ, печниковъ, штукатуровъ.

Пять подрядчиковъ—плотниковъ.

Одинъ подрядчикъ—кузнечныя издѣлія.

Два подрядчика—подводы, лотки.

Одинъ подрядчикъ—свѣчи восковыя, сальныя.

Одинъ подрядчикъ—искусственно очищать нечистоту.

(Сообщено графомъ Константиномъ Петровичемъ Клейнмихелемъ изъ Почепскаго архива).

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ ГРАФУ П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЮ.

(Извлечены изъ печатнаго формулярнаго о службѣ его списка 1866 года).

1.

Сегодня узналъ я, что ты вновь заболѣлъ тяжело прежнимъ недугомъ, любезный Петръ Андреевичъ. Крайне объ этомъ жалѣя, прошу тебя настоятельно быть терпѣливѣе и послушнѣе къ совѣтамъ твоего доктора и дать себѣ срокъ, нужный на возстановленіе здоровья и силъ. Ты обязанъ этимъ женѣ, дѣтямъ и, прибавлю, и мнѣ; ты не долженъ пренебрегать своею жизнію.

Никто не торопитъ тебя; ты все такъ устроилъ, что работы идутъ вездѣ исправно, и нѣтъ тебѣ причинъ къ опасеніямъ; дай же срокъ укрѣпиться и излѣчиться.

Прошу тебя объ этомъ именемъ дружбы, въ которой ты, надѣюсь, уже давно увѣренъ; не грѣши передъ Богомъ и будь покоренъ: тѣмъ скорѣе будешь здоровъ и тогда съ новымъ усердіемъ примешься за полезные труды, безъ опасенія быть снова не въ силахъ продолжать. Зная твою дружбу ко мнѣ, не сомнѣваюсь, чтобъ ты не исполнилъ моего желанія, въ утѣшеніе твоего семейства и мнѣ въ душевную радость.

Цѣлую руку Клеопатрѣ Петровнѣ *) и обнимаю тебя отъ всего сердца. Н.

1850 Августа 7-го.

2.

Графъ Петръ Андреевичъ! Настоящее путешествіе мое я началъ съ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, проѣхавъ по Сѣверной дирекціи оной отъ С.-Петербурга до с. Чудова, а по Южной отъ Вышняго-Волочка до д. Кольцова, за Тверь. Къ искреннему моему удовольствію дороги эти найдены мною, въ отношеніи превосходнаго

*) Графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель, супруга графа Петра Андреевича, урожденная Ильинская, въ первомъ бракѣ Хорватъ. † 17 Января 1865 года, въ По́, въ Пиринеяхъ, гдѣ воздвигнута нынѣ православная церковь. П. Б.

устройства, изящности отдѣлки, исправности содержанія и примѣрнаго порядка въ управленіи, въ видѣ и состояніи, превосходящемъ мои ожиданія.

Столь блистательный успѣхъ сего полезнаго, многосложнаго и труднаго предпріятія, совершающагося подъ непосредственнымъ руководствомъ и неусыпнымъ наблюденіемъ вашимъ, налагаетъ на меня обязанность изъявить вамъ нынѣ вновь мою живѣйшую и душевную признательность за всѣ труды, вами подъемлемые.

Ревность и усердіе, съ коими вы всегда приводите въ исполненіе всѣ мои предначертанія по важной отрасли государственнаго благоустройства, вамъ ввѣренной, служатъ мнѣ залогомъ осуществленія живѣйшаго моего желанія видѣть соединеніе столицъ моихъ желѣзною дорогою вполнѣ оконченнымъ и приведеннымъ въ дѣйствіе къ 1-му Ноября 1851 года. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай.

1850. Ноября 1-го.

3.

Графъ Петръ Андреевичъ! Съ самаго существованія С.-Петербурга оказывалось важное неудобство разъединенія зарѣчныхъ частей съ городомъ въ извѣстныя времена года, и вопросъ о возможности постояннаго сообщенія чрезъ Неву оставался долгое время неразрѣшеннымъ. Между тѣмъ необходимость въ такомъ сообщеніи сдѣлалась ощутительною съ увеличеніемъ народонаселенія и побудила меня въ отношеніи стѣсненія торговли и промышленности повелѣть, въ 1842 г., устроить постоянный чрезъ р. Неву мостъ. Нынѣ, подъ главнымъ начальствомъ и руководствомъ вашимъ, цѣль сія достигнута съ полнымъ успѣхомъ. Въ 21-й день сего Ноября открытъ, въ присутствіи моемъ, постоянный чрезъ р. Неву мостъ, наименованный Благовѣщенскимъ, и я, найдя сооруженіе его во всѣхъ частяхъ отличнымъ, прочнымъ и изящнымъ, вмѣняю себѣ въ особое удовольствіе изъявить вамъ мою совершенную благодарность и благоволеніе за неусыпную вашу заботливость къ приведенію въ исполненіе одного изъ общеполезныхъ памятниковъ, въ точную согласность съ моими предначертаніями. Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай.

1850. Ноября 23-го.

4.

Графъ Петръ Андреевичъ! Приступая восемь лѣтъ тому назадъ къ сооруженію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, поручилъ я вамъ наблюденіе за исполненіемъ моего намѣренія, въ увѣренности, что ваше столь многократно доказанное усердіе послужитъ мнѣ ручательствомъ въ успѣхѣ предпринятаго дѣла.

Съ душевнымъ удовольствіемъ вижу осуществленіе моихъ желаній, и если это предпріятіе еще не совсѣмъ окончено, то работы уже доведены до такой степени, что для перваго опыта могъ быть перевезенъ значительный отрядъ гвардейскихъ войскъ, и я, со всѣмъ своимъ семействомъ, совершилъ по желѣзной дорогѣ переѣздъ изъ С.-Петербурга въ Москву. При этомъ случаѣ я съ восхищеніемъ видѣлъ огромныя и истинно-изумительныя сооруженія, соединяющія въ себѣ всѣ условія изящнаго вкуса съ самою превосходною отдѣлкою. Я не могу не признать, что единственно примѣрнымъ раченіемъ вашимъ совершается столь успѣшно это важное государственное предпріятіе, которое должно принести существенныя и самыя полезныя послѣдствія для народнаго благосостоянія.

Отдавая всегда справедливость дѣятельнымъ и неутомимымъ трудамъ вашимъ, мнѣ пріятно возобновить вамъ мою искреннюю и душевную признательность за ваше достохвальное служеніе. Испытанное усердіе ваше служитъ мнѣ увѣреніемъ, что, согласно моему прежнему указанію, С.-Петербурго-Московская дорога будетъ окончена къ 1-му Ноября сего года, и тѣмъ самымъ будетъ открытъ для общаго пользованія способъ быстраго и удобнаго сообщенія въ Имперіи. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный. Николай.

1851. Августа 22-го, (Москва).

Выписка изъ того же формулярнаго списка.

12-го Марта (1814) Государь Императоръ Александръ Павловичъ, получа донесеніе, что Наполеонъ устремился съ войсками на пути сообщенія наши, изволилъ лично приказать лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану Клейнмихелю, взявъ нѣсколько казаковъ, отправиться по пути на Шомонъ, Баръ-сюръ-Объ и Лангръ, на встрѣчу Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича, ѣхавшихъ въ армію изъ С.-Петербурга, и донести Ихъ Высочествамъ, чтобъ изволили возвратиться въ Базель и ожидать тамъ дальнѣйшаго повелѣнія Его Императорскаго Величества.

Капитанъ Клейнмихель встрѣтилъ Ихъ Высочества въ Везулѣ переправившимися въ Базелѣ чрезъ Рейнъ и, передавъ своевременно данное Высочайшее повелѣніе, возвратился къ Его Императорскому Величеству въ Парижъ изъ Нанси, такъ какъ путь на Лангръ и Шомонъ былъ уже занятъ непріятелемъ.

*

Молодой Клейнмихель (отецъ котораго Андрей Андреевичъ, Шведъ родомъ, въ отечественную и заграничную того времени войны неутомимо занимался наборомъ и образованіемъ запасныхъ войскъ, пополнявшихъ собою безпрестанную убыль военныхъ силъ нашихъ), 16 Марта 1814 года былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю (милость тогда рѣдкая). Съ 24 Марта 1819 года Клейнмихель состоялъ начальникомъ штаба по поселеннымъ войскамъ, и тутъ императоръ Александръ Павловичъ особенно близко могъ оцѣнить его распорядительность, точность и неутомимость. Извѣстно, что устройство военныхъ поселеній было любимою мечтою Государя. Въ формулярѣ Клейнмихеля за 1822-й годъ сказано, что Государь, «осмотрѣвъ поселенные округа 1-й гренадерской дивизіи, нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи, которое тѣмъ болѣе можетъ быть имъ поставлено въ достоинство, что превосходное состояніе сіе по фронту нисколько не останавливало сельскія и прочія работы, въ округахъ ими производимыя». Состоя въ теченіи многихъ лѣтъ въ желѣзной школѣ графа Аракчеева, Клейнмихель навыкъ къ безпрекословной исполнительности и былъ постоянно на виду у Государя, въ самомъ средоточіи военнаго и внутренняго управленія.

Императоръ Николай Павловичъ, въ день своего коронованія, 22 Августа 1826 г., назначилъ Клейнмихеля своимъ генералъ-адъютантомъ и затѣмъ, въ теченіе почти 30 лѣтъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Государю. Съ 1-го Мая 1832 года Клейнмихель дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба, съ 26 Марта 1839 года графомъ Россійской имперіи, въ томъ же году завѣдуетъ устройствомъ лагеря подъ Бородинымъ (гдѣ нѣкогда онъ отличился въ бою), а съ 11 Августа 1842 года главноуправляющимъ путями сообщенія. Многотрудную и многополезную службу свою графъ П. А. Клейнмихель оставилъ 15 Октября 1855 года. П. Б.

ЖИВОПИСЕЦЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Есть своя судьба и у книгъ, и у авторовъ. Литературное поприще столь извѣстнаго писателя какъ Квитка-Основьяненко служитъ тому разительнымъ подтвержденіемъ. Началъ онъ писать уже не въ молодости, въ глухой средѣ, безъ всякой поддержки и одобренія, въ силу лишь неотразимой духовной потребности просившагося наружу художественнаго дара. Писалъ онъ свободно и искренно о томъ чтò жило вокругъ него, чтó онъ видѣлъ, зналъ, любилъ или ненавидѣлъ. Безъ подражанія и примѣра, онъ создалъ реальную повѣсть изъ народной жизни, когда въ Русской литературѣ о ней не было еще и рѣчи. Въ то время его мало поняли и свои, и чужіе. Столичные журналы замѣтили его дарованіе, но стали пользоваться имъ посвоему и толкнули на ложный путь смѣхотворнаго разсказа. Когда же земляки узнали и полюбили его свѣжія первыя произведенія, ихъ глубокое чувство и юморъ, то, съ досады на происшедшую въ авторѣ перемѣну, они стали относиться съ суровой несправедливостью ко всей второй половинѣ его дѣятельности, мало зная ее даже, и осудили ее огуломъ.

Счеты съ потомствомъ и вѣрный взглядъ на дѣло могли бы вызвать на свѣтъ собраніе его сочиненій. Но его-то и не было. Писавшій легко и много, Квитка только въ послѣдніе годы жизни сталъ находить въ своемъ трудѣ нѣкоторое общественное подспорье. Ему не суждено было увидѣть свои сочиненія собранными. Втеченіе многихъ лѣтъ, прошедшихъ съ его кончины такого собранія также не выходило, и незадолго до окончанія своихъ правъ, наслѣдники Квитки передали ихъ Харьковскому земству, назначивъ прибыль съ изданія въ пользу школы на родинѣ автора. Земство занялось изданіемъ и выпустило четыре тома подъ редакціей проф. Потебни. Смерть, лишившая ученый міръ замѣчательнаго филолога-философа, остановила это предпріятіе. Четыре года о немъ не было слышно. Въ концѣ прошлаго года изданіе возобновилось двумя дальнѣйшими томами. Затерянною въ старыхъ журналахъ остается однако еще добрая часть Квиткиныхъ сочиненій, и будеть ли изданіе ихъ доведено до конца и когда, не знаемъ.

Отношеніе къ Квиткѣ общества и критики было самое неустойчивое и неопредѣлившееся. Уже раннія, крестьянскія его повѣсти вызвали стран-

ныя недоразумѣнія. Бѣлинскій то упрекалъ его за „дубоватость мужицкаго ума и грубость мужицкаго вкуса“, то искренно восхищался знаменитымъ романомъ „Маруся“. Но совершенную путаницу представляетъ оцѣнка нравоописательныхъ произведеній Квитки, писанныхъ на Русскомъ языкѣ. Восторженный поклонникъ Малороссійскихъ сочиненій Квитки, Кулишъ совершенно отрицалъ всякое значеніе Русскихъ. Сенковскій, Бѣлинскій нападали зло на невысокій комизмъ „Пана Халявскаго“ и „Столбикова“, не различая въ нихъ, по незнанію Молороссіи, вѣрнаго отъ невѣрнаго, частей существенныхъ отъ шутовства. Авторъ „Исторіи Украинской литературы, г. Петровъ, находитъ, что „сатира Квитки скользила только по поверхности провинціальной жизни, вырывала изъ нея частныя явленія и не приносила обществу существенной пользы, не преобразовывала его въ новое, лучшее бытіе“ („Исторія“ стр. 93). Г. Пыпинъ въ „Исторіи Славянскихъ литературъ“ (стр. 362) замѣчаетъ, что „Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія своимъ общественнымъ пониманіемъ, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ“, и придаетъ значеніе только его Малороссійскому творчеству. Послѣдующіе писатели, или, правильнѣе „списатели“, повторяли тоже самое, безъ всякой провѣрки по самымъ сочиненіямъ разбираемаго автора. Даже въ послѣдней работѣ о Квиткѣ, при недавно вышедшемъ шестомъ томѣ его сочиненій, въ общемъ очень симпатичной, высказывается удивленіе, что Квитка, „при ничтожномъ своемъ образованіи и *неглубокомъ умѣ*, принесъ родному краю незабвенныя услуги въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія и мыслей художественной литературы“, а въ упрекъ ему ставится „недостатокъ широкихъ общественныхъ взглядовъ“.

Эти фразы о маломъ умѣ значительныхъ литературныхъ талантовъ пора бы оставить, или выяснить намъ, по крайней мѣрѣ, невидимую грань ума и таланта. Чѣмъ же созданы такія лица, какъ Маруся, Наумъ Дротъ и др., какъ не яснымъ умомъ, благороднымъ и воспріимчивымъ сердцемъ и душею стремящейся ко благу? Умъ можетъ существовать безъ таланта, но талантъ безъ ума не можетъ, такъ какъ самъ онъ есть высшая степень ума. Тутъ просто смѣшиваютъ два вида ума: умъ—аналитическій и умъ творческій, представляющій высшій даръ, какимъ природа надѣляетъ человѣка. Что до неудовлетворительности общественныхъ взглядовъ, то нельзя подходить съ современною мѣркой къ явленіямъ прошлаго. А прежде всего надо быть справедливымъ. Въ пользу сельскаго народа Квитка высказался весь, рисуя правдивыми красками его лучшія человѣческія стороны, доступность его лучшимъ чувствамъ, его юморъ, т. е. умъ, печальныя судьбы приведшія его къ общественному упадку. И это имъ сдѣлано въ тридцатыхъ годахъ, сдѣлано впервыя, въ произведеніяхъ, и форму, и содержаніе которыхъ нашелъ онъ самъ, никому не слѣдуя и не подражая, а воспроизводя лишь живыми красками и образнымъ, полнымъ жизни языкомъ то, что его окружало.... Объ отношеніяхъ его къ другимъ явленіямъ жизни, современнымъ и прошедшимъ, намъ дастъ понятіе разсмотрѣніе нѣсколькихъ, до сихъ поръ еще „опальныхъ“ его сочиненій.

II.

Историческіе этюды и очерки Квитки, вслѣдъ за появленіемъ ихъ въ собраніи (т. III), получили впрочемъ признаніе. Въ самомъ дѣлѣ, помимо литературнаго интереса, они имѣютъ для насъ еще почти значеніе мемуаровъ. Стоя на рубежѣ двухъ эпохъ, старой, героической и патріархальной и послѣдующей, близкой намъ, Квитка могъ наблюдать явленія и типы старины по живымъ образцамъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ. Его дѣтство протекло въ средѣ, сформировавшейся въ послѣднія времена гетманщины. Разрушенье Сѣчи было тогда недавнимъ событіемъ, очевидцы и участники котораго были еще живы. Нравы сельскаго народа хранили еще свою патріархальную простоту. На глазахъ его выросталъ родной Харьковъ. Все это и послужило матеріяломъ его повѣствованіямъ въ этомъ родѣ.

„Головатый“, „Панна Сотниковна“, „Преданія о Гаркушѣ“—лучшіе изъ этихъ очерковъ. Личность стараго Запорожца, его похожденія въ Петербургѣ, балагурство, юморъ, пресловутая Малороссійская „хитрость“, которая часто есть ни что̀ иное какъ чувство самосохраненія,—все это очерчено въ „Головатомъ“ по живымъ слѣдамъ. Въ „Паннѣ Сотниковнѣ“ переданъ трагическій случай изъ семейной хроники рода Квитокъ о дѣвушкѣ изъ этого рода, которой выпала на долю судьба Римской Виргиніи и которая также точно и кончила съ собою. Образъ этой Сотниковны, друга бѣдныхъ, чистой души, развернувшейся какъ цвѣтокъ въ старосвѣтской глуши, чрезвычайно привлекателенъ, хотя разсказъ есть не болѣе какъ эскизъ. Но пойдите, найдите въ литературѣ другое изображеніе Малороссійской дѣвушки половины XVII или начала XVIII вѣка, безусловно правдивое и обставленное археологически—вѣрно! „Преданія о Гаркушѣ“, писанныя въ драматической формѣ, воспроизводятъ похожденія знаменитаго разбойника, жившія въ памяти народа. Въ этихъ сценахъ Квитка вывелъ множество лицъ изъ стариннаго общества, то болѣе очерченныхъ, то едва намѣченныхъ, съ легкостью богача, который не считаетъ своихъ запасовъ и бросаетъ золото въ свое удовольствіе. Другіе историческіе очерки, чисто фактическаго и справочнаго характера, имѣютъ значеніе какъ полезное историческое подспорье.

Въ защиту пресловутаго „Пана Халявскаго“, написаннаго Квиткой по совѣту Жуковскаго и изображающаго старинное воспитаніе и семейную жизнь, многаго сказать нельзя. Дѣйствительно, онъ совершенно испорченъ ненужнымъ зубоскальствомъ, желаніемъ разсмѣшить, поддѣлываясь подъ вкусъ низкопробной публики. Романъ этотъ,—наиболѣе, впрочемъ, извѣстный публикѣ,—ошибка талантливаго человѣка. Но и въ немъ есть мѣста живыя и значительныя, а одинъ эпизодъ первой части прямо замѣчателенъ. Это тѣ страницы, гдѣ описанъ старинный *банкетъ* послѣднихъ временъ гетманщины, гомерическое угощеніе, задаваемое знатному полковнику и многочисленной „старшинѣ“ стариками Халявскими. Бездѣлье, чинопочитаніе, мате-

ріальное благополучіе, воздвигнутое на стяжаніи и притѣсненіи народа и, какъ вѣнецъ всего этого, почти животное обжорство и невѣроятное пьянство: таковы выпуклыя черты этой яркой, полной жизни картины. Сопоставивъ эти страницы съ извѣстной Малороссійской повѣстью Квитки „Конотопська Видьма“, гдѣ также изображена полковая старшина въ послѣдній періодъ гетманщины, мы живо уяснимъ себѣ эту эпоху и глубоко печальный взглядъ, какой имѣлъ на нее Квитка. „Конотопська Видьма“, въ шутливой формѣ и въ комическихъ образахъ, изображаетъ духовный упадокъ цѣлаго народа, истомленнаго вѣчной борьбой, попавшаго въ руки изъ него же выдѣлившейся группы эгоистовъ, „старшины“, которая полагала всѣ свои силы на стяжаніе, въ концѣ концовъ этотъ народъ закрѣпостила и дошла сама до полнаго моральнаго упадка. Выводъ объ исторической роли этого выдвинувшагося и достигшаго преобладанія сословія, хотя авторъ и не дѣлаетъ его, досказывается самъ собою. Свою силу и власть оно употребило на личную пользу, на обогащеніе, на сосредоточеніе земель въ своихъ рукахъ, на постепенное закрѣпощеніе сельскаго народа.

Въ большинствѣ своемъ оно было совершенно необразованно и идеаломъ жизни поставляло пьяное и сытое довольство. Любовь къ родинѣ и сознаніе своей обязанности быть самымъ просвѣщеннымъ классомъ, будучи самымъ вліятельнымъ, были ему чужды. Отсюда его ничтожная роль въ исторіи, его безличность и неустойчивость, быстрая потеря всякой связи съ народнымъ бытомъ, способность отливаться въ какія угодно новыя формы...

Внуки этихъ людей были уже современниками Квитки, и онъ могъ писать ихъ съ натуры. Произведенія, гдѣ онъ захватилъ наиболѣе общественныхъ элементовъ, гдѣ высказалъ наиболѣе наблюденій надъ современностью, это двѣ комедіи „Дворянскіе выборы“ (части первая и вторая), перепечатанныя теперь въ послѣднемъ изъ вышедшихъ томовъ собранія его сочиненій.

III.

Матеріяломъ для этихъ піесъ послужилъ бытъ того класса общества, къ которому принадлежалъ самъ авторъ, среди котораго проходила его собственная жизнь. Первыя свои сочиненія, какъ уже сказано, Квитка писалъ помимо всякихъ постороннихъ вліяній, совершенно искренно; а потому всѣ они выше послѣдующихъ, носящихъ слѣды журнальныхъ вліяній и пріемовъ расхожей литературы. Пусть же самый суровый обличитель найдетъ въ нихъ попустительство господствующимъ нравамъ; пусть скажетъ, что авторъ снисходительно смотритъ на нихъ. Перечитывая „Дворянскіе выборы“, боишься скорѣе, чтобы автора не упрекнули въ излишнемъ сгущеніи красокъ, въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на личности и нравы передоваго и вліятельнѣйшаго сословія того времени.

Образовавшись изъ полковой старшины путемъ переименованія въ чины и утвержденія въ сословіи, новое Малороссійское дворянство всѣ свои

вновь пріобрѣтенныя права направило на добываніе и укрѣпленіе личныхъ благъ. Старинное, мѣстное образованіе было тогда уже въ упадкѣ, а новаго оно еще не пріобрѣло и въ большинствѣ своемъ было очень невѣжественно. Пользуясь властью помѣщиковъ и довольно значительною властью въ мѣстномъ управленіи (большинство должностей, до полиціи включительно, было выбираемо изъ лицъ этого класса), оно хозяйничало въ краѣ по-своему. Нѣкоторыя, лучшія начала существовали конечно и тогда и иногда пробивались къ дѣятельности, но большинство господствовало по праву сильнаго и творило немало неправдъ и беззаконій. Картины этого сословнаго произвола и даетъ намъ Квитка въ двухъ своихъ піесахъ.

Кто хочетъ ознакомиться съ бытовыми чертами общественной жизни той поры и кого не испугаютъ имена героевъ піесъ, эти Староплутовы, Заправлялкины, Благосудовы, Твердовы, Проживайкины, Ненасытины (уступка автора духу времени и литературнымъ пріемамъ эпохи), пусть прочтетъ эти двѣ сатиры, изображающія въ двухъ эпизодахъ выборы предводителя дворянства и исправника и всю муть всколыхнувшагося по этому случаю общественнаго моря. Мы отмѣтимъ коротко обнаруживающіяся въ этихъ картинахъ общественно-историческія черты.

Въ первой части „Дворянскихъ выборовъ“ вліятельный дворянинъ Староплутовъ ѣдетъ на выборы въ городъ съ женой, съ „опекаемой“ племянницей, дворней и везетъ съ собою цѣлую компанію „запасныхъ“, бѣдныхъ дворянъ своей партіи, обязанныхъ класть шары въ пользу указываемыхъ имъ лицъ. „Старый баринъ за наблюденіемъ самъ пріѣхалъ, объясняетъ бойкая горничная; барыня пріѣхала для закупокъ, а Анну Михайловну привезли какъ товаръ, чтобы лицомъ продать. Запасныхъ привезено десять, да десятый больно прибитъ на вчерашнемъ ночлегѣ, насилу отняли, не очуняетъ къ завтрему. Пуще всего Ерофеичъ ему всю рожу исписалъ“. За то, что вещи нѣсколько запоздали въ городъ, управляющій Староплутова велитъ сѣчь кучеровъ и лакеевъ. Кандидатомъ въ предводители партіей Староплутова намѣченъ Кожедраловъ, за котораго предполагается выдать племянницу Староплутова, Тихину; тотъ же, съ своей стороны, поможетъ покрыть всѣ плутни, при помощи которыхъ Староплутовъ, совмѣстно съ опекой, пользовался состояніемъ Тихиной, такъ что ея „тысяча душъ съ заведеніями не только не даютъ доходу, но годъ отъ году умножается долгъ“. Тихина не хочетъ выходить за Кожедралова; она любитъ честнаго и благовоспитаннаго Твердова, помѣщика той же губерніи, котораго встрѣчала еще въ столицѣ, воспитываясь тамъ, въ институтѣ.

— Вашъ Кожедраловъ, говоритъ она, безъ души, потому что у него всѣ люди нищіе. Богатъ на счетъ своихъ крестьянъ.

Староплутова. Неужели ему заботиться объ этихъ тваряхъ?

Тихина. Сколько онъ отнялъ земли у бѣдныхъ сосѣдей, сколько разорилъ взысканіемъ должныхъ ему денегъ!

Староплутовъ. Не успѣли на ноги подняться, а уже разсуждаютъ, что крестьяне бѣдны и въ чемъ счастье состоитъ!.. (Сочиненія Квитки. Харьковъ 1894. Т. VI, стр. 233.)

Кожедраловъ съ Староплутовымъ, чрезвычайно заинтересованные въ въ успѣхѣ своего плана, проектируютъ выдать Тихину замужъ съ помощью опеки принудительнымъ образомъ. „Даже если до Сената дойдетъ, отрѣшатъ, опубликуютъ, а брака не расторгнутъ", разсуждаютъ они.

Во второмъ актѣ мы присутствуемъ на предвыборномъ собраніи у Староплутова. Экономка, Надёжка, учитъ слугъ, какъ потчивать гостей по ихъ значенію: „бутылка съ билетиками тому, къ кому баринъ внимательнѣе и пр., а за запасными смотрѣть, когда стащутъ бутылки, и отнимать". Толпа запасныхъ собрана тутъ же, и ей преподносятся уроки выборной техники, а также убѣждаютъ ихъ, чтобъ они не давали воли буйнымъ инстинктамъ и не дрались между собою, или по крайней мѣрѣ дрались осмотрительно. „Коли возьметъ сердце, такъ дуй по бокамъ, а рожи не тронь: на выборахъ надо товаръ лицомъ показать". (Т. VI, стр. 248).

На совѣщаніи дворянъ должности распредѣляются заранѣе. Присутствующія тутъ же „добродѣтельныя лица" піесы, Твердовъ и Благосудовъ, ужасаются тому, что̀ видятъ и стараются выяснить свои взгляды. Благосудовъ объясняетъ роль губернскаго предводителя, „ума и души дворянства губерніи", но получаетъ на это рѣзкій отвѣтъ циника Забойкина: „Гдѣ намъ такихъ людей брать? Будемъ избирать промежду собою и не залетать далеко".

Дебаты приводятъ къ соглашенію на счетъ выбора уѣзднымъ предводителемъ Кожедралова, а судьей Выжималкина. Во всѣхъ плутняхъ заранѣе согласились и условились. „Прекрасно все обдумано, кричитъ Староплутовъ. Подлинно нашъ уѣздъ можетъ хвалиться единодушіемъ и готовностью на общую пользу".

Выставляется кандидатъ въ исправники. Тутъ происходитъ гомерическая борьба между Забойкинымъ и Драчуновымъ въ противозаконныхъ обѣщаніяхъ. Побѣдителемъ остается Забойкинъ, наобѣщавшій дворянамъ съ три короба всякихъ злоупотребленій и поблажекъ. Суда онъ не боится: „Знаемъ, какъ въ уголовную входятъ; да знаемъ, какъ черезъ секретарскую и выходятъ"... Все болѣе и болѣе оживляющіеся дебаты, сопровождаемые выпивкой, кончаются сценой опьяненія этой толпы, отправляющейся на выборы.

Разсчеты Кожедралова и Староплутова однако не удались. Злоупотребленія ихъ открыты и партія разбита. Староплутовъ въ отчаяніи, но далеко не полагаетъ виновнымъ себя, а порядокъ потерпѣвшій кару считаетъ нормальнымъ и освященнымъ временемъ. „Не посмотрѣли, говоритъ онъ женѣ, что это принято обычаемъ, что это еще отъ отцовъ нашихъ вышло и освящено давностью еще *съ самаго открытія намѣстничествъ*". Побѣдителемъ на выборахъ является Твердовъ, что̀, конечно, весьма облегчаетъ

успѣхъ его сватовства, на Тихиной онъ женится. Кожедраловъ же собирается „выѣхать изъ этой умствующей губерніи и поселиться тамъ, гдѣ намъ подобные еще водятся“.

Вторая часть „Дворянскихъ выборовъ“ изобра́жаетъ выборъ исправника. Мелкіе дворяне, ѣдущіе въ городъ, остановились въ ожиданіи лошадей въ крестьянской хатѣ. Они пьянствуютъ и неистовствуютъ передъ выборнымъ и сотскимъ, грозя имъ, что уничтожатъ ихъ, когда попадутъ на должности. Разговоръ крестьянъ послѣ отъѣзда этой компаніи очень характеренъ. На издѣвательства и злоупотребленія некому жаловаться: всѣ одинаковы.

Сотскій. Казначею? Да ёнъ больно бье!

Выборный. Эко ты, Дема, глупый, простота сердечная! Свѣту ты не видалъ и ничего не знаешь... Да кому ты пажалишься? Эхе-хехъ! Вѣдь же господа! Воронъ ворону глазъ не выкалѣ, тяя-жа обвиноватятъ. Тярпи!

Акулина. Вястима, вястима, такъ не зымь ихъ, такъ ужъ на роду написано имъ насъ бить, а намъ имъ кланятца!

Сотскій (смотря въ окно). Охти, дядя! Пробѣгли ешо дворяне... Бяда!... (т. VI, стр. 307).

Въ исправники пробирается канцеляристъ Лупилинъ, онъ же и ростовщикъ. Онъ вербуетъ голоса между своими кредиторами, однимъ обѣщая отсрочить деньги, другимъ занять. Старые практики выборовъ совѣтуютъ жаждущимъ пройти на должность: „Закажите ужинъ и созовите всѣхъ. Стара штука, но почти всегда удавалась!“ Когда одного изъ аспирантовъ, Проживалкина, гости его увѣряютъ въ готовности своей подать за него голоса, Лупилинъ восклицаетъ въ сторону: „на всѣхъ, на всѣхъ подамъ ко взысканію“... Голоса проигрываются въ карты, открыто покупаются, добываются хитростію.

Выборы состоялись. Неожиданно проходитъ въ исправники Ненасытинъ. До́ма у него по этому случаю готовится торжество. Жена создаетъ всевозможные властолюбивые проекты. Является вдругъ Проживалкинъ и объявляетъ, что получено распоряженіе губернатора о признаніи выборовъ недѣйствительными и отданіи Ненасытина подъ судъ за раскрывшееся дѣло по злоупотребленію съ „магазейнами“. Ненасытинъ въ отчаяніи. Представители земской полиціи, въ числѣ которыхъ и Шельменко, герой будущихъ піесъ Квитки, впервыя тутъ появляющійся, отбираютъ назадъ у Ненасытиной только что принесенныя, въ виду успѣха выборовъ, приношенія „натурой“. Въ это время являются предводитель Твердовъ и пріятель его, новый исправникъ, Скромновъ, просить для Скромнова руки падчерицы Ненасытина, Софіи. Сначала родные не соглашаются, но, узнавъ отъ Твердова о намѣреніи тетки Софіи передать ей состояніе въ случаѣ брака съ Скром-

новымъ, даютъ свое согласіе. Ненасытина утѣшаетъ себя тѣмъ, что будетъ тещей исправника, и ее все-таки будутъ бояться по волостямъ.

Наблюденія Квитки надъ общественною жизнью Малороссійскаго дворянства его времени, какъ видимъ, отличаются мрачными, даже быть-можетъ излишне-сгущенными красками. Злоупотребленіе однимъ сословіемъ своею властію въ ущербъ другимъ и въ ущербъ справедливости кажутся ему большой общественной опасностью. Зло, служащее причиной этихъ злоупотребленій: эгоизмъ, отсутствіе просвѣщенія и связаннаго съ нимъ гражданскаго чувства и развитія. Орудіе противъ него: образованіе.

IV.

Остановимся немного на добродѣтельныхъ лицахъ комедій, которыхъ принято обыкновенно считать деревянными и скучными. Молодыя дѣвушки въ такихъ случаяхъ всегда у Квитки — институтки, и правильно организованное институтское образованіе онъ противопоставляетъ безпорядочному, внѣшнему и нелѣпому пансіонскому. (Извѣстно, какое дѣятельное участіе принималъ Квитка въ созданіи Института въ Харьковѣ, на который пожертвовалъ часть своего состоянія. Вообще у Харьковскихъ дѣятелей того времени слово сливалось съ дѣломъ. Вспомнимъ Каразина и открытіе Университета въ Харьковѣ. Туже роль Квитка игралъ относительно Института, а свои понятія о справедливости онъ примѣнялъ широко въ теченіе долговременной своей службы въ должности судьи). Такое убѣжденіе оправдывалось особенно и тѣмъ, что онъ видѣлъ въ лицѣ достойной супруги своей Анны Григорьевны (рожденной Вульфъ), бывшей воспитанницы Смольнаго Института и классной дамы Харьковскаго. Эта женщина украсила жизнь писателя своею любовью и преданностью и дала ему душевный миръ. Достаточно взглянуть на кроткое лицо ея, на портретѣ приложенномъ къ послѣднему, шестому тому Квиткиныхъ сочиненій, чтобы понять ея значеніе въ жизни писателя и то мнѣніе, которое она сообщила ему объ институтахъ и институтскомъ образованіи.

Взгляды этихъ институтокъ вездѣ у Квитки одинаковы. Тихина первой части „Дворянскихъ выборовъ,“ Софья—второй, Анна Петровна въ „Пріѣзжемъ изъ столицы“ (комедія, совпадающая по содержанію съ „Ревизоромъ“ Гоголя, безконечно слабѣйшая, но написанная девять лѣтъ раньше, какъ свидѣтельствуетъ цензурная помѣтка на сохранившейся рукописи),—всѣ высказываютъ одни и тѣ-же взгляды на бракъ, отношенія къ крестьянамъ, семейную жизнь, значеніе титуловъ, богатства и проч. Онѣ не возвышаются до понятія о безнравственности крѣпостнаго права, но взгляды ихъ на отношеніе къ подвластнымъ крестьянамъ исполнены добрыхъ намѣреній. Тихина высказываетъ твердое намѣреніе „быть благодѣтельницей подвластныхъ себѣ“. Анна Петровна въ „Пріѣзжемъ изъ столицы“ говоритъ: „Желаю видѣть деревню, оросить слезами могилу моихъ родителей, узнать подчиненныхъ, научиться на опытѣ быть имъ полезною“.

Матрена Степановна. Въ сосѣдствѣ у васъ полки поселеніемъ распространены. Сколько офицеровъ!

Анна Петровна. Но вѣдь я не въ военной службѣ, слѣдовательно они мнѣ не товарищи.

Матрена Степановна. Ахъ, милая, да жениховъ-то сколько! Съ семьюстами душъ можно любого предызбрать. И полковника, и графа, и маіора.

Анна Петровна. О, еслибъ я имѣла возможность объяснить вашему предразсужденію всѣ тѣ понятія, какія намъ дали о замужествѣ съ душами, съ графами и о прочемъ... (Соч. т. VI, стр. 145).

Намъ кажется, что и личности, и взгляды эти не выдуманы и что въ дворянской средѣ они, несомнѣнно, существовали. Не въ семьяхъ ли, гдѣ были эти матери, выросли дѣятели освободительной эпохи, благодаря которымъ самое великое преобразованіе прошло безъ потрясеній, найдя себѣ въ нихъ убѣжденныхъ и преданныхъ осуществителей.

Намъ сдаются также ужъ не настолько деревянными и сочиненными добродѣтельные молодые люди Квиткиныхъ комедій, эти „слуги чести, исполнители закона, друзья правды.“ Въ жизни того времени этотъ типъ существовалъ, хотя и въ видѣ не частаго примѣра. Представители этого типа недавно выдвинуты въ трудахъ Харьковскихъ и Кіевскихъ изслѣдователей. Это Полетики, Каразины, Чепы, Коваленскіе, Ломиковскіе, ученики Сковороды, мѣстные націоналисты, ревнители Харьковскаго университета, собиратели книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ и пр. Языкъ Твердова и К° напоминаетъ языкъ ихъ писемъ: слегка книжный и реторическій, онъ носитъ отпечатокъ моднаго тогда Карамзинскаго стиля. Воззрѣнія ихъ сходятся также съ рѣчами Полетики, Каразина, взглядами Чепы, и въ виду того это единственное, хотя и слабое отраженіе въ литературѣ этого типа пріобрѣтаетъ для насъ особое значеніе.

Общественную жизнь нѣсколько болѣе поздняго времени Квитка рисуетъ въ повѣсти „Ярмарка“. Эта картина шерстяной ярмарки добраго стараго времени, съ продавцами - помѣщиками, сборищами въ лавкахъ, въ театрѣ, въ собраніи, съ вывозимыми на показъ дочками - невѣстами и офицерами,- женихами. Картина этой убогой общественности былаго времени, нарисованная такимъ наблюдателемъ, выходитъ теперь поистиннѣ исторической.

И въ Русскихъ своихъ произведеніяхъ, какъ видимъ, Квитка является немалой литературной величиной. Полное собраніе его сочиненій, которое одно дастъ понятіе о дѣятельности его настоящее понятіе и загладитъ вину передъ его памятью, настоятельно необходимо.

В. Горленко.

СЕЛО КАПЦЕВО-БОГОРОДСКОЕ.

(Родовая вотчина графовъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ).

Ближе къ Шуйскому и Юрьевскому уѣздамъ, въ Нажеровской волости, Ростовскаго уѣзда, находится знаменитое село Капцево-Богородское, имѣющее своеобразную легендарную исторію.

Здѣсь въ старину, по словамъ мѣстныхъ Ростовскихъ лѣтописей, находилось языческое капище, на чтò указываетъ и самое названіе села «Капцево», а по старымъ актамъ «Копецъ», «Капцы». Капище это, судя по Славянскому имени, было Славянское, названное такъ въ отдаленной, древности какъ будто въ подражаніе Римской «Capella», Придунайскими, Славянами сосѣдями Римлянъ, перенесшими это названіе при своемъ переселеніи въ Новгородско-Ростовскую область. Очень можетъ статься, что и самое капище имѣло видъ ископаемой пещеры или землянки. Капище это, по свидѣтельству тѣхъ же лѣтописей, было разорено Ростовскимъ епископомъ Исаіей († 1090 г.). Это представляется правдоподобнымъ и потому, что память преподобнаго Исаіи особенно чтится во всей заозерной сторонѣ Ростовскаго уѣзда, въ день его преставленія, 15 Мая. Св. Исаія былъ сперва инокомъ Кіевскаго Печерскаго монастыря и за свою высокую жизнь въ 1077 г. поставленъ епископомъ Ростову. Въ Ростовской области онъ нашелъ много идолопоклонниковъ и среди нихъ новопросвѣщенныхъ, но не утвержденныхъ ни въ вѣрѣ, ни въ правилахъ христіанской жизни. Древнее извѣстіе о святителѣ повѣствуетъ, что онъ обходилъ населеніе Ростовско-Суздальской области, увѣщевалъ язычниковъ вѣровать въ Св. Троицу, просвѣщалъ ихъ святымъ крещеніемъ; гдѣ находилъ идоловъ—уничтожалъ ихъ, разрушалъ капища и на мѣстѣ ихъ строилъ церкви. Въ древнѣйшей церковной службѣ Исаію (XV вѣка), въ 4-й пѣсни, характеризуется такъ дѣятельность святителя: «Разжигаемый любовію Божіею болѣе, чѣмъ огнемъ, ты, отче, обходилъ города, разорялъ идольскія капища, созидая церкви, и научалъ народъ пѣть: слава силѣ Твоей, Господи!»

Любопытная легенда о просвѣтительной дѣятельности св. Исаіи существовала въ одномъ изъ заозерныхъ уголковъ Ростовскаго уѣзда, въ дерев. Ангеловѣ, Воржской волости, въ 10 верстахъ отъ города. Ангелово въ прежнее время называлось «Чертово», и до принятія Русью христіанства тутъ поселились пришельцы изъ Новгорода

съ княземъ своимъ Череемъ-Тучей. Здѣсь-же стоялъ идолъ Велесъ, на столько большой, что вызолоченная голова идола, при закатѣ солнечномъ, была видна даже изъ Ростова. Мѣсто это называлось «Велесово дворище». Идолъ былъ сдѣланъ изъ дуба, и внутри его находилась лѣстница; жрецъ входилъ по ней въ пустую голову истукана съ горящими угольями; въ то время, когда онъ жегъ ладонъ и другія смолистыя вещества, изъ отверстія глазъ и ушей идола выходилъ густой дымъ, а изо рта искры, а иногда и пламя. По этимъ-то признакамъ узнавали, грозенъ былъ богъ или нѣтъ. Могильный, глухой голосъ жреца, выходившій изъ идола, принимался народомъ за голосъ самого бога Велеса, который возвѣщалъ гнѣвъ или милость. Слова эти толковались жрецами народу сообразно обстоятельствамъ. Принявши христіанство, великій князь Владимиръ велѣлъ уничтожить не только идола, но и всѣ жилища жрецовъ сжечь; но обаянія прошедшаго были живы: привидѣнія и нечистые духи водились тутъ еще долго, и мѣсто это получило названіе «городище Чертово». При обозрѣніи своей паствы св. епископъ Исаія пожелалъ видѣть и это «проклятое» мѣсто, но, подошедши къ берегу находящагося тутъ пруда, вдругъ сталъ невидимъ: «во единомъ часѣ ста въ градѣ Кіевѣ»... По возвращеніи своемъ изъ Кіева святитель назвалъ это мѣсто «Ангелово». И теперь еще въ здѣшней мѣстности не исчезли преданія глубокой древности, и теперь еще живы легендарныя сказанія. Такъ и кажется, что 9—10 вѣковъ пролетѣли сномъ, и идолъ уничтоженъ какъ будто еще недавно *)...

Но возвратимся къ селу Капцеву.

Сельскій храмъ въ Капцевѣ, съ незапамятныхъ временъ былъ всегда во имя Владимирской Божіей Матери. По этому главному церковному празднику епархіальное названіе села *Богородское-Капцево.* Первая часть этого названія придаточная и употребляется только въ церковныхъ записяхъ, а въ народѣ неизвѣстна; очевидно, что она болѣе позднѣйшаго происхожденія. Нынѣ существующая каменная церковь построена въ 1757 г. графомъ Иваномъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ вмѣсто упоминаемой въ церковныхъ записяхъ ветхой деревянной. Относительно построенія этой первой деревянной церкви (основаніе которой нужно отнести къ XI вѣку) можно предположить слѣдующее. Чудотворная икона Владимирской Божіей Матери, и донынѣ составляющая главную святыню Ростовскаго Успенскаго собора, становится извѣстною въ первый разъ со времени Владимира Мономаха, который прислалъ въ Ростовъ для созданной

*) Ростовскій уѣздъ, Яр. губ. Москва, 1885 г., стр. 116.

имъ каменной соборной церкви чудотворный образъ Богоматери, писанныи преподобнымъ Алипіемъ Печерскимъ. Преп. Алипій учился иконописанію у Греческихъ художниковъ, съ 1083 года украсившихъ великую Кіево-печерскую церковь иконами*). Слѣдовательно написаніе Владимирской иконы Божіей Матери могло быть по времени черезъ шесть лѣтъ по вступленіи св. Исаіи на Ростовскую епископію. Кіево-Печерская церковь окончена постройкой и освящена митрополитомъ Іоанномъ съ епископомъ Ростовскимъ Исаіей въ Августѣ 1089 г., а въ слѣдующемъ году Исаія скончался. Икона, писанная св. Алипіемъ, была прислана въ Ростовъ при святительствѣ Исаіи и, вѣроятно, онъ, разрушивъ Капцевскую кумирню, основалъ на ея мѣстѣ церковь во имя Владимирской Божіей Матери, икона которой была такъ дорога его сердцу по Ростову и по Кіеву. Церковь, созданная Исаіей, неоднократно горѣла, но возобновлялась вновь. Что касается названія села, то «Богородскомъ» Капцево названо, безъ сомнѣнія, лишь по присоединеніи его обитателей къ христіанству и, вѣроятно, было названо вторымъ именемъ подобно тому, какъ при крещеніи язычниковъ языческія имена крещеныхъ замѣнялись именами христіанскими. Принятіе такихъ мѣръ предосторожности по отношенію къ Капцеву даетъ понять, что оно до христіанства имѣло важное значеніе въ глазахъ мѣстныхъ и окрестныхъ идолопоклонниковъ. Не смотря однакожъ на эти мѣры, народъ, по привычкѣ и по преданію о прежней славѣ села, продолжалъ называть его «Капцо́мъ», такъ что въ церковныхъ записяхъ оказалось впослѣдствіи нужнымъ назвать его именемъ сложнымъ изъ христіанскаго и языческаго, чтобы не отстать отъ народа и не уронить важности церковнаго преданія.

Родовой вотчиной Воронцовыхъ село Капцево считалось уже и въ началѣ XVII вѣка, что̀ видно изъ отрывковъ Ростовской писцовой книги 137. 138 и 139 годовъ (1629—1631), письма̀ и мѣры князя Андрея Звенигородскаго да подъячаго Михаила Бухарова: «За помѣщикомъ за Никитой Ѳедоровымъ сыномъ Воронцовымъ село Капцы на рѣкѣ Капцы, а въ немъ церковь Володимирскія Пречистыя Богородицы, клецки; а у церкви во дворѣ попъ Петръ Ѳедоровъ, пономарь Мишка Павловъ, просфирница Устиньица. Пашни церковныя средния земли тридцать чети въ полѣ, а въ дву по томужъ»...

Далѣе, по нѣкоторымъ актамъ XVII и XVIII вѣка извѣстно, что въ селѣ проживали изъ Воронцовыхъ: Никита Ѳедоровичъ, Гавріилъ Никитичъ и Ростовскій воевода Илларіонъ Гавриловичъ съ сыномъ Иваномъ Илларіоновичемъ, который построилъ въ 1757 г. въ Капцевѣ

*) Рукописное посланіе Поликарпа къ Акиндину.

каменную церковь на мѣстѣ пришедшей въ ветхость деревянной. Здѣсь нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что почему-то всѣ Воронцовы отдавали предпочтеніе не своему приходскому храму, а церкви, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ въ «погостѣ Шандора», или, по писцовымъ книгамъ «Шондура» [1]. Въ этомъ погостѣ Ростовскій воевода Илларіонъ Гавриловичъ Воронцовъ въ 1706 г. выстроилъ деревянную церковь (вмѣсто сгорѣвшей) во имя св. Тихона епископа Амаѳутскаго [2]. Очевидно, къ этому 1706 году должно относиться и письмо святителя Димитрія къ И. Г. Воронцову изъ Ярославля отъ 19 Іюля, помѣщенное въ 1-й книгѣ «Архива Князя Воронцова». Въ этомъ письмѣ святитель благодаритъ Воронцова за то, что въ Ростовѣ онъ «школьныхъ учителей привѣтствовалъ, наипаче же безъ насъ къ нимъ явленную милость показалъ и на своихъ возницахъ со всякимъ напутствіемъ отпустилъ въ градъ Ярославль, честно и всяко ихъ угостивъ и проводивъ».

Это наше предположеніе подтверждается записью на нотномъ обиходѣ XVII вѣка: «҂аѱѕ (1706) Іоуніа ѕі (16) день, на память святого чудотворца Тихона епископа Амаѳутскаго въ Шандорахъ церковь святили пѣвчіе и попъ дому его преосвященства». Можно предполагать, что въ отсутствіе святителя пѣвчіе вмѣстѣ съ учителями присутствовали при освященіи Шандорской церкви.

Нѣкоторые изъ Воронцовыхъ были и погребены при погостѣ Шандорѣ. Такъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, по словамъ В. И. Лѣствицына, сохранялся на Шандорскомъ кладбищѣ памятникъ изъ бѣлаго камня, на которомъ вязью XVII вѣка было высѣчено имя Лукіяна Воронцова. Наконецъ, въ подтвержденіе этого обстоятельства можетъ служить и находящійся въ Ростовскомъ Музеѣ церковныхъ древностей синодикъ Шандорской церкви. Это рукопись, въ листъ XVII и XVIII вѣк. на 119 лист. съ раскрашенными картинами. Въ этомъ синодикѣ однимъ изъ первыхъ помѣщенъ родъ стольника Ларіона Гаврилова Воронцова съ именами Гавріила, Никиты, Елизара, Іоанна, Романа и др.

По дружбѣ св. Димитрія съ Воронцовымъ, Капцево было знакомо и ученикамъ заведеннаго святителемъ въ 1702 году училища, которыхъ, очевидно, неоднократно приглашалъ радушный хозяинъ Капцева. Вѣроятно по этому оно упоминается и на урокахъ въ Ростовскомъ училищѣ. Такъ, въ школьномъ сочиненіи, помѣченномъ 17

[1]) Въ писцовыхъ книгахъ 1629 г.: „въ станѣ Назорномъ за помѣщики погостъ Шондура на помѣстной землѣ князь Ѳедора Телятевскаго на рѣчкѣ на Шондурѣ, а на погостѣ церковь Николы Чудотворца, да на погостѣ вновь церковь сооружена во имя Живоначальныя Троицы“.

[2]) Память св. Тихона празднуется 16 Іюня.

Октября 1703 г. [1]), однимъ изъ учениковъ пишется: «Аще я и братъ мой есмы глупы, не точію въ Ростовѣ, ниже въ Аѳинахъ, въ преславномъ градѣ, иже нарицается глава, премудрости купимъ. Аще же кто остроумный, той и въ Шестаковѣ [2]) и въ Капцахъ имѣвши прилежность, мудрости не лишимся» и т. д.

Самое блестящее время села Капцева было при графахъ Михаилѣ и Иванѣ Илларіоновичахъ Воронцовыхъ, изъ которыхъ послѣдній особенно любилъ это помѣстье и по долгу живалъ въ немъ. Затѣмъ, здѣсь иногда временно проживала графиня Екатерина Романовна Дашкова. По словамъ Ѳ. Я. Никольскаго (автора «Путеводителя по Ярославской губерніи»), императрица Екатерина II въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Ростовъ (въ которомъ она была два раза) будто-бы посѣтила въ Капцовѣ и Екатерину Романовну. Къ сожалѣнію, память объ этомъ посѣщеніи не сохранилась въ устахъ народа, хотя нѣкоторые Капцевскіе старики это и подтверждаютъ.

Въ то время Капцево представляло изъ себя видъ городка. Кромѣ огромнаго господскаго дворца были звѣринецъ, парки, оранжереи, конскій и винный заводы, а по дорогѣ къ Ростову до села Якимовскаго пролегалъ, обсаженный на нѣсколько верстъ липами, проспектъ.

Теперь прошло уже около 15 лѣтъ какъ Капцево продано Московскимъ лѣсопромышленникамъ, которые энергично сводятъ вѣковой лѣсъ и вообще эксплоатируютъ богатыя Капцевскія угодья. Отъ прежнихъ богатыхъ построекъ остались одни воспоминанія. Послѣ пресловутаго 19 Февраля все это огромное имѣніе (8000 дес.) было брошено безъ всякаго призора, и дремучими заповѣдными лѣсами пользовались почти задаромъ не только ближайшіе окрестные крестьяне, но и отдаленныя волости. Лѣсу было такъ много, что эта громадная рубка проходила почти незамѣтной. Въ 1860 г. на рѣкѣ Лахости былъ устроенъ огромный стеклянный заводъ. Несмотря на массу потраченныхъ денегъ, на дешевизну лѣснаго матеріала, заводъ этотъ, находившійся подъ управленіемъ ученаго Нѣмца, въ 1866 г. по безвыгодности былъ закрытъ.

До 1860 года, по словамъ В. И. Лѣствицына, въ Капцевской вотчинной конторѣ, гдѣ хозяйничалъ также управляющій Нѣмецъ,

[1]) Ростовское училище при св. Димитріѣ митрополитѣ. „Ярослав. Епарх. Вѣд." 1863 г., № 35.

[2]) Село Шестаково близъ озера, въ 6 вер. отъ Ростова, принадлежало Ростовскому митрополичьему дому и было загородной резиденціей Ростовскихъ владыкъ. Тутъ были большой домъ, сады и рыбные пруды. Отъ всего этого осталось нѣсколько липъ и кустовъ сирени. Церковь построена митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ. Св. Димитрій по лѣтамъ живалъ въ этой усадьбѣ.

было много старинныхъ бумагъ, рукописей, цѣлая библіотека, множество мебели и цѣнныхъ вещей. Еще въ 1878 г. отъ бывшаго звѣринца оставался большой каменный корпусъ, изъ котораго тогда мѣстные крестьяне нещадно расхищали кирпичи на домашнія подѣлки. Оставленныя безъ всякой описи домашняя утварь, мебель, картины грабились безпощадно и скупались нарочно пріѣзжавшими изъ Москвы торгашами. Еще недавно и нерѣдко можно было найти въ окрестномъ крестьянскомъ домѣ и даже избѣ обломки прекрасной мебели XVIII вѣка или какую нибудь чашку съ отбитой ручкой дорогаго Японскаго фарфора. Самый дворецъ, оставленный на произволъ стихій, кое гдѣ былъ защищенъ лубкомъ и съ выбитыми окнами, съ полуразрушенной крышей, съ обвалившимся подъѣздомъ, представлялъ самое плачевное зрѣлище *).

Въ 1878 г. въ одной изъ полуразрушенныхъ залъ дворца была кѣмъ-то сдѣлана на стѣнѣ слѣдующая надпись:

Въ молчаніи передо мною
Огромный замокъ надъ рѣкою
Стоитъ, какъ грозный исполинъ
Средь зеленѣющихъ долинъ,
Бросая вдаль отъ башенъ тѣни.
Мимоидущіе вѣка
Не пощадили старика:
Его гранитныя ступени
Пушистый мохъ позеленилъ,
Увиты стѣны павиликой,
Гнѣздо на башнѣ филинъ свилъ
И стонетъ въ немъ такъ странно, дико...

* * *

А можетъ быть, лѣтъ сто назадъ,
Онъ былъ одѣтъ въ другой нарядъ,
И флагъ цвѣтной съ гербомъ красиво
На башнѣ съ вѣтрами игралъ,
И свѣтъ веселья прихотливо
Отъ замка на рѣкѣ сверкалъ,
Тамъ все шумѣло, пировало,
Кипѣла жизнь въ чертогахъ сихъ,
И пѣсня громкая звучала...
Но вѣкъ летитъ, какъ краткій мигъ!

А. Титовъ.

Ростовъ Великій,
25 Февраля 1895 г.

---

*) Дворецъ цѣлъ и по настоящее время, хотя и въ жалкомъ положеніи. Замѣчательная лѣстница еще хорошо сохранилась.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ В. А. ЧЕРТКОВУ.

Секретно.

Господинъ генералъ-поручикъ Чертковъ.

По производившемуся по Тайной Экспедиціи слѣдствію надъ поручикомъ Новиковымъ съ его сообщниками, обличавшимися въ разныхъ вредныхъ замыслахъ, имѣвшихъ цѣлію обманъ и обольщеніе невѣждъ, распространеніе раскольническихъ пагубныхъ правилъ и умноженіе повсюду ихъ партіи, они признали важность преступленій своихъ, принесли искреннее раскаяніе и просили помилованія. Мы, по сродному намъ человѣколюбію, избавили ихъ отъ жестокаго по законамъ наказанія и ограничили строгость правосудія въ разрушеніи ихъ скопища и въ исправленіи ихъ. Въ числѣ главныхъ соучастниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Николай Трубецкой, высланный изъ Москвы, будетъ жить въ слободѣ Никитовкѣ, Воронежскаго намѣстничества въ Ливенскомъ уѣздѣ. Ему приказано изъ сего намѣстничества не выѣзжать, сообщенія съ своими бывшими по расколу товарищами отнюдь не возобновлять, а тѣмъ паче опасаться привлекать кого либо въ сей расколъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ. Вамъ же повелѣваемъ истребовать отъ него въ томъ честное дворянское слово и имѣть прилежное надъ его поведеніемъ наблюденіе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ,
Августа 31 дня 1792.

Письмо князя Н. Н. Трубецкаго къ В. А. Черткову.

Милостивой государь Василій Алексѣевичъ!

Принося мою всепокорнѣйшую благодарность за письмо вашего высокопревосходительства, пущенное отъ 20 Октября, донесу, что я, повинуясь волѣ всемилосердой Монархини нашей, безпрекословно подписалъ предложенную мнѣ подписку отъ исправника и. оплакивая неосторожность, приведшую меня въ подозрѣніе предъ очами всемилостивой Государыни, могу увѣрить ваше высокопревосходительство,

что, лобызая десницу ея, меня наказующую, я въ точности исполнять буду мнѣ предписанное. Повѣрьте, милостивой государь, что гнѣвъ ея для меня мучительнѣе всякаго наказанія и что пока не заслужу прощенія отъ нея, то сердце мое непрестанно обливаться будетъ кровавыми слезами.

Примите, милостивой государь, сіи слова яко изливающіяся изъ глубины моего сердца, и позвольте мнѣ, препоручивъ себя въ милость и покровительство ваше, увѣрить, что я съ моимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшимъ слугою князь Николай Трубецкой.

1792 года Октября 29 дня,
Слобода Никитовка.

Подписка князя Н. Н. Трубецкаго.

1792 года Сентября 24 дня я нижеподписавшійся, по силѣ имяннаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества рескрипта отъ 31-го числа Августа сего года, даннаго господину генералу-порутчику, правящему должность генерала-губернатора Воронежскаго и Саратовскаго и кавалеру Василью Алексѣевичу Черткову, даю честное дворянское слово въ томъ, чтобъ изъ сего намѣстничества никуда не выѣзжать, сообщенія съ своими бывшими по расколу товарищами отнюдь не возобновлять, а тѣмъ паче опасаться привлекать кого-либо въ сей расколъ *), подъ строжайшимъ наказаніемъ, въ чемъ и подписуюсь. Къ сей подпискѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Николай князь Никитинъ сынъ Трубецкой руку приложилъ.

*

Подлинники сохранились у Ѳедора Дмитріевича Черткова и въ спискѣ сообщены въ „Русскій Архивъ“ отцомъ-іереемъ и законоучителемъ Воронежскаго Михайловскаго кадетскаго корпуса С. И. Звѣревымъ. Князь Н. Н. Трубецкой, сынъ генералъ-прокурора Елисаветинскихъ временъ князя Никиты Юрьевича и родной братъ супруги Екатерининскаго генералъ-прокурора князя Вяземскаго, род. 6 Ноября 1744 г. и умеръ въ 1821 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ писатель, переводчикъ и стихотворецъ, подобно сводному брату своему М. М. Хераскову. Отъ брака съ княжною Варварой Александровной Черкаской имѣлъ онъ единственнаго сына князя Петра Николаевича. Мужское поколѣніе его пресѣклось въ лицѣ его правнука князя Юрья Юрьевича Трубецкаго, скончавшагося не такъ давно въ бѣдности.

---

*) Храповицкій подъ 26-мъ числомъ Октября 1792 года записалъ со словъ Екатерины: „Въ Москвѣ былъ разговоръ у крестьянина князя Трубецкаго съ крестьяниномъ казеннымъ. Казенный: За чѣмъ вашего барина сослали?—Сказываютъ, что искалъ другаго Бога.—Такъ онъ виноватъ: на что лучше Русскаго Бога?“

Старшій братъ князя Николая Никитича, князь Юрій Никитичъ (женатый на сестрѣ фельдмаршала графа Румянцова) также не оставилъ мужскаго потомства. Оба люди добрые, мягкосердечные, но не дальніе, съ большимъ богатствомъ и родственными знатными связями. Сестрѣ ихъ, княгинѣ Еленѣ Никитичнѣ Вяземской, скопидомливой генералъ-прокурошѣ, должно быть, очень не нравилось, что Московскіе братцы ея, подчиняясь Новикову, расточаютъ свое достояніе на печатаніе какихъ-то книгъ, на посылку молодыхъ людей за границу, на даровую почти раздачу хлѣба народу, и конечно она твердила о томъ своему супругу, въ вѣдѣніи котораго находилась Тайная Канцелярія и который, по должности своей, имѣлъ ежедневный докладъ у Государыни.

Наступила, кажется, пора для безпристрастной оцѣнки крутой и прискорбной мѣры, принятой противъ Новикова и его сообщниковъ и омрачившей послѣдніе годы славнаго Екатерининскаго царствованія. Время на время не приходитъ. Екатерина сама вызвала и поощрила Новикова къ дѣятельности и примѣромъ собственнаго сатирическаго журнала*), и вкладами въ „Древнюю Россійскую Вивліоѳику". Но тотъ же ли былъ Новиковъ въ началѣ и въ концѣ своего издательскаго поприща? Вѣдь несомнѣнно, что его достопочтенная и всѣми сочувственная просвѣтительная дѣятельность съ годами обратилась въ чисто-масонскую, т. е. помутительную: его типографія на одну полезную и дѣльную книгу начала выпускать сотни въ родѣ „Кратарепоа" и подобныхъ непонятностей. Митрополитъ Платонъ въ 1792 году конечно не отозвался бы о Новиковѣ такъ, какъ писалъ о немъ семь лѣтъ назадъ. Таинственные обряды, масонскіе ужины, безотчетность въ тратѣ большихъ денегъ, толпа простодушныхъ датусовъ, руководимая загадочными биратусами, все это возбуждало подозрѣніе не въ правительствѣ только, но и въ частныхъ здравомыслящихъ людяхъ; окончательно же Новикова погубили сношенія его съ Пруссіею, король которой, масонъ, былъ явнымъ врагомъ Россіи и только по трусости передъ нею не объявилъ намъ войны; а равно и съ Швеціей, которою правилъ герцогъ Зюдерманландскій, тоже масонъ и ненавистникъ Россіи. Прибавьте къ этому свидѣтельство графа Растопчина, который въ 1811 году писалъ *обстоятельно* Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, что нѣкоторые изъ Московскихъ мартинистовъ метали жребій, кому изъ нихъ посягнуть на жизнь ея бабки (Р. Архивъ 1875, III, 77). Въ нашемъ государственномъ архивѣ должна храниться та бѣлая картонка съ бумагами о мартинистахъ, о которой говоритъ графъ Растопчинъ. Новиковъ могъ и не участвовать въ злодѣйскомъ умыслѣ; но онъ былъ вождемъ Московскихъ затѣйниковъ; а вѣдь всякому своя жизнь дорога̀, для государей же самосохраненіе есть нравственная обязанность передъ подданными. Передъ самымъ арестомъ Новикова Парижскій легіонъ цареубійцъ посылалъ въ Петербургъ какого-то Басвиля съ умысломъ на жизнь Екатерины. П. Б.

---

*) См. статью Е. С. Шумигорскаго „Государыня-публицистъ" въ Русскомъ Архивѣ 1890, кн. 1-я.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЛЕОНТІЯ.

Школьная проповѣдь Московскаго митрополита Леонтія (1839 г.) и письмо его на родину (1858 г.).

Московскій митрополитъ Леонтій (съ 17 Ноября 1891 г. по 1 Августа 1893 г.) извѣстенъ какъ ревностный и живой проповѣдникъ. Его глубоконазидательныя *слова*, *поученія* и *рѣчи* выдержали еще при жизни его нѣсколько изданій (Спб. 1867, 1876 и 1888 гг.). Способность и любовь къ составленію церковныхъ проповѣдей раскрылись въ немъ очень рано, еще въ бытность его воспитанникомъ Воронежской Духовной Семинаріи. Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій (мірское имя митрополита Леонтія), по свидѣтельству одного изъ его сотоварищей по Семинаріи, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и былъ лучшимъ проповѣдникомъ между своими товарищами-семинаристами [1]). Разсказываютъ, что ему, во вниманіе къ его ораторскимъ способностямъ, при общихъ отличныхъ успѣхахъ, семинарское начальство почти всегда поручало составленіе и чтеніе сочиненій на публичныхъ испытаніяхъ и торжественныхъ собраніяхъ. Однажды, когда онъ оканчивалъ курсъ богословія, ему поручено было ректоромъ произнесть свое богословское разсужденіе въ торжественномъ собраніи, въ семинарской залѣ, гдѣ между прочими присутствовали начальникъ губерніи и незабвенный святитель Воронежскій Антоній (сконч. въ 1846 г.), о святости и прозорливости котораго было много тогда говорено. Чтеніе удалось какъ нельзя лучше и произвело доброе впечатлѣніе на слушателей. И когда Лебединскій, послѣ чтенія, приблизился къ архипастырю за благословеніемъ, прозорливый старецъ обласкалъ его и, положивъ обѣ руки на голову трепетнаго юноши, тихо, какъ бы про себя произнесъ: «*онъ бѣ свѣтильникъ горя́ и свѣтя*» [2]).

Первый, быть можетъ, опытъ проповѣдничества митрополита Леонтія, хранился долгое время на его родинѣ [3]) у одной почтенной старушки-помѣщицы, почитальницы покойнаго святителя. Печатаемъ здѣсь

---

[1]) Сообщено Воронежскимъ протоіереемъ отцемъ Петромъ Ивановымъ, нынѣ здравствующимъ.

[2]) См. слово въ 40-й день кончины митрополита Леонтія. „Церковныя Вѣдомости“ 1893 г. № 39.

[3]) Въ селѣ Новой Калитвѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.

эту проповѣдь вмѣстѣ съ письмомъ митрополита къ этой почтенной старушкѣ.

Проповѣдь и письмо находятся въ настоящее время въ Воронежскомъ губернскомъ Музеѣ въ числѣ автографовъ. Проповѣдь тщательно переписана рукою самого Лебединскаго на полулистѣ сѣроватой плотной бумаги, согнутомъ въ четвертку, на концѣ имѣется подпись: *Иванъ Лебединскій.*

С. Звѣревъ.

I.

Надгробная рѣчь.

Нѣкогда Давидъ, оплакивая кратковременность жизни человѣческой, съ чувствомъ глубокой скорби восклицалъ: *Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣте.* Пс. CII, 15.

Оплакивая кончину сотрудника нашего, не можемъ и мы съ чувствомъ горести не сказать: жизнь его яко цвѣтъ сельный, она скоро отцвѣла. Кто думалъ, что цвѣтъ его юности такъ скоро поблекнетъ, отпадетъ? Кто думалъ, что этотъ сотрудникъ, едва вступившій на новое поприще наукъ, такъ скоро заснетъ сномъ непробуднымъ? Крѣпость прежнихъ силъ его ручалась, кажется, за долголѣтіе и подавала родителямъ надежду, что онъ подъ старость ихъ можетъ служить имъ единственною опорою. Но нѣтъ! Юность и крѣпость силъ не всегда могутъ защитить отъ смерти. Неумолимая смерть лишила наконецъ родителей желанной опоры, а насъ вѣрнаго сотоварища и друга. Уста его не могутъ болѣе выражать ни сыновней признательности, ни дружеской расположенности. Сонъ его такъ крѣпокъ, что одна только труба Архангела можетъ возбудить его въ день всеобщаго воскресенія. Но законъ Вышняго непреложенъ: *лежитъ человѣку единою умрети.* Это необходимая дань, которую рано или поздно долженъ заплатить и каждый изъ насъ для того, чтобы достигнуть жизни вѣчной.

Не будемъ же жалѣть о смерти нашего сотоварища. По волѣ всеблагаго Промысла ему не суждено вмѣстѣ съ нами достигнуть общаго предназначенія поучать другихъ словомъ и дѣломъ; но за то смертію своею онъ преподаетъ всѣмъ намъ важнѣйшій урокъ въ жизни. Ему не суждено насладиться плодами юности въ этой жизни; но за то онъ переплылъ теперь житейское море бѣдствій и достигъ тихаго пристанища въ вѣчности. Онъ заранѣе достигъ обѣтованнаго Ханаана и теперь гораздо блаженнѣе насъ, еще странствующихъ по пустынѣ міра. *Блажени бо мертвіи, умирающіи о Господѣ,* говоритъ Апостолъ. Тяжкая болѣзнь его можетъ ручаться, что подвигъ его въ этой жизни совершенъ не безуспѣшно.

И такъ отдадимъ послѣдній долгъ сотруднику нашему, отдадимъ ему послѣднее лобзаніе, какъ знакъ нашей къ нему расположенности и по смерти его, и вмѣстѣ воззовемъ къ Творцу отъ глубины сердца: Боже милосердый! У Тебя вси мертвіи живи суть, упокой душу почившаго раба Твоего въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, *идѣже вси праведніи упокояются.*

Произнесена при гробѣ ученика философіи Николая Одинцова учителемъ Ив. Лебединскимъ. Ноября 1-го дня 1839 года [1]).

II.

Достопочтеннѣйшая и возлюбленная о Господѣ сестра Дарья Михайловна! [2])

Ради Господа извините, что я такъ не аккуратенъ сталъ въ перепискѣ; чѣмъ выше должность, тѣмъ больше занятій. Не думайте однакожъ, что я забылъ васъ: нѣтъ, молитва моя за васъ и память не измѣняютъ. Изъ Владимира не успѣлъ я отвѣтить за переводомъ меня въ Новгородъ, а здѣсь осенью я полтора мѣсяца проболѣлъ весьма опасно и едва оправился. Настоящее мое мѣсто весьма видное и выгодное во всѣхъ отношеніяхъ. Благодарю Господа за Его милости ко мнѣ незаслуженныя. Монастырь у меня съ хоромъ, и служу я съ архіерейскими привиллегіями въ монастырѣ (это право, данное давно настоятелямъ Антоніева монастыря). Не угодно-ли на богомолье? Мощи препод. Антонія почиваютъ въ обители. Благодарю за неизмѣнную память о мнѣ и за молитвы. Моя жизнь идетъ среди безпрерывныхъ хлопотъ и трудовъ; но пока тружусь съ любовію. Къ Новгороду привыкъ довольно. Прошу засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе сестрамъ и отцу протоіерею Михаилу. Родителей вашихъ поминать не забываю. Царствіе имъ небесное! Прошу вашихъ молитвъ о мнѣ недостойномъ. Вѣрую, что ваши молитвы доходятъ до престола Божія. Отслужите молебенъ св. Митрофану за мое здоровье. Да скажите пожалуста, какую жизнь думаете избрать вы? Можно бы, кажется, принять монашество. Впрочемъ прислушивайтесь къ внутреннему голосу. Желаю вамъ спасенія и съ Св. Четыредесятницею истиннаго покаянія, да со Спасителемъ духовно встрѣтите Св. Пасху въ неизреченной радости. Почитающій васъ съ признательностію архимандритъ Леонтій грѣшный.

Февраля 21, вечеръ, 1858 г. (Новгородъ).

---

[1]) Эта приписка сдѣлана другою рукою. Этою же рукою сдѣлана поправка въ самой рукописи: въ послѣдней строкѣ вм. *идѣже* было написано *еже.*

[2]) Дарья Михайловна Трухачева, нынѣ покойная, весьма образованная, хорошо знавшая Французскій и Нѣмецкій языки. Она съ раннихъ лѣтъ обратила вниманіе на способнаго мальчика Лебединскаго и, въ бытность его семинаристомъ, помогала ему деньгами.

ЗАПИСКА АББАТА НИКОЛЯ О ВОСПИТАНІИ МОЛОДОГО КНЯЗЯ А. Н. ВОЛКОНСКАГО.

(Съ Французскаго неизданнаго подлинника).

Продолжительность воспитанія.

Воспитаніе должно продолжаться двѣнадцать лѣтъ, считая съ 1-го Сентября нынѣшняго 1819 года.

О физическомъ воспитаніи.

Воспитанникъ будетъ спать девять часовъ, вставать въ шесть часовъ утра, а ложиться въ девять вечера. Пищу будетъ употреблять простую, ѣсть только жареное или вареное въ водѣ мясо, безъ всякихъ приправъ и пряностей, по три раза въ день: первый разъ въ восемь часовъ утра, второй въ полдень, третій въ пять часовъ вечера. Брать всякое утро, какъ только встанетъ, холодную ванну; никогда не одѣваться слишкомъ тепло; спать съ открытой головой.

Какъ можно больше пользоваться чистымъ воздухомъ. Тотчасъ же, по окончаніи своихъ занятій, идти въ садъ, гдѣ и заниматься различными тѣлесными упражненіями съ непокрытой головой.

Четыре раза въ день предоставлять ему отдыхъ: первый разъ отъ восьми до девяти часовъ утра, второй отъ двѣнадцати до двухъ; третій отъ шести до семи; четвертый отъ восьми до девяти. Каждое Воскресенье послѣобѣденное время должно быть посвящено долгой прогулкѣ пѣшкомъ, либо верхомъ.

Религіозное воспитаніе.

Каждый день утромъ и вечеромъ воспитанникъ долженъ вслухъ читать молитвы.

Въ первые годы учебнымъ занятіямъ должны каждое утро предшествовать религіозныя наставленія, затѣмъ изученіе выборныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія, а въ послѣдніе годы чтеніе духовныхъ проповѣдниковъ. Передъ принятіемъ ѣды и послѣ нея долженъ прочесть краткую молитву.

По Пятницамъ ѣсть постное.

По Воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ ходить въ церковь или же прочитывать церковную службу дóма.

Должно принять мѣры, чтобы онъ говѣлъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ.

По Воскресеньямъ, въ продолженіе двухъ часовъ онъ долженъ писать письма своимъ роднымъ.

Во время своихъ Воскресныхъ послѣобѣденныхъ прогулокъ онъ будетъ посѣщать бѣдныхъ и по возможности помогать имъ. Половину карманныхъ денегъ ему слѣдуетъ употреблять съ такою благотворительною цѣлью.

Умственное воспитаніе.

Умственное воспитаніе должно состоять въ преподаваніи 1) Закона Божія. 2) языковъ Русскаго, Греческаго, Французскаго, Итальянскаго, Англійскаго и Нѣмецкаго. 3) Реторики. 4) Географіи. 5) Исторіи. 6) Наукъ нравственныхъ и политическихъ. 7) Физики и математики. 8) Основаній фортификаціи и артилеріи. 9) Рисованія и снятія плановъ. 10) Музыки. Это воспитаніе ведется постепенно и занятіе словесностью не смѣшивается съ занятіемъ науками.

Подраздѣленіе воспитанія.

Слѣдуетъ раздѣлить воспитаніе на четыре періода: первый два года, второй пять, третій три и четвертый два.

Первый періодъ будетъ посвященъ подготовительному обученію, второй изученію классиковъ, третій изученію наукъ, четвертый путешествіямъ и изученію нѣсколькихъ новыхъ языковъ.

Первый періодъ.

Подготовительное обученіе.

1-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми изученіе Священной Исторіи съ картинками, изображающими главнѣйшія событія. Слѣдуетъ вести урокъ вопросами и отвѣтами, которые ученикъ будетъ записывать подъ диктовку.

Съ девяти до двѣнадцати изученіе Русской граматики. Во время этого урока надо заставлять ученика писать на черной доскѣ какъ можно больше примѣровъ, во избѣжаніе скуки и чтобы сосредоточить вниманіе.

Отъ двухъ до пяти урокъ Французской граматики, потомъ урокъ древней Географіи въ вопросахъ и отвѣтахъ, которые ученикъ будетъ записывать подъ диктовку.

Отъ семи до восьми урокъ ариѳметики, только четырехъ правилъ.

2-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми урокъ катехизиса съ должными поясненіями.

Отъ восьми до двѣнадцати граматическій разборъ съ разсужденіями изъ элементарнаго Русскаго руководства, составленнаго г-номъ Муравьевымъ. Все что́ будетъ разобрано, должно быть написано подъ диктовку.

Отъ двухъ до пяти урокъ Географіи, который ученикъ будетъ записывать подъ диктовку.

Отъ семи до пяти урокъ ариѳметики (дроби и пропорціи). Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ уроки ариѳметики и Закона Божьяго будутъ преподаваться его учителемъ Русской грамматики.

Уроки Географіи будутъ преподаваться по-французски. Ученикъ долженъ обзавестись маленькимъ нѣмымъ атласомъ, по которому и будетъ каждый день повторять вчерашній урокъ.

Второй періодъ.

Классическое обученіе.

1-й годъ.

Съ шести съ половиной часовъ до восьми: 1) Ученье наизусть выборныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія до Книги Притчей. 2) Приготовленіе къ Латинскому уроку. Отъ девяти часовъ до двѣнадцати урокъ Латинскаго языка.

NB. Въ продолженіе этого года и послѣдующихъ четырехъ: 1) Латинскій языкъ будетъ преподаваться по-французски, греческій по-русски. 2) Для Латинскаго и Греческаго языковъ ученикъ будетъ заучивать наизусть и текстъ, и переводъ.

2-й годъ.

Отъ половины седьмаго до восьми: 1) Ученье наизусть выборныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія отъ Книги Притчей до пророчества Исаіи. 2) Подготовленіе къ уроку Латинскаго языка.

Съ девяти до двѣнадцати Латинскій языкъ. Толкованіе выборныхъ мѣстъ изъ Римскихъ историковъ, приведенныхъ въ историческій порядокъ по Эйхгорну.

Во время рекреаціи отъ 12 до 2 урокъ танцевъ или музыки.

Отъ 2 до 5: 1) рисованіе, 2) Греческій языкъ. Толкованіе выборныхъ мѣстъ изъ Греческихъ историковъ, приведенныхъ въ историческій порядокъ тѣмъ же Эйхгорномъ.

Отъ 7 до 8 урокъ Древней Исторіи, который будетъ служить дальнѣйшимъ развитіемъ того, чтó пройдено на урокахъ Латинскаго и Греческаго языковъ.

Каждый день ученика надо заставлять писать сочиненія по-гречески и по-латыни.

3-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми: 1) учить наизустъ выборныя мѣста изъ Священнаго Писанія—отъ пророчества Исаіи до конца Ветхаго Завѣта; 2) Подготовляться къ уроку Латинскаго языка. Съ девяти до двѣнадцати Латинскій языкъ.

Въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ толкованіе избранныхъ Латинскихъ историковъ по Эйхгорну, въ продолженіе послѣднихъ шести избранныя мѣста изъ басенъ Федра, Буколикъ и Георгикъ Виргилія и Метаморфозъ Овидія.

Во время рекреаціи съ двѣнадцати до двухъ урокъ музыки или танцевъ.

Съ двухъ до пяти: 1) рисованіе, 2) Греческій языкъ. Въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ толкованіе избранныхъ Греческихъ историковъ по Эйхгорну, въ продолженіе послѣднихъ шести толкованіе избранныхъ мѣстъ изъ Ѳеокрита и Гезіода.

Отъ шести до восьми урокъ Древней Исторіи, который будетъ, какъ и прежде, служить дальнѣйшимъ развитіемъ того, чтó пройдено на урокахъ Латинскаго и Греческаго языковъ.

Каждый день ученика надо заставлять писать сочиненія по-гречески и по-латыни.

4-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми: 1) учить наизустъ выборныя мѣста изъ четырехъ Евангелій; 2) подготовляться къ уроку Латинской словесности.

Съ девяти до двѣнадцати—Латинскій языкъ. Послѣдовательное толкованіе избранныхъ одъ, сатиръ и посланій Горація, его Поэтическаго Искусства и избранныхъ мѣстъ изъ Ювенала.

Во время рекреаціи отъ двѣнадцати до двухъ—уроки фехтованія, верховой ѣзды или музыки.

Отъ двухъ до пяти: 1) рисованіе, 2) Греческая словесность. Послѣдовательное толкованіе избранныхъ мѣстъ изъ Греческихъ лирическихъ поэтовъ и антологіи.

Съ семи до восьми Исторія Среднихъ Вѣковъ.

NB. Въ продолженіе этого года: 1) дадутъ ученику усвоить Латинское и Греческое стихосложеніе и будутъ заставлять каждый день писать Латинскіе и Греческіе стихи; 2) будутъ заставлять учить наизустъ избранныя Русскія и Французскія стихотворенія аналогичныя истолкованнымъ Греческимъ и Латинскихъ стихотвореніямъ.

5-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми; 1) учить наизустъ избранныя мѣста изъ Новаго Завѣта до конца, 2) подготовляться къ уроку Латинской реторики.

Съ девяти до двѣнадцати Латинская реторика. Толкованіе Энеиды и избранныхъ рѣчей Цицерона.

Во время рекреаціи отъ двѣнадцати до двухъ урокъ фехтованія, верховой ѣзды или музыки.

Съ двухъ до пяти: 1) рисованіе, 2) Греческая реторика. Послѣдовательное толкованіе избранныхъ мѣстъ изъ Гомера, Софокла, Еврипида и рѣчей Демосѳена.

Съ семи до восьми урокъ Новой Исторіи

NB. Дадутъ усвоить правила реторики. Будутъ заставлять разбирать и учить наизустъ изъ произведеній Русскихъ и Французскихъ ораторовъ избранныя мѣста соотвѣтственныя истолкованнымъ мѣстамъ изъ произведеній Латинскихъ и Греческихъ писателей.

Будутъ заставлять ученика писать сочиненія по-латыни, гречески, русски и французски.

Третій періодъ.

Научное образованіе.

1-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми: 1) Чтеніе избранныхъ произведеній Греческихъ отцовъ, какъ св. Василія, св. Златоуста и другихъ, 2) Приготовленіе къ уроку математики.

Отъ девяти до двѣнадцати урокъ математики.

Курсъ математики этого года включитъ въ себя ариѳметику, алгебру, геометрію, тригонометрію и коническія сѣченія.

Въ часы отдыха отъ двѣнадцати до двухъ, музыка, фехтованіе или верховая ѣзда.

Отъ двухъ до пяти: 1) Военное черченіе, 2) Курсъ логики или метафизики.—Отъ семи до восьми чтеніе Латинскихъ или Греческихъ авторовъ.

Два раза въ недѣлю послѣобѣденное время будетъ посвящено сочиненіямъ на философическія темы.

2-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми: 1) Чтеніе выборныхъ мѣстъ изъ произведеній Бурдалу и Массильона, 2) Подготовленіе къ уроку математики.

Отъ девяти до двѣнадцати математика. Курсъ этого года будетъ состоять изъ описательной геометріи, основаній диференціальнаго и интегральнаго счисленій и основаній механики.

Въ часы отдыха отъ двѣнадцати до двухъ, музыка, фехтованіе или верховая ѣзда.

Отъ двухъ до пяти: 1) Снятіе плановъ. 2) Курсъ естественнаго и народнаго права.

Отъ семи до восьми чтеніе Греческихъ или Латинскихъ авторовъ.

NB. Два раза въ недѣлю послѣобѣденное время будетъ посвящено сочиненіямъ на темы относительно естественнаго и народнаго права.

3-й годъ.

Съ половины седьмаго до восьми: 1) Чтеніе выборныхъ мѣстъ изъ сочиненій Боссюета и Фенелона, 2) Приготовленіе къ слѣдующему уроку. Отъ девяти до двѣнадцати въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ физическія науки, а въ остальную половину года основанія артилеріи и фортификаціи.

Въ часы отдыха отъ двѣнадцати до двухъ, музыка, фехтованіе или верховая ѣзда.

Отъ двухъ до пяти: 1) Снятіе плановъ, 2) Курсъ политической экономіи. Отъ семи до восьми урокъ Итальянскаго языка.

NB. Два раза въ недѣлю послѣобѣденное время будетъ посвящено сочиненіямъ на темы относящіяся къ политической экономіи.

Четвертый періодъ.

Путешествія.

1-й годъ.

Первые четыре мѣсяца этого года будутъ посвящены посѣщенію главныхъ городовъ Италіи.

Послѣдніе восемь мѣсяцевъ слѣдуетъ употребить на изученіе Нѣмецкаго языка въ одномъ изъ Нѣмецкихъ университетовъ.

2-й годъ.

Первые четыре мѣсяца этого года будутъ употреблены на посѣщеніе главныхъ городовъ Германіи.

Остальные восемь мѣцевъ на изученія Англійскаго языка въ одномъ изъ университетовъ Англіи и на посѣщеніе главныхъ городовъ этой страны.

NB. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы ученикъ усвоилъ сочиненія, которыя болѣе всего утвердили бы его въ знаніи исторіи и статистики Италіи, Германіи и Англіи.

Средства поощренія

1.

Нужно вести большой списокъ или журналъ, въ который записывать каждый день всѣ замѣчанія относящіяся къ поведенію и ученію молодаго ученика.

Каждое Воскресеніе утромъ въ присутствіи родителей нужно прочитывать этотъ журналъ.

Въ концѣ каждаго года извлеченіе изъ журнала будетъ составлено княгиней Волконской и сообщено ближайшимъ родственникамъ.

2.

Первое Воскресенье каждаго мѣсяца ученику надо дѣлать экзамены, которые вести по методѣ указанной въ лицеѣ Ришелье.

Если ученикъ отвѣчаетъ удовлетворительно, его надо вознаградить, позволивъ ему въ воскресное время самому отнести бѣднымъ вспомоществованіе въ значительную сумму денегъ (двадцать пять, тридцать рублей).

3.

Кромѣ этого частнаго экзамена каждый годъ, 30 или 31 Декабря, будетъ производиться общій экзаменъ, во время котораго ученика будутъ спрашивать все то чему его учили въ продолженіе всего года. Въ случаѣ благопріятнаго исхода этого экзамена, ученикъ получитъ подарокъ состоящій изъ книгъ цѣною приблизительно въ двѣсти рублей.

4.

Подарки, которые ученикъ получитъ въ дни своего рожденія или именинъ, будутъ состоять изъ книгъ цѣною въ сто рублей покрайней мѣрѣ.

Наказанія.

Обыкновенныя наказанія:

1) Униженіе состоящее въ томъ, что ученикъ будетъ ѣсть за

отдѣльнымъ столомъ, за которымъ ѣда будетъ болѣе или менѣе упрощена сообразно съ провинностію.

2) Заключеніе въ комнату въ продолженіе одной или нѣсколькихъ рекреацій; во время таковаго наказанія ученика заставятъ написать нѣсколько разъ тѣ правила Священнаго Писанія, которыя заключаютъ осужденіе его проступка.

3) Строгій пріемъ родителей, когда онъ придетъ къ нимъ пожелать добраго утра и вечера.

4) Лишеніе удовольствія лично отдать бѣднымъ вспомоществованіе, распредѣляемое имъ между ними каждое Воскресеніе.

Мѣры предохраненія.

Ученикъ будетъ спать въ одной комнатѣ съ своимъ воспитателемъ *). Онъ постоянно долженъ находиться въ сообществѣ своихъ родителей или своего воспитателя.

Безъ особаго позволенія воспитателя или родителей онъ не долженъ переходить изъ одной комнаты въ другую. Во время рекреацій въ саду и во время прогулокъ его будетъ сопровождать надежный слуга, который будетъ съ нимъ играть въ присутствіи и подъ наблюденіемъ воспитателя. До начала своихъ путешествій онъ не будетъ присутствовать ни на одномъ представленіи, ни на одномъ балу.

Будутъ очень строги въ выборѣ сверстниковъ, съ которыми будетъ позволено входить въ сношенія. Бесѣдовать съ ними онъ будетъ не иначе какъ въ присутствіи воспитателя или родителей.

Помѣщенная выше въ Русскомъ переводѣ Записка о воспитаніи единственнаго сына княгини Зинаиды Александровны и князя Никиты Григорьевича Волконскихъ принадлежитъ перу аббата Николя. Она получена въ «Русскомъ Архивѣ» отъ самого князя Александра Никитича Волконскаго. Считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о жизни обоихъ достопамятныхъ людей, наставника и воспитанника.

Доминикъ Карлъ Николь родился 4 Апрѣля 1758 года близъ Руана и съ ранней молодости посвятилъ себя дѣлу воспитанія въ коллегіи Св. Варвары. Въ началѣ революціи, отказавшись дать присягу новому гражданскому строю духовенства, онъ, въ качествѣ воспита-

---

*) Въ пансіонѣ аббата Николя на Фонтанкѣ, какъ сообщаетъ аббатъ Жоржель въ своихъ Запискахъ, въ комнатѣ каждаго ученика было особое потайное окошечко для наблюденія. Ю. Б.

теля молодаго графа Шуазель-Гуфье, оставилъ Францію и въ 1793 году прибылъ въ Петербургъ. Слухъ о его необыкновенныхъ способностяхъ распространился среди Петербургскаго общества, и съ согласія графа Шуазеля въ 1794 г. Николь открылъ въ Петербургѣ училище для 6 мальчиковъ. Плата, вносимая за обученіе, была очень высока: двѣ тысячи рублей, какъ сообщаетъ аб. Жоржель [1]); но родители на перерывъ добивались возможности отдать своихъ дѣтей на воспитаніе аббату, такъ что онъ принужденъ былъ расширить свое заведеніе. Самые лестные отзывы императрицы Маріи Өеодоровны, Плещеева, Растопчина, не говоря уже о пламенной любви воспитанниковъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семействамъ [2]), показываютъ, какъ высоко цѣнили аббата въ Россіи. Самъ же онъ признавался, что en élevant de jeunes Russes, il avait travaillé pour la France [3]). Необыкновенные труды ослабили его здоровье и, передавъ свое дѣло аббату Макару (Macquard), онъ уѣхалъ въ Москву.

Въ 1811 году онъ получилъ назначеніе визитатора католическихъ церквей и монастырей на Югѣ Россіи, и къ этому времени относится его дружба съ герцогомъ Ришелье.

Въ 1814 г. Николь составилъ планъ воспитанія для обоихъ Одесскихъ Благородныхъ институтовъ [4]).

2 Мая 1817 г. основанъ былъ Ришельевскій Лицей [5]), по плану аббата Николя, на слѣдующія средства:

1) Сборъ въ пользу Лицея по 24 к. с. съ каждой четверти пшеницы, отпускаемой за границу.

2) Доходъ съ аренды дюку де Ришелье въ 3260 долларовъ.

3) 6500 р. изъ городскихъ доходовъ.

4) Изъ казны 65000 р.

5) Плата за ученье.

Четыре члена въ совѣтъ Лицея избирались изъ родителей и опекуновъ воспитанниковъ.

На библіотеку Лицея герцогъ Ришелье пожертвовалъ 13000 фр. а Николь свое годовое жалованіе.

---

[1]) M. Georgel, Mémoires pour servir à l'histoire des évènements de la fin du XVIII sicècle, T. VI. Paris. 1818.

[2]) Воспитанниками аббата Николя были между прочими: герцогъ Адамъ Виртембергскій, Алексѣй и Михаилъ Орловы, Александръ и Константинъ Бенкендорфы, князья Волконскіе, Голицыны, Гагарины, Александръ Плещеевъ, и др.

[3]) Воспитывая молодыхъ Русскихъ, онъ работалъ для Франціи.

[4]) См. Сборникъ И. Истор. Общества т. 54, стр. 483.

[5]) См. Образованіе и уставъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ. С.Пб. 1818 и 40-лѣтіе Ришельевскаго Лицея, Михневича. Одесса, 1857.

Преподаванiе началось съ 7-го Января 1818 года. Воспитанники стекались со всѣхъ сторонъ (между прочими были отданы туда два Москвича С. Д. Полторацкiй и Иванъ Алексѣевичъ Пушкинъ).

3 Августа 1818 года К. Н. Батюшковъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу восторженно отзывался о дѣятельности Николя [1]).

Недоброжелателями аббата, о которыхъ говоритъ Батюшковъ, явились противники католическаго духа, распространеннаго въ Лицеѣ, и уже въ 1819 году члены правленiя ходатайствовали о томъ, чтобы въ совѣтѣ присутствовалъ православный законоучитель. Ходатайство было уважено, и членомъ былъ назначенъ архимандритъ Ѳеофилъ, въ 1820 годахъ выставившiй противъ Николя слѣдующiя обвиненiя:

1) Онъ противился куратору Харьковскаго университета и не записался въ члены Библейскаго общества.

2) Препятствовалъ архимандриту распространять это общество среди учениковъ Лицея.

Николь оправдался, но въ 1820 же году покинулъ Россiю. 21-го Февраля слѣдующаго года онъ былъ назначенъ ректоромъ Парижской Академiи, а 2 Сентября 1835 года скончался, 77 лѣтъ отъ роду.

Значенiе Николя, какъ воспитателя многихъ лицъ, имѣвшихъ впослѣдствiи влiянiе и власть въ Россiи несомнѣнно.

Упомянутое письмо Батюшкова и многiе отзывы бывшихъ воспитанниковъ аббата (см. книгу: Frappaz, Vie de l'abbé Nicolle. Paris, 1857) достаточно говорятъ въ его пользу. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ рѣдкихъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ; но его система воспитанiя Русскихъ дѣтей въ духѣ Французско-международномъ ждетъ строгаго приговора отъ будущаго историка воспитанiя въ Россiи, и уже Морошкинъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ суровый упрекъ достопочтенному аббату.

*

Князь Александръ Никитичъ Волконскiй р. въ Петербургѣ въ Августѣ 1811 года. Мать его княгиня Зинаида Александровна, рожденная княжна Бѣлосельская, по прозванiю la Corinne du Nord, блистала своимъ умомъ, образованiемъ и художественными талантами и всегда была окружена отборнымъ обществомъ [2]). Вмѣстѣ съ мужемъ и младенцемъ-сыномъ сопровождала она главную квартиру во время походовъ 1813—1814 годовъ, и Александръ Павловичъ любилъ отдыхать въ бесѣдахъ съ нею. Будучи замѣчательной пѣвицей, обладая большими свѣдѣнiями (знала по-гречески и по-латыни), она, во время пре-

---

[1]) Р. Архивъ 1867 г., стр. 1528.

[2]) См. о ней Р. Архивъ 1867 г., стр. 311.

быванія своего въ Москвѣ (1824—29), обратила домъ свой въ академію искусствъ: къ ней собирались Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій, Давыдовъ, Веневитиновъ, А. Н. Муравьевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Вечера проходили въ чтеніи и исполненіи музыкальныхъ произведеній; игра въ карты не допускалась.

Княгиня рѣшила сама руководить воспитаніемъ своего сына, для чего и поручила аббату Николю составить планъ воспитанія.

Когда молодому князю минуло 17 лѣтъ, наставникомъ къ нему былъ приглашенъ С. П. Шевыревъ, съ которымъ семья Волконскихъ переѣхала въ Римъ, гдѣ князь Александръ и окончилъ образованіе.

Въ 1833 году князь возвратился въ Россію, выдержалъ экзаменъ при Московскомъ университетѣ, былъ причисленъ къ департаменту внутреннихъ сношеній въ 1834 г., потомъ служилъ при дипломатической канцеляріи князя Паскевича въ Варшавѣ; въ 1849 году, во время Венгерской кампаніи, состоялъ при главной квартирѣ. Въ 1856 г. назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну, а въ 1858 г. переведенъ въ Дрезденъ посланникомъ при королѣ Саксонскомъ. Въ 1860 г. переведенъ посланникомъ при королѣ Неаполитанскомъ, въ 1862 посланникомъ къ Испанской королевѣ, въ 1867 находился въ Парижѣ, а въ 1870 г. оставилъ дѣйствительную службу. Скончался онъ на своей виллѣ близъ Рима 2 Апрѣля 1878 года, въ православной вѣрѣ (надъ его гробницей на кладбищѣ Кампо-Верана стоитъ прекраснаго письма икона Владимирской Божіей Матери). Всѣ знавшіе покойнаго въ одинъ голосъ хвалятъ его высокія нравственныя качества и отличное образованіе. Некрологъ его см. Р. Архивъ 1878, III, 251.

Перу князя Волконскаго принадлежатъ между прочимъ статьи: 1) Поѣздка кн. Н. Г. Волконскаго къ Наполеону Р. Архивъ 1874. I, 1047; 2) Село Мурашкино, историко-этнографическій очеркъ. Р. Архивъ 1875. I, 116; 3) Etudes sur l'Italie contemporaine. 2 livraisons. Paris 1872. Это былъ одинъ изъ лучшихъ людей Русской земли. Ю. Б.

БЕНКЕНДОРФЫ ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ.

Родословная роспись дворянъ и графовъ *Бенкендорфъ* появляется въ печати уже не въ первый разъ. К. М. Бороздинъ издалъ въ 1841 г. „Опытъ исторіи рода дворянъ и графовъ Бенкендорфъ“; въ Энциклопедическ. Словарѣ Березина есть замѣтка объ этомъ родѣ; во 2-й части Россійской Родосл. Книги кн. Долгорукова приведены отрывочныя свѣдѣнія о наиболѣе извѣстныхъ Бенкендорфахъ.

Печатаемая нынѣ родословная составлена на основаніи данныхъ семейнаго архива и свѣдѣній, полученныхъ составителемъ непосредственно отъ лицъ принадлежащихъ къ этому роду; а потому она полнѣе и точнѣе доселѣ появившихся, хотя и въ ней есть неизбѣжные пробѣлы и недостатки нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей. К. Г.

I.

1. Андрей *Бенкендорфъ*, родомъ изъ Бранденбурга (Зальцведеля) переселился въ XVI в. въ Лифляндію и былъ королевскимъ военнымъ коммиссаромъ въ Ригѣ. Ж. Марія *Стопіусъ*.

II.

2. Георгъ, служилъ въ военной префектурѣ. } 1
3. Іоганъ, † 13 Янв. 1615. Ж. Елисавета *Шпекгаузенъ*.

III.

4. Андрей. } 2
Анна, за *Краузе*.

5. Іоганъ, † 12 Іюня 1636, врачъ. Ж. Анна *ф. Рингенбергъ* † 1630 } 3
6. Балтазаръ, † 1657 бездѣтн., Ж. Анна *Мейнернъ*.
Маргарита.
Елисавета, за Дитрихомъ *Фридрихсомъ*.
Екатерина, за Іоганомъ *Бöзе*, жителемъ Вильны.

IV.

7. Герхардъ, переселился въ Кенигсбергъ. } 5
8. Іоганъ, р. 11 Марта 1620, † 27 Февр. 1680; вице-президентъ консисторіи; Рижскій бургграфъ и бургомистръ. Король Шведскій Карлъ Густавъ (1654—1660) возвелъ его въ дворянское достоинство (по другимъ свѣдѣніямъ король только подтвердилъ ему дворянство). Ж. (1658) Анна *Ригманъ ф. Левенштернъ*, † 1710.
9. Андрей, переселился въ Кенигсбергъ.
Елисавета.
Екатерина. за 1) Іоганомъ *Нагель*; 2) *Гавелія*.

V.

10. Іоганъ, р. 1659, † Іюня 1727; старшій бургомистръ г. Риги; ж. 1) Елисавета *Бухгорстъ*, 1655, † 1693; 2) Клара *ф. Шульценъ*.
11. † 1731. Конрадъ, р. 1661, † 19 Янв. 1699, цеховой старшина; ж. 1) Екатерина *Дрейлингъ*, † 1693; 2) Елена *ф. Шульценъ*. } 8
Екатерина, † въ 1710 отъ чумы; за 1) Христофоромъ *Ригеманъ ф. Лёвенштернъ*; 2) Павломъ *Ригеманъ ф. Лёвенштернъ*, 1710.

VI.

12. Іоганъ, р. 4 Февр. 1684, † 1 Мая 1717; оберъ-секретарь въ Рижскомъ магистратѣ; ж. Анна ф. *Шульценъ*, р. 1690, † 6 Апр. 1748.
13. Михаилъ, р. 1698, † 1710.
14. Конрадъ, р. 1701, † 1714.
15. Іоганъ-Михаилъ (Иванъ Ивановичъ) р. 30 Марта 1720, † 18 Ноября 1775; генералъ-поруч., оберъ-комендантъ въ Ревелѣ. Ж. Софія-Елисавета (Софія Ивановна) *Ригеманъ ф. Лёвенштернъ*, р. 1723, † 1783. (Воспитательница дѣтей Великаго Князя Павла Петровича). } 10
Анна-Екатерина, р. 1686, † 1697.
Анна Марія, р. 1707.
Клара, † 1715.

16. Дитрихъ, р. 1684, † 1710.
17. Іоганъ, 1686, † 1704.
18. Конрадъ-Морицъ, р. 1688, † 1705.
19. Гергардъ, р. 1692, † 1709. } 11
Анна-Елена, р. 1695, † 1771, за Георгомъ *Шрёдеромъ*.
Екатерина, р. 1697, † дѣвицею.

VII.

20. Іоганъ, р. 19 Окт. 1712, † 1 Авг. 1751; ж. Анна-Доротея *Вильбрандъ*, р. 10 Дек. 1720, † 9 Января 1765.
Клара, р. 1711, † 1712. } 12
Анна-Елисавета, р. 1714, † 17 Ноября 1777, за Петромъ *Крёгеромъ*.
Клара, р. и † 1716.

21. Іоганъ-Христофоръ, р. 1744, † 1748.
22. Михаилъ, р. 1747, † 1753. } 15

23. Христофоръ Ивановичъ, р. 12 Янв. 1749, † 10 Іюня 1823; генер.-отъ-инфантеріи, Рижскій гражданскій губернаторъ; ж. (1780) Анна-Юліана *Шиллингъ ф. Канштадтъ*, р. 31 Іюля 1744, † 11 Марта 1797 (была другомъ Великой Княгини Маріи Θеодоровны).
24. Германъ-Іоганъ (Ермолай Ивановичъ), р. 30 Іюля 1751, † 1800; ж. 1) Екатерина ф. *Бреверпъ*, † 1775; 2) Христина ф. *Бреверпъ*, р. 1751, † 1808.
25. Георгъ-Христіанъ, р. 17 Іюля 1754; въ 1789 командовалъ егерскимъ батальономъ; ж. (1784) Гертруда-Маргарита *Стааль ф. Гольштейнъ* (съ 1791 г. во 2-мъ бракѣ за Отто *ф. Эссенъ*). } 15
26. Іоганъ, р. 1755, † 1758.
27. Бартольдъ-Генрихъ, р. 1757, † 1759.
28. Гансъ (Иванъ Ивановичъ), р. 16 Августа 1765, † 25 Сентября 1841; поручикъ гвардіи, бригадиръ. Ж. Елисавета Иванов. *Францъ*, † 19 Февр. 1842 (падчерица генер. прокур. Александра Ивановна *Глѣбова*. См. Ист. Вѣстн. 1885, II, 661).

Екатерина, р. и † 1746.
Екатерина-Берта, р. 1750, † 1785, за Людвигомъ *ф. Бреверпъ.*
Берта-Христина, р. и † 1752.
Софія, р. и † 1758.

VIII.

29. Іоганъ, р. 19 Февр. 1744.
30. Карлъ-Густавъ, р. 1747, † 1749.
31. Эбергардъ, р. 1749, † 1751.
Анна-Жозефина, р. 1742, † 1744.
Анна-Доротея, р. 1745, † 1787, за Павломъ *Гартвигомъ.*
Софія-Елисавета, р. 1750, † 1751. — 20

32. Александръ Христофоровичъ (графъ съ 8 Ноября 1832 *), р. 23 Іюня 1781, † 11 Сент. 1844; генер.-адъют., генер. отъ кавалеріи, членъ Государ. Совѣта; главный начальн. III Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, шефъ корпуса жандармовъ. Ж. Елисавета Андр. *Донецъ-Захаржевская* (въ 1-мъ бракѣ была за генер.-маіор. Павломъ Гаврилов. *Бибиковымъ*, † 1812), † 1857.
33. Константинъ Христофоровичъ, р. 31 Янв. 1783, † въ Авг. 1828; генер.-адъют. и генер.-лейт., ж. Наталія Максимовна *Алопеусъ*; р. 1796, † 1823.
Марія Христофоровна, за генер.-маіор. Иваномъ Егорович. *Шевичемъ*, командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка, † 4 Окт. 1813.
Наталія Христофоровна, † въ млад.
Дарія Христофоровна, р. 17 Декабря 1785, † 15 Янв. 1857, статсъ-дама, за княземъ Христоф. Андр. *Ливеномъ*, р. 1777, † 29 Дек. 1838. — 23

34. Павелъ-Фридрихъ, р. 26 Ноября 1784, † 2 Декабря 1841; д. с. с. Эстляндскій губернаторъ. Ж. Елисавета *Ребиндеръ.*
35. Ѳедоръ, р. 1786, † 1804.
Софія, † 1815, за маіор. ф. *Гельфрейхъ.*
Магдалина-Елисавета, за Яковомъ ф. *Брюммеръ.*
Екатерина, за Матвѣемъ-Георгомъ *Стааль ф. Гольштейнъ.* — 24

Софія, р. 1784, † 1807, за штабсъ-капитаномъ Генрихомъ ф. *Бреверпъ.*
Екатерина, † дѣвицею.
Марія, за барономъ Гансомъ ф. *Тизенгаузенъ.*
Елисавета, † дѣвицею. — 25

36. Александръ Ивановичъ, р. 20 Янв. 1800, † 4 Ноября 1873; ж. Елисавета Андр. *Чернова*, р. 28 Іюля 1807, † 17 Ноября 1884.
37. Владиміръ Ивановичъ, ж. Елисавета Алексѣевна *Янова*, † 1856.
Софія Ивановна, за Дмитр. *Хрущовымъ*, † 1825.
Паулина Ивановна, † 1836, за барономъ *Шиллингомъ ф. Канштадтъ.* — 28

IX.

Графиня Анна Александровна, за граф. Рудольфомъ *Аппони*, Австр. посланникомъ въ Мюнхенѣ и въ Туринѣ.
Графиня Марія Александровна, за гофмейстер. княземъ Григоріемъ Петрович. *Волконскимъ.*
Графиня Софія Александровна, † 1864, за д. с. с. Павломъ Григор. *Демидовымъ*, † въ Іюнѣ 1858. (Послѣ его смерти вышла за князя Сергѣя Викторовича *Кочубея*). — 32

*) 15 Ноября 1832 г. графское достоинство распространено на роднаго племянника его Константина Константиновича (№ 38) и его потомство.

38. Графъ Константинъ Константиновичъ (съ 15 Ноября 1832), р. 10 Окт. 1816, † 1858, генер.-адъют., генер.-лейтен., посланникъ въ Стутгардтѣ. Ж. (1848) принцесса Луиза Крой (Croy-Dülmen), р. 8 Іюня 1825, † въ Янв. 1891.
Марія Константиновна, р. 1818, † 1844, за генер.-маіор. Павломъ Матвѣев. *Толстымъ* (у Руммеля, № 352), р. 1800, † 27 Февраля 1882 (его 2-я жена). } 33

39. Германъ-Христофоръ (Ермолай Павловичъ), р. 23 Янв. 1815; ж. Марія ф. *Лёвенштернъ*, р. 10 Окт. 1816, † 24 Марта 1850.
40. Густавъ-Христофоръ (Густавъ Павловичъ), р. 1818, † 1842.
41. Александръ-Готгардъ (Александръ Павловичъ), р. 1820, † 1852. Ж. Екатерина Дмитріевна *Бенардаки*.
42. Константинъ
43. Алексѣй } † въ младенч.
44. Владиміръ
Софія Павловна, за с. с. Густавомъ ф. *Барановымъ*, Лифляндскимъ почтмейстеромъ.
Марія Павловна, за Отто *Лиліенфельдомъ*. } 34

45. Сергѣй Александровичъ, д. с. с. р. 14 Апр. 1827, † 27 Янв. 1888, предв. двор. Черниковскаго уѣзда; ж. Марія Михайлов. *Осоргина*.
46. Владиміръ Александровичъ, р. 30 Дек. 1837, † 1878, мировой судья Московскаго уѣзда; ж. Марія Платонов. *Пишчевичъ*.
47. Михаилъ Александровичъ. р. 14 Сент. 1840; ж. Павла Михайлов. *Клевцова*.
48. Андрей Александровичъ, д. с. с. бывшій в. директоръ Департамента Юстиціи; р. 17 Окт. 1843, † 4 Марта 1883; ж. Евгенія Александровна *Шландеръ*.
49. Александръ Александровичъ, р. 1846; членъ Тамбовскаго окружнаго суда. Ж. Марія Александр. *Осоргина*.
Софія Александровна, р. 12 Апр. 1828, за Иларіономъ Иларіонов. *Бибиковымъ*.
Елисавета Александровна, р. 19 Мая 1829, † 1891.
Марія Александровна, р. 18 Іюня 1834, † 1887, за кн. Никол. Дмитр. *Крапоткинымъ*.
Александра Александровна, р. 7 Марта 1835, за Петромъ Петровичемъ *Муромцовымъ*.
Наталія Александровна, р. 12 Ноября 1841, за д. с. с. Генадіемъ Васил. *Карцевымъ*.
Надежда Александровна, р. 24 Іюня 1845, † 1878, за д. с. с. Семеномъ Платонов. *Ранчинскимъ*.
Ольга Александровна, р. 24 Сентября 1849, † 1877. } 36

50. Владиміръ Владиміровичъ, † въ малол.
51. Константинъ Владиміров., † въ малол.
52. Христофоръ Владиміров., р. 1854; ж. N. *Фролова*.
Софія Владиміров. р. 20 Октября 1840, † за Александромъ Густафов. *Барановымъ* (сыномъ Софіи Павл. Бенкендорфъ).
Марія Владимир. р. 25 Іюня 1845, † 1891, за *Кирпичевымъ*. } 37

X.

53. Графъ Александръ Константинов., р. 1849, церемоніймейстеръ, совѣтникъ посольства въ Вѣнѣ; ж. граф. Софія Петровна Шувалова, р. 16 Октября 1857.

54. Графъ Павелъ Константинов., р. 10 Апр. 1853, флиг.-адъют. полковникъ, и. д. гофмаршала Высочайшаго Двора.
Графиня Наталія Констанов., р. 1854, за княземъ Германомъ *Гатцфельдъ-Трахенбергъ* (намѣстникъ въ Силезіи). 38
Графиня Ольга Константинов., р. 1857, за Итальянск. маркизомъ Александромъ *Гвиччіоли (*Guiccioli).

55. Павелъ, р. 31 Октября 1845; ж. баронесса Анна Штакельбергъ, р. 27 Сентября 1853, † 20 Янв. 1882.
56. Александръ, р. 7 Декабря 1846; ж. Маргарита ф. *Бревернъ*, р. 22 Мая 1858.
57. Германъ, р. 1850, † 1855. 39
Елисавета, р. 12 Іюля 1843, съ 1862 за барономъ Юліусомъ ф. *Шиллингъ*.
Марія, р. 11 Января 1847, съ 1869 за барономъ Павломъ ф. *Врedель*.

58. Дмитрій Александровичъ, р. 1846, служилъ въ Министер. Иностр. Дѣлъ; ж. *Воейкова*, †
59. Александръ Александровичъ, р. 28 Авг. 1848, полковникъ, командиръ 27 Кіевск. драгунск. полка (1894); ж. *Засѣцкая*. 41
60. Леонидъ Александровичъ, ж. *Болтунова*.
Елисавета Сергѣевна. 45

61. Александръ Михайловичъ, р. 1872.
Екатерина Михайловна. 47
Павла Михайловна.

Елисавета Андреевна.
Евгенія Андреевна. 48
Александра Александровна. 49

XI.

62. Графъ Константинъ Александровичъ, р. 15 Сентября 1880.
63. Графъ Петръ Александровичъ, р. 19 Января 1882. 53
Графиня Наталія Александровна, р. 7 Іюня 1886.
Амата род. 26 Дек. 1878. 55
64. Германъ, р. 26 Февр. 1881.
65. Іоганъ, р. 2 Апр. 1882. 56
66. Андрей Александровичъ, р. 1882. 59

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО *).

IX.

Предводительская служба въ Епифанскомъ уѣздѣ, повидимому столь легкая, на дѣлѣ не оказалась таковою. На первыхъ же порахъ въ рекрутскомъ присутствіи дѣло пошло не по-моему. Докторъ относился чрезвычайно вяло къ своей обязанности, а еще притязательнѣе военный пріемщикъ. На второй день пріема (это былъ Февраль 1871 года) докторъ Вишневскій, изъ Поляковъ, должно быть, стакнувшись съ военнымъ пріемщикомъ М *, браковали многихъ рекрутовъ; а я, уже опытный въ наружномъ осмотрѣ, напрактиковавшись въ Ефремовскомъ уѣздѣ съ двумя прекрасными врачами (Петропавловскимъ и Краснопѣвцевымъ), всѣхъ ими забракованныхъ рекрутовъ, какъ предсѣдатель присутствія, принялъ на службу подъ свою отвѣтственность. Послѣдствія оправдали мою рѣшимость; ибо, не смотря на протестъ вышеупомянутыхъ двухъ лицъ, рекруты, мною принятые, были признаны вполнѣ годными въ Тулѣ, гдѣ переосвидѣтельствовало ихъ губернское начальство. Но, выведенный изъ терпѣнія, я пріостановилъ наборъ, поѣхалъ за ночь въ Тулу на перемѣнныхъ лошадяхъ и объяснилъ губернатору и военному начальству невозможность продолжать дѣло при явномъ противодѣйствіи двухъ главныхъ членовъ присутствія. Такъ какъ губернаторъ мнѣ вполнѣ довѣрялъ, то со мною же послано было предписаніе о назначеніи другаго врача въ рекрутское присутствіе, а отъ военнаго пріемщика его начальство строго потребовало объясненія поступковъ его въ отношеніи ко мнѣ и забракованія рекрутовъ безъ причины. Въ Епифань пріѣхалъ еще начальникъ штаба дивизіи М. К. Мевесъ для объясненія о дѣйствіяхъ военнаго пріемщика. Такъ какъ я вернулся очень быстро, то утромъ на другой же день, въ рекрутскомъ присутствіи, докторъ и военный пріемщикъ были положительно поражены тѣми двумя конвертами непріятнаго для нихъ содер-

*) См. выше, стр. 357.

жанія, которые я имъ вручилъ. Докторъ былъ устраненъ, а военный пріемщикъ сдѣлался шелковымъ, и наборъ затѣмъ пошелъ быстро своимъ чередомъ. Но военному пріемщику захотѣлось, во что бы ни стало, отомстить мнѣ. Дня черезъ два послѣ описаннаго случая онъ мнѣ подалъ записку, что чиновникъ * подкупалъ его и просилъ не принять четверыхъ крестьянъ въ рекруты. Я тутъ же приказалъ секретарю внести въ протоколъ заявленіе о подкупѣ, не смотря на усиленную просьбу военнаго пріемщика этого не дѣлать. «Меня замучаютъ перепиской съ начальствомъ», повторялъ онъ; «еслибы зналъ, ни за что не заявилъ бы». Но я былъ неумолимъ, точно предчувствуя подвохъ. Я конечно принялъ тѣхъ четырехъ рекрутовъ, о коихъ была рѣчь, а протоколъ отослалъ судебному слѣдователю для производства слѣдствія надъ чиновникомъ, на котораго указалъ М**. Слѣдствіе кончилось пустяками. Каково же было мое удивленіе, когда чуть ли не на другой день я получилъ изъ Тулы изъ штаба запросъ, какъ я поступилъ съ дѣломъ о подкупѣ военнаго пріемщика? Оказалось, что милѣйшій М** еще прежде чѣмъ заявить мнѣ, уже рапортомъ донесъ своему начальству о подкупѣ его чиновникомъ. Каково было бы мое положеніе, еслибы я не составилъ тогда же протокола? Я оказался бы виноватымъ въ скрытіи подобнаго случая. Я отвѣчалъ штабу не медля, съ просьбою избавить наше рекрутское присутствіе отъ такого субъекта, какъ М**, что́, къ вящшему удовольствію прочихъ членовъ, и состоялось, такъ какъ М** убрали изъ Епифани, благодаря командующему войсками генералу Гильденштубе, которому я писалъ. Лично я всегда былъ противъ всякой судебной волокиты въ тѣхъ случаяхъ, когда можно достигнуть хорошихъ результатовъ помимо суда и слѣдствія, рѣдко возвращающихъ людей на путь истинный, а напротивъ, только развращающихъ.

Въ моей долгой предводительской служебной практикѣ былъ другой случай. Во время прежнихъ наборовъ крестьяне насильно совали деньги, не понимая кому и за что, въ надеждѣ избѣгнуть рекрутчины. И вотъ одинъ рекрутъ, только что принятый, заявляетъ мнѣ, что онъ далъ одному молодому чиновнику и волостному писарю по 25 рублей, чтобы избѣгнуть очереди. Назвать чиновника онъ не могъ; я же, выйдя изъ комнаты присутствія и увидавъ между многими пишущими одного молодого чиновника, крайне смутившагося моимъ появленіемъ въ канцеляріи, быстро подошелъ къ нему и строго спросилъ: «зачѣмъ вы взяли съ мужика деньги?» Онъ, еще болѣе смутившись, только и могъ сказать: «виноватъ». Я тутъ же приказалъ ему вернуть деньги и выслалъ его вонъ изъ канцеляріи. Никакого дѣла я не началъ, ибо видѣлъ прямое раскаяніе юноши, не взявшаго

взятку, какъ оказалось послѣ, а сдѣлавшаго безтактный заемъ. Я не имѣлъ основанія раскаеваться въ этомъ: изъ молодого человѣка вышелъ впослѣдствіи прекрасный, добросовѣстный служака.

Съ опекою тоже у меня не ладилось. Бывшій передо мною предводитель Хрущовъ-Сокольниковъ болѣе занимался литературой, чѣмъ службой, и одинъ изъ назначенныхъ имъ опекуновъ уже два года не представлялъ отчета; было сильное подозрѣніе, что доходовъ за два года нѣтъ на лицо. Такъ и случилось, и какъ ни тяжело было, пришлось своего брата-дворянина предавать суду... Случай этотъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и непріятныхъ во всей моей службѣ; но другаго исхода не было, и я на мѣсто устраненнаго опекуна назначилъ опекуномъ къ малолѣтнимъ одного изъ самыхъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ С. Сей послѣдній не особенно былъ доволенъ, но исполнилъ обязанность блистательно, не только сохранивъ, но и улучшивъ состояніе малолѣтнихъ, озаботившись также и объ ихъ воспитаніи. Я вообще поставилъ себѣ задачею назначать опекунами лучшихъ людей уѣзда и со средствами. И въ этомъ отношеніи я достигъ хорошихъ результатовъ. Такъ въ уѣздѣ было огромное имѣніе слабоумнаго князя Долгорукаго. Московская опека назначила опекуншею надъ его Епифанскими имѣніями кавалерственную даму княгиню В. Н. Долгорукую; а я назначилъ соопекуномъ Епифанскаго старожила, пользовавшагося репутаціей честнаго человѣка, Д. А. Балкашина: онъ служилъ болѣе 25 лѣтъ исправникомъ еще отъ дворянства и былъ человѣкъ неподкупный. Въ имѣніи Долгорукихъ буквально шелъ грабежъ, которому Балкашинъ и положилъ тотчасъ предѣлъ. Недовольные назначеніемъ неизвѣстнаго имъ соопекуна, князья Долгорукіе жаловались на это, и получилось высочайшее повелѣніе изъять Долгоруковскую опеку изъ Епифанской и перевести въ Москву. Пока шла переписка, Д. А. Балкашинъ за годъ далъ съ имѣній кн. Долгорукимъ доходу вдвое противъ прежняго; это ихъ крайне удивило, и они, конечно, пожелали оставить опеку въ Епифани, но было уже поздно за состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ. Тогда князья Долгорукіе упросили Д. А. Балкашина остаться въ качествѣ завѣдующаго ихъ дѣлами, что̀ онъ и сдѣлалъ, получая больше такимъ образомъ содержанія на этомъ мѣстѣ, чѣмъ соопекунъ.

Д. А. Балкашинъ, хотя и старый исправникъ и типъ дореформенный, представлялъ собою рѣдкое исключеніе между людьми того времени и того пошиба. Онъ искалъ всегда сближенія съ людьми лучшаго общества, не зналъ низкопоклонства и хотя не получилъ никакого воспитанія, но, имѣя природный умъ и много энергіи, вращаясь между людьми образованными и умными, пріобрѣлъ даже извѣстный лоскъ и свѣт-

скій тактъ. Въ уѣздѣ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ пользовался большимъ уваженіемъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ былъ извѣстенъ какъ лучшій стрѣлокъ не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Садоводъ былъ отмѣнный и въ своемъ небольшомъ садикѣ въ Епифани выводилъ чудесные цвѣты, въ особенности георгины - даліи. Пережилъ онъ многихъ губернаторовъ, у коихъ онъ считался примѣрнымъ исправникомъ; даже у М. Р. Шидловскаго, который былъ крайне требовательный губернаторъ, Балкашинъ былъ на прекрасномъ счету. Помѣщики въ уѣздѣ, бывая въ Епифани, непремѣнно заѣзжали къ нему, такъ какъ онъ отличался хлѣбосольствомъ. Балкашинъ принадлежалъ къ тѣмъ тихимъ, но серьезнымъ дѣятелямъ, на плечахъ у которыхъ собственно лежитъ въ уѣздѣ главная административная работа. Сколько столкновеній всевозможныхъ уладилъ и остановилъ Д. А. Балкашинъ въ бытность свою исправникомъ, особенно во время освобожденія крестьянъ 1861 года! Да и извѣстное Люторское дѣло никогда не возникло бы, будь въ то время исправникомъ Балкашинъ. Его, какъ старожила, народъ и слушался, и отчасти боялся; а именно вслѣдствіе неудачнаго назначенія исправника, не знавшаго ни мѣстныхъ условій, ни крестьянъ, и могло возникнуть дѣло, подобное Люторскому. Я уже скоро 15 лѣтъ какъ оставилъ службу и не бываю въ Епифани. Въ числѣ многихъ моихъ знакомыхъ умеръ и Балкашинъ; но его гостепріимный домикъ не запустѣлъ, а обратился не то въ школу, не то въ богодѣльню, по крайней мѣрѣ, не заглохъ и не разрушился, а пошелъ на доброе дѣло.

А сколько старинныхъ усадебъ совсѣмъ заглохло и развалилось! Особенно это замѣтно въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя изъ помѣщичьихъ рукъ переходятъ или къ кулакамъ, или къ ростовщикамъ; а въ тѣхъ и другихъ нѣтъ пока недостатка на Руси.

Первое трехлѣтіе моей службы въ Епифанскомъ уѣздѣ прошло быстро. Я приступилъ къ постройкѣ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги; но мнѣ день ото дня становилось ясно, что я многимъ не угодилъ. Самый городъ Епифань былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что желѣзная дорога прошла въ 15-ти верстахъ отъ него. Точно отъ меня это зависѣло! Полагали, что, въ виду хорошихъ моихъ отношеній съ министромъ путей сообщенія, это легко было мнѣ устроить. Между тѣмъ близкіе къ дѣлу люди знаютъ, что направленіе рѣшается окончательно правительственными повѣрочными изысканіями, кои и утверждаются въ Петербургѣ. Не только строитель, но и концессіонеръ ничего не можетъ измѣнить противъ утвержденнаго плана и профиля линіи, ни на шагъ отойти отъ утвержденной оси дороги. Но мѣстные обыватели не принимаютъ этого во вниманіе, а винятъ и прямо таки

бранятъ въ глаза ближайшаго къ дѣлу и находящагося на лицо строителя. Со мною это бывало часто. Такъ однажды ко мнѣ рано пріѣзжаетъ Петербургскій, весьма извѣстный тамъ генералъ Р. «Вы строите желѣзную дорогу?» Отвѣчаю: *я*. «Такъ вотъ прошу васъ, помогите моей бѣдѣ. Ваши инженеры пробили желѣзнодорожную линію по моему полю, да такъ неудобно, что половину полей отрѣзали отъ усадьбы, т. е. отъ хутора. Теперь у меня, неугодно ли посмотрѣть (при этомъ генералъ вытаскиваетъ планъ), вмѣсто трехъ образовалось шесть полей. Такъ нельзя хозяйничать!»—Что же вамъ угодно?—«Велите отклонить линію за мою межу», и при этомъ генералъ Р. передаетъ мнѣ подробную записку съ планомъ. Увѣреніе, что дѣло не отъ меня зависитъ, не принимается, конечно, въ соображеніе, а приписывается нехотѣнію. И подобныхъ дѣлъ было множество. На мое счастіе проектъ линіи по землѣ генерала Р. былъ брошенъ правительственными инженерами и измѣненъ, такъ что онъ былъ удовлетворенъ, а въ Епифань заѣхалъ проѣздомъ самъ министръ путей сообщенія, дорогою изъ Скопина къ себѣ въ Богородицкъ. Я имѣлъ случай въ городѣ представить графу А. П. Бобринскому городскихъ депутатовъ, коимъ онъ самъ и объяснилъ причину отклоненія и снялъ съ меня, хотя бы въ глазахъ городскихъ депутатовъ, незаслуженныя нареканія.

Но и во многомъ другомъ бывалъ я безъ вины виноватъ. Друзья опекуна, преданнаго суду, винили меня и собирали партію, чтобъ избрать на мое мѣсто другое лицо. Я бы и самъ охотно ушелъ изъ предводителей, такъ какъ работы и такъ было много, но время для ухода было неудобно, въ виду тѣхъ нареканій, которыя были выставлены противъ меня.

Насколько жизнь столичная шагнула впередъ, настолько отстала и не поспѣвала за нею жизнь уѣздная. Лучшіе люди уходили изъ провинціи, кто на службу въ столицу, кто куда. Оставались въ уѣздѣ старые да малые, говоря даже не въ переносномъ смыслѣ. Вслѣдствіе страшной централизаціи и сокращенія выборнаго начала многіе дѣятели выбывали изъ уѣзда на широко открывавшіяся мѣста въ банкахъ, желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и другихъ мѣстахъ, такъ что приходилось имѣть въ уѣздѣ дѣло съ людьми уже другаго пошиба и понятій, чѣмъ прежде. Стали пустѣть и усадьбы. Прежнее веселое житье, съѣзды, собранія все притихло. Желѣзныя дороги давали возможность всякому дешево съѣздить въ Москву и Петербургъ и расходовать тамъ свои гроши пріятнѣе, чѣмъ въ провинціи, которая день ото дня становилась мрачнѣе и безлюднѣе. А теперь, если мнѣ волею судебъ приходится заглядывать въ Епифанскій уѣздъ, когда-то веселый, полный жизни, меня охватываетъ тоже чувство, какое испытывалъ Лаврецкій въ «Дво-

рянскомъ Гнѣздѣ» при видѣ стараго дома и сада, гдѣ онъ когда-то былъ счастливъ. Болѣзненно сжимается сердце при видѣ знакомыхъ мѣстъ, разныхъ полей и усадебъ, но гдѣ уже нѣтъ ни людей тѣхъ, ни друзей. Другіе люди, смѣнивъ, не замѣнили ихъ! Говорятъ, что первый признакъ старости это хаять современное и хвалить прошлое. Очень можетъ быть, что и со мною это такъ; да я не особенно и хвалю старое (въ немъ много было тяжелаго). Но когда я теперь вижу старинную прекрасную усадьбу, превращенную въ заведеніе и лабазы, или старинный домъ, гдѣ я когда-то съ образованными хозяевами велъ дружбу и бесѣдовалъ (нынѣ домъ этотъ обращенный въ амбаръ!); когда встрѣчаю дочь бывшаго помѣщика, человѣка развитаго, за мужемъ за мѣщаниномъ и живущую во *хлигерѣ*, а домъ проданный на свозъ; когда вижу сына такого же помѣщика старинной почетной семьи въ зипунѣ, пробирающагося на станцію желѣзной дороги на клячѣ въ одноколкѣ: то невольно сжимается сердце, и невесело на душѣ становится у стараго предводителя.... Да, наконецъ, что́ принесли эти новые люди съ собою кромѣ разоренія старинныхъ семей? Ничего кромѣ какъ развѣ болѣе аккуратный платежъ земскихъ, государственныхъ недоимокъ, да въ устроенныхъ заведеніяхъ—лишній патентный сборъ. Но вѣдь въ смыслѣ новшества, даже въ смыслѣ улучшенія хлѣбопашества или интенсивности хозяйства или мысли, ровно ничего! Разореніе, одно разореніе и отсутствіе полнѣйшей мысли, такъ что поневолѣ вспоминаешь «Оскудѣніе» С. Н. Терпигорева и говоришь себѣ, что многаго онъ не дописалъ еще и не исчерпалъ. Невольно приходятъ на умъ и слова Ю. Ѳ. Самарина: «Умирать не жаль; а жаль, что не видать подростковъ»....

Я помню Ефремовскій и Епифановскій уѣзды въ дореформенное время: эту толпу помѣщиковъ, эти безчисленныя усадьбы, лежавшія вдоль Дона, Красивой Мечи и особенно вдоль рѣки Птани. Такая есть рѣка Птань, мало извѣстная въ географіи, но имѣвшая свою исторію, свою литературу даже. По рѣкѣ этой цѣлый край назывался Птанью, а жители его Птанцы и Птанки. Вдоль рѣки этой, впадающей въ Красивую Мечу, жили десятками помѣщики, водившіе между собою знакомство, дружбу и родство. Между ними было много людей талантливыхъ, впослѣдствіи извѣстныхъ и въ Русской литературѣ, какъ напр. братья Миллеры, Грековы, М. П. Бибиковъ и др. Затѣмъ жили тамъ семьи Похвисневыхъ, Мининыхъ, Ланскихъ, Доломановыхъ, Свѣчиныхъ, Писаревыхъ; всѣхъ не перечтешь. Между ними были недюжинные таланты и поэты. Чудный край была эта Птань, и особый отпечатокъ былъ на Птанцахъ. Въ рѣдкомъ домѣ не встрѣтишь какую-либо особенность: въ одномъ пишутъ романсы и стихи, въ другомъ—комедіи и пьесы, въ третьемъ на музыку

кладутъ, въ четвертомъ разыгрываютъ и т. д. Во всякомъ домѣ найдется, бывало, непремѣнно и музыкальный инструментъ, хотя бы гитара, подъ аккомпаниментъ которой пѣлся романсъ своего сочиненія или веселая Русская пѣсня, Богъ вѣсть какъ сохранившаяся старина. У меня самого было имѣніе на Птани, и когда бывало заѣдешь въ этотъ край, невольно наберешься совсѣмъ новыхъ впечатлѣній. Народъ совсѣмъ особенный. Братья Миллеры, напр., были люди чрезвычайно образованные. Павелъ, Сергѣй и Василій Ивановичи Миллеры въ душѣ артисты, художники, писатели, поэты. Я ихъ еще помню живущими въ Ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ они въ стихахъ воспѣли очень забавно все мѣстное общество. Какъ любители театра, они устраивали домашніе спектакли, на которыхъ играли лучшіе люди края. Мнѣ врѣзался въ памяти спектакль, устроенный въ домѣ моего дяди И. А. Раевскаго; по составу играющихъ и по замѣчательному исполненію, ему позавидовали бы столичные артисты. Играли братья Миллеры, о коихъ я уже говорилъ, П. М. Леонтьевъ, А. В. Новосильцовъ, человѣкъ глубоко образованный, въ свое время не чуждый литературѣ (братъ писательницъ Новосильцевыхъ—Ольги Н. и Толычевой), Бѣгичевы, дѣти Степана Никитича (друга Грибоѣдова), П. С. Горяиновъ, Раевскіе, Мясоѣдовы. Все это ухнуло въ Лету; отъ того множества семей и не только отъ семей, но и отъ усадебъ ихъ, рѣдко гдѣ и камень на камнѣ остался. Къ тогдашнему этому обществу, блестящему не по внѣшности, а болѣе по уму и образованію, принадлежалъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный, умный и талантливый М. П. Бибиковъ. Онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ журнала «Атеней», въ которомъ участвовалъ и А. В. Новосильцовъ, своякъ его. Они оба были женаты на двухъ сестрахъ Муромцевыхъ, дочеряхъ извѣстнаго когда-то владѣльца села Баловнева М. М. Муромцева. М. П. Бибиковъ жилъ постоянно въ деревнѣ и никогда не унывалъ, когда въ жизни приходилось трудно. Поэзія, живопись, литература были его призваніемъ, а до прочаго ему не было дѣла, и онъ себя вѣрно изобразилъ въ четырехстишіи:

Я живописецъ, литераторъ,
Я ваятель, я поэтъ,
Я коллежскій регистраторъ,
А въ карманѣ гроша нѣтъ!

Вотъ эти люди жили по деревнямъ и не служили въ смыслѣ государственной службы и потому въ табели ранговъ не занимали высокихъ чиновъ и мѣстъ, а всѣ лишь гдѣ-то, когда-то числились, чтобы, имѣя хотя первый чинъ, не утратить правъ дворянскихъ, выборныхъ. Но въ дѣйствительности эти люди, живя на мѣстахъ, приносили

немало пользы краю, въ коемъ жили. Мы теперь слышимъ постоянно высказываемое въ высшихъ сферахъ желаніе, чтобы помѣщики вернулись домой и жили бы на мѣстахъ, такъ какъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо почувствовалось *оскудѣніе* въ людяхъ. Но куда же вернуться, когда большая часть выбывшихъ изъ провинціи семей ликвидировали уже съ мѣстными интересами, а другіе наканунѣ ликвидаціи? Куда вернуться? Если у другаго и есть земля, то усадьба, обветшавъ, почти неузнаваема, да и интересы иные. Прежде провинція имѣла въ каждомъ уѣздѣ десятки выборныхъ мѣстъ, гдѣ люди и съ малыми чинами могли служить; теперь все это замѣнено коронными назначеніями, гдѣ мѣстному помѣщику дѣлать нечего.

X.

Съ 1872 года, въ первое трехлѣтіе моей службы въ Епифанскомъ уѣздѣ, открылись работы новостроющейся Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, столь долго ожидаемой, такъ какъ она нашу губернію перерѣзала въ различныхъ направленіяхъ своими вѣтвями. Я уже говорилъ, что, по предложенію концессіонеровъ этой дороги, я принялъ участіе въ постройкѣ этой линіи, т. е. взялъ на себя постройку цѣлаго участка съ мостами и гражданскими сооруженіями и пр.

Постройка эта открыла мнѣ новый родъ разнообразной дѣятельности. Сношенія съ инженерами и подрядчиками, сочетаніе множества мѣстныхъ выгодъ, рабочія артели, сотни служащихъ, тяжелыя работы, встрѣчаемыя затрудненія,—все вмѣстѣ взятое представляло собою отмѣнно-живое дѣло. Интересъ же увеличивался еще вслѣдствіе того, что линія желѣзной дороги проводилась, такъ сказать, въ родномъ краю, съ нетерпѣніемъ ожидавшемъ осуществленія этой постройки; а потому возникали также недоразумѣнія и столкновенія ради личныхъ, мелочныхъ выгодъ. Первое крупное затрудненіе, передъ которымъ мы очутились лицомъ къ лицу, встрѣтилось подъ г. Алексиномъ. Первоначально линія была утверждена прямо съ Тулы на Калугу, минуя Алексинъ. Линія была выбрана весьма удачно и захватывала уѣзды, далеко лежащіе отъ Московско-Курской дороги, лишенные и доселѣ путей сообщенія, тогда какъ Алексинъ, находясь на Окѣ и въ 30 верстахъ отъ ст. Иваново Московско-Курской дороги, самъ по себѣ не представлялъ важности въ торговомъ отношеніи. Между тѣмъ, вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ представителей уѣзда и города, вскорѣ послѣ выдачи концессіи на всю линію изъ Министер-

ства Путей Сообщенія было прислано предписаніе, измѣнивъ направленіе линіи между Тулой и Калугой, идти на Алексинъ, гдѣ и перейти р. Оку, вмѣсто прежде проектированныхъ переходовъ р. Оки (одинъ близъ Ахлебинина, другой близъ Калуги). Вмѣстѣ съ этимъ былъ присланъ изъ Министерства и проектъ новаго направленія Тула-Алексинъ, коимъ значительно удлиннялась линія, увеличивались работы, и представлялось крайне затруднительнымъ исполненіе первоначальнаго проекта одной общей съ Московско-Курскою станціи въ Тулѣ: пришлось бы два раза переходить р. Упу. Съ перваго взгляда новый правительственный проектъ, подписанный инженеромъ Ц., показался страннымъ; партія молодыхъ Русскихъ инженеровъ, работавшихъ близъ Алексина, нашла его несоотвѣтствующимъ дѣйствительности: станція была проектирована близъ самаго города, и у него же переходъ черезъ Оку—мостъ. При существующей разности въ горизонтахъ обоихъ береговъ Оки, луговаго и горнаго, на коемъ стоитъ Алексинъ, и немыслимо было перекинуть мостъ согласно новому проекту. Правительственный инспекторъ Казначеевъ такъ и ахнулъ, увидавъ при повѣрочныхъ работахъ разницу новаго проекта съ дѣйствительностью, и долженъ былъ согласиться, что профиль новаго проекта ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣетъ. А чтобы исполнить проектъ, надо было истратить несмѣтныя суммы, которыхъ городъ не стоилъ: приходилось чуть ли не рыть туннель, чтобы подойти къ самому городу, а на луговой сторонѣ сдѣлать громадую насыпь. Инженеръ Ц. сознался инспектору А. А. Казначееву, что онъ подписалъ изысканія, не провѣривъ ихъ, и довѣрилъ самое производство ихъ людямъ мало опытнымъ... Тѣмъ не менѣе надо было исполнить требованіе Министерства и по возможности приблизиться къ Алексину, хотя немыслимо было поставить станцію на сторонѣ Алексина, т. е. на правомъ берегу р. Оки. Съ самаго водораздѣла до Оки около двадцати верстъ идетъ крутой уклонъ, такъ что съ трудомъ можно было найти площадку на полдорогѣ, чтобы поставить полустанокъ «Даниловку» для разъѣзда. Отъ нея же, слѣдуя изъ Тулы, послѣднія десять верстъ до Оки, дорога идетъ предѣльнымъ уклономъ, стало быть безъ паровъ и большею частію на тормозахъ, что́ крайне неудобно. Но другаго способа исполнить проектъ не было. При этомъ еще предстояли постоянныя закругленія. Станцію пришлось ставить уже за рѣкой, противъ Алексина, что́ принесло великій убытокъ городу, такъ какъ станція находится въ Тарусскомъ уѣздѣ, куда и перешла вся торговля. Самое направленіе на Алексинъ было крайне непрактично. Благодаря ему желѣзная дорога изъ Тулы идетъ частью параллельно съ Московско-Курской; да и, доходя до Алексина, самый отдаленный отъ желѣзной

дороги пунктъ треугольника (Тула—Алексинъ — Иваново) представляетъ 15 верстъ, тогда какъ благодаря этому отклоненію другая часть Тульской губерніи осталась безъ желѣзной дороги. Самая линія искривилась, удлиннилась, и кромѣ того явилось необходимымъ устройство соединительной вѣтви отъ Протопопова къ ст. Тула Московско-Курской желѣзной дороги, представляющей множество затрудненій и удивляющей всякаго проѣзжаго своей безтолковостью. А между тѣмъ она есть только продуктъ изломаннаго въ Петербургѣ прекраснаго проекта. Пришлось всю весну возиться съ новыми изысканіями, опоздали земляныя работы, было потеряно много драгоцѣннаго времени, потраченнаго на переписку *). Для меня увеличеніе работъ грозило значительными потерями, вслѣдствіе нѣкоторыхъ недомолвокъ въ контрактѣ, въ коемъ не всѣ пункты были достаточно ясно оговорены; къ тому же представлены были большіе залоги. Но тутъ я имѣлъ случай убѣдиться, насколько и между Евреями есть порядочные, великодушные люди. Главный концессіонеръ дороги А. Е. Горвицъ первый пошелъ навстрѣчу моимъ затрудненіямъ и предложилъ мнѣ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, крупную надбавку; а между тѣмъ онъ совершенно законно могъ воспользоваться моею оплошностью (кстати же мои залоги были въ его рукахъ). Послѣ этого случая и еще подобныхъ я сталъ очень остороженъ въ осужденіяхъ огульно цѣлой національности. Во всякой національности есть хорошіе и дурные люди, какъ есть глупые и умные. Говорить же огульно, что всѣ Евреи мошенники мнѣ не приходится; да напрасно и другіе односторонне смотрятъ на нихъ. Не знаю, часто ли встрѣтишь комерсанта, который по собственному почину, имѣя въ рукахъ строго-юридическій документъ (милліонный контрактъ), не воспользовался бы имъ и представляемыми выгодами и, добровольно отказавшись отъ него, предоставилъ значительный барышъ другому, когда могъ самъ нажиться.

Въ 1872 году я поселился въ Тулѣ, гдѣ въ сущности былъ центръ нашихъ желѣзнодорожныхъ работъ, тѣмъ болѣе что работы мои были сосредоточены около Тулы, откуда и поѣздки мнѣ въ Епифань были удобны.

---

*) Вообще переписка была безконечна и по всякому вздорному предлогу. Такъ назвалъ я одну станцію Оболенскою (она строилась посреди моихъ имѣній). Изъ Министерства пришелъ запросъ: какая польза будетъ обществу отъ подобнаго названія? Исписали по этому поводу цѣлую кипу бумагъ.

Такъ я провелъ 1872—1873 годъ въ постоянныхъ хлопотахъ по постройкѣ желѣзной дороги, къ которой присоединились еще и каменноугольныя шахты. Я пріобрѣлъ на проектированной линіи каменноугольныя залежи, за обработку коихъ и принялся; къ тому же уголь былъ и въ моихъ имѣніяхъ. Это была ближайшая залежь къ Москвѣ и обѣщала богатое будущее, такъ какъ уголь найденный былъ хорошаго качества, близкій къ Англійскому кардифу. На эти шахты какъ мною, такъ впослѣдствіи и компаньонами моими было убито нѣсколько сотъ тысячъ денегъ, и одно время дѣло шло хорошо; но затѣмъ послѣдовало измѣненіе тарифовъ, вслѣдствіе чего южный уголь лучшаго качества, чѣмъ нашъ, сталъ вытѣснять насъ изъ Москвы. Нефть нанесла намъ, угольщикамъ средней полосы, окончательный ударъ, замѣняя съ успѣхомъ всякое другое топливо. Несмотря на то, что концессія нашей Ряжско-Вяземской желѣзной дороги была выдана исключительно для поднятія каменно-угольнаго дѣла Калужской, Рязанской, Тульской губерній, и обязательно было топить локомотивы мѣстнымъ углемъ, стоющимъ 6 копѣекъ пудъ и дешевлѣ на линіи; однако паровозы скоро передѣлались на нефть, чѣмъ сократился значительно сбытъ угля. Добилъ же насъ тарифъ окончательно, такъ какъ чѣмъ ближе, тѣмъ дороже провозъ; провозъ южнаго угля былъ слишкомъ дешевъ и отнялъ возможность всякой конкурренціи. Такимъ образомъ однимъ взмахомъ пера цѣлое производство, на которое потрачены милліоны, оказалось выкинутымъ за бортъ, такъ какъ многія шахты должны были закрыть свое производство. Явленіе это нерѣдко на Руси. Какое иногда вліяніе имѣютъ на производство цѣлаго края въ Петербургѣ выпущенные, никѣмъ незамѣченные циркуляры того или другаго министерства!? Многіе милліоны отъ нихъ пропадаютъ иногда рублей, иногда людей. И странное впечатлѣніе производитъ иной циркуляръ, петитомъ напечатанный, рѣшающій судьбу цѣлаго края, рядомъ съ извѣстіемъ о томъ, что Государственный Совѣтъ въ полномъ засѣданіи своемъ постановилъ въ такомъ-то уѣздѣ дальняго Востока прибавить урядника съ годовымъ окладомъ 180 рублей, или полицейскіе пріемные покои въ Сибири переименовать въ больницы! Однимъ словомъ, разрѣшаются грошовые вопросы, когда простымъ циркуляромъ, какъ напримѣръ измѣненіемъ условій концессіи нашей линіи топить ея паровозы нефтью, а не углемъ, цѣлый край лишенъ сотенъ тысячъ рублей дохода!.. А что̀ стоило устройство однихъ резервуаровъ, передѣлка паровозовъ и т. д.? И вотъ, благодаря подобному циркуляру, ближайшія шахты къ Москвѣ, а также и къ портамъ Чернаго моря, оказались самыми невыгодными, а между тѣмъ, именно въ силу близости сбыта, какія громадныя деньги были затрачены на нихъ!

Я имѣлъ встрѣчу въ вагонѣ съ интереснымъ старикомъ-Французомъ. Разговорившись о каменномъ углѣ, Французъ мнѣ сказалъ: «Исторія каменнаго угля всюду одна и таже. Первые піонеры всегда гибнутъ отъ своей предпріимчивости. Во Франціи, 60 лѣтъ тому назадъ, буквально было тоже, что́ у васъ въ Россіи теперь. Каменному углю не вѣрили; говорили, что онъ вреденъ, что онъ не горитъ. Вводить его какъ отопленіе было не такъ легко, а главное, привычка къ дровамъ была слишкомъ велика. Воровство на дровахъ получило такую силу, вошло до того въ права, что вытѣснить дрова было почти нельзя иначе какъ постепенно». Старикъ разсказывалъ свои невзгоды за полвѣка назадъ; можно было подумать, что слушаешь разсказъ о происходившемъ у насъ въ Тулѣ или Москвѣ.

Кстати я вспомнилъ о другомъ циркулярѣ. Во время войны 1877 года былъ усиленный призывъ новобранцевъ. Приказъ Военнаго Министерства былъ написанъ такъ неясно, что пришлось брать всѣхъ льготныхъ втораго и даже перваго разряда, т. е. одиночекъ, при чемъ часто оставалась въ домѣ одна баба, такъ какъ брали единственнаго работника, что́ было вопреки самому основанію новаго воинскаго устава. Вокругъ воинскихъ присутствій стоялъ стонъ, тѣмъ болѣе, что люди брались въ комплектованіе полковъ, которые готовились идти на театръ военныхъ дѣйствій. Я одинъ изъ первыхъ подалъ объ этомъ записку въ Военное Министерство, и оказалось, что все произошло отъ канцелярской ошибки!

Выборы 1873 года застали меня живущимъ въ Тулѣ, въ моемъ большомъ домѣ, гдѣ я свободно могъ принимать Тульское общество. Выборы обѣщали быть бурными; цѣлая партія была недовольна, что я предалъ суду дворянина-опекуна и желала поэтому видѣть другого на моемъ мѣстѣ, но не имѣла серьезнаго кандидата. Я имѣлъ за себя значительное большинство; но тѣмъ не менѣе испыталъ много непріятныхъ столкновеній и пересудовъ, и я охотно бы ушелъ; но было неудобно, такъ какъ я считалъ себя вполнѣ правымъ въ этомъ дѣлѣ. Не знаю, нарочно ли, но ко дню выборовъ подогнали судъ надъ несчастнымъ опекуномъ, какъ бы въ укоръ мнѣ. Я же ничего этого не зналъ и за нѣсколько дней передъ выборами уѣхалъ въ Парижъ, разсчитавъ чуть ли не по часамъ время, чтобы вернуться къ открытію дворянскаго собранія.

Хотя я въ Парижѣ пробылъ на этотъ разъ не болѣе двухъ сутокъ, но все же успѣлъ посмотрѣть его послѣ осады. Во многихъ домахъ я замѣтилъ еще слѣды бомбъ, многія зданія не были отстроены. Странное впечатлѣніе производилъ Булонскій лѣсъ вырубленный и засаженный

молодыми деревцами. Въ дни моего пребыванія въ Парижѣ судился маршалъ Базенъ, и возбужденіе было очень сильное, между Бонапартистами въ особенности. Я обѣдалъ у своей тетки Бибиковой. Когда мы сидѣли за столомъ, вошелъ лакей весь блѣдный; онъ еле держалъ въ рукахъ блюдо. «Чтó съ вами?» спросила его тетушка.—Страшное несчастіе случилось.—«Чтò такое?»—Базенъ осужденъ на смерть, отвѣчалъ онъ. (Оказывается, и онъ былъ Бонапартистъ).—Я садился въ фіакръ; возница складывалъ свой petit journal и, обернувшись ко мнѣ, самодовольно сказалъ: «Базена осудили на смерть! il ne l'a pas volé, sa condamnation» (онъ не укралъ своего приговора). Кучеръ былъ республиканецъ.—На герцога Омальскаго сыпались пререканія за его образъ дѣйствій, а главное за то, какъ онъ себя держалъ во время засѣданій суда, будучи презусомъ. Толковали ему въ упрекъ, что онъ нѣсколько разъ говорилъ съ княгинею Т. (Русскою), она знала наканунѣ и разболтала, что Базенъ будетъ приговоренъ къ смерти, а по просьбѣ того же суда помилованъ.

Когда я былъ въ Парижѣ, мнѣ явилась необходимость съѣздить въ По, на Югъ Франціи. Пробывъ нѣсколько часовъ въ По, я черезъ Парижъ же отправился обратно въ Россію, не останавливаясь нигдѣ, чтò было очень утомительно. Проѣхавъ Вильну, я убѣдился, что на сутки опоздаю въ Тулу, такъ какъ заграничный поѣздъ приходилъ въ Петербургъ полчаса послѣ отхода скораго поѣзда въ Москву, и слѣдов. я терялъ сутки въ Петербургѣ. Мнѣ необходимо было по разсчету времени пріѣхать въ Тулу вечеромъ, чтобы попасть на засѣданіе депутатскаго собранія, наканунѣ выборовъ для разсмотрѣнія довѣренностей. Къ тому же я обѣщалъ пріѣхать непремѣнно, именно наканунѣ. Оставался одинъ исходъ: это съ Динабурга повернуть на Витебскъ и Смоленскъ; тогда являлась возможность поспѣть въ Москву къ скорому поѣзду, идущему въ 12½ часовъ въ Тулу. Такъ я и сдѣлалъ, пересѣвъ въ Динабургѣ на поѣздъ, идущій въ Витебскъ. Но между прибытіемъ Смоленскаго поѣзда въ Москву и отходомъ Курскаго въ Тулу оказалось 10 минутъ, такъ что положительно не было возможности поспѣть. Дѣлать нечего: я прибѣгъ къ рекомендательному письму Ламанскаго (такъ звали наши кредитки во времена Ламанскаго) и вручилъ таковое машинисту въ Можайскѣ, прося его ошибкою пріѣхать въ Москву нѣсколькими минутами раньше, чтó онъ и исполнилъ весьма искусно. А рысакъ сдѣлалъ остальное, т. е. довезъ меня своевременно на Курскій вокзалъ.

Губернскій предводитель Mининъ былъ противъ меня и поддерживалъ партію недовольныхъ мною въ Епифанскомъ уѣздѣ. Хотя мы съ В. П. Мининымъ были различныхъ лагерей, тѣмъ не менѣе я долженъ отдать ему справедливость, что, по своей безусловной преданности дворянскимъ интересамъ, онъ былъ человѣкъ въ этомъ отношеніи исключительный. Въ какихъ бы отношеніяхъ я къ нему ни находился, всякое мое ходатайство, разъ оно касалось интереса дворянина, находило въ немъ защитника-ходатая. Къ тому же человѣкъ онъ былъ добрый, доступный и вполнѣ честный въ дѣлахъ денежныхъ; суммы дворянскія для него были святыней. За преданіе суду опекуна Mининъ былъ мною недоволенъ; но для меня, какъ я уже сказалъ, не было другого исхода. Судъ состоялся дѣйствительно наканунѣ моихъ выборовъ, и мнѣ, какъ свидѣтелю, пришлось пережить много непріятныхъ минутъ. Защитникъ нашелъ нужнымъ конечно произнести противъ меня чуть ли не обвинительную рѣчь, выдумавъ, будто бы я самъ предоставилъ растраченныя деньги въ распоряженіе опекуна для какихъ - то подрядовъ на строемую мною желѣзную дорогу. Къ счастью, растрата относилась ко времени предводительства моего предшественника, а именно къ 1869 году, тогда какъ я вступилъ въ должность въ 1870 году, а дорога началась строиться въ 1872 году. Опровергнуть защиту было не трудно, и опекунъ былъ признанъ виновнымъ при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, чему я конечно былъ радъ. Онъ былъ приговоренъ къ отбытію весьма легкаго ареста и кончилъ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы начать и о чемъ я его неоднократно просилъ, т. е. обезпечить своимъ имѣніемъ малолѣтнихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но когда? Послѣ того, какъ выпилъ самъ горькую чашу суда и слѣдствія, измучивъ себя и насъ нравственно. Въ силу всѣхъ этихъ непріятностей я считалъ себя вынужденнымъ балотироваться и на другой день былъ дѣйствительно избранъ въ предводители на второе трехлѣтіе въ Епифань, конечно уже не единогласно. По затѣмъ я имѣлъ объясненіе со всѣми лицами противной партіи. Въ теченіе года сношенія улучшились, шероховатости сгладились, и отношенія установились въ концѣ-концовъ хорошія. Губернскимъ предводителемъ былъ выбранъ вновь В. П. Mининъ, но получилъ неизбирательныхъ шаровъ 101, чѣмъ старикъ былъ очень огорченъ и почему-то считалъ цифру сто одинъ «выстрѣломъ», какъ онъ выражался, и недобрымъ для себя предзнаменованіемъ.

Тотчасъ послѣ выборовъ я уѣхалъ на время въ Москву. Въ Петербургѣ только что состоялась свадьба Великой Княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Въ началѣ Января 1874 года

Дворъ пріѣхалъ въ Москву. Кромѣ Государя, Наслѣдника-Цесаревича и нашихъ Великихъ Князей, въ Москву пріѣхали вмѣстѣ съ герцогомъ Эдинбургскимъ принцъ Валійскій съ супругой и значительная свита ихъ—Англичане. Въ Москвѣ по этому случаю начались празднества и балы, которые слѣдовали одинъ за другимъ. Мнѣ пришло въ голову предложить Русскій ужинъ принцу Валійскому съ его свитой въ Русской палатѣ Славянскаго Базара. Я сообщилъ эту затѣю нѣкоторымъ своимъ близкимъ знакомымъ, и мы устроили въ самомъ дѣлѣ принцу Валійскому и его свитѣ Русскій пиръ на славу, ужинъ, который посѣтили и наши Великіе Князья. Меню ужина помогъ составить графъ Г. А. Строгановъ; тутъ были и блины, и борщокъ, и пироги, и корюшка, и рябчики и даже клюквенный кисель—все блюда исключительно Русскія. Оркестръ Бауера, четыре соединенныхъ хора Цыганъ въ національныхъ костюмахъ очень оживили трапезу, а плясъ цыганъ привелъ Англичанъ въ восторгъ. Ужинъ этотъ давали нижеслѣдующія лица: гр. А. В. Бобринскій, гр. В. И. Мусинъ-Пушкинъ, В. А. Шереметевъ, В. С. Шереметевъ, П. П.Дурново, свѣтлѣйшій кн. П. Д. Волконскій, М. Л. Величковскій, Ф. Н. Шиповъ и пишущій эти строки. Насколько любезенъ и сдержанъ былъ принцъ Валійскій и его братья, настолько слишкомъ непринужденна была свита. Добрые Англичане такъ выпили, что мнѣ, какъ распорядителю, пришлось круглую цифру заплатить за побитую ими посуду. Образованные мореплаватели, признаюсь, многимъ напоминали расходившихся Московскихъ Титъ-Титовичей. Въ Петербургѣ они вели себя, говорятъ, еще хуже: били у Бореля зеркала и зажгли даже драпировку, при чемъ неоднократно обѣщали за все заплатить—по купечески. Они въ Москвѣ хотѣли намъ дать контръ-ужинъ, но сдѣлали это такъ неловко, что многіе изъ насъ дававшихъ имъ ужинъ не поѣхали; а сами они такъ усердно плясали съ Цыганами, что одинъ изъ нихъ свихнулъ себѣ ногу, и потребовалась медицинская помощь. Пиръ нашъ продлился до утра.

Принцъ Валійскій высказалъ мнѣ желаніе видѣть бѣгъ Русскихъ рысаковъ, на что я ему отвѣчалъ, какъ членъ тогдашняго Московскаго бѣгового общества, что, если его высочество назначитъ время прибытія въ бесѣдку общества, то послѣднее будетъ крайне польщено его посѣщеніемъ и покажетъ ему лучшіе экземпляры рысаковъ. «Завтра въ 12 часовъ,» сказалъ мнѣ принцъ. Прямо съ ужина я поѣхалъ предупредить вицъ-президента А. В. Кулебякина; приходилось спѣшить, ибо было 8 часовъ утра. Я разбудилъ Кулебякина, который еще спалъ, и онъ полетѣлъ на бѣгъ. Я же предложилъ ему поставить призъ-серебряный кубокъ, чтобы устроить хоть какіе нибудь бѣга для принца

Валійскаго. Наскоро вызвали нѣсколько охотниковъ, и состязаніе состоялось. Въ первомъ часу принцъ Валійскій съ супругой и сестрой ея, Государыней Цесаревной, съ громадной свитой своей, на тройкахъ прибыли на Прѣсненскій бѣгъ. Англичане, наши недавніе собутыльники, освѣжившіеся ваннами, всѣ были на лицо. «Удивительный ужинъ», твердили они всѣ, «а главное, чудное вино—ни у кого голова не болитъ!» И они весело принялись за приготовленный А. В. Кулебякинымъ завтракъ. Послѣ примѣрнаго состязанія принцу Валійскому показывали лучшихъ рысаковъ, коими онъ заинтересовался. «Очень хочется мнѣ самому проѣхать на этихъ маленькихъ санкахъ и, главное, самому править», сказалъ мнѣ принцъ.—«Опасно съ непривычки, в. выс.; какъ бы на поворотѣ вамъ не упасть», возразилъ я. Но принцъ сталъ усаживаться на бѣговыя санки. «Мнѣ очень интересно, продолжалъ онъ, попробовать, и интересно, что̀ Англійскіе газеты скажутъ о томъ, что я въ Россіи ѣхалъ на бѣгу (drive a race), да на Орловскомъ рысакѣ». Но мы убѣдили его этого не дѣлать, и принцъ ограничился тѣмъ, что въ городскихъ санкахъ Мазурина на «Хвальномъ» проѣхалъ версту. Черезъ меня затѣмъ принцъ прислалъ Мазурину въ подарокъ кубокъ, на память. Также обществу Московскихъ бѣговъ принцъ Валійскій прислалъ на память кубокъ, а общество по случаю его посѣщенія установило призъ, который доселѣ называется Валійскимъ и ежегодно разыгрывается. При принцѣ Валійскомъ состоялъ свиты Е. В. графъ Орловъ-Давыдовъ, который ему показывалъ Москву. Они какъ-то заѣхали къ Сапожникову посмотрѣть различныя парчи. Особенно понравился принцу Валійскому кусокъ золотой парчи, который онъ облюбовалъ было для своего курительнаго кабинета (fumor), но, узнавъ цѣну, 50 рублей аршинъ, поморщился и взялъ одинъ аршинъ, чтобы обить табуретку. Графъ Орловъ-Давыдовъ (нынѣ умершій), извѣстный богачъ нашъ, приказалъ принести себѣ весь кусокъ и, провожая принца до границы, захватилъ весь этотъ кусокъ парчи съ собою. Прощаясь въ Вержболовѣ съ графомъ, принцъ въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за любезное исполненіе при немъ службы во время пребыванія его въ Россіи. Вы знаете, прибавилъ принцъ, что въ Англіи не принято, какъ въ другихъ странахъ, въ подобныхъ случаяхъ давать ордена; но позвольте на память вамъ что нибудь оставить въ знакъ моей сердечной признательности, и принцъ вынулъ изъ рукавовъ двѣ хрустальныя запонки, которыя онъ обыкновенно носилъ, и поднесъ ихъ графу. «Я очень тронутъ, отвѣчалъ графъ, но позвольте и мнѣ, ваше высочество, по Русскому обычаю отдариться и поднести вамъ для вашего фюмуара понравившійся вамъ

въ Москвѣ кусокъ матеріи», и при этомъ немедленно въ вагонъ внесли парчу, цѣною не менѣе трехъ тысячъ.

Когда графъ Орловъ-Давыдовъ рапортовалъ Императору Александру II-му о проводахъ принца Валійскаго, онъ долженъ былъ и этотъ эпизодъ доложить. Императоръ улыбнулся и сказалъ: «Молодецъ, Русскимъ бариномъ поступилъ».

Въ этотъ пріѣздъ Высочайшаго двора въ Москву я былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и впервыя представлялся Государю Александру II-му въ Московскомъ дворцѣ, на другой день своего пожалованія.

Тогда, во всякой пріѣздъ Государя, много раздавалось наградъ и милостей, особенно во время генералъ-губернаторства князя В. А. Долгорукова, который очень былъ щедръ на представленія къ наградамъ, и въ нихъ ему не отказывали. И хотя графъ Соллогубъ про князя В. А. Долгорукова тоже отпустилъ нелестное «благодарю, не ожидалъ» тѣмъ не менѣе князь Владиміръ Андреевичъ былъ очень доступенъ и имѣлъ многія достолюбезныя качества, весьма дорогія въ администраторѣ.

Одинъ старикъ-купецъ говорилъ мнѣ, что, бывало пріѣздъ Государя Николая Павловича въ Москву былъ не только радостью для народа, но и прямымъ барышемъ: все покупалось и нанималось мѣстное, и Государь ничего и никого изъ прислуги съ собой не возилъ. Въ слѣдующее царствованіе привозились изъ Петербурга не только повара, но и провизія...

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ СЕРГѢЮ КОЗМИЧУ ВЯЗМИТИНОВУ [1]).

1.

С.-Петербургъ, 9 Декабря 1805 г.

Сергѣй Козмичъ! Съ сердцемъ преисполненнымъ живѣйшихъ чувствъ благоговѣнія и благодарности къ Всевышнему, всесильною десницею въ опасности оградившему и возвратившему благоденствующа отечеству возлюбленнаго Государя и мнѣ вселюбезнѣйшаго сына, я желаю ознаменовать сей вожделѣнный день прибытія Императора въ столицу вспомоществованіемъ скорбящихъ и лишенныхъ подпоры вдовъ тѣхъ воиновъ изъ нижнихъ чиновъ, которые предъ лицемъ своего Государя излили кровь свою за службу его, дабы и онѣ обратили радостные взоры къ вышнему Промыслу, насъ облагодѣтельствовавшему. Во исполненіе сего намѣренія прилагаю при семъ государственными ассигнаціями десять тысячъ рублей, и съ вѣдома Его Императорскаго Величества прошу васъ употребить оные на раздачу вдовамъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, убитыхъ въ тѣхъ двухъ сраженіяхъ, въ коихъ Императоръ, любезнѣйшій сынъ мой, не щадя собственной жизни, присутствовалъ. Впрочемъ охотно пользуюсь симъ случаемъ увѣрить васъ объ истинномъ доброжелательствѣ, съ какимъ пребываю вамъ всегда благосклонною. Марія [2]).

2.

Сергѣй Козмичъ! Изъ поднесенной мнѣ вами записки я въ подробности усмотрѣла намѣреніе Императора, любезнѣйшаго моего сына, въ разсужденіи иностранцевъ вообще, о которомъ вы меня лично предувѣдомляли, и я обязанностію себѣ поставила содѣйствовать къ выполненію видовъ Его Величества, также въ отношеніи къ состоящимъ подъ моимъ начальствомъ заведеніямъ, и дала соотвѣтственныя сему

[1]) Изъ собранія авторовъ А. М. Попова.—Французскія письма всѣ собственноручны. Вязмитиновъ былъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

[2]) Императоръ Александръ Павловичъ въ первый разъ былъ тогда на войнѣ, гдѣ, послѣ Аустерлицкаго погрома, едва не взятъ былъ въ плѣнъ. П. Б.

предписанія учрежденнымъ при сихъ заведеніяхъ Совѣтамъ, какъ вы то усмотрите изъ повелѣнія моего Совѣтамъ Общества благородныхъ дѣвицъ и Училища Ордена Св. Екатерины*), въ качествѣ старшаго члена сихъ послѣднихъ и притомъ особы облеченной отличнымъ довѣріемъ Императора, по которому вамъ короче извѣстны всѣ обстоятельства, долженствующія войти въ соображеніе при семъ случаѣ. Я прошу васъ, при сужденіи о семъ въ помянутыхъ Совѣтахъ, обратить особливое на сей предметъ вниманіе, дабы требованные мною списки и засвидѣтельствованія Совѣтовъ сочинены были со всевозможнымъ тщаніемъ, и страхъ отвѣтственности не отвращалъ отъ уваженія такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ служить въ пользу тѣхъ людей, коихъ благонадежность изслѣдывается. Въ полномъ довѣріи на ваше стараніе и вашу прозорливость, я препоручаю сіе дѣло вашему попеченію и пребываю съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною. Марія.

Въ Таврическомъ дворцѣ Іюля 10 дня 1812 г. № 1800.

3.

Сергѣй Козмичъ! Пріѣхавшій сейчасъ курьеръ отъ Императора, любезнѣйшаго сына моего, привезъ мнѣ пріятнѣйшее извѣстіе о заключеніи мира съ Портою Оттоманскою. Императоръ пишетъ мнѣ, что трактатъ подписанъ и уже ратификованъ визиремъ, а г. Италинскій получилъ пашпорты для отъѣзда въ Константинополь въ качествѣ министра. Его Величество присовокупляетъ, что должно ожидать султанской ратификаціи, дабы назначить время для принесенія Всевышнему торжественнаго благодаренія. Зная всю приверженность вашу къ Государю, поспѣшаю раздѣлить съ вами общую радость и пребываю съ совершеннымъ доброжелательствомъ и уваженіемъ вамъ всегда благосклонною. Марія.

4.

Сергѣй Козмичъ! Вслѣдствіе личнаго моего съ вами объясненія, препровождая при семъ двѣ тысячи рублей, я прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе и доставить оные къ Саксенъ-Веймарскому возращающемуся въ отчизну отряду отъ имени любезнѣйшей дочери моей великой княгини Маріи Павловны, во вспоможеніе какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ. Вы какъ ее, такъ и меня весьма тѣмъ обяжете, о чемъ пріятнымъ поставляя себѣ одолженіемъ васъ симъ напередъ увѣрить, пребываю съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною. Марія.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 25 дня 1813 года, № 1223.

---

*) Оба учрежденія были переполнены иностранцами. П. Б.

5.

Сергѣй Козмичъ! Я получила отъ Императора, любезнѣйшаго сына моего, письмо отъ 31 Августа, въ которомъ Его Величество, увѣдомляя о молебствіи бывшемъ въ главной квартирѣ по случаю побѣды наслѣднаго принца Шведскаго, присовокупляетъ: «Il faut, chère Maman, un Tédeum aussi chez vous, et vous voudrez bien le fixer comme vous le jugerez à propos. Je vous supplierai d'envoyer au général Wiasmitinoff le bulletin et le rapport de Wintzingerode pour être traduits en russe et imprimés» *).

Исполняя волю Императора, я прилагаю при семъ бюллетень и рапортъ генерала барона Винценгероде и увѣдомляю васъ, что мы желаемъ, дабы молебствіе отправлено было завтра въ 12 часовъ утра въ Зимнемъ дворцѣ, куда мы для сего прибудемъ. Впрочемъ прошу васъ вѣрить, что я съ совершеннымъ доброжелательствомъ и уваженіемъ пребываю всегда вамъ благосклонною. Марія.

Въ Павловскѣ
Сентября 17 дня 1813 года.

6.

Сергѣй Козмичъ! Съ искреннею и чувствительною признательностію пріемлю я въ приносимомъ мнѣ со днемъ моего рожденія поздравленіи новый опытъ вашего ко мнѣ усердія и приверженности, по многократнымъ доказательствамъ мнѣ извѣстной и въ полной мѣрѣ мною уважаемой. Я надѣюсь, что и вы довольно знаете расположенія, каковыми я соотвѣтствую такимъ вашимъ чувствованіямъ; но мнѣ тѣмъ не менѣе пріятно повторять при всякомъ случаѣ изъявленіе оныхъ. Благодаря васъ за доставленныя извѣстія, я прошу васъ быть увѣрену, что я умѣю цѣнить ваше рвеніе, и что признаю оное съ тѣмъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною. Марія.

(Собственноручно) «Я надѣюсь скоро имѣть удовольствіе васъ лично благодарить».

Въ Гатчинѣ.
Октября 16 дня 1813 года № 3032.

*) Надобно, дорогая матушка, отслужитъ молебенъ также и у васъ, и вы назначите его, когда найдете удобнымъ. Я васъ прошу послать генералу Вязмитинову бюллетень и рапортъ Винценгероде, съ тѣмъ чтобы ихъ перевели на Русскій языкъ и напечатали.

7

Voici, mon bon général, une supplique que je viens de recevoir à l'instant. Vous savez bien que je fais la réponse que je n'ai pas le droit de me mêler de cette affaire et qu'elle n'est nullement de mon ressort; mais en même temps je vous connais juste, humain et bon, je vous l'envoie d'une manière *particulière*, non comme au gouverneur militaire, mais comme à m-r de Wiasmitinof, ce qu'ainsi j'ai l'avantage de connaître et d'apprécier, et je suis persuadée que vous protégerez l'opprimé (tel est le cas) partout où vous le rencontrerez. Pardonnez mon importunité en faveur de sentiment, avec lequel je suis votre bien affectionnée Marie [1]).

Le 1 Mai 1814.

8.

25 Мая 1814 г.

(Собственноручно). Получивъ письма вчерась отъ Императора въ отвѣтъ на мои, изображавшія восторгъ нашъ общій о великихъ дѣяніяхъ его, я ихъ послала къ фельдмаршалу Витгенштейну и полагая, что вы, Сергѣй Кузмичъ, будете радоваться лестнымъ выраженіямъ чувствъ Императора, я прошу васъ съѣздить къ графу Николаю Ивановичу [2]) который вамъ ихъ сообщитъ. Прощайте, батюшка; прошу васъ не забыть Павловскихъ жителей и увѣрену быть, что я всегда есмь и буду ваша благосклонная Марія.

1 Мая 1814 года.

9.

Павловское, 5 Іюня 1814.

(Собственноручно). Я думаю вамъ, Сергѣй Кузмичъ, удовольствіе сдѣлать извѣщеніемъ, что нашъ любезной Императоръ мнѣ пишетъ отъ 17 Мая, что миръ съ Франціею подписанъ будетъ на другой день и что великой князь Константинъ Павловичъ привезетъ намъ актъ. Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Поздравляя васъ, я есмь и буду навсегда ваша благосклонная Марія.

---

[1]) Прилагаю вамъ при семъ, любезный генералъ, просьбу, только что сейчасъ полученную. Конечно я отвѣчала по полученіи ея, что не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ оно вовсе меня не касается. Тѣмъ не менѣе, зная васъ какъ человѣка справедливаго, добраго и сердечнаго, я препровождаю къ вамъ ее частнымъ образомъ, не какъ къ военному губернатору, а какъ къ господину Вязмитинову. Я знаю васъ, цѣню васъ и вполнѣ убѣждена, что вы всегда окажете содѣйствіе угнетенному (какъ въ данномъ случаѣ). Простите мою докучливость ради искренняго чувства, которое питаетъ къ вамъ благосклонная Марія.

[2]) Салтыкову, тогдашнему правителю Россіи по внутреннимъ дѣламъ. П. Б.

10.

4 Іюля 1814.

(Собственноручно). Я васъ очень благодарю, Сергѣй Кузмичъ, за хорошія извѣстія вами мнѣ сообщенныя; я оное также получила, но признаюсь вамъ, что я ему не очень вѣрю, но желаю и Богу молю, чтобъ оно было справедливо. Курьера отъ Императора нѣтъ; я получила письмо отъ 12 (24) Іюня отъ Императрицы, которая также еще не знала точно дня пріѣзда Государя. Газеты вчерашнія ничего отъ Императора не говорятъ; надобно желать, чтобъ мы не долго остались въ сей неизвѣстности. Прощайте, батушка; вы знаете, сколько я истинно вамъ привязана и что я есмь и буду ваша благосклонная Марія.

11.

J'ai reçu par le même courrier deux lettres de l'Empereur du 7 et de 15 Juin; cette dernière est du Douvres. Mon fils m'écrit, que certainement il sera le 22 chez nous; mais mon coeur me dit qu'il arrivera plus tôt, et je vous avoue, mon cher général, que je crois, que nous aurons le bonheur de le voir demain, ou après demain, ou jeudi. On dit m-r de B. arrivé en ville; comme il est parti de la Hollande, il doit avoir porté de nouvelles plus fraîches de l'Empereur; ainsi vous en savez peut-être plus que moi. Voici la traduction d'une partie de gazette. que j'ai reçue hier. J'ai cru vous faire plaisir, en vous le communiquant. Adieu, mon cher général; vous serez bien heureux de vous dire tout ce que j'éprouve de bonheur et de contentement. Je suis bien fièrement votre bien affectionnée Marie *).

Le 6 Juillet 1814.

12.

7 Іюля 1814.

(Собственноручно). Я получила сегодня по утру письмо отъ Императора изъ Амстердама отъ 21 Іюня; онъ мнѣ пишетъ, что онъ будетъ 25 Іюня въ Карлсру, останется тамъ 5 или 6 дней, и 20 Іюля

*) Вчера я получила съ однимъ и тѣмъ же курьеромъ два письма отъ Государя, отъ 7-го и отъ 15-го Іюня; послѣднее письмо изъ Дувра. Сынъ мнѣ пишетъ, что навѣрное будетъ у насъ 22 числа; но сердце мнѣ подсказываетъ, что онъ пріѣдетъ раньше, и признаюсь вамъ, любезный генералъ, что я надѣюсь увидѣть его завтра, послѣ завтра или въ Четвергъ. Говорятъ, что Б. тоже пріѣхалъ въ городъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ изъ Голландіи, то я думаю онъ привезъ еще болѣе свѣжія свѣдѣнія о Государѣ; посему полагаю, что вы знаете объ этомъ болѣе меня. Вотъ переводъ изъ газеты, который я получила вчера. Полагаю, что доставляю вамъ удовольствіе, посылая его. Прощайте, любезный генералъ. Вы почувствуете себя счастливымъ, зная, сколько я испытываю благополучія и удовольствія. Съ гордостію остаюсь благосклонная къ вамъ Марія. 6 Іюля 1814 года.

пріѣдетъ въ Павловскъ, гдѣ онъ желаетъ, чтобъ я его ждала; однако вамъ исповѣдую, Сергѣй Кузмичъ, что я все въ надеждѣ и въ ожиданіи, что нашъ любезной Государь прежде 20-го къ намъ будетъ. Извѣщая васъ о томъ, я повторяю увѣреніе, что я есмь и буду навсегда ваша благосклонная Марія.

13.

Voici une lettre, mon cher général, que je viens de recevoir de Gathchina. Si le nom du gouverneur civil ne s'y trouvait pas, je n'y aurais pas fait attention; cette fois je crois bien faire de vous communiquer la lettre et de vous prier de me dire ce que vous en pensez, mon cher général. Marie.

Le 19 Oct. 1814 [1]).

14.

(Собственноручно). Я васъ благодарю, батушка, за Варшавскія извѣстія; они даютъ мнѣ надежду, что мы увидимъ Императора скорѣе нежели мы думали, и теперь есть вѣроятность, что Государь можетъ быть здѣсь къ Рожеству [2]). Дай Богъ. Прощай, батушка; надѣюсь, что голова ваша лутче будетъ завтра. Марія.

12 Ноября 1814.

Госпожѣ Адлербергъ есть легче.

15.

(Собственноручно). Письмо отъ Императора отъ 8 Марта, а Мониторъ, который онъ мнѣ прислалъ, отъ 13 Марта новаго стиля, и такъ старѣе нежели бывшій, который мы получили съ почтою, изъ чего вы увидите, что ничего новаго нѣтъ. (Безъ подписи; рукой Вязмитинова внизу: 26 Марта 1815 г.).

16.

(Собственноручно). Не имѣвши удовольствія васъ видѣть сегодни, спѣшу вамъ сказать, батушка, что я получила письмо отъ Императора отъ 18 Марта послѣ извѣстія о вступленіи въ Парижъ. Война кажется не избѣжна, впротчемъ ничего новаго нѣтъ. Марія.

3 Апрѣля 1815.

---

[1]) Вотъ письмо, любезный генералъ, которое только что получено мною изъ Гатчины. Не будь въ немъ имени гражданскаго губернатора, я не обратила бы на него вниманія; въ данномъ случаѣ, я полагаю, что поступаю благоразумно, посылая его вамъ. Прошу васъ сообщить мнѣ ваше мнѣніе по поводу этого письма, любезный генералъ. Марія. 19 Октября 1814 года.

[2]) Ожиданія не оправдались. Государь возвратился въ Россію слишкомъ черезъ годъ, 15 Декабря 1815. П. Б.

17.

Сергѣй Козмичъ! Я получила чрезъ генералъ-адъютанта Балашова отъ Императора, любезнѣйшаго моего сына, извѣстія о достопамятныхъ подвигахъ союзныхъ войскъ, съ коими усерднѣйше васъ поздравляю и за которые имѣетъ быть благодарственное Господу Богу молебствіе. А какъ я сіи дни до Вторника занята исполненіемъ христіанскаго долга говѣнія и пріобщенія святыхъ таинъ, то по предоставленіи мнѣ Его Величествомъ выбора мѣста для молебствія и времени, назначаю оному быть въ Среду въ Зимнемъ дворцѣ и прошу васъ принять на себя трудъ надлежащія съ вашей стороны сдѣлать распоряженія. Я посылаю при семъ къ вамъ бумаги, мною отъ Императора о бывшихъ важныхъ происшествіяхъ полученныя, которыя по прочтеніи и употребленіи, *естьли вы заблагоразсудите* *), прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе сообщить г-ну фельдмаршалу князю Николаю Ивановичу Салтыкову. Весьма пріятно мнѣ имѣть такой радостный случай къ повторенію вамъ увѣренія о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ всегда благосклонною. Марія.

Въ Павловскѣ. Іюня 27 дня 1815 года.

18.

Павловское, 14 Іюля 1815.

(Собственноручно). Васъ очень благодарю, Сергѣй Козмичъ, за присланныя извѣстія, которыя намъ обѣщаютъ скораго конца нынѣшней войны; но, батушка, какая разность между теперешнимъ входомъ въ Парижъ и первымъ: тогда нашъ благословенный все сохранилъ, а теперь все разрушается. Дай Богъ намъ теперь скоро щастіе увидѣть нашего Императора. Я повторяю вамъ мое благодареніе и есмь и буду всегда ваша благосклонная Марія.

19.

27 Іюля 1815.

(Собственноручно). Письмо мною полученное отъ Императора чрезъ графа Орлова есть поздравительное и не заключаетъ никакихъ новостей кромѣ, что дѣла съ арміею скоро кончатся и что она будетъ разпущена и спустя нѣсколько времяни можно ее составить, но другимъ образомъ. Словесно графъ мнѣ сказывалъ, что Императоръ спѣшитъ пріѣхать къ намъ. Сынъ мой мнѣ прислалъ свой портретъ, которой отмѣнно хорошъ и похожъ и меня очень ощастливилъ. Прощайте, батушка; будьте здоровы и увѣренни, что я всегда есмь и буду ваша благосклонная Марія.

---

*) Приписка, между строкъ, собственноручная.

20.

Сергѣй Козмичъ! Прибывшій сегодни сюда генералъ-адъютантъ князь Трубецкой привезъ мнѣ пріятнѣйшія извѣстія отъ Императора, любезнѣйшаго моего сына, изъ Парижа, и какъ Его Величество пишетъ сими словами: un grand Tédeum est indispensable, то я полагаю, что разумѣетъ чрезъ то благодарственное молебствіе въ Казанскомъ соборѣ. По случаю пребыванія многихъ особъ въ загородныхъ домахъ и потребнаго для извѣщенія времени, я думаю, что удобнѣйшій для сего день 22-е число сего мѣсяца, такъ какъ безъ того табельный праздникъ, въ который бываетъ богослуженіе, и я прошу васъ принять на себя трудъ сдѣлать надлежащія о семъ распоряженія. Въ ожиданіи удовольствія лично съ вами видѣться я съ отличнымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ всегда благосклонною. Марія.

Въ Павловкѣ, Іюля 19 дня 1815.

21.

Павловскъ, 9 Августа 1815

(Собственноручно). Я благодарю васъ, Сергѣй Козмичъ, за извѣстіе о покорившейся крѣпости Марсель. Послѣднее письмо Императора ко мнѣ есть отъ 16 Іюля. Онъ очень занимается о благоустройствѣ сего государства, какъ дѣломъ важнымъ и отмѣнно нужнымъ для общаго порядка. Дай Богъ только намъ скоро услышать, что Государь, окончивъ сей важный предметъ, поскорѣе къ намъ возвратится: въ сей надеждѣ соединяется общее наше желаніе. Прощайте, батушка; будьте увѣрены, что я есмь и буду всегда ваша благосклонная Марія.

22.

Сергѣй Козмичъ! Поспѣшаю увѣдомить васъ, что пріѣхавшій сего утра курьеръ привезъ мнѣ письмо отъ Императора, любезнѣйшаго моего сына, отъ 3-го сего мѣсяца, съ наипріятнѣйшимъ извѣстіемъ, подающимъ надежду къ скорому его возвращенію. Императоръ пишетъ, что къ 12 Сентября всѣ дѣла будутъ кончены, что 1-го Октября надѣется быть въ Берлинѣ и, пробывъ тамъ дней десять, отправится въ Варшаву, гдѣ также пробудетъ двѣ недѣли, такъ что полагаетъ быть въ Петербургѣ къ Ноябрю мѣсяцу. Я увѣрена, что вы раздѣляете удовольствіе, коимъ исполняетъ меня сіе ожиданіе и съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю въ прочемъ вамъ благосклонною. Марія.

28 Сентября 1815.

23.

Сергѣй Козмичъ! Я препоручила члену Совѣта Общества благородныхъ дѣвицъ Ивану Васильевичу Тутолмину, имѣющему въ своемъ попеченіи кассетную сумму Общества, сообщить Совѣту мои мысли о вносѣ части сей суммы въ Государственную Коммиссію погашенія долговъ и объясниться о семъ съ вами и со членами вашими; а васъ прошу я сдѣлать мнѣ удовольствіе скорѣе назначить для сего чрезвычайное собраніе, дабы не упустить время. Вы знаете въ прочемъ, съ какимъ полнымъ довѣріемъ я полагаюсь всегда на ваше многократно испытанное усердіе и приверженность ко мнѣ, и я присовокупляю только съ удовольствіемъ повтореніе увѣренія объ отличномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми я пребываю всегда вамъ благосклонною. Марія.

Въ Москвѣ, Декабря 4 дня 1817 г.

24.

Сергѣй Козмичъ! Сверхъ того извѣщенія, которое вы получите своимъ порядкомъ, я хочу сама имѣть удовольствіе увѣдомить васъ, *какъ старшаго и почтеннаго члена нашего Совѣта* *), о счастливомъ происшествіи, исполняющемъ сердце мое живѣйшею радостію и благодарностію ко Всевышнему, благословившему любезнѣйшую невѣстку мою, Великую Княгиню Александру Θеодоровну, благополучнѣйшимъ разрѣшеніемъ, которое воспослѣдовало сегодни въ одиннадцать часовъ до полудня. Богъ даровалъ мнѣ внука, коему наречено имя Александръ, и Великая Княгиня, благодаря всеблагому Провидѣнію, находится по обстоятельствамъ въ вожделѣнномъ здравіи. Я въ полной мѣрѣ увѣрена, что вы раздѣлите мою радость и возобновляю вамъ съ удовольствіемъ изъявленіе особливаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми я пребываю всегда вамъ благосклонною. Марія.

Въ Москвѣ, Апрѣля 17 дня 1818 г.

25.

Москва 2 Мая 1818.

(Собственноручно). Сергѣй Козмичъ. Хотя я по извѣстному вашему усердію и приверженности ко всей Императорской фамиліи увѣрена была о радости, которую вы возчувствуете о рожденіи любезнѣйшаго моего внука, Великаго Князя Александра Николаевича, и объ искреннемъ участіи, которое вы примите въ душевномъ чувствительнѣйшемъ моемъ удовольствіи, я тѣмъ не менѣе отъ всего сердца благодарю васъ

*) Собственноручно.

за изъявленіе чувствованій вашихъ въ письмѣ отъ 25 Апрѣля и за добрыя ваши желанія. Вождѣленное здравіе, коимъ наслаждается новорожденный и по мѣрѣ обстоятельствъ родительница его, усугубляетъ еще мое удовольствіе и, благодаря Всевышнему любезнѣйшая невѣстка моя, Великая Княгиня, отъ дня на день болѣе поправляется. Вы знаете въ прочемъ, сколь пріятно мнѣ всегда изъявлять вамъ отличное уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

26.

Сергѣй Козмичъ! Получивъ отъ Санктпетербургскаго Опекунскаго Совѣта донесеніе объ отысканіи похищенныхъ изъ кладовой Ссудной Казны вещей и виновниковъ сего похищенія, я первою поставляю себѣ обязанностію изъявить вамъ искреннюю признательность мою за усердное ваше содѣйствіе и ревностное вспомоществованіе въ семъ дѣлѣ, возымѣвшемъ столь благополучный успѣхъ и еще вами продолжаемомъ. Исполняя сіе съ особливымъ удовольствіемъ и чувствительно благодаря васъ за попеченіе ваше, я отдаю полную справедливость ревнію и расторопности чиновника, открывшаго похитителей и похищенныя вещи и весьма благодарна Ярославскому гражданскому губернатору за столь хорошій выборъ, и за стараніе его по сему дѣлу. Мнѣ весьма пріятно будетъ, естьли надзиратель Поповъ за усердное исполненіе возложеннаго на него препорученія получитъ награду, къ которой удостоивается, а я съ моей стороны прошу васъ вручить ему приложенный здѣсь особливый знакъ моего благоволенія. Пользуясь оказываемымъ ревніемъ, я прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе при дальнѣйшемъ изслѣдованіи обратить между прочимъ особливое вниманіе на точное узнаніе отъ виновныхъ, какимъ способомъ учинено ими похищеніе? О чемъ обстоятельное свѣдѣніе важно для принятія предосторожностей противъ подобнаго впредъ непріятнаго происшествія. Полагая полную надежду на ваше ревностное попеченіе мнѣ толико извѣстное, я съ отличнымъ уваженіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною. Марія.

Собственноручная приписка: Во всякомъ случаѣ я узнаю ваше усердіе и привязанность, которое навлекаетъ на васъ искреннюю мою признательность.

Въ Москвѣ, Маія 13 дня 1818.

(Сообщено А. А. Титовымъ).

ОТЗЫВЫ НАПОЛЕОНА.

Лордъ Эбрингтонъ 6 Декабря 1814 года посѣтилъ Наполеона на островѣ Эльбѣ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Этотъ разговоръ и свиданіе лордъ описалъ въ небольшой брошюрѣ, изданной имъ въ Мартѣ 1823 г.; журналъ „Macmillan's Magazine„ (1894 г., № 12) перепечаталъ эту брошюру, а „Revue Bleue“ (15 décembre 1894, № 24) перевелъ ее.

Въ разговорѣ съ молодымъ лордомъ († 1861), записавшимъ его дословно, Наполеонъ касался разнообразныхъ предметовъ и лицъ, дѣлалъ отзывы о всѣхъ современникахъ и пр. Между прочимъ онъ коснулся императора Александра I и войны 1812 г. Хотя отзывы его не особенно новы, но все-таки любопытны. Разсказъ о 1812 г. свидѣтельствуетъ о самообольщеніи Наполеона. На вопросъ Англичанина, чтó онъ думаетъ объ императорѣ Александрѣ I, Наполеонъ сказалъ: „Это настоящій Грекъ; нельзя довѣрять ему; впрочемъ, онъ владѣетъ образованіемъ и нѣсколькими либеральными идеями, которыми его напиталъ одинъ философъ, Ла-Гарпъ, воспитавшій его. Но онъ такъ легкомысленъ и лукавъ, что нельзя знать, происходятъ ли мысли, которыя онъ высказываетъ, изъ убѣжденія, или же изъ какого-то тщеславнаго желанія стать въ противоположность съ своимъ положеніемъ“. Въ примѣръ Наполеонъ привелъ споръ, который онъ имѣлъ съ Александромъ по поводу различныхъ формъ правленія. Александръ поддерживалъ преимущество выборной монархіи. Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія; ибо „кто достоинъ быть избраннымъ? Цезарь, Александръ, которыхъ не приходится по одному на столѣтіе. Избраніе — дѣло случая, а наслѣдованіе, конечно, значитъ болѣе, чѣмъ жребій“. Во время двухнедѣльнаго пребыванія въ Тильзитѣ, они обѣдали вмѣстѣ почти ежедневно. „Но мы вставали изъ-за стола, чтобы избавиться отъ Прусскаго короля, который намъ надоѣдалъ *). Къ девяти часамъ, императоръ возвращался ко мнѣ, во фракѣ, кушать чай, и мы иногда оставались до двухъ-трехъ часовъ утра, разговаривая очень пріятно о различныхъ предметахъ, большею частью философскихъ или политическихъ“.

По поводу войны 1812 г., Наполеонъ сказалъ, что, придя въ Москву, онъ думалъ, что дѣло кончено; что во время похода онъ былъ принимаемъ съ распростертыми объятіями и что крестьяне подавали ему безчисленныя прошенія, умоляя его избавить ихъ отъ тираніи дворянства; что онъ нашелъ Москву обильно снабженную припасами и могъ бы совершенно легко прожить тамъ всю зиму, когда, въ двадцать четыре часа, вспыхнулъ огонь въ 15 мѣстахъ, и вся окрестная страна была опустошена; „событіе, прибавилъ онъ, котораго я не могъ предвидѣть; ибо, кажется, нѣтъ подобныхъ примѣровъ въ исторіи міра; но, чортъ возьми, нужно сознаться, что тутъ проявлена твердость духа (du caractère)“.

Обольщаясь на счетъ пріема, оказаннаго ему въ Россіи, Наполеонъ однакожъ сознался, что въ то время какъ Австрія и Пруссія платили ему огромныя контрибуціи по секретнымъ статьямъ договоровъ (въ 1812 г.), онъ ничего не получалъ отъ Россіи, а только потребовалъ отъ нея закрытія портовъ для Англичанъ.

Евгеній Козубскій.

---

*) Наполеонъ называлъ короля Прусскаго *капраломъ*, мысли котораго не шли далѣе обмундировки.

ВЪ ЗАЩИТУ ПАМЯТИ ПАТРІАРХА ІОАКИМА.

Въ Вѣстникѣ Европы за 1894 г. А. Н. Пыпинъ помѣстилъ статью „Послѣднія времена Московской Россіи". Не вдаваясь въ полемику съ авторомъ, я указалъ ему только, что нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ фактовъ не совсѣмъ согласны съ историческою истиной и между прочимъ на ошибочность его мнѣнія о годѣ смерти патріарха Іоакима, каковая ошибка дала ему возможность обвинить п. Іоакима въ казни Сильвестра Медвѣдева.

Г. Пыпинъ въ своемъ объясненіи на мои поправки (Вѣстн. Европы 1895, I) оправдывается тѣмъ, что годъ смерти п. Іоакима имъ указанъ невѣрно (вмѣсто 1690 — 1691) вслѣдствіе неправильнаго переложенія стараго Сентябрьскаго года на новый Январьскій годъ и, кромѣ того, замѣчаетъ, что мои поправки относятся не къ нему, а къ тѣмъ первоисточникамъ, на которые онъ дѣлаетъ ссылки.

Дѣйствительно, если не знать положительно мѣсяца извѣстнаго событія, то можно сдѣлать ошибку въ годѣ, при переложеніи стараго счета на новый, и въ годѣ смерти патр. Іоакима могла произойти ошибка, но не такая, какую сдѣлалъ г. Пыпинъ. Вмѣсто 1690 г. можно было сказать 1689 г., но ни въ какомъ случаѣ не 1691 г., такъ какъ изъ года по старому счету, т. е. отъ сотворенія міра, вычитается или 5509 (отъ 1 Сентября до 1 Января) или 5508 (отъ 1 Января по 1 Сентября); Іоакимъ же умеръ въ 7198 г., и подобной ошибки не могло быть, ибо автору точно извѣстенъ день смерти его 17 Марта 1690 г. Да, наконецъ, для ученаго писателя и не можетъ быть подобныхъ отговорокъ, и особенно они непростительны, когда послѣдствіемъ такой ошибки является обвиненіе въ казни не повиннаго лица, какимъ является С. Медвѣдевъ, этотъ блестящій представитель науки и самый передовой, а слѣдовательно, и либеральный человѣкъ въ XVII ст., по мнѣнію г. Пыпина. Подобная ошибка въ годѣ оказывается весьма удобною: она даетъ возможность ненавистникамъ патріарха взвести на него всю тяжесть обвиненія въ неправедной гибели Медвѣдева.

Относительно первоисточниковъ, къ сожалѣнію, я почти ничего не могу сказать, такъ какъ у меня ихъ нѣтъ подъ руками, за исключеніемъ статьи г. Е. А. Бѣлова, на которую довольно часто ссылается г. Пыпинъ и приводитъ даже нѣсколько выписокъ изъ нея. На этой-то статьѣ я и остановлюсь нѣсколько. Въ статьѣ своей („Московскія смуты въ концѣ XVII в.", Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 1887 г., кн. 1 и 2, г. Бѣловъ, излагая ходъ событій въ концѣ 1689 г., до невѣроятія перепуталъ всѣ года, считая (какъ никогда никто не считаетъ) все время отъ 1 Сентября 1689 года до 31 Декабря за 1690 годъ, что́, очевидно, и спутало г. Пыпина, и Мартъ 1690 г. онъ счелъ за Мартъ 1691 г.; а отсюда явилось лишнее до-

казательство въ безсердечіи и жестокости ненавистнаго патріарха Іоакима, этого представителя старой, Московской Руси, стоящей поперекъ горла нашимъ писателямъ-западникамъ; явилась возможность по этому случаю сказать нѣсколько трескучихъ фразъ, какія мы находимъ въ статьѣ г. Бѣлова и изъ которыя нѣкоторыхъ считаю не лишнимъ привести здѣсь:

1) (кн. 2, стр. 341). „Іоакиму надобно было имѣть большое безсердечіе и злопамятность, чтобы настаивать на казни Медвѣдева".

2) (стр. 364). „Дѣло Медвѣдева всею тяжестью неправды лежитъ на памяти патріарха Іоакима; личная ненависть къ Медвѣдеву заглушила въ немъ понятіе о справедливости".

3) (стр. 365, примѣчаніе 1). „Жестокость патріарха Іоакима, желаніе черезъ Медвѣдева наиболѣе запутать Голицыныхъ, а, можетъ быть, и царевну, вотъ что привело Медвѣдева на плаху и къ полуторагодовымъ неслыханнымъ страданіямъ".

Къ счастью для истины и для патріарха Іоакима, годъ его кончины не составляетъ тайны и, какъ бы ни хотѣлось защитникамъ С. Медвѣдева (этого мученика науки) продлить на одинъ годъ жизнь патр. Іоакима, но и въ этомъ онъ не угодилъ имъ, скончавшись не 17 Марта 1691 г., а 17 Марта 1690 г., слѣдовательно не „вскорѣ послѣ казни Медвѣдева", который казненъ 11 Февраля 1691 г., а 11 мѣсяцевъ раньше.

Вопросъ же о томъ, могъ ли патріархъ Іоакимъ черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ своей смерти имѣть вліяніе на судьбу Медвѣдева и настаивать на его казни, остается открытымъ, и рѣшать его я боюсь.

Затѣмъ г. Пыпинъ повторяетъ мнѣніе г. Бѣлова о томъ, что патр. Іоакимъ не имѣлъ понятія о Флорентійскомъ соборѣ, при чемъ не упускаетъ случая поговорить на тему о невѣжествѣ Іоакима *). Я не имѣю возможности распространяться и доказывать, имѣлъ или не имѣлъ Іоакимъ какое-нибудь понятіе объ этомъ соборѣ, а позволю лишь себѣ посовѣтывать г. Бѣлову, а за нимъ и г. Пыпину, прочитать Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. V, стр. 262—268.

Г. Пыпинъ въ своемъ объясненіи говоритъ, что намъ извѣстны показанія лишь враговъ Медвѣдева, а слѣдовательно показанія эти односторонни и пристрастны; но самъ г. Пыпинъ, описывая послѣднія времена Московской Руси, воспользовался почти исключительно трудами защитниковъ Медвѣдева, изъ коихъ одинъ (Аристовъ) получилъ въ литературѣ даже названіе адвоката Милославскихъ; по моему, и г. Пыпину не слѣдовало бы основываться на показаніяхъ одной стороны, вслѣдствіе чего и получилось сочиненіе одностороннее и пристрастное.

Л. М. Савеловъ.

Коротоякъ, 1 Марта 1895 г.

---

*) У г. Бѣлова (I, стр. 102 и 105) встрѣчается и слѣдующее противорѣчіе. Онъ говоритъ: „Представителемъ Греческаго образованія, въ эпоху разгара борьбы, былъ патріархъ Іоакимъ", а въ другомъ: „Наука ему (Іоакиму) претила". Могъ ли человѣкъ, которому наука претитъ, быть представителемъ какого бы то ни было образованія?

Родъ Поливановыхъ. XIV—XIX вв. Сказаніе, историческіе дѣятели и поколѣнная роспись.

Владиміръ на Клязьмѣ. 1894, 8°. стр. 30.

Повидимому представители нашихъ древнихъ дворянскихъ родовъ начинаютъ по немногу заниматься своею собственною исторіею и знакомиться со своими предками, такъ какъ въ послѣднее время мы видимъ появленіе все большаго и большаго числа изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ родовъ, каковы Шереметевы, Колычевы, Челищевы, Муравьевы и др., изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собою цѣнные вклады не только въ генеалогической, но и въ исторической вообще литературѣ, благодаря помѣщеннымъ въ нихъ, иногда весьма цѣннымъ, актамъ. Недавно вышло небольшое изслѣдованіе о родѣ Поливановыхъ, хотя и не содержащее въ себѣ особенно цѣннаго историческаго матеріала, но, по тщательности съ какой оно составлено, могущее служить прекраснымъ пособіемъ при занятіяхъ исторіею рода Поливановыхъ.

Указывая свѣдѣнія о какомъ либо лицѣ, авторъ вездѣ дѣлаетъ ссылки на источники (большею частью архивные, почерпнутые изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, этого драгоцѣннаго и неисчерпаемаго сокровища для исторіи служилаго сословія), что̀ увеличиваетъ цѣнность всякаго труда, особенно историческаго.

Къ сожалѣнію родословная Поливановыхъ страдаетъ недостаткомъ присущимъ всѣмъ родословнымъ вообще: о первыхъ колѣнахъ за періодъ до конца XVI ст. не сообщается почти никакихъ свѣдѣній, съ полнымъ отсутствіемъ женскаго персонала, и первая женщина упоминается лишь въ XII колѣнѣ, подъ 1677 г., указаніе же родственныхъ связей по женскимъ линіямъ иногда весьма важно.

Нѣсколько неудобно расположеніе дочерей.

Родъ Поливановыхъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ Русскихъ родовъ и происходитъ отъ знатнаго Татарина Кочевы Карачакова, пріѣхавшаго въ 1368 г. къ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому. Правнукъ этого Кочевы, получившій прозваніе „Поливана“, и есть родоначаль-

никъ дворянъ Поливановыхъ, вѣрою и правдою служившихъ родинѣ въ теченіе пяти столѣтій, а съ введеніемъ дворянскихъ выборовъ и своему сословію; мы насчитали одинадцать Поливановыхъ, бывшихъ предводителями дворянства.

Весьма симпатично помѣщенное въ началѣ брошюры воззваніе составителя къ своимъ сородичамъ: „Поливановы! Блюдите, молю васъ, нашъ добрый, издревле ратнопомѣстный родъ; для того въ Бога вѣруйте, Государей чтите. Если Господь приведетъ, потщитесь радостно умереть за Православіе Россіи и за ея Царя", слова, которыя надо помнить не однимъ Поливановымъ, а всему вообще нашему многочисленному дворянству.

Въ заключеніи укажу нѣкоторыя поправки, будучи убѣжденъ, что составитель родословной не посѣтуетъ за это, такъ какъ при всемъ искреннемъ желаніи избѣжать пропусковъ и ошибокъ это иной разъ невозможно.

У Владимира Константин. (№ 69) жена Марія, владѣвшая послѣ его смерти с. Поливановымъ Москов. у., нынѣ Подольскаго у. (1627 г.).

У Бориса Владим. (№ 76) жена Анна Казариновна Исакова, послѣ его смерти вышла за Грушецкаго (1627 г.).

Иванъ Игнатьев. (№ 134), генералъ поручикъ, въ 1781 былъ Саратовскимъ губернаторомъ.

У Бориса Семенов. (№ 98) не указанъ сынъ Матвѣй и его потомство, внесенное въ 6-ю часть родословной книги Тверской губерніи.

1. Борисъ Семеновичъ, стряпчій 1682 г.
2. Матвѣй Борисовичъ.................................... 1
3. Иванъ Матвѣевичъ.................................... 2
4. Андрей Ивановичъ, коллеж. совѣтн. Ж. Наталья Ив. Въ 1790 г. записаны въ Тверской родосл. книгѣ.......................... 3
5. Николай Андреевичъ..... }
6. Михаилъ Андеевичъ...... } 4
Ольга Андреевна........ }

Л. М. Савеловъ.

СЕЛО СТЕПАНОВСКОЕ

(Изъ археологическихъ поѣздокъ).

Оно было дворцовое, которое вѣдано на обиходъ Великія Государыни иноки Маѳы Ивановны, въ 7192 году отдано было блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ окольничему Михаилу Тимоѳеевичу Лихачеву, потомъ куплено въ 1706 году генеральнымъ президентомъ и Московскимъ комендантомъ и Сибирскихъ провинцій судьею княземъ Матвѣемъ Петровичемъ Гагаринымъ, у котораго впослѣдствіи помѣстье это взято на Его Императорское Величество, и въ 1721 году пожаловано дѣйствительному тайному совѣтнику и вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману. Потомъ владѣетъ Степановскимъ артиллеріи генералъ-маіоръ Матвѣй Андреевичъ Толстой, затѣмъ сынъ его Николай Матвѣевичъ. Впослѣдствіи село принадлежало племянницѣ его княгинѣ Натальи Ивановнѣ Голицыной, урожденной Толстой, потомъ сыну ея Александру Михаиловичу Голицыну, по смерти его брату его Валерьяну Михайловичу и наконецъ его дѣтямъ.

Состояло Степановское въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ большомъ Микулинскомъ, а впослѣдствіи и Песоченскомъ стану; теперь значится въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Москвы. Церковь главная XVII вѣка каменная съ тремя престолами: въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, св. Георгія и св. Николая. Подъ колокольнею церковь св. Исаакія Далматскаго, о построеніи которой гласитъ слѣдующая надпись на деревянномъ крестѣ, находящемся въ самой церкви: „Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и водруженъ бысть крестъ сей въ церкви преподобнаго отца нашего Исаакія Далматскаго седмь тысящъ 240-го Генваря 29-го дня, а отъ Рождества Христова 1732 году индикта десятаго, при державѣ благовѣрной Государыни Императрицы Анны Іоанновны всея Россіи, при Правительствующемъ Синодѣ и при преосвященнѣйшемъ епископѣ нашемъ Веніаминѣ Коломенскомъ и Каширскомъ, по указу. Святилъ Коломенской соборной церкви священникъ Петръ Артемьевъ, подписалъ сей крестъ сего села Степановскаго Благовѣщенскій священникъ Борисъ Іоанновъ“.

Въ алтарѣ Благовѣщенскомъ находится серебряный потиръ съ слѣдующею надписью: „Лѣта 71... 5 Марта въ ... день сіи священніи сосуды содѣланы въ честь и славу прославляемому Богу и Пресвятой Богородицѣ и даны въ церковь честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія яже во вотчинѣ окольничаго Михаила Тимоѳеевича Лихачева, Коломенскаго уѣзда въ селѣ Стефановскомъ, ради вѣчнаго поминовенія сына его Прохора“.

Крестъ напрестольный серебряный съ надписью: „1710 Іюля въ 21 день сей святый крестъ съ мощами построенъ священноіереемъ Іоанномъ Захаровымъ въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы что въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ окольничаго Михаила Тимоѳеевича Лихачева въ селѣ Степановскомъ".

Образъ святителя Николая, на окладѣ надпись: „Сей образъ Петра Степановича Толстаго, благословилъ онъ дѣтей своихъ. Петръ Степановичъ убитъ подъ Ригою во дни Государя Царя Алексѣя Михайловича 1656 году Сентября 29 дня, по свидѣтельству Пуфендорфа, въ книгѣ печатанной въ Шронберхе 1697 года о житіи Карла 11 короля Шведцкаго. Обложенъ 1751 году Мая 20 числа правнукомъ ево генералъ маіоромъ Матвеемъ Андреевичемъ Толстымъ". Въ панагіи часть мощей св. Николая съ подписью **S. Nicolaus**.

Надъ этой иконою рѣзной на слоновой кости образъ св. Іоанна Богослова, кругомъ его вырѣзано: „Сія святая персона фаворіта Божія точена в Санктъ-Петербурхѣ на дворѣ Всероссійскаго імператора Великаго Петра Алексіевича".

Въ ризницѣ парчевая фелонь, на ней выткано: „Дѣлана сія мотерія в Тобольску 1713 году в презентъ губернатору Сибиріи князю Матѳею Петровичу Гагарину".

Надъ жертвенникомъ въ алтарѣ главнаго храма каменная плита, вдѣланная въ стѣну, гласитъ слѣдующее: „За упокой Ѳилимона, Аѳанасія, Василія, Іоанна, Іоанна, Гликеріи, Петра, Іуліаніи, Ѳеодора, Мавры, Симеона, Марѳы, Симеона, Софіи, Михаила, Ѳеодора, Іоанна, Андрея, Владимера, Всеволода, Іоанна, Пелагіи, Матѳія, Евдокіи, Алексія, Даріи, Анастасіи, Даріи". (Родъ графини Марѳы Ивановны Остерманъ и Толстыхъ)

Въ переходѣ между храмомъ и колокольнею, на полу, каменныя плиты съ надписями: 1, лѣта 7160 Іюня въ 14 день, на память святаго пророка Елисея, преставися рабъ Божій Василей Екимовъ сынъ Новиковъ.

2, Лѣта 7160 Ноября въ 20 день, на память святаго Грегория, преставися.....

3, Лѣта 7160 году Ноября въ 22, на память святаго Апостола Филимона, преставися рабъ Божій Хрисанфъ....

А. Мартыновъ.

МОСКОВСКІЙ МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Въ обязанность вмѣняемъ себѣ заявить читателямъ „Русскаго Архива" и всѣмъ любителямъ родной старины о существованіи въ Москвѣ особаго частнаго музея, въ которомъ хранятся разнообразные памятники древняго Русскаго быта, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. Музей этотъ тщательно собранъ однимъ изъ сыновей памятнаго Москвѣ коммерціи совѣтника Ивана Васильевича Щукина (скончавшагося 2 Декабря 1790 года), потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ *Петромъ Ивановичемъ Щукинымъ*, роднымъ племянникомъ (по женской линіи) извѣстныхъ писателей Василія и Михаила и знаменитаго врача Сергѣя Петровичей Боткиныхъ.

Музей помѣщенъ въ отдѣльномъ, нарочно для него выстроенномъ *), стариннаго Русскаго стиля, зданіи, на дворѣ собственнаго дома, на Малой Грузинской улицѣ (№ 15-й, по лѣвой сторонѣ, ѣдучи съ большой Прѣсненской улицы), неподалеку отъ Зоологическаго Сада. Владѣлецъ Музея съ просвѣщенною любезностью допускаетъ въ него любителей древности. Нельзя довольно налюбоваться красотою этого зданія, какъ во внѣшнемъ его своеобразномъ видѣ, такъ и во внутреннемъ убранствѣ и распорядкѣ; а знатоки дивятся обилію замѣчательнѣйшихъ вещей, пріобрѣтаемыхъ съ знаніемъ дѣла и съ тщательностью подбора. Скромно, безъ вской шумихи, въ отдаленной части города, возникло и множится это достопочтенное хранилище, для новыхъ успѣховъ Русскаго самосознанія, на славу родной Москвы.

Кромѣ множества разныхъ принадлежностей старины, въ Музеѣ П. И. Щукина имѣются и рѣдкія рукописи, и въ числѣ ихъ находится альбомъ съ неизвѣстными доселѣ Русскими Записками Александры Осиповны Смирновой (ур. Россетъ), служащими дополненіемъ къ Французскимъ ея Запискамъ, появлявшимся (въ переводѣ и подлинникѣ) въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1893 и 1894 годовъ.

Петръ Бартеневъ.

---

*) Архитекторомъ этого зданія былъ Борисъ Викторовичъ Фрейденбергъ. Рисунокъ Щукинскаго музея былъ на выставкѣ въ Петербургѣ, и на него обратилъ вниманіе покойный Государь Александръ Александровичъ. О построеніи Щукинскаго музея см. „Московскія Вѣдомости" 1892 года № 280-й (9 Окт.) и 1893 года № 192-й (15 Іюля).

А. О. СМИРНОВА О ГОГОЛѢ.

(Изъ вновь найденныхъ ея Записокъ).

Какимъ образомъ, гдѣ именно и въ какое время я познакомилась съ покойнымъ Н. В. Гоголемъ, совершенно не помню. Это можетъ показаться страннымъ, потому что встрѣча съ замѣчательнымъ человѣкомъ обыкновенно намъ памятна, и притомъ у меня память прекрасная. Когда я однажды спрашивала Н. В., гдѣ мы съ вами познакомились, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Неужели вы не помните? Вотъ прекрасно! Такъ я жъ вамъ не скажу; это впрочемъ тѣмъ лучше, это значитъ, что мы съ вами всегда были знакомы». И сколько разъ я его потомъ ни просила мнѣ сказать, гдѣ мы познакомились, онъ всегда отвѣчалъ: «Не скажу, мы всегда были знакомы».—Въ 1837 году я провела зиму въ Парижѣ, rue du Mont Blanc № 21. Русскихъ было довольно, въ концѣ зимы былъ Гоголь съ пріятелемъ своимъ Данилевскимъ. Онъ былъ у насъ раза три одинъ, и мы уже обходились съ нимъ какъ съ человѣкомъ очень знакомымъ, но котораго, какъ говорится, ни въ грошъ не ставили. Все это странно, потому что мы читали съ восторгомъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», и они меня такъ живо перенесли въ великолѣпную Малороссію. Оставивъ еще въ дѣтствѣ этотъ край, я съ необыкновеннымъ чувствомъ прислушивалась ко всему тому, чтó его напоминало, а «Вечера на хуторѣ» такъ ею и дышатъ. Съ нимъ тогда я обыкновенно заводила рѣчь о высокомъ крыльцѣ и бурьянѣ, о бѣлыхъ журавляхъ на красныхъ лапкахъ, которые по вечерамъ прилетаютъ на кровлю знакомыхъ хатъ, о галушкахъ и варенпкахъ, о сѣренькомъ дымкѣ, который легко струится и выходитъ изъ трубъ каждой хаты; пѣла ему «не ходи, Грицько, на вечерницы». Онъ болѣе слушалъ, потому что я очень болтала, но однажды описывалъ мнѣ Малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, табуны гонятъ съ поля, и отсталыя лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними съ нагайками въ рукахъ пожилой хохолъ съ чупруномъ; онъ описывалъ это живо, съ любовью, хотя прерывисто и въ короткихъ словахъ. О Парижѣ мало было рѣчи; повидимому онъ уже и тогда его не любилъ. Однако онъ посѣщалъ съ Данилевскимъ театры, потому что разсказывалъ мнѣ, какъ входили въ оперу à la file dans la queue *), и какъ торгуютъ правомъ на хвостъ. Съ свойственною ему одному способностью замѣчать то, чтò другимъ не кажется смѣшнымъ, ни замѣчательнымъ, онъ разсказывалъ это очень смѣшно. Одинъ разъ го-

*) Одинъ за другимъ въ хвостѣ.

ворили мы о разныхъ комфортахъ въ путешествіи, и онъ сказалъ мнѣ, что хуже всего на этотъ счетъ въ Португаліи и совѣтовалъ мнѣ туда не ѣздить. Вы какъ это знаете, Николай Васильевичъ? спросила я его.— «Да я тамъ былъ, пробрался туда изъ Испаніи, гдѣ также прегадко въ трактирахъ», отвѣчалъ онъ преспокойно. Я начала утверждать, что онъ не былъ въ Испаніи, что это не можетъ быть, потому что тамъ все въ смутахъ, дерутся на всѣхъ перекресткахъ, что тѣ, которые оттуда пріѣзжаютъ, много разсказываютъ, а онъ ровно никогда ничего не говорилъ. На все на это онъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «На что же все разсказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вамъ съ перваго раза человѣкъ все выкладывалъ, что̀ знаетъ и не знаетъ, даже и то, что́ у него на душѣ». Я осталась при своемъ, что онъ не былъ въ Испаніи, и межъ нами осталась эта шутка. «Это когда я былъ въ Испаніи». Въ Испаніи онъ точно былъ, но проѣздомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ оставаться долго было непріятно послѣ Италіи: ни климатъ, ни природа, ни художества, ни картины, ни народъ не могли произвести на него особеннаго впечатлѣнія. Испанская школа сливалась для него съ Болонскою въ отношеніи красокъ и въ особенности рисунка; Болонскую онъ совсѣмъ не любилъ. Очень понятно, что такой художникъ какъ Гоголь, разъ взглянувши на Рафаэля въ Римѣ, не могъ слишкомъ увлекаться другими живописцами. Вообще у него была une certaine sobriété dans l'appréciation de l'art; il fallait que toutes les cordes de son âme reconnaissent une chose pour belle pour qu'il la qualifia de telle[1]). «Стройность во всемъ, вотъ что̀ прекрасно», говорилъ онъ.

Лѣтомъ того же 1837 года я пріѣхала въ Баденъ, и Н. В. пріѣхалъ не лѣчиться, но пилъ по утрамъ холодную воду въ Лихтентальской аллеѣ. Мы встрѣчались почти каждое утро. Онъ ходилъ или лучше сказать бродилъ одинъ, потому что иногда былъ на дорожкѣ, а чаще гулялъ en zig-zag у Стефани-бадъ. Часто онъ такъ былъ задумчивъ, что я долго, долго его звала; обыкновенно онъ отказывался со мною гулять, прибирая самые слабые резоны. Его, кромѣ Карамзина, изъ Русскихъ никто не зналъ, и одинъ господинъ высшаго круга мнѣ сказалъ, встрѣтивъ меня съ нимъ: Vous donnez dans la mauvaise société; vous vous promenez avec un certain Gogol, qui est très mauvais genre[2]).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ онъ вдругъ намъ предложилъ вечеромъ собраться и объявилъ, что пишетъ романъ подъ названіемъ «Мертвыя Души» и хочетъ прочесть намъ двѣ первыя главы.

---

[1]) Извѣстнаго рода трезвость въ оцѣнкѣ искусства; лишь когда всѣми струнами души своей признавалъ онъ произведеніе прекраснымъ, оно получало отъ него наименованіе прекраснаго.

[2]) Вы попадаете въ дурное общество; вы гуляете съ какимъ-то Гоголемъ; онъ въ дурномъ родѣ.

Андрей Карамзинъ, графъ Левъ Сологубъ, Платоновъ и насъ двое условились собраться въ 7 часовъ вечера. День былъ знойный. Около 7-го часа, мы сѣли кругомъ стола. Н. В. взошелъ, говоря, что будетъ гроза, что онъ это чувствуетъ, но не смотря на это вытащилъ изъ кармана тетрадку въ четверть листа и началъ первую главу столь извѣстной своей поэмы. Межъ тѣмъ громъ гремѣлъ, и разразилась одна изъ самыхъ сильныхъ грозъ, какую я запомню; съ горъ потекли потоки, противъ нашего дома образовалась каскада съ пригорка, а мутная Муръ бѣсилась, рвалась изъ береговъ. Онъ поглядывалъ въ окно, но продолжалъ читать спокойно. Мы были въ восторгѣ, хотя что-то было странное въ душѣ каждаго изъ насъ. Однако онъ не дочелъ второй главы и просилъ Карамзина съ нимъ пройтись до Грабена, гдѣ онъ жилъ. Дождь началъ утихать, и они отправились. Послѣ Карамзинъ мнѣ говорилъ, что Н. В. боялся идти одинъ домой и на вопросъ его отвѣчалъ, что на Грабенѣ большія собаки, а онъ ихъ боится и не имѣетъ палки. На Грабенѣ же не было собакъ, и я полагаю, что гроза дѣйствовала на его слабые нервы, и онъ страдалъ невыразимыми страданіями, извѣстными однимъ нервнымъ субъектамъ. На другой день я еще просила его прочесть изъ «Мертвыхъ Душъ», но онъ рѣшительно отказалъ и просилъ даже его не просить. Въ Августѣ мы оставили Баденъ-Баденъ, и Гоголь съ другими Русскими проводилъ насъ до Карлсруэ, гдѣ ночевалъ съ моимъ мужемъ въ одной комнатѣ и былъ боленъ всю ночь, жестоко страдая желудкомъ и безсонницей. О первой своей нервической болѣзни, которую выстрадалъ въ Вѣнѣ, онъ не говорилъ ни слова.

Мы пріѣхали въ Россію въ 1838 году. Онъ оставался въ чужихъ краяхъ, и я ничего объ немъ не слыхала, не была съ нимъ въ перепискѣ. Въ 1841 году онъ вдругъ явился ко мнѣ въ хорошемъ расположеніи духа, но о «Мертвыхъ Душахъ» не было и помину. Я узнала тутъ, что онъ уже былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Віельгорскими, но сама еще тогда рѣдко съ ними видѣлась и не старалась разъяснить, когда и какъ эта связь устроилась. Находила его сближеніе съ comme il faut очень естественнымъ и простымъ. Въ томъ же году подъ весну я получила отъ него письмо очень длинное, все исполненное слёзъ, почти стопу, въ которомъ жалуется съ какимъ-то почти дѣтскимъ отчаяніемъ на всѣ насмѣшливыя отмѣтки Московской цензуры. Къ письму была приложена просьба къ Государю, въ случаѣ что не пропустятъ первый томъ «Мертвыхъ (Душъ)». Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вмѣстѣ довѣрія къ разуму Государя, который одинъ велѣлъ принять «Ревизора» вопреки мнѣнію его окружавшихъ. Я

однако рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту графа М. Ю. Віельгорскаго; онъ горячо взялся за это дѣло и устроилъ все съ помощью князя М. А. Дондукова, бывшаго тогда попечителемъ университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вѣроятно они у графа Віельгорскаго, и даже мнѣ кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, какъ вещь мнѣ не принадлежащую.

Весною 1842 года Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Плетнева, приходилъ ко мнѣ довольно часто и уже очень запросто, очень дружески. Очень сблизился съ братомъ моимъ Аркадіемъ Осиповичемъ, изъявилъ желаніе прочитать отрывки уже напечатанныхъ «Мертвыхъ Душъ», и читалъ у Вяземскаго разговоръ двухъ дамъ. Никто такъ не читалъ какъ покойный Николай Васильевичъ и свои, и чужія произведенія; мы смѣялись неумолкаемо и, если правду сказать, Вяземскій и мы не подозрѣвали всей глубины, таящейся въ этомъ комизмѣ. Такова уже участь комика, и надобно, чтобы долго смѣялись ему, пока вдругъ не уразумѣютъ нѣкоторые избранные, что этотъ смѣхъ вызванъ у него плачемъ души любящей и скорбящей, которая орудіемъ взяла смѣхъ.

А отчего душа такъ или иначе выражаетъ свои чувства, извѣстно одному Богу. Этотъ вопросъ конечно смущалъ самого Гоголя. Высокій христіанинъ въ душѣ, онъ зналъ, что образецъ нашъ, Христосъ Спаситель, не смѣялся никогда. Потому легко понять, что̀ произошло въ немъ, когда онъ увидѣлъ, что Чичиковъ, Собакевичъ, Ноздревъ производятъ лишь смѣхъ (съ отвращеніемъ для иныхъ), отвращеніе въ людяхъ высшаго тона и въ маломъ числѣ его поклонниковъ смѣхъ съ восторгомъ къ артисту. Одинъ Плюшкинъ въ первомъ томѣ выступаетъ рѣзко какъ трагическое лицо, но Плюшкинъ вообще менѣе интересовалъ читающую публику. Все это въ первую минуту Гоголь чувствовалъ; но до страдальчества дошло это позже, когда пошла такъ называемая его школа, и страданіе это вырвалось изъ груди его въ «Перепискѣ съ друзьями». Ея никто не понялъ, эту переписку, потому что никому не былъ открытъ онъ вполнѣ, и что̀ *перегорѣло* въ его душѣ (собственныя его слова въ письмѣ ко мнѣ) было извѣстно только Богу.

Лѣтомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ я жила въ городѣ. Онъ самъ предложилъ читать мнѣ новую комедію «Женитьба». Вяземскій, Плетневъ, братъ мой Аркадій и двое Карамзиныхъ были приглашены къ обѣду. Гоголь былъ веселъ, спокоенъ; послѣ обѣда, отдохнувъ немного, вынулъ изъ кармана тетрадку и началъ читать такъ какъ онъ только, одинъ умѣлъ читать. Швейцару было приказано никого не принимать; но внезапно взошелъ князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ, ко-

торый мало знаетъ Русскій языкъ. Меня это смутило, я подошла къ нему и разсказала въ чемъ дѣло; онъ просилъ позволенія остаться. Къ счастью Гоголь не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ читать. Послѣ прочтенія всѣ его благодарили; онъ казался веселъ и доволенъ впечатлѣніемъ, ушелъ домой. Голицынъ не находилъ словъ, чтобы благодарить и сказалъ, что подобно пріятныхъ минутъ не проводилъ въ Петербургѣ, что читалъ «Мертвыя Души» съ восторгомъ, и радовался, что наконецъ увидѣлъ ихъ автора. Вскорѣ Гоголь уѣхалъ за границу.

Осенью того же года я поѣхала въ Италію и остановилась на два мѣсяца во Флоренціи. Неожиданно получаю письмо отъ Н. В., въ которомъ онъ пишетъ, что хотѣлъ самъ ко мнѣ ѣхать, но что удерживаетъ больной Языковъ; проситъ меня скорѣе пріѣзжать въ Римъ. Въ Генварѣ мѣсяцѣ братъ мой Аркадій туда поѣхалъ для пріисканія мнѣ квартиры, а въ концѣ того же мѣсяца я отправилась съ дѣтьми. Мы потянулись въ собственныхъ экипажахъ и съ vetturino.

Переночевавши въ Romiglione, мы встали какъ-то празднично, съ мыслью, что на другой день проснемся въ Римѣ. Погода была великолѣпна, солнечная и tiède[1]). Я отворила всѣ окна, выглядывала то въ одно, то въ другое, чтобы увидать скорѣе куполъ Петра; отъ нетерпѣнія у меня разболѣлась голова. Наконецъ мы поровнялись съ гробницей Нерона. Vetturino мнѣ закричалъ: Ecco San Pietro, alla destra, signora[2]), и я перекрестилась. На минуту показался весь Римъ въ какомъ-то легкомъ туманѣ, какъ огромная масса, и немного, очень немного выступилъ знаменитый куполъ Петра, который, увы! жестяной. Потомъ я уже начала помышлять объ обѣдѣ, расположеніи комнатъ и прочихъ житейскихъ суетахъ, потому что дѣти устали отъ дороги.

Начало вечерѣть, проѣхали Ponte Malvo и въѣхали послѣ пятидневнаго похода въ Porta di Popolo. Остановились у гауптвахты, гдѣ заплатили за догану[3]) и получили письмо отъ брата съ направленіемъ, куда ѣхать. Смеркалось, вокругъ фонтана и по Corso тянулись еще экипажи Римлянъ, и мы тоже потянулись за ними вдоль по длинному Corso, повернули налѣво и остановились на Piazza Trajana у Palazetto Valentini. Верхній этажъ былъ освѣщенъ. На лѣстницу выбѣжалъ Н. В. съ протянутыми руками и лицемъ исполненнымъ радости. «Все готово, сказалъ онъ; обѣдъ васъ ожидаетъ, и мы съ Аркадіемъ Осиповичемъ уже распорядились. Квартиру эту я нашелъ, воздухъ будетъ хорошъ, Corso подъ рукой, а чтó лучше всего, вы близко отъ Коли-

---

[1]) Мягкая.

[2]) Вотъ Святой Петръ, на право, сударыня.

[3]) Таможню.

зея и Foro Bonrio». Немного поговорили, и онъ отправился домой съ обѣщаніемъ прійти на другой день. Въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ часъ, спросилъ бумажки и карандашъ и началъ писать, куда слѣдуетъ понавѣдываться чаще Александрѣ Осиповнѣ, и съ чего начать. Были во многихъ мѣстахъ и кончили Петромъ; онъ возилъ бумажку съ собой и вездѣ отмѣчалъ что нибудь, наприм.: *Петромъ осталась довольна Александра Осиповна.* Такимъ образомъ онъ меня водилъ цѣлую недѣлю и направлялъ всегда такъ прогулки, что кончалось все Петромъ, и это такъ слѣдуетъ: на Петра никогда не наглядишься, хотя фасадъ у него и *комодомъ.* Когда мы осмотрѣли Римъ en gros, онъ началъ ко мнѣ являться рѣже по утрамъ. Онъ жилъ Via Felice, съ Языковымъ, который въ то время былъ боленъ, не ходилъ, и Н. В. проводилъ съ нимъ всѣ досужія минуты. Никто не зналъ лучше Рима, подобнаго чичероне не было и быть не можетъ. Не было Итальянскаго историка или хроникёра, котораго бы онъ не прочелъ, не было Латинскаго писателя, котораго бы онъ не зналъ; все что́ относилось до историческаго развитія искусства, даже благочинности Итальянской ему было извѣстно и какъ-то особенно оживляло для него весь бытъ этой страны, которая тревожила его молодое воображеніе и которую онъ такъ нѣжно любилъ, въ которой его душѣ яснѣе ви́дѣлась Россія, въ которой, хотя описывалъ онъ грустныхъ героевъ 1-го тома «Мертвыхъ Душъ», но отечество его озарялось для него радужно и утѣшительно. Онъ самъ мнѣ говорилъ, что въ Римѣ, въ одномъ Римѣ, онъ могъ глядѣть въ глаза всему грустному и безотрадному, и не испытывать тоски и томленія. Изрѣдка тревожили его тамъ нервы въ мое пребываніе, и почти всегда я видѣла его бодрымъ и оживленнымъ. И точно въ Римѣ есть что-то примиряющее человѣка съ человѣчествомъ. Слава языческаго міра тамъ погребена такъ великолѣпно; на великолѣпныхъ развалинахъ воздвигся другой Римъ, Христіанскій, который сперва облекся въ смиреніе въ лицѣ мучениковъ или молчаливыхъ отшельниковъ въ катакомбахъ, но въ послѣдствіи вѣковъ, зараженный тою же гордынею своихъ предковъ, началъ погребаться съ древнимъ Римомъ. Развалина матеріальная и развалина духовная —вотъ что былъ онъ въ 40-хъ годахъ; но все надъ нимъ тоже голубое небо, тоже яркое, теплое, но не палящее солнце, таже синяя ночь съ сіяніемъ звѣздъ, тотъ же благотворный воздухъ, не тревожный какъ Неаполитанскій, но успокаивающій. И столько красоты и величія въ воспоминаніяхъ не примиряетъ ли насъ съ человѣчествомъ? Остается благодарность Провидѣнію, которое позволило всякому принести плодъ свой во время свое и, гуляя по развалинамъ, убѣждаешься безъ горечи, что народы, царства, также какъ и всякая личность, преходящи. Римъ мнѣ казался всегда какимъ-то всемір-

нымъ музеумомъ, въ которомъ всякій камень гласитъ объ историческомъ, назидательномъ событіи, но уже не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ, и вотъ почему въ Римѣ не грустно, а отрадно. Николаю Васильевичу, какъ художнику, говорилъ весь Римъ особеннымъ языкомъ. Это сильно чувствуется въ его отрывкѣ «Римъ». S-te Beuve говоритъ, что ни одинъ путешественникъ не дѣлалъ такихъ точныхъ и вмѣстѣ оригинальныхъ замѣчаній; особенно его поразило замѣчаніе Гоголя о Транстеверіяцахъ и собраніе нѣсколькихъ пѣсенъ почти никому незамѣтнаго, но весьма особеннаго типа Римлянъ. Едва ли сами жители города знаютъ, что Транстеверіяне съ ними никогда не сливались и не сливаются, что у нихъ даже свой языкъ еще, или свой patois. Замѣтивъ, что Гоголь такъ хорошо знаетъ всё, что́ касается до древности, я сама завлеклась ею; я его мучила, чтобы узнать побольше. Карты, планы у меня лежали на столѣ .... все безпрестанно пересматривалось; мнѣ хотѣлось перенестись въ эту историческую даль, въ этотъ мракъ, и часто я къ нему приставала съ вопросами.

Одинъ разъ, гуляя въ Колизеѣ, я ему сказала: А какъ вы думаете, гдѣ Неронъ сидѣлъ? Вы это должны знать, и какъ онъ сюда являлся, пѣшій, въ колесницѣ или на носилкахъ? Гоголь разсердился. «Да что вы ко мнѣ пристаете съ этимъ мерзавцемъ! Вы воображаете, кажется, что я въ то время жилъ; вы воображаете что я хорошо знаю исторію. Совсѣмъ нѣтъ. Исторію никто еще такъ не писалъ, чтобы живо можно было видѣть или народъ или какую нибудь личность. Вотъ одинъ Муратори понялъ, какъ описывать народъ; у него одного чувствуется все развитіе, весь бытъ, кажется Генуи; а прочіе всѣ сочиняли или только сцѣпляли происшествія; у нихъ не сыщется никакой связи человѣка съ той землей, на которой онъ поставленъ». Потомъ продолжалъ уже разговоръ объ исторіи и, совѣтуя мнѣ прочесть Cantu, прибавилъ: «Histoire universelle Боссюета написана съ одной духовной точки, въ ней не видна свобода человѣка, которому Богъ предоставилъ дѣйствовать или хорошо или дурно; онъ былъ католикъ. Guizot написалъ хорошо также Histoire des Révolutions, но слишкомъ съ феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать болѣе выпуклости. Я всегда думалъ написать Географію; въ этой Географіи можно бы было увидѣть, какъ писать Исторію. Но объ этомъ послѣ. Другъ мой, я заврался, а скажу вамъ между прочимъ, что подлецъ Неронъ входилъ въ эту ложу въ золотомъ вѣнкѣ, въ томъ костюмѣ, въ которомъ вы его видѣли въ Ватиканѣ». Но не часто и не долго онъ говорилъ; обыкновенно шелъ одинъ поодаль отъ насъ, подымалъ камушки, срывалъ травки, или, размахивая руками, попадалъ на кусты и деревья, въ campagna ложился навзничь и говорилъ: «за-

будемъ все, посмотрите на это небо» и долго задумчиво и вмѣстѣ весело онъ глядѣлъ на это голубое, безоблачное, ласкающее небо. Одно утро онъ явился съ праздничнымъ лицемъ и объявилъ, что хочетъ мнѣ сдѣлать сюрпризъ. «Надобно, чтобы Аркадій Осиповичъ и Ханыковъ были съ нами», и мы поѣхали въ San Giovani in Laterano. Онъ отправилъ насъ въ церковь, а самъ оставался на паперти, такъ что вправо у него была S-ta Croce in Jerusalemo, а влѣво Scala Santa. Мы осматривали всѣ капеллы, всѣ рѣдкости, всѣ предметы уваженія или удивленія и вышли къ нему; онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и глаза его какъ будто терялись въ дали и какъ будто ему...

Меня просили многіе изъ моихъ знакомыхъ написать не біографію Ник. Вас., но просто всѣ обстоятельства моего знакомства съ нимъ. Гоголь былъ такое интересное, такое новое явленіе на литературномъ поприщѣ, что біографію его почти невозможно написать, если друзья его не согласятся передать черты его жизни или слова его, болѣе или менѣе значительныя и обнаруживающія внутреннее настроеніе его души. Гоголь былъ добръ, кротокъ, лѣнивъ и вмѣстѣ дѣятеленъ, самолюбивъ и смирененъ; вообще двойственность въ немъ обнаруживалась и обличалась рѣзко, какъ всегда бываетъ у людей геніальныхъ. Постоянное было въ немъ одно: желаніе побѣдить все низкое, недостойное и стать выше душею. Его уваженіе, даже особенное предпочтеніе..

Здѣсь прерывается разсказъ о Гоголѣ, и на другомъ листкѣ (11-мъ) начинаются Записки А. О. Смирновой: „*Когда мнѣ случалось*"...

Альбомъ, въ которомъ находятся эти Записки, 5⅜ в. длины, 4⅜ ширины, въ продольную большую осьмушку листа; переплетъ свѣтло-коричневаго сафьяна тисненъ золотомъ. Весь альбомъ исписанъ собственноручно, сначала въ два столбца. На первомъ листкѣ: „I Juillet 1842 (т. е. перваго Іюля 1842). Мишѣ отдать послѣ моей смерти". (Это единственный, нынѣ умершій сынъ А. О. Смирновой; въ 1842 году онъ былъ еще ребенкомъ). На слѣдующихъ двухъ листкахъ Смирнова списала письмо В. А. Жуковскаго къ П. А. Плетневу отъ 5 (17) Марта 1852 г. по поводу кончины Гоголя (нынѣ напечатанное въ III-й книгѣ Сочиненій Плетнева (стр. 731), и за тѣмъ начинается вышенапечатанный разсказъ о знакомствѣ ея съ Гоголемъ. Надо полагать, что А. О. Смирнова купила себѣ альбомъ въ 1842 году съ намѣреніемъ записывать свои воспоминанія для малолѣтняго своего сына, потомъ забыла о томъ и начала вести Записки только черезъ 10 лѣтъ, когда умеръ Гоголь.

Альбомъ съ Записками А. О. Смирновой пріобрѣтенъ нынѣшнимъ его владѣльцемъ П. И. Щукинымъ онъ неизвѣстнаго лица, который принесъ его на продажу и которому онъ могъ достаться изъ имущества послѣ Аркадія Осиповича Россета (брата Смирновой), скончавшагося старымъ холостякомъ въ Москвѣ. Записки печатаются съ позволенія Надежды Николаевны Сорень (дочери А. О. Смирновой), имѣющей на нихъ наслѣдственное право собственности. П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА ИСИДОРА ЭКЗАРХА ГРУЗІИ КЪ МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ ФИЛАРЕТУ.

21 Дек. 1853.

Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ-Мухранскій, отличившійся въ послѣднемъ сраженіи противъ Турокъ, сообщилъ мнѣ свѣдѣніе весьма замѣчательное, которое я съ радостію сообщаю вашему высокопреосвященству. Плѣнные Турки объявили намъ *открыто*, что когда сраженіе подъ Александрополемъ сильно разгорѣлось и весь Русскій отрядъ былъ введенъ въ дѣло, Турки увидѣли сходящую съ Неба *Свѣтлую Жену, держащую знамя въ рукѣ и сопровождаемую двумя воинами*. Свѣтъ отъ Нея былъ столь яркій, что подобенъ былъ *солнечному сіянію*, и никакой глазъ не могъ выдержать его. Это явленіе навело ужасъ въ рядахъ сражающихся и было причиною, что Турки, видя явное заступленіе Бога за Русскихъ, обратились всѣ въ бѣгство и проиграли сраженіе.

Русскіе этого явленія не видали. Божьимъ Промысломъ о томъ свидѣтельствовали *иноплеменные враги наши*. Турки увѣряютъ, *что въ ихъ арміи всѣ это видѣли съ ужасомъ и всѣ о томъ знаютъ*; но начальства ихъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещали о томъ говорить и старались затмить сіе событіе.

Русскіе военноначальники поздравляли съ побѣдою, столь блистательною, главнаго начальника, воздали славу Богу, Который одинъ могъ дать намъ побѣду надъ врагомъ, ожесточеннымъ мусульманскимъ фанатизмомъ, въ силахъ много превосходящихъ наши, такъ что по человѣческимъ соображеніямъ трудно было ожидать столь блистательнаго успѣха. Изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ изъ арміи узнаемъ мы радостное для Христіанъ событіе, что многіе Турки послѣ того *громогласно исповѣдали Христа, просили крещенія и запечатлѣли мученическою кровью* признаніе всепросвѣщающаго свѣта Христова.

Прискорбно-бы было, если мы Православные умолчали бы о столь дивномъ событіи, *страха ради* Европейскаго. Надобно желать, чтобы всѣ листки полицейскіе, всѣ вѣдомости въ Россіи разносили по православному народу радостную вѣсть о великомъ заступленіи Царицы Небесной въ началѣ войны, подъятой за вѣру Христіанскую: да вся узритъ, что аще Богъ *за ны*; и никто *на ны*, а кто постыдится исповѣдать Его предъ человѣками, того Богъ постыдитъ предъ Ангелами Своими.

(Найдено въ бумагахъ Ольги Николаевны Фанъ-деръ-Флитъ, скончавшейся въ 1892 году).

УПРАЗДНЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА, ЧТО НА РВУ ВЪ РОСТОВѢ-ВЕЛИКОМЪ И ЕЯ ВЛАДѢНІЯ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Въ 11 № за 1894 г. „Археологическихъ Извѣстій“ помѣщена статья А. В. Орѣшникова: „Памятникъ XV вѣка, находящійся въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ“. На этомъ замѣчательномъ памятникѣ есть слѣдующая надпись: „Въ лѣто 6967 мѣсяца Ноеврія 7, на память святыхъ мученикъ 30 и 3 въ Мелетіи, при благовѣрнѣмъ великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ всея Руси, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при митрополитѣ Іонѣ всея Руси, при князѣ Володимирѣ Андреевичѣ Ростовскомъ, и при его братѣ, и при архіепископѣ Ѳеодосіи Ростовскомъ, преставися рабъ Божій Илья Стеѳановъ сынъ Дьяковъ, положенъ бысть въ Ростовѣ у Святаго Воскресенія. И азъ многогрѣшный Стеѳанъ дьякъ, отецъ его, поставихъ крестъ сій надъ гробомъ сына своего и далъ есми по немъ великому Воскресенію 2 деревни Волково съ Трызорливымъ, да Лобково съ Лисицинымъ, и съ тѣхъ деревень попу съ дьякономъ половина жита, а черничамъ половина жита, далъ есмь Воскресенію въ домъ 10 рублевъ: попу 6, дьякону 4. А приказываю дому Воскресенія смотрити господину Ивану Дмитріевичу зятю и Алексѣю Поліектовичу и его сыну Роману. А кто похоче изъ дому Воскресенія что̀ взяти или тѣ деревни купити или продати силно, съ тѣми имѣю судъ во второе пришествіе предъ самемъ Христомъ. А по сыну моему Ильѣ по вся суботѣ поютъ два попа съ дьякономъ, весь родъ нашъ поминаютъ“.

Описывая обстоятельно этотъ памятникъ, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Ростовскомъ уѣздѣ деревень съ таковыми именами не встрѣчается; но за то въ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи ихъ находимъ по нѣскольку одного и того же имени, напримѣръ Лобково находится въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Лисицыныхъ три деревни: одна въ Ярославскомъ, двѣ въ Мышкинскомъ уѣздахъ; Волковыхъ 11 деревень въ разныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи. Только Трызорливаго авторъ не нашелъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ этого года я случайно пріобрѣлъ отъ одного букиниста чрезвычайно рѣдкій списокъ Ростовскаго уѣзда церковнымъ землямъ, письма̀ и мѣры князь Андрея Звенигороцкаго да подьячева Михайла Бухарева. Списокъ современной скорописи XVII в. въ 4-ку на 110 лл. На 65 л. списка значится: „Въ вотчинѣ изъ Ростова съ посаду приходные церкви

Воскресенія Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа, что въ старой Ямской улицѣ, пустошь, что была деревня *Лопково* на рѣчкѣ на Лигѣ, да къ ней же припущено въ пашню изстари займище *Лисицыно*, а въ ней три мѣста дворовыхъ. Пашни паханые наѣздомъ середніе земли шеснатцать чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло восемь чети въ поле, а въ дву потомужъ; сѣна на рѣкѣ Лигѣ и около полтритцать копенъ. Пустошь *Волково* на врагѣ Пердунскомъ, да къ ней же припущено въ пашню изстари займище *Стризорливое*. Пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли десять чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна пятнатцать копенъ. И всего Ростовскаго уѣзду приходные церкви Воскресенія Христова двѣ пустоши, а въ нихъ три мѣста дворовыхъ. Пашни паханые наѣздомъ середніе земли шеснатцать чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло осмнатцать чети; и обоего пашни и перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли тритцать четыре чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна сорокъ пять копенъ; въ пустѣ сошного письма полъ-полъ-полъ трети сохи и перешло за сошнымъ письмомъ пяти чети безъ полутретника пашни. А писаны къ церкви тѣ пустоши по списку съ даной лѣта 6967 (1458) Ноября въ 7 день; а далъ по душѣ сына своего Ильи Стеѳанъ дьякъ, а написана та дача на каменномъ крестѣ въ церкве".

Всѣ эти мѣстности находятся въ сторонѣ къ Борисоглѣбскому монастырю. Что же касается до Воскресенской, что на рву, городской церкви, то она упразднена въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ напечатанномъ мною въ XI т. „Русской Исторической Библіотеки", издаваемой Археографической Коммиссіею, спискѣ съ принадлежащей мнѣ рукописи, „переписныя книги Ростова Великаго второй половинѣ XVII вѣка", на стр. 20 значится: „Храмъ древенъ клѣтцки Воскресенія Христова, а въ храмѣ Божіе милосердіе образъ . . . да Николы Чюдотворца, да образъ святыхъ женъ Мѵроносицъ, всѣ на празелени. На монастырѣ жъ трапеза теплая нарѣченныя Пятницы. На монастырѣ жъ церковной землѣ дворъ попа Кипріяна, въ длину 20 саж., поперегъ 10 саж., сломанъ въ ровъ. Да на монастырѣ жъ келья проскурницы Ѳедоры, да пять келій, а въ нихъ живутъ нищіе, кормятца по міру Христовымъ именемъ, а нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Воскресенскій попъ".

Воскресенская церковь упоминается также и въ вѣдомости 1777 г., учиненной града Ростова заказчикомъ Ростовской соборной церкви протоіеремъ Стефаномъ и того жъ города Ростова десятоначальниками, по присланной къ нему, заказчику, изъ Ростовской Духовной Консисторіи при указѣ формѣ о находящихся въ г. Ростовѣ церквахъ и священно-церковно-служителяхъ и о прочихъ въ сей вѣдомости обстоятельствахъ *). Судя по этому оффиціальному документу, благосостояніе Воскресенской церкви было гораздо обезпеченнѣе многихъ другихъ городскихъ церквей того же г. Ростова.

---

*) Рукопись находится въ собраніи И. А. Вахрамѣева за № 647, см. мое описаніе, т. II, стр. 443.

Во время составленія описи, дьячкомъ этой церкви былъ Дмитрій Яковлевъ [1]), усерднѣйшій переписчикъ сочиненій Св. Димитрія и при томъ не съ печатныхъ, а рукописныхъ подлинниковъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ дѣда, бывшаго пѣвчимъ Св. Димитрія, а потомъ рукоположеннымъ имъ въ священники. Этотъ близкій человѣкъ къ Св. Димитрію былъ также постояннымъ переписчикомъ святительскихъ сочиненій и между прочимъ съ его черновыхъ тетрадей, разсылаемыхъ Св. Димитріемъ въ спискахъ по архіереямъ и по своей епархіи [2]). Списки дьячка Яковлева находятся во многихъ рукописныхъ собраніяхъ и отличаются особенно полнотой. Особенно интересны проповѣди Св. Димитрія на Малороссійскомъ языкѣ, переписанныя Яковлевымъ (съ его записью), очевидно съ подлинниковъ, такъ какъ эти проповѣди и по настоящее время полностію не напечатаны, а нѣкоторыя и совсѣмъ неизвѣстны [3]).

Наконецъ, Воскресенская церковь замѣчательна и тѣмъ, что священникомъ при ней во 2-й половинѣ XVIII ст. былъ отецъ извѣстнаго подвижника гробоваго іеромонаха Амфилохія, скончавшагося въ 1824 году Мая 26 [4]). Гробница этого замѣчательнаго старца, на поклоненіе къ которому пріѣзжалъ Александръ Благословенный, находится на паперти Спасо-Яковлевскаго Ростовскаго монастыря и нынѣ служитъ предметомъ поклоненія.

1895 г., Марта 14.

А. Титовъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) Письма Св. Димитрія къ Ѳеологу.

[3]) Рукопись моего собранія № 100, „Охранный каталогъ", вып. I, стр. 18.

[4]) Біографію Амфилохія, написанную однимъ изъ его почитателей въ 1826 г. и находящуюся въ рукописномъ собраніи И. А. Вахрамѣева, мы не въ продолжительномъ времени представимъ въ распоряженіе „Русскаго Архива", вмѣстѣ съ портретомъ старца.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ *).

Въ церкви Святаго Равноапостольнаго князя Владимира въ Садѣхъ, или въ Старыхъ Садѣхъ.

Въ придѣлѣ Св. Бориса и Глѣба на стѣнахъ:

1. „1721 года Іюня въ 12 день, во второмъ часу дня, на память преподобнаго отца нашего Ануфрія Великаго, преставися рабъ Божій стольникъ Θеодоръ Петровичъ Вердеревскій, а житія его было 68 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, а тезоименитство его Генваря въ 26 день и погребенъ противъ сей таблицы“.

2. „Лѣта 7134 Іюня противъ двадесятаго числа въ четвертомъ часу нощи, изволеніемъ Всесильнаго Бога, думный дворянинъ Василій Петровичъ Вердеревскій преселися отъ сего маловременнаго житія въ некончаемые вѣки, а тѣло его погребено на семъ мѣстѣ“.

3. „7199 году Февраля въ 24 день преставися раба Божія княгиня Парасковія Петровна князь Иванова жена Даниловича Великаго-Гагина.

4. . . . . . въ 7 день, на память св. мученикъ Сергія и Вакха, преставися раба Божія стольника Θеодора Петровича Вердеревскаго жена Акилина Ларіоновна“.

5. „Лѣта 7198 году Апрѣля въ 24 день преставися раба Божія стольника Петра Ивановича Вердеревскаго вдова Евдокія Андреевна“.

6. „7203 году Генваря въ 28 день преставися рабъ Божій Іаковъ Константиновичъ Нестеровъ и погребенъ на семъ мѣстѣ, а поживе 72 года, тезоименитство его Октября въ 9 день“.

7. „7203 году Іюня въ 5 день преставися раба Божія . . . . . Алексѣева жена Нестерова Матрена Фирсовна.“

Въ палаткѣ:

8. „1709 году Октября въ 25 день, на память св. великомученика Димитрія преставися раба Божія младенецъ Θедосья Семенова Хрущева, житія ея было годъ и 5 мѣсяцевъ.

---

*) См. выше, стр. 408.

9. „1725 года Іюля въ 30 день преставися рабъ Божій младенецъ Іоаннъ Семеновичъ Хрущевъ, а отъ рожденія житія его одинъ годъ 7 мѣсяцевъ; а тезоименитство его Генваря въ 7 день.

Снаружи:

10. 1725 году Мая въ 24 день преставися рабъ Божій сей церкви іерей Петръ Никитинъ, служилъ сей церкви 23 года, а отъ рожденія всего 47 лѣтъ; тутъ же погребена жена его Марія Ѳедотова дочь и сестра его Соломонія, а погребены противъ сего мѣста".

11. „1733 года Августа 4 дня въ . . . по полуночи преставися раба Божія сія церкви іерея Алексѣя Петрова жена Анастасія Макарьева, дочь житія . . . . а тезоименитство ея 22 Марта, а погребена противъ сей надписи.".

12. „1733 года Октября въ 6 день, по полуночи въ 3 часу преставися раба Божія Ксенія Ларіонова дочь Товарова, а тезоименитство ся Генваря въ 24 день, а погребено тѣло съ дѣтьми ея младенцы Іоанномъ, Татьяною и Еленою противъ сей надписи".

13. . . . . . раба Божія Алексѣева жена Нестерова Марѳа Алексѣевна и положена на семъ мѣстѣ, поживе 45 лѣтъ, тезоименитство ея Сентября въ 1 день".

Въ церкви Святителя Николая у Столпа или въ Столпахъ.

Внутри на правой сторонѣ, въ нижней церкви.

1. „1730 года, Іюня 30 дня противъ сего мѣста погребены тѣла стряпчаго съ ключемъ Панкратія Богдановича Сумарокова и жены его Ксеніи Павловны. Панкратій Богдановичъ преставися 730 году Іюня 29 дня по полуночи въ 4 часу, а житія его было 80 лѣтъ. Ксенія Павловна преставилась въ 729 г. Августа 27 дня по полудни въ 1 часу, и житія ея было 79 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Съ западной стороны.

2. „Предъ сею надписью вкось налѣво отъ стѣны 1 четверть погребено тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Петра Панкратьевича Сумарокова, который родился въ 1693 г. Іюня 29 дня, преставися въ 1766 г. Декабря въ 16 день, по полудни во 2 часу, проживъ въ суетномъ семъ мірѣ 73 г., 5 мѣсяцевъ и 17 дней".

3. „1763 г. Февраля 3 дня преставися рабъ Божій подполковникъ Иванъ Петровичъ Сумароковъ, по полуночи въ 9 часу, отъ роду ему было 33 года и 8 мѣсяцевъ и 5 дней, рожденіе и тезоименитство его Мая 29 дня, родился въ 1729 году, положено тѣло его отъ сей стѣны на аршинъ съ четвертью".

4. „1730 г. Августа въ 12 день преставися раба Божія по полудни въ 6 часу стольника Луки Ивановича Челищева жена его вдова Анна Иванова дочь, а житія ея было 74 года и погребена здѣсь.

5. „1702 г. Мая въ 10 день, на память св. апостола Симона Зилота, преставися раба Божія Ксенія въ 3 часу нощи, жена стольника Василія Ивановича Колычева, а отъ рожденія житія ея было 27 лѣтъ.

На лѣвой сторонѣ.

6. Лѣта 1736 г. Февраля 7 дня, на память преподобнаго отца нашего Парѳенія епископа, преставися раба Божія стольника Стеѳана Аѳанасьевича Сабакина жена его вдова Александра Андреевна, а тезоименитство ея сего мѣсяца 18 числа, погребено тѣло ея въ церкви Николая чудотворца, что у Столпа въ исподней церкви въ трапезѣ противъ сей доски, а сія доска сочинена тщаніемъ зятя ея г-на капитана Петра Прохоровича Скрябина, сего 1740 года".

7. „1746 г. Мая 2 дня, по полуночи въ 5 часу, на память св. Аѳанасія Александрійскаго преставися рабъ Божій благородный господинъ ѳлота лейтенантъ Левъ Александровичъ Милославскій родился въ 700 г. Февраля 17 дня, супружество воспріялъ въ 1729 году Мая 30 дня, всего житія его 46 лѣтъ 2 мѣсяца и 14 дней и погребенъ противъ сей подписи".

На сѣверной сторонѣ.

8. „1748 г. Генваря 3 дня, по полуночи въ 5 часу, преставися ѳлота лейтенанта Льва Александровича Милославскаго дщерь дѣвица Екатерина Львовна, житія ея было 16 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ и 28 дней, тезоименитство ея Ноября 24 дня, и погребена противъ сей подписи.

9. „Лѣта 7163 г. Апрѣля въ 1 день, на память преподобныя Маріи Египетскія, преставися рабъ Божій Михаилъ Васильевичъ Милославскій. Тутъ же погребены внучата его, дѣти окольничьяго Ивана Михайловича Милославскаго, а преставленіе ихъ: 165 года Февраля въ 8 день Василій Іоанновичъ, 166 г. Мая въ 25 день Семенъ Ивановичъ, 168 Мая въ 30 день Михаилъ Ивановичъ, 171 Мая въ 1 день Семенъ Ивановичъ, 173 Мая въ 8 день Михаилъ Ивановичъ, 174 Октября въ 8 день Анна Ивановна, 176 Августа въ 23 день Петръ Ивановичъ".

„10. Родъ боляр. . . . . . Михайловича Милославскаго. Лѣта 7193 г. Іюля противъ 27 числа въ 4 часу нощи представися рабъ Божій бояринъ Іоаннъ Михайловичъ Милославскій, поживе отъ рожденія своего 50 лѣтъ; день тезоименитства Ангела его Генваря въ 7 день соборъ Іоанна Предтечи".

11. „1727 года Апрѣля въ день, при семъ мѣстѣ лежитъ тѣло рабы Божія Елисаветы дѣвицы дщери Василія Приклонскаго, рожденіе ея было 1717 г. Апрѣля 28 числа, въ 4 часа по полудни, а житія ея было въ жизни сей 9 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 20 дней, отыде въ вѣчное переселеніе сего 727 г. Апрѣля противъ 19 числа, 3 часа по полунощи".

Въ палаткѣ.

12. „7190 г. Мая въ 15 день, на память убіенія Св. благовѣрнаго царевича Дмитрія Московскаго и всея Россіи, волею Всемогущаго и Всесильнѣйшаго царя царей и Бога, въ смутное время отъ воровъ и бунтов-

щиковъ убіенъ бысть рабъ Божій шестилѣтній страдалецъ, скончався мученически, ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, три дня пребылъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, свободися изъ общаго соблюденія и изъ заточенія изъ Пустоозерскаго острога въ 4 день убо скончася вѣнцемъ страданія, поживе всѣхъ отъ рожденія своего лѣтъ 57, погребенъ бысть мѣсяца того жъ въ 18 день, на память св. мученикъ Петра и Діонисія и иже съ ними, въ лѣто отъ сотворенія міра 7190 г. отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1682 г.".

13. „Гробъ супруги блаженнаго болярина Артамона Сергѣевича Матвѣева болярини Евдокіи Григорьевны, а преставленіе ея въ 120 году Августа въ 24 день, на память принесенія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра митрополита Кіевскаго и всея Россіи чудотворца".

14. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, а рожденіе его 7176 г. Августа въ 15 день, а тезоименитство его того жъ Августа въ 19 день и преставися 1723 г. Сентября въ 16 день. Всѣхъ лѣтъ поживе 63 лѣта".

15. Подъ симъ гробнымъ камнемъ погребено тѣло высокославнаго Россійской Императорской лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручика Апполона Ивановича сына Хомутова, который родился 1723 г. Ноября 12 числа, тезоименитство Декабря 14 числа, а преставился 1757 г. Апрѣля 7 числа, и тако житія его было 33 года, 4 мѣсяца и 27 дней".

16. Подъ симъ мѣстомъ гробы дѣтей ближняго окольничьяго Андрея Артамоновича Матвѣева младенцевъ: Маріи, Евдокіи, Анны, Маѳы, Татьяны, Анны, Наталіи, младенца Андрея, младенца Елены, а преставленіе ихъ въ разныхъ лѣтахъ, мѣсяцахъ и числахъ".

17. „Лѣта 7199 г. Мая въ 3 день преставися рабъ Божій стольникъ Іоаннъ Петровичъ Хомутовъ".

18. „Лѣта 7207 г. Октября въ 4 день, противъ 5 числа, во 2 часу нощи во 2-й четверти, на память св. священно-мученика Іероѳея епископа Аѳинскаго, преставися раба Божія ближняго окольничьяго Андрея Артамоновича Матвѣева супруга Анна Стеѳановна, дщерь стольника Стеѳана Александровича Аничкова. Поживе въ благочестивомъ и цѣломудренномъ ея супружествѣ 15 лѣтъ и 4 мѣсяца и 5 дней, всѣхъ же жизни 33 лѣта отъ рожденія своего въ вѣрѣ и надеждѣ грядущаго воскресенія въ послѣдній день православно-христіанскою кончиною соверши".

Снаружи палатки.

19. „1730 года Февраля въ 5 день, на память св. мученицы Агаѳіи, преставися рабъ Божій дому тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Артамоновича Матвѣева служитель Леонтій Артемьевъ Матиской, житія его было 80 лѣтъ, а тезоименитство его Мая 23 дня и погребенъ противъ сей таблицы подъ положеннымъ камнемъ; да подъ тѣмъ же камнемъ погребенъ того жъ дому карла Тимоѳей Михайловъ сынъ Сахаровъ, житія его было 63 года".

Около церкви.

20. „1753 года Апрѣля 5 дня на семъ мѣстѣ погребена раба Божія дѣвица Марія Ильинишна Протопопова, житія ея было отъ роду 40 лѣтъ, а тезоименитство ея Августа 9 числа“.

21. „1753 г. на семъ мѣстѣ погребена раба Божія дѣвица Агриппина Алексѣевна Протопопова, а житія ея было отъ роду 8 лѣтъ, а тезоименитство ея Іюня 23 числа“.

22. „Противъ сего письма погребены тѣла стольниковъ Александра Ивановича и дѣтей его Михаила и Ѳеодора Опухтиныхъ“.

23. „1753 г. Сентября въ 11 день преставися раба Божія стольника Михайлова жена Ивановича Полтева Евдокія, стольника Александра дочь Ивановича Опухтина, погребено тѣло ея противъ сей подписи“.

24. „1713 г. Іюня 13 числа преставися раба Божія княгиня Евдокія князя Алексѣева жена Ивановича Шаховского, а житія ея было 26 лѣтъ.“

На сѣверной сторонѣ.

25. „Подъ сею лѣтописью, подлѣ самаго сего столпа погребены младенцы, дѣти государственной коллегіи оберъ-аудитора Ѳеодора Васильева Дурасова: дщерь его младенецъ Марія, родися 724 г. Марта 28 дня, преставися 1726 Сентября 17 дня, па память св. мученицъ Софіи, и чадъ ея Вѣры Надежды и Любви, всего поживъ 2 г. 5 мѣсяцевъ и 21 день; да сынъ его младенецъ Доримедонтъ, родися 1726 г. Октября 28 числа по полудни въ 10 часу въ 12-е Марта, преставися 1727 г. Генваря 31 дня по полунощи въ 8 часу, всего поживе 3 мѣсяца и 3 дня“.

26. „Здѣ почиваютъ усопшіе священнослужители сея святыя церкви іерей Алексѣй Яковлевичъ, діаконъ Зиновій Ѳеоктистовичъ. Преставися іерей лѣта 7203 Декабря 11 дня, послужи у сего храма 33 лѣта, а всего житія его было 67 лѣтъ. Діаконъ преставися Іюля 20 сего жъ года, служи Господу у сея церкви 42, а всего житія его было 63. Чтый да глаголетъ: упокой Господи душу ихъ во царствіи Своемъ небесномъ. Сіе надписаніе сочиниша дѣти ихъ дьяки царскаго величества Артемій Алексѣевичъ Волковъ, Іосифъ Зиновьевичъ Татариновъ“.

Въ палаткѣ.

27. „Лѣта 7150 Марта въ 20 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ въ обители Св. Саввы избіенныхъ отъ Срацинъ и св. мученицы Фотиніи Самаряныни, преставися раба Божія младенецъ Екатерина Артамонова дочь, Сергѣева сына Матвѣева“.

Снаружи у алтаря съ южной стороны.

28. „1749 г. Генваря 6 дня погребенъ на семъ мѣстѣ рабъ Божій града Ржева Володимировыхъ соборныя церкви дьячекъ Климентъ Васильевъ сынъ Протопоповъ, а преставися сего мѣсяца противъ 4 числа во 2 часу по полуночи, а всего житія его было 74 года; да здѣсь же погребенъ сынъ

его рабъ Божій Московскій купецъ Евсевій Клементьевъ сынъ Протопоповъ, а преставися Февраля 1 числа въ 4 часу дня 1750 году, поживе отъ роду своего 45 лѣтъ, погребенъ отъ церковной стѣны противъ сей таблицы 4 аршина".

Въ церкви Успенія Божіей Матери, что въ Котельникахъ на Покровкѣ.

Внизу на правой сторонѣ.

1. „1703 года Мая въ 30 день преставися гость Іоаннъ Матвѣевичъ Сверчковъ, и погребено тѣло его здѣ, противъ сего надписанія Іюня 1 числа."

На лѣвой сторонѣ.

2. „1733 года Августа въ 30-й день въ 1 часу дня преставися рабъ Божій гостевъ сынъ Матвѣй Ивановъ сынъ Сверчковъ, житія его было 37 лѣтъ и 21 день и погребенъ противъ сей таблицы".

3. „1739 года Генваря 8 дня преставися раба Божія публичнаго нотаріуса Ивана Петрова сына Сверчкова жена его Мароа Ларіонова дочь .... житія ея было 38 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 10 дней".

Съ улицы подъ алтаремъ.

4. „7189 года Іюня въ 11 день, на память св. апостолъ Вароөломея и Варнавы, преставися рабъ Божій дьякъ Григорій Алексѣевичъ Михайловъ."

5. „Лѣта 122 года Мая въ 5 день, на память святыя мученицы Ирины, преставися рабъ Божій Семенъ Петровичъ Вяземскій и положенъ здѣ".

Въ церкви положенія честныхъ веригъ св. апостола Петра близъ Покровки.

(Въ настоящее время церковь разобрана).

Снаружи на стѣнахъ.

1. „1755 года Декабря 23 дня преставися рабъ Божій сея церкви святаго апостола Петра веригъ, что̀ на Покровкѣ, іерей Іоаннъ Иларіоновъ, а отъ роду житія его было 53 года и 10 мѣсяцевъ, а погребенъ противъ сей таблицы".

2. „Лѣта 7182 году Августа 20 дня преставися рабъ Божій Іоаннъ Андреевичъ Михайловъ и погребенъ съ братьями и сестрами своими при семъ мѣстѣ, дѣти Андрея Васильевича Михайлова".

3. „1729 года Августа въ 8 день преставися раба Божія Анна Ивановна Пышницкая, а житія ея было 77 лѣтъ. При ней погребены дѣти ея Өеодоръ Львовъ сынъ Пышницкой, преставися Іюля мѣсяца 1 дня 1718 года, житія его было 18 лѣтъ. Ирина Львовна Макарова, преставися Февраля 22 дня 1726 года, поживе 37 лѣтъ, да зять ея дьякъ Иванъ Васильевичъ сынъ Макаровъ, преставися Августа въ 6 день 1726 года".

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Украинскіе казаки и паны передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. П. Кулиша. III. (Продолженіе). „Русское Обозрѣніе". **Мартъ.**

Говорится о похожденіяхъ самозванца Александра Оттомануса, о роли Іова Борецкаго во всей этой исторіи и о расправѣ Конецпольскаго съ казаками подъ „Медвѣжьими Лозами". Самымъ страшнымъ орудіемъ противъ неофитовъ папства была ложь, распущенная про жестокости и насилія Поляковъ противъ казаковъ и Православія столь искусно, что даже довѣренный Борецкаго, священникъ Филиппъ вѣрилъ ей. Начинаясь съ легендарнаго замурованія Косинскаго въ каменномъ столбѣ и сожженія Наливайка въ мѣдномъ быкѣ, сказки о претерпѣнныхъ отъ Ляховъ ужасахъ идутъ непрерывно черезъ всю Русскую писменность до послѣдняго времени.

Ломоносовъ и его современники. I. Первое прочное установленіе народной литературы. Подражаніе и заимствованіе. Международныя литературныя взаимодѣйствія. Состояніе школы. Третьяковскій и Сумароковъ. **А. Н. Пыпина.** „Вѣстникъ Европы". Мартъ.

Ломоносовъ есть величайшее имя нашей литературы XVIII в., благодаря тому, что онъ пролагалъ пути въ самыхъ различныхъ отрасляхъ науки и литературы, становился руководящимъ авторитетомъ въ такой широкой области знанія и поэзіи, какой съ тѣхъ поръ не обнималъ ни одинъ изъ нашихъ писателей и своимъ стремленіямъ на поприщѣ знанія и литературы придавалъ ту властную силу, которую сообщаютъ сильный первостепенный умъ и глубокое убѣжденіе. И онъ и его современники явились первыми писателями въ настоящемъ смыслѣ слова; въ нихъ возникла литературная жизнь, какъ необходимое явленіе жизни общественной. Они одинаково чувствовали, что стоятъ въ началѣ новаго періода. Эпоха Петра должна была представляться повелительнымъ указаніемъ дальнѣйшаго труда на поприщѣ начатыхъ преобразованій и на поприщѣ знанія. И у Ломоносова это чувство стало убѣжденіемъ, проникавшимъ неизмѣнно всѣ его помыслы. Въ примѣненіи къ литературѣ и наукѣ исполненіе завѣтовъ Петра было также обязательно, какимъ признавали его въ другихъ областяхъ національной жизни. Ясно, что для „насажденія" литературы слѣдовало обратиться къ тому же источнику, откуда брались новыя государственныя учрежденія, новыя науки—къ Западной Европѣ.

Затѣмъ г. Пыпинъ въ долгомъ

изложеніи старается снять съ литературы XVIII в. упрекъ въ подражательности.

Задача Ломоносова и его современниковъ была двоякая: опредѣлить содержаніе и форму новой литературы и выработать ея языкъ. Первая рѣшалась сама собою, псевдоклассицизмъ являлся существенною формою; вторая была сложнѣе.

Состояніе школы показываетъ, насколько общество было подготовлено къ литературному нововведенію.

Третьяковскій трудился прежде всего надъ тѣмъ, чтобы дать новой литературѣ теоретическія основанія. Замѣчательно, что онъ искалъ въ народной пѣснѣ основаній новаго стихосложенія, наперекоръ „суетностроптивымъ" людямъ.

Въ то время, какъ значеніе автора Телемахиды мало оцѣнено, о произведеніяхъ Сумаркова составлено самое высокое мнѣніе; самъ онъ себя считалъ Россійскимъ Рассиномъ и даже Вольтеромъ. Заслуга его въ томъ, что онъ представилъ первый примѣръ правильной, по тогдашнимъ понятіямъ, трагедіи послѣ школьныхъ драмъ. Впрочемъ Ломоносовъ не выносилъ его поэзіи и называлъ ее „риѳмичествомъ". Бо́льшее значеніе имѣютъ его сатиры и басни, въ нихъ онъ является предшественникомъ сатирическихъ журналовъ и Фонъ-Визина.

Георгій Конисскій (1795—1895). Е. В. Ливотова. „Русское Обозрѣніе". Статья не окончена, авторъ даетъ лишь краткій очеркъ жизни святителя и доводитъ его до назначенія Конисскаго епископомъ. Доселѣ не обращено вниманія на то, что фельдмаршалъ Паскевичъ воспріятъ былъ отъ святой купели Георгіемъ Конисскимъ, и ему съ дѣтства могли быть памятны насилія Поляковъ.

А. С. Грибоѣдовъ. (Новые документы къ его біографіи). Сообщены С. А. Бѣлокуровымъ. „Русское Обозрѣніе". Мартъ.

Документы эти, не важные сами по себѣ, даютъ возможность установить нѣкоторыя хронологическія данныя въ жизни Грибоѣдова; такъ, аттестатъ университетскій показываетъ, что Грибоѣдовъ окончилъ курсъ въ 1808 г., а не въ 1812; интереснѣе бумаги относящіяся къ дуэли Шереметева съ гр. Завадовскимъ—обстоятельство заставившее Грибоѣдова оставить Петербургъ.

Н. Ф. Павловъ. † 29 Марта 1865 г. „Русское Обозрѣніе". Мартъ.

Любопытная замѣтка о несправедливо-забытомъ писателѣ и критикѣ; приведены выдержки изъ его статей.

Изъ прошлаго. II. Университетъ (1843—1849) *Н. П. Колюпанова.* „Русское Обозрѣніе". Мартъ.

Авторъ поступилъ на математическій факультетъ Московскаго Университета, но профессора не съумѣли его заинтересовать; преподаваніе велось очень вяло; случайно, зайдя на лекцію П. Г. Рѣдкина онъ плѣнился имъ и записался на юридическій факультетъ. Большія похвалы воздаются Кавелину, не говоря о Грановскомъ. Чрезмѣрнымъ увлеченіемъ западничествомъ, царившимъ среди общества и въ университетскихъ кругахъ, объясняетъ Колюпановъ развитіе славянофильства и его законность. Внутренняя жизнь студентовъ отличалась буйствомъ и пьянствомъ, столкновенія съ полиціей были часты и бурны.

ВОПРОСЪ XVII-й.

На комъ былъ женатъ Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ?

М. И. Пыляевъ въ книгѣ „Старая Москва" на стр. 394-й, гдѣ идетъ рѣчь о родѣ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, останавливается на первомъ изъ нихъ, Иванѣ Алексѣевичѣ и говоритъ слѣдующее: „На Арбатѣ, въ приходѣ Бориса и Глѣба, въ Петровскія еще времена, стояли богатыя каменныя палаты ближняго боярина царя Алексѣя Михайловича, Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, бывшаго при Петрѣ главнымъ начальникомъ Монастырскаго Приказа, управляющимъ Петербургской типографіей и сенаторомъ [1]). Мусинъ-Пушкинъ обладалъ большимъ умомъ и находился въ большой милости при дворѣ. Семейное преданіе Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняетъ эту милость *родственными отношеніями тишайшаго царя къ женѣ Ивана Алексѣевича.* По этому преданію второй сынъ Пушкина, Платонъ, былъ сыномъ царя Алексѣя. П. Ѳ. Карабановъ, по поводу этого разсказываетъ, что Пушкинъ добровольно уступилъ свою супругу царю. И царь, утѣшаясь и любя этого Платона, иначе не называлъ его, какъ „мой сынъ Пушкинъ". Онъ былъ замѣчательно похожъ на Петра. Петръ Великій называетъ его своимъ братомъ".

Г. Пыляевъ здѣсь повторяетъ невѣрный разсказъ Карабанова и приписываетъ женѣ Ивана Алексѣевича то чего не было. Царь Алексѣй Михайловичъ не называлъ Платона Мусина-Пушкина „мой сынъ Пушкинъ", потому что онъ умеръ, когда Платона еще не было на свѣтѣ. Петръ Великій не называлъ Платона Ивановича братомъ, каковымъ онъ ему и не приходился, а называлъ племянникомъ, что́ видно изъ письма Петра къ князю Борису Ивановичу Куракину (1716 г.), которое напечаталъ и г. Пыляевъ (на 395 стр.), но не обратилъ вниманія, что оно противорѣчитъ сказанному имъ на той же страницѣ. Вотъ это письмо: „Господинъ подполковникъ. Посылаемъ мы къ вамъ, для обученія политическихъ дѣлъ, ***племянника нашего Платона***, котораго вамъ, яко свойственнику свойственника [2]) рекомендую. Петръ".

Изъ этого видно, что Петръ братомъ считалъ не Платона, а его отца Ивана Алексѣевича, и слѣдовательно царь Алексѣй Михайловичъ былъ близокъ не къ женѣ Ива̂на Алексѣевича, а къ женѣ его отца, ближняго стольника Алексѣя Богдановича. Иванъ же Алексѣевичъ былъ женатъ на родной

---

*) И. А. Мусинъ-Пушкинъ никогда не былъ ближнимъ бояриномъ царя Алексѣя Михайловича, такъ какъ только въ 1683 г. онъ пожалованъ окольничимъ и лишь въ 1698 г. бояриномъ. Врядъ ли онъ былъ при Алексѣ Михайловичѣ даже стольникомъ, хотя стольниками назначались подростки 13—15 лѣтъ, каковыхъ лѣтъ приблизительно и былъ Иванъ Алексѣевичъ въ годъ кончины царя Алексѣя (1676 г.). Л. С.

*) См. Архивъ князя Ѳ. А. Куракина кн. 1-я. Петръ первый и кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ были женаты на родныхъ сестрахъ Лопухиныхъ. Л. С.

племянницѣ патріарха Іоакима, Маврѣ Тимоѳеевнѣ, дочери думнаго дворянина и патріаршаго боярина Тимоѳея Петровича Савелова. Потомство его пресѣклось, и нынѣшіе графы Мусины-Пушкины происходятъ отъ извѣстнаго археолога и синодальнаго оберъ-прокурора графа Алексѣя Ивановича *).

Л. М. Савеловъ.

ВОПРОСЪ XVIII-й.

Извѣстный мореплаватель капитанъ-командиръ Ив. Ив. Берингъ начальствовалъ двумя экспедиціями, носящими его имя. Первая изъ нихъ была въ 1725—1730 г., а вторая, такъ называемая „Сѣверная“ съ 1733—1743. Во время „Сѣверной экспедиціи“ съ 1733 по 1739 г. самъ Берингъ принималъ только распорядительное участіе. Все нижеслѣдующее будетъ относиться къ промежутку времени между 1733 и 1739 г. Часть „Сѣверной экспедиціи“ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Степана Воиновича Муравьева (р. 1707, прадѣдъ графа Муравьева-Амурскаго), выѣхала въ 1734 г. изъ Архангельска; на судахъ этой экспедиціи находились также: лейтенантъ Павловъ и монахъ Арсеній Мацѣевичъ, впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій, умершій въ 1772 (или 1779 или 1787) году въ ссылкѣ въ Ревелѣ. Впервыя экспедиція Муравьева достигла Шараповыхъ Кошекъ, но за зимнимъ временемъ, вѣроятно, она зазимовала въ Пустозерскомъ острогѣ. По неизвѣстной мнѣ причинѣ, лейтенантовъ Муравьева и Павлова и монаха Арсенія потребовали въ Петербургъ, куда они прибыли 24 Января 1736 г. Послѣ допросовъ Арсеній Мацѣевичъ былъ найденъ невиновнымъ и его отправили вновь въ Пустозерскій острогъ. Слѣдствіе же надъ офицерами продолжалось, и ихъ освободили отъ суда съ увольненіемъ отъ службы только послѣ кончины Анны Ивановны, между регентствомъ Бирона и Анны Леопольдовны, т. е. въ промежуткѣ времени между 18 Октября 1740 г. и 25 Ноября 1741 года.

У меня хранится кортикъ моего прапрадѣда Степана Воиновича Муравьева. На одной его сторонѣ золотомъ насѣчено „Богу и Отечеству“, на другой „Виватъ Анна великая“. Мнѣ совершенно неизвѣстно, есть-ли кортикъ съ такой подписью — исключеніе, или же тогда было принято носить кортики съ такою подписью и слѣдовательно, по надписи на кортикѣ я не могу заключить, былъ-ли мой прапрадѣдъ съ другими лицами Сѣверной экспедиціи въ заговорѣ противъ императрицы Анны; потому что ничѣмъ другимъ нельзя объяснить того обстоятельства, что арестованные въ 1735 году офицеры Сѣверной экспедиціи были освобождены только послѣ кончины императрицы Анны. Я былъ бы крайне обязанъ за указаніе, гдѣ напечатано описаніе 2-ой Беринговской экспедиціи (Сѣверной) и вообще за всякія разъясненія по загадочному аресту 1735 года С. В. Муравьева, Павлова и Арсенія Мацѣевича.

М. В. Муравьевъ.

---

*) Въ 1651 году жилъ въ Ярославскомъ краю Савелій Мусинъ-Пушкинъ (см. Акты Московскаго Государства. Спб. 1894, стр. 281).

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1895 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

Москву.—Письмо А. П. **Ермолова.—Дѣла** на **Кавказѣ.—Будущій** графъ **Амурскій.**—Е. А. Головинъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Бесѣды съ графомъ Орловымъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Назначеніе графа Воронцова на Кавказъ.—Генералъ Анрепъ.—Князья Илья и Владимиръ Андреевичи Долгорукіе). 1845—1848. (По возвращеніи изъ Петербурга.—Поѣздка въ Митаву.—Прибалтійскіе бароны.—Православные Латыши.—Въ Митавѣ.—Въ Нарвѣ.—Въ Петербургѣ.—Возвращеніе домой.—Возвращеніе на службу.—Прощаніе съ деревнею).

265. Дѣло Венгерское. **А. А. Карасева.**

465. Живописецъ Малороссійской старины. **В. П. Горленка.**

537. А. О. Смирнова о Гоголѣ (изъ ея Записокъ).

276. Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. (Письма графа **А. Ѳ. Орлова** къ князю П. А. Ширинскому - Шихматову). Сообщено графомъ **Д. А. Толстымъ.**

373. Письма объ Амурскомъ краѣ 1857 и 1858 годовъ.

401. Черты военнаго быта на дальнемъ Востокѣ. Изъ бумагъ **М. В. Савелова** (Договоръ между Японіей и Кореею).

225. Записка **А. В. Никитенки** о направленіи журнала „Русское Слово". (1861).

124. Повстанье въ Гроднѣ въ 1863—1864 году. **И. А. Митропольскаго.**

56. Желѣзнодорожныя впечатлѣнія. Изъ воспоминаній **В. А. Роткирха.**

37. Объ архивахъ Дагестанской области. (Генералы Клюки-фонъ-Клугенау и Фезе). **Е. И. Козубскаго.**

120. По поводу Записокъ М. Я. Ольшевскаго. Замѣтки **А. Л. Зиссермана.**

545. Изъ письма **Исидора,** экзарха Грузіи, къ Московскому митрополиту Филарету.

43, 231, 257 и 502. Наброски изъ воспоминаній **князя Д. Д. Оболенскаго.** (Комисаровъ-Костромской.—Ефремовское предводительство.—Ряжско-Вяземская желѣзная дорога.—Открытіе Орловско-Витебской желѣзной дороги.—А. В. Шереметевъ.—А. Б. Козаковъ.—Графы Бобринскіе.—Рекрутскіе наборы.—М. Р. Шидловскій.—Н. И. Путиловъ.—Семья князей Львовыхъ.—Князь А. В. Долгорукій.—Въ уѣздахъ Епифанскомъ и Ефремовскомъ.—Н. Г. Рубинштейнъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—М. Д. Скобелевъ.—Графъ В. А. Соллогубъ.—П. П. Свиньинъ.—Н. С. Корсаковъ.—В. Д. Давыдовъ.—Богачъ Яковлевъ.—А. С. Козловъ.—Л. Н. Гартунгъ.—Епифанское предводительство.—Д. А. Балкашинъ.—Запустѣніе усадебъ.—Ряжско - Вяземская дорога.—Каменный уголь.—В. П. Мининъ.—Принцъ Валійскій въ Москвѣ).

371. По поводу воспоминаній князя Д. Д. Оболенскаго. Замѣтка **И. А. Митропольскаго.**

438. Изъ Писемъ Его Императорскаго Высочества **Великаго Князя Константина Николаевича** къ статсъ-секретарю А. В. Головнину (1886). Мозаика Венеціанская и Римская. Сообщ. **К. П. Побѣдоносцевымъ.**

483. Памяти митрополита Леонтія.

532. Родъ Поливановыхъ. Замѣтка **Л. М. Савелова.**

497. Бенкендорфы графы и дворяне.

229. По поводу „Памятныхъ тетрадей" С. М. Сухотина. **Изъ письма къ издателю А. А. Манжоса.**

156 О пятомъ томѣ книги: „Семейство Разумовскихъ". **У. Ш.**

536. Московскій Музей П. И. Щукина. **Издателя.**

285, 414 и 556. Историческія статьи въ журналахъ не-историческихъ.

288. Вопросъ XVI-й.

557. Вопросъ XVII-й

415. Поправки и замѣтки.

287. Дополненія и поправки.

Въ приложеніи: Письма **В. А. Жуковскаго** къ А. И. Тургеневу, по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. 1805—1814 годы. Съ примѣчаніями **И. А. Бычкова.**

для меня нужными; напримѣръ тѣ, въ которыхъ могу я получить порядочное понятіе о вспомогательныхъ наукахъ исторіи: статистику, политическую экономію, Staatsrecht [3]), географію и другія, не забывши и тѣхъ, о которыхъ я просилъ тебя въ моихъ послѣднихъ письмахъ; ты сдѣлаешь мнѣ этимъ истинное благодѣяніе, а бѣдный карманъ мой избавишь отъ горестнаго убытка.

Прожектъ Уварова я прочиталъ и прошу тебя сказать ему отъ меня усердную благодарность за доставленіе этой книги. Мнѣ пріятно было узнать его со стороны его свѣдѣній, и онъ долженъ принадлежать, если не ошибаюсь, къ числу необыкновенныхъ людей изъ Русскихъ. Жалѣю только объ одномъ: онъ раздѣляетъ, какъ видно, со многими несчастіе предубѣжденія противъ всего Русскаго и лучше соглашается не быть оригинальнымъ на Французскомъ языкѣ, нежели унизить талантъ свой до Русскаго и быть отличнымъ писателемъ Русскимъ (если только NB онъ хочетъ быть писателемъ, на чтó, кажется, даютъ ему право его хорошія свѣдѣнія, между Русскими необыкновенныя). Я очень далекъ отъ грубаго восхищенія à la Glinka [4]); но чтó же будетъ съ нашимъ бѣднымъ отечествомъ, если мы всѣ безъ изъятія будемъ пренебрегать его и восхищаться всѣмъ, чтó только не наше. Кому же и сдѣлать любезнымъ Русское, какъ не людямъ съ талантомъ, и особенно людямъ свѣтскимъ, соединяющимъ съ остроуміемъ и пріятностію, пріобрѣтенными въ большомъ свѣтѣ, и талантъ, полученный отъ натуры, и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ кабинетѣ. Что же касается до самаго прожекта, то онъ дѣлаетъ честь изобрѣтателю, но едва ли можетъ быть очень полезенъ въ Россіи. Тогда бы, кажется, могли мы заниматься и съ жаркимъ рвеніемъ, и съ вѣрною пользою разсматриваніемъ литературы Азіатской (привлекательной только для любопытства людей ученыхъ), когда бы уже стояли на высокой степени образованія; но гдѣ же у насъ образованіе и гдѣ ученость? Выпишу одну статью изъ прожекта; она послужитъ неоспоримымъ его опроверженіемъ: Et s'il est vrai, que nous sommes arrivés à l'une de ces époques, qui ne sont pas inconnues dans l'histoire de la civilisation, où l'esprit humain, parvenu au dernier terme de son abondance productive et ne pouvant plus suffire à la fermentation des idées, se replie sur lui-même pour recueillir de nouvelles forces par l'analyse de ses propres richesses: jamais la renaissance des études orientales ne pouvait rencontrer des circonstances plus favorables. Ce vif élan [5])…. и прочее (прочти весь девятый параграфъ первой части).

---

[3]) Т. е. государственное право.

[4]) См. прим. 8-е къ письму XXV-му.

[5]) Т. е. И если справедливо, что мы наконецъ достигли до той эпохи (уже извѣстной въ исторіи просвѣщенія), эпохи, въ которую человѣческій умъ, ступившій на крайнюю степень изобилія творческаго и не могущій удовлетворять собственному своему стремленію, обращается на самого себя, дабы, исчисливъ свои сокровища, пріобрѣсть новыя силы: то неоспоримо, что возрожденію наукъ восточныхъ встрѣтились самыя счастливыя обстоятельства. Стремленіе живое (и пр.) (см. переводъ Жуковскаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 года, № 1, стр. 49 - 50).

6

Si nous sommes arrivés, но мы еще очень далеко отъ этой эпохи. У насъ еще никто не воображаетъ, чтобы Латинскій и Греческій языкъ были нужны для воспитанія; мы еще не имѣемъ порядочной Русской грамматики. Это правда, что мы въ сношеніи съ такими народами, которые дошли уже до степени *пресыщенія* въ образованіи умственномъ и которые необходимо должны требовать *новаго* для того, чтобы оживлять умственную свою дѣятельность; но намъ это *сношеніе* не даетъ еще права на *равенство*, и то, что́ можетъ быть весьма полезно для нашихъ сосѣдей, то очень еще безполезно для насъ. Въ Германіи напримѣръ заведеніе Академіи Азіатской привело бы всѣ головы въ движеніе; у насъ займетъ оно нѣсколько образованныхъ головъ, и то вѣроятно головъ, покрытыхъ Нѣмецкими париками, а всѣмъ вообще Русскимъ покажется странностію; и Академія Азіатская внутри Россіи будетъ не иное что́ *для Русскихъ*, какъ храмъ, въ которомъ совершаются таинства непостижимыя и совершенно неприступныя для профановъ. И я почти увѣренъ, что эта Академія, если она только будетъ основана, будетъ одно *пышное имя*, и что литература Азіатская не можетъ еще быть привлекательна для такого народа, который не имѣетъ литературы *собственной*, очень поверхностно знако́мъ съ литературой Французскою и никакой идеи не имѣетъ о древней, объ Англійской и Нѣмецкой. У насъ заведено и Общество Историческое; но что́ же оно сдѣлало, это Общество [6])? А предметъ его *Русская исторія*! Мы сидимъ еще за Русскою азбукою, а хотимъ уже разбирать Китайскую и проницать въ глубину древнѣйшей исторіи тогда, когда у насъ переведена только одна Миллотова всеобщая [7]), а оригинальная Русская единственно та, которая издана для народныхъ училищъ [8]). Можно ли при такомъ богатствѣ словесности воображать *пресыщеніе* и примѣтное желаніе пріобрѣтать *новое*? Ce vif élan, cette force de produire и пр. ne caractérisent pas le siècle où nous vivons [9]). Это правда; но одно дѣйствіе отъ разныхъ причинъ. Сосѣди наши отъ того

---

[6]) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ было учреждено, по мысли Августа Шлёцера, въ 1804 году. До конца 1810 года оно не обнаружило никакой особенной дѣятельности и не выпустило въ свѣтъ никакихъ трудовъ. За́ первыя шесть съ половиною лѣтъ Общество успѣло лишь напечатать, подъ наблюденіемъ Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова, десять листовъ (80 страницъ) Лѣтописи по Лаврентіевскому списку; это изданіе не было выпущено въ свѣтъ (см. Н. А. Поповъ, Исторія Императ. Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійск., ч. I (1804—1812) стр. 49, 53 и 83—88 (въ „Чтеніяхъ“ Общества, 1884 г., кн. первая).

[7]) Древняя и новая исторія отъ начала міра до настоящаго времени.... соч. аббата Милота, 9 частей, Москва, 1785. Второе изданіе, подъ заглавіемъ: „Основанія всеобщей исторіи“, вышло тамъ же, въ 9 же частяхъ, въ 1804—1806 гг. Claude François Millot родился въ 1726, умеръ въ 1785 году.

[8]) Всемірная исторія, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи, часть I, вышла въ Петербургѣ въ 1787 году; въ 1808 году явилось пятое изданіе этой книги

[9]) Т. е. Стремленіе живое и творческая сила (и пр.) не могутъ быть признаны отличительнымъ качествомъ нашего времени (Переводъ Жуковскаго).

не имѣютъ дѣятельности живой, что они уже истощили свою дѣятельность, а мы отъ того, что еще не начинали дѣйствовать; слѣдовательно намъ не можетъ быть прилично то, чтó будетъ прилично имъ. Имъ нужно *новое*, а намъ еще нужно перейти тотъ путь, которой они уже сдѣлали; если же, напротивъ, будемъ стараться идти съ ними наряду и дѣйствовать одинаково съ неодинакими способами и силами, то будемъ въ опасности ничего не сдѣлать или все сдѣлать очень худо. Хвататься за трудное, не приготовивъ себя къ успѣшному его исполненію работою продолжительною, есть свойство Русскихъ, за которое должны они благодарить Петру Великому. Въ примѣръ цѣлой Россіи могу поставить самого себя. Не знавши азбуки, я принялся за авторство; но авторство мое увѣрило меня, что надобно принять(ся) за азбуку. И я рѣшился, наконецъ, послѣдовать этому доброму совѣту, можетъ быть нѣсколько поздно; но лучше поздно, нежели никогда. Мы хотимъ заводить Академію Азіатскую, а наша Русская Академія еще въ колыбели! Не значитъ ли это, что мы увѣрены въ своей зрѣлости; а эта увѣренность не есть ли гибельное препятствіе и самой возможности нѣкогда сдѣлаться зрѣлыми? Вотъ тебѣ мое мнѣніе. Само по себѣ разумѣется, что оно должно остаться между нами. Прожектъ будетъ переведенъ для «Вѣстника» [10]), ибо онъ можетъ составить въ немъ очень любопытную статью; но замѣчаній на него дѣлать не стану и не могу, ибо эта часть—какъ и весьма, весьма многія—неизвѣстна мнѣ совершенно. Въ письмѣ къ тебѣ позволяю себѣ умствовать и криво, и косо; но говорить пустяки передъ публикою тяжко для совѣсти.

Остальныя страницы надобно наполнить кое-чѣмъ о себѣ. Время мое и мои занятія идутъ порядочно; вообще чувствую себя счастливымъ; недостаетъ одного – и этотъ недостатокъ очень бываетъ чувствителенъ—возможности сообщать мысли свои о томъ единственномъ предметѣ, которымъ занята моя душа безпрестанно, и чрезъ это сообщеніе оживлять въ себѣ дѣятельность. Я окруженъ милыми людьми, ко всѣмъ имъ очень много привязанъ; но съ этой именно стороны одинокъ, съ которой особенно было бы нужно мнѣ общество, и очень часто думаю, какое было бы для меня наслажденіе, когда бы я могъ жить или съ тобою или съ Блудовымъ и когда бы мы общими силами трудились надъ усовершенствованіемъ своего образованія. Чтобъ дать тебѣ нѣкоторое понятіе о моемъ теперешнемъ положеніи, выпишу одну статью изъ моей записной книги, статью, написанную съ тѣмъ, чтобы сообщить ее тебѣ. Не думай, однако, чтобы я велъ порядочный журналъ: до этого совершенства въ занятіи я еще не достигнулъ, и не все то еще исполняется, чтó я хотѣлъ бы исполнить.

Ноября 22. Прежде въ головѣ моей была одна только мысль: *надобно писать*! И я писалъ очень мало, потому что мой талантъ естественный всегда былъ въ противуположности съ моими способами; я невѣжда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: *надобно учиться и потомъ писать*, и я часъ отъ часу становлюсь

[10]) Сдѣланный Жуковскимъ переводъ книги Уварова, подъ заглавіемъ „Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской“, напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 года, № 1, стр. 27—52, и № 2, стр. 96—120.

6*

дѣятельнѣе, по крайней мѣрѣ часъ отъ часу сильнѣе желаю быть дѣятельнымъ. Я имѣю теперь довольно твердости, чтобъ отступить назадъ и *начать съ начала* (Bélier, mon ami, commencez par le commencement!) [11]), дабы дойти до счастливаго конца. Мысль, что я уже *авторъ*, меня портила и удерживала на степени невѣжества. Между тѣмъ я внутренно былъ неспокоенъ и не могъ быть счастливъ своимъ положеніемъ; ибо то, что́ я дѣлалъ, необходимо должно было казаться мнѣ пустымъ, а неувѣренность въ собственныхъ силахъ лишала меня утѣшительной надежды на успѣхъ. Рѣшившись пріобрѣсти свѣдѣнія основательнѣе, я сдѣлался и спокойнѣе, и счастливѣе. Пріобрѣтеніе свѣдѣній есть само по себѣ уже наслажденіе, а, имѣя въ виду прекрасную цѣль, это наслажденіе удвоиваешь: настоящее украшается будущимъ. Вотъ два мѣсяца, какъ работы мои идутъ порядочно, какъ я доволенъ собою, спокоенъ, внутренно веселъ. Думаю, что эта привычка къ порядку, любовь къ дѣятельности и постоянство въ преслѣдованіи одного предмета болѣе и болѣе будутъ во мнѣ укореняться. Эти два мѣсяца болѣе познакомили меня и съ самимъ собою. Теперь я сдѣлался довѣрчивѣе къ своему постоянству. Прежде казалось мнѣ, что я совсѣмъ не имѣю памяти и что ученіе для меня трудъ напрасный; но теперь начинаю думать, что моя безпамятливость по большей части была слѣдствіемъ душевной недѣятельности или слишкомъ безпорядочной въ дѣятельности: каждую минуту рождалось новое занятіе, не связанное съ предъидущимъ и часто ему противное; одно истребляемо было другимъ. Могло ли что-нибудь послѣ этого въ головѣ остаться? Теперь въ работахъ моихъ постоянство; нѣтъ безпутнаго разнообразія, и память во мнѣ рождается. Надобно осудить себя на нѣсколько лѣтъ *ученической дѣятельности* или *приготовительной*, дабы набрать свѣдѣнія; надобно не скучать трудностями, болѣе всего дорожить временемъ и твердо держаться порядка. Теперь утѣшаетъ меня особенно то, что работать или мыслить о работѣ есть обыкновенное, всегдашнее мое положеніе. Работа — средство къ счастію, она же и счастіе. Я открылъ въ себѣ и способность *дорожить временемъ* (способность, которую однако надобно поболѣе усовершенствовать), а прежде время летѣло между пальцевъ. Между тѣмъ работа, приносящая пользу и соединенная съ нѣкоторымъ успѣхомъ, удивительное имѣетъ вліяніе и на самое моральное состояніе души. Никогда я не былъ такъ расположенъ ко всему доброму и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ хорошъ, какъ теперь: главное дѣло мое идетъ какъ должно, слѣдовательно и все постороннее, но съ главнымъ болѣе или менѣе имѣющее связь, должно быть необходимо въ такомъ же порядкѣ. Всѣ другія должности сдѣлались для меня любезнѣе. И не должно ли изъ этой привычки къ труду выйти, наконецъ, и большее совершенство моральное; слѣдовательно, трудясь, не достигну ли къ верховной цѣли человѣка? О! какъ благодарю ту минуту, въ которую сдѣлался счастливый переломъ моихъ мыслей, въ которую я сказалъ самому себѣ: «ты отчаяваешься, что потерялъ много времени и теряешь надежду; но кто же мѣшаетъ ис-

---

[11]) Т. е. Белье, другъ мой, начните съ начала.

править потерянное? Сдѣлай, чтó можешь сдѣлать; только трудись и трудись постоянно!» Мое настоящее положеніе весьма можетъ быть названо *счастливымъ*. Посредственность состоянія не ужасаетъ меня, богатство не кажется мнѣ прелестнымъ; связи мои съ матушкою становятся для меня драгоцѣнны; имѣю добрыхъ друзей, которые меня любятъ; остается быть достойнымъ и ихъ, и себя,—а средство: дѣятельность въ томъ маломъ кругѣ, который я для себя назначилъ. Прежняя моя лѣнь весьма много происходила и отъ *любви*, которая составляла царствующую въ головѣ моей идею и всему прочему была тираномъ. Теперь и любовь уступила *трудолюбію*. Одного бы желалъ, одного бы просилъ отъ Бога: не слишкомъ быть озабоченнымъ своимъ состояніемъ, имѣть необходимое, но имѣть вѣрное. Надобно себя пріучить къ расчетливости, если можно и къ скупости, ибо скупость въ моемъ состояніи есть добродѣтель. Одну половину изъ составляющаго прямое богатство я имѣю: *нежеланіе многаго*; надобно присоединить къ ней и другую: *умѣніе дорожить малымъ и съ нимъ согласовать образъ жизни*. Надобно укоренить въ душѣ утѣшительную мысль: тихая, скромная жизнь, употребляемая на исполненіе должностей и на трудъ полезный, есть самая счастливая, и Богъ благословляетъ ее всегда, и успѣхъ съ нею неразлученъ. У меня теперь двѣ должности: работать для того, чтобы быть авторомъ (съ этимъ неразлучно и собственное образованіе); дѣйствовать для счастія матушки, имѣть его въ виду безпрестанно; но и эта послѣдняя тѣсно соединена съ первою, ибо всѣ мои средства соединяются въ авторствѣ. Авторство мнѣ надобно почитать и должностію гражданскою, которую совѣсть велитъ исполнять со всевозможнымъ совершенствомъ. Теперь не могу исполнять ее какъ бы надлежало, ибо я невѣжда; но я могу исполнять ее со временемъ, слѣдовательно и самый приготовительный трудъ есть нѣкоторымъ образомъ уже исполненіе. Итакъ—дѣятельность! А предметъ ея—польза! А награда за нее—слава, счастіе! Это повторять себѣ каждую минуту и пріучить себя не уважать временными неудачами или худымъ расположеніемъ къ работѣ, которыя почитать только временными остановками, долженствующими случаться рѣже по мѣрѣ прилежанія къ работѣ, чтó я испыталъ уже и надъ собою.

Длинная моя рапсодія не должна тебѣ скучать: я записалъ все это въ свой журналъ съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ доставить, и переписывать было для меня чрезвычайно пріятно. Вообще этотъ журналъ, въ которомъ написано у меня еще очень, очень немного, заступаетъ для меня мѣсто откровеннаго друга, съ которымъ я разговариваю въ минуту *необходимости* сообщенія мыслей, слѣдовательно и все, записанное въ немъ, принадлежитъ тебѣ по праву. Прибавлю еще одно, то, о чемъ я уже нѣсколько разъ думалъ къ тебѣ написать и чтó всегда уходило у меня изъ памяти. Состояніе мое не совсѣмъ можетъ назваться хорошимъ; небольшая сумма денегъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть отдана въ невѣрныя руки, не можетъ меня совершенно обезпечить; боюсь, чтобы тягостныя заботы о состояніи не принудили меня сойти съ дороги, мною выбранной, и не бросили меня на такую, на которой я не надѣюсь быть счастливымъ. Дѣлаю тебя съ этой стороны своимъ Промысломъ. Прошу тебя, мой милой другъ, думай иногда и о

томъ, чтобы доставить мнѣ такое мѣсто, въ которомъ я могъ бы, имѣя жалованье, заниматься собственнымъ. Я не имѣю нужды въ чинахъ и другихъ выгодахъ, лишь бы имѣть нѣсколько такихъ денегъ, которыя не должно было бы вырабатывать; все это не такъ необходимо теперь, какъ черезъ годъ или черезъ два; но знать это не худо заранѣе, дабы не упустить благопріятнаго случая. Обязанность объ этомъ думать и хлопотать поручаю тебѣ и Блудову. Не будетъ ли для васъ большимъ наслажденіемъ, если вы доставите Жуковскому нѣсколько способовъ къ его счастію? Напримѣръ, мѣсто при какой-нибудь библіотекѣ было бы всего для меня выгоднѣе. Еще разъ повторяю: мѣсто мнѣ нужно только для того, чтобы работать съ большею беззаботностію; ибо служба для меня не цѣль, а только средство. Теперь пока я обезпеченъ «Вѣстникомъ», ибо я въ немъ участвую, хотя уже не буду имѣть имени издателя (что̀ для меня весьма выгодно); но со временемъ могу и этого средства лишиться; слѣдовательно, нужно имѣть что-нибудь вѣрнѣйшее. Совѣтую вамъ, добрые мои друзья, Миллеръ-Тургеневъ и Лагарпъ-Блудовъ, составить между собою академію дружбы, которой цѣль должна быть: изысканіе статистическое, филологическое и микроскопическое способовъ доставить вашему Жуковскому вѣрное состояніе; опредѣлите для съѣздовъ вашихъ одинъ день въ недѣлю, напримѣръ, нѣсколько утреннихъ часовъ въ Воскресенье (помни день субботній, святити его), и въ эти часы говорите, думайте и разсуждайте и дѣйствуйте для моей пользы. Такая академія едва ли не будетъ полезнѣе Азіатской; и въ самомъ дѣлѣ: вы сдѣлаете пользу *мнѣ*, а я—я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ.

Отъ Сѣверина все еще я не получилъ отвѣта; попеняй ему хорошенько. Признаюсь тебѣ, это молчаніе меня жестоко сердитъ. Канцелярія министровъ [12]) портитъ людей, и Сѣверинъ уже почитаетъ себя человѣкомъ весьма важнымъ: ему некогда отвѣчать пріятелю своему на такое письмо, въ которомъ онъ отважился обременить его просьбою. И мнѣ молчаніе Сѣверина тѣмъ досаднѣе, что я чрезвычайно хотѣлъ бы услужить тому человѣку, о которомъ я къ нему писалъ. Похлопочи, любезный другъ, о милостивомъ отвѣтѣ.

О дѣлѣ Екатерины Аѳанасьевны также отъ тебя не знаю; а пора бы чему-нибудь рѣшительному уже сдѣлаться. Ты спрашиваешь у меня, кто по этому дѣлу хлопочетъ. Ты одинъ, любезнѣйшій другъ. Вмѣстѣ съ тою запискою, которую я тебѣ доставилъ, послана и просьба въ банкъ, на которую надобно выходить благопріятное разрѣшеніе; а выходить некому, кромѣ тебя. Слѣдовательно, рѣшись еще разъ вооружиться дѣятельностію и напади на того чудака, который уже выдержалъ первое твое нападеніе съ нѣкоторымъ урономъ для стороны правой. По крайней мѣрѣ отвѣчай мнѣ по этому дѣлу удовлетворительнымъ образомъ.

Наше свиданіе въ Москвѣ веселитъ меня заранѣе, и вотъ мой

---

[12]) Д. П. Сѣверинъ служилъ въ канцеляріи министра юстиціи И. И. Дмитріева, который и называлъ его своимъ питомцемъ (mon pupille). П. Б.

планъ. Я буду жить у Соковнина [13]); работы мои будутъ идти тѣмъ же порядкомъ, какимъ идутъ теперь; съ пяти часовъ утра до шести послѣ обѣда буду сидѣть за дѣломъ, но каждый день въ шесть часовъ послѣ обѣда ты долженъ будешь ко мнѣ пріѣзжать (не ранѣе и не позже), и мы или будемъ сидѣть очень весело дома, или будемъ вмѣстѣ ѣздить къ Карамзину, или куда случится. Только непремѣнно надобно намъ видаться всякой день и ѣздить ко мнѣ *тебѣ*, а не мнѣ къ тебѣ, ибо (важное NB) я не намѣренъ нанимать лошадей. (Неправда ли однако, что я становлюсь расчетливымъ Нѣмцемъ и въ деньгахъ, и въ расположеніи времени, хотя, увы, эта расчетливость еще по большой части только на словахъ, а не на дѣлѣ?). Однимъ словомъ, любезнѣйшій мой Миллеръ, ожидаю пріѣзда твоего въ Москву съ нетерпѣніемъ, и наши дружескіе, искренніе разговоры восхищаютъ меня заранѣе. Какъ бы хорошо было, если бы съ тобою прилетѣла и милая рожица Блудовъ! Но и для него важный законъ *шести часовъ* непреложенъ. Заключу письмо свое обыкновеннымъ рефреномъ. Перечитай всѣ мои письма не для своей, а для *моей* пользы; выпиши изъ нихъ на особую бумажку всѣ тѣ книги, о которыхъ я тебя просилъ, не забывъ и росписи Шлёцеровыхъ сочиненій, въ которой я нѣкоторыя книги отмѣтилъ карандашемъ; отбери назначенныя книги; что̀ понужнѣе, пришли, а что̀ не такъ нужно, привези съ собою, не забывъ однако приложить къ этой суммѣ и тѣхъ книгъ, которыхъ я не назначилъ, но которыя ты самъ сочтешь для меня нужными. Если все это исполнишь, то я повѣрю, что ты перечитываешь письма мои для своей пользы. *Пользы*! Какой чудакъ! Но развѣ я пишу къ тебѣ эпистолы à la Sénèque? А далѣе какое пышное привѣтствіе: *досуги твои для меня священны! Я не простилъ бы себѣ, если бы былъ причиною потери твоего времени. Оно такъ дорого для любящихъ Русскую словесность*. Не стыдно ли тебѣ говорить со мной такимъ языкомъ? Прошу тебя, мой милой Миллеръ, имѣть обо мнѣ понятіе настоящее, слѣдовательно не слишкомъ высокое; ибо для меня будетъ больно, если ты будешь на мой счетъ обманываться, хотя бы то было въ хорошую сторону. Я желаю, чтобы твое понятіе обо мнѣ было для меня самымъ вѣрнымъ зеркаломъ и чтобы оно не украшало меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Мнѣ всегда было непріятно, когда и посторонній цѣнилъ меня выше того, что̀ я стою; а отъ добраго друга это еще непріятнѣе. Между тѣмъ Латинской грамматики все еще нѣтъ. Досуги мои не очень же для тебя священны. Я, кажется, въ первой разъ писалъ къ тебѣ о грамматикѣ въ Августѣ, вотъ 4-е Декабря! Если бы я, понадѣявшись на аккуратность твою, вздумалъ отложить попеченіе о Латинскомъ языкѣ до радостнаго прибытія Бредерова [14]), то слишкомъ бы мало воспользовался священными досугами.

---

[13]) Сергѣя Михайловича, товарища Жуковскаго и Тургенева по Московскому Университетскому Благородному Пансіону.

[14]) Т. е. до присылки Латинской грамматики Брёдера (Bröder). Его Praktische Grammatik der lateinischen Sprache вышло 11-мъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1787 году, а Kleine lateinische Grammatik, 1-мъ изданіемъ, тамъ же, въ 1795 году.

Нѣтъ ли у тебя Geist der Hebräischen Poesie von Herder [15])? И Саконталу [16]) желалъ бы прочитать. Projet Уварова напечатанъ будетъ въ 1 № Генваря мѣсяца. Прежде невозможно. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Еще разъ прошу тебя—кажется, что я уже объ этомъ просилъ—выручи у Андрея Сергѣевича [17]) Шлёцеровъ манускриптъ: *Записки о жизни его отца* [18]). Онъ взялся было перевести его въ «Вѣстникъ» съ дополненіемъ; но и меня лишилъ этого перевода, и самъ ничего не сдѣлалъ. А Шлёцеръ, который написалъ этотъ отрывокъ по моей просьбѣ, досадуетъ на меня и требуетъ, чтобы я возвратилъ ему манускриптъ. А мнѣ досадно на Андрея Сергѣича: взяться за такое дѣло, котораго исполненіе могло бы быть для него очень пріятно, не исполнить его и меня ввести въ нареканіе—это не совсѣмъ въ порядкѣ вещей. Прости еще разъ. Это длинное письмо и предъидущее, которое было не короче, обязываютъ тебя написать ко мнѣ поболѣе, и жду твоего отвѣта съ нетерпѣніе(мъ). Но это письмо также и для Блудова, которому также совѣтую не мучить меня своимъ молчаніемъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ему стыдно не написать ко мнѣ ни слова.

5-го Ноября (*sic, вм. Декабря*).

Написавъ къ тебѣ, мой милой другъ, я всегда чувствую себя веселѣе обыкновеннаго, какъ будто послѣ самаго пріятнаго разговора, въ которомъ душа оживилась новыми чувствами, а голова новыми мыслями. Друзья, Тургеневъ и Блудовъ, любите меня болѣе и болѣе. Пока мы будемъ имѣть въ жизни одинъ общій предметъ: сохраненіе и усовершенствованіе дружбы нашей, по тѣхъ поръ и самая жизнь будетъ въ глазахъ нашихъ имѣть высокую цѣну. Знайте, что вы первые для меня люди въ свѣтѣ. Но, любезные друзья, перестаньте же лѣниться; вотъ и еще пришла почта, а отъ васъ ни строки! На что́ же это похоже? Я начинаю думать, что ни ты, Тургеневъ, ни ты, Блудовъ, не получили моихъ писемъ, и для избѣжанія такой непріятности ставлю на конвертѣ великое слово: *подателю 25 копеекъ*. Нѣтъ, мало! *50*! Для уплаты можете сложиться.

---

[15]) Сочиненіе знаменитаго Гердера (р. 1744 † 1803), Vom Geist der Ebräischen Poesie, вышло первымъ изданіемъ въ Дессау въ 1782 г.; второе изданіе явилось въ Лейпцигѣ въ 1787 году.

[16]) Вѣроятно Англійскій переводъ этой извѣстной Индійской драмы, сдѣланный въ 1789 году Вильямомъ Джонсомъ (Jones, р. 1746 † 1794), однимъ изъ извѣстнѣйшихъ лингвистовъ и оріенталистовъ Англіи, и напечатанный въ Лондонѣ въ 1790 году.

[17]) Кайсарова.

[18]) Впослѣдствіи, въ 1828 году, Христіанъ Шлёцеръ напечаталъ въ Лейпцигѣ написанную имъ біографію своего знаменитаго отца. подъ заглавіемъ: «August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben von dessen ältestem Sohne Christian von Schlözer».

*

XXXII.

(Въ концѣ Декабря 1810, Бѣлевъ).

На будущей недѣлѣ ѣду въ Москву, слѣдовательно не пиши ко мнѣ болѣе въ Бѣлевъ, а въ Москву. Письма адресуй въ контору Университетской типографіи. Мало пишу для того, что не хочу писать; на два большихъ письма моихъ нѣтъ отъ тебя никакого отвѣта; ни слова о банковомъ дѣлѣ. До тѣхъ поръ ни ты, ни Блудовъ не получите отъ меня ни строки, пока не увижу отъ васъ порядочныхъ писемъ. Стихи мои, тебѣ обѣщанные, всѣ списаны; но ты ихъ не скоро получишь, въ наказаніе за твою лѣнь. Сверхъ того намѣренъ наказать тебя и денежною пенею; знай напередъ, что всякой разъ, когда ты залѣнишься и не станешь отвѣчать на мои письма, беру бумагу, пишу на ней не болѣе двухъ строкъ, и за эти двѣ строки заплатишь ты, смотря по великости твоего преступленія, полтину, рубль или пять рублей. Если нельзя выпросить писемъ отъ твоей дружбы, то по крайней мѣрѣ можно у твоего кошелька. Не правда ли, что выдумка премудрая? Зубы болятъ, холодно страшно, а я пишу стихи!

XXXIII.

(Въ концѣ Декабря 1810 или началѣ Января 1811, Москва).

На письмо твое отвѣчать въ подробности не имѣю времени, а спѣшу повторить тебѣ просьбу мою только объ одномъ, именно о дѣлѣ Екатерины Аѳанасьевны, о которомъ, какъ мнѣ кажется, ты уже отложилъ попеченіе, ибо нѣтъ отъ тебя никакого слуху; а между тѣмъ здѣсь думаютъ, что ты хлопочешь, и въ этомъ увѣреніи не принимаютъ никакихъ другихъ мѣръ. Я получилъ отъ тебя записку Хитрова; но послѣ этой записки я писалъ къ тебѣ другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ тебя, что просьба въ банкъ о выдачѣ свидѣтельства послана (и она послана въ Ноябрѣ мѣсяцѣ); сверхъ того просилъ тебя, чтобы ты постарался, черезъ Хитрова или кого-нибудь другаго, чтобы по этой просьбѣ было исполнено; а ты мнѣ въ отвѣтъ пишешь, послѣ весьма продолжительнаго молчанія, что ты доставилъ уже мнѣ записку Хитрова и что надобно прислать просьбу въ банкъ. Одно изъ двухъ: или ты не читаешь моихъ писемъ, или совсѣмъ они къ тебѣ не доходятъ. И то и другое досадно; но первое досаднѣе. Сдѣлай милость, возмись за это дѣло и исправь его, если можешь, какъ обѣщался. Просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы узнать, доставлена ли просьба въ банкъ; если доставлена, то можно ли по ней выполнить, и если можно, то выполнить поскорѣе; а если нельзя, то по крайней мѣрѣ дать знать, что̀ въ этомъ случаѣ дѣлать. Благодарю тебя за Шлёцера и за Якобса [1]). Все горе: я ѣхалъ сюда съ веселою надеждою непремѣнно тебя увидѣть; но вотъ пріѣзжаетъ М. Кайса-

---

[1]) За Греческую граматику Якобса (Fr. Jacobs, Elementarbuch der griechischen Sprache), которая стала выходить съ 1805 года и выдержала много изданій.

ровъ [2]) и сказываетъ, что тебя и ожидать не должно. И ты еще хочешь, чтобы я сдѣлался такимъ же невольникомъ, какъ ты! Но объ этой матеріи послѣ. Прощай, мое провидѣніе, и надобно прибавить, весьма безпечное провидѣніе.

XXXIV.

1811-го Февраля 15 (Москва).

Просьба въ банкъ послана, любезный другъ, въ первой половинѣ Ноября мѣсяца. Когда будешь просить о исполненіи по ней, то скажи просто, что къ тебѣ пишуть о ней, не означивъ числа, ибо я и самъ числа не знаю. Содержаніе ея: дать копію съ свидѣтельства, имѣющагося въ 25-лѣтней Экспедиціи на сельцо Муратово съ Козловкою, Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, съ 1802-го года, по которому принято въ залогъ только 37 душъ, а прочія свободны, о чемъ въ свидѣтельствѣ просятъ и помѣстить. И доставить бы это свидѣтельство въ городъ Бѣлевъ Тульской губерніи на имя Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Вотъ и все. Постарайся, любезный другъ, обо всемъ изъ дружбы ко мнѣ. На письмо твое, полученное мною черезъ Уварова, у котораго я еще не былъ, буду отвѣчать, но не теперь, ибо ей-ей нѣтъ времени. Твой Жуковскій.

XXXV.

27 Марта 1811 (Москва).

Пламенный Державинъ подъ старость лѣтъ сдѣлался только вспыльчивымъ; въ поступкахъ его тотъ же самый сумбуръ и безпорядокъ, который въ его одахъ. Письмо его [1]), тобою мнѣ доставленное, сначала и огорчило меня, и испугало. Огорчило потому, что всякая грубость [2]), сколь бы она ни была глупа и достойна презрѣ-

---

[2]) Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ (р. 1780 † 1825) былъ воспитанникомъ Московск. Университ. Благород. Пансіона. На пятнадцатомъ году вступилъ въ военную службу, но въ 1801 году изъ нея вышелъ. Съ 1802 года началась его дѣятельность по гражданской части, сперва въ Государственной Коллегіи Иностр. Дѣлъ, затѣмъ по Министерствамъ Внутреннихъ Дѣлъ, Полиціи и Финансовъ. Умеръ онъ въ должности директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. М. С. Кайсаровъ, имѣвшій обширныя свѣдѣнія въ политической экономіи и технологіи, отлично зналъ новые иностранные языки и весьма любилъ литературу. Въ 1804—1807 гг. былъ напечатанъ въ Петербургѣ въ шести частяхъ его переводъ сочиненія Стерна «Жизнь и мнѣніе Тристрама Шанди» (см. некрологъ М. С. Кайсарова въ „Сѣверной Пчелѣ" 1825 года, № 36).

*

[1]) Это письмо Державина къ Тургеневу отъ 18 Марта 1811 года, въ которомъ Державинъ выражалъ сильное неудовольствіе за помѣщеніе весьма многихъ его одъ въ первыхъ двухъ частяхъ „Собранія Русскихъ стихотвореній" Жуковскаго, напеч. въ Соч. Державина, академ. изд., т. VI, стр. 208—210.

[2]) Въ письмѣ своемъ Державинъ, между прочимъ, писалъ: „Нигдѣ не позволяется похищать чужіе труды и обогащаться на счетъ ближняго".

нія, на первую минуту не можетъ не быть огорчительна; а испугало совсѣмъ по другимъ причинамъ. Я вообразилъ, что человѣку, украшенному титуломъ высокопревосходительнаго, весьма не трудно превзойти всякую справедливость и безразсудныя угрозы свои привести въ исполненіе [3]; а въ этомъ случаѣ исполненіе такихъ угрозъ повредило бы мнѣ чрезвычайно, не тѣмъ, что я потерялъ бы собственныя деньги (ты можешь быть увѣренъ, что я не пожалѣлъ бы объ нихъ ни минуты), но тѣмъ, что за всѣ издержки, употребленныя на печатаніе моей книги тѣмъ человѣкомъ, который ее у меня купилъ, надлежало бы заплатить мнѣ (по нашему условію), что́ сдѣлало бы мнѣ крайнее раззореніе. Теперь однако смотрю на эту глупость совсѣмъ иначе, и грубое письмо нашего Пиндара съ нѣкоторыхъ сторонъ для меня еще и выгодно. Я не понимаю однако, по какой причинѣ ты ему не отвѣчалъ и для чего считаешь нужнымъ ожидать моего разрѣшенія. Вѣдь письмо писано къ тебѣ; тебѣ извѣстно, что я помѣстилъ въ своемъ собраніи піесы Державина съ его позволенія, ибо нашимъ посредникомъ былъ ты; что́ же помѣшало тебѣ ему отвѣчать? Я же лично не намѣренъ дѣлать ему никакого отвѣта: всѣхъ грубостей сказать ему невозможно, а не сказать ихъ было бы низко; тебѣ же это легче: ты будешь говорить не за себя, а за меня, и какъ посторонній. Желаніе его исполню [4], и тѣмъ съ большею охотою, что оно и безъ его требованія было бы исполнено, ибо всѣ лучшія піесы его помѣщены уже въ первыхъ частяхъ, а тѣ, которыя выброшу изъ послѣднихъ, совсѣмъ не такого рода, чтобы можно было объ нихъ пожалѣть. Я почти догадываюсь, что́ его такъ противъ меня взбѣсило. Онъ выгналъ Гнѣдича [5] изъ дому к. Б. Г. [6], а въ первомъ томѣ

---

[3] Державинъ писалъ Тургеневу, что, если въ послѣдующихъ частяхъ „Собранія Русскихъ стихотвореній" появятся еще какія-либо сочиненія его, Державина, онъ „принужденнымъ найдется просить правительство, чтобъ и напечатанныя отобраны были и проданы въ пользу казенныхъ ученыхъ институтовъ".

[4] Въ трехъ слѣдующихъ частяхъ „Собранія", дѣйствительно, не помѣщено уже ничего изъ стихотвореній Державина.

[5] Н. И. Гнѣдича.

[6] Князя Бориса Владимировича Голицына (р. 1769 † 1813). Это братъ славнаго князя Дмитрія Владимировича. Онъ воспитывался во Франціи, любилъ литературу, но писалъ только по-французски и лишь въ послѣдніе годы жизни принялся за изученіе всего отечественнаго. Изъ литературныхъ вечеровъ въ его домѣ и въ домахъ его пріятелей, возникла Бесѣда Любителей Русскаго слова, въ которой онъ былъ членомъ по 3-му разряду. Умеръ кн. Б. В. Голицынъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, отъ ранъ, полученныхъ въ Бородинскомъ сраженіи. Свѣдѣнія о немъ см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. съ прим. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. III, стр. 651—655, и въ Сочиненіяхъ Державина, т. VI, стр. 377. Въ VI-же томѣ Сочиненій Державина (стр. 377) напеч. его записка къ Гнѣдичу, съ приглашеніемъ отправиться вмѣстѣ на вечеръ къ кн. Б. В. Голицыну, чтобы прочесть у него отрывокъ Гнѣдичева перевода „Иліады". О столкновеніи съ Державинымъ въ домѣ кн. Голицына самъ Гнѣдичъ писалъ В. В. Капнисту 25 Августа 1811 года слѣдующее: „Гаврила Романовичъ, съѣхавшись одинъ разъ со

моего собранія его *Вельможа* стоитъ подлѣ піесы Гнѣдича *Скоротечность юности*. Какъ же быть одѣ Державина въ одномъ томѣ съ одою Гнѣдича, когда самъ Державинъ не хотѣлъ быть въ одномъ домѣ съ Гнѣдичемъ: томъ и домъ почти одно и тоже! А если выбирать, то я предпочту оду Державина всегда самому Державину. Слѣдовательно, по его Пиндарической логикѣ, я сдѣлалъ ему жестокую обиду. Но кто же зналъ обстоятельства? И такъ, любезнѣйшій другъ, отвѣчай ему что́ хочешь и какъ хочешь; дай ему только знать въ своемъ отвѣтѣ [7]), что ты доставилъ мнѣ копію съ его эпистолы: изъ моего молчанія онъ долженъ уже будетъ понять, что я не нашелъ ее достойною отвѣта. Твое дѣло также стараться, чтобы печатаніе книги моей не было остановлено; въ этомъ случаѣ полагаюсь на твою попечительность. Въ IV томѣ Собранія напечатано будетъ *Посланіе Пушкина ко мнѣ о Славенофилахъ* [8]). Это можетъ вооружить противъ меня всю вашу ватагу скрибентовъ; смотри же, стой твердо и будь гранитнымъ оплотомъ моей книги. Причиною этой Державинской бури почитаю отчасти и Московскихъ бездѣльниковъ-переплетчиковъ. Тотчасъ по отпечатаніи первыхъ двухъ частей, хотѣлъ я послать и къ Держав(ину), и къ Ив(ану) Иван(овичу) [9]) экземпляры, и къ тебѣ; отдалъ ихъ переплетать; и переплетали ихъ недѣли три— обыкновенная метода Славяно-русскихъ художниковъ тянуть дѣло и портить; наконецъ переплели; приносятъ ко мнѣ; что́ же? Предисловіе прилѣпили ко второй части, а портреты стоятъ послѣ титуловъ. Какъ послать, особливо къ Ив(ану) И(вановичу), который такъ строгъ въ разсужденіи точности? Взбѣсился и велѣлъ переплести новые экземпляры, которыхъ по сію пору не могу добиться [10]). Это мнѣ досадно крайне, ибо я теперь долженъ казаться страннымъ и И(вану) И(вanови)чу: онъ мнѣ прислалъ свои сочиненія, а я не доставилъ ему еще своей книги. Къ Державину же не пошлю экземпляра, и съ этой стороны грубое письмецо его почитаю для себя выгоднымъ: оно избавляетъ меня отъ необходимости и труда писать къ нему письмо въ такомъ тонѣ, который для меня очень непріятенъ.

мною у князя Бор. Голиц., выгналъ меня изъ дому за то, что я изъявилъ нежеланіе быть сотрудникомъ общества (*т. е. Бесѣды*). Не подумайте, что сказка: существенное приключеніе, заставившее въ ту минуту думать, что я зашелъ въ кибитку Скифовъ" (Соч. Держ., VI, стр 376). Письмо Гнѣдича, въ которомъ онъ отказывается быть сотрудникомъ „Бесѣды" было послано Державину 12 Декабря 1810 года (тамъ же, VI, стр. 202—203).

[7]) Отвѣтъ Тургенева Державину, отъ 11 Апрѣля 1811 года, напеч. въ Соч. Державина, т. VI, стр. 211—214.

[8]) Напеч. въ IV части „Собранія Русскихъ стихотвореній" на стр. 170—173. Это есть то посланіе, о которомъ говорится въ прим. 20-мъ къ письму XXIV-му.

[9]) Дмитріеву.

[10]) Я. К. Гротъ передаетъ (Соч. Державина, т. VI, стр. 209—210), что, по разсказу графа Блудова, настоящею причиной неудовольствія Державина былъ Московскій переплетчикъ, который не изготовилъ къ сроку достаточнаго количества экземпляровъ „Собранія Русскихъ стихотвореній", такъ что Державинъ не получилъ во-время этой книги.

Смотри же, не забудь сказать въ своемъ отвѣтѣ, что копія съ письма ко мнѣ доставлена [11]). Прости, любезнѣйшій другъ. Я нынѣ собирался писать къ тебѣ совсѣмъ о другой матеріи, то-есть отвѣчать на прежнія твои письма, на которыя ты еще не имѣешь отвѣта, и сообщить тебѣ нѣкоторыя свои намѣренія, но это оставляю до слѣдующаго Понедѣльника; теперь надобно написать другое письмо: это заставило бы меня спѣшить, а мнѣ хочется поговорить съ тобою на просторѣ. Московская моя жизнь привела въ нѣкоторый безпорядокъ и мою съ тобою переписку, такъ какъ и прочія мои занятія; возвратясь въ деревню, возвращусь и къ тебѣ, и къ прежнему счастливому порядку моему. Я всегда болѣе неразлученъ съ тобою въ такія минуты, въ которыя болѣе доволенъ самимъ собою; здѣсь тьма мелкихъ обстоятельствъ нарушаетъ обыкновенный ходъ моихъ упражненій; отъ этого безпорядка поселяется и какое-то безпокойство въ душѣ, которое портитъ и всѣ другія пріятныя чувства ея. Поклонись отъ меня С. С. Уварову. И объ немъ еще не говорилъ съ тобою; но все это откладываю до слѣд(ующаго) Понедѣльника. Теперь скажу тебѣ только, что я нѣсколько разъ внутренно благодарилъ тебя за это знакомство, доставленное мнѣ тобою.

Любезный другъ, еще одно требованіе:—сыскать въ своей библіотекѣ слѣдующія книги: Ethik von Aristoteles übersetzt von Garve [12]), Principles of Moral and Political Sciences by Adam Ferguson (если найдешь переводъ этой книги Гарвевъ) [13]), System of Moral Philosophy by Hutcheson [14]), Feders Untersuchungen über den menschlichen Willen [15]), Булеву Исторію древней философіи и его же Исторію новой философіи [16]).

---

[11]) Чтò Тургеневымъ и исполнено въ его отвѣтѣ Державину (см. Соч. Державина, т. VI, стр. 214).

[12]) Аристотелева Этика, въ переводѣ и съ объясненіями Нѣмецкаго философа Христіана Гарве (р. 1742 † 1798), вышла въ двухъ томахъ нъ Бреславлѣ, въ 1789 году.

[13]) Это сочиненіе философа и историка Адама Фергюсона (р. 1723 † 1816) въ подлинникѣ вышло въ 1792 году. Гарве перевелъ не это, а другое сочиненіе Фергюсона „Institutes of Moral Philosophy", вышедшее въ 1769 г. Переводъ Гарве (Adam Ferguson's Grundsätze der Moralphilosophie) былъ напечатанъ въ Лейпцигѣ въ 1772 году. То сочиненіе Фергюсона, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ Жуковскаго, было переведено на Нѣмецкій языкъ Шрейтеромъ въ 1796 году подъ заглавіемъ: „Darstellung der Gründe der Moral und Politik".

[14]) Сочиненіе философа Фр. Готчесона (р. 1694 † 1747) „A System of Moral Philosophy" было напечатано въ Лондонѣ въ 1755 году.

[15]) Это сочиненіе философа Іоганна Георга Федера (р. 1740 † 1821) вышло, въ 4-хъ томахъ, въ Лемгó, въ 1779—1793 годахъ.

[16]) Іоганнъ Ѳеофилъ Буле (Buhle, р. 1763 † 1821), извѣстный профессоръ сначала въ Геттингенѣ, а затѣмъ (съ 1805 по 1810 годъ) въ Московскомъ университетѣ. Его книга „Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben" вышла въ 8-ми томахъ въ Геттингенѣ, въ 1796—1804 годахъ, а „Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften" напечатана тамъ же, въ 6-ти частяхъ, въ 1800—1804 годахъ.

Которыя изъ этихъ книгъ есть въ твоей библіотекѣ, тѣ доставь мнѣ тотчасъ по почтѣ, если въ нихъ не найдешь нужды самъ; а объ остальныхъ потрудись справиться въ книжныхъ лавкахъ; что стоютъ, дай мнѣ знать, деньги пришлю. Если не найдешь оригиналовъ, хотя переводы. Двѣ науки: моральная философія и исторія будутъ идти у меня рядомъ, но послѣдняя только для первой. При нихъ изящная словесность. Письмо мое не забудь показать Дмитріеву: хочу, чтобы онъ зналъ, почему я не доставилъ ему экземпляра. Готчесонъ есть переведенный Лессингомъ [17]). Булева Ист(орія) фил(ософіи), кажется, есть у тебя въ библіотекѣ. Прошу тебя, не замедли и не досадуй на меня за мои разоренія.

Доставь мнѣ копію съ твоего отвѣта Державину.

XXXVI.

(Въ первой трети 1811, Москва).

Рекомендую тебѣ, любезнѣйшій другъ, своего добраго пріятеля и очень добраго человѣка Владимира Сергѣевича Филимонова [1]); онъ долженъ быть и тебѣ самому извѣстенъ, ибо служилъ, кажется, вмѣстѣ съ тобою въ Архивѣ [2]). Онъ никакъ не хотѣлъ быть въ Петербургѣ, не узнавши тебя, и непремѣнно требовалъ, чтобы я тебя съ нимъ познакомилъ. Это письмо пишу только для того, чтобы оно служило ему проводникомъ къ тебѣ; а болѣе писать некогда; давно начато у меня къ тебѣ посланіе [3]), но все еще его не кончу: Москва для меня источникъ лѣни. Прости, любезнѣйшій другъ; обнимаю тебя отъ всей души.

Твой Жуковскій.

Адресъ: Въ Санктпетербургѣ. Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ госпожи Путятиной.—Почтовый штемпель: Москва.

XXXVII.

(Во второй половинѣ Мая 1811, Москва).

Любезный и добрый другъ. На письмо твое не могу теперь отвѣчать обстоятельно: несчастный случай [1]) велитъ мнѣ немедленно ѣхать

---

[17]) Переводъ этотъ, озаглавленный: „Sittenlehre der Vernunft“, вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1756 году.

*

[1]) Владимиръ Сергѣевичъ Филимоновъ (р. 1787 † 1858) былъ довольно извѣстный литераторъ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка. Первые литературные его опыты относятся къ 1804 году. Филимоновъ считалъ Жуковскаго первымъ поощрителемъ своего таланта (см. книгу: Проза и стихи В. Филимонова. Двѣ части. Спб. 1822, ч. II, стр. 125). О Филимоновѣ и его литературной дѣятельности см. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. съ примѣч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. III, стр. 657—658).

[2]) Въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

[3]) См. выше, прим. 6-ое къ письму XXX-му.

*

[1]) Вѣроятно, кончина вдовы А. И. Бунина, Марьи Григорьевны (ур. Безобразовой). († 1811 года 13-го Мая). П. Б.—Ее похоронили въ Мишенскомъ, подъ Бѣлевымъ. За нею вскорѣ скончалась и мать Жуковскаго, Елисавета Дементьевна; но она похоронена въ Москвѣ, въ Дѣвичемъ монастырѣ. П. Б.

въ деревню, въ Бѣлевъ и потомъ въ Орелъ, и на нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ Орла сдѣлаю тебѣ отвѣтъ настоящій; но онъ будетъ содержать въ себѣ тоже, что и мой послѣдній отвѣтъ самому Сергѣю Семеновичу [2]),

---

[2]) Во время свиданія съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года С. С. Уваровъ (бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа) предлагалъ Жуковскому мѣсто въ Педагогическомъ Институтѣ (который уже съ 1805 года правительство имѣло намѣреніе преобразовать въ Спб. Университетъ), по всему вѣроятію, профессора, какъ это видно по слѣдующей выдержкѣ изъ неизданнаго письма Жуковскаго къ Уварову отъ 4-го Мая 1811 года, изъ Москвы: „...Позвольте мнѣ упомянуть о томъ, что вы предлагали мнѣ въ Москвѣ. Предложеніе это почитаю непремѣнно для себя выгоднымъ; но также почитаю необходимымъ объясниться съ вами искренно; можетъ-быть, искренность моя покажется вамъ странною,—такъ и быть! Я совершенно *не готовъ* къ тому званію, на которое вы меня опредѣляете. Мои свѣдѣнія всѣ вообще весьма еще несовершенны и не приведены въ порядокъ. Для того, чтобы ихъ нѣсколько усовершенствовать, нужна свобода; занявшись должностію, для меня важною и по моей *неготовности* весьма для меня трудною, я не буду имѣть возможности исполнить это намѣреніе; одно исключительное занятіе отвлечетъ меня отъ другихъ необходимыхъ для меня занятій, которыхъ я ни за что не хотѣлъ бы оставить. Хотите ли мнѣ сдѣлать истинное добро? Дайте мнѣ время нужное для приготовительнаго, ученическаго труда и между тѣмъ позвольте мнѣ имѣть надежду, что я, по совершеніи своего курса, на который, по крайней мѣрѣ, употребить надобно года два, найду въ васъ вѣрное прибѣжище и что вы тогда не откажитесь доставить мнѣ средства употребить способности мои на общую пользу. Эта надежда меня совершенно успокоитъ; безъ всякой заботы о будущемъ посвящу себя упражненію и стану заранѣе наслаждаться мыслію, что выгодами жизни обязанъ буду тѣмъ людямъ, къ которымъ прилѣпленъ чувствами дружбы. Такая мысль и самый трудъ сдѣлаетъ для меня сладкимъ. Напротивъ, если теперь возьму на себя такую должность, къ которой я совсѣмъ не готовъ, то она будетъ для меня только источникомъ самыхъ непріятныхъ ощущеній: безпрестанно буду воображать себя не на своемъ мѣстѣ, и съ выгодами *состоянія* не получу того, что дѣлаетъ всякое состояніе пріятнымъ, то-есть спокойствія внутренняго и довольства самимъ собою. Однимъ словомъ, прошу отъ васъ только одной надежды, то-есть позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что я въ свое время найду въ васъ нужную мнѣ помощь. Болѣе ничего теперь не требую и не имѣю права требовать. Желалъ бы, еслибы это было возможно, быть теперь просто привязаннымъ къ С.-Петербургскому Университету, не получая никакого жалованья, а только при немъ *считаться*. Также весьма бы желалъ знать заранѣе, къ какой особенной должности надлежитъ мнѣ особенно себя приготовить. Я говорилъ съ вами искренно, ибо говорилъ не съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго ожидаю однѣхъ только выгодъ, но съ человѣкомъ, къ которому хочу быть привязанъ чувствомъ дружбы безъ всякихъ постороннихъ видовъ. Хотя нѣсколько пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ вами въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ на это полнаго права, но ваше давнишнее знакомство съ Тургеневымъ и меня сдѣлало вашимъ давнишнимъ знакомцемъ...“ (Списокъ этого неизданнаго письма, сдѣланный рукою А. И. Тургенева, хранится въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ собраніи бумагъ В. А. Жуковскаго). С. С. Уваровъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 15-го Мая 1811 года (напеч. въ „Русск. Архивѣ“ 1871 года, ст. 0158 — 0160) писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее:

котораго отъ всей души благодарю за его доброе ко мнѣ расположеніе; если онъ сохранитъ его, то я надѣюсь со временемъ имъ воспользоваться. Ты слишкомъ нетерпѣливъ въ дѣланіи мнѣ добра, любезнѣйшій мой другъ; не упускай изъ виду того, что ты со временемъ можешь мнѣ быть полезенъ, но *жди* того времени, въ которое скажу тебѣ самъ: братъ, теперь мнѣ нужна твоя пòмощь. Изъ деревни опишу обстоятельно всѣ причины, принуждающія меня отказаться отъ выгодной должности, мнѣ предлагаемой. Теперь мнѣ совсѣмъ не до того. Прости, мой милой другъ; изъ деревни буду писать и къ Сергѣю Семеновичу. Отказываясь поневолѣ теперь отъ выгоды, я остаюсь съ успокаивающимъ меня увѣреніемъ, что въ васъ двухъ имѣю такихъ людей, которые со временемъ захотятъ подать мнѣ помощь. Прости. Чтò же ни слова объ Ершевѣ? Пиши ко мнѣ въ Бѣлевъ; оттуда уже будутъ присылать ко мнѣ письма очень вѣрно. Я позабылъ поблагодарить тебя за твой прекрасный отвѣтъ Державину: онъ тронулъ меня. Я даже радовался тому случаю, который доставилъ тебѣ способъ за меня такъ прекрасно вступиться и доказать мнѣ передъ всѣми искреннюю твою дружбу. Твой Жуковскій.

Адресъ: Въ Санктпетербургѣ. По Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ домѣ бывшемъ Удѣльнаго Департамента или спросить въ домѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князя Александра Николаевича Голицына.

*

XXXVIII [1]).

1813, 6 Февраля (Бѣлевъ).

Здравствуй, мой милой другъ. Ты удивишься, получивъ мое письмо изъ Бѣлева. Я воротился на свою родину изъ Вильны, бывши свидѣтелемъ единственной въ исторіи войны [2]). Не знаю, останусь ли здѣсь;

„Тургеневу поручилъ я доказать вамъ, что ваше желаніе не согласно ни съ ходомъ вещей, ни съ вашими выгодами, ни съ моими. Я надѣюсь, что онъ васъ убѣдитъ. Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно. Чтó же касается до занятій вашихъ, то не только вы будете имѣть нужное на оныя время, но еще всѣ способы болѣе и болѣе распространять опытность и свѣдѣнія ваши". Перемѣщеніе Жуковскаго на службу въ Петербургъ, какъ извѣстно, не состоялось.

[3]) Свое письмо (отъ 11-го Апрѣля) къ Державину Тургеневъ переслалъ Жуковскому вмѣстѣ съ отвѣтомъ Державина на это письмо, полученнымъ имъ въ тотъ же самый день. Отвѣтъ Державина Тургеневъ снабдилъ примѣчаніями и сдѣлалъ на немъ же небольшую приписку къ Жуковскому, въ которой извѣщалъ его, что просимыхъ имъ (въ концѣ письма XXV) книгъ въ библіотекѣ Тургенева не нашлось. (См. Соч. Державина, т. VI, стр. 849— 50).

*

[1]) Отъ 1812 года не сохранилось писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу; но что таковыя были и за этотъ годъ, видно изъ отвѣтнаго письма Тургенева къ Жуковскому отъ 9-го Февраля 1812 года, напеч. въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, т. I (Спб. 1887), стр. 372.

[2]) Жуковскій 12-го Августа 1812 года вступилъ въ ряды Московскаго ополченія.

не знаю, понесетъ ли меня судьба на Вислу. Между тѣмъ думаю о томъ, какъ бы собрать въ одно цѣлое все, что я до сихъ поръ написалъ [3]). У меня было два списка моихъ стиховъ: одинъ сгорѣлъ въ Москвѣ, другой Богъ знаетъ гдѣ путешествуетъ. У тебя есть еще одинъ, хотя неполной, но за то совсѣмъ исправленный; прошу тебя безъ всякаго замедленія отдать его подателю сего письма господину Ланцу [4]), котораго тебѣ рекомендую. Мнѣ нужно непремѣнно имѣть списокъ, и ты очень меня одолжишь, если не замедлишь присылкою; а я за это (но не иначе) доставлю тебѣ все вновь написанное. Боюсь, чтобы не потерять головы, прежде нежели утверждены будутъ мои *права на безсмертіе.* Во всякомъ случаѣ (!!!) тебѣ поручаю быть издателемъ моихъ твореній. Всего вѣрнѣе, однако, что я останусь тамъ, гдѣ я теперь. Прости, любезнѣйшій другъ. Если будешь мнѣ отвѣчать и пришлешь мой манускриптъ, то получишь отъ меня большое письмо.

Твой Жуковскій.

XXXIX.

9 Апрѣля (1813, Муратово).

Я писалъ къ тебѣ, милой другъ, маленькое письмо съ Ланцомъ, на которое не имѣю отвѣта. Получилъ ли ты его и не сердишься ли на меня за мое молчаніе? Оно можетъ только быть извинено моею истинною къ тебѣ дружбою, которой ничто никогда ослабить въ душѣ моей не можетъ. Она еще увеличилась съ недавняго времени благодарностію. Мнѣ сказывалъ въ Орлѣ Абаза, и потомъ изъ письма твоего къ Ив(ану) Владимировичу [1]), у котораго я былъ въ деревнѣ, узналъ я, что ты посылалъ ко мнѣ въ Вильну курьера [2]). Я былъ боленъ порядочною горячкою и вылежалъ 13 дней въ постелѣ. Слабость заставила меня взять отпускъ, ибо я никакъ не могъ слѣдовать за главною квартирою: путешествіе въ маленькихъ санкахъ и въ сырую весеннюю погоду могло бы возобновить горячку, которая была бы вѣроятно смертельная. Жаль мнѣ, что твой курьеръ не засталъ меня въ Вильнѣ; я потерялъ одно изъ самыхъ чувствительныхъ удовольствій. По крайней мѣрѣ напиши ко мнѣ въ Орелъ. Сколько перемѣнъ во все то время, въ которое ты не получалъ отъ меня извѣстій! Могъ ли бы ты вообразить, чтобы я когда-нибудь очутился во фрунтѣ и въ сраженіи? Происшествія нынѣшняго времени дѣлаютъ все возможнымъ. Впрочемъ, не воображай, чтобы я сколько-нибудь былъ знакомѣе преж-

---

[3]) Первое изданіе Стихотвореній Жуковскаго вышло въ Петербургѣ въ 1815—1816 годахъ.

[4]) Иностранецъ, ѣхавшій изъ Орла въ Петербургъ (см. въ письмѣ XLII).

*

[1]) Жуковскій ѣздилъ къ И. В. Лопухину просить его, чтобы онъ склонилъ Е. А. Протасову согласиться на бракъ его съ ея старшею дочерью.

[2]) А. И. Тургеневъ, чтобы провѣдать о Жуковскомъ, посылалъ въ Вильну курьера, который привезъ извѣстіе, что Жуковскій (не поэтъ, а другое лицо), по выдержаніи въ университетѣ экзамена, уѣхалъ въ армію и произведенъ въ капитаны (см. письмо Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому отъ 4 Февраля 1813 года въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., ст. 254).

няго съ военнымъ ремесломъ. Вся моя военная карьера состоитъ въ томъ, что я прошелъ отъ Москвы до Можайска пѣшкомъ; простоялъ съ толпою Русскихъ крестоносцевъ въ кустахъ въ продолженіе Бородинскаго дѣла, слышалъ свистъ нѣсколькихъ ядеръ и канонаду дьявольскую; потомъ, наскучивъ биваками, перешелъ въ главную квартиру, съ которою по трупамъ завоевателей добрался до Вильны, гдѣ занемогъ, взялъ отпускъ *безсрочный* и теперь остаюсь въ нерѣшимости: ѣхать ли назадъ или остаться? Мнѣ дали чинъ [3]), и *навѣрное* обѣщали Анну на шею, если я пробуду еще мѣсяцъ. Но я предпочелъ этому *возвращеніе*, ибо записался подъ знамена не для чина, не для креста и не по выбору [4]) собственному, а потому, что въ *это время* всякому *должно* было быть военнымъ, даже и не имѣя охоты; а такъ какъ теперь война не внутри, а внѣ Россіи, то почитаю себя въ правѣ сойти съ этой дороги, которая мнѣ противна и на которую могли меня бросить одни только обстоятельства. Не знаю, будешь ли ты согласенъ со мною и оправдаешь ли мой поступокъ? Я желалъ бы узнать искреннее твое мнѣніе. Оно рѣшило бы меня и успокоило: ибо иногда приходитъ мнѣ въ голову, что мнѣ никакъ не для чего *здѣсь* оставаться, хотя я и увѣренъ, что буду *тамъ* совсѣмъ безполезенъ, что потеряю остатокъ своего имѣнія, котораго уже почти половину истратилъ (ибо мой походъ стóитъ мнѣ денегъ!), и что наконецъ потеряю драгоцѣнное время, которое могъ бы употребить съ большею пользою. Однимъ словомъ, прошу тебя сказать мнѣ, чтó ты объ этомъ думаешь. Мнѣніе твое въ этомъ случаѣ будетъ для меня закономъ. Вѣдь ты знаешь, чтò такое другъ:

Онъ наша совѣсть! Онъ для насъ
Второе провидѣнье [5])!

И я это писалъ, думая о тебѣ. A propos. «Пѣвца» ты напечаталъ въ Петербургѣ [6]). Я нѣкоторыя мѣста поправилъ, и жаль, если твой экземпляръ напечатанъ по старому стилю; жаль, если въ этомъ экземплярѣ остался Чичаговъ, котораго я выкинулъ послѣ той проказы, которую онъ съ нами сыгралъ на переходѣ Березиной [7]). При-

---

[3]) Чинъ штабсъ-капитана.

[4]) Это не значитъ однако, чтобы я былъ *выбранъ* отъ дворянства. У насъ въ Орлѣ не было милиціи; я самъ записался въ Московскую. *Примѣч. Жуковскаго.*

[5]) Стихъ взятъ изъ „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ".

[6]) „Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ" первоначально явился въ № 23 и 24 „Вѣстника Европы" 1812 года. Отдѣльное изданіе (первое) „Пѣвца" вышло въ Петербургѣ въ началѣ Февраля 1813 г. (см. „Р. Архивъ 1866 года, ст. 254, письмо А. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому).

[7]) Въ этомъ случаѣ Жуковскій слѣдуетъ тогдашнему общественному мнѣнію, которое неудачу поимки Наполеона при Березинской переправѣ приписывало неспособности или даже измѣнѣ адмирала П. В. Чичагова. Въ печатныхъ изданіяхъ „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ" нѣтъ стиховъ, посвященныхъ Чичагову.

*

шли мнѣ этотъ экземпляръ и все что̀ есть хорошаго на случай нынѣшнихъ побѣдъ. И мнѣ хочется кое-что написать, тѣмъ болѣе, что имѣю на это право, ибо я былъ ихъ предсказателемъ: многія мѣста въ моей пѣсни точно пророческія и сбылись à la lettre. Планъ давно сдѣланъ, но все мѣшаетъ нездоровье и худое расположенье. Напиши ко мнѣ поскорѣе и поболѣе. Твое письмо будетъ для меня вмѣсто энтузіазма. Скоро буду опять писать.

Прошу тебя поспѣшить доставить мнѣ экземпляръ моихъ стиховъ. Я удивляюсь, что по сію пору не имѣю никакого извѣстія отъ Ланца. А мой адресъ по старому: *въ Бѣлевъ*.

XL.

Орелъ, 9 Мая (1813).

Что̀ же ты ко мнѣ не пишешь, любезный другъ! На два письма мои нѣтъ отвѣта. Вотъ третье коротенькое, но очень для меня нужное. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы оказать услугу человѣку, очень достойному твоего вниманія. Здѣсь въ Орлѣ есть плѣнный генералъ Бонамѝ, храброй и благородной человѣкъ. Я видѣлъ его послѣ Можайскаго сраженія, съ десятью или и болѣе ранъ, сдѣланныхъ штыкомъ (изъ коихъ одна преглубокая на груди и отъ которой онъ весьма страдаетъ). Теперь онъ находится въ Орлѣ, откуда велѣно его переслать съ прочими плѣнниками въ Казань. Это путешествіе будетъ для него смертельно: тяжелая рана его погубитъ. Онъ писалъ къ военному министру письмо, въ которомъ проситъ, чтобы ему позволено было остаться въ Орлѣ до поправленія раны. Письмо это послано вмѣстѣ съ моимъ къ тебѣ. И просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы ты, если имѣешь какую-нибудь возможность, выхлопоталъ у министра отвѣтъ благопріятный; если не самъ, то хотя черезъ други(хъ). Очень бы я желалъ, чтобы можно было помочь этому хорошему человѣку, умному и храброму. Будетъ весьма жестоко, если просьба его не уважится. О себѣ скажу, что я очень радъ, что еще отселѣ не уѣхалъ: милиція наша распущена, и мнѣ надобно скидывать мундиръ. Обнимаю тебя. Отвѣчай ради Саваоѳа. Бонамѝ писалъ и къ министру полиціи; слѣдовательно надобно будетъ хлопотать у обоихъ. Письмо его послано двумя или тремя почтами прежде моего.

XLI.

Бѣлевъ, 15 Мая (1813).

Вручитель этого письма, Иванъ Петровичъ баронъ Черкасовъ [1]), былъ очень хорошо знако̀мъ съ твоимъ отцемъ, есть одинъ изъ добрыхъ моихъ пріятелей и достоинъ съ твоей стороны всякаго уваженія. Рекомендую тебѣ его. При первомъ свиданіи прими его какъ любезнаго мнѣ человѣка; а при второмъ, безъ сомнѣнія, примешь его какъ пріятнаго знакомца и для тебя. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по тя-

---

[1]) Сосѣдъ Буниныхъ и Юшковыхъ по имѣнію (с. Володьково, подъ Бѣлевымъ, находилось недалеко отъ Долбина). Между стихотвореніями Жуковскаго встрѣчается нѣсколько, посвященныхъ дѣтямъ барона И. П. Черкасова.

жебному дѣлу. Надобно непремѣнно оказать ему всю ту помощь, какую тебѣ возможно будетъ. Онъ взялъ у меня письмо и къ Дашкову [2]). Постарайся, чтобы ихъ знакомство сдѣлалось у тебя въ домѣ, и убѣди вмѣстѣ со мною Дашкова быть ему помощникомъ. Всякую услугу, ему отъ тебя оказанную, приму за новый знакъ твоей безцѣнной ко мнѣ дружбы. Еще одна просьба. Ему хотѣлось бы помѣстить сына своего въ Петербургскій университетъ или Педагогическій Институтъ. Мнѣ сказывали, что тамъ прекрасно учатъ. Сынъ его рѣдкой молодой человѣкъ, самого прекраснаго характера и большихъ способностей; однимъ словомъ нашъ поддѣвическій [3]). Я желалъ бы, чтобы ты далъ Ив(ану) Петр(овичу) наставленія о помѣщеніи его въ Петербургѣ, а если онъ расположится туда его перевезти, былъ ему и добрымъ пріятелемъ, и покровителемъ у Уварова. Обо всемъ этомъ вы переговорите лучше на словахъ. Прости, безцѣнный другъ. Твой Жуковскій.

Адресъ: Его высокородію милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу, господину директору департамента иностранныхъ исповѣданій, по Фонтанкѣ, близъ Семіоновскаго моста, противъ Михайловскаго замка. Въ С.-Петербургѣ.

XLII.

20 Мая (1813), Бѣлевъ.

Твое письмо, любезнѣйшій мой другъ, тронуло меня до слезъ. Твои хлопоты о бѣдномъ Жуковскомъ были бы ему вмѣсто лѣкарства, когда бы онъ объ нихъ узналъ еще въ Вильнѣ. Вѣроятно, что твой посланный не засталъ уже меня въ этомъ городѣ. Пріѣхавши сюда, я писалъ къ тебѣ съ однимъ иностранцемъ, ѣхавшимъ изъ Орла въ Петербургъ (Ланцемъ). Въ этомъ письмѣ я просилъ тебя, чтобы ты немедленно отдалъ подателю онаго тотъ манускриптъ моихъ стиховъ, который я переслалъ къ тебѣ съ Новосильцовымъ. Но, видно, Ланцъ не успѣлъ еще тебя найти. Итакъ повторяю мою просьбу о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ этого экземпляра. Мнѣ онъ нуженъ, потому что онъ *единственной поправленной*; я хочу сдѣлать для себя списокъ, нужный для изданія въ печать всѣхъ *моихъ твореній*. Прошу тебя поспѣшить исполнить мою просьбу. Очень радъ, что ты находишь хорошими мои стихи [1]); твое-то одобреніе мнѣ и надобно. Благодарю, что ты ихъ напечаталъ, хотя и съ ошибками [2]); но твое дружеское стараніе доставить мнѣ какое-нибудь имя меня восхищаетъ. Я получилъ отъ Ивана Ивановича Дмитріева, письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что Государынѣ *вдовствующей* Императрицѣ угодно сдѣлать

---

[2]) Дмитрію Васильевичу впослѣдствіи министру юстиціи.

[3]) Мѣстность въ Москвѣ: „подъ Дѣвичьемъ“ (монастыремъ).

*

[1]) Т. е. „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“. „Жуковскаго стихи прекрасны, безподобны“, писалъ Тургеневъ о „Пѣвцѣ“ 27 Декабря 1812 года князю П. А. Вяземскому („Р. Архивъ“ 1866 г., ст. 254).

[2]) Ср. замѣчанія на счетъ ошибокъ въ печатномъ изданіи „Пѣвца“, высказанныя И. И. Дмитріевымъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 20 Февраля 1813 года („Р. Архивъ“ 1871 года, ст. 418).

второе изданіе моей пѣсни [3]); я поспѣшилъ переписать эту піесу и доставилъ ее къ И. И., приложивъ къ ней и Посланіе къ Ея Величеству. Но ты пишешь, что Государыня Елисавета Алексѣевна приказала И. И. требовать у меня другаго списка. Это меня удивляетъ. Кто изъ васъ ошибся? Ты или И. И.? Признаюсь, желалъ бы, чтобы ошибка была твоя, ибо мой списокъ уже сдѣланъ и давно отправленъ. Прошу тебя увѣдомить меня о его судьбѣ. Между тѣмъ скажу тебѣ, что все это меня чрезвычайно радуетъ и порядочно щекочетъ мое авторское самолюбіе, которое теперь безпрестанно жужжитъ мнѣ на ухо словами моего добраго друга: *пиши болѣе и скорѣе*. Буду, буду писать. Другаго нечего и дѣлать, ибо ничего другаго не умѣю. Плановъ весьма много, и теперь, когда буря, сдернувшая меня съ моего мирнаго мѣстечка, *для меня* миновалась, буду писать съ бо́льшимъ рвеніемъ. Можетъ быть, осмѣлюсь посвятить нѣсколько стиховъ священному праху нашего спасителя [4]). Какой счастливый и славный конецъ! Онъ привелъ свои войска къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда подняла голову свобода Европы [5]), сказалъ имъ: Спасайте міръ! и улетѣлъ къ Густаву [6]). Дай Богъ, чтобы эта смерть была для насъ пророчествомъ.

Ты зовешь меня въ Петербургъ. Я и самъ, мой милой другъ, ничего такъ не желаю, какъ тебя видѣть. Но теперь невозможно. Я обѣднѣлъ совершенно. Мой походъ сто́итъ мнѣ половины моего капитала, о которомъ однако я не жалѣю. Для путешествія въ Петербургъ нужны деньги. Сверхъ того мнѣ нужно всѣмъ снова запасаться, даже платьемъ, ибо у меня все почти распропало. А въ долги входить опасно. Итакъ я принужденъ отложить мое свиданіе съ тобою до приведенія въ бо́льшее устройство моихъ скудныхъ финансовъ. Ты говоришь, что мнѣ нельзя оставаться въ деревнѣ. По сію пору ничего не могу желать, кромѣ того, чтобы жить въ деревнѣ. Здѣсь буду и могу писать болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Вся моя дѣятельность должна ограничиться авторствомъ, а служба совсѣмъ меня не прельщаетъ. Правда, она мнѣ нужна для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; но пока еще не дошло до этого, то попользуемся свободою и будемъ писать съ вольнымъ духомъ. Желанія мои весьма скромны. Ничего не имѣю въ виду, кромѣ независимости; хочу имѣть столько, чтобы, не думая о завтрашнемъ днѣ, писать, писать и писать. Впрочемъ могутъ случиться такія обстоятельства, которыя заставятъ меня искать пріюта въ службѣ. Тогда ты будешь моимъ прибѣжищемъ. Думая о *томъ*, что́

---

[3]) Дмитріевъ сообщалъ объ этомъ Жуковскому въ письмѣ отъ 20 Февраля 1813 года („Р. Арх.“ 1871 г., ст. 418—419). Жуковскій удостоился получить отъ Императрицы Маріи Өеодоровны рескриптъ и перстень. Второе изданіе „Пѣвца“ было напечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ, изъ которыхъ 290 были предоставлены Государынею въ пользу автора (тамъ же, ст. 421).

[4]) Князя Кутузова-Смоленскаго. Онъ скончался въ г. Бунцлау 16 (28) Апрѣля 1813 г.

[5]) Въ Тридцатилѣтнюю войну.

[6]) Королю Шведскому Густаву - Адольфу († 1632 въ Люценѣ), защитнику свободы Германіи отъ деспотизма Австріи въ Тридцатилѣтнюю войну.

можетъ со мною случиться худого, думаю всегда, что ты мнѣ останешься и что въ тебѣ найду замѣну того, чего, можетъ быть, должно лишиться. Это покажется тебѣ мистическимъ. Объяснимся послѣ. Дорого бы далъ, чтобы съ тобою увидѣться: я такъ давно уже не имѣлъ этого счастія. Но что̀ говорить о счастіи; нельзя сказать, чтобы оно было со мною знакомо. Вѣрно только то, что я имѣю твою дружбу и никогда ея не лишусь. Кстати о дружбѣ. Гдѣ Вяземскій? Какъ и куда къ нему писать? Увѣдомь его о моемъ мѣстопребываніи и пришли мнѣ его адресъ. Онъ былъ послѣдній, котораго я видѣлъ въ Москвѣ.

Слава Витгенштейну! Первый шагъ—побѣда. Съ нимъ Русская слава не погибнетъ! А Коновницынъ раненъ! Храни его Русскій Богъ! [7]) Я этого человѣка обожаю. Воплощенная доброта и храбрость!

Я не на шутку помышляю о собраніи моихъ стихотворныхъ грѣховъ. Какъ скоро доставишь ко мнѣ мой манускриптъ, то сдѣлаю вѣрный списокъ, расположивъ піесы въ надлежащемъ порядкѣ. Этотъ списокъ будетъ къ тебѣ доставленъ; ты отдашь его въ печать и возьмешь на себя корректуру или поручишь ее кому-нибудь аккуратному человѣку (дабы стихи были напечатаны повѣрнѣе *Пѣвца*). Продавъ этотъ манускриптъ, можетъ быть, доставишь мнѣ способъ побывать и въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ планъ моего воздушнаго за̀мка. Постарайся по немъ исполнить.

Прошу тебя сказать мое почтеніе Сергѣю Семеновичу [8]), котораго душевно уважаю и люблю, хотя видѣлся съ нимъ на минуту. Братьевъ твоихъ обнимаю; надѣюсь, что они обо мнѣ не забываютъ. Отвѣчай скорѣе и увѣдомь, что̀ сдѣлалось съ моимъ письмомъ къ Ив. Ив. Дм(итріеву).

Письма адресуй въ Бѣлевъ. Поклонись отъ меня Дашкову.

При семъ прилагаю письмо, писанное двѣ недѣли тому назадъ. Похлопочи о *Бонами* [9]).

XLIII.

(Въ Іюлѣ 1813, с. Мишенское).

Прошу тебя, мой милой другъ, поспѣшить увѣдомить меня о своемъ здоровьѣ. Надѣюсь, что ты уже теперь совсѣмъ оправился; очень обрадуешь, когда ко мнѣ напишешь и когда изъ письма твоего увижу, что болѣзнь твоя совсѣмъ миновалась. Письмо Сергѣя Ив(ановича) меня удивило. Кто тебѣ сказалъ, что мнѣ дана Анна [1])? При-

---

[7]) По смерти князя Кутузова-Смоленскаго главнокомандующимъ нашею арміею былъ назначенъ графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) П. Х. Витгенштейнъ. Первое серьезное сраженіе, которымъ пришлось руководить новому главнокомандующему, произошло 20 Апрѣля (2 Мая) 1813 года при Люценѣ. За это сраженіе, въ которомъ Французы потеряли до 15 тысячъ человѣкъ, Витгенштейнъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. П. П. Коновницынъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ, былъ тяжело раненъ въ томъ же сраженіи.

[8]) Уварову.

[9]) См. выше, письмо XL.

*

[1]) К. Н. Батюшковъ въ письмѣ отъ 30 Іюня 1813 года, изъ Петербурга, писалъ Жуковскому между прочимъ слѣдующее: „Слухъ носится, что тебѣ назначена Анна 2-го

знаюсь, не понимаю, какъ могло это случиться, и по сихъ поръ никакъ этому не вѣрю. Увѣдомь пообстоятельнѣе. Не ошибка ли? Но пуще всего поспѣши увѣдомить о себѣ; право, сердце будетъ не на мѣстѣ до полученія о тебѣ извѣстія. Ты мнѣ дорогъ чрезвычайно, какъ вѣрный и необходимый товарищъ жизни; я часто о тебѣ думаю, и всегда эта мысль меня трогаетъ. Поблагодари отъ меня милаго Сергѣя Ив(ановича) за его письмо, за которое обнимаю его дружески; сердечно бы желалъ васъ всѣхъ троихъ [2]) видѣть и пожить съ вами вмѣстѣ; но пока невозможно. Не теряю однако надежды. О службѣ моей, кажется, могу сказать, что она кончилась; полкъ мой будетъ къ началу Августа въ Москву, гдѣ и распустится. Онъ стоялъ все въ Борисовѣ. Если же ему сказанъ будетъ походъ за границу, то не отставать же. О братѣ Андреѣ [3]) я погрустилъ. Славная, завидная смерть!

Мигомъ нóшу въ прахъ! [4])

Надобно друга и товарища помянуть стихами [5]). Напишу и доставлю къ тебѣ. Прощайте, друзья. Любите вашего брата Жуковскаго.

Ради Бога отвѣчай скорѣе. Да что же! Когда доставишь мнѣ списокъ съ моихъ стиховъ? Право, необходимо нуженъ, и мнѣ очень досадно, что многократная просьба моя осталась тобою забыта. Какъ горохомъ въ стѣну!

XLIV.

2 Сентября (1813, Муратово).

Я получилъ твои два милыя письма, братъ и другъ, и началъ отвѣчать на нихъ стихами: низкая проза ихъ не стóитъ. Думаю, что на будущей почтѣ отправлю къ тебѣ мое посланіе [1]). До тѣхъ поръ довольствуйся молчаніемъ. Теперь пишу для того, чтобы сказать тебѣ, что я получилъ письмо Голицыной [2]), и списокъ моихъ стиховъ, и

класса, и Тургеневъ тебя велѣлъ съ ней поздравить; онъ слышалъ отъ служащихъ при военномъ министрѣ о сей Государевой милости“ (Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 229).

[2]) Т. е. Александра Ивановича Тургенева и его двухъ братьевъ.

[3]) Андреѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ, убитомъ въ сраженіи подъ Гайнау 14 (26) Мая 1813 года.

[4]) Въ „Пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ“ находятся слѣдующіе стихи:

Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ.

[5]) Стихи въ память А. С. Кайсарова до насъ не дошли, а, можетъ быть, и не были вовсе написаны Жуковскимъ. Въ сохранившемся въ его бумагахъ (№ 78, л. 30) перечнѣ задуманныхъ имъ въ 1813 году стихотвореній встрѣчаются заголовки: „На смерть Кутузова (см. письмо XLII). На с(мерть) Кайсарова“.

*

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣется Посланіе къ А. И. Тургеневу, начинающееся словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“

[2]) Княгини Авдотьи Ивановны Голицыной, рожд. Измайловой (р. 1780 † 1850), носившей прозваніе „la princesse Nocturne“. Княгиня А. И. Голицына прислала Жуков-

экземпляры «Пѣвца». На первое буду отвѣчать, какъ случится, прозою или стихами. Списокъ своихъ стиховъ пришлю тебѣ полный для напечатанія, только не знаю когда. Надобно прибавить еще нѣсколько балладъ, чтобы книжка была полнѣе. Баллады мой избранный родъ поэзіи; слѣдовательно, ихъ число должно быть по крайней мѣрѣ 10, ибо и заповѣдей Божіихъ такое же число. «Пѣвца» ты прислалъ ко мнѣ совсѣмъ изуродованнаго, безъ середины—одно начало и конецъ. Это похоже на тебя; но изъ этого слѣдуетъ, что ты долженъ мнѣ прислать 25 экземпляровъ полныхъ и переплетенныхъ. Съ остальными поступай какъ хочешь. Я хотѣлъ было ихъ принести въ даръ вашему

скому свою записку, или „Мнѣніе", о включеніи въ Русскій государственный гербъ знамени съ крестомъ. Оригиналъ „Мнѣнія" былъ писанъ по-французски; къ оригиналу былъ приложенъ и Русскій переводъ. И оригиналъ, и переводъ „Мнѣнія" находятся въ хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ бумагахъ В. А. Жуковскаго. Въ тѣхъ же бумагахъ (въ № 78; см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 155) сохранился слѣдующій неизданный черновой набросокъ отвѣтнаго письма Жуковскаго княгинѣ: „Простите меня, что такъ поздно отвѣчаю на ваше лестное письмо; оно получено было въ моемъ отсутствіи. Возвратясь, я занемогъ, и эта продолжительная болѣзнь была принужденной причиною моего молчанія. Я нѣсколько разъ перечитывалъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ вашъ манускриптъ, который позвольте мнѣ сохранить, и приношу вамъ благодарность за тѣ пріятныя минуты, которыя доставило мнѣ это чтеніе. Нынче время патріотизма. Всякой спѣшитъ положить свою дань на алтарь отечества. Вы принесли прекраснѣйшія чувства души, исполненной благороднаго пламени. Будетъ ли принято ваше предложеніе, или нѣтъ—это зависитъ отъ вышней власти; но ваше намѣреніе, изображенное такимъ прекраснымъ слогомъ, останется навсегда памятникомъ вашихъ чувствъ, драгоцѣннымъ для каждаго Русскаго, привязаннаго къ своему отечеству".

„Многія мысли въ вашемъ „Мнѣніи" разительны своею справедливостью. Nos rêves etc. (*здѣсь должна была идти выдержка изъ „Мнѣнія" кн. Голицыной*). 1812 годъ былъ для насъ важенъ не одними побѣдами; онъ открылъ намъ въ самихъ насъ такія силы, которыхъ, можетъ быть, прежде мы не подозрѣвали. Всего важнѣе для народа уваженіе къ самому себѣ: теперь мы пріобрѣли его. Минутными несчастіями купили мы такое благо, котораго никто у насъ не отыметъ. Ужасное потрясеніе 1812 года вмѣсто того, чтобы насъ сразить, только что насъ пробудило. Патріоты, имѣвшіе довѣренность къ своему отечеству, ободрились; и тѣ немногіе, которые, пользуясь его благотвореніями, были его истинными врагами по своему холодному къ нему презрѣнію, потеряли бодрость и должны молчать. Если Провидѣніе допуститъ совершить начатое дѣло освобожденія Европы, то мы увидимъ Россію на такой степени величія, на какой никогда она еще не стояла".

„Я желалъ (бы), чтобы ваша мысль *включить крестъ въ Русской гербъ* была принята Государемъ: этотъ крестъ, присоединенный къ скипетру, будетъ напоминаніемъ славнѣйшаго происшествія въ нашей исторіи и, конечно, такой памятникъ (какъ вы говорите) нетлѣннѣе всѣхъ тріумфальныхъ воротъ и всѣхъ Австерлицкихъ мостовъ, которые могутъ быть уничтожены временемъ. Присоединеніе креста къ скипетру означитъ великую эпоху, эпоху *возрожденія* нашей силы, эпоху, съ которой можетъ быть, опредѣлено считать намъ истинное бытіе наше. Онъ будетъ эмблемою нашей благодарности къ Промыслу, который чудесно возвеличилъ насъ бѣдствіемъ! И, отдавая его нашему орлу—

благотворительному обществу [3]), но что за даръ! Смѣшно! Лучше продать ихъ просто книгопродавцу, если купить и если у тебя достанетъ заботливости, чтобы взять на себя эту продажу; а деньги пришли мнѣ—вотъ и все тутъ. А мои экземпляры присылай поскорѣе. Хорошо, когда бы на слѣдующей же почтѣ. Что же касается до денегъ, то ты можешь и самъ сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое хочешь. Прости, братъ. Обнимаю твоихъ братьевъ. И стихи на смерть нашего Андрея [4]) будутъ написаны и посвящены тебѣ. Твой Жуковскій.

2 Сентября. Какой день! Я бы желалъ, чтобы его всегда торжествовали. День славной жертвы за свободу и отечество [5]).

XLV.

(Въ послѣдней трети 1813 года, Муратово).

Отдай это письмо Оленину [1]); я благодарю его за виньеты. Да увѣдомь скорѣе меня, Кириловъ и архимандритъ Филаретъ [2]) одна ли

который есть изображеніе Россіи,—мы нѣкоторымъ образомъ ознаменуемъ свою благодарность, ввѣривъ его попеченію отечество, и въ тоже время мы ввѣримъ отечество покровительству той Верховной Силы, которая такъ разительно въ прошедшемъ году за насъ вступилась".

„Вѣроятно, что вы теперь уже получили какой-нибудь отзывъ отъ Государя на ваше предложеніе. Сердечно желаю знать, имѣло ли оно успѣхъ. Вы дали мнѣ право принимать живѣйшее участіе въ томъ, что до васъ касается. Заключу письмо мое благодарностію. Ваши похвалы для меня весьма ободрительны; но то самое живое удовольствіе, которое онѣ мнѣ сдѣлали, невольно возбудило во мнѣ печальную мысль о сиротствѣ нашего языка. Нельзя не признаться, чтобы враги, которые произвели внутри нашего отечества такое опустошеніе, не сильно владычествовали надъ нами своимъ языкомъ и своею словесностію. Бѣдный Русскій писатель, которому одобреніе просвѣщенныхъ и имѣющихъ нѣжный вкусъ судей такъ дорого, почти не имѣетъ доступа къ тѣмъ, которымъ наиболѣе желалъ бы нравиться. Именно ваше любезное письмо произвело во мнѣ это сожалѣніе объ участи нашей словесности, изгнанной изъ лучшаго общества. Но, вступаясь за Русскую поэзію, я долженъ употребить и языкъ ея".

[3]) С.-Петербургскому Женскому Патріотическому Обществу, основанному въ концѣ 1812 года и состоявшему подъ покровительствомъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. А. И. Тургеневъ былъ правителемъ дѣлъ этого Общества.

[4]) А. С. Кайсарова.

[5]) 2 Сентября 1812 года наша армія покинула Москву, и въ нее вступили Французы.

*

[1]) Алексѣю Николаевичу, извѣстному археологу, директору Императ. Публичной Библіотеки и президенту Академіи Художествъ. Имъ, по просьбѣ И. И. Дмитріева, были нарисованы виньетки для втораго изданія „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ" (см. письмо К. Н. Батюшкова къ Жуковскому отъ 30 Іюня 1813 г., въ Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 229).

[2]) Архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), впослѣдствіи Московскій первосвятитель, былъ въ это время ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Кто былъ упоми-

персона? Мнѣ это знать весьма нужно. А для чего, послѣ узнаешь. Писать болѣе некогда. Обнимаю тебя. Пришли экземпляры «Пѣвца», да еще, если есть, рисунокъ памятника, который ты поставить хочешь. На будущей почтѣ получишь письмо къ Голицыной. Смотри же, оправдай меня. Твой Жуковскій.

XLVI.

(Въ срединѣ Марта 1814, Муратово).

Благодарю тебя, милой другъ, за исполненіе моей коммиссіи, и вотъ тебѣ въ благодарность другая, которую постарайся также, если можно, исполнить. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы успокоить бѣдную мать на счетъ ея сына; а эта мать была другомъ моей, изъ чего можешь заключить, какъ желаю исполнить ея требованіе. Сынъ ея въ военной службѣ. Вотъ объ немъ записка: 1807-го года Декабря 23 вступилъ онъ въ ординарцы унтеръ-офицеромъ въ Московской конно-военный полкъ; 1809 Ноября 18 переведенъ въ 19 егерской полкъ юнкеромъ; 1812 Февраля 28 произведенъ прапорщикомъ въ 17 егерскій полкъ, который теперь въ Грузіи, на Персидскихъ границахъ. Имя моего кліента Григорій Ильичъ Астраковъ [1]. Просьба состоитъ въ томъ, чтобы изъ той арміи онъ переведенъ былъ въ здѣшнюю. Нельзя ли этого сдѣлать и какъ сдѣлать? Постарайся, другъ милой. Мнѣ это будетъ большимъ одолженіемъ.

Критика твоя на *горшокъ* кажется мнѣ несправедлива; я не стою за красоту стиховъ своихъ, но здѣсь эта черта характерная—она изображаетъ *обычай* народа; ужъ это одно дѣлаетъ благороднымъ слово горшокъ; сверхъ того оно прикрашено эпитетомъ *братскій*. Напрасно ты не сдѣлалъ бóльшихъ замѣчаній. *Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли*. Это кажется тебѣ прозою? Не знаю—могу ошибиться; но тутъ нѣтъ ни поэзіи, ни прозы [2]). Впрочемъ всякой стихъ, на которой уже сдѣ-

---

наемый въ письмѣ Кирилловъ—мнѣ неизвѣстно.—Е. А. Протасова отказывалась дать свое согласіе на бракъ В. А. Жуковскаго съ Марьею Андреевною Протасовою въ виду ихъ близкаго родства. Жуковскій, для опроверженія доводовъ Е. А. Протасовой, обращался, черезъ своихъ друзей, къ пользовавшимся общимъ уваженіемъ духовнымъ лицамъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе по этому вопросу, въ томъ числѣ и къ архимандриту Филарету.

*

[1]) Астраковымъ стариннымъ Москвичамъ В. А. Жуковскій высылалъ деньги на поддержаніе памятника надъ могилою его матери въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. П. Б.

[2]) Рѣчь идетъ о замѣчаніяхъ А. И. Тургенева на слѣдующее мѣсто Посланія Жуковскаго къ А. Ѳ. Воейкову, написаннаго 29 Января 1814 года:

Тамъ жизнь ихъ (*т. е. Кавказскихъ горцевъ*)—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли.

лано замѣчаніе человѣкомъ, стоющимъ довѣренности, приходитъ для меня въ упадокъ. Читалъ ли ты со вниманіемъ заключеніе этого посланія? Молись, братъ, чтобы въ моей бѣлой книгѣ наполнились страницы [3]). Объ изданіи же моихъ стиховъ не думай. У меня здѣсь всѣ они переписываются въ томъ порядкѣ и форматѣ, который долженъ быть при напечатаніи; этотъ списокъ ты получишь. Прости. Твой Жуковскій.

Обними Воейкова; скажи, что у насъ все здорово [4]), и что я уже написалъ къ нему 5 писемъ. Получилъ ли онъ ихъ? Вотъ какъ вещи мѣняются! Въ то время, когда я писалъ къ тебѣ о профессорствѣ Воейкова [5]), я прибавилъ: отъ этого можетъ зависѣть его счастіе; теперь

---

[3]) Подъ бѣлой книгою, какъ видно изъ конца Посланія и подстрочнаго примѣчанія къ нему Воейкова, Жуковскій разумѣлъ тетрадь, въ которой онъ думалъ писать „Русскую поэму, въ родѣ Виляндова Оберона", т. е. „Владимира". Въ заключеніи Посланія Жуковскій мечтаетъ о возможности счастія съ М. А. Протасовою:

. . . . Молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней (*т. е. бѣлой книгѣ*) наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что̀ мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый *здѣсь*, въ *тотъ* міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный ангелъ вдохновенья...
Но, другъ, быть можетъ... какъ узнать?
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы, и въ знакъ, что жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими ее.... и пожалѣй.

[4]) А. Ѳ. Воейковъ, пріѣхавшій въ Муратово въ концѣ 1813 года и сдѣлавшій въ Мартѣ 1814 года предложеніе Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, которое и было принято, ѣздилъ въ это время въ Петербургъ хлопотать о полученіи мѣста профессора Русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ, которое оставалось свободнымъ послѣ смерти А. С. Кайсарова. Профессорскую каѳедру въ Дерптѣ Воейковъ занималъ съ 1814 по 1820 годъ.

[5]) Это письмо Жуковскаго до насъ не дошло.

*

говорю: ему необходимо для счастія отказаться отъ профессорства. Поэтому и прошу тебя употребить всѣ усилія, чтобы ему не давали каѳедры.

Адресъ: Его высокородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, господину управляющему департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. По Фонтанкѣ, у Семіоновскаго моста, въ домѣ бывшемъ Удѣльнаго Департамента. Въ С.-Петербургѣ. Почтовый штемпель: Болховъ.

XLVII.

24 Марта (1814, Муратово).

Мой милой другъ, я очень много обязанъ тебѣ за скорое исполненіе моей коммиссіи о François [1]). Но еще нѣтъ объ немъ немъ никакого слуху. Освѣдомься, послано ли въ Тамбовъ приказаніе о его перемѣщеніи. Я писалъ къ тебѣ на послѣдней почтѣ объ Астраковѣ. Получилъ ли ты мое письмо? Можно ли (сдѣлать?) что-нибудь по моей просьбѣ? Утѣшь, другъ милой, бѣдную мать, которая съ большимъ горемъ просила меня о своемъ сынѣ. На всякой случай опять повторяю здѣсь, въ чемъ состоитъ просьба: письмо могло, какъ и многія, писанныя мною къ тебѣ и къ Воейкову, пропасть. Вотъ въ чемъ дѣло. Прапорщикъ Григорій Ильичъ Астраковъ, вступившій въ службу 1807 года Декабря 23 ординарцемъ съ чиномъ ундеръ-офицера въ Московскій конновоенный полкъ, переведенный 1809 18 Ноября въ 19 егерской полкъ юнкеромъ, а потомъ 1812 Февраля 28 дня съ чиномъ прапорщика въ 17 егерской полкъ, находится теперь въ Грузіи за Елисаветполемъ. Ему болѣе всего хочется перейти въ здѣшнюю армію; да и полкъ его 17 егерской, кажется, здѣсь же; въ Грузіи одинъ баталіонъ, не болѣе. Нельзя ли этого сдѣлать? Одолжи меня, братъ и другъ, и не замедли увѣдомить, есть ли надежда, чтобы это могло исполниться.

Я просилъ и тебя, и Кавелина [2]) о докторѣ Фріофѣ. Чтó объ немъ слуху?

Наконецъ на закуску еще просьба о докторѣ же. Здѣсь есть въ Орлѣ Гаспари-докторъ [3]). Онъ еще въ прошломъ году представленъ

---

[1]) Объ этомъ Франсуа и о ходатайствѣ у Тамбовскаго губернатора объ его перемѣщеніи упоминается и въ дальнѣйшихъ письмахъ; но изъ нихъ не видно, ни кто такой былъ Франсуа, ни куда онъ долженъ былъ быть перемѣщенъ.

[2]) Дмитрія Александровича Кавелина (р. 1778 † 1851), тоже бывшаго воспитанника Университ. Благороднаго Пансіона. Кавелинъ въ это время занималъ должность директора Медицинскаго Департамента, потомъ былъ директоромъ Главнаго педагогическаго института въ Петербургѣ и благороднаго при немъ пансіона. Жуковскій ввелъ Кавелина и въ „Арзамасъ", гдѣ онъ носилъ прозваніе „Пустынникъ". Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Д. А. Кавелина см. въ статьѣ проф. Д. А. Корсакова: „Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній" („Вѣстникъ Европы" 1886 года, Май, стр. 8—14).

[3]) Объ этомъ именно Гаспари говорится въ Посланіи Жуковскаго къ Д. А. Кавелину, въ печатномъ изданіи сочиненій Жуковскаго; посланіе ошибочно помѣщено подъ 1815

къ Аннѣ 2-го класса. Прилагаю при семъ его письмо объ этомъ предметѣ. Что́ сдѣлано по этому? Люди, съ нимъ въ одно время представленные, получили награжденія; а онъ нѣтъ. Узнай, похлопочи. Меня одолжишь много; а одолжить доктора не бездѣлица: онъ министръ смерти, слѣдовательно защитникъ жизни и часто, что́ бываетъ также по обстоятельствамъ весьма выгодно, ея истребитель. Къ Воейкову не пишу, предполагая, что онъ въ дорогѣ. Онъ бранитъ меня за то, что пишу къ нему мало, а я написалъ уже къ нему шесть писемъ и получилъ отвѣтъ на одно только изъ нихъ. Что́ же дѣлать съ почтою? Теперь у меня готово къ нему письмо, но я его не посылаю, а отдамъ изъ рукъ въ руки. Прости. Обнимаю Кавелина. Самой усердный поклонъ Уварову. Твой Жуковскій.

XLVIII [1]).

(26 Марта 1814, Муратово).

„Nei giorrni tuoi felici
Ricordati di me!“

Въ день счастья вспомнить о тебѣ?
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ, нѣтъ! Мой братъ, мой другъ хранитель!
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! Я *вѣчно* съ нимъ!
Оно мой лучшій утѣшитель!
Во дни печали ты со мной!
И ободряемый тобой,

годомъ (см. Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 468—469), но въ дѣйствительности относится къ 1814 году (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 152)

*

[1]) Это письмо перепечатывается изъ „Русскаго Архива“ 1866 года, ст. 651—652, гдѣ оно издано по подлиннику, сообщенному И. Ѳ. Золотаревымъ, получившимъ его въ подарокъ отъ А. И. Тургенева.—Письмо не имѣетъ даты; но, какъ видно изъ его содержанія, несомнѣнно относится къ 1814 году (какъ это вѣрно замѣчено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года, ст. 789). Въ VI томѣ Сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. подъ редакціею П. А. Ефремова (изд. 7-е, стр. 394) оно ошибочно отнесено къ 1813 году. Мѣсяцъ же и число, когда писано настоящее письмо, точно опредѣляются помѣтою, находящейся въ альбомѣ изъ бумагъ В. А. Жуковскаго при стихотвореніи, которымъ начинается это письмо (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 41). Вслѣдствіе этого и самое стихотвореніе, помѣщенное въ печатномъ изданіи Сочиненій Жуковскаго подъ 1813 годомъ (см. изд. 8-е т. I, стр. 308—309), должно быть перенесено въ 1814 годъ.

Еще я жизнь не презиралъ!
Ты судія избранный мной!...
О! что̀ бы ни было... я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И *гдѣ* любовь не измѣнится,
И *гдѣ* нѣжнѣйшее хранится
Участіе къ судьбѣ моей!
Дождусь иль нѣтъ *счастливыхъ дней*,
О томъ, мой милый братъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ—
Все ты мнѣ геніемъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова
Не измѣняясь, другъ, иди!
Одна мольба: не упреди!

Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои два Итальянскіе стиха, которыхъ всю цѣну и все значеніе понимаю и чувствую. Не думаю однако, чтобы когда-нибудь удалось по нимъ исполнить. Но ты отъ этого ничего не потеряешь. Воейковъ польстилъ мнѣ надеждою, что ты соберешься ко мнѣ. Не вѣрю. То, что̀ я писалъ къ тебѣ въ одномъ изъ моихъ писемъ о неисполненіи по его желанію относительно до профессорства [2]), есть шутка. Но онъ безпокоился, чтобъ ты шутки не принялъ за дѣло. И такъ эта просьба должна быть оставлена безъ вниманія. Не забудь о Гаспари, Астраковѣ и François. Люблю тебя и обнимаю. Твой навсегда Жуковскій.

Мое усердное почтеніе С. С. Уварову. Онъ какъ будто обѣщался мнѣ Англійскихъ книгъ, W. Scott, etc. etc [3]). Нельзя ли ему напомнить? Скоро будетъ отъ меня къ нему цидула. Дашкова обнимаю и буду къ нему писать [4]).

---

[2]) См. въ письмѣ XLVI.

[3]) С. С. Уваровъ въ письмѣ отъ 17 Августа 1813 года писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее: „Я получилъ на дняхъ кипу Англійскихъ книгъ; между прочимъ всѣ поэмы сира Вальтера Скота. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes. Когда я окончу чтеніе ихъ, то къ вамъ препровожу лутчія" („Руссвій Архивъ" 1871 года, ст. 0162).

[4]) За письмомъ Жуковскаго слѣдуетъ приписка А. Ѳ. Воейкова такого содержанія: „Я въ Муратовѣ, я съ Жуковскимъ; достальное можешь добавить воображеніемъ! Ты, считая Жук. новымъ Мессіею, и шутку его можешь почесть за правду; и для того я заставилъ его написать, что его ополченіе противъ профессорства моего была галиматья, бредъ въ горячкѣ, что̀ и Орловской медицынскій факультетъ свидѣтельствуетъ. Прощай, отъ сердца благодарю тебя за золотыя минуты, которыя провелъ съ тобою въ Петербургѣ. Ты мой родной, нашъ родной, нашъ поддѣвиченскій. И въ шумѣ свѣта, и при дворѣ ты уберегъ свое сердце—чистое, доброе, благодѣтельное, полное жара дружества. О, я прекрасно сдѣлалъ, съѣздивши въ Петербургъ. Я тебя видѣлъ, и видѣлъ не такимъ.

XLIX [1]).

(30 Марта 1814, Муратово).

Воейковъ былъ сильно разстроганъ за минуту до того, какъ взялся за перо, чтобы къ тебѣ писать [2]), *мой братъ, мой другъ-хранитель.* Хотя дѣло идетъ и обо мнѣ, но я въ эту минуту похолоднѣе. Вотъ въ чемъ это дѣло. Авд(отья) Ник(олаевна) Арбенева [3]), которую ты долженъ знать, женщина очень умная, но, какъ теперь слишкомъ поздно для меня открылось, болѣе энтузіастъ, нежели чувствительная и добрая, очень любима и уважаема Екатер(иною) Аѳанасьевной, матерью моей доброй Маши. Она имѣла и показывала ко мнѣ большую дружбу, и теперь, вѣроятно, имѣетъ ее [4]). Но чего не уничтожитъ

какимъ представляли тебя люди посторонніе и близорукіе. Я разскажу Жуковскому всѣ твои шалости, всѣ глупости, и не буду за тебя краснѣть. Жаль, что ты поздно началъ бѣситься, а то теперь ты перебѣсился бы, какъ я, и сдѣлался бы смиреннымъ, скупымъ и постояннымъ, какъ твой Воейковъ".

*

[1]) Дата этого письма взята изъ письма А. Ѳ. Воейкова, писаннаго на одномъ листѣ съ письмомъ Жуковскаго.

[2]) Вотъ это письмо Воейкова: „Христосъ Воскресъ! Для меня, и радости воскресли; но Жуковскій, другъ нашъ! онъ несчастливъ. *Монахъ*, можетъ быть пьяный отъ вина и, безъ всякаго сомнѣнія, отъ фанатизма, которое такъ же далёко отъ истиннаго христіанства, какъ порокъ отъ добродѣтели, запугалъ и безъ того робкое воображеніе женщины, имѣющей большое вліяніе на судьбу Жуковскаго. Онъ именемъ Бога любви грозитъ адомъ четѣ добродѣтельнѣйшихъ изъ людей за то, что они пылаютъ любовью непорочною, и холодною рукою хочетъ разорвать союзъ душъ ихъ. Братъ! Неужели въ XIX вѣкѣ и въ царствованіе Александра, и тогда какъ благодѣтельный к(нязь) Голицынъ, какъ ты держите въ ножнахъ священные ножи и не позволяете фанатикамъ лить кровь братій, должны литься слёзы невинныхъ страдальцевъ, и два ангела принесены быть на жертву дьяволу суевѣрія?... Нѣтъ! ты не потерпишь этого, ты поспѣшишь помочь имъ—и зажать пасть крокодилу. Этотъ монахъ—есть іеромонахъ Новоспасскаго Московскаго монастыря Филаретъ. Женщина, которую онъ запугалъ адскими крючками и смолою, - Авдотья Николаевна Арбеньева (ея превосходительство). Брось свое разсѣяніе и лѣность, которая у тебя становится дѣятельностію, когда дѣло идетъ о спасеніи и посторонняго человѣка; здѣсь дѣло идетъ о спасеніи твоего друга. Не медли. Твой Воейковъ полусчастливый. 1814 Марта 30, с. Муратово".—Этотъ іеромонахъ Филаретъ и много позднѣе пользовался большимъ значеніемъ. П. Б.

[3]) Авдотья Николаевна Арбенева приходилась родной племянницею Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой: она была дочь ея сестры Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой.

[4]) Дружескія письма къ ней Жуковскаго и одно ея письмо къ Жуковскому напеч. въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 года, книга первая, стр. 308—319. Письма эти главнымъ образомъ касаются вопроса о предполагавшейся женитьбѣ Жуковскаго на М. А. Протасовой. (Много важныхъ свѣдѣній по тому же вопросу можно найти и въ письмахъ Жуковскаго къ роднымъ, напечатанныхъ покойнымъ его біографомъ К. К. Зейдлицемъ въ

суевѣріе? Я писалъ къ ней, просилъ ее все передѣлать въ мою пользу; она горячо вступилась за насъ обоихъ, и все пошло бы прекрасно, когда бы не замѣшался монахъ [5]). Онъ грозитъ гнѣвомъ Неба и испугалъ ее суевѣрнымъ страхомъ. Теперь видитъ она необходимость *все разрушить*, и вотъ что́ пишетъ къ своей сестрѣ [6])—читай приложенное письмо. По счастію, ей самой сюда быть не можно. Екатер(ина) Аѳан(асьевна) не поѣдетъ въ Москву. Я же написалъ къ Арбеневой такое письмо, которое если не обратитъ ее въ мою сторону, то по крайней мѣрѣ не дастъ ей намъ вредить. И такъ время выиграно. Но ты что́ можешь для меня сдѣлать? Не зная нисколько, до какой обширности простирается твое антифанатическое могущество, ничего не требую. Но вотъ мои мысли. Нельзя ли затащить на нашу сторону Августина [7]) и заставить его внушить Филарету, чтобы онъ и поправилъ испорченное, и успокоилъ тотъ страхъ, который самъ произвелъ? Это было бы всего дѣйствительнѣе. Впрочемъ все оставляю на твою волю. Ты знаешь лучше. Мое счастіе тебѣ дорого. Оно же для меня въ *одномъ*. Потеряю *это*, и все пропало. Можетъ быть, и Досиѳей [8]) со временемъ намъ понадобится. Тогда тебѣ же дѣйствовать. Прости, безцѣнный братъ. Стихи, сочиненные на твои два стиха Италіанскіе [9]) написаны для тебя, и для нея [10]), для *двухъ нераздѣльныхъ въ моемъ сердцѣ*. Твоя бумажка будетъ всегда при мнѣ. Первый день счастія запишу на ней. Христосъ Воскресе!

Не худо ли я объяснился? Тебѣ надобно писать къ Августину, изобразить ему мои обстоятельства, требовать его участія, зацѣпить его самолюбіе и заставить его (не *самого*, ибо отъ этого все дѣло испортится), но чрезъ Филарета, дѣйствовать на умъ Арбеневой. Можешь ли это сдѣлать? Только будь остороженъ. Нельзя ли скрыть мое имя и имя Маши отъ Августина, а назвать въ письмѣ одну только Арбеневу (Авдотья Николаевна)? Если это возможно, то пиши скорѣе. Не говорю: оставь свою лѣнь! Вѣдь дѣло идетъ о счастіи жизни моей.

Еще одна важная замѣтка: въ письмѣ своемъ къ Августину говори съ нимъ искренно и проси его, чтобы онъ скрылъ свое посредство и чтобы строго приказалъ Филарету не открывать того, что онъ

„Русской Старинѣ“ за 1883 годъ). Въ бумагахъ Жуковскаго сохранилось его длинное посланіе къ А. Н. Арбеневой, относящееся къ 1812 году (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 34—36, гдѣ напечатана вторая половина этого Посланія), а также посланіе къ ея сыну, Сашѣ Арбеневу, писанное 27 Января 1814 года (тамъ же, стр. 41).

[5]) Іеромонахъ Московск. Новоспасскаго монастыря Филаретъ (см. приведенное въ прим. 2 письмо Воейкова).

[6]) Марьѣ Николаевнѣ Свѣчиной. Письма̀ А. Н. Арбеневой къ сестрѣ не оказалось въ бумагахъ Жуковскаго.

[7]) Августина (Виноградскаго, † 1819), епископа Дмитровскаго, управлявшаго Московскою митрополіею.

[8]) Досиѳей (Ильинъ), бывшій съ 179[?] по 1817 годъ епископомъ Орловскимъ.

[9]) См. въ письмѣ XLVI.

[10]) Для М. А. Протасовой.

Галичская десятина. „Костромскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Ордино-Николаевскій монастырь. „Церковныя Вѣдомости“ № 9.

Изъ недавней старины. Святочный Новгородъ 35 лѣтъ назадъ. „Нов. Губ. Вѣд.“ № 5.

Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. „Грод. Губ. Вѣд.“ №№ 10—11.

Дѣло о священникѣ Иванѣ Өедоровѣ, разгласившемъ о ложномъ судѣ въ 1712 году. „Курл. Губ. Вѣд.“ № 7.

Родословіе князей Хилковыхъ. „Курл. Губ. Вѣд.“ № 3.

Матеріалы къ исторіи Высочайшихъ проѣздовъ и пребываній въ Курляндской губерніи 1860—76 гг. „Курл. Губ. Вѣд.“ № 11.

Св. Великій Князь Георгій Всеволодовичъ, Владимирскій чудотворецъ. „Влад. Еп. Вѣд.“ № 3.

Расколоучитель Благовѣщенскаго собора діаконъ Өедоръ Ивановъ. „Влад. Еп. Вѣд.“ № 3.

Тверское дворянство XVII вѣка. „Тверскія Губ. Вѣд.“ № 2, 5, 6, 7, 12.

Родоначальникъ Русской Басни. „Тверскія Губ. Вѣд.“ № 5.

Поминки по И. А. Крыловѣ. „Твер. Губ. Вѣд.“ № 8.

Историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской эпархіи. „Арх. Еп. Вѣд.“ въ приложеніяхъ.

Старые синодики Николо-Корельскаго монастыря. „Арх. Епарх. Вѣд.“ № 1, 2.

Мартыновъ П. Эпизодъ изъ жизни сельскаго священника въ 1-й половинѣ XVIII ст. „Тульскія Губ. Вѣд.“ № 27.

И. Ф. П. Изъ прошлаго Полтавы. „Полтавскія Губ. Вѣд.“ № 14.

Св. князь Андрей Боголюбскій. „Владимирскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Матеріалы для исторіи Владимирской эпархіи. „Владимирскія Еп. Вѣд.“ въ приложеніяхъ.

Появленіе Уніатскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ въ 1739 г. „Кіевскія Еп. Вѣд.“ № 2.

Краткій очеркъ исторіи церковно-свѣчнаго вопроса. „Кишеневскія Еп. Вѣд.“ № 1—3.

Историч. очерки церковно-приходскихъ школъ въ Кіевской эпархіи „Кіевскія Епарх. Вѣд.“ № 2, 3.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ" въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1895 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получають ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

**Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.**

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, **подписчики** «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.